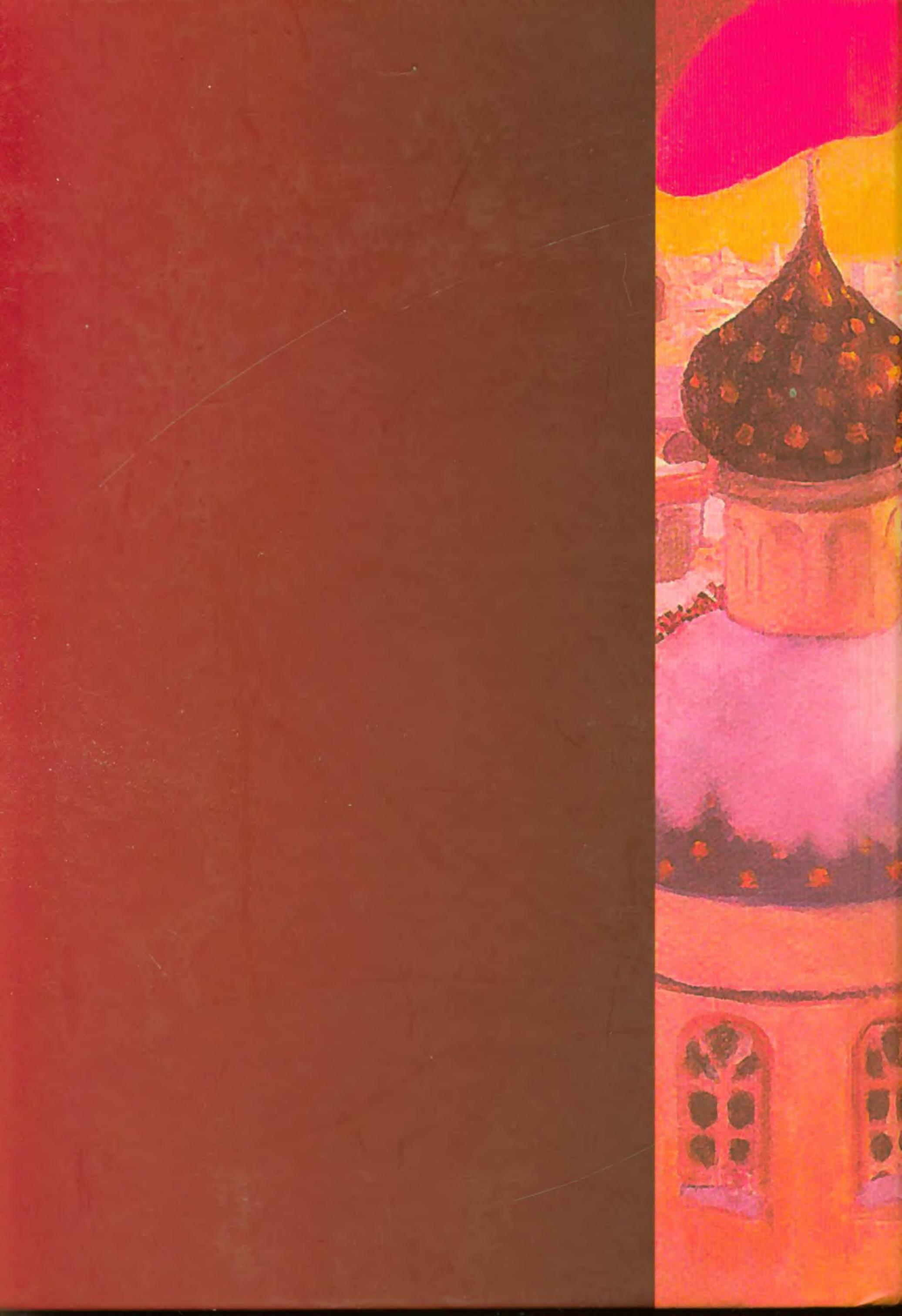

63.3(2)61
K 826

КРИТИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ
РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ:
1914 • 1921

СОСТАВИТЕЛИ
ЭДВАРД АКТОН, УИЛЬЯМ Г. РОЗЕНБЕРГ,
ВЛАДИМИР ЧЕРНЯЕВ

CRITICAL COMPANION
TO THE RUSSIAN REVOLUTION
1914–1921

Edited by

Edward Acton

*Professor of Modern European History
University of East Anglia, Norwich*

Vladimir Iu. Cherniaev

*Senior Research Scholar
St.- Petersburg Institute of History, RAN,*

William G. Rosenberg

*Professor of Modern Russian and Soviet History
University of Michigan*

A member of the Hodder Headline Group
LONDON SYDNEY AUCKLAND

КРИТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: 1914–1921

Составители:

Эдвард Актон

*Профессор новой истории Европы
Университета Восточной Англии, Норуич*

Уильям Г. Розенберг

*Профессор новой истории России и СССР
Мичиганского университета*

Владимир Черняев

*Ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского
института истории Российской Академии наук*

Нестор-История
Санкт-Петербург • 2014

Э. Актон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев.
Критический словарь Русской революции: 1914–1921.
СПб. : Нестор-История, 2014. — 768 с.

ISBN 978-5-4469-0360-3

ISBN 978-5-4469-0360-3

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Нестор-История», 2014

Содержание

<i>Участники словаря</i>	8
Что такое «Критический словарь» и как им пользоваться. Предисловие к русскому изданию. <i>Владимир Черняев</i>	17

I. ВВЕДЕНИЕ

Революция и ее историки: «Критический словарь» в контексте. <i>Эдвард Актон</i>	22
Интерпретируя Русскую революцию. <i>Уильям Г. Розенберг</i>	35

II. РЕВОЛЮЦИЯ КАК СОБЫТИЕ

Россия, Европа и Первая мировая война. <i>Доминик Ливен</i>	52
Февральская революция. <i>Цуоши Хасегава</i>	60
Апрельский кризис. <i>Зива Галили</i>	71
Разложение Императорской Армии в 1917 году. <i>Аллан Уайлдман</i>	78
Октябрьская революция. <i>Александр Рабинович</i>	88
Гражданская война. <i>Ивэн Модсли</i>	98
Иностранная интервенция. <i>Дэвид Фогльсонг</i>	108
X съезд РКП(б) и переход к НЭПу. <i>Сергей Яров</i>	116

III. ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ И ВОПРОС ИХ РОЛИ В СОБЫТИЯХ

Керенский. <i>Борис Колоницкий</i>	128
Ленин. <i>Роберт Сервис</i>	139
Мартов. <i>Израиль Гетцлер</i>	148
Милуков. <i>Реймонд Пирсон</i>	154
Николай II. <i>Доминик Ливен</i>	161
Спиридонова. <i>Александр Рабинович</i>	167
Троцкий. <i>Владимир Черняев</i>	172
Церетели. <i>Зива Галили, Альберт Ненароков</i>	184
Чернов. <i>Майкл Мелансон</i>	192
Белые генералы. <i>Владимир Черняев</i>	198

IV. ПАРТИИ, ДВИЖЕНИЯ, ИДЕОЛОГИИ

Конституционно-демократическая партия (кадеты). <i>Уильям Г. Розенберг</i>	212
Партия социалистов-революционеров (эсеры), 1917–1920 годы. <i>Майкл Мелансон</i>	222
Левые социалисты-революционеры, 1917–1918 годы. <i>Майкл Мелансон</i>	231
Меньшевики в 1917 году: от демократов к государственникам. <i>Зива Галили, Альберт Ненароков</i>	239
Большевистская партия. <i>Роберт Сервис</i>	252
Оппозиция в РКП(б): от Брест-Литовского мира к X съезду. <i>Роберт В. Даниэлс</i>	264
Анархисты. <i>Владимир Черняев</i>	273

V. ИСТОРИЯ ВЕДОМСТВ
И КУЛЬТУРА УЧРЕЖДЕНИЙ

Белые армии. <i>Ивэн Модсли</i>	286
Временное правительство. <i>Говард Уайт</i>	296
Всероссийское Учредительное собрание. <i>Николай Смирнов</i>	307
ВЧК. <i>Алтер Литвин</i>	318
Город и городское управление. <i>Николай Смирнов</i>	326
Красная Армия. <i>Франческо Бенвенути</i>	334
Крестьянская община и сельское управление. <i>Орландо Файджес</i>	346
Крестьянские армии. <i>Орландо Файджес</i>	356
Образование. Школа. Студенческая жизнь. <i>Алексей Марков</i>	365
Печать и революция. <i>Борис Колоницкий</i>	376
Православная Российская Церковь. <i>Михаил Шкаровский</i>	384
Профессиональные союзы. <i>Дайана П. Коенкер</i>	396
Семья, брак и отношения между полами. <i>Элизабет Уотерс</i>	406
Советское государство. <i>Роберт Сервис</i>	416
Советы. <i>Николай Смирнов</i>	426
Старообрядцы и христианские секты. <i>Хэзер Кольман</i>	433
Фабрично-заводские комитеты. <i>Стив Смит</i>	439

VI. СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Аристократия и дворянство. <i>Доминик Ливен</i>	452
Беженцы в Российской империи, 1914–1917 годы (Перемещение населения и социальная идентичность). <i>Питер Гэтрелл</i> ...	461
Женщины и гендерный вопрос. <i>Барбара Эванс Клементс</i>	471
Интеллигенция. <i>Джейн Бурбанк</i>	482
Казаки. <i>Шейн О'Рурк</i>	495
Крестьянство. <i>Орландо Файджес</i>	502
Культурная политика большевиков. <i>Кристофер Рид</i>	512

Офицеры. <i>Питер Кенез</i>	520
Промышленники и революция. <i>Питер Гэтрелл</i>	528
Рабочие. <i>Сергей Яров</i>	540
Роль ритуалов и символов. <i>Ричард Стайтс</i>	551
Солдаты и матросы. <i>Ивэн Модсли</i>	558
Средние слои в 1917 году. <i>Дэниел Орловский</i>	565
Эмиграция. <i>Роберт Уильямс</i>	569

VII. ЭКОНОМИКА И ПРОБЛЕМЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Военный коммунизм. <i>Сильвана Малли</i>	578
Голод 1921 года. <i>Дэвид Ч. Энгерман</i>	589
Проблемы повседневной жизни и быта. <i>Уильям Г. Розенберг</i>	595
Хлебная монополия и трансформация сельского хозяйства. <i>Ларс Т. Ли</i>	605

VIII. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ОБЛАСТНИЧЕСТВО

Национальная политика. <i>Рональд Г. Суни</i>	617
Евреи. <i>Джон Д. Клиер</i>	624
Закавказье. <i>Рональд Г. Суни</i>	637
Прибалтика: Эстония и Латвия. <i>Олави Аренс, Эндрю Эзергайлис</i>	644
Сибирь. <i>Элан Вуд</i>	653
Средняя Азия. <i>Марта Брилл Олкотт</i>	664
Украина. <i>Марк фон Хаген</i>	675
<i>Предметный указатель</i>	686
<i>Именной указатель</i>	
I. <i>Участники событий</i>	695
II. <i>Упомянутые авторы</i>	744

Участники словаря

Эдвард Актон (Edward Acton)

Университет Восточной Англии (Норуич, Великобритания)

Alexander Herzen and the Role of the Intellectual Revolutionary (1979); Rethinking the Russian Revolution (1990); Russia: The Tsarist and Soviet Legacy (1995); ed. with Tom Stableford, The Soviet Union: A Documentary History. Vol. 1: 1917–1940 (2005).

Олави Аренс (Olavi Arens)

Армстронг Атлантик стейт университет (Саванна, США)

The Estonian Maapäev during 1917 // The Baltic States in Peace and War, 1917–1945 / V. Stanley Vardys and Romuald J. Misiunas, eds. (1978); The Estonian Question at Brest-Litovsk // Journal of Baltic Studies. 1994, no. 25.

Франческо Бенвенути (Francesco Benvenuti)

Болонский университет (Болонья, Италия)

The Bolsheviks and the Red Army, 1918–1922 (1988); Reforming the Party: Organization and Structure, 1917–1990 // Perestroika: The Historical Perspective / Catherine Merridale and Christopher Ward, eds. (1991); Industry and Purge in the Donbass // Europe-Asia Studies. 1993, no. 45.

Джейн Бурбанк (Jane Richardson Burbank)

Городской университет Нью-Йорка (Нью-Йорк, США)

Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1921 (1986); Lenin and the Law in Revolutionary Russia // Slavica Review. 1995, no. 54; Were the Russian Intelligenty Organic Intellectuals? // Intellectuals and Public Life / Leon Fink, Stephen T. Leonard and Donald M. Reid, eds. (1996); Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Country Side, 1905–1917 (2004); ed.: Russian Empire: Space, people, power, 1700–1930 (2007); Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004.

Алан Вуд (Alan Wood)

Ланкастерский университет (Ланкастер, Великобритания)

Siberia: Two Historical Perspectives (1984, with John Massey Stewart); ed., Siberia: Problems and Prospects for Regional Development (1987); with Richard A. French, eds., The Development of Siberia: People and Resources (1989); ed., The History of Siberia: People and Resources (1991); Stalin and Stalinism (2005).

Зива Галили (Ziva Galili)

Ратгерский университет штата Нью-Джерси (Нью-Брансуик, США)

The Making of Three Russian Revolutionaries: Voices from the Menshevik Past/ with Leopold Haimson and Richard Wortman, eds. (1987); with Boris Morozov: Exiled to Palestine: The Emigration of Zionist Convicts from the Soviet Union, 1924–1934 (2006); Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993. *Соредактор сб. документов и материалов: Меньшевики в большевистской России 1918–1924: В 3-х т. М., 1999–2004; соавтор сб.: РСДРП(о) в 1917 г.: Документально-исторические очерки. М., 2007.*

Израиль Гетцлер (Israel Getzler, 1920–2012)

Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)

Martov: Political Biography of a Russian Social Democrat (1967); Kronstadt, 1917–1921: The Fate of Soviet Democracy (1983); Nikolai Sukhanov: Chronicler of the Russian Revolution (2002); Мартов: Политическая биография российского социал-демократа. СПб., 1998.

Питер Гэтрелл (Peter Gatrell)

Манчестерский университет (Манчестер, Великобритания)

The Tsarist Economy 1850–1917 (1986); The First World War and War Communism, 1914–1920 // The Soviet Economic Transformation, 1913–1945 / Robert W. Davies, Mark Harrison and Steven G. Wheatcroft, eds. (1993); Government, Industry and Rearmament in Russia, 1900–1914: The Last Argument of Tsarism (1994); A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I (1999); Russia's First World War: A Social and Economic History (2005); Беженцы и проблема пола во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.

Роберт Даниэлс (Robert V. Daniels, 1926–2010)

Вермонтский университет (Берлингтон, США)

The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia (1960); Red October: The Bolshevik Revolution of 1917 (1968); Trotsky, Stalin and Socialism (1991); The End of the Communist Revolution (1993); The Rise and the Fall of Communism in Russia (2007).

Питер Кенез (Peter Kenez)

Калифорнийский университет (Санта-Крус, США)

Civil War in South Russia, 1918: The First Year of the Volunteer Army (1971); Civil War in South Russia, 1919–1920: The Defeat of the Whites (1977); Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929 (1985); Cinema and Soviet Society, 1917–1953 (1992); A History of the Soviet Union from the Beginning to the End (2006); Hungary from the Nazis to the Soviets (2006); Идеология белого движения // Гражданская война в России: Перекресток мнений. М., 1994; Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918. М., 2007.

Барбара Клементс (Ньюмен) (Barbara Evans Clements (Newman))

Акронский университет (Акрон, США)

Bolshevik Feminist: The Life of Aleksandra Kollontai (1979); Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation / with Barbara Alpern Engel and Christine D. Worobec, eds. (1979); Daughters of Revolution: A History of Women in the USSR (1994); Bolshevik Women (1997).

Джон Клиер (John Doyle Klier, 1944–2007)*Университетский колледж (Лондон, Великобритания)*

Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History / with S. Lambroza, eds. (1992); Imperial Russia's Jewish Question, 1855–1881 (1995); О русско-еврейской интеллигенции // Труды по иудаике Петербургского еврейского университета. СПб., 1995. Вып. 3; Великий Октябрь: хорошо для еврея, плохо для евреев // Евреи и русская революция. М.; Иерусалим, 1999; Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М., 2000; «Откуда и куда идем»: изучение дореволюционной истории российского еврейства в Соединенных Штатах в XX в. // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы. М., 2004.

Дайана Кoenкер (Diane P. Koenker)*Иллинойский университет (Урбана-Шампань, США)*

Moscow Workers and the 1917 Revolution (1981); with William G. Rosenberg, Strikes and Revolution in Russia, 1917 (1989); with William G. Rosenberg and R. G. Suny, eds., Party, State, and Society in the Russian Civil War (1989); Republic of Labour. Russian Printers and Soviet Socialism 1918–1930 (2005); Рабочий класс в 1917 г.: социальная и политическая самоидентификация // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; *отв. ред. кн.*: Третья Всероссийская конференция профессиональных союзов, 1917: стенографический отчет (1982).

Борис Иванович Колоницкий*Санкт-Петербургский институт истории РАН, Европейский университет (С.-Петербург, Россия)*

Правозкстремистские силы в марте–октябре 1917 г. // Национальная правая прежде и теперь: Историко-социологические очерки. СПб., 1992; Советы и контроль над печатью (март–октябрь 1917 г.) // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX — начало XX века. СПб., 1994; Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001; Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции. СПб., 2001; with Orlando Figes, Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917 (1999). *Отв. Редактор кн.*: Культурные городов Российской империи на рубеже XIX — XX веков. СПб., 2009.

Хэзер Кольман (Heather J. Coleman)*Университет Альберта (Эдмонтон, Канада)*

Definitions of Heresy: The Fourth Missionary Congress and the Problem of Cultural Power in Russia after 1905 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2004, vol. 52, no. 1; Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929 (2005).

Ларс Ли (Lars Thomas Lih)*(Монреаль, Канада)*

Bread and Authority in Russia, 1914–1921 (1990); The Bolshevik Sowing Committees of 1920: Apotheosis of War Communism (1990); ed., Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936 (1995); Lenin Rediscovered: "What is to Be Done?" in Context (2006).

Доминик Ливен (Dominic Lieven)*Лондонская школа экономики (Лондон, Великобритания)*

Russia and the Origins of the First World War (1983); Russia's Rulers Under the Old Regime (1989); The Aristocracy in Europe, 1815–1914 (1992); Nicolas II, Emperor of All

the Russias (1993); *Empire: The Russian Empire and Its Rivals* (2000); *The Cambridge History of Russia. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917* (2006); *Аристократия в Европе. 1815–1914*. СПб., 2000; *Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада // Российская империя в сравнительной перспективе*. М., 2004; *Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней*. М., 2007.

Алтер Львович Литвин

Казанский университет (Казань, Россия)

Казань: время Гражданской войны. Казань, 1991; Без права на мысль: историки в эпоху Большого террора: очерк судеб. Казань, 1991; Красный и белый террор в России. М., 2004. Науч. ред. сб. документов: Левые эсеры и ВЧК. Казань, 1996; Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Казань, 1997; *Меньшевики в советской России*. Казань, 1998; *Меньшевицкий процесс 1931 г.: В 2-х т.* М., 1999; Борис Савинков на Лубянке. М., 2001; Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина? М., 2003; *Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934)*. Казань, 2009; with J. Keep: *Stalinism: Russian and Western Views at the Turn of the Millenium*. London, 2005.

Сильвана Малли (Silvana Malle)

(Верона, Италия)

The Economic Organization of War Communism, 1918–1921 (1985); *Employment Planning in the Soviet Union: Continuity and Change* (1990).

Алексей Ростиславович Марков (1967–2002)

(С.-Петербург, Россия)

Был ли секс при советской власти? // *Родина*. 1995. № 9; *The Russian student movement from 1905 to 1917 and the French «Red May» of 1968 // International Politics (formerly Coexistence)*. 1996, vol. 33, no. 4; *От враждебности к конформизму. Вокруг конфликтов по призыву студентов в армию (1918–1920 гг.) // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы*. СПб., 2001. № 1 (5); *Реальности «единой семьи»*. Петроградские студенты в 1914–1920 гг. // *Новое литературное обозрение*. 2002. № 57.

Майкл Мелансон (Michael Stanford Melancon)

Обернский университет (Оберн, США)

Stormy Petrels: The Socialist Revolutionaries in Russia's Labor Organizations, 1905–1914 // Carl Beck Papers (1988); *The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti-War Movement, 1914–1917* (1990); *The Left Socialist Revolutionaries and the Bolshevik Uprising // A Prelude to Catastrophe: Revolution, Civil War, and the New Order in the Russian Empire, 1917–1922 / V. Brovkin, ed.* (1996); *New Labor History: Worker Identity and Experience in Russia, 1840–1918* (2002); *Russia in the European Context, 1789–1914: A Member of the Family* (2005); *The Lena Goldfields Massacre and the Crisis of the Late Tsarist State* (2006).

Ивэн Модсли (Evan Mawdsley)

Университет Глазго (Глазго, Великобритания)

The Russian Revolution and the Baltic Fleet (1978); *The Russian Civil War* (1987); *Soldiers and Sailors // Society and Politics in the Russian Revolution* (1992); *The Stalin Years: The Soviet Union, 1929–1953* (2005); *Thunder in the East. The Nazi-Soviet War 1941–1945* (2005).

Альберт Павлович Ненароков

Российский государственный архив социально-политической истории (Москва, Россия)

Восточный фронт, 1918. М., 1969; 1917: Краткая история, фотографии и документы. М., 1987; Маршал Советского Союза А. И. Егоров. М., 1983; К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов в 1917–1924. М., 1991; Последняя эмиграция Павла Аксельрода. М., 2001; *Соавтор кн.: РСДРП(б) в 1917 г.: Документально-исторические очерки.* М., 2007. *Соредактор сб. документов и материалов: Меншевики в 1917 г.: В 3-х т. М., 1994–1997; Меншевики в большевистской России 1918–1924: В 3-х т. М., 1999–2004.*

Марта Олкотт (Martha Brill Olcott)

Фонд Карнеги и Колгейтский университет (Гамильтон, США)

The Soviet Multinational State: Readings and Documents (1990); The Kazakhs (2nd edn., 1995); Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy and Regional Security (1996); Central Asia's Second Chance (2005).

Дэниел Орловский (Daniel T. Orlovsky)

Южный методистский университет (Даллас, США)

The Limits of Reform: The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia, 1802–1881 (1981); Reform during Revolution: Governing the Provinces in 1917 // Reform in Russia and the USSR: Past and Prospects (1989); The Lower Middle Strata in Revolutionary Russia // Civil Society in Late Imperial Russia (1991); The Hidden Class: White-Collar Workers in the Soviet 1920s // Making Workers Soviet: Power, Class and Identities (1994); Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.

Шейн О'Рурк (Shane O'Rourke)

Йоркский университет (Йорк, Великобритания)

Warriors and Peasants: The Contradictions of Cossack Culture 1861–1914 (1994); Women in a Warrior Society: Don Cossack Women 1861–1914 // Women in Russia and Ukraine (1996); Warriors and Peasants: The Don Cossacks in Late Imperial Russia (2000); The Cossacks. Manchester, 2007.

Реймонд Пирсон (Raymond Pearson)

Ольстерский университет (Северная Ирландия, Великобритания)

The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917 (1977); National Minorities in Eastern Europe, 1848–1945 (1983); The Longman Companion to European Nationalism, 1789–1920 (1994).

Александр Рабинович (Alexander Rabinowitch)

Индианский университет (Блумингтон, США)

Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising (1968) (*рус. перевод: Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде.* М., 1992); The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd (1976) (*рус. перевод: Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде.* М., 1989); Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007.

Кристофер Рид (Christopher Read)

Уорвикский университет (Уорвик, Великобритания)

Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia: The «Vekhi» Debate and its Intellectual Background, 1900–1912 (1979); Culture and Power in Revolutionary Russia: The Intelligen-

tsia and the Transition from Tsarism to Communism (1990); From Tsar to Soviets: The Russian People and their Revolution, 1917–1921 (1996); Lenin: A Revolutionary Life (2005).

Уильям Розенберг (William G. Rosenberg)

Мичиганский университет (Анн Арбор, США)

Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921 (1974); ed., Bolshevik Visions: First Phase of the Cultural Revolution in Russia (1984); with Diane P. Koenker, Strikes and Revolution in Russia, 1917 (1989); Создание нового государства в 1917 г.: представления и действительность // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; Формы и способы рабочего протеста в России, 1918–1929 гг. // Трудовые конфликты в советской России, 1918–1929. М., 1998; Labor activism in Piter, 1918–1929: toward a new understanding of the «Proletarian Dictatorship» // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест: Сб. документов. СПб., 2000.

Роберт Сервис (Robert Service)

Колледж Св. Антония (Оксфорд, Великобритания)

The Bolshevik Party in Revolution: A Study in Organizational Change 1917–1923 (1979); The Russian Revolution, 1900–1927 (1986); Lenin: A Political Life, vol. 1, 2, 3 (1985, 1991, 1995); with G. Hosking: Reinterpreting Russia (1999); A History of Modern Russia from Nicolas II to Putin (2003); Russia: Experiment with a People (2003); Stalin. A Biography (2005); Trotsky. A Biography (2009); Ленин. Минск, 2002.

Николай Николаевич Смирнов

Санкт-Петербургский институт истории РАН

(С.-Петербург, Россия)

Третий Всероссийский съезд Советов: история созыва, состав, работа. Л., 1988; На переломе: Российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. СПб., 1994; Российская интеллигенция в годы Первой мировой войны и Революции 1917 г. // Интеллигенция и российское общество в начале XX в. СПб., 1996; Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. *Отв. ред. кн.*: Россия и Первая мировая война. СПб., 2003; Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х гг. СПб., 2003.

Стив Смит (Steve Smith)

Эсекский университет (Колчестер, Великобритания)

Red Petrograd: Revolution in the Factories 1917–1918 (1983); trans. and ed., with Diane P. Koenker, Notes of a Red Guard: The Autobiography of Eduard Dune (1993); Workers against Foremen in Late-Imperial Russia // Making Workers Soviet: Power, Class and Identities / Lewis Siegelbaum and Ronald G. Suny, eds. (1994); Revolution and the People in Russia and China: A Comparative History (2008); Переписывая историю русской революции после краха коммунизма // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. СПб., 1994. Вып. 3; Рабочие, интеллигенция и марксистские партии: Санкт-Петербург 1895–1914 гг. и Шанхай 1921–1927 гг. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861– февраль 1917 г. СПб., 1997.

Ричард Стайтс (Richard Stites, 1931–2010)

Джорджтаунский университет (Вашингтон, США)

The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930, 2nd edn. (1991); Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental

Life in the Russian Revolution (1989); Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900 (1992); Serfdom, Society and the Arts in Imperial Russia: The Pleasure and the Power (2005); Русская революционная культура и ее место в истории культурных революций // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994; Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004.

Рональд Сунь (Ronald Grigor Suny)

Мичиганский университет (Анн Арбор, США)

The Baku Commune, 1917–1918: Class and Nationality in the Russian Revolution (1972); The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union (1993); Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History (1993); The Making of the Georgian Nation (1995); The Cambridge History of Russia. Vol. 3.: The Twentieth Century (2006); Национализм и демократизация в Русской революции 1917 г. // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994; Социал-демократы у власти: меньшевистская Грузия и русская Гражданская война // *Гражданская война в России: перекресток мнений*. М., 1994; Осмысляя Сталина // *Ab Imperio*. 2009. № 1.

Аллан Уайлдман (Allan Kenyon Wildman, 1927–1996)

Университет штата Огайо (Колумбус, США)

The Making of a Worker's Revolution: Russian Social Democracy, 1891–1903 (1967); The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March–April 1917), vol. 1 (1980); The End of the Russian Imperial Army: The Road to Soviet Power and Peace, vol. 2 (1987); Армия и вопрос о легитимности власти в 1917 г. // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994.

Говард Уайт (Howard White)

Батский университет (Бат, Великобритания)

Civil Rights and the Provisional Government // *Civil Rights in Imperial Russia* / Olga Crisp and Linda Edmondson, eds. (1989); The Urban Middle Classes // *Society and Politics in the Russian Revolution* / Robert Service, ed. (1992); 1917 in the Rear Garrisons // *Economy and Society in Russia and the Soviet Union, 1860–1930* (1992).

Роберт Уильямс (Robert Chadwell Williams)

Давидсонский колледж (Давдисон, США)

Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany, 1881–1941 (1972); Artists in Revolution: Portraits of the Russian Avant-Garde, 1905–1925 (1977); The Other Bolsheviks: Lenin and His Critics (1986).

Элизабет Уотерс (Elizabeth Waters)

Лондон (Великобритания)

Female Icons and Anti-Heroines: A Social History of the Soviet Union (1994).

Орландо Файджес (Orlando Figes)

Биркбек колледж Лондонского университета (Лондон, Великобритания)

Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution (1917–1921) (1989); A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924 (1996); with Boris Kolonitskii, Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917 (1999); Natasha's Dance: A Cultural History of Russia (2003); Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917–1918 // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994.

Дэвид Фогльсонг (David Foglesong)

Ратгерский университет штата Нью-Джерси (Нью-Брансуик, США)

Xenophon Kalamatiano: An American Spy in Revolutionary Russia? // *Intelligence and National Security*. 1991, no. 6; A Missouri Democrat in Revolutionary Russia: Ambassador David R. Francis and the American Confrontation with Russian Radicalism in 1917 // *Gateway Heritage*. 1992, no. 12; The United States, Self-Determination, and the Struggle Against Bolshevism in the Eastern Baltic Region, 1918–1920 // *Journal of Baltic Studies*. 1995, no. 26; America's Secret War against Bolshevism: US Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920 (1995); Истоки первого американского крестового похода за «Свободную Россию» // *Россия XXI*. 2002. № 5.

Марк фон Хаген (Mark von Hagen)

Аризонский университет (Темпе, США)

Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930 (1990); Does Ukraine Have a History? // *Slavic Review*. 1995, no. 54; with Karen Barkey, eds., *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building. The Soviet Union and the Russian, Habsburg, and Ottoman Empires* (1997); ed.: *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930* (2007); *War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine 1914–1918* (2007); Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // *Россия и Первая мировая война*. СПб., 1999; История России как история империи: перспективы федералистского подхода // *Российская империя в зарубежной историографии*. М., 2005.

Цуоши Хасегава (Tsuyoshi Hasegawa)

Калифорнийский университет (Санта-Барбара, США)

The February Revolution: Petrograd, 1917 (1981); Crime, Police, and Mob Justice in Petrograd during the Russian Revolution of 1917 // *Religious and Secular Forces in Late Tsarist Russia* (1992); *Racing the Enemy: Stalin, Truman and the Surrender of Japan* (2005); Государственность, общественность и классовость: преступность, полиция и государство во время Русской революции в Петрограде // *Новый мир истории: Форум японских и российских исследователей*. М., 2003.

Владимир Юрьевич Черняев

Санкт-Петербургский институт истории РАН (С.-Петербург, Россия)

Первая мировая война и перспективы демократического преобразования Российской империи // *Россия и Первая мировая война*. СПб., 1999; Гибель думской монархии. Временное правительство и его реформы // *Власть и реформы. От самодержавной к советской России*. М., 2006; Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда // *Нансеновские чтения 2008*. СПб., 2009. *Отв. ред. кн.: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Экономические конфликты и политический протест. Октябрь 1917–1929: Сб. документов*. СПб., 2000; *Зарубежная Россия*. СПб., 2000–2004. Кн. 1–3; *Граф Г. К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941: Воспоминания*. СПб., 2004.

Михаил Витальевич Шкаровский

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (С.-Петербург, Россия)

Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917–1945. СПб., 1995; Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1998; Обновленческое движение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999; *Русская Православная Цер-*

ковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР 1939–1964. М., 2000; Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь М., 2007. В соавторстве с Н. Ю. Черепениной: История Евангелическо-Лютеранской Церкви на Северо-Западе России: 1917–1945. СПб., 2004;.

Эндрю Эзергайлс (Andrew Ezergailis)

Итакский колледж (Итака, США)

The 1917 Revolution in Latvia (1973); The Latvian Impact on the Bolshevik Revolution (1983); The Holocaust in Latvia (1996).

Дэвид Энгерман (David Charles Engerman)

Брендайзский университет (Уолтхем, США)

Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development (2003). В соавторстве с Н. Ш. Цихелашвили: Американская помощь России в 1921–1923 гг.: конфликты и сотрудничество // Американский ежегодник. М., 1995.

Сергей Викторович Яров

Санкт-Петербургский институт истории РАН (С.-Петербург, Россия)

Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда 1917–1923. СПб., 1999; Горожанин как политик: Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999; Крестьянин как политик: Крестьянство Северо-Запада России 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999; Конформизм в советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб., 2006; Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века. СПб., 2009.

Что такое «Критический словарь» и как им пользоваться

Предисловие к русскому изданию

«Критический словарь Русской революции: 1914–1921» — это систематизированный свод аналитических статей, взаимосвязанных и дополняющих друг друга. Он рассчитан как на сквозное прочтение, так и на использование как научно-справочное издание.

Хронологические рамки словаря непривычны. Внимание сосредоточено на событиях, деятелях и реалиях времен с начала Первой мировой войны до окончания Гражданской войны и введения НЭПа. Русская революция стала главной осью событий XX века и эпизодом Первой мировой войны, как и Революции 1918 года в Германии и Австро-Венгрии. Гражданская война порвала пуповину, соединявшую Россию с прошлым, и изначально была войной Октября с Февралем и поэтому частью революции.

Естественен вопрос, почему словарь назван критическим. В запутанном клубке противоречивых взаимоисключающих мнений и суждений о революции, ее предпосылках и последствиях прошлое кажется столь же непредсказуемым, как и будущее. В «Критическом словаре» читатель найдет основные сведения о предпосылках, ходе и результатах революции, разнообразные, порой взаимоисключающие точки зрения и оценки участников событий, современников и историков. В словаре очерчены и критично рассмотрены границы достигнутого уровня знаний и вопросы, которые пока не нашли ответа или требуют дополнительного или нового исследования, и намечены возможные пути научного поиска.

Авторов «Критического словаря» объединяет желание не судить, а понять прошлое, найти и показать так часто ускользающую истину. Русская революция пережила не только взлет бескорыстного героического самопожертвования и всеобщего объединяющего братства, мессианское стремление создать новое, справедливое общество, но также и отречение от ценностей свободы и провал в жестокую Гражданскую войну, «Красный террор», однопартийную диктатуру с жестким контролем над образом мыслей граждан, с испытанием и воспитанием леденящим страхом, с убийством и изгнанием из страны миллионов россиян.

Драматические события Первой мировой войны, Революции 1917 года и Гражданской войны не осмыслить без анализа их экономической подоплеку. Ныне,

когда мировой экономический кризис 2009 года обнажил губительные результаты чрезмерной либерализации экономики и самоустранения из нее государства, полезно обратиться к результатам исследования противоположной крайности, чрезмерного вмешательства государства в экономику в виде политики военного коммунизма 1918–1921 годов с насильственным внедрением военным способом в жизнь идеалов казарменного коммунизма. Итогом стали крестьянские восстания, полыхавшие по всей советской России, чудовищный голод 1921–1922 годов и вынужденное отступление коммунистов к НЭПу. Имели ли вожди РСДРП(б)–РКП(б) ясное понимание куда ведут страну и многострадальный народ, насколько оправдана и прагматична была их политика, раз именно они победили в революции и Гражданской войне.

Представление о Революции 1917 года и Гражданской войне неполно без рассмотрения внешней политики, в частности, роли бывших военных противников и союзников: какие мотивы побуждали их принимать решения и совершать определенные действия в отношении России, вмешиваться в ее военные и политические события.

Ответ на эти и другие вопросы не столь прост и очевиден, как кажется, даже если взглянуть в прошлое в обратной перспективе, когда известно то, о чем знать не могли и чего даже не предвидели участники и очевидцы событий. В статьях «Критического словаря» читатель найдет анализ всех этих проблем и вопросов с разных и неожиданных углов зрения и порою самые непредвиденные выводы, которые внезапно перевертывают устоявшиеся представления.

Словарь содержит восемь тематических разделов. В большинстве их статьи расположены в алфавитном порядке, но в трех от него отошли для удобства сквозного прочтения. Это «Введение», «Революция как событие» (статьи выстроены согласно хронологии событий), «Партии, движения, идеологии» (статьи размещены по политическому спектру — от конституционных демократов до анархистов). К каждой статье приложен список литературы, рекомендуемой желающим узнать больше.

Для облегчения пользования «Критическим словарем», как справочником, в конце его помещены именной и предметный указатели (составитель В. Ю. Черняев).

Именной указатель состоит из двух частей:

- I. Участники событий (с краткими биографическими справками).
- II. Упомянутые авторы.

Даты событий до введения в России 1(14) февраля 1918 года нового (григорианского) календаря даны по старому стилю (юлианскому календарю).

Идея создания «Критического словаря Русской революции» совместно западными и российскими историками родилась в Лондоне. В ноябре 1993 года директор отдела гуманитарной литературы издательства «Эдвард Арнольд (Паблишерс) Лимитед» Кристофер Уилер пригласил профессора Университета Восточной Англии Эдварда Актона и профессора Мичиганского университета в США Уильяма Розенберга возглавить этот проект с западной стороны, а с российской стороны — старшего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук В. Ю. Черняева.

Научное сотрудничество нового поколения отечественных историков с западными коллегами сложилось в ходе регулярного с 1990 года проведения в Санкт-Петербурге коллоквиумов по проблемам истории революции, где главное место занимали дискуссии¹. Инициатор и первый координатор этих коллоквиумов —

выдающийся американский историк меньшевизма, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке Леопольд Самойлович Хаймсон (1927–2010)². Для организации коллоквиумов, преодоления искусственного противостояния западной и отечественной историографии и слияния в единый научный процесс много сил приложили американские профессора Уильям Розенберг, Зива Галили, Дэниел Островский и Реджинальд Зелник (1936–2004), трагически погибший в Беркли, в кампусе своего университета³. Организаторы и участники этих коллоквиумов составили ядро коллектива авторов «Критического словаря».

Впервые издательство «Арнольд» (Лондон — Сидней — Окленд) выпустило в свет «Критический словарь Русской революции: 1914–1921» летом 1997 года. В ту же осень его опубликовало в США издательство Индианского университета в Блумингтоне для распространения на территории Северной Америки. В 2001 году «Критический словарь» переиздан в Лондоне издательством «Арнольд» и в Нью-Йорке издательством Оксфордского университета для распространения в США. «Критический словарь» вызвал в целом положительную оценку в ведущих западных исторических журналах и раздражение у некоторых западных оппонентов.

Русское издание «Критического словаря Русской революции: 1914–1921» по сравнению с зарубежным является исправленным и дополненным. Авторы внесли исправления и уточнения в свои статьи, а некоторые переписали заново с учетом новейших исследований и ранее неизвестных исторических источников. Дополнены списки рекомендуемой литературы. Добавились две статьи: «Старообрядцы и христианские секты» Хэзер Кольман (Канада) и «Голод 1921 года» Дэвида Энгермана (США). «Сведения об авторах» уточнены и дополнены трудами, вышедшими после 1997 года.

На русский язык большинство статей «Критического словаря» перевел сотрудник Санкт-Петербургского института РАН В. И. Мусаев. Часть статей получена из-за рубежа на русском языке. Сочтя неудачным перевод ряда статей, их заново перевели редактор Русско-Балтийского информационного центра «БЛИЦ» Р. Б. Евдокимов (1950–2011) («Интерпретируя Русскую революцию», «Россия, Европа и Первая мировая война», «Разложение Императорской Армии в 1917 году», «Октябрьская революция») и В. Ю. Черняев («Революция и ее историки», «Николай II», раздел VII «Национальные движения и областничество»). Зарубежные авторы внесли уточнения в переводы своих статей. Общую редакцию перевода и исправление написания на русском языке исторических реалий провел В. Ю. Черняев.

Сердечная благодарность Уильяму Розенбергу, Николаю Смирнову и всем другим участникам «Критического словаря» за терпеливую помощь и дружескую поддержку в подготовке русского издания.

Русский том «Критического словаря», к сожалению, не суждено увидеть шестерым его участникам: это автор статьи «Разложение Императорской Армии в 1917 году» Аллан Кенион Уайлдман (1927–1996), профессор Университета штата Огайо (США) и с 1988 года до кончины — редактор американского журнала «The Russian Review»⁴; автор статьи «Образование. Школа. Студенческая жизнь» Алексей Леонидович Марков (1967–2002), докторант Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского университета, безвременно погибший в Санкт-Петербурге⁵; автор статьи «Евреи» Джон Дойл Клиер (1944–2007), американский историк из Канзаса, ставший затем профессором современной еврейской истории на кафедре гебраистики и иудаики Университетского колледжа (Лондон, Великобритания) и соредактором журнала «East European Jewish»⁶; ав-

тор статьи «Роль ритуалов и символов» Ричард Томас Стайтс (1931–2010), профессор Джорджтаунского университета в Вашингтоне; автор статьи «Оппозиция в РКП(б): от Брест-Литовского мира к X съезду» Роберт Винцент Даниэлс (1926–2010), профессор Вермонтского университета, председатель Американской ассоциации развития славистских исследований и лауреат ее премии за выдающийся вклад в развитие славистских исследований; автор статьи «Мартов» Израиль Гетцлер (1920–2012), профессор Еврейского университета в Иерусалиме⁷. Все, кто их знал, навсегда сохраняют о них светлую память.

Сын создателя рабочей Красной Гвардии, писатель Юрий Трифонов в книге о Революции 1917 года провидчески подметил: «А костер шумит, и пылает, и озаряет наши лица, и будет озарять лица наших детей и тех, кто придет вслед за ними»⁸. Для России, которая болезненно пережила установление, деятельность и самоубийство советской системы и ищет иного пути развития, Революция 1917 года все еще близкое прошлое. Память о ней обжигает и вызывает нескончаемый спор: благо она и прорыв в лучшее будущее или катастрофа и возмездие за нерешенные проблемы. Поэтому составители и авторы «Критического словаря Русской революции: 1914–1921» надеются привлечь внимание историков, студентов, учащихся и всех, кому не безразличны прошлое и будущее России.

Владимир Черняев

¹ Доклады и дискуссии этих коллоквиумов см. в кн.: Реформы или Революция? Россия 1861–1917 / Отв. ред. В. С. Дякин. СПб., 1992; Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / Отв. ред. В. Ю. Черняев. СПб., 1994; Рабочие и интеллигенция в России в эпоху реформ и революций: 1861 — февраль 1917 / Отв. ред. С. И. Потолов. СПб., 1997; Россия и Первая мировая война / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 1999; Власть и наука. Ученые и власть. 1880-е — начало 1920-х гг. / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 2003. Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков / Отв. ред. Б. И. Колоницкий. СПб., 2009; Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX — начало XX веков) / Отв. ред. Б. И. Колоницкий, М. Стейнберг. СПб., 2009 (в печати); Человек и личность как предмет исторического исследования: Россия (конец XIX–XX вв.) / Отв. ред. Н. В. Михайлов. СПб., (в печати).

² Колоницкий Б., Розенберг У. Памяти Леопольда Хеймсона (1927–2010) // *Ab Imperio*. 2010. №3. С. 507–514.

³ Зелник Р. Личность, протест, история: Сб. статей. СПб., 2007; Памяти профессора Р. Зелника // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX — начало XX веков). С. 13–16.

⁴ In Memoriam. Allan Wildman // *Russian Review*. 1997, April. Vol. 56, no. 2. P. V–VI. В память Аллана Уайлдмана издательство «Slavica Publishers» Индианского университета выпускает серию книг — «Уайлдмановскую серию» (the Wildman Series), посвященную революционному эксперименту в России.

⁵ In Memoriam. Алексей Марков // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 181–204; Памяти А. Р. Маркова // *Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы*. 2004. № 4. Наука и власть: источники, исследования, рецензии. С. 9–26.

⁶ Материалы памяти профессора Джона Клиера см. в кн.: Еврейская эмиграция из России. 1881–2005. М., 2008. С. 18–19; Проблемы еврейской истории. М., 2008. Ч. 1. С. 11–37.

⁷ Service R. In Memoriam: Israel Getzler // *Revolutionary Russia*. 2012. Vol. 25, № 1. P. 87–89.

⁸ Трифонов Ю. В. Отблеск костра // Собр. соч.: В 4-х т. М., 1987. Т. 4. С. 144

Ч А С Т Ь

I

ВВЕДЕНИЕ

Революция и ее историки

«Критический словарь» в контексте

ЭДВАРД АКТОН

Моделью для данного тома является «Критический словарь Французской революции», изданный Франсуа Фюре и Моной Озуф в память 200-летия 1789 года. Он может служить образчиком. Точно так же, как Французская революция обусловила долгий XIX век в Европе, раскаты Русской революции прогремели по земному шару в XX веке. Подобно французскому предшественнику русский переворот бросил вызов господствующему общественно-политическому строю, придал новую форму международным отношениям и наложил свой отпечаток на людские представления. И он также породил обширную литературу, и полемическую, и научную. Наша цель представить в наиболее доступной и понятной форме лучшие плоды современных исследований по данной теме.

Содержание, цель, участники

Том состоит из самостоятельных статей. Они объединены в семи разделах: Революция как событие; Исторические деятели и вопрос их роли в событиях; Партии, движения, идеологии; История ведомств и культура учреждений; Социальные группы и вопросы общественного сознания и культуры; Экономика и проблемы повседневной жизни; Национальные движения и областничество. Именной указатель содержит дополнительные сведения об участниках событий, упомянутых в томе. Сфера революции столь обширна, что никакие претензии на полный ее охват невозможны. Тем не менее, оглавление тома служит лишь намеком на богатство материала, который наши соавторы вплели в свой анализ. Кроме того, мы стремились рассмотреть круг тем и предметов — от тех, что десятилетиями вызывали споры, до тех, которые лишь ныне стали доступны: от рабочих до беженцев, от событий в Петрограде до событий в Ташкенте, от геополитической обстановки до роли ритуала, от проблем снабжения продовольствием до вопроса личности. Освещение их позволит взглянуть, порою под неожиданным углом, на развернутую картину революции.

В отношении многих заказанных статей нами двигало желание дать место не только сжатому описанию, но и критическому отражению текущего состояния знаний. Этот том задуман как понятный широкому читателю. В то же время в отличие от итогового стандартного справочника или «завершенного» словаря он стремится выявить границы нынешних знаний, вопросы, остающиеся без ответа, задачи для будущих исследований. Каждая статья, взяв за исходную точку сердцевину фактов, предлагает их объяснение и тематическую обработку. Мы поощряли такой же критический и аналитический подход к проблемам периодизации. Том сфокусирован в основном на Первой мировой войне, Революции и Гражданской

войне — 1914–1921 годы. Если некоторые статьи умышленно подробно останавливаются на том, что кажется важнейшими фазами данного периода, то другие обращаются к дореволюционным корням или приближаются к переменам 1920-х годов и позднее.

Коллективный профиль участников тома свидетельствует о всемирном значении этой революции. В отличие от французского прототипа, где, что не удивительно, из 24 участников лишь шестеро не из Франции, наш поиск выводов и размышлений на современном уровне знаний вел по всему земному шару. Участники тома — представители США и Канады, Великобритании и Италии, Австралии и Японии, Израиля и России. Переключка выдающаяся и включает множество исследователей, весьма повлиявших на изучение революции. Число монографий и изданных ими книг исчисляется сотнями, а количество написанных статей во много раз больше. За каждой строкой «Критического словаря» стоят тщательные исторические исследования, старательный сбор доступных источников — архивных и опубликованных, государственных и личных, официальных и нелегальных, литературных и визуальных, военных и гражданских, политических и общественных, экономических и культурных, столичных и провинциальных, русских и нерусских, сохранных в пределах павшей империи и рассеянных вместе с эмиграцией.

Ключевым соображением в решении начать данный проект стала возможность сотрудничества Запада и России. Благодаря нашему третьему составителю Владимиру Черняеву в России подготовлены 15 статей, указатели и готовится русское издание. Этот том служит, таким образом, мостом между исследованиями историков в России и на Западе и, надеемся, поощрит свежие направления мысли. Для российских ученых и студентов он станет проводником и введением в недавние и текущие зарубежные работы. Вне России он привлечет внимание к поколению российских ученых, которые берут на бордаж революцию под громы и бури постсоветской переоценки в России. Поскольку революция сыграла осевую роль в новейшей истории России, интеллектуальная одиссея российских ученых сама является важным элементом этой переоценки. Кроме того, среди них историки высшей квалификации и при условии, если катастрофическое оскудение ресурсов, тревожащее ныне академическую жизнь России, прекратится, то их вклад, несомненно, станет предвестником грядущих свершений. В случае, если через пару десятилетий появится международный проект со сходными с данным томом чертами, тогда соотношение между российскими и нероссийскими участниками, вероятно, сильно качнется в пользу российских.

Впервые увидевший в свет по совпадению к 80-й годовщине Октябрьской революции, «Критический словарь» преподносит извлеченную суть работы, преобразившей за последнюю четверть века способ, которым специалисты рассматривают революцию. В то же время он нацеливает на новые темы и вопросы, заслуживающие исследования и анализа. Необходимость подобного заявления проистекает из двух несопоставимых явлений. Они сошлись в 1990-е годы в одной точке, чтобы придать совершенно новый вид наследию, подготовленному XX веком в завещание новому тысячелетию: крах коммунизма в пору идеологического преобладания на Западе правых, и культурный сдвиг, часто ассоциируемый с более широким по смыслу ярлыком «постмодернизм». Влияние этих явлений на изучение Русской революции отражает форму, в которой полемика вокруг нее развивалась с 1917 года.

Полемика вокруг революции

Никакая иная тема исторического исследования и дискуссии не была так непосредственно обусловлена сознательной политической манипуляцией. Семь десятилетий жесткое и тенденциозное толкование революции ограничивало работу советских историков узкими основными направлениями. Революцию пропагандировали в школе и университете, в кино и названии улиц, памятниках, ритуалах, риторике общественной жизни, и она глубоко врезалась в сознание советского народа. Между тем, на Западе претензии такого толкования побудили историков сосредоточиться на тех же вопросах, опровергая каждое советское утверждение и развивая фактически зеркально-противоположную интерпретацию революции. И вне коммунистического мира это была открыто узкопартийная либеральная западная версия, формирующая общераспространенный образ большевистского «переворота». Окончание Холодной войны и двухполярного мира резко остановило затянувшийся «диалог глухих» и, тем самым, открыло возможность для повестки дня, которая уже не вырабатывалась пылкой приверженностью, рожденной в 1917 году. «Критический словарь» создан, чтобы выдвинуть и огласить эту новую повестку дня и побудить к ее выполнению. В то же время, однако, политический и интеллектуальный контекст развязки полемики Холодной войны, никак не гарантирует того, что обе узкопартийные версии тихо исчезнут в забвении. Поскольку советскую ортодоксальность вынудили умолкнуть, правдоподобие и распространенность ее западного либерального двойника усилились благодаря полному краху давнего противника. «Критический словарь» создан также, чтобы, насколько реально, заставить широкого читателя понять грубые несоответствия и традиционной западной, и ортодоксальной советской точек зрения, которые обнажены недавними исследованиями. Поставленные ключевые вопросы могут быть яснее обрисованы, если очертить основные контуры историографической дискуссии.

Ортодоксальное советское объяснение, как оно окончательно выкристаллизовалось, предназначалось доказать легитимность большевистского строя, возникшего в результате революции. «Великую Октябрьскую социалистическую революцию» изображали как важнейшее событие всемирной истории, которое открыло эру свободы, проложило новый путь, каким предназначено идти всему человечеству. Объяснение обосновывали варевом из набора идей Маркса и Ленина, известным как марксизм-ленинизм. Революция понималась как процесс, управляемый законами истории, наивысшее подтверждение материалистического анализа истории как описания прогресса человечества и его производительных сил. Революция характеризовалась как конечный результат классовой борьбы, вызванной развитым капитализмом, который столкнул как противников буржуазию управляющую средствами производства и пролетариат, классово обреченный осуществить социализм. В самый центр драмы помещалась ленинская «партия нового типа», партия большевиков, напитанная научной теорией революционного марксизма. Эта партия руководила всеми тремя революциями — «генеральной репетицией» 1905–1906 годов, свержением царя в феврале 1917 года и кульминационной победой Октября; эта партия разоблачила ложь и правящего класса, и мнимых «социалистов» — меньшевиков и социалистов-революционеров (эсеров); эта партия по капле влила в авангард пролетариата классовое сознание и настоящее понимание природы капиталистических отношений и революционного процесса; эта партия организовала и ввела в свой кильватер менее передовые, но не менее демократич-

ные и угнетенные слои неравномерно развитого общества, что позволило свергнуть Временное правительство. Так открылась возможность для установления советской демократии и передачи государственной власти в руки рабочих масс, руководимых большевистской (с 1918 года коммунистической) партией. Участие в Первой мировой войне было прекращено, частное землевладение упразднено, промышленность национализирована, право национальных меньшинств на самоопределение признано и фундамент социализма заложен. На пути нового порядка были расставлены сложные препятствия. К разорению, вызванному мировой войной, добавилась разруха Гражданской войны, обусловленной поддержкой зарубежными капиталистами и их правительствами жестоких контрреволюционных попыток классов, терпевших поражение в России. Однако партия сплотила рабочие массы на защиту революции, мобилизовала пролетариат и крестьянство в Красную Армию, снарядила и снабдила её, несмотря на экономический хаос, и изгнала Белую Армию из России. Так, под мудрым руководством Ленина, основываясь на полном понимании научной марксистской теории, укрепили советскую власть и заложили основы построения первого социалистического общества.

Ортодоксальная советская точка зрения со временем развивалась и изменялась. Наиболее косной она стала и достигла вершин абсурда при Сталине. После его смерти смелые историки, включая Э. Н. Бурджалова и П. В. Волобуева, существенно отклонились от линии партии. Более поздний советский период увидел многочисленные работы специалистов, опирающиеся на постепенное расширение архивной основы исследований. Некоторые советские историки ухитрились опубликовать новаторские работы, например В. И. Старцев — о политике верхов, которые уводили с «трамвайных линий» марксизма-ленинизма. И с каждым новым авторитетным обобщением ортодоксальное описание становилось детальнее, со все более тонкими нюансами, но до конца сохраняло свои основные черты.

Марксизм-ленинизм не только непосредственно формировал советскую историографию, но и обусловил дискуссию за рубежом. И это не потому, что с ним соглашались за пределами СССР. Далеко не так. Однако верные марксизму-ленинизму историки несли ответственность за отбор большинства архивных материалов, ставших доступными, публиковали множество исследований, и на основе марксистско-ленинской интерпретации революции предлагали взгляд на всемирную историю, который бросал вызов господствовавшему на Западе точкам зрения. Западные историки энергично отвечали на советские утверждения, вскрывая ошибки советской точки зрения, и излагали диаметрально противоположное мнение. Далеко отходя от истины, они доказывали, что революция — это результат цепи ужасных случайностей. Царем мог стать мудрый и способный государственный деятель, а не политический простака, зависимый от жены. Первая мировая война могла не возникнуть в столь щекотливый момент процесса модернизации России и, таким образом, события приняли бы совсем иной оборот и не вовлекли страну в ужасный общественный и экономический беспорядок. Временное правительство, которое пришло к власти в марте, могли возглавлять не такие некомпетентные идеалисты, наивные либеральные политики. Оно могло бы вести Россию по демократическому пути, если бы догматичные вожди меньшевиков и эсеров его искренне поддержали, а не фатально подкапывались под него. Эти узколобые идеологи согласились создать коалицию с либералами и, тем не менее, продолжали поносить войну, нападали на принцип частной собственности и подрывали власть офицеров, хозяев и правительства. И ход этой истории мог быть совсем иным, если бы не безжалостная жажда власти

самой экстремистской части революционной интеллигенции: если бы большевики не манипулировали простыми людьми и не промывали мозги, проповедуя свои иллюзии классовой войны, советской власти и социализма, и не решились бы свергнуть законное правительство путем заговора и силы.

Поэтому, согласно этому мнению, именно жестокость и превосходная организация позволили власти большевиков выжить после Октября. Эта власть столкнулась с массовой народной оппозицией, немедленно проявленной в ошеломительном поражении большевиков на выборах в Учредительное Собрание в ноябре–декабре 1917 года; как неглубоки ее корни в народе показали масштаб и размах Гражданской войны — иностранная интервенция играла явно периферийную роль. Благодаря разногласиям и недостаткам военного снабжения, от которых страдали и белые, большевистский режим одержал кровавую победу в Гражданской войне. Авторитарная природа большевизма светила из каждой черты нового порядка — подавление свободы слова, насильственное уничтожение всех оппозиций, навязывание однопартийной системы, фанатичная, обусловленная идеологией решимость заменить рынок и частное предпринимательство централизованным контролем и планированием всей экономики. Именно эта мечта вдохновляла «военный коммунизм», а когда в 1921 году большевикам пришлось уступить народному давлению и принять Новую экономическую политику (НЭП), то ее рассматривали не более как временную остановку, прежде чем их миссия продолжится. Политика террора и кровопролития, сопровождавшая сталинские пятилетки, коллективизацию и ускоренную индустриализацию, являлась непосредственным результатом и завершением преступления Октября.

Однако с 1960-х и начала 1970-х годов несогласие нескольких известных первопроходцев с этой главной линией западной интерпретации вызвало появление значительной новой историографической волны. Эти более молодые историки, хотя порою их скопом унизительно характеризовали как «ревизионистов», на самом деле не связаны ни общей философией истории, ни единодушием в каждой грани своего несогласия. Чем различались они, так, скорее, своею готовностью исследовать, критиковать и, где необходимо, отвергать традиционную точку зрения; своим признанием до какой степени она внушена скорее ненавистью Холодной войны ко всему «левому» — особенно к советскому строю — чем историческим анализом; своею решимостью подвергнуть испытующему взгляду извлеченную мудрость революции, своим доверием общественным точкам зрения и количественным методам, уже широко применяемым в менее восприимчивых областях, и своим использованием источников, до сих пор едва освоенных. Они предприняли подробный пересмотр традиционных представлений об экономике императорской России. Они глубже изучали структуру и процесс принятия решений — как во внешних, так и во внутренних делах — царского и Временного правительств, изменения социальной структуры, внутренние споры и разногласия, организационные силы и слабости, также как процесс формирования политики основных политических партий — октябристов, кадетов, умеренных социалистов и большевиков. И, отражая растущее влияние социальной истории на Западе, типичный пример которой работы Э. П. Томпсона и Школы Анналов во Франции, они начали вглядываться «снизу» в революцию, сдвигать центр внимания с Николая II, Керенского и Ленина, и вместо этого всматриваться в опыт и чаяния рабочих, солдат и крестьян. Тем самым они бросили вызов в равной мере советским и традиционным западным точкам зрения.

Результатом стал вывод на передний план социальной поляризации царской России и подчеркивание роли объективных процессов в радикализации масс и разрушении поочередно царизма, русского либерализма и умеренных социалистических партий. Поток свежих исследований ярко осветил путь, которым опыт низших классов — произвол и земельный голод, от которого страдали крестьяне, пренебрежительное обращение офицеров и жестокие условия, от которых страдали солдаты, и грубые, авторитарные фабричные порядки, от которых страдали рабочие — заставлял их стать еще радикальнее и опаснее для существующего положения. Особое значение придавалось постепенному распространению грамотности, расширению горизонтов, росту чувства достоинства у низших классов, и тому, как это подталкивало их восстать против угнетения, беззащитности, унижения со стороны привилегированного общества. Наибольшее внимание уделяли рабочим, серии исследований показывали, как отсутствие гражданских прав и прав у профсоюзов вынуждало рабочих не раз вступать в столкновение с государством и как распространялось осознание того, что существенно улучшить свою жизнь они смогут только путем политических перемен. Поэтому результатом работы этого нового поколения должно было стать разоблачение несоответствия традиционного на Западе подчеркивания случайности, слабого руководства царя, либералов и умеренных социалистов и неправдоподобного толкования политики как автономной в революционной ситуации. По той же причине результатом стали демифологизация и снижение до минимума значения революционной интеллигенции — и, тем самым, урезание величины той роли, которую советские «жития святых» приписали партии большевиков. Сравнительное исследование привлекло внимание к тому факту, что интеллектуалы-экстремисты — проповедники классовой войны, революции и социализма, были тогда и на Западе. Но там эти идеи не завоевали сильной народной поддержки. В России случилось так не из-за блестящих способностей, или силы воли, или жестокости, или лжи интеллигенции. Произошло это, поскольку интеллигенция выражала те самые чаяния, к которым рабочих и крестьян вёл их собственный опыт.

Вывод этой работы состоял в том, что скорее народная поддержка, чем превосходная организация или тактический гений, позволила Ленину и его соратникам прийти к власти. Более того, успех большевизма в 1917 году отражал не столько централизацию, сплоченность и дисциплину их партии, сколько её сравнительно открытую, гибкую и демократичную структуру. Не выдержало строго испытующего взгляда и традиционное для Запада утверждение, будто в составе партии преобладали радикальные интеллектуалы: в 1917 году огромное большинство ее членов составляли городские рабочие и солдаты. И их переход к большевикам это не результат промывания мозгов и заражения охмуряющей пропагандой большевиков, а часть массивного сдвига влево, ясно отмеченного даже теми, кто продолжал поддерживать меньшевиков и эсеров. Октябрьский захват власти также не являлся отдельным удачным ходом наперекор естественному развитию страны. Процесс передачи власти от учрежденных органов местного управления, которым покровительствовало Временное правительство, в руки комитетов и Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов во многих регионах начался далеко задолго до Октябрьского восстания в Петрограде. И выборы в Учредительное собрание могли быть объяснены как убедительное народное отрицание Октября, только если по-прежнему считать левых эсеров, как долго делалось, незначительной величиной: если бы выборный процесс позволял крестьянам различать эсеров с возникшей партией левых эсеров, то, вероятно, она в союзе с большевиками

обеспечила бы депутатское большинство, готовое одобрить Октябрь. Кроме того, более тщательное изучение большевиков обнаружило конкурирующие течения и разнообразие планов внутри «большевизма» и то, как экономический и военный кошмар послеоктябрьского периода вызвал преобладание тех течений, которые вели к политике «военного коммунизма». В противоположность советской и традиционной западной историографии теперь особенно четко показаны главные элементы разрыва преемственности между Октябрем и режимом, возникшим из Гражданской войны, и коренное влияние этого катаклизма на партию, её членов и её преобладающие черты. Равно разоблачителен свет, пролитый на процесс, которым низшие классы — чья сила в 1917 году казалась неодолимой, когда они смели привычные власть, иерархию и отношения собственности, свергли старую монархию и выбили почву из-под ног Временного правительства — были ослаблены во время Гражданской войны. Рабочие и крестьяне оказались неспособны предотвратить возникновение сильно централизованного, бюрократизированного и авторитарного режима поскольку после 1917 года они были разъединены, распылены и экономически разорены, опасались упразднения белыми социального переворота 1917 года, не имели слоя грамотных, честолюбивых, напористых людей, способных служить новому государству, и, как предположила дискуссия в «*Slavic Review*», распалось их коллективное сознание.

К концу 1980-х годов работу этих историков, вскрывших недостатки советской и традиционной западной интерпретации, одобряло большинство западных специалистов, и она вызвала рост сочувствия, хотя и ограниченного, в рецензиях наиболее искренних советских ученых. Хотя они не основали единой научной школы и имели многочисленные различия в акцентах, они заложили фундамент для большого нового синтеза, колеблющегося в пределах от пересмотра концепции противоречия между капитализмом и самодержавием Тимом Макдэниелом (1988) до панорамного и богато окрашенного повествования Орландо Файджеса (1996). Все проблемы никоим образом не были разрешены: повторяющаяся время от времени критика из уст выдающихся личностей, содействовавших потоку новаторских работ в 1970-е и 1980-е годы, указывала, что при всем новом свете, пролитом на революцию благодаря взгляду «снизу», взаимодействие между организованной политической активностью и социальным опытом масс, осталось недостаточно понято. Тем не менее, защитники традиционного западного взгляда были отброшены в сторону, сократились до стареющего меньшинства и, казалось, попали в опасное положение утраты всех своих доводов. Наряду с многочисленным анализом, основанном на Петрограде, появились исследования хода революции в Москве и Саратове, в Баку и Латвии. И в общих чертах выводы работали в каждом случае против привычной западной интерпретации: для понимания Октябрьской революции важно осознать, что политические, социальные и экономические условия Российской империи вызвали массовые недовольство и устремления, сдержатъ которые царскому режиму было все труднее; что Первая мировая война и период Временного правительства склоняли рабочих, крестьян и солдат ко все более и более глубокому отрицанию старого порядка; что большевики так удачно озвучили чаяния масс, именно поэтому их партия обрела поддержку и так легко взяла власть в Октябре; что большевизм включал в себя множество соперничающих идеологических течений, но в ответ на экономическое бедствие и Гражданскую войну новый режим быстро утратил демократические черты и народную опору и становился все более милитаризованным и бруталным.

Крушение марксизма-ленинизма и возрождение правых

С 1980-х годов, однако, произошел драматичный поворот в историографической борьбе вокруг революции. Рамки, в которых шёл спор, обрели новую форму, с одной стороны допустив необычайное возрождение традиционного западного взгляда, с другой — ломая ограничения, порожденные полемикой Холодной войны и открывая простор для свежих подходов.

Прежде всего, крушение КПСС и СССР разрушили ортодоксальную советскую оценку революции. Ее движущей силой была компартия; ее интеллектуальная согласованность зависела от представления, что партия ведет советский народ по пути, необратимо связанному с социализмом и конечной утопией коммунизма. Когда в партии окончательно наступил беспорядок, Горбачев распустил ее руководство и Ельцин запретил в целом организацию, неожиданно пропала возможность рассматривать победу большевиков как начало новой социалистической эпохи мировой истории. С точки зрения историографии результат был весьма раскрепощающий. Отлитая 80 лет назад матрица — освященная временем парадигма советский/антисоветский, наконец, была разрушена. Новое поколение советских историков обрело свободу. И двери архивов, наконец, распахнулись. Открылась возможность сосредоточить внимание на гранях революции, которыми долго пренебрегали, толковали почти языком лозунгов или, в лучшем случае, отодвигали на периферию. Вскоре, однако, едва ли менее удивил стимул приверженцев традиционного западного взгляда. Вскоре они увидели, что старый враг повержен в прах и советская ортодоксальность отвергнута в собственной стране. Неизбежно казалось, будто это оправдывает тех, кто наиболее воинственно и, не терпя возражений, осуждал любой вывод, подтверждаемый марксизмом-ленинизмом. В отношении историков революции это подразумевало скорее приверженцев традиционного западного взгляда, нежели тех, кто считал этот взгляд ошибочным.

Советский крах повлиял на весь мир, но главный удар пришелся по бывшему СССР и самой России. Там это вызвало яростный отказ от всего советского — символы, памятники, терминология, романы, кинофильмы, учебники, сам язык советской эры отвергли и презирали. Устранение злого духа марксизма-ленинизма открыло возможность культурному возрождению и идеологическому плюрализму. Однако энергия исходного отрицания вызвала, по крайней мере, при Егоре Гайдаре, сильное идеологическое качание вправо, скачок через социал-демократические ценности к голому капитализму. В эти годы в историографии радужнее всего принимали не ревизионистские идеи, а чистокровные традиционные западные интерпретации, переводы мемуаров либералов и правых деятелей. Наибольшее сочувствие встречали не коммунистические критики Сталина, вроде Н. И. Бухарина, не вожди умеренных социалистов 1917 года И. Г. Церетели и В. М. Чернов и даже не А. Ф. Керенский, а вождь правого крыла либералов П. Н. Милюков, энергичный царский министр П. А. Столыпин и даже Николай II, чью церковную канонизацию сразу начали готовить. Здесь крайностью стало возвращение к причудливым теориям заговоров для объяснения Октября, включая новые наглые попытки реабилитировать давно осрамленную антисемитскую фальшивку «Протоколы сионских мудрецов».

Между тем, распад СССР совпал с резко акцентированным периодом господствующего влияния на Западе политиков и интеллектуалов правого крыла, ограниченным временем правительств Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер. Идеи коллективного действия, коллективного контроля, коллективной собственности и государственного вмешательства оказались в полномасштабном отступлении перед триумфальным маршем проповедников свободного рынка и собственнического индивидуализма. И казалось, невозможна более яркая демонстрация предполагаемого превосходства рынка над планированием и индивидуализма над коллективизмом, чем взрыв советского проекта именно в это время. Этот результат на языке дискуссии историков должен был подчеркнуть качание вправо, вернуть уверенность и правдоподобие традиционным западным подходам.

Настроение было точно схвачено, когда, верно рассчитав время, давний американский старейшина изучения русской истории с правых позиций, Ричард Пайпс, профессор истории Гарвардского университета, опубликовал в 1990 году новое тысячестраничное исследование о Русской революции. В сущности Пайпс игнорировал работу целого поколения исследователей социальной истории и самоуверенно повторил объяснения, неправдоподобность которых показана в работах этого поколения. И если в научных журналах рецензии в ключья разорвали эту книгу, влиятельная пресса приняла ее с энтузиазмом и широко приветствовала, как несомненный шедевр. Для интеллектуального климата стал показателем выбор норвежским Нобелевским институтом в 1993 году Пайпса для чтения престижной серии годовых лекций на темы, относящиеся к работе института, как секретариата по награждению Нобелевской премией мира, и впоследствии публикация его размышлений всемирно известным университетским издательством. Свою версию революции Пайпс использовал для провозглашения окончательного провала всего проекта эпохи Просвещения. Излучая консервативное ликование, он открыл свои лекции прелестным наблюдением Макьявелли: «Тот, кто отказывается от сделанного ради того, что должно быть сделано, скорее научится вызвать свой собственный крах». Крестьяне, провозгласил он, «не считали «свободу» обладающей ценностью»; рабочие в его изображении — дикая толпа, создающая «эту характерную русскую атмосферу всеобщего бесцельного насилия — стремления бить и разрушать», которой, как стадом, манипулируют социалистические вожди; большинство большевиков 1917–1918 годов всю жизнь были только профессиональными революционерами; авторитет Ленина был настолько велик, что его последователи «никогда не предпринимали ничего без его личного одобрения». Революция, заявлял Пайпс, стала результатом не совершенно невыносимых условий, а весьма противоречивых отношений... Скорее отношения, чем учреждения или «объективные» экономические и общественные реальности, определяют политический курс.

Каждое утверждение бросало вызов самому подробному и дотошному научному исследованию; нарисованная картина выглядит явной карикатурой на социальную драму огромного значения, которую постепенно восстанавливают ее исследования. Поскольку СССР распался в то время, когда на Западе правые были на подъеме, создалось впечатление, что выводы лучших научных исследований последних десятилетий замалчивались, чтобы обеспечить на Востоке и Западе единодушное восприятие революции, основанное на воскрешении старых мифов.

Влияние постмодернизма

Как и распад СССР, многогранный интеллектуальный сдвиг конца XX века, отождествленный с термином «постмодернизм», оказал двойственное влияние на изучение революции. С одной стороны, некоторые отражения этого сдвига сыграли главную роль в формировании новой программы научных исследований. Нынешний акцент на вопросы культуры и дискурса, в частности, обострил интерес историков к вопросам, долго считавшимся не связанными с научными проблемами. Он помог им пересмотреть свой концептуальный аппарат, осознать и высветить догадки и слепые предположения — о ценностях, процессах или отношениях, о прогрессе, модернизации или гендере — глубоко вошедшие в аналитический язык, который они сами используют. Не менее важно, что он помог ещё осторожнее идти вперёд сложными путями, где различные дискурсы изучаемых ими исторических объектов влияют на то, как эти объекты понимались и воздействовали на мир. Более того, именно самые интеллектуально предприимчивые историки ощущают наибольшую готовность пытаться разрешить проблемы, поднимаемые культурной перспективой. Именно они, опираясь на новаторские труды 1970-х и 1980-х годов, ныне уделяют более глубокое внимание взаимоотношению бытия и сознания, выяснению степени влияния культурной формации, идеологии, самосознания и дискурса на восприятие и реакцию отдельных личностей и социальных групп на объективные условия, процессы и опыт. Именно с этой точки зрения они совершенствуют понимание, проистекающее из более ранних работ, стараясь продвинуть вперёд осмысление нами отношений между социальной революцией и её политическим результатом, вскрывая значение того, как в 1917 году большевизм, являясь сложной амальгамой, сумел «озвучить» чаяния рабочего класса; проследившая, как после Октября дискурс классовых категорий перестал связывать вместе и наделять полномочиями низшие классы и стал весьма действенным орудием разделения, демонизации и узаконения в руках нового режима; или вскрывая глубокое воздействие революции на властные отношения, кроме воплощенных в институтах государства и собственности. Таким образом, в известном смысле, эта «новая культурная история» служит развитием «новой социальной истории» периода после 1960-х годов и отражена в каждом разделе «Критического словаря», в статьях, посвященных как известным деятелям, партиям, учреждениям, социальным группам, проблемам областничества и национальных меньшинств, так и малоизученным сторонам истории Российской Православной Церкви, прессы или вопросу гендера. На всем протяжении присутствует повышенный интерес к исследованию того, как суровая реальность, жизненный опыт плоти и крови мужчин и женщин взаимодействовали с определенной умозрительной работой и соперничающими дискурсами, доступными на территориях павшего царизма.

В то же время, однако, иные черты того же самого интеллектуального сдвига способствовали возникновению интеллектуального климата, во многих отношениях более восприимчивого к одобрению традиционного западного подхода, чем к пронизательности его критиков. Осознание новых предположений, скрытых в языке будто бы объективного социального анализа, слишком легко понимаются как основание для отказа в целом от выводов социального анализа. Парадокс в том, что именно те историки, чья методология укоренена в периоде, предшествовавшем бурному развитию социальной истории 1960-х и 1970-х годов, твердо настаивают на пользе крайнего скептицизма и грубого релятивизма,

порожденных этими течениями мысли. Этот парадокс можно объяснить с одной стороны тем, что скептицизм, вроде подхода Пайпса к прошлому, хотя с совсем иного направления, представляет собой нападение на целую традицию исторического исследования, которая происходит из эпохи Просвещения. Этот скептицизм отвергает доверие науке, разуму, дедукции и индукции; он склоняется объяснять всё, любое событие, любое явление, как текст, который можно истолковать тысячами разных способов; он сомневается в нашей способности понимать что-либо; он не нуждается в исторических источниках, причинной связи, синтезе и отказывается допустить, что одно объяснение может оказаться лучше другого. В крайнем своем проявлении он не признает правил доказательств и различий объективного с субъективным, отрицает способность изучать и понимать прошлое. В конце концов, он несовместим с написанием истории. Тем не менее, его влияние на культурный и интеллектуальный климат конца XX века несомненно. И, по крайней мере, там, где вопрос идет о полемике вокруг Русской революции, его влияние должно было и далее поддерживать сторонников традиционной западной интерпретации.

Во-первых, этот скептицизм ставит под вопрос понятие «большого описания» в истории. Отброшена мысль, что в истории можно, так или иначе, говорить о прогрессе, с точки зрения идей или учреждений, человеческого достоинства или общественных нравов, которые можно выявить и подтвердить их подлинность. Подвергнута сомнению не только вера в разум вообще, но и особенно представление об истории как осмысленном рассказе о человеческом устремлении. Ясно, что это не только совсем расходится с любого рода подходом к прошлому: по Гегелю или Марксу, или по-христиански. Похоже, это даже подкапывается под более умеренные предположения, легшие в основу недавних работ о развитии массовых устремлений в поздней имперской России. Более того, общее впечатление от этого бесформенного отношения агностицизма к прошлому должно предрасположить воспитываемых под его влиянием учёных подходить к Русской революции почти как к любому историческому явлению, зависящему от случайности и политической недооценки, и равнозначному чуть более чем счастливой случайности.

Во-вторых, эта струя скептицизма, действительно питаемая готовностью критического социального анализа пересмотреть собственные концепции, подвергает особому сомнению исторические подходы, которые особо подчёркивают объективные общественно-экономические условия. Она отвергает любую попытку сосредоточиться на социальных группах и слоях, обозначаемых с точки зрения их общественной роли и общих экономических интересов. Она не использует понятие «класс». Здесь также (хотя она имеет очень мало что сказать о том, что *может* быть известно и анализируемо) ее отрицательная миссия, ее рвение не только разрушить, но оптом отбросить термины и понятия, от которых зависит социальный анализ, гораздо больше вредят критической работе поколения после 1960-х годов, чем традиционная западная точка зрения, долго посылавшая подалеже социальные категории и экономические разногласия.

В-третьих, непосредственный вывод из этого: способ, которым аналогичный скептицизм, укоренившийся во мнении, что все мы узники того или иного дискурса, склоняет дать не только преимущество, но полную волю субъективизму. Это означает, что если изучение прошлого и имеет какой-то смысл, то человеческие поступки и общественные изменения надо объяснять с точки зрения идей, ценностей и мысленных образов, которыми располагали люди. Именно эта точка

зрения имеет важнейшее значение для критичного и вдумчивого подхода к изучению прошлого и, кажется, дает наибольшую поддержку традиционной западной интерпретации революции. Если признать автономию и причинное первенство идей, то тогда для понимания политического результата революции не нужно изучать социальные величины, дополнять исследование мировоззрения мужчин и женщин анализом их материального жизненного опыта. Признание такого первенства — это шаг, хотя и небольшой, к одобрению основных особенностей пайпсовской интерпретации, прежде всего, утверждения, что искать главную причину Русской революции надо не в области политической, общественной и экономической действительности, и не в столкновении интересов, страхов и чаяний ими порожденных, а в автономном мире идей и отношений и, по сути, согласно Пайпсу, в пропаганде, языке, дискурсе, внедренным социалистической интеллигенцией.

Века

Таким образом, важные изменения, которые освежили программу будущих исследований о революции, угрожают также притушить свет, пролитый на нее недавними трудами. Драма, развитие которой все еще продолжается в бывшем СССР, сорвала старые кандалы со свободных исторических исследований, тогда как нынешний интеллектуальный сдвиг вселил новую восприимчивость, как к проблемам, так и к важности дискурсного анализа. Но это самое сочетание дает новую возможность узкопартийному подходу, несостоятельность которого уже разоблачена современным критическим исследованием. Именно в этой связи был задуман «Критический словарь». Он представляет собой веку самосознания, сводящую в одном энциклопедическом томе показ этой критической работы во всем ее богатстве и разнообразии, показ, который одновременно обдуман и ясен, авторитетен и выразителен. Только эта века поставлена на интеллектуальном пейзаже, чьи надежды зафиксированные черты движутся и тают перед нашим взором в крайне изменчивый и впечатляющий момент в историографии революции.

Литература

- Бурджалов Э. Н.: Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967;
Вторая русская революция: Москва. Фронт. Переферия. М., 1971.
- Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.
- Старцев В. И.: Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980; Крах керенщины. Л., 1982.
- Пайнс Р.: Русская революция: В 2-х ч. М., 1994; Россия при большевиках. М., 1997; Я жил. Мемуары непримкнувшего. М., 2005.
- Acton E. Rethinking the Russian Revolution. London, 1990.
- Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History. NY. 1994.
- Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. London, 1996.
- Furet F., Ozouf M. The Critical Dictionary of the French Revolution. Cambridge, 1989.

- Haimson L., Rosenberg W. G., Rieber A.*, discussants. The Problem of Social Identities in Early Twentieth-Century Russia // *Slavic Review*. 1989. № 47. P. 1–38.
- McDaniel T.* Autocracy, Capitalism and Revolution in Russia. Berkeley, 1988.
- Pipes R.* Communism: The Vanished Spectre. Oxford, 1994.
- Smith S.* Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism // *Europe-Asia Studies*. 1994. № 46. P. 563–578.
- Suny R. G.* Revisionism and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and Its Critics // *Russian Review*. 1994. № 53. P. 165–182.

Интерпретируя Русскую революцию

УИЛЬЯМ Г. РОЗЕНБЕРГ

Имперская Россия и революционный опыт

Катаклизм, поглотивший народы и территорию Российской империи по мере рождения в войне и революции новой Советской империи, непосредственно затронул более 140 млн. человек. Понятие «Русская революция» обычно подразумевает радикальный политический переход от царского правления к коммунистическому в течение всего девяти месяцев 1917 года, однако её многообразные формы связаны не столько с резким сдвигом от Февраля к Октябрю, сколько с глубокими и необратимыми изменениями в жизни и психологии на протяжении гораздо более длительного периода мировой войны и гражданского конфликта 1914–1921 годов. В разное время и разные люди ощущали эти изменения порою с надеждой, которая сильнее тревог и лишений. У многих, однако, и у либералов, надеявшихся в 1914 году, что мировая война принесёт политическую либерализацию, у умеренных социалистов, объявивших Февраль началом установления политической и социальной демократии, или у разных радикалов энтузиастов, видевших в Октябре обещание мира, земли и нового мирового порядка, ожидание улучшений вскоре заглушила боль. Никакие иные события человеческой истории так глубоко не затронули столько человеческих судеб. При всей своей сложности и противоречивости Русская революция, по сути, была огромной социальной травмой.

Постижение Русской революции требует, таким образом, не только знания основных событий, партий, институтов и деятелей, описание и анализ которых ведущими исследователями составляют основную часть этого тома, но также и усилия, направленного на вскрытие смысла надежд и разочарований, боли и гнева — постоянных спутников революционных перемен. Эти субъективные ощущения не только соединяли психологические и физические проявления жестокости и зверств с разным социальным и политическим напряжением в обществе; они играли значительную роль в переходе от конфликта к действию; они также придавали событиям и действиям свое особое (и часто противоречивое) значение, которое зачастую не очевидно, и даже не засвидетельствовано каким-либо регулярным способом. Чаще всего эти субъективности терялись, а «объективные» элементы травмы, вызванные насилием и лишениями, относят к категории «объективных» изложений политических событий и общественной деятельности, поскольку так как легче описывать политические события и их участников. Таким образом, важные субъективные элементы революционного опыта отходили на задний план.

Личную травму в 1914–1921 годах люди испытывали не независимо от своего социального положения, возраста, занятий и пола. Личную травму испытывали и в окопах, и в потоке беженцев военного времени, что в этом «Критическом словаре» так умело исследуют Доминик Ливен и Питер Гэтрелл; ее испытывали промышленники, дворяне-землевладельцы, изученные Дэниелом Орловским средние слои, рабочие и крестьяне, офицеры и солдаты, которых рассматривают Сергей Яров, Орландо Файджес, Ивэн Модсли и Питер Кенез, и, конечно, женщины, о чем красноречиво свидетельствует работа Барбары Клементс. Личная травма затронула победителей и побежденных, торжествующих радикалов-энтузиастов и терпевших поражение, жестоко притесняемых «буржуазных» антагонистов. Для многих боль и лишения ощущались ещё сильнее из-за краха вселявших надежду усилий, на которые тратили столько энергии. Печальный дневник блестящего историка академика Юрия Владимировича Готье имеет гораздо больше общего, чем мог представить себе его автор, со многими письмами простых рабочих и крестьян Ленину и другим вождям большевиков в Гражданскую войну, которые полны жалоб и отчаяния, а поэтому надолго были засекречены в советских архивах.

Рассекречивание этих архивов и предоставление возможности российским и зарубежным учёным, как равным, свободно решать важные проблемы истории делают нынешний момент своевременным для расширения и обогащения нашего понимания революционной России и, в конечном счете, возможно, помогут преодолеть упрощенческие тенденции демонизации и триумфализма, характерные для всей советской историографии того периода и для значительной части западных работ. В более широком плане, исследователям ныне легче познать процессы и переживания, составлявшие контекст основных событий и действий, описанных историками России, и, по меньшей мере, дополнить общее и понятное стремление найти ответ на вопрос «кто виноват?» более благоразумным пониманием того, «что ответственно» за травму, которую ощущали повсюду.

Это ни в коем случае не означает принижения роли Ленина, большевизма, других политиков и движений в формировании хода событий в России: от начала войны в 1914 году, через отречение царя в марте 1917 года, Апрельский и Июльский кризисы, радикализацию рабочего и аграрного движения, до октябрьского захвата власти и Гражданской войны, полыхавшей по всей бывшей империи. Очевидно, что человеческое действие (*human agency*) *всегда*, в каком-то смысле, ответственно за те беды, которые люди причиняли друг другу. Объяснение и понимание революционного опыта России явно требуют пристального внимания к отдельным личностям, социальным группам и их политическим организациям, о чем свидетельствует значительное число работ, составивших данный том.

В то же время, как показывают другие работы этого тома, наиболее полное объяснение требует внимания к глубоко укоренившимся культурным процессам, экономическим элементам и структурам, к формам, природе и размещению власти и, особенно, к отношению между идеологизированными дискурсами разного рода, личными переживаниями и более длительными и относительно краткосрочными моделями структурных изменений на закате царской России. Исследование роли идеологии особенно способствует обнаружению исходных связей между человеческим действием, личным опытом и социальными процессами или структурами. Ведь, идеологии помогали придать смысл общему опыту

участия в испытаниях и, в целом, определяли разные коллективные усилия, направленные на формирование контекста того общественного хаоса, в которых эти усилия предпринимали.

Идеология как объяснение и репрезентация социальной идентичности

Практически все описанные в данном томе идеологии, привнесенные основными деятелями и движениями России в революционную эпоху, определенно основаны на желании хотя бы отчасти облегчить некоторые социальные бедствия и индивидуальные лишения. Привычные образы, с помощью которых радикальные и умеренные социалисты связывали обнищание и эксплуатацию с губительными институтами частной собственности и капитализма (и из-за этого создавали ряд умозаключений более или менее идеализировавших общину), служили важным дополнением либеральных и консервативных доводов о недостатках Российской империи и насущной необходимости эффективного правления ею, основанного на власти закона. Каждый из них был частью широкого общественного дискурса способов и средств ослабления социальной напряженности, разрушавшей царскую Россию, улучшения материального благосостояния и обеспечения безопасного будущего.

Подобно всеобъемлющему разладу самой эпохи, это идеологическое желание улучшения важно для понимания той великой страсти, которая характеризует почти всю политическую активность в 1914–1921 годах. Государственная власть формально переходила тогда от старого режима к Временному правительству, а затем началась яростная борьба при создании большевистского режима. Политический активизм, каким бы ни было его происхождение, вносил ещё более ужасные лишения то в один, то в другой социальный сектор. Социалистические, либеральные и даже консервативные идеологии, конечно, решительно расходились в вопросе, о возможных способах смягчения социальных бедствий. Внутри этих широких лагерей различались «левые», «центристы», «правые». Они по-разному понимали как, с какой скоростью, какие именно признаки «отсталости» царской России реально изменить к лучшему. Однако постепенно перспективы, определенные на основе идеологического видения подходящего для России будущего, всё более уступали место соперничающим объяснениям того, что неправильно в настоящем. Идеологии почти всегда вели к готовым упрощениям; а они, как известно, — источник нетерпимости и основа жесткой власти. Статьи Майкла Мелансона, Зивы Галили, Альберта Ненарокова, Израиля Гетцлера и других об эсерах, левых эсерах, меньшевиках, кадетях и их вождях показывают, что особенно после Февраля почва для совместных усилий рушилась именно из-за убеждения, будто политические соперники лишь усугубляют, а не облегчают социальный конфликт и бедствия. Опустошительная Гражданская война возникла в той же степени из этих обстоятельств, как и из хорошо известного стремления Ленина и большевиков к власти.

Осознание потребности выяснить, как и где положение ухудшалось, сначала зависело в этот период не столько от идеологии, сколько от общественного положения и мышления, то есть от социального самосознания. Претензии на иссякающие ресурсы и средства доступа к ним жестко ограничивались пределами устаре-

лых социальных и этнических парадигм. Они, например, до 1917 года отражены в строго ограниченном избирательном праве, а после Февраля — в череде систем гражданского закона и культурных предрассудков, особенно в нерусских частях империи. Таким образом, для революционного активизма давление проходило поперек политического спектра. Деятели либерального земства, вникавшие в нужды крестьян и дворян, понимали: если власть продолжит откладывать решение наиболее проблем, не избежать серьёзных социальных потрясений. И, несмотря на расхождения умеренных и радикальных социалистов после 1917 года в вопросах об этапах и очередности социально-экономических преобразований в промышленном производстве и распределении продукции, развал российской смешанной рыночной экономики вскоре превратил вопрос о доступе к продукции, особенно о контроле над ней, в проблему выживания многих, связанных с промышленным и сельскохозяйственным производством. Схожие различия во взглядах всё более отдаляли друг от друга разные национальности, как можно видеть из представленных здесь статей Марка фон Хагена, Олави Аренса и Эндрю Эзергайлеса, Джона Клиера, Марты Олкотт и Рона Суни. Насущность контроля на местах всегда до некоторой степени связана с распространённостью и глубиной лишений, навязанных сообществам извне.

Способ, которым постепенно укреплялись социальные и политические идентификации из социально-культурных обломков старого строя, усиливающейся экономической нестабильности, и социального положения в новом строе, дополнял процессы, с помощью которых идеологии упрощались и усиливали свою притягательность. По мере их превращения по нарастающей в *объяснения* жизненного опыта и предполагаемые обоснования политических действий и социального поведения, сами социальные идентификации всё более связывались с политическими причинами. Так, приверженность либералов и других задаче военной победы над Германией, хотя идеологически её формулировали отчасти как важную для российской торговли после войны и поэтому популярную составляющую общественного благосостояния, всё более превращалась после Февраля в глазах левых в объяснение того, во имя чего умирают мужчины и женщины. Аллан Уайлдман, Зива Галили, Альберт Ненарокова, Реймонд Пирсон и Борис Колоницкий с разных сторон показывают в этом томе как сама война стала особой виной тех, кто схематично принадлежал к одному социальному слою. Сходным образом, защита закона и общественного порядка, всегда присущая охране установленных привилегий, всё более являлась причиной малых заработков, высоких цен и перебоев в снабжении продовольствием и топливом. Действительно, когда государственно-капиталистическая структура царской России начала разваливаться, причины и последствия военных и революционных лишений, аналитическая логика классовых различий и конфликта сразу стали коварными, идеологизированными страстями классовой вражды.

Постепенно образы «рабочий» и «крестьянин», «буржуй» и «интеллигент», «украинец» и «русский», даже «белые» и «красные» перешли из идеологически и социально сконструированных идентичностей в могущественное и антагонистическое состояние духа. Конечно, большевики брали и удерживали власть скорее силой принуждения. Но саму эту силу они обрели и сохраняли не просто потому, что организованы лучше других партий, но и поскольку их идеология, так ловко переформулированная Лениным и другими после возвращения вождя в апреле 1917 г., становилась в своей простоте все убедительнее в объяснении

причин социальных бедствий. В то же время, на другой стороне растущего социального раскола, где вскоре трудности и лишения стали не менее остры, универсальным объяснением стало большевистское зло. Более того, Ленин и большевики особенно успешно развива и определение, выявление и демонизацию «врагов» — процесс, который подтолкнул к ужасам бесконечных гражданских войн советской России, то, что потенциально имело возможность революционного улучшения.

Размещение власти и вопрос о государстве

Идеологическая манипуляция политическим и социальным дискурсом обладает особой силой. Ленин был блестящим мастером такой манипуляции, и это должно заставить задуматься тех, кто полагает, что большевистское государство произведено на свет только силой принуждения. Низложение царя, тщательно анализируемое в данном томе Цуоши Хасегавой, со всей очевидностью означало политический крах самодержавной России, однако сущность самодержавия составляли не просто, а после 1905 года даже не в первую очередь, его официальные политические институты. Скорее это был набор самовоспроизводящихся и культурно узаконенных социальных и культурных отношений, которые воплощали собственные формы власти и контроля и располагали их в четко обозначенных местах. Исследованные Орландо Файджесом плотная социальная структура сельской общины, сложные взаимоотношения крестьянства с государственными чиновниками и их дворянскими союзниками, сами способы владения землей, городские гетто и их связь с социальной иерархией рабочего места в промышленности; изученная Михаилом Шкаровским церковная и религиозная жизнь; даже иерархические противоречия внутри студенческой жизни и роль полов внутри семьи, что описали Алексей Марков, Элизабет Уотерс и Барбара Клементс, — всё это области социальной практики императорской России, выстроенные культурными формами и концепциями власти и поддерживаемые прямыми и подразумевавшимися политическими правами и силами. Каждая из них включала четко определенные отношения командования и подчинения, что формально объяснялось соображениями общественного порядка. Каждая подкреплялась рядом формальных институтов и институализированных традиций. Даже дикция и использование косвенной речи отражали способы распределения власти при самодержавии в глубине России и обширных нерусских областях империи. В статьях данного тома о национальных и региональных проблемах показано, как военные гарнизоны удерживали эти регионы под контролем императора, но основой его власти было расширение областей русского социального доминирования и подчинения.

Если самыми видимыми объектами политической борьбы до 1917-го были государство и его чиновники, спор за эти социально укорененные формы самодержавной власти создавал более глубокую политическую подоплеку. Действительно, как показывает Хасегава, когда Государственная дума и военное командование в Феврале сделали шаг вперед, убежденные, что новое руководство укрепит, а не ослабит государственную власть, жители столицы, побуждаемые перебоями с продовольствием и другими насущными проблемами повседневной жизни, доби-

лись перемен в том, где и как эта власть должна осуществляться. Стив Смит, Дайана Коенкер и Аллан Уайлдман подробно рассматривают как именно противостояние социальной практике на заводах и в гарнизоне Петрограда, а затем во всей промышленности, армии и особенно в деревне после Февраля начало менять природу власти и понимание того, где и как ее осуществлять.

Таким образом, переход власти из центра на места стал одним из центральных пунктов перемен в революционной России, как и в конце советской эпохи. Пути, которыми установленные социальные институты и отношения утрачивали власть и традиционное политическое значение, в такой же степени часть Революции 1917 года, как и межпартийная борьба за контроль над государством. Например, значение движения фабзавкомов, в конечном счете, было не в перестройке производства и трудового процесса, как сначала предполагали, а в радикальной дестабилизации властной структуры на предприятии и сопутствующем сдвиге понимания того, кому и где иметь полномочия решать эти вопросы. В деревне экспроприация помещичьих земель и обратное поглощение общиной столыпинских «отходников» были не просто насильным утверждением крестьянских прав использования: они радикально лишали власть всех установленных форм дворянского контроля и полностью переворачивали традиционные отношения господства и подчинения между собственниками и пользователями земли.

Как и в других великих революциях, эти преобразующие смещения власти и полномочий были неизбежно хаотичны. Зачастую они происходили неформально и не обязательно ассоциировались с особыми событиями. Однако они говорили о важности революционного изложения фактов, в которое включалась власть, и в социальных и культурных структурах, и в официальной политике и политических институтах. Во многих случаях эти смещения власти и полномочий опережали создание комитетов, союзов и Советов, придававших им институционную легитимность, даже если, узаконенные таким способом, они распространялись быстрее; и они обрели очень развитую, если не завершенную, форму ко времени захвата большевиками того, что осталось от государственной власти. В то же время, поскольку культурные системы господства и подчинения включают в себя гораздо более глубокие структуры, чем те, которые определяют их институционализированные формы, кое-где порой эти преобразующие смещения, как ни парадоксально, были далеки от революционных. В сельской России, например, традиционное гендерное распределение властных отношений вполне могло укрепиться по мере того, как сельский сход, в котором ведущую роль играли мужчины, расширял свои полномочия. Весьма редко на предприятиях в условиях рабочего контроля мужчины готовы поделиться своей новой властью с женщинами не намного больше, чем при старом режиме.

Если общественный порядок одна из сторон установленной власти, то социальный беспорядок в 1917 году был другой стороной процесса изменений в местонахождении власти, а сопротивление этому процессу — основанием Гражданской войны. Для Керенского (как и других во Временном правительстве) сохранение государственной власти являлось, таким образом, определяющей задачей деятельности. В то же время для большевиков и их сторонников определяющей характеристикой того, кто такой настоящий революционер, была борьба за перемещение власти; во всяком случае, до тех пор, пока большевикам и их сторонникам самим не пришлось управлять государством.

Именно здесь можно начать более внимательное рассмотрение одного из наиболее укоренившихся утверждений о государстве того периода: то, что слабость его заключалась, прежде всего, в ослабляющем воздействии двоевластия, и разделение власти с Советом не позволяло Временному правительству остановить «силы разрушения». Если понимать под «властью» законную власть, а не просто способность к принуждению, а основное назначение демократических государств — как посредничество в споре о местных пределах власти, особенно внедренных в социальные отношения и культуру, тогда можно поспорить о том, что Российское государство утратило в 1917 году способность управлять не из-за компрометации его авторитета Советами и ещё менее оттого, что Миллюков и другие изначально связали интересы с военной победой и империализмом. Государство начало слабеть скорее потому, что не обладало, и притом изначально, способностью посредничать между сторонами спора о форме власти на местах, и из-за своей неспособности удовлетворить притязания разных сил на экономические, социальные и культурные богатства.

Здесь имеет некоторое значение различие между «государством» и «правительством» в их российском понимании. «Государство» означает определенные общие интересы и действия. «Правительство» отражает изменяющиеся программные способы их определения и обеспечения их эффективного осуществления. Переход власти в 1917 году означал, что само управление (то есть формулирование и осуществление политики) также переместилось. Постепенно коалиционные кабинеты правительства Керенского оказались все менее способны утверждать или убедительно показывать присутствие какого-либо всеобщего набора интересов и действий, которые могут получить широкое отражение в демократическом Российском государстве. Ленин вполне мог указать в своем труде «Государство и революции», что большевики должны использовать государственную власть для подавления сопротивления и «завершения» революции. Однако после Октября более существенной задачей каждой из сторон Гражданской войны было воссоздать само государство. Успех Красной Армии в контексте союзной интервенции, описанный в данном томе Ивэном Модсли, Франческо Бенвенути и Дэвидом Фогльсонгом, и сопровождавшая его милитаризация большевизма, различные аспекты которой по-разному обсуждают Роберт Даниэлс, Сергей Яров и Владимир Черняев, в конечном итоге означали, что формы и средства формировавшегося послереволюционного государства стали самыми жирными корнями сталинизма.

Экономика как «институционально оформленный процесс»

И современное, и ретроспективное рассмотрение наиболее видимых аспектов перехода власти в революционный период от верхов на места, в особенности политических последствий ослабления абсолютной власти, имело тенденцию завуалировать воздействие этого процесса на экономику революционной России и, следовательно, на материальное благосостояние граждан. Как показывает британская и западноевропейская история, в исторических обстоятельствах, когда те или иные местности обладают достаточными ресурсами для экономического существования без особой зависимости от государства, крушение власти, особенно царской, не обязательно предвещает экономические бедствия. Среди

важнейших черт Российской империи были масштаб и форма участия государства в том, что можно назвать «частично коммерциализированной» экономикой, и те особые способы влияния экономических процессов на политические, социальные и культурные институты. Из-за почти отсутствия внутреннего инвестиционного капитала, затрат на добычу ресурсов и производство продукции, негибкости спроса на товары народного потребления, недоразвитости банковской системы и отсутствия соответствующих стандартов коммерческой морали и поведения, государство в императорской России исторически несло тяжелое экономическое бремя. Его экономическое могущество и влияние в культурном плане уважалось, равно, как и часто подвергалось сомнению. Коммерческая активность, спекуляция, даже мелкая торговля в некоторых кругах встречали отрицательное отношение задолго до того, как большевики наполнили презрением термин «буржуи». Именно от государственных учреждений и институтов ожидали помощи в финансировании экономического развития (особенно в тяжелой промышленности), в управлении основными отраслями добывающей промышленности, в обеспечении притока капитала, фискальной безопасности, в регулировании рынка и облегчении кризисов.

Несоответствия государства в этом отношении вызывали оппозиционные настроения задолго до 1914 года. Начало войны усилило ответственность за развитие и управление, добавив тяжелое новое бремя распределения. Как и в других воюющих державах, царский режим быстро начал концентрацию промышленного и оборонного производства и усилил административный контроль над рыночным обменом. С ростом спроса государства на военную продукцию расширялась непосредственная государственная собственность. В 1915 году Особое совещание по обороне начало регулировать всё военное производство и контролировать масштабы прямого и косвенного субсидирования основных производителей, зачастую без внимательного расчета реальных затрат. К осени комиссии государственного регулирования контролировали транспорт, распределение продовольствия и топлива, военные поставки, к 1916 году почти полностью контролировали внутренний рынок металла, химической продукции, угля, товаров из кожи. Большая потребность в продовольствии, как показывает Ларс Ли, привела в беспорядок обычные процессы экономического обмена в сельской местности. Правительственные и военные представители на местах вскоре получили право реквизировать товары и некоторыми запрещать торговлю. Обычны стали обязательные принудительные заготовки, предвестник опустошительных конфискации времен Гражданской войны. Консервативные либералы вроде Петра Струве и Александра Кривошеина настаивали, что преодолевать усиливающийся кризис продовольствия надо путем усиления регулирования цен на все продовольственные товары, а не только на предназначенные армии. Как и многие, выступал против коррупции и разгула спекуляции, порождаемых такой практикой, и требовал принятия Министерством финансов решительных мер для их искоренения Андрей Шингарев. Ещё до свержения царя, уже видна неясная тень мешочников времен Гражданской войны.

После Февральской революции на обоих полюсах двоевластия ожидали не сокращения вмешательства государства в управление разваливающейся российской экономикой, а напротив, что его роль усилится, станет рациональнее и эффективнее. Деятели Совета и Временного правительства, особенно с образованием в мае первого коалиционного кабинета, в одинаковой степени занимали новые законы о

продовольственной и топливной монополии, новые усилия в регулировании цен, попытки вдохнуть новую жизнь в растущее число комиссий государственного регулирования. Это, в свою очередь, усилило и практическую зависимость от государства, и массовые ожидания, затрагивающие его способность решать критические вопросы личного и общественного благосостояния именно в тот момент, когда реальная власть выскальзывала из рук центра и возможности государственных чиновников и институтов слабели. В то время как Министерство финансов и другие высшие государственные учреждения столкнулись с тем, что министр Шингарев назвал «ураганом» новых претензий, рабочие, крестьяне и разветвленная сеть Советов требовали расширить систему контроля над ценами и распределением. Другой основной заботой был контроль над удорожанием жизни. Еще одной, всё более важной заботой стало обуздать спекулятивные эксцессы и «нечестную» прибыль. За ними обеими, однако, стояла даже более насущная проблема для тех, кого заботило демократическое будущее России: ощущение того, что перебои с продовольствием и предметами первой необходимости ещё сильнее обостряют социальную и политическую поляризацию и сделают невозможным появление любого сколько-нибудь демократического правительства.

К концу лета — показывает Николай Смирнов в своем оригинальном исследовании — в народе уже затухли надежды, что Всероссийское Учредительное собрание выведет Россию из кризиса. Всё приемлемее казалось взятие государством на себя направляющей роли в экономике. Министерство труда глубоко увязло в попытках уладить многочисленные трудовые споры, соглашаясь в ряде случаев увеличить государственные заготовительные цены для повышения зарплаты, а в других — расширить сами заготовки, а недавно организованный правительством Экономический совет обсуждал дальнейшие меры по усилению государственного контроля. Тогда же донесения разных государственных групп по заготовке продовольствия указывали на то, как мало шансов удовлетворить потребности городов в условиях надвигающейся зимы. В деревне мешочники уже в массовом порядке расстраивали регулируемые заготовки зерна. Тем временем, в учреждениях Министерства финансов по мере повсеместного ухудшения экономической ситуации более 8 тыс. рабочих Экспедиции заготовления государственных бумаг печатали около 30 млн. новых бумажных рублей в день, но и этих сумм к Октябрю не хватало для удовлетворения насущных потребностей государства.

Поскольку отношения экономического обмена в революционной России, как и везде, отражали культурные ценности так же, как и экономические, важным последствием попытки государства в 1917 году установить более тщательный контроль над экономикой стало все более широкое отождествление его с теми эксцессами, которые все менее и менее могло контролировать. Столь же характерным стало отождествление самих рыночных отношений, особенно охраны законом права частной собственности, с несправедливостью и нечестностью, поскольку они отражали возможность накопления, а не распределения. В социальном и культурном смысле, как и в более официальных экономических институтах, экономика являлась, по словам Карла Поланьи, «институционально оформленным процессом». Ее жизнеспособность была вопросом не просто материального благополучия, но сохранения системы социальных ценностей, которые она отражала.

Хотя в революционной России широко приветствовали «отмирание» государства, так как это означало конец принудительного государственного контроля,

почти повсеместно ослабление экономических возможностей становилось бедствием. Привычные процессы рыночного обмена в 1917 году расстраивались. То же происходило и с обычаями, привычками и ценностями — его обязательными спутниками. Таким образом, тогда как большевики и их противники в Гражданской войне рассматривали задачу государственного восстановления после Октября как политический императив, это и с точки зрения многих также представлялось единственной реальной возможностью предотвратить полный экономический крах. Почва для разрушительных культурно-экономических экспериментов была подготовлена задолго до введения военного коммунизма, мероприятия которого обрисовала Сильвана Малли.

Значение Октября

Что означал Октябрь в процессе революционной трансформации России? Самые интересные вопросы заключены не в том, был ли Октябрь приходом к власти настоящей рабоче-крестьянской власти, или имела ли «диктатура пролетариата» какое-либо значение, кроме символического. Даже бывшим советским читателям, и, возможно, им в первую очередь, ныне хорошо известно, что неотложной политической задачей партии большевиков после Октября, кроме самосохранения, было установление контроля *над* склонностями и полномочиями рабочих и крестьянских учреждений и полное подчинение советской сердцевины страны Советов, а не объединение их в структуры, отражающие народные желания и интересы каким-либо способом, кроме предписанного. Хотя эта партия социально опиралась на промышленную рабочую силу и многие из наиболее способных рабочих вскоре заняли руководящие партийные и административные посты, диктатура пролетариата очень быстро стала бескомпромиссной диктатурой *над* промышленными и сельскими рабочими. Здесь важно понять, как большевики сами описывали свой приход к власти, пытались узаконить свой режим и пропагандистки связать себя с более широкими российскими и зарубежными революционными течениями. Действительно, пустота большевистских лозунгов почти сразу стала очевидна. К весне 1918 года налицо были оппозиция части рабочих и крестьян ленинскому правлению, которая позднее выявилась в Тамбовском и Кронштадтском восстаниях, и готовность партии использовать жестокие «чрезвычайные меры», которые прекрасно описал Алтер Литвин. Бесконечное повторение большевистских установок могло создать священные советские исторические традиции, но они интересны лишь с точки зрения развивающей роли претензий на истину и не помогают понять Октябрь.

Сходные слабые места есть в вопросах, был ли сталинизм (и фашизм, как утверждают ныне некоторые историки) порождением Ленина и раннего большевизма (и как он был порожден), темы, которые привлекают заметное внимание, особенно после распада СССР. Здесь споры работают в ином направлении: как попытки упрощенного толкования явных сталинистских и фашистских составных частей ленинизма и раннего большевистского правления, но также как проявление попыток понять сложные исторические связи, которые их породили, как если бы понимание этого процесса помогло бы оправдать наличие таких компонентов. Нельзя не согласиться с тем, что с лета 1914 года Россию охватила ужасная трагедия, и Октябрь резко усилил страдания русского и других народов бывшей Рос-

сийской империи? Урок истории заключен не в осознании человеческого зла, а в понимании того, что его порождает.

Тех, кто всерьез пытается понять Октябрь как поворотный момент длительно-го революционного процесса в России, занимают три аналитически важных, принципиально интересных вопроса. Первый вопрос: захват власти большевиками был узким заговором, обычным переворотом, или партия Ленина имела достаточно массовую поддержку для получения возможности представить Октябрь народной революцией, сравнимой с Февральской. С этим в определенном смысле связан вопрос телеологии: вытекал ли приход большевиков к власти логически, или даже неизбежно, из краткосрочных и долгосрочных исторических течений. Наконец, была (и есть) связанная с этими темами проблема альтернатив — и демократических, и авторитарных, — которая для современников и историков имела исключительное значение. В повестке дня стоят такие вопросы, как оценка жизнеспособности Учредительного собрания и конституционного строя (если бы Ленин предоставил им какую-то возможность), а также — возможности для вождей вроде Колчака или Деникина создать действенные всероссийские антибольшевистские режимы. Этот вопрос об альтернативах, по сути, не противоречит фактам. Он в такой же степени, как и два других, касается проблемы местонахождений власти и отношения этих местонахождений к голой силе; проблемы действующей силы и степени, до которой человеческое поведение и революционная практика соотносились со структурными элементами российской революционной конъюнктуры; и существенных задач государственного управления: иными словами, того, что требовалось от любой формы правления для достижения хоть какого-то социального мира, стабильности и благополучия.

Если термин «*coup d'Etat*» (франц. — государственный переворот) концептуально использовать, чтобы подчеркнуть внезапный, быстрый и насильственный способ взятия вождями большевиков 25 октября в свои руки государственных учреждений, Октябрь определенно был «*coup d'Etat*», независимо от того, имел ли массовую поддержку. Однако, если под «*coup d'Etat*» понимать узурпацию власти узкой группой убежденных революционеров, социально коренящейся в среде радикальной интеллигенции, искусственно маскирующей собственные политические амбиции защитой интересов народа, как ныне нередко утверждают, то тогда теряются существенные связи между Российской революцией и Октябрем, как и его мировое историческое значение. Не может быть (и никогда не было) особых сомнений в жестокости большевиков, в их жажде власти. Отчасти это вытекало из радикального отрицания партией дисциплинарных ограничений, которые напоминали и царизм, и капитализм. С другой стороны, они связаны со злобой и жестокостью, присущими отношениям подчинения и подавления. Отчасти это возникло из психологических посылов и враждебных искажений восприятия. Однако, как показывают Александр Рабинович, Роберт Сервис и другие скрупулезные историки, большевизм революционного периода достаточно широкое и разнородное движение, несмотря на непоколебимость Ленина и его «Апрельских тезисов». Представление о партии большевиков как дисциплинированной заговорщической группе, изначально настроенной на захват власти, было и остается грубой карикатурой.

Что большевизм привнес в российскую революционную конъюнктуру, так это способность к организации, идеологическую ясность, чуткость к социальным условиям. В 1917 году они облегчили участие в радикальном изменении

власти и управления. Некоторыми из этих качеств обладали и другие радикальные группировки, и партийная принадлежность не была большим препятствием сотрудничеству в местных Советах и комитетах, однако в пользу большевиков работала четкость их представлений о целях борьбы, их способность убедительно объяснять происходящее. Исследования по социальной истории 1917 года показали, что усиление поляризации общества в России и других частях империи едва ли заслуга Ленина. В лучшем случае можно утверждать, что большевики в центре и на местах использовали свои исключительные возможности влияния на массы для усиления напряженности и ускорения процессов социального конфликта, и так уже набравших силу. Как орудия пропаганды, газеты вроде «Солдатской правды» блестяще отражали упрощения и враждебные настроения бульварного мышления, отлично подходящего для жаждавших получить готовые объяснения. Однако едва ли большевики были одиноки, отождествляя материальные лишения рабочих и крестьян с эксплуататорскими структурами российского частного и государственного капитализма. Что особенно отличало последователей Ленина, так это их способность превратить социальный антагонизм в классовую войну, а также их устремленность к конфликту, а не социальному миру. В 1917 году ответственные социалисты повсеместно боролись за установленный социальный и культурный баланс власти и в той или иной форме проталкивали свою революцию. Немногие видели возможность этой трансформации без сопротивления, конфликта и даже некоторых элементов подавления ради достижения стабильного социалистического порядка. Однако именно большевизм с особым рвением толкал конфликт в состояние войны, превращал антагонистов во врагов и наилучшим образом воспользовался вырождением власти до Октября для завоевания поддержки на местах. Большевики завоевали власть в Советах и шире через Советы, поскольку их объяснения, как и почему эта власть должна использоваться для применения силы, звучали убедительно. В ключевые моменты они умели направить в нужное русло народный гнев и энергию, освобожденные революцией.

Здесь, вероятно, можно выявить важнейшие элементы феномена большевизма в 1917 году. Это не то, что человеческое действие скорее чем местонахождение, структура или природа власти является ключом к пониманию Октября; это то, как они соединялись друг с другом: как они исторически приспособлялись, взаимодействовали и перемещались. Едва ли в 1917-м Ленин был одинок в стремлении к власти и разделял обманчивое самомнение и идеи мессиянства с Керенским и антагонистами справа. Октябрь ознаменовал триумф ленинской воли не из-за ее упорства. В отличие от других личностей и движений, чья жажда власти была не менее сильна, большевизм проник в структурные и политические деформации революционной России. К Октябрю Ленин мог действовать так, как хотел. Другие не могли, даже когда вся Россия могла прочесть в газетах о том, что замышляет вождь большевиков. Отсюда безмолвие оппозиции, как бы глубоки ни были её чувства, и ликующий шум большевистского триумфа, как бы слабо ни отражались в нём чаяния и интересы народа.

Определение логики успеха большевиков, впрочем, едва ли подразумевает, что тот или иной исход в 1917 году был неизбежен, несмотря на знакомую телеологию самых известных революционных повествований. Мировое историческое значение Русской революции не в том, что простые рабочие и крестьяне могут взять власть в свои руки, если их возглавит относительно хорошо органи-

зованная группа революционеров, и не в том, что политический заговор может перевернуть установленный и легитимный демократический строй. Скорее, приход большевиков к власти обозначил неимоверную сложность народного правления в переломный момент глубокого социально-культурного и экономического расстройств и способ, которым в обществе с относительно слабыми гражданскими, правовыми и демократическими политическими традициями давление с целью добиться быстрого удовлетворения народных чаяний и интересов создает сильную предрасположенность к той или иной форме авторитаризма. То, что Ленин и другие большевики воспользовались этой предрасположенностью эффективнее других, конечно, свидетельствует об их особой целеустремленности. Но эта предрасположенность сама по себе отражает насущную необходимость в такие моменты для режимов, которые хотели строить демократию, убедительно показать связь своей политики с будущими потребностями общественного благосостояния. А также эта предрасположенность отражает то, насколько сложны в такие моменты необходимые задачи использования унаследованной государственной власти в обычной, либо сверхъестественной форме, как инструмент демократизации.

Любая альтернатива большевизму в 1917 году должна была непосредственно столкнуться с этими трудностями. Предпринятые после Февраля усилия привлечь широкие слои населения империи к демократическому пересмотру государственных интересов России и средств их достижения терпели неудачу, поскольку невозможно было эффективно устанавливать и защищать рубежи центральной и местной власти. Даже границы самой демократической России среди множества народов империи, равно как и внутри международной мировой системы, нельзя было предположительно определить, как вскоре это обнаружили сами большевики. И здесь взгляды российских либералов отличались от взглядов большинства российских марксистов не тем, должно ли государство начать служить интересам своего народа, одновременно защищая свои институты и прерогативы, но отношением государства к преобладающим, а в ряде сфер — господствующим социальным группам. То есть, отношением государства к владельцам частной собственности и крупным промышленным деятелям.

В 1917 году это означало войну: буквально, в смысле содержания огромной российской армии и продолжения войны с немцами; и фигурально, но с многочисленными примерами прямой конфронтации, для защиты государственных институтов, ресурсов, власти и интересов от тех, кто поднялся благодаря перемене местонахождения власти. Эту борьбу по двум направлениям можно было вести успешно, если бы армия оставалась лояльной (но чему?) и сохранила для государства силу принуждения, необходимую для того, чтобы поддерживать порядок (но для кого?); или если бы собственные институты и интересы государства были радикально пересмотрены и его власть связана взаимно подкрепляющими способами с новыми, негосударственными властными институтами, как, например, Советами, возникающими повсюду внутри российского революционного общества. Иными словами, учитывая нереальность того, что Временное правительство могло уберечь армию от разложения, даже без Июньского наступления, единственная возможность сохранить в 1917-м демократическое правление требовала, чтобы государство играло роль посредника в социальном конфликте, а не обостряло его, и приспособлялось к народным чаяниям и порождаемым ими радикальным социальным переменам, а не оспаривало их. Короче говоря, революционное госу-

дарство должно было представлять себя и восприниматься как народное, необходимое и заслуживающее защиты. Октябрь в равной степени отразил, как неумение демократической России справиться с этой сложнейшей задачей, так и политическую целеустремленность ленинцев.

Гражданские войны и трагедия конкурирующих невозможностей

Именно в этих категориях, наконец, можно определить важнейшие связующие нити между фазами революционной трансформации России до и после Октября. Ленин и его партия унаследовали именно эти задачи государственного управления, когда объявили себя правителями России, каким бы ни был их взгляд на демократическое политическое устройство. Так же эти задачи унаследовали руководители Учредительного собрания и до, и после того, как Ленин изгнал его из Петрограда, равно как и антибольшевистское движение Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда, Антон Деникин с его белыми генералами на Юге России, белый «Верховный правитель» адмирал Александр Колчак в Омске, массовое крестьянское партизанское движение во главе с анархистом Нестором Махно и эсером Александром Антоновым и все в пределах империи движения за национальную независимость. В каждом из этих случаев восстановление государства в той или иной форме было необходимо для обеспечения элементарных человеческих потребностей и безопасности, а претензии на власть несли с собой необходимость каким-либо способом снова связать её с местными интересами и четко определить государственные полномочия при неясной форме власти и резко антагонистичных интересах. Человеческое действие нельзя недооценивать и считать ответственным за всё происшедшее. Даже Собор святых нашел бы, что в этих обстоятельствах историческая сцена готова для трагедии. Противоречивые устремления и чаяния обозленного, надеющегося на что-то и всё более отчаивающегося народа невозможно было примирить без применения силы.

В некоторых из интереснейших статей данного тома затронут этот кардинальный аспект революции в фазе Гражданской войны. На уровне формальной политики в статье Николая Смирнова об Учредительном собрании обрисована благородная попытка восстановить государственную власть на исключительно моральных основаниях, без получения доступа к самой власти в какой-либо существенной форме. Тот факт, что демократические идеалы, представленные Учредительным собранием, вскоре стали центральным моментом во многих аспектах дискурса антибольшевистского протеста в советской России, красноречиво свидетельствует о политически и социально демократическом духе революционного периода в целом, но также, как это ни парадоксально, что моральный авторитет демократического государства оказался обратно пропорционален его функциональной силе.

Более того, Литвин, Сервис и Франческо Бенвенути, показали, как большевики сами едва избежали этой дилеммы. Одной из самых характерных черт революционной России после Октября была невозможность добиться ни одного существенного улучшения в жизни простых рабочих и крестьян, хотя на приверженности их интересам большевики основывали претензию на легитимность своей власти. Ра-

бочий контроль мог лишь на несколько недель слегка улучшить положение. Ход экономического кризиса структурно соотносился с отсутствием производственного капитала, бешеной инфляцией, усиленной бесконечным печатанием бумажных банкнот, нехваткой топлива и других ресурсов, проблемами на транспорте и неспособностью нерегулируемого рынка справиться приемлемым путем с распределением скудных запасов. В этих обстоятельствах, перед лицом дополнительных сложностей, созданных массовой демобилизацией армии и спонтанной национализацией фабзавкомами предприятий в ожидании получить государственную поддержку, вряд ли стоит удивляться, что Ленин с товарищами предприняли «чрезвычайные» меры для установления непосредственного контроля над экономикой и проводили их с помощью ВЧК. Радикальные идеологии легко подстраивались к критическим обстоятельствам, радикальные идеологи всегда готовы перевести кризис в смертельную социальную схватку.

На самом деле, для большевиков задачи революционного государственного строительства, хотя и были крайне сложны и проблематичны, но оказались значительно легче, чем для Белого движения Юга России и Сибири, поскольку радикальная идеология *санкционировала* использование грубой силы и определяла четкий набор «решений» (другой вопрос, исполнимый ли). Насилие, таким образом, можно было формально связать в условиях Гражданской войны с тем же широким набором надежд и ожиданий, которые мобилизовали рабочих, крестьян и солдат против царя. Неудивительно, что вскоре на предприятиях и в промышленных центрах и, что ещё более предсказуемо, в деревне зародились сильные антибольшевистские течения, как и то, что этот протест в значительной мере формулировался в знакомом дискурсе гражданской свободы и политической демократии. Однако антибольшевистское движение, кроме смягчения гражданского насилия и подавления, которого многие жаждали, не сумело предложить набор практических мер социальной политики и политических действий, способных остановить российскую смуту во имя лучшего будущего России и других регионов и достаточно убедительных для мобилизации и координации борьбы масс против большевиков.

Это еще в большей степени, чем неумение достичь военной координации, являлось фатальной слабостью «белых», как и врожденная ограниченность — слабостью многочисленных крестьянских армий. Репрессивная политика этих сил часто неотличима по жестокости от действий «красных» (особенно в преследовании евреев), однако она не сопровождалась идеологической последовательностью. Хотя генералы Алексеев и Деникин высказывали либеральные настроения, и если Деникин, Колчак и Врангель в той или иной мере полагались на консервативно-либеральных, равно как и на реакционных советников и помощников, никто из них не верил в политическую жизнеспособность демократических механизмов в условиях России, никто не мог примирить соперничающие претензии на ресурсы (особенно на землю), каждый возлагал надежды на утраченное прошлое «неделимой» России, а не на последовательные доводы о том, как разрешить вопрос об империи способом, удовлетворяющим интересы многих. Возрождение имперского «белого» государства, власть которого была бы как-то идеологически или конституционно узаконена и сила которого вновь согласована с другими формами власти, так же было недостижимо без жестокого подавления внутреннего гражданского сопротивления в революционной России, как и большевистские надежды на построение демократического пролетарского строя. Вполне понятным по-

следствием созданного революцией почти безвыходного положения стали усиление социального хаоса, человеческих страданий и установление жестокого авторитаризма в разных формах, как и порождение надежд на улучшение, которые, по крайней мере, на кратком историческом отрезке, ощущались почти всеми.

Ч А С Т Ь

II

РЕВОЛЮЦИЯ
КАК СОБЫТИЕ

Россия, Европа и Первая мировая война

ДОМИНИК ЛИВЕН

В начале XX века Российская империя была менее могущественна и чувствовала себя не так, как столетием ранее, безопасно в сравнении с соперничавшими великими державами. Важнейшая причина этого крылась в промышленной революции, которая началась в Западной Европе и неравномерно распространялась по континенту. В последние полвека императорской России её экономика развивалась интенсивно, но по валовому национальному продукту на душу населения к 1914 году заметно уступала Германии, Великобритании, Франции и даже Австрии. Одним из последствий этого явилось то, что усилия, направленные на содержание вооруженных сил и оборонной промышленности современной великой державы перенапрягли и российскую экономику, и внутреннюю политическую стабильность. Кроме того, сравнительная отсталость империи ставила под сомнение её способность выдержать войну с другими великими державами.

Геополитические изменения ухудшили международное положение России за полвека до 1914 года. Большую часть XVIII и XIX веков Россия, как и Великобритания, извлекала выгоду из своего пребывания на географической окраине Европы. Территориальное расширение вглубь Европы затрудняла угроза возникновения коалиции враждебных держав против любого претендента на гегемонию. Гораздо легче оказывалось расширение вне Европы. И Британия, и Россия были удачно расположены для такой экспансии, отчасти, поскольку их ограждало от европейских конкурентов их особенное географическое положение, которым не обладали Франция, Австрия и Пруссия.

Императорская Россия выиграла также от упадка своих бывших соперников в Восточной Европе (Швеция, Польша, Османская империя) и их французского друга и покровителя. России был также выгоден подъем двух германских великих держав в Центральной Европе (Пруссия и монархия Габсбургов), поскольку те являлись непримиримыми соперницами и искали российской поддержки. В этих обстоятельствах империя Романовых могла контролировать и балтийские губернии, и территорию нынешней Украины, к 1900 году центра сельского хозяйства и тяжелой промышленности Российской империи. Ее геополитические триумфы и территориальное расширение укрепляли положение самодержавной власти и союз престола с дворянством, позволяя дворянам обзаводиться новыми именьями на плодородных южных землях. Российская аристократия XVIII века признавала культурное отставание своей страны от Запада, как и античные римляне — от Греции. Подобно римлянам, российская элита могла тешить свою гордость размышлениями о военных и политических победах империи.

В последние десятилетия существования Российской империи, однако, положение гораздо усложнилось. В Крымской войне 1854–1856 годов Россия терпела поражение, прежде всего потому, что державе без развитой промышленности не-

посильно соревноваться с более развитыми соперниками. Войска Франции и Англии добирались на театр военных действий пароходами и по железной дороге; британские стрелки превосходили дальностью стрельбы русскую артиллерию. Царскому государству не хватало ресурсов для строительства густой сети железных дорог и обеспечения вооруженных сил современной военной технологией. Не только его вооруженные силы и экономика, но также общество и административная система проявили отсталость. Поражение ослабило легитимность режима и безопасность его западных и черноморских границ. Польское восстание 1863 года пробудило страх, что восстание инородцев в западных приграничных губерниях может найти поддержку более могущественных иностранных государств и приведет, таким образом, к распаду империи. В 1863 году эти опасения оказались необоснованны: британская и французская поддержка поляков осталась на словах, и ни одна держава не была расположена географически достаточно удобно для вторжения в западное приграничье России. Однако с объединением Германии в 1871 году явилась новая, куда более опасная угроза контролю России над своими западными приграничными губерниями, равно как и её административной и экономической сердцеvine в европейской России и на Украине. Превращение Японии к началу XX века в военно и экономически сильную державу явилось дальнейшим вызовом безопасности России, поскольку её Азия была едва освоена, связь с дальним центром империи оказалась слаба, а на южных границах с упадком Китайской империи возник вакуум власти.

Из всех вероятных угроз российской безопасности к 1900 году сильнейшую всё же представляла Германия, отчасти из-за её уникальной военной и экономической мощи, а также благодаря удобному расположению империи Гогенцоллернов для вторжения на территорию России. Военная и экономическая мощь усиливала дерзость и амбиции Германии. В то же время стремление создать новую нацию и удержать в узде политические и психологические последствия стремительной общественно-экономической модернизации, имели в итоге всё более очевидное обращение к германскому национализму как средству объединить общество и подтвердить легитимность правящей элиты. К тому же, по мере развития германской экономики, Берлин неизбежно питал интерес к регионам, традиционно считавшимся в сфере влияния других держав. В случае России имелись в виду, прежде всего, Османская империя и Персия. Тот факт, что в рейхе Гогенцоллернов, в 1900 году уже самом могущественном государстве Европы, проживало менее половины всех немцев мира, являлся следующей причиной беспокойства его соседей. Пангерманская пропаганда навевала такие опасения, подчеркивая возможность почти неограниченной германской экспансии, включая пределы Российской империи, населенные этническими немцами.

Из германских сообществ за пределами государства Гогенцоллернов самой крупной и значимой была монархия Габсбургов, где в правящей элите традиционно преобладали этнические немцы. Германо-австрийский союз 1879 года частично произрастал из культурной близости, чем-то в определенной мере напоминая последующую солидарность Великобритании и США. С ростом немецкого национализма и столкновением славян и германцев внутри монархии Габсбургов становилось весьма спорным, долго ли сможет Вена проводить внешнюю политику, не основанную на союзе с Берлином. Это было верно вдвойне, так как не только австро-немецкая, но и венгерская элита питали интерес и симпатию к тесному сближению с Германией. Сближение рассматривали как поддержку не только

внешней позиции монархии в соперничестве с Россией на Балканах, но также преобладания немцев и венгров внутри монархии, как и позднее освобождение от любого возможного германского воссоединительного движения, поддерживаемого Берлином. Если Бисмарк пытался балансировать между безусловным обязательством сохранить существование Австро-Венгрии и увещеванием Петербурга, что Германия никогда не позволит себе бросить вызов существованию российским интересам, то его преемники были менее искусны и осторожны. Их отказ в 1890 году возобновить с Россией «Договор перестраховки» привел к заключению Франко-русского союза 1894 года, главной столпу российской внешней и военной политики вплоть до захвата власти большевиками в 1917-м.

Логической основой Франко-русского союза явилось объединение усилий двух второстепенных держав Европы с целью сделать всё необходимое, чтобы никакие их интересы не были попорны потенциальным гегемоном на континенте — Германией. Этот союз предназначался удержать Германию от подобных поползновений или разгромить её в войне, если устрашение не удастся. Деление Европы на два военных союза почти лишало сомнений, что любое столкновение великих держав поглотит весь континент. И всё же, Россия в первое десятилетие царствования Николая II сохраняла дружественные отношения с Берлином и Веней. Отчасти это объяснимо тем, что Петербург сосредоточил своё внимание в основном на Дальний Восток, а это, в свою очередь, помогло договориться с Австрией о поддержании статус-кво на Балканах.

Поражение в войне с Японией 1904–1905 годов и затем Революция 1905–1906 годов заметно ухудшили положение России. Осознание ее слабости поощрило Германию и затем Австрию отстаивать свои интересы в Марокканском кризисе 1905–1906 годов и в Боснийском кризисе 1908–1909 годов агрессивнее, чем при ином стечении обстоятельств. В оправдание Берлина надо отметить, что Германия не воспользовалась ослаблением России для установления своей гегемонии в Европе, хотя легко могла сделать это в любой момент между 1905 и 1909 годами. Правительство России, обеспокоенное своей международной уязвимостью и отсутствием авторитета внутри страны, было напугано австрийской агрессией на Балканах после 1909-го и для противодействия ей помогло создать Лигу балканских государств. Однако существование лиги, напротив, способствовало ослаблению стабильности на Балканском полуострове и росту напряженности между Россией и Австрией. Вызов политике царского режима был брошен возникшими в России либерально-националистическими партиями. Они доказывали свой патриотизм, напирая на миссию России на Балканах и противореча своей поддержкой этой миссии осмотрительности и робкости правительства. Под давлением всего этого возник разрыв между декларативной и реальной готовностью Петербурга защитить свои внешнеполитические интересы, когда им брошен вызов. Противников России это скорее поощрило не считаться с официальными заявлениями Петербурга. Они полагали, что их давление будет вознаграждено. Это имело значение в 1914 году.

Османская империя казалась на грани распада. Разгром итальянцами в 1911–1912 годах и Балканской лигой в 1912–1913 годах сопровождалась политическими волнениями в Константинополе. Судьба турецких владений и Балкан затрагивала интересы всех главных европейских держав и имела основное значение для баланса сил в Европе. Что касается Балкан, наиболее вовлечены были Австрия и Россия. Генеральные штабы обеих держав придавали большое значение поддержке армий

балканских государств в случае европейской войны. И чем вероятнее она становилась, тем более овладевал этот приоритет Петербургом и Веной. Для русских Константинополь и проливы имели огромное стратегическое и экономическое значение. Если бы держава-конкурент установила свой контроль над проливами, российские черноморские порты и торговля, включая экспорт зерна, на котором основывались торговля и финансы империи, попали бы в полную зависимость от этой державы. Для Австрии важны были и Константинополь, и ещё серьезнее угроза балканского национализма внутренней стабильности многонациональной империи Габсбургов. Балканские войны 1912–1913 годов заметно увеличили территории Сербии и Румынии, как и амбиции и самоуверенность сербских и румынских националистов. Монархия Габсбургов включала крупные недовольные меньшинства, сербское и румынское. В 1914 году Вена опасалась вскоре полностью утратить влияние на независимые балканские государства, что, в свою очередь, ослабило бы способность контролировать славянское и румынское население своей империи. Правители государства Габсбургов полагали, что подтверждение мощи и живучести империи важно для поддержания благоговейного страха у потенциальных внешних и внутренних врагов и опровержения широко распространенного мнения, что монархия умирает и обречена на исчезновение в эпоху национализма и демократии. Австрийский ультиматум Сербии в июле 1914 года, конечно, предназначался наказать Белград за убийство эрцгерцога Франца Фердинанда; более существенной целью, однако, являлось превратить Сербию в австрийский протекторат и восстановить власть и влияние правительства Габсбургов на Балканах и внутри своей империи.

Австрийский ультиматум Сербии ставил русское правительство перед жуткой альтернативой. В 1914 году правители России не хотели войны. Если Николай II и мечтал о военной славе, то война с Японией полностью развеяла эти мечты. Она показала правящей элите тесную связь войны с революцией. Война с Германией могла стать популярнее, чем с Японией, но её тяготы и опасности оказались бы несметно больше. Русские генералы обычно с глубоким уважением относились к немецкой армии и считали, что русская ей в целом уступает. Более того, русские руководители имели основание полагать, что время работает на них. Со строго военной точки зрения, конфликт следовало отсрочить до завершения в 1917–1918 годах «большой программы» перевооружения. Россия уже контролировала почти шестую часть всей земной суши. Ее ранее недостаточно освоенный потенциал начал развиваться с огромной скоростью. Отнюдь не только Петр Столыпин считал, что за двадцать лет мира Россия может стать богатой, стабильной и могущественной. К несчастью для России, и немцы, и австрийцы хорошо это осознавали. Многие в Берлине и Вене полагали, что боязнь революции удержит Россию от решительного ответа на австро-германский вызов; но в то же время ощущали, что война предпочтительнее теперь, чем десяток лет спустя.

Действительно, в июле 1914 года русскому правительству весьма трудно было не противостоять Центральным державам. Легитимность режима оказалась поставлена на карту, как и патриотизм, гордость и самоуважение лиц, главных в принятии решений. Еще важнее было убеждение, что проявление слабости нанесет фатальный вред международному положению России и ее безопасности. Превращение Сербии в австрийский протекторат позволит в случае будущей войны совершить весьма значительную переброску габсбургских войск с юга на русский фронт. Если Россия покорно разрешит Австрии поглотить своего сербского протезе, прочие

балканские государства утратят веру в российскую защиту от Центральных держав. Все могут перейти в лагерь Центральных держав, как, вероятно, и Османская империя. Даже Франция может усомниться в пользе союзника, столь униженно неспособного отстоять свой авторитет и жизненные интересы. Международные отношения до 1914 года вращались в основном вокруг желания и способности великих держав защищать свои интересы. В эпоху империализма не способные на это империи расценивались как умирающие и обреченные на расчленение. По мнению русских государственных деятелей, если Центральные державы выиграют состязание, жалко унизив Россию в 1914-м, то их аппетиты будут скорее возбуждены, чем утолены. В некоторый момент близкого будущего могла возникнуть угроза жизненным интересам России, за которые пришлось бы сражаться. Поэтому имело смысл рискнуть на борьбу теперь, в надежде, что это удержит Берлин и Вену, но в уверенности, что если война охватит Сербию, то на стороне России будут сражаться Франция, и, возможно, Великобритания и некоторые другие государства.

Логика, которая вовлекла царский режим в войну в 1914 года, также сделала невозможным последующий сепаратный мир с Германией, даже если Берлин захочет откупиться от России щедрыми уступками. Николай II полагал, что его личная честь связана с франко-британским союзом. Он знал также, что российская элита, включая генералитет, жаждет победы и не позволит заключить мир с Германией на каких-либо иных условиях. Любая его попытка завязать переговоры с Берлином стала бы политическим самоубийством. К тому же, заключить сепаратный мир с Германией означало позволить Берлину перебросить все свои войска на Западный фронт, с большим риском до 1917 года, что это вызовет поражение Франции и германскую гегемонию в Европе. Бросив союзников, изолированная Россия не сможет противостоять этой гегемонии. Если преобладание Германии в Европе было неприемлемо для России до 1914 года, то тем более — после победы, купленной ценою больших страданий, что только возбудило бы германские аппетиты и германскую ярость.

С военной точки зрения, Россия с августа 1914-го по март 1917-го не имела оснований искать сепаратный мир. Обычно слишком много внимания уделяют поражениям при Танненберге в августе 1914 года и Горлице-Тарнове в 1915 году. Русские военные усилия в Первую мировую войну были гораздо значительнее. Если в целом русская армия уступала германской, то справедливо то же самое сказать и о французской и английской армиях. В то же время, в ходе Брусиловского прорыва 1916 года русские войска проявили способность громить крупные немецкие соединения. Русские армии, как правило, превосходили австрийские войска схожей численности, а с турками в 1914–1916 годах воевали намного успешнее, нежели англичане в Галлиполи, Египте и Месопотамии. Российская оборонная промышленность в 1916 году проявляла чудеса. И если были основания сомневаться, что в 1917-м можно сохранить тот же уровень производства, то эти сомнения могли высказываться относительно экономики многих других воюющих стран. Верно, что разгром Румынии заставил перевести значительную часть войск и военных материалов на Южный фронт за несколько недель до начала революции и это, в сочетании с суровой зимой, вызвало беспорядок на железной дороге в тылу. Однако, с военной точки зрения абсолютно нет оснований считать, что Россия войну проиграла в феврале 1917 года.

Если перевести взгляд с Восточного фронта на общее положение Антанты, то вероятность победы России была весьма велика, пока мог держаться тыл.

Хотя Британская империя потенциально была самой могущественной державой Антанты, основное бремя войны на суше в 1914–1916 годах несли Франция и Россия. Когда в битве на Сомме в июле 1916 года британские войска в массе задействовали против германцев, и даже позднее британским армиям, хотя и храбрым до безрассудства, не хватало должной выучки, а их дилетантам офицерам и генералам — опыта командования массами людей. Даже в этом случае летом 1916-го общее воздействие Соммы, Вердена и Брусиловского наступления привело Центральные державы на грань поражения. Подобная, но лучше скоординированная попытка и достижение британскими силами своего пика открывали блестящие перспективы на 1917 год. Более того, к февралю 1917-го германская кампания неограниченной подводной войны сделала неизбежным вовлечение США в войну; при этом превосходство Антанты в ресурсах становилось бы подавляющим.

Приняв в 1914 году позиционный характер, Первая мировая война превратилась в ни что иное, как соревнование: тыл какой из воюющих держав рухнет первым. Россию эта судьба постигла во многом потому, что даже высший и средний слои общества, не говоря об организованном рабочем классе, были враждебнее к существующему строю и менее объединены в легальный политический порядок, чем даже в Италии, не говоря уж о Франции, Германии или Великобритании в 1914-м. Кроме того, оппозицию режиму не настолько раскалывали этнические границы, как Австро-Венгрию, и Россия сильнее других воюющих держав географически была изолирована от военной и экономической помощи союзников. Тем не менее, расстройство тыла не ограничивалось лишь Россией. Итальянский тыл был на грани развала после разгрома при Капоретто в 1917 году. Французская армия в 1917-м страдала от крупных беспорядков. В Соединенном Королевстве попытка объявить призыв в Ирландии превратила эту провинцию в неуправляемую и вскоре привела к гражданской войне. В 1918 году революции в Германии и Австрии сыграли гибельную роль, хотя, правда, в отличие от России, революционные события последовали за решающими поражениями на фронте и отчасти связаны с верным осознанием, что войну не выиграть.

Зима 1916–1917 годов оказалась решающей как для исхода Первой мировой войны, так и для истории Европы XX века. События в тылу и на фронте были тесно взаимосвязаны. Зимой 1915–1916 годов и в Германии, и в Австрии продовольственное снабжение населения сильно ухудшилось. Зима 1916–1917 годов подтвердила наихудшие ожидания. Убежденность германского военного командования, что тыл Центральных держав не выдержит дальнейшего давления, стала важным доводом к решению начать зимой 1916–1917 годов неограниченную подводную войну, которая, как надеялись, выведет Англию из войны и прорвет блокаду Антанты. Этот крайне важный просчет и глупость германского руководства втянули США в войну почти в тот момент, когда свержение царского режима готовило Россию к выходу из неё. Даже без американского вмешательства, маловероятно (хотя не невозможно), что германцы в 1917–1918 годах смогли бы добиться полной военной победы на Западном фронте. Но еще менее вероятно, что британцы и французы, в свою очередь, сумели бы победить Германию или добиться расторжения Брест-Литовского договора, который установил германскую гегемонию в Центральной и Восточной Европе. При распаде Российской империи и хождении России по мукам революции и Гражданской войны германцы из-за истощения своих сил на Западном фронте нуждались лишь в

мире, который давал прекрасный шанс для установления их гегемонии в большей части Европы. Без вмешательства США, такой мир был вполне в их силах в 1918–1919 годах.

Свержение монархии весьма быстро вызвало развал русской армии как боеспособной силы. Этому развалу содействовало Временное правительство своим обязательством организовать наступление на фронте летом 1917 г. Еще больший вклад внесли большевики своей пацифистской пропагандой. Многие из этой пропаганды было совершенно нечестно, начиная с обмана, будто возможен компромиссный мир с кайзеровской Германией. Если бы большевики в 1917-м проявили готовность на те уступки, на которые, в конечном счёте, пошли в Брест-Литовске, их популярность бы погибла. В Брест-Литовске Ленин шёл на рассчитанный риск, надеясь, что революция в Германии или победа Антанты освободят от большинства обязательств мирного договора.

Для ближайшего будущего Ленин оказался прав, но в долгосрочной перспективе крушение русских военных усилий и сепаратный мир большевиков с Германией должны были иметь тяжелые последствия. В Версале в 1919 году западные державы победительницы добились урегулирования в Европе за счет Германии, и России, относясь к обеим как побежденным. Поскольку Германия и Россия потенциально оставались сильнейшими державами континента, этот факт сам по себе в какой-то мере обеспечивал непрочность мирного урегулирования. Ещё вероятнее сделали это уход Америки в изоляционизм и потребность Британии в сохранении своей распространённой по всему миру империи на сузившейся основе. Французская армия не могла в одиночку сохранить европейское урегулирование, основополагающие принципы которого поражение и унижение Германии, частичное расчленение Германской и Российской империй и создание из слабых государств Восточной Европы «санитарного кордона» против коммунистической угрозы.

Действительно, когда в 1930-е годы вновь возникла германская угроза, предпринималась попытка возродить прежний франко-русско-британский союз. Однако существование антикоммунистического пояса буферных государств весьма затрудняло военное выступление СССР против Германии. К тому же, Париж и, особенно, Лондон ненавидели режим Сталина и глубоко не доверяли ему, хорошо зная временный и тактический характер его приверженности территориальному и социально-политическому статус-кво в Европе. Со своей стороны, советское руководство имело основание полагать, что многие представители британской элиты хотят увидеть, как Гитлер и Сталин схватят друг друга за горло. Из-за нехватки у Англии сухопутных сил и у Франции решимости вести оборонительную войну на рубеже линии Мажино, естественно было ожидать, что в случае войны союзников с Германией, основную тяжесть борьбы придется выдержать Советской армии. В конце 1930-х годов Сталин оказался перед лицом альтернативы, близкой той, с которой столкнулись царские государственные деятели в начале XX века: попытаться сдержать и, если необходимо, разгромить германский экспансионизм в союзе с Великобританией и Францией, или пойти на сделку с Берлином, допуская или даже поощряя конфликт с Лондоном и Парижем за гегемонию в Западной Европе и на морях. В 1939-м советские вожди сделали выбор противоположный принятому в 1900–1914 годах, но в обоих случаях последствия для русского народа были разрушительны. Тот факт, что это решение и его плачевные последствия должны были повториться на протяжении четверти века, значительно обязан, однако, событиям 1917–1918 годов.

Литература

- Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001.
- Лемке М. К.: 250 дней в царской Ставке: 1914–1915. Минск, 2003; 250 дней в царской Ставке: 1916. Минск, 2003.
- Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
- Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М., 2006.
- Первая мировая война: Воспоминания, репортажи, очерки, документы. М., 1989.
- Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998.
- Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.
- Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976.
- Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова. СПб., 1999.
- Уорт Р. Антанта и русская революция. 1917–1918. М., 2006.
- Уткин А. И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000.
- Gatrell P. Russia's First World War : a Social and Economic history. N.Y., 2005.
- Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd 1917. Seattle and London, 1981.
- Jones D. R. Imperial Russia's Forces at War // Military Effectiveness. Ed. by A. R Millet, W. Murray. Boston, 1988. Vol. 1: The First World War.
- Lieven D. : Russia and the Origins of the First World War. London, 1983; Empire: The Russian Empire and Its Rival. London, 2000.
- Sanborn J. Drafting the Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905-1925. DeKalb, 2003
- Smele J.D. The Russian Revolution and Civil War, 1917-1921 : an annotated bibliography. London, 2003.
- Stanziani A. L'Économie en revolution. 1870-1930. Paris, 1998.
- Stone N. The Eastern Front 1914–1918. London, 1975.

Февральская революция

ЦУОШИ ХАСЕГАВА

Если о характере Октябрьской революции последнее время спорят, то в вопросе о главной сути Февральской революции достигли единодушия. За примечательным исключением Георгия Каткова, который искал причины революции в заговоре масонов, либералов и немецких деньгах, большинство историков видит в ней истинную революцию, объединившую широкие слои общества и поддержанную ими; революцию, чьи коренные причины можно найти в противоречиях, присутствующих царскому строю. Это не означает, однако, что историки единодушны по всем аспектам Февральской революции. Конечно, оживленное обсуждение велось и ведется по определенным ее проблемам.

Воздействие Первой мировой войны

В последние три десятилетия историки создали впечатляющее множество монографий, убедительно доказав, что царский строй был чреват непримиримыми внутренними противоречиями, разрешить которые оказался не способен. Следует, однако, подчеркнуть, что наличие таких противоречий само по себе не делает революцию неизбежной. Если, по мнению Леопольда Хаймсона, Первая мировая война не изменила главную суть этих противоречий, то, по-моему, она оказала самое непосредственное и решающее воздействие на возникновение Февральской революции.

Во-первых, именно в ходе Первой мировой войны исторически ускорило разложение царской власти. И без того подгнившие основания самодержавия показали уязвимость того, что Ричард Пайпс назвал «патерналистским государством». Массовое бегство принципиальных сторонников самодержавия из круга сторонников императора, никогда бы не случилось, не будь Россия вовлечена в тотальную войну. Легитимность царского государства тесно связывалась с личностью царя. Это не означает, что такая система государства всегда отсталая и архаичная. Символ монархии и авторитета императора весьма эффективно использовали Германия, Япония и даже Великобритания для создания национально интегрированного, модернизированного и централизованного «государства-нации». В этом изменении Россия отставала от других великих держав. Царь не был и не смог стать символом «государства-нации». Первая мировая война раскрыла эту уязвимость царского государства. Если другие великие державы осознавали, что государственное выживание означает национальное выживание, то в России не было осознания этого, не хватало объединяющей идеи, связующей понятия Отечество, государство и царь, как их символ. Напротив, война разбу-

дила национальные чувства, которые сыграли разъединяющую роль в многонациональной стране. В войну авторитет царя постоянно ослабевал и, в конце концов, рухнул. Кульминацией этого процесса можно считать Февральскую революцию.

Во-вторых, война вызвала разрыв между самодержавием и либералами. Чувствуя приближение натиска с «низов», либералы образовали Прогрессивный блок в Думе и пытались убедить царя сформировать «министерство доверия», которому доверяет страна. Когда же царь непреклонно отклонил их оливковую ветвь, радикальное крыло либералов решило воспользоваться революционным движением, тогда как группа А. И. Гучкова задумала дворцовый переворот. Однако большинство либералов во главе с П. Н. Милюковым отвергли и то, и другое, опасаясь спровоцировать этим массовое восстание, которое, как они полагали, сметёт и государство, и общественные круги. Создание масонских связей, как подчеркнул Г. М. Катков, можно расценить как отчаянную попытку либеральной интеллигенции, в противовес большинству либералов, объединить оппозицию шире партийных границ с открытой целью свержения правительства, одновременно найдя жизненно важную связь с массовым движением.

В-третьих, условия военного времени вызвали новое оживление забастовочного движения рабочих, которое с лета 1915 года росло по частоте и воинственности. Как показывает исследование Майкла Мелансона, радикальные революционные партии, вставшие в общую оппозицию войне, усилили своё влияние на рабочий класс, потеснив «оборонцев», сторонников войны и сотрудничества с буржуазией. Острый системный кризис царизма радикализировал «оборонцев», которые, как и радикальные революционеры, жаждали свергнуть режим.

В-четвертых, Первая мировая война весьма изменила характер армии. В войну офицерский корпус сильно пополнился из средних городских слоев, и среди офицеров распространились оппозиционные настроения. Высшее командование всё определеннее видело в царе политическое препятствие на пути успешному ведению войны и утратило ощущение, что судьба нации связана с его спасением. Однако солдаты-крестьяне шли на войну без того патриотизма, который преобладал у образованных отборных частей войск. В третью военную зиму утомление и усталость от войны, несомненно, подточили моральное состояние солдат, которых более не оскорбляла политическая пропаганда против Распутина и «царицы-немки».

Наконец, война весьма изменила характер национальной экономики и общества в целом. Если в области политики царское правительство решительно противоречило курсу либералов, то на экономическом и социальном уровне вынуждено было мобилизовать общественные организации в помощь тотальной войне. Мацузато Кимитака полагает, что историков должно скорее изумлять не возникновение Февральской революции, а быстрота, с которой царский режим сумел создать систему военной мобилизации, вполне способную выдержать три года войны. Фатальным, по его мнению, стало со второй половины 1916 года не беспомощность царского правительства в мобилизации государства на тотальную войну, а неспособность согласовать интересы конкурентов в продовольственном снабжении. Когда правительство ввело в Петрограде карточную систему, демонстрации работниц дали искру, вызвавшую большой пожар.

Восстание. Ход событий

Восстание имело две стороны: рабочие забастовки и восстание солдат. Февральская революция началась 23 февраля 1917 года стачкой работниц текстильных фабрик Выборгской стороны Петрограда, которые вышли на улицу с единственным требованием: «Хлеба!» Забастовки сразу охватили соседние металлообрабатывающие заводы, и вскоре их возглавили более опытные активисты. К 25 февраля рабочее движение переросло во всеобщую стачку, парализовавшую нормальную жизнь столицы. 26 февраля правительственные войска начали регулярно стрелять по демонстрантам. Решительность правительства вызывала предчувствие даже у умудренных опытом руководителей революционных партий, что движение ожидает спад. Однако приказ стрелять ставил солдат перед неизбежным выбором между совестью и дисциплиной.

Воспроизвести точно ход солдатского восстания невозможно. Рано утром 27 февраля восстали солдаты запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка. Восстание быстро распространилось в запасные батальоны в соседних казармах. К полудню неуправляемые массы солдат и толпы сочувствующих, вывели из-под контроля правительства северо-восточную часть центра столицы. Второе вооруженное восстание, во главе с решительными рабочими активистами, возникло на другом берегу Невы, на рабочей Выборгской стороне. Сразу после полудня силы обоих восстаний соединились. Превратив Таврический дворец в свой центр, восстание распространилось по всему городу. Поздно вечером к нему присоединились почти все запасные батальоны. Правительство ушло в отставку, министры скрылись. Восстание в Петрограде победило.

Стихийность и руководство в восстании рабочих

Традиционная либеральная историография рассматривает Февральскую революцию как «лишенную руководства, спонтанную». Советская историография, напротив, долго считала руководителем восстания рабочих партию большевиков. В 1956 году советский историк Э. Н. Бурджалов бросил вызов официальному взгляду, утверждая, что кроме большевиков в забастовочном движении играли роль другие социалистические группы, включая эсеров, межрайонцев и меньшевиков-интернационалистов. Бурджалов также усомнился в мифе о монолитном единстве большевистского руководства, указав на расхождения между Русским бюро ЦК РСДРП (б) во главе с А. Г. Шляпниковым и активистами Выборгского райкома большевиков.

Хотя вопросы, поднятые Бурджаловым, не получили ответа у советских историков, державших оборону на идеологическом фронте, ответ дали западные историки. Автор данной статьи развивал тезис, что восстание рабочих поддержала группа заключенных революционных рабочих-активистов. Предположение Бурджалова, что небошевистские группы активно участвовали в рабочем движении, наиболее убедительно доказал Мелансон, который приписал важнейшую роль в Февральском восстании левым эсерам и межрайонцам.

Дэвид Лонгли, однако, отмёл, как надуманный, весь спор вокруг «сознательности» и «стихийности». По его мнению, проблема искусственно создана советскими

мемуаристами в обстановке внутренней борьбы за власть в 1920-е годы. Под особое сомнение поставил он общепринятую датировку начала Февральской революции забастовкой работниц Выборгской стороны 23 февраля, и критиковал изображение Выборгской стороны центром событий. Взамен он предложил считать началом революции забастовку на Путиловском заводе 22 февраля; восстание, по его утверждению, возглавляли беспартийные, «которые просто оказались на высоте положения».

Более пристальное изучение архивных свидетельств выявляет многочисленные упоминания «хулиганства» демонстрантов, особенно женщин и молодежи. Они били витрины магазинов, уносили товары и прерывали трамвайное движение. Это вызывает доверие к новаторской работе Джоан Ньюбергер о хулиганстве в предшествующий период и поддерживает её вывод, что хулиганские действия надо рассматриваться как часть революционного движения против власти. Спор о стихийности и руководстве в революции далеко не исчерпан. Насущная задача историков исследовать рабочее движение в дни Февраля, освобождаясь от узкой ограниченности советской историографии, но, так же, не забывая, что это стихийный непонятный взрыв.

Восстание солдат и беспомощность властей

Если что и обеспечило победу восстания, так не рабочее движение, а восстание солдат. Гораздо сложнее найти прямую связь действий солдат с революционной пропагандой. По мнению Аллана Уайлдмана, эти действия в большей мере объясняет внутренняя логика, свойственная русским войскам. Солдатское восстание не было настолько взрывным, чтобы мгновенно охватить весь Петроградский гарнизон. Многие солдаты упорно сопротивлялись призыву присоединиться к восстанию, тогда как другие сохраняли нейтралитет до позднего вечера, когда победа восстания уже не вызвала сомнений. Большинство солдат реагировало на восстание не столь определенно, как принято считать.

Восстав, солдаты превратились в беспорядочную, анархическую, неуправляемую толпу, не признающую любую власть. Они не предпринимали каких-либо сознательных и согласованных попыток овладеть стратегическим положением, оставили незатронутыми оплот правительственных сил и важнейшие центры связи. Внимательный анализ действий верных правительству войск опровергает мнение о том, что лояльные силы «таяли, как только вступали в соприкосновение с революционными толпами». Лояльные войска подчинялись приказам командующего Петроградским военным округом генерала С. С. Хабалова и не расходились, пока глупость командования не сделала их сопротивление бессмысленным. Некоторые части активно противостояли нападению повстанцев. Эта обстановка навела Каткова на мысль доказать, что небольшой отряд войск во главе с решительным и способным офицером мог подавить восстание.

Конечно, Катков доказывал, что власти демонстрировали чудовищную неумелость, недалековидность, слабонервность, бестолковость и отсутствие руководства, качеств, ответственных скорее за распад лояльных войск, чем за желание солдат присоединиться к восстанию. Эта некомпетентность никоим образом не случайна, но укоренена в структурной слабости самого режима. То, что серьезную

ответственность за безопасность в столице доверили таким неумелым военным и гражданским руководителям, показывает органический распад царской системы. Более того, эта неспособность подчеркивает повсеместные психологические сомнения, применять ли силу против народного восстания. Реакция многих офицеров-командиров на восстание показала отсутствие преданности режиму и страх, что попытка подавления может вызвать кровавую месть. Почти не было сомнений, что солдатам отвратительна задача усмирения волнений. Приказ Николая II стрелять загнал в угол, где не осталось места для балансирования между дисциплиной и совестью.

По самой своей природе солдатское восстание придало радикализм революции. Выбор между открытым неподчинением и дисциплиной стал вопросом жизни и смерти. Для нарушивших дисциплину солдат пути назад не было, а успех восстания зависел от их способности убедить других присоединиться. Динамика солдатского восстания также предопределила действия остальных солдат. Восстание полностью выбило почву из-под нейтралитета: солдатам пришлось выбирать: сохранить дисциплину или присоединиться к восстанию. Поскольку солдаты нарушили дисциплину, их личную безопасность могла гарантировать лишь уверенность, что старый порядок не будет восстановлен. Этот страх подавления революции еще более радикализировал.

Образование Петроградского Совета

27 февраля, когда на улицах воцарились беззаконие и хаос, в Таврическом дворце были созданы два центра власти: Петроградский Совет рабочих депутатов и Временный комитет Государственной думы (ВКГД). Петроградский Совет был образован по инициативе лидеров Рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета, только что освобожденных из тюрьмы. Они рассматривали Совет лишь как координирующий центр стачечного движения. В Петроградском Совете руководство сразу захватил назначивший сам себя Исполнительный комитет (ИК), где поочередно властвовали трое интеллектуалов-социалистов: Н. Н. Суханов, Н. Д. Соколов и Ю. М. Стеклов. В решающий период с 27 февраля по 4 марта эта тройка определяла задачи власти и задавала первоначальное направление Петроградскому Совету.

По вопросу о власти они последовательно настаивали, что Временное правительство должно быть буржуазным. Эту точку зрения предопределила не только марксистская догма, что буржуазно-демократическая революция должна предшествовать пролетарско-социалистической, но и реальное понимание, что у революционной власти, исходящей только от восставших масс, возможно, нет шансов уцелеть. Они боялись превращения восстания в хаос и анархию и приближения к столице карательного отряда, посланного с фронта. Им казалось, что единственный способ предотвратить гражданскую войну и спасти восстание это остановить развитие революции привлечением думских либералов, двусмысленно бездействовавших.

Вызов этой позиции бросили сами восставшие массы. Их ошеломительная поддержка Петроградскому Совету начала превращать его в нечто большее, чем предполагали его создатели. Вопреки общепринятому мнению, будто Петроградский Совет изначально учрежден как революционная власть, и передал власть, которой

владел, в руки буржуазии, контроль Петроградского Совета за повстанцами в эти первые три дня был в лучшем случае слаб.

Петроградские рабочие быстро откликнулись на призыв ИК делегировать своих представителей. Полного списка предприятий и организаций, на которых прошли выборы, не существует, но, кажется, ясно, что неожиданное присоединение рабочих и служащих, державшихся в стороне от стачечного движения во время войны, способствовало усилению влияния умеренных социалистов за счет радикальных. Эти делегаты имели различные политические взгляды, но, несмотря на эти различия, проявляли преданность скорее Петроградскому Совету, чем ВКГД. Для восстановления порядка и закрепления завоеваний революции промышленные рабочие быстро организовали рабочую милицию на своих предприятиях и в жилых кварталах. Они ревниво оберегали независимость этих сил и сопротивлялись попыткам влить их в городскую милицию.

Однако самым решающим фактором, определившим характер Петроградского Совета, был «солдатский вопрос». 28 февраля Военная комиссия ВКГД издала «Приказ Родзянки», предписавший солдатам и офицерам вернуться в свои казармы и подчиниться новой военной дисциплине. Усмотрев в этом попытку восстановить старый порядок, солдатские делегаты 1 марта ворвались на пленарное заседание Петроградского Совета и продиктовали свои требования руководителям ИК. Там это восприняли без особой охоты, но ничего не оставалось, как издать Приказ № 1 Петроградского Совета. Действия солдат как катапульта вбросили Петроградский Совет в центр власти, которой восставшие солдаты предпочли выразить свою преданность.

Так, имеющая решающее значение и непреодолимая пропасть, которая отделяла низшие слои от привилегированного общества, стала очевидна. Напуганный вероятностью того, что восставшие заставят Петроградский Совет взять на себя правительственные полномочия, ИК Совета решил в переговорах с ВКГД ускорить создание буржуазного Временного правительства.

Образование Временного комитета Государственной думы

Вечером 27 февраля думские либералы столкнулись с тремя основными проблемами: во-первых, победоносное восстание создало собственный центр в Петроградском Совете; во-вторых, неговорчивый царь, за спиной которого верховное командование, полон решимости подавить революцию; наконец, они сами в Думе единственная власть в столице после падения царского правительства. Восстание создало общий фон Февральской революции, но действия либералов, которые стремились разрешить две первые проблемы с помощью третьей, определили особый курс революции.

Сложнейшим для либералов вопросом в Февральскую революцию была легитимность правительства, которое они намеревались создать. С одной стороны, они искали преемственности старому режиму, пытаясь добиться от царя санкции на образование правительства. Однако восставшие постоянно толкали либералов в радикальном направлении действий и вынудили принять как источник легитимности саму революцию. Между этими двумя источниками легитимности было исходное противоречие и, в итоге, Временное правительство, стремясь к обоим, осталось ни с чем.

Сначала реакция Думы на восстание была медленной и нерешительной. Когда столица оказалась в руках восставших, думцы ограничились «частным совещанием». Они отклонили предложения ввести военную диктатуру и объявить Думу Учредительным собранием. Возобладало уклончивое предложение Милюкова «подождать и посмотреть».

Именно восставшие солдаты подтолкнули колеблющихся думцев в радикальном направлении. Пренебрегая военной дисциплиной и священной присягой царю, они искали власть, которая наделит их действия легитимностью, и устремились в Таврический дворец за санкцией Думы. Она ответила на это неохотно формированием ВКГД, чьей заявленной целью, как единственной законной власти в отсутствие какого-либо правительства, было восстановление порядка в столице.

Действия ВКГД были явно революционны, хотя стремились скорее ограничить развитие революции, чем ему способствовать. ВКГД санкционировал арест бывших царских министров, должностных лиц и служащих полиции, принял на себя функции государственного аппарата, назначив своих комиссаров, одобрил создание городской милиции, призванной заменить старую полицию, и взял под свой контроль Военную комиссию Петроградского Совета. Но поскольку конечная цель ВКГД — восстановление порядка и предотвращение дальнейшего развития революции — в корне расходилась с устремлениями восставших, ему не удалось добиться их признания. Единственным способом обрести легитимность в глазах восставших было получение признания со стороны Петроградского Совета. Когда ИК Совета предложил начать переговоры об условиях «передачи власти» Временному правительству, либералы ухватились за эту возможность.

Эта политика терпела неудачу. Восставшие навязывали свою волю, мало считаясь с намерениями своих руководителей. Способ издания Приказа № 1, отказ восставших сдать оружие, нежелание рабочих слить свою милицию с городской — все это указывало на провал попыток Временного правительства заручиться поддержкой восставших. Когда Милюков 2 марта объявил о создании Временного правительства, массы отреагировали враждебным вопросом: «Кто вас выбрал?». Милюков ответил: «Нас выбрала революция». И он знал, и они знали, что это не совсем правда. Со своей стороны руководители Совета, несмотря на стремление помочь буржуазии сформировать Временное правительство, не могли дать ему безусловную поддержку, не утратив доверия восставших. Их ограниченная поддержка делала существование Временного правительства непрочным: оно существовало лишь с молчаливого согласия Петроградского Совета.

Отречение Николая II и конец контрреволюции

На весть о восстании в Петрограде Николай II реагировал политически и лично. Политически его решение было просто и категорично. Отвергая любой компромисс, он решил послать карательный отряд во главе с генералом Н. И. Ивановым подавить революцию. Генерал М. В. Алексеев, начальник штаба Ставки, занялся подготовкой отправки значительного подкрепления Иванову. Оставив военные действия на полное усмотрение Иванова и Алексеева, Николай II думал

лишь как бы попасть к своей семье в Царское Село. 28 февраля царь покинул Могилев, физически самоустранившись из центра принятия решений.

Несомненно решающая роль ВКГД в остановке движения сил контрреволюции и в принуждении Николая отречься. А. А. Бубликов, комиссар ВКГД в Министерстве путей сообщения, сумел взять под контроль всю железную дорогу, по которой передвигались карательный отряд Иванова и Николай II. Осторожно манипулируя информацией, ВКГД помешал продвижению этого отряда и подкреплений и прибытию поезда Николая II в Царское Село.

Военачальники также сыграли важную роль в остановке карательной экспедиции и принуждении Николая II отречься. Сначала высшее командование поддержало намерение Николая II подавить революцию. Но как только оно узнало о переходе власти к думским либералам, начало тесно сотрудничать с ВКГД и без санкции царя решило остановить карательный отряд. Более того, легковерно полагаясь на правдивость информации, умело подтасованной ВКГД, военачальники совместно надавили на Николая II, убеждая отречься. Отрезанный от семьи и покинутый всеми военачальниками, которым доверял, Николай II неохотно уступил.

Действия военачальников определяло, в конечном счете, желание сохранить боеспособность войск. Не вызывало сомнения, что офицеры и солдаты откажутся идти на подавление революции. Если бы отдали такой приказ, в самой карательной экспедиции могло возникнуть восстание. Военное подавление революции, даже в случае успеха, лишило бы блеска образ России в глазах демократических союзников, а последующая политическая неопределенность могла парализовать способность России воевать. В этом смысле военачальников и думских либералов объединял интерес избежать кровопролития. Недостаток воли у ряда военачальников, обусловленный их психологией и политической ориентацией, также отражал смертельную болезнь умирающего режима.

Отказ великого князя Михаила и образование Временного правительства

Вечером 27 февраля ВКГД решился взять власть, но не провозгласил себя сразу правительством. Первый список членов Временного правительства, заметно отличающийся от состава ВКГД, составили только 1 марта, а объявили о его создании лишь 3 марта. Задержка в образовании правительства и различие его состава с ВКГД вызваны упорной борьбой за власть между лидерами либералов, полностью связанной с вопросом о легитимности Временного правительства.

Милюков составил список состава правительства 1 марта под давлением разных групп либералов. М. В. Родзянко, явно неприемлемый для восставших, был исключен из списка, а князь Г. Е. Львов рекомендован на пост премьер-министра и министра внутренних дел. Одновременно Временное правительство сознательно оборвало официальные связи с ВКГД, стремясь убедить восставшие массы, что источник его легитимности сама революция. Милюков, архитектор Временного правительства, назначил себя министром иностранных дел, тогда как Гучков стал военным и морским министром. Назначение Керенского министром юстиции обеспечило живую связь с Петроградским Советом.

Важным и не решенным в историографии остается вопрос, насколько влияла масонская организация в определении состава Временного правительства. Катков сделал этот вопрос центральным сюжетом своей интерпретации Февральской революции, но большинство историков избегало этой темы. Масонские связи сыграли решающую роль в Февральской революции в двух важных отношениях: подборе министров Временного правительства и отказе великого князя Михаила Александровича принять престол. О пяти министрах — А. Ф. Керенском, Н. В. Некрасове, А. И. Коновалове, М. И. Терещенко и И. Н. Ефремове — известно, что они состоят в тайной организации политического масонства. Однако трудно проверить имеющиеся сведения о каком-то «заговоре» масонов. Для окончательного вывода по этому вопросу необходимы дополнительные свидетельства, особенно документы архива Кусковой, закрытого до сих пор для исследователей, а также дальнейшее выяснение роли Коновалова, чья деятельность в революцию остается таинственно невидимой.

Финальный акт Февральской революции — отказ от принятия престола великого князя Михаила Александровича — вбил последний гвоздь в гроб монархии в России. Сначала думские либералы добивались отречения Николая II в пользу сына Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. Иначе говоря, сначала либералы не собирались уничтожить монархию. Два значительных события изменили их взгляд. Первым было гневное противодействие масс попытке сохранить монархию. Вторым оказалось неожиданное решение Николая II не только от своего имени, но и от имени сына отречься в пользу своего брата Михаила.

Эти новые обстоятельства вновь вызвали энергичное перемещение власти среди думских либералов. Милюков считал решающим для получения легитимности Временного правительства от старой власти и обеспечение законодательной и официальной преемственности между ними. Керенский, Коновалов и Некрасов — и здесь можно говорить о втором решающем влиянии масонских связей — стремились уничтожить монархическую систему и учредить Временное правительство на республиканской основе.

Родзянко сыграл решающую роль в отказе великого князя Михаила Александровича. Вероятно, Родзянко, действительно испугал призрак грядущих народных волнений, которые вызовет сохранение монархии. Но имели значение и личные амбиции. Надеясь поднять свой престиж, серьезно подорванный «Приказом Родзянко», он пытался поддержать образ Думы и свой собственный присоединением к радикальному крылу либералов.

3 марта члены ВКГД и Временного правительства встретились с великим князем Михаилом Александровичем. Керенский, при поддержке Некрасова, Коновалова и Терещенко, привел доводы в пользу отказа от престола, тогда как Милюков, не встретив поддержки, доказывал необходимость сохранить монархию. Посовещавшись с Родзянко и князем Г. Е. Львовым, великий князь Михаил Александрович решил не принимать престол. Монархическая система, таким образом, закончилась без церемоний. В ночь на 4 марта разные газеты напечатали рядом манифест об отречении Николая II и акт об отказе великого князя Михаила Александровича принять престол. Февральская революция завершилась.

Заключение

Важнейшим результатом Февральской революции стало крушение царского государства. Неожиданно и окончательно рухнула единственная власть, связующая

учреждения, бюрократию, общество и народы империи. Временное правительство не имело ни власти, ни идеологии, достаточно мощной и ясной для объединения в единое государство того, что осталось от царского государства, и того, что возникло в результате восстания. Но и Петроградский Совет, чьи вожди всячески желали устраниваться от государственных полномочий, не мог заполнить вакуум, вызванный падением старого режима. Эту ситуацию лучше охарактеризовать понятием «распад государственной власти», а не привычным термином «двоевластие», поскольку реальной власти не имел ни один орган. Реальная власть на деле распределялась между всевозможными низовыми организациями, и они ее ревниво оберегали. Это положение закрепилось благодаря глубокой революции сознания масс. Они неожиданно поверили в свою способность решать собственную судьбу, но в то же время ими владел постоянный страх, что слабую власть в любой момент могут отнять реальные или воображаемые классовые враги. Февральская революция означала и конец прежнего режима, и начало нового революционного процесса.

Литература

- Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.
- Бурджалов Э. Н.: Вторая российская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967; Вторая российская революция: Москва, фронт, периферия. М., 1971.
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России. М., 2006.
- Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997.
- Лейберов И. П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1979.
- Мельгунов С. П.: На путях к дворцовому перевороту. М., 2007; Мартовские дни 1917 г. М., 2008.
- Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005.
- Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля — 25 октября 1917 года. Л., 1991. Т. 1.
- Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.
- Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1.
- Февральская революция 1917 г.: Сб. документов и материалов. М., 1996.
- Черняев В. Ю.: Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 года // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Сб. научных трудов. Л., 1989; Ораниенбаумское восстание в феврале 1917 г. // Исторические записки. М., 1986. Т. 114.
- Ferro M. The Russian Revolution of February 1917. London, 1972.
- Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia 1905–1917 // Slavic Review. 1964. Vol. 23, No. 4; 1965. Vol. 24, No. 1.

- Hasegawa T.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle; London, 1981.
- Kimitaka M.* Soryokusenso to chihotochi: daichiji sekaitaisenki roshia no shokuryojigyo to nojishido [Тотальная война и власть на местах: Продовольственное снабжение и аграрное руководство] (докторская диссертация). Токуо, 1995.
- Longley D.* Iakovlev's Question, or the Historiography of the Problem of Spontaneity and Leadership in the Russian Revolution of February 1917 // *Revolution in Russia: Reassessment of 1917*. Cambridge, 1992.
- Melancon M.* Rethinking Russia's February Revolution: Anonymous Spontaneity or Socialist Agency?// *Carl Beck Papers*, 2000.
- Melancon M.* The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti-War Movement, 1914–1917. Columbus, 1990.
- Neuberger J.* Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg 1900–1914. Berkeley, 1993.
- Rendel M.* Defenders of the Motherland: the Tsarist elite in Revolutionary Russia. N. Y., 2010.
- Wildman A.* The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980. Vol. 1. The Old Army and the Soldiers' Revolt (March—April 1917).

Апрельский кризис

ЗИВА ГАЛИЛИ

В большинстве работ по истории 1917 года Апрельский кризис играет видную роль как первый в серии важнейших политических кризисов, обозначивших путь от Февральской революции к Октябрьскому перевороту, и как предвестник поляризации и радикализации последующих месяцев. Два дня, 20 и 21 апреля, общественное недовольство и враждебность в изобилии проявились на улицах Петрограда: происходили стычки сторонников Совета с оппонентами из средней буржуазии, выступившими в поддержку Временного правительства. При этом поведение тех и других мотивировалось совершенно разными ожиданиями. Развитие кризиса раскрыло мощную скрытую тенденцию социального конфликта, соединенную с критической слабостью политической власти правительства. Тем не менее, хронологически кризис протекал во время, отмеченное относительной плавностью, когда развитие революции казалось не предрешено, и ведущие политические деятели считали, что можно выдвинуть новые политические альтернативы для сдерживания социальных конфликтов и усиления политической власти. В результате, самый мягкий из революционных кризисов, заметный более своей театральностью, чем демонстрацией грубой силы, имел стремительные и драматичные политические последствия.

Дипломатическая «Нота Милюкова»

Непосредственной и наиболее легко допускающей приуменьшение причиной Апрельского кризиса стал конфликт по вопросу об определении задач внешней политики России, столкнувший Петроградский Совет с Временным правительством, особенно с министром иностранных дел П. Н. Милюковым. Первоначально вопросы внешней политики не входили в соглашение о «двоевластии», в котором поддержка Временного правительства со стороны Петроградского Совета была оговорена выполнением некоторых требований. Однако в середине марта с упрочением революции и ростом авторитета Совета среди его сторонников, интернационалисты — участники соглашения о «двоевластии» заявляли, что национальная и международная роль Петроградского Совета — прекратить войну. Обращение «К народам всего мира», составленное Н. Н. Сухановым и одобренное Исполнительным комитетом (ИК) 11 марта и общим собранием Совета 14 марта, осудило войну в целом и «захватные стремления» ее участников в частности. Через неделю ИК Совета обратился к практическим мерам, направленным на превращение этого положения в краеугольный камень российской внешней политики. К тому времени вождь меньшевиков И. Г. Церетели и его группа «сибирских циммервальдцев» вернулась из ссылки и взяла в руки инициативу определения политики Совета в отношении войны и Временного правительства.

Их политика «революционного оборончества» состояла в требовании мира «без аннексий и контрибуций» и одновременном поддержании боеспособности армии, также как и предпочтение спокойных переговоров для получения уступок от правительства.

Умеренная политика Церетели, казалось, восторжествовала 27 марта, когда после трехдневных напряженных переговоров Временное правительство обнародовало «Декларацию о задачах войны», осудив «господство над другими народами» и «насильственный захват чужих территорий». Однако, обращаясь скорее к русскому народу, чем к союзникам, декларация 27 марта указывала на существенные различия между Советом и министром иностранных дел в понимании военных целей России и роли Совета в их определении. В интервью и заявлениях, предшествовавших правительственной декларации, Милюков настаивал на праве России на Константинополь и Дарданеллы и навесил ярлык немецкой формулировки на лозунг «мир без аннексий». После 27 марта он не проявлял особой склонности уступать требованию Совета о переиздании декларации в форме официальной дипломатической ноты союзникам России. Когда пришлось издать такую ноту под давлением Совета, товарищ по партии кадетов и делегации от социалистов союзнических стран, он решил воспользоваться случаем вновь заявить о намерении России вести войну и пожать обещанные плоды победы.

Петроградский Совет, тем временем, публично поставил публикацию ноты условием своей поддержки правительственного Займа свободы. Руководители Совета ввели себя и своих сторонников в заблуждение, ожидая, что Милюков включит их революционное требование «демократического мира» в программу российской международной дипломатии. Так созрела почва для разочарования и ощущения предательства, с которыми руководители Совета и их сторонники восприняли дипломатическую «Ноту Милюкова», выпущенную 18 апреля и опубликованную в утренних газетах 20 апреля. Нота произвела впечатление скорее отрицания, чем подтверждения политических выводов декларации 27 марта, поскольку к тексту декларации приложили письмо, где министр иностранных дел обещал, что Россия продолжит войну «до решительной победы», будет «вполне соблюдать» свои союзные обязательства и, в конце концов, участвовать в установлении «гарантий и санкций». Эти слова вызывали подозрительные ассоциации с вызывающими возражение аннексиями и контрибуциями.

И все же, из всех проблем, порожденных Апрельским кризисом, конфликт по вопросам внешней политики был легче всего разрешим. В ночь на 21 апреля участники переговоров ИК Совета и Временного правительства, руководимые соответственно Церетели и левым кадетом Н. В. Некрасовым, договорились о компромиссном тексте разъяснения ноты. В нем вновь отвергались аннексии и объяснялись, вызвавшие раздражение понятия «гарантии» и «санкции», намеки на международные трибуналы, ограничение вооружений и т. д.

Хотя ИК не был сильно впечатлен этим компромиссом (при голосовании 21 апреля его одобрили 34 голосами против 19-ти, высказав пожелание, чтобы Совет усилил контроль над правительственной внешней политикой), полный состав Петроградского Совета в тот же день проголосовал 2 тыс. голосов против 13 за резолюцию, объявившую компромисс «крупным завоеванием демократии». Правительство и Временный комитет Государственной думы также одобрили разъяснение ноты. Причина, послужившая предлогом для кризиса, была, таким образом, устранена.

Противостояние в обществе

Хотя конфликт по вопросам войны и внешней политики создавал устойчивое разногласие с серьезными подтекстами, два других фактора, присутствовавшие в Апрельском кризисе, — конфликт в обществе и шаткость политической власти — должны были стать, пожалуй, более решающими для судеб революции.

В характеристике первого из факторов истории социальной революции сходится во взгляде, что на протяжении 1917 года общественная напряженность фокусировалась на главном водоразделе между «имущими» и «неимущими», даже когда линии разрыва создавались и менялись в более сложные очертания. Кроме того, они согласны, что в решающих моментах это основное разделение легко затмевало сложность и неопределенность общественных отношений. Конфликт, касающийся «Ноты Милюкова», являлся, несомненно, таким. Он объединял в корне отличные группы ощущением недоверия и предательства, и одарил сторонников непримиримости готовой аудиторией из среды разочарованных и сбитых с толку. Большевики, как и кадеты, воспользовались этой возможностью.

Исследование Александра Рабиновича о большевистской партии дает осторожную, но выразительную оценку влияния большевиков на раннем этапе кризиса: «Рядовые члены партии из полков гарнизона и с заводов, безусловно, способствовали развертыванию уличных демонстраций». Позднее листовка, которую распространяли радикальные диссиденты из Петербургского комитета большевиков, дала непосредственный толчок неожиданному появлению 21 апреля у демонстрантов лозунга «Долой Временное правительство!». В первый день демонстраций большинство рабочих и солдат на улицах Петрограда протестовало все же не против правительства, а против его нежелания следовать указаниям Совета по пересмотру российской внешней политики. Они несли лозунги, оставшиеся от Первомайского праздника (18 апреля ст. ст.) и призывавшие к миру и братству, или новый, спешно составленный лозунг: «Долой Милюкова и Гучкова!» И лишь небольшая группа демонстрантов из более радикальных рабочих Выборгской стороны требовала отставки всего правительства.

Но если 20 апреля настроение демонстрантов выглядело мягче, чем последующие события, то не таким, как его отметил ЦК кадетов. В ответ на выпады против министров-кадетов и более широко на самонадеянность Совета, подвергающего сомнению власть правительства, ЦК завершил длительное заседание в ночь на 21 апреля воинственным воззванием, призвавшим граждан России участвовать в демонстрации против «анархии» и в поддержку Временного правительства. На следующий день тысячи сторонников кадетов и присоединившиеся к ним зажиточные горожане, интеллигенты и лавочники прошли по центральным улицам столицы и собрались у Мариинского дворца, где Милюков и военный министр А. И. Гучков появились перед ними как представители правительства. Вид «буржуазных» демонстрантов с лозунгами «Долой анархию!» и «Да здравствует Милюков!» стал, возможно, решающим в создании настроения рабочих и солдат — участников демонстраций на второй день кризиса. Были очевидны ощущение обманутого доверия и возобновленное состояние войны. Многие демонстранты теперь вооружились и возникали яростные столкновения противостоящих групп.

Эти примеры кристаллизующегося общественного конфликта, вскормленные давним недоверием и ощущением измены и раздутые противниками примирения в обществе, возникли снова и с гораздо большей ясностью и силой в

Июльские дни. И все же Апрельский кризис был не только первым в постепенно расширяющемся ряде общественного противостояния. Он расположен внутри уникальной фазы развертывания общественных отношений — перед завершением семинедельного периода беспрецедентных уступок различным требованиям рабочих, удивительного порядка и самодисциплины на предприятиях и на фронте, когда примирение и компромисс могли еще стать локомотивом перемен. Последующие два месяца увидят эрозию действенности примирения. На предприятиях вторая волна рабочих требований принесет новые, еще более значительные уступки, но они теперь достигались почти всегда путем забастовки. На фронте изменения скорее станут стремительным распространением деморализации и разложения. Однако 20 и 21 апреля оптимизм, порожденный Февральской победой, еще не был разрушен упорствующим правительством, все более укрепляющимся предпринимателями, настойчиво требующими рабочими и деморализованными солдатами. Относительная победа над «Нотой Милюкова» подняла престиж Совета, а успешные усилия его лидеров сдержать кризис восприняли как доказательство их ответственности и влияния среди сторонников.

Политический кризис

В конечном итоге именно в политической сфере Апрельский кризис наиболее драматично вскрыл, как и напитал, противоречия, присущие политическим соглашениям, порожденным Февральской революцией. Кризис хорошо развивался внутри структуры «двоевластия», созданной ИК Петроградского Совета в первые дни своей деятельности и заново оформленной новым «революционно оборонческим» руководством Совета. И все же это проявление действенности «двоевластия» в предотвращении анархии и достижении политического компромисса помогло лишь ускорить перегруппировку политических сил и переход от политики «двоевластия» к политике коалиции.

Изначально руководство Петроградского Совета демонстрировало свою силу и ответственность. Объявив, что «Нота Милюкова» «разрушила компромисс, делающий возможным сотрудничество с правительством», ИК Совета принял на себя обязательство требовать немедленного пересмотра ноты, хотя сначала в нем были расхождения между теми, кто считал нужным оказывать давление на правительство посредством демонстраций, и теми, кто советовал спокойные переговоры с министрами. Прибытие первых групп демонстрантов к Таврическому дворцу утром 20 апреля разрешило спор в пользу переговоров. Было выпущено воззвание к жителям города с призывом избегать любых демонстраций, не санкционированных Советом. Руководители Совета не высказывали несогласия с политическими целями демонстрантов, однако были полны решимости избежать неорганизованного проявления силы, которое могло подорвать шаткую власть правительства или спровоцировать яростные столкновения на улицах. Поэтому, когда 21 апреля стало известно о таких стычках, Совет единодушно решил на два дня запретить «всякие уличные митинги и манифестации» в Петрограде. Забота о власти правительства не помешала, однако, Исполнительному комитету выпустить воззвание, запретившее войскам исполнять любые приказы, не санкционированные Советом. При поддержке солдат Совет легко отменил изданный главнокомандующим

Петроградским военным округом генералом Л. Г. Корниловым приказ войскам выступить на защиту Временного правительства.

Апрельский кризис как раз наглядно показал, насколько слабо правительство, лишенное единственного самого важного средства проявления своей власти. В соединении с призраком социального конфликта слабость центральной власти вызвала широко распространившееся желание официального выражения единства, особенно среди тех промежуточных общественных и политических групп, которые надеялись предотвратить поляризацию. Организации интеллигенции, выборные местные власти, солдатские и офицерские организации, Советы крестьянских депутатов — все призывали Петроградский Совет и Временное правительство создать коалицию. В те же дни это же требование звучало от тех, кто был ближе всех к этим двум центрам политической власти: со стороны правительства — от Комитета московских общественных организаций, московских кадетов, министров Керенского и Некрасова и, наконец, от министра-председателя Г. Е. Львова; со стороны Совета — от Партии социалистов-революционеров и меньшевистской фракции Петроградского Совета, которая теперь соединилась в поддержке коалиции с трудовиками и группой правых социал-демократов газеты «День».

Внутри правительственного кабинета кризис ускорил раскол, который был в процессе развития с середины марта. Милюков и Гучков, поддержанные А. И. Шингаревым, Ф. И. Родичевым и ведущими кадетами, не состоявшими в правительстве, отстаивали неограниченную власть правительства, которое одно вправе говорить от лица национальных интересов России, и отвергали особое влияние на государственную политику со стороны Совета — просто «фанатичной» организации. Им противостояли со вновь вызванным чувством опасности, стремясь укрепить политическую власть правительства включением в него умеренных вождей Совета, четыре министра: Некрасов, не напуганный поражением своей левокадетской линии на партийном съезде в конце марта; Керенский, известный как трудовик; А. И. Коновалов, московский промышленник, активист Партии прогрессистов и общественных организаций военного времени, и М. И. Терещенко, беспартийный «кающийся капиталист».

Усиленный поиск более крепкой политической власти и спор вокруг лучших средств его достижения ускорили объявление 29 апреля об отставке Гучкова с поста военного министра. Совсем очевидно, что отставка Гучкова подчеркнула угрозу анархии, особенно в армии, и сопровождалась потоком обращений в Совет от солдатских комитетов и сочувствовавших демократии офицеров, чтобы Совет принял участие в правительстве для предотвращения дальнейшего разложения армии. Основные мотивы своей отставки Гучков изложил в речи на юбилейном заседании членов всех четырех Государственных дум 27 апреля, осудив поддержку Советом «двоевластия» и «многовластия», которые привели к «безвластию» и угрозе гражданской войны в стране. Если отставка Гучкова характеризовала кристаллизацию антидемократических сил, то также стала сигналом к их уходу из Временного правительства. 2 мая Милюков также вышел в отставку в знак протеста против предложения министра-председателя Львова Петроградскому Совету вступить в коалиционное правительство.

Политические последствия Апрельского кризиса, особенно отставка Гучкова, подчеркнули опасности, свойственные слабой политической власти правительства, и потенциальную угрозу антидемократической мобилизации, в то же время

также — перспективу укрепления либерального политического блока, страстно желающего сотрудничать с умеренным руководством Совета и принять его наиболее насущные требования. Эти угроза и перспектива сыграли решающую роль в драматическом изменении позиции петроградских меньшевиков по вопросу участия социалистов в правительстве. С первых дней революции меньшевики склоняли Петроградский Совет к отказу от такого участия в пользу «двоевластия». Даже когда Церетели стал в конце марта основным глашатаям меньшевистской политики, интерпретируя «двоевластие» как структуру не столько для давления на правительство, сколько для сотрудничества со всеми «живыми» (т. е. прогрессивными) силами страны, меньшевики, включая центристскую фракцию «революционных оборонцев», твердо отказывались от коалиции. К 25 апреля руководство партии одобрило резолюцию (составленную ближайшим союзником Церетели Ф. И. Даном). Она полнее, чем когда-либо, излагала идеологические и политические аргументы, годами собиравшиеся меньшевиками, чтобы устоять против вступления в коалиционное правительство. 28 апреля меньшевики склонили ИК отклонить первое предложение князя Львова войти в правительство. Таким образом, именно пересмотр их позиции вечером 1 мая позволил большинству сторонников коалиции объединиться на собрании ИК в эту же ночь и открыл путь переговорам о форме и программе нового коалиционного кабинета, начатым 2 мая.

С образованием коалиционного правительства Апрельский кризис и его политические последствия получили различное завершение. Коалиция была основным наследием кризиса, сохранявшимся до конца года, как и социальный конфликт и слабость политической власти, для исправления их предназначалась эта коалиция. Возможно, сильнее других кризисов 1917 года Апрельский кризис искушает историков отделить «объективные» события от мнений о них и политизирования в результате человеческой деятельности. В случае меньшевистских вождей Петроградского Совета эта деятельность явно заключала в себе преломление подлинной сути революционных перемен через сочетание идеологии, прошлого опыта и ожиданий, собственных меньшевизму. Но совершенно очевидно, что события конца апреля сначала укрепили, а затем затмили идеологические убеждения. В общих чертах существенное влияние Апрельского кризиса на ряд политических руководителей и политических решений весьма вероятно обусловлено не только вызванной им острой необходимостью, но также осознанием, что политические альтернативы еще возможны, осознанием, уже сдерживаемым в конце апреля, но еще не омраченным обостряющимся ощущением, как быстро могут исчезнуть эти возможности. Эта осознанная текучесть в свою очередь поддерживалась в преобладающем направлении общественных отношений, а также и в силу хронологии и простой истины, что альтернативы есть, пока не испробуют их и не отбросят.

Литература

Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999.

Галили Зива. Лидеры меньшевиков в Русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы и материалы: В 5 т. СПб., 1995. Т. 2. 1 апреля — 5 мая 1917 г.

Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992.

Церетели И. Г.: Воспоминания о Февральской революции: В 2-х т. Париж; Гаага, 1968; Кризис власти. М., 2007.

Rosenberg W. G. Liberals in the Russian Revolution, 1917–1921. Princeton, 1974.

Разложение Императорской Армии в 1917 году

АЛЛАН УАЙЛДМАН

Армия нового времени, основанная на всеобщей воинской повинности, является зеркалом своего народа, особенно во время войны. Поэтому в 1917 году русская армия стала главной ареной революционного движения и важной составляющей характера власти, повторяя перераспределение полномочий и разрыв по границе между классами, равно как и раздвоение власти на официальную и представительную. Более того, большим мобилизующим предметом спора и для масс, и для политической элиты было продолжение войны на фронте. Большевики обладали благодаря поддержке упорного стремления солдат-фронтовиков к миру, тогда как другие партии не могли этого сделать. Трижды в 1917 году, в феврале, августе и октябре, вызов фронтовиков подавлять революционные выступления в тылу терпел неудачу из-за нежелания солдат повиноваться офицерам. Этот перелом в поведении фронтовиков оказался решающим для исхода Революции 1917 года.

Армия в Февральской революции

В Февральскую революцию Императорская Армия насчитывала примерно 9 млн. человек и выдержала два с половиной года жестокой окопной войны, понесла потери 5,5 млн. человек, включая почти 2 млн. убитыми. Солдаты-фронтовики, сами терпя огромные лишения, узнавали о стачках, волнениях и голоде в тылу по письмам из дома и рассказам товарищей, вернувшихся из отпуска и прибывших в пополнение. Осенью 1916 года приказы выступить на фронт вызвали восстания целых полков и дивизий.

Официальное объявление об отречении царя от 3 марта солдаты-фронтовики восприняли как подтверждение ожидаемого мира. Они не верили объяснениям офицеров, полагая, что те сознательно утаивают объявление мира новым правительством. Результатом стали массовые аресты офицеров, вместо них избрание солдатами новых и попытки отправки в тыл делегаций.

Вскоре обычная дисциплина и военный порядок рухнули окончательно под воздействием свежих новостей о создании Временного правительства и Петроградского Совета, о восстании Петроградского гарнизона, о других восстаниях в казармах и местных революциях в ближайшем тылу, о новых законах и постановлениях о мире и переменах в военных верхах. Текст Приказа № 1 Петроградского Совета достиг фронта по радио, телеграфу, печатно в первом номере «Известий Петроградского Совета» и воспринимался солдатами и офицерами как приказ нового правитель-

ства. Отмена смертной казни и наделение выборных солдатско-офицерских судов дисциплинарной властью отняли у командования устрашающую силу наказания. Попытки офицеров задержать объявление новых правил в надежде на их отмену или смягчение лишь усилили напряженность и наполнили солдат решимостью получить достоверные сведения непосредственно из Петрограда и от Совета, становящегося новым символом власти.

Конфликты по этим вопросам привели к первому стихийному возникновению солдатских комитетов. Необходимость их для умиротворения вскоре поняли сами офицеры. Результатом стала перестройка за две-три недели порядков на фронте, которая копировала систему «двоевластия» в тылу. В последние две недели марта установилась система солдатско-офицерских комитетов на разных уровнях, от роты до армии и фронта, закрепленная приказами главнокомандующих фронтами и Ставки Верховного Главнокомандующего. Инициаторами и организаторами комитетов обычно были офицеры военного времени, образованные вольноопределяющиеся (врачи, ветеринары) и грамотные рабочие, давно связанные с политикой или революционным движением. Почти все они считали себя социалистами. Это отвечало общему настроению солдат, по происхождению в основном крестьян, и им более всего хотелось представлять свои интересы при новом порядке.

Генерал М. В. Алексеев, Верховный главнокомандующий после смещения Николая II, неохотно признал такое устройство в своём приказе от 30 марта. Две армии Северного фронта, 5-я и 12-я, еще ранее созвали съезды делегатов, которые к 15 марта утвердили систему комитетов. На Западном фронте приказ от 17 марта одобрил уже созданные комитеты. Также поступили в Особой армии Северо-Западного фронта и в 6-й армии Румынского фронта. Несколько позже за ними последовали другие. Процесс достиг апогея на большом Съезде Западного фронта 7–16 апреля в Минске, где важное место заняли патриотические речи генералов и ведущих политиков за продолжение войны. Однако просоветские элементы господствовали, и принятые резолюции отражали позицию Петроградского Совета в отношении войны и мира, контроля над Временным правительством и по другим вопросам. Формулой представительства стало: от каждой дивизии по 4 солдата и 1 офицеру. Почти везде на фронте комитеты были солдатско-офицерскими и в их руководстве преобладали младшие офицеры социалистических взглядов.

Первые направленные в Петроград солдатско-офицерские делегации встревожили слухи, что военное производство замедлилось и Совет мешает работе Временного правительства. Несоциалистическая пресса обыгрывала эти признаки конфликта для давления на Совет и промышленных рабочих. Результатом стало много жестоких стычек солдат с рабочими на предприятиях и митингах. Но вскоре опасность раскола была устранена, когда рабочие убедили солдат в своем желании поддержать братьев на фронте и возложили вину на нехватку топлива на препоны администрации и «буржуазную прессу», умышленно пытающуюся вбить клин между ними с целью отменить революционные завоевания.

Представители фронта оказались непосредственно вовлечены в советскую политику. На Всероссийском совещании Советов в конце марта они научились отличать политику демократического мира «без аннексий и контрибуций» (а до его заключения оборонительной войны) от политики «буржуазных» групп, сторонниц «войны до победного конца». Солдатские делегации и многие из офицеров вернулись в свои части сторонниками позиции Совета. Эти сведения, переданные солдатам в окопах, подтвердили их недавние убеждения, что революция означает

скорый мир и необходимо тщательнее следить за «буржуазными» элементами правительства. Кризис власти завершился, а фронтовые комитеты были беззаветно преданы власти Петроградского Совета.

Более полная информация о политике тыла, однако, не восстановила воинской дисциплины и гармонии между солдатами и офицерами. Инциденты, вызывавшие арест и смещение старших офицеров, продолжались в пугающем масштабе, расстройство воинской службы нарушался, эпидемией стало братание с противником, которое поощряли офицеры германской разведки, объявляя себя социалистами. Солдатские комитеты (и входившие в них офицеры) теперь часто оказывались в опасном положении: с одной стороны, полностью одобряли советскую формулу мира в её самом «революционно-оборонческом» варианте и поэтому стремились восстановить воинскую дисциплину и повиновение офицерам, а с другой стороны, говорили от лица избирателей-солдат и революционных задач. Часто они пытались с одобрения верховного командования посредничать в конфликтах солдат с офицерами, всё более и более оказываясь в роли «проводников» дисциплины (высшие комитеты часто жестче низших). В других случаях, однако, для «восстановления спокойствия» комитеты рекомендовали сместить офицеров или уступить требованиям разгневанных солдат. Во избежание конфликтов с избирателями члены комитетов редко открыто препятствовали братанию.

Большевики и социалисты всех мастей сыграли важную роль в деятельности комитетов марта и апреля, едва отличаясь своим поведением. Некоторые даже были «оборонцами». До конца апреля немногие фронтовики-большевики имели связь с руководством партии, а Ленин все еще был поглощен внутрипартийной борьбой вокруг своих «Апрельских тезисов». Большевики в те недели совсем мало агитировали против войны. В комитетах меньшевики и эсеры часто дружно работали с большевиками во имя общих целей революции.

Апрельский кризис и его последствия на фронте

Политический кризис в столице из-за «Ноты Милюкова» союзникам от 18 апреля привел к созданию коалиционного правительства и принятию Керенским портфеля военного министра. Парадоксальным результатом этого стало заявление министров-социалистов о ведении оборонительной войны до ответа Германии на предложение мира. Керенский немедленно пояснил, что, по его мнению, Германия не заключит мир, а союзники не примут всерьез мирную политику России, пока «революционная армия» не нанесёт решительное поражение противнику. С великим усердием он совершил длительную поездку по фронтам, выступая на армейских и фронтовых съездах и перед большими толпами солдат, пытаясь зажечь энтузиазмом для нового наступления. Наиболее благодарными слушателями оказались члены солдатско-офицерских комитетов, расстроенные падением своего влияния на избирателей и считавшие Керенского воплощением их собственного видения революции.

Они, однако, оказались совершенно неспособны заразить энтузиазмом солдатские массы, которые по-прежнему не желали признавать армейской дисциплины и всё более разочаровывались в вождах социалистов в Петрограде. Фактически мно-

гие соединения к разочарованию комитетских ораторов принимали резолюции с осуждением идеи наступления и призывом к Совету его отменить. Солдаты были свободнее от иллюзий, когда такие видные вожди Совета, как М. И. Скобелев, В. Б. Станкевич и автор Приказа № 1 Н. Д. Соколов, явились на фронт призвать готовиться к наступлению и беспрекословно выполнять приказы. В июне Соколова избили и едва не подвергли самосуду.

Руководители фронтовых комитетов теперь оказались представителями руководства Совета и правительства на фронте и соответственно ощущали падение своего авторитета. Возникла и расширялась пропасть между ними и солдатами крестьянами и выходцами из низших классов и в вопросе наступления, чем воспользовались большевики. Почти каждый фронтовой, армейский и корпусной комитет возглавляла коалиция меньшевиков и эсеров. Она до Октября преданно поддерживала политику ВЦИК Советов и коалиционного правительства, где Керенский оставался знаковой фигурой. Это было глубоким изменением властных взаимоотношений, за что пришлось дорого платить в октябре и ноябре.

Тем временем в столице солдаты, желая избежать отправки на фронт, высказывали из-под контроля ориентированных на Совет комитетов и радушно встречали в своих казармах большевиков-агитаторов. Агитаторы Военной организации большевиков срывали митинги, созданные сторонниками Совета, и вносили антивоенные резолюции или радикальные поправки к резолюциям комитетов, часто принимаемые. Решением ВЦИК Советов отправить на фронт подкрепления легко воспользовались большевики, внушая солдатам, что руководство социалистов их предало и поддерживает Временное правительство «капиталистов» и в союзе с «буржуазной» Антантой преследует «империалистические цели войны». Посланные на фронт подкрепления разносили вирус этих настроений, как и толстые пачки «Правды» и «Солдатской правды». Изрядное число фронтовых большевиков к тому времени посетили Петроград, познакомились с новой ориентацией своей партии и приняли ее как созвучную настроению солдат в окопах.

Многие фронтовые большевики начали энергично агитировать против назначенного наступления. Они часто исключались из комитетов или становились в них раздражённым элементом: товарищеская солидарность первых месяцев исчезла. Антивоенная агитация большевиков на фронте из струйки в начале мая превратилась в начале июня в поток. Полки восставали, не исполняли приказов о передвижении войск, совершали насилие над офицерами и теми, кто агитировал за войну, некоторые образовывали независимые «республики» на линии фронта. Нередко беспартийные агитаторы подхватывали лозунги и аргументы большевиков, почерпнутые из прессы и из поездов в тыл. Аналогично поступали германские агенты, распространяя их при братании.

Вирус большевизма разносился быстро, лозунги не наступать усиливали тягу солдат к миру. Они давали язык и готовые аргументы, необходимые для противостояния официальным «уговаривающим». «Большевицкие республики» возникли на Северном фронте в двух Латышских бригадах и в 436-м Новоладожском полку (где выпускали весьма влиятельную «Окопную правду»), на Западном фронте в 20-м Гренадерском полку, а на Юго-Западном — в двух Финляндских стрелковых полках и в лейб-гвардии Гренадерском полку. Появлялись и другие «республики» без непосредственной связи с большевиками (2-я Гренадерская дивизия Западного фронта, несколько Сибирских полков Юго-Западного фронта, 163-й пехотный полк Румынского фронта). Гренадерские и гвардейские полки были в постоянном волнении.

Июньское наступление

С приближением даты наступления началась необходимая подготовка, включая массовое сосредоточение тяжелой артиллерии, особые правительственные «комиссары» (почти все оборонцы, ориентированные на Совет), тесно сотрудничающая с комитетами, пытались вернуть контроль над разболтанными соединениями и внушить, что революционный долг обязывает исполнять приказы. Керенский вновь поехал на фронт, используя всё красноречие своей команды при обращении к огромным массам солдат, предназначенным наступать. В гвардейских частях он осадил недисциплинированных гренадер и склонил на свою сторону остальных, поклявшихся исполнять приказы и идти на передовые позиции.

16 июня началась массированная артиллерийская подготовка на участке Юго-Западного фронта протяженностью 50 миль, предназначенном для первого удара. Через два дня русские солдаты ринулись из окопов наступать во главе с комитетчиками, с большими красными знаменами. Начальный успех 11-й армии вскоре заглох, так как воинские части, понеся тяжёлые потери, требовали отвода в тыл и замены частями отказавшимися наступать. К 20 июня бои пришлось приостановить для усмирения новых восстаний в тылу. Южнее 7-я армия имела еще меньший успех, понеся потери 15 тыс. человек (впрочем, германские и австро-венгерские потери были больше). На Румынском фронте единственный значительный успех имела 8-я армия генерала Корнилова, преодолев два отрога Карпат и взяв город Калуш в Галиции, но прочие наступательные бои на Западном и Северном фронтах сразу вызвали массовые восстания. Воинские части спасались бегством в тыл, разбегаясь в сельской местности. Потребовались гигантские облавы, массовые аресты и расформирование крупных соединений. Военные операции на этих фронтах прекратили.

Весть о провале наступления потрясла столицу накануне Июльских дней и вызвала массовую истерию и у приверженцев правительства, и у сторонников Советов. Вскоре немцы начали крупное контр наступление в направлении города Тарнополь в Галиции, вызвав беспорядочное отступление 11-й, 7-й и 8-й армий. По официальному сообщению, струсившие солдаты 607-го полка «открыли фронт неприятелю» без сопротивления, позволив германским ордам беспрепятственно наступать, пока вся территория, занятая в Брусиловский прорыв 1916 года, не вернулась в руки врага (позднее официальное расследование опровергло эту версию событий). Ответственность за развал на фронте и в тылу возложили на большевизм вкуче с Генеральным штабом Германии. Той же версии придерживались Керенский и прочие деятели Совета, и все партии начали призывать к сильной государственной (или революционной) власти, включая восстановление смертной казни на фронте. Министры-социалисты поддержали восстановление смертной казни на фронте за дезертирство, бегство и неисполнение боевых приказов, которое должны ввести в жизнь новые «военно-революционные суды», передали 12 июля на фронт по телеграфу. Другие постановления, инициированные Керенским, запретили на фронте митинги, обсуждение приказов и распространение большевистских газет, в частности «Правды», «Солдатской правды», «Окопной правды». Многие большевики и другие агитаторы были арестованы, другие скрылись в подполье. Против самых неуправляемых частей провели карательные операции под надзором комиссаров и комитетов, некоторые, самые одиозные, расформировали. Подчас такие операции терпели неудачу и

вели к самосуду; так были убиты комиссар Федор Линде и генерал Гиршфельд, пытавшиеся распустить 3-ю пехотную дивизию, и командующий лейб-гвардии 1-м стрелковым полком полковник Быков.

Поляризация и радикализация: провал выступления Корнилова

Многие генералы и младшие офицеры обвинили в провале наступления не большевиков, а комитеты, Советы, весь революционный порядок. Они приветствовали и энергично пытались осуществить новые репрессии. Генерал Лавр Корнилов привлек внимание общественности и генералитета своим приказом от 8 июля расстрелять дезертиров на Юго-Западном фронте и угрозой отставки, если правительство не восстановит смертную казнь. Впечатленный тем, что из главнокомандующих фронтов лишь Корнилов не требует упразднить фронтовые комитеты, Керенский назначил его Верховным главнокомандующим вместо генерала Брусилова.

Воспряв духом, правые всё более связывали надежды с Корниловым, фигура которого начала затмевать Временное правительство, выглядевшее теперь слабым и колеблющимся. Сделав этот рискованный шаг, Керенский начал терять свой престиж, выросший с назначением его 23 июля министром-председателем нового коалиционного кабинета. В прессе циркулировали слухи о давлении Корнилова на Керенского с целью восстановить дисциплинарную власть офицеров, свернуть комитеты, армейские съезды и прочие собрания, ввести смертную казнь в тылу. Однако Керенский отказался взять на себя ответственность за все это, опасаясь, что от него отвернутся просоветские элементы.

Соперничество Корнилова и Керенского достигло пика на московском Государственном совещании 12–15 августа, где ряд военных и гражданских деятелей выступил против всей системы Советов и комитетов, за сильное, единое, авторитетное правительство. Почти все центристские и правые группировки, включая большинство кадетов, надеялись, что Корнилов спасет страну от засилья левых, не делая особых различий между большевиками и прочими социалистами или между кабинетом Керенского и Советом.

На фронте комитеты высшего уровня, которые до этого поддержали draconические карательные меры, теперь выступили на защиту революционных учреждений. В августе, тем не менее, солдаты, комитеты и офицеры соблюдали непрочное перемирие, используя затишье на фронте. Обвинения прессы и командования в развале фронта солдаты решительно отменяли и начали проявлять повышенную чувствительность к фактам странного, с их точки зрения, поведения офицеров (офицер ночью закурил сигарету — значит «сигнализировал противнику»). Они утверждали, что командование намеренно сдало немцам 21 августа Ригу, с целью дискредитировать революцию, повернув, таким образом, на 180 градусов мифы, изобретенные высшими офицерами и политиками правой ориентации. Корнилов стал для них символом контрреволюции, поскольку отстаивал смертную казнь и нападал на Советы. Психологически солдаты еще раньше комитетов готовы были противостоять Корнилову.

Попытка Корнилова занять столицу войсками 3-го конного корпуса генерала Крымова не имела шансов на успех, поскольку Керенский знал о намерениях

благодаря неуклюжей попытке В. Н. Львова посредничать. Основные силы Крымова перехватил Лужский Совет, получив циркулярную телеграмму Керенского, с объявлением Корнилова изменником. Железнодорожники остановили эшелоны. Казаки Лужского гарнизона агитировали среди казаков Крымова. Вскоре прибыли агитаторы Совета, и им осталось лишь разъяснить «контрреволюционные» замыслы Корнилова и этим окончательно сорвать поход на Петроград.

Многие политики и генералы убеждали Керенского ради спасения страны вернуть Корнилову его пост; но когда Корнилов объявил в воззвании, что Временное правительство попало под влияние немцев и большевиков, большинство, включая главнокомандующих Северным и Западным фронтами, отказало в поддержке. Лишь генерал Деникин и несколько его командиров на Юго-Западном фронте продолжили борьбу, открыто поддержав Корнилова. Их попытки прервать в штабе радиотелеграфное сообщение только подтолкнули штабные части, комитеты, комиссаров и им сочувствующих занять штабы и взять под контроль средства сообщения. В считанные часы практически все штабы, которые могли стать центрами поддержки Корнилова, оказались в руках революционных сил. Реакция комитетов и солдат была совсем неравноценна реальной угрозе Корнилова. На Северном и Западном фронтах, где большинство генералов сохранило лояльность Временному правительству, комитеты при поддержке солдат взяли под контроль средства связи и даже оперативные приказы. Впервые с начала революции солдаты с комитетами действовали рука об руку, «спасая революцию».

Личная репутация Керенского была подмочена, когда, издав приказы об отмене особых мер контроля над действиями командования, он дал повод верить слухам, что сочувствовал выступлению Корнилова, но затем сменил настроение. Большинство комитетов неохотно подчинилось, но солдаты начали искать радикальную альтернативу Керенскому и его идее правительства коалиции с буржуазией. Им с трудом верилось, что руководство Совета все еще поддерживает правительство, которое не хочет прекратить войну.

Большевики вновь усилились, наращивали влияние на фронте, поскольку лишь они предлагали немедленно прекратить войну и радикально решить вопрос о земле, столь важный для большинства солдат, призванных из деревень. К тому же лишь большевики требовали создать правительство на основе Советов, и это соответствовало мифологическим представлениям солдат о собственной власти. В сентябре большевики еще не полностью завоевали симпатии на всех фронтах, особенно на Юго-Западном и Румынском. Однако солдаты демонстрировали решимость покончить с войной, отказываясь строить зимние блиндажи, преследуя офицеров как «корниловцев», созывая без согласия комитетов митинги с принятием резолюций против войны и отправляя в Совет делегации с требованием взять в свои руки государственную власть. Во многих резолюциях с оттенком народного юмора звучало требование казни Корнилова. Целые полки и дивизии начали в конце сентября — октябре «акции мира» с противником. Большинство успокоили обещания прекратить работы по строительству новых укреплений и разрешение митингов и отправки делегаций в тыл, однако напуганные командиры оказались во власти подчиненных.

При подготовке выборов в Учредительное собрание солдатско-офицерские комитеты высшего уровня с трудом начали осознавать всю мощь солдатского сопротивления, сохраняя лояльность руководству Совета и Временному правительству. Многие все еще обвиняли в перемене настроения горстку агентов большевиков и

Германии. Когда ВЦИК Советов под давлением масс решил созвать II Всероссийский съезд Советов, большинство армейских комитетов отказалось послать делегатов, понимая, что довыборы, которые в этом случае состоятся, увеличат представительство большевиков. Руководство Советов настаивало на присылке уполномоченных делегаций, чтобы предотвратить легкий переход власти в руки большевиков, и комитеты оказались между двух стульев: одна половина послала делегатов, а другая — нет. Этого хватило для легитимности съезда, но не помогло предотвратить перевес большевиков. Сопrotивление делегатов дало большевикам необходимый повод требовать перевыборов комитетов и съездов армий.

Армия в октябре

К Октябрьскому перевороту в Петрограде этот процесс лишь начался, но фронтовые комитеты как источник поддержки коалиционного правительства и Керенского оказались нейтрализованы. Вынужденный бежать в Псков, в штаб Северного фронта, Керенский пытался собрать силы на подавление восстания, рассчитывая на верность комиссаров и комитетов армий. Сначала ряд комитетов принял резолюции поддержки, но столкнулся с нежеланием солдат втягиваться в гражданскую войну и отказался выделить в его распоряжение воинские части. К Керенскому присоединились лишь 1200 казаков. У Пулковских высот, на подступах к Петрограду, 28 октября их встретили спешно собранные отряды Красной гвардии и моряков-балтийцев. После короткой стычки казаки согласились обменять Керенского на разрешение вернуться домой на Дон, но Керенский успел сбежать.

Верховное командование во главе с генералом Духониним, комиссар Станкевич и представители армейских комитетов при Ставке прилагали отчаянные усилия мобилизовать лояльные элементы в армейских комитетах. Это свела на нет повсеместная смена настроения в комитетах после известий об Октябрьском перевороте. Сочувствующие большевикам элементы и другие левые радикалы, одинаково стремясь прекратить войну и дать землю крестьянам, добились перевыборов низовых комитетов и немедленного созыва армейских съездов. Прежнее оборонческое руководство сменила левая коалиция, как правило, с преобладанием большевиков. Многие резолюции съездов отражали компромисс с другими левыми фракциями; в них редко звучала ленинская формулировка чисто большевистского правительства, просматривалось двойственное отношение к решениям II Всероссийского съезда Советов, включая признание Совета Народных Комиссаров (СНК). Во всех резолюциях преобладала склонность поддержать требование Всероссийского исполнительного комитета союза железнодорожных рабочих и служащих (ВИКЖЕЛ) о создании «однородного социалистического правительства от народных социалистов до большевиков», которое должно действовать до созыва Всероссийского Учредительного собрания, и к политике предотвращения гражданской войны. Однако 2 ноября переговоры с ВИКЖЕЛ сорвались. Многие фронтовые большевики действительно были «соглашателями» и хотели решить вопрос о власти не силой оружия, а через демократические органы и выборы в Учредительное собрание. На Юго-Западном и Румынском фронтах переходный процесс затянулся из-за затрудненного сообщения и сравнительной слабости сил большевиков и их союзников. Но и там к 1 декабря на армейских и фронтовых

съездах вытеснили прежнее руководство, хотя присутствие большевиков в новых левых коалициях было гораздо менее значительно.

Благодаря большой подготовительной работе старых комитетов выборы на фронте в Учредительное собрание прошли гладко. Их результат отразил то же соотношение: на Северном и Западном фронтах большевики получили соответственно 48 и 66% голосов, тогда как на Юго-Западном и Румынском фронтах — примерно по 24% голосов (в 9-й армии лишь 11%). Новому успеху большевиков способствовал призыв СНК к армии от 9 ноября, подписанный Лениным и новым Верховным главнокомандующим прапорщиком Крыленко: полкам предложили выбрать «уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем». В ответ многие фронтовые части охотно завязали «переговоры» по телеграфу, предвосхищая официальные переговоры о перемирии в Брест-Литовске.

Тем временем Крыленко с небольшим отрядом балтийских моряков 20 ноября прибыл в Могилев и занял Ставку. Духонин не сопротивлялся и всё же был зверски убит, несмотря на попытку Крыленко его защитить. Новые съезды Юго-Западного и Румынского фронтов утвердили поворот к признанию советской власти и большевистских установок в вопросе о войне, решении земельного вопроса и по другим проблемам. Революционные военные комитеты, где преобладали большевики, взяли под контроль быстро таявшие армии фронтов, тогда как региональные конфликты на Украине, Дону и Северном Кавказе указывали на полный развал бывшей империи и императорской армии. Солдаты-крестьяне самовольно покидали армию, горя нетерпением участвовать дома в дележе земли.

Комитетская революция на фронте шла параллельно захвату власти большевиками в столице, становясь гарантией того, что Временное правительство никогда не вернется. Единодушно поддерживалась идея власти Советов и мира, а не большевистский переворот. Большинство солдат фронтовиков и даже многие фронтовые большевики ожидали, что большевики поделятся властью с другими социалистическими партиями, и отрицательно относились к решению проблем силой оружия. Они охотно голосовали на выборах в Учредительное собрание, убежденные, что оно подтвердит мир и власть Советов. Несмотря на свою неуступчивость в вопросе формирования правительства, Ленин пользовался на фронте мощной поддержкой, поскольку умело сыграл в вопросе перемирия. Однако многие солдаты даже не знали толком, большевик Ленин или эсер. Именно последовательное обещание немедленного мира дало большевикам на фронте преимущество над другими социалистическими партиями, занявшими в этом вопросе двойственную позицию или просто опоздавшими. Солдаты-крестьяне воспринимали происходящее как «революцию Советов», которая приблизила мир и утвердила, наконец, их право на землю. Это было лишь эпизодом долгой драмы 1917 года. За ним вскоре последовали новые, более грандиозные события. Однако именно он оказался главным фактором, облегчившим переход власти от дискредитированного Временного правительства Керенского к диктатуре большевиков.

Литература

Базанов С. Н.: Бумеранг братания // Военно-исторический журнал. 1997. № 1, 3; Демобилизация русской армии // Там же. 1998. № 2.

- Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 — март 1918 г.: Сб. документов. М., 1977.
- Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 — март 1918.: Сб. документов. М., 1982.
- Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001.
- Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007.
- Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917 — июнь 1918. Документы: В 2-х т. М., 2003.
- Деникин А. И. Очерки русской смуты: В 5 т. Париж, 1921–1926; М., 2003.
- Катков Г. М. Дело Корнилова. М., 2002.
- Лукманов А. Х. Деятельность общероссийских политических партий в армии (февраль — октябрь 1917 г.). М., 2000.
- Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. М., 1974.
- Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917–март 1918 г.: Сб. документов. М., 1973.
- Разложение армии в 1917 г.: Сб. документов. М., 1927.
- Революционное движение в русской армии 27 февраля — 24 октября 1917 г.: Сб. документов. М., 1968.
- Революционное движение в военных округах. Март 1917 г. — март 1918 г.: Сб. документов. М., 1988.
- Уайлдман А. Армия и вопрос о легитимности власти в 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 238–251.
- Френкин М. С.: Русская армия и революция 1917–1918. Мюнхен, 1978; Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Иерусалим, 1982
- Knox A. With the Russian Army, 1914–1917. 2 vols. NY., 1971.
- Lyons M. The Russian Imperial Army. A Bibliography of Regimental Histories and Related Works. The Hoover Institution. Stanford, 1968.
- Wettig G. Die Rolle der russischen Armee in revolutionären Machtkampf 1917 // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1967. № 12.
- Wildman A. The End of the Russian Imperial Army. 2 vols. Princeton, 1987.

Октябрьская революция

АЛЕКСАНДР РАБИНОВИЧ

В результате революции в октябре 1917 года Временное правительство во главе с Александром Керенским было свергнуто, к власти пришли большевики, и установился советский режим, который правил в России более 70 лет. Чтобы понять динамику Октябрьской революции, необходим анализ результатов Февральской революции. Важнейшим из них стало возникновение на обломках старого режима двух потенциальных центров власти. Одним было официально признанное Временное правительство, в котором поначалу преобладали видные либералы, затем, в апреле, установилась хрупкая коалиция либералов и умеренных социалистов. Вторым центром стал Совет (сначала Петроградский Совет, затем, с июля, ВЦИК), возглавляемый до осени умеренными социалистами, который в принципе представлял в масштабе страны сеть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. При умеренных социалистах Петроградский Совет признавал легитимность Временного правительства и, с оговорками, поддерживал его политику затягивания фундаментальных политических, экономических и социальных реформ (включая созыв Всероссийского Учредительного собрания) в интересах военной обороны.

По мере того как положение экономики ухудшалось, а резня на фронте не прекращалась, от умеренных социалистов стали требовать взятия власти в свои руки. Особенно быстро этот процесс протекал в Петрограде. События в столице неизбежно влияли на ситуацию в других городах и регионах. Однако крайне важные для развития событий в общенациональном масштабе стали повсеместный рост разочарования Временным правительством и стремление к немедленным коренным преобразованиям. Революционные рабочие, крестьяне и солдаты все больше брали дело в свои руки.

Ленин и большевистская партия, апрель–июль

Силы стихии, освобожденные Февральской революцией, невозможно было остановить на полпути. Ленин — единственный из российских политиков, кто понял это. Вернувшись из эмиграции в апреле 1917 года, Ленин тотчас пресек наметившуюся тенденцию к объединению большевиков и меньшевиков и, под боевой клич «Вся власть Советам!», поставил большевистскую партию на самый левый фланг российского политического спектра. Важно отметить, что сначала, в 1917 году, лозунг «Вся власть Советам!» означал не большевистскую диктатуру, а отказ от коалиции с буржуазией и «власть народа», осуществляемую через представительные многопартийные Советы. Большевики выступали также за немедленный мир, коренную земельную реформу и рабочий контроль на предприятиях. В усло-

виях роста разочарования результатами Февральской революции эта программа была привлекательной для рабочих, крестьян и солдат всей России. В Петрограде её магнетизм среди населения ярко отразился 18 июня, когда большевикам удалось превратить массовую демонстрацию, которую умеренные социалистические лидеры Совета планировали как показ своей силы, в мощное выражение поддержки большевистской платформы.

Адаптирование большевистской программы таким образом, чтобы она отражала народные устремления, было важнейшим вкладом Ленина в развитие революции. Однако, вопреки традиционным представлениям, Ленин в 1917 году не был всемогущим лидером монолитной партии. Большевистское руководство разделилось на три группы: Ленин и некоторые другие, включая Троцкого, видели в установлении советской власти в России не конечную цель, а лишь важный шаг на пути к мировой социалистической революции; для влиятельной группы более умеренных партийных вождей во главе с Львом Каменевым переход власти к Советам был, прежде всего, инструментом для создания сильного блока групп схожей ориентации, который должен служить базой однородного социалистического коалиционного правительства до созыва Всероссийского Учредительного собрания; существовала еще одна промежуточная группа весьма независимо настроенных деятелей, чьи взгляды на развитие революции колебались в зависимости от понимания конкретной ситуации. Признание этих различий на всех уровнях важно для понимания целого ряда нюансов развития Октябрьской революции.

В 1917 году дореволюционная ленинская концепция небольшой, сплоченной, централизованной партии была пересмотрена. Принятие решений сделалось демократичнее и децентрализованнее, стал терпим относительно свободный обмен мнениями. Десятки тысяч новых членов, чьи устремления помогали формировать политическую линию, были приняты в партию. В середине лета стал очевиден риск существования столь рыхлой партийной структуры и текучей, динамичной связи между партией и ее избирателями. Так, 1 июля большевистский ЦК начал подготовку к левосоциалистическому съезду, задачей которого было объединение всех интернационалистских элементов социал-демократии (включая меньшевиков-интернационалистов и левое крыло партии эсеров) ради достижения общих целей. Но через два дня радикальные элементы Петербургского комитета и Военной организации большевиков, откликаясь на настроения своих воинственных сторонников, спровоцировали неудачное восстание в Петрограде, вопреки воле Ленина и ЦК, которые считали такое выступление преждевременным, понимая, что крестьяне и солдаты на фронте не поддержат его. Эта самовольная акция привела к аресту ведущих большевиков, уходу Ленина в подполье и срыву подготовки к левосоциалистическому съезду. В конечном счете, однако, организационная гибкость большевиков (не только в Петрограде, но и в Москве и других крупных городах), равно как их относительная открытость и отзывчивость и их обширные связи на предприятиях, в местных рабочих организациях и в гарнизонах оказались важными источниками силы партии.

Последствия Июльских событий

Организационные потери партии после Июльских дней оказались менее тяжелыми, чем можно было ожидать. В то же время, экономическая ситуация ухудша-

лась, июньское наступление, от которого так много ждали, закончилось катастрофой, нарастала опасность контрреволюции. В результате популярность большевистской программы вновь стала расти еще до выступления генерала Корнилова в конце августа, а после его провала взлетела на недосягаемую высоту.

Поход войск Корнилова на Петроград остановили совместные действия всех социалистических групп под эгидой Советов. Однако основную роль сыграли именно большевики благодаря своим тесным организационным связям с революционными массами и способности быстро мобилизовать фабричных рабочих, солдат гарнизона и матросов Балтийского флота. Быстрое поражение Корнилова произвело двойной эффект: сказалось на росте престижа большевиков и одновременно дало мощный стимул идее объединения всех социалистических групп во имя успеха революции.

1 сентября Петроградский Совет принял резолюцию Каменева, которая призывала исключить буржуазию из властных структур и создать новое, чисто социалистическое правительство, составленное из представителей революционного пролетариата и крестьянства. Задачами нового правительства должно было стать провозглашение демократической республики, претворение в жизнь программы земельных преобразований, учреждение рабочего контроля на предприятиях, национализация ключевых отраслей промышленности, заключение всеобщего демократического мира и немедленный созыв Учредительного собрания. Принятие этой резолюции позволило большевикам усилить свои позиции в Петроградском Совете, что позднее, в октябре, заметно облегчило им приход к власти. Однако в тот момент ВЦИК отверг идею замены Временного правительства чисто социалистическим советским правительством. Так же поступило и так называемое Демократическое совещание в Петрограде 14–22 сентября. Тем не менее, оно отразило усиление влияния в лагере умеренных социалистов левых меньшевистских и эсеровских групп, поддержавших многие положения большевистской платформы, выраженной в резолюции Петроградского Совета от 1 сентября. Более того, неспособность Демократического совещания выполнить требования немедленных перемен в составе правительства привела к тому, что свои надежды на изменение политического курса массы стали связывать с Советами.

Подготовка Октября

21 сентября большевики и левые эсеры совместно призвали созвать II Всероссийский съезд Советов. Ориентация на создание однородного социалистического правительства определяла политическую деятельность как большевиков, так и левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов на протяжении второй половины сентября и первой декады октября.

В августе и сентябре Ленин делал все возможное, пытаясь из своего убежища в Финляндии влиять на большевистскую политику. После Июльских событий он не сильно преуспел в стремлении убедить соратников отказаться от задачи передачи власти Советам и начать подготовку к вооруженному восстанию. Затем даже он оказался под впечатлением той легкости, с которой большевики, меньшевики и эсеры совместно нанесли поражение Корнилову, и в своей статье «О компромиссах», написанной в начале сентября, допустил возможность мирного развития революции, если руководство Совета без промедления возьмет власть в свои руки.

Умеренное настроение у Ленина длилось недолго. В середине сентября он вновь заговорил о силовых действиях. Усиление позиций крайне левых в Финляндии, завоевание Советами поддержки большинства в Петрограде и Москве, растущее движение малоземельных крестьян в деревне, продолжающийся развал на фронте и все громче звучащие требования немедленного мира, признаки революционного беспокойства в германском флоте — все эти факторы давали Ленину повод надеяться, что захват власти большевиками получит массовую поддержку в городах и не встретит сколько-нибудь заметного сопротивления в деревне и на фронте и что образование истинно революционного правительства в России послужит катализатором мощных восстаний в других европейских странах. Более того, как только Ленин почувствовал возможность создания крайне левого правительства путем быстрой революции в один этап, его интерес к компромиссу с умеренными социалистами охладел.

С другой стороны, Ленин был озабочен тем, что правительство может предотвратить революцию, начав переговоры о сепаратном мире, сдав Петроград немцам, манипулируя с выборами в Учредительное собрание или спровоцировав неорганизованное восстание. Он также опасался, что если партия будет слишком тянуть с решительными действиями, то может потерять влияние в массах и не сумеет остановить сползание России к полной анархии. Поэтому 12 и 14 сентября (в дни работы Демократического совещания) он написал два письма в ЦК, требуя выхода партии из Демократического совещания и немедленной организации вооруженного восстания, «не теряя ни минуты».

Для большевистских лидеров в Петрограде эти письма оказались громом среди ясного неба. Отчасти под влиянием характерной для Ленина в предшествующие дни умеренности они, совместно с меньшевиками-интернационалистами и левыми эсерами, пытались убедить большинство Демократического совещания взять на себя задачу формирования однородного социалистического правительства. «Мы все были поражены», — вспоминал позднее Н. И. Бухарин. 15 сентября, через несколько часов после получения письма Ленина в Петрограде, состоялось чрезвычайное заседание ЦК. В нем участвовали не только члены руководства, постоянно пребывавшие в Петрограде, но и несколько членов ЦК, временно находившихся в столице для участия в Демократическом совещании. К ленинским пассажирам все отнеслись без особого энтузиазма. Члены ЦК были весьма озабочены сохранением в тайне содержания ленинских посланий. Более того, во второй половине сентября воинственные статьи, написанные Лениным для большевистской печати, систематически замалчивались в пользу его более умеренных писаний, и, таким образом, создавалась иллюзия, что он по-прежнему настроен в духе компромисса.

Ленин яростно реагировал на это. Большевистское руководство в Петрограде совместно с другими левыми группами проводило последовательный курс на создание однородного социалистического правительства на представительном в масштабах страны съезде Советов. По настоянию левых делегатов Демократического совещания начало работы съезда наметили на 20 октября. Почти одновременно большевистский ЦК, с одобрения большевистских делегатов Демократического совещания, решил созвать внеочередной съезд партии 17 октября, до открытия съезда Советов. Для Ленина эти решения служили знаком того, что партия теряет последнюю возможность взять власть. Сначала из Финляндии, затем, с конца сентября, из своего убежища в северном предместье Петрограда, он направил товари-

щам по партии несколько писем с резким осуждением и все более настоятельным требованием немедленно свергнуть Временное правительство.

На историческом заседании большевистского ЦК 10 октября Ленин лично отстаивал свою позицию. В повестке дня было изменение стратегии, нацеленной на мирный переход власти к многопартийным Советам. Она была главным фактором необыкновенного роста влияния и авторитета партии среди революционных масс в предшествующие месяцы. Кроме того, ему требовалось как-то убедить товарищей по партии, что создавшаяся ситуация столь критична, что решение вопроса нельзя затягивать до внеочередного партийного съезда, который, судя по настроениям, царившим среди делегатов Демократического совещания, определенно выступит против захвата власти до созыва II Всероссийского съезда Советов. На заседании присутствовали 12 из 21 члена ЦК партии. Сторонники и оппоненты немедленной вооруженной акции спорили долго и страстно. Наконец, 10 из 12 членов ЦК уступили аргументам Ленина и согласились поставить «в порядок дня» срочные приготовления к захвату власти, снимая этим вопрос о необходимости чрезвычайного партийного съезда, который в итоге так и не был созван.

Разногласия в руководстве

Хотя организации вооруженного восстания дали зеленый свет, почти за две недели для его проведения было сделано немного. С одной стороны, против ленинского курса энергично выступили такие правые члены партии, как Лев Каменев и Григорий Зиновьев (участники заседания 10 октября) и видные московские большевики Алексей Рыков и Виктор Ногин (на нём отсутствовавшие). Летом 1917 года они отвергали идею Ленина о быстром созревании условий для социалистической революции. Они стали последовательными сторонниками создания руководством Совета однородного, демократического, многопартийного социалистического правительства, которому должна принадлежать власть до созыва Учредительного собрания. Выступая против поспешных действий большевиков, они были убеждены, что Учредительное собрание, находясь под сильным влиянием революционных социалистических групп, создаст демократическую политическую систему на основе Советов. Отчасти благодаря сходству своих взглядов со взглядами других левосоциалистических групп, Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин, а также профсоюзный лидер Давид Рязанов в 1917 году были среди авторитетнейших руководителей партии. Советские и западные историки традиционно усматривали в их выступлении против организации вооруженного восстания в конце сентября и октябре 1917-го признак недостатка мужества. Однако в свете последующих событий их предостережения об опасностях в долгосрочной перспективе захвата власти в отсталой России одними большевиками и опрометчивости надежд на социалистические революции за рубежом оказались поистине пророческими.

Другим, более значительным фактором, работавшим против организации немедленного вооруженного восстания, стала оппозиция таких членов ЦК, как Троцкий, и радикально настроенных местных питерских партийных руководителей, которые верили в идею скорой социалистической революции в России, но скептически отнеслись к возможности быстрой мобилизации рабочих и солдат «по первому требованию», о чем говорил Ленин. Общаясь с рабочими и солдатами, эти руководители более реалистично оценивали влияние и авторитет партии в массах и о готов-

ность масс признать Советы легитимными демократическими учреждениями, в которых все революционные группы будут работать вместе ради достижения общих целей. Кроме того, многие из этих руководителей (но не Троцкий) и их единомышленники по всей стране были привержены идее социалистического сотрудничества и не хотели портить перспективы его реализации. К тому же, под первым впечатлением опыта борьбы с Корниловым, они гораздо менее Ленина верили в способность Временного правительства повредить левым.

Так или иначе, в ответ на решение ЦК от 10 октября местные руководители питерских большевиков изучали возможности начать народное восстание. Через несколько дней многие пришли к выводу, что в данный момент партия технически не готова организовать немедленное массовое выступление и большинство рабочих и солдат, видимо, не откликнется на её призыв к восстанию до начала съезда Советов. К тому времени его начало отложили с 20 на 25 октября. Более того, они понимали, что узурпация прерогатив Всероссийского съезда Советов ставит под угрозу сотрудничество с такими потенциально важными союзниками, как левые эсеры и меньшевики-интернационалисты. Далее, существовал риск утраты поддержки со стороны таких массовых организаций, как профсоюзы, фабзавкомы и Петроградский Совет. И, наконец, самой опасной угрозой могло стать выступление войск ближайшего к Петрограду Северного фронта против восстания.

Перед лицом всех этих препятствий на пути организации немедленного вооруженного восстания, сам по себе напрашивался следующий подход:

для свержения Временного правительства надо использовать Советы (благодаря их статусу в глазах рабочих и солдат и непартийных групп);

для достижения как можно более широкой поддержки любое выступление против правительства надо маскировать как оборонительную операцию в интересах Совета;

поэтому начало действий надо затягивать, пока не появится удобный предлог; с целью ослабления потенциального сопротивления и увеличения возможности успеха надо использовать любую возможность для мирного подрыва власти Временного правительства;

низложение существующего правительства надо связать с решениями II съезда Советов и ими узаконить.

При таком подходе возникала опасность, что Временное правительство не будет низложено до съезда Советов. Однако среди высших руководителей партии в Петрограде только Ленин казался этим обеспокоен.

Приход большевиков к власти и II Всероссийский съезд Советов

В этих условиях объявленный Временным правительством во вторую неделю октября план отправки большей части Петроградского гарнизона на фронт был большевикам как нельзя кстати. Он позволил создать «дело», вокруг которого можно вести борьбу против Временного правительства. Под воздействием большевиков солдаты гарнизона быстро пришли к выводу, что история повторяется: как и в случае с выступлением Корнилова, правительство вместе с верховным командованием вновь пытается задушить революцию. Недоверие к замыслам прави-

тельства действительно было так сильно, что даже вожди умеренных социалистов считали, что войска гарнизона не должны подчиняться приказам без одобрения Петроградского Совета. Предложение о создании Советом специального комитета, который бы занялся проблемой безопасности Петрограда и составил план обороны города, способный получить всеобщую поддержку, первоначально исходил от меньшевика. В период с 20 по 24 октября этот внешне непартийный Военно-Революционный комитет Петроградского Совета (ВРК) преуспел в замене правительственных комиссаров своими в большинстве частей гарнизона, на армейских складах и других ключевых военных пунктах. В то же время ВРК договорился с гарнизоном, что без подписи ВРК приказы войскам не действительны. В результате Временное правительство оказалось разоружено без единого выстрела.

В ответ на действия ВРК Керенский рано утром 24 октября предпринял шаги к подавлению левых. Эти шаги реально сделали возможным восстание, на котором Ленин настаивал не одну неделю. Но даже после этого большинство ЦК большевиков выступало против попыток свергнуть Временное правительство до открытия съезда Советов, до которого осталось менее суток. Потребовалось личное вмешательство Ленина до рассвета 25 октября при обстоятельствах, которые до сих пор остаются не прояснены, чтобы, наконец, начались наступательные операции против правительства. В течение дня исчезла видимость того, что ВРК только защищает революцию и старается сохранить статус-кво пока воля съезда Советов не получит выражение. Делалось все, чтобы до того, как начнутся заседания, поставить делегатов съезда перед свершившимся фактом свержения Временного правительства. События закончились поздно вечером штурмом восставшими Зимнего дворца, резиденции Временного правительства. Несколькими часами ранее по телеграфу по всей стране разослали составленное Лениным воззвание, объявившее Временное правительство низложенным.

В ретроспективе цель упорного стремления Ленина свергнуть Временное правительство до открытия съезда Советов видится в том, чтобы уничтожить любую возможность формирования съездом социалистической коалиции, в которой умеренные социалисты имели бы значительное влияние. Если дело в этом, то стратегия Ленина блестяще удалась. Накануне открытия съезда, до начала военных операций, завершившихся захватом Зимнего дворца, отнюдь не казалось ясным, что усилия по созданию многопартийного социалистического правительства, проводящего курс на мир и земельную реформу, принесут плоды. Изоляция Временного правительства ярко отразилась в событии вечера 24 октября в Предпарламенте, созданном Демократическим совещанием. После страстного, порой почти истеричного выступления Керенского с призывом поддержать его борьбу с большевиками, большинство делегатов поддержало резолюцию с требованием, в частности, чтобы Временное правительство обязалось провести радикальную земельную реформу и программу мира или ушло в отставку. В поддержке этой резолюции, фактически вотуму недоверия Керенскому, к левым эсерам и меньшевикам-интернационалистам примкнули несколько видных умеренных социалистов, ранее стойких приверженцев Временного правительства.

Сведения о составе съезда были благоприятны, равно как и официальные позиции прибывающих делегатов по вопросу о правительстве. Согласно предварительному отчету ревизионной комиссии, из 670 делегатов 300 являлись большевиками, 193 — эсерами (из них более половины — левыми эсерами), 68 — меньшевиками, 14 — меньшевиками-интернационалистами, остальные принадлежали к небольшим

политическим группам или беспартийным. Подавляющее большинство делегатов, около 505 человек, твердо поддерживали переход власти к Советам, то есть создание советского правительства, что отражало партийный состав съезда. Укрепление позиций левых фракций у меньшевиков и эсеров стало очевидным на собраниях делегатов перед открытием съезда. Так, на заседании меньшевистской фракции утром 25 октября большинство делегатов согласилось с требованием полной реконструкции кабинета и с оговоркой, что новое правительство должно быть «однородным» и «демократическим». На собрании эсеров примерно в это же время выяснилось, что левых эсеров заметное большинство. Резолюцию, предложенную ЦК эсеров, отклонили 92 голосами против 60, после чего большинство согласилось войти в контакт с меньшевиками-интернационалистами для координации действий по созданию на съезде многопартийного социалистического правительства. После этого некоторые лидеры левых эсеров начали надеяться на возможность объединения всей эсеровской фракции вокруг программы левых.

Важно помнить об этом духе согласия, чтобы понять, какое воздействие в этих условиях оказало несколько запоздалое наступление большевиков на Временное правительство. Прения начались на съезде вечером 25 октября под грохот артиллерийской стрельбы по Зимнему дворцу. Ущерб перспективам формирования коалиционного правительства на широкой основе от этой стрельбы был больше, чем самому дворцу. В ответ на самочинное большевистское восстание меньшевики и эсеры сдвинулись вправо, покинули съезд и присоединились к противникам большевиков. Чуть позже от имени меньшевиков-интернационалистов Юлий Мартов попытался убедить съезд объявить о самороспуске, в то же время ко всем социалистическим группам отправили делегацию с целью договориться о создании социалистического правительства на основе широкого представительства. Предложение Мартова отклонили. После этого меньшевики-интернационалисты также ушли со съезда. Кроме большевиков остались только левые эсеры.

С этого момента II Всероссийский съезд Советов превратился в шумное празднование революции. По инициативе Ленина и Троцкого с быстротой молнии приняли громкие, имевшие в первую очередь пропагандистскую ценность, декреты о провозглашении советской власти во всей России, о немедленном мире и земельной реформе. Все эти декреты спешно разослали по стране. Попытки левых эсеров, поддержанных умеренными большевиками, пробудить среди делегатов чувство осмотрительности и снова сосредоточиться на поиске общей платформы с умеренными социалистами не имели успеха. Незадолго до рассвета 27 октября, когда дело шло к закрытию съезда, левые эсеры еще надеялись сыграть роль посредников в сведении в новом правительстве всех социалистических групп. Они отказались от предложения большевиков занять посты в новом советском правительстве. В результате, первый Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным состоял только из большевиков. Согласно декрету об образовании этого правительства, оно являлось ответственным перед новым ВЦИК Советов, избранным съездом, и должно было действовать лишь до созыва Учредительного собрания.

Консолидация однопартийной власти

Попытки образовать на II Всероссийском съезде Советов многопартийное советское правительство потерпели неудачу, но на этом не прекратились. Первона-

чальная оппозиция однопартийному правительству, образовавшаяся на съезде, сплотилась вокруг Всероссийского комитета спасения Родины и Революции, созданного 26 октября Городской думой Петрограда. В руководство комитета вошли представители Городской думы, бывшего состава ВЦИК Советов и умеренные социалисты, покинувшие съезд Советов. Комитет призвал к «сидячим» забастовкам государственных служащих и принял меры к организации вооруженного восстания, которое должно было совпасть по времени с наступлением на Петроград казачьих войск генерала П. Н. Краснова, поддерживавших Керенского.

Тем временем, менее горячие головы пытались посредничать между обеими сторонами. Среди них были меньшевики-интернационалисты и левые эсеры. Деятельность последних была особенно важна для большевиков из-за их влияния в деревне. Среди множества рабочих организаций, стремившихся выполнить ту же роль, был Всероссийский Исполнительный комитет Союза железнодорожных служащих (ВИКЖЕЛ). В полночь 29 октября ВИКЖЕЛ пригрозил остановить железнодорожное движение в стране, если большевики откажутся участвовать в переговорах о создании однородного социалистического правительства, ответственного перед Советами и включающего представителей всех социалистических групп.

Оживленные дискуссии по вопросам создания и структуры нового правительства велись в Петрограде с 29 октября по 5 ноября. Делегацию большевиков на переговорах возглавил Каменев. Начало было успешным. 2 ноября даже пресса большевиков сообщала, что они близки к успешному завершению. Тем не менее, переговоры провалились, поскольку умеренные социалисты выставили слишком завышенные требования: ликвидацию советской власти и отмену большинства решений II съезда Советов, а большевики подавили восстание, организованное Комитетом спасения Родины и Революции, сорвали наступление войск генерала Краснова на Петроград и установили советскую власть в Москве. Эти события неизмеримо усилили позиции сторонников жесткой линии Ленина и Троцкого, которые сорвали переговоры.

Во время избирательной кампании в Учредительное собрание в декабре умеренные большевики пытались мобилизовать силы партии в поддержку права Учредительного собрания определять будущую политическую систему России. К тому времени, однако, их вытеснили из партийного руководства и их усилия терпели неудачу. В ретроспективе результаты II съезда Советов и неудача посреднической миссии ВИКЖЕЛ не только имели решающее значение в перекрытии возможности создания однородного социалистического коалиционного правительства, но и сделали неизбежной длительную и кровавую Гражданскую войну. Большевики пришли к власти, и началась советская эпоха российской истории.

Литература

- Рабинович А.: Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989; Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992; Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007.
- Военно-Морской Революционный Комитет: Сб. документов. Л., 1975.
- Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25–26 октября 1917 г.): Сб. документов и материалов. М., 1997.

- Мельгунов С. П.* Как большевики захватили власть; «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М., 2005.
- Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: В 2-х т. Л., 1967.
- Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Документы и материалы. М., 1957.
- Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г.: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003.
- Петроградский Военно-революционный комитет: Документы и материалы в 3-х т. М., 1966–1967.
- Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г. М., 1958.
- Wildman A. K.* The End of the Russian Imperial Army. Vol. 2: The Road to Soviet Power and Peace. Princeton, 1987.

Гражданская война

ИВЭН МОДСЛИ

Гражданская война принимает разные формы. В этой статье изложены и анализируются события на фронтах войны, а не конфликт населения с правительственными силами. Хотя российские историки провели интересную дискуссию по вопросам хронологии и истоков войны, данная статья следует за принятым положением, что Гражданская война последовала за Октябрьской революцией и низложением Временного правительства, а не предшествовала им. Постсоветский взгляд Е. Г. Гимпельсона выглядит так: «Наша Гражданская война была неизбежна, так как партия большевиков решила установить диктатуру пролетариата и таким образом вести страну по социалистическому пути».

Гражданская война и демократическая контрреволюция, октябрь 1917 — ноябрь 1918 годов

«Триумфальное шествие Советской власти»

Первая кампания зимой 1917–1918 годов была успешна для большевиков. После нейтрализации немногочисленных антибольшевистских военных соединений в Петрограде и Москве Гражданская война приняла форму распространения власти большевиков по территории бывшей Российской империи. В России историки, вероятно, больше не будут использовать ленинскую формулировку «триумфальное шествие Советской власти», но она неплохо объясняет происшедшее.

Первые центры сопротивления не были оплотами Керенского, они связаны с определенным национальным или территориальным составом населения или его консерватизмом. В результате установление советской власти в некоторых регионах не могло происходить без вмешательства извне. Здесь особое место занимали казачьи земли Северного Кавказа и Южного Урала. Другим центром был Киев, потенциальный центр складывавшейся украинской общности. Отряды Красной гвардии — вооруженные рабочие, солдаты и матросы — посылали на подавление этого сопротивления. Они прибыли из Петрограда, Москвы и провинциальных просоветских центров. Здесь вполне уместен термин «эшелонная война». Одна из кампаний велась на Южном Урале против оренбургских казаков атамана А. И. Дутова. Более обширной операцией стал поход советских сил под командованием В. А. Антонова-Овсеенко против донских казаков атамана А. М. Каледина, чья ставка была в Новочеркасске. Война с Калединым дала повод выступить против Украинской Центральной Рады. К концу января 1918 года ее силы вытеснили из Киева, а месяц спустя выбили из Ростова-на-Дону донских казаков и бежавших на

Дон русских националистов и консерваторов. Ленин имел основания считать Гражданскую войну выигранной.

Вопрос, могли ли большевики удержать контроль над всей территорией, занятой в ходе «эшелонной войны», имеет академическое значение. Новым стимулом внутреннего конфликта послужила внешнеполитическая ситуация. С февраля до середины лета 1918 года немецкие, австрийские и турецкие войска оккупировали Эстонию, Латвию, Белоруссию, Украину и часть Закавказья. Они не затронули центральную Россию, но на оккупированных ими территориях советская власть была свергнута, левые группы ушли в подполье, консервативные националисты подняли голову. Продвижение войск центральных держав спровоцировало в мае 1918 года мятеж просоюзнически настроенного Чехословацкого корпуса численностью около 40 тыс. человек, растянутого по линии железной дороги от Волги до Владивостока. Москва утратила контроль над центральным Поволжьем, Уралом и Сибирью и оказалась отрезана от Средней Азии. Это развитие событий показало слабость власти большевиков на окраинах страны.

Комуч и казаки

Летом 1918 года разгорелся новый, более кровопролитный тур борьбы. Многие историки датируют начало Гражданской войны именно этим периодом, придавая особое значение внешней акции Чехословацкого мятежа. Как бы то ни было, положение стало угрожающим. Советская территория была в кольце врагов. Альтернативное правительство, во главе с эсерами, появилось в Самаре — Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). К счастью для большевиков, активность противников проявлялась лишь на Восточном фронте, где антикоммунистические силы насчитывали несколько тысяч чехов и словаков и присоединившиеся к ним отряды небольшой Народной армии Комуча. Им удалось добиться успеха, поскольку силы молодой Красной Армии концентрировались на западных «завесах» против войск Центральных держав. Спешно сформированный Восточный фронт был прорван в июле и августе, чему в немалой степени способствовал мятеж его командующего левого эсера Муравьёва.

Коммунисты утратили стратегически важные волжские города Симбирск и Казань, противник продвигался вниз по реке, приближаясь к Москве. Красные удержались благодаря подкреплениям, переброшенным с западного направления, и своим «особым» войскам — отрядам латышских стрелков под командованием полковника И. И. Вацетиса. После подавления Восстания левых эсеров в Москве в тылу уже не осталось политической силы, способной бросить вызов коммунистам. Казань вернули в сентябре, в руководстве операцией участвовал сам нарком по военным и морским делам Лев Троцкий. Вскоре заняли Симбирск, Самару, и к ноябрю 1918 года армии восстановленного Восточного фронта отбросили антибольшевистские силы от Волги к Уралу.

Конец лета и начало осени стали для демократической контрреволюции периодом военного и политического испытания, которое она не выдержала. В данном случае не представляют непосредственного интереса политические недостатки Комуча и его восточного соперника, Временного Сибирского правительства, равно как и их общего преемника, Временного Всероссийского правительства. Важно то, что ни одно из них не способно было создать действенную вооруженную силу

или организовать крупные мятежи внутри советской зоны. Им не удалось даже удержать такой мощный естественный рубеж, как Волга.

Волжский фронт казался важнейшим благодаря относительной близости к Москве. Успех антисоветских сил на юге имели, однако, более серьезные последствия для 1919 года. Донские казаки очистили свою коренную область, а Добровольческая армия установила контроль над Кубанью. Этого могло не случиться, если бы австро-германские войска не прикрывали Дон с левого фланга или войска красных не сосредоточились бы на Средней Волге. Однако основная база действий антибольшевистских сил образовалась без участия извне.

На севере России дело обстояло иначе: непосредственно вмешались союзники, но небольшими силами в малонаселенном регионе, ценном лишь как база для дальнейшей союзной интервенции. Непосредственной угрозы советскому правительству не существовало, поскольку силы союзников были невелики, далеко от Москвы и Петрограда и прибыли скорее воспрепятствовать действиям Германии, чем вести наступление вглубь страны. Схожим было положение на побережье Тихого океана. Японцы отправили значительное количество войск, но ни в коей степени не угрожали советской власти в Европе. В отличие от интервенции на Севере, занятие Владивостока дало прямое железнодорожное сообщение с центром антибольшевистских сил, хотя исключительно отдаленное.

В первый год Гражданской войны не было непосредственной борьбы красных с белыми. Центральные державы контролировали западные окраины, вмешательство держав Антанты было крайне ограничено, а белые еще не набрали силу. Демократическая революция не смогла бросить серьезный военный или политический вызов советской власти. В результате большевики имели целый год для укрепления своей власти в Центральной России, основе для ведения войны в последующие два года. Даже с потерей Сибири, Средней Азии, Закавказья, Украины, Белоруссии, Польши и Прибалтики площадь этой территории составляла 1 млн. квадратных миль, с населением 60 млн. человек. На ней находилось большинство военных запасов царской армии. Уже к концу 1918 года Красная Армия насчитывала полмиллиона бойцов, и эта сила намного превосходила силы всех внутренних противников большевиков. Волжская операция послужила генеральной репетицией кампании 1919 года. В ходе боев на Волге, в значительной мере усилиями Троцкого, создавалась регулярная Красная Армия, в основном из мобилизованных крестьян, которой командовали опытные офицеры старой армии.

Гражданская война и белогвардейцы, ноябрь 1918 — ноябрь 1920 годов

Наступление на западе

Сталинская историография обычно представляла периодизацию Гражданской войны в виде 1-го, 2-го и 3-го «походов Антанты». В действительном ходе событий эта периодизация проявляется в зеркальном отображении — как ряд наступлений из коммунистического центра страны на окраины бывшей Российской империи. Первым среди них стала «эшелонная война». Год после окончания Первой мировой войны отметил не концентрический натиск на большевизм, а большевистское наступление на западе, охватившее значительную территорию и потребовавшее

привлечь крупные силы Красной Армии. Наступление было направлено на земли, которые с 1990-х называют «ближним зарубежьем»: окраинные территории, которые не одно столетие входили в состав России, но оказались вне контроля Москвы. Силы красных продвигались в Прибалтику, Белоруссию и Украину вслед за отступающими армиями Германии и Австро-Венгрии, получая помощь от вышедших из подполья местных коммунистов. В этом продвижении проявилось стремление установить контроль над окраинами до ожидаемого прибытия крупных сил союзников (опасность, так никогда и не возникшая). С другой стороны, его отчасти мыслили как шаг на пути распространения коммунизма на Западе и как поддержку революции в Центральной Европе.

«Красное» наступление на западе в итоге оказалось не настолько удачно, как рассчитывали в Москве, но вначале действительно добилось значительных успехов. Местные националисты уже не имели германской и австрийской поддержки, а союзники не были готовы эффективно их заменить. Французское присутствие в Одессе с декабря 1918 по апрель 1919 года закончилось полным крахом, хотя, впрочем, уникальный союз британского флота и остатков германской армии в Прибалтике помог остановить продвижение красных в Эстонии и Латвии.

Сибирь и Урал, 1919–1920 годы

Поражение Германии и ее союзников явилось одним из двух ключевых событий конца осени 1918 года. Вторым событием стало преобладание белогвардейцев-монархистов в антибольшевистском движении. Держивавшихся левоцентристской ориентации чехов и казачьих атаманов сменили офицеры-консерваторы, мыслившие всероссийскими категориями. Основным событием был переворот 18 ноября адмирала Колчака в Омске, сибирской столице эсеровского Временного Всероссийского правительства. Параллельные события, впрочем, более постепенного характера, произошли на юге, где изменился баланс сил между Добровольческой армией генерала Деникина и ее тактическим союзником — казаками Дона. Создание 8 января 1919 года единого командования Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) означало подчинение казаков белому руководству.

Прологом критических событий 1919-го стало локальное поражение красных, «Пермская катастрофа» декабря 1918 года. Правофланговая армия Колчака стремительно перешла Урал и взяла Пермь. Развернуть генеральное наступление Колчак смог, однако, лишь в марте 1919 года. Сибирские армии не могли более полагаться на Чехословацкий корпус, но их силы уже значительно были сформированы, а внимание Москвы отвлечено кампаниями на западных и южных окраинах. Колчаковская Западная армия (командующий генерал М. В. Ханжин) быстро вернула значительную часть территории, потерянной осенью 1918 года, и угрожала переправам через Волгу. Успех, однако, оказался кратковременен. Белым не хватало сил для решения крупных военных задач. Колчак наступал с целью добиться признания и получить помощь от союзников. Его новые дивизии не были укомплектованы. Красные спешно послали на Восточный фронт свежие подкрепления. Еще одним фактором стало разочарование крестьян режимом Колчака. Красные удержали правый берег Волги и в мае 1919-го перешли в наступление, более чем успешное. Наступавшие углубились в просторы Сибири, хотя Вацетис, к тому времени Главнокомандующий Красной Армией, хотел остановиться на Урале и перевести войска на более опасные участки кольца фронтов.

В июле 1919 года Колчак неудачно пытался перехватить инициативу в Приуралье и потерял Челябинск. В сентябре белые предприняли еще один контрудар из сибирской степи, но безуспешно. Красные еще дальше оттеснили разваливающуюся армию Колчака и 14 ноября сходу взяли Омск. Правительство Верховного Правителя, образованное годом ранее, прекратило существование. Колчак не смог создать сильной армии. Причиной этого отчасти было нежелание крестьян Сибири идти под его знамена. Другой, хотя и менее значительный фактор — активное партизанское сопротивление части крестьянства, угрожавшее коммуникациям Колчака. Наиболее важным аспектом был демографический. Колчак не мог рассчитывать в Сибири на соперничество с ресурсами Центральной России. Сибирь, где проживало не более 8 млн. человек, по численности населения почти в восемь раз уступала советской территории.

Южная Россия, 1919–1920 годы

События Гражданской войны на Южном фронте стали самыми драматичными. Возможно, именно этот фронт являлся важнейшим. ВСЮР, лучше организованные, вооруженные и обеспеченные, чем силы белых в Сибири, могли использовать людские ресурсы густонаселенных казачьих областей Дона и Кубани. Добровольческая армия создавалась без помощи союзников. Более того, ее первые крупные победы в начале лета 1919 года одержаны до поставки союзниками крупных партий боеприпасов. Армия Деникина не имела в своем составе подразделений союзников, если не считать горстку британских летчиков и танкистов. Командование Красной Армии также придавало особое значение юго-восточному направлению и приложило энергичные, но тщетные усилия сломить сопротивление донских казаков до прибытия союзной помощи. Зимой 1918–1919 годов Добровольческая армия укрепила свои позиции в тылу, вытеснив с Северного Кавказа красную Каспийско-Кавказскую армейскую группу. Деникин получил возможность перебросить войска на Донской фронт и отразить атаки; генерал Май-Маевский провел там одну из самых блестящих в войну операций.

В мае 1919 года, как раз когда начались неудачи у Колчака, ВСЮР развернули свои действия за пределами Донской области и Донецкого бассейна. Силы красных были растянуты, а резервы переброшены против Колчака. Определенное значение, впрочем, скорее моральное, имела помощь белым союзников. Большевицкая политика «расказачивания» отталкивала казаков в антисоветский лагерь. Войска ВСЮР насчитывали 45–50 тыс. человек, вдвое превосходя силы красных на важнейших участках. К концу июня белые продвинулись вглубь советской территории. Добровольческая армия взяла Харьков, крупный промышленный центр, пересекла Днепр, вторглась на правобережную Украину. Донская армия вернула контроль над Донской областью. Кавказская армия генерала Врангеля взяла Царицын, отрезав красных от Кавказа. Москва сильно встревожилась, в командовании Красной Армии провели важные перестановки.

Белым пришлось остановиться для пополнения своих соединений и закрепления власти на занятой территории. Новый Главнокомандующий Красной Армии С. С. Каменев попытался перейти в контрнаступление и в августе 1919 года нанес удар с восточного направления Южного фронта в сторону Донской области, стремясь прорваться по правому берегу Волги в глубокий тыл ВСЮР. Это послужило

причиной одного из значительных стратегических споров времен Гражданской войны. План предусматривал не непосредственную, а косвенную оборону Москвы. Говоря языком большой стратегии, он мог полностью прервать связь между Деникиным и Колчаком и при необходимости создать возможность переброски войск с колчаковского фронта. Большого успеха этот контрудар, однако, не имел, и ВСЮР возобновили наступление в западном направлении. Вскоре были заняты Курск и Орел, и к концу ноября Москва оказалась под реальной угрозой, хотя белые не достигли еще непосредственной близости к красной столице. Однако наступление белых остановили. Их растянутые силы численно начали уступать красным (100 тыс. против 150 тыс. человек в октябре 1919 года). По мнению Орландо Файджеса, ключевым фактором изменения численного соотношения противоборствующих сил стало возвращение в Красную Армию крестьян-дезертиров, с одной стороны из-за страха перед Деникиным, с другой — в связи с окончанием полевых работ. Так или иначе, красные побеждали благодаря численному превосходству, а не стратегии.

Вскоре ВСЮР стремительно откатились к Дону. Красные сформировали значительную мобильную силу в виде 1-й Конной армии С. М. Буденного. Она не только нейтрализовала прежнее превосходство ВСЮР в кавалерии, но и стала главной ударной силой наступления. Деникин не смог удержаться на Дону и в конце марта 1920 года эвакуировал войска из Новороссийска по морю в Крым. Потеряв Северный Кавказ, белые лишились поддержки казаков Дона и Кубани. Следует, впрочем, помнить, что даже до краха зимы 1919–1920 годов на этой территории проживали до 10 млн. человек, что составляло лишь шестую часть ресурсов Москвы. Деникин никогда более не смог поставить под ружье 100 тыс. человек (как в октябре 1919 года), и, подобно Колчаку, ему пришлось иметь дело с численно наполовину превосходящими войсками красных.

Наступления Колчака и Деникина в 1919 году представляли наибольшую опасность для советской власти. Они сочетались с гораздо менее масштабным наступлением Северо-Западной армии, базировавшейся на территории Эстонии, на Петроград в мае и, второй раз, в октябре, а также с операциями малочисленных белых и союзных отрядов на Севере со стороны Мурманска и Архангельска. Армию генерала Юденича интернировала в ноябре 1919 года Эстония. На Севере белые продержались зиму. Однако после эвакуации союзных войск и продвигавшиеся по железной дороге силы красных опрокинули белых. Архангельск пал в феврале, Мурманск — в марте 1920 года.

Поражение белых, 1920 год

Военные кампании весны — осени 1920 года стали ожесточеннее, чем в 1919-м, но в определенном смысле менее значительны. В 1918 и 1919 годах советское правительство боролось за выживание. К весне 1920-го уже не было непосредственной угрозы московскому правительству. Там, где шли бои, Красная Армия сражалась теперь с остатками сил контрреволюции, численно небольших и удаленных от жизненных центров страны. Остатки сибирских белых армий бежали вдоль Транссибирской магистрали. Колчака схватили и расстреляли в Иркутске в феврале 1920 года. Сибирские белогвардейцы во главе с атаманом Семеновым какое-то время держались возле Читы, но осенью их отбросили к побережью Тихого океана. Там они пробыли до эвакуации своих японских покровителей в октябре 1922

года — события, ознаменовавшего окончание Гражданской войны.

Армия генерала Врангеля в Крыму в большей мере заслуживала внимания Красной Армии, не успевшей вовремя добить остатки деникинцев. В июне 1920 года Русская армия Врангеля начала наступать — так называемый «Третий поход Антанты» — и прорвалась в плодородные районы Северной Таврии. Для дальнейшего продвижения Врангелю не хватило сил. В ноябре 1920 года красные под командованием М. В. Фрунзе в ходе контрнаступления отбросили белых, затем штурмом взяли укрепления Перекопского перешейка и вошли в Крым. Русская армия Врангеля и тысячи беженцев покинули Россию.

Война с Польшей

Крупнейшие боевые действия в 1920 году шли между Красной Армией и армией Польши. Советско-польскую войну часто рассматривают как часть Гражданской войны в России, но это спорный вопрос. Большая часть Польши до 1914 года входила в состав России, и операции против «белополяков» — часть общей красной стратегии. Локальные боевые операции совершались на протяжении всего 1919 года. Кроме того, Польская кампания — это часть более крупной задачи экспансии с целью распространить коммунизм через Польшу в Германию.

Непосредственной причиной полномасштабной войны стало вторжение Польши на Украину в конце апреля 1920 года с тактической задачей упредить советское продвижение в западные приграничные области, занятые поляками в 1919 году. Более долгосрочной целью являлось присоединить эти области к восточноевропейской федерации с центром в Варшаве. Поляки взяли Киев и удерживали около месяца, пока их не выбили войска Юго-Западного фронта под командованием А. И. Егорова, усиленные переброской с Дона 1-й Конной армии Буденного. Основные действия развернулись севернее болот Припяти, где войска Западного фронта под командованием М. Н. Тухачевского оттеснили поляков и, начав наступление в мае и возобновив в июле, прошли 400 миль до Вислы. В августе 1920 года сражением восточнее Варшавы поляки сумели вызвать замешательство в левом фланге сильно растянутых войск Западного фронта и вынудили поспешно выйти из ловушки. Юго-Западный фронт не помог Западному. Вину за эту ошибку позднее приписали члену РВС фронта Сталину. Более важными обстоятельствами, однако, стали количественная и качественная сила армии Польши и недооценка стабильности ее правительства. В августе 1920 года армия Польши насчитывала 740 тыс. человек (сопоставьте с 100 тыс. человек ВСЮР десятью месяцами ранее). Красная Армия еще не могла вести операции на больших расстояниях там, где противник имел преимущество в снабжении и пополнении своих сил. Тухачевский всего лишь с 40 тыс. бойцов достиг Вислы. Советско-польское перемирие в октябре 1920 года позволило месяц спустя разделаться с Врангелем и завершить последнюю крупную кампанию Гражданской войны.

Характер Гражданской войны

В посткоммунистической России возродился интерес к Гражданской войне. Уже при Горбачеве появились новые, более объективные работы, переизданы мно-

гие белые мемуары, монографии, написанные в межвоенное время, в частности, классический труд Н. Е. Какурина. С 1991 года российские исследователи тесно сотрудничают с западными. В 1993 году было объявлено о подготовке сотрудниками Института российской истории РАН «Истории Гражданской войны» в 6 томах. Трудно сказать, изменит ли новый труд наше понимание событий или представит просто более взвешенный подход, привычный для Запада на протяжении последних 30 лет, то есть отказ от односторонней симпатии к красным и более беспристрастное изображение Троцкого и других деятелей.

Так или иначе, в научный оборот введены новые интересные материалы. Один из ценнейших источников — изданная в 1993 году под редакцией Г. Ф. Кривошеева статистика потерь Красной Армии. Немало оснований усомниться в достоверности ее цифр, но они позволяют по-новому взглянуть на масштабы и концентрацию военных операций Гражданской войны. За 1918–1920 годы погибли и умерли от ран 250 тыс. бойцов Красной Армии, а общее число безвозвратных потерь (погибшие и пропавшие без вести) оценено в 700 тыс. человек. Из них 410 тыс. человек умерли от ран или болезней, а санитарные потери (раненые и больные) — 540 тыс. раненых и не менее 3 млн. 790 тыс. больных. Согласно другим данным, потери Красной Армии в 1920 году заметно выше, чем в 1919-м. Возможно, это частично связано с отсутствием в 1919 году точного учета потерь, позднее он лучше налажен. В июле 1920 года официальная численность Красной Армии составила 4 млн. 420 тыс. человек (годом ранее — 2 млн. 320 тыс.). Основной вид потерь — болезни, и чем больше численность войск, тем выше процент заболеваний. Следует отметить тяжесть потерь в Польскую кампанию: две трети фронтовых потерь 1920 года.

В то же время в 1921–1922 годах погибли и умерли от ран лишь 10 тыс. человек. К этому периоду относятся 2 млн. 460 тыс. больных и только 10 тыс. раненых. Таким образом, из 210 тыс. смертей от ран и болезней подавляющее большинство вызвано болезнями. Эти статистические данные противоречат утверждениям Владимира Бровкина и Ричарда Пайпса о продолжении интенсивных боев после 1920 года на внутреннем фронте. Потери 1921–1922 годов значительны, поскольку статистика не учитывала потери в подразделениях ЧК и прочих неармейских формированиях. И всё же, если приведенные данные более-менее точны, то указывают, что с ликвидацией основных фронтов в конце 1920 года бремя Красной Армии заметно облегчилось.

Работы Р. Пайпса о революции и ее последствиях вызвали противоречивую реакцию, но трудно не согласиться с его выводом, что «победа Красной Армии стала закономерным итогом». Основная причина военной победы красных в том, что в 1917–1920 годах они контролировали сердцевину Великороссии. Ныне больше известно об антикоммунистическом брожении внутри этой сердцевины, но сильное преувеличение утверждать вслед за В. Бровкиным, что «масштабы большевистской войны против крестьянства на внутреннем фронте затмевали Гражданскую войну на белых фронтах». Советская сторона обладала огромными людскими ресурсами и обширной территорией. В ее распоряжении осталось также большинство кадров и боеприпасов царской армии, она имела год преимущества во времени подготовки к Гражданской войне. Большевики смогли одновременно сражаться с окружающими врагами и бороться на внутренних фронтах.

Антибольшевистские силы концентрировались главным образом на окраинах. Вследствие географической разбросанности они не могли помогать друг другу, им

даже трудно было общаться между собой. Белые (то есть консервативные военные) элементы антибольшевистского движения оказались в политически парадоксальном положении. Русские националисты и сторонники восстановления великой, единой и неделимой России обосновывались в областях, населенных инородцами или казаками, сторонниками автономии. Правда, окраины, особенно после ноября 1918 года, открыли им доступ к мировым океанам и помощи союзников. Масштаб союзной «интервенции» в европейской России был, однако, крайне незначителен, если говорить о реальном участии подразделений войск. Интервенция имела для антикоммунистических сил, по крайней мере, в начале 1919 года, в основном моральное значение. Белым, в первую очередь Деникину и Колчаку, англичане оказали значительную помощь в виде поставки боеприпасов. Однако эти стволы и обмундирование всего крупница в сравнении с тем, что красные унаследовали из царских запасов.

Сложнее анализировать другие политические факторы. Организованные антибольшевистские силы видоизменялись. До конца 1918 года они основывались главным образом на преемственности традиций Революции 1917 года и отчасти на местном казачком и сибирском областничестве. Эти силы не могли добиться политической стабильности и создать сильные или хотя бы политически надежные армии. Белые, выйдя на передний план с ноября 1918 года, обладали военным талантом в избытке, но им не хватало умения государственного строительства и гибкости для завоевания поддержки населения.

Р. Пайпс выдвинул интересное предположение, что поражение белых отчасти можно объяснить нехваткой народного патриотизма, то есть неспособностью русского населения поступиться материальными интересами ради истинно национальных. Пайпс имеет в виду Великороссию. Но можно принять во внимание (особенно в свете событий 1991 года) проявления и иных обстоятельств — слабость местного патриотизма и национального самосознания у некоторых относительно крупных этнических меньшинств. Общий взгляд Пайпса, возможно, справедлив к критическому 1919-му. К концу его московское правительство стало единственной альтернативой национальному возрождению. Русский патриотизм был теперь одним из источников силы Ленина.

Литература

- Военная история Гражданской войны 1918 — 1920 гг. в России. М., 2004.
- Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004.
- Галин В. Интервенция и Гражданская война. М., 2004
- Генис В. Л. Рассказывание в советской России // Вопросы истории. 1994. № 1.
- Гражданская война в России: Перекресток мнений. М., 1994.
- Гражданская война в СССР: В 2-х т. М., 1980; 1986.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987.
- Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993.
- Документы Гуверовского архива о Гражданской войне в России 1918–1919 // Отечественные архивы. 1992. № 1.

- Зайцов А. А., генерал. 1918: Очерки по истории русской Гражданской войны. М., 2006.
- Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.
- Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1990.
- Кара-Мурза С.Г. Гражданская война, 1918–1921: урок для XXI века. М., 2003.
- Кенез П. Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918. М., 2007.
- Миронов С.С. Гражданская война в России. М., 2007
- Пайнс Р. Россия при большевиках. М., 1997.
- Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г.). М., 1991.
- Brovkin V. N. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movement in Russia, 1918–1920. Princeton, 1994.
- The Civil War in Russia: A Roundtable Discussion // Russian Studies in History. 1994. Spring. № 32. 4.
- Fiddick T. C. Russia's Retreat from Poland, 1920: From Permanent Revolution to Peaceful Coexistence. New York, 1990.
- Figes O. The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War, 1918–1920 // Past and Present. 1990. № 129.
- Lincoln W. B. Red Victory: A History of the Russian Civil War. New York, 1989.
- Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987.
- Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime, 1919–1924. New York, 1994.
- Swain G.: The Origins of the Russian Civil War. London, 1995; Russia's Civil War. London, 2000.
- The Russian Revolution and Civil War, 1917– 1921: An Annotated Bibliography / ed. Jonathan D. Smele. London; New York, 2003.

Иностранная интервенция

ДЭВИД ФОГЛЬСОНГ

Западная и советская историография

Ни один иной аспект истории революционной России не был объектом столь ожесточенной научной полемики, как иностранная интервенция в ходе Гражданской войны. На протяжении десятилетий идеологического противостояния СССР и стран Запада историки интервенции делились на два основных лагеря. Большинство западных ученых считало, что интервенция почти ограничилась отправкой военных экспедиций на Север России и в Сибирь летом 1918 года, в кульминационный период германского наступления во Франции. Исходя из этой относительно узкой точки зрения, «ортодоксальные» историки или «традиционалисты», делали вывод, что интервенция вызвана главным образом соображениями стратегии и интересами войны с Германией. Они зачастую отрицали значение идеологической враждебности к большевизму, по крайней мере, до перемирия 11 ноября 1918 года. В лагере оппонентов советские авторы (и примкнувшие «ревизионисты» или «новые левые» историки на Западе) подходили к понятию «интервенция» шире, интерпретируя как цепь усилий западных держав, от тайных заговоров до военных походов, с целью свергнуть правительство большевиков. Хотя определение главного организатора интервенции временами варьировалось, общими оставались обвинения империалистов Антанты в подстрекательстве заговоров и организации вторжения с целью потушить огонь социалистической революции.

С окончанием Холодной войны историки России и Запада в своем стремлении преодолеть идеологические разногласия могут найти исходную точку соприкосновения, признав, что иностранная интервенция гораздо большее, чем десанты в Архангельске и Владивостоке, и даже многообразнее, чем могли представить большевики. Но действия иностранных государств менее последовательны и более разобщены и не были монолитным «крестовым походом», как изображали советские авторы. Уточняя понятие «интервенция», можно преодолеть ложный раскол между стратегическими и идеологическими мотивами. Отчаянные усилия возродить на Восточном фронте в 1918 году сопротивление Германии не мешали творцам британской и французской политики видеть растущую опасность распространения большевизма. Участие в мировой войне не мешало союзникам бороться за собственные долгосрочные политические и экономические цели в Европе и Азии. Иностранная интервенция в России во многих отношениях порождена войной союзников против Центральных держав, но, признав этот факт, нельзя забывать, что мировая война зародилась при глобальном соперничестве европейских держав за территории, рынки, источники сырья и политическое господство.

Работы по Гражданской войне в военном и дипломатическом отношениях нередко изолированы от социальной и политической истории, отделяют события в

России от внешнего мира. Надо, однако, помнить, что Гражданская война была войной международной: сражались и гибли не только русские и украинцы, но и латыши, эстонцы, чехи, немцы, американцы, представители многих других национальностей. Война велась не только на российских просторах, но и в парламентах и на улицах зарубежных государств. Борьба между красными и белыми велась не только за ресурсы и симпатии русских крестьян, но также за сердца и кошельки зарубежных сторонников. При подходе к Гражданской войне, как значительному событию международной истории, важно понять особую противоречивую природу иностранной интервенции. Она распространилась по территории широкой и различной по характеру, поскольку слабость и состояние разброда в России слишком заманчивы и зловещи, чтобы их игнорировать. В то же время она была непоследовательна и нерешительна, поскольку интересы иностранных держав не совпадали, активность их действий сдерживалась общественным мнением, имевшим существенный сдвиг в эпоху «новой дипломатии».

Шпионаж, пропаганда, финансовая помощь, контрпропаганда и секретные операции, февраль 1917 — июль 1918 года.

С падением монархии и началом дезинтеграции Российской империи в 1917 году усилилось соперничество иностранных держав за политическое влияние, стратегические ресурсы и будущие рынки сбыта на пространствах от Балтики до Тихого океана и от Заполярья до Черного моря. При вступлении Первой мировой войны в решающую стадию это нарастающее соперничество вызвало первую фазу иностранной интервенции, она включала прежде всего шпионаж, пропаганду и поддержку мятежей и заговоров. По мере постепенного отхода России от участия в мировой войне, Германия стремилась ускорить этот процесс, а союзники — остановить или повернуть вспять, посредством пропагандистских кампаний и денежных субсидий российским политическим группам. Хотя точные суммы и каналы немецкой помощи большевикам остаются невыяснены, Георгий Катков, Фриц Фишер, Уинфред Баумгарт, Збинек Земан и другие историки установили, что к концу 1917 года Германия потратила около 30 млн. марок на пропаганду в России, и немецкая помощь содействовала распространению большевистской прессы в 1917 году. Для противодействия «немецким интригам» и мирной пропаганде правительства Франции, Великобритании и США направили несколько специальных миссий с целью удержать Россию в войне и воспрепятствовать приходу к власти социалистов противников войны. Представители Франции произносили речи за продолжение войны и предостерегали Временное правительство о немецко-большевистских связях, союзные офицеры подталкивали генерала Корнилова навести «порядок», англо-американский агент Сомерсет Моэм передавал деньги на просоюзническую пропаганду, а американский финансист Уильям Бойс Томпсон пожертвовал 1 млн. долларов умеренно социалистическому Комитету гражданского просвещения в свободной России. Эти действия американцев, союзников и немцев большевики, их оппоненты из лагеря умеренных социалистов и многие историки трактовали как nepозволительное вмешательство во внутренние дела революционной России, но правильное

рассматривать их как часть нарастающего многостороннего соперничества в разведке, контрразведке и пропаганде.

С октябрьского захвата власти большевиками до весны 1918 года зарубежные усилия влиять на положение в России по-прежнему проявлялись прежде всего в пропаганде и тайной финансовой поддержке определенных групп. Если Германия в первой половине 1918 года ежемесячно тратила 3 млн. марок на пропаганду в России, американский Комитет общественной информации засыпал русские города сотнями тысяч открыток и памфлетов с выражениями идеалистических идей Президента США Вудро Вильсона, а его представители усиленно искали доказательства того, что большевики — германские агенты. Поскольку Германия еще продолжала давать деньги партии большевиков, представители Великобритании, Франции и США попытались финансово помочь антибольшевистским силам на Юге России в надежде, что те образуют ядро сопротивления Германии и возрождения дружественной России. Согласно соглашению о разделе сфер влияния, заключенному в декабре 1917 года, французы развернули свою деятельность в этом направлении на территории Украины (в ее металлургическую и химическую промышленность ранее делались крупные французские инвестиции), а англичане сосредоточили внимание на богатом нефтью Закавказье. Хотя союзные и американские представители сумели перевести лишь небольшую часть из сотен миллионов рублей, обещанных зимой 1917–1918 годов, антибольшевистски настроенные офицеры продолжали считать иностранную помощь важнейшим фактором своего успеха, а прибытие более крупных сумм весной и летом 1918 года способствовало возрождению Добровольческой армии.

После вытеснения в феврале 1918 года отрядами красных Добровольческой армии на Кубань, американские политики начали искать возможность поддержки других сил, способных противостоять германской и большевистской гегемонии в России, включая отряд казаков атамана Г. М. Семенова в Восточной Сибири и тайные организации Севера и Центра Европейской России. Среди последних самый значительный «Союз защиты Родины и Свободы» Бориса Савинкова в начале июля поднял мятеж в Ярославле и Рыбинске, тщетно рассчитывая на помощь Антанты с севера. Ожидая столкновений между союзными и красными силами, дипломаты Великобритании, Франции и США, офицеры и агенты разведок участвовали в некоторых других секретных операциях против советской власти (расцениваемой ими как союзницу Германии). В числе их попытка англичан вызвать возмущение среди «красных» латышских стрелков и участие военных атташе в организации саботажа на железных дорогах, мостах и складах. Суть этих тайных операций известна в общих чертах, но более подробное исследование борьбы ВЧК и иностранных разведок требует привлечь новые секретные материалы или фонды ограниченного доступа в российских и западных архивах.

Военная интервенция в Северной России, Сибири и Южной России, 1918–1919 годы

На третьей стадии интервенции, развернувшейся после подписания в марте 1918 года Брестского мира, усиление «тайной войны» сочеталось с открытым военным вмешательством. Высадка роты британских матросов в Мурманске в нача-

ле марта произошла с введом Троцкого и ее приветствовал местный Совет. В то же время в апреле СНК энергично протестовал против высадки небольших британских и японских отрядов во Владивостоке, а к маю большинство лидеров союзных стран оставило надежду на приглашение к интервенции со стороны большевиков. Союзники, занятые на Западном фронте, не имели войск для отправки в Россию, поэтому усиленно настаивали привлечь контингенты США и Японии. Справедливо подозревая, что военачальники Японии не собираются вести свои войска через всю Сибирь на германский фронт, но попытаются овладеть сферой влияния в бассейне Амура, что противоречит американской политике открытых дверей, Президент Вильсон и его советники возражали против участия японцев в интервенции. Однако к концу мая, под влиянием слухов, что большевики — германские агенты, советское правительство вот-вот падет, и призывов русских антибольшевиков к действию, Вильсон согласился на участие солдат США в союзной экспедиции, обязанной охранять военные склады на Севере России и обеспечить базу, где русские патриоты сформируют армию и создадут правительство.

Когда в конце мая 1918 года вдоль Транссибирской магистрали развернулись бои красных с чехословацкими легионерами, Вильсон и его советники начали благосклоннее относиться к интервенции в Сибири, полагая, что чешские солдаты не вызовут приступ «желтой опасности» среди славянских братьев, а слухи об угрозе Чехословацкому легиону со стороны австро-немецких и венгерских военнопленных помогут оправдать вооруженное вмешательство перед народом США. В частном порядке Вильсон признал, что этот курс ведет к необъявленной войне с РСФСР, но ни он, ни другие союзные правительства не решались откровенно публично признать скрытые антисоветские мотивы своей политики, отчасти из опасения утраты симпатий либералов и социалистов, чья поддержка необходима в условиях войны с Германией. Народы Великобритании, Франции и США не получали полной информации, но их общественное мнение стало фактором, сдерживавшим расширение интервенции в России.

17 июля окончательное формальное одобрение Вильсоном военных экспедиций в Сибири и на Севере России передали союзным и японским руководителям. Они сразу попытались обойти оговорки Вильсона, что экспедиции должны проводиться небольшими силами и их роль ограничиться косвенной поддержкой чехословаков и русских армий. Командир девятитысячного экспедиционного корпуса США в Сибири генерал Уильям Гревс упорно старался соблюсти наставления Вильсона, сводя роль американских войск к охране Владивостока и патрулированию восточного участка Транссибирской магистрали, хотя позднее Госдепартамент США потребовал теснее сотрудничать с антибольшевистскими силами. Тем не менее, масштаб иностранного вмешательства вышел далеко за рамки, обозначенные Вильсоном. Вашингтон настаивал, чтобы численность экспедиционных войск Японии не превышала 12 тыс. человек, но к ноябрю 1918 года Токио отправил более 70 тыс. солдат в Восточную Сибирь, где они оставались до 1922 года. В Северной России посол США Дэвид Фрэнсис согласился на использование британским командованием 4 тыс. 500 американских солдат на фронте против Красной Армии глубиной до 200 миль. Хотя Вильсон максимально ограничил участие войск США в военных действиях, к полной эвакуации в июне 1919 года они потеряли в боях более 500 человек. На Севере России британские и французские батальоны также теряли убитыми и ранеными больше, чем бригады, посланные в Сибирь и Южную Россию. В Архангельске при усталости русских от войны, апатии и

социальной поляризации, усугубляемой заговорами офицеров-монархистов против министров-социалистов и высокомерием союзных военачальников, глава Временного правительства Северной России Н. В. Чайковский и его соратники не смогли создать значительных русских военных формирований. В отличие от прочих фронтов, на Севере России союзные войска постоянно играли основную роль в военных операциях. (Влияние иностранной интервенции на способность противников большевиков, особенно умеренных социалистов, в разных районах создавать вооруженные силы — предмет отдельного исследования).

В октябре 1918 года победа в войне с Германией была предпринята, и премьер-министр Франции Жорж Клемансо приказал начать военную интервенцию на Юге России для ликвидации немецкой гегемонии, уничтожения большевизма и защиты французских экономических интересов. Прибыв в декабре в Одессу, французские и греческие войска проявили еще меньше боевого энтузиазма, чем солдаты союзников на Севере России и в Сибири, не понимали цели военной экспедиции, начатой после заключения перемирия. Под влиянием резкой критики слева Клемансо и министр иностранных дел Стефан Пишон уже в конце 1918 года объявили, что французские подразделения образуют лишь оборонительный фронт, и вести активные операции против большевиков будут русские армии. В апреле 1919 года, при наступлении Красной Армии и мятеже на французском флоте на Черном море, союзные силы спешно эвакуировались из Одессы.

В конце 1918 и начале 1919 года Великобритания и США также предприняли шаги к выводу своих военных сил из России. Хотя в ноябре 1918-го Военное министерство Великобритании направило две дивизии в Закавказье, почти одновременно кабинет министров высказался против расширения военного вмешательства на остальной территории России. В ответ на многомесячную волну критики интервенции со стороны родственников солдат, издателей газет и конгрессменов Президент Вильсон в феврале 1919 года приказал как можно скорее вернуть экспедиционные силы с Севера России. Так же поступило правительство Великобритании, решив вывести через несколько месяцев войска с Севера России и из Закавказья.

Финансовая и военная помощь антибольшевистским силам, 1919–1920 годов: русская пропаганда и западное общественное мнение

Отказавшись в 1919 году от прямого военного вмешательства, союзники и США активизировали косвенную интервенцию, увеличив поставки военных материалов белым армиям и антибольшевистским силам националистов на окраинах бывшей Российской империи. Британцы отправили белым, в первую очередь Деникину и Колчаку, более 100 млн. фунтов грузов. С одобрения Казначейства и Госдепартамента США посол России (Временного правительства) в Вашингтоне Б. А. Бахметев использовал кредиты, отпущенные ещё Временному правительству, для отправки в Сибирь и на Юг России грузов стоимостью более 50 млн. долларов. США поддержали также антибольшевистские силы «гуманитарной» помощью на 5 млн. долларов. Ее получала главным образом Северо-Западная армия генерала Н. Н. Юденича через Американскую администрацию помощи (АРА) и Американ-

ский Красный Крест. Когда возросли сомнения в способности белых восстановить великую Россию как противовес Германии, французы в 1920 году прекратили снабжать Деникина и усилили военную помощь армии Польши, и та использовала ее в апреле в войне с РСФСР. Когда советское контрнаступление летом угрожало Варшаве, Франция возобновила помощь Русской армии барона П. Н. Врангеля и признала де-факто его правительство. Однако боязнь французских лидеров выступлений парламентской оппозиции и уличных демонстраций сдерживала расширение помощи.

Понимая важность зарубежной помощи для исхода Гражданской войны, разные политические группировки России старались увеличить, перенаправить либо остановить эту помощь. Либеральные представители бывшего Временного правительства во Франции, Великобритании и США организовали пропагандистские кампании, утверждая, что для покрытия невероятных жертв, понесенных русскими в 1914–1917 годах, и достижения целей войны с Германией западные державы обязаны помочь русским патриотам уничтожить большевистскую угрозу, освободить Россию от немецкой гегемонии и установить сильную российскую демократию. Эту пропаганду подрывали известия о заговорах монархистов, терроре и погромах на белых территориях, вызывавшие в западном общественном мнении опасения, что помощь белым означает содействие восстановлению самодержавия. Кроме того, либеральную антибольшевистскую пропаганду подрывали эмигрировавшие вожди партии эсеров. Раздосадованные недостаточной помощью союзников умеренным социалистам в Сибири и обозленные переворотом Колчака в Омске в ноябре 1918 года, они настаивали на прекращении помощи союзников реакционным диктатурам Колчака и Деникина. Наконец, представители большевиков, считая, что судьба РСФСР зависит от прорыва союзной экономической блокады и прекращения помощи белым, агитировали рабочий класс Запада поднять голос протеста против интервенции и побуждать капиталистов требовать от своих правительств нормализации экономических и дипломатических отношений с РСФСР. Борьба между российскими консерваторами, либералами, умеренными социалистами и коммунистами за влияние на общественное мнение и политику правительств Запада требует дальнейшего исследования. Анализ эмигрантской литературы и архивных документов российских посольств, военных миссий и информационных бюро должен прояснить вопрос о том, как русские изображали борьбу за будущее своей страны и как понимали проблемы поиска западной помощи большевикам и антибольшевистским движениям.

Воздействие и наследие интервенции

Общее значение иностранной интервенции в России не до конца ясно. Деньги и материалы, полученные от Антанты и США, определенно имели большое значение для поддержки и обеспечения антибольшевистских сил. Однако сложнее оценить, насколько зависимость от иностранной помощи ослабляла дух белых офицеров, в какой степени надежда на признание и помощь союзников влияла на поспешные необдуманные стратегические решения или пренебрежение заботой о поиске поддержки населением, и как заносчивость и высокомерие иностранных представителей в отношении белых вождей сказались на падении престижа белых в народе. Нередко утверждают, что иностранная интервенция способствовала по-

беде красных, поскольку помогла большевикам изобразить своих противников орудием империалистических хищников и обвинить в экономических трудностях РСФСР враждебное капиталистическое окружение. Однако почти нет систематических исследований большевистской пропаганды в этом духе и реакции на нее русских солдат, рабочих и крестьян.

В Холодную войну западные исследователи часто недооценивали влияние союзной интервенции на советское мировоззрение. Они утверждали, что она лишь подкрепляла большевистские идеологические ожидания враждебности капиталистов, и что позднейшие советские обвинения Запада в нанесении значительного ущерба России — это чистая пропаганда. Новый научный подход может помочь преодолеть односторонность взглядов и найти более приемлемые решения. Одно дело ожидать империалистическую интервенцию, исходя из теоретических положений. Другое дело испытать на протяжении длительной Гражданской войны антипатию Запада к большевизму, чувствовать на себе антисоветский накал интервенции, как писал Михаил Левидов в одной из ранних советских работ. По мере анализа исследователями формы, в которой «интервенция» упоминалась в ситуации ожидания в 1927 году войны, в антиамериканской пропагандистской кампании 1948–1953 годов, в историографии хрущевского периода 1958–1964 годов, они могут раскрыть сложное взаимодействие между воспоминаниями людей, переживших годы интервенции, с одной стороны, и циничными манипуляциями коммунистических вождей и идеологов — с другой. Исследования новых материалов о советской внешней политике после Гражданской войны могут вскрыть интересную взаимосвязь опасений новой интервенции, осознания упадка оппозиции на Западе и стремления сыграть на противоречиях между капиталистическими державами, которые также были еще одним долгосрочным наследием периода 1917–1921 годов.

Литература

- Американские солдаты в Сибири // История СССР. 1991. № 1.
- Ганелин Р. Ш.: Россия и США. 1914–1917 гг. Л., 1969; Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975.
- Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920: Впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007.
- Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993.
- Грэвс У., генерал. Американская авантюра в Сибири (1918–1920). М., 1932.
- Земан З., Шарлау У. Кредит на революцию. План Парвуса. М., 2007.
- Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997.
- Левидов М. К истории союзной интервенции в России. Л., 1925.
- Об интервенции США против советской России (1919 г.): Документы // Исторический архив. 1960. № 6.
- Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию... М., 1982.

- Соловьев О. Ф.* Иностранные вторжения в Россию. М., 2011.
- Уорт Р.* Антанта и русская революция. 1917–1918. М., 2005.
- Baron N.* The King of Karelia: Col. P. J. Woods and the British Intervention in North Russia, 1918–1919: A History and Memoir. London, 2007.
- Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: Von Brest-Litowsk bis zum Ende des ersten Weltkrieges. Wien, 1966.
- Brinkley G. A.* The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia. 1917–1921. Notre Dame, 1966.
- Carley M. J.* Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917–1919. Montreal, 1983.
- Debo R. K.*: Revolution and Survival: The Foreign Policy of the Soviet Russia, 1917–1918. Toronto, 1979; Survival and Consolidation: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1918–1921. Montreal, 1992.
- Foglesong D. S.* America's Secret War Against Bolshevism: US Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill, 1995.
- Kennan G. F.* Soviet-American Relations, 1917–1920. 2 vols. Princeton, 1956, 1958.
- Kinving C.* Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia, 1918–1920. London, 2006.
- Morley J. W.* The Japanese Thrust into Siberia, 1918. New York, 1957.
- Petracchi G.* Ideology and Realpolitik: Italo-Soviet Relations, 1917–1933 // Journal of Italian History. 1979. Winter, № 2, 3.
- Slonim I.* Stillborn Crusade: The Tragic Failure of Western Intervention in the Russian Civil War, 1918–1920. New Brunswick, NJ, 1996.
- Thompson J. M.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1967.
- Ullman R. H.* Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. 3 vols. Princeton, 1961, 1968, 1972.
- Unterberger B. M.* The United States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill, 1989.
- Germany and Revolution in Russia. 1915–1918 / Ed. by Z. A. B. Zeman. Oxford, 1958.

Х съезд РКП(б) и переход к НЭПу

СЕРГЕЙ ЯРОВ

Х съезд РКП(б) считается одним из важнейших политических событий советской истории, но его истинное значение остается предметом нескончаемых дискуссий. Основным источником по исследуемой теме является стенографический отчет Х съезда РКП(б). Впервые он увидел свет в 1921 году и затем еще дважды (в 1933 и 1963) переиздавался, каждый раз обрастая новыми дополнениями и примечаниями. Во всех трех изданиях отсутствуют записи восьмого, девятого и десятого заседаний съезда, состоявшихся 12–13 марта 1921 года. Эти заседания считались закрытыми и, как сообщали издатели отчета, «протоколов по ним не велось». Такова официальная версия.

Х съезд РКП(б) не стал объектом фундаментального монографического исследования, но его роль и место в истории так или иначе пытается оценить каждый, изучающий положение России в начале 1920-х годов. Делается это с различной степенью подробности, в зависимости от сферы интересов авторов. Чаще прочего — это изыскания по внешней и национальной политике, истории крестьянства, кооперации, борьбе с политической оппозицией, экономической истории. Общим для историков многих направлений стало, прежде всего, рассмотрение Х съезда РКП(б) в тесной связи с переходом к НЭПу. Попытки выявить ряд других аспектов съезда, в частности, его значимость для противодействия бюрократизации партии, предпринимались в основном западными историками.

Предысторию Х съезда РКП(б) исследователи, как правило, начинают с партийной дискуссии о профсоюзах на рубеже 1920–1921 годов. Для этого есть веские основания: ожесточенная полемика о профсоюзах продолжалась и на съезде. Пленум ЦК РКП(б) в январе 1921 года допустил избрание делегатов на съезд по «платформам», то есть в соответствии с их отношением к той или иной профсоюзной программе. Данному обстоятельству придается иногда излишне драматическое звучание. На съезде деление по фракциям официально не допускалось, хотя и не удалось избежать фракционных заседаний.

Первоначально открытие съезда было назначено на 6 февраля 1921 года, но затем без объяснения причин решили провести его месяцем позже, и он начал работу 8 марта в Москве. Его повестка дня была обширной. Предстояло заслушать отчеты о политической и организационной деятельности ЦК РКП(б), его Контрольной комиссии и делегации в Коминтерне, Главного политико-просветительного комитета (Главполитпросвета) и историко-партийной комиссии (Истпарта). Национальная и профсоюзная политика коммунистов, единство РКП(б), партийное строительство, внешняя политика Советской Республики, замена разверстки натуральным налогом, топливный кризис — вот перечень наиболее важных вопросов, обсужденных избранными на съезд 990 делегатами.

Дискуссия открылась после трех докладов: В. И. Ленина (политический отчет ЦК), Н. Н. Крестинского (организационный отчет ЦК) и А. А. Сольца (отчет Контрольной комиссии). В центре споров оказались вопросы предсъездовской полемики, и прежде всего — кризис партии и сопутствующие явления. Наличие этого кризиса не оспаривали ни ленинцы, ни их оппоненты. Основные разногласия касались диагностики кризиса и мер, необходимых для его прекращения. Рабочая оппозиция в своем проекте резолюции по политическому докладу ЦК отмечала, что политика ЦК «в важнейших отраслях и по важнейшим вопросам коммунистического строительства имела ряд уклонов в сторону недоверия к творческим силам рабочего класса и уступок мелкой буржуазии и буржуазно-чиновничьим кастам». Лидер рабочей оппозиции А. Коллонтай подчеркнула, что в партии много чуждых элементов, и сделала вывод: «Центральному комитету приходится приспособляться к ним, лавировать, вместо того, чтобы ясно, отчетливо вести свою линию. И в вопросе о взаимоотношениях с профсоюзами, и в международном мы чувствуем уклон и приспособление». Коллонтай отметила: во-первых, умеренность ЦК РКП(б) в критике бюрократического профсоюзного аппарата и отказ от его полной перестройки; во-вторых, она, несомненно, имела в виду призыв к мирному сосуществованию различных политических систем. Осторожное, обставленное большим числом оговорок обоснование этого тезиса сделал чуть позднее в докладе Лев Каменев.

Мы не можем вслед за Лениным назвать эти выпады демагогией — они имеют серьезные основания. Но это не должно мешать видеть несомненно схоластический характер ряда оппозиционных оценок общей ситуации в РКП(б). Положение в партии, и это очевидно, осмысливается не без помощи привычных идеологических клише, коими устанавливается спорная зависимость реально существующих явлений от их предполагаемых причин. Представления о прямой связи социального происхождения лиц, составляющих государственные учреждения, с политикой этих учреждений свойственны любому ортодоксальному коммунистическому публицисту, да и вне их круга имеют право на существование. Но они не учитывают специфику политических структур в советской России, их иерархичность и квазиколлективность принятия решений.

Куда конкретней выступавшие от партийных блоков оценивали составные элементы кризиса: засорение партии выходцами из непролетарских слоев, уход из ее рядов рабочих, разрыв между верхами и низами партии и нежелание привлекать рядовых коммунистов на ответственные посты, борьбу с инакомыслием в большевистской среде, отсутствие демократии, формирование особых каст руководителей и духа кастовости. Реальность этих тенденций не отрицалась никем. Партийные оппозиционеры оценивали их весьма тревожно, в отличие от большинства ЦК, видевшего в этом лишь естественные «болезни роста» партии. Во всех речах оппозиции отчетливо просматривается стремление выдвинуть на первый план именно субъективные, а не объективные причины кризиса. В возникновении его они усматривали скорее личную или групповую вину, нежели последствия российских социальных метаморфоз.

Составленная ленинцами и одобренная съездом резолюция «По вопросам партийного строительства» претендует на более глубокое понимание истоков партийного кризиса, хотя ее оценки, несомненно, преследовали апологетические цели. Неравенство коммунистов объяснялось в резолюции спецификой экономических приоритетов в условиях войны: чтобы получить особо нужные вещи, надо было

оплачивать их дороже. Ссылками на военный фактор, соответственно, оправдывались милитаризация и централизация партийных организаций. «Необходимость» и «неизбежность» — часто повторяющиеся слова в данном документе, это универсальный ответ всем ленинским оппонентам. Из неизбежных причин вытекают и неизбежные следствия: «централизация развивала тенденцию к превращению ее в бюрократизацию и отрыву от масс; система боевых приказов принимала часто извращенные формы ненужного нажима; необходимые привилегии становились почвой для злоупотреблений разного рода; необходимое свертывание партийных органов — к ослаблению духовной жизни партии». Эти выводы, однако, не делают ясными фундаментальные вопросы: как возникли эти «перегибы», почему меры, в теории признаваемые благотворными, на практике принимают «извращенные формы», и, наконец, только ли военным фактором объясняются эти разительные перемены?

Последующее развитие советского общества отчетливо показало, что бюрократизация всех органов его управления, и в первую очередь компартии как основного из них, была запрограммирована, заложена в код их развития. Война могла ее усилить и даже придать карикатурность, но она не являлась ее единственным творцом. Умножение и воспроизводство бюрократических структур было неизбежно как в силу внутренних законов их развития, так и потому, что новый политический порядок создал им режим наибольшего благоприятствования. Однако на этот порядок никто на съезде не покушался и, видимо, тогда не осознавал неразрывную, глубинную связь его с процессом раскола верхов и низов.

Для преодоления кризиса партии, восстановления ее демократического облика и, казалось, утраченной революционности оппозиция предлагала «чистку» и установление жестких условий приема в РКП, ее демократизацию и «оздоровление» партийных верхов. Необходимость «чистки» прямо определялась тем значением, которое оппозиция придавала процессу размыывания РКП выходцами из непролетарских слоев. В содокладе С. П. Медведева (рабочая оппозиция) о партийном строительстве предлагалось оставить в РКП(б) «только те элементы, которые целиком стали на точку зрения рабочего класса и коммунистической революции». Расплывчатость и туманность данного критерия, равно как и произвольность его установления, остались вне поля зрения докладчика. Медведев предложил: «Всякий, кто вступит в нашу партию из нерабоче-крестьянских элементов, должен обязательно проработать определенное количество времени <...> на фабрике или заводе и должен изучить простейшие процессы физической работы». Впрочем, эту меру он склонен был рекомендовать и не только для «подозрительных» партийцев: «...Необходимо сделать так, чтобы все члены партии отбывали определенный срок на заводах и фабриках». Читая эти строки, трудно уйти от мысли, что политическую проблему пытались решить буквально физически, заставив членов РКП трудиться бок о бок и полагая, что в этом производственном трении может быть высечена искра партийного товарищества.

Налет утопизма, хотя и не столь явный, содержали другие рецепты лечения партийных недугов, предложенные ораторами от оппозиции: большинство в руководстве партии должны составлять рабочие, не оторвавшиеся от станка; освобождение коммунистических функционеров от мелких побочных обязанностей позволит им жить непосредственно в гуще масс.

Взгляды В. И. Ленина отразила резолюция съезда «По вопросам партийного строительства». Ей свойственен более умеренный тон, хотя перечень антибюро-

кратических мер в ней не отмечен новизной. Предлагалось очищение партии от некоммунистических элементов «путем точного учета каждого отдельного члена РКП по выполняемой им работе по должности, а также и как члена Российской коммунистической партии». Рекомендовалось оглашение фамилий вступающих в РКП, увеличение кандидатского (предварительного) стажа для нерабочих и крестьян, втягивание коммунистов в «ответственную работу». Данные акции откровенно паллиативны, но по сути этот документ прагматичнее, чем оппозиционные платформы, хотя некоторые из предложенных им «общих мер по оздоровлению партии» расплывчаты и невняты. Так, категорическое требование оппозиции об обязательной работе коммунистов у станков отражено здесь следующим образом: «Необходимо, чтобы все ответственные члены партии периодически отбывали соответствующую повинность, т. е. чтобы часть даже самых занятых партийных работников постоянно была на работе в самой гуще пролетарской жизни, на агитационно-пропагандистской работе».

Почти каждый из принявших участие в этом консилиуме по обыкновению смешивал понятия «партия» и «общество», и в их замечаниях трудно провести грань между оценками собственно партийного и государственного, советского бюрократизма. Это едва ли было случайным. Как точно заметил представитель группы демократического централизма В. Н. Максимовский, «целый ряд недостатков нашего партийного аппарата проистекает из той же характерной черты, что наша партия является господствующей, что она связана с государственной властью, что нельзя отделить кризис партийного центра от кризиса советских центров». Но если делегаты съезда признавали взаимозависимость партийных и общественных болезней, то лечить их большинство из них решалось по разным рецептам. Это очень ярко выявилося в дискуссии о демократии, которая признавалась (и не только оппозицией) одним из основных средств исцеления советского режима. В докладе о партийном строительстве Н. И. Бухарин прямо заявил, что, поскольку РКП(б) является организацией самых передовых элементов рабочих, наибольший демократизм возможен только в ее рядах. Дальше, по его словам, «идет уже нисходящая линия демократизма».

Никто не решился его поправить, даже оппоненты. Один из них, В. Н. Максимовский, хотя и допускал применение ряда норм партийной демократии в сфере государственного управления, но счел нужным оговорить, что это допустимо лишь в «пределах общего соотношения классов». Фактически с Бухариным солидаризовались представители самых различных платформ. Так, Н. Осинский (В. В. Оболенский) признавал, что нельзя выдвигать лозунг самостоятельности рабочих, ибо он может быть использован против правящей партии. Схожие мысли высказал Л. Д. Троцкий: «Конечно, рабочая демократия есть единственный метод, при помощи которого все больше и больше вовлекаются в политическую жизнь массы. <...> Но все это при том условии <...>, что над формальным моментом стоит диктатура партии, которая отстаивает основные интересы рабочего класса даже при временных колебаниях его настроения».

Таким образом, признавался весьма сложный и опосредованный механизм применения демократической «дубинки» против бюрократа. Прежде всего демократия должна быть установлена в партийной среде, а затем, лишь отчасти и ограниченно, применена в иных сферах. При этом границы демократии устанавливали не «низ», а «верхи», то есть главный объект «антибюрократической» критики. Там, где было возможно решать, каким классам и в какой градации предоставить

«демократические» привилегии, оказалось нетрудно обсудить и другую проблему: в какой мере их распределять среди самих коммунистов. Неожиданная полемика о единстве партии была реакцией на профсоюзную дискуссию, но это был неадекватный ответ, как писали Л. Шапиро, Р. Даниэлс, А. Улам.

Ключевой фигурой в споре о единстве РКП(б) стал Ленин. Он не участвовал в дискуссиях о коммунистической агитации, национальном вопросе, прошел мимо и других важных проблем. Но одной темы он касался постоянно, даже если этого не требовала повестка его выступлений: это борьба с уклонами. Здесь его речи отличались эмоциональностью, категоричностью и хлесткостью, что заметно диссонировало с выступлениями других ораторов, обычно не заботившихся о литературности словесных упражнений. Филиппики Ленина против оппозиции красноречиво свидетельствуют не только о его политическом темпераменте, но и о том психологическом настрое, которым сопровождалось составление им известной резолюции «О единстве партии». Одной из доминант его политического мышления было отвращение к любому политическому инакомыслию вне ортодоксальных рамок и к фракционности, разрушающим монолитность партии. Это чувство было выстрадано им в его борьбе за главенство в партии, сопровождаемой внутренними склоками в большевистской среде и прочими дрызгами, в которых трудно отделить личное от принципиального и которые стали неотъемлемой частью его политической и духовной биографии. Это необходимо иметь в виду, отмечая чрезмерность ленинской реакции на возникновение оппозиционных платформ. Реальное влияние последних (за них голосовало на съезде всего несколько десятков из сотен присутствовавших там делегатов) в любом случае едва ли может оправдать ее.

Два фактора убеждали Ленина в правоте его фундаменталистских взглядов: политические неурядицы в стране (грохот кронштадтских пушек был для него неоспоримым аргументом против превращения партии в дискуссионный клуб) и сама множественность платформ — явление, беспрецедентное для РКП(б), в которой, кроме левых коммунистов и военной оппозиции, в годы войны не было сколь угодно влиятельных оппозиционных течений.

В. И. Ленин не собирался нарушать привычные для того времени партийные ритуалы и в целом признавал возможность острых споров в РКП(б). Но он особенно упорно настаивал на том, чтобы провести резкую грань между дискуссией как таковой и созданием обособленных дискутирующих фракций, способных расколоть партию. При всей своей внешней логичности такая постановка вопроса была глубоко противоречивой. Свобода дискуссии неминуемо должна была выявлять различные мнения и потому определять группы, поддерживающие ту или иную точку зрения. Можно было запретить образование фракций, но не установление связей (пусть и неофициальных) между теми, кто ощущал близость взглядов. Поэтому партийная полемика вряд ли осталась бы достоянием специальных сборников и журналов, как это предлагал Ленин, и неизбежно охватила бы низовые организации. Обосновывая необходимость принятия резолюции, Ленин неоднократно напоминал об опасной политической ситуации в стране, что требовало тотального и безусловного сплочения партии. Вместе с тем, в его речах, как и в отражающих их съездовских документах, отсутствуют четкие определения политических условий, в силу которых резолюция будет сохранять свою актуальность. Это позволило устанавливать их произвольные критерии и, тем самым, придавать чрезвычайному, временному акту статус постоянно действующего.

В данной дискуссии ключевыми стали дебаты о 4-м пункте резолюции «О единстве партии». В нем говорилось, что «всякий, выступающий с критикой, должен учитывать положение партии среди окружающих ее врагов». Противоречивость этого тезиса точно подметил представитель группы «демократического централизма» А. З. Каменский: «Спрашивается, где выступающий? <...> Выступающий перед членами партии? Ведь это же смешно такое предложение делать! <...> И кто сможет иметь критерий для определения, что опасно и что не опасно? И не подвергнется ли товарищ наказанию за то, что он не понял по своему неразумению, что то-то опасно для партии? <...> Перед нами стоит бесконечное количество вопросов. И как же мы будем вести такие дискуссии, если мы не знаем, какие мысли будут признаны совершенно опасными с точки зрения внутривнутрипартийной спайки или одобрены». Это было сказано еще при обсуждении предварительного проекта резолюции, но, несмотря на убедительные доводы против, данный пункт остался и в ее окончательном варианте. Саму резолюцию можно вполне считать декларативным и риторическим заявлением, если бы не ее 7-й пункт, детально регламентировавший порядок исключения из компартии и ее руководящих органов. По решению съезда он не был опубликован: его обнародовали лишь три года спустя.

Свое политическое значение резолюция «О единстве партии» приобрела позднее, во время борьбы за власть, вспыхнувшей после смерти Ленина между его наследниками. В сущности, какие-то формы «чистки верхов» всегда существовали в партии, и едва ли нужен был особый закон, конституирующий их порядок. При жизни Ленина резолюция «О единстве партии» имела скорее превентивное значение. Оппозиционеров изгоняли из ЦК РКП(б), используя закулисную механику избрания высших органов партии на съезде. Последняя была с успехом опробована уже на X съезде. Здесь делегаты, поддерживавшие ленинскую платформу и имевшие подавляющий перевес, на своем тайном заседании предварительно определили, какие оппозиционеры будут избраны в ЦК, а какие — нет. Ничто не мешало тому, чтобы подобная комбинация была применена и на других партийных съездах во время дискуссий 1923–1929 годов.

Резолюция «О единстве партии» имела скорее не практическое, а идеологическое значение. Ее ценность определялась, пожалуй, двумя немаловажными для партийной этики обстоятельствами. Во-первых, она позволяла открыто указывать, что вывод из высшего эшелона партии был следствием именно фракционной, а не какой-либо другой деятельности. Это создавало для свергнутых партийных вождей гораздо меньше возможностей вернуть себе былое политическое влияние, чем, если бы их падение произошло вследствие тайных и мало понятных рядовым коммунистам интриг. Во-вторых, резолюция была освящена именем Ленина, и ее применение откровенно указывало, что осуждался антиленинский уклон. В тех условиях, когда авторитет Ленина имел почти сакральный характер, открытое указание на резолюцию как на причину партийного остракизма неминуемо должно было означать закат политической карьеры.

В западной историографии не раз отмечено противоречие между одобренными съездом резолюциями «По вопросу о партийном строительстве» и «О роли и задачах профсоюзов» с одной стороны и «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» — с другой. Такова, например, точка зрения Я. Грея. Думается, в них все же гораздо больше общего, чем обычно считается. Первая группа документов допускает умеренную критику партийных и профсоюзных верхов и столь же ограниченную демократизацию РКП(б) и ВЦСПС,

вторая — дополняет кодекс партийно-профсоюзных демократических норм своеобразной «главой о наказаниях», применяемых к тем, кто выходит за рамки пресловутой «умеренности». Различие между обеими группами в том, что первая из них крайне неопределенно говорит о карах против слушников, а вторая — чрезмерно их детализирует, в том числе и используя частный пример «рабочей оппозиции».

Дискуссия о единстве партии — лишь одна из акций, определивших политическую значимость X съезда РКП(б). Этот съезд чаще всего ассоциируется с переходом к Новой экономической политике (НЭПу). Однако, говоря о генезисе нэпа, нужно отвести съезду более скромную роль, чем обычно приписывается. Вопрос об авторстве НЭПа сложен. На X съезде РКП(б) Л. Д. Троцкий впервые публично заявил о своем приоритете в определении концепции НЭПа, ссылаясь на свою записку «Основные вопросы продовольственной и земельной политики», переданную в ЦК РКП(б) 20 марта 1920 года. Резкие возражения против этого стали общим местом в советской историографии, и перечисления имен авторов, оспоровивших Троцкого, заняло бы не одну страницу. Однако зачастую критика его тезисов была односторонней. Она основана главным образом на интерпретации их 3-го пункта, предлагавшего «дополнить принудительную разверстку по ссылке принудительной разверсткой по запашке и вообще обработке». Причастность этого тезиса политике «военного коммунизма» доказать нетрудно. Вместе с тем, данный прием полемики не учитывал того, что Троцкий ставил на первое место в своем проекте: заменить «изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подходящий прогрессивный налог) с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или обработка представляла все же выгоду». Это, собственно, и было той мерой, с которой впоследствии начался НЭП. Примечательно, что следующий пункт тезисов Л. Д. Троцкого почти в точности предвосхитил колебания партийных верхов на первой стадии НЭПа. Полузапретное слово «торговля» заменялось расплывчатой формулой о «выдаче крестьянам продуктов промышленности».

Проект Троцкого осторожен: возможно, в этом одна из причин его неотчетливости. Особенно примечателен пункт о принудительной разверстке. Это предохранительное средство, необходимое в случае, если экономические новшества дадут осечку.

Иного, третьего пути преодоления хозяйственного коллапса в России не существовало. Заслуга Троцкого была в том, что он первым обозначил тот круг, за пределы которого большевики не рисковали переходить на раннем этапе нэповского эксперимента. Он дал формулировку его первого шага, не предполагая, как и его последователи в 1921 году, что придется сделать и второй, и третий шаг, прежде чем экономическая конструкция обретет необходимую устойчивость. Если же говорить о системе мер, которые могут быть названы нэповскими, то ее скорее нужно искать не у Троцкого, а в программе социал-демократов «Что делать?», опубликованной в 1919 году. В связи с этим Л. Шапиро отмечал почти полное совпадение меньшевистского документа с нэповскими акциями, хотя к вопросу о «приоритете» это вряд ли имеет какое-либо отношение. Данная близость может оказаться не результатом взаимовлияния идей, а итогом признания очевидных экономических истин — просто кто-то сделал это быстрее, а кто-то медленнее.

В конце марта 1920 года ЦК РКП(б) 11 голосами против 4 отверг проект Троцкого. Протокол заседания неизвестен. Судя по позднейшей мемуаристике Троцкого, наибольшую тревогу у партийного синклита вызвал призрачный свободной тор-

говли. Сам автор проекта был тогда «обвинен во фритредерстве». Характерно, что В. И. Ленин запомнился ему в числе особенно резких критиков. Однако через несколько месяцев Ленин был среди тех, кто сначала осторожно, а затем более настойчиво искал выход из экономической разрухи на путях, весьма непривычных для военного коммунизма. Поводом для переоценки взглядов ему послужило обсуждение крестьянского вопроса на VIII съезде Советов в декабре 1920 года. В ходе его Ленин высказал ряд примечательных практических предложений, проявив готовность реалистично подойти к нуждам деревни. Он был сдержан при оценке перспектив колхозов и часто упоминал о желательности «ставки на старательного хозяина» и необходимости его премирования за лучший труд, причем индивидуальный, а не коллективный. Однако постановление съезда «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» еще основывалось на принципах военного коммунизма, и даже их дополняло. С сокращением посевов и недостаточным их обсеменением предлагали, например, бороться посредством создания особых посевных комиссий. При этом игнорировались объективные причины незаинтересованности крестьян в расширении посевных площадей. Спор о том, можно ли считать решения съезда преддверием НЭПа или их следует отнести к военно-коммунистическому творчеству, стал в середине 1960-х годов предметом долгой полемики среди советских историков. Наиболее полярные точки зрения здесь высказали Э. Б. Генкина и Ю. А. Поляков.

Безусловно, документы X съезда РКП(б) пронизаны отнюдь не нэпманским духом. Однако «крестьянская» дискуссия на съезде ясно обнаружила тот прагматический настрой, который затем станет определяющим в формировании НЭПа. Именно после дебатов на съезде была создана комиссия, призванная обсудить и, по возможности, облегчить положение деревни. Ее предложения, направленные в ЦК в начале февраля 1921 годов, еще не предусматривали радикальной перемены крестьянской политики. Ленин выступил 4 февраля 1921 года на Московской конференции металлистов — той самой, которая открыто потребовала отмены разверстки и введения натурального налога. В своей речи он воздержался от каких-либо упоминаний о налоге и лишь вскользь обмолвился о возможном пересмотре «отношения рабочих к крестьянам».

Однако его колебания вскоре прекратились. 8 февраля 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) назначило комиссию для выработки решения по крестьянскому вопросу. Ей Ленин и передал свой «Предварительный черновой набросок тезисов насчет крестьян», составленный в духе резолюции Московской конференции металлистов. Первый его пункт гласил: «Удовлетворить желания беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом». Уменьшение размеров нового налога по сравнению с прежней разверсткой предлагалось им во втором пункте данного документа. Последнее, возможно, и не было напрямую связано с радикальными изменениями аграрной политики. Это скорее пересказ ранее предложенных паллиативных мер по облегчению положения крестьян. Во всяком случае, еще не велось разговоров о снятии с государственного снабжения широкого круга лиц, чем ряд историков объяснял сокращение объема налога. В этом же «Наброске» Ленин предложил уменьшить процент налоговых отчислений в зависимости от «старательности земледельца» и, наконец, «расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте при условии быстрого и полного внесения налога». Последний пункт особенно важен. Это квинтэссенция взглядов Ленина на торговлю

в том виде, как они сложились к февралю 1921 года. Здесь все показательно: и табу на употребление самого слова «торговля», замененным некоей туманной «свободой использования излишков», и ограничения этой «свободы» местными рамками и еще рядом условий, делающих все более куцыми провозглашенные уступки.

Ленинский «Набросок» стал ядром более обширного и конкретного проекта подготовленной к X съезду РКП(б) резолюции «О замене разверстки натуральным налогом». Его шлифовкой и уточнением занимались поочередно две новые комиссии, созданные ЦК в феврале 1921 года. Их членами были Л. Б. Каменев, Н. Н. Осинский, Н. И. Муралов, П. И. Попов и А. Д. Цюрупа. Проект готовился в келейной обстановке и не стал объектом какой-либо широкой предварительной дискуссии. «Правда» опубликовала несколько статей по этому вопросу в конце февраля, но, как впоследствии заметил Ленин, «на них никто не отвечал». Молчали и «низы», и «верхи» партии; очевидно, даже сторонники разверстки понимали вынужденность и неизбежность ее отмены.

Атмосфера этой апатии передалась аудитории X съезда РКП(б). С основным докладом о замене разверстки продналогом выступил на нем Ленин. Его речь интересна прежде всего тем, что в ней впервые дано теоретическое, согласующееся с большевистскими идеологическими канонами обоснование экономического переворота. Именно здесь им были представлены в концентрированном виде идеи, ставшие позднее одной из осей официальной идеологической конструкции, оправдывавшей НЭП. Ленин попытался доказать совместимость экономических новаций с традиционными представлениями о социализме. Он не отрицал, что существует возможность «капиталистической реставрации», но его оценки, как правило, были столь же оптимистичными, сколь и прагматичными: «Можно ли до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корней политической власти пролетариата? <...> Можно, ибо вопрос — в мере. Если бы мы оказались в состоянии получить хотя бы небольшое количество товаров и держали бы их в руках государства <...> и могли бы пустить эти товары в оборот — мы бы, как государство, к политической власти своей прибавили экономическую власть».

В историографии нет единой точки зрения по вопросу о том, какие главные причины обусловили переход к НЭПу. В советской литературе преобладает мнение о том, что введение НЭПа было предreshено, прежде всего, необходимостью переоценки отношения властей к крестьянам после окончания Гражданской войны. Этот процесс представлялся как неизбежный, а экономический и политический кризис 1921 года — как событие, его ускорившее. Наиболее подробно эту точку зрения обосновал Ю. И. Климов. Многие западные авторы, напротив, рассматривают этот кризис как основную причину отказа от военного коммунизма. М. Рен указывает на Кронштадтский мятеж, хотя последний был еще одним свидетельством в пользу решения, принципиально одобренного несколькими неделями ранее.

Вопрос замены разверстки налогом не вызвал сколько-нибудь живого и широкого отклика среди делегатов съезда. Выступившие вслед за В. И. Лениным А. Д. Цюрупа и Е. А. Преображенский практически не спорили с предложенным проектом и касались лишь его частных аспектов. Даже продовольственный работник М. И. Фрумкин, выдвинувший альтернативную резолюцию об отмене разверстки, не отрицал необходимости введения налога, а только настаивал на отсрочке. Подробные данные о голосовании резолюции на съезде отсутствуют в

его стенографическом отчете. Однако, судя по позднейшим свидетельствам, оно было почти единодушным. Резолюция состоит из девяти пунктов. В них подробно перечислены общие принципы формирования и взимания налога, причем особо подчеркнут его прогрессивный характер. Сведения о размерах налога земледелец должен был получить еще до начала весенних полевых работ. Примечательно, что индивидуальный расклад налога внутри сельских обществ производился всеми гражданами, вне зависимости от их имущественного положения. Попытки предоставить это право только беднякам были пресечены самим В. И. Лениным при окончательной редакции резолюции в марте 1921 года. «Бедняцкие» симпатии властей, впрочем, проявились и здесь. В четвертом пункте резолюции отмечалось, например, что «хозяйства беднейших крестьян могут быть освобождены от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога». Льготы предполагались и для «старательных хозяев-крестьян», увеличивающих засеваемые земли.

Сложнее всего было определить границы и формы продажи излишков продуктов, оставшихся у крестьян после уплаты налога. Обмен, частично отменявший принцип тотального государственного распределения, авторы намеревались осуществить по следующей схеме. Земледелцам разрешалось обменивать свои продукты на другие, но делать это они могли только в пределах «местного хозяйственного оборота». Тем из них, кто добровольно сдавал продукты государству сверх налога, разрешалось пользоваться государственным «фондом предметов сельскохозяйственного инвентаря и предметов широкого потребления». Однако не разъяснялось, что понимать под обменом, означает он продажу или нечто иное. Мартовская сессия ВЦИК 1921 года декретировала обмен через кооперацию, базары и рынки, но избегала слова «торговля».

X съезд РКП(б) имел ключевое значение в процессе стабилизации политического режима. Он не предложил идеальной модели взаимоотношения «верхов» и «низов», но сумел смягчить острые противоречия между ними путем кодификации этических норм. Его нэповский потенциал более чем скромнен, но открылась дорога для радикальных экономических новшеств. Съезд наметил элементы идеологической унификации страны. Не лишены налета утопизма дебаты по национальному вопросу укрепили прагматизм национальной политики большевиков. В целом X съезд РКП(б) стал воплощением «переходного» государственного порядка, устранявшего реликты послереволюционной анархии, но далекого от авторитарной диктатуры.

Литература

- Генкина Э. Б. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921–1923 гг. М., 1964.
- Гимпельсон Е. Г. Новая экономическая политика и политическая система 20-х гг. М., 2004.
- Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963.
- Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974.
- НЭП в редких изданиях из фондов Библиотеки Российской Академии наук. А. И. Рыков и его наркомы. СПб., 1999.

НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006.

Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.

Поляков Ю. А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967.

Россия нэповская: исследования. М., 2002.

Carr E. The Bolshevik Revolution. 1917–1923: 3 Vol. New York, 1951–1953.

Daniels R. V. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Oxford, 1960.

Pirani S. The Russian Revolution in Retreat, 1920-1924: Soviet Workers and the New Communist Elite. London; New York, 2008.

Russia in the Era of NEP. Exploration in Soviet Society and Culture. Bloomington; Indianapolis, 1991.

Schapiro L. The Origin of the Communist Autocracy. London, 1977.

Ч А С Т Ь

III

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДЕЯТЕЛИ
И ВОПРОС ИХ РОЛИ
В СОБЫТИЯХ

| Керенский |

БОРИС КОЛОНИЦКИЙ

Февральскую революцию совершенно невозможно представить без личности Александра Федоровича Керенского (1881–1970). Он был «центральной и самой популярной фигурой революции» (Н. Н. Суханов). Он ее олицетворял, персонафицировал.

Керенский занимал важнейшие посты: министр юстиции (март — апрель), военный и морской министр (май — август), глава Временного правительства (с 8 июля), Верховный главнокомандующий (с 30 августа). Однако простое перечисление этих должностей не дает представления ни о реальном авторитете Керенского, ни о той власти, которой он располагал уже в первом революционном кабинете.

Характеризуя первое Временное правительство, В. И. Ленин писал, что «демократ Керенский приглашен в новое правительство только для того, чтобы создать видимость народного представительства, чтобы иметь демократического краснбая, который говорил бы народу громкие, но пустые слова, в то время как Гучковы и Львовы будут делать антинародное дело».

Эта оценка совершенно не соответствовала действительности: 35-летний министр юстиции располагал значительным влиянием, часто именно его позиция определяла решения кабинета. Уже тогда его именуют «единственным сильным человеком в кабинете» (Р. Локкарт), «наиболее влиятельным членом правительства и сильным человеком» (Дж. Бьюкенен), «фактическим премьером» (В. М. Зензинов), «влиятельнейшим министром» (З. Н. Гиппиус), «сильнейшим человеком в совете министров» (А. Рэнсом). П. Н. Милюков утверждал: «Не успев еще стать “сильной властью” в государстве, Керенский, несомненно, уже достиг сильной власти в правительстве». Последний же в разговоре с А. Тома намекал, что его позиция в кабинете «особая», и считал, что без него все «обрушится».

Представление об особом влиянии министра юстиции нашло отражение и в массовом сознании: именно ему адресовано множество петиций и резолюций с требованиями, совершенно не относящимися к его официальной компетенции.

Некоторые современники объясняли влияние Керенского (и даже само его вхождение во Временное правительство) масонской солидарностью некоторых членов кабинета. Влиянию «Верховного совета народов России» уделяют немало внимания и некоторые историки (Г. Катков).

Однако ответ на вопрос о причинах реального авторитета Керенского дали уже в 1917 году представители разных политических лагерей — не сговариваясь они использовали известное выражение: «нужный человек на нужном месте». Именно так оценили Керенского и Николай II, и З. Н. Гиппиус, и В. В. Шульгин. Но что они имели в виду?

Керенский занимал выгодную политическую позицию: в условиях двоевластия он был и членом правительства, и товарищем председателя Исполкома Петроградского Совета.

Но, по свидетельству И. В. Гессена, на решение о привлечении Керенского в правительство повлияло то, что он уже играл видную роль в Совете. По-видимому, и организаторы Совета, выдвигая Керенского на столь важный пост, стремились с помощью его авторитета укрепить свои позиции (Г. Л. Соболев). Влияние Керенского учитывалось и при образовании Временного комитета Государственной думы — в официальном списке членов комитета его имя шло сразу же вслед за председателем, М. В. Родзянко.

К моменту создания властных структур революционной России Керенский уже обладал немалым авторитетом: его знали как адвоката — защитника на политических процессах, как члена комиссии, расследовавшей известные Ленские события, как одного из наиболее смелых думских ораторов. Известен он был и членам всевозможных легальных, полуполигальных и нелегальных кружков радикальной интеллигенции. Однако влияние Керенского, прежде всего, было следствием его действий в дни 23 — 27 февраля, они были одновременно и решительными, и эффектными: призыв не подчиниться царскому указу о роспуске Думы, смелые выступления перед восставшими солдатами, арест царских министров, личный контакт с центрами движения. Из политических деятелей, известных широкой публике, только Керенский действовал столь быстро, смело и ярко: «Он был единственный человек, который с энтузиазмом и полным доверием отдался стихии народного движения... Единственно он со всей верой в правду говорил с солдатами «мы»» (В. Б. Станкевич). Об особой, уникальной роли Керенского писал и Н. Н. Суханов: «Незаменимый Керенский издыхающего царизма, монополюный Керенский февральско-мартовских дней». В такой обстановке некоторые консервативные депутаты Думы воспринимали его как революционного «диктатора» (В. В. Шульгин).

Однако влияние Керенского объяснялось не только присутствием в институтах власти — политическая жизнь России в период между Февралем и Октябрем определялась соглашением так называемых «живых сил страны», то есть Советов и комитетов, руководимых умеренными социалистами, с одной стороны, и «буржуазии», то есть либералов — с другой. Формально примыкая к социалистам-революционерам, Керенский не был патриотом партии, его политическая позиция находилась как раз посреди двух лагерей, на оси политической жизни страны, образованной взаимодействием важнейших векторов. Он олицетворял данное соглашение, был символом «коалиции всех живых сил страны» (М. И. Скобелев). И. Г. Церетели причислял Керенского к «демократической интеллигенции», державшейся на грани «социалистической», «советской» и «чисто буржуазной» демократий, и отмечал, что он стремился играть роль «общенациональной фигуры», идеалом его была «внепартийная и надпартийная» власть. Противники именовали Керенского «математической точкой русского бонапартизма»: «Ему суждено было стать «математической точкой» скрещения жестоких и непонятных ему сил революции» (Н. Н. Суханов). И слева и справа его упрекали в том, что он пытается «сидеть на двух стульях» (П. Е. Дыбенко, Ю. В. Готье). Он же считал себя выразителем «общенационального характера революции», был «непримиримым сторонником коалиции» (Н. А. Рожков), политиком компромисса, и его политическая судьба, само его существование как политика зависели от сохранения этого соглашения.

Хотя правые летом именовали Керенского «министром гражданской войны» (В. М. Пуришкевич), для этого утверждения не было оснований. Правительство

Керенского, по словам Ленина, «хотело согласовать интересы помещиков и крестьян, рабочих и хозяев, труда и капитала». Он пытался воссоздать коалицию и тогда, когда для этого уже не было условий, он проповедовал компромисс сторонам, которые его отвергали, он пытался предотвратить гражданскую войну, хотя она стала практически неизбежной. Это, впрочем, не снимает с него, как и с других ведущих политических деятелей, ответственности за то, что страна в период его правления неуклонно сползала к гражданской войне.

Однако собственно политическая позиция не объясняет феномена Керенского. Его влияние во властных структурах было, прежде всего, следствием его огромной популярности в стране: «С самого начала Керенский был центральной фигурой революционной драмы и единственный среди своих коллег пользовался явной поддержкой со стороны масс» (Дж. Бьюкенен). Ни один из деятелей Революции 1917 года не пользовался подобной славой. Керенский был харизматическим лидером революционной России — бросить вызов «народному трибуну» сначала было просто опасно.

Чем объяснялось «головокружительное» влияние Керенского? Многие годы спустя он писал о Феврале: «То был исторический момент, породивший “мою Россию” — идеальную Россию, которая заняла место России, оскверненной и загрязненной Распутиным и ненавистной всем монархией». Так могли сказать немногие деятели революции. Ф. А. Степун, сторонник и сотрудник Керенского, назвал его «единственным... кровным сыном революции» среди членов правительства. Можно расширить эту небеспристрастную характеристику: и за пределами кабинета мало кто из ведущих политиков отождествлял себя с революцией. Для либералов она была излишне радикальной, перехлестнувшей их идеалы, развивающейся в направлении «левее здравого смысла». Социалисты же считали ее «буржуазной» и искали выхода из кризисных проблем в «углублении» революции. Керенский же полностью отождествлял себя с Февралем и его позиция была созвучна эйфорическим, восторженным, праздничным настроениям «масс» начального этапа революции. И характер, и политическая позиция «министра народной правды» были близки их политической культуре.

Керенский был слабо связан с партиями. Суханов имел основания назвать его «демократом недемократическим»: своеобразные демократические убеждения не подкреплялись у него ни участием в массовых демократических организациях, ни знанием западной демократической модели (последнюю в некоторых речах 1917 года он аттестовал не без пренебрежения). В «своей» партии социалистов-революционеров Керенский воспринимался как новичок, а то и как чужак — на партийном съезде он даже не получил необходимого количества голосов для избрания в Центральный комитет. По словам Церетели, Керенский не имел устойчивых взглядов по вопросам социальным, аграрным, промышленного регулирования, что было весьма важно для нового этапа революции. Впоследствии отсутствие прочных контактов с политическими партиями, недостаток надежных и проверенных политических соратников роковым образом скажется на судьбе Керенского. Однако на начальном этапе революции слабая партийная ангажированность была своеобразным политическим козырем: «В единении сила», — гласил один из наиболее популярных лозунгов. «Партийность» же воспринимали как угрозу этому единству. Политизирующиеся массы с раздражением относились ко всяким межпартийным спорам и дискуссиям.

Политический стиль Керенского также соответствовал начальному праздничному периоду революции — в то время, когда история становилась театром, пафос

умелых агитаторов был фактором государственной важности, и Керенский становился бесценной фигурой и для Совета, и для правительства (Д. Гайер). Замечательный оратор-импровизатор, прекрасный актер, «политик-импрессионист» (Н. Н. Суханов, В. М. Чернов), чутко улавливающий настроение аудитории, тонко и ярко выражающий его и, тем самым, значительно усиливающий это настроение, Керенский был наиболее яркой «звездой» послереволюционных «митингово-концертов», на которых речи министров чередовались с выступлениями актеров. Люди шли «на Керенского» — неслучайно появление пропагандистского штампа «популярный министр». Описывая «феномен Керенского», современники использовали слова «истерия энтузиазма» (Р. Локкарт), «психоз толпы» (В. Д. Набоков) — эти подчас негативные оценки, в сущности, подтверждают потрясающий успех выступлений.

Революция сразу же сказалась на внешнем облике Керенского. По словам Милюкова, он заявлял, что масса не умеет признавать власть «в пиджаке». На некоторых послереволюционных фотографиях он еще «в пиджаке», но затем «демократизирует» свой облик — облачается в черную тужурку, некоторым современникам она напоминает «лыжный костюм, надетый поверх черной рубахи русского мастера» (Р. Локкарт). Уже тогда отмечали некоторую «военизацию» всего облика Керенского, рассматривая ее как «дань революционной эпохе и его роли в ней» (Ф. А. Степун). После же назначения на пост военного и морского министра он использует полувоенный костюм — на фронте он появляется в гимнастерке и обмотках, но его повседневной формой стал элегантный френч (можно сказать, что Керенский стоял у истоков моды первых поколений советской номенклатуры — в 1920-е годы подобные френчи называли «вождевками», а затем «сталинками»).

То, что Керенский с его интуицией и актерским талантом стал использовать «наполеоновский жест» (в такой позе он запечатлен и на многочисленных фотографиях и карикатурах), также нельзя объяснить только болезнью руки: именно такой образ первоначально импонировал его восторженной аудитории.

Неоднократно указывалось, что об эффекте речей Керенского совершенно невозможно судить только по их содержанию. Однако эти выступления позволяют составить представление о стиле Керенского-политика. И знаменитая речь на совещании делегатов фронта, в которой он заклеил «взбунтовавшихся рабов», и его странная речь при закрытии Московского государственного совещания (многие утверждали, что Керенский сошел с ума — С. П. Мельгунов; «Керенский был не то Гамлетом, не то впадал в психопатическую истерику Федора Иоанновича», — А. И. Шингарев) были своеобразными публичными исповедями (недоброжелатели называли их «речами-истериками»). Керенский представлял себя «моральным политиком», для которого важна не только прагматическая ориентация на успех любой ценой, но и искренность, верность определенной этической позиции. Особенно ярко это проявилось в отношении Керенского к смертной казни, к использованию насилия в политике. Он знал, что многие его сторонники и политические друзья будут судить и оценивать его именно как «морального политика», человека с «чистыми руками». Это неудивительно: на заседаниях Петербургского религиозно-философского общества, участником которых бывал и Керенский, политическая проблематика рассматривалась подчас через призму религиозно-этических воззрений. Керенский, как и многие другие интеллигенты, был носителем синкретического (морально-религиозно-политического) сознания. И именно так люди этого круга первоначально оценивали его: А. Белый, видевший Керенского-политика весной,

использовал выражение «рождение нового человека» — термин из лексикона многих представителей Серебряного века (свидетельство Н. Бердяева).

Это не значит, что Керенский в своих речах и поступках действительно всегда был искренен и свободен от политиканства. Так, уже в марте-апреле он в различных аудиториях оценивал деятельность Совета просто с противоположных позиций. Владел он и искусством политической интриги. Однако образ, облик, репутация «морального» политика были очень важны для него. С точки зрения подобной политической культуры речи-исповеди были совершенно естественны. «Страстная искренность» выступлений Керенского соответствовала настроениям момента: массовое политическое сознание первых революционных месяцев также было синкретическим морально-религиозно-политическим сознанием.

Можно предположить, что другой образец, на который ориентировался Керенский, — «властитель дум», творец-политик, художник-политик (его именовали также «поэтом революции»). В рамках такой культурной ориентации вполне уместно было и разбрасывание цветов (жест, копирующий поведение театрального премьера), и неожиданное дирижирование оркестром Волынского полка, и поклонны, и поцелуи. Аудитория восторженно встречала эти действия министра. Помимо общей театрализованности тогдашней политической жизни подобное поведение объяснялось и национальной традицией: для нескольких поколений российской интеллигенции искусство и, особенно, художественная литература стали суррогатом политики и идеологии. Эстетизация политики была следствием политизации эстетики. Неудивительно, что некоторые сторонники Керенского именовали себя его «поклонниками» и «почитателями».

В речах Керенского поражает ощущение избранности. Церетели выделял его уверенность в том, «что он является провиденциальной фигурой, предназначенной для спасения России». Милюков писал, что Керенский «отождествлял Русскую революцию с собственной персоной». В этой злой оценке есть известная доля правды — Керенский рассматривал себя как уникального и незаменимого политического лидера, как олицетворение «российской демократии». Он неоднократно утверждал, что единственной альтернативой ему являются анархия, хаос и диктатура, он требовал не просто доверия, но веры. В текстах речей Керенского неизменно присутствуют два субъекта политического процесса: он сам, революционный вождь, и революционный народ. Так оценивали его и близкие люди: «Вся Россия сразу признала в нем своего вождя. <...> Его знали и любили, ему верили...», — вспоминала его жена О. Л. Керенская.

Но и многие «реальные» политики подчеркивали его уникальную роль: «На Керенском революция клином сошлась», — писал И. В. Гессен, называвший его также «осью революции». «Керенский единственная сильная личность, выдвинутая революцией», — заявлял в 1917 году А. И. Путилов.

Пропагандистская кампания в пользу «народного министра», по-видимому, усиливала у Керенского ощущение избранности. Пресса именовала его «рыцарь революции», «львиное сердце», «первая любовь революции», «народный трибун», «гений русской свободы», «солнце свободы России», «народный вождь», «вождь свободы», «спаситель отечества», «герой-министр», «пророк и герой революции», «Прометей русской революции», «добрый гений свободной России», «вождь русской революции», «краса и гордость революции» (последний пропагандистский штамп Троцкий использовал затем для обращения к кронштадтским матросам). «Да здравствует народный вождь Керенский!» — в июне подобное приветствие

стало почти официальным. Так, например, приветствовал Керенского на фронте его будущий политический соперник Л. Г. Корнилов.

Выпускались специальные значки-жетоны в форме медалей, посвященные Керенскому. Один особенно показателен: на лицевой стороне — «изображение А. Ф. Керенского в растительном орнаменте», обращенное вправо, на оборотной — надпись: «Славный — мудрый — истинный и любимый вождь народа 1917 г.»

Важно отметить, что в восхвалении Керенского приняли участие многие виднейшие представители интеллигенции. Личные, родственные, дружественные и профессиональные узы связывали Керенского со многими кланами радикальной интеллигенции. Соответственно, Керенский был «их человеком» в мире политики. Авторитет интеллигенции работал на Керенского, его культ был одним из проявлений кастовой солидарности интеллигенции. Неслучайным было и его избрание в 1917 году в члены таких интеллигентских организаций, как Вольное экономическое общество, Учительский союз. Он же часто воспринимался как «политик-интеллигент» (П. Дыбенко, М. Зощенко). Впоследствии карикатурные изображения Керенского играли определенную роль в разжигании антиинтеллигентских настроений в советской России.

В 1917 году стихи, посвященные Керенскому, слагали М. И. Цветаева, П. А. Оленин-Волгарь, А. С. Рославлев. Его портрет писал И. Е. Репин. Вл. И. Немирович-Данченко, К. С. Станиславский и коллектив Московского Художественного театра обращались к Керенскому: «В Вашем лице перед нами воплощается идеал свободного гражданина, какого душа человечества лелеет на протяжении веков, а поэты и художники мира передают из поколения в поколение». Вас. И. Немирович-Данченко так описывал свое впечатление от речей Керенского: «Слушая его, чувствуешь, что все ваши нервы протянулись к нему и связались с его нервами в один узел». Академик С. А. Венгеров писал: «Меня всегда сердит, когда называют Керенского русским Дантоном. Он — Керенский, и этого достаточно для бессмертия». А. И. Куприн назвал Керенского «народным сердцем»: «Во все времена и у всех народов в години тяжелых испытаний находился тот неопостижимый и непосредственный душевный приемник, тот божественный резонатор, тот таинственный выразитель воли народной, что я называю живым, бьющимся сердцем народа». Нельзя не заметить, что политические оценки Керенского присутствуют не в чистом виде — они переплетаются с этическими и эстетическими суждениями. Часть подобных суждений была вызвана политической конъюнктурой, однако многие их авторы были совершенно искренни. По свидетельству З. Н. Гиппиус, и осенью 1917 года некоторые представители петроградской интеллигенции именовали Керенского «святым человеком» и не терпели никакой критики в его адрес. Разумеется, многие интеллигенты придерживались и иных взглядов, но все же популярность Керенского в этой среде была очень велика.

Культ Керенского стал важнейшим фактором политической жизни страны: «На протяжении четырех месяцев ему поклонялись, как божеству» (Р. Локкарт). Став военным министром, он, совершенно штатский человек, пользовался огромным влиянием в армии. В своих резолюциях войсковые комитеты именовали его «народный министр», «незаменимый вождь революционных сил», «неустанный борец за идею», «любимый вождь», «истинный вождь русской демократии», «символ демократии», «верховный наш вождь». Разумеется, позиция армейских организаций далеко не всегда совпадала с мнением рядовых солдат. Однако и в индивидуальных письмах последних мы встречаем сходные оценки: «Я живу в окопах

и забываю все свои труды и тяжести, и радуюсь тем, что во главе нашей народной революционной армии стоит столь славный и любимый наш вождь министр Керенский». Его выступления воспринимаются как «самые искренние, исходящие из души самого искреннего человека».

Вскоре после осуществления радикальнейшей антимонархической революции в атмосфере политического преобладания демократической идеологии возникает — без внешнего силового принуждения — культ уникального вождя — воителя и спасителя. Это дало В. Д. Набокову основание писать об «идолизации» Керенского. Показательно стихотворение Л. Каннегисера (в будущем — убийцы М. С. Урицкого), его лирический герой готов погибнуть за родину, его вдохновляет видение вождя — спасителя отечества: «Россия, свобода, Керенский на белом коне».

«Феномен Керенского» возник в результате взаимных действий различных сил — самого «народного министра», пропагандистов его культа и его аудиторией. Создатели культа ориентировались на различные образцы. На образ Керенского вождя повлияла и традиция вождя освободительного движения, и образ художника — властителя дум, и милитаристская традиция военного вождя эпохи мировой войны, и вековая традиция обожествления «государя» — главы государства: по свидетельствам современников, крестьяне воспринимали Керенского подчас как «нового царя». Радикальная ломка институтов власти в ходе Февральской революции привела к тому, что закон перестал быть источником и инструментом власти, государство потеряло свою монополию на легитимное использование насилия, декларировался разрыв с прежней политической традицией. В таких условиях личный авторитет политика, адекватность его образа массовому сознанию становились фактором власти. Революционная толпа искала, избирала и выдвигала своего харизматического лидера.

Но культ вождя революции подвергся серьезным испытаниям. Политическая критика противников слева и справа все чаще направлялась лично против Керенского, после того как он возглавил военное министерство.

Авторитет «народного министра» был подорван провалом Июньского наступления (наступление Керенского — Брусилова). Многие современники оценивали идею наступления как авантюру. Утверждалось, что оно было начато под давлением союзников. Сам Керенский это опровергал, он указывал, что решение было принято в первую очередь из-за внутренней ситуации.

После Июльского кризиса Керенский возглавил правительство, достиг вершин власти. «Правительство спасения революции» было создано по его личному выбору, власть главы правительства значительно усиливалась. Однако именно в этот период его популярность начала стремительно таять. Падение авторитета Керенского проявлялось и в критике его позиции, и в расширении фронта его оппонентов — идея коалиции вызывала все меньше энтузиазма, соответственно усилились нападки в адрес Керенского и слева, и справа. Но наиболее ярким проявлением десакрализации образа революционного вождя были всевозможные слухи.

В правых кругах рассуждали о якобы еврейском происхождении Керенского. Более широкое распространение получили слухи о его «моральном разложении». Перенос резиденции правительства в Зимний дворец, использование личных царских апартаментов и императорского поезда, «бонапартистский стиль» и, не в последнюю очередь, разрыв Керенского с женой создавали благоприятную атмосферу для распространения таких сплетен, говорили даже, что его возлюбленной стала одна из царевен. Керенского обвиняли в воссоздании «придворной атмосфе-

ры», употреблении наркотиков, хищении государственных средств и ценностей, использовании личных вещей царской семьи. Так, утверждалось, что он пользуется бельем императрицы. Последний слух как бы подчеркивал немужественность вождя. Подобную функцию выполняло и прозвище — «новая Александра Федоровна» (авторство приписывается В. Хлебникову). В правых кругах рассуждали даже о том, что Керенским манипулируют германские агенты и он втайне готовит соглашение с противником. Сплетни о Керенском передавали в салонах, на улицах, в школьных классах. Они проникали на страницы газет и фиксировались в донесениях и досье иностранных миссий.

Предметом насмешек становятся манеры и внешний вид Керенского, который ранее оценивался как пример демократичности и воинственной мужественности. Его былым политическим друзьям он напоминает «шофера из богатого дома» (Д. В. Философов).

Смертельный удар по культуре Керенского нанесло «дело Корнилова». Он оказался в такой ситуации, когда и «правые», и «левые» считали его «предателем». Эти события были и остаются темой дискуссий. Степун охарактеризовал конфликт как «последнюю стадию трагического недоразумения». Сам Керенский объяснял свои действия в те дни наличием «контрреволюционного движения» в Ставке. К свидетельствам Керенского нужно относиться с большой осторожностью. Так, он не упоминает о своих интригах против Корнилова (об этом вспоминает В. В. Вырубов). С другой стороны, Корнилов обвинил Керенского в «великой провокации». Это обвинение в эмиграции повторили многие корниловцы. К сходным выводам пришел в своих исследованиях Г. Катков, утверждавший, что Корнилов не замышлял никакого заговора против правительства. Странники подобной точки зрения не упоминают, впрочем, о деятельности и планах В. С. Завойко и его окружения, об их влиянии в Ставке. Нельзя не видеть, что приверженцы этой позиции фактически смыкаются с В. И. Лениным (и, соответственно, со многими авторами советских времен), который называл Керенского корниловцем, «рассорившимся с Корниловым случайно».

Победа Керенского над Корниловым была его политическим поражением: подорвана была его политическая база — коалиция «живых сил». Стремительно пал его личный авторитет: «Керенский в роли истинного демократа пытался удовлетворить всех и не удовлетворял никого. На него нападали сверху и снизу, извне и изнутри, и для него осталось мало надежды» (Б. Битти). Возможности для политического маневра у Керенского были весьма ограничены. Еще до выступления Корнилова он справедливо отмечал: «Если иду я налево, остаюсь с армией без штаба; если иду направо — остаюсь со штабом без армии». Изоляция Керенского усиливалась и тем, что в этот период резко обострились его отношения с рядом союзных миссий. Однако менялась не только расстановка политических сил, но и сам политический климат: энтузиазм и мода на политику, присущие мартовским дням, столь созвучные настроениям и политическому стилю самого Керенского, сменялись разочарованием, депрессией, аполитичностью. И если эйфорические настроения марта были источником магнетического влияния «политика-импрессиониста», то депрессия не могла не подорвать его.

Хотя на имя Керенского продолжали поступать резолюции сельских обществ и войсковых комитетов с выражениями решительной поддержки, его харизма неуклонно блекла. Особенно болезненны Керенскому были разрывы с людьми его круга, его касты — с представителями радикальной интеллигенции. Многие на-

чинают порицать его буквально за те же поступки, жесты, за которые ранее восхваляли. Вопрос о своей ответственности за создание культа Керенского ими не ставился.

В этом отношении показателен «дневник» З. Н. Гиппиус, близко знавшей Керенского. Весной 1917 года она «верит» ему как «единственному» политику, способному справиться с ситуацией, а с августа резко и необъективно осуждает. Но важно, как осуждает Керенского Гиппиус. В ранней редакции «дневника» содержатся и обвинения в «разложении», и сведения об употреблении наркотиков. В оценке Керенского использованы эстетические критерии: «без красоты малейшей». Наконец, подчеркивается женственность Керенского: «Поддается всем чуть не по-женски»; «Бабский... революционер». Этот мотив звучит и в ее стихотворении 1918 года, посвященном бывшему премьеру: «по-женски своенравен». При этом он остается по-своему уникальным политиком, меняется только знак оценки «раба большевиков»: «...в падении России на дно кровавого рва повинен он».

Многие рафинированные интеллектуалы в оценке Керенского прошли тот же путь, что и миллионы малограмотных окопных солдат: если ранее он и только он рассматривался как единственный и всемогущий вождь — спаситель страны, то теперь былой кумир воспринимается как жалкий болтун и «бабский» политик, как главный (а подчас и единственный) виновник всех бед. Керенский олицетворяет кризис, появляется термин «керенщина», его охотно используют представители различных политических лагерей. Описывая массовое политическое сознание «молодой демократии», Чернов писал о неумеренной «персонификации» идей, о «фетишизме личностей» и, явно подразумевая Керенского, предостерегал: «...Как бы толпа фетишистов не поступила так, как дикари поступают при неудаче со своими фетишами: они их развенчивают, бьют, бросают в грязь и попинают ногами». Если ранее массовое сознание искало выход из кризиса на путях наделения Керенского большей властью, то ныне чуда ждут от его отстранения. Именно на подобные массовые настроения опирались осенью 1917 года большевики и их политические союзники, ведя свою пропагандистскую кампанию против «предателя Керенского».

«Слабый политик», «безвольный», «истерик», «актер», «болтун» — эти пренебрежительные характеристики Керенского, отражающие настроения 1917 года, роднят русских авторов — мемуаристов и историков — и «правой» и «левой» ориентации. Подобные оценки во многом справедливы. Однако все же они говорят больше об их авторах, чем о Керенском. И культ Керенского в 1917 году, и последующая литература о нем (в том числе и апологетическая) являются памятниками своеобразной политической культуры эпохи революции.

Свержение монархии и распространение антимонархических настроений привели не к радикальному преодолению авторитарно-патриархальной политической культуры, а к ее мутации. В центре революционной политической культуры образ «сильного политика», уникального и всемогущего вождя — воителя и спасителя, наделенного высшими моральными достоинствами и почти божественными возможностями. Гражданской добродетелью считается безусловная и безоговорочная «вера» в «истинного» вождя. Условием разрешения всех трудностей — наделение его дополнительными полномочиями. Возможности государственной власти как механизма преодоления разнообразных проблем также фантастически преувеличиваются, понятия «власть» и «правительство» — отождествляются (У. Розенберг). Налицо важное противоречие между подобной политической культурой и демо-

кратической идеологией начального этапа революции. Налицо противоречие и между своеобразной демократической идеологией и «вождистской» политической культурой самого Керенского, его сторонников и сотрудников.

Однако углубление кризиса привело к десакрализации образа вождя. Она проявлялась и в подчеркивании аморальности вождя, его поведение оценивается с эстетических позиций как «некрасивое», в глазах общественного мнения он лишается мужественности. Авторитарно-патриархальная политическая культура возлагала только на вождя всю вину за сложившуюся ситуацию, вопрос о собственной ответственности за возникновение культа вождя, вопрос о собственных заблуждениях, иллюзиях и ошибках не ставился.

Пропагандистский термин «первая любовь революции» (так названа и книга Р. Эбрахама — единственная научная биография Керенского) необычайно точно рисует «феномен Керенского». На отношении Российской революции к другим избранникам лежит печать этой первой романтической любви: культ Керенского повлиял на другие субкультуры российской революции и контрреволюции (культ В. И. Ленина и иных большевистских вождей, культ Л. Г. Корнилова и «белых вождей»). Карикатурный портрет Керенского имел определенную функцию в создании этих новых культов: женственный образ «слабого» и «болезненного» неудачного политика выгодно оттенял здоровую мужественность «настоящих», «сильных» вождей. Легенда о переодевании Керенского в женское платье во время его бегства из Гатчины (советская пропаганда иногда использовала этот миф) играла при этом свою роль.

Вскоре после своего политического падения, в условиях подполья, Керенский выступил как летописец революции — уже в 1918 году вышла его книга о «деле Корнилова». И в этой, и в других работах Керенского мотив самооправдания звучит очень сильно. Являясь крайне важным, незаменимым историческим источником, подобные парадные автопортреты требуют чрезвычайно осторожного, иногда настороженного отношения и должны стать предметом специального источниковедческого анализа. Особенно это относится к последним воспоминаниям. Керенский-мемуарист, Керенский-историк не только замалчивает важные факты, он часто рационализирует, модернизирует и вестернизирует идеалы и мотивы, слова и действия Керенского-политика 1917 года, чем искажает образ «истинного и любимого вождя» Февральской революции.

Литература

Керенский А. Ф.: Гатчина. М., 1990; Дневник политика: Революция началась! Издалека. Дело Корнилова. М., 2007; Потерянная Россия. М., 2007; Прелюдия к большевизму М., 2006; Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993; Речи, беседы, письма. М., 1917; Русская революция. М., 2005; Союзники и Временное правительство // Современные записки. Париж, 1934. Т. 55; Трагедия династии Романовых. М., 2005.

Kerensky A.: Catastrophe: Kerensky's Own Story of the Russian Revolution. New York, 1927; The Crucifixion of Liberty. London, 1934.

The Russian Provisional Government 1917: Documents / Ed. by A. F. Kerensky and R. P. Browder. Stanford, 1961–1962. Vols. I–III.

- Александр Керенский: Любовь и ненависть революции: Дневники, статьи, очерки и воспоминания современников. Чебоксары, 1993.
- Александр Федорович Керенский. (По материалам Департамента полиции). Пг., 1917.
- Быкова Л. А. Архив А. Ф. Керенского в Центре гуманитарных исследований Техасского университета // Отечественные архивы. 2001. № 3.
- Колоницкий Б. И.: А. Ф. Керенский и круг Мережковских. 1917 год // Петроградская интеллигенция в 1917 году. М.; Л., 1990; Культ А. Ф. Керенского: Образы революционной власти // Отечественная история. 1999. № 4.
- Николаев А. Б. А. Ф. Керенский о Февральской революции // Клио. 2004. №3.
- Разведка НКВД против А. Ф. Керенского // Новая и новейшая история. 2001. № 6.
- Сверчков Д. Ф. Керенский. Л., 1927.
- Старцев В. И.: Бегство Керенского // Вопросы истории. 1966. № 11; Крах керенщины. Л., 1982.
- Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of Revolution. London, New York, 1987.
- Fontenot M. Symbolism in Persuasion: The Influence of the Merezhkovskii Circle on the Rhetoric of Aleksandr Fedorovich Kerenskii // Canadian-American Slavic Studies. 1992. Vol. 26. № 1–3.
- Smele J. «Mania grandiose» and «The Turning Point in World History»: Kerensky in London in 1918 // Revolutionary Russia. 2007. № 1. June.

| Ленин |

РОБЕРТ СЕРВИС

Ленин родился в 1870 году в Симбирске в семье губернского инспектора народных училищ. В Октябрьскую революцию, после долгих лет революционной деятельности, в основном за границей, он возглавил первое в мире социалистическое государство. Его настоящее имя — Владимир Ильич Ульянов; Ленин — псевдоним, которым он пользовался с 1901 года. По национальному происхождению у него имелись калмыцкие, еврейские и шведские корни, по воспитанию он был русским. В гимназии (ее директором был отец будущего министра-председателя Временного правительства Александра Керенского) он учился на отлично. В 1887 году его старшего брата, Александра, приговорили к смертной казни через повешение за участие в народовольческой группе террористов. Вскоре Владимир тоже вовлекся в революционную деятельность. Исключенный за это из Казанского университета, он сдал экстерном экзамены на юридическом факультете Петербургского университета, продолжая участие в революционных народнических кружках. Некоторое время он занимался адвокатской практикой, как помощник присяжного поверенного, пока не вступил в нелегальную группу марксистов. В 1895 году его арестовали и сослали в Сибирь. После освобождения в 1900 году он эмигрировал, за границей сблизился с Плехановым, патриархом русского марксизма, стал соредактором революционной газеты «Искра». На II съезде РСДРП в 1903 году произошел раскол, связанный с разногласиями по организационным вопросам. Группу Ленина называли большевиками, а его оппонентов во главе с бывшими товарищами по редакции «Искры» — меньшевиками.

Тогда раскол еще не стал постоянным, хотя фракционную полемику Ленина отличала жесткость. В январе 1905 года внезапный революционный кризис в России захватил врасплох и большевиков, и меньшевиков. Ленин вернулся из Швейцарии в Петербург лишь в ноябре и счел разумным одобрить воссоединение с меньшевиками, поскольку пришлось сдерживать радикалов в собственной фракции. Царские репрессии, однако, были суровы и эффективны. В 1907 году Ленин вновь эмигрировал и в последующее десятилетие перемещался между Швейцарией, Италией, Францией и австрийской Польшей, стараясь навести надлежащий порядок в эмигрантских организациях большевиков. В 1912 году он сумел провести в Праге конференцию большевиков, провозгласив право действовать от имени всей РСДРП.

После Февральской революции, наконец, ему удалось вернуться в Россию. По соглашению с правительством Германии он проехал на поезде из Швейцарии, где жил в Первую мировую войну, через Центральную Европу. Прибыв в Петроград 3 апреля 1917 года, он обнародовал свои «Апрельские тезисы», в которых призвал социалистов взять власть в России. В октябре большевики руками Военно-Революционного Комитета Петроградского Совета низложили Временное правительство. Эту акцию санкционировал II Всероссийский съезд Советов, который тогда заседал в столице. Ленин стал председателем Совета Народных Комиссаров

(СНК). С этого момента до кончины в январе 1924 года он был самым влиятельным руководителем советского правительства и партии большевиков.

Выдвижение Ленина в число ведущих фигур русского марксизма связано с некоторыми необычными идеями, которые он высказал. Всегда большое внимание он уделял вопросам доктрины. Подобно своему ментору Плеханову и своим кумирам Марксу и Энгельсу, Ленин считал, что не следует присоединяться к революционному движению, если не доказана научная справедливость его диагноза текущей политической и экономической ситуации. Он отвергал как романтическую сентиментальность народнические идеи о достоинствах крестьян, их земельной общины и эгалитарных традиций. В своих ранних работах, особенно в 1899 году в книге «Развитие капитализма в России», он стремился доказать, что в производстве, финансах и торговле Российской империи уже господствуют капиталистические элементы. Эти элементы, утверждал он, преобладают не только в городском, но и в сельскохозяйственном секторе. В то же время он полагал, что капитализм не сможет полностью восторжествовать, пока не ликвидирован царский режим. Из этого он делал вывод, что утверждение капитализма завершится на послеромановской стадии развития России. Затем можно будет начинать новую революцию — на сей раз социалистическую.

Еще противоречивее реакцию вызвала работа Ленина «Что делать?», опубликованная в Мюнхене в 1902 году. В ней он настаивал, что РСДРП организационно должна быть жестко централизована и дисциплинирована и ее члены должны активно работать на благо партии в суровых условиях царского режима. Марксисты оппоненты восприняли это утверждение как замаскированное возвращение к методам русских народников-террористов, отвергнутым марксистским большинством. После II съезда РСДРП 1903 году меньшевики твердо противостояли Ленину.

В 1905 году организационные споры перешли в стратегическое измерение: Ленин утверждал, что рабочие должны относиться к крестьянству как к основному революционному союзнику, тогда как меньшевики предложили коалицию рабочего класса с буржуазией. Более того, Ленин отказался от приверженности к установлению парламентской демократии после свержения царизма. Вместо этого он призвал к «временной революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства», и не делал секрета из того, что такая диктатура при необходимости может использовать массовый террор для защиты от контрреволюции. Даже крестьяне не будут свободны от жесткого государственного регулирования. Необходимо землю национализировать, а крестьян удержать от действий, препятствующих расширению капиталистической экономики. Ленин заявлял, что он только лишь прикладывает марксистские принципы к текущему моменту развития России; однако критики, раз за разом, повторяли, что ленинская склонность к диктатуре и террору носит отпечаток русского аграрного терроризма.

Истина содержалась в утверждениях обеих сторон. С одной стороны, Ленин — продолжатель марксистских идей, несомненно прилежный ученик Маркса, Энгельса и Плеханова. Однако в других проявлениях, возможно, подсознательно, он возрождал свержавторитарное наследие самых неистовых мыслителей российской народнической традиции.

Ясно, что многие российские социал-демократы положительно восприняли идеи Ленина. Никто не обратил столько молодых людей в большевизм, как он. Даже после учреждения в 1905 году Государственной думы политические партии

находились в состоянии смятения, и эта обстановка подталкивала противников существующего строя к идейным крайностям. Если бы не создалась такая обстановка, Ленин мог остаться малоизвестным теоретиком, штудирующим аспекты марксизма в швейцарских библиотеках. Способствовал его известности и острый полемичный язык его трудов. Литературный дар его не стоит преувеличивать; философская работа 1909 года «Материализм и эмпириокритицизм» написана незящно и топорно. Большевикам, однако, требовались не стилистическое мастерство, а напор и убедительность, способные отбить интеллектуальные атаки на большевизм. И поэтому им импонировал ленинский стиль.

Несомненно, Ленин писал и говорил убежденно. Его отличали безграничная вера в собственные способности и стремление в любой ситуации доказать, что только его политика правильна и только он сможет правильно руководить. Понятие «ортодоксальности» характерно для его имиджа. Он был прирожденный лидер. Никогда не проявлял он и тени сомнения в своей способности вести партию к полной победе.

Постоянное стремление Ленина руководить, его нетерпимость к чужому мнению были неприятны окружающим. Другие руководители большевиков, самостоятельно мыслившие, рано или поздно вступали с ним в конфликт. Как первый пример можно назвать Александра Богданова, который порвал с Лениным в 1908 году. Ленин требовал от соратников эффективной работы, но терпеть не мог, когда другие начинают претендовать на лидерство. Когда кто-то из них ему возражал, его поведение становилось резко вызывающим, хотя, впрочем, сам он почти в любых ситуациях вел себя вызывающе. Накануне 1917 года большевики считали, что он зашел слишком далеко. Его склонность во внешне безобидных деталях философии и аграрной общественной организации выискивать принципиальные проблемы мистифицировала его российских последователей. Многие из них приписывали это слишком долгому пребыванию на «альпийском воздухе», иначе говоря, долгим годам вдали от родины.

Это не было единственным проявлением его самоуверенности. В отличие от некоторых соперников, Ленин не испытывал колебаний. Он давал понять, что революция потерпит крах, если ему не удастся удержаться у руля своей партии: он ощущал себя избранником судьбы. Однако держался он скромно. Был доступным, трудолюбивым партийным руководителем, готовым протянуть руку помощи товарищу, попавшему в затруднительное положение. Встречал прибывавшие в Швейцарию поезда с революционерами и одному из них даже помог найти работу.

После прихода к власти Ленин сохранил эти черты характера. Несмотря на возникавшие разногласия, он сохранял рамки приличия в отношениях с Троцким, Сталиным и Зиновьевым. Он был добросовестным председателем СНК и ЦК РКП(б) и утверждал, что большевики должны пунктуально относиться к практическим задачам руководящей работы. Не являясь мастером ораторского искусства, Ленин умел своими речами зажечь массы ничуть не хуже самых блестящих трибунов партии. В своих выступлениях он способен был обращаться к слушателям одновременно на нескольких уровнях. В каждой речи его имелось что-то не только для утонченного марксиста, но и для рядового партийца (как правило, не читавшего Маркса или Энгельса). Эти многообразные качества публициста, теоретика, организатора и оратора являлись важнейшими составляющими его способности руководить своей партией.

Чтобы оценить это, необходимо понять, насколько слабы были его позиции даже в собственной фракции РСДРП сразу после падения царского режима в феврале 1917 года. Мировая война практически отрезала его от обычных российских посредников; ему ещё весьма повезло, что в первые дни войны в августе 1914 года австрийская полиция освободила его из-под стражи. По возвращении в Швейцарию он редко имел возможность непосредственно влиять на товарищей по партии в России.

Даже если бы сообщение было не столь трудным, сомнительно, что ему в то время удалось бы добиться преобладания в партии большевиков. Занятая им позиция была слишком эксцентрична. С ленинским осуждением европейских социалистов, поддерживавших свои правительства в войне, соглашались многие русские революционеры, включая меньшевиков и эсеров. Эти революционеры участвовали в Циммервальдской 1915 года и Кинтальской 1916 года конференциях. Ленин, однако, не мог быть с ними. Он не хотел говорить о прекращении войны как о главной цели. Вместо этого он выдвинул предложение превратить европейскую «империалистическую войну» между двумя великими военными коалициями в континентальную классовую войну. Его лозунгом была «европейская гражданская война». Его призыв выступить за поражение России в войне не увлек товарищей по большевистской партии. Они считали нелогичным осудить за участие в несправедливой войне все стороны и затем заявить, что пусть лучше победит германский империализм, чем русский.

Падение монархии Романовых, однако, позволило Ленину восстановить позиции. Правительство Германии имело все основания облегчить ему возвращение домой и финансово поддержать его дальнейшую деятельность. За что бы он ни выступал, это так или иначе вредило бы военным усилиям России.

Между тем, революция в России шла по совсем иному сценарию, чем ожидал кто-либо, включая Ленина. Антимонархическая революция произошла в ходе величайшей в истории войны. Для России ход войны складывался неблагоприятно. Уже начало сказываться расстройство экономики. Унаследованный от старого режима аппарат управления разваливался, усиливалась социальная дезорганизация. Такая ситуация требовала быстрого политического реагирования. Немногие партии обладали необходимой гибкостью. Доктринальные установки удерживали меньшевиков и эсеров от взятия власти, хотя те могли это сделать легко, без большого кровопролития. Даже многие руководители большевиков считали невозможным поддержать курс на восстание, хотя, согласно большевистской теории, царизм должна сменить временная социалистическая диктатура. Такая диктатура должна была способствовать установлению гражданских свобод и укреплению капитализма; однако Временное правительство во главе с либералами уже выполняло эту задачу. Надобность в восстании, казалось, отпала.

И вот, в эту обстановку растущего хаоса вступил Ленин. Едва прибыв на Финляндский вокзал в Петрограде, он огласил свои «Апрельские тезисы», требуя скорейшего перехода власти в руки социалистического правительства.

Он мало утруждал себя объяснениями, почему надо отступить от традиционного большевизма; лишь подтвердил, что буржуазная стадия революции завершилась — странное заявление, особенно в свете его прежних утверждений, что капитализм в России должен быть всесторонне модернизирован, прежде чем начать «переход к социализму». На протяжении всей войны он заявлял, что вся Европа, включая Россию, стоит на пороге новой эры в истории человечества: на пороге со-

циалистической революции. Он добавлял, что прогрессивные формы капитализма преобладают в финансовом и промышленном секторах экономики Российской империи. Так или иначе, традиционный большевизм выдвигал положение об установлении временной социалистической диктатуры сразу после свержения царизма. Большевистская концепция буржуазно-демократической революции всегда отличалась особой спецификой.

Ленин тратил свою полемическую энергию в основном на практические вопросы. Он объявил, что, если социалисты не возьмут власть в России, это сделают силы контрреволюции. Война продолжится до конца. Рабочие утратят завоеванные права организовывать партии и профсоюзы без ведома правительства. Крестьяне никогда не получат земли. Нерусские народы и этнические группы пострадают от угнетения.

Он настаивал, что социалисты должны взять власть, и допускал, что сделать это можно при посредстве разных массовых организаций. Сначала он придерживался мнения, что добиться этого можно через Советы; а когда выяснилось, что в Советах большинство могут получить меньшевики и эсеры, решил обратиться к другим массовым организациям. Главным для него было действие, а не процедурные формальности. Можно добиться поддержки масс лозунгами мира, хлеба, земли и свободы. Нужен индивидуальный подход к тем или иным группам населения, чтобы склонить их на свою сторону. Промышленному пролетариату Ленин предлагал «рабочий контроль», крестьянству — «социализацию земли», национальным меньшинствам — «право на самоопределение». Всем вместе он предлагал «мир без аннексий и контрибуций». Революция в России, утверждал он, станет первой вспышкой всеобщего пожара, который вскоре захватит всю Европу и Северную Америку.

Эта политика была приемлема для радикальных социалистов, особенно большевиков, которые после Февральской революции с недоверием относились к Временному правительству. Ленин добился принятия своей программы на VII Апрельской конференции РСДРП(б). В дальнейшем ему пришлось преодолеть немалые трудности. После Июльских событий, когда отдали приказ о его аресте, он бежал в Финляндию. Вернувшись 10 октября, он убедил ЦК РСДРП(б), что пришло время брать власть. После небольшой дискуссии и быстрой подготовки этот план был претворен в жизнь, совпав по времени с открытием II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 25 октября 1917 года.

Итак, Ленин пришел к власти в результате чрезвычайной общей ситуации в Российской империи. Невозможно представить, что СНК мог быть создан во времена мира и экономического благополучия. Однако Ленин отлично знал, как использовать ситуацию. Его идеи были радикальны и в то же время сохраняли гибкость. Большевики или, по крайней мере, большинство их с энтузиазмом последовали бы за каждым, кто предложит верный способ избавиться от Временного правительства. Однако нельзя столь же определенно утверждать, что они именно так поступили бы в тот момент и последовали именно такому плану действий, если бы его выдвинул кто-то иной, а не Ленин. Его личное влияние сыграло главную роль в том, что Октябрьская революция свершилась именно в октябре.

Его влияние было решающим и в дальнейших событиях. Некоторые из них имели важнейшее значение для установления того строя, который лёг в основу СССР. В первые дни после Октября Ленин отверг компромисс с меньшевиками и левыми эсерами. Его фигура стояла за образованием ВЧК в декабре 1917 года, за

решением ЦК большевиков разогнать Учредительное собрание. Если бы не Ленин, еще неизвестно, решились бы большевики в марте 1918-го подписать Брестский мир, остановивший германское вторжение. Раз за разом слово Ленина оказывалось решающим в проведении политики его партии на ранней стадии советской власти.

Не менее значительна роль Ленина в годы Гражданской войны. Он настаивал, что партия должна серьезно отнестись к национальному вопросу и строить социалистическое государство на федеративной основе. В 1918–1920 годы он также стал застрельщиком ряда дискуссий по вопросам международной социалистической стратегии.

Трудно поверить, что кто-либо иной сумел бы убедить партию большевиков в необходимости срочного перехода к Новой экономической политике (НЭП). У большевиков широко распространилась и глубоко укоренилась враждебность к возрождению капиталистических тенденций. Весь свой талант теоретика пришлось использовать Ленину, чтобы на X съезде РКП(б) в марте 1921 года добиться принятия решения о разрешении частной торговли зерном. Эта победа была, однако, временной. Два месяца спустя на X конференции РКП(б) оказали еще более серьезное противодействие; и вновь после ожесточенных споров линия на поддержку НЭПа возобладала. К тому времени Ленин имел репутацию революционера, способного решительно действовать в опасной ситуации. Нашлись и те, кто усомнился в его способностях. В дни Октябрьской революции и Брестского мира он оказывался на грани утраты лидерства в партии, но, в конечном счете, одерживал победу. Если бы ему не удалось ввести НЭП, народные восстания, вероятно, смели бы советский режим.

Наряду с основным влиянием в политике, Ленин имел главный вес в решении вопросов государственного строительства. Вместе с Троцким он предотвратил включение в СНК представителей других партий, кроме левых эсеров (летом 1918 года он и их безжалостно выдворил из СНК). Создав ВЧК, Ленин наделил Феликса Дзержинского неограниченными полномочиями в борьбе против контрреволюционеров. Вместе со Сталиным Ленин организовал Народный комиссариат по делам национальностей. И именно Ленин более всех сделал для подготовки I (Учредительного) конгресса III (Коммунистического) Интернационала в Москве в марте 1919 года.

Основным общественным нововведением Ленина стало установление однопартийного правления. В действительности он не имел заранее этого плана. Секретарь ЦК РКП(б) Яков Свердлов более Ленина непосредственно влиял на превращение партии в 1918–1919 годы в правящий орган советского государства. Но идеологические, политические и организационные основы этого заложил Ленин. Еще в 1902–1905 годах он писал о руководстве и диктатуре. Под его давлением РКП(б) после Октябрьской революции отказалась разделить власть с другими партиями. Встречая сопротивление своим предложениям, Ленин неизменно апеллировал к ЦК РКП(б), а не к СНК. Создание однопартийного режима являлось следствием этих более ранних явлений. Ленин ревниво оберегал созданный режим, не допуская малейшего отклонения от его принципов. С окончанием Гражданской войны потребность в поддержке меньшевиков и эсеров отпала и он, не колеблясь, ликвидировал их организационные структуры.

Ленин пользовался влиянием и на глубинном уровне — на уровне идей. Он имел отношение к формированию нескольких характерных большевистских тео-

ретических установок. На протяжении своей деятельности вновь и вновь ставил вопрос о руководстве. Настаивал, что в политике нет места чувствам: большевизм, подчеркивал он, это «научное» учение, подразумевая, что оно верно и неизменно. Любому иному политическому течению отказывали в подобном статусе. Ленинское мышление было воплощением нетерпимости. Ленин оправдывал диктатуру и террор.

В работе 1917 года «Государство и революция» Ленин всячески обличал приверженность к демократии и свободе. Демократия, по Ленину, это просто переходная форма государственной организации. Конечная цель марксизма — создать общество, в котором «отомрет» государство. В таком обществе станет господствовать принцип: от каждого по способностям, каждому по труду. Не будет никакой эксплуатации или угнетения. Исчезнет потребность в государстве, даже демократическом. Равным образом Ленина не отягощала приверженность идее свободы. Вопрос ставился так, чтобы посредством диктатуры пролетариата двинуть Россию и Европу от капитализма к коммунизму. Средства, которыми это могло быть достигнуто, не обязательно включали в себя свободу. Ленин безразлично относился к гражданским правам, которые закладываются конституцией, законом и бытовой терпимостью. Это идеологическое наследие оставило глубокий отпечаток в сознании большевиков.

И все же не стоит преувеличивать влияние Ленина. Изобретателем большинства этих идей для русских революционеров Ленин не был. Они опережали его. Многие из них породили народники-террористы 1860-х–1880-х годов; их проявления можно видеть в определенных течениях европейского социализма и анархизма XIX века. До Ленина эти идеи высказывали некоторые русские марксисты. О научной, диктаторской и лишенной сентиментальности политике первым писал не Ленин, а Плеханов. Некоторые современники Ленина, например Троцкий, одновременно развивали эти идеи. Ленин влиял больше всех, но не единственный, кто оказывал это влияние.

Не следует переоценивать роль Ленина и в других вопросах. Надо учесть, что до апреля 1917 года Ленин не имел постоянной прямой связи с Россией. Он эмигрировал в 1900-м и потом провел в России менее двух лет. Его влияние ограничивалось тем, чего он мог добиться газетными статьями, перепиской, личными встречами с гостями из России и выступлениями на тех или иных съездах и собраниях. Даже в 1917-м его общение с большевиками и остальным обществом не было непрерывным. Прибыв в Петроград в начале апреля, он в начале июля вновь вынужден был бежать, и вернулся в столицу в середине октября, оставаясь на нелегальном положении. Он, видимо, регулярно писал статьи для «Правды», но тираж центральной партийной газеты редко превышал 90 тыс. экземпляров. Его фотографии не публиковали, не снимали для кинохроники. На митинги он ходил редко.

После Октябрьской революции известность Ленина заметно выросла, но знали его далеко не все. В 1919 году остановленный на московской улице шайкой грабителей он остался неузнан, хотя и назвал свою фамилию, а чиновники местного районного Совета не поверили, что он тот, за кого себя выдает. Лишь в период НЭПа его планы и деятельность действительно обрели широкую известность.

Не стоит также забывать, что даже люди (в основном руководители большевиков и активисты), знакомые с Лениным и ленинизмом, не всегда принимали его требования. В 1917 году он встречал сопротивление своей политике, это слу-

чалось и после Октябрьской революции. В большинстве важнейших вопросов он добился победы, но подчас ценою уступок в других вопросах. Ему приходилось осторожно обращаться с большевистской партией, чтобы удержаться у руля и проводить партийную политику, которая сохранит власть в руках большевиков. Большинство содеянного большевиками — результат коллективной воли. В Гражданскую войну административная государственная и партийная машина разваливалась. Сообщение было крайне затруднено, и огромная ответственность легла на местные органы власти и управления. В этих условиях трудно было ожидать, что любое указание Ленина немедленно претворят в жизнь.

Ленину пришлось маневрировать в Политбюро, ЦК и на съездах РКП(б); он наталкивался на открытую оппозицию: левые коммунисты, военная оппозиция, децисты (демократические централисты), рабочая оппозиция, разные фракции, участники дискуссии о профсоюзах. Ему всегда приходилось учитывать мнение большевиков, которые обычно с ним соглашались.

Он понимал необходимость постоянно закреплять своё положение на вершине партийной и государственной иерархии. Его здоровье, между тем, расшатывалось, мучили приступы головной боли и бессонница. Уже зимой 1921–1922 годов временами приходилось отстраняться от работы, а в мае 1922 года он перенес первый инсульт. Сначала он хотел превратить Сталина, Генерального секретаря ЦК РКП(б), в своё доверенное лицо в руководстве партии. Однако, вскоре у них возникли разногласия. Советские республики, образованные в 1919–1921 годах, Сталин хотел включить в состав РСФСР, тогда как Ленин предлагал создать на федеративной основе Союз Советских Социалистических Республик (СССР). К неудовольствию Ленина, Сталин начал оправдывать ослабление государственной монополии внешней торговли; он также вызвал недовольство Ленина не сумев противостоять бюрократическим тенденциям в Секретариате ЦК РКП(б) и в Рабоче-крестьянской инспекции.

Получив возможность вернуться к активной деятельности, Ленин заставил Сталина отказаться от плана расширения РСФСР за счет других советских республик. Он объединился с Троцким в борьбе за государственную монополию внешней торговли, и в декабре «без единого выстрела» они победили Сталина. В декабре 1922 — январе 1923 годов в «Письме к съезду» (так называемом «Политическом завещании») Ленин призвал отстранить его с поста генсека: «Сталин слишком груб».

Разногласия Ленина со Сталиным позднее романтизировали как столкновение двух принципиально разных подходов к революции. Однако Ленин не желал демонтажа однопартийной, жёстко идеологизированной системы, не планировал демократизации внутренней жизни партии. Он не был сторонником строгого соблюдения конституционных норм, не собирался предоставлять свободу национального самоопределения. Даже призыв снять с поста генсека Сталина не означал его устранения из общественной жизни. Разногласия у Ленина со Сталиным определены были, и последующая история СССР, несомненно, могла стать иной, если бы Ленин не умер в 1924 года. Трудно представить, что Ленин допустил бы насилие в отношении крестьян в таких масштабах, как Сталин в годы массовой коллективизации. Немыслимо, чтобы Ленин уничтожил партийные, правительственные, военные кадры, руководителей промышленности, интеллигенцию, подобно Сталину в 1937–1938 годы. Тем не менее, в ленинском СССР также не нашлось бы места демократическому гуманному социализму.

Равного значения тот факт, что в распоряжение Сталина прецеденты и орудия позднейшего террора предоставлены были именно в правление Ленина. Основы диктатуры и беззакония заложил Ленин. Принцип государственного проникновения во все слои общества, в его экономику и культуру установил Ленин. Он осуществлял террор и оправдывал революционную безнравственность. Позднее его вдова, Н. К. Крупская, предположила, что, если бы Ленин выжил при фатальном сердечном приступе в январе 1924 года, то умер бы в одной из сталинских тюрем. В таком случае ему пришлось бы винить самого себя: он сам создал систему, взрастившую сталинское варварство.

Однако ленинское наследие этим не исчерпывается. Ленинизм, несмотря на всё, применялся не только в России; к середине 1980-х он охватил треть планеты. В некоторых странах ему следовали местные революционные движения. В другие его принесли иностранные армии. Однако в большинстве стран он нашел для работы политический, экономический и культурный материал. Изобретенный в России ленинизм выдвинул широко применимые методы и доктрину революции. Он предложил или, по крайней мере, стремился предложить реалистичную альтернативу миру капитализма, не имевшему принципиального ответа на многие вопросы экономической эксплуатации, политического угнетения и национальной дискриминации. Такие вопросы все еще ждут ответа долгие годы спустя после демонтажа СССР, КПСС и советского марксизма-ленинизма. Поэтому мумия Ленина все еще покоится в мраморном Мавзолее на Красной площади у стен Кремля.

Литература

Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55-ти т.

В. И. Ленин. Биографическая хроника: В 12-ти т. М., 1970–1982.

В. И. Ленин. Неизвестные документы: 1891–1922 гг. М., 1999.

Валентинов Н. Недорисованный портрет... М., 1993.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1989.

Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. М., 2006.

Сервис Р. Ленин. М., 2002.

Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Флоренция, 1975.

Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб., 2004.

Daniels R. V. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, 1960.

Harding N. Lenin's Political Thought. London, 1977. Vols. 1, 2.

Lewin M. Lenin's Last Struggle. London, 1969.

Polan A. Lenin and the End of Politics. London, 1984.

Rigby T. H. Lenin's Government: Sovnarkom 1917–1922. Cambridge, 1979.

Service R.: Lenin: A Political Life. London, 1985–1995. Vols. 1–3; Lenin. A Biography. London, 2002; Stalin. A Biography. London, 2004.

| Мартов |

ИЗРАИЛЬ ГЕТЦЛЕР

Юлий Осипович Мартов (1873–1923) вернулся в Россию из Швейцарии 9 мая 1917 года. Он был последним из русских социалистов, вернувшихся в Россию в «пломбированном вагоне», в таком же каком ехал Ленин в конце марта. Идея организовать обмен русских революционеров на интернированных в России германских гражданских лиц принадлежала именно Мартову, а не Ленину; но если Ленин сходу воспользовался предложением немцев, то Мартов потерял шесть драгоценных недель, пытаясь убедить товарищей по партии, руководителей Петроградского Совета, добиться разрешения Временного правительства. Прохладная реакция питерских руководителей меньшевиков на его срочные телеграммы и письма и их конечный отказ поставили под сомнение будущее лидерство Мартова в меньшевистской партии.

Это лидерство обеспечивали его роль основателя и главного идеолога меньшевистской партии, его интеллектуальное мастерство, моральные качества и доверие, граничащее с любовью, которое он внушал, но определенно не организационные способности и искусство политика. В последнем он полагался на Федора Дана, своего зятя и «начальника штаба» меньшевистской партии.

Лидерство Мартова в партии меньшевиков, состоявшей из разных фракций, пошатнулось уже во время войны, когда партия раскололась на «интернационалистов» и ряд «оборонческих» групп. Мартов, один из основателей циммервальдского мирного движения, страстно защищал интернационализм и резко критиковал разновидности оборончества, представленные Г. В. Плехановым и А. Н. Потресовым. Его попытки примирить враждующие фракции и сохранить единство партии (он, в частности, отказался отречься от товарищей по партии, стоявших на позиции оборончества) не имели успеха. После Февральской революции задачу объединения значительного большинства меньшевиков на компромиссной платформе «революционного оборончества» сумел выполнить И. Г. Церетели, в меньшей степени интернационалист, с качествами харизматического лидера. Церетели и примкнувшие к нему Ф. И. Дан, М. И. Скобелев и Н. С. Чхеидзе высокомерно игнорировали срочную телеграмму Мартова из Копенгагена от 1 мая — «любое участие в коалиционном правительстве непозволительно» — и ставили его перед свершившимся фактом, присоединившись к Временному правительству за несколько дней до его возвращения.

«Случилось нечто непоправимое; — сообщал он 22 мая своей близкой подруге Надежде Кристи. — Наши товарищи, которые с начала революции съехали с циммервальдской линии в очень сомнительное месиво интернационализма и задачи “защищать революцию”, с одной стороны, и “верности союзникам”, с другой, совершили крайнюю глупость: они присоединились к правительству на основании простого обещания, что вопрос о пересмотре целей войны будет поставлен перед союзниками, тогда как они должны были настаивать на том, чтобы правительство поставило вопрос о немедленном мире». Когда на Всероссийской конференции

меньшевиков в мае Мартов начал ругать Церетели и меньшевистское руководство за присоединение к Временному правительству, поднялся шум, ему не давали говорить.

Если бы Мартов, как Ленин, приехал в начале апреля, то, по крайней мере, имел шанс побороться с «политической линией» Церетели и помешать своим товарищам присоединиться к правительству: меньшевистские организации и Петрограда, и Москвы решительно настроены были против коалиции, как и грузинские меньшевики во главе с Ноем Жордания. Церетели и Дан, которые, в конечном счете, склонили чашу весов в пользу коалиции, и сами колебались. Более того, вхождение в коалицию противоречило давней меньшевистской доктрине, предписывавшей социал-демократам воздерживаться от власти в российской буржуазной революции. Мартов был убежден, что правильность этой позиции «блестяще подтверждена» Февральской революцией, в отличие от ошибочных идей Ленина и Троцкого.

Мартов оказался перед дилеммой: пойти на раскол партии, на чем настаивали его питерские сторонники во главе с Юрием Лариным, или остаться в ней, как того требовали провинциальные делегаты. Он решил на нечто среднее: образовать оппозиционную фракцию меньшевиков-интернационалистов внутри партии в надежде, что она сможет привлечь на свою сторону революционно-оборонческое большинство на меньшевистском съезде, намеченном на конец июля, когда Церетели обещал, что «все вопросы снова будут пересмотрены».

Еще более резкий прием и окончательный разрыв с Церетели ожидали Мартова на I съезде Советов в июне, где из общего числа 1090 делегатов его фракция меньшевиков-интернационалистов насчитывала всего 35 человек. С самого начала Мартов протестовал против высылки Роберта Гримма (секретаря Циммервальда), якобы имевшего отношение к мирным инициативам Германии. Вне себя от злости, он обвинил Церетели в поддержке депортации Гримма и действиях за спиной Исполкома Петроградского Совета, перед которым ответственен. Выпад Мартова сразу же вызвал бурную реакцию, ему не дали дальше говорить. Позднее он писал Надежде Кристи, что теперь понимает: «Для большинства собравшихся такие имена, как Аксельрод и Мартов, ничего не значат», тогда как «наша интернационалистская позиция для них — тот же самый большевизм, под которым они понимают “сепаратный мир” и “гражданскую войну”».

С этого времени Мартов стал последовательным критиком политики Церетели, особенно в вопросах коалиции и войны и мира. Когда правительство готовилось к Июньскому наступлению на фронте, Мартов выдвинул как альтернативу ультиматум союзникам с требованием начать мирные переговоры. Он яростно осудил наступление: для него это означало, что Россия, которая с марта фактически не принимала участия в военных действиях, добровольно возвращается в войну, которая неизбежно приведет к «Седану».

Мартов не скоро снял свое табу с вхождения во власть. В апреле 1917 года в ответ на письмо Надежде Кристи о «захвате власти» социалистами, Мартов разъяснял, что даже в нынешней революционной ситуации в России, когда пролетариат реально может овладеть властью благодаря поддержке крестьянства и солдат, набранных среди крестьян же, это все еще нежелательно. «Крестьяне могут помочь социалистам взять власть, но они будут ожидать от них таких вещей, как избавление от бедности вместе с сохранением своих наделов, “конца войне” и так далее. Итак, эта авантюра или приведет к трагическому краху, когда крестьяне поймут,

что они ошиблись, или, что более вероятно, нам придется выполнить то, что Энгельс называл «работой другого класса». Социалисты должны по-прежнему исполнять роль неумолимо критичной оппозиции. Еще в июне Мартов продолжал требовать отзыва министров-социалистов из коалиционного правительства. Затем наступил Июльский правительственный кризис, вызванный выходом из правительства кадетских министров 2 июля. Это, заключил Мартов, означало, что «вся организованная буржуазия ушла из государственной власти»: «История требует, чтобы мы взяли власть в свои руки, и я верю, что вся революционная демократия России поддержит нас. Это правительство демократии приведет Россию к Учредительному собранию, но, самое главное, оно выведет Россию из войны, которая душист революцию и ее достижения».

Однако в Июльские дни призыв Мартова создать демократическое правительство типа правительства Народного фронта потонул в боевом кличе большевиков «Вся власть Советам!». Демонстрации, в свою очередь, дали возможность Церетели отклонить предложение Мартова на том основании, что оно повлечет за собой коренное изменение политической линии, которое необходимо согласовать с провинциальными Советами. В это время Керенскому удалось сформировать второе коалиционное правительство, по мнению Мартова, на худших условиях по сравнению с первым: его социалистические министры более не несли ответственности перед Советами.

К середине августа Мартов понял, что не сумел завоевать большинство меньшевиков. На так называемом Воссоединительном съезде в августе его поддержала треть делегатов, но две трети сдвинулись вправо, в сторону классового сотрудничества, или, пользуясь излюбленным выражением Церетели, «сотрудничества с жизненными силами страны». Это нашло яркое выражение на Государственном совещании после примирительной речи 15 августа Александра Бубликова, лидера промышленников. Церетели и Бубликов «обменялись рукопожатиями посреди бурных оваций».

Оставаясь в партии, Мартов в то же время яростно критиковал её руководство, и это играло на руку большевикам и одновременно бумерангом било по его фракции меньшевиков-интернационалистов. Многие члены фракции пошли за Лариным, когда он в конце августа присоединился к большевикам в знак протеста, как позднее сформулировал Мартов, «против нашего сосуществования с оборонцами»; Ларин объявил, что с ним пошла тысяча рабочих.

Если выдвинутая Мартовым концепция «правительства демократии» и имела шанс быть принятой, то только в середине сентября на Демократическом совещании, где преобладали настроения против коалиции с кадетами. Самый непримиримый критик коалиции Мартов был избран одновременно председателем большинства меньшевистской фракции (председателем её меньшинства стал Церетели) и большинства курии Совета (председателем её меньшинства стал Дан). Большевистские делегаты, вроде Каменева, обещали не выступать против «однородного демократического министерства», если таковое возникнет, даже когда Ленин из своего убежища в Финляндии прислал два письма, требуя от своей партии готовности к захвату власти.

При голосовании совещание небольшим большинством приняло резолюцию против коалиции с кадетами и более значительным большинством — резолюцию за принцип коалиции как таковой. Мартов уговаривал делегатов голосовать за коалицию, но без кадетов; такое голосование могло послужить директивой к

формированию нового правительства. Однако окончательная резолюция в этом духе провалилась с треском (813 голосами против 183 при 80 воздержавшихся); против голосовали большевики, весь центр и правое крыло. Церетели снова переиграл Мартова, на этот раз благодаря своему контролю над Центральным Исполнительным комитетом Советов, что давало кооперативам и муниципалитетам, известным своей приверженностью коалиции с кадетами, больший вес, чем соответствовавший их реальному представительству.

Когда 25 октября открылся II съезд Советов, Мартов от имени меньшевиков-интернационалистов и Еврейской рабочей партии Поалей Цион предложил поставить первым пунктом в повестку дня вопрос «о мирном разрешении кризиса», созданного восстанием большевиков. Его предложение вызвало бурные аплодисменты всего съезда, большинство делегатов которого под лозунгом «Вся власть Советам!» понимало правительство, представленное широким спектром социалистических партий, а не чисто большевистское. А. В. Луначарский объявил от имени большевистской фракции, что у большевиков нет возражений. Предложение Мартова приняли единогласно. В этот критический момент Лев Хинчук зачитал от имени меньшевиков декларацию, решительно осудившую «военный заговор большевиков». В том же духе выступили от имени эсеров Михаил Гендельман и от имени бундовцев Генрих Эрлих. Затем они все покинули зал, как позднее отметил Мартов, убежденные, что «победивший Ленин не продержится больше трех дней даже в Петрограде». Это был удар Мартову, который уговаривал их не покидать съезд, отстаивать свои позиции, а затем потребовал создать комиссию из представителей всех социалистических партий для переговоров о создании «правительства демократии». Уходом делегатов других партий воспользовался Троцкий, чтобы свести на нет это неудобное предложение Мартова: «Теперь, когда наше восстание победило, вы говорите нам: откажитесь от своей победы, идите на уступки, на компромисс. С кем, я спрашиваю, мы должны идти на компромисс? С теми, кто ушел, или с теми, кто выдвигает это предложение? Нет! Никаких компромиссов! Мы должны сказать и тем, кто покинул съезд, и тем, кто делает такие предложения: вы жалкие одиночки, вы банкроты, ваша роль сыграна, идите туда, где теперь ваше место — на свалку истории!»

«Тогда и мы уйдем!» — прокричал Мартов посреди шума аплодисментов, приветствовавших речь Троцкого, и покинул зал вместе со своими сторонниками.

В конце октября Мартов и Рафаил Абрамович вновь попытались организовать переговоры о формировании социалистического правительства на широкой основе. Однако 2 ноября Ленин обрубил концы: не будет больше переговоров, которые до этого терпелись лишь как «дипломатическое прикрытие военной акции». Еще хуже для Мартова было то, что левые эсеры, которые ранее отказывались принять приглашение Ленина войти в его правительство, если в него не включают представителей других партий, в декабре всё же вошли в него на условиях, предложенных большевиками. Это развеяло надежды Мартова на то, что с помощью умеренных большевиков и левых эсеров ещё можно предотвратить становление диктатуры большевистского большинства. Теперь он стал лидером меньшевиков в оппозиции большевистскому режиму.

Проиграв Церетели и свою партию, и своего ближайшего друга Дана, Мартов не мог равняться с основными политическими фигурами 1917 года — Милюковым, Керенским, Троцким и Лениным. Это были харизматические фигуры, блестящие ораторы и отличные политики, рвущиеся к власти и лишённые сомнений в

мудрости своей политики. Они опирались на свои политические партии. Мартов же не стремился к личной власти, отдавая предпочтение коллективному руководству; он был слишком честен и не в меру импульсивен. Он мог прекрасно выступать в небольших собраниях, но не мог этого делать на массовых митингах 1905 и 1917 годов. Ум, образованность и писательский талант ему не оченьгодились в 1917-м, поскольку у него не было своей газеты и до конца сентября приходилось полагаться на гостеприимство «Новой жизни», редактируемой Максимом Горьким и Н. Н. Сухановым. Его лояльность друзьям, доверие политическим коллегам, благородство по отношению к политическим противникам, в частности к большевикам, подвергшимся преследованиям после Июльских событий, не были большими достоинствами политика, как и его вера в силу аргумента и убеждения. Достоинства Мартова сделали его одной из самых привлекательных фигур русского революционного движения и европейского социализма, но в 1917 году они не позволили ему достичь политического лидерства.

Представляется спорным вопрос о том, что мартовское «правительство демократии» на широкой основе, к мысли о котором он пришел во время июльских событий, имело намного больший смысл, чем беспрестанная погоня Церетели за сотрудничеством с «жизненными силами страны», которое порождало одно за другим коалиционные правительства, отличавшиеся «организованной коллективной бездеятельностью». Можно также оспорить мнение, что требование Мартова проводить активную политику мира, включая ультиматум союзникам, могло хотя бы предотвратить провальное наступление Керенского на фронте в июне — июле 1917 года, не говоря уж вывести Россию из войны — никто, даже Ленин, не отважился тогда выступить за сепаратный мир.

Неспособность Мартова возглавить партию меньшевиков, или даже влиять на её политику в 1917-м резко контрастирует с его твердым руководством меньшевиками в оппозиции (до конца 1920 года) и в ссылке (до своей смерти 4 апреля 1923 года). Партия в целом приняла его сложную, но последовательную двуединую полулояльную-полуоппозиционную политику в отношении большевистской диктатуры. Одна из причин нового возвышения Мартова в том, что на Чрезвычайном съезде партии меньшевиков в начале декабря 1917 года к нему перешло возглавляемое Даном большинство заметно потесненных с политической арены революционных оборонцев. Кроме того, острая критика Мартовым опрометчивого прыжка большевиков в социализм полностью соответствует духу меньшевистского понимания «буржуазных» ограничений Российской революции и неприятия диктатуры меньшинства и террора. Его двойственная политика поддержки большевиков в борьбе против Белой Армии и иностранной интервенции в сочетании с обличением и осуждением террористической диктатуры выглядела привлекательно для тех, кто не хотел идти ни к белым, ни к большевикам. Во главе с Мартовым они отчаянно пытались найти место оппозиции внутри советской системы, которую принимали нехотя, «как факт жизни, хотя и не в принципе».

Когда деятели небольшого правого крыла, включая Александра Потресова и Владимира Левицкого (младший брат Мартова), вошли в такие антибольшевистские коалиции, как «Союз возрождения России», «Комитет членов Учредительного собрания» (Комуч), Мартов их осудил, и их исключили из партии. Мартов, Дан, Абрамович и большинство меньшевиков пребывали в убеждении, что насильственное свержение большевистского режима приведет к победе не либеральной буржуазии или социал-демократии, а контрреволюции. Этого они боялись боль-

ше, нежели ненавидели большевизм, который, по их мнению, ещё можно было исправить.

Даже после 1920 года, уже фактически оказавшись в ссылке, партия меньшевиков продолжала следовать несколько пересмотренной двойственной политике Мартова, в которой уже больше было оппозиционности и меньше лояльности. В своей последней большой статье «Наша платформа» Мартов наставлял свою партию не только избегать антибольшевистских коалиций, но и не иметь дела с большевистским режимом, который проявляет тенденции к вырождению в диктатуру бонапартистского типа, и делать все возможное, чтобы предотвратить установление господства Коминтерна над социалистическими партиями Запада. Мартовская «линия социальной демократии» после его смерти стала политической основой не только для меньшевиков, но и для Социалистического рабочего Интернационала, учредительный съезд которого в мае 1923 года принял двуединую меньшевистскую резолюцию, определявшую отношение к СССР до германо-советского пакта августа 1939 года.

Успех Мартова, как лидера партии меньшевиков в оппозиции и ссылке, его влияние на меньшевиков и Социалистический рабочий Интернационал, даже после смерти, связано с тем, что больше, чем любой другой социалистический лидер, он персонифицировал и выражал ту смесь реализма, отчаяния и морально-гуманитарной стойкости, с которой меньшевизм и европейская социал-демократия противостояли большевистским крайностям. Не удивительно, что многие признали в Мартове подлинную совесть Русской революции.

Литература

- Мартов Ю. О.: Записки социал-демократа. М., 2004; Избранное. М., 2000; Из личной переписки Ю. О. Мартова с Н. С. Кристи // *Меньшевики в 1917 году*. М., 1994. Т. 1; *Письма (1916–1922)*. Бенсон, 1990.
- Гетцлер И. Мартов: Политическая биография российского социал-демократа. 2-е изд., доп. СПб., 1998.
- Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959.
- Ненароков А. П., Савельев П. Ю. Мартов Л. // *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия*. М., 2009.
- Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. М., 2007.
- Getzler I.: *Martov: A Political Biography of a Russian Social Democrat*. Cambridge, Melbourne, 1967; *Iulii Martov, The Leader Who Lost His Party in 1917* // *Slavonic and East European Review*. 1994, July. Vol. 72. № 3.

| Милюков |

РЕЙМОНД ПИРСОН

В 1917 году самый влиятельный деятель оппозиции царской России Павел Милюков стал крупнейшей политической жертвой Русской революции 1917–1921 годов. Репутация Милюкова на Западе как «представителя молодого либерального движения имперской России» побуждала относиться к нему с уважением и лишь сравнительно недавно начала рассматриваться с критикой. В России и затем в эмигрантской диаспоре пристрастие Милюкова к политике вызывало ревнивый критицизм коллег по партии и нападки политических оппонентов справа и слева, завоеывая ему вынужденное уважение как неутомимому борцу. Заклейменный советской исторической наукой как «главный идеолог российской империалистической буржуазии», Милюков получил неожиданную реабилитацию во времена гласности: олицетворяя альтернативу и царизму, и большевизму в драматический период 1917–1921 годов, он представлен в трагическом свете как последователь конституционной «золотой середины», чьи европейская ориентация и либеральные принципы современны как никогда в постсоветской России 1990-х годов.

Павел Николаевич Милюков родился 15 января 1859 года в семье московского городского архитектора и был типичным представителем российской интеллигенции. В 1877–1882 годах он учился в Московском университете. Потратив годы на изучение изменений политического климата от реформ Александра II до реакционных лет правления Александра III, он стал приват-доцентом кафедры истории Московского университета в унылые 1886–1894 годы. Выдержав непредсказуемый патронаж Василия Ключевского, старейшины русских историков, Милюков успешно защитил диссертацию на ученую степень магистра в 1892 году и написал ряд ценных исторических работ в 1890-х годах. Всё более интересуясь оппозиционной политической деятельностью, он лишился места в университете и за сочувствие студенческим демонстрациям 1895–1897 годов был сослан в Рязань. Поскольку в России преподавать ему запретили, он преподавал за рубежом, в Софийском университете в Болгарии, где проявил интерес к отношениям России с небольшими славянскими государствами на Балканах. Накануне XX века сорокалетний отчаявшийся Милюков попал в настоящую карьерную блокаду, что усилило его приверженность оппозиционной политике, которая расстроила многообещающие академические планы.

В первое пятилетие XX века Милюков окончательно превратился из профессионального представителя академического мира в оппозиционного политика по классической цепочке веры (идеологические убеждения), нужды (царские преследования) и жажды деятельности (крушение карьеры). Пройдя школу ученичества в политической журналистике, в 1902 году он стал соучредителем и постоянным автором издаваемого в Штутгарте журнала «Освобождение». Этот журнал способствовал созданию в 1903–1904 годы Союза освобождения, пытаясь, в частности, привлечь в стан радикалов осторожные и умеренные земства. Давний поклонник либерального Запада, без постоянной достойной работы, он почти все

1903–1904 годы провел за рубежом, получив особое удовольствие от лекционной поездки в США, где распространял знания о нарождающемся либеральном движении в России.

Весной 1905 года Миллюков вернулся из США участвовать в кампании против царизма, который пытался оправиться после поражения в войне с Японией и осилить рост недовольства в обществе. Он стал председателем только что созданного Союза Союзов, воинственного объединения профессиональных ассоциаций. В октябре 1905-го Миллюков был ведущим организатором Конституционно-демократической партии, созданной в результате успешного союза земцев-дворян и городских служащих. На её учредительном съезде его избрали в ЦК кадетов и вскоре назначили соредактором ежедневной газеты кадетов «Речь».

Для кадетов 1906-й — год триумфа, а затем неудач, но новая карьера Миллюкова была успешной, в противоположность прежней. Он взял на себя всю ответственность за избирательную кампанию партии в Государственную думу, избранную в апреле 1906 года. Миллюков разработал тактику кадетов в первую в России парламентскую кампанию и во многом заслуживал похвалы за триумф партии кадетов, чья фракция крупнейшая в Думе. Из-за территориальных формальностей Миллюков не стал её депутатом, управлял «из буфета» и предстал в переговорах с царским правительством как «думский министр».

Когда трения с царским правительством вызвали в июле 1906 года роспуск радикальной I Думы, Миллюков встал на сторону собрания думцев в Выборге, участвовал в составлении «Выборгского воззвания», призвавшего не давать ни копейки в казну и ни солдата в армию, но при подписании этого акта неповиновения отсутствовал. В результате кадетов подписавших воззвание суд приговорил к трехмесячному заключению и пожизненному лишению политических прав, а Миллюков этого избежал. Почти всё первое поколение лидеров кадетов утратило право избираться в Думу, а Миллюков не только продержался, но и извлек выгоду из этой катастрофы кадетов 1906 года: единственный «счастливчик» среди жертв «Выборгского воззвания», он до 1917 года возглавлял думскую фракцию кадетов.

Кроме краткого существования II Думы в 1907 году, Миллюков избирался главой сокращенной по численности фракции кадетов III Думы (1907–1912) и IV Думы (1912–1917). В то десятилетие его принципиальными задачами были попытки примирить воюющие левое и правое крыло партии кадетов и укрепить её моральное состояние во время царского реванша. Правое крыло обвиняло Миллюкова в излишней радикальности «Выборгского воззвания», особенно поскольку сам автор избежал кары, оставив своих товарищей в политической опале. Левое крыло обвиняло его в излишней стоворчивости, почти сотрудничестве с царской администрацией, возглавляемой Столыпиным, и подобранными ими III и IV Думами. Под перекрестным обстрелом «великий канцлер» придерживался среднего курса взвешенного компромисса между либеральными идеалами 1905 года и жестокими реалиями оправившегося от потрясений самодержавия, постепенно отстаивая свой авторитет и даже независимость в партии.

Миллюкова обвиняли в прислужничестве или сотрудничестве, особенно после его речи в Лондоне 1909 года, когда он назвал себя состоящим в «оппозиции Его Величества, а не в оппозиции Его Величеству». Обвинения стали громче после вступления России в Первую мировую войну. С момента её объявления Миллюков требовал прекратить политическую деятельность и установить безоговорочный «священный союз» общества с правительством на время войны. Даже когда неуда-

чи на фронте потрясли Россию в середине 1915 года, единственным политическим действием Милюкова стало создание Прогрессивного блока из умеренных фракций IV Думы, которые лишь обращались к царской администрации с умеренными предложениями, главным образом — создать «правительство доверия» в обмен на подтверждение полной поддержки.

К 1916 году патриотические настроения Милюкова делали его уязвимым для атак, как намеренного или незадачливого клоуна при царском режиме, недовольство которым начинало выливаться в кризис. Осознавая своё политически невыгодное положение в партии и вне её, Милюков решил подчеркнуть свою независимость в думской речи 1 ноября 1916 года. Критикуя действия царского правительства, при каждом обвинении риторически спрашивал: «Что это: глупость или измена?» Впоследствии Милюков утверждал, что сам-то подразумевал ответ: «глупость», но почти истеричная реакция публики показала, что она считает обвинение в «измене» доказанным. Несколько смущенный аплодисментами народников, Милюков наслаждался новообретённой репутацией (и позднее в 1917-м согласился, что сам дал ход тому, что кадеты затем назвали «штурмовым сигналом к революции»).

Когда штурм в феврале 1917 года начался, «центральная фигура российской буржуазии» показала себя самым нерешительным из революционеров. Повинуясь сильному давлению со стороны созданного Петроградского Совета, но в смертельном страхе царских репрессий, Милюков организовал Временный комитет Государственной думы для восстановления порядка с целью не давать повода санкциям против либерального движения, подобному «Выборгскому воззванию». Затем он признал Временное правительство административным органом, действующим до созыва Учредительного собрания. Бесспорный создатель Временного правительства, кабинет которого состоял из членов Прогрессивного блока, Милюков из политических соображений включил в него А. Ф. Керенского, исключил своего давнего соперника, председателя Думы М. В. Родзянко, а сам занял престижный пост министра иностранных дел.

Когда Николай II отрекся от престола в пользу младшего брата, великого князя Михаила Александровича, Милюков уговаривал того принять престол в роли конституционного монарха до созыва Учредительного собрания, которое примет окончательную конституцию России. Однако великий князь Михаил Александрович по совету Родзянко и Керенского отказался принять престол без одобрения этого Учредительным собранием. Милюков не был монархистом, но его так смутил предательский и грубый тактический маневр, как он назвал действия Керенского, что кадетам пришлось уговаривать Милюкова не уходить из Временного правительства.

Серое большинство Временного правительства в сложившихся трудных обстоятельствах было слишком торопливым. Большой думский опыт подготовил Милюкова к работе в парламентской оппозиции, но не к правительственной деятельности в Революцию 1917 года. В официальной дипломатической ноте союзным правительствам 18 апреля 1917 года Милюков подтвердил готовность России вести войну до победного конца. Вознаграждением ей станет аннексия турецких территорий, о чем уже заключено соглашение в секретных договорах царского правительства, которые, таким образом, превращали Черное море в российское озеро. Подогреваемую Советами публику возмутил «царский империализм» «Милюкова-Дарданелльского», что вылилось в Апрельский кризис.

Уладили этот кризис вынужденная отставка Милюкова 2 мая и создание нового кабинета Временного правительства с вытеснением правых его членов в пользу левых политиков.

После всего лишь двух месяцев правительственной работы, вновь попав в оппозицию, униженный Милюков попытался найти контакт с левым крылом Временного правительства. Торжествующее единство, с которым кадеты приветствовали Февральскую революцию, подпало под нестерпимое напряжение: правые кадеты достигли господства внутри партии, и Милюков не сопротивлялся усилению правых тенденций, выведя всех оставшихся кадетов из Временного правительства в июле. Увиливания Милюкова по поводу привилегий и собственности в таких важных вопросах, как автономия национальных меньшинств, перераспределение земли среди крестьян и выборы в Учредительное собрание, вызвали большое разочарование. Когда попытка переворота Корнилова пошатнула Временное правительство в августе-сентябре, Милюков и кадеты обвинялись если не в соучастии, то в поддержке политической контрреволюции высшего командования армии.

Какой бы ни была доля участия кадетов в неудавшейся попытке переворота Корнилова, Милюков оказался окрашен в реакционный цвет, и после Октябрьского переворота в Петрограде стал мишенью большевистского режима. В страхе перед репрессиями, которые настигли некоторых руководителей кадетов в конце 1917 — начале 1918 годов, Милюков уехал из Петрограда на юг России возглавить Политический совет при Добровольческой армии генерала Алексеева, собиравшего силы для объединенной интервенции и уничтожения большевистского режима. В начале лета 1918 года, совершив политический поворот на 180 градусов, (не скрываемая отчаянность его под стать только совершенно неудачно выбранному времени) Милюков публично принял «германскую ориентацию»: при нежелании или неспособности французских, британских и американских союзников бороться против большевизма, для крестового похода против большевиков надо привлечь превосходящие военные силы Германии. Сразу после провозглашения ориентации на Германию, вызвавшей замешательство и, впоследствии, раскол среди кадетов, успешное наступление союзных войск на Западном фронте показало очень близкое поражение Германии в Первой мировой войне. Ненавистную левым кадетам «германскую ориентацию» отвергли уже через несколько недель после принятия ее Милюковым.

Перейдя за короткий период 1917–1918 годов с позиций русского урапатриотизма к сотрудничеству с Германией, дискредитированный Милюков эмигрировал через Киев и Яссы в Париж организовывать поддержку международной и русской эмигрантской общественности Белому движению. В связи с его недавней не завершенной историей с Германией, отпугнувшей все союзные правительства, он, на деле, стал помехой белым, несмотря на их авторитарный характер и программу. Это не предотвратило или не удержало его от безусловной поддержки в 1918–1920 годах организации, прозванной критиками «Белым регрессивным блоком». С полным разгромом и изгнанием с российской земли в ноябре 1920 года Русской армии генерала Врангеля Милюков направил свою энергию на политическую арену эмиграции. Со стыдом отбросив недавнюю связь с правыми кадетами, он провозгласил в 1921 года «новую тактику»: союз левых кадетов с эсерами для формирования левоцентристского блока против большевизма. Оттолкнув почти всех своими постоянными политическими кульбитами, Милюков полностью

утратил доверие и популярность (ему повезло, что не пострадал при попытке покушения монархистов в Берлине в 1922 года, унесшей жизнь Владимира Набокова).

Как главный редактор в 1921–1940 годах крупнейшей эмигрантской газеты «Последние новости», Милюков посвятил себя сохранению Зарубежной России, тогда как варварский большевизм вел в культурное небытие только что созданный СССР. Милюков остался верен себе до старости. После кончины Анны Сергеевны, на которой женился в 1885 году, этот талантливый скрипач-дилетант шокировал эмигрантское общество поспешным браком с пианисткой, более чем вдвое моложе. Интригующий постскрипtum к жизни Милюкова начался с падения Франции в 1940 году, когда нацистская Германия предложила сотрудничество для будущей «вишистской России». Отвергнув это предложение — напоминание о своей былой «германской ориентации» — Милюков враждебно воспринял вторжение армии Германии в СССР и, уже на смертном одре, радовался вестям о победе советских войск под Сталинградом. После 20 лет эмиграции, пережив почти всех политиков своего поколения и став, по собственным словам, «последним из могикан» русско-го либерализма, Милюков скончался 3 марта 1943 года в возрасте 84 лет в Экс-ле-Бэн.

Милюков был удивительно неудачлив как политик и государственный деятель, проведя почти всю свою политическую карьеру (кроме двух месяцев 1917 года) в оппозиции, выступая против царизма в Думе, большевиков — в России и СССР — в Западной Европе, и все с мизерным историческим результатом.

Хотя у историков нет единого мнения о персоне Милюкова, его неудачную карьеру всегда связывали с общей судьбой либеральной мысли в России. С одной стороны, на Западе существует традиционное мнение — он жертва череды событий. Хронологически либерализм был преждевременен, а потому анахроничен в старой царской России, где общественная модернизация ещё лишь создавала средний класс способный серьезно его поддержать. Европейский либерализм не подходил и географически, а потому не нашел места в революционной России, где образовательный уровень по западным меркам вопиюще низок. В соответствии с таким детерминистским объяснением Милюков не может лично нести ответственность за череду событий, в ходе которых российские либералы из грозной силы в 1917–1921 годах сошли в положение вымирающего племени. Напротив, он заслуживает сочувствия как обреченный на мученичество из-за непримиримой несовместимости европейского либерализма и России начала XX века.

С другой стороны, мемуары эмигрантов переполнены упреками политике Милюкова. Обескураживающая проблема либерализма Милюкова, по общему признанию, была в разрыве между непреодолимой, мягко говоря, бестактностью и возрастающим донкихотским стилем руководства. Милюков никогда не был таким «европейцем» и либералом, каким считали его легковверные поклонники: когда он выступал против авторитаризма, его собственный авторитаризм в кадетской партии стал легендарным. В своей карьере до 1917 года удачливее, чем того заслуживал, Милюков опозорил себя и дело либерализма рядом грубых политических ошибок 1917–1921 годов — рекорд «глупости или предательства», наказанием за которое стали более 20 лет вполне заслуженного изгнания из России. То, что Милюков называл либерализмом, слишком часто на деле оказывалось коллаборационизмом либо откровенным оппортунизмом. В результате, его карьера полна сменой противоположных направлений: от воинствующего радикализма к

конституционной сговорчивости в 1905–1906 годах; от сотрудничества с царизмом к патриотической критике в 1915–1916 годах; от верности союзникам к прогерманскому оппортунизму в 1917–1918 годах; и от правой к левой оппозиции большевизму в 1920–1921 годах. Несмотря на долгое политическое неравенство, мешавшее либерализму успешно развиваться в России, именно Милюкову мы обязаны вопиющим различием между вероятной и определенно свершившейся неудачей воплощения либерализма.

Общепринятая советская и современная западная версии занимают среднее положение между мнением, признающим наличие всеобъемлющих сверхчеловеческих сил, отправивших русский либерализм на «свалку истории», и точкой зрения, сохраняющей некую степень ответственности и даже вину лично Милюкова. Политический деятель, эффективный только в изолированной конституционной атмосфере Думы, Милюков совершенно терялся в революционной сумятице, в публичной политике. Войдя в закрытый мир партии кадетов и Прогрессивного блока как «политик среди учёных», он в революционном 1917-м показал себя лишь «учёным среди политиков», которого легко оставляли позади и обыгрывали и Ленин, и Троцкий, и даже Керенский. В то же время, как любой политик, он вынужден был действовать по принципу *je suis leur chef, donc je les suis* (франц.: я их вождь, стало быть, я — это они) и не смог бы завоевать такой непоколебимый авторитет в своей партии за 15-летнюю историю ее существования без поддержки своей стратегической линии со стороны многих, если не большинства членов. Таким образом, нельзя возлагать вину за провал кадетов лишь на Милюкова, несправедливо (даже позорно) сделанного главным козлом отпущения после катастрофы либерализма.

Политика Милюкова представляется неисправимо непоследовательной, все его поступки — непростительно противоречат друг другу, а его наследие — непоправимо разрушено. За долгую политическую карьеру, с 1890-х по 1940-е годы, он перешел от радикально левого крыла, через центр, до крайнего (хотя и не самого радикального) правого, а затем судорожно вновь — к умеренно левому флангу. Сиюминутным результатом эксцентричной деятельности во время революционного кризиса стали для него возросшая изоляция и в результате политическое бессилие, ускоренные отчуждением от него практически всего спектра общественного мнения России. Более дальним результатом стал жаркий спор участников событий, очевидцев и позже историков о мотивах Милюкова, его политическом видении и исторической роли (с годами даже возросшей), особенно в важный и пока не достаточно исследованный период 1917–1921 годов, спор все еще далекий до завершения.

Литература

Милюков П. Н.: Воспоминания (1859–1917): В 2-х т. М., 1990; Главные течения русской исторической мысли. М., 2006; Дневник: 1918–1921. М., 2005; Интеллигенция и историческая традиция // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М., 1991; История второй русской революции. М., 2001; Либерализм, радикализм и революция // Современные записки. Париж. 1935. Т. 57; Национальный вопрос: Происхождение национальности и национальный вопрос в России. Прага, 1925; Очерки по истории русской культуры: В 3-х т. М., 1994; По-

- ложение накануне войны // Новый журнал. (Нью-Йорк), 1943. № 4; Россия на переломе: В 2-х т. Париж, 1927; Суд над кадетским «либерализмом» // Современные записки. 1930. Т. 41.
- Александров С. А.* Лидер российских кадетов П. Н. Милюков в эмиграции. М., 1996.
- Бон Т.* Русская историческая наука (1880–1905). Павел Николаевич Милюков и московская школа. СПб., 2005.
- Вандалковская М. Г.* П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992.
- Думова Н. Г.* Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П. Н. Милюкова. М., 1993. Ч. 1.
- Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Милюков против Советской России. М., 1989.
- Макушин А. В., Трибунский П. А.* Павел Николаевич Милюков: Труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001.
- П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000.
- П. Н. Милюкову: сб. материалов по чествованию его семидесятилетия (1859–1929). Париж, 1929.
- Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову: 1859–1929. Прага, 1929.
- Riha T.* A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics. South Bend, IN, 1969.
- Stockdale M. K.* Pavel Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918. Ithaca, NY, 1996.

| Николай II |

ДОМИНИК ЛИВЕН

Николай II родился 18 мая 1868 года. Он был старшим сыном цесаревича Александра Александровича, наследника русского престола, и Марии Феодоровны, урожденной Дагмары, принцессы датской. В 1881 году убили деда Николая, Александра II, и на престол взошел отец, Александр III царствовал до внезапной кончины в возрасте всего 49 лет в 1894 году.

Александр III и Мария Феодоровна были преданны друг другу и своим пятерым детям. Правящая чета обладала ограниченными умственными и эстетическими интересами. Прямолинейный, честный, но не очень умный Александр III любил природу, держался самых строгих правил в личной жизни. Менее чем Александр II образованный и космополитичный, он ощущал себя воплощением русских традиций, ценностей и интересов. Семья, где рос Николай, была спокойная, сплоченная и бесхитростная. Её влияние на юного цесаревича усиливалось тем, что образование он получал лишь домашнее, вне мальчишеской компании, если не считать брата Георгия. Императрица Мария Феодоровна, как и все датские принцессы ее поколения, была матерью нежной и терпеливой, чьи дети долго выросли. Николаю преподавали лучшие в империи профессора, он проявил способности, но формальное обучение завершил до достижения двадцати лет. Затем следовали беззаботные годы в чине младшего офицера гвардии и большое кругосветное путешествие 1890–1891 годов, после которого началось тихое введение Николая в дела государственного управления, вершиной чего стало его председательство в Комитете Сибирской железной дороги с 1893 года.

Внезапная смерть отца вынудила Николая возложить на себя огромные обязанности, нести которые он готов не был ни профессионально, ни морально. Например, в отличие от своего германского двоюродного брата Вильгельма II, Николай II взошел на престол, не имея собственной политической позиции и «партии цесаревича» и глубоко почитая политическое наследие своего волевого и, пожалуй, превосходящего любимого отца. Первым значительным публичным заявлением Николая II стало подтверждение принятия на себя именно того самодержавия, на котором зиждилось отцовское правление.

Решимость оберегать самодержавие стала единственной прочнейшей нитью, тянувшейся через всё политическое мышление Николая II. Император верил, что Бог и История вручили ему ответственность за судьбу России. Поэтому он не имеет права уклониться от этой обязанности. Даже если дела окажутся в отчаянном положении для будущего России, он должен сохранить за собою последнее слово.

К тому же, правление Россией являлось не только личной, но и семейной ответственностью, при которой он скорее доверенное лицо, чем прямой наследник. Николай по-своему был великим народником. Он пылко верил в основную благопристойность, отвагу, патриотизм и религиозность русского народа, а для императора народом являлись, прежде всего, крестьяне и солдаты. Себя он видел опекуном и защитником народа, совсем ещё не просвещенного и не готового к какому-либо

виду демократии, легко эксплуатируемого и сбиваемого с толку представителями образованных классов. Теплые нежные отношения романовских детей во дворцах с прислугой и солдатами эмоционально усиливали это народничество, черпавшее вдохновение ума из традиции консерватизма и православной этической и политической мысли, известнейший выразитель которой Федор Достоевский.

Невинное детство и воспитание чистоты сердца и беззаветного патриотизма являлись недостаточной подготовкой к трудовой жизни в сердце русской политики. Жизненные ценности Николая II были далеки от ценностей современного ему капиталистического общества, создать которое в России помогала его собственная государственная политика. Среди образованных русских наибольшую близость по духу он находил у офицеров, священников и землевладельцев. По характеру мягкий, чувствительный и доброжелательный Николай II не смог бы сохранить веру в собственную роль царя без убежденности в прочной поддержке монархии русским народом. Теплота, с которой его всегда встречал народ, особенно в сельской местности и в армии, крепила эту наивную веру. То же происходило и с его супругой императрицей Александрой Феодоровной, чьи тревоги за безопасность своей семьи, сильная религиозность и глубокое отчуждение от петербургского общества всё вместе способствовали её страстной потребности верить в слияние царя с народом.

Было бы, однако, неверно лишь этим объяснять приверженность Николая II самодержавию. Его политические воззрения имели весьма сильное разумное ядро. Император полагал, что лишь самодержавный режим, основанный на законной монархии, способен скреплять воедино огромную многонациональную империю, развивать её людские ресурсы, защитить ее от внешних врагов и достичь мирного равновесия конфликтующих классов и национальностей. Это убеждение Николай II унаследовал от отца и предков, но также оно подтверждалось растущей опасностью социальных и этнических столкновений, происходивших в его собственное правление. Нелегко сохранить характерным для демократии способом в эпоху растущего национализма огромные многонациональные империи, созданные путем завоевания. Правители России следили за неистовыми этническими спорами в соседней империи Габсбургов, за тем, как угрожают они существованию империи, ослабляют её военную и геополитическую мощь. Это крепило решимость использовать авторитарные средства для сохранения и укрепления России как империи. Ещё важнее то, что Николай II, как и прочие образованные русские, принадлежал к европейскому обществу того времени и разделял убеждение его элиты, что частная собственность, образование и лучшая часть европейской культуры составляют основу цивилизации и прогресса, а следовательно и мощи страны. Николай II полагал, что сохранить эти ценности в России его времени способен лишь авторитарный строй. Близкая социальная Революция 1905–1907 годов, приверженность I и II Государственных дум экспроприации частных земель и рост экстремистских социалистических партий, готовых воспользоваться гражданскими правами для разрушения существующего государственного строя и общества, упрочили эти взгляды, укоренённые в осознании бездны разделявшей мир русской европеизированной элиты и мир масс. На протяжении правления трех последних Романовых мудрейшие высшие должностные лица напоминали колеблющимся императорам об этих страхах.

Даже верный принципу самодержавия Николай II находил весьма трудным плодотворно исполнять роль самодержца. Было это отчасти из-за особенностей

его характера. Чувствительность, впечатлительность и отвращение к спорам и упрямым — все это вредило ему, как и брезгливость и недоверие к политике и политикам и боязнь стать ими контролируемым и манипулируемым. Никогда император не имел в политике товарищей или близких друзей, на чью верность или совет мог бы положиться. Его труд самодержца был, однако, невыносим. Являться главою государства и главою правительства практически всю взрослую жизнь — это выше человеческих возможностей. Даже сильные западные политики-профессионалы редко выдерживают на высших государственных постах более десятилетия, да и страны, которыми они управляют, не знали кризисов такого масштаба, как Россия при Николае II. В 1915–1917 годах император проявлял признаки упадка физических и душевных сил. От управления он переживал стрессы, искусно маскируя это сдержанностью, оптимизмом и отрешенностью, в которых его критикам виделось равнодушие. Если бы Николай II нашел для руководства правительством Ришельё или Бисмарка, то меньше имел бы проблем. Однако русская монархическая традиция предполагала, что царь правит, а не прячется за спиной премьер-министра или бюрократии, нигде не пользующейся доверием, особенно в пору кризиса или опасности. В любом случае, внутренние проблемы России оказались неподатливее конституционного кризиса 1862–1866 годов в Пруссии, а преодолеть внутренние опасности путем некоторых в стиле Бисмарка сокрушительных военных побед России было не по плечу.

Николаю II служили несколько весьма способных министров. Из них наиболее известны граф Сергей Витте и Пётр Столыпин. Николай II позволял Витте господствовать в политике правительства в 1890-е и Столыпину — в 1906–1911 годы. Политика обоих вызывала сильную оппозицию основной элиты и серьезную опасность. Кризис западного земства 1911 года, когда Столыпин во всеоружии столкнулся с консерваторами в Государственном Совете и своей поддержкой польстил Николаю II, в конце концов, подорвал доверие императора к своему министру. Но у Николая II также глубоко укоренилось сомнение в том, как лучше обеспечить политическую стабильность России: приспособить политику к желаниям думского большинства или принять ограничения, навязываемые правительственной власти политикой полуконституционализма и полупарламентаризма.

Как и все русские монархи, начиная с Николая I (1825–1855), Николай II не доверял бюрократии и находил чудовищно трудным ее контролировать. Задачу еще более затрудняли усложнение процесса управления и рост численности администрации. За 1880–1914 годы в Петербурге ее численность возросла с 23 тыс. до 52 тыс. чиновников. Российское правительство было вовлечено в индустриализацию и реформирование крестьянского сельского хозяйства. Оно также вело тайную войну против хорошо развитого революционного движения. В общем, по европейским стандартам тех времен, размах правительственной активности в России был весьма широк, тогда как мера контроля законом, общественным мнением или парламентским оком — весьма ограничена. Это позволяет многое объяснить в неэффективности и непопулярности бюрократии. Однако, с точки зрения правителя, правовой и парламентский контроль, необходимый для роста эффективности и популярности бюрократии, мог подорвать полицейское государство, а от его существования зависели царский общественный строй, политическая стабильность и многонациональная империя.

В других великих бюрократических империях правители использовали особые группы (например, евнухи, рабы императора или иноземцы) как личных стороже-

вых псов императора против бюрократии. Во многих случаях средством контроля планомерно использовали террор. Ни одно из этих средств не было доступно русскому монарху в викторианско-эдуардианской Европе. Руководя переходом от аристократического и патриархального образа правления к бюрократическому государству, Николай I сосредоточил свою власть в Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и использовал жандармерию, подчиненную III Отделению этой канцелярии, как элитный орган, призванный надзирать от имени императора за прочей администрацией. Однако в этой роли жандармерия никогда не была эффективна, и после 1865 года Собственная Его Императорского Величества Канцелярия утратила власть над министерствами. Попытку Александра III в 1894 году частично вернуть ей эту власть провалила оппозиция бюрократии, а единственную попытку Николая II править в 1905–1906 годах с помощью своего рода личного секретариата во главе с Дмитрием Треповым встретил в штыки премьер-министр граф Сергей Витте.

Николай II способен был удержать любого премьер-министра от эффективно контроля и координации правительственной политики, хотя сам осуществлять их не мог. Высшее чиновничество и, конечно, более широкая общественно-экономическая элита не желали принять принцип народного суверенитета и, по-видимому, были правы, полагая, что тогда лишатся власти и собственности. Поэтому оставался маленький выбор, разве что принять единственный альтернативный правовой принцип, а именно — суверенитет монарха. Однако правящая элита России считала тщетной и неисполнимой задачей контролировать олицетворение этого суверенитета — Николая II.

Император реально начал влиять на политику примерно на рубеже столетий, движимый как ростом собственного опыта управления, так и явными признаками внутреннего политического кризиса, который сопровождало всеобщее осуждение бюрократического правления. Попытка императора подтвердить свой личный контроль над ухудшающимися делами, и дальневосточная политика, с которой его более всего ассоциировали, вели к катастрофической войне с Японией. В кильватере этой войны и Революции 1905 года были учреждены Совет министров, Государственная дума и пост премьер-министра с намерением оказать давление на монарха. Даже в более передовой Германской империи парламент, канцлер и министры не сумели в мирное время добиться полного контроля над Вильгельмом II, хотя попытки огласки гомосексуальных и иных скандалов в личном окружении кайзера (дело князя Эйленбурга) симметричны попыткам А. И. Гучкова использовать дело Распутина для вытеснения Романовых из активной политики. В Первую мировую войну военная и консервативная элита Германии успешно овладела Вильгельмом II и после разгрома в 1918 году увлекла за собою в пропасть монархию Гогенцоллернов. Николай II, напротив, успешно лавировал для сохранения своей независимости, но ценою изоляции монархии от большей части русской политической, социальной и военной элиты, которая отказалась поддержать его перед лицом массового восстания в Петрограде в 1917 году. Николай II был патриотом, преданным своей армии, чести и безопасности России. Когда его главнокомандующие фронтами заявили ему, что для успешного ведения войны необходимо его отречение от престола, он уступил им с малым сопротивлением.

Непосредственной прелюдией революции стал летний кризис 1915 года. В июне Николай II сместил наименее приемлемых Думе министров, пытаясь поддержать объединенные военные усилия. Однако летом давление нарастало, и в

сентябре в Думе был создан Прогрессивный блок, который призвал сформировать правительство, основанное на поддержке думского большинства. Несмотря на давление большинства министров, Николай II отклонил требования Прогрессивного блока, рассматривая их как большой шаг в сторону парламентского правления. Он также полагал, что правительство, созданное удовлетворить требования блока, докажет собственную неспособность преодолеть кризис военного времени, который, очевидно, вызовет требования дальнейших перемен и распад правительственной власти.

Отклонение думских требований изолировало Николая II и лишило поддержки самых опытных и уважаемых высших кадров бюрократии. С тех пор как император нуждался, по крайней мере, в тактическом сотрудничестве в интересах войны с общественными элементами (такими как земства и военно-промышленные комитеты), он не мог вновь назначить в Министерство внутренних дел Николая Маклакова или кого-либо иного из маленькой группы консервативных царских бюрократов. В ходе углубления внутреннего экономического и политического кризиса сократился резерв имевшихся в его распоряжении кандидатов на министерские посты и калибр их должностей, что явно сказалось на легитимности и эффективности режима.

Последний царский министр внутренних дел Александр Протопопов, хотя и поддержанный императрицей Александрой Феодоровной, являлся высшим думским политиком партии октябристов, с прекрасными связями в промышленных кругах. Однако надежда его назначением смягчить отношения с Думой оказалась тщетна, и Протопопов оказался безнадежно неэффективен как глава министерства существенного для борьбы с революцией во время глубочайшего политического кризиса. Если бы Николай II и Прогрессивный блок сумели достичь соглашения в 1915 году, тогда, возможно, ключевые министерства возглавили бы опытные бюрократы, с чьей деятельностью законодательная власть смогла разделить некоторую ответственность. Вместо этого исключительная ответственность за неумелость парламентария, назначенного, несмотря на свое несоответствие посту, легла на корону, и в ее адрес посыпалась истеричная брань его бывших думских коллег.

В ходе революции в марте 1917 года Николая II после отречения от престола арестовали и содержали под все более строгим арестом в Царском Селе, затем в Тобольске, а под конец в Екатеринбурге. В июле 1918 года Николай II, его жена, дети и прислуга были убиты. Улики определенно наводят на мысль, что приказ об убийстве отдал сам Ленин.

Литература

Боханов А. Н.: Сумерки монархии. М., 1993; Николай II. М., 2001.

Власть и реформы. От самодержавной к советской России. М., 2006.

Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск, 2003.

Дневники императора Николая II. М., 1991.

Каррер д'Анкоз Э. Николай II: расстрелянная преемственность. М., 2006.

Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

- Монархия перед крушением. 1914–1917 гг. Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927.
- Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.
- Николай II в секретной переписке. М., 1996.
- Николай II и великие князья. (Переписка). М., 1925.
- Николай II накануне отречения: камер-фурьерские журналы (декабрь 1916 — февраль 1917 г.). СПб., 2001.
- Николай и Александра: Любовь и жизнь. М., 1998
- Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991.
- Переписка Николая II с Вильгельмом II. М.; Пг., 1923.
- Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг.; Л., 1923–1927. Т. 3–5.
- Переписка Николая II и Марии Феодоровны: 1905–1906 // Красный архив. 1927. Т. 3 (22); 1907–1910 // Там же. 1932. Т. 1–2 (50–51).
- Переписка Николая II и П. А. Столыпина // Красный архив. 1924. Т. 5; 1928. Т. 5 (30).
- Полное собрание речей императора Николая II. СПб., 1906.
- Скорбный путь Романовых 1917–1918 гг. Гибель царской семьи: Сб. документов и материалов. М., 2001.
- Lieven D.* Nicholas II: Emperor of all the Russias. London, 1993.
- Nicholas II. The Letters of the Tsar to the Tsaritsa, 1914–1917 / Ed. by C. E. Vulliamy, trans. by A. L. Hynes. Hattiesburg, MS, 1970.
- Verner A.* The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990.

| Спиридонова |

АЛЕКСАНДР РАБИНОВИЧ

Личность Марии Александровны Спиридоновой является одной из самых интересных и важных в истории Русской революции и, в то же время, одной из самых трагичных и малоизвестных. Революционерка-террористка, она стала лидером радикальной аграрной социалистической партии левых эсеров после Октябрьской революции 1917 года, была кандидатом на пост председателя Всероссийского Учредительного собрания от блока большевиков и левых эсеров. Однако после спланированного ею покушения на германского посланника графа Вильгельма Мирбаха в июле 1918 года, большевики повергли ее имя в забвение. Большую часть из оставшихся 23 лет жизни Спиридонова провела в советских тюрьмах и лагерях.

Родилась она 16 октября 1884 года в семье небогатого тамбовского дворянина, с 16 лет оказалась под наблюдением губернского жандармского управления и в 20 лет впервые приобрела известность в стране, смертельно ранив 16 января 1906 года пятью пулями из браунинга советника Тамбовского губернского правления Гавриила Луженовского, начальника карательного Охранного отряда. Тамбовский комитет эсеров приговорил его к смерти за жестокое подавление крестьянского восстания. Воодушевленная идеализмом Спиридонова к тому времени состояла в террористической группе эсеров и предложила себя в исполнительницы приговора. После ареста Спиридоновой шокирующие сообщения о пытках и изнасиловании ее в полицейском управлении Борисоглебска вызвали волну протеста. В марте 1906 года в Тамбове выездная сессия Московского военно-окружного суда приговорила Спиридонову к повешению, но давление в России и за рубежом вынудило царских чиновников заменить казнь вечной каторгой. С тех пор, возможно, благодаря стараниям своих товарищей по партии Спиридонова стала легендарной личностью и ассоциировалась с героиней-мученицей, принесшей себя в жертву во имя страдающих крестьян.

В марте 1917 года к освобожденной из Акатуйской каторжной тюрьмы Нерчинского округа Сибири Спиридоновой русские крестьяне относились, как к святой. В конце мая она приехала в Москву как делегат III Всероссийского съезда эсеров, но съезд не избрал ее в ЦК эсеров. Тем не менее, она была в центре событий, активно участвуя в руководстве петроградской организацией эсеров, где тогда уже преобладали левые эсеры, а также в работе Советов крестьянских депутатов.

Октябрьскую социалистическую революцию Спиридонова приветствовала и оказалась среди видных левых эсеров, работавших над созданием советского правительства, представляющего все социалистические партии. Однако в середине ноября 1917 года, после неудачных попыток создания социалистической коалиции, она выступала в поддержку недолговечного большевистско-левоэсеровского правительства. Во время споров о подписании и ратификации Брест-Литовского мирного договора Спиридонова, тогда член ЦК левых эсеров, была одной из очень немногих видных членов этой сравнительно новой партии, которые поддержали политику Ленина в отношении немедленного мира.

В первые после октября месяцы Спиридонова и Ленин находились в уважительных, если не конструктивных, рабочих отношениях. Однако поздней весной 1918 года их отношения разладились, как и отношения большевиков с левыми эсерами. Главной причиной разрыва, во всяком случае для Спиридоновой, стала проводимая большевиками жестокая политика изъятия зерна у крестьян и разрушительные для крестьян последствия территориальных и экономически обременительных концессий для империалистической Германии. Как глава Крестьянской секции Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) Всероссийского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, в то время видный и политически влиятельный пост, Спиридонова хорошо представляла тяжелое положение крестьян в стране.

К этому времени разочарование общества в большевистском правлении являлось весьма сильным не только в сельской местности, но и в городах России. Более всего растущее недовольство большевиками было на руку левым эсерам. Во второй половине июня 1918 года открыто встал вопрос, какая из двух партий завоеует большинство на V Всероссийском съезде Советов, намеченном в Москве на 4 июля. В этой неопределенной ситуации 24 июня ЦК левых эсеров постановил в случае необходимости использовать террористический акт против высоких официальных лиц Германии с целью спровоцировать разрыв Брестского мира. Когда V Всероссийский съезд Советов собрался вечером 4 июля в Большом театре, левым эсерам стало ясно, что большевики эффективно сфабриковали подавляющее большинство и, следовательно, у левых эсеров нет возможности использовать съезд для изменения прогерманской, антикрестьянской политики правительства. Спиридонова и ее коллеги постановили, что решительное действие за пределами съезда, предполагаемое левыми эсерами 24 июня, неизбежно.

Днем 6 июля во время перерыва на съезде Советов левые эсеры Яков Блюмкин и Николай Андреев вошли в германское посольство и убили посланника, графа Вильгельма Мирбаха. С этого момента все планы и предположения левых эсеров рухнули. Их лидеры предполагали, что убийство Мирбаха спровоцирует немедленную вооруженную атаку с германской стороны. На деле правительство Ленина успешно уладило ситуацию с Германией. Левые эсеры были также уверены, что радикальные большевики («левые коммунисты») на их стороне и их поддержат. Однако даже в то время, когда власть большевиков казалась на краю гибели, «левые коммунисты» сохранили строжайшую партийную дисциплину. Наконец, левые эсеры были уверены, что убийство Мирбаха вызовет социалистическую революцию за границей, но ничего подобного не произошло.

Ленин осознал, что убийство Мирбаха дает прекрасную возможность для удаления нарастающей угрозы со стороны левых эсеров. Лидеры большевиков представили покушение на Мирбаха как выступление против Советской власти. Под этим оправданием они мобилизовали значительные войска для наступления против вооруженных сил левых эсеров, правда, не без вполне оправданных волнений по поводу развития операции и ее результатов.

Днем 6 июля, вскоре после покушения на Мирбаха, Спиридонова поспешила в Большой театр для зачитания открытого письма, адресованного ЦК большевиков, и выступления на вечернем заседании V съезда Советов. Письмо никогда не было опубликовано, и вечернее заседание не состоялось. Из последующих заявлений Спиридоновой ясно, что в тот день она направилась в Большой театр, чтобы взять на себя ответственность за убийство Мирбаха. Также она ожидала, что ей предо-

ставят возможность объяснить и оправдать задачи левых эсеров и объявить о своей верности им. Когда Спиридонова вошла в Большой театр, более 400 делегатов от левых эсеров находились в совершенной растерянности. Их не выпускали из здания театра в течение более двух дней, после чего «главных виновников» поместили в застенки Кремля. Крестьянская секция ЦИК Советов, поле деятельности Спиридоновой, была официально распущена.

Блюмкин и Андреев избежали застенков, как и 11 из 14 лидеров левых эсеров, задержанных в покушении на Мирбаха (возможно, из-за симпатии к ним в ЧК). До сих пор неизвестно число расстрелянных левых эсеров. Спиридонову заключили в ту же самую камеру Кремля, где в 1906 году она заявила, что ожидает смерть с радостью, как принесение себя в жертву во имя революции. Она настаивала на открытом судебном процессе, надеясь получить возможность донести те свои идеи, которые предполагала обнародовать 6 июля на съезде Советов. Ни одна из надежд не осуществилась. Во избежание скопления сочувствующей толпы заседание суда, назначенное на 1 декабря, перенесли на 27 ноября. В этот день Спиридонова предстала перед закрытым судом и была осуждена на один год тюремного заключения, а на следующий день помилована Президиумом ЦИК Советов.

На недолгое время Спиридонова возобновила политическую работу, пытаясь воссоздать партию левых эсеров, часто выступая с речами перед группами рабочих и крестьян. Ее образ как «души» партии сохранялся, несмотря на то, что она принадлежала к меньшинству левых эсеров, противостоявшему примирению с большевиками. Агент ЧК, следивший за нею, отметил в донесении, что в партии левых эсеров имя Спиридоновой, буквально обожествляемой, нечто подобное фетишу. Ее жизнь, полная мучений, представлялась как символ мучений и притеснений всего рабочего класса.

В своих речах тех дней Спиридонова называла внутреннюю и международную политику советского правительства предательством революции и предсказывала скорую гибель большевиков. В то же время она отделила себя от ультралевого террористического крыла эсеров. Более того, она решительно продолжала поддерживать идею власти трудового народа через демократические Советы. В разгар Гражданской войны политические нападки на большевиков рассматривались как преступление против Советского государства. В январе 1919 года Спиридонова произнесла особенно критическую речь, и Московская ЧК вновь арестовала ее. 24 февраля 1919 года Московский Ревтрибунал предъявил ей обвинение в «контрреволюционной агитации и клевете на советскую власть». От присутствия в суде Спиридонова отказалась. Она заявила, что судят не ее, а партию. На суде свидетель Николай Бухарин поставил Спиридоновой «диагноз», заявив, что она душевно больна и в настоящий момент представляет угрозу.

Трибунал приговорил Спиридонову к принудительной изоляции в санатории на один год. Со времен избиений и первого заключения в 1906 году ее физическое и душевное здоровье было подорвано. Вдобавок ко всему, она страдала потерей слуха и периодическими вспышками туберкулеза, тифа, опоясывающего лишая, дизентерии, истерии и депрессии. После ареста и приговора в феврале 1919 года ее здоровье сильно пошатнулось. Вместо санатория ее посадили в «узкую дыру» сырой камеры с каменными полом и потолком, в переполненных красноармейцами шумных и прокуренных кремлевских бараках. Лишь когда ей стало совсем плохо, перевели в кремлевскую больницу. Обеспокоенные состоянием ее здоровья левые эсеры 2 апреля с помощью симпатизирующего им охранника из рязанских кре-

стьян устроили ей успешный побег. В долгие годы заключения Спиридонова проявила поразительную способность завоевывать симпатию своих стражников — черту, ставшую частью ее легенды.

С весны 1919 года до повторного ареста 26 октября 1920 года, в последние месяцы своей относительной свободы, Спиридонова скрывалась в Москве под именем Онуфриевой. Несмотря на ухудшение здоровья, она участвовала в собраниях партии и много писала. Во время ареста она лежала больная тифом и нервным расстройством. После месяца домашнего ареста ее перевели в небольшой лазарет ЧК, а позднее в тюремную психиатрическую больницу. Обращения участников Международного женского съезда в Москве с просьбой разрешить Спиридоновой покинуть Россию отклонили, поскольку, как заявил Лев Троцкий, она все еще слишком опасна, чтобы быть на свободе или за границей. Кажется логичным, что на подобное отношение повлияли Кронштадтское восстание против большевистского правления в феврале 1921 года, а также сильная волна крестьянских волнений, пронесшихся по России. Наконец, 18 февраля 1921 года Спиридонову выпустили на поруки двух левых эсеров с условием впредь не принимать никакого участия в политической жизни. Нет никаких доказательств, что она нарушала это условие.

Со своей ближайшей подругой, левой эсеркой Александрой Измайлович, работавшей о ней, и под неусыпным наблюдением Спиридонова переехала на дачу под Москвой. Возможно, полагая, что имя Спиридоновой продолжает вызывать волнения среди крестьян, советское руководство видело угрозу в ней и других активных левых эсерах. 16 мая 1923 года, когда многих умеренных социалистов и либералов уже уничтожили или вынудили эмигрировать, Спиридонову внезапно арестовали и осудили на 3 года административной ссылки, основываясь на неподтвержденных обвинениях в подготовке бегства за рубеж.

Административная ссылка длилась не 3 года, а 14 лет. Спиридонова находилась в Калуге в 1923–1925 годах, Самарканде — в 1925–1928 годах и Ташкенте — в 1928–1930 годах. При Сталине в 1930 году ее вновь арестовали, обвинили в связях с заграничной и приговорили к дополнительным 3 годам административной ссылки. Срок продлевали дважды. Давно отлученная от политического активизма, она работала в Уфе старшим экономистом в сельскохозяйственном банке.

Когда-то обширнейшая переписка Спиридоновой стала в ссылке минимальной, и личные контакты ограничились небольшой группой бывших левых эсеров, также отбывавших уфимскую ссылку. 8 февраля 1937 года ее вновь арестовали. На сей раз обвинили в попытке объединить все бывшие оппозиционные группы с целью образовать контрреволюционный центр и совершить террористические акты против руководства Башкирской Республики. Под пытками она продолжала отрицать, устно и письменно, все обвинения. Тем не менее, 7 января 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР в Москве на закрытом заседании приговорила бывшего экономиста Башкирской конторы Госбанка Спиридонову «к тюремному заключению сроком на 25 лет, с поражением политических прав на 5 лет, с конфискацией всего лично ей принадлежащего имущества».

Жизнь Спиридоновой оборвалась, когда гитлеровские войска подходили к Орлу. По предложению Берии, утвержденному председателем ГКО Сталиным, 161 политический узник Орловской тюрьмы без возбуждения уголовного дела и без предварительного и судебного разбирательства был приговорен 8 сентября 1941 года Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством Ульриха к расстрелу, в частности за якобы «злостную пораженческую и изменническую аги-

тацию». 157 из них, включая Марию Спиридонову и старых большевиков Ольгу Каменеву, Варвару Яковлеву, Христиана Раковского, приняли смерть 11 сентября. Их отводили в особую комнату, тюремщики вкладывали в рот матерчатый кляп, зачитывали приговор, сажали в крытую машину и везли за десять километров в Медведевский лес, где специальная группа НКВД расстреливала. Для маскировки, место захоронения сразу засадили деревьями.

Семнадцать лет спустя, в ноябре 1958 года, Ирина Каховская, соратница по партии левых эсеров и подруга Спиридоновой, освобожденная из заключения после смерти Сталина, направила петицию Генеральному прокурору СССР с просьбой о посмертной реабилитации Спиридоновой. Петицию отклонили. Лишь в 1990 году Спиридонову реабилитировали по делу 1941 года, а в 1992 году сняли все обвинения, начиная с 1918 года, по которым она была в тюрьмах и ссылке, и полностью реабилитировали.

Литература

- Спиридонова М. А.*: Из воспоминаний о Нерченской каторге М., 1926; Прош Прощьян // Каторга и ссылка. 1924. Кн. 8.
- Безбережьев С. В.* Мария Александровна Спиридонова // Россия на рубеже веков: Исторические портреты. М., 1991.
- Гусев К. В.* «Езеровская богородица». М., 1992.
- Левые эсеры и ВЧК: Сб. документов. Казань, 1996.
- Мещеряков Ю. В.* Мария Спиридонова: Страницы биографии. Тамбов, 2001.
- Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993.
- Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 584–585.
- Трагедия в Медведевском лесу: О расстреле политзаключенных Орловской тюрьмы // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 124–131.
- Boniece S.* Maria Spiridonova, 1884–1918: Feminine Martyrdom and Revolutionary Mythmaking. (Ph. D. Dissertation), Indiana University, 1995.
- Rabinovitch A.* Maria Spiridonova's Last Testament // The Russian Review. 1995. July. № 54.
- Steinberg I.* Spiridonova: Revolutionary Terrorist. London, 1935.

| Троцкий |

ВЛАДИМИР ЧЕРНЯЕВ

26 октября (7 ноября) 1879 года на хуторе Яновка Елисаветградского уезда Херсонской губернии у Давида-Лейбы и Либы Бронштейн родился сын Лейба. В историю он вошел под именем Лев Троцкий. Из восьмерых детей в семье выжили четверо, и её волновал лишь хлеб насущный. Богатея, отец приобрел около 300 десятин земли, мельницу, кирпичный дом. Лейба был даровит, энергичен, по характеру колкий и вспыльчивый холерик, с обостренным чувством справедливости и желанием первенствовать.

Отцу он виделся инженером на своем консервном заводе, но Лейбой овладело книжное стремление к революции: он бранил народничество за затхлость, марксизм за узость, хотя, как писал в «Моей жизни», имел о них смутное представление. Под кличкой Львов он возглавил Южнорусский рабочий союз, сочинял прокламации, статьи в подпольную газету «Наше дело» тиражом 200–300 экземпляров. Он вспоминал: «Если б сверху “трезвым” взглядом поглядеть на эту группку молодежи, копошащейся в полутьме вокруг жалкого гектографа, какой убогой фантазией представился бы ее замысел повалить могущественное вековое государство? И, однако же, замысел удался на протяжении одного человеческого поколения: до 1905 прошло с тех ночей всего 8 лет, до 1917 — неполных 20».

28 января 1898 года он впервые арестован и после двух лет тюрьмы сослан на 4 года в Восточную Сибирь, служил конторщиком у купца, печатался в либеральном «Восточном обозрении» под псевдонимом Антид Ото, сочинял прокламации. Социал-демократам сверлила мозг идея создать централизованную партию. Для участия в этом он бежал из ссылки в августе 1902 года, оставив жену-соратницу Александру Соколовскую с двумя маленькими дочерьми. Чистый бланк паспорта он из озорства заполнил на фамилию надзирателя Одесской тюрьмы — Троцкий. В Самаре Г. М. Кржижановский ввел его в российский штаб «Искры», контрабандисты перевели через границу. В Париже он влюбился в связную, студентку дворянку Наталью Седову. Она стала помощницей, гражданской женой, матерью двух его сыновей.

Троцкий понравился Ленину, но своей надменной бесцеремонностью и апломбом оттолкнул Плеханова, который вспоминал: «Я считал Троцкого хотя и не лишеным известной талантливости, но крайне поверхностным и, в сущности, пустым человеком. К тому же он тогда был лишен всяких сколько-нибудь серьезных знаний». На II съезде РСДРП Троцкого сначала считали «ленинской дубинкой». Однако ленинскому жесткому подчинению личности партии он предпочел свободный союз единомышленников. Свою первую брошюру «Наши политические задачи» (Женева, 1904) он посвятил как учителю меньшевику П. Б. Аксельроду. «Самое наглое лганье, извращение фактов», — назвал ее Ленин, а ее автора — «Балалайкиным», а Троцкий его — «узурпатором», «якобинцем».

В 1904 году Троцкий осудил союз меньшевиков с кадетами и стал внефракционным социал-демократом, поднялся над схваткой меньшевиков с большевиками.

В Мюнхене он сошелся с германским социал-демократом Александром Парвусом (бывший одессит Израиль Гельфанд). Оба грезил о мировой революции.

Троцкого восхищало как в хаосе Революции 1905 года люди и идеи распределяются по новым осям и формируется новый порядок. В дни Всеобщей октябрьской стачки он нелегально прибыл в Петербург и вместе с Парвусом издавал «Русскую газету» тиражом до полумиллиона экземпляров, а с меньшевиками — газету «Начало». Под кличкой Яновский (по названию родного хутора) Троцкий возглавил Петербургский Совет рабочих депутатов (с октября — редактор его «Известий» и заместитель председателя, с 27 ноября до ареста 3 декабря — председатель), зажигал рабочих идей восстания. В тюрьме «Кресты» в работе «Итоги и перспективы» он развил собственную концепцию революции. Его брошюру «Наша тактика в борьбе за Учредительное собрание» (М., 1906) издал Ленин, позиции их совпали.

На суде Троцкий держался достойно. Приговор гласил: ссылка на 25 лет (т. е. до 1931 года) за Полярный круг. По пути в ссылку он бежал под видом участника полярной экспедиции барона Э. В. Толля, свои приключения описал в книге «Туда и обратно» (СПб., 1907) и на гонорар отбыл в Вену. А полиция рассылала для розыска приметы: рост 2 аршина 6 $\frac{3}{8}$ вершков (170 см), «каштановые волосы, глаза голубые, близорук, носит пенсне, лоб выпуклый, нос острый, лоб четырехугольной формы, нижняя челюсть широкая, губы полные, подбородок широкий с ямочкой посередине, держит себя прямо».

Вену прозвали столицей Троцкого. Меньшевики А. А. Иоффе, С. Ю. Семковский, М. И. Скобелев и др. признали его своим вождем. За доставку в Россию газеты Троцкого «Правда» отвечал М. С. Урицкий. Желая овладеть «Правдой», Ленин внедрил в ее редакцию своего любимца, ласково-вкрадчивого Льва Каменева, женатого на сестре Троцкого. Троцкий предложил объединить меньшевиков и большевиков, отсекая непримиримые фланги. Ощутив подкоп под себя, Ленин ругался: «шельмец», «подлейший карьерист», «Иудушка». Отозвав Каменева, он создал в Петербурге свою «Правду». За кражу названия газеты Троцкий грозил Ленину судом Интернационала. Созванная Лениным и Зиновьевым в январе 1912 года Пражская конференция РСДРП избрала ЦК большевиков, а созванная Троцким в августе Венская конференция РСДРП — Организационный комитет и «Августовский блок» меньшевиков с некоторыми большевиками, который быстро распался.

1 апреля 1913 года Троцкий писал главе думской фракции РСДРП меньшевику Н. С. Чхеидзе: «Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении», что «все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения». Думал ли Троцкий, что это письмо перехватит Охранка и впоследствии ловко использует Иосиф Сталин, невзрачный кавказец, с которым в Вене познакомил Скобелев, тогда еще любимый ученик Троцкого.

Начальник внешнего наблюдения заграничной агентуры России извещал Департамент полиции о сотрудничестве Троцкого с политической полицией Австро-Венгрии. Позднее эти сведения огласили В. Л. Бурцев в 1921 года в газете «Общее дело» и генерал-майор жандармского корпуса А. И. Спиридович в 1922 года в книге «История большевизма в России». Историкам еще предстоит изучить документы австрийских архивов, чтобы установить истину, а также прояснить цель поездки Троцкого в 1912–1913 годах военным корреспондентом на Балканы, где Парвус

обслуживал разведки Германии и Турции. Первая мировая война застала Троцкого, как и Ленина, в Австро-Венгрии. Ленин арестован, а входящий в местную элиту Троцкий беспрепятственно выехал с семьей через Цюрих в Париж.

Мировую войну Троцкий разъяснял как восстание производительных сил капитализма в мировом масштабе против частной собственности и государственных границ. Победа России в войне укрепит самодержавие, поэтому: «Ни побед, ни поражений». Свою газету «Наше слово» он издавал на деньги Парвуса, советника правительства Германии по революционному разложению России, а для маскировки поругивал его в своих статьях. В октябре 1916 года Франция выдворила Троцкого, как «пораженца», в Испанию, рассчитав, что та вышлет в Америку. Свою высылку Троцкий описал в книгах «Война и революция» (М.; Пг., 1924. Т. 2) и «Дело было в Испании» (М., 1926). Новый 1917 год он отметил с женой и сыновьями на океанском пароходе. В Нью-Йорке их встречал Н. И. Бухарин, прозванный им «Коля Балаболка». Вместе с ним и Володарским Троцкий начал работу в газете «Новый мир», выходившей на деньги Парвуса.

Американский историк Энтони Саттон на документах архива Госдепартамента США показал Троцкого «мастером двойной игры», связанным с банкирами. В марте 1917 года Президент США Вудро Вильсон лично распорядился выдать ему американский паспорт с транзитной британской визой. В пути британцы сняли Троцкого с парохода, как агента Германии, отобрали собранные немцами США 10 тыс. долларов (доллар тогда был раз в 20 дороже) и посадили в лагерь военнопленных в Амхерсте (Канада). По просьбе Госдепартамента США он был освобожден.

Изучая документы разведок разных стран, американский историк Ричард Спенс пришел к выводу, что еще в Европе Троцкий попал в паутину шпионских интриг и вся правда о его деятельности в США, возможно, никогда не будет раскрыта. Конечно, революционер-прагматик мог в своих политических целях использовать связи с разведками и «грязные» деньги даже из германских источников. А временное заключение его в британский лагерь военнопленных, вероятно, это трюк британской разведки с целью отвести подозрения в их сотрудничестве и закрепить его в своей секретной схеме влияния на революционную Россию.

На российском пограничном пункте Торнео (север Финляндии) Троцкий был допрошен и обыскан. О приезде в Петроград он известил через своего дядю Абрама Животовского (крупный коммерсант, позднее эмигрант, участник тайных советских финансовых операций на Западе) и 4 мая был триумфально встречен и избран в Исполком Петроградского Совета. Он возглавил Междурайонную организацию РСДРП (Володарский, Иоффе, Луначарский, Урицкий и др.) — маленькую, но влиятельную фракцию, промежуточную между меньшевиками и большевиками.

Историки не дали пока внятного объяснения, почему Ленин в мае сходу предложил Троцкому место в ЦК большевиков, хотя еще в феврале называл «мерзавцем», который «виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым». Вероятно, был нужен денежный источник. Троцкий гордо отклонил слияние, но, как и Ленин, предлагал заменить демократическое Временное правительство «правительством диктатуры пролетариата». Пламенный трибун ловко овладевал толпой. Жгуче ненавидевший его Плеханов прозвал «любовником революции».

В дни Июльского кризиса, когда левые большевики прощупывали возможность взять власть, Троцкий спас от самосуда министра земледелия эсера В. М. Чернова. «Глубокая июльская разведка превратилась в одностороннее сражение», — признал Троцкий. Сидя в тюрьме «Кресты», он узнал, что на VI съезде РСДРП(б) его

заочно избрали членом ЦК. Выйдя из тюрьмы под денежный залог, он 25 сентября возглавил большевизированный Петроградский Совет и превратил в орган государственного переворота. Вооруженный захват власти начался, как требовал Ленин, до открытия II съезда Советов, и завершен, как хотел Троцкий, при поддержке съезда.

В день взятия власти Троцкому исполнилось 38 лет. Видевший его на съезде В. О. Лихтенштадт писал: «Тип еврейский (но не очень), еврейско-испанский: крупные черты лица, высокий лоб и богатая шевелюра, нахмуренные брови и пронзающий из-за очков взгляд, <...> ястребиный нос, мясистые, чувственные, красные губы, <...> усы и эспаньолка; голос немного резкий и “узкий” (без богатого тембра), но отчётливый, громкий, властный и гибкий, с южным акцентом <...> Нужно видеть, как он действует на толпу! Это великолепный актер, честолюбец и властолюбец, любитель сильных ощущений, широких жестов, больших пожаров, он будет поджигать, и любоваться, и самолюбоваться».

Неистовое вдохновение Октября спаяло его вождей. Ленин предложил пост наркома внутренних дел, но Троцкий предпочел стать наркомом иностранных дел. Оба презирали демократию, находя ее несовместимой с социализмом, и веруя, что только длительная диктатура расчистит арену истории, а мягкосердие губит революцию. Оба выступали за разгон Учредительного собрания и полагали, что место меньшевикам и эсерам не в Совнарком, а на свалке истории.

Ладивший с Троцким глава Американской миссии Красного Креста полковник Реймонд Робинс отметил: «Он своего рода примадонна. В часы успеха он неблагодарен, неудержимо стремителен, своеволен, а в моменты неудач подавлен, мрачен, раздражителен; тогда обнаруживаются недостаточная стойкость его терпения и недостаточная крепость его нервов».

Ожидая со дня на день европейскую революцию, Троцкий по указанию Ленина затягивал переговоры в Бресте. Кайзеровский генерал Макс Гофман вспоминал: «Дьявольски интеллигентный. Дьявольски презрительный, он был одновременно и архангелом Михаилом, и Люцифером революции». На ультиматум Германии Троцкий ответил: Россия мира не подписывает и выходит из войны. Осознав угрозу германского наступления, Ленин принял ультиматум. При решающем голосовании в ЦК РКП(б) Троцкий был за подписание мира на германских условиях, но продолжал считать этот мир ошибкой и через день подал в отставку.

После подписания Брестского мира по предложению Г. Е. Зиновьева и питерского Бюро ЦК РКП(б) Троцкий, ни дня не служа в армии, стал наркомом по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета Республики. Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА) он строил железной рукой, отменил выборность командиров и ввел принудительную тотальную мобилизацию, на которую белые оказались неспособны. Его бронепоезд вселял ужас на фронтах. «Нельзя строить армию без репрессий», считал Троцкий, необходимо ставить красноармейца «между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади». Он не уговаривал, как Керенский, а воспитывал страхом — устраивал децимацию (расстрел каждого десятого), ввел «заградительные отряды», которые встречным пулеметным огнем останавливали отступающих красноармейцев. Более трети мест в командном составе РККА заняли бывшие царские генералы и офицеры. Подчинение им вызвало на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года «военную оппозицию» (К. Е. Ворошилов, Г. И. Сафаров, В. М. Смирнов, Е. М. Ярославский и др.). Ленин и большинство съезда поддержали Троцкого.

Уже в декабре 1917 года Троцкий заявил: «В том, что пролетариат добивает падающий класс, нет ничего безнравственного. Это его право». По его словам, Ленин еще до взятия власти яснее всех понимал, «что без расправы с имущими классами, без мероприятий самого сурового в истории террора никогда не устоять пролетарской власти». И Троцкий охотно использовал «убеждающую силу» расстрелов, концлагерей, взятия семей в заложники, мечтал выступить обвинителем в суде над Николаем II и признал: «Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или гибель». В 1919 году он требовал: «Чиновники, лакеи старого режима, судебские, издававшиеся в судах, педагоги, развращающие в своих школах, помещики и их сынки, студенты, офицеры, крестьяне-кулаки и сочувствующие рабочие — все должны быть зажаты в кровавую рукавицу, все пригнаты к земле. Кого можно — уничтожить, а остальных — прижать так, чтобы жизнь была хуже смерти».

В Манифесте II конгресса Коминтерна Троцкий писал: «Международный пролетариат не вложит мечи в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию советских республик всего мира». Война с Польшей 1920 года не вызвала революции в Европе, и он указал иное направление экспансии: «Путь в Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии». В 1923-м ему вновь захотелось прощупать пульс мировой революции штыком Красной Армии, двинуть ее на помощь германскому пролетариату и затем в Италию. Немецкие коммунисты, по его словам, «сдрейфили» и Германский Октябрь не состоялся. Вождь эсеров В. М. Чернов считал, что «старую теорию “мировой революции”, несущей на остриях армейских штыков освобождение всему миру», Троцкий подновил концепцией «красного империализма» и «красного милитаризма».

Разговоры о свободном труде Троцкий назвал буржуазным пережитком. Идеолог и практик военного коммунизма понимал диктатуру пролетариата как казарменную организацию общества, с милитаризованной всеобщей трудовой повинностью, жесткими нормами труда, правительство решает кому, где и кем работать и безжалостно расправляется с «трудовыми дезертирами» и забастовщиками. Он сам командовал 1-й Трудармией (создать помог Н. Н. Суханов). На краткое время возглавив в 1920 году Наркомат путей сообщения и крупнейший профсоюз Цектран (ЦК транспортных рабочих), он диктаторским способом оживил железные дороги.

В 1920 году Троцкий в феврале предложил заменить продразверстку (грабёж деревни) налогом (за это некоторые историки назвали его «отцом НЭПа»). Однако он легко уступил возражениям, а в ноябре на V Всероссийской конференции профсоюзов потребовал ту же завинтить гайки военного коммунизма. Введение НЭПа он воспринял с опасением, что революция погибнет в пучине рынка и буржуазного перерождения. Уже в 1923-м на XII съезде РКП(б) он призвал заменить НЭП политикой социалистического накопления (ускоренной индустриализацией за счет фактического ограбления крестьян и прочих непролетариев).

Как и Ленин, Троцкий питал неприязнь к критически мыслящей части общества, полагая, что голодом надо заставить интеллигенцию работать на большевиков. В Наркомпросе его жена Наталья возглавила Отдел по делам музеев и охране памятников искусства, его сестра Ольга — Театральный отдел, хотя обе далеки от искусства. Троцкий заявлял: русская дворянская культура «не внесла ничего существенного в сокровищницу человечества»; настоящая культура «в правильной ор-

ганизации человеческих голов и рук», «и если для этого приходится разрушать ценности прошлого, разрушим их без плаксивой сентиментальности, а затем вернемся и создадим новые, неизмеримо лучшие».

Его высокомерное позерство забавляло интеллигентов. «Дешевый провинциальный демонизм, смесь Мефистофеля и помощника присяжного поверенного. Что-то есть в нем от Керенского», — писал в дневнике Корней Чуковский.

Вить веревки удавалось не из всех интеллигентов, поэтому сотни инакомыслящих ученых, философов, литераторов в 1922 году изгнали за рубеж. Эта операция ГПУ прозвана «философские пароходы». Троцкий поставил себе ее в заслугу как «предусмотрительную гуманность», иначе бы их расстреляли. «Театральным бандитом» назвал его изгнанный тогда Питирим Сорокин.

В воспитательных целях Троцкий готовил первый показательный политический процесс 1922 года — над эсерами. Тайно возглавив борьбу с религией, он с рвением богоборца душил, по указанию Ленина, независимость Православной Церкви изъятием ценностей, арестами духовенства, поощрял обновленцев и требовал судить Патриарха Тихона и членов его Синода. Патриарх Тихон считал Троцкого главным греховодником и душегубом. Заступника за евреев главного раввина Москвы Якова Мазе Троцкий оборвал: «Я не еврей, а интернационалист». И в ответ услышал: «Делают революции Троцкие, а расплачиваются за них Бронштейны».

Сильнее Ленина впечатлил Троцкий британского философа Бертрانا Рассела: «Горящие глаза, военная выправка, искрящийся ум и магнетическое обаяние», но «тщеславие даже больше, чем любовь к власти». Кавалер двух орденов Красного Знамени (за оборону Петрограда в 1919-м и усмирение Кронштадта в 1921-м). Города Гатчину, Юзовку, Иващенко в 1923-м назвали Троцк, эсминец «Ардаган» — «Троцкий». Комсомол Германии называли «бригадой Троцкого». Его имя носили заводы и фабрики. Почетный металлист, текстильщик, забойщик и т. д. ездил на царском роллс-ройсе, занимал квартиру в Кремле, особняк на Волхонке, усадьбу князей Юсуповых «Архангельское».

По словам Виктора Сержа, партийцам у Троцкого «не внушало доверия слишком широкое и неистовое мышление» и «что-то авторитарное в манере держаться». К нему относились «с восхищением, но без любви». Луначарский отмечал, что у Троцкого «огромная властность и какое-то неумение или нежелание быть сколько-нибудь ласковым и внимательным к людям» превращали друзей в заклятых врагов. Троцкий позволял себе на заседании Политбюро ЦК РКП(б) обозвать Ленина хулиганом. К концу Гражданской войны их отношения охладели. И все же Ленин в письме Льву Каменеву назвал «верхом нелепости» желание избавиться от Троцкого, а в «Письме к съезду» выделил его как самого способного преемника. Троцкий не помог Ленину в его предсмертной схватке со Сталиным. Признав, что «ошибки у Ленина были, и очень крупные ошибки», он гордился, что первым назвал его гением. Сооружение Мавзолея и карикатурное обожествление вождя он счел оскорблением революционного сознания и позднее утверждал: Ленина отравил Сталин.

Борьбу за место вождя облекали в спор, кто настоящий ленинец. Тройку Зиновьев–Каменев–Сталин дополнили Рыков, Бухарин, Куйбышев. Позднее Троцкий винил их в циничном использовании имени Ленина: «Его мысль разрезали на цитаты для фальшивых проповедей. Набальзамированным трупом сражались против живого Ленина и против Троцкого. Масса была оглушена, сбита с толку, запугана <...> Воцарился режим чистой диктатуры аппарата над партией».

Троцкий отрицал возможность социализма в отсталой изолированной стране без ускоренной индустриализации и энергичного экспорта революции. Это не сулило мира и смягчения режима. Он предлагал, сохраняя диктатуру РКП(б), расширить свободу критики, выборность должностей, выдвинуть в руководство «рабочих от станка». По мнению Анжелики Балабановой, «если бы с самого начала он защищал демократию в партии, боролся бы с подавлением открытого несогласия», он встретил бы больше симпатии и поддержки. Не слава популярности и борьба с Рыковым и Сталиным против возобновления в 1924 году торговли водкой, запрещенной в начале мировой войны, и против строительства на ней государственного бюджета.

Низвержение с вершин власти было стремительным: 26 января 1926 года Троцкий лишен постов наркома военных и морских дел и председателя РВС СССР и послан лечиться в Сухуми, 23 октября исключён из Политбюро, в 1927 году 27 сентября — из ЦК и 14 ноября — из ВКП(б), а семья выселена из Кремля.

Современники терялись в догадках, почему, возглавляя армию, Троцкий не устранил соперников. А. И. Гучков: «Медлил, колебался, пропустил все сроки». Г. З. Беседовский: мог в несколько минут овладеть властью и «смалодушествовал». У. Черчилль: «Одно роковое препятствие — он был еврей». М. А. Алданов: «Еврейское происхождение Троцкого тогда чрезмерного значения не имело: ведь свергла его коалиция, в которую входили один грузин (Сталин) и два еврея (Каменев и Зиновьев). За самыми горделивыми его позами следовали самые унижительные покаяния. Ему явно изменила основная способность революционера — умение рассчитывать свои и вражеские силы». П. Н. Милюков: «Троцкий ораторствовал, а Сталин действует, собирая, в роли секретаря партии, послушных ему людей и связывая их стаями». 17 ноября 1927 года, перед тем как застрелиться, А. А. Иоффе написал Троцкому: «Вам недостает ленинской непреклонности, неуступчивости, его готовности остаться хоть одному на признаваемом им правильном пути в предвидении будущего большинства, будущего признания всеми правильности этого пути».

Секрет своей победы Сталин раскрыл в узком кругу на обеде 7 ноября 1937 года: «Главное в средних кадрах — партийных, хозяйственных, военных. Они выбирают вождя. <...> Троцкий, после Ленина, был самый популярный в нашей стране. <...> Но нас поддержали средние кадры, разъясняли наши позиции массам. А Троцкий не обращал на эти кадры никакого внимания» (*Димитров Г. Дневник*).

Свое поражение «самой выдающейся посредственности» Троцкий объяснял как «советский Термидор»: «Внутри партии создались особые ударные ядра из карьеристов, проворовавшихся, из развращенных сынков бюрократии, из бесстыдных и циничных элементов»; «Это был дружный отклик нового правящего слоя, который стремился освободиться от старых принципов и от контроля масс и которому нужен был надежный третейский судья в его внутренних делах»; «Свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции». В дневнике 1930-х годов он сложил с себя вину: «Ленин создал аппарат. Аппарат создал Сталина».

Зиновьев и Каменев, когда Сталин оттер их от власти, выступили вместе с Троцким как «объединенная оппозиция». 7 ноября 1927 года на демонстрацию в честь 10-летия Октября она вышла под лозунгами «Назад к Ленину!», «Выполним завещание Ленина!» (т. е. сместить Сталина), «Долой кулака, нэпмана и бюрократ!».

Сталин организовал «гнев народа»: в Троцкого летели камни, а 16 января 1928

года его сослали в Алма-Ату. Руководил высылкой Бухарин (тогда глава Коминтерна). Первыми из сторонников опального вождя покинули Пятаков, Крестинский, Антонов-Овсеенко, но сотни других предпочли тюрьмы и ссылку.

Как якобы «создателя нелегальной антисоветской партии» Троцкого 12 февраля 1929 года выслали с женою Н. И. Седовой и старшим сыном Львом Седовым в Турцию. По иронии судьбы пароход, на котором они плыли, назывался «Ильич» (бывший «Николай II»). Первые годы изгнания прошли на острове Принкипо в Мраморном море. Вместе с сыном он издавал «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)» и с помощью сына и жены быстро написал книгу «Моя жизнь», где обосновал право считаться ближайшим соратником Ленина и свел счеты с бывшими соратниками. Этот бестселлер денежно обеспечил семью. Затем вышел его двухтомник «История русской революции». П. Н. Милюков с удивлением отметил: «Мы с ним сошлись в оценке общего хода русской Февральской революции и роли руководившего этим ходом умеренно-социалистического центра». Милюков писал: «Сталин... завидует уму Троцкого (отсюда его ненависть к человеку высшей культуры), но многое от него заимствует: программа Троцкого помогает ему в сохранении декорации социализма».

Троцкий бранил Каменева и Зиновьева: «На брюхе поползли в партию». А сам тайно предлагал Политбюро ЦК ВКП(б) сделку, обещая в обмен за право вернуться в СССР крепить единство партии. Сталин объявил троцкизм «передовым отрядом контрреволюционной буржуазии» и указал: «Либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, измена рабочему классу». 20 февраля 1932 года Троцкого с женою и сыном лишили советского гражданства. Он ответил открытым письмом: «Сталин завел вас в тупик. <...> Надо, наконец, выполнить последний настойчивый совет Ленина: убить Сталина».

В 1933 году Троцкий с семьей переехал на юг Франции. За нарушение запрета посещать Париж его выслали в 1935 году в Норвегию. Там к власти пришла Рабочая партия. Не желая сердить Сталина, Троцкого поселили в глуши, запретив политическую деятельность. Однако он в статьях обличал сталинизм как сифилис и проказу рабочего движения, сталинскую бюрократию — как передаточный механизм империализма, но отделял ее «холодный и злобный террор» от террора «героического периода революции» («орудия пробуждения революционных масс»). В книге «Что такое СССР и куда он идет» («Преданная революция») он опроверг заявление Сталина о победе социализма в СССР и предсказал: либо рабочий класс одолеет бюрократию, либо чиновник «съест рабочее государство», возродит капитализм.

Норвегия выдворила Троцкого за нарушение запрета заниматься политикой. 9 января 1937 года его с женою встретили в Мексике. Ее Президент, глава левой Национально-революционной партии генерал Л. Карденас предоставил им статус своих гостей, но избегал встреч. Визу выхлопотал давний друг, художник-коммунист Диего Ривера. На фресках с изображением освободительной борьбы он изображал Троцкого, который прожил в его доме два года, пока не соблазнил его жену. Рассорясь с Риверой, Троцкий приобрел усадьбу в Койоакане (южный пригород Мехико).

На показательных московских процессах Зиновьева, Каменева и др. в августе 1936 года и Пятакова, Радека, Сокольников и др. в январе 1937 года Троцкого обвинили в сотрудничестве с гестапо и в терроре против вождей СССР. Междуна-

родная следственная комиссия во главе с философом Джоном Дьюи в сентябре 1937 года признала: не виновен. Еще в 1931-м Троцкий предсказал приход Гитлера к власти, описал внутреннюю связь орбит Гитлера и Сталина, их беспринципность, презрение к народу. Впрочем, кровавый произвол, стремление к «правильной организации голов» и культ вождя присущи были и режиму Ленина–Троцкого.

Изгнанные из Коминтерна Б. Суварин, А. Трен, М. Истман и др. по призыву Троцкого учредили 3 сентября 1938 года в Периньи под Парижем IV Интернационал с целью распространить Октябрьскую революцию на весь мир. Троцкисты разных стран издавали более 50 газет и журналов. Троцкий надеялся, что Сталина погубит стовор 1939 года с Гитлером, а Вторая мировая война вызовет новые революции и победу либо крах социализма. Принцип «народного фронта» он отверг как парламентскую иллюзию: пролетарские партии должны добиваться поражения собственной буржуазии и превратить империалистическую войну в гражданскую. В открытом письме советским рабочим «Вас обманывают!» Троцкий убеждал: ВКП(б) и Коминтерн сгнили, «Долой Каина Сталина! Да здравствует СССР, крепость трудящихся! Да здравствует мировая социалистическая революция!». Но его слово не было слышно в СССР, где правил Сталин с бандитским пониманием марксизма.

Сталин истреблял родных Троцкого: расстреляны младший сын, инженер Сергей Седов; старший брат, работник сахарного завода А. Д. Бронштейн с сыном; сестра Ольга и оба ее сына; А. Л. Соколовская и др., остальные сели в концлагеря. Советские агенты в 1936–1938 годах выкрали множество документов из архивов Троцкого и его Международного секретариата, в парижской больнице 16 февраля 1938 года отравили Льва Седова (похоронен на кладбище Пер-Лашез). Советский разведчик-перебежчик Александр Орлов предупредил Троцкого: готовят его убийство. Троцкий превратил усадьбу в крепость и для оплаты содержания охраны продал свой архив Гарвардскому университету. Он не знал, что охота на него началась еще в 1931 году и вокруг уже плотное кольцо агентов.

Задание Сталина убить, но чужими руками, в 1939 году получил бывший левый эсер, разведчик Наум Эйтингон, похититель главы РОВС генерала А. П. Кутепова, а в Гражданскую войну в Испании организатор вывоза ее золотого запаса в СССР. Ночью 24 мая 1940 года охранник впустил в усадьбу группу террористов: советский разведчик-нелегал «Макс», художник-сталинист Давид Сикейрос с женою, братом и друзьями. Из автоматов перекрестным огнем в окна они обстреляли спальню, но лишь ранили внука Севу. «Прошла еще одна ночь, а нас не убили», — горько шутил потом Троцкий. В завещании он писал: «На моей революционной чести нет ни единого пятна <...> Я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее».

Запасной вариант Эйтингона оказался удачей. Под видом богатого канадца Фрэнка Джексона с Троцким сблизился испанский коммунист Рамон Меркадер и 20 августа 1940 года ледорубом рассек ему череп. Кровь залила рукопись книги «Сталин». После операции, Троцкий умер в жутких мучениях. Прощаться с ним пришли сотни тысяч мексиканцев.

Американское агентство «Ассошейтед Пресс» 22 августа огласило заявление Керенского: Троцкий — жертва секретной полиции, которую сам с Лениным создал, а убийство организовал Сталин. «Правда» 24 августа в редакционной статье «Смерть международного шпиона» (правил ее Сталин) цинично отмежевалась от убийства: «В могилу сошел человек, чье имя с презрением и проклятием произно-

сят во всем мире...»; еще в 1918 году хотел убить Ленина, Сталина, Свердлова, организовал убийство Кирова, Куйбышева, Горького; «провокаатор, организатор убийц, интриган и авантюрист... запутался в своих собственных сетях, дойдя до предела человеческого падения. Его убили его же сторонники».

Марк Алданов, чью пронизательность и нравственную щепетильность ценила русская эмиграция, подытожил: «В моральном отношении Сталин и Троцкий стоили один другого, оба залиты кровью одинаково густо. Но незачем отрицать, оба они люди идейные. Скажу больше: оба они, в сущности, стремились к одному и тому же: в общем масштабе — к мировой революции, в личном масштабе — каждый к посту вождя и диктатора мировой революции».

Прах Троцкого покоится в саду его Дома-музея в Койоакане, на памятнике серп и молот, на флагштоке красный флаг. Рядом похоронена Н. И. Седова. Музеем руководит внук Троцкого Эстебан (Всеволод Платонович) Волков.

Эйтингона за убийство Троцкого наградили орденом Ленина. Позднее он организовывал диверсии в тылу гитлеровцев, добывал атомные секреты в США, в 1951–1965 годах, с малым перерывом, сидел в советской тюрьме, затем работал старшим редактором издательства «Международные отношения», умер в 1981 году. Меркадер после 20 лет тюрьмы появился в 1960 году в Москве под именем Рамон Иванович Лопес, из рук Брежнева получил в Кремле орден Ленина и Золотую звезду Героя Советского Союза, в 1978 году погребен на Кунцевском кладбище Москвы. Ривера вернулся в компартию, рисовал Сталина, Мао. Сикейрос за взгляды сидел в тюрьме, в мемуарах «Меня называли лихим полковником» (М., 1986) гордился покушением на Троцкого. Почетный член Академии художеств СССР и, как и Карденас, лауреат Ленинской премии мира, Сикейрос покоится в Пантеоне великих.

«Макс» с 1951 года под именем Теодоро Кастро был послом Коста-Рики в Италии, Ватикане и Югославии, хотел убить Тито и в 1953 году бесследно исчез с женой и ребенком (отозвали в Москву). Позднее он стал известен как историк Латинской Америки и католицизма, член-корреспондент Академии наук СССР Иосиф Григулевич, автор книг под псевдонимом И. Лаврецкий в серии «Жизнь замечательных людей». До кончины в 1988 году он работал в Институте этнографии и был главным редактором журнала «Общественные дисциплины», заместителем председателя Комитета солидарности с народами Америки.

Н. И. Седова допустила к архиву мужа бывшего польского троцкиста Исаака Дойчера. Его трехтомная биография Троцкого вышла в 1954–1963 годах в Лондоне и в 2006 году полностью переиздана в Москве. Поражения Троцкого, считал Дойчер, выявили «разрыв между марксистским представлением о революционном развитии и действительным ходом классово-борьбы и революции». О первом томе Дойчера сестра Мартова Лидия Дан писала: «Чтобы возвеличить своего героя, Дойчер намеренно рисует в неверном свете других деятелей того времени и изображает обстановку, в которой рос, развивался и работал Троцкий, через кри-вое зеркало».

Материалы Троцкого и о нем публикует с 1978 года журнал Института Троцкого в Гренобле (Франция) «Cahiers Leon Trotsky». Под гипнотическим обаянием Троцкого писали о нем троцковеды Пьер Бруэ, Тони Клифф (Игал Глюкштейн), Иен Тэтчер и др. Джеффри Свейн подверг сомнению взгляд на Троцкого как ближайшего к Ленину большевика. Критически рассматривают Троцкого Роберт Сервис, Энтони Саттон и Ричард Спенс.

В СССР слово Троцкий более полувека звучало политическим ругательством. Старые большевики в угоду Сталину переписывали свои мемуары, замалчивая Троцкого либо противопоставляя ему засахаренный образ Ленина. В 1935 году единичные экземпляры книги Троцкого спрятали в спецхраны библиотек, все остальные подлежали уничтожению. Хранение книги или изображения Троцкого стало уликой «контрреволюционной троцкистской деятельности». При Хрущёве и Брежневе в КГБ продолжало действовать подразделение по борьбе с троцкизмом.

Запрет с имени Троцкого снял в 1989 году Горбачев. Возобновилось издание его трудов и о нем. Эстебан Волков посетил Москву. В 1992 году Троцкий реабилитирован за ссылку в Алма-Ату и в 2001 году — за высылку из СССР и лишение гражданства. Его основные труды переизданы в России. Его российская переоценка началась с разграничения Троцкого октябрьского и у власти, которого умело использовал Ленин, с изгнанником, «захлебнувшимся в своей ненависти к Сталину, а вместе с ним и ко всему советскому» (*Васецкий Н. А. Троцкий: опыт исторической биографии. М., 1992*). От ярлыка «демон революции» к сближению Троцкого с Лениным, а в представлениях о социализме — и со Сталиным, развивались взгляды Д. А. Волкогонова. В революции дополняли друг друга вдохновитель Ленин, возмутитель Троцкий, исполнитель Сталин. Троцкий борьбой против Сталина способствовал его диктатуре, а в изгнании жил в иллюзорном мире навсегда ушедшей эпохи, олицетворяя утопичность идеи мировой революции (*Волкогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. М., 1992*). Трилогию Волкогонова «Ленин», «Троцкий», «Сталин» российские власти в 1996 году отметили Государственной премией.

В постсоветской историографии канонизации Троцкого как революционера-гуманиста, демократичной альтернативы Сталину (В. З. Роговин, В. И. Биллик) противостоит обличение: «Личность действительно цельная в своей аморальности, он не испытывал внутреннего конфликта между ясно видимым долгом и призрачной совестью. Служение коммунистической идее любыми средствами и любой ценой всегда оставалось для него главенствующей этической нормой и целью существования» (*Тополянский В. Д. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. М., 1996*). Резко расходятся и мнения журналистов: от требования перезахоронить на родине «Человека № 1 Двадцатого века», до сожаления, что «ледоруб в 1940 г. был наказанием, значительно запоздавшим» (*Боярский Т. Бандит № 1 // Ами. Народ мой. Независимая еврейская газета. СПб., 2008, 14 февраля*).

Почитатели отмечают критику Троцкого как необелогвардейщину, неосталинизм. Угасание общественного интереса к нему В. З. Роговин объяснял тем, что коммунистический менталитет «выжжен сталинским террором вместе с несколькими поколениями большевиков» и троцкизм ненавистен официальным коммунистам и «прокапиталистическим силам».

Историку революции Троцкий всегда интересен, но раздробленность его архива затрудняет изучение его жизни и деятельности. Ему позволили вывезти за рубеж свой архив. В 1936-м он продал Архиву Международного института социальной истории (Амстердам, Голландия) почти 800 документов и 58 фотографий, и еще больше — в августе 1940-го Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (Бостон, США). Частично они опубликованы: амстердамские документы — *The Trotsky Papers, 2 vv. Mouton, 1964, 1971*; гарвардские — *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927: В 4-х т. М., 1990*. Есть материалы в архиве

Гуверовского института войны, мира и революции (переданы Троцким в 1936 году Б. И. Николаевскому), в Библиотеке Лилли Индианского университета США.

В Москве Российский государственный архив социально-политической истории (бывший Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) хранит фонды Троцкого (ф. 325; 707 дел 1898–1937 годов), его соратников и врагов. Документы о нем и микрофильмы документов Гуверовского архива имеются в Государственном архиве Российской Федерации. Документы в Архиве Президента Российской Федерации (бывший VI сектор Общего отдела ЦК КПСС), Архиве Федеральной службы безопасности (бывший Архив КГБ) и Архиве Службы Внешней разведки пока мало кому доступны.

Литература

Троцкий Л. Д.: Дневники и письма. М., 1994; История Русской революции: В 2-х т. М., 1997; Коммунистический Интернационал после Ленина: Великий организатор поражений. М., 1993; Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991; Перманентная революция. М., 2005; Политические силуэты. М., 1990; Портреты революционеров. М., 1991; Преданная революция. М., 1991; Сталин: В 2-х т. М., 1990; Сталинская школа фальсификаций. М., 1990.

Работы Л. Д. Троцкого в фондах Библиотеки Академии наук СССР. СПб., 1991.

Дойчер И.: Троцкий: Вооруженный пророк. 1879–1921. М., 2006; Троцкий: Безоружный пророк. 1921–1929. М., 2006; Троцкий: Изгнанный пророк. 1929–1940. М., 2006.

Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000.

Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998.

Broué P. Trotsky. Paris, 1988.

Cliff T.: Trotsky: Towards October. 1879–1917. London, 1989; Trotsky: The Sword of the Revolution. 1917–1923. London, 1990; Trotsky: Fighting the Rising Stalinist Bureaucracy. 1923–1927. London, 1991; Trotsky: The Darker the Night, the Brighter the Star. London, 1993.

North D. In Defense of Leon Trotsky. Oak Park, 2010.

Patenaude B. M. Trotsky: Downfall of a Revolutionary. N.Y., 2009.

Rubenstein J. Leon Trotsky: a Revolutionary's Life. New Haven, 2011.

Service R. Trotsky. A Biography. London, 2009.

Spence R. Hidden Agendas: Spies, Lies and Intrigue Surrounding Trotsky's American Visit of January — April 1917 // Revolutionary Russia. 2008. June. Vol. 21. № 1.

Swain G. Trotsky. Harlow, 2006

Thatcher I.: Leon Trotsky and World War One. August 1914 — February 1917. London, 2000; Trotsky. London; New York, 2003.

| Церетели |

ЗИВА ГАЛИЛИ, АЛЬБЕРТ НЕНАРОКОВ

Судьба лидера Петроградского Совета и Всероссийского Исполнительного комитета Советов Ираклия Георгиевича Церетели (1881–1959) удивительна. Он, к сожалению, до сих пор остается тем, о ком мало знают, хотя нет ни одной работы, посвященной истории российских революций и российской социал-демократии, где бы имя его не упоминалось. К тому же, и упоминается он, в основном, лишь как исполнитель политического соглашения между Советом и Временным правительством, а не как стратег и тактик. Единственная биографическая работа о нем (*W. H. Roobol. A Democrat in the Russian Revolution*) не получила широкой известности. И. Г. Церетели часто считают вторым Керенским, хотя уместнее сравнить с Лениным. Не меньше своей большевистской Немезиды Церетели известен непоколебимой убежденностью в собственной политической концепции и стратегии, способностью держать в узде колеблющихся соратников и тем воздействием, которое оказывал на политическую жизнь. При каждом значительном повороте общественной жизни России со второй половины марта по октябрь 1917 года именно Церетели определял политическую стратегию, за которой следовало большинство меньшевиков и эсеров из так называемого «демократического лагеря», и политический курс Советов. Его роль тем более значительна, что его концепция революции не соответствовала целиком и полностью позициям ни одного из основных течений меньшевистской партии кануна 1917 года — интернационалистов и оборонцев. Церетели (опять же, подобно Ленину) — воплощенное представление той роли, которую личность может сыграть в историческом событии, в моменты, когда на первый план выступают массы, народные организации и партии.

Подобно Керенскому Церетели олицетворяет первоначальные победы и конечное поражение демократической концепции Русской революции. Его сила не была силой народного трибуна. Церетели был политик политиков. Его аристократическое поведение, аскетический ореол человека, проведшего долгие годы в заключении, уверенность прирожденного лидера в сочетании с силой аргументации делали его авторитетом и среди социалистов и среди прогрессивно мыслящих министров консервативного лагеря. Он выглядел смелым, честным, даже моралистом, но, вместе с тем, и реалистом. Все это особенно ярко проявилось в первой половине 1917 года, когда его концепция отражала настроение широкого спектра российского общества и разработанная им стратегия казалась действенной. Его влияние сохранялось и после того, как оптимизм первых дней революции угас, когда идеализированное им широкое национальное единство, воплощенное в коалиционном правительстве, оказалось недееспособным.

Чтобы понять политические концепции Церетели, необходимо разобраться в слоях влияния, определенных спецификой его революционной карьеры, в которой краткие периоды интенсивной политической деятельности и активной публичности перемежались годами долгой насильственной изоляции.

Самый ранний и глубокий слой влияния был предопределен его детскими впечатлениями. Он родился в семье русифицированной и вестернизированной грузинской интеллигенции аристократического происхождения, был свидетелем становления грузинской социал-демократии, от прозападнически настроенных отца — Георгия Евфимиевича и дяди — Николая (Нико) Николадзе унаследовал глубокую веру в прогресс, и она стала основой его марксистских убеждений. Социал-демократические убеждения Церетели отличались оптимизмом в оценках будущего российского общества. В политической гегемонии, которой обладали грузинские социал-демократы, он видел подтверждение мнения своего отца, что интеллигенции суждено вести народ по трудному пути от самодержавия к демократии.

Огромное влияние на становление Церетели как общественного деятеля оказало его — студента юридического факультета Московского университета — участие во всеобщих студенческих забастовках и демонстрациях 1901–1902 годов.

Возглавив Исполком студенческих землячеств, он стал одним из самых активных организаторов студенческих сходок, автором всех прокламаций и листовок против отдачи студентов в солдаты и «временных правил» правительства 1899 и 1901 годов, регламентирующих внутреннюю жизнь высших учебных заведений России. В феврале 1902-го Церетели арестован и в административном порядке выслан в Иркутск. Так получил он свой первый 5-летний срок изоляции, прерванный лишь из-за болезни, когда вместо ссылки его отправили под административный надзор на родину. Короткое время, с лета 1903-го до весны 1904-го, он провел дома, в Тифлисе. Там же стал социал-демократом, а на II съезде Кавказского союза РСДРП в октябре 1903 года примкнул к меньшевикам.

Из-за ареста, ссылки и болезни Церетели оставался в стороне от политики в 1905–1906 годах. Уже в 1907-м состоялось его триумфальное возвращение, он возглавил грузинскую, а позднее российскую социал-демократическую фракцию II Государственной думы. Во II Думе он опробовал стратегию сотрудничества социал-демократов и других оппозиционных сил, сделав это с благословения ЦК РСДРП, в котором меньшевики в 1907 году имели большинство. На основании собственного опыта он выдвинул два принципиальных положения. Во-первых, российская социал-демократия может успешно организовать крестьянство и получить его полную поддержку в борьбе против самодержавия. Во-вторых, политика ограниченного сотрудничества с кадетами дает отличную возможность социал-демократам убедить буржуазию вступить в объединенную оппозицию царскому правительству. Даже во время нового ареста, длительного заключения и каторги 1907–1913 годов он последовательно отстаивал взгляд, что значительную часть российского образованного общества можно причислить к прогрессивным силам.

Третья и решающая стадия развития идей Церетели была определена его позицией в период Первой мировой войны, когда он жил в ссылке в сибирской деревне Усолье близ Иркутска. Церетели объявил себя интернационалистом, но его требования «абсолютного нейтралитета» социалистов не были основаны на общей для интернационалистов характеристике войны как «империалистической». Свое отрицание войны он обосновал ролью самодержавия в определении ее целей и способов ведения. Иначе говоря, он видел в войне препятствие на пути прогресса и угрозу солидарности социал-демократических движений в Европе, лишавшую более слабое российское движение естественного источника поддержки. Из этих

идей вытекала вера в то, что в определенных условиях можно отстаивать защиту национальной территории, и что русскую демократию нельзя заставить платить за это сепаратным миром. Последняя точка зрения коренилась в высокой оценке Церетели (необычной для российских социал-демократов) значения стабильных политических структур, особенно в трудные времена социальных и политических перемен.

Сочетание этих идей легло в основу стратегии «революционного оборончества». Церетели выдвинул ее в 1917 году. В то же время, исходя из своего оптимизма относительно политического развития России и собственного усвоения опыта, приобретенного в войну страной, он обосновал концепцию революции, возглавляемой социал-демократией, но базировавшейся на объединенных «живых сил страны». Он считал, что в «общественных организациях» военного времени, особенно в «Союзе городов» и военно-промышленных комитетах, содержатся «здоровые, прогрессивные» элементы буржуазии, что они установили подобие сотрудничества с рабочим классом, безусловно, существенного для безопасного перехода России к демократии. На более личном уровне Церетели полагал, что в единстве мнений его и ближайших друзей среди иркутских социал-демократов и ссыльных эсеров, которые считали себя «нейтральными интернационалистами», проявлялось воздействие войны на русское революционное движение в широком плане. Он и тесная группа его сторонников видели себя связующим звеном внутри широкого спектра российских политических сил, которое должно сплотить их вокруг решения задачи демократизации страны.

В Февральской революции Церетели видел реализацию своих идей. Это, считал он, — демократическая национальная революция, осуществленная «жизненными силами страны» (к ним он относил не только социалистических лидеров Советов, рабочих, солдат, но и крестьянство, прогрессивную буржуазию). Хотя, считал он, революция в России — «всенародная» и ее непосредственная цель — демократия, а не социализм, он чувствовал, что отсталость страны делает руководящую роль социалистической интеллигенции решающей: она должна, с одной стороны, обеспечивать союз «жизненных сил», с другой — охранять свободу и революционный дух. В этой схеме Советам придавалась важнейшая задача обеспечить стабильность российской политики. Одной из частей этой задачи была военная защита революции, равно как и гарантия того, что Россия продолжит играть решающую роль в достижении мира.

Первые десять дней, проведенные Церетели в Петрограде, отмечены драматичной переменой в стратегии Петроградского Совета. Интернационалистская позиция и условное признание Временного правительства уступили место двум основным постулатам. Церетели сформулировал их в соответствии с политическими реалиями, обнаруженными по возвращении в Петроград 20 марта: во-первых, стратегии «революционного оборончества», в которой поддержка социалистами обороны страны сочеталась с переговорами с Временным правительством по вопросам ускорения продвижения к миру; и, во-вторых, общая стратегия непосредственного взаимодействия и сотрудничества руководителей Советов и Временного правительства с целью осуществить демократические цели революции в самой полной мере без угрозы «единству жизненных сил».

Ряд факторов сделал возможной эту драматичную перемену. Во-первых, в Исполнительном комитете (ИК) Петроградского Совета, в котором до сих пор преобладали меньшевики и независимые социал-демократы, и который дал начало

политике двоевластия и контроля над правительством, все сильнее царил разброд, вызванный как внутренними отношениями, так и неадекватным поведением Временного правительства. Затем вокруг этих двух политических центров создалась напряженная атмосфера. Однако, она не была еще накалена постоянно возникающими конфликтами, путь для новых возможностей оставался открыт. Наконец, Церетели, «князь» грузинской социал-демократии, легендарный оратор разогнанной II Думы, вернулся после долгих лет одиночного заключения и ссылки. Его лозунги и проекты отлично подходили для примирения внутренних противоречий среди социалистов. Его способность легко и естественно общаться с министрами приветствовались и создавала выгодную альтернативу тупику в отношениях между Советом и Временным правительством.

Успехи в ИК Совета и на переговорах с Временным правительством накануне Всероссийской конференции Советов (29 марта — 3 апреля) способствовали продвижению Церетели на руководящие позиции, которые он удерживал во всероссийских органах Советов вплоть до октября. Его формула революционной обороны сплотила центристов меньшевистской и эсеровской фракций, которые объединились в единый Революционно-оборонческий блок, получивший поддержку большинства делегатов от армии и из губерний. Церетели заявлял: только что завершившиеся переговоры по вопросам внешней политики продемонстрируют отход «ответственных» представителей буржуазии от «узко классово» военной политики, которая характеризовала их в прошлом. Он использовал этот пример, настаивая на политике сотрудничества с ответственными элементами имущих и образованных классов, которые понимают национальные задачи дня. Однако, полагая, что контроль Совета над Временным правительством не настолько необходим, как думали архитекторы двоевластия, он пришел к политическому решению, вытекавшему из его концепции, предложив формирование коалиционного правительства. Это противоречило меньшевистской доктрине неучастия социалистов в буржуазном правительстве. Однако вскоре энтузиазм по поводу видения Церетели Советов как гарантов безопасного перехода России к демократии заставил партию начать пересмотр своего отношения к коалиции.

Апрельский кризис и его последствия показали слабость Временного правительства, отсутствие в нем единства и необходимость Совету взять на себя большую долю ответственности за судьбы страны. Церетели уже был первым среди равных в «звездной палате» Совета, группе меньшевистских и эсеровских центристских лидеров, которые возглавляли Совет и определяли его политику за закрытыми дверями. Теперь же он стал архитектором первого коалиционного правительства России. Представляя коалицию как воплощение национального единства, силы и ответственности Советов, он, тем не менее, настаивал, чтобы участие социалистов было минимальным. Он считал, что сотрудничество с «буржуазными» министрами, а не арифметическое большинство социалистов в кабинете, приведет к успеху реформ, основному оправданию участия социалистов в правительстве.

В течение двух месяцев, от установления первой коалиции до Июльского кризиса, влияние Церетели находилось в зените. Занимая пост министра почты и телеграфа, олицетворяя собой коалицию, он — первый среди советских руководителей социалистический лидер, которому более всего доверяли «прогрессивные» министры. Однако его политическая конструкция и политическое решение, сделавшее возможным подобное доверие — «единство живых сил страны» и коали-

ционное правительство — уже подвергались нападкам. Горячая поддержка коалиции меньшевиками на их Майской Всероссийской конференции РСДРП уступила место сомнениям. Разочарование меньшевиков, выраженное за закрытыми дверями Организационного комитета РСДРП (его протоколы недавно стали доступны), достигло пика 14 июня, когда всерьез встал вопрос о выходе социалистов из коалиции.

В ответ на эти настроения Церетели исследовал все возможности переопределения контуров коалиции, однако не испытывал ни малейших колебаний в вопросе необходимости сохранения принципа коалиции. В июне он по-прежнему приветствовал «единство живых сил», обвиняя в росте радикальных проявлений в Петрограде только большевиков и стараясь заново определить «демократию», исключив из нее большевиков. События начала июля поставили его перед фактом провала той коалиции, творцом которой он был. Он стал формальным автором новой формы коалиции — не с «живыми силами страны» в широком смысле слова, а с их наиболее прогрессивными демократическими силами, которые надеялась сплотить вокруг себя новая Радикальная демократическая партия. Возможность подобного союза Церетели связывал с прогрессистами и левыми кадетами, объединившимися в новой партии (в их числе были Н. В. Некрасов и И. Н. Ефремов). Разочарование сделалось тем сильнее, чем быстрее становилось очевидно, что в условиях, установившихся к лету 1917 года, новая партия и близкие к ней члены кабинета (особенно М. И. Терещенко и А. Ф. Керенский) не могут противостоять давлению со стороны кадетов и организованных предпринимателей. Церетели отказался войти во второе коалиционное правительство, и оно без программного заявления начало действовать 23 июля.

Много лет спустя, работая над мемуарами о 1917 году, Церетели оценил этот момент как конец периода плодотворного сотрудничества на основе его концепции революции. Двухтомные воспоминания не охватили последние три месяца революции, усилив, тем самым, впечатление, будто поляризация общества в те месяцы опустошила политические инициативы и парализовала меньшевиков. Ныне опубликованная история меньшевистской партии в документах показывает, что это совсем не так. Это требует от историка свежего взгляда на слова и дела Церетели послеиюльского периода.

Внимательное чтение публичных обращений Церетели в июле и августе обнаруживает, что в его риторике лозунг «объединения живых сил страны» постепенно уступает место выражению «государственные интересы». Не то чтобы он колебался в своей защите единства и коалиции, но его оценка революции подверглась глубокому пересмотру. Он уже не мог видеть ее народной, осуществляемой широкими массами, объединенными демократической интеллигенцией в некую «нацию». Всё более и более революции угрожали растущие социальные и политические противоречия. Всё более и более зависела она теперь от воли и мужества умеренных социалистических лидеров, которые, в тоже время, сами всё более и более оказывались в изоляции. После Июльского кризиса самой насущной задачей стало принять необходимые меры для обеспечения стабильности и сохранения революционного режима.

Язык этих аргументов был еще революционным. Выступая 17 июля на чрезвычайном пленуме ВЦИК, Церетели говорил о потребности укрепления «революционного порядка». Он согласился с мнением многих критиков Временного правительства из числа губернских и армейских делегатов и предостережениями своего

близкого в то время соратника Ф. И. Дана, что необходимо найти способ «нанести удар анархии и при этом не нанести удар самой революции».

Когда Церетели заявлял, что Временному правительству надо дать «неограниченные полномочия» для борьбы с анархией «во всех ее проявлениях», он аргументировал это тем, что анархия и контрреволюция питают друг друга. Но уже 24 июля, убеждая ВЦИК признать и поддержать только что сформированный кабинет, он отмечает важную перемену в «отношениях между демократическими организациями и властью». Если ранее Совет осуществлял контроль, оказывал помощь и принимал участие в мероприятиях власти, то теперь, по его мнению, «Временное правительство должно быть облечено полной властью» и Совет не должен вмешиваться в его работу.

«Государственные интересы» плохо воспринимались как объединяющий лозунг, не излучали того оптимизма, который ранее приносил успех объединительной риторике Церетели в Советах. Лозунг «государственных интересов» противоречил парадигме объединенной революции и не имел исторического резонанса среди меньшевиков. Это была риторика кризиса революции и партии. Новый лозунг помог Церетели объединить вокруг себя не большинство, а лишь самых активных членов партии, которые работали в Советах и правительстве и несли груз ответственности. Эти люди не ждали ничего хорошего от коалиции, но одинаково опасались вдохновляемого большевиками экстремизма и угрозы контрреволюции и положительно восприняли формулу Церетели, оправдавшую меры, с необходимостью которых они, в общем, соглашались.

Другая политическая конструкция того времени, «демократическая программа», также служила общей основой для Церетели и меньшевистских ветеранов-центристов. После отказа второй коалиции выступить с программным заявлением, «демократическая программа» стала не только необходимой частью всех кампаний против анархии и экстремизма, но и сердцевинной меньшевистских инициатив мобилизации тех сил, которые можно еще считать стоящими на стороне революции. Наибольший успех был достигнут на московском Государственном совещании (12–15 августа), когда все «демократические» группы, не только социалистические, поддержали «программу 14 августа». Ставя «демократическую программу» вровень с «государственными интересами», Церетели добился поддержки ее наиболее ревностных сторонников — Б. О. Богданова, Н. С. Чхеидзе и, что особенно важно, Ф. И. Дана. Недавно обнаруженные документы показывают, что в июле Дан был намного политически ближе к Церетели, чем принято считать. Они работали рука об руку во всех перипетиях, предшествовавших образованию второй коалиции. Даже на Объединительном съезде РСДРП (меньшевиков) во второй половине августа, несмотря на продолжение кризиса коалиции, Церетели сохранял достаточно широкую поддержку в партии для обеспечения ее единства и признания правильности своей стратегии.

Корниловское выступление в конце августа побудило меньшевиков к новой попытке найти политическую альтернативу коалиционному правительству. Инициативу на сей раз проявили Дан и Богданов, выступившие за создание общедемократического правительства, которое взяло бы на себя претворение в жизнь «программы 14 августа» и несло бы ответственность перед новым общественным демократическим органом. В отличие от них, Церетели утверждал, что попытка переворота и ее неудача не ставят под сомнение стратегию коалиции. Он заявлял, что связь некоторых кадетов с Корниловым не может исключить саму партию из

потенциального участия в правительстве, и требовал, чтобы Керенскому дали карт-бланш на формирование нового, облеченного всесторонней властью кабинета. Советы, отмечал он, не должны блокировать новую возможность объединить «подлинно жизненные силы страны».

Для Церетели это был последний рубеж защиты коалиции, и держался он с упорством и фанатизмом, напоминающим ленинский. Из старых соратников на данном этапе идейно ближе всего к нему стояли М. И. Скобелев, К. А. Гвоздев и Н. С. Чхеидзе. Других приходилось убеждать и уговаривать, особенно Дана и Богданова. На Демократическом совещании Богданов сознался, что, защищая в течение полугода коалицию, он стал сторонником правительства, ответственного только перед демократией. В период подготовки к Демократическому совещанию Церетели отстаивал свое дело, обращаясь, прежде всего, к меньшевикам — единомышленникам Дана и Богданова, и призывал образовать новое правительство, готовое осуществить «демократическую программу» и принять публичную ответственность. Предостерегая против экстремизма рабочих («сознательные элементы должны бороться против стихии»), он говорил о потребности в сильном правительстве, которое будет пользоваться широкой поддержкой общества. Когда Демократическое совещание открылось, Дан снова был неутомимым, нестигаемым сторонником Церетели и его коалиционной стратегии, позволяя себе лишь чуть-чуть больший упор делать на «программе».

Демократическое совещание 14–22 сентября стало грандиозной ареной выступления Церетели, и оказалось свидетелем его величайшего разочарования. Около 1500 делегатов представляли Советы, армию, трудовые коллективы, кооперативы, земства, городские думы, национальные организации и партии, словом, весь спектр «демократии». Однако сама эта демократия, как и партия меньшевиков, оказалась безнадежно расколота, голосуя то за коалицию, то против, и всегда самым незначительным большинством. Церетели спорил и доказывал, убеждая своеобразный революционный парламент России следовать тому политическому пути, который считал наиболее безопасным. С его ведома Дан сумел провести через ЦК меньшевиков резолюцию, призвавшую Демократическое совещание создать постоянный представительный орган (Предпарламент) и уполномочить его «поддержать организацию власти» Керенским. Церетели представил эту резолюцию Демократическому совещанию как документ, самим им составленный для президиума совещания. Он также внес критическое дополнение к первоначальной резолюции ЦК меньшевиков: условие, позволяющее новому правительству пополнить демократический Предпарламент представителями имущих слоев, если последние войдут в кабинет. Орган, созданный согласно этой резолюции, оказался малодеспособен, различные группировки в нем не могли преодолеть между собой противоречия. Дан, Богданов и другие пытались протащить через Предпарламент основные элементы «демократической программы». Церетели уехал 5 октября из Петрограда к семье в Грузию и вернулся уже после захвата власти большевиками.

На Демократическом совещании Церетели, солнечный оратор марта и апреля, отважный «рыцарь коалиции» (по выражению А. Н. Потресова), подтвердил свою репутацию твердого, убежденного политика. Его концепция мало изменилась, однако обстоятельства теперь были совершенно иными. Церетели утратил оптимизм. По словам В. Д. Набокова, он впервые выказывал признаки паники. По приезде в Тифлис, выступая перед грузинскими социал-демократами, Церетели выразил глубочайшее разочарование тем, как разворачивались события в России.

Он сетовал, что русская демократическая интеллигенция, «в отличие от грузинской», оказалась неспособна исполнить свою роль в революции и поставила вождей революционной демократии перед скучным выбором между коалицией и правительством Советов. Перед лицом этого выбора даже Ю. О. Мартов, лидер меньшевиков-интернационалистов, объявит на одном из заседаний Демократического совещания, что лучше коалиция без кадетов. Дан в последние дни существования Временного правительства обнаружит, что именно коалиция стала барьером на пути тех самых реформ, которые помогли бы избежать большевистского переворота. Ни логика и реализм Церетели, ни его убежденность и умение убеждать других, ни его личное обаяние и ораторское мастерство не смогли заставить коалиционное правительство найти эффективные политические решения.

Роль Церетели в Российской революции 1917 года на этом не закончена. После возвращения в Петроград 7 ноября, уже больше не лидер партии и Советов, он взялся за выработку новой стратегии, нацеленной на предотвращение Гражданской войны; ради этого он даже поддержит Мартова, своего политического оппонента в течение многих месяцев, возглавившего новое партийное руководство. В свою очередь последнее признало роль Церетели в борьбе за сплочение демократических сил России, доверив ему роль основного оратора партии на открытии Учредительного собрания.

Заслуги Церетели в борьбе за демократическую консолидацию на протяжении всего 1917 года должны стать для нас, как и для его современников, частью нашего понимания оптимистических надежд и трагических разочарований того года, основной подхода к изучению жизни и деятельности этого удивительного человека.

Литература

- Церетели И. Г.*: Воспоминания о Февральской революции: В 2-х т. Париж и Гаага, 1968; Грузинская эмиграция и люди. Париж, 1971; Кризис власти. Воспоминания лидера меньшевиков, депутата II Государственной думы. 1917–1918. М., 2007; Речи. Пг., 1917. Т. 1, Тифлис, 1918. Т. 2; Российское крестьянство и В. М. Чернов в 1917 году // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. 12.
- Галили З.* Лидеры меньшевиков в Русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993.
- Галили З., Ненароков А. П.* Кризис коалиционной политики и усиление центробежных тенденций меньшевистской партии // *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. М., 1995.
- Ненароков А. П.*: Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти // *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3. Ч. 1. М., 1996; Церетели И. Г. // *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия*. М., 2009.
- Николаевский Б. И.* И. Г. Церетели: страницы биографии // *Социалистический вестник*. 1959. № 6–10.
- Roobol W. H.* Tsereteli: A Democrat in the Russian Revolution. The Hague, 1976.

| Чернов |

МАЙКЛ МЕЛАНСОН

Виктор Михайлович Чернов (1873–1952) родился в Саратовской губернии в семье местного чиновника, выходца из крестьян. В 1892 году он поступил на юридический факультет Московского университета, где вскоре примкнул к революционному студенчеству. В 1894 году он был арестован и пять лет провел в ссылке в Тамбовской губернии, где его успешная организаторская деятельность среди крестьян оказалась важной вехой его жизни. После возвращения из ссылки он эмигрировал в Западную Европу, где начал решать задачу превращения протоэсеровских групп в партию, отстаивающую интересы крестьян. Крестьянские восстания 1902 года на Юге России подтвердили правоту Чернова и положили начало созданию Партии социалистов-революционеров (ПСР) в той форме, в какой она получила известность в истории.

Чернов быстро приобрел репутацию главного теоретика и составителя программ новой партии. Его неонародническая теория представляла как основу назревающей в России революции триаду революционных классов: радикальная интеллигенция — пролетариат — крестьянство, которое должно стать главной армией и участие которого главное условие революции. Чернов утверждал, что слабая, нерешительная буржуазия России не способна свергнуть самодержавие, эта задача выпадает на долю союза интеллигенции, пролетариата и крестьянства, которые обеспечат и движение к социализму. Программа, выдвинутая в сочинениях Чернова, ориентировалась на интересы пролетариата и крестьянства: для рабочих предусматривались 8-часовой рабочий день, установление минимума заработной платы, рабочего контроля, создание профсоюзов; для крестьян — социализация земли, которая влечет за собой передачу им всей земли и ее обработку согласно общинным трудовым нормам до введения (добровольного) передового сельскохозяйственного использования. Испытывая влияние марксистских идей, Чернов, тем не менее, следовал за Н. К. Михайловским, вводя в свои теории субъективные индивидуалистические и этические элементы, расходившиеся с объективными историческими законами ортодоксального марксизма. Несмотря на свой постоянный интерес к этическим идеям, Чернов продолжал традицию «Народной воли», оправдывая методы террора в борьбе с самодержавием (пример субъективного фактора в его мышлении).

В конце Революции 1905–1907 годов, очевидцем которой он стал после возвращения в Петербург, Чернов критиковал ПСР и социалистическое движение за неспособность свергнуть царизм: вынужденно находясь в подполье, партии не сумели освоить технику согласования разнонаправленных революционных импульсов общества. Чернов твердо вел ПСР по радикальному пути, отвергая реформизм народных социалистов, отколовшихся от правого крыла партии, и экстремизм левых максималистов. ПСР направляла силы на массовую пропаганду и поиск путей к социальной революции.

Когда в 1908 году Е. Ф. Азеф был разоблачен как секретный сотрудник полиции, в ПСР разгорелся спор об оправданности продолжения террора. Чернов счи-

тал, что террор несовместим с этикой и слишком дорого обошёлся партии, и вместе с М. А. Натансоном и Н. И. Ракитниковым выступил против террора. Их аргументация победила. В 1910 году Чернов боролся с новой реформистской ересью в ПСР, носители которой А. Р. Гоц, Н. Д. Авксентьев, М. В. Вишняк и Е. К. Брешко-Брешковская. И он вновь победил: партия твердо отвергла идею отхода с революционного пути.

Когда началась Первая мировая война, Чернов участвовал в совещании эмигрантского руководства эсеров в Швейцарии, которое определяло политику партии в условиях войны. Подход к проблеме войны в значительной степени определяли распространенные до войны идеи о необходимости усиления революционной борьбы против царизма. Авксентьев и его единомышленники хотели отложить на время войны решение революционных задач, тогда как Чернов и Натансон энергично предлагали использовать войну в интересах революции. Согласие между группами эсеров-интернационалистов и оборонцев не было достигнуто ни в эмиграции, ни в России. Вплоть до Февральской революции они шли разными путями.

С помощью Натансона и Камкова Чернов издавал антивоенные газеты «Мысль» и «Жизнь» и помогал создать внутри ПСР интернационалистское движение. В 1914 и 1915 годах Чернов, правда, мягче Натансона, высказывался о поражении российского правительства как предпосылке социалистической революции. Его статьи имели такое влияние и так высоко подняли его престиж, что царские агенты, донося о союзе социалистов-эмигрантов противников войны (эсеры, большевики, меньшевики), изображали главным лидером Чернова. На Циммервальдской конференции социалистов 1915 года Чернов не подписал ее антивоенный манифест и не участвовал в следующей Кинтальской конференции 1916 года, тогда как Натансон с энтузиазмом стал участником обеих международных конференций. В 1916 и начале 1917 годов активность Чернова среди эсеров-эмигрантов заметно снизилась; его антивоенный пыл, вероятно, угас (этот щекотливый момент он обошел в своих воспоминаниях молчанием).

Когда в России разразилась революция, союзные правительства препятствовали возвращению на родину Чернова и других интернационалистов, опасаясь их влияния в антивоенном духе на политический курс новой России. Чернов, однако, отказался ехать через Германию (чем воспользовались Ленин и многие другие большевики, меньшевики, эсеры) и предпочел опасное путешествие через кишачье подводными лодками Северное море.

Приезд Чернова 8 апреля в Петроград имел такое же значение для истории ПСР и всей революции, как возвращение Ленина пятью днями ранее для РСДРП(б) и революции. Если Ленин толкал большевиков с примиренческих позиций на радикальный путь, Чернов на ближайшие несколько судьбоносных месяцев сблизился с такими бывшими оппонентами из лагеря оборонцев, как Авксентьев и Гоц, усилив в партии постфевральскую реформистскую струю. И в ИК Петроградского Совета и несколько недель спустя во Временном правительстве Чернов играл роль, соответствующую его высокому статусу социалистического вождя. Сергей Сосинский в своей диссертации отмечает, что именно Чернов первым предложил Временному правительству передать союзным державам воззвание Петроградского Совета «К народам всего мира». Попытка министра иностранных дел Милюкова свести на нет антивоенный тон воззвания добавлением секретной ноты вызвала Апрельский кризис и изменение состава правительства.

Чернов был одним из лидеров эсеровско-меньшевистской группы сторонников коалиции социалистов и либералов в новом правительственном кабинете, в состав которого он вошел с портфелем министра земледелия. Позиции Чернова летом–осенью 1917 года говорят о смягчении прежнего радикализма (в его воспоминаниях эта эволюция осталась без объяснения). Его объемные сочинения той поры демонстрируют элементы рационализма в мышлении и деятельности. Он считал, в частности, что относительная дезорганизация социалистического движения вызывает необходимость исходной поддержки Временного правительства, так как цензовые элементы на данном этапе лучше подготовлены к взятию управления в свои руки.

Вхождение социалистов во Временное правительство в коалиции с либералами, идею которой социалисты традиционно отвергали, породило более сложную проблему. Условием своего вхождения в правительство Чернов ставил передачу социалистам портфелей министров труда, сельского хозяйства и снабжения, что, по его мнению, создавало основу для перестройки страны по почину социалистов; эта мысль не противоречила его планам быстрого продвижения к социализму, но заметно расходилась с идеями правых эсеров и меньшевиков. Что касается войны, Чернов по-прежнему настаивал, чтобы Россия отказалась от провозглашенных союзниками целей войны и работала на благо мира на основе обновленного Социалистического Интернационала. Но, несмотря на это, он однозначно превратился в революционного оборонца, даже поддержал Июньское наступление на фронте, заявив, что «без наступления нет обороны». Выдвинутый им в оправдание аргумент, что новое правительство отказалось от первоначальных целей войны, представляется слабым, особенно в свете определенной приверженности делу войны умеренных социалистов (Чернов сам сыграл большую роль в политическом падении «Милюкова-Дарданелльского», как он прозвал министра иностранных дел).

Чернов, хотя и косвенно, по-прежнему играл видную роль в партии. Сблизившись с умеренными и оставив ЦК и всю ПСР под их контролем, Чернов обеспечил себе сочувствие (временное и не очень горячее) многих активистов эсеров в своем революционном оборончестве и поддержке Временного правительства, хотя большинство определенно предпочитало быстрее провести земельную реформу, прекратить войну и создать чисто социалистическое правительство. Это обстоятельство способствовало быстрому усилению внутри ПСР левого крыла, которое возглавили дофевральские партийные союзники Чернова. На III съезде ПСР в мае Чернов пытался примирить позиции правых и левых. Его сдвиг вправо в вопросах отношения к войне и правительству несколько ослабил влияние левых; это отразилось и в том, что в новый ЦК ПСР от левых избрали только Натансона (левые составляли около 20% делегатов и получили до 40% голосов). Внутри ПСР зрел конфликт, позднее вызвавший раскол.

Надежды Чернова начать в правительстве социалистическое переустройство страны путем передачи ключевых министерских постов в руки социалистов также оказались необоснованны. Правда, под его руководством Министерство земледелия организовало центральные и местные земельные комитеты, которые должны были заняться перераспределением земли. Эта работа требовала времени, а крестьяне не хотели ждать. Оставив неразрешенными многочисленные социальные проблемы страны, правительство оттягивало выборы в Учредительное собрание и в июне предприняло провальное наступление на фронте. Июльские события вы-

звали падение первого коалиционного правительства. Возле Таврического дворца, резиденции руководства Советов, толпа тогда чуть не растерзала Чернова.

Роль Чернова в восстановлении Временного правительства, которое возглавил Керенский и где теперь большинство министров были социалистами, не вполне ясна, равно как и его отношение к правительственным репрессиям против большевиков, левых эсеров, левых меньшевиков. Возможно, авторитарные тенденции нового правительства были чужды Чернову: уже в июле он угрожал отставкой (вероятно в связи с обвинениями в связях с немцами), а 26 августа, в начале выступления генерала Корнилова, действительно ушёл в отставку. С этого времени Чернов критиковал позиции Временного правительства в земельном и военном вопросах и пытался сдвинуть ПСР с правых позиций в направлении левого центра: именно это позиция в политическом спектре была ему предпочтительнее. С этой позиции он мог атаковать и правых, и левых внутри партии и в сфере публичного дискурса.

Захват власти большевиками толкнул Чернова на необычные действия. Он отправился в Могилёв в Ставку Верховного Главнокомандующего и вместе с Керенским пытался организовать вооруженное сопротивление большевикам и создать альтернативное небольшевистское правительство. После провала этого предприятия (возможно, опасаясь ареста) он вернулся в Петроград лишь в конце ноября, когда состоялся IV съезд ПСР. На съезде преобладали левоцентристские идеи Чернова (переговоры о мире, передача земли земельным комитетам и образование социалистического правительства), а правые лидеры утратили всякое влияние на большинство делегатов. К несчастью, возможность достижения единства членов и сторонников партии уже была безвозвратно потеряна. Исключенные из ЦК ПСР за нарушение партийной дисциплины левые эсеры, провели свой съезд и основали новую партию, претендовавшую на влияние среди крестьян, рабочих и солдат.

Чернов и эсеры отказались признать новое советское правительство Ленина, в которое в декабре вошли левые эсеры, поэтому все свои планы связали с грядущим Учредительным собранием. Выборы принесли эсерам убедительную победу, особенно среди крестьян. Опасаясь угроз Учредительному собранию со стороны большевиков и левых эсеров, Чернов примкнул к Комитету защиты Учредительного собрания. Этот комитет из умеренных эсеров и меньшевиков предпринял меры для обеспечения политической и, в случае необходимости, военной поддержки.

Всероссийское Учредительное собрание открылось 5 января 1918 года. Большинство принадлежало умеренным социалистам. Большевики и левые эсеры выдвигали на пост председателя М. А. Спиридонову, но победил Чернов, ставленник умеренных. В этот памятный единственный день существования Учредительного собрания Чернов проявил примерное мужество и лидерские способности в сложных и опасных условиях. Не обращая внимания на уход большевиков и левых эсеров и на враждебные выкрики полупьяных вооруженных охранников, он спокойно вел заседание, ставя на голосование принятие бесполезных новых законов о земле и провозглашение страны демократической федеративной республикой. Наконец, под непосредственным физическим давлением, он уступил требованию закрыть первое заседание, которое оказалось и последним. С закрытием зала заседаний, расстрелом демонстрации в поддержку Учредительного собрания и прекращением его существования пали надежды эсеров сыграть главную роль в определении судеб страны.

ПСР действовала еще легально, но Чернов вновь ушел в подполье. Из Москвы он беспомощно наблюдал за углублением раскола между большевиками и прочими социалистами, за подавлением рабочего движения, когда оно вновь выразило поддержку коалиции меньшевиков и эсеров, и за разгромом демократически избранных Советов, кульминацией чего стало в июне изгнание из них эсеров и меньшевиков.

Опасаясь «красного террора», Чернов и многие другие эсеры покинули Москву. Чернов в мае уехал из столицы и после рискованного путешествия прибыл 19 сентября в Самару. Там он присоединился к остаткам ЦК ПСР, которые задавали тон в правительстве Комуча. Чернов сходу восстановил свой авторитет, убедив ПСР отозвать свою поддержку Директории, антибольшевистского правительства, образованного в Уфе. Он критиковал консервативную ориентацию Директории, хотя из пяти её членов двое (Авксентьев и Зензинов) были эсерами, впрочем, правыми.

Последним значительным вкладом Чернова в революционный дискурс стало создание так называемой «третьей силы» между крайностями правого и левого (белыми и красными); он сохранял веру в демократию и народ, символ которой выдвинутое им понятие «народовластие». «Третья сила» (эсеры и меньшевик-центристы) была раздавлена между молотом и наковальней, а Чернов и эсеры, преследуемые с обеих сторон, вновь перешли на нелегальное положение.

В конце 1918 года Чернов отстаивал идею вооруженной поддержки дела демократии, но, опасаясь победы белых, воздерживался от левозеро-эсерской политики организации антибольшевистских крестьянских восстаний. Он также решительно отверг соглашение с большевиками против белых, заключенное в начале 1919 года В. К. Вольским, Н. В. Святицким и К. С. Буревым. Во время краткого периода легализации в марте 1919 г. ПСР под руководством Чернова продолжала критику политики большевиков, пока новая волна арестов не вынудила его и других в 1920 года бежать за рубеж. «Третий путь» Чернова не нашел твердой почвы в катаклизме Гражданской войны. До самой кончины в 1952 года Чернов жил в Западной Европе и США.

Неудача дела Чернова, несостоятельность народнического пути, который он предначертал для России, стали настоящей трагедией. Его неонароднический анализ российской социальной структуры был ближе к истине, чем то, что предлагала марксистская догма. Например, его теория российских революционных классов предвосхитила определение социального базиса СССР (интеллигенция, пролетариат, крестьянство). Россия, с её многочисленным крестьянством, нуждалась в руководителях, знавших чаяния крестьян и им сочувствующих. В правительстве или во главе его Чернов мог бы выполнить эту роль. Его демократический пыл контрастировал с безразличием Ленина к демократическим процессам.

Политический провал Чернова был в первую очередь результатом его неадекватности. Слабость воли, которую он самокритично признал в мемуарах (относительно неудачи борьбы с правыми в 1917 года), не была настоящей проблемой, тем более что ему нередко приходилось стойко противостоять грозным оппонентам. Скорее, Чернову не хватало ощущения политической своевременности. После февраля 1917 года, когда требовалась твердость, он колебался и начал действовать лишь тогда, когда посягательства большевиков и раскол внутри ПСР зашли уже слишком далеко. Сразу после 25 октября он ударился в донкихотское предприятие, создание не большевистского правительства в Могилёве, а в это время без него шли переговоры между различными группами социалистов. Обладая бесценными

чертами характера и способностью глубокого видения, он не знал, когда и где предпринять подходящие действия: этот недостаток в сочетании с его личной самоотверженностью был роковым для него как политического вождя в революционной России.

До последнего времени библиография работ о Чернове состояла из диссертации о его теориях, дополненной комментариями в различных историях ПСР. Новая диссертация Сосинского продвигает вперед наше знание о деятельности Чернова в период 1917–1920 годов; предложенная им полная биография Чернова, написана на основе архивных материалов и несомненно поможет оценить карьеру этой ключевой фигуры истории России начала XX века.

Литература

- Чернов В. М.*: Борьба за Учредительное собрание и его разгон // Кентавр. 1993. № 3; Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М., 2007; В. М. Чернов о тоталитаризме. Статьи конца 1930-х — начала 1940-х гг. // Исторический архив. 2008. № 1; В Партии социалистов революционеров: воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2007; Записки социалиста-революционера. Берлин, 1922; Конструктивный социализм. М., 1997; Перед бурей. М., 1993; Рождение революционной России (Февральская революция). Париж, Прага, Нью-Йорк, 1934; Страницы из политического дневника // Вопросы истории КПСС. 1991. № 6; «Я боюсь заграничной оторванности, боюсь эмигрантщины...» Письма В. М. Чернова из Эстонии. 1920–1921 // Исторический архив. 2008. № 5.
- В. М. Чернов человек и политик: материалы к биографии. Саратов, 2004.
- Алексеев Г. Д., Гусев К. В., Манькин А. В.* Чернов В. М. // Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993.
- Аноприева Г., Ерофеев Н.* Чернов В. М. // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия, М., 1996.
- Гусев К. В.* В. М. Чернов: Штрихи к политическому портрету. М., 1999.
- Коновалова О. В.* В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009.
- Церетели И. Г.* Российское крестьянство и В. М. Чернов в 1917 году // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. 12.
- Федоренко А. А.* Чернов В. М. // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009.
- Cross T. B.* Victor Chernov: Reason and Will in a Morality for Revolution. Ph.D. dissertation. Indiana University, 1968.
- Sossinskii S. B.* Pages from the Life of Victor Chernov. Ph.D. dissertation. Boston University, 1995.

| Белые генералы |

ВЛАДИМИР ЧЕРНЯЕВ

Термин «белые генералы» означает военных руководителей Белого движения, разнородного по составу и нацеленного свергнуть диктатуру большевиков, возродить единую Россию и вернуть ей утраченное величие. Эпитет «белый» символизировал в Европе роялизм (цвет лилий Бурбонов), а в России соединение всех цветов спектра антибольшевистских сил, от монархистов до правых социалистов.

Порою белыми генералами называют и атаманов казачьих войск. Однако большинство их, воюя на стороне Белой Армии, не считали белых генералов своими вождями, не разделяли их идеологии и в эмиграции держались обособленно.

Белые генералы выдвинулись благодаря талантам, а не именитому происхождению и протекции. Если барон Врангель, Колчак, Миллер, Юденич — потомственные дворяне, то Алексеев, Деникин, Корнилов вышли из простого народа. Не происхождение формировало их взгляды, а офицерская среда, замкнутая, с собственным кодексом чести. Как опору трона, офицеров оберегали от влияния революционеров и либералов, но развитие России от абсолютизма к думской монархии и общение с интеллигенцией приобщали к либеральным идеям.

Первая мировая война вызвала в России кризис острее, чем в других державах. Желая устранить соперничество военной власти с гражданской и поднять дух армии, Николай II в августе 1915 года сам вступил в верховное командование, а стратегию вверил начальнику штаба Ставки генералу от инфантерии Михаилу Васильевичу Алексееву. Участник войн с Турцией 1877–1878 годов и Японией, профессор Академии Генштаба Алексеев не сумел улучшить стратегическое положение. Негласно связанный с А. И. Гучковым, князем Г. Е. Львовым и другими вождями либеральной оппозиции, он в июне 1916-го предложил создать правительство общественного доверия, подчинив диктатору, и хотел выступить в этой роли. Царь не согласился. В дни Февральского восстания в Петрограде произошел и дворцовый переворот: главнокомандующие фронтами, включая великого князя Николая Николаевича, вынудили Николая II отречься от престола. Прибыв в Ставку, Николай II хотел изменить уже объявленный текст подписанного им отречения и передать престол сыну Алексею, а не брату Михаилу, но было поздно. События имели необратимый характер, и генералитет решил: победа в войне важнее спасения монархии.

Став новым Верховным главнокомандующим, Алексеев назначил начальником штаба Ставки генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина. Потомок крепостных Деникин с 13 лет кормил семью, в войну с Японией участвовал в штыковых атаках и конных рейдах в тыл врага, публиковал острые военные очерки под псевдонимом Иван Ночин, был сторонником конституционных реформ. В мировую войну 4-я стрелковая бригада Деникина за стойкость прозвана «железной», развернута в дивизию, а сам он награжден Георгиевским оружием с бриллиантами.

Вмешательство в военные дела выборных солдатских Советов и комитетов вынудило Алексеева, Деникина и других генералов требовать восстановления дисциплины. На Офицерском съезде Алексеев 7 мая 1917 года призвал спасти Россию. Деникин считал это исходным моментом Белого движения. Уже в мае Алексеев и Деникин были смещены с постов и включились в подготовку военно-республиканского переворота. Диктатором намечался Колчак, затем Корнилов.

Потомок серба-мусульманина Колчак-паши, сын военного инженера Александр Васильевич Колчак прославился как «Колчак-Полярный», гидролог, гляциолог. Он чуть не погиб в поиске пропавшей в Арктике экспедиции барона Э. В. Толля, за исследования удостоен ордена, наград Русского географического общества и Академии наук. Его именем назван остров в Таймырском заливе. За оборону Порт-Артура, после японского плена, его наградили двумя орденами и золотым оружием «За храбрость», кавалерами которого в войну с Японией стали также Корнилов, Дроздовский, Юденич и другие белые генералы.

Штаб-офицер Морского Генерального штаба, эксперт Государственной думы, один из авторов программы военного судостроения и реформы флота, Колчак в мировую войну заграждал минами с моря Петроград, участвовал в боях, командовал Минной дивизией, морскими силами в Рижском заливе. Став 28 июня 1916 года вице-адмиралом и командующим флотом Черного моря, он создал Дунайскую флотилию, заминировал выход из Босфора, готовил штурм проливов. Жёсткий, вспыльчивый, он требовал дисциплины и 6 июня 1917 года смещен Севастопольским Советом, а в июле отослан Временным правительством во главе военно-морской миссии в США наладить минное дело и борьбу с подводным флотом Германии.

Генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, сын сибирского казака и крещеной кочевой казашки, был учеником Алексеева в Академии Генштаба. Азиатская внешность и знание языков позволили ему вести военную разведку в недоступных европейцу районах зарубежной Азии и написать книгу «Кашгария, или Восточный Туркестан». На войне с Японией он штыковой атакой вывел солдат из окружения и получил орден Св. Георгия 4-й степени, давший право на потомственное дворянство. России он стал известен бегством с третьей попытки в июле 1916 года из австрийского плена, где провел год и три месяца. Николай II лично вручил ему второй орден Святого Георгия и предложил стать его генерал-адъютантом в Петрограде, но Корнилов предпочел фронт.

Первый революционный главнокомандующий войсками Петроградского военного округа Корнилов 7 марта 1917 года арестовал императрицу Александру Фёдоровну, а в дни Апрельского кризиса хотел, подобно Наполеону, расстрелять из пушек революционные толпы. Артиллеристы не подчинились. Сдав пост, он отбыл на фронт. Его 8-я армия отличилась в Июньском наступлении. В июле он возглавил Юго-Западный фронт. Стремясь изгнать политику из действующей армии, он добился запрета в ней большевистской пропаганды и восстановления смертной казни за воинские преступления.

19 июля Корнилов передал фронт Деникину, став Верховным главнокомандующим, и в конце августа возглавил попытку переворота с целью разогнать Советы, ввести военно-республиканскую диктатуру и покончить с двоевластием для успешного завершения войны. Керенский объявил его мятежником, армейские комитеты требовали военно-революционного суда. Временно возглавив штаб

Ставки, Алексеев арестовал корниловцев, чтобы спасти от самосуда. В Быховской тюрьме генералы Корнилов, Деникин, А. С. Лукомский, С. Л. Марков, И. П. Романовский, И. Г. Эрдели рождали в спорах программу Белого движения. Она включала установленный демократической революцией принцип непредрешения формы государственного строя до созыва Всероссийского Учредительного собрания и продолжение войны. В альбоме узников Корнилов писал: «Чем тяжелее положение, тем смелее вперед». Корниловское выступление генерал-лейтенант Н. Н. Головин назвал жёлудем, из которого вырос дуб Белого движения.

Днём начала Белого движения генерал-майор А. А. фон Лампе считал 2 ноября 1917 года, день приезда Алексеева и членов его тайной офицерской организации в Новочеркасск для формирования армии. Затем прибыли и Корнилов с соратниками. 27 декабря «Алексеевскую организацию» переименовали в Добровольческую армию. Её политическая программа включала борьбу с Германией и большевизмом, установление временной сильной власти и правового порядка, денационализацию промышленности.

Вокруг Алексеева собирались монархисты. Соратники Корнилова пели: «Мы былого не жалеем, царь нам не кумир...». Компромиссом стало непредрешение формы государственной власти до нового Учредительного собрания, которое предполагали созвать после очистительной диктатуры с хорошим кровопусканием. Алексеев называл Корнилова неумным сумасбродом, а тот его — двуличной посредственностью. Их неприязнь, соперничество, ссоры грозили развалить армию.

Выход нашел Деникин: гражданскую власть возглавил Верховный руководитель Алексеев (помощник — генерал от кавалерии А. М. Драгомиров), а армию — Корнилов (помощник — Деникин, начальник штаба — Лукомский). При штурме Екатеринодара 31 марта (13 апреля) 1918 года Корнилов смертельно ранен и умер на руках Деникина. Красные нашли могилу, глумились над трупом, сожгли, развеяли прах.

Армию возглавил Деникин (помощник — Лукомский, начальник штаба — Романовский). Предложение Алексеева возродить девиз «За Веру, Царя и Отечество» Деникин отклонил: «Если выкину республиканский флаг — уйдет половина добровольцев, если выкину монархический — уйдет другая, а надо спасти Россию». В основу его девиза «Единая, великая и неделимая Россия» лег лозунг якобинцев «Республика единая и неделимая», измененный в духе непредрешенства. Это был призыв восстановить единство страны, разрушенной, ослабленной, расчлененной. Деникин запретил употреблять слово федерализм, а сепаратизм считал изменой. Уроженец Польши, сын православного великоросса и полячки-католички, он видел в русском национализме помеху Белому движению. Разделяя взгляд историка В. О. Ключевского на национальное, религиозное и культурное единство великороссов, малороссов и белорусов — трех ветвей русского народа, он считал Петлюру проходимцем, агентом Германии и Австро-Венгрии, возбуждавших «украинский вопрос» для ослабления России и превращения славян в навоз для удобрения германской культуры (Düngervölker).

25 сентября (8 октября) 1918 года от воспаления легких умер Алексеев. В руках Деникина соединились военная и гражданская власть, полномочия диктатора и после соглашения в январе 1919 года с Войском Донским — главнокомандование Вооруженными силами Юга России. «Царь Антон» прозвали его офицеры. В его Особом совещании (правительстве) преобладали правые, включая председателей генералов

Драгомирова, затем Лукомского. Сам Деникин шутил, что кадеты украли его программу. Он опирался на законодательство Временного правительства, уравнившего в правах всех граждан независимо от национальности, вероисповедания, социального происхождения, но вынужден был признать казачьи привилегии. Вопрос о государственном строе отодвигался до «будущего правомочного органа народной воли». Исходя из неприкосновенности собственности, Деникин велел готовить передачу помещичьей земли малоземельным крестьянам путем соглашения или принудительной продажи и разработать совместно с предпринимателями и рабочими рабочее законодательство, включающее 8-часовой рабочий день, развитие профсоюзов, страхование, охрану здоровья. Он указал: «Прессе содействующей помогать, несогласную — терпеть, разрушительную — уничтожать».

Антанта сочла белых генералов приемлемой альтернативой большевикам и поделила черноморское побережье на зоны влияния: кавказское — англичанам, прочее — французам. Франция нуждалась в России как восточном противовесе Германии, но пока в этой роли видела Польшу, поддержала её территориальные претензии к России и желала создать из малых государств «санитарный барьер» от большевизма. Великобритания на словах одобряла Деникина, а на деле, питая смесь недоверия, страха и ненависти к России, хотела ослабить и расчленить давнего соперника, поощряла сепаратистов Кавказа под видом защиты права наций на полное самоопределение, чем вызвала в декабре 1919 года протест Деникина в английской печати.

Деникин игнорировал Временное Всероссийское правительство (Директорию) эсера Н. Д. Авксентьева. В ночь на 18 ноября 1918 года оно свергнуто, члены Съезда членов Учредительного собрания (бывший Комуч) арестованы и некоторые убиты. Степень причастности Колчака к перевороту исследована недостаточно. Сам он её отрицал. По мнению П. Н. Милюкова, назначением Колчака Верховным Правителем и Верховным Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами России завершилось оформление Белого движения во всероссийском масштабе.

Колчак обещал установить порядок и законность, предоставить народу выбор формы правления, признал все прежние соглашения с Антантой, объявил основой возрождения России зажиточных крестьян, создал путем мобилизации крупнейшую Белую Армию. Он располагал бескрайними хлебными просторами Сибири и Урала, частью золотого запаса России и вначале поддержкой кадетов, народных социалистов, правых эсеров, меньшевиков, «Единства» (им хотелось конституционного диктатора демократии, русского Вашингтона). Но лозунг «Диктатура во имя демократии» претворился в возврат земли помещикам, расстрелы забастовщиков, пленных, бунтарей. «Расстреливали интеллигенцию, пороли целыми деревнями крестьян, душили прессу, громили профессиональные союзы и кооперативы», — писал Керенский. Партии эсеров и меньшевиков осудили режим Колчака как «большевизм наизнанку», но их лозунг «Ни Ленин, ни Колчак» сыграл на руку Ленину.

Верховенство Колчака первым признал в январе 1919 года генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич. За разгром в мировую войну турецкой армии его сравнивали с Суворовым, но Керенский сместил 31 мая 1917 года за противодействие указаниям. С 1918-го Юденич собирал силы в Прибалтике, надеясь внезапным ударом взять Петроград. 10 июня 1919 года Колчак назначил его Главнокомандующим на Северо-Западе России. Толкая в поход маленькую, плохо

вооруженную Северо-Западную армию, Великобритания обещала помощь своей эскадры и обманула. Барон Густав Маннергейм, желая создать основу будущих отношений с белой Россией, предлагал участие армии Финляндии во взятии Петрограда, но Колчак отверг его условия (признать государственную независимость Финляндии и уступить ей часть Карелии с Олонцом и выходом к Ледовитому океану). Эстония с благословения британцев предпочла мир с РСФСР, предала Юденича, отказалась (как и Латвия с Финляндией) пропустить его разбитую армию к Миллеру или Деникину и после жестокого глумления и грабежа на границе интернировала. Распустив армию, Юденич доживал под Ниццей.

30 апреля 1919 года верховенство Колчака признал его друг, генерал-губернатор Северной области генерал от кавалерии Евгений Карлович Миллер. В апреле 1917 года за приказ солдатам снять красные банты его отстранили от командования корпусом и отослали в Италию представителем Ставки. Колчак назначил его Главнокомандующим войсками области и Главным начальником Северного края. С капитуляцией Германии Антанта утратила интерес к Северу России и в августе-сентябре 1919 года увела свои войска. Миллер лишился поддержки и 19 февраля 1920 года тайно бежал за рубеж с правительством и штабом. Покинутая армия продолжала борьбу до марта.

Деникин свое подчинение Колчаку оформил приказом лишь в июне 1919 года. Требовали союзники, но мешали военная ревность и опасение, что колчаковская власть поглотит деникинскую. Колчак назначил его своим заместителем.

Взяв Царицын, Врангель убеждал идти на соединение с Колчаком, но Деникин отдал приказ о походе на Москву по трем расходящимся направлениям, предпочёл, как съязвил Врангель, «бить не кулаком, а растопыренными пальцами». Однако Красная Армия упредила возможность соединения, отесняя Колчака за Урал.

В октябре Деникин подошел к Туле, главному арсеналу красных. Боевой союз с Польшей, казалось, обрушит красный фронт. Однако Пилсудский хотел, чтобы белые связали силы красных, но победителями не стали, и в решающий момент по стовору с красными прервал бои. Позднее Деникин в работе «Кто спас советскую власть от гибели?» (Париж, 1937) указал: Польша. Красная Армия отбросила белых в Крым и на Кубань. Рухнувший фронт спас командир корпуса Я. А. Слещов, не впустил в Крым численно превосходящие в десять раз красные войска и стал генерал-лейтенантом, с правом именоваться Слещов-Крымский.

Помощник Колчака генерал-лейтенант Д. В. Филатьев признал: «На горе нам Колчак умел ставить себе политические цели, но лишен был чувства осязания политических возможностей данной минуты, жил вне времени и пространства... Ответственность должны с ним разделять все его министры и особенно старшие генералы царской службы. Они обязаны были указать адмиралу на его непростибельные, чудовищные ошибки по руководству армией и подать ему коллективный мотивированный совет уйти от дела, которое он вести не может. Тогда могло бы не быть ни сибирской катастрофы, ни личной трагедии адмирала Колчака».

Разгромленный Колчак в ноябре отбыл из Омска на восток с эшелонном золота и драгоценной урановой руды. Роковым препятствием на пути стал захват власти в декабре в Иркутске эсерами, объявившими Колчака «врагом народа». Под давлением соратников Верховную власть Колчак 4 января 1920 года передал Деникину, а на Востоке военную и гражданскую — атаману Г. М. Семёнову, отказался бежать в Монголию и пересел в поезд союзников. Под Иркутском чехословацкие легионеры с одобрения главы союзных войск генерала Жанена 15 января обменяли Колча-

ка на возможность проезда во Владивосток. Эсеры 21 января сдали власть и Колчака большевикам. После допросов, по секретному приказу Ленина, без суда Колчак 7 февраля расстрелян и сброшен в ледяную прорубь.

Деникин сокрушался в приказе по армии: «Народ с восторгом встречал наши войска, но многие вели себя не лучше большевиков, и массы от них отвернулись, а без опоры на народ никакая борьба не возможна». Его замыслы имели катастрофическое воплощение. Помещики отнимали у крестьян свой скот и инвентарь. Промышленники пренебрегали рабочими. Командующий Добровольческой армии генерал-лейтенант В. З. Май-Маевский сочетал дар полководца с пьяным разгулом и считал военную добычу двигателем успеха, на три дня отдал солдатам Харьков на разграбление. Грабежами и жестокостью отличились генералы К. К. Мамонтов, В. Л. Покровский, А. Г. Шкуро и др. Под лозунгом «Это вам за Троцкого» армия устраивала еврейские погромы. Врангель корил Деникина: «Армия, воспитываемая на произволе, грабежах и пьянстве... не могла создать Россию».

Глава деникинского Управления иностранных дел С. Д. Сазонов назвал Деникина «превосходным солдатом, посредственным полководцем, плохим политиком и никуда не годным дипломатом». За сепаратизм Деникин разогнал Кубанскую Радугу, а ее члена, борца за независимую Кубань, протоиерея Алексея Калабухова повесил как изменника на площади Екатеринодара. Верховный круг Дона, Кубани и Терека порвал с Деникиным, и ему пришлось спешно эвакуироваться в Крым, оставив на произвол судьбы часть армии, всю артиллерию и конский запас. Белое дело было почти проиграно. Впав в отчаяние, Деникин подал в отставку. По выбору Военного совета он назначил Главкомандующим Врангеля и отбыл за рубеж.

Современный биограф Деникина Г. М. Ипполитов так его оценивает: «Честность, храбрость, мужество, доблесть, твердость, гражданское упорство, уравновешенность, спокойствие, обаяние, ораторское искусство, оптимизм — уживались с излишней солдатской прямолинейностью, отсутствием дипломатического дара, грубостью с солдатами, нетерпимостью к чужому мнению, нескромностью в боевых заслугах, излишним честолюбием, пессимизмом, периодической склонностью к суициду в минуты отчаяния».

Барон из старинного германо-датско-шведского рода Петр Николаевич Врангель имел среди предков шведского фельдмаршала и Абрама Ганнибала. Сын предпринимателя, в молодости близкого к Герцену и Бакунину, и писательницы, Врангель окончил с золотой медалью Горный институт, но предпочел конную гвардию, отличился в войне с Японией, умирал крестьян в Прибалтике. Во главе эскадрона 6 августа 1914 года он атаковал под Каушеном (Восточная Пруссия) германскую артиллерию, захватил два орудия и заслужил орден Св. Георгия 4-й степени (первым в мировую войну), затем Георгиевское оружие. В Белую Армию он вступил в августе 1918 года, командовал с января 1919-го Кавказской и в декабре 1919-го Добровольческой армиями. Статный, под два метра ростом, крайне честолюбивый, порывистый, настойчивый и смелый до дерзости, он умел увлечь в бой и развить удачу в победу. За освобождение Кубани его с семьей приняли в кубанское казачество. За чёрную кубанскую черкеску Врангеля прозвали «чёрный барон».

Д. В. Лехович вспоминал: «Врангель обладал красивой наружностью и светским блеском офицера одного из лучших кавалерийских полков старой императорской гвардии. Был порывист, нервнен, нетерпелив, властен, резок и вме-

сте с тем имел свойства реалиста-практика, чрезвычайно эластичного в вопросах политики. Деникин же, человек негибкий, никогда не искавший власти, к тому времени разочарованный в своих помощниках, сдержанный, скупой на слова, сохранил в себе, несмотря на все превратности судьбы, некоторые черты идеалиста-романтика, сосредоточенного на внутреннем мире своих принципов и взглядов на жизнь, увы, так резко расхопившихся с действительностью. Врангель по натуре был врожденным вождем и диктатором; Деникин видел в диктатуре лишь переходную фазу, неизбежную в условиях гражданской смуты».

Главнокомандующий Русской армией, Правитель Юга России Врангель говорил: «Мой режим — не монархия, не республика, это администрация»; Русская армия воюет «не за монархию, не за республику, а за Отечество». Правительство возглавил один из лучших царских министров А. В. Кривошеин, контрразведку — бывший директор Департамента полиции генерал-лейтенант Е. К. Климович, управление внешних сношений — П. Б. Струве.

Добываясь поддержки, Врангель принимал депутации крестьян и рабочих, отменил реквизицию хлеба, узаконил выкуп захваченных земель деньгами или хлебом в течение 25 лет (т. е. до 1945 года), возродил земское самоуправление, разрешил профсоюзы и открыл лавки с дешевыми продуктами для рабочих, ввел преподавание на родном языке для крымских татар. Он признал автономию Дона, Кубани и Терека и призвал объединить различные части России в широкую федерацию, основанную на добровольном соглашении и общности интересов. Следуя принципу «хоть с чёртом, да за Россию», он пытался переманить Будённого, заключить союз с республиками Закавказья и Прибалтики, Пилсудским, Петлюрой, Махно и под своим началом вовлечь в борьбу. Готов он был и на мир независимого Крыма с РСФСР. «Левая политика правыми руками», — определил его правление Струве.

Свобода печати исчезла, партийная жизнь замерла. Коррупция чиновников способствовала хищениям, взяточничеству и спекуляции. Тыл рушился. Население озлоблялось. Крестьяне не желали менять хлеб на обесцененные рубли и его изымали. Генерал от инфантерии А. П. Кутепов укреплял дисциплину рабочих, вешая их на столбах. «Гроза фронта и тыла» Слащов заглушал боль боевых ран кокаином и пьянством и так часто вешал не только виновных, что после разгрома под Каховкой в июле 1920 года ему пришлось лечиться от душевной болезни.

Великобритания ультимативно требовала ограничиться обороной Крыма, прекратила помощь и проявляла враждебность. Франция признала правительство Врангеля, но армию снабжала кое-как и вынудила наступать для спасения Пилсудского. Некоторую помощь оказали США. Без поддержки союзных держав борьба была невозможна, а они, как позднее писал генерал-майор А. А. фон Лампе, «работали на себя, и “помощь” их белым была далеко не так реальна, как это принято изображать». Перемирие Польши с РСФСР ускорило взятие красными Крыма.

Эвакуацию армии и флота Врангель заранее подготовил и успешно провел под покровительством Франции. В возмещение расходов она брала в собственность эвакуируемые русские военные и торговые суда и почти всё армейское имущество. На 126 судах под французским флагом в ноябре 1920 года в Константинополь отбыли более 146 тыс. беженцев. Последним на крейсере «Генерал Корнилов» Врангель покинул Крым, где большевики начали зачистку. «Расстреливали через второ-

го. А если оставить только интеллигенцию — то окажется, что расстреливали двух из трех», — свидетельствовал поэт Максимилиан Волошин, сам едва не расстрелянный.

Эмигранты спорили: плохая политика или плохая стратегия стубили Белое движение. Белая Армия имела больше военных профессионалов, чем Красная. В эмигрантской и зарубежной историографии высказана мысль, что боевой успех в гражданской войне весьма зависит от политики, создающей моральные факторы. Разумеется, белые генералы, в большинстве бескорыстно честные патриоты, проиграли не только из-за военных ошибок, несогласованности действий, ревнивого соперничества и идейной разобщенности друг с другом и с казачьей элитой и из-за своекорыстия и предательств союзных держав. Белые генералы не имели ясной, привлекательной для народа идеологии и не сумели создать государственную власть, обеспечить законность и защиту населения от мародерства.

3 ноября 1921 года ВЦИК издал декрет об амнистии. На родину вернулись более 10 тыс. воинов и более 20 генералов, включая казачьих. Сам Дзержинский встречал 21 ноября в Севастополе Слащова, за ссоры с Врангелем разжалованного судом чести в Константинополе. В Москве он стал секретным сотрудником ОГПУ, включился в пропаганду против Врангеля, преподавал тактику в Школе высшего состава «Выстрел». В 1929 году его застрелил курсант, как объявили в мсть за казненного брата. Слащов — прообраз генерала Хлудова в драме М. А. Булгакова «Бег».

Возвращенцы генералы Ю. К. Гравицкий (пожарник ВСНХ), Е. И. Зеленин (юрист Маслоцентра), И. Л. Николаев (кладовщик «Кооппитания»), А. С. Секретёв (инструктор кавалерии ОГПУ), бывший начальник штаба Кутепова генерал-лейтенант Е. И. Достовалов были обвинены в заговоре и шпионаже и расстреляны. Возможно, кто-то из них действительно хотел создать белое подполье (см.: *Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 гг. М., 2000*).

За рубежом белые генералы П. Н. Шатилов и Эрдели работали парижскими таксистами, фон Лампе — статистом в немецком кино и торговым агентом автомобильной фирмы, М. К. Дитерихс — главным кассиром Франко-китайского банка, В. Д. Косьмин — сторожем в банке, Врангель — горным инженером. На военную службу брали редко. Генерал-лейтенант А. В. Шварц преподавал в Академии Генштаба Аргентины, генерал-майоры И. Т. Беляев и Н. Ф. Эрн — в Военной школе Парагвая, отличились в войне с Боливией 1932–1935 годов. Став генерал-инспектором армии Парагвая, Эрн провёл ее реорганизацию. Для сохранения «закваски Святой Руси» Беляев пытался переселять белых эмигрантов в Парагвай, затем возглавил Ассоциацию индианистов, создал индейцам сельскохозяйственную школу. Когда он умер в 1957 года, Парагвай объявил траур по своему национальному герою, назвал его именем пять улиц столицы. Хоронили его индейцы по своему обряду.

Желая объединить рассредоточенных в зарубежье воинов, привести в стройную систему офицерские союзы и общества, продлить существование армии в виде воинского союза и сохранить боеготовность и дух борьбы, Врангель приказом от 1 сентября 1924 года создал и возглавил Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). Положение РОВС разработал генерал-лейтенант П. А. Кусонский. Штаб РОВС находился в сербском городе Сремски Карловцы, с 1927 года — в Париже.

РОВС насчитывал в 1925 году 40 тыс. чинов, с 1926 года принимал молодежь, по образцу Академии Генштаба создал в 1927 году Зарубежные высшие военно-научные курсы профессора Н. Н. Головина (в Париже, с отделениями в Белграде, Праге, Буэнос-Айресе) и Офицерскую школу усовершенствования военных знаний в Болгарии.

Врангель считал, что воинские начала несовместимы с политикой, а лозунг монархии преждевременен. Он запретил исполнять гимн «Боже, Царя храни...» и отказался сотрудничать с великим князем Кириллом Владимировичем, который учредил Корпус офицеров Императорской Армии и Флота и принял титул Императора Всероссийского. Вступивших в КИАФ исключали из РОВС.

Деникин, жил безденежно, натуральным хозяйством и литературным трудом, сторонился РОВС и великих князей, дружил с Шмелёвым, Бальмонтом, Буниным и другими писателями, главным делом считал свои «Очерки русской смуты». В них анализ Революции 1917 года и Гражданской войны основан на белых архивах и беседах с соратниками, честно признаны свои и чужие ошибки. На полях первого тома «Очерков» Ленин насмешливо начертал: «Автор “подходит” к классовой борьбе, как слепой щенок». Пасквилом «мелкого заурядного плебея» назвал «Очерки» Врангель. Готовя к печати свои «Записки» о 1916–1920 годах, Врангель смягчал характеристики и всё же вывел из себя Деникина и его немногочисленных сторонников.

Легитимистам («кирилловцам») противостояли «николаевцы», монархисты признавшие главным носителем законной власти великого князя Николая Николаевича.

Под давлением уговоров, что битый генерал должен уступить место небитому, Врангель 16 ноября 1924 года передал великому князю Николаю Николаевичу возглавление РОВС и начал оттесняться «николаевцами».

Глава секретной работы РОВС по-солдатски прямолинейный Кутепов и престарелый великий князь Николай Николаевич запутались в паутине операции ГПУ «Трест». Ее разоблачение вызвало в РОВС требования вернуть возглавление Врангелю, но 25 апреля 1928 года он умер в Брюсселе. Историки спорят: был это скоротечный туберкулёз или отравил советский агент, как считала семья (*Бортневский В. Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996). В 1929 году Врангеля перезахоронили в Белграде, в Свято-Троицком храме, тогда кафедральном соборе Русской Православной Церкви за границей, где хранились знамёна его Русской армии.

Новый председатель РОВС Кутепов засылал в СССР террористов. Большинство их гибло. 26 января 1930 года в Париже летучая группа Яши Серебрянского (чекист Яков Бергман, бывший эсер-максималист) похитила Кутепова, и он погиб. Его преемник, осторожный генерал Миллер берет кадры и омолаживал РОВС, создал молодежные отряды. Мятаж Франко в Испании Миллер воспринял как продолжение Белой борьбы и направлял белых добровольцев. Шатилов стал связным РОВС с Франко, но тот мало доверял русским. На стороне мятежников сражались генералы Н. В. Шинкаренко и А. В. Фок. Деникин был против участия в этой войне, считая, что русских военных надо беречь для русского дела.

Пока в эмиграции спорили монархия или республика на мировой арене укрепилась фашизм, нацизм и сталинизм. В приказе по РОВС 2 января 1937 года Миллер указал: «Мы, чины РОВСа, являемся как бы естественными, идейными фашистами. Ознакомление с теорией и практикой фашизма для нас обязательно».

Итальянский фашизм и германский национал-социализм давно увлекали некоторых белых генералов. Колчаковец, генерал-лейтенант К. В. Сахаров в книге «Белая Сибирь» (Мюнхен, 1923) утверждал: «Белое движение по самой сути своей являлось первым проявлением фашизма». В руководстве «Национальной организации русских фашистов» (создана в 1924-м) были генерал-майоры С. Ц. Добровольский и П. В. Черский. Первый председатель Всероссийской фашистской партии в Харбине в 1931–1932 годах колчаковец, генерал-лейтенант В. Д. Космин засылал фашистов в СССР шпионить для Японии.

Приход к власти Гитлера генерал-майор А. В. Туркул воспринял как торжество Белой идеи. Его с соратниками Франция выслала в Германию. Там он вышел из РОВС, создал в 1936 году «Русский национальный союз участников войны» с девизом «Бог, Нация, Социальная справедливость» и идеалом «фашистской монархии» и в 1937 году примкнул к Российскому фашистскому союзу Родзаевского.

Генерал-майор князь П. М. Авалов (П. Р. Бермондт), в 1919 году командующий Западной Добровольческой армией, возглавлял в Германии в 1933–1939 годах «Партию российских освободителей — Российское национал-социалистическое движение». Его соратник генерал-майор В. В. Бискупский, в 1919-м глава Западнорусского правительства в Берлине, после «Пивного путча» 1923 года прятал Гитлера, в 1936 г. был назначен им главою Управления по делам русской эмиграции. Бискупский и Авалов тесно сотрудничали с великим князем Кириллом Владимировичем.

Генерал-майор Н. В. Скоблин не только руководил секретной работой РОВС. Как секретный агент советской разведки он использовался ею и в игре с Абвером. 22 сентября 1937 года в Париже Скоблин увлек Миллера на тайную встречу с офицерами Абвера. Роль их сыграли советские разведчики. И 30 сентября в Москве во Внутренней тюрьме НКВД на Лубянке появился секретный узник. 11 мая 1939 года Миллера расстреляли и сожгли в крематории Донского монастыря.

Разоблачение Скоблина (агент «Ёж-13», «Фермер») сорвало советский план продвинуть его на пост главы РОВС и он стал не нужен. Его выбросили из самолета, летевшего в Испанию, и Москва печатно объявила его агентом Абвера.

Белые генералы дали показания на процессе жены-соучастницы Скоблина певицы Надежды Плевицкой. Умерла она в 1940-м в каторжной тюрьме (*Прянишников Б. В.* Незримая паутина. ВЧК–ОГПУ–НКВД против белой эмиграции. СПб, 1993; *Млечин Л. М.* Алиби для великой певицы. М., 1997; *Очерки истории российской внешней разведки.* М., 1997. Т. 3). Ее тюремный дневник хранится в Бахметевском архиве и частично опубликован (*Московский наблюдатель.* 1993. № 2–3). Версия, что в действительности советским агентом был не Скоблин, а генерал Кусонский, который ловко подставил Скоблина при похищении Миллера (*Гаспарян А. С.* ОГПУ против РОВС. Тайная война в Париже. 1924–1939 гг. М., 2008), выглядит не убедительно, лишь набрасывает тень подозрений на Кусонского. В истории военной эмиграции вопрос о советских агентах пока остается важным пробелом.

Преемники Миллера генералы Ф. Ф. Абрамов (сын его оказался агентом ОГПУ) и с 1938 года генерал А. П. Архангельский придерживались выжидательной тактики. В 1938 году РОВС признал признал осиротевшего великого князя Владимира Кирилловича главой Императорского Дома, но примирение не означало подчинения и отказа от непредрежденства. Архангельский реорганизовал и усилил РОВС. 40 его чинов сражались на стороне Финляндии, когда в 1939 году на неё напал СССР.

Деникин видел задачу эмиграции в борьбе против коммунизма и пангерманизма для восстановления России в её естественных границах и отвергал союз с Гитлером. По поручению Деникина генерал-лейтенант П. К. Писарев в 1939 году тайно возглавил «Союз оборонцев». Когда Гитлер вторгся в СССР, деникинец, генерал-лейтенант П. С. Махров направил советскому послу просьбу зачислить в Красную Армию и попал в гитлеровский концлагерь.

Гитлер не скрывал, что считает русских неполноценной расой и хочет расширить жизненное пространство Германии, уничтожив Россию как государство. И всё же многие в военной эмиграции надеялись использовать Гитлера в своей борьбе за Белую Россию, но сами оказались использованы. В 1941 году Архангельский и фон Лампе предлагали Германии помощь белых в войне с большевизмом. Не доверяя белым генералам, нацисты помощь отклонили, скорее готовы были поверить пленному красному генералу Власову. Назначенный немцами шеф русской эмиграции в Сербии генерал-майор КИАФ М. Ф. Скородумов с монархистами-легитимистами создал на основе местных чинов РОВС Русский корпус и объявил, что поведет в Россию. Нацисты его сместили за самоуправство. Его преемник врангелевский генерал-майор и генерал-лейтенант Вермахта (хотя крещёный еврей) Б. А. Штейфон вместе с немцами сражался против партизан Тито, истреблявших русских эмигрантов, даже детей, женщин и священников.

Комитет освобождения народов России (правительство А. А. Власова, созданное с разрешения рейхсфюрера СС Г. Гимmlера) с участием белых генералов Абрамова, фон Лампе, Туркула и др. унаследовал казну Врангеля. Подонками назвал Деникин пособников Гитлера. В обращении по случаю 27-летия Добровольческой армии 15 ноября 1944 года он указал: «Судьба России важнее судеб эмиграции». Он радовался победам Красной Армии, но его ожидание, что патриотичный подъём в СССР сметёт кровавую диктатуру Сталина, не сбылось. Переехав в 1945 году в США, Деникин подвергся там травле левых и правых. В меморандуме правительствам США и Великобритании 11 июня 1946 года он предостерег от вторжения в СССР с целью расчленения. Его работу над книгами «Путь русского офицера» и «Вторая мировая война, Россия и зарубежье» оборвала смерть 7 августа 1947 года в больнице Мичиганского университета (Анн-Арбор).

Желая объединить белых с уцелевшими власовцами, Архангельский и великий князь Андрей Владимирович создали в 1949 году Совет зарубежного воинства. Последние начальники РОВС в звании генерала фон Лампе в 1957–1967 годах, затем до 1979-го В. Г. Харжевский в основном сохраняли наследие военной эмиграции. Последним белым генералом считается В. Н. Выгран, умерший в 1983-м.

Белая эмиграция расходясь в оценке отдельных лиц (*Алексеева-Борель В. М.* Сорок лет в рядах Русской Императорской Армии: генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000; *Кобылин В.* Анатомия измены. Император Николай II и Генерал-адъютант М. В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. Нью-Йорк, 1970; СПб., 1998), рисовала белых генералов рыцарями патриотического движения, а социалисты-эмигранты — реакционной военщиной. Западные историки видели в них либеральную альтернативу большевизму, а советские — вождей буржуазно-помещичьей контрреволюции, монархистов, ставленников международного империализма.

С крахом коммунистического строя отношение к белым генералам менялось. В 1992 году открыт памятник Корнилову на месте его гибели, в 2003 году — Маркову в Сальске, в 2004 году — Колчаку в Иркутске и в 2005 году вернули его имя остро-

ву в Таймырском заливе. Первыми из белых генералов перезахоронены на родине, в Донском монастыре Москвы Деникин в 2005 году и рядом с ним в 2007 году колчаковец генерал-лейтенант В. О. Каппель, чей прах перевезён из Харбина.

Документы о белых генералах хранят Государственный архив Российской Федерации (фонды Алексева, барона Врангеля, Деникина, Колчака, Миллера, фон Лампе, Лукомского, РОВС и др.), Российский государственный военно-исторический архив, Российский государственный военный архив, Центр хранения историко-документальных коллекций, Библиотека-фонд «Русское зарубежье». За рубежом большинство документов находится в США: Архив Гуверовского института войны, революции и мира (коллекции Абрамова, Алексева, Архангельского, барона Врангеля и его матери, Колчака, Кусонского, фон Лампе, Лукомского, Миллера, Юденича и др. — частично доступны в Коллекции микрофильмов ГАРФ), Бахметевский архив Отдела редких рукописей Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке (коллекции РОВС, Архангельского, Деникина, Кутепова, фон Лампе, Юденича и др.), Фонд особо секретных документов РОВС в Свято-Троицком монастыре (Джорданвилл, штат Нью-Йорк), Собрание Марка Бристоля Библиотеки Конгресса США (Вашингтон), Архив Толстовского фонда (штат Нью-Джерси).

В России издают мемуары белых генералов и о них, сборники документов и исследования. Задачами исследователей остаются научная публикация важнейших источников, составление библиографии трудов белых генералов и о них и исследование противоречивой неоднозначности Белого движения.

Литература

- Бароны Врангели. Воспоминания. М., 2006.
- Белый Север. 1918–1920. Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1, 2.
- Верховный правитель России: документы и материалы Следственного дела адмирала А. В. Колчака. М., 2003.
- Врангель П. Н. Главнокомандующий. М., 2004.
- Генерал А. П. Кутепов: Воспоминания. Минск, 1999.
- Голдин В. И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск, 2006.
- Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917 — июнь 1918. Документы: В 2-х т. М., 2003.
- Деникин А. И.: Очерки русской смуты: В 5 т. Париж; Берлин, 1921–1926; М., 2003; Путь русского офицера. М., 2006; Старая армия. Офицеры. М., 2006.
- Деникина-Грей М. А. Генерал Деникин: Воспоминания дочери. М., 2005.
- Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель. М., 2006.
- Ипполитов Г. М. Деникин. М., 2006.
- Колчак В. И., Колчак А. В. Избранные труды. СПб., 2001.
- Лехович Д. Белые против красных. Судьба генерала А. Деникина. М., 1992.

Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Документы и материалы. М., 1998–2007. Т. 1– 4 (издание продолжается).

Рутыч (Рутченко) Н. Н.: Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-западной армии. М., 2002; Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М., 2002.

Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920). СПб., 1998.

Ушаков А. И., Федюк В. П. Лавр Корнилов. М., 2006.

Черкасов-Георгиевский В. Г. Генерал П. Н. Врангель. Последний рыцарь Российской империи. М., 2004.

Luckett R. The White Generals. N. Y., 1987.

Ч А С Т Ь

IV

ПАРТИИ,
ДВИЖЕНИЯ,
ИДЕОЛОГИИ

Конституционно- демократическая партия (кадеты)

УИЛЬЯМ Г. РОЗЕНБЕРГ

Попытка кадетов вести Россию к конституционной демократии в 1917 году олицетворяет кульминацию многолетнего усилия «вестернизировать» императорскую Россию в государство и империю, руководимые и управляемые на правовой основе. Интеллектуальное происхождение этого тяжелого начинания восходит к мыслителям эпохи Просвещения XVIII века вроде Монтескьё и Беккариа, именно их взгляды особенно преломились через гуманизм Александра Герцена и теорию права Бориса Чичерина. Политически оно укоренено в процесс профессионализации, порожденный Великими реформами 1860-х годов, особенно в области права, а также с противодействием властей предпосылкам гражданских свобод, необходимых для профессиональной деятельности. Русский либерализм сросся в 1890-е годы с крупными университетами и городами с большой долей специалистов, а также в провинции с земствами, где молодые врачи, учителя и адвокаты противостояли суеверию и произволу в каждой своей попытке улучшить народное благосостояние. Когда Конституционно-демократическая партия была создана в 1905 году и официально зарегистрирована как Партия народной свободы, она подавала себя как сторонницу правового государства в интересах всех классов, национальностей и людей, в противоположность узко социальной приверженности левых партий. Должно ли это превращение происходить в России посредством эволюции или радикальных мер, оставалось предметом спора на протяжении всей истории партии. Кадеты редко расходились во мнениях о программе, но редко достигли согласия о тактике.

До 1917 года эти раздоры продолжались из-за политического обязательства кадетов преодолеть узкую социальную надпартийность и бороться не только на благо рабочих и крестьян, но и всех классов Российской империи, как провозглашало популярное партийное издание. Этот широкий национализм скорее, чем сколь-нибудь сознательная надпартийность, являлся костяком общих взглядов кадетов, который превосходил разногласия в тактике и который придавал форму программе партии. Кадеты полагали, что землю надо передать крестьянству России, но помещикам её утрата должна быть компенсирована. Национальные и этнические группы должны обрести все гражданские права, но гражданство включает в себя лояльность империи; рабочие имеют право на 8-часовой рабочий день и заработок, которые, однако, не должны чрезмерно подрывать производство или угрожать жизнеспособности предприятия. Россия должна стать конституционной парламентской монархией, с выборами представителей на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, независимо от религии, национальности или пола. Однако федерализм в России не возможен, поскольку её народы разли-

чаются по численности и культурному уровню, а с женским равноправием надо повременить до тех пор, пока страна «созреет».

Обособляясь, таким образом, от частных социальных интересов для того, что они считали интересами государства и всего общества, кадеты, тем самым, способствовали политической либерализации России путями, позволявшими несколько сдерживать установившиеся социальные границы. Едва ли являясь защитниками существующих порядков, кадеты в результате были атакованы как «буржуазная» партия своими соперниками слева. Действительно, её сильное нежелание защищать частные социальные интересы оставило партию без сильной социальной опоры. Кадеты отражали интересы российских коммерсантов и имущих классов только в их стремлении к гражданским свободам, настаивали на том, что социальный конфликт должен разрешаться путем, уважающим интересы спорящих групп, защиту ими своих имущественных прав и отношений и содействующим законному процессу на правовой основе. Из избранных на учредительном I съезде Конституционно-демократической партии в октябре 1905 года 26 членов ЦК 9 были адвокатами и 9 — профессорами (включая 3 профессоров права) и никто — представителем торговых или коммерческих кругов.

С 1905 до 1917 года левых кадетов, таких как М. Л. Мандельштам, Н. В. Некрасов и Н. И. Астров, особенно заботило усиление связей партии с «живыми социальными силами» пролетариата и крестьянства для получения более широкой политической поддержки. Такая «примиренческая» устремленность вызвала особый резонанс в Москве и провинциальных городах у кадетских групп, особенно тех, которые близки к земствам. Однако В. А. Маклакова и других правых кадетов, близких к центру императорской власти в Санкт-Петербурге, больше тревожила опасность радикализма в партии, нежели ее слабость, и они настаивали на том, что наилучший курс — либерализация России «сверху». Находясь между этих противоположных тенденций, П. Н. Милюков, А. И. Шингарев, В. Д. Набоков, М. М. Винавер, Ф. Ф. Кокошкин и прочие партийные деятели изо всех сил старались руководить партией. На выборах в I Государственную думу в условиях их бойкота большевиками и другими левыми социал-демократами кадеты завоевали подавляющее большинство голосов почти во всех городских регионах Европейской части России, особенно в Москве и Санкт-Петербурге. Понятно, руководители партии были совершенно уверены, что, так или иначе, усиливающийся нажим на устаревшее российское самодержавие, в конце концов, приведет их к власти.

Когда в Февральскую революцию кадеты, наконец, удовлетворили свои амбиции, увы, обстоятельства стали крайне неблагоприятны для либерального правления. Когда Милюков с соратниками заняли ведущие посты во Временном правительстве первого состава, сильное давление, направленное на немедленное удовлетворение нужд рабочих, крестьян и солдат, с одной стороны, и разрешить надвигающийся кризис производства и распределения товаров — с другой, ограничило возможность посредничества в конфликте с помощью реформ, не нарушая противостоящие социальные интересы. Труднее всего было внушить необходимость уважать букву закона и создать достаточные средства его защиты. Для этого требовалось широкое признание власти и легитимности нового режима, условие, как настаивали такие выдающиеся кадеты как Милюков и Набоков, более важное, чем узкий вопрос о том, как этот режим функционирует, отвечая на социальные нужды и требования. Хотя в 1917-м политическую законность все более связывали с функциональной деятельностью, рабочие и крестьяне на собственно

русской территории, а также во многих этнических регионах и территориях, всё более рассматривали избранные народом местные Советы как власть, тогда как в глазах торгово-промышленных кругов легитимность режима зависела от его способности установить «законный» гражданский порядок. В ухудшающихся экономических и социальных условиях, вследствие, прежде всего, участия России в войне, либеральная идея «законности» и «государственности» была особенно слаба.

Преобладая во Временном правительстве до мая 1917 года, кадеты играли ведущую роль в полном установлении гражданских свобод, рационализации промышленной продукции и ведении войны, а также в создании основ конституционных реформ. И для правых, и для левых кадетов это являлось сутью революции, ее исторической первопричиной. В городах назначили муниципальные выборы; в провинции, согласно новому законодательству, учредили волостные земства; на всех промышленных предприятиях избрали фабрично-заводские комитеты; в сельской местности создали земельные комитеты для решения проблем производства и распределения продовольствия, в том числе связанных с землевладением и землепользованием. Эти начинания бурно поддержали в марте более 300 делегатов VII съезда партии кадетов. Съезд также единогласно отметил необходимость скорейшего созыва Учредительного собрания после проведения законных выборов с тем, чтобы правительство, представляющее интересы населения, могло решать такие важные задачи, как земельная реформа. До этого момента кадеты продолжали совершенствовать свою программу по этим и другим вопросам, процесс укрепления партии, работу в области законности и порядка, весьма необходимых для становления либеральной демократии. Шесть недель спустя VIII съезд партии кадетов еще раз подчеркнул сопротивление «углублению» революции преждевременными реформами и опасностям «балканизации», неизбежным при национальных устремлениях и федерализме. 77 голосами против 33 съезд выразил поддержку землевладельцам, чью собственность отняли, а не свободному перераспределению земли.

Двумя самыми спорными моментами на VII и VIII съездах партии кадетов явились взаимосвязанные вопросы войны и империи — вопросы, затрагивающие более фундаментальные демократические основы, а, следовательно, суть либеральной позиции в отношении революции. Как объявили П. Н. Милюков, А. А. Корнилов, Ф. Ф. Кокошкин и Ф. И. Родичев, большинство одобряет лозунги «великой и неделимой России» и войны до победного конца, что предполагало взятие под контроль Дарданелл и аннексию Константинополя. Кадеты не считали это стремлением к империализму, как выразился Родичев, лишь способом гарантировать свободу, независимость и экономическую мощь послевоенной демократической России. Меньшинство кадетов отвергло эти взгляды как шовинистские и лишённые практического смысла и призвало партию поддержать преобразование России в демократическую федерацию на добровольных началах, предоставляющую своим составным частям значительную, если не полную, автономию. Кадеты, например, поддержали автономию Финляндии и Польши. Однако большинство противостояло идее равных возможностей для прочих регионов империи, несмотря на признание некоторыми кадетами, что от этого пункта могут зависеть военный успех и само будущее России.

Значение и последствия кадетских взглядов по этим вопросам вскоре стали очевидны. «Война до победного конца» и «великая и неделимая Россия» не только ставили партию в прямую оппозицию лозунгу Советов о мире без аннексий и контри-

буций, но и способствовали отталкиванию украинцев, тюркских и других народов от Временного правительства, а также усиливали сепаратистские движения. То, каким образом либеральная теория представляла российское государство и революционное общество, также позволяет четко разграничить понимание демократии кадетами и Советами. Кадеты придавали большое значение гражданским свободам, поддерживали роль, которой фабзавкомы и земельные комитеты наделили в разрешении конфликтов рабочих и крестьян, и приветствовали создание гражданского общества, где союзы, национальные группы и все виды политических образований, включая Советы, могли воплотить свои идеи. В то же время кадеты решительно отрицали прерогативы этих форм и форумов в решении конституционных проблем государственной политики. Решаться они могли только «законно», то есть согласно действующему (царскому) законодательству и при полном подчинении его букве.

Два политических кризиса Временного правительства произошли на почве этих проблем. После публикации ноты Милюкова правительствам союзных стран, в которой подтверждалось сохранение Россией дореволюционной позиции в отношении войны, и уличных протестов, глава партии кадетов сложил полномочия министра иностранных дел и способствовал уходу других кадетов из правительства. Либералы вернулись в кабинет без Милюкова, уже после того, как руководители Петроградского Совета также заняли согласованные должности. Создавая коалицию, кадеты надеялись своим участием удержать демократию в рамках закона, и лишь позднее выяснилось, что новый кабинет способен вызвать вооруженные беспорядки. Два месяца спустя в начале беспорядков кадеты вновь покинули правительство, протестуя против подписанного в Киеве соглашения, обещавшего автономию Украине и ее Раде. Кадеты назвали его опасной и неприемлемой узурпацией прерогатив Учредительного собрания, непременно ведущей к общественной и политической дезинтеграции.

Лидеры кадетов не знали, что вышли из правительства как раз тогда, когда недовольные солдаты и питерские рабочие собирались начать массовые демонстрации Июльских дней. Результатом совпадения событий явилось не возвращение партии кадетов к защите обороняющегося режима, а дальнейший раскол ее руководства и поднятие вновь вопроса о государственности. Левые кадеты и центристы вроде Н. В. Некрасова, Н. И. Астрова и Н. М. Кишкина видели в Июльских днях углубление социальной поляризации. Не менее Милюкова и других правых, обеспокоенных проблемой законности, они выступали за сближение с массами как способ сохранить влияние либералов на политические события. Милюков, Набоков, кн. Павел Долгоруков и другие приветствовали подавление Июльских выступлений и арест руководителей большевиков, видя в усилении власти правительства более чем в уступках давлению масс, единственный способ сохранить демократические институты, общественный строй и законность. Когда левые кадеты вернулись в правительство с намерением осуществить декларацию Советов от 8 июля, содержащую среди прочего радикальную земельную реформу (без гарантий возмещения землевладельцам), Милюков, Родичев, Маклаков и другие начали задумываться о ещё более сильном социальном конфликте и потому о большей необходимости авторитарного режима. После июньских неудач на фронте три недели Июльского кризиса показали, что демократической государственной власти 1917 года пришел конец, но большинство кадетов не могло приспособиться к переходу власти ко все более левым Советам, как не могло воспринять закат «Великого государства Российского».

Поддержка кадетов в крупных городах продолжала быть более-менее постоянной, отражая углубление процесса социальной поляризации в революции. В некоторых местах поддержка кадетов возросла, о чем можно судить по результатам голосования в городах. В Москве партия набрала 17% голосов на выборах 25 июня в Городскую думу, но 27% в сентябре в районных думах (и 35% в ноябре на выборах во Всероссийское Учредительное собрание). В Петрограде показатель изменился от 22% в мае до 21% в августе (и до 26% в ноябре). В других местах наблюдался рост на летних муниципальных выборах, хотя партия оказалась практически без поддержки в сельской местности и набрала всего около 5% на выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Эти цифры можно рассматривать показателем скорее того, что кадеты все более становились политическим символом антисоветской России, нежели роста поддержки самой партии, что можно было бы использовать в политической борьбе, поскольку число самих избирателей постоянно падало. «Буржуазная» направленность партии, на которую указывали Ленин и большевики, становилась понятным и положительным определением, однако оставалась отрицательным фактором выявления партийной программы.

А поэтому кадетов часто представляли подстрекателями восстания Корнилова в августе, хотя роль их была пассивной и связи лидеров партии с армией совсем не прочны. На IX съезде партии кадетов 23–28 июля Милюков и другие видные члены партии отказались от попыток примирения, показав себя абсолютно правыми. Страна была в хаосе: «хаос в армии, во внешней политике, в промышленности и в национальном вопросе». Кадеты призывали к борьбе с левыми сектантами, называя их наибольшей опасностью, и к объединению всех сил во имя защиты Отечества. На московской конференции, прошедшей незадолго до мятежа, Маклаков, Родичев и Милюков говорили о Советах и о левых не иначе как с ненавистью, отказываясь поддерживать Керенского, хотя их соратники в ЦК партии кадетов занимали в его кабинете важные посты. Родичев даже призвал Корнилова спасти Россию и предвещал ему благодарность народа — слова, вызвавшие широкое сочувствие среди кадетов, если не вовлеченность в сам заговор. «Темные массы» также появились в рассуждениях кадетов в августе, символизируя еще больший разрыв с концепциями демократии, чем участие не в тщательно обустроенной и управляемой законом политике, то есть неумеренную (и незаконную) общественную уравниловку. Партия, в сущности, начала представлять поляризованный политический и общественный правый фланг России, не становясь его детищем или действующей силой. Кадеты выдержали эту позу в последние недели существования Временного правительства и сохранили ее в муках Гражданской войны.

Последний в свободной России X съезд Партии народной свободы состоялся 14–16 октября. Лидеры партии разделились: с одной стороны, на приверженцев Кишкина и Коновалова, занявших министерские посты в последнем составе Временного правительства Керенского в надежде помочь правительству продержаться до созыва Всероссийского Учредительного собрания; с другой — на сторонников Милюкова, считавшего, что Керенскому пора пойти к психиатру (и врач Кишкин, если решится, сам мог бы им заняться), при этом не предлагая никакой практической альтернативы. Все внимание съезд сосредоточил на предстоящих выборах во Всероссийское Учредительное собрание. После возвращения со съезда в провинцию кадеты заняли примирительную позицию и искали союзников среди умеренных социалистов; в крупных городах большинство местных групп искали поддержку справа. Обе тенденции представлялись как защита свободы, социаль-

ной справедливости, русского национального единства и законности. Каждая из сторон была чрезвычайно пессимистична в отношении будущего. И ни одна не достигла успеха.

Таким образом, для кадетов вряд ли стал сюрпризом приход большевиков к власти. Более того, еще с 19 октября официальный орган партии кадетов газета «Свободный народ» вела постоянную колонку о подготовке большевиков к перевороту, а в квартире Милюкова дежурил вооруженный охранник. 26 октября, после бегства, Керенский назначил Коновалова последним российским премьер-министром и предоставил Кишкину чрезвычайные полномочия для наведения порядка. Пока ЦК кадетов призывал население России не признавать большевиков, Временное правительство пало, как и возникло: номинально под контролем кадетов.

Попытка открытого сопротивления была, безусловно, обречена, и не просто потому, что кадеты не имели сил бороться. Лидеры их партии сошлись во мнении, что сопротивление возможно лишь через узаконенные процедуры и посредством законных методов. Когда группа правых эсеров, народных социалистов и умеренных социал-демократов организовала 26 октября Комитет спасения Родины и Революции, Шингарев, Винавер, Милюков и другие увидели в этом еще одну попытку захвата власти. Кадеты также противостояли попытке Церетели и других сформировать антибольшевистский демократический центр, объясняя это тем, что тот может взять на себя прерогативы Учредительного собрания. После ареста Шингарева, Кокошкина и других руководителей кадетов, избранных в ноябре депутатами Всероссийского Учредительного собрания, союз кадетов с социалистами стал такой же жертвой большевистского переворота, как и правительство, созданное этим союзом. Таким образом, после разгона Всероссийского Учредительного собрания (с последующим варварским убийством Кокошкина и Шингарева) предложения «узаконить» сопротивление исчезли, и большинство кадетов не видели иной альтернативы, как поддержать антибольшевистские армии, начавшие формироваться на юге России и в Сибири.

На подпольной конференции партии кадетов в Москве 27–29 мая (14–17 мая старого стиля) 1918 года все еще теплившиеся надежды Астрова и других на способность кадетов расширить свою социальную базу разработкой новых проектов реформ, были отложены на фоне необходимости защиты национальных интересов. Кадеты готовы были поддержать все общенациональные усилия вернуть свободный государственный строй России, откуда бы они ни исходили, справа или слева, лишь бы вели к национальному единству, региональной автономии (предпочтительнее независимости), гражданскому равенству наций, свободе совести, политическим реформам. Ни при каких условиях они не приняли бы помощь Германии против Ленина, как предлагали тогда Милюков и прочие в Ростове-на-Дону и Киеве. В помощь созданию широкого антигерманского и антибольшевистского союза в поддержку генералов Алексеева и Деникина они организовали в Москве «Национальный центр», который планировал организовать в столицах восстание против большевиков, приуроченное к выступлению прочих антибольшевистских сил.

Майская конференция кадетов 1918 года выработала партийную стратегию на весь период Гражданской войны, но лишь несколько недель ЦК кадетов смог заседать в Москве, после чего его членам пришлось бежать от ВЧК. Газету партии «Наш век» большевики закрыли 11 мая. Винавер и Астров примкнули к Алексееву и Деникину, прочие направились в Уфу и Омск, также к антибольше-

вистским формированиям. В последующие месяцы кадеты разным способом в той или иной мере взяли на себя обеспечение политического руководства разнообразными антибольшевистскими силами с целью восстановить Россию единую и неделимую.

Эта задача вызвала необходимость компромисса в либеральных программах и системе убеждений, отражая теперь уже первостепенность государства по сравнению с общественными и гражданскими интересами. Как и в феврале 1917 года, целостность законного государственного строя была необходимым основанием любой попытки социальной или политической реформы, более важным, чем реформа, закладывающая, как доказывало большинство социалистов, основу государственной легитимности. Именно понимая спорность концепции законности, кадеты раз за разом подчеркивали важность закона и традиций, несмотря на их происхождение из царской эпохи. Власть, в свою очередь, зависела от закона, а не общественной цели; и закон обязывал соответствующий аппарат поддерживать его эффективность. В этом суть партийного этатизма, не только поддержанного, но и значительно усиленного опытом 1917 года. Октябрь был не просто примером незаконного захвата власти большевиками, но шагом в сторону социального и политического радикализма, разрушительного как для либеральных ценностей и российского общества, так и для всей западноевропейской системы прогрессивного национального развития. Как отметил в мае 1918 года Милюков, «закон самосохранения нации» выше «моральных обязательств». В ходе Гражданской войны большинству кадетов препятствием стало то, что Белые армии отнюдь не были благородными защитниками их принципов государственности. Пока кадеты брали на себя ответственность в сменяющих друг друга белых режимах, их моральные обязательства и государственные цели неоднократно шли на компромисс на фоне всеобщей жестокости белых, порою вполне соразмерной большевистской.

В Киеве И. А. Кистяковский, Н. П. Василенко и несколько других видных кадетов, вопреки указаниям ЦК партии, молча согласились с германским правлением, тесно сотрудничая с марионеточным гетманом Скоропадским. Вместе с Милюковым, который сам недолго защищал эту «германскую ориентацию», они надеялись сломить движение за независимость Украины и в то же время нарушить Брестский мир, вовлекая Германию в антибольшевистское движение. На юге России двое правых членов ЦК В. А. Степанов и К. Н. Соколов взяли на себя ответственность организации гражданской администрации на территориях, занятых Добровольческой армией Деникина, подчинявшей интересам армии все без исключения местные политические и общественные интересы. На Украине кадеты ассоциировались с растущей жестокостью германского правления, особенно при летнем отступлении немцев; тогда как на Кубани и в южной России претензии кадетов на законность компрометировались диктаторской властью Белой Армии, все более пятнавшей партию неизбежными эксцессами военной реакции.

Хотя крайности чудовищной Гражданской войны могли не оставить российским либералам какой-либо практической альтернативы, если они хотели поддержать Белое дело, их позиция имела три серьезных недостатка, как признали несколько ведущих кадетов. Во-первых, как показали последующие события, победа антибольшевистских армий без широкой поддержки масс была маловероятна. Во-вторых, требовалась сильная политическая коалиция для привлечения на свою сторону других политических партий и движений, использования организаций и диссидентов, все еще действовавших на территории большевистской России и вне

нее. И, в-третьих, в случае победы белых, как заявил Милюков на партийной конференции в Екатеринодаре, подчинение армии, скорее всего бы, уменьшило, если не свело на нет, роль партии в послевоенной политике. Таким образом, курс партии должен был направляться в сторону местных и региональных интересов, на переработку народной социальной программы, связь с широкой политической коалицией и генеральское требование верности как необходимого условия, чтобы сомкнуть ряды.

Практически на всех кадетских собраниях на юге России и в Сибири в Гражданскую войну последнее условие поддержало лишь меньшинство. Когда в конце 1918 года генерал Деникин формировал Вооруженные силы Юга России, Степанов, Соколов и другие стали бескомпромиссными сторонниками тоталитарного военного порядка. Николай Астров, также близкий сотрудник Деникина, пытался посредничать и предотвращать жестокости армейского командования, но его голос и усилия буквально тонули в волне враждебной массам, националистической, порой антисемитской пропаганды соратников по партии. Сходная ситуация сложилась в Сибири в армии Колчака, когда в ноябре 1918 года его привел к власти вооруженный переворот, направленный против умеренно антибольшевистской Директории. Восточный отдел ЦК партии кадетов стал активным заступником диктатуры, чем вскоре даже вызвал возмущение либеральной газеты «Русские ведомости».

Единственным местом, где в Гражданскую войну кадеты намеренно не отошли от своих обычных программ и принципов, стал Крым. Винавер, Петрункевич и Набоков пытались создать в Крыму популярный кадетский режим, тесно сотрудничая с местными земствами и вожаками крымских татар, включая многих активных местных социалистов. Таким образом, кадеты преуспели в создании того, что сами называли моделью либеральной администрации, подотчетной региональному парламенту. Набоков вскоре возглавил специальную комиссию по восстановлению юридических учреждений. Винавер работал в направлении защиты интересов татар и гражданских прав. Глава правительства Соломон Крым провел ряд местных правительственных реформ и ограниченную, но экономически эффективную «продовольственную» земельную реформу. Все эти реформы должны были продолжиться до созыва нового Всероссийского Учредительного собрания. Их популярность была очевидна — по результатам местных выборов. Например, в конце января 1919 года в Городскую думу Симферополя избрали 18 кадетов, 17 татар, 13 социал-демократов, 11 эсеров, 3 сионистов, 3 промышленников и 2 беспартийных.

События вмешались в компромиссную политику кадетов: на юге России и в Сибири Белое движение не смогло завоевать поддержку населения и согласовать свои силы, что привело к его падению, тогда как большевики сумели организовать наступление. В обоих регионах сопротивление за спиной белых было весьма угрожающим явлением в условиях большевистского наступления на фронтах; сопротивление было направлено против белых военных формирований и военной администрации. В конце Гражданской войны на Юге России правые лидеры кадетов провели в Харькове партийную конференцию 3 — 6 ноября 1919 года, выразившую безусловную поддержку военной диктатуре как неременной гарантии победы государственных принципов над анархическими, бунтарскими и сепаратистскими настроениями. Но их умеренные соратники уже сами видели необходимость использовать новые методы для победы над большевизмом.

Однако лишь в эмиграции разногласия между руководителями кадетов приняли форму полного разрыва. Большинство кадетов покинули юг России и Сибирь весной — летом 1920 года. В Париже многие установили связи с другими эмигрантами, сплотившимися вокруг консервативного русского Национального комитета; в Лондоне и Берлине они наладили отношения со многими организациями, помогавшими эмигрантам; в Константинополе и Софии тесно сотрудничали с генералом Врангелем и бывшими белогвардейцами. Газеты «Последние новости» под редакцией Милюкова и «Руль», издаваемый в Берлине И. В. Гессеном и В. Д. Набоковым, являлись главными либеральными изданиями эмиграции.

В обстановке поражения и разочарования последняя глава истории кадетов была посвящена анализу революционного опыта России и переоценке партийной тактики — вопросу огромной важности. В частности, Милюкову еще казалось, что кадеты должны играть роль в будущей России отчасти потому, что из-за тяжелых общественных и экономических неурядиц в стране казалось невероятным, чтобы большевики смогли удержаться, отчасти из-за того, что ему было трудно осознать вечное изгнание. В конце 1920 года он разработал «новую тактику». Ориентируясь на удовлетворение общественных настроений, стратегия Милюкова характеризовалась «поворотом» партии налево, в надежде, что в результате волны восстаний в России вождей кадетов призовут возглавить демократическое государство. В Париже Милюков надеялся создать вместе с Винавером и другими партийными лидерами единый стратегический альянс с умеренными социалистами. Его задачей было создание всероссийской политической коалиции, верной идеалам федеративной демократической парламентской республики, полным автономным правам для национальных меньшинств и полному признанию прав крестьян на землю.

Кронштадтское восстание в марте 1921 года дало надежду Милюкову и его единомышленникам. Однако ни руководство партии кадетов, ни политические партии в эмиграции не сделали ничего для успеха новой тактики. Для социалистов, как, бесспорно, и для всей России, кадеты представляли неприемлемое правое крыло. Внутри самой партии многие согласились с пражской эсеровской газетой «Воля России», назвавшей новую тактику ошибочной. Причина крылась не просто в кадетском правом уклоне, как утверждали эсеры. Во время радикального перехода власти в России произошла утрата возможность либерального строя — процесс начался, как только вожди кадетов вошли во Временное правительство 2 марта 1917 года. Тактические политические союзы в поддержку идеи «великой и неделимой» демократической России были мало уместны для действительных союзов и обязательств сохранившихся «живых общественных сил» России, однако большинство из них отражало новую и замечательную попытку принять, наконец, в расчет эти силы. В июне 1921 года это стремление, (которое могло значительно поддержать Временное правительство весной 1917 года, если бы Милюков и прочие действовали в этом направлении), вновь разделило ЦК, собравшийся в Париже. Месяцем позже партия окончательно раскололась.

Литература

Долгоруков П. Д. Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916–1926. М., 2007.

- Думова Н. Г.*: Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Кадетская контрреволюция и ее разгром, 1917–1920 гг. М., 1982.
- Маклаков В. А.*: Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике: 1880–1917. М., 2006; Первая Государственная дума. М., 2006; Вторая Государственная дума. М., 2006.
- Миллюков П. Н.*: Воспоминания. (1859–1917): В 2-х т. М., 1990; История второй русской революции. М., 2001.
- Набоков В. Д.* Временное правительство//Архив русской революции. М., 1991. Т. 1.
- Российские либералы: кадеты и октябристы. (Документы, воспоминания, публицистика). М., 1996.
- Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг.: В 6 т. М., 1994–1999.
- Съезды и конференции Конституционно-демократической партии: В 3-х т. М., 1997–2000.
- V. D. Nabokov and the Russian Provisional Government, 1917 / Ed. by V. D. Medlin and S. L. Parsons. New Haven; London, 1976.
- Rosenberg W. G.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974.
- Stockdale M. K.* Paul Miliukov And the Quest for a Liberal Russia, 1880-1918. Ithaca, 1996.

Партия социалистов-революционеров (эсеры), 1917–1920 годы

МАЙКЛ МЕЛАНСОН

С приближением третьего года Первой мировой войны и падения царского режима Партия социалистов-революционеров (ПСР) переживала сложные проблемы. Подобно другим оппозиционным движениям, она тяжело пострадала от жестоких полицейских преследований. Её раздирали споры об отношении к войне; такие признанные вожди, как А. А. Аргунов, Н. Д. Авксентьев, Е. К. Брешко-Брешковская, выступали за участие России в войне, другие — В. М. Чернов, М. А. Натансон, Н. И. Раkitников — против. Большинство высших руководителей ПСР томились в эмиграции в Западной Европе или в сибирской ссылке. Тем не менее, Февральской революции суждено было на время выдвинуть ПСР на ведущие позиции крупнейшей политической партии в России.

Значительный, хотя и эфемерный успех эсеров после Февраля отражает историю ПСР до этих событий. Скандал с Азефом заставил эсеров отказаться от практики терроризма (угроза которого как дамоклов меч висела над головой режима). В ответ на полицейский разгон своих комитетов в 1908 году они предприняли успешную кампанию с целью найти более твердую опору в пролетарских организациях (профсоюзах, кооперативах, культурных ассоциациях и страховых фондах). В то же время, репрессии П. А. Столыпина против крестьянского движения заставили ПСР вернуть себе статус организации преимущественно городской ориентации, который имела до 1902 года; она намеревалась возобновить массовую работу среди крестьянства, когда станет возможно, и уделяла определенное внимание, в частности, в своих публикациях, крестьянским проблемам, но основные усилия прилагала в иных областях.

Как и среди социал-демократов, в ПСР после 1905 года оживленно спорили сначала об эффективности и применимости террора и затем, начиная с 1910 года, о необходимости продолжать подпольную организационную работу в противоположность легальной деятельности в общественных организациях. Начало войны стало источником новых разногласий, в значительной мере перекликавшихся с прежними: интеллигентское меньшинство, уже отказавшееся от революционной деятельности, поддержало военные усилия, тогда как большинство активистов во главе с Черновым сохраняло радикальные взгляды, выступая против войны. Левые во главе с Натансоном и В. Д. Камковым (при осторожной поддержке Чернова) даже высказались за поражение царского правительства как предпосылку его свержения. Антивоенные настроения большинства эсеров побудили оборончески настроенных вождей в эмиграции и в России отказаться от партийной работы на время войны.

К середине 1915 года агитационная и организационная работа эсеров (как и других революционеров) продвигалась более гладко, чем в начале войны. Эсеров-

ское влияние росло среди рабочих, занятых в разросшейся промышленности военного времени Петрограда и других крупных городов; организации ПСР печатали листовки против войны и царизма, участвовали в забастовках, вербовали среди рабочих борцов за дело революции. В своей деятельности эсеры тесно сотрудничали с социал-демократами интернационалистами (противниками войны в меньшевистской партии и большевиками), которые работали параллельно с эсерами, но не активнее их. В своей пропаганде на фронте и в тыловых гарнизонах эсеры успешно использовали свой опыт работы в армии, твердые антивоенные установки и земельную программу, тогда как усилия социал-демократов в этом направлении были менее методичны. Работа в деревне ограничивалась печатанием от случая к случаю листовок с обращениями к крестьянам; ПСР оставалась партией городской ориентации, уделяя основное внимание работе среди рабочих и солдат. Эсеровская пропаганда против войны, царизма и капитализма, наряду с социал-демократической, способствовала революционному свержению царского режима, и это обстоятельство ставит под сомнение утверждения о стихийности Февральской революции. Традиционное изображение ПСР партией интеллектуалов крестьянской ориентации, исповедующей террор и лишенной организационной связи с широкими массами, весьма далеко от истины.

С падением старого режима в феврале 1917 года ПСР начала новую, легальную жизнь. По всей стране эсеры, вместе с другими социалистами, организовывали Советы, общественные комитеты, фабричные, солдатские и крестьянские комитеты и милицию, сменявшие административные и полицейские органы старого режима, и вошли в их состав. Будучи вне конкуренции в создании крестьянских и солдатских организаций, эсеры соперничали, хотя и не на равных, с социал-демократами (особенно меньшевиками) в деятельности среди рабочих. Они питали особый интерес к фабрично-заводским комитетам, в состав их вошло множество эсеров; по всей стране на многих предприятиях эсеров выбрали в Советы рабочих депутатов — факт, мимо которого прошли многие исследователи, сосредоточив внимание на социал-демократах.

Тем не менее, руководители эсеров определенно уступали по численности и активности своим союзникам меньшевикам в исполнительных комитетах Советов депутатов многих городов. Эсеры слишком расплывали свои силы: в противоположность пролетарской ориентации социал-демократов, обширные программные установки ПСР предусматривали работу среди рабочих, крестьян и солдат, не говоря уж об интеллигенции. К тому же, многие руководители эсеров вошли в состав многочисленных «общественных комитетов», которые пытались консолидировать власть на местах. Несколько позже эсеры победили на муниципальных выборах в большинстве городов и получили преобладание в городских думах. Ограниченная (хотя все еще значительная) роль эсеров в исполкомах Советов депутатов в городах вела к неверному выводу о том, что инициатива в революционной организации принадлежала социал-демократам, тогда как при объективном анализе можно заметить широту работы эсеров среди рабочих, солдат и крестьян и в общественных организациях.

В то же время эсеровская организация переживала быстрый, поистине феноменальный рост. Сначала Февральская революция дала эсерам больше, чем любой другой политической партии. Обновленные парторганизации проводили конференции, выбирали комитеты, начинали выпуск газет. Они основывали клубы и библиотеки, в большом количестве издавали пропагандистскую литературу,

учреждали школы агитаторов и посылали ораторов на предприятия, в части гарнизонов и на фронт. В партию хлынули интеллигенты, рабочие, солдаты, крестьяне (вскоре их насмешливо прозвали «мартовскими эсерами»). Петроградская организация ПСР насчитывала более 40 тыс. членов, по всей же стране — несколько сот тысяч человек. К апрелю в Россию вернулись Чернов и другие эмигрантские лидеры, присоединяясь к тем, кто легально жил в российских городах или недавно вернулся из сибирской ссылки или каторги. Эйфория победы над царизмом побудила эсеров, стоявших на разных позициях, забыть разногласия ради воссоздания единой партии. Руку дружбы протянули даже умеренным народническим группировкам трудовиков и народных социалистов. На политическом горизонте возникла мощная организация, которая обещала сыграть решающую роль в революционном будущем России.

Несмотря на все достижения и блестящие перспективы, ПСР столкнулась с серьезными проблемами. Партийные структуры не справлялись с притоком новых членов, затруднялся контроль над ними; после Февраля широкий прием в ПСР усугублял эту проблему. В то же время меньшевики, к которым приток новых членов был не столь велик, и большевики, массовое пополнение рядов которых началось позже, сумели сохранить идеологическое единство. Позднее левая и правая фракции ПСР обвиняли друг друга в привлечении в свои ряды «мартовских эсеров», чья поддержка (на любой стороне), в конечном счете, оказалась нестойкой и ненадежной.

Растущий раскол внутри ПСР вызвал еще одну кардинальную проблему. Послефевральское смешение глубоко расходящихся течений не привело к их примирению. На заседаниях в разных организациях обнаружилось противоречия по вопросам о войне, о природе революции и о новом правительстве. В большинстве случаев сначала побеждали умеренные (аналогичные процессы шли у меньшевиков и в Советах). Большинство вождей эсеров, до Февральской революции легально живших в России, принадлежало к умеренным, тогда как подавляющее большинство левых были в эмиграции или ссылке. Такие умеренные, как А. Ф. Керенский и В. М. Зензинов в Петрограде, В. В. Руднев, Д. С. Фирсов (Розенблюм) и М. Я. Гендельман в Москве, взяли под контроль местные организации и, в конечном счете, новый ЦК ПСР.

Ряд факторов способствовал такому ходу событий. Интеллигенты-оборонцы, годами устранившиеся от нелегальной партийной работы, вновь устремились в ПСР, где дали правым мощную поддержку. Аргументация в пользу умеренного курса партии склоняла к осторожности перед лицом возможной реакции против революции и необходимости «закрепить революционные завоевания» при подготовке к будущим свершениям, программа, которая, за отношение к войне, стала называться «революционным оборончеством». В ПСР, как и в Советах, новые кадры повсеместно прислушивались к голосу умеренных, хотя рядовые рабочие и солдаты относились к тем с подозрением. Левому меньшинству пришлось дожидаться прибытия новых сил, которые наконец появились в лице Камкова, Натансона и М. А. Спиридоновой. После возвращения Чернов неожиданно поправел, солидаризировался с А. Р. Гоцем, Авксентьевым, Зензиновым и вёл за собой (на столько высок был его авторитет) многих радикальных активистов по всей стране. В результате левые эсеры оказались исключены из формировавшейся партийной линии. Жребий был брошен: руководство ПСР определилось в своей дооктябрьской ориентации, включавшей революционное оборончество, твердую поддержку

Временного правительства и желание оттянуть преобразования в интересах рабочих и крестьян и выборы в Учредительное собрание.

Хотя сначала все социалистические партии отказались участвовать во Временном правительстве (Керенский стал министром юстиции по личной инициативе), умеренные эсеры почти сразу начали настаивать на официальном вступлении социалистов во Временное правительство, и это движение ускорил Апрельский кризис, вызванный «Нотой Милюкова». В течение апреля, с одобрения Чернова, несмотря на энергичные возражения левых, ПСР переориентировалась на вступление в правительство (меньшевики также поддержали эту идею). По мнению эсеров, только участие социалистов могло придать правительству достаточный авторитет для руководства проведением демократических реформ и выборов в Учредительное собрание (многие рядовые эсеры, в отличие от руководства ПСР, рассматривали вхождение в правительство как первый шаг к созданию социалистического правительства). Итак, в начале мая видные эсеры и меньшевики присоединились к либералам в правительстве; Чернов стал министром земледелия, а Керенский сменил портфель министра юстиции на более важный — военного и морского министра. Условная поддержка «постольку, поскольку» Временного правительства превратилась в отождествление с ним.

В мае и июне положение ПСР выглядело все еще непоколебимо. Число партийцев росло не по дням, а по часам; фракции эсеров в Советах росли и крепли. Фронтные и гарнизонные комитеты, Советы солдатских депутатов были оплотами эсеров. Повсюду эсеры верховодили в уездных и губернских крестьянских органах; I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов в конце мая избрал Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов, оказавшийся копией руководства самой ПСР. Триумфу эсеров способствовали их убедительные победы в мае — июле на выборах в Городские думы (где они зачастую получили абсолютное большинство).

Тем не менее, испытания для ПСР уже начались. На I Всероссийской конференции Советов в конце марта и на I Всероссийском съезде Советов в июне внутри внушительных эсеровских делегаций нашлись леваки. Нарушая дисциплину, они совместно с другими радикалами (большевиками и левыми меньшевиками) открыто выступили против Временного правительства и войны, скрыто критикуя, таким образом, политику ЦК. Организации Кронштадта, Казани и Харькова были откровенно левыми, мощная Петроградская организация все сильнее склонялась к радикальным позициям; более того, многие номинально умеренные организации принимали резолюции о войне и земле, носившие левый отпечаток. Хотя большинство Советов крестьянских депутатов и ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов все еще оставались под надежным контролем умеренных, Казанский, Могилевский, Пензенский и Харьковский Советы крестьянских депутатов попали под влияние левых эсеров и начали передачу земли крестьянам. События в мае на III съезде ПСР показали истинное положение дел: до 40% делегатов голосовали за левые резолюции. Правое крыло (Авксентьев, Брешко-Брешковская, Аргунов, Вишняк) не имело значительной поддержки, тогда как в разгоревшейся на съезде войне между левыми и правыми под перекрестным огнем оказался численно преобладавший центр.

Трудности, переживаемые ПСР, отражали противоречивость ее положения. Согласно теории, программе, своим кадрам и своей истории, партия была радикальной, нацеленной на быстрое развитие социализма. Даже в 1917 году деятель-

ность эсеров в значительной степени носила революционный характер. Например, эсеры Петрограда первыми выдвинули идею Всероссийских съездов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; Приказ № 1, составленный солдатами-эсерами в Петроградском Совете, одним росчерком пера революционизировал русскую армию. Эсеры (совместно с меньшевиками) руководили организацией фабзавкомов и милиции (известна позднее как Красная Гвардия). Организованные эсерами Советы крестьянских депутатов часто проявляли инициативу в передаче крестьянам земли. Более того, некоторые Советы, где преобладали эсеры (Кронштадтский, Казанский, Пензенский, Самарский и Туркестанский), фактически действовали независимо от центра (как бы претворяя в жизнь эсеровскую теорию местной автономии), устанавливая, таким образом, на местах власть Советов. Все эти действия отражали глубоко укоренившиеся эсеровские (народнические) взгляды на природу русского общества и подходящий ему путь развития.

С одной стороны, большинство эсеров серьезно воспринимали свои традиции, с другой — ЦК ПСР и значительное число местных руководителей старались притормозить дальнейшее углубление революции; к тому же, вступив во Временное правительство, высшие руководители партии начали на деле опровергать священную теорию эсеров о быстром переходе к социализму. Ядро партийных интеллектуалов взялось вести ПСР и народ по пути эволюции. В результате разногласия в партии с каждым месяцем обострялись и наибольшей остроты достигли после июньского наступления на фронте. Большинство эсеров, имевших собственное буквальное понимание «революционного оборончества» и «поддержки Временного правительства постольку, поскольку», расценило наступление как предательство дела революции и сигнал к прекращению поддержки правительства.

Массовая Июльская демонстрация в Петрограде и других городах выявила и разочарование солдат и рабочих эсеров, и маневры большевиков. Радикальный Северный областной комитет ПСР выступил за участие в демонстрациях; над толпами демонстрантов колыхалось море транспарантов с эсеровским лозунгом «Земля и Воля», с призывами установить власть Советов и свергнуть Временное правительство. Однако во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов (ВЦИК) эсеры и меньшевики решили воссоздать Временное правительство на основе социалистического большинства и во главе с Керенским, личность которого более других ассоциировалась с провалившимся в июне наступлением. Для восстановления порядка Керенский вновь ввел смертную казнь на фронте и отдал приказ арестовать Ленина и других руководителей большевиков, а также многих левых эсеров и меньшевиков.

Вожди эсеров заняли ключевые места во Временном правительстве, в связи с чем кризис внутри ПСР превратился в отражение кризиса в стране. Партия оказалась на вершине власти, само осуществление которой стало камнем преткновения: на эсеров (и их союзников меньшевиков) начали возлагать вину за любой провал, любое невыполненное обещание. Более того, падение престижа Временного правительства в массах отнимало у него средства эффективной борьбы с большевиками и другими радикалами, не было способно оно и предотвратить новые беспорядки и экономический крах. Вскоре большевики вновь обрели ореол мучеников революции, их влияние росло соответственно убыванию авторитета эсеров и меньшевиков у рабочих и солдат.

Движение левых эсеров прогрессировало и внутри партии, и на публичной арене. В августе и сентябре многие организации эсеров раскололись или попали

под контроль левых; исполкомы Советов крестьянских депутатов перешли в оппозицию к Временному правительству. Чернов, уйдя в конце августа в отставку с поста министра земледелия, обрушил град критики на правительство и ЦК ПСР за отношение к войне и аграрному вопросу, что еще более осложнило положение умеренного руководства партии. ЦК остался непреклонен в безусловной поддержке Временного правительства и Керенского. Выступление Корнилова в конце августа превратило убывание влияния эсеров на рабочих и солдат в его резкое падение, лишь частично приостановленное инициативами левых эсеров.

В последние два месяца деятельности Временного правительства ЦК ПСР принял отчаянные шаги, в частности, за левизну исключил из партии Воронежскую, Ташкентскую и Петроградскую организации. Он сопротивлялся давлению созвать съезд ПСР и II Всероссийский съезд Советов. ЦК включил в повестку дня большой вопрос о левом крыле партии, но затем отложил и более не возвращался. Он рассчитывал на успех на выборах в Учредительное собрание, которые после многочисленных проволочек назначили на ноябрь. При составлении партийных избирательных списков ЦК заметил предпочёл умеренных эсеров. Расчет строился на том, что крестьяне проголосуют за списки эсеров и это даст возможность умеренной фракции, верховодившей в партии, Временному правительству, Советам крестьянских депутатов и ВЦИК прибрать к рукам Учредительное собрание.

Руководство ПСР не приветствовало II Всероссийский съезд Советов, открытие которого ВЦИК (где тогда еще преобладали эсеры и меньшевики) неохотно назначил на 25 октября. Сначала эсеры призвали умеренных социалистов не участвовать в съезде, но затем отказались от этой политики, опасаясь, что бойкот оставит поле битвы радикалам (значительное преобладание левых делегатов съезда было предсказуемо). Съезд оказался поставлен перед фактом свержения большевиками Временного правительства.

Демарш большевиков привел к воссоединению Чернова с остальной частью ЦК ПСР и, одновременно, к углублению их раскола с левыми. Так называемые правые эсеры (вместе с правыми меньшевиками) в знак протеста против насильного свержения Временного правительства покинули съезд Советов, способствуя, тем самым, созданию на съезде большевистского большинства. Оно формально утвердило низложение Временного правительства и санкционировало создание большевистского советского правительства. Левые эсеры, пасынки ПСР, убеждали большевиков вступить в переговоры с эсерами и меньшевиками о создании социалистического правительства. Перед угрозой забастовки железнодорожных рабочих (ВИКЖЕЛ которых действовал под влиянием левых эсеров), большевики согласились на переговоры, продлившиеся в ноябре; в какой-то момент, попав в изоляцию и под военным давлением, большевики невянятно согласились расширить состав правительства, эсеры же согласились войти в его состав, а меньшевики — по крайней мере, поддержать. Однако большевики не могли принять условия эсеров и меньшевиков не включать Ленина и Троцкого в состав нового правительства. Срыв переговоров вызвал окончательный раскол в ПСР, две фракции провели отдельные съезды; в декабре левые эсеры вошли в состав СНК.

На выборах в Учредительное собрание давнее внимание эсеров к крестьянству было вознаграждено: крестьянские массы голосовали за кандидатов эсеров, отчасти компенсируя отказ рабочих и солдат поддержать эсеров. ПСР вместе с союзными фракциями украинских эсеров и армянских дашнаков получила около 60% депутатских мест. Опасаясь потенциальной угрозы Учредительному собранию

(которую содержали завуалированные намеки большевиков и левых эсеров), эсеры и меньшевики сформировали Комитет защиты Учредительного собрания, записи заседаний которого указывают на раскол в обществе.

Несколько позже эсеры провели IV съезд ПСР без участия левого крыла. Делегаты, попав под полное влияние Чернова, решительно отклонили праворадикальную политику, которая привела к столь плачевным результатам, и приняли ряд резолюций, подготовленных лично Черновым: о войне, земле и по вопросу о социалистической власти. Новая ориентация помещала партию в левом центре, ближе к более ранним позициям левых эсеров (меньшевики прошли схожую эволюцию влево). Горькая ирония заключена в том, что встань эсеры на эти позиции раньше, партия не утратила бы массовой поддержки и смогла воздвигнуть мощное препятствие на пути восхождения большевиков к власти; но на данной стадии эсеры не могли вернуть себе роль пламенных борцов за народное дело, которая теперь перешла к левым эсерам, успешно посягавшим на эсеровский электорат.

После разгона 6 января 1918 года Всероссийского Учредительного собрания эсеры, бойкотировавшие новый ВЦИК, где тон задавали большевики и левые эсеры, утратили роль крупнейшей политической силы, какой являлись с Февральской революции. В последний раз они тесно контактировали с частью своей исходной социальной базы весной, когда меньшевики и эсеры получили значительную поддержку рабочих во многих городах; большевики ответили арестами новоизбранных эсероменьшевистских исполкомов и в июле изгнанием эсеров и меньшевиков из Советов. Движение Собраний уполномоченных фабрик и заводов, развившееся под влиянием эсеров в Петрограде, Нижнем Новгороде и других местах, не выдержало большевистских репрессий. К середине 1918 года эсеры и их меньшевистские союзники трагически вновь обрели нелегальный статус, как при царизме.

К лету многие эсеры бежали на юг или восток; в Самаре, Уфе и в Сибири они образовали правительства, основанные на идее Учредительного собрания, задуманные как умеренно-социалистические или либерально-социалистические альтернативы большевикам. Провал попыток этих правительств завоевать твердую поддержку местных рабочих и крестьян, служивший повторением истории неудач Временного правительства, способствовал их военной слабости и падению перед лицом набиравшего силу Белого движения, в глазах которого почти не отличались от большевиков.

К осени 1918 года эсеры, составлявшие ЦК ПСР и другие парторганизации на российской территории, оказались между двух огней Гражданской войны. Основная группа под руководством Чернова маневрировала между красно-белой Сциллой и Харибдой, пытаясь предотвратить победу контрреволюции без открытой поддержки коммунистической диктатуры, хотя небольшая группа во главе с В. К. Вольским и Н. В. Святицким в середине 1919-го достигла соглашения с большевиками против белых. В Гражданскую войну эсеры продолжали проявлять удивительную активность, проводя совещания, печатая литературу и выступая на митингах. В 1920 году, когда война уже близилась к концу и победа красных стала очевидна, ВЧК разогнал центральные органы ПСР, после чего Чернов бежал за рубеж. Остатки партии еще год или два действовали в России; аресты и Показательный судебный процесс 1922 года положили конец существованию ПСР в ее пределах.

Основной причиной неудачи ПСР в 1917 году явилось отсутствие четко оформленной политической позиции. Немногие смогли осознать, насколько сильно пра-

вая группа с молчаливого временного согласия Чернова извратила теорию и программу ПСР, поддержав либеральное Временное правительство; равным образом горячая поддержка войны правыми оттолкнула от руководства многих эсеров и сторонников ПСР из числа рабочих, солдат и крестьян. Последовал массовый отток влево; с весны 1917 года эсеры и их организации оказались разбросаны по обширному политическому спектру от крайне левого фланга до позиции, близкой к либеральному крылу. Это открыло путь для массового притока новых членов, но мешало составить четкую программу преобразования общества в условиях революции.

Правых заботило продолжение войны и участия России в антигерманской коалиции. Правые эсеровские интеллектуалы, до войны еще отрицавшие революционность, предпочитали эволюцию к социализму в рамках капиталистического государства; их позиция перекликалась с меньшевистской, но не имела ничего общего с теорией и практикой эсеров. Они отказались от традиционного эсеро-народнического дискурса о неповторимом пути развития России и заменили новым, отражавшим современный европейский социализм. Правые эсеры начали рассматривать себя блюстителями российской государственности, истинными государственниками (во многом уподобясь кадетам), чем объясняются их пламенное оборончество, заинтересованность во Временном правительстве, местных всесловных общественных комитетах и тщетные попытки государственного строительства на Волге и в Сибири в 1918 году. Занявшие такие позиции в глазах многих больше не были эсерами, особенно потому, что большинство активистов ПСР и ее рабоче-солдатско-крестьянские кадры по-прежнему смотрели на российские реалии сквозь призму радикализма. Установление контроля правых бюрократов над ПСР и ее официальными позициями привело к потере ею массовой поддержки, к ее расколу и захвату власти большевиками.

Исследования К. В. Гусева и Рэдки по истории ПСР в 1914–1917 годы, равно как и моя работа, задают канву, но не дают ответа на многие вопросы. Например, детальное исследование Оливером Рэдки о центральном руководстве ПСР в 1917 году содержит лишь ограниченную информацию о местных организациях. Белым пятном остаются такие проблемы, как деятельность эсеров среди крестьян, солдат, рабочих и национальных меньшинств.

Центральные и местные архивы России хранят достаточно материалов по всем аспектам истории эсеров. В Государственном архиве Российской Федерации имеются сведения о местных организациях ПСР, рассекречивание которых начали в 1993 году; много сведений об эсерах до 1917 года содержат материалы полицейских архивов и различных учреждений. Две представляющие интерес обширные документальные коллекции находятся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории — фонды № 274 и 564.

Литература

Гусев К. В. Партия эсеров от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975; Рыцари террора. М., 1992.

Краткий отчет о работах Четвертого съезда Партии с.-р. (26 ноября — 15 декабря 1917 г.). Пг., 1918.

- Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997.
- Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: В 3-х т. М., 1996–2000.
- Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 г.: Документы из архива П. С.-Р. / Собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период М. Янсен. Амстердам, 1988.
- Протоколы Третьего съезда партии с.-р., состоявшегося в Москве 25 мая — 4 июня 1917 г.: Стенографический отчет. Пг., 1917.
- Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. М., 2006.
- Суслов А. Ю.*: Партия правых социалистов-революционеров в советской России (октябрь 1917 — 1930-е гг.): Источники и историография. Казань, 2000; Партия социалистов-революционеров после октября 1917 г. в современной историографии. Казань, 2002.
- Янсен М.* Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.
- Halfin I.* Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918-1928. Pittsburgh, 2007.
- Hildermeier M.* Die sozialrevolutionäre Partei Russlands: Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln und Wien, 1978.
- Melancon M.* The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti-War Movement, 1914–1917. Columbus, Ohio. 1990.
- Perrie M.* The Agrarian Policies of the Russian Socialist-Revolutionary Party from its Origins through the Revolution of 1905–1907. Cambridge, 1976.
- Radkey O.*: The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February — October 1917. New York, 1958; The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. New York, 1963.
- Rice C.* Russian Workers and the Socialist-Revolutionary Party through the Revolution of 1905–1907. Basingstoke, 1988.
- Smith S. B.* Captives of Revolution: The Socialist Revolutionaries and the Bolshevik Dictatorship. Pittsburgh, 2011.
- White E.* The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: the Socialist Revolutionary Party, 1917-1939. London, 2011.

Левые социалисты-революционеры, 1917–1918 годы

МАЙКЛ МЕЛАНСОН

Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов), официально образована в ноябре 1917 года, но корнями уходит в интернациональные настроения эсеров в Первую мировую войну, конкретнее — в левое движение в партии во время Февральской революции. Начало Первой мировой войны в 1914 году обозначило немедленный, ультимативный и непримиримый раскол между теми, кто поддерживал продолжение войны в союзе с западными демократиями, и теми, кто приветствовал социалистический антивоенный интернационализм. Под руководством В. Чернова, Н. Ракитникова и М. Натансона Партия социалистов-революционеров (ПСР), включая активистов и последователей из рабочей, солдатской, крестьянской и студенческой среды, заняла позицию интернационализма; ультралевая группировка во главе с М. Натансоном и Б. Камковым даже выступила за поражение России как первый шаг на пути к социалистической революции. Большинство организаций начало кампанию пропаганды против войны, царя и капитала, влившуюся в русло негативных настроений в отношении самодержавия и капитализма.

Хотя Н. Авксентьев, Е. Брешко-Брешковская, А. Аргунов и др. отстаивали продолжение войны, оборончество нашло широкую поддержку только среди эсеровской интеллигенции. Фактически идентичная по составу и взглядам более ранней фракции, отказавшейся от революционной деятельности и выступавшей за легальную работу в существующих социальных институтах, меньшая группировка, поддерживающая войну, «пережидала» ее в изоляции от эсеровских организаций. Протестуя против царского режима (но сторонясь нелегальных методов борьбы, особенно в дни войны), она уклонялась от поддержки нарастающего революционного движения. Несмотря на явное отклонение от традиционной эсеровской теории, она не порывала связи с партией, а скорее начала ее преобразование в соответствии с собственными взглядами.

Февральская революция неожиданно изменила баланс сил внутри партии в пользу тех, кто поддерживал продолжение войны до победного конца. Многочисленные активисты и лидеры призывали к революционной поддержке военных действий, провозглашая необходимость защиты новой, революционной России. Даже Чернов принял эту позицию и другие установки правых точно так же, как до этого принимал левый уклон (хотя не в той степени, как крыло Натансона — Камкова). Ориентация направо получила большую поддержку среди эсеров, сторонников войны, и интеллигенции, многие годы стоявшей в стороне от нелегальных организаций. Оборончески настроенные интеллигенты и революционеры (во главе с Черновым) оказались сильнее левых. Только те, кто звал на борьбу с царским

режимом как первому шагу к социалистической революции, настроены были все так же против войны, а теперь еще и отрицали либеральную политику Временного правительства, выступая за правительство социалистическое, опирающееся на Советы. Даже вернувшиеся из Европы и сибирской ссылки левые не в силах были выровнять ситуацию. Ранее радикальная ПСР теперь показывала себя с реформистской, постепенческой стороны. Ее ЦК, контролируемый правым крылом, полностью поддерживал войну и Временное правительство.

После февраля ПСР пыталась объединить представителей обоих конфликтующих лагерей. Великолепные ораторы справа, взявшие под контроль организации партии, убеждали рабочих, солдат и крестьян в необходимости осторожности, использовали революционную риторику, тогда как их действия выдавали реформизм, направленный на установление контроля образованной буржуазии, «живых сил», как они выражались. Левые активисты, напротив, пытались сохранить традиционную эсеровскую идею уникальности России: гибель царского режима от рук рабочих и солдат (крестьян в военной форме) подготовила почву скорее для социализма, чем для капитализма. Левое крыло утратило контроль над партией, но осталось уверенным, что большинство ее активных членов и последователей разделяют его позиции.

Левые задалась делом пропаганды своих идей для завоевания большинства. Они отрицали раскол в партии, поскольку, с одной стороны, переоценили перспективы контроля изнутри и, с другой стороны, плохо представляли ее без Чернова и Ракитникова. И всё же, они публично придерживались радикальной позиции. На Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов 29 марта — 3 апреля и на других всероссийских, региональных и местных собраниях весной и летом 1917 года они выступали против войны и Временного правительства, защищали идею социалистического правительства и призывали к реформам для рабочих, солдат и крестьян. Они сплотились с большевиками и левыми меньшевиками, мыслящими в том же ключе, для разработки совместных резолюций, не имевших успеха до конца 1917 года из-за несогласия умеренного эсероменьшевистского большинства.

Неспособность левых эсеров контролировать парторганизации не означала недостатка ресурсов для широкой поддержки. Центры их поддержки возникали очень быстро. Кронштадтская организация левых эсеров с ее огромным контингентом матросов и солдат стала бастионом левых и во многом влияла на известный радикализм Советов Кронштадта. Подобные ей организации Гельсингфорса и Ревеля также развивались по левому пути, как и эсеры Пскова, ориентировавшиеся на солдат. Огромная петроградская организация, состоявшая из рабочих, солдат и интеллигентов, с позиций левоцентризма в течение года еще сильно левела. Таким образом, Северный региональный комитет ПСР (включая Камкова и А. Устинова) стал бастионом левого крыла, издававшим газету эсеров «Земля и воля». На фронте левые эсеры и левые социал-демократы сплотились для пропаганды среди солдат. В Уфе, Томске и Казани эсеровские организации приняли новое название для своей партии: левые эсеры-интернационалисты. Эти центры являлись базовыми для распространения эсеровских идей на Урале, в Волжском районе, в Сибири, на Украине и в других регионах.

Современные исследования позволяют реконструировать лишь приблизительную модель раннего развития левизны среди известных эсеровских организаций. Кронштадт, ориентировавшийся на матросов, организации Ревеля и Гельсингфор-

са быстро перешли влево, тогда как ячейки на Черноморском флоте значительно дольше оставались умеренными. Парторганизация Харькова состояла из рабочих и интеллигентов, в Томске — из солдат и интеллектуалов, в Казани — из рабочих, студентов и крестьян, и так далее. Классовый состав местных организаций меньше влиял на их направленность, чем позиция лидирующих групп. Там, где левые группы сильны, организация была левой; там, где преобладали умеренные интеллектуалы (например, в Саратове, Москве, Самаре), организация в целом, состоящая в массе своей из тех же слоев, ориентировалась направо. Внутри умеренных организаций левая направленность исходила от рабочих, солдат или эсеров, связанных с крестьянством, подкрепляя аргумент левых эсеров, что на массовом уровне кадры разделяют их устремления.

Хотя эсеровская интеллигенция никогда не была настроена настолько лево, как другие группировки в ПСР, руководство левых эсеров состояло в основном из интеллектуалов. Типичный вождь левых эсеров всероссийского или местного уровня был интеллектуал, вступивший в партию в Революцию 1905–1907 годов, прошедший через арест и ссылку, убежденный в необходимости нелегальной революционной деятельности и протестовавший против войны с позиций поражения. Оборонческие наклонности партийной интеллигенции привели к тому, что в 1917-м к левым эсерам примкнуло мало новых интеллектуальных кадров, так что лидерами среднего звена, а позднее и всей партии, оказались недавние солдаты, рабочие и крестьяне.

К концу весны левое движение в партии эсеров усилилось, соседствуя с ростом поддержки большевиков в Советах и других массовых организациях. На летнем съезде ПСР левые эсеры составили около 20% делегатов, но в самых важных вопросах побеждали с большинством в 40% голосов. Для координации работы в масштабе всей страны левые создали Организационное бюро, что вызвало угрозы со стороны ЦК ПСР, который, лишившись всех левых, кроме Натансона. ЦК ПСР был переизбран умеренным большинством вразрез с распределением сил. Лезвоэсеровские газеты и ораторы предостерегали об успешности большевистских нападков на умеренную политику эсеров и меньшевиков. Они обвиняли ЦК ПСР в отходе от доктрины эсеров и, таким образом, от традиционного обращения партии к средним социальным слоям, что неизбежно приведет, подчеркивали левые, к дальнейшей потере поддержки.

После событий Июльского кризиса назначение эсера Керенского главою правительства еще больше подвинуло ЦК ПСР к подобной тактике. Правительство Керенского продолжало мутить воды партийной жизни, арестовав левых эсеров вместе с большевиками и левыми меньшевиками, а также своей причастностью к мятежу Корнилова. В конце лета предостережения левых эсеров сбылись: поддержка эсеров (и меньшевиков) рабочими и солдатами прекратилась. Одновременно с выступлением рабочих и солдатских кадров партии против интеллектуалов левые эсеры установили контроль над организациями от Петрограда до Ташкента. Другие организации просто разделились, обычно на интеллигенцию (эсеры) и массы (левые эсеры).

Левые эсеры Б. Камков, М. Спиридонова и И. Штейнберг призывали созвать съезды ПСР и Советов, от которых ожидали радикальных результатов. Они верили, что только социалистическое правительство, основанное на принципах Советов, способно выдвинуть революционные военные, земельные и экономические реформы, покончив с погрязшим в социальный и хозяйственный хаос; лейтмотивом

тивом их анализа стало стремление избежать гражданской войны с помощью объединенной демократии (поддерживающих социализм масс). С этой целью они продолжали сотрудничать с большевиками и левыми меньшевиками. К концу лета фракции левых эсеров либо доминировали (как на Черноморском флоте или на Всероссийском съезде железнодорожников), либо, чаще совместно с более многочисленной фракцией большевиков, превосходили все еще значительные силы эсеров и меньшевиков на разных советских, местных и всероссийских конференциях. В последние недели перед открытием II съезда Советов (25 октября) левые эсеры, выступая как отдельная партия, нашли собственный путь, отличный как от эсеро-меньшевистского альянса, так и от большевиков. Предвидя предстоящее смещение Временного правительства съездом Советов, они пытались сорвать односторонние действия большевиков. В предчувствии гражданской войны они осуждали раскол среди революционных сил — точка зрения, разделяемая многими большевиками и левыми меньшевиками.

На съезде Советов левые эсеры предприняли попытку объединения большевиков с умеренными эсерами и меньшевиками, покинувшими съезд в знак протеста против использования большевиками вооруженной силы. Как и ранее, и по тем же причинам, они пытались создать расширенное социалистическое правительство. Используя свое влияние в ВИКЖЕЛ (Всероссийском Исполнительном Комитете железнодорожников), левые эсеры организовали знаменитые переговоры большевиков, ощущавших на себе вооруженное давление, с эсерами и меньшевиками. Соглашение о социалистическом правительстве казалось неизбежным, однако исключение эсерами и меньшевиками из предлагаемого состава правительства Ленина и Троцкого и угасание вооруженной угрозы большевикам расстроили переговоры.

Левые эсеры продолжали подталкивать большевиков к уступкам, возможно, с большими шансами на успех, чем произошло в действительности: идея полностью социалистического правительства получила огромную поддержку (у однопартийного ее не было); многие в ЦК большевиков разделяли позиции левых эсеров; последние завоевали поддержку в важных организациях, например, в Советах крестьянских депутатов. Таким образом, отказываясь от предложений большевиков войти в новое советское правительство, левые эсеры пытались создать условия для расширенного правительства. Когда стало ясно, что это невозможно, они в середине декабря вошли в состав советского правительства. Левыми эсерами руководил страх перед однопартийной диктатурой и надежда смягчить действия большевиков, против которых яростно протестовали. Полная изоляция большевиков, рассуждали они, таит угрозу самой власти Советов, горячо поддерживаемой ими, так что единственный выход — союз с большевиками и борьба за лучшее будущее. Они работали над объединением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета рабочих и солдатских депутатов (ВЦИК) и Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов, в котором они преобладали. В связи с этим левые эсеры добились большинства во ВЦИК (новом законодательном органе), что отчасти улучшило их пониженный статус в Совете Народных Комиссаров (СНК), где они, в ряду других, работали в отделах сельского хозяйства, юстиции и связи.

С момента вступления в СНК они боролись с нарушением большевиками (посредством всемогущего ВЧК) гражданских прав. Тенденция СНК действовать без санкций ВЦИК (роковой шаг для нового правительства) также стала причиной

споров левых эсеров с большевиками. Однако левые эсеры разделяли взгляды большевиков по многим важным вопросам, как, например, необходимость прекращения войны, установления советской власти, передачи всей земли крестьянам, создания рабочего контроля (позднее выяснились разногласия по этим проблемам). Левые эсеры и большевики были единодушны в разгоне Всероссийского Учредительного собрания, выборы в которое, как они думали, искажил ЦК ПСР, отдав партийный список умеренным.

В конце ноября 1917 года левые эсеры созвали съезд, образовавший ЦК ПЛСР и местные партийные организации. Как раз, разрешая весомые правительственные задачи, левые эсеры столкнулись с необходимостью создать новую партийную организацию. Разрыв с остальной партией был мучительным и деструктивным; эсеры владели основными интеллектуальными ресурсами и большинством общепартийных штаб-квартир, газет и типографий. Тем не менее, левые эсеры пережили стремительный организационный бум, символом которого стал огромный успех их центральной газеты «Знамя труда». Перечень ее авторов читался как список интеллектуальной элиты России (Александр Блок, Андрей Белый, Иванов-Разумник), которая, несмотря на умеренные настроения традиционных эсеров, потянулась к эсерам левым. Их социальной базой, казалось час от часа растущей, были, вопреки соперничеству эсеров и коммунистов, рабочие, солдаты, матросы и, прежде всего, крестьяне.

На III Всероссийском съезде Советов, собравшемся в январе 1918 года вместо разогнанного Всероссийского Учредительного собрания, левые эсеры составили большинство в новом ВЦИК и, что важнее, в СНК, где они преобладали над большевиками. Из-за ничтожного организационного опыта их отговорили брать на себя основную роль в правительстве (решение вполне разумное, но выдающее отсутствие воли к власти). Получилось все наоборот: большевики продолжали руководить правительством, а левые эсеры составляли закон о национализации земли, выполнявший обещания ленинского Декрета о земле (упрощенного толкования эсеровской программы). Одним этим ходом, верили левые эсеры, они заложили фундамент социализма и собственного будущего (типичным для них представлением о России была «сплошная коммуна от моря до моря»).

В январе-феврале 1918 года отношения с большевиками ухудшились. После горячих споров левые эсеры добились допуска в ВЧК (В. А. Александрович стал заместителем Ф. Э. Дзержинского) как средства против злоупотреблений большевиков полицейским аппаратом государства. Брест-Литовский договор стал государственным переворотом. Социалисты-интернационалисты всегда настаивали на мире «без аннексий и контрибуций», но ленинский договор отдал Германии обширные территории и другие выгоды. Так что нельзя обвинять в непоследовательности ни левых эсеров, ни коммунистическое большинство, возражавших против условий такого мира. Сильнее обычного военного ответа рисовалось левым эсерам (и их левым коммунистическим союзникам) сопротивление скудным наличным германским силам народного восстания, организованного Советами, также чрезвычайно враждебными договору.

Вопреки советам некоторых вождей (М. Спиридоновой, М. Натансона и А. Колгаева) в марте 1918 года левые эсеры ушли из СНК, создав, таким образом, однопартийную систему, чего сами так боялись. И все же, благодаря их разрыву с правительством и с коммунистами, чей вес в массах стремительно падал, положение левых эсеров в Советах было очень устойчивым; освобождение руководящего со-

става от правительственных обязанностей также принесло пользу партийному строительству.

С уходом левых эсеров из СНК и Наркомата юстиции, через который И. Штейнбергу случалось смягчать действия большевиков, правительство Ленина развернуло широкомасштабный «Красный террор». Вдобавок правительство ответило на недостаток продуктов, вызванный Брест-Литовским миром, созданием вооруженных отрядов, отбиривших зерно у крестьян — мера, опротестованная левыми эсерами. Глава Крестьянской секции ВЦИК Спиридонова и левые эсеры пытались поднять революционный дух крестьянства и защитить от губельных методов большевиков. В то время как эсеры и меньшевики вновь обрели популярность среди рабочих больших городов (после репрессивных мер, принятых большевиками, и исключения обеих партий из Советов в июне), левые эсеры набирали всё большую и большую силу в сельской местности, небольших городах и в провинции, подготавливая арену для финальной схватки.

Они готовились на V Всероссийском съезде Советов сформировать новое правительство. Когда стало ясно, что в результате манипуляций большевиков с мандатами надежды не оправдались, ЦК решил устроить покушение на посла Германии Мирбаха. Разорвать мир и, в конце концов, не дать большевикам удержать власть было отчаянной попыткой. Левые эсеры просчитались в том, что верили, будто их действия получат широкую поддержку масс. Однако Ленин быстро успокоил уже ослабленную Германию, а в РСФСР представил покушение как попытку захвата власти. Таким образом, изгнание левых эсеров из Советов создало однопартийное государство, после чего ЧК направила на них свою карающую мощь.

Несмотря на расстрелы и аресты, левые эсеры выжили и осень 1918 года отметили новым ростом парторганизаций в связи с усилившейся поддержкой рабочих, крестьян и даже красноармейцев. Послеиюльские карликовые партии (революционные коммунисты, народные коммунисты) провалились в поиске массовой поддержки, и многие их члены вернулись к левым эсерам. Осенью 1918 года левые эсеры окончательно решили свергнуть ленинский режим, который теперь считали губельным для Русской революции (годом ранее они боялись, что падение большевиков повредит революции). В знак протеста против создания комбедов они возглавили крупные крестьянские восстания, а также помогали рабочим в организации и проведении забастовок и демонстраций, что во множестве происходили в 1919-м и позже. В 1919 году ВЧК сочла прямую связь левых эсеров с массовыми забастовками и восстаниями среди рабочих, солдат и крестьян настолько угрожающей, что для борьбы против них СНК наделил Дзержинского чрезвычайными полномочиями. Тем не менее, всего лишь два года спустя Кронштадтское восстание и ряд других выступлений произошли по их инициативе. Таким образом, история и деятельность левых эсеров, хотя и не имели никогда успеха, продолжались долго после обычно приводимой даты прекращения их активности в середине 1918 года. Действительный конец их партии, как и конец эсеров и меньшевиков, относится к периоду после Гражданской войны.

Суть левоэсеровских обвинений против коммунистов сводилась к заявлениям о неразборчивом терроризме, политике, враждебной рабоче-крестьянским интересам и, сверх всего, о подмене советской власти сверхцентрализованной однопартийной диктатурой. Левые эсеры настаивали на том, что только они остались верны первоначальной идее «власти Советов» (имевшей широкую поддержку в период Гражданской войны и лежавшей в основе Кронштадтского восстания).

Несмотря на ряд роковых ошибок в их короткой истории, анализ деятельности левых эсеров заслуживал внимания современников и даже ныне дает пищу для размышлений. Их основная идея о стремительном переходе к социализму содержала нереальную оценку российской социально-экономической действительности. В 1917 году они точно определили отсутствие крепкой поддержки умеренной эсеровской политике, которая, кроме прочего, игнорировала официальную программу ПСР и атаковала ее слева. В стране с социальной структурой России призывы к средним слоям общества, как это делал ЦК ПСР, были самоубийственны. Выступи ПСР против войны, за социалистическое правительство — история могла быть иной. Позже левые эсеры сожалели, что не вышли из ПСР раньше — несомненно, их первой серьезной ошибке.

Когда большевики угрожали Временному правительству, левые эсеры предостерегали, что подобные выпады лишь способствуют росту социальной нестабильности. Только демократическая общественность, действуя в согласии, говорили они, может предотвратить или сгладить социальный конфликт — убеждение, определившее их поддержку расширенного правительства социалистов до и после событий Октября. Такое правительство имело бы сильную поддержку подавляющего большинства населения, в социалистических партиях всех видов. Такой подход (его можно назвать демократическим прыжком) заслуживает более серьезного изучения, чем это до сих пор встречалось.

Приход в правительство и сотрудничество с ВЧК, как и соучастие в разгоне Учредительного собрания, поражают многих наблюдателей как предательство принципов или бесхребетное лизоблюдство перед большевиками, тогда как для левых эсеров это была попытка укрепить советскую власть — их подлинная цель — и помешать большевикам злоупотреблять властью. Выход из СНК в марте 1918-го показался некоторым руководителям левых эсеров обидчивостью, лишившей возможности влиять на ход событий. Однако именно это содействовало укреплению партийной организации до способности бросить вызов коммунистам. Их одновременная критика однопартийной власти и «слепой централизации» попала в точку, указав на самые разрушительные тенденции коммунистического правления.

Убийство Мирбаха было самой ужасной, почти не объяснимой ошибкой левых эсеров. Они переоценили реакцию общественности (сам по себе Брест-Литовский мир был вопиюще непопулярен) и недооценили возможности правительства Ленина нанести удар по их партии, имевшей поддержку шире любой другой в России. Лучше бы просто свергнуть большевиков, что было в пределах их возможностей. Вероятно, преданность демократической власти (пользующейся расположением массовых выборных организаций) была их ахиллесовой пятой в российской катастрофической ситуации и в противостоянии таким соперникам, как коммунисты. Проходившая как бы в тени Гражданской войны, последующая деятельность левых эсеров остается за пределами существующих исследований и анализа. Их идеализм навсегда остался не проверенным на обладание властью; их сильная сторона — страстная оппозиция.

Исследования мои, К. В. Гусева и Л. Хефнера (последнее основано на изучении документов российских архивов) подробно рассматривают движение левых эсеров в Первую мировую войну и 1917–1918 годах. В готовящихся к печати трудах (моя рукопись о левых эсерах в 1917–1918 годах и две биографии М. Спиридоновой) также использованы архивные источники. Тема, однако, остается открытой. Должны

быть написаны биографии таких важных фигур, как М. Натансон, Б. Камков и И. Штейнберг. Изучение деятельности активистов партии на местном и региональном уровне и среди широких социальных слоев, особенно крестьян, требует дальнейших исследований, как и Украинская партия левых эсеров, движение левых эсеров среди литературной интеллигенции России, этнические составляющие партии (кроме украинцев в ней много было белорусов, евреев, татар и представителей других восточных национальностей), как женщины в партии (ни в одной другой не было руководительниц, подобных Марии Спиридоновой, Анастасии Биценко, Ирине Каховской, Александре Измайлович и Анне Лебедевой). Архивные источники, упомянутые в этом томе в статье «Партия социалистов-революционеров (эсеры), 1917–1920 годы», относятся и к левым эсерам.

Для исследований по истории Партии левых эсеров особенно интересны коллекции ВИКЖЕЛ, СНК, ВЦИК и НКВД в Государственном архиве Российской Федерации; в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории— фонд № 564 (Партия левых эсеров), коллекция ЦК КПСС (фонд № 17) и его Секретариата (опись № 4). Богатые материалы о левых эсерах в 1918 году содержит коллекцию Наркомата земледелия (фонд № 478) в Российском государственном архиве экономики в Москве.

Литература

- Гусев К. В.: Крах партии левых эсеров. М., 1963; Партия левых эсеров от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975.
- Левые эсеры и ВЧК: Сб. документов / Науч. ред. А. Л. Литвин. Казань, 1996.
- Леонтьев Я. В. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007.
- Литвин А. Л., Овруцкий Л. М. Левые эсеры: программа и тактика. Казань, 1992.
- Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг.: В 3-х т. М., 2000.
- Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров. Пг., 1918.
- Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007.
- Haefner L. Die Partei der Linken Sozialrevolutionäre in der Russischen Revolution von 1917/1918. Cologne; Böhlau, 1994.
- Melancon M. The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti-War Movement, 1914–1917. Columbus, 1990.

Меньшевики в 1917 году: от демократов к государственникам

ЗИВА ГАЛИЛИ, АЛЬБЕРТ НЕНАРОКОВ

В 1917 году, когда большевики захватили власть, Лев Троцкий объявил, что события выбросили «на свалку истории» меньшевистское крыло российской социал-демократии, которое, вне всякого сомнения, играло решающую роль в выработке и претворении в жизнь политической стратегии Советов в период с февраля по октябрь. Для восстановления подлинной картины от участников событий и исследователей потребовались немалые усилия: запись ретроспективных взглядов меньшевиков-эмигрантов на склоне их лет в 1950-х — начале 1960-х годов в рамках американского межуниверситетского проекта по истории меньшевистского движения (Inter-University Project on the History of the Menshevik Movement), затем первые монографические исследования и документальная публикация «Меньшевики в 1917 году» (М., 1994–1997).

Победа большевиков действительно стала политическим поражением меньшевиков. Однако следует помнить, что даже первое время после октября 1917-го каждая из обеих партий все еще держалась за название РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия), а также ещё использовала другое для того, чтобы определить собственную позицию и сплотить свои ряды. Обе партии всё ещё были восприимчивы к лозунгам социал-демократического единства. Процесс взаимного размежевания и самоопределения, начавшийся на II съезде РСДРП, полностью не завершился даже после более чем десяти лет фракционной борьбы, в ходе которой формировались элементы мировоззрения, политической культуры и практики, отличавшие меньшевика от большевика.

До революции

Как марксисты меньшевики ценили не только аналитические и прогностические возможности этой доктрины, но также ее космополитические установки и обещание универсалистского общества. Отчасти это можно объяснить преобладанием среди меньшевиков представителей этнических меньшинств (грузин и евреев) и явно городским характером партии. Как социал-демократы они придерживались схемы, разработанной Г. В. Плехановым в 1880-е годы, согласно которой за буржуазной революцией последует капиталистическое, затем социалистическое преобразование России. Роль гегемона меньшевики приписывали рабочему классу и его социал-демократической партии на этом «буржуазном» этапе, но не переставали повторять утверждение Карла Маркса, что политические институты покоятся на социально-экономических процессах, определенные процессы должны

дождаться своей очереди, а человеческая воля не может изменить законы истории. Революционные инициации 1905 года придали этой осторожности эмоциональную силу страстного ожидания и грубого подавления. Сквозь призму этих взглядов ход Первой русской революции лишь утвердил меньшевиков в верности основных элементов их доктрины, сформулированной на Первой конференции меньшевистских активистов в мае 1905 года. Они оставались аксиомой и в 1917 году: передача власти может происходить только через процесс социальной трансформации; социал-демократия может организовывать и готовить рабочих к этой передаче, но не может влиять на выбор момента, в который она произойдет. Наконец, какой бы временный режим ни заменит царскую власть, по их мнению, он неизбежно должен заняться построением буржуазного строя. Социал-демократы не могут безоговорочно поддерживать этот любой временный режим, тем более участвовать в нём, так как иначе ограничат свою независимость как пролетарской партии и им придется противостоять своим же сторонникам из числа рабочих.

Однако, если в общих программных установках согласие можно было считать всеобщим, события 1905 года вскрыли противоречия по ряду других вопросов, не только отличавших меньшевистское крыло РСДРП от большевистского, но и разделявших самих меньшевиков.

Уже к 1906 году А. Н. Потресов предложил программу, которую Ленин нарёк «ликвидаторством»: прекращение подпольной деятельности и отказ от идеи революционной партии как возбудителя социальных сил. «Ликвидаторство» означало, таким образом, трансформацию социал-демократии из партии революционной интеллигенции в массовую. В партию, способную бороться за влияние на новых национальных и местных политических площадках. В частности, профсоюзы, рабочие кооперативы, их клубы и другие местные пролетарские организации мыслились теперь меньшевиками как школы рабочей самодеятельности и демократического политического действия. Программа Потресова вызвала недовольство меньшевиков-эмигрантов, которые эмоционально, если и не всегда на практике, сохраняли приверженность роли партии как объединителя и руководителя раздробленного рабочего движения. Эти тактические разногласия были в известной мере улажены, когда С. О. Ежов, П. А. Гарви и многие другие «практики», то есть меньшевики-практики, ставшие бухгалтерами, секретарями и организаторами массовых рабочих организациях, в 1911 году присоединились к так называемым «инициативным группам», сочетавшим легальную работу с участием в возрожденном меньшевистском подполье. Более острые разногласия сохранялись между ликвидаторами-публицистами (в меньшевистской терминологии «литераторами») и их эмигрантскими критиками.

А. Н. Потресов, Ф. А. Череванин, Е. Маевский, В. О. Левицкий, Б. И. Горев и некоторые другие отмечали существенный рост городского сектора российского общества и возникновении новых социально-политических групп. Именуя их «демократической интеллигенцией», «городской демократией», или просто «промежуточными городскими слоями», они видели в этом росте возникновение новых условий, способствующих ускорению демократической трансформации России. Это открыло новые возможности коалиции этих демократических слоев с прогрессивной буржуазией. Коалиции, призванной предохранить российское общество от социальной поляризации и анархии. В отличие от них, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, С. Ю. Семковский и, в тот период, Ф. И. Дан высказывали сомнения в том, что молодая городская демократия сумеет добиться гегемонии,

помешать своему буржуазному союзнику вытеснить себя из политической жизни или действовать достаточно независимо от буржуазии и ее партий.

Первая мировая война углубила некоторые из этих разногласий, частично сгладив другие. Эмигранты группы Мартова придерживались интернационалистской доктрины. Они считали войну империалистической и полагали, что Социалистический Интернационал должен заставить воюющие правительства заключить всеобщий, справедливый мир. Потресов и ликвидаторы, со своей стороны, настаивали, что задачи самообороны требуют привлечь все «жизненные силы» России, включая и социалистическую интеллигенцию, и утверждали далее, что антисамодержавный альянс (который не удалось материализовать на волне нового революционного подъема 1913–1914 годов) реально создать вокруг решения этих задач. Другие, те, кто встретил Первую мировую войну в тюрьмах и ссылке (в первую очередь Церетели и его группа так называемых «сибирских циммервальдийцев»), а так же работал в общественных организациях военного времени, выражали большой оптимизм по поводу лозунга единения всех «жизненных сил страны». Именно этим лозунгом и руководствовался Церетели при создании и определении конструкции коалиции во Временном правительстве в 1917 году.

Итак, меньшевики, внутренне разделенные, к 1917 году не выработали какой-либо определенной концепции тактического решения вопроса о власти. Кроме политической культуры, включавшей в себя работу в легальных трудовых и общественных организациях, более конкретные элементы общего «меньшевистского» подхода заключали в себе следующее: запреты на участие социалистов в буржуазном правительстве и на преждевременное движение к социализму; убеждение, что для безопасного перехода от самодержавия к социальной и политической демократии, рабочему классу и его партии требуется сотрудничество с сильными и более просвещенными слоями российского общества. Соответствующую стратегию, направленную на обеспечение политического урегулирования, которое позволит Советам сотрудничать с Временным правительством, одновременно проводя собственную политику, и держать в узде политические процессы, развязанные революцией.

Переосмысливая события 1917 года

Эти цели, казалось, разделяемые большинством меньшевиков в 1917 году, по своему интерпретировала и пыталась воплотить в жизнь центристская группировка «революционных оборонцев». К сожалению, это так и не стало предметом серьезного историографического внимания ни западных, ни российских исследователей.

В интерпретации событий 1917 года, возникшей после победы большевиков, всё представлено в виде прямолинейного заговора, концентрирующего силы на решении вопроса о захвате власти «пролетариатом» от одного кризиса к другому. Историки не в меньшей степени, чем мемуаристы, попали под влияние того, что Потресов называл «классовым инстинктом», отличая его от «классового сознания». В результате основные цели и задачи революции — демократическая трансформация политической жизни, демократическая интеграция общества — оказались отодвинуты на задний план. На первое место попали борьба за власть как таковая или нарастание анархии и социального конфликта, принижавшие значе-

ние политического действия. При оценке меньшевистской стратегии, направленной на предотвращение социальной поляризации, утвердилось мнение, что меньшевикам изначально нехватало политического реализма и политической воли, они были скованы путями доктрины «буржуазной революции». Некоторые элементы этой историографической традиции критически пересмотрены в монографии Зивы Галили «Меньшевистские лидеры в русской революции» (1989). Но даже в этой работе сохранилось утверждение, что поляризация социальных отношений в послевоенский период в конечном счете парализовала активность меньшевиков и, более того, не оставила места для каких-либо политических инициатив и решений исторической значимости.

Всё это требует переосмысления в свете появления новой документальной истории меньшевизма в четырех частях: «Меньшевики в 1917 году». Как научное издание эта работа опирается на новый подход к работе с архивными материалами (параллельное использование документов российских и зарубежных архивов) и на новые возможности сотрудничества российских и западных историков. Документальная публикация раскрывает роль меньшевистских лидеров Петроградского и Всероссийского Советов не только в контексте фракционной борьбы внутри их собственной партии (то есть между фракцией революционных оборонцев и их оппонентов из станов интернационалистов и оборонцев, между меньшевиками в столице, в губерниях и в армии, между активистами трудовых организаций и министрами кабинета), но также в контексте самих советских органов, где эти лидеры, совместно с социалистами-революционерами, боролись за преобладание политической стратегии в противостоянии давлению и критике со стороны других социалистических партий и группировок. Она также показывает место, которое занимало меньшевистское руководство в контексте трех собраний национального масштаба, доминировавших в политической жизни второй половины 1917 года: Государственного совещания в Москве, Демократического совещания и так называемого Предпарламента в Петрограде. Здесь во внутрименьшевистских расхождениях преломлялись и разрастались политические трещины внутри российского общества, так облегчившие большевикам приход к власти.

Из многих проблем, которые ставят на повестку дня эти новые документы, следует выделить периодизацию хода революции. Указывая на то, что основной заботой меньшевиков являлось утверждение их роли объединителей раздробленных социальных сил вокруг исторической задачи демократической реконструкции России (это устремление находилось в центре всей межфракционной борьбы внутри меньшевизма), новые документы определяют новое направление исследовательских подходов к анализу событий русской революции. Политические кризисы и лозунги («Апрельские тезисы В. И. Ленина», Апрельский и Июльский кризисы, Корниловщина), расценивавшиеся, прежде всего, как стимулы обострения социальной конфронтации и борьбы за власть, можно рассмотреть и иначе: как симптомы преобладающей политической культуры и составные части трех основных стадий развития революции. Первая из них, озаглавленная как победой коалиционной политики над первоначальным двоевластием, так и кризисом этой политики, длилась с февраля по конец августа; вторая стадия, время упущенных возможностей для объединения демократических сил России и, соответственно, решения вопроса о власти, продолжалась с начала сентября до Октябрьского переворота; наконец, на третьей стадии, с Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания в начале января 1918 года, произошел конечный крах уси-

лий, направленных на достижение интеграции общества, параллельно шел процесс становления советской власти как инструмента однопартийной политики.

Посвятив по отдельному тому каждой из двух последних стадий, новая документальная история меньшевизма в 1917 году устранила давний дисбаланс. Второй и третий периоды, несмотря на большое количество посвященной им литературы, еще не подвергались систематическому научному анализу, равно как весьма мало сохранилось свидетельств непосредственных участников событий. Единственное исключение составляют «Записки о революции» Н. Н. Суханова, социал-демократа интернационалиста, чьи воспоминания помогают понять вызовы, перед лицом которых социалистические лидеры оказались в 1917 году, и суть предложенных ими решений. Наконец, новая документальная история позволяет детально исследовать споры вокруг не малоизвестных попыток создания однородного демократического правительства после попытки переворота генерала Корнилова. Дает возможность шире взглянуть на период, непосредственно предшествовавший событиям октября 1917 года, как и последующий. На попытки добиться проведения открытой публичной дискуссии по наиболее насущным проблемам внутренней и внешней политики, споры вокруг структуры и реального осуществления политической власти. На опыт принятой некоторыми меньшевиками стратегии открытого сопротивления режиму, возникшему после захвата власти большевиками. На борьбу других меньшевиков за создание однородного социалистического правительства, с участием всех социалистических партий, представленных в Советах: большевиков, меньшевиков, эсеров и народных социалистов (энесов).

Меньшевики и роль государства

Эта новая периодизация диктуется логикой, внутренне присущей эволюции политических процессов, как она задокументирована в понимании событий самими участниками. Вместе с тем, новые документы значительно изменяют наше понятие о произошедшем в России в 1917 году, и в других аспектах. Прежде всего, это вопрос, выбранный для специального рассмотрения в данной статье: развитие представлений о государстве и власти. Теперь ясно, что меньшевики, добравшись до олимпийских высот в политике посредством реальной власти в Советах, оказались в ситуации, в которой огромное политическое влияние сочеталось с несоизмеримо более огромной ответственностью и неизбежной необходимостью принимать трудные решения. В ситуации, которая еще более усугублялась внутренней борьбой в партии и постоянным беспокойством о партийном единстве.

В 1917 году именно меньшевики сыграли ключевую роль в важных и сложных процессах, связанных с формированием демократических структур власти; они полагались на помощь этих структур в деле интегрирования расколотого российского общества. Раз за разом меньшевикам различной окраски приходилось приспособлять свои воззрения к социальным и политическим реалиям. В своем стремлении обеспечить условную поддержку Советами Временного правительства партия пыталась сохранить свое влияние в массах, поддерживавших Советы, и оказать давление на правительство для решения проблем, имевших первостепенное значение для всех слоев российского общества, способствуя политической консолидации нового правительства. Этим объясняется острый конфликт вокруг

двоевластия и вокруг разъяснения того, чем Советы в действительности являлись — или одним из источников формирования новой демократической власти, или органами самоуправления, созданными самой революцией.

Критика этой перспективы исходила прежде всего, естественно, от Ленина. Он видел в Советах форму организации политической власти и призыв его «Апрельских тезисов» выразить этот взгляд в политических формулах способствовал углублению раскола между политическими силами в России. Наряду с другими последствиями выступление Ленина свернуло объединительные процессы, так как извратило и деформировало реальное понимание роли и места Советов в политической жизни страны. Но, одновременно, критика исходила и из среды самих меньшевиков. При их первоначальном почти безграничном влиянии в Советах, среди них с самого начала наблюдалась двойственность и непоследовательность в отношении к тому, что мы привыкли называть двоевластием.

Меньшевики, взгляды которых в наиболее полной мере выражал Дан (долгое время самый влиятельный и пользующийся доверием союзник Церетели в меньшевистском руководстве), придавали давлению и контролю за новыми демократическими структурами власти ключевое значение в своем оговоренном условиями сотрудничестве с цензовым Временным правительством. Единомышленники Дана считали, что только Советы могут обеспечить влияние «революционной демократии» на характер политических и экономических реформ, равно как и на внешнеполитический курс правительства. Более примирительный характер имела стратегия Церетели и лидера оборонцев Потресова, считавших возможным обойтись без давления Советов на Временное правительство. Эта стратегия, однако, подверглась сомнению после знаменитой «Ноты Милюкова» союзникам от 18 апреля, подтвердившей намерение России продолжать войну «до победного конца».

С самого начала революции существовала также точка зрения меньшевиков-«практиков». Б. О. Богданов и К. А. Гвоздев, работая в Отделе труда Петроградского Совета, первыми начали добровольно сотрудничать с Временным правительством, считая себя связующим звеном в деле управления экономикой и спасения страны и государства. В личном опыте посредников между рабочими и управленцами они видели доказательство того, что русские предприниматели, такие как А. И. Коновалов (предприниматель-прогрессист, ставший министром торговли и промышленности во Временном правительстве), готовы создать условия для открытого, саморегулируемого рабочего движения, на организацию которого была потрачена значительная часть усилий меньшевиков, начиная с 1907-го. Но уже в конце апреля 1917 года тот же самый опыт показал, что часть так называемых имущих слоев придется силой принуждать к такому сотрудничеству из-за их пассивности и даже открытого противодействия.

К тем же заключениям пришли меньшевики, работавшие в Экономическом отделе Петроградского Совета — В. П. Громан и Ф. А. Череванин, крупные экономисты и статистики и ранее ликвидаторы. Их личный опыт работы в общественных организациях военного времени в значительной степени определил их оптимизм в отношении сотрудничества социалистов и общественных групп, включая торгово-промышленные элементы. Громан и Череванин хорошо представляли, даже лучше, чем их товарищи «практики», что только давление со стороны их самих и их союзников из рядов технической интеллигенции может заставить правительство и предпринимателей предпринять меры в экономике, необходимые для спасения России.

Апрельский кризис укрепил веру этих меньшевиков в то, что только участие социалистов в осуществлении власти обеспечит правительству авторитет, а также сделает возможным проведение социально интеграционной политики, которую партия считала необходимой. Несколько неожиданной оказалась эволюция меньшевиков, вошедших в коалиционное правительство. Это изменение, которое может быть объяснено как превращение демократов в государственныхников, включало переопределение функций государства, равно как и сдвиг в самовосприятии меньшевиков.

Перед формированием коалиции, как справедливо отметил Уильям Розенберг, «Совет и Временное правительство отвергли потенциальную роль государства как орудия социальных или классовых интересов; оно было сконструировано как надпартийное пространство для борьбы, а не как инструмент классовых привилегий или социального преобладания». Действительно, само появление Советов и их объединение в вертикально организованную сеть вскоре после Февральской революции дали спонтанное выражение широко распространившемуся желанию заменить традиционную концепцию государства как орудия власти новым пониманием роли государства как механизма социальной интеграции. Однако участие меньшевиков в правительстве влекло за собой расширение функционального значения государства в различных сферах социальной и экономической жизни и (опять-таки, по словам Розенберга) дало обновленную силу традиционной государственной «тенденции к вмешательству за счет тенденции защищать гражданский строй. В этом процессе граница между государством и обществом не сделалась яснее, как того требовало укрепление нового демократического строя в России, но, напротив, стала более размытой». В то же время меньшевики, непосредственно занятые работой в правительстве, под влиянием лежавшей на них ответственности и изменений в самовосприятии стали рассматривать себя блюстителями Российского государства и видеть в своём Временном правительстве единственное подходящее средоточие политического авторитета.

От демократов к государственнымникам

Данный процесс не был простым. По горячим следам Июльского кризиса, господствующее среди меньшевиков восприятие Советов изменилось незначительно. Меньшевицкая стратегия потерпела ущерб по двум аспектам: если уход кадетов из правительства ставил под сомнение коалиционную основу сотрудничества между представителями Совета и несоциалистическими министрами, то массовые антиправительственные демонстрации в Петрограде отделили лидеров от рядовых членов Советов. Меньшевики еще не утратили веры в Советы как полноценные участники формирования новой коалиции, хотя дифференциация в настроениях различных фракций становилась всё более и более очевидной.

Большинство революционных оборонцев-центристов поддержало новый кабинет Временного правительства, основанный на прежних принципах коалиции; сначала они требовали от кабинета заявить приверженность программе радикальных преобразований, принятой I Всероссийским съездом Советов (3–24 июня), но затем отказались от этого, когда она оказалась неприемлема для коалиционных партнеров Советов. Другая группа, центристы — была готова принять коалицию на более широкой основе. Наряду с существующим правительством в ней могли

бы объединиться все конституционные элементы «революционной демократии» (Советы, представленные в них социалистические партии, множество трудовых и армейских организаций), а также элементы так называемой «несоциалистической демократии» (земства, разные отрасли местного самоуправления, кооперативы, профсоюзы учителей, инженеров, докторов и других служащих). Меньшевики-интернационалисты, как известно, с самого начала отвергли идею социалистического участия в коалиции и с июля призывали (особенно через петроградскую организацию партии, где имели большинство) передать всю государственную власть Советам, с оговоркой, осуществить это не силой, а через организационные каналы и политическое влияние Советов.

Первая из этих позиций отразила новое, формирующееся воззрение — воззрение государственников. Оно нашло выражение в ещё не опубликованной речи министра труда меньшевика М. И. Скобелева на объединенном пленуме Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Советов (ВЦИК) 16–24 июля: «Никто в правительстве не сомневается в роли и значении местных демократических органов в борьбе против экономической разрухи, но только правительство может создать такие органы». Выступление Скобелева объясняет выразившееся в эти дни предпочтение, отдаваемое Церетели сильной исполнительной власти, и его высказывание, что Совет «ни на что не способен». Церетели рассматривал Советы как чисто представительные организации и призвал их «не мешать всенародной власти» (власти коалиционного правительства). Эти слова произнесены задолго до большевизации Советов. Более того, эта позиция полностью совпала со взглядами представителей имущих слоев, которые выразил Н. В. Некрасов, наиболее радикальный из русских либералов. 21 июля он заявил вождям меньшевиков и эсеров: «Возьмите власть в свои руки и возложите на себя ответственность за судьбу России. Но если у вас недостает решимости сделать это, уступите власть коалиционному правительству, и не мешайте ему работать».

Еще неожиданнее оказалось отражение новых реалий в динамичной эволюции позиции интернационалистов, выраженное Комитетом Петроградской организации меньшевиков. В течение непродолжительного периода комитет существенно расширил свое понимание сущности «советского министерства», к которому он призывал, и обнаружил готовность позволить «тем буржуазным министрам, которые еще не ушли в отставку», продолжать работу в правительстве, одновременно требуя строгой подотчетности последнего Советам.

На августовском «Объединительном» съезде РСДРП меньшевики не сумели найти выход из кризиса коалиционной политики. Несмотря на претензии представлять объединенное крыло русской социал-демократии, съезд не сделал ни шага в сторону создания подлинно объединенной рабочей партии и не выработал никакого реалистичного, эффективного, сбалансированного плана создания демократического государства. С другой стороны, новые документы немало свидетельствуют о динамичной и созидательной политике меньшевиков от августовского «Объединительного» съезда РСДРП до II съезда Советов, хотя, в конечном счете, она потерпела неудачу.

Недавно обнаруженные протоколы ЦК РСДРП, избранного на августовском «Объединительном» съезде, наряду с расшифрованными набросками более подробных неофициальных протокольных бумаг, могут произвести нечто вроде исторической сенсации. Эти документы передают личные взгляды каждого оратора, широкий спектр мнений и суждений, порой совершенно неожиданных и часто

противоречащих стереотипам, бытовавшим среди нескольких поколений исследователей меньшевизма. Они проливают свет на логику, руководившую переменной отношения со стороны различных меньшевистских групп к идее коалиции, и позволяют документально проследить поиск организационных принципов, которые позволили бы ответственному правительству взаимодействовать с новым демократическим Предпарламентом, созданным в начале октября.

В течение этого времени престиж и влияние всех партий, представленных в руководстве Советов, заметно ослабли и в центре, и в губерниях. Это относится и к меньшевикам. Те кто «лучше чувствовал ситуацию», как сказал Ежов, принялись пересматривать свою тактику. На основании своего полугодового революционного опыта они пришли к выводу: нельзя «покупать коалицию с имущими классами ценой демократической политики», так как это только усиливает недоверие рабочих и толкает их «в оппозиционный лагерь». Ежов, как и некоторые другие лидеры, представлявшие разные течения внутри меньшевизма, настаивал, что при принятии политических решений социалисты должны учесть настроения, господствующие среди большинства рабочих, но при этом «не превращаясь в большевиков».

Борьба за массы шла в основном в самих Советах, поэтому особую ценность представляет собой ещё один новый источник этого периода: стенограммы заседаний ВЦИК и Петроградского Совета (по отдельности и объединенные, открытые и закрытые), тщательно воссозданные на основе архивных и газетных материалов. Новые документы показывают активные, но безуспешные попытки меньшевиков перехватить инициативу в определении судеб революции. Внутренние раздоры углублялись и подрывали задачу объединения всех демократических сил. Призывы к ответственному подходу к национальным проблемам, даже успешная попытка на Государственном совещании 12–15 августа в Москве убедить представителей так называемой «несоветской демократии» (кооперативы, земства, городское самоуправление и т. п.) создать объединенный «демократический фронт» вокруг «программы 14 августа», предусматривавшей демократические реформы, не мешали проявлениям воинственного настроения правых сил или их успеху в стремлении добиться полной независимости Временного правительства от Советов.

Корниловский мятеж в конце августа дал руководству меньшевиков шанс относительно легко и быстро выйти из кризиса коалиционной политики и преодолеть кризис в рядах собственной партии. В какой-то момент казалось, что и генеральский путч, и первоначально неопределенная реакция на него со стороны Керенского подтверждают правильность общего подхода меньшевиков к проблеме власти, что зафиксировано в решениях августовского «Объединительного» съезда РСДРП. И критики коалиционной политики, и сторонники единства «жизненных сил» народа согласились, что самая насущная задача — объединение возможно более широких сегментов общества, прежде всего самой революционной демократии, под знаменем защиты правительства. В то же время, даже меньшевики-центристы не могли не признать растущее влияние большевистских лозунгов среди сторонников Советов. Любое промедление в осуществлении программных мер, которые они сами наметили 6 мая, 8 июля и 14 августа, грозило отнять у партии и ее руководства в Советах политическую инициативу. Отсюда динамизм и целеустремленность, с которыми меньшевики устремились в сентябре к достижению этой цели, стараясь максимально использовать преимущества своей центристской позиции, которая ещё не была полностью дискредитирована.

Однако все эти надежды были похоронены раз и навсегда на Демократическом совещании 14–22 сентября. Своим поведением на нём политические партии, общественные группы и организации напоминали персонажей басен Крылова. Большевики-центристы во главе с Церетели призвали создать правительство, которое объединит «жизненные силы народа» независимо от классовых, партийных или национальных интересов и устремлений. Большевики-интернационалисты, как и левые эсеры, и большевики, требовали (хотя и в разных формах) усилить общественный контроль над Временным правительством и более строго определить форму правительственной отчетности. Это можно было сделать, связав режим или с Советами, которым большевики и близкие к ним деятели были теперь склонны передать власть, или, до созыва Учредительного собрания, с новым органом — Предпарламентом, в который предполагали включить представителей Советов и других общественных организаций и групп (кроме тех, кто замешан в заговоре генерала Корнилова). Именно этого, казалось, хочет российское общество, и именно это могло ещё спасти от экстремизма.

Классовый инстинкт (в потресовском понимании этого выражения) продолжал, однако, разделять делегатов Демократического совещания и при определении ближайших задач, и в вопросе о партнерах и союзниках. В своём нежелании слушать друг друга доходили до абсурда. Никто из участников прений не заметил, что в общем подходе к решению проблем они мало отличаются от осужденных ими сторонников генерала Корнилова. Подобно им все соглашались, что главная задача любого правительства заключается в усилении своих правительственных функций. Одни требовали укрепить правительство для предотвращения экономического краха и поражения на фронте, другие добавляли, что это необходимо в интересах «жизненных сил» народа, третьи настаивали на том же, рассуждая с точки зрения диктатуры пролетариата и крестьянства. Так, все делегаты, тем или иным путем, приходили к мысли, что государственной власти надо дать «всеобъемлющие полномочия, право вмешиваться во всё».

Ровно через два месяца в статье в первом номере газеты «Клич» Дан признал, что на Демократическом совещании большевики могли своими голосами обеспечить антикоалиционное большинство, хотя, по его мнению, даже это не дает реальный шанс «общедемократической власти», поскольку сама «демократия» (кооператоры, представители земств, городских дум и Советов крестьянских депутатов) не выражает желания участвовать во власти без представителей имущих групп. Примерно десять лет спустя эту мысль почти дословно повторил В. С. Войтинский (другой близкий союзник Церетели). Со всей откровенностью он прибавил, что и большевики не выражали «ни малейшего желания участвовать в правительстве вместе с другими социалистическими партиями на компромиссной основе, приемлемой для широких сегментов демократии». Такое могло быть написано только в конце 1920-х — не только после Октябрьской революции и Гражданской войны, но и по прошествии первых лет НЭПа, когда совершенно очевидно стало, что большевики пришли «всеерьёз и надолго». В ноябре 1917 года Дан писать так не мог. Он хорошо знал, что Лев Каменев и некоторые другие большевики занимают особую позицию, соглашаясь перед съездом Советов поддержать создание социалистического правительства на компромиссной основе. Эта позиция «умеренных большевиков» просматривалась не только в заявлениях Каменева и других на Демократическом совещании, но и на переговорах, которые вели после Октябрьских событий под патронажем Викжеля, центрального органа союза железнодорожных рабочих и служащих.

В статье 1923 года о последних днях Временного правительства Дан приписал неудачу Демократического совещания прежде всего нетерпимости, проявленной официальными представителями ВЦИК. И в этом он был точнее, чем Войтинский, другие авторы воспоминаний и, позднее, исследователи событий 1917 года. Самому основанию и логике для созыва Демократического совещания — осознанию того, насколько важно сформировать однородное демократическое правительство — с самого начала был нанесен удар отказом Церетели и других официальных представителей ВЦИК порвать с имущими элементами или признать необходимость «создания чисто демократической власти» (Дан сам неохотно поддержал эту позицию). По словам Дана, это превратило совещание в «арену совершенно ненужных и даже вредных пререканий с большевиками». Действительно, как верно подметил Дан, у Демократического совещания была одна реальная возможность — сформировать не «общедемократическое», а «советское правительство».

Позднее Дан признал также, что «положение Предпарламента серьезно ухудшилось по сравнению с первоначальными проектами из-за сопротивления правительства». Временному Совету Российской республики, (официальное название Предпарламента), придали чисто консультативную роль. Тем не менее, меньшевистские лидеры ВЦИК всё ещё надеялись заменить коалицию чисто демократическим правительством, способным быстро и решительно претворить в жизнь основные пункты «программы 14 августа». Меньшевики всегда ценили практические мероприятия их способность изменять институты де-факто. И теперь они рассматривали перспективу совместной работы в Предпарламенте, открывшемся 7 октября, надеясь на то, что в ходе нее несоветская демократия решится порвать узы со своим «социально-политическим консерватизмом» и принять «парламентский» путь реформирования правительства. Меньшевистские лидеры надеялись, что их фракция в Предпарламенте преуспеет в создании «левого большинства» с дальнейшей целью формирования чисто демократического «левого» правительства. Однако, как признал Дан в статье 1923 года, на осуществление этого шансов было немного, так как слишком много времени было потеряно и события развивались с «головокружительной быстротой».

Меньшевистская программа выхода из войны, основанная на лозунгах «Мир без аннексий и контрибуций», «Осуществление права народов на суверенитет», была решительно отвергнута имущими классами. Так же как и другие предложения, особенно урегулирование аграрных отношений и промышленного производства, борьба с погромным движением и другими нарушениями порядка и организация снабжения для населения и армии. Уступив имущим элементам в вопросах, касавшихся характера и формирования правительства, попав под давление этих кругов меньшевики оказались неспособны противостоять правому и левому экстремизму. Это в значительной мере было следствием той скорости их превращения из демократов в государственников, превращения столь стремительного, что помешало заметить, когда и где центральная власть снова утратила точку соприкосновения с обществом. Церетели в конце сентября заявил, что «в стране революционной демократии власть была организована без какой-либо демократической поддержки». Теперь, когда все потерпело крах, он вновь обратил внимание на «огромную роль Советов», которые «аккумулируют мнение масс», и, следовательно, представляют собой «действующее крыло демократии». В действительности, не только государство потеряло точку соприкосновения с демократией, это же можно сказать и о ставших этатистами демократах. Позднее по той же дороге пош-

ли большевики, используя Советы для диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, сделав их орудием однопартийной политической системы.

Поражение меньшевиков в 1917 году означало конец и новорожденного этатизма партии, и ее давних идеалов и планов построения основ социальной и политической демократии в России. Это поражение на многие десятилетия умалило политическую активность меньшевиков и их лидерство в революции. Однако кратковременный период, который следует признать «меньшевистской стадией» революции, может стать источником для новых концепций, особенно теперь, когда мы можем в полной мере изучить деятельность меньшевиков в 1917 году, всю сложность их внутренних разногласий, эволюцию взглядов меньшевистских деятелей, в частности, и это особенно важно, лидеров партии из числа революционных оборонцев. Меньшевики в 1917 году оказались на трагическом распутье между своей традиционной приверженностью к осуществлению ближайших экономических целей рабочих и долгосрочных политических и общественных идеалов с одной стороны, и столь же твердым убеждением, что для достижения этих целей требуется длительный период сотрудничества с другими социальными силами. Создатели и руководители Советов («активного крыла демократии») видели, что их собственная приверженность демократизации институтов и политической практики постепенно уступит место чувству ответственности за революционные преобразования, которое и привело их в коалиционное правительство. Затем, перед лицом войны, революции и грядущей гражданской войны, они проявили и заботу об охране самих структур государства, которые взялись преобразовать. Меньшевистский этатизм нельзя обвинить в личном стремлении к власти или в опыте ее осуществления. Можно ли его приписать результату взаимодействия между их собственными социальными и демократическими планами и реалиями революции, сопровождавшейся глубокими, радикальными социальными и политическими сдвигами? Было ли российской демократической революции предопределено пройти полный цикл и вернуться к насаждению всепроникающего государства, дав обществу лишь слабый шанс создать промежуточные структуры и институты, способные ограничить роль государства? История меньшевизма заставляет историков всерьез задуматься над этими вопросами.

Литература

Галили З. Лидеры меньшевиков в Русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993.

Галили З., Хеймсон Л., Миллер В., Ненароков А. РСДРП(о) в 1917 году: Документально-исторические очерки. М., 2007.

Меньшевики: Документы и материалы. 1903–1917. М., 1996.

Меньшевики в 1917 г.: В 3-х тт., 4-х книгах. М., 1994–1997 / Общ. ред.: З. Галили, Л. Хаймсон, А. Ненароков / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков: М., 1995. Т. I. От января до июльских событий. М., 1994; Т. II. От июльских событий до Корниловского мятежа; М., 1996. Т. III. Ч. I. От Корниловского мятежа до Временного Демократического Совета Российской Республики (август — первая дека-

- да октября); М., 1997. Т. III. Ч. II. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца года.
- Меньшевики в 1918 г.: Документы и материалы / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М., 1999.
- Меньшевики в 1919–1920 гг.: Документы и материалы / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М., 2000.
- Меньшевики в советской России: Сб. документов / Науч. ред. А. Л. Литвин. Казань, 1998.
- Потресов А. Н.* Избранное. М., 2002.
- Рубан Н. В.* Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917–1918 гг.). М., 1968.
- Суханов Н. Н.* Записки о революции: В 3-х т., 7 кн. М., 1991–1992.
- Федор Ильич Дан: Письма (1899–1946). Амстердам, 1985.
- Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции: В 2-х т. Париж; Гаага, 1968; Кризис власти. Воспоминания лидера меньшевиков, депутата II Государственной думы. 1917–1918. М., 2007.
- Basil J. D.* The Mensheviks in the Revolution of 1917. Columbus, OH, 1984.
- Haimson L.* The Mensheviks from the Revolution of 1917 to the Second World War/ Chicago; London, 1974.
- The Making of Three Russian Revolutions: Voice from the Menshevik Past / Ed. by L. Haimson, Z. Galili, R. Wortman. Cambridge, 1987.
- The Mensheviks: From the Revolution of 1917 to the Second World War / Ed. by L. Haimson. Chicago, 1962.

Большевистская партия

РОБЕРТ СЕРВИС

Большевики были политической партией, которая добилась победы в Октябрьской революции 1917 года. Они основали советское государство и провозгласили начало эпохи социалистической революции в Европе. То, что они сумели удержаться у власти, оказало огромное влияние на историю России, Европы и всего мира, не прекратившееся с распадом СССР.

Зарождение большевизма произошло в не особо благоприятных условиях. На II съезде РСДРП в 1903 году, заседавшем в Брюсселе и Лондоне, победу одержала группа делегатов, объединенная вокруг эмигрантской газеты «Искра». Ее версия марксизма в отношении понятий доктрины и политики взяла верх, и группа доминировала на всех дискуссиях. Однако в момент своего триумфа искровцы разошлись во мнениях о принципе организации партии. Партия существовала лишь в названии. Ленин добивался принятия такого устава, который установил бы условия приема в партию жестче, чем хотели его оппоненты. Это не удалось, но он сумел обеспечить своим сторонникам большинство мест в новых руководящих органах партии. С тех пор его группировку в партии называли большевиками, а другую — меньшевиками.

В эмиграции между этими фракциями шла ожесточенная борьба. Большевики сами раскололись на несколько соперничающих подфракций. Георгий Плеханов, отец российского марксизма, ушел от них к меньшевикам. Беспринципные маневры Ленина и его политический стиль навлекли немало критики. Тем временем, парторганизации в Российской империи явно не хотели признать, что разногласия их далеко находящихся вождей по вопросам партийной организации столь существенны, что ради этого стоит подвергать РСДРП риску раскола. В конце 1904 года партия насчитывала не более 12 тыс. членов и им приходилось поспевать за усилением брожения в рабочем движении по всей империи. Лишь горстка большевиков твердо решила организационно рвать с меньшевиками.

Отношение большевиков к рабочему классу сковывало политическую активность фракции. В работе 1902 года «Что делать?» Ленин утверждал: предоставленные сами себе рабочие способны подняться лишь до уровня «тред-юнионистского сознания». Поэтому, развивал он мысль, для воспитания у рабочего класса подлинно социалистического сознания необходимо руководство интеллектуалов. Это мнение разделяло большинство большевиков, пытаясь выработать свою политику в условиях революционного кризиса 1905 года. Рабочие многих городов образовали стачечные комитеты, они фактически превратились в органы самоуправления и назывались Советами рабочих дептатов. Однако большевики не спешили участвовать в их работе, не доверяя потенциалу самостоятельной политики рабочего класса. Как революционеры, большевики были слишком большие доктринеры в ущерб собственной практической выгоде.

Ленин считал это недопустимой ошибкой. Вернувшись в Петербург в ноябре 1905 года, начал настаивать на участии большевиков в Советах. По тактическим соображениям он также предпринял попытки объединить большевиков и меньшевиков в РСДРП: меньшевики нужны были для сдерживания стремления большинства большевиков к вооруженному восстанию. На IV съезде РСДРП в апреле 1906 года объединение состоялось, сформировали объединенный ЦК. К концу года РСДРП насчитывала примерно 150 тыс. членов. Она была основной политической силой рабочего движения, и большевики составляли существенную часть ее руководства.

Зародыш раскола не был, однако, искоренен. События 1905–1906 годов побудили большевиков выработать общую революционную стратегию. Ее целью, как они определили на своем отдельном III съезде РСДРП, являлось свержение царского режима и учреждение временной революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Предполагалась диктатура социалистических партий, буржуазным партиям в ней не было места. Целью стало бы предотвратить компромисс между свергнутым императором и средними классами. Согласно взглядам Ленина, классовый союз рабочих и крестьян был единственной гарантией разрыва России с «феодальным» самодержавным прошлым и торжества демократического государственного строя и процветающей капиталистической экономики в стране. Для этой цели Ленин предполагал путем диктатуры упразднить частную собственность на землю и передать земли в аренду тем крестьянам, которые ее обрабатывают. Диктатура должна стать беспощадной и, как сформулировали на съезде, не останавливаться перед применением массового террора.

Меньшевики заявляли, что эта стратегия представляет собой план однофазовой социалистической диктатуры (хотя Ленин и возражал, что твердо придерживается двухступенчатой марксистской схемы). Они утверждали, что эта диктатура никогда не сможет установить демократию или способствовать развитию капитализма. Их основной стратегической задачей являлось укрепление классового союза не с крестьянами (их считали непросвещенными и ненадежными), а с промышленными и профессиональными слоями городского среднего класса, рассматриваемых как самые прогрессивные составляющие российской имущей элиты.

Таким образом, даже после организационного воссоединения РСДРП стратегически осталась разделена. Две основные фракции сотрудничали в Советах, профсоюзах и публичной пропаганде. В 1906 году царский режим, используя политику кнута и пряника, укрепил свое положение. Восстание рабочих Москвы в декабре 1905 года было подавлено. В 1906 году состоялись выборы в Государственную Думу с целью привлечь симпатии среднего класса. На социалистические партии оказывалось нещадное давление. В 1907 году трудности казались столь велики, что практически все вожди марксистов признали сопротивляться контрреволюции невозможно, и вновь отправились в эмиграцию. Ленин и руководители большевиков тоже эмигрировали. Поражение революции вновь вызвало раздор внутри РСДРП. Ленин немедленно начал создание отдельной большевистской организации. У него возникли разногласия с Александром Богдановым, который считал его отношение к рабочему классу слишком авторитарным. В 1908 году Ленин окончательно порвал с Богдановым; каждый из них провозгласил себя единственным выразителем истинного духа большевизма. Деятельность большевиков за границей вновь превратилась в череду дискуссий и споров в швейцарских кафе и вестибюлях библиотек.

В Российской империи, тем временем, РСДРП восстанавливала свои позиции. После раздумий и колебаний она решила участвовать во II и последующих Государственных думах. Социал-демократов избрали в Думу по партийному списку. С 1912 года фракция большевиков издавала в Петербурге легальную газету «Правда», книги, памфлеты. Ее активисты проникли в профсоюзы, на передний край стачечного движения, росшего в период промышленного подъема накануне мировой войны. Исходя из этих успехов, Ленин почти открыто взял курс на создание собственной большевистской партии. Большевики составили подавляющее большинство на самочинной VI партконференции в Праге в январе 1912 года; другие фракции РСДРП приглашений не получили или получили слишком поздно и не успели прислать делегатов.

В то же время были проблемы, решить которые Ленин не смог. Во-первых, не все в его фракции согласились с созданием отдельной большевистской партии, претендующей на исключительное право представлять РСДРП. Во-вторых, большевистская фракция оставалась слабой и плохо управляемой. Начало Первой мировой войны обострило эти проблемы. Не все большевики встали на антивоенные позиции, некоторые даже добровольно шли на фронт. Немногие разделяли идею Ленина о необходимости поражения России и перерастания войны между двумя коалициями в «европейскую гражданскую войну». Связь Швейцарии (где Ленин прожил почти всю войну) с Россией была крайне затруднена. Большевиков депутатов Думы арестовали и сослали в Сибирь, большинство местных организаций впали в бездействие. Русское бюро ЦК большевиков работало под руководством Александра Шляпникова, но его влияние на забастовочное движение в России было незначительным.

Тем не менее, уличные демонстрации в Петрограде в конце февраля 1917 года дали местным активистам шанс проявить себя. Они участвовали в создании Петроградского Совета (хотя руководящие посты заняли меньшевики и эсеры). Когда образовалось Временное правительство и такие видные большевики, как Лев Каменев и Иосиф Сталин, вернулись из сибирской ссылки, Русское бюро ЦК завязало отношения с меньшевиками и предложило совместное давление на Временное правительство. Воссоединение двух фракций считалось делом ближайшего будущего.

Такое развитие событий не было, однако, предрешено. Шляпников и другие думали, что Каменев и Сталин настроены слишком променьшевистски. Многие большевики других городов не соглашались с политикой «условной поддержки» Временного правительства, и их становилось все больше по мере того, как становилась очевидна неспособность правительства решать наболевшие проблемы. В эту нестабильную ситуацию вмешался Ленин, вернувшийся в апреле из Швейцарии. Он призвал социалистов взять власть в свои руки и приступить к коренным социальным и экономическим реформам; он потребовал всеобщего мира в Европе. Немедленно возникли разногласия. Сторонники линии Каменева вышли из партии или, как Каменев, пытались направить политику партии в более умеренное русло. В то же время некоторые меньшевики сочли для себя привлекательным новый большевистский радикализм. Десятки тысяч радикально настроенных рабочих влились в ряды большевиков. Всё это позволило Ленину пойти на решающий разрыв с меньшевиками и завершить наконец организационное оформление отдельной партии — РСДРП(б).

Долгие годы эмиграции сделали Ленина нечувствительным к некоторым реалиям русской жизни. Ему пришлось быстро настроиться на новый лад и отказать-

ся от некоторых любимых лозунгов ради приобретения партией популярности. Он прекратил высказывания о «европейской гражданской войне». Он заменил формулу «национализация земли» лозунгом ее «социализации», отвечавшим чаяниям крестьян. Он прекратил разговоры о социалистической «диктатуре» и заимствовал из практики рабочего движения в Петрограде лозунг «рабочего контроля». Другие большевистские руководители поддерживали эти изменения. Каменев считал, что смягчение ленинского языка предвещает переход к политике, которая позволит найти точки соприкосновения большевизма с остальной частью русского социализма.

Организация партии не имела коренных отличий от организации других партий. Большевистская партия была массовой партией. Её рядовые члены избирали местные комитеты; местные партийные конференции отправляли делегатов на съезды и конференции в Петрограде, где обсуждали вопросы партийной политики и избирали центральные органы партии. Центральные органы выпускали газету, издавали текущие директивы. Большевики такую организацию называли демократическим централизмом. Но насколько она в действительности была демократичной и централистской? Как правило, на местном уровне хватало простора для дискуссий и обсуждений. Без поддержки делегатов с мест на VII конференции РСДРП(б) ленинский радикализм не смог бы восторжествовать. С их участием проводилось определение политики партии на VI съезде РСДРП(б) в августе. С другой стороны, определенные стратегические решения принимались помимо членов партии на местах. Ярчайший пример — решение ЦК РСДРП(б) 10 октября 1917 года о вооруженном захвате власти. Лишь немногих ведущих членов партии «с мест» посвятили в заговор.

Конечно, нельзя не признать, что какое-либо широкое обсуждение ставило под угрозу успех революционного дела. Как известно, Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев в своей статье в социалистической газете разгласили решение ЦК от 10 октября. Общая большевистская стратегия перехода власти к социалистам не являлась большим секретом. Еще с апреля читатель газет знал, что партия большевиков нацелена свергнуть Временное правительство.

Во всяком случае, кроме этих критических моментов имелось несколько препятствий для осуществления принципа централизма. Сообщение по стране действовало плохо, лишь в Петрограде «Правда» распространялась регулярно. Иерархические принципы нарушались на каждом уровне. Местные комитеты большевиков, поддерживая теоретически принцип централизма, на деле действовали как независимые проводники социалистической революции. Они придерживались собственной внешней и внутренней политики. Их поведение привносило анархический оттенок в монолитную конструкцию демократического централизма. Суть дела в том, что вожди большевиков и активисты были не демократами по убеждениям, а мастерами фракционных манипуляций. Их теория революции основана на принципе руководства и командования; они были проникнуты инстинктивным неверием в способность рабочего класса совершить свою собственную революцию. Они жаждали результата и готовы были добиться его любыми средствами.

Совершенно ошибочно считать большевиков 1917 года сплоченной партией. Членство было массовым: к концу года она насчитывала примерно 300 тыс. членов. Но рядовые большевики почти ничего не знали о Марксе и Энгельсе, немногие знакомы были с работами Ленина. Даже на партсобрании ходили не регулярно.

Тем не менее, они были нужны. Они давали кадры для фабрично-заводских и солдатских комитетов. Они доходчиво разъясняли массам партийные установки об отношении к политике Временного правительства.

Однако уже наметилось расхождение в целях у большинства рядовых партийцев с вождями. Ради сплочения партийных рядов руководителей на центральном и местном уровне приходилось упрощать содержание большевизма. Немногие рядовые партийцы знали о намерении ЦК вести «революционную войну», если в Европе не произойдет социалистической революции, когда большевики захватят власть в России. Крестьяне не знали, что конечная цель партии создать государственные коллективные хозяйства, рабочим не давали понять, что в не столь далеком будущем грядет установление жесткой трудовой дисциплины. Большинство руководителей партии были уверены, что эти аспекты большевизма будут приняты остальной частью партии и всем рабочим классом, когда свершится революция и рабочие с помощью партагитаторов придут к пониманию своих коренных интересов. И все же, вожди большевиков не были вполне откровенны в отношении долгосрочных целей.

В то же время, они не были просто обманщиками. Они полагали, что революция пройдет легче, чем оказалось. Если они и обманывали других, то отчасти потому, что обманулись сами. Даже Ленин, при всем своем прагматизме, был уверен, что после взятия власти большевиками дело пойдет гладко.

Среди оснований такого растущего оптимизма была эффективность проникновения большевиков в массовые организации, возникшие во многих городах с февраля по октябрь 1917 года. Первых успехов они добились в организациях, непосредственно связанных с промышленностью: в фабзавкомках. Большевики получили в них большинство в Петрограде в мае. Они неуклонно усиливали свои позиции в профсоюзах, к лету добились преобладания в некоторых местных Советах. К началу сентября они победили на выборах в Петроградском и Московском Советах. Лозунг «*Вся власть Советам!*», который Ленин снял после Июльских событий (когда Петроградский Совет позволил Временному правительству начать преследование руководителей большевиков и объявить Ленина вне закона), был возвращен. Многие большевики рассматривали перспективу свержения Временного правительства и образования коалиционного социалистического правительства. Ошибочно выглядит предположение, что большевики не имели опоры в массовом революционном движении 1917 года: без нее они не смогли бы прийти к власти.

Захват власти позволил Ленину и Троцкому сделать еще один решающий поворот руля партийной политики. Вопреки ожиданиям, они отказались допустить в новое советское правительство меньшевиков и эсеров. По этому поводу в ЦК большевиков шли споры, и после нескольких недель неопределенности точка зрения Ленина и Троцкого победила. Каждый раз, когда в последующие годы возникали противоречия по коренным вопросам политики партии, в центральных партийных органах шли оживленные дискуссии, в их результате принималось определенное решение. Ярчайший пример — конфликт вокруг заключения сепаратного мира с Центральными державами в начале 1918 года. Только когда Ленин сумел убедить ЦК в необходимости Брестского мирного договора, его ратифицировали в марте 1918 года.

В этот период в партии происходили быстрые изменения. Все очевиднее становилась фракционная борьба. Перед Октябрьской революцией большевики сумели

избегать серьезных внутренних противоречий, поскольку были единодушны по двум основным вопросам: во-первых, желательность и возможность социалистического правительства в России, и, во-вторых, неизбежность социалистической революции в Европе. Все остальное не имело особого значения, пока партия не пришла к власти. Потребность определить политическую линию правительства немедленно разделила партию. Кроме вопроса о сепаратном мире крайне спорными оказались следующие проблемы: масштабы государственного вмешательства в экономику; отношение к вопросу национального самоопределения; использование буржуазных специалистов; минимум и максимум заработной платы. По всем этим пунктам Ленин выступал за осторожную политику, которая обеспечила бы пребывание партии у власти, тогда как другие, включая многих партийных руководителей в центре и на местах, считали, что партия отказывается от своих дооктябрьских установок. В ходе споров вокруг заключения мира в январе–марте 1918 года оппоненты Ленина приобрели известность под именем «левых коммунистов».

Ленин и секретарь ЦК Яков Свердлов использовали всякую возможность для успеха своей политической линии в партии. VII съезду партии в марте 1918 года, который переименовал ее в Российскую Коммунистическую партию (большевиков), предшествовали пропагандистская кампания и организационные перестановки, усилившие позиции сторонников Ленина. Однако победа не была еще окончательной. «Левые коммунисты», потерпев поражение на съезде, отказались работать в ЦК РКП(б) и СНК; и если их лидер Н. И. Бухарин быстро помирился с Лениным, прочие упорствовали в расколе.

Стимул политической консолидации дали неожиданные обстоятельства. Левые эсеры, с декабря 1917 г. сотрудничавшие в правительстве с большевиками, устроили в июле 1918-го вооруженное выступление против большевиков. За этим последовали тревожные события на Волге: мятеж Чехословацкого корпуса и его союз с правительством Комуча (состоявшим из эсеров, избранных депутатами Учредительного собрания). Большевикам грозила опасность как изнутри, так и извне контролируемой ими территории. Это был решающий фактор сплочения большевиков всех направлений вокруг ЦК РКП(б). Большое значение имели и изменения, допущенные Лениным в экономической политике. Продовольственный кризис в Центральной и Северной России, особенно сказавшийся после утраты Украины согласно условиям Брестского мира, побудил советское руководство объявить продовольственную диктатуру. Ленин показал этим, что отложил в сторону свои более умеренные первоначальные планы решения аграрного вопроса. Он и его сторонники в СНК санкционировали также широкомасштабную кампанию национализации промышленности. Большевики сделали шаг на пути к однопартийной диктатуре, к диктатуре РКП(б), внутри которой устанавливалась все более жесткая координация, которой не было прежде.

События Гражданской войны закрепили тенденции централизма. Партия и так должна была бы принять централистские императивы, если большевики хотели сохранить монополию на власть. Однако длительная борьба с белыми не оставила места для проявлений более свободного организационного построения РКП(б). Политику на всех уровнях подчиняли задаче борьбы не на жизнь, а на смерть против Колчака, Деникина, Юденича. Переход к авторитарным методам ускорила давняя теоретическая склонность руководства к централизованной партийной структуре. Большевики, наконец, начали воплощать в жизнь то, что давно проповедовали.

Сочетание идеологии и внешних обстоятельств оказало влияние и на устройство советской государственной машины. Большинство вождей большевиков изначально считали само собой разумеющимся, что назначение партийных представителей в основные государственные учреждения обеспечит ее контроль над государственным аппаратом. Во второй половине 1918 года и первой четверти 1919-го было решено ввести верховный государственный орган, и самым надежным таким органом, с точки зрения большевиков, была сама партия. Практически во всех проявлениях партия стала всеобъемлющим носителем государственной власти. Ее структуры на центральном и местном уровнях стали высшими исполнительными органами. СНК и другие правительственные учреждения были поставлены в зависимость от инструкций и указаний, дававшихся партийными комитетами.

Эта ситуация сложилась не в результате определенного плана. Напротив, ни «Государство и революция» Ленина, ни в разные программные сочинения Бухарина не заостряли внимания на проблеме взаимоотношения партии и правительства. Та особая форма, которую приняла советская партийно-государственная система, в значительной мере результат импровизации. Однако эти импровизированные преобразования провели в рамках общих большевистских убеждений и склонностей. Идеология сыграла свою роль. Многие местные большевики, одобряя внутрипартийную реорганизацию и приветствуя роль партии как высшей государственной инстанции, чувствовали, что недостаточно уделяется внимания практическим потребностям управления и организационной теории. Критические мысли подобного рода высказал нижегородский партийный руководитель Лазарь Каганович, готовый отринуть даже видимость внутрипартийной демократии. Идеи в ином направлении развивали Тимофей Сапронов и другие члены Московской городской организации РКП(б), считая необходимым ввести более эффективную и демократическую систему построения партии. Каганович и Сапронов, несмотря на различия взглядов, сходились в одном: весь партаппарат надо внутри перестроить.

Свердлов уже брался за решение проблемы: он начал в январе 1919 года реорганизацию центральных органов партии. Работу ЦК затрудняла неизбежная необходимость посылать ряд его членов в другие города и на различные фронты. Для сохранения преемственности и достижения согласия в принятии решений постановили учредить внутренние подкомитеты для ведения дел в перерывах между нечастыми заседаниями ЦК: Политическое бюро (Политбюро) и Организационное бюро (Оргбюро). Свердлову также поручили образовать в Секретариате несколько отделов, чтобы должным образом исполнялись значительно умножившиеся функции партии как высшей государственной инстанции. Свердлов умер в марте 1919 года, и дело реорганизации продолжили Елена Стасова, а с 1920 года — триумvirат Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский и Л. П. Серебряков. Аналогичные реорганизации провели на более низких ступенях партийной структуры. За каждый местный комитет отвечало одно должностное лицо. В 1917–1919 годах главное должностное лицо комитета называлось председателем, с 1920 года — секретарем комитета.

Насаждение иерархии и дисциплины сопровождалось усилением нетерпимости к внутренним дискуссиям. Открытые партсобрания стали нечасты и начали непочтительно именоваться «митингованием». Не все одобряли эту тенденцию. Многие рядовые члены, вступившие в партию в 1917 году, разочаровались в ее по-

литической и экономической линии и покидали ее ряды. После 1918-го в ходе «чисток» всех недовольных начали исключать из партии

До Октябрьской революции в РСДРП(б) рабочие составляли до трех пятых рядовых членов. В Гражданскую войну положение резко изменилось. В 1921 году по официальным сведениям лишь 44% членов РКП(б) были пролетарского происхождения, причем и эта цифра сильно завышена. Представители других социальных групп вступали в партию по разным мотивам. Некоторые видели в большевиках защитников от внешней агрессии. Другие усматривали в них строителей общества, основанного на личных заслугах и достоинствах, которые вскоре утратят свои специфически большевистские черты. Некоторые вступали в ряды большевиков, стремясь приобщиться к власти и небольшим, но привлекательным привилегиям членов партии. Набор этих привилегий, впрочем, не предоставлялся безусловно. В Гражданскую войну большевики правили, «сидя на чемоданах». В любой момент белые могли нанести поражение Красной Армии, и тогда всякому пленному большевику расстрел на месте стал бы наилучшим исходом. У многих должностных лиц в эти годы здоровье сильно пошатнулось. Трудно отрицать, что партия отдалась от устремлений, характерных рабочему классу в 1917 году, и превратилась в партию вождей, указывавших рабочим, что надо делать.

Штатские вожди партии от случая к случаю ссылались на нее как на военизированную структуру. Это было верно в другом смысле. Многие большевики в 1919–1920 годах находились не в городах, а в Красной Армии, где отказ от демократических процедур в парторганизациях шел быстрее, чем где-либо. Выборную иерархию партийных комитетов упразднили, заменив политкомиссарами, и они подчинялись непартийному органу, Реввоенсовету Республики во главе с Троцким. В их обязанности входили правительственная пропаганда в армии и слежка за ее офицерами. Большевикам армии надлежало подчиняться, а не рассуждать. И этот в высшей степени иерархический и дисциплинарный подход влиял на развитие сходных тенденций в гражданских парторганизациях.

Против такого развития РКП(б) выступали по разным мотивам разные оппозиции. Первая из них, так называемая «военная оппозиция» была довольно обширной группой партийных и военных деятелей, которые при поддержке Сталина выступили против такой организации Красной Армии, какую насаждал Троцкий. Одним не нравилось использование царских офицеров, другие хотели усилить чисто партийную работу в армии, некоторые призывали к более демократичному способу принятия решений. Спор уладили на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года. Гораздо серьезнее была оппозиционная группа 1919–1920 годов «демократические централисты» во главе с Сапроновым и Н. Осинским. Они требовали, в частности, смягчить централизм в партии широкими коллективными обсуждениями. Большинство руководителей партии, даже на местах, отвергли их идеи как несвоевременные в условиях войны. Еще опаснее для единства партии было выступление «рабочей оппозиции» за участие рабочих и крестьян в выработке решений, принимаемых от их имени. «Рабочая оппозиция» требовала от РКП(б) поделиться властью с Советами и профсоюзами. Ленин сумел сломить эту оппозицию на X съезде РКП(б) в марте 1921 года.

Итак, ни одна из этих оппозиций не добилась особого успеха. Должностные лица большевистской партии временами могли усмотреть здравый смысл в их критических выступлениях, но чувствовали, что, несмотря на ошибки и недостатки, центральные органы партии верны общему делу, заслуживают доверия и, во всяком

случае, не менее эффективны, чем любой альтернативный набор политических лидеров. Режим внутри РКП(б) становился все авторитарнее, о чем, собственно, и говорили оппозиционеры. Этот режим принимал меры против своих критиков, которых за упорство в ереси, отсылали на работу подальше от столицы. Для «демократических централистов» местом такой «почетной ссылки» стала Украина.

Нельзя сказать, что это партия роботов. И в военных, и в гражданских партийных организациях большевики все еще верили, что их борьба вызовет перестройку общества на всей планете. Не станет угнетения и эксплуатации. Коммунистическая эра близка. Воодушевленные своими победами в Гражданской войне, вожди большевиков пришли к выводу, что введенные или закрепленные в период военных действий авторитарные методы организации в партии, государстве и обществе наиболее годны и в мирное время. Сознательно или нет, эти задачи претерпели изменения. Не было прежнего равновесия революции сверху с революцией снизу. Большевики настроились силой насаждать революционные преобразования. При таком способе мышления утрачивалась симпатия к автономному народному самоуправлению, которая проявлялась в большевистских декларациях 1917 года. В утопизме всегда присутствовал сильный авторитарный элемент. Но к концу Гражданской войны авторитарные установки превратились в бесспорную суть большевизма.

Утопизм сам по себе не исчез, а стал авторитарным. К концу Гражданской войны авторитарные тенденции в партии настолько возобладали, что принудительные меры в экономике воспринимали как образец для послевоенного восстановления. В Политбюро Ленин встретил в штыки в феврале 1920 года предложение Троцкого немного смягчить аграрную политику. В декабре 1920 года на VIII съезде Советов Ленин уже сам предложил ввести материальные поощрения для крестьянского земледелия, но съезд отверг эту идею. Зимой 1920–1921 годов на пространствах России и Украины запылали многочисленные восстания крестьян. Лишь тогда Ленин сумел настоять на замене реквизиций зерна (продразверстки) ограниченным продовольственным налогом. Этот поворот в 1921 году одобрили сначала в феврале Политбюро, затем в марте X съезд РКП(б).

К тому времени уже стало очевидно, что установился новый политический и социальный строй и его главный компонент — партия. Могло ли быть иначе? Отправной точкой дискуссии на эту тему надо принять то обстоятельство, что партия (до 1917 года — фракция) всегда рассматривала диктатуру как средство осуществления социалистической революции. Она всегда считала себя авангардом, постоянно проявляла пренебрежение к соблюдению формальностей Конституции, законности и правосудия. Массовая популярность и массовый приток новых членов в 1917 году несколько приглушил, но не свёл на нет эту тенденцию в большевизме. После Октябрьской революции она вновь резко всплыла на поверхность. Возможно, диктаторские склонности могли быть остановлены, если бы партия не была политически изолирована. Однако Ленин, безусловно, не думал о каких-либо иных формах управления. А раз диктатура установлена, то неизбежно должна ужесточаться, чтобы уцелеть. Это, в свою очередь, означало, что внутренняя жизнь партии станет все менее и менее демократичной. Запрещение фракционности, принятое по инициативе Ленина на X съезде РКП(б), логически завершило организационные изменения, происходившие на протяжении нескольких лет.

В конце Гражданской войны РКП(б) определенно была централизованной, дисциплинированной, иерархичной. Однако надо подчеркнуть, что такой она была по

сравнению с партией до и во время революции. Коммуникации оставались едва существующими даже после Гражданской войны. Неповиновение, хотя в основном пассивное, было повсеместно проникающим; и вновь центральный руководитель партии решил выйти из шеренги Политбюро, как сделал Троцкий в 1923 году, фракционная деятельность едва сдерживалась.

Фракционность была не единственной проблемой для вождей, стремившихся укрепить дисциплину партии. Внутрипартийный режим привел к возникновению механизмов, посредством которых партийные функционеры пытались защититься от нежелательного давления сверху. Руководители всех уровней строили клиентские связи. Отсюда — появление «семейных кланов» и местных «гнезд», которые образовывались партийными руководителями во всех общественных учреждениях. Всякий раз, когда центральное руководство наталкивалось на такое препятствие своему контролю, оно предпринимало кампании чисток и перестановок. Это заставляло местных функционеров изобретать всё более изощренные способы предохранения своих комитетов и организаций от вмешательства центра. Эти маневры просматривались уже в период сразу после Гражданской войны. Партия была способна на революционные перемены, но выполнимость тех или иных перемен и их цена зависели от ее внутренней организации и внешних политических функций. Это было грубое орудие, неизбежно приводившее к крутым изменениям. Однопартийное государство, которым управляли во имя неизменной идеологии, вряд ли способно создать общество добровольного сотрудничества. Наиболее вероятным результатом является застывшее общество, признаки которого чётко видны в СССР уже в 1920-е годы.

Начиная со II конгресса Коммунистического Интернационала в июле-августе 1920 года эта же партия служила образцом для компартий всего мира. Условия членства в Коминтерне были основаны на положениях Устава РКП(б). К 1980-м годам такие компартии были у власти на территории, занимавшей треть мировой суши. Из маленького, сдавленного жёлудя 1903 года выросло множество корявых, раздувшихся дубов. Ещё не все они свалены; и даже там, где это произошло, как в России, корни дерева сохраняют способность к регенерации.

Конечно, по сравнению с более поздним периодом, в 1921 году РКП(б) была далека от монолитности. Практическим результатам пока уделяли больше внимания, чем формальностям. Спокойное, деловое исполнение приказов ещё не было в таком почете. Партия являлась бюрократической машиной, но машина эта отличалась невероятным динамизмом. Партия сохраняла лояльность своему центральному руководству и через центральный аппарат и местные органы готова была следовать за ним в интересах развития революции. Такая партия сумела пережить смерть Ленина в январе 1924 года. Она удерживалась в узде только в условиях соблюдения фундаментальных основ марксизма-ленинизма. Новая экономическая политика представляла собой временное отступление, глубоко непопулярное у партийных функционеров. Лидером, который отождествлялся с верностью Ленину и, в конечном счете, проявил нетерпимость к компромиссным мерам, был Сталин. Победа Сталина во фракционной борьбе 1928–1929 годов с защитником НЭПа Бухариным не случайна.

Сталин победил в борьбе за ленинское наследие отчасти лишь потому, что был талантливым администратором. Никого другого не недооценивали так сильно. Н. Н. Суханов назвал его «серым пятном». Для Троцкого, самого амбициозного и надменного большевика, он был заурядный бюрократ. Соперники Сталина не су-

мели осознать, что он лучше иных понимает партию. Он знал, как подойти к свертыванию НЭПа. Он умел выждать, не делал резких движений. С большевистской партией надо было обращаться осторожно: она не утратила своих взрывных качеств.

Какое значение имеет ныне обращение к истории большевизма? Ответ таков: лишь всестороннее изучение партии большевиков позволит определить пределы гибкости внутри политической системы, ядро которой партия. Идеологические и организационные ограничения имелись всегда. Ленин понимал это, хотя ему и претило то, что не всегда удавалось заставить «ленинскую» партию выполнять его волю. Это стало одной из причин «большой чистки» — истребления руководящих кадров партии, предпринятого в 1937–1938 годах Сталиным. Ведь, даже в начале 1930-х годов партия еще не являлась послушным орудием в руках вождя.

Если мы хотим понять историю Русской революции, то должны обратиться к более широким понятиям, чем «вождизм» (используя ленинское выражение). Мы должны рассмотреть идеологию, организационные механизмы, социальный состав и политическую роль партии в целом. История большевизма — это тема гораздо более сложная и интригующая, чем представляло себе большинство ее исследователей и на Востоке, и на Западе. Как история, большевизм жил, жив и будет жить!

Литература

- Большевистское руководство. Переписка. 1917–1927 гг. М., 1996.
- Николаевский Б. Большевистский центр. 1906–1907 // Родина. 1992. № 3, 5.
- Петербургский комитет РСДРП: Протоколы и материалы заседаний. Июль 1902 — февраль 1917 г. Л., 1986; Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г.: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003.
- Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б): Повестки дня заседаний. 1919–1952. М., 2000. Т. 1. 1919–1929.
- Рабинович А.: Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992; Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989; Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007.
- Сервис Р. Ленин. Минск, 2002.
- Спиридович А. И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти (1883–1903–1917). М., 2007.
- Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): Историко-биографический справочник. М., 2005.
- Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Флоренция, 1975.
- Benvenuti F. The Bolsheviks and the Red Army, 1918–1922. Cambridge, 1988.
- Elwood R. C. Russian Social Democracy in the Underground: A Study of the RSDRP in the Ukraine, 1907–1914. Assen, 1971.
- Keep J. H. L. The Rise of Social-Democracy in Russia. Oxford, 1963.

-
- McKean R.* St. Petersburg between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907 — February 1917. New Haven; London, 1990.
- Rigby T. H.* Communist Party Membership in the USSR, 1917–1967. Princeton, 1968.
- Sakwa R.* Soviet Communists in Power: A Study of Moscow during the Civil War, 1918–1921. London, 1988.
- Service R.* The Bolshevik Party in Revolution: A Study in Organizational Change 1917–1923. London, 1979.

Оппозиция в РКП(б): от Брест-Литовского мира к X съезду

РОБЕРТ В. ДАНИЭЛС

Поразительной чертой русской революции была живучесть политического плюрализма внутри победоносной компартии на протяжении всего насильственного и неуверенного периода революционной борьбы эпохи «военного коммунизма» 1918–1921 годов. Если внешняя оппозиция компартии была шаг за шагом подавлена в период января–июля 1918 года, то внутривнутрипартийная коммунистическая оппозиция политике Ленина продолжалась активно и гласно до окончания Гражданской войны. Эта оппозиция существенно благоприятствовала документальному подтверждению изменений методов и направления нарождающегося советского режима. Более известная борьба за преемственность Ленину в 1920-е годы являлась менее свободной и менее глубокой в поднятых ею вопросах, чем дискуссии эпохи «военного коммунизма». Сопоставимые с ними споры вокруг фундаментальных принципов советской системы стали возможны лишь когда Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев открыл путь для политических реформ в 1980-е годы.

Разногласия о коалиции, Брест-Литовск и «левые коммунисты»

Послереволюционную оппозицию коммунистическому руководству можно подразделить на три–четыре этапа, если учесть месяцы непосредственно после Октябрьской революции. В эти первые дни оппозиция возникла на правом крыле партии как эхо сомнений в насильственном, однопартийном захвате власти в октябре 1917 года. Григорий Зиновьев, Лев Каменев, будущий глава правительства Алексей Рыков и другие противники Октябрьского переворота даже ушли в отставку из ЦК большевиков и 4 ноября 1917 года из Совета Народных Комиссаров (СНК), тщетно требуя создать многопартийное коалиционное правительство. Единственным результатом их протеста стало временное включение в состав СНК левых эсеров.

В январе 1918 года политическая расстановка сил в большевистской партии совершенно изменилась, когда Ленин внезапно предложил принять германский ультиматум на переговорах в Брест-Литовске о выходе России из Первой мировой войне. В этом его поддержало правое крыло партии, осторожное и ставшее ему стойким союзником до самой его смерти в 1924 году; сопротивление он встретил слева — от Николая Бухарина и его последователей, самых рьяных сторонников революционного переворота и партийной диктатуры. Эта перестановка сил положила начало противостоянию Ленина и левой оппозиции, которое в той или

иной форме длилось до 1921 года и отголоски которого слышны на всем протяжении 1920-х годов.

Бухарин и противники заключения мира в 1918 году утверждали, что договор с Германией подрежет крылья революционной миссии России в международном распространении социалистической революции и, таким образом, пожертвует возможностью получить поддержку из-за рубежа, которую они считали важной для выживания пролетарской революции в самой России. Выступая на VII (экстренном) съезде РКП(б) 7 марта 1918 года, Бухарин сказал: условия мира «сводят на нет и международное значение русской революции (...) ...выход есть: революционная война против германского империализма». Вместе со своими сторонниками он был готов отступить до Сибири и вести партизанскую войну против врага, одновременно призывая европейских рабочих свергнуть свои правительства и прийти на помощь революционной России. Они опасались, что если Русскую революцию предоставить самой себе, то ей придется пойти на компромисс с буржуазными элементами и превратиться в систему государственного капитализма. «Если бы Русская революция была насильственно подавлена буржуазной контрреволюцией, — заявлял интернационалист Карл Радек, — она, как Феникс, восстала бы из пепла; но если бы она утратила свой социалистический характер и разочаровала бы трудящиеся массы, этот удар был бы в десять раз тяжелее для будущего русской и мировой революций».

При решающем голосовании в ЦК 28 февраля 1918 года по вопросу принятия германских условий мира группа Бухарина («левые коммунисты») набрала 4 голоса против 5 ленинских, тогда как другие 4 члена ЦК воздержались, следуя формуле Льва Троцкого «Ни мира, ни войны». Трудная победа Ленина стала возможна благодаря расколу слева. Она установила главным приоритетом советской внешней политики сохранение революционного российского государства и отодвинула идею мировой революции на второстепенную, вспомогательную роль, которую та играла на протяжении всего существования советского режима.

Отвергая мир, «левые коммунисты» вели переговоры с левыми эсерами, противниками мирного договора, с целью (легитимной в демократическом государстве) сместить Ленина с поста главы правительства, сформировать новую правящую коалицию и возобновить войну. И хотя «левые коммунисты» быстро уклонились от этого плана, это им припомнили, использовали против Бухарина и приговорили к смерти на Московском процессе 1938 года, голословно обвинив оппозицию в плане убить Ленина.

После утверждения Брестского мирного договора на VII съезде РКП(б) в марте 1918 года «левые коммунисты», возглавленные тогда экономистом Валерианом Оболенским (псевдоним Н. Осинский), распространили свою оппозиционность на вопросы внутренней политики. В частности, они осудили шаги Ленина по созданию новой бюрократической командной цепи в государстве и промышленности за счет революционной философии Советов и рабочего контроля, которые сам Ленин отстаивал в работе 1917 года «Государство и революция». В своем недолго выходившем журнале «Коммунист» «левые коммунисты» предостерегали против «уклонения советской власти и большинства партии на губительный путь мелкобуржуазной политики» и угрожали, что «левому крылу партии придется занять место действенной и ответственной пролетарской оппозиции».

«Военная оппозиция» и децисты

С началом Гражданской войны в мае 1918 года коммунистическая революция резко отклонилась влево, усилив репрессии против всех остальных некоммунистических партий, ускорив национализацию частных предприятий и начав насильственную реквизицию продовольствия у крестьян. Рассматривая Гражданскую войну как борьбу за немедленное претворение в жизнь идей утопического коммунизма, «левые коммунисты» временно сомкнули ряды с партийным большинством в борьбе за выживание. Программа РКП(б), принятая VIII съездом в марте 1919 года, воплощала дух левых, утверждая о «пролетарской демократии», «подавлении сопротивления эксплуататоров» и «конечном упразднении государственной власти».

Однако, когда поражение Германии в ноябре 1918 года ослабило внешнее давление на советский режим, между руководством партии и левыми элементами возникли новые разногласия. Сутью новых споров стали степень централизации власти и автократические методы правительства Ленина. Яблоком раздора стало то, как Троцкий строит новую Красную Армию, с обычным военным командованием и дисциплиной и использованием «военспецов» (бывших царских офицеров). Против этого выступали коммунисты, страстные сторонники демократизации армии в 1917 году и партизанщины. Ведомая «левым коммунистом» Владимиром Смирновым и на первых порах Иосифом Сталиным, эта «военная оппозиция» бросила вызов Ленину и Троцкому на VIII съезде РКП(б), в частности опротестовала отмену выборных партийных комитетов в армии. На закрытом заседании съезда ее поддержало более трети делегатов.

Вскоре левые во главе со Смирновым, Осинским и Тимофеем Сапроновым образовали «Группу демократических централистов» (хотя точнее было бы сказать — демократических антицентралистов), подвергнув сомнению весь курс коммунистического режима. Они поставили под вопрос усиление верховенства Москвы над всей страной, первенство исполнительных органов перед Советами, господство партийных структур над государственными и другими учреждениями на всех уровнях. Защищая идеалы поборников равноправия и «коллегиальный принцип» комитетского управления, демократические централисты (децисты) подчеркивали повсеместные крайности военных методов в сферах политики и экономики и тенденцию единоначалия.

Особенно сильным центром децентралистских настроений, извлекившим выгоду из разногласий об автономии меньшинства, была Украина. Еще до революции спорный вопрос о национальных меньшинствах Российской империи разделил левых и правых большевиков: левые (особенно Юрий Пятаков) требовали «пролетарского интернационализма», тогда как правые (включая Ленина) одобряли национальное самоопределение. На деле, когда левые во главе с Пятаковым и децистом Андреем Бубновым в Гражданскую войну пришли к руководству в Компартии Украины, позиции изменились: левые защищали децентрализацию, а правые настаивали на централизме. В апреле 1920 года Москва провела радикальную чистку избранного на Украине руководства и разрушила эту опору оппозиции.

«Рабочая оппозиция» и дискуссия о профсоюзах

К середине 1920 года, когда победа коммунистов в Гражданской войне стала очевидной, вновь окрепла левая оппозиция, как децисты, так и опиравшаяся на

профсоюзы новая группа, названная «рабочей оппозицией». Руководимая Александром Шляпниковым (первый нарком труда, участник протеста против диктатуры в ноябре 1917 года), Александрой Коллонтай (большевичка-феминистка, первый нарком социального обеспечения, левая коммунистка в 1918 году) и руководителем рабочих-металлистов Сергеем Медведевым, «рабочая оппозиция» обратилась к опыту борьбы за рабочий контроль в 1917 году и призвала профсоюзы руководить промышленностью независимо от партии: «Организация управления экономикой [должна] принадлежать Всероссийскому съезду производителей, объединенных в производственные профсоюзы, которые изберут центральный орган, руководящий всей экономикой Республики». Шляпников предложил тройственное «разделение власти» между партией, Советами и профсоюзами, тогда как Коллонтай выступила против и буржуазных специалистов, и коммунистических бюрократов, заявляя: «Рабочий класс как класс... становится все менее важным фактором в делах Советской республики». Рабочая оппозиция выступала за исключение из партии всех непролетариев и требовала, чтобы служащие хотя бы три месяца в году занимались физическим трудом.

Пик активности левой оппозиции пришелся на IX конференцию РКП(б) в сентябре 1920 года, когда децисты и «рабочая оппозиция» добились максимальной поддержки. Почти половина партийцев Москвы поддержала их или параллельную им группу во главе с Е. Н. Игнатовым. IX конференция приняла удивительную резолюцию, которая подтвердила демократические нормы и свободу критики внутри партии и призвала обуздать бюрократию и устранить экономическое неравенство.

Осенью 1920 года и зимой 1920–1921 годов острейшая в истории советской республики дискуссия развернулась о будущей роли профсоюзов в коммунистической системе и о перспективах и способах построения нового общества. Слева были «рабочая оппозиция» и децисты, утверждая экономическое первенство профсоюзов и ожидая быстрого воплощения антигосударственного идеала 1917 года. К несчастью для левых, прежняя пролетарская основа партии была значительно размыва в Гражданскую войну, промышленность работала вхолостую, многих рабочих взяли в армию или в ряды бюрократии, если они просто не вышли из партии и не вернулись в родные деревни, и последствия военного времени сыграли роль. Там, где рабочие оставались политически активны, они часто предпочитали меньшевиков, особенно в Петрограде.

Одновременно, как и в спорах вокруг Брестского мира, возникла трещина между коммунистическим центром во главе с Троцким и правым крылом партии, сплотившимся вокруг Ленина. Троцкисты и примкнувший к ним Бухарин верили в необходимость максимального принуждения в духе военного коммунизма для построения нового общества. Они исходили из двух спорных инициатив Троцкого — трудовых армий и Центрального комитета по транспорту (Цектран), образованного в августе 1920 года с целью слить под началом партийных чиновников военного типа профсоюзы железнодорожного и водного транспорта с Наркоматом путей сообщения. Согласно этой системе центристы требовали «огосударствления» и милитаризации профсоюзов с целью поглотить их централизованными структурами управления и дисциплины. Ленин склонялся к более осторожной и долгосрочной концепции перехода к социализму. Сначала через так называемую «буферную» группу во главе с Зиновьевым, а затем сам он потребовал вернуть профсоюзам прежнюю роль защитника интересов рабочих, а управление оставить

прерогативой системы «государственного капитализма». Язвительные публичные споры, самые обширные со времен «брестской дискуссии» и не имевшие равных до эры Горбачева, длились с VIII съезда Советов в декабре 1920 года до X съезда РКП(б) в марте 1921 года. И все же, Ленин, опираясь в основном на парторганизацию Петрограда, контролируруемую Зиновьевым, сумел, как и прежде, превалировать в большинстве партийных организаций при избрании делегатов на съезд. Однако в парторганизации Москвы он, впрочем, с трудом добился преобладания над объединенными силами левой оппозиции и троцкистов.

Х съезд РКП(б) и подавление оппозиции

Все спорные вопросы, поднятые левой оппозицией, — партийная демократия, децентрализация власти, статус рабочих и профсоюзов — внезапно были решены X съездом РКП(б). По времени съезд совпал с восстанием против коммунистической власти солдат и матросов Кронштадтской морской базы, чье недовольство вторило недовольству левой оппозиции. Ленин использовал обстоятельство этой угрозы как предлог, чтобы подавить оппонентов в партии и погасить утопические надежды на скорое достижение коммунизма. С этой целью он вынудил съезд принять две резолюции, имевшие решающее значение. Первая — «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» — осудила «рабочую оппозицию» как «мелкобуржуазную» ересь. Децисты по-глупому разошлись с «рабочей оппозицией», одоблив это отлучение. Вторая резолюция — «О единстве партии» — запретила любую фракционность в партии. Секретный пункт уполномочил ЦК исключать двумя третями голосов из своего состава уличенных фракционеров.

Эти шаги фактически прекратили свободный обмен мнений в партии, в то же время Ленин объявил отступление в революции, перейдя к Новой экономической политике, вступив в компромисс с мелким частным предпринимательством и крестьянством и возвращая профсоюзам ту ограниченную роль, которую они играли при капитализме. Одновременно Ленин наказал фракцию Троцкого, устранив ее сторонников со стратегических позиций в ЦК и Секретариате ЦК и выдвинув Сталина на высший партийный пост при новых правилах партийной дисциплины. Ленин и Троцкий не ладили друг с другом вплоть до последних месяцев политической активности советского вождя в 1922–1923 годы. Была готова почва для гласного, но, в конце концов, тщетного усилия бывших оппозиционеров на протяжении 1920-х годов отказать Сталину в политическом преемстве и руководстве судьбами революции.

Отголоски оппозиции эпохи военного коммунизма продолжали звучать. В марте 1922 года рабочая оппозиция тщетно взывала к Коммунистическому Интернационалу (Коминтерну), протестуя против подавления «рабочей демократии» в России. В 1923 году выходец из нее Гавриил Мясников организовал новое антибюрократическое движение — «Рабочую группу», но оно вскоре было подавлено. Децисты сплотились с троцкистами в споре вокруг партийной демократии, вызванном брошюрой Троцкого «Новый курс» в декабре 1923 — январе 1924 годов, первой в ряду бесплодных попыток левой оппозиции 1920-х годов остановить скатывание к тоталитаризму. Как отдельная группировка они вновь появились в 1927 году, требуя восстановления внутривнутрипартийной демократии, но в декабре того же года на XV съезде ВКП(б) их исключили из партии вместе с троцкистами. Вожди

внутрипартийной оппозиции 1918–1921 годов, за малым исключением, уничтожены без судебного разбирательства в ходе репрессий 1936–1938 годов. Исключением стала Александра Коллонтай, которая уцелела, являясь советским дипломатом до самой кончины в 1952 году.

Происхождение и философия оппозиции

Коммунистическая оппозиция 1918–1921 годов коренится в дореволюционной истории большевистского движения, в особенности в эмиграции. Начиная с 1905 года большевистская фракция РСДРП по вопросам тактики раскололась: революционные пуристы, во главе с философом-экономистом Александром Богдановым, сначала вторым по влиянию у большевиков после Ленина, выступили против ленинского решения участвовать в выборах в Государственную думу. В 1917 году Ленин отклонился влево, призвал к новой революции под руководством большевиков. И его поддержали такие левые большевики, как Бухарин, и группа радикальных антивоенно настроенных социал-демократов, сплоченных вокруг Троцкого. Эти элементы стали затем зародышем левой оппозиции Ленину, когда он высказал намерение заключить мир с Германией и вытеснить прямую демократию 1917 года новыми структурами иерархической власти.

Влияние Богданова ощущалось в движении за создание особой пролетарской культуры. Эта попытка, основанная на теории, что вся культура и духовные ценности имеют классовый характер, воплотилась в 1918–1921 годы в Пролеткульте, организации, возглавленной Богдановым. Партия распустила Пролеткульт, но он нашел отклик в антибюрократической организации «Рабочая правда», возникшей в 1923 году с целью требовать создания новой «Рабочей партии». Подобно «Рабочей группе» Мясникова, «Рабочую правду» вскоре полицейским способом ликвидировали. Тем не менее, доктрины Богданова и некоторых его последователей, включая историка Михаила Покровского и бывшего дециста наркома просвещения Бубнова недолго влияли на то, что часто называют сталинской «культурной революцией» 1928–1932 годов.

С точки зрения личного происхождения несоразмерное число лидеров левой оппозиции связано с опытом дореволюционной эмиграции. Ленин, сам бывший эмигрант, использовал этих людей в 1917-м для проталкивания своих радикальных установок, но позднее постоянно умудрялся побеждать их, апеллируя к партийцам, работавшим в подполье дореволюционной России, обычно рабочим, поднявшимся на низший и средний уровни послереволюционной партийной бюрократии. Эти аппаратчики, обычно страстно реагировавшие в политических диспутах на демократические посягательства на их личный статус, обеспечили то авторитарное ядро, опираясь на которое Сталин совершил восхождение к господству в партии и уничтожил все оппозиции.

Последовательный набор идей, основанных на опыте эмиграции, переходил от одного проявления левой оппозиции к другому. Они были полуанархическими утопистами с беспредельной верой в рабочих. Они были антиинтеллигентными интеллектуалами или полунинтеллектуалами, особенно когда доходило дело до использования «технической интеллигенции» для руководства рабочими. (Эту тему временно снова оживил Сталин со своими показательными судебными процессами против технических специалистов во время переворота 1928–1932 годов). Оппозиционеры

были интернационалистами и верили в мессианское воздействие Русской революции на остальной мир; этот импульс сплотил их вокруг Ленина в борьбе за власть в 1917-м и точно также настойчиво обратил их против него в 1918 году.

Левая оппозиция свято верила в процессы демократии и политического плюрализма, но только для рабочего класса и (после Октября 1917 года) в рамках единственной «пролетарской» партии, роковая ограниченность, как оказалось. Оппозиционеры признали с самого начала медленное движение новой советской системы от непосредственной демократии и равноправия 1917 года к бюрократическому авторитаризму, доминированию партии над государством (то есть над выборными Советами), центра над местными властями, личностей над комитетами и другими выборными органами, которым им надлежало служить. Они вновь и вновь возвращались к принципу непосредственного участия масс в определении собственной судьбы, в государстве, в военных и промышленных отношениях. Им не нравилось денежное хозяйство как пережиток капитализма, они с нетерпением ожидали эгалитарную «естественную экономику» при коммунизме. С другой стороны, их мало интересовало крестьянство, и они недооценивали проблему его страданий в деревне. Потерпев провал, оппозиционеры, тем не менее, создали документальные свидетельства эволюции системы, по крайней мере, политически и в городском секторе, вдали от утопизма 1917 года.

Провал оппозиции

Много факторов способствовало провалу левой оппозиции 1918–1921 годов. Немногочисленный российский рабочий класс, на который оппозиция рассчитывала опереться, был раздроблен условиями военного коммунизма. Антибюрократическая и направленная против специалистов философия оппозиции шла вразрез с технологическими потребностями современной жизни и, более того, бросала вызов централистским обычаям русской политической традиции. За пределами Москвы и нескольких губернских центров оппозиция не имела значительной социальной опоры. Она была обычно расколота, как это было между фракциями Троцкого и Бухарина во время споров вокруг Брестского мира, и между децистами, рабочей оппозицией и троцкистами в 1920–1921 годах. Ей не хватало сильных лидеров, способных эффективно противостоять Ленину. Троцкий обладал необходимой харизмой, но сам склонялся к авторитаризму и колебался в решающие моменты. Оппозиционеры, которые протестовали против авторитаризма Ленина в коммунистическом режиме, были лично честны, преданны идеалам коммунизма. К несчастью, находясь в плену мифов о диктатуре пролетариата, они не способны были (за малыми исключениями) бросить вызов коммунистической монополии на власть или подвергнуть сомнению тактику террора против некоммунистов, пока сами не пали жертвами, когда однопартийная система сузилась в однофракционную систему и затем в систему одного человека.

Что, если бы левая оппозиция действительно сумела остановить бросок коммунистического режима к безжалостному авторитаризму? Их идеализм и наивность подверглись бы мщению со стороны контрреволюции? Или их рвение довело бы их к такому сорту централистских уловок, которые коммунистическое руководство в действительности приняло? В любом случае, успех утопистов противоречил бы всем историческим прецедентам: однопартийная диктатура и необходи-

мость политического выживания в обществе, растерзанном революцией и Гражданской войной, обращала в туманную мечту анархические устремления левых.

Параллели в прошлом и будущем

Чтобы полностью понять коммунистическую оппозицию 1918–1921 годов, надо рассматривать ее в контексте иных великих революций и характерного разветвления революционного процесса. Обычно революции продвигаются от умеренно-либерального этапа (Временное правительство в 1917-м) к радикально-экстремистскому (большевистская диктатура), прежде чем они отступают и эволюционируют в тоталитарную диктатуру (НЭП, затем сталинизм). На экстремистском этапе происходит другой характерный процесс: появление утопического, ультрарадикального стремления в оппозиции к более прагматичным радикалам во власти. Таковы были левеллеры и люди Пятой монархии в Английской революции XVII века, фракции «бешеных» и эбертистов Великой Французской революции (защитники парижских рабочих), предтеча коммунистов Гракх Бабёф и его «заговор равных». Сходным образом череда оппозиционных группировок в России от левых коммунистов до «рабочей оппозиции» олицетворяла силу революционного пуризма, противостоящую злоупотреблениям власти и нарушению принципов революционным правительством.

В России, как и в более ранних примерах, ультрарадикалы неизбежно терпели поражение, но они установили более высокую планку для последующих революционных экспериментов в других странах. Антибюрократический, эгалитарный настрой российской левой оппозиции ненадолго вызвал симпатии в новых компартиях Европы, хотя Ленин осудил его как «детскую болезнь левизны в коммунизме». Югославский коммунизм после 1948 года возродил русские антиэтатистские идеи 1917-го. Программа «рабочего самоуправления» Иосипа Броз Тито несла в себе сильный теоретический отпечаток программы «рабочей оппозиции». Сходные идеи, особенно ярко проявившиеся в военной организации и тактике, скопированные Че Геварой, окрасили ранние годы коммунистической Кубинской революции. Еще поразительнее отзвук русской оппозиции в Китайской Народной Республике, в «Культурной революции» 1960-х годов, включавшей введение коммун, концепцию пролетарской культуры и демократии активного участия и радикальный эгалитаризм. Беспощадные чистки интеллектуалов и специалистов в КНР были связаны с идеей, поданной некогда «рабочей оппозицией»: должностные лица и специалисты обязаны трудиться физически. Родственный дух антибюрократизма отличал волну студенческого движения в Европе и Америке в 1968 году. Ни в одном из этих проявлений, однако, ранее не была осознана параллель с российской оппозицией.

История ранней левой оппозиции актуальна и после падения советского режима, хотя посткоммунистическое мышление в России почти полностью ее игнорирует. Она придает Русской революции более широкую перспективу, показывая, что коммунистическое движение изначально не было монолитным и в нем имелись альтернативные планы и надежды, хотя непрактичные. Сам дух альтернативы, высокого социального идеала, если и не утопизм 1917–1921 годов, потенциально мог сыграть важную роль в оживлении общественной жизни России и других бывших советских республик в посткоммунистических условиях.

Литература

- Восьмой съезд РКП(б). Стенограмма заседаний военной секции съезда 20 и 21 марта 1919 и закрытого заседания съезда 21 марта 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9–11.
- Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г.: Протоколы. М., 1972.
- Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007.
- Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г.: Стенографический отчет. М., 1962.
- Anweiler O.* The Soviets: The Russian Workers', Peasants' and Soldiers' Councils, 1905–1921. New York, 1974.
- Bettelheim C.* Class Struggles in the USSR: First Period, 1917–1923. New York, 1976.
- Daniels R. V.* The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, 1960; The Rise and Fall of Communism in Russia. New Haven, 2006.
- Farnsworth B.* Alexandra Kollontai: Socialism, Feminism and the Bolshevik Revolution. Stanford, 1980.
- Hagen M. von.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930. Ithaca; New York, 1990.
- Halfin I.* Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1929. Pittsburgh, 2007.
- Holmes L. E.* For the Revolution Redeemed: The Workers' Opposition in the Bolshevik Party, 1919–1921 (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. № 802). Pittsburgh, 1990.
- Kollontai A.* The Workers' Opposition. Chicago, 1921.
- Kowalski R. J.* The Bolshevik Party in Conflict. Pittsburgh, 1991.
- Sakwa R.* Soviet Communists in Power: A Study of Moscow during the Civil War, 1918–1921. London, 1988.
- Schapiro L. B.* The Origins of the Communist Autocracy: Political Opposition in the Soviet State, First Phase, 1917–1922. London, 1977.
- Service R.* The Bolshevik Party in Revolution: A Study in Organizational Change 1917–1923. London, 1979.

| Анархисты |

ВЛАДИМИР ЧЕРНЯЕВ

Анархический идеал безвластия и сросшиеся с ним коммунистические устремления ярко вспыхивают в обществе при утрате благополучия и затухают при процветании. Первым, кто назвался анархистом, был французский социалист Пьер Жозеф Прудон. Истоки зла он видел в собственности и власти и грезил о мирном, правовом установлении анархической республики, где свобода «не дочь, а мать порядка». Анархизм как революционную идеологию, полярно противоположную самодержавию, создали русские дворяне Михаил Александрович Бакунин и князь Петр Алексеевич Кропоткин.

Активный участник Революции 1848–1849 годов в Европе Бакунин дважды приговаривался к смерти, из пожизненной ссылки в Сибирь бежал за рубеж. Государство, считал он, — насилие, возведенное в систему; настоящий революционер — разбойник. Революция всё освящает — яд, нож, петлю. Соединение бунтов разбойников и крестьян в народную революцию уничтожит государство и буржуазную цивилизацию. Русский народ-бунтарь перебьет угнетателей и разожжет мировой пожар. Вольные союзы объединятся в Соединенные Штаты Европы и Всемирную Федерацию.

«Свобода без социализма — это несправедливость, а социализм без свободы — это рабство», — утверждал Бакунин и предостерег: идея диктатуры пролетариата Карла Маркса воплотится в отрицающий свободу государственный коммунизм, где собственность государства станет собственностью его чиновников, нового привилегированного сословия. Маркс объявил Бакунина, главу секции Международного альянса социалистической демократии, интриганом и нулем как теоретика, марксисты — мошенником и изгнали в 1872 году из I Интернационала. Умер Бакунин в 1876 году в Берне, в нищете и страданиях, оставив массу приверженцев в России. «Воплощенный сатана» — в этом состояла и его сила и его слабость», — писал марксист Франц Меринг.

Князь-юрикович, потомок великих князей Смоленских Кропоткин убеждал: где власть — там нет свободы, государство — тормоз прогресса, реформы — компромисс с прошлым. «Начальнический коммунизм» Маркса — это деспотизм экономический, чудовищнее политического. Общество надо организовать снизу вверх. Рабскую вертикаль власти и насилие заменить горизонтальными связями, децентрализацией и добровольной кооперацией. «Безначальный коммунизм» («довольство для всех») предполагал череду революций и эволюции, отказ от частной собственности, законов, суда, тюрем («школ преступности») и смертной казни, создание вольных общин, труд по способностям, потребление по потребностям.

Призвав уничтожить государство (а не только то, что в нем устарело), ратуя за безграничную свободу и самоорганизацию, апостолы анархизма порождали иллюзию возможности сходу, раз и навсегда решить вопросы свободы, равенства, братства. Их не пугали любые жертвы для воплощения утопии. Полагая, что русский

народ по характеру анархист, они не задумывались, сколь высокий нужен уровень нравственности, сознательности, культуры, чтобы отпала потребность в государстве и принуждении.

Кропоткинцы создали в Женеве в 1900 году Группу русских анархистов за границей и в 1903-м — Группу анархистов-коммунистов «Хлеб и Воля» с филиалами в Германии, Франции, Болгарии, США. Съезды анархистов в 1904 и 1906 годах в Лондоне с участием Кропоткина наметили программу: бойкот Государственной думы, террор только для самозащиты, создание синдикатов (профсоюзов), всеобщей стачкой быстро уничтожить государство, заменить армию всеобщим вооружением народа, соединить умственный труд с физическим.

Появление в России групп анархистов-коммунистов «Чёрное знамя» историки датируют 1901 годом, первые акты террора и взрыв полицейского участка в Белостоке — 1904-м, первый апогей деятельности — 1907-м, когда насчитывали до 7 тыс. анархистов: ремесленники, рабочие, крестьяне, мелкие торговцы, студенты, интеллигенты, в основном молодежь; почти половина — евреи (они страдали не только от нищеты, но и от унижительного национального угнетения, погромов), затем шли русские, украинцы и др. Главными центрами были Одесса, Белосток, Екатеринослав.

Российский анархизм развивался в разных направлениях, распадаясь на множество течений. «Чернознаменцы» (Ефим Ярчук и др.) боролись против законов демонстративным нарушением, вплоть до грабежа. «Безмотивники» (Иуда Гроссман-Рощин и др.) считали излишним мотивировать экспроприации и террор под лозунгом «Смерть буржую!». Группа «Безначалие» в Петербурге (вожак Бидбей — Степан Романов) отбрасывала нравственные начала в борьбе с царизмом. Дружина анархистов-коммунистов сражалась в декабре 1905 года на баррикадах Москвы. Сторонники вооруженной борьбы и террора упрекали Кропоткина и кропоткинцев в безынициативности. Террор осуждали анархо-синдикалисты Даниил Новомирский, Григорий Лапоть (Максимов) и др. Смешивая анархизм с марксистской доктриной классовой борьбы, они боролись агитацией, стачкой, саботажем за переход предприятий под руководство профсоюзов, как высшей формы организации, и не брезговали экспроприацией, чтобы купить оружие и типографское оборудование.

«Язык пули» сблизил анархистов-экспроприаторов с уголовниками, нашедшими в анархизме идейное обоснование. Возникли их общие группы «Кровавая рука», «Ястребы» и др. Рабочий-анархист из Гуляй-Поля (Екатеринославская губерния), член Союза бедных хлеборобов Нестор Михненко (кличка Махно, на блатном языке — бывший вор) за терроризм и грабеж был приговорен в 1910 году к повешению, замененному бессрочной каторгой. Там его идейным учителем и другом стал рабочий-анархист Петр Аршинов (кличка Марин), севший в тюрьму за контрабанду оружием. Вожак анархистов-экспроприаторов Иустин Жук при аресте в 1907 году пытался взорвать бомбой себя и жандармов. Участником его группы был Юрий Пятаков (позднее член ЦК большевиков, в 1919 году приговаривал анархистов-махновцев к расстрелу). Анархист-коммунист Богров с 1906 года освещал Охранке деятельность анархистов и эсеров-максималистов, а в 1911 году застрелил премьер-министра П. А. Столыпина. Пойманных террористов и экспроприаторов обычно ожидала виселица.

Абсолютной свободы личности жаждали приват-доцент Московского университета А. А. Боровой и другие анархисты-индивидуалисты. Среди них также были

террористы. Ассоционные анархисты Лев Чёрный и др. пытались соединить идеалы личности и коллектива. Они полагали, если всех превратить в промышленных рабочих, одновременно обрабатывающих землю, то исчезнут различия между классами, между городом и деревней. Но коммунизм они отвергали как «режим казармы и громадный дом терпимости».

Социально организованным преступлением считал государство писатель граф Лев Толстой. Он осуждал милитаризм, империализм, частную собственность, цензуру, смертную казнь, каторгу, суд за узаконение несправедливости, Церковь за извращение учения Христа и молчаливое одобрение социально-экономического неравенства, интеллигенцию за внесение «в жизнь народа больше зла, чем добра». Он возражал и Марксу (если капитализм и приведет к социализму, то насильственному, тому же рабству), и Кропоткину (коммунизм вызовет новые насилия). Надо «перестать участвовать во власти и повиноваться ей», избличать «злодеяния самодержавия», неповиновением рушить строй, отживший, не соответствующий нравственным требованиям, добиваться равенства в правах, религиозной свободы. Источник всех бедствий народов — великие державы. Задача человечества — уничтожить их, упразднить государственные границы, соединить народы в одну семью. «Меня причисляют к анархистам, — писал Толстой, — но я не анархист, а христианин. Мой анархизм есть только применение христианства к отношениям людей».

К анархизму тяготели, не сливаясь, толстовцы (последователи христианского анархизма Льва Толстого), журналист Владимир Поссе и его этические коммунисты-кооператоры. Ныне анархисты признают своими Поссе и Толстого, но не толстовцев.

Первая мировая война вызвала раскол среди анархистов: большинство — интернационалисты, пацифисты, пораженцы (Гроссман-Рошин, Александр Ге и др.); меньшинство — патриоты-оборонцы (Кропоткин, Жук и др.). Февральская революция освободила их с каторги и ссылки. Из эмиграции вернулись «дедушка Русской революции» Кропоткин, Ярчук, Волин (Эйхенбаум) и др. Анархизм обрел второе дыхание. Боевитостью выделялись анархисты-коммунисты Петрограда, Москвы, Одессы, Саратова, Самары, Иркутска, захватывая роскошные особняки.

Петроградская федерация анархистов-коммунистов (предводитель — политкаторжанин, рабочий-обувщик Иосиф Блейхман, псевдоним Н. Солнцев) разделяла идеалы Парижской коммуны. В апреле она вселилась в дачу генерала П. П. Дурново, двухэтажный особняк XVIII века на Выборгской стороне. Окруженный заводами сад дачи стал анархистским Гайд-парком. Журнал федерации «Коммуна» агитировал за социальную революцию: свергнуть Временное правительство, передать коммунам трудящихся землю, предприятия, склады с товарами, заменить торговлю натуральным обменом. Гимн питерских анархистов-коммунистов воинственно призывал:

*Разрушимте, братья, дворцы и кумиры,
Сбивайте оковы, срывайте порфиры,
Довольно покорной и рабской любви.
Мы горе народа затопим в крови.*

Они считали: «Если и ангелу дать власть, то и у него вырастут рога и когти» — и высмеивали марксистов:

*По системе Маркса старого вам такой построим дом,
Что и с прачечной, и с карцером, и с хорошим ледником.
В леднике поставите сможете на приятный холодок
Братство, равенство с свободой, как телятины кусок.*

На даче Дурново Кропоткин ужаснулся слиянию романтиков революции с «романтиками с большой дороги», а те сочли, что как анархист он умер, раз за продолжение войны и против братания на фронте. Кропоткину нравился Керенский, но предложение стать министром Временного правительства он отклонил.

I Всероссийский съезд Советов пожурил Блейхманцев за вооруженный налет на типографию буржуазной газеты «Русская воля». Правительство требовало от них вернуть генералу Дурново его дачу, а от большевиков — особняк балерине М. Ф. Кшесинской. Большевики вошли в Военно-революционный комитет дачи Дурново. Их роднили с анархистами убеждение, что революция вызовет крах капитализма и тормозить её развитие преступно, упрощенное представление о пути выхода из мировой войны и замене армии поголовным вооружением народа, стремление к силовому решению проблем, подмена морали революционной целесообразностью, желанию разрушить несогласное с ними общество до основания, а затем построить бесклассовое.

В ходе Всероссийской демонстрации 18 июня Блейхман, Шлёма Аснин, Жук и др. силой освободили из тюрьмы «Кресты» анархистов. В ответ правительственные войска штурмом взяли дачу Дурново. При этом Аснин погиб. 3 июля Блейхман и левые большевики вывели на улицы Петрограда вооруженных солдат и рабочих, заняли Петропавловскую крепость, артиллерийский арсенал, окружили Таврический дворец и требовали от ВЦИК Советов взять всю государственную власть. Не веря в успех авантюры, Ленин вынудил большевиков отступить. От ареста Блейхмана прятал большевик Сергей Зорин (Гомбарг).

Союз анархо-синдикалистской пропаганды (Воли, Максимов, Александр Шапиро, Шатов, Ярчук и др.) выступал за всеобщий рабочий контроль, децентрализацию власти, самоорганизацию, широкое самоуправление, федерацию профсоюзов, фабзавкомов, крестьянских союзов, каждая часть которой свободна и самостоятельна. Анархо-синдикалисты контролировали ряд профсоюзов, считали Советы единственной формой революционной демократии, а фабзавкомы — ячейками социалистического общества, сотрудничали с большевиками в Центральном совете фабзавкомов (ЦСФЗК) Петрограда. Анархисты-коммунисты, напротив, сочли рабочий контроль гнилым компромиссом и толкали рабочих брать предприятия в свои мозолистые руки.

Харьковская конференция анархистов-коммунистов и синдикалистов 18–22 июня не привела к их объединению. Председатель Совета Гуляй-Поля, анархист-коммунист Махно создал Черную гвардию (названа по цвету знамени анархистов), в июне ввел рабочий контроль, в сентябре дал землю крестьянам и вместе с большевиками боролся против украинских социалистов-сепаратистов. В дни попытки военного переворота генерала Л. Г. Корнилова председатель завкома Шлиссельбургского порохового завода Анатолий Железняков послал в Петроград баржу с гранатами, которые ЦСФЗК раздал рабочим Выборгской стороны.

К октябрю анархисты действовали в 130 городах, издавали более 50 газет и журналов. Большевики на словах от них отгораживались, а на деле умело ими манипулировали. Членами Петроградского ВПК стали Константин Акашев, Блейх-

ман, Жук, Шатов, Ярчук и др. Акашев увел из Зимнего дворца артиллерию, а затем Анатолий Железняков, Жук, Алексей Мокроусов и др. участвовали в штурме дворца. В Москве и других местах анархисты также шли в Октябре рука об руку с большевиками.

Газета анархистов «Буревестник» 22 декабря в манифесте «К рабочим и солдатам всех стран» призвала: «Восстаньте дружно против Капитала, против всех правительств! <...> Опрокиньте все парламенты! <...> Разружьте все церкви! <...> Да здравствует свободная федерация свободных от экономического и политического рабства народов! <...> Да здравствует Анархия!». Анархисты сочли Учредительное собрание «тормозом свободы». Командовал расстрелом демонстрации защитников Учредительного собрания 5 января 1918 года и разогнал его заседание Железняков.

На открытом в октябре 1918 года первом большевистском памятнике в Москве (переделанный обелиск в честь 300-летия Дома Романовых в Александровском саду у стен Кремля) по указанию Ленина поместили имена 19 революционеров и социалистов: рядом с Марксом, Энгельсом, Плехановым — Прудон и Бакунин.

В социалистической революции анархисты видели путь к Третьей революции, созданию вольных коммун и их самоорганизации в вольную международную ассоциацию работников. Им казалось, что раз Ленин одержим страстью рушить старые формы государственной власти и считает, что пока есть государство не может быть свободы, то он так же анархист, но не вполне свободный от марксистской фразеологии. Но Ленин это сходство отрицал: «В своей жизни я встречался и разговаривал с немногими анархистами, но, все же, видел их достаточно. Мне подчас удавалось сговориться с ними насчет целей, но никогда по части принципов».

Под лозунгом Кропоткина «Всё принадлежит всем!» Чёрная гвардия занялась грабежами. Газета анархистов «Буревестник» заявляла: «За нами идет целая армия преступности. <...> Почему же мы идем вместе? <...> Мы выше современного общества, а они ниже. Но мы в глубоком презрении этому обществу протягиваем руку этим преступникам. У нас общий враг — современное общество».

Большевики разоружили Чёрную гвардию в ноябре в Екатеринбурге, в декабре в Харькове, в январе-феврале 1918 года в Самаре и Каменском, 11–12 апреля в Москве, 22–23 апреля в Петрограде. Некоторых анархистов расстреляли. И все же, Петербургский комитет РКП(б) 16 апреля постановил: «Серьезного значения выступлению анархистов не придавать, сосредоточить борьбу на устной и печатной пропаганде». Глава Петроградской ЧК Моисей Урицкий выпустил арестованных анархистов.

Своё разоружение анархисты восприняли как предательство, а национализацию и централизацию производства как государственный капитализм, наихудшую форму эксплуатации трудящихся. Они предлагали социализацию (обобществление) на основе общественно-трудового контроля, когда собственник всё общество, а не государственная власть. Если рабочие — рычаг власти, «не должно быть палки над ними». Советы рабочих депутатов и профсоюзы должны раствориться в фабзавкоммах. Анархисты были за Россию без Бога, царя и начальников. «Всякое самодержавие долой! Даже самодержавие Ленина!», — провозгласил в январе 1918 года Блейхман и призвал распустить Смольный, а его обитателей вернуть в рабочую среду. Все анархисты яростно осуждали Брестский мир, предлагая партизанскую войну. В августе I Всероссийский съезд анархо-синдикалистов в Москве призвал заменить Совнарком федерацией свободных Советов. Негласный союз анархистов с большевиками дал трещину.

В феврале 1918 года саратовцы разгромили клуб анархистов, от имени которых появился декрет об отмене частного владения жёнами и передаче их в общее пользование. Автор фальшивки, владелец чайной, был изобличен и расстрелян, но большевики использовали её в агитации против анархистов, а белые — против красных. Анархо-максималистское восстание 17–19 марта в Самаре ускорило приход к власти Комитета членов Учредительного собрания.

Всероссийская федерация анархистов-коммунистов осудила покушение 30 августа 1918 года на Ленина. Даниил Новомирский и Герман Сандомирский агитировали поддерживать большевиков в Гражданской войне. На стороне большевиков сражались и погибли анархисты помощник командующего Котласским районом Павлин Виноградов, бакинский комиссар Эйжен Берг, член Военсовета Карельского сектора Иустин Жук, глава Кисловодской ЧК Александр Ге, командир бронепоезда под Екатеринославом Анатолий Железняков и др. Красный воздушный флот возглавил Акашев, разведку РВС Республики — Тимофей Самсонов. В Сибири вожаками партизан были Нестор Каландаришвили и Иван Строд. Шатов в 1921–1922 годах был военным министром и министром путей сообщения Дальневосточной республики. Сандомирский и Шапиро служили в Наркомате иностранных дел, Боровой — в Наркомате здравоохранения. Научную организацию труда вводил Алексей Гастев. Одни их называли «советскими анархистами», другие — «анархо-бюрократами», иудами.

Кропоткин считал федерализм ступенью восхождения от государства к анархии и возглавил в январе 1918 года Московскую лигу федералистов, сторонников широкого местного самоуправления на основе добровольного строительства снизу федеративной демократической республики. Как член Общества сближения с Англией, он агитировал продолжить войну в союзе с западными демократиями. Чекисты арестовывали его, угрожали выселить из дома, но, когда с ним встретился Ленин, отвязались.

Ленин предложил издать Собрание сочинений Кропоткина, особенно ценя книгу «Поля, фабрики и мастерские». Крупская внедряла в школах кропоткинскую идею производственного обучения. На полях книги Ленина «Государство и революция» Кропоткин оставил одобрительные пометы, но проблему видел иначе: революция или государство. Он сокрушался, что большевики показывают, как не надо делать революцию, обрекая её на банкротство, а слово «социализм» на проклятье, низводят Россию «на ступень рабского безмолвия». Советы стали «синонимами голода, расстрелов без всякого суда, всякого насилия, тайных убийств». Террор куёт цепи народу, готовит приход к власти наименее добросовестного в правящем классе. Кропоткин требовал изъять у ЧК право расстрела без суда. Среди спасенных им — историк С. П. Мельгунов, член Совета Лиги федералистов и антибольшевистского «Тактического центра».

Махно в мае 1918 года в Москве беседовал с анархистами Кропоткиным, Гроссманом-Роциным, Боровым, Чёрным и другими, в Кремле — с Лениным, Троцким и др. и затем создал на Украине повстанческую армию до 80 тыс. бойцов, с выборными командирами. У махновцев, потомков запорожских казаков, анархистский принцип самоорганизации совпал с традицией казачьей вольности. С пулеметами на тачанках они крушили тылы австро-венгерских войск и петлюровцев, взрывали тюрьмы. Батько Махно, комбриг, кавалер ордена Красного Знамени за № 4, был хитер, бесстрашен в бою, ходил в разведку, допрашивал, сек кнутом, расстреливал, пил по-черному.

Его идеологи редактор газеты «Путь к свободе» Аршинов, председатель Военревсовета Волин, Аарон Барон (вожаки Конфедерации анархистских организаций Украины «Набат») выдвинули программу: Третья социальная революция, беспартийное самоуправление трудящихся, анархистская республика со столицей в Гуляй-Поле. Антисемиты и погромщики карались смертью. В декабре Махно взял и удерживал полтора месяца Екатеринослав. Пока «Армия имени батько Махно» действовала совместно с Красной Армией, большевики закрывали глаза на грабежи, буйные пьянки, «диктатуру сифилиса» махновцев.

Приглашенный Троцкий Махно, чуя неладное, не поехал, а послал делегатов. Троцкий их расстрелял и 8 июня 1919 года объявил Махно и Волина вне закона. Большевики разгоняли Советы и коммуны махновцев, истребляли их вожаков. Защищать Махно пытался В. А. Антонов-Овсеенко, 18 июля писал в ЦК РКП(б): «Убежденный анархист, лично честный парень, за спиной которого совершалась всякая пакость, — мог быть великолепно использован нами...» Солидарность Махно выразил Кропоткин. Махновцы застрелили решившего примкнуть к ним атамана Григорьева, но все это не помогло вернуть благосклонность Кремля.

5 августа Махно издал Приказ № 1 о «полном освобождении трудящихся Украины от всякого порабощения», развалил красный Южный фронт и в белом тылу наносил поражения конным корпусам Шкуро и Слащова. В Крыму «зеленые» — партизаны Мокроусова (дезертиры Белой Армии) считали себя махновцами. Родственные махновцам «анархисты подполья» (центр в Москве, филиалы в Харькове и Самаре) объявили «динамитную войну» красным и белым государственникам. 25 сентября они бросили бомбу в зал заседаний Московского комитета РКП(б), где ожидали Ленина. Погибли 12 деятелей РКП(б), включая секретаря МК В. И. Загорского, и ранены 55 (Н. И. Бухарин, А. Ф. Мясников, М. А. Ольминский, М. Н. Покровский, Г. И. Сафаров, Е. М. Ярославский и др.). Чекисты истребляли «анархистов подполья» и попутно арестовывали «советских анархистов», закрыли их клубы, изъяли литературу. Красные тюремщики обращались с анархистами суровее, чем с прочими узниками.

На VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 года Троцкий призвал взрезать «национальный украинский нарыв» — махновцев (хотя среди них были и русские, евреи, греки, немцы и др.). Всеукраинский Революционный Комитет 9 января 1920 года объявил махновцев вне закона. В боях с красными Махно тяжело ранен (прострелены бедро, прямая кишка, щиколотка). Один его брат убит красными, другой — белыми. Врангель предложил союз. Его посланцев Махно публично повесил и в октябре заключил военно-политическое соглашение с большевиками в обмен на освобождение из тюрем анархистов, свободу агитации и участие в выборах Советов. Махновцы первыми перешли топкий Сиваш и взяли Симферополь. Овладев Крымом, большевики сходу начали истреблять махновцев, не спас переход на их сторону в декабре 1920 года бойцов бывшей 2-й Конной армии и затем в феврале — дивизии Григория Маслакова из 1-й Конной армии. Махновцев разбили. Раненый Махно (пуля вошла в затылок и вышла в щеку), его жена «мать Галина» и 90 бойцов ушли в Румынию. Затем была тюрьма в Варшаве, где родилась дочь Махно Елена.

Расстрелы заложников — это «возврат к худшим временам Средневековья», — стыдил Ленина Кропоткин. Его работу над книгой «Этика» прервала смерть. 13 февраля 1921 года в Москве от Дома Союзов, места прощания, к Новодевичьему кладбищу шли за катафалком с его гробом анархисты с черными знаменами и

большевики с красными. Их снимали кинохроникеры. На могилу легли венки от РКП(б) и Совнаркома. Отпущенные на похороны по требованию дочери Кропоткина А. П. Лебедевой семеро анархистов (Барон, Ярчук и др.) вечером вернулись в Лубянской тюрьму. Траурные шествия состоялись и в других городах. Похороны Кропоткина были последней совместной демонстрацией анархистов и большевиков.

Всероссийский комитет по увековечению памяти Кропоткина (председатель Вера Фигнер, секретарь анархист-федералист Н. К. Лебедев) создал организацию «Чёрный Крест» в помощь заключенным и бедствующим анархистам и Кропоткинские комитеты в Петрограде (председатель М. В. Новорусский), Харькове, Ростове-на-Дону, в Англии, Франции, Германии. Дом в Москве, где родился Кропоткин, в 1923 году стал независимым научно-культурным центром с музеем, архивом и библиотекой.

Советская канонизация Кропоткина сочеталась с гонением на анархистов. 27 февраля 1921 года расстрелян секретарь Московской федерации анархистов, «анархист подполья» Лев Чёрный. Репрессии усилили после призыва анархистов взять пример с восставшего Кронштадта, бороться за свободу слова, печати, союзов и собраний для трудящихся, свергнуть диктатуру РКП(б). В марте разогнаны Российская конфедерация анархистов-синдикалистов и Московский рабочий союз анархистов, в ноябре — коммуны анархистов-универсалистов (сторонников мировой революции и всеобщей анархии), в августе закрыт журнал кропоткинцев «Почин».

Выдворенные в 1919 году из США на родину супруги анархисты Эмма Гольдман и Александр Беркман ужаснулись казнями анархистов и в декабре 1921 года покинули РСФСР (см.: *Berkman A. The Bolshevik Myth: Diary 1920–1922. New York, 1925; Goldman E.: My disillusionment in Russia. London, 1925; Living My Life. New York, 1931*). Беркман написал «Азбуку коммунистического анархизма», создал фонд помощи арестованным в РСФСР анархистам и в 1936 году от отчаяния застрелился.

5 января 1922 года из РСФСР высланы 10 вожakov анархистов (Волин, Максимов, Ярчук и др.). «По улице, в честь Кропоткина названной, под конвоем проводят арестованных или высылаемых анархистов, да еще по большей части защитников Октябрьской революции. Враги революции могут только радоваться этому», — сокрушался Сандомирский. Он тщетно пытался убедить ЦК РКП(б), что это препятствует единому фронту коммунистов и анархистов на Западе. Аршинов писал: «В болезненном стремлении утвердить свою диктатуру, большевизм настолько окостенел, до того стал чужд нуждам и стонам революции, что предпочитает видеть ее труп, чем пойти ей на уступки. Во всей русской революции он сыграл роковую роль. Он умертвил революционную инициативу и самостоятельность масс и разрушил величайшие революционные начинания, которые когда-либо предпринимали трудящиеся. И за это пролетарии всего мира навсегда пригвоздят его к позорному столбу».

X Всероссийский съезд Советов в декабре 1922 года — последний с участием анархистов, с 1920 года их не было в Петроградском и с 1921-го в Московском Советах. Отошел от анархизма Сандомирский. «Диалектическим марксистом-ленинцем» объявил себя Гроссман-Рощин и развил теорию анархо-коммунистической диктатуры пролетариата. В РКП(б) вступили сотрудник Коминтерна Новомирский (но вскоре вышел, не приняв НЭП). 633 анархиста к 1922 году стали членами РКП(б).

Анархисты-коммунисты Ленинграда в Первомайской листовке 1924 года объявили бойкот «празднику насильников», поскольку «большевицкая клика во главе с мясником Зиновьевым» проводит массовые аресты. Анархистам сочувствовала левая интеллигенция. «Сделать для бедных праздник» мечтал герой драмы Сергея Есенина «Страна негодяев» бандит Номах (анаграмма Махно), «гражданин вселенной» и враг «узаконенных держиморд», «что на Марксе жиреют». Как активистка «Чёрного Креста» сидела в тюрьме в 1926–1928 годах писательница Лидия Чуковская.

ОГПУ создало Отдел контрагитации и дезорганизации (глава М. А. Трилис-сер). Он собирал компромат и ссорил анархистов. В 1929–1930 годах было закрыто издательство синдикалистов «Голос труда», сослан профессор Боровой, разгромлены кружки анархистов-мистиков «Орден света» (математик Алексей Солонович, историк Николай Проферансов, режиссер Юрий Завадский и др.), «Орден тамплиеров» (анархист-коммунист Карелин, писатель Иван Новиков, пушкинист Дмитрий Благой, актеры Михаил Астангов, Рубен Симонов и др.). Смысл революции они видели в духовном преображении. Издание Собрания сочинений и писем Бакунина в 15 томах, начатое в 1920 году по решению Ленина, прервано в 1935 году на 4-м томе, а редактор Ю. М. Стеклов умер в тюрьме. В 1938–1939 годах закрыты музеи Кропоткина. Города, поселки, проспекты, улицы носили имена Бакунина, Кропоткина, Железнякова, Виноградова, но в революционных святцах они уже не вызывали ассоциаций с анархизмом.

Расстреляны и сгинули в концлагерях К. Акашев, А. Барон, А. Гастев, Д. Новомирский, Н. Проферансов, Г. Сандомирский, А. Солонович, И. Строд, В. Шатов, Е. Ярчук и многие другие. Как советский агент разоблачен во Франции Аршинов, отрекся от анархизма, вернулся в СССР и вскоре расстрелян.

Глава ОГПУ-НКВД Генрих Ягода, его заместитель Георгий Прокофьев, начальник ГУЛага Лазарь Коган ранее были анархистами-коммунистами. «Шахтинское дело» 1928 года готовил бывший анархист-синдикалист Ефим Евдокимов, затем глава Отдела охраны членов партии и правительства. В ГПУ-НКВД служил бывший начальник махновской контрразведки Зиньковский (Лёва Задов). Махновцев он использовал для шпионажа в Румынии. Но и этих чекистов настигла сталинская пуля.

Махно с 1925 года жил в пригороде Парижа, работал плотником, сапожником, публиковал с помощью Волина воспоминания и статьи, браня ВКП(б) за эксплуатацию трудящихся и сближение с мировой буржуазией. Умер Махно в 1934 году в нищете, от туберкулеза легких и ребер, погребен за счет муниципалитета. Согласно завещанию урну с прахом поместили в колумбарии кладбища Пер-Лашез, возле парижских коммунаров. Рядом в 1945 году развеян прах Волина, умершего также от туберкулеза. Путь на родину жены Махно Галины Кузьменко и их дочери Елены Михненко пролег через нацистские и советские концлагеря.

Другие анархисты-изгнанники участвовали в Международном товариществе рабочих, группируясь вокруг своих печатных органов «Дело труда» (выходило в Чикаго с 1925 г.) и «Пробуждение» (издавалось в Детройте с 1927 г.), объединенных в 1940 году в Нью-Йорке в журнал «Дело труда. Пробуждение». Их борьба за гражданское равноправие, против капитализма, фашизма, сталинизма утратила силу в 1960-е.

В СССР анархизм возродился в Перестройку. Студенты-историки Ленинградского государственного педагогического института имени Герцена в 1987

году основали Анархо-коммунистический рабочий союз, который вскоре распался. Его члены создали группу «Рабочая борьба» на позициях «анархотроцкизма», затем «интегрального революционного коммунизма», а в 1988 году под лозунгом «К свободной федерации без насилия и власти!» образовали АССА (Анархо-синдикалистская свободная ассоциация, с 1990 года — Ассоциация секций свободных анархистов). В Москве сторонники безгосударственного социализма, беспартийности, передачи предприятий трудовым коллективам создали в 1989 году Конфедерацию анархо-синдикалистов (КАС) с группами в десятках городов. Противники ее централизма основали в Ленинграде в 1990 году Ассоциацию движений анархистов (АДА), где равноправны все течения. В дни Августовского путча 1991 года анархисты строили баррикады. Затем в движении анархистов начался спад и с октября 1993 года — кризис. В вооруженной схватке Президента Б. Н. Ельцина с Верховным Советом они не поддержали обе ветви власти. Некоторые бывшие вожаки КАС устроились в государственные структуры. Остатки КАС (кроме сибиряков и дальневосточников) в 1995 году вошли в АДА.

Ныне в России действуют движение анархистов «Автономное действие», Федерация анархо-коммунистов, Ассоциация движений анархистов, куда входит пацифистская Питерская лига анархистов, Конфедерация революционных анархо-синдикалистов, которая пытается агитировать рабочих. Анархисты издают журналы, газеты, листовки, имеют сайты в Интернете, участвуют в конгрессах анархистов Восточной Европы, в Первомайских демонстрациях, правозащитных, антивоенных, антифашистских и экологических акциях. Они восстановили музей Кропоткина в подмосковном городе Дмитрове, где он жил с 1918 года и в 2005 года ему открыт памятник.

Влияние анархистов ныне ничтожно. Однако имущественное и социальное расслоение, воздвижение социальных барьеров, построение авторитарного государственно-олигархического капитализма и наплевательское отношение властей к нуждам простых людей вызвали унижительную бедность, утрату социальных гарантий и жизненных перспектив, снижение уровня образованности и культуры. Жёстко отлаженная система коррупции и произвола и подавление гражданского недовольства поощряют правовой нигилизм, восприятие государственной власти как организованного преступного сообщества. Миллионы малоимущих, нищих, бомжей, беспризорников составляют новый класс отверженных, с анархистской психологией. Всё это готовит условия для перехода от морального сопротивления нормам капитализма, жертвами которого ощущают себя отверженные, к новым жестоким всплескам анархизма.

Очевидец экспериментов анархизма философ Н. А. Бердяев четко выявил его суть: «В нем утверждается свобода, как бы пожирающая себя, как бы внутренне себя испепеляющая. Это не та свобода, которая дает радость расцвета творческой индивидуальности — свобода идеалистического гуманизма. Это какая-то предельная, угрюмая и мучительная свобода, в которой человеческая индивидуальность увядает и гибнет, в которой происходит надрыв, и свобода обращается в насилие». Высланные из РСФСР анархисты описали репрессии (Гонения на анархизм в Советской России. Берлин, 1922; Maksimov G. P. (G. Lapot'). *The Guillotine at Work: Twenty years of Terror in Russia*. Chicago, 1940; Maximoff G. *Syndicalists in the Russian Revolution*. London, 1985). Пол Эврич опубликовал исследования и материалы по истории анархизма в России, Александр Скирда — книгу о Махно и махновщине.

В СССР до конца 1980-х годов труды анархистов и западных историков анархизма таились в спецхранах библиотек, либо отсутствовали, а историографию нацеливали возвеличить победу большевиков. Прерванное к концу 1930-х изучение анархизма позволили в 1960-е, но лишь в рамках апологии КПСС. Историки С. Н. Канев, В. В. Комин и др. отметили заслуги ряда анархистов в революции. Н. М. Пирумова опубликовала биографии Бакунина и Кропоткина. В. А. Твардовская переиздала «Записки революционера» Кропоткина. В 1990-е преграды изучению анархизма пали. Появились исследования В. Д. Ермакова, В. В. Комина и др., публикации документов и мемуаров, ценный библиографический словарь-справочник «Анархизм в истории России».

На острие споров остаются личность и деятельность Махно. По почину Конфедерации анархистов Украины украинские власти в 1997 году его реабилитировали, украсили мемориальной доской здание его штаба в Гуляй-Поле, в 1998 году научными конференциями отметили его 110-летие. В Запорожье ежегодно проводятся Махновские фестивали. Образ Махно вошел в массовую культуру, но мнения разнятся от объявления его борцом с тоталитаризмом, сумевшим устроить жизнь лучше, чем при большевиках и белых генералах (*Шубин А. В. Махно и махновское движение. М., 1998*), до признания, что он так и не уяснил основ анархизма и к концу Гражданской войны предал идею анархии, желая лишь власти и славы (*Оптоков В. Лев Задов: смерть от бескорыстия. Петрозаводск, 1994*); «мечтал быть народным вождем, а в результате превратился в ужасающую фигуру действительно готового уже на любое злодеяние отчаявшегося бандита» (*Голованов В. Я. Тачанки с юга. М.; Запорожье, 1997*); «Он — не Робин Гуд (махновское сопротивление унесло 300–400 тыс. жизней, цена за эксперимент была уплачена огромная, а результат?), но он и не монстр... Он — продукт той эпохи, в которой переплелось всё: от великого до смешного, от наивно-чистого до грязно-подлого, от романтического до уголовного...» (*Телицын В. А. Нестор Махно. М.; Смоленск, 1998*).

Анархизм и интерес к нему будут всегда. Задачей историков остаются углублённое исследование взглядов и деятельности анархистов, их групп и течений, выявление и научная публикация их важнейших документов и трудов.

Литература

Анархизм в истории России: от истоков к современности: Библиографический словарь-справочник. СПб., 2007.

Анархисты. Документы и материалы, 1883–1916 гг.: В 2-х т. М., 1998, 1999.

Аршинов П. А. История махновского движения (1918–1921). Запорожье, 1995.

Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М., 1989.

Боровой А. А. Анархизм. М., 2009.

Волин В. М. Неизвестная революция, 1917–1921. М., 2005.

Ермаков В. Д.: Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX — конец XX в.). СПб., 1996; Анархическое движение в России: история и современность. СПб., 1997.

- Комин В. В. Нестор Махно: мифы и реальность. М., 1990.
- Кропоткин П. А.: Анархия. Ее философия, ее идеал. М., 2004; Дневники разных лет. М., 1992; Работы и письма 1917–1922 гг. // Вопросы философии. 1991. № 11; Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990; Этика. М., 1991.
- Маркин В. Неизвестный Кропоткин. 1842–1921 гг. М., 2002.
- Махно Н. И.: Азбука анархиста. М., 2005; Воспоминания: В 3-х т. Киев, 1991.
- Нестор Иванович Махно: воспоминания, материалы и документы. Киев, 1991.
- Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918–1921: Документы и материалы. М., 2006.
- Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998.
- Ярчук Е. Кронштадт в русской революции. Нью-Йорк, 1923.
- Эврич П. Русские анархисты. 1905–1917. М., 2006.
- Avrich P. Anarchist Voices: An Oral History of Anarchism in America. Edinburgh, 2005.
- Skirda A. Les cosaques de la liberté. Nestor Makhno: le Cosaque de l'Anarchie et la guerre civile russe 1917–1921. Millau, 1985.
- The Anarchists in the Russian Revolution / Ed. by P. Avrich. London, 1973.

Ч А С Т Ь

V

ИСТОРИЯ ВЕДОМСТВ
И КУЛЬТУРА
УЧРЕЖДЕНИЙ

| Белые армии |

ИВЭН МОДСЛИ

Историки по-разному определяли белых. Под этим термином могли подразумеваться все вооруженные и организованные русские антибольшевистские силы; на советской стороне в том же значении часто использовали термин «белогвардейцы». Существовало, однако, различие, например, между Добровольческой армией Деникина и организованной эсерами Народной армией Комуча; последняя противостояла и большевикам, и реакционным генералам. Отдельно надо рассматривать и силы казачества, опиравшиеся на свою особую социальную базу. В данной статье под белыми понимаются консервативные русские националисты, армейские офицеры, преобладавшие в организованной антикоммунистической борьбе с конца 1918 года.

Добровольческая армия и Вооруженные Силы Юга России

Добровольческая армия во всех отношениях была самой значительной из Белых армий. В хаосе после провала Корниловской акции и после Октябрьской революции 1917 года представители армейского командования изыскивали подходящую базу для сохранения «здоровых» элементов и организации сопротивления большевистскому правительству и Центральным державам. Земли донского и кубанского казачества выглядели привлекательно благодаря удаленности от Петрограда и поддержке руководителей казачества. После Октябрьских событий донской атаман генерал А. М. Каледин открыто объявил о своем неприятии новой власти. Расположение казачьих земель вблизи Черного моря не имело особого значения в 1917 году, но год спустя, после поражения Турции и открытия черноморских проливов для судоходства союзников, обнаружились выгоды географического положения. Однако избрание этой территории плацдармом оказалось чревато многими проблемами, и их впоследствии испытали белые. Для продвижения от Дона в центр страны предстояло пройти 600 миль. Кроме того, борцы за «единую и неделимую Россию» оказались в регионе, имевшем свои местные особенности, в частности население которому характерны автономистские устремления.

Генерал М. В. Алексеев, бывший Верховный главнокомандующий, прибыл в Новочеркасск, столицу Дона, где к нему присоединились командиры, ранее сидевшие в тюрьме вместе с генералом Корниловым. «Алексеевская организация» стала Добровольческой армией, Корнилов и Алексеев поделили военное и политическое руководство. К ним примкнули некоторые молодые офицеры. Новая сила не могла противостоять большевистской Красной гвардии. Рядовые казаки, возвращавшиеся с фронта Первой мировой войны с радикальными настроениями, не склонны были поддерживать своих консервативных руководителей. В конце февраля 1918 года красные заняли донские города. Каледин покончил жизнь самоубийством, а

четыредесятитысячная Добровольческая армия начала легендарный «Ледяной поход» по пустынной замерзшей кубанской степи. Этот 1-й Кубанский поход, как назвали его позднее, трагичен. При штурме Екатеринодара, столицы Кубани, удерживаемой красными, погиб Корнилов.

Добровольцев спасло падение советской власти на Юге России. Оно вызвано отчасти сопротивлением казачества новому местному советскому управлению, которое опиралось на неказачье население («иногородних»). Донские казаки, теперь под руководством атамана П. Н. Краснова, бывшего царского генерала, отвоевали основные центры своей территории. По иронии судьбы просоюзнически (или, во всяком случае, антигермански) настроенных добровольцев отчасти спасло продвижение войск Центральных держав на Украину и Донбасс. Добровольцы получили возможность перегруппироваться на Дону и выступить в южном направлении во 2-й Кубанский поход. В августе 1918 года они заняли Екатеринодар, а к февралю 1919-го — остальную часть Северного Кавказа почти до Астрахани, ликвидировав целый «фронт» красных. Теперь в их руках был крупный территориальный плацдарм, который они удерживали до марта 1920 года. К сентябрю 1918 года в трех дивизиях Добровольческой армии насчитывалось 35–40 тыс. человек. Ей пришлось теперь проводить призыв, но призывников Кубанской области отличали надежность и высокая боеспособность.

После кончины генерала Алексеева и гибели в боях нескольких старших командиров руководство добровольцами перешло к генералу А. И. Деникину. Для управления Деникин пользовался военной моделью (объединенным централизованным командованием), хотя проявляло активность и вспомогательное гражданское «Особое совещание». В его программе на первое место ставилось национальное единство, выше всего прочего, включая социальные реформы. Мнения казаков все менее и менее принимали во внимание. Фронт донских казаков оказался под ударом наступления втрое превосходящих сил Красной Армии. И хотя Краснову и его соратникам претило высокомерие «великорусских» добровольцев, особого выбора у них не было. Когда на черноморском берегу появились первые союзнические эмиссары, Краснов к тому же оказался скомпрометирован своей прогерманской ориентацией. В начале января 1919 года донские казаки признали оперативное единство Донской и Добровольческой армий в составе Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР) под командованием генерала Деникина. Краснов в феврале 1919 года ушел в отставку. На посту атамана его сменил сторонник Деникина генерал А. П. Богаевский.

Укрепив свою базу, Добровольческая армия продолжала добиваться успехов, которые начались в августе 1918 года и закончились только в ноябре 1919-го. 15 месяцев военных успехов были беспрецедентными в ходе Гражданской войны. Адмиралу Колчаку на востоке удавалось удерживать инициативу лишь два-три месяца, а период успеха других антибольшевистских армий длился месяц или два. Военные успехи Добровольческой армии, а затем ВСЮР, обеспечивались большим числом «национальных» боевых командиров, прежде всего верных белому делу младших офицеров-ветеранов и казацкой конницы, которые составляли обширный источник квалифицированной боевой силы. Несмотря на постоянное численное превосходство противника, белые сумели удержать на юге свой плацдарм, отбить атаки красных и начать большое наступление в северном и западном направлении. Генерал В. З. Май-Маевский, блестяще организовавший оборону окруженного Донбасса, в мае 1919 года возглавил Добровольческую армию (Деникин

стал главнокомандующим ВСЮР) и генеральное наступление на север и в июне взял Харьков. Командующий Кавказской армии генерал П. Н. Врангель 18 июня взял «красный Верден» — Царицын. В отличие от событий в Сибири и на Севере России, эти успехи достигнуты без привлечения сколько-нибудь значительных союзных сил. Англичане в 1919 году поставили 198 тыс. винтовок, 6 200 пулеметов, 1 121 орудие и даже 60 танков, но многое из этого прибыло слишком поздно.

Деникинский «поход на Москву» начался в июле 1919 года. 1-й корпус Добровольческой армии, в который входили Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии, представлял собой ударную силу, продвигающуюся на север вдоль железной дороги Харьков — Курск — Орел — Тула — Москва. Белые взяли Орел, но в октябре-ноябре отброшены двумя импровизированными и нескоординированными контрударными красных, включая атаку красной конницы Буденного. Деникина обвинили в военных и политических ошибках (одним из главных обвинителей стал его преемник Врангель). Возможно, Деникину надо было сделать выбор между походом на Москву и укреплением своей территориальной базы. Он пытался совместить их, и в минимальные сроки. Возможно, Деникин утратил контроль над четырьмя армиями ВСЮР. Врангель считал, что его Кавказская армия принесла бы больше пользы, если бы входила в ударную группировку наступавших сил, а не удерживала Царицын; можно предположить, что это позволило бы добиться большего успеха.

Деникинский тыл оказался недостаточно прочен, и когда добровольцы начали отступать, пузырь лопнул. Восстание Махно было лишь наиболее очевидным проявлением военного и политического вакуума. Территория между Донской областью и центральными губерниями России в 1918–1919 годах несколько раз переходила из рук в руки. Там не могло быть какой-либо постоянной администрации. ВСЮР не сумели также наладить действенную систему снабжения войск. Белым приходилось полагаться на «самоснабжение». Грабежи и реквизиции не могли прибавить им популярности. Не велось эффективной пропаганды. Недостаток гражданских администраторов вытекал отчасти из быстроты продвижения, отчасти из недоверия белых всем, кто левее кадетов. Когда его армия уже отступала, Деникин попробовал расширить свою базу, заменив «Особое совещание» институтами, имевшими более широкую основу, но эта уступка запоздала и не возымела должного эффекта.

Основную причину поражения белых следует все же искать в ограниченности источников надежной боевой силы. В ходе наступления ВСЮР численно выросли до 100 тыс. человек, но их общее качество снизилось — в пополнение вошли пленные красноармейцы. По расчетам Деникина, его войска занимали территорию с населением в 40 млн. человек. Среди вождей контрреволюции он достиг наибольшего успеха. Однако территория с таким населением пробыла в его руках лишь несколько месяцев летом 1919 года. Его исходной базой являлись Северный Кавказ и Донская область с населением 8–9 млн. человек, включая 3 млн. казаков.

ВСЮР разваливались стремительно, чему способствовало распространение эпидемий. Важным моментом было появление боеспособной многочисленной красной кавалерии; конфликты с казаками и между казаков помешали создать действенную контрсилу. После драматичной зимней кампании остатки ВСЮР — около 34 тыс. человек, в основном добровольцы и донские казаки — в марте 1920 года погрузились на суда в Новороссийске. Большинство оставшихся сдались на милость победителя.

Русская армия генерала Врангеля

Белый Крым выстоял при зимнем наступлении красных благодаря географическому положению, невниманию со стороны красных и крепкой местной обороне. Он стал убежищем для остатков ВСЮР. Потерпевший поражение Деникин не мог оставаться во главе. Его преемником военный совет избрал Врангеля, одного из способнейших подчиненных и суровейших критиков Деникина.

Правительство Врангеля отличалось от руководства ВСЮР во многих отношениях. Врангель был консервативнее Деникина, в отличие от него аристократ, но понимал значение деятельности гражданской администрации («левая политика правыми руками»). Основу его небольшой армии (35 тыс. человек) составили деникинские элитные подразделения. Сам Врангель не принадлежал к первым добровольцам и отказался от дискредитированного наименования Добровольческая армия, предпочтя название Русская армия. Он также придавал большое значение восстановлению крепкой дисциплины.

В июне 1920 года Врангель сумел вырваться из Крыма и захватить плодородные области Северной Таврии. Однако на окончательный успех шансов не было. Он согласился принять командование в свои руки только после отказа других военачальников; целью его была не победа, а спасение армии. Крым являлся лишь одной из 50 губерний Европейской России, его общее население составляло 3 млн. человек. В отличие от 1919 года, других крупных белых русских армий нигде более не было. Сталинская историография именовала кампанию 1920 года «Третьим походом Антанты», однако Великобритания отказала Врангелю в поддержке. Франция, признала его де-факто, но не помогла войсками, боеприпасы поставляла в ничтожных количествах и сосредоточилась на помощи Польше. Впрочем, Врангелю достались британские поставки, ранее отправленные Деникину. Врангель не имел проблем с политиками казачьих областей, которые испытал Деникин; в августе была предпринята отчаянная попытка высадить десант на Кубани, но на сей раз поднять казачью Вандею не удалось.

По иронии судьбы, «союзником» Врангеля оказалась Советско-польская война. Ирония двойная. Великорусский консерватор-националист Врангель уцелел благодаря нападению на «русскую» территорию ненавистных поляков. А поляки напали лишь потому, что считали Врангеля слишком слабым для воссоздания Великой России. Так или иначе, когда польский фронт стабилизировался, красные бросили огромные силы на Крым. Красное наступление началось 28 октября. Врангель не пытался удержать Перекоп и предпринял широкомасштабную морскую эвакуацию. Около 146 тыс. военных и гражданских лиц покинуло крымские порты, почти в пять раз больше чем эвакуировал Деникин из Новороссийска. На этот раз курс взяли на Турцию. Врангель стал ликвидатором Белого движения в Европейской части России.

Русская армия адмирала Колчака

Ситуация в Сибири отличалась от Юга России. Существование ВСЮР началось в виде армейского штаба; Колчак унаследовал региональное гражданское правительство. Недолговечное Временное Всероссийское правительство образовалось в конце сентября 1918 года в Омске. Правые и левые внутри него не могли

найти точек соприкосновения. В ноябре 1918 года военный переворот, организованный правыми кадетами и выполненный молодыми офицерами и местными казаками с молчаливого одобрения союзных представителей, привел к аресту эсеровских лидеров и установлению военной диктатуры.

Верховным правителем стал адмирал А. В. Колчак. Бывший командующий Флотом Черного моря, снискал известность боевыми успехами в Первую мировую войну и сопротивлением демократизации флота. Он оказался на гребне волны случайно — моряк, застрявший «на мели» по пути на Юг России, где надеялся примкнуть к Добровольческой армии. Он прибыл в Омск в середине октября и две недели входил в правительство в должности военного министра. В политическом плане он поступил так, как хотели организаторы переворота: «аполитичное» правительство, главные цели которого «закон и порядок», война с большевиками и никакого компромисса с эсерами.

Военный потенциал белых в Сибири, даже при военной диктатуре, заметно уступал потенциалу Юга России. Успехи в 1918 году достигнуты благодаря Чехословацкому легиону. Хотя Академию Генерального штаба эвакуировали в Екатеринбург, в Сибири не было массы идейно ориентированных офицеров-«добровольцев», сравнимых с «орлятами», устремившимися на Дон. В Сибири не было ничего похожего на полки донских и кубанских казаков, служивших источником подготовленной и мобильной боевой силы. Сибирское казачество было разбросано и немногочисленно. Уральские и оренбургские казаки вскоре оказались отрезаны, а казаки Центральной Сибири, находившиеся далеко от главного театра боевых действий, ограничились обеспечением снабжения армии Колчака по Транссибирской магистрали.

Военный успех Колчака был менее долговечен, чем Деникина. Уфимское наступление его Западной армии в марте 1919 года остановила весенняя распутица на полпути от Урала к Волге. Красные быстро подтянули резервы и в мае начали контрнаступление. В начале июня они отбили Уфу и отбросили Колчака на исходные позиции.

Колчак сосредоточил внимание на военных делах, а в его правительстве преобладали молодые кадеты. Земельный голод не характерен для Сибири, там не было больших дворянских имений. Совсем немного делалось для налаживания гражданской администрации, укрепления сибирского тыла и привлечения симпатии населения по другую сторону фронта. Колчак, в конце концов, попытался расширить свою политическую базу, дав согласие на созыв Национального земского съезда, но, как и Деникин, сделал это тогда, когда его армии уже терпели поражения. Колчаку, в отличие от Деникина и Юденича, не пришлось беспокоиться из-за национальных проблем (хотя измена Башкирского корпуса в феврале 1919 года стала ощутимым ударом). Он не конфликтовал, как Деникин, с казаками. Впрочем, казаков, с которыми возможен конфликт, было немного. В экономическом плане Колчак не сумел воспользоваться имевшимся у него золотым запасом. Спорным, впрочем, представляется вопрос, могло ли вообще какое бы то ни было правительство управиться с обломками прежней экономики, отрезанной на Урале от основной территории России.

Колчак не проявил большого таланта даже в военной сфере при планировании операций или подборе сотрудников. Среди командиров его Русской армии никто не мог сравниться по таланту или авторитету с Алексеевым, Деникиным, Врангелем или Май-Маевским. Начальник штаба Колчака Д. А. Лебедев, фактически от-

ветственный за проведение операций, был полковником военного времени, как и военный министр Н. А. Степанов (обоим не было и сорока); к тому же оба не сумели координировать работу фронта и тыла. М. К. Дитерихс, «тыловой генерал», командовал фронтом в начале лета 1919 года, но подчиненные слушались плохо, что привело к прорыву уральской линии. Еще летом 1918 года Колчак получил значительную военную помощь союзников. Англичане поставили 600 тыс. винтовок и 200 тыс. комплектов обмундирования (но меньше артиллерии и боеприпасов, чем Деникину). Казаков в составе главных сил на фронте было немного, поэтому белая кавалерия была немногочисленна. В марте 1919 года численность войск Колчака на фронте достигла 110 тыс. человек, а нестроевых насчитывали почти вдвое больше. На бумаге это превышало численность ВСЮР в октябре 1919 года. Фактически призывников долго удерживали в тылу; на фронт они прибыли лишь к осени 1919 года, уже при отступлении, и быстро начали разбегаться. Красным для формирования боевых сил требовалось время, но уже к маю 1919 года общая численность войск на их Восточном фронте достигла 360 тыс. человек.

Если Добровольческая армия 15 месяцев непрерывно добивалась успехов, войска Колчака отличились отступлением, беспрецедентным в военной истории. С апреля 1919-го до весны 1920 года сибирские армии постоянно отступали и остановились только у Читы, в 300 милях восточнее Байкала. Колчак отступил от Урала летом 1919 года, некоторое время держался на речных рубежах в Западной Сибири, а в ноябре 1919 года вынужден был сдать свою столицу Омск. К тому времени его армия и командная структура пребывали в полном расстройстве. Они не могли удержать скованные льдом великие сибирские реки. Подобно Добровольческой армии, отряд колчаковцев-ветеранов во главе с генералом В. О. Каппелем совершил свой мартовский «Ледяной поход» (вокруг Красноярска), который, однако, скорее завершал, чем начинал военную кампанию. В январе 1920 года в сибирских городах вдоль железной дороги начались восстания, возглавляемые эсерами. Колчак был передан своими чехословацкими союзниками в руки эсеровского руководства Иркутска, в котором вскоре власть взял большевистский Военно-революционный комитет. В феврале 1920 года адмирала Колчака расстреляли — в тот момент, когда деникинские ВСЮР из последних сил пытались удержаться на Кубани.

Более мелкие Белые армии

Северо-Западная армия

Ближайшая к жизненному центру РСФСР Белая армия, по иронии судьбы, была самой слабой. В мае 1919 года она вступила на русскую территорию как Северный корпус (фактически — бригада численностью в 6 тыс. человек). Наступление корпуса вызвало панику в «колыбели революции», однако сумело только обеспечить себе небольшой плацдарм на малонаселенном выступе территории Петроградской губернии. Командовали войсками генерал А. П. Родзянко, затем генерал Н. Н. Юденич, герой Первой мировой войны. Юденич реально возглавил боевые операции лишь в октябре 1919 года и не ладил с подчиненными. Максимальная численность Северо-Западной армии не превышала 14 тыс. человек, включая многих перебежчиков и военнопленных, снабжение было ограниченным.

Союзники (их представляли англичане) не очень доверяли армии, чье создание начиналось с помощью Германии и чья надежность сомнительна. Политически белые на Балтике ничего не смогли предложить, и Северо-Западное правительство конструировалось под давлением британского генерала. Великорусские претензии белых и отказ Колчака признать независимость Эстонии вызвали острый конфликт Северо-Западной армии с эстонцами, от которых она зависела.

Вопреки всем препятствиям, Юденич в октябре 1919 года развернул крупное наступление на Петроград в поддержку похода Деникина на Москву. Белые достигли впечатляющих успехов, заставив красных перебросить крупные резервы с Южного фронта. Однако шансы Юденича на общий успех были невелики; красные получили пятикратное численное превосходство. Северо-Западная армия не имела, в отличие от других белых армий, глубокого тыла, была отброшена к границе и интернирована в Эстонии.

Архангельск и Мурманск

Северные белые правительства сделались «видимыми» в истории Гражданской войны благодаря присутствию значительных союзных сил. К тому же генерал Е. К. Миллер, последний глава правительства в Архангельске, стал преемником генералов Врангеля и Кутепова как руководитель РОВС в эмиграции. Положение правительств Мурманска и Архангельска было нетипичным. Они пребывали в отдаленных, отсталых районах, где мало городов; население региона не превышало 600 тыс. человек на территории, по площади равной территории Франции, но покрытой лесами и болотами, с суровым климатом. Численность союзных войск была невелика, хотя «интервенция» началась здесь еще весной 1918 года. В самом крупном наступлении, от Архангельска вверх по Двине в августе 1919 года, задействовали 3 тыс. англичан и 1 тыс. белых; фактически уже шла подготовка эвакуации сентября–октября 1919 года.

Миллер возглавил Временное правительство Северной области в январе 1919 года. В Архангельске гражданское правительство впервые подверглось атаке со стороны военных. Союзные представители помешали совершиться эксцессам, но позаботились о том, чтобы в восстановленном правительстве оказалось поменьше эсеров. Правительство лишь номинально контролировало обширную территорию, которая считалась под его управлением. В отличие от Юга России и даже Сибири, было мало офицеров, не было казаков. Финны могли оказать более существенную поддержку, особенно вдоль Мурманской железной дороги, но Колчак отказался признать независимость Финляндии. Когда Красная Армия, наконец, двинулась вниз по Двине, остановить ее было некому. Архангельск пал в феврале 1920 года, Мурманск — в марте.

Восточная Сибирь

В Восточной Сибири белые больше внимания уделяли японцам, чем своему номинальному центру — далекому Омскому правительству. Наиболее известным белым командиром был Григорий Семёнов, офицер Забайкальского казачьего войска. После краха Колчака Восточная Сибирь снова стала самостоятельной обла-

стью с центром в Чите. Имелось определенное сходство между положением Семёнова, как преемника Колчака, и Врангеля, как преемника Деникина, но Семёнов располагал очень слабой военной базой и небольшой поддержкой населения и не имел возможности предпринять, как Врангель, активных действий против красных в 1920 году. Остатки колчаковской армии недолго любили Семёнова и не обнаружили стремления сражаться за него. Режим Семёнова представляется самым жестоким из белых правительств. Ему не было поддержки в других частях Сибири, и когда японцы решили отойти к побережью, ему пришлось оставить Читу, которая пала в октябре 1920 года. Последним оплотом белых был Владивосток, где всё ещё были японцы. Правые при поддержке ветеранов-каппелевцев взяли власть в городе в мае 1921 года и держались 15 месяцев. Последним «правителем», с июня 1922 года, был генерал Дитерихс. Красных сдерживало от вторжения в Приморье и захвата Владивостока только присутствие японского гарнизона. Он эвакуировался в октябре 1922 года, и последнее правительство белых пало.

Заключение

Белой Армии как единого целого не существовало. Дело не только в личном соперничестве и амбициях отдельных военачальников. Разные белые армии географически были изолированы друг от друга. Области, где они базировались, различались по характеру. По той же причине невозможно говорить об «общей стратегии» белых, поскольку координация была практически невозможна. Колчак и Деникин, главные фигуры Белого дела, никогда не встречались.

И все же, с ноября 1918 года организованное контрреволюционное движение имело много общего. Великорусские претензии, консервативная политика и военное управление везде были схожи. Напрашивается сравнение русских и других военных правительств XIX и XX веков, особенно в Южной Америке и Африке. Как и Колчак, там многие военные приходили к власти путем военного переворота. Существенное различие в том, что эти военные правительства опирались на армии мирного времени, офицерский корпус был сплоченнее, рядовой состав привык подчиняться приказам; в некоторых странах имелись традиции военного вмешательства. В России ничего этого не было.

Белые были консерваторами, но втискивать Белое движение в прокрустово ложе классового подхода более не представляется уместным, особенно российским историкам. Недавнее изучение личных дел 71 ветерана 1-го Кубанского (Ледяного) похода Добровольческой армии выявило, что всего несколько человек ранее владели именьями и многие не были дворянами. Корнилов, Алексеев и Деникин имели простонародное происхождение. По образованию даже Врангель и Колчак были технократы. Природа Белого дела неразрывно связана с Первой мировой войной и чувствами, вызванными национальным унижением. Белые вожди считали себя воплощением России. Их поведение легче понять при взгляде из 1990-х годов. С нынешней точки зрения легче также понять сложность «среднего пути» в политике. Белые не понимали современного политического плюрализма, как и 75 лет спустя его не понимают многие политики посткоммунистической России. Лозунг Юденича «Против большевиков, без политики» подводит черту под сознательной «аполитичной политикой» этого движения. Такое воззрение никогда бы не привело белых к власти, если бы большевизм не был подорван изнутри.

Белое движение требует дальнейшего изучения. На Западе наиболее интересная из новых работ по Гражданской войне посвящена народному сопротивлению на территории, контролируемой коммунистами. Антисоциалистические правительства привлекают меньше внимания, хотя исследования Нормана Перейры и Джона Смита о колчаковской Сибири добавились к работе Питера Кенеза о Южной России. Ныне, наряду с документами, хранящимися в США и Франции, доступны и в Москве (в ГАРФ и других архивохранилищах) материалы из эмигрантского Российского зарубежного исторического архива в Праге. В России активно переиздаются запрещенные ранее мемуары. Российские историки через 75 лет после описываемых событий перестали демонизировать белых, хотя некоторые повторяют старые эсеровские утверждения о них, как о «большевиках справа». Правые националисты склонны идеализировать Белое движение. Большинство российских историков, встав на ту точку зрения, что обе стороны друг друга стоят, близки к консенсусу с западной историографией. В настоящий момент необходим более подробный анализ идеологии и социальной политики белых. Но и военная история Белого движения требует более пристального внимания, с привлечением архивных данных, чтобы прояснить, как белые смогли многого добиться с такими малыми возможностями.

Литература

- Войнов В. Г. *Офицерский корпус Белых армий на востоке страны (1918–1920 гг.)* // Отечественная история. 1994. № 6.
- Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. *Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. Биографический справочник.* М., 2003.
- Голдин В. И. *Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере.* М., 1993.
- Гражданская война в России. *Перекресток мнений.* М., 1994.
- Деникин А. И. *Очерки русской смуты: В 5 т.* Париж, 1921–1926; М., 2003.
- Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России А. И. Деникине. Сентябрь 1918 — декабрь 1919 г. М., 2008.
- Зимица В. Д. *Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг.* М., 2006.
- Крапов Н. Д. *Трагедия Белого Юга.* 1920 год. М., 2005.
- Карпенко С. В. *Очерки истории Белого движения на Юге России (1917–1920 гг.)*. М., 2006.
- Кенез П. *Красная атака, белое сопротивление.* 1917–1918. М., 2007.
- Колчак и Сибирь: *Документы и исследования, 1919–1926* / Collins D., Smele J. *White Plains*, 1988.
- Лехович Д. *Белые против красных. Судьба генерала А. Деникина.* М., 1992.
- Перейра И. *Сибирь: Политика и общество в Гражданской войне.* М., 1996.

- Подлинные протоколы допросов А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 5–6.
- Путеводитель по фондам Белой армии. М., 1998.
- Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982.
- Ушаков А. И. История Гражданской войны в литературе русского зарубежья. М., 1993.
- Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории Белого движения и эмиграции: Путеводитель. М., 2004.
- Bortnevski V.* White Intelligence and Counter-Intelligence during the Russian Civil War // *Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. University of Pittsburg, 1995.
- Kenez P.* Civil War in South Russia, 1919–1920: The Defeat of the Whites. Berkeley, 1977.
- Lazarski C.* White Propaganda Efforts in the South during the Russian Civil War, 1918–1919 (the Alekseev–Denikin Period) // *Slavonic and East European Review*. 1992. № 70, 4.
- Lincoln W. B.* Red Victory: A History of the Russian Civil War. New York, 1989.
- Mawdsley E.* The Russian Civil War. Boston, 1987.
- Smele J. D.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918–1920. Cambridge, 1996.

Временное правительство

ГОВАРД УАЙТ

27 февраля 1917 года ведущие деятели Государственной думы собрались обсудить, как отнестись к указу Николая II о роспуске Думы и восстанию Петроградского гарнизона. К концу дня они пришли к решению взять власть в свои руки. Они разослали комиссаров для установления контроля над министерствами и другими важнейшими государственными учреждениями и занялись созданием нового правительства. В течение 1 и 2 марта был согласован состав Временного правительства, достигнута поддержка армейского командования и Петроградского Совета. К Николаю II послали делегацию, чтобы потребовать его отречения, сообщение о прекращении имперского правления было передано по телеграфу по всей империи. Через несколько дней власть Временного правительства формально признали армия, государственные и общественные учреждения и союзники России.

Несмотря на эту поддержку, Временное правительство вскоре начало утрачивать доверие и верхов общества, и всего населения. На протяжении шести месяцев оно четыре раза реорганизовывалось. В августе оно сумело преодолеть то, что повсеместно изображалось как попытка путча военного командования, но в одну ночь с 25 на 26 октября было свергнуто силами, руководимыми большевистской партией. На следующий день II съезд Советов создал новое правительство. Не сумев добиться военной поддержки для своего спасения, Временное правительство перестало существовать.

Его крах естественным образом оказывался в центре любых исследований по истории Русской революции. Нетрудно объяснить, почему правительство утратило поддержку; больше споров вызывает вопрос, было это следствием ошибок и неблагоприятного стечения обстоятельств или это было неизбежно. Такая постановка задачи требует изучения природы правительства и революционного процесса в целом. Советские историки обычно изображали Временное правительство защитником «буржуазных» ценностей и интересов, особенно, частной собственности. Большинство современных западных историков согласно, что правительство не могло разрешить социальные проблемы и завоевать общественное доверие без отказа от собственных убеждений, в частности, от концепции национального интереса, которая требовала энергичного продолжения войны и сохранения единства империи. В такой интерпретации оно оказывалось представителем «среднего класса» или «имущих слоев» в широком понимании слова. Альтернативная интерпретация представлена авторами, которые различают внутри правительства соперничающие группировки и утверждают, что имелась возможность отразить натиск политических противников и приглушить или разрешить социальные проблемы.

Хотя о периоде между Февральской и Октябрьской революциями написано немало, деятельности и внутренней политике Временного правительства не уделено

достаточного внимания. Те, кто считали Октябрь логическим и даже неизбежным продолжением Февраля, не хотели тратить время на разгребание мусорных ям истории. В СССР господствующая интеллектуальная парадигма много лет препятствовала серьезным исследованиям. Непросто реконструировать и происходящее внутри правительства. Его бумаги состоят в основном из переписки и административной документации. Протокольных записей и политических документов мало. Отсутствуют стенограммы заседаний кабинета, есть лишь явочные листы и отчеты о принятых решениях. Существуют записи некоторых заседаний, но их происхождение не вполне ясно. Пресса не могла сообщать подробности обсуждений в правительстве. Имеются воспоминания нескольких министров и лиц, близких к правительству, но они в основном представляют собой попытки написать историю революции, и в них затронуты главным образом общие вопросы, а не деятельность правительства. Портреты отдельных политиков в этих сочинениях слишком пристрастны и необъективны.

После краха советской системы возобновились споры о «неизбежности» большевизма и возможности альтернативного политического развития. События в России конца 1980-х — начала 1990-х годов сфокусировали внимание на значении политического руководства и согласованности действий, поддержав характерное западному общественному мышлению представление о самостоятельности политической сферы. Интерес к Временному правительству возродился.

Список министров, согласованный 1 марта, до этого втайне обсуждался два года. 9 из 11-ти человек были ведущими членами Государственной думы, исключение составляли князь Г. Е. Львов, глава крупной общественной организации, и М. И. Терещенко, заметная фигура в другой общественной организации. Князя Львова выдвинули на пост премьер-министра, потому что считали важным символически расширить правительство, и потому что он не был партийным лидером. Наиболее известными министрами были лидеры двух крупнейших либеральных партий, П. Н. Милюков и А. И. Гучков, и социалист юрист А. Ф. Керенский. Двое министров М. И. Терещенко и А. И. Коновалов являлись владельцами фабрик; Коновалов разделял взгляды определенного слоя российских деловых кругов, но нельзя сказать, что предпринимательская или землевладельческая элиты действительно представлены в правительстве. В его состав входили доктор, юрист и три академика, однако они более известны как профессиональные политики, специалисты в определенных областях: П. Н. Милюков — в области международных отношений, А. И. Гучков — в военных делах, Н. В. Некрасов — в сфере транспорта и т. д.

Состав правительства отразил широкую коалицию, возникшую в Думе в 1915–1916 годах под руководством Милюкова (посты в правительстве предлагали и социал-демократам, но они отказались). Что парламентская оппозиция возьмет власть, ожидалось, но не в результате революции. Правительство мыслили как «министерство доверия», которое вдохнет силу и энергию общественных организаций в имперскую государственную машину и возьмется за решение двух задач: более эффективное ведение войны и постепенное превращение имперской России в парламентскую демократию типа Франции или Великобритании. Такая контролируемая либерализация не могла проходить легко, особенно ввиду финансового и экономического кризиса, вызванного тремя годами войны. Однако положение на 3 марта было еще запутаннее. Царская гражданская администрация развалилась, полицию разогнали, тыловые армейские гарнизоны и морские базы пребы-

вали в состоянии мятежа. Мифологическая основа царской власти, в частности, самодержавный мистицизм, были размыты еще раньше, и теперь уничтожались физически: сбрасывались царские портреты и орлы, срывались эполеты с офицерских плеч. В Москве красные банты надели даже на полицейских собак. Простые люди начинали думать, что коли революция свершилась, сбудутся надежды на улучшение жизни: восьмичасовой рабочий день, передача земли тем, кто ее обрабатывает, предоставление не только избирательных прав и права на свободу слова, но и приобретение статуса истинных граждан, права свободно решать свои социальные и производственные проблемы. Временное правительство не оправдало этих надежд. Хотя внешне демонстрировался «казенный оптимизм», многие министры, очевидно, согласились бы с умеренным социалистом В. Б. Станкевичем: «В душе мы чувствуем себя пленниками враждебной, анархической силы».

Временное правительство не имело благоприятных возможностей сразу завоевать доверие широких кругов общественности. Государственная дума была избрана на очень узкой избирательной основе. Когда на митинге у Милюкова спросили: «Кто вас выбрал?» — он мог только ответить: «Революция» — и признать, что правительство представляло имущие круги: «Только они способны организовать страну». Правительство, претендуя представлять революцию, столкнулось с рядом трудностей. Его имидж был патрицианским: единственный министр, который мог быть отождествлен с простыми людьми — Керенский. Оно не могло откеститься от офицерского корпуса, утратившего доверие солдат. Петроградский Совет пользовался поддержкой большей части населения города. С другой стороны, особенно за пределами Петрограда, царило настроение благодушия и эйфории; элемент насилия в революции был относительно невелик. В лице Керенского правительство имело политика, влиятельного в деревне. Дело не казалось проигранным.

Условия, при которых правительство должно действовать, разработали на переговорах 1–3 марта. Первый поднятый вопрос касался отношения к Государственной думе: вождь кадетов Милюков настаивал, что правительство не должно быть формально подотчетно перед ней, правительство следует наделить абсолютной властью. Второй вопрос был об отношении к Петроградскому Совету. Здесь Милюков добился обещания поддержки ценой принятия программы, которая не слишком сильно мешала правительству. Ведущие деятели Петроградского Совета Ю. М. Стеклов, Н. Н. Суханов и Н. С. Чхеидзе, не хотели связывать себя с тем, что они считали «буржуазным» правительством. (Керенский в патетичной речи перед членами Петроградского Совета сорвал аплодисменты, объявив о своей роли представителя в правительстве, но руководители Совета не придали этому особого значения, а Керенский не слишком стремился добиться влияния в Совете). Однако эта победа была лишь частичной: Петроградский Совет объявил условную поддержку Временному правительству (но в формуле «постольку, поскольку» явно сквозило недоверие) и выказал намерение стать посредником между ним, Петроградским гарнизоном и рабочими. Установилось понятие двоевластия, при котором власть правительства уравнивалась Советом и зависела от него. В вопросе о судьбе монархии Милюков потерпел поражение: Николай II отрекся и от имени своего сына, а брат царя отказался принять корону. Милюков и Гучков хотели поэтому даже уйти в отставку, но их отговорили.

В ходе переговоров внутри правительства ясно вырисовались две группировки, различия между которыми выходили за рамки партийного размежевания.

Основной фигурой одной из них был Милюков. Вторая, последовательно отстаивавшая более радикальные взгляды, группировалась вокруг Керенского, Некрасова и Терещенко. Влияние первой группировки усиливалось благодаря присутствию лиц схожих взглядов, в первую очередь членов партии кадетов, во втором эшелоне правительства: к их числу относились секретарь кабинета, члены Юридической комиссии, созданной для консультаций по вопросам законодательства, многие товарищи министров и председатели разных комиссий, в частности той, которая должна была вести подготовительную работу к выборам в Учредительное собрание.

Правительственную программу опубликовали 3 марта. Некоторые ее пункты, такие как амнистия, гражданские права и выборы в местное самоуправление, давно бывшие составной частью либеральных планов, быстро воплотили в жизнь. Другие, в частности, замена полиции народной милицией, гарантии Петроградскому гарнизону и созыв Учредительного собрания в короткие сроки, воспринимались не так положительно, но сопротивляться их принятию было невозможно. В программе отсутствовали упоминания о войне или социальных реформах. Это оставляло правительству некоторую свободу маневра, но вопрос, как восстановить порядок, оставался открытым.

Отклик на программу последовал незамедлительно. Керенский рассказывает, что 4 марта князь Львов прибыл на заседание правительства в состоянии некоторой паники, когда стало известно, что по всей стране различные комитеты общественных организаций берут власть в свои руки; кто-то заметил, что примерно то же произошло в Петрограде, надо приветствовать такой ход событий и поддержать инициативу на местах. 6 марта Гучков учредил комиссию для «демократизации» вооруженных сил посредством признания и упорядочения солдатских комитетов, созданных во время революции. Образование комитетов быстро стало отправной точкой правительственной стратегии: чтобы накормить страну и вернуть людей на работу или в казармы, надо было привлечь общественность, помочь представителям всех слоев общества достичь согласия, убеждать, а не принуждать. Посредством комитетов, как мыслилось, население удастся привлечь к участию в управлении, которое будет законодательно закреплено в либеральных демократических формах: выборных представительных органах, политических партиях и группах по интересам, позволяющих избранным действовать в интересах своего электората. Это было более, чем неохотное, признание необходимости: здесь сочетались романтическая народническая традиция веры в народ с более осторожной либеральной традицией просвещения народа и руководства им. Нововведения были почти сразу же применены в продовольственном снабжении, в организации местного самоуправления и в вооруженных силах; «комитетизация» революции была расширена как решение проблем взаимоотношений в промышленности и споров по аграрным вопросам и об использовании земли. Правительство, применяя эту стратегию, надеялось не столько предвосхитить Учредительное собрание, сколько ввести в приемлемое русло: существовали опасения, что, как в период Великой Французской революции, оно принесет террор и хаос вместо новой конституции. Проводить эту стратегию было нелегко из-за внутренних противоречий между потоком инициативы и требований снизу и готовностью принять их. Группа Милюкова стремилась ограничивать и вводить в определенные рамки участие «снизу», затягивая при этом созыв Учредительного собрания, чтобы процесс смог набрать силу;

промедление с созывом Учредительного собрания вызывалось также опасениями, что оно может сорвать участие России в войне.

На первых порах эта стратегия несла успех. В гарнизонах восстановили порядок, снабжение быстро наладилось, предприниматели и промышленные рабочие достигли соглашения. Государственная монополия на зерно была принята его производителями и торговцами. Отношения с Петроградским Советом улучшились благодаря созданию контактной комиссии с целью разрешения споров до придания им гласности и возвращению из ссылки И. Г. Церетели, который привнес в руководство Совета более миролюбивое настроение. Однако страна в целом постепенно узнавала о сдержанном отношении Совета к правительству и ощущала двойственное отношение правительства к революции. Местные комитеты общественных организаций увидели, что Министерство внутренних дел относится к ним с подозрением и стремится назначить правительственных комиссаров для ведения дел на местах. Самым непопулярным министром был А. А. Мануйлов, чей осторожный подход к образовательной реформе подвергся резким нападкам со стороны учителей и руководства университетов.

Правительство начало испытывать трудности из-за внутренних разногласий, способствовавших стремлениям каждого министра, и даже товарища (заместителя) министра, проводить собственную политику. Огромный объем работы затруднял стратегическое мышление. Керенский жаловался, что кабинет завален мелкими делами (правительство потратило три часа на обсуждение вопроса об упразднении Пажеского корпуса, а один крестьянин испросил у него разрешение на переход из Православия в Ислам). Рутинная работа царил каждый день на заседаниях кабинета, мелкие дела разрешались днем в присутствии товарищей министров и заинтересованных сторон, а вопросы большой политики обсуждались на закрытых заседаниях далеко за полночь. Премьер-министр стремился достичь согласия по каждому вопросу (с этой целью и решили не стенографировать заседания), но разрешить разногласия принципиального характера вряд ли было возможно. Рост числа комитетов лишь усилил общее замешательство. Например, комитеты, образованные для наблюдения за использованием земли, конфликтовали с комитетами, занятыми продовольственным снабжением. Большинство министров физически было измотано.

Причиной первого правительственного кризиса был, однако, не социальный протест, а политический вопрос: руководство Петроградского Совета, поддержанное Керенским, решило заставить Временное правительство высказаться по вопросу о войне. Апрельский кризис привел к первым антиправительственным демонстрациям. Группа Милокова попыталась заставить Совет оказать должную поддержку правительству. Результатом оказалась реорганизация правительства с включением в его состав представителей руководства Совета. Это должно было положить конец двоевластию. Гучков и Миллюков ушли в отставку, но четверо сторонников Милокова остались в правительстве с целью помешать любой попытке сдвинуть его «влево».

В новом коалиционном правительственном кабинете, о сформировании которого объявили 5 мая, из 16 министров шестеро были социалистами. Двое из этих министров-социалистов представляли мелкие социалистические партии и были специалистами в определенных областях; они быстро примкнули к группе Керенского. Вхождение в правительство эсера В. М. Чернова (получил портфель министра сельского хозяйства) и меньшевиков И. Г. Церетели и М. И. Скобелева при-

вело к созданию новой группировки внутри правительства и соперничеству с Керенским, как политическому, так и личному. В тот же день новый кабинет обнародовал декларацию, содержавшую, наряду с подтверждением целей войны, реформы местного самоуправления и созыва Учредительного собрания, первое четкое обращение к социальным проблемам. Либералы согласились на экономическое регулирование, охрану труда, обложение имущества налогом и подготовку к земельной реформе. Социалисты, со своей стороны, согласились, что войну вести нужно энергичнее, а земельную реформу отложить до Учредительного собрания. Несмотря на одобрительное в целом отношение к новому правительству, и лидеры Совета, и члены группы Милюкова неохотно шли в коалицию, напряженность внутри правительства усиливалась. Через несколько недель Коновалов ушел в отставку в знак протеста против регулирования экономики, его сменил кадет со схожими взглядами. Министерство торговли и промышленности и Министерство труда проводили противоречащую друг другу политику. Конфликт между Министерством земледелия и Министерством внутренних дел усилился, когда Чернов с вызовом начал готовиться к земельной реформе. Без согласия правительства он наложил мораторий на аренду и продажу земли, который вынудили снять.

Хотя правительство открыто начало говорить об угрозе анархии, оно по-прежнему не хотело использовать силу и возлагало надежду на одновременное расширение структуры комитетов и создание выборных органов местного самоуправления. Керенский получил портфель военного и морского министра: его энергия и популярность должны были предотвратить разложение вооруженных сил. Убежденный, что «демократизированная» армия сможет восстановить порядок, он 8 мая санкционировал принятие «Декларации прав солдат», передававшей дисциплинарную власть из рук офицеров судам различных уровней.

В мае и июне стала расти социальная напряженность, что отчасти явилось следствием экономического кризиса. Появились случаи неподчинения власти правительства: Кронштадтская военно-морская база заявила о непризнании его власти, крестьянский съезд в Казани решил начать перераспределение земли, анархисты занимали здания в Петрограде. Частные лица всё больше ощущали отсутствие личной безопасности по мере роста преступности и усиления брожения в деревне. Посреди разговоров о новом наступлении армейское командование принялось перебрасывать тыловые гарнизоны на фронт; большинство, в конечном счете, подчинилось приказам, но не без сопротивления, нередко вызывавшего безобразные инциденты. Армейские, фабрично-заводские и земельные комитеты всё сильнее разжигали страсти, вместо того чтобы гасить их. Серьезные беспорядки произошли в Томске и на Черноморском флоте. Министрам-социалистам пришлось пойти наперекор требованиям простых людей, чего ранее так опасались. Большевики начали одерживать первые победы на митингах и на выборах в столице и за ее пределами. Одновременно начали открыто проявляться крайне правые взгляды. Многие кадеты были обеспокоены тем, что оказались слабо представлены на выборах в местные органы, и всё сильнее проявляли скептицизм по поводу правительственной стратегии. В Финляндии и на Украине выдвигались требования автономии. Кризис разразился в конце июня, после провала наступления на фронте; остававшиеся в правительстве «милюковцы» ушли в отставку, когда в Петрограде бушевали Июльские события.

Все ощущали переломный момент. Для милюковцев настало время призыва приостановить революцию, обратить вспять демократизацию (особенно в войсках) и

силой восстановить порядок. В ближайшие недели те же взгляды высказали представители деловых кругов и армейского командования. Генерал Корнилов был назначен на пост Верховного главнокомандующего отчасти потому, что казался менее враждебным правительству, чем прочие генералы. Но слухи ходили, что и он предъявил правительству свои требования. Вожди Советов также говорили о «твердой власти», но настаивали, что она должна сочетаться с гораздо более определенным стремлением к окончанию войны, регулированию экономики и проведению социальной реформы. 7 июля князь Львов ушел в отставку, передав свой пост Керенскому; он критиковал вождей Советов (особенно Чернова) за навязывание правительству социальной программы и потакание беззаконию; своему другу он признался, что не может отдать приказ стрелять по толпе, но надеется, что Керенский это сделает. Оставшиеся министры обнародовали Декларацию 8 июля, в которой принимался принцип передачи земли тем, кто ее обрабатывает, и содержалось обещание созвать конференцию союзников для обсуждения войны. В этот момент руководство Советов всерьез рассматривало вопрос о создании правительства без мильковцев. Эсеры и меньшевики тогда контролировали большинство вновь выбранных органов местного самоуправления, как и большинство местных Советов, даже многие правительственные комиссары на местах были членами их партий. Группа Керенского не поддержала это намерение, и они не стали настаивать.

Кабинет предпринял меры против виновных за июльские беспорядки: провели аресты, запретили некоторые газеты, мятежные воинские части расформировали или перевели в другие места, на фронте восстановили смертную казнь. Церетели принял портфель министра внутренних дел и отдал приказ правительственным комиссарам употребить свою власть; он даже конфликтовал с Черновым из-за незаконных действий земельных комитетов. Определенный порядок был восстановлен; отправлены, не без некоторого успеха, военные экспедиции для усмирения большевистских оплотов в Царицыне и Красноярске. Мильковцы отказались, однако, вновь войти в правительство, если не отзовут Декларацию 8 июля, и удержали от этого шага других кадетов. Керенский ускорил разрешение кризиса, 21 июля пригрозил своей отставкой. Собрание партийных лидеров неохотно согласилось разрешить ему назначить кабинет, в котором министры не будут рассматриваться как представители партий.

Второй коалиционный кабинет состоял из 15 министров, из них 9 — социалисты. Церетели ушел с поста, но руководство Советов представляли В. М. Чернов и М. И. Скобелев, а также такие менее значимые фигуры, как меньшевик А. М. Никитин и эсер Н. Д. Авксентьев. В состав кабинета согласились войти четверо мильковцев. Таким образом, воспроизвели трехпартийный раскол, характерный для первой коалиции, с той разницей, что ведущую роль теперь играл Керенский, который всё более окружал себя личными помощниками и советниками. Некоторые министры работали с ним раньше. Никитин в 1912 году расследовал вместе с ним расстрел на Ленских приисках. Другие всё менее доверяли ему; особенно сомнительной с их точки зрения выглядело назначение бывшего террориста Б. В. Савинкова товарищем военного министра и управляющим Военным министерством при министре Керенском. Хотя кадеты сохранили места во втором правительственном эшелоне, формировалась новая группировка, лояльная Керенскому, которую советский историк В. И. Старцев назвал «эсеровской номенклатурой».

Новый кабинет продолжал поиск социального компромисса, вёл переговоры с Украинской Центральной Радой. В то же время наметилась тенденция ограниче-

ния деятельности комитетов и увеличения полномочий правительственных комиссаров; одним из источников власти Керенского был его контроль над сетью армейских комиссаров. Экономический кризис все более заботил правительство. К концу августа ему пришлось удвоить цены на зерно и произвести денежную эмиссию; новые банкноты насмешливо прозвали «керенками». Государственное совещание в Москве лишь подкрепило впечатление, что у либералов с социалистами нет точек соприкосновения. На этом фоне генерал Корнилов начал подготовку переворота, возможно, надеясь, что Керенский поддержит. Когда выступление началось, Керенский его осудил и потребовал у правительства диктаторских полномочий. Чтобы развязать ему руки, правительственный кабинет 27 августа ушел в отставку.

После поражения Корнилова Керенский попытался реконструировать коалиционное правительство. Вожди Советов, однако, не хотели более терпеть присутствие кадетов, которые, по их мнению, замешаны в Корниловском путче, и ставили вопрос о роли в путче самого Керенского. Они решили, что создание нового правительства должно быть доверено конференции «демократических» организаций. Чтобы помешать этому, Керенский образовал Директорию как промежуточный кабинет (Керенский, Терещенко, Никитин, генерал Верховский и адмирал Вердеревский) и начал попытки набрать команду из представителей второстепенных социалистических партий и кадетов, порвавших с Милюковым. В конце концов, успех был достигнут. Однако кабинет, оказалось, состоит из второстепенных лиц, не являющихся реальными представителями своих партий. Состав кабинета был окончательно согласован на встрече партийных руководителей 22 сентября, на котором Терещенко заметил, что Временное правительство провело 56 из 197 своих дней без настоящего кабинета.

В новом кабинете было 17 членов, в большинстве социалисты из второстепенных партий. В правительственной декларации от 25 сентября были заявлены более значительное и эффективное вмешательство государства для преодоления экономического кризиса, передача земли под юрисдикцию земельных комитетов, уступки национальным меньшинствам и продолжение поиска «демократического» разрешения проблемы военной дисциплины. Временный Совет Республики (Предпарламент) должен был действовать как переходная форма парламента с правом законодательной инициативы и запроса к министрам.

Это в значительной мере было правительство Керенского, никакие важные решения не принимались в его отсутствие. Сам он жил теперь в Зимнем дворце, по отзывам современников, выглядел отчужденным, усталым и странно спокойным. Он практически порвал отношения с руководителями Совета. Внутри кабинета было гораздо меньше противоречий, чем в прошлом, но не доставало энергии: большинство его членов ощущали, что не могут реально влиять на события, и надеялись продержаться до Учредительного собрания. Не делалось серьезных попыток реализовать программу 25 сентября. Строились некоторые стратегические планы, включавшие реорганизацию и сокращение вооруженных сил и эвакуацию учреждений из Петрограда, что должно облегчить экономическую ситуацию и одновременно ослабить позиции политических оппонентов. Планировалось систематическое использование войск для выполнения полицейских функций в стране. Однако правительству не доставало самообладания для проведения своей политики перед враждебным лицом армейского командования и наиболее воинственно настроенных социалистов. Только генерал Верховский готов был

прибегнуть к радикальным мерам: он предложил в кабинете обсудить возможность заключения Россией мира, но из этого ничего не вышло.

Восстановить авторитет правительства после выступления Корнилова было нелегко. В большинстве городов Советы образовали «революционные комитеты» с чрезвычайными полномочиями, которые не обнаруживали желаний самораспуститься; многие из них требовали отзыва комиссаров и должностных лиц, являвшихся членами партии кадетов. Произошли восстания в Ташкенте и Тамбове в сентябре и в Калуге в октябре. Как и ранее, в городах удалось восстановить некоторый порядок, но попытки обуздать брожение в деревне были гораздо менее успешны. Экономическое положение ухудшалось. Подготовка созыва II съезда Советов, который, как все понимали, станет радикальнее I съезда Советов, сопровождалась слухами о планах большевиков захватить власть. Напряженность возрастала, вражда милюковцев с лидерами Совета парализовала Совет Республики (Предпарламент). Не получило поддержки предложение Верховского разрубить gordиев узел, открыто призвав заключить мир. 24 октября Керенский потребовал поддержки Предпарламента в подавлении возможного восстания большевиков; руководство Советов, со своей стороны, требовало передать землю земельным комитетам и открыть мирные переговоры, в конце концов отказываясь — но слишком поздно — от компромисса.

Если данная выше характеристика Временного правительства справедлива, очевидно, к нему следует относиться, как к действующему лицу драмы. Очевидно также, что внутри него было несколько различных группировок. Если правительство что-то и представляло собой, это была попытка достичь консенсуса либералов с социалистами и использовать его для преодоления социального раскола между имущими слоями и народными массами. Эти либерально-демократические установки пыталось осуществить правительство, не являвшееся демократическим (в смысле представительства населения) и всё менее и менее считавшееся либеральным. Некоторые члены первого кабинета скептически относились к этим попыткам и стремились защитить либеральные и собственнические интересы от народного социализма, но вскоре были отодвинуты на задний план; так же случилось позднее с социалистом Черновым, не желавшим идти на уступки. Не Милюков, а Керенский стал олицетворением правительства.

Поиск консенсуса наткнулся на серьезные препятствия. Присутствие Милюкова и Гучкова в первом кабинете и кадетов специалистов во «втором эшелоне» не способствовали его успеху. Не удалось и попытки найти замену участию кадетов в правительстве: никто больше не мог должным образом представлять имущие слои. Вредоносной была и политика, проводимая от имени Петроградского Совета сначала Стекловым, затем Черновым. Многие вожди Совета подозрительно относились к либералам и не хотели брать власть. Керенский, несмотря на всю свою приверженность идеям коалиции, недолюбливал других политиков и верил в свое особое предназначение.

Было ли все это неизбежно? Те, кто так говорит, делают упор на социальный раскол между «имущими слоями» и «демократией». Если бы руководство Советов решительнее поддержало правительство, оно еще быстрее утратило доверие простого народа. С другой стороны, можно оспорить тезис, будто правительственная стратегия была полностью неприемлема: поиск компромисса с элитами, регулирование и ограничение инициативы «снизу» в наше время повсеместно рекомендуются руководителям, проводящим демократические преобразования. Социальные

проблемы начали преобладать в повестке дня только в мае-июне. Кроме того, есть некоторые указания на то, что социальная база для консенсуса существовала в форме «комитетского класса» (образованные младшие офицеры и члены армейских комитетов и их гражданских эквивалентов) и, может быть, вообще говоря, среднего городского слоя. В иное русло события могли направить более энергичный поиск компромисса, лучше организованное правительство и быстрый созыв Учредительного собрания.

Имелись ли альтернативы? Милюков пришел к отрицанию стратегии компромисса и к заключению, что Временное правительство было слишком слабым, критиковал Львова за глупый идеализм, проявившийся в его отказе применить силу, и Керенского за личные амбиции, помешавшие попытке Корнилова восстановить порядок. Однако, если принять во внимание, что административная и идеологическая структура царского государства разрушена в феврале, не было и речи об использовании старых государственных механизмов для обуздания революции. Восстановления порядка можно было добиться только путем построения новой государственной машины и мобилизации наиболее активных сторонников, способных действовать силой. Здесь предполагалось сочетание согласия и принуждения. Для милюковцев проблема заключалась не в поиске сторонников (офицерского корпуса, юнкеров и казаков оказалось впоследствии более чем достаточно, чтобы составить костяк Белых армий), а в том, чтобы быть готовыми к развязыванию гражданской войны в условиях продолжения войны мировой.

Третий вариант, более реалистичный с точки зрения реального состава Временного правительства и связанных с ним структур, заключался в том, чтобы сформировать правительство, способное провести земельную реформу и демократизацию. Возможно, включить в него несколько не социалистов, чтобы ослабить сопротивление; можно было бы даже задействовать необычайную энергию и популярность Керенского. Вопрос, могло ли такое правительство управлять, полагаясь на согласие, зависит, опять же, от интерпретации революционного процесса в целом. Некоторые историки утверждают, что «демократические» институты и практический опыт составляли достаточное основание для нового политического строя; другие считают их неспособными ни к разрешению коренных противоречий между городом и деревней, ни к эффективному повседневному управлению и заключают, что единственным способом подчинить личные и групповые интересы государственным была некая форма авторитарного и принудительного правления. Оно не могло бы, однако, оказаться столь же амбициозным и долговременным, как правление большевиков.

Литература

- Журналы заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 гг.: В 4-х т. М., 2001–2004.
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России. М., 2006.
- Волубев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.
- Герасименко Г. А. Народ и власть (1917). М., 1995.
- Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974.

- Коваленко Н. А. Центральная власть и аппарат управления России: механизм формирования и функционирования (февраль — октябрь 1917 г.). М., 2000.
- Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993.
- Мальшичева С. Ю.: Российское Временное правительство 1917 г. Отечественная историография 20-х — середины 60-х гг. Казань, 1999; Временное правительство России. Современная отечественная историография. Казань, 2000.
- Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001.
- Набоков В. Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1922.
- Полнер Т. И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932.
- Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. I, II.
- Старцев В. И.: Внутренняя политика Временного правительства (первого состава). Л., 1980; Крах керенщины. Л., 1982; Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте-апреле 1917 г. М., 1978.
- Хитрина Н. Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 году. Нижний Новгород, 2001.
- Rosenberg W. G. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974.
- The Russian Provisional Government 1917: Documents. 3 vols. / Ed. by R. P. Browder, A. F. Kerensky. Stanford, 1961.
- Schapiro L. The Political Thought of the First Provisional Government / Ed. by R. Pipes. Revolutionary Russia. London, 1968.

Всероссийское Учредительное собрание

НИКОЛАЙ СМИРНОВ

Учредительное собрание (Конституанта) — представительное учреждение, собрание народных депутатов, уполномоченное оформить новый государственный строй, выработать основные законы, конституцию государства. Создавалось на основе всеобщего избирательного права. Идеино-теоретические истоки Учредительного собрания восходят к учению французских просветителей XVIII века «о народном суверенитете» и «общественном договоре». Идея и лозунг Учредительного собрания использовались в европейских революциях конца XVIII — середины XIX веков.

В России требование Учредительного собрания было составной частью программных документов практически всех политических партий и движений. Они давали ему обоснование и толкование, зависевшее от их собственных программно-тактических установок, целей и методов борьбы.

РСДРП(б) в 1903 году включила требование созыва Учредительного собрания в программу-минимум, предлагая свести его функции к законодательному оформлению и закреплению преобразований, проводимых в жизнь народными массами и их органами власти после свержения самодержавия.

РСДРП (меньшевики) считали, что подлинное закрепление демократических свобод в обновленной России должно произойти путем созыва Учредительного собрания, свободно избранного всем народом.

Партия социалистов-революционеров (эсеры) агитировала за созыв Учредительного собрания на демократических началах для ликвидации самодержавного строя и переустройства всех старых порядков в духе установления свободного народного правления, необходимых личных свобод и защиты интересов труда.

Трудовая партия заявляла о необходимости созыва Учредительного собрания, избранного всеми гражданами без различия пола, вероисповедания и национальности, путем равного, прямого и тайного голосования и передачи ему всей полноты власти для устройства политической и социальной жизни страны.

Радикальная партия России также считала своей ближайшей задачей немедленный созыв Учредительного собрания на основах всеобщего для всех граждан равного, прямого и тайного голосования.

Конституционно-демократическая партия на своем первом съезде в октябре 1905 года приняла резолюцию о целесообразности созыва Учредительного собрания для составления основного закона, однако правом созыва Конституанты кадеты наделяли монарха, считая необходимым сохранения за ним верховной власти в переходный период. В программу кадетов данная резолюция не входила.

Из-за отсутствия парламентских традиций и слабой агитационной работы политических партий до 1917 года идея Учредительного собрания находила широкое и прочное признание только у демократической интеллигенции. Не случайно, что

даже в критические для российской государственности дни 26–27 февраля предложение трудовика В. И. Дзюбинского, литовского народного социалиста Н. О. Янушкевича и прогрессиста кн. С. П. Мансырева пренебречь царским указом о роспуске Думы и объявить ее Учредительным собранием отверг Совет старейшин Думы.

С марта 1917 года требование созыва Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права вошло в программу переговоров руководителей Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с членами Временного Комитета Государственной думы. В ночь на 2 марта соглашением между лидерами Петроградского Совета и Государственной думы был выработан юридический статус Учредительного собрания, включавший принципы организации выборов всеобщим свободным голосованием («общенародная воля»), решения в ходе работы Собрания главных вопросов государственной жизни и прежде всего — государственного устройства и самостоятельного определения им круга и границ своих задач. Прерогативой Учредительного собрания объявлялось окончательное определение формы правления. Декларация о программе Временного правительства от 2 марта включала пункт о необходимости немедленной подготовки к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

В марте–апреле идея и лозунг Учредительного собрания пережили небывалый взлет. Историк О. Н. Знаменский объяснял его рядом обстоятельств: превращение давнего агитационного требования в практическую, признанную обеими властями (Советами и Временным правительством) общегосударственную задачу; получение политическими партиями возможности широко и свободно пропагандировать некогда запретные лозунги; распространение среди народа своеобразных «мартовских настроений» (наивно-романтических надежд на обретение единства всех слоев общества и пр.). По мнению Л. Г. Протасова Учредительное собрание гарантировало определенную стабильность в стране и устанавливало на какое-то время баланс сил, соединив революционные и реформаторские устремления. В марте–апреле партии кадетов, народных социалистов, эсеров и меньшевиков опубликовали 22 брошюры об Учредительном собрании.

Российский вариант Учредительного собрания исключает аналогии с его зарубежными разновидностями. В течение считанных дней была решена его традиционная задача: вместо монархии фактически установилась демократическая республика с невиданными политическими свободами. Вместе с тем, фактор «непредрешения» сковывал действия Временного правительства: окончательное решение вопроса о проведении многих реформ возлагалось на Учредительное собрание.

Правительственная Декларация 2 марта умалчивала о сроках выборов и созыва Учредительного собрания. В стране складывалась уникальная ситуация: в руках временного по своему характеру правительства была сосредоточена и верховная, и законодательная, и исполнительная власть.

Обладая подобными полномочиями, Временное правительство обрело свободу действий, оправдать либо осудить которые в будущем могло только Учредительное собрание. Именно с этих дней начинается история затяжек и проволочек с назначением даты выборов и открытия Учредительного собрания. Многие политические партии полагали, что подготовительные работы займут трех-четырёх месячный период, однако новая революционная ситуация требовала ускорения.

Разработка положения о выборах, составление избирательных списков, выдвижение кандидатов в депутаты, прочие подготовительные мероприятия диктовали целесообразность объединения усилий Временного правительства, Советов, органов местного самоуправления, политических партий и организаций. Однако правительство и Исполком Петроградского Совета переложили все подготовительные работы на переизбранные на основе всеобщего избирательного права органы местного самоуправления. В силу этого Учредительное собрание не могло быть созвано ранее августа–сентября. Уже в марте вожди ряда политических партий высказались против поспешности созыва Учредительного собрания. Эсеры ссылались на мнение своих местных партийных организаций и предлагали определить датой проведения Собрания один из осенних месяцев, когда крестьяне, составлявшие большую часть электората, завершат полевые работы. Большевики и народные социалисты (энесы) указывали на сложность разработки избирательного закона, организации и проведения выборов и рекомендовали определить ближайшим сроком его созыва сентябрь 1917 года. Партии правительственной коалиции допускали проведение выборной кампании лишь в период затишья на фронте, которое могло быть не ранее октября–ноября. Временное правительство продолжало подогревать надежды на скорый созыв Учредительного собрания, не связывая себе рук назначением точных сроков. Большевики убеждали массы, что не Учредительное собрание, а исключительно Советы могут осуществить надежды эксплуатируемого народа на подлинную справедливость, равноправие и демократию.

К маю политические партии разработали общие принципы организации и проведения выборной кампании: выборы должны проводиться на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; в них должна участвовать армия, включая фронтовые части. Ответственность за подготовку выборов возлагалась на органы местного самоуправления, созданные на основе всеобщего избирательного права. Однако большевики поддерживали эти положения условно, предпочитая видеть организаторами выборов Советы. В соответствии с пропорциональной системой выборов избирательные округа совпадали с административными, устранялась надобность перебаллотировки, обеспечивались интересы меньшинства.

Споры вызвал вопрос о возрастном цензе: большевики предлагали снизить до 18 лет, эсеры и меньшевики — поднять до 20–21 года. Кадеты не желали допускать к голосованию лиц моложе 21 года.

Разработку проектов о выборах в Собрание вело Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание при Временном правительстве (председатель — член ЦК кадетов Ф. Ф. Кокошкин) и Комиссией по Учредительному собранию Законодательного отдела Исполкома Петроградского Совета (председатель — член ЦК трудовиков Л. М. Брамсон). В созданной в конце марта Комиссии большинство правоведов принадлежали к эсерам, меньшевикам, трудовикам и энесам, а в правительственном Особом совещании — к кадетам. К середине апреля выявилась целесообразность объединения усилий для выработки необходимых законопроектов. Временное правительство предложило Исполкому Петроградского Совета, ряду общественных организаций направить в Особое совещание своих полномочных представителей и определило желательные нормы представительства. В состав Особого совещания вошли 8 представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, 6 — крестьянских Советов, по 2 представителя от каждой национальной организации, 2 места было выделено профсоюзам.

Затяжка подготовительных работ подрывала популярность идеи созыва Учредительного собрания. Его самым последовательным сторонником проявила себя, как и ранее, демократическая интеллигенция. Студенты, учителя, правоведа считали своим нравственным долгом разъяснять в народе идею Учредительного собрания. Оценивая эволюцию массовых настроений, О. С. Минор писал: «...по мере того, как покрывался туманом первый медовый месяц революции, заносилось пылью знамя ее — Учредительное собрание. К нему стали относиться уже не как к желанному завершению революции, а как к чему-то неизбежному, терпимому. Его требовали, но вяло, уже без веры».

Июньский политический кризис вскрыл рост популярности лозунга перехода всей власти к Советам и подтолкнул Временное правительство 14 июня объявить об ускорении созыва Учредительного собрания. Выборы назначались на 17 сентября, а открытие Собрания на 30 сентября. Периодическая печать опубликовала материалы Особого совещания. Началась предвыборная подготовка политических партий и общественных организаций. 8 июля новый состав Временного правительства подтвердил проведение выборов в намеченные сроки и обязал заблаговременно осуществить комплекс подготовительных мероприятий для обеспечения правильности и свободы выборов. Непременным условием достижения намеченных целей объявлялось скорейшее введение городского и земского самоуправления на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. 17 июля губернские и областные комиссары получили предписание министра внутренних дел И. Г. Церетели принять меры для созыва Учредительного собрания 30 сентября. Одновременно правительство вступило в переговоры с ЦИК Советов и кандидатами на министерские посты в новом коалиционном кабинете. В ходе переговоров министры-социалисты согласились с целесообразностью переноса срока выборов. 9 августа было распространено официальное сообщение правительства о переносе выборов на 12 ноября и открытия Учредительного собрания на 28 ноября.

За два дня до этого состоялось первое заседание утвержденной Временным правительством Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (Всевыборы) под председательством кадета Н. Н. Авинова. Заместителями председателя назначались кадет В. Д. Набоков и трудовик Л. М. Брамсон. В состав комиссии вошли поровну либералы и социалисты (16 полноправных членов от 6 политических партий), но ведущую роль играли кадеты, полностью контролировавшие бюро. Во время частого и долгого отсутствия Н. Н. Авинова Всевыборы возглавлял В. Д. Набоков. В августе-сентябре Всевыборы создали на местах окружные избирательные комиссии, ответственные за формирование избирательных списков, подготовку помещений для голосования, изготовление агитационных материалов и т. д. С 6 сентября в Петрограде издавались «Известия Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии».

В сентябре Управы Городских дум и земств, уже обладая списками избирателей органов местного самоуправления, начали составление списков избирателей в Учредительное собрание. Были установлены границы избирательных округов, их общее число (73 гражданских и 8 воинских) и оптимальная численность депутатов Собрания (800 человек). Демократичность подготовленного Особым совещанием «Положения о выборах во Всероссийское Учредительное собрание» никто не оспаривал. Возрастной ценз составлял 21 год; избирательное право получили военнослужащие; отменялись цензы имущественный, оседлости, грамотности и др. Все

это подкрепляло уже сложившуюся за Россией репутацию самого демократического в мире государства.

После Корниловского мятежа все действия Временного правительства, Всевыборов, окружных комиссий на местах были нацелены на то, чтобы дотянуть до спасительной гавани Учредительного собрания и, тем самым, прервать замкнутый круг «непредрешения». В сентябре-октябре определился круг вопросов, решение которых возлагалось на Учредительное собрание. Как отмечают исследователи (О. Н. Знаменский, Л. Г. Протасов, Н. Н. Смирнов и др.), для средних слоев главным было создание правового государства при непременно мирном, реформистском преодолении кризиса в стране. В низших слоях общества большинство наивно верило в способность Учредительного собрания сходу решить весь комплекс социально-экономических и политических проблем. По неполным данным Всевыборов на депутатские мандаты претендовали более 60 различных объединений. Так, в Волынском избирательном округе были заявлены 30 списков, в Самарском — 95.

После свержения Временного правительства Совет Народных Комиссаров (СНК) 27 октября постановил провести выборы в назначенный срок — 12 ноября и призвал избирательные комиссии, органы местного самоуправления, Советы и солдатские организации на фронте «напрячь все усилия для обеспечения свободного и правильного производства выборов». Лояльность большевиков к Учредительному собранию по-разному трактовалась современниками. Некоторые видели в ней лишь хитрую политическую игру ленинцев, стремившихся выиграть время для упрочения собственных позиций в качестве правящей партии, сломить недоверие скептиков и, как писал М. В. Вишняк, «интимнее связаться с народными толщами». В любом случае, первые важнейшие декреты советской власти содержали оговорку о действии их «впредь до Учредительного собрания». При этом большевики явно отводили Собранию роль «оформителя» свершившихся в обществе перемен, не признавая за ним решения вопросов как социальных, так и политических.

По Положению о выборах на голосование отводилось три дня. Исключение составляла действующая армия, где в ряде округов (Северный, Западный, Юго-Западный и Румынский фронты) его предлагалось начать 8 октября и завершить за семь дней, в других (Кавказский фронт, Балтийский и Черноморский флотские округа) — 1 октября и осуществлять в течение четырнадцати дней. По сведениям Всевыборов на 15 ноября голосование началось вовремя в 46 округах из 81. В 20 округах выборы должны были начаться 15 или 26 ноября. Еще в 12 округах голосование намечалось на декабрь 1917 — январь 1918-го. О положении в трех округах (Таврическом, Уральском, русских войск во Франции и на Балканском полуострове) сообщений, вероятно, не поступило.

Формальные итоги выборов: 39,5% голосов избирателей получили эсеры, 22,5% — большевики, 4,5% — кадеты, 3,2% — меньшевики, 0,9% — энесы. Разнородные социалистические списки, включавшие и кандидатов от неонароднических и социал-демократических национальных партий, собрали 14,5%. Национальные партии и списки несоциалистического, автономистского и федералистского толка получили 9,6%. Почти 5% голосов было отдано за списки различного рода союзов и общественных организаций. Наибольшее количество голосов РСДРП (б) получила в Петрограде и Москве, на ближайших к столицам фронтах, во многих губернских городах, в округах Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов, что позволяло ей практически полностью контролировать политическую ситуацию в стране, хотя она получила в ней менее четверти голосов.

По наиболее полным, но не исчерпывающим наблюдениям итогов выборов Л. Г. Протасова, из 80 млн. человек, имевших право голоса, в голосовании участвовало более 48 млн. (т. е. 62–63%). С учетом довольно сложной политической обстановки подобный показатель можно признать высоким. Из парадоксов проведенных выборов наиболее впечатляющи абсентеизм интеллигенции, ранее инициировавшей лозунг Учредительного собрания, и активность деревни, голосовавшей за эсеров. Именно в их партии крестьянство видело выразителя своих чаяний. Солдаты и городские рабочие предпочли большевиков. Было избрано 767 депутатов, в том числе 347 эсеров, 81 украинский эсер, 16 меньшевиков, 11 украинских социал-демократов, 180 большевиков, 15 кадетов, 4 народных социалиста, 16 казаков, 62 мусульманина, 18 национальных социалистов, 16 депутатов от национальных списков, 1 от Православной Церкви.

Выборы проводились по правилам, разработанным задолго до прихода к власти большевиков, а избиратели голосовали за единые списки уже расколотых партий эсеров и меньшевиков. И хотя большевики на выборах действительно терпели явное политическое поражение, важнее оказалось то, что большинство избирателей оказалось близко им по духу и способу достижения поставленных целей.

По мере приближения 28 ноября правые эсеры, меньшевики и кадеты усилили проучредительскую кампанию, призывали превратить день открытия Учредительного собрания во «всемирный праздник», «дружно сплотиться вокруг этого демократического органа». Одновременно готовились вооруженные формирования для защиты Собрания. Большевики приняли контрмеры. 21 ноября ВЦИК Советов одобрил декрет «О праве отзыва делегатов». Он предоставил Советам возможность отзывать «неудобных» депутатов из всех представительных учреждений, включая Учредительное собрание, а также проводить их перевыборы. 26 ноября СНК принял Декрет «К открытию Учредительного собрания», который определил, что начало его работы возможно лишь при условии прибытия не менее половины избранных депутатов; но даже при наличии кворума открыть заседание могло только лицо, «уполномоченное на то Советом Народных Комиссаров». 1 декабря ВЦИК Советов подтвердил этот документ соответствующей резолюцией.

К 28 ноября в Петрограде собрались только 172 депутата. К этому дню были приурочены антибольшевистские по духу выступления в поддержку Учредительного собрания в Петрограде, Москве, других городах России. Большие надежды возлагались на провинцию. Однако к этому времени народ не питал той глубокой веры в спасительность Учредительного собрания, на которую рассчитывали сторонники российской Конституанты. Видя это, большевики решительно пресекли попытки правых социалистов и кадетов самочинно открыть 28 ноября Учредительное собрание. Анализ поступавших в адрес СНК, Отдела местного управления НКВД, канцелярии Учредительного собрания писем и телеграмм свидетельствует, что большинство рабочих, крестьян и солдат были склонны признать Учредительное собрание только при условии его тесного контакта с СНК.

Вечером 28 ноября СНК принял написанный В. И. Лениным Декрет «Об аресте вождей гражданской войны против революции», объявивший, что «члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов». В тот же день арестовали и заключили в Петропавловской крепости пятерых членов ЦК кадетов: графиню С. В. Панину и избранных членами Учредительного собрания Ф. Ф. Кокошкина, А. И. Шингарева, князя П. Д. Долгорукова и Н. Н. Кутлера. 1 декабря заседание ВЦИК

одобрило этот ленинский декрет и он получил силу закона. Таким образом, участие либералов в работе Учредительного собрания было исключено.

29 ноября большевики реорганизовали Всевыборы. Работу по созыву Учредительного собрания возглавил М. С. Урицкий. Члены Всевыборов, отказавшиеся сотрудничать с большевиками, смещались с поста. Прибывавших в Петроград депутатов Учредительного собрания обязали регистрироваться и получать временные удостоверения в канцелярии Таврического дворца у нового комиссара над Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссией или у его заместителей. Удостоверения, выданные первоначальным составом комиссии, были отменены.

IV съезд партии эсеров (26 ноября — 5 декабря) признал борьбу за Учредительное собрание своей главной целью. Правые эсеры публиковали листовки, брошюры, намечали планы вооруженной защиты Учредительного собрания. В стане меньшевиков, тем временем, наметился раскол. Их чрезвычайный съезд (30 ноября — 7 декабря) принял резолюцию, осуждавшую «бланкистские» методы борьбы, сочетавшую требования полновластного Учредительного собрания и «однородного социалистического правительства» от энесов до большевиков. Часть делегатов съезда, напротив, призывала активно сотрудничать с «Союзом защиты Учредительного собрания» и усилить антибольшевистскую кампанию.

I съезд левых эсеров (19–28 ноября) обязал Учредительное собрание проводить в жизнь «основные положения II съезда Советов», но вместе с тем выражал надежду, что Собрание конституирует власть рабочих и крестьян. Войдя в состав большевистского Совнаркома, левые эсеры не утратили и надежд на возможный компромисс с правыми эсерами в зале заседаний Учредительного собрания.

Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, А. И. Рыков, Д. Б. Рязанов и другие большевики предлагали превратить Учредительное собрание в некий «революционный конвент», полагая, что, изгнав из него кадетов, большевики и левые эсеры обеспечили себе «колоссальное преобладание». Члены временного бюро большевистской фракции Учредительного собрания видели в созыве его завершающий этап революции и призывали ЦК РСДРП (б) и СНК отказаться от контроля за созывом и работой Собрания. По инициативе В. И. Ленина 11 декабря заседание ЦК РСДРП (б) осудило бюро большевистской фракции Учредительного собрания за «капитулянтство» и переизбрало его. На следующий день ЦК РСДРП (б) принял ленинские тезисы об Учредительном собрании. В них с учетом сохранения конституционных иллюзий в сознании значительной части населения Учредительному собранию предоставлялся «последний шанс»: «возможно более широкое и быстрое осуществление народом права перевыбора членов Учредительного собрания, присоединение самого Учредительного собрания к закону ЦИК об этих перевыборах и безоговорочное заявление Учредительного собрания о признании Советской власти, советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и о рабочем контроле, решительное присоединение Учредительного собрания к стану противников кадетски-калединской контрреволюции (выделено нами. — Н. С.)». Иными словами, большевики сводили роль Учредительного собрания к легитимизации всех действий новой государственной власти.

20 декабря СНК назначил открытие заседания Учредительного собрания на 5 января 1918 года при наличии кворума, то есть не менее 400 депутатов, предварительно зарегистрированных во Всевыборах нового состава. На этом же заседании СНК решил создать в Петрограде III съезд Советов рабочих, солдатских и

крестьянских депутатов. 22 декабря вопрос об Учредительном собрании и III Всероссийском съезде Советов обсудило пленарное заседание ВЦИК. Отмечалось, что Учредительное собрание «на целую эпоху отстало от развития событий и в гораздо большей степени отражает буржуазную революцию, чем рабочую и крестьянскую Октябрьскую революцию». Большевики предложили ВЦИК твердо заявить, что он признает только такое Учредительное собрание, которое «решительно и безоговорочно станет на сторону трудовых классов против помещиков и буржуазии, подкрепит Советскую власть, утвердит декреты о земле, рабочем контроле, национализации банков, признает право всех народов России на самоопределение и поддержит внешнюю политику Советов, направленную на скорейшее достижение демократического мира».

23 декабря «Правда» в передовице «Съезд Советов и Учредительное собрание» предупреждала: «Враги народа хотят вырвать власть у Советов, классовых организаций трудящихся. В этом вся суть той суматохи, которая ведется вокруг Учредительного собрания». Большевики намекали, что знают о подготовке их противниками неких «защитных мероприятий»: «Союз защиты Учредительного собрания» намеревался в день открытия Собрания провести манифестацию, а военная организация эсеров готовила вооруженное выступление. Петроград был объявлен на осадном положении; назначалась Чрезвычайная комиссия по охране города и Военный штаб (Я. М. Свердлов, В. Д. Бонч-Бруевич, Н. И. Подвойский, П. П. Прошьян, М. С. Урицкий и др.); для охраны Таврического дворца были вызваны матросы крейсера «Аврора» и броненосца «Республика».

Петроградский Совет 3 января 1918 года призвал питерцев не участвовать в митингах и манифестациях. С утра 5 января на девяти сборных пунктах скапливались участники манифестации в поддержку Учредительного собрания: интеллигенты, студенты, гимназисты, служащие, рабочие, солдаты. В их настроении не было воинственности. С разных концов города колонны манифестантов направились к Таврическому дворцу и во многих местах путь им преградил оружейный и пулеметный огонь. К середине дня манифестанты были рассеяны. Точное число убитых и раненых неизвестно. Похороны погибших 9 января, в годовщину Кровавого воскресенья, превратились в демонстрацию против большевиков.

В Таврическом дворце в назначенное время, в полдень 5 января, открытие Всероссийского Учредительного собрания не состоялось. Фракции заседали врозь: эсеры (не менее 237 депутатов), большевики (110–120 депутатов), левые эсеры (30–35 депутатов), меньшевики (16 депутатов), представители национальных партий и организаций (более 80 депутатов), энесы (2 депутата). Чтобы выяснить характер манифестации и ее исход, они согласились перенести открытие собрания на вечер.

Около 16 часов открылись двери Белого зала и не менее 410 депутатов, большинство социалисты, заняли отведенные места: левый сектор — большевики и левые эсеры; центр и правый сектор — правые эсеры, меньшевики, представители других фракций. Верхний ярус зала заполнили около 400 представителей общественности.

Заседание шло под непрекращающийся аккомпанемент одобрительных или негодующих выкриков, свиста, топота, шума, аплодисментов. Его ход и исход предопределила психология и логика непримиримой политической борьбы.

Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов опаздывал, и эсеры попытались взять в свои руки открытие заседаний Учредительного собрания. Попытка оказалась неу-

дачной. По поручению ВЦИК Я. М. Свердлов зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и объявил Учредительное собрание открытым. Однако председателем оказался избран вождь эсеров В. М. Чернов, получивший при голосовании 244 голоса. О речи Чернова депутат Учредительного собрания эсер Н. П. Огановский писал в дневнике: «Председатель своей речью посадил нас в такие глубокие калоши, из которых, пожалуй, уже никогда не выбраться». Речь лидера меньшевиков И. Г. Церетели развеяла последние надежды большевиков на то, что депутатское «большинство» признает их власть.

Большинство депутатов высказалось за повестку дня, предложенную эсерами (237 голосов против 146), отклонив предложение большевиков начать с обсуждения «Декларации трудящегося и эксплуатируемого народа». В качестве первоочередных предусматривалось обсудить вопросы о мире и о земле, и лишь затем рассмотреть «провозглашение форм государственного устройства России». Не внося в повестку дня в качестве основополагающих вопросы об определении формы государственного устройства России и принятии ее Основного Закона (Конституции), правые эсеры, меньшевики и поддержавшие их депутаты других партийных фракций отдали инициативу в руки большевиков. Последние незамедлительно потребовали обсуждения вопроса об утверждении Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, несомненно, носящей характер конституционного акта. Оппоненты большевиков развернули бесплодную политическую дискуссию, суть которой была далека от традиционной парламентской. В знак протеста большевики и левые эсеры потребовали объявить перерыв для фракционных совещаний. Большевистская фракция решила огласить с трибуны Собрания написанную Лениным заключительную декларацию и покинуть Таврический дворец. Левые эсеры после недолгих колебаний поддержали большевиков и в пятом часу утра 6 января заявили об уходе. В Белом зале остались 200 с небольшим депутатов. Учредительное собрание утратило кворум.

Роспуск Всероссийского Учредительного собрания в этой ситуации становился неизбежен, что позднее, в эмиграции, признали многие: от меньшевиков и эсеров до кадетов. Начальник караула Таврического дворца А. Г. Железняков предложил председателю Чернову закрыть заседание. Торопливо дочитав вводные пункты эсеровского «Закона о земле», один из пунктов постановления о провозглашении России демократической федеративной республикой и обращение к союзным державам об определении точных условий демократического мира, В. М. Чернов в 4 часа 40 минут утра объявил заседание закрытым и назначил новый сбор на 5 часов вечера 6 января.

Вечером 6 января расширенное заседание ВЦИК Советов одобрило внесенный Совнаркомом декрет о роспуске Учредительного собрания: «Народ хотел создать Учредительное собрание — и мы создали его. Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это пресловутое Учредительное собрание. И теперь мы исполнили волю народа, волю, которая гласит: вся власть Советам». Как отмечает Л. Г. Протасов, большевики свергли абсолютно легитимное даже с точки зрения «революционного права» собрание народных избранных и надежды на конституционное развитие России полностью отпали.

Вечером 6 января эсеры и их союзники попытались продолжить заседания. Командант Таврического дворца не впустил членов Учредительного собрания, и они собрались в гимназии Гуревича, где сумбурно обсудили вопрос о конспиративном месте дальнейшей работы. Состоялся ряд тайных заседаний. В итоге было решено

к 1 февраля всем съехаться в Киев и оттуда начать борьбу за Учредительное собрание. Однако Киев с 15 января был в руках большевиков, поэтому часть депутатов Учредительного собрания переместилась в Самару, образовав 8 июня 1918 года Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). После освобождения Самары советскими войсками 7 октября, Комуч перебрался в Уфу под названием «Съезд членов Учредительного собрания». В декабре 1918 года некоторые его члены были расстреляны белогвардейцами в Омске, остальные эмигрировали. 8–21 января 1921 года в Париже состоялось Совецание членов Учредительного собрания (33 депутата), избравшее Исполнительную комиссию (П. Н. Милюков, А. И. Коновалов, Н. Д. Авксентьев, А. Ф. Керенский и др.), но ее деятельность не принесла заметных результатов.

История российской Конституанты трагична. Пролилась кровь демонстрантов, выступавших в ее защиту в Петрограде, Москве, Новгороде, других городах России. Ликвидация Учредительного собрания явилась фактическим свертыванием демократических преобразований Февральской революции. Неизбежными последствиями стали партийная монополизация власти, тотальное огосударствление всей общественной жизни и самоизоляция от остального мира. Сложившаяся в итоге система приобрела полностью закрытый характер, оказалась не способна к обновлению. Судьба Учредительного собрания показала несовместимость двух способов преобразования общества — насильственного, через вооруженную борьбу, и демократического, через всенародное волеизъявление.

Библиография истории Всероссийского Учредительного собрания насчитывает более 300 документальных публикаций, монографических и коллективных работ, научных и публицистических статей. Переосмысливаются традиционные представления, в научный оборот вводятся все новые и новые источники. Если советская историография, игнорируя неудобные факты, доказывала правомерность большевистских действий, постсоветская тем же способом убеждает в их запрограммированной преступности. Актуальным остается ряд вопросов, так и не получивших объективного, всестороннего осмысления: Насколько правомерны были действия Временного правительства по откладыванию созыва Учредительного собрания? Каково было подлинное отношение народных масс к идее Учредительного собрания? Чем объяснить алогичность поведения политических оппонентов большевиков в период подготовки и проведения единственного заседания Конституанты? Более обстоятельного анализа заслуживает само заседание Учредительного собрания.

Основной пласт материалов Всероссийского Учредительного собрания и его подготовительных органов хранится в фондах Государственного архива Российской Федерации в Москве.

Литература

Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932.

Всероссийское Учредительное собрание: Сб. документов и материалов. М.; Л., 1930.

Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. Л., 1976.

- Протасов Л. Г.: Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997; Учредительное собрание: прерванный опыт становления демократической представительной власти // Представительная власть в России: история и современность. М., 2004; Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.
- Святыцкий Н. В. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание. М., 1918.
- Смирнов Н. Н. Третий Всероссийский съезд Советов: история созыва, состав, работа. Л., 1988.
- Соколов Б. Ф. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 13.
- 1917 год и российский парламентаризм. СПб., 1998.
- Учредительное собрание, Россия, 1918: Стенограмма и другие документы. М., 1991.
- Чернов В. М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М., 2007.
- Radkey O. H. Russia Goes to the Polls: The Election to the All-Russian Constituent Assembly. Ithaca, 1989.

АЛТЕР ЛИТВИН

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (до августа 1918 года — по борьбе с контрреволюцией и саботажем) функционировала с 7 декабря 1917 по 6 февраля 1922 года. Руководила ею коллегия, составленная из большевиков и с 8 января по 6 июля 1918 года также и левых эсеров под председательством Ф. Э. Дзержинского (с 8 июля по 21 августа 1918 года временно председателем был Я. Х. Петерс).

История ВЧК не написана, хотя ее деятельности посвящены многие книги, статьи, художественные произведения. Советская историография апологетизировала работу чекистов. Выводы советских историков основывались исключительно на оценках В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского, М. И. Лациса, Я. Х. Петерса и других руководителей государства и ВЧК, считавших деятельность этого учреждения обязательной для победы революции. Опубликованные документы описывали удачные операции ВЧК и отдельные следственные материалы о пресечении «контрреволюционных действий» оппозиционных партий и организаций. В них, как и в монографиях о ВЧК, история подменялась рассказами о подвигах чекистов. Эти работы поддерживали легенду тридцатых годов («органы всегда правы»), романтизировали чекистский труд и «красный террор», трактовали их как суровую необходимость, обусловленную действиями врагов.

Литература, выходящая за пределами СССР в двадцатые годы, концентрировалась на описании застенков и террора ВЧК. Многие книги, появившиеся за рубежом в 1970-е — 1980-е годы, в основном не выходили за рамки такого подхода. Советские и зарубежные исследования о ВЧК разнились не только в оценках. Отсутствие у советских историков критического отношения к официальным документам позволило Дж. Леггету уточнить ряд представлений и прийти к выводу об отсутствии контроля СНК над деятельностью ВЧК. К. Эндрю и О. Гордиевский обратили внимание на внешнеполитические акции ВЧК.

Засекреченность основной массы источников служит главным препятствием для создания истории ВЧК, понимания этого феномена российской государственности. Сложность исследования проблемы состоит и в том, что опубликованные законодательные акты в те годы дополнялись многими негласными служебными указаниями. «Двойное» законодательство (декларации и реалии), а также строительство государства на основе «революционного правосознания» крайне затрудняют решение проблемы.

Декрет СНК РСФСР от 7 (20) декабря 1917 года возложил на ВЧК задачи борьбы с саботажем и контрреволюцией путем ведения предварительного расследования и предания виновных суду революционного трибунала. Первоначально аппарат ВЧК состоял из трех основных отделов: информационного, организационного и борьбы с контрреволюцией. 11 (24) декабря в ВЧК создали отдел борьбы со спекуляцией, 20 марта 1918 года — отдел борьбы с должностными преступлениями. Аппарат ВЧК был небольшим: в Петрограде — 23 сотрудника, а после переезда в

Москву в марте 1918 года — 120 сотрудников. С 14 января 1918 года ВЧК формировал отряды, в июне преобразованные в 35 батальонов (до 40 тыс. бойцов), размещенных в центральных губерниях европейской части России. В августе 1918 года в советской части страны функционировали 38 губернских и 75 уездных ЧК. Всероссийская перепись августа 1918 года выявила, что в центральном аппарате ЧК коммунисты составляли 52,2%; по социальному происхождению 10,6 % чекистов были выходцами из рабочих, 38% — из служащих, 36,7% — из военнослужащих, 14,7% — из крестьян и интеллигенции. ВЧК превосходила наркоматы по проценту коммунистов, особенно с дооктябрьским стажем (включая рекомендованных ЦК РКП(б) и ВЦИК), зато уступала по количеству служивших в ней функционеров дореволюционных учреждений, имела всего двоих. Один из них, бывший товарищ (заместитель) министра внутренних дел и шеф Отдельного корпуса жандармов генерал-адъютант и генерал-майор В. Ф. Джунковский с начала 1918 года являлся консультантом по созданию осведомительной сети ВЧК.

Декрет о создании ВЧК В. И. Ленин подписал на 42-й день после захвата власти большевиками. Советская историография возлагала ответственность за создание ВЧК на «контрреволюцию», которая не подчинилась ущемлению своих гражданских прав, сопротивлялась ликвидации своей собственности и осуществляемому властями лозунгу «грабь награбленное». Осознав силу сопротивления, Ленин начал мечтать о российском Фуке-Тенвиле, одоблив выступления Дзержинского на заседании СНК с требованием отказаться от юстиции и просто, «по-революционному», расправиться с «деятелями контрреволюции». Большевицкое руководство своим захватом власти в стране создало экстремальную ситуацию и видело выход в организации сильного чрезвычайного карательного учреждения, способного устроить и терроризировать население. Поэтому Ленин, а за ним и чекисты, называли ВЧК главной защитницей советской власти. Была создана мощная спецслужба, не ограниченная в своих действиях законами, решительно подавлявшая любую оппозицию правящему режиму.

Постановления ЦК РКП(б) и СНК РСФСР быстро превратили ВЧК в главный орган насилия, создав для этого декретно-законодательное обоснование. 21 февраля 1918 года СНК утвердил Декрет «Социалистическое отечество в опасности!». На его основании ВЧК получила право внесудебной расправы: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления». Через день этот список был дополнен «саботажниками и прочими паразитами», которых ВЧК надлежало также на месте преступления уничтожать. Дзержинский признал, что в то время ВЧК имела только «общие указания беспощадной борьбы», указаний, кто именно и за какие преступления является объектом чекистского воздействия, не существовало. К «прочим паразитам» можно было отнести любого гражданина, а это открыло путь чекистскому произволу.

Левые эсеры-чекисты не смягчали чекистский террор. Анализ протоколов заседаний Президиума ВЧК (январь-июнь 1918 года) свидетельствует, что большевики и левые эсеры единодушно принимали решения. Левый эсер В. А. Александрович был первым заместителем председателя ВЧК, членом «тройки» по оперативному руководству ВЧК наряду с Дзержинским и Петерсом. 15 июля 1918 года сформировали первую «тройку» ВЧК с правом выносить приговор к немедленному расстрелу (Ф. Э. Дзержинский, М. И. Лацис, В. А. Александрович; заместители — Я. Х. Петерс, В. В. Фомин, И. И. Ильин). Коллегия ВЧК постановила:

«Расстрелы применяются ко всем, кто замешан в заговоре против Советской власти и республики, если это будет доказано. Приговоры тройки должны быть единоголосны». К тому времени ВЧК широко использовала агентурные методы, наружное наблюдение, систему секретных сотрудников (сексотов), вербуя их среди арестованных и членов «контрреволюционных» организаций, перлюстрацию писем, международной корреспонденции и т. д. Тогда же появилась первая детальная инструкция о том, кто подлежит расстрелу: бывшие жандармы и полицейские офицеры, носящие оружие без разрешения или проживавшие по фальшивым документам, активные члены партий кадетов, октябристов, эсеров (правых и центра). Такого рода дела должны были обсуждать «обязательно в присутствии представителя РКП(б)». (На местах — губкома или укома РКП(б)). Разъяснялось, кого можно считать активным членом «контрреволюционных партий»: членом комитета — от центрального до местных, боевых дружинников. Расстрельную практику поощрял СНК. Ссылаясь на выступление Чехословацкого корпуса, СНК 10 июня 1918 года призвал беспощадно истреблять «офицеров-заговорщиков, предателей, сообщников Скоропадского, Краснова, сибирского полковника Иванова» (имелся в виду П. П. Иванов-Ринов).

1-я Всероссийская конференция чекистов (Москва, 11–14 июня 1918 года; 86 делегатов от 43 ЧК) провозгласила ВЧК «оплотом охраны советской власти», требовала расстрелять «видных и явно уличенных контрреволюционеров» и наблюдать за командным составом Красной Армии. Чекисты предлагали ужесточить карательную практику и обеспечить неконтролируемые условия для ее реализации. Функции ВЧК с февраля 1918 года непрерывно ширились наряду с увеличением числа сотрудников. Летом 1918 года в Москве ВЧК расположилась в гостинице «Селект» на Лубянке, а затем заняла соседнее здание страхового общества «Россия», в этих зданиях разместились 12 отделов ВЧК. Всю советскую территорию покрыла сеть ЧК и приданных ей войск.

6 июля 1918 года сотрудники ВЧК Я. Г. Блюмкин и Н. Андреев убили в Москве германского посла графа В. Мирбаха, отряд ВЧК под начальством левого эсера Д. Попова стал опорой вооруженного сопротивления большевикам, которые в борьбе за власть стремились покончить с политическими оппонентами и установить однопартийную систему в стране. Большевики подавили противодействие левых эсеров, расстреляли 13 чекистов, включая В. А. Александровича, упразднили прежнюю коллегия ВЧК и заявили об усилении внимания к подбору чекистских кадров. 21 августа 1918 года была сформирована новая коллегия ВЧК из 11 коммунистов (В. Э. Дзержинский, Я. Х. Петерс, В. В. Фомин, М. И. Лацис, И. К. Ксенофонтов, В. Н. Яковлева, М. С. Кедров, В. В. Каменщиков, Н. А. Скрыпник, И. Н. Полукаров, В. П. Янушевский).

К осени в советской России осуществлялся экономический, нравственный и политический террор. Июльские декреты СНК и Конституция РСФСР 1918 года свидетельствовали об этом. Происходило и физическое унижение противников властей. К тому времени ВЧК была организационно и сознательно подготовлена к проведению тотального террора. 5 сентября 1918 года СНК распространил Постановление о проведении «Красного террора», подписанное наркомом юстиции, внутренних дел и управляющим делами СНК (Д. И. Курский, Г. И. Петровский, В. Д. Бонч-Бруевич). Ленин, Свердлов, Дзержинский не подписали его, видимо исходя из будничной повседневности проводимой карательной акции. Провозглашение «красного террора» государственной политикой вызвало к жизни требова-

ние чекистов о «массовой ликвидации буржуазии», применение пыток и т. п. Вводимая с лета 1918 года политика военного коммунизма означала регламентацию всей общественной жизни страны, где грани, разделяющей революционный порядок и беззаконие, практически не существовало. Дворянство и казачество подлежали ликвидации. Крестьянам угрожало постановление СНК от 15 февраля 1919 года «взять заложников из крестьян с тем, что если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны». Дзержинский предупреждал: всех недоброжелательных властью рабочих следует считать «нерабочими», «не чистыми» пролетариями, зараженными мелкобуржуазной психологией, концлагеря — это «школа труда». Руководство ВЧК разработало подробные инструкции об арестах, производстве расстрелов, взятии заложников. Предлагалось: «Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам самостоятельно расстреливать... Взять заложников (крупных фабрикантов) от буржуазии и союзников. Объявить, что никакие ходатайства за арестованных... не принимаются. Район определяет, кого брать в заложники... Устроить в районах мелкие концентрационные лагеря... Явных контрреволюционеров расстреливать... Принять меры, чтобы трупы не попали в нежелательные руки».

Разгул «красного террора» принес не менее 10 тыс. жертв и дискуссии об ограничении полномочий ВЧК. Однако права ВЧК, исполнителя воли элиты правящей партии, были не ограничены, а пытки арестованных — скорее правилом, чем исключением. Более того, решение ЦК РКП(б) от 12 декабря 1918 года запретило критику ВЧК как органа, «работа которого протекает в особо тяжелых условиях». Для успокоения общественного мнения ЦК РКП(б) в марте 1919 года поручил И. В. Сталину контролировать действия ВЧК, а вскоре в коллегию ВЧК с «правом вето» был направлен Н. И. Бухарин. Признанием своего официального участия в работе ВЧК большевистское руководство освящало творящийся разгул террора: расстрелы, концлагеря, заложничество, пытки, издевательства над правами личности и др.

Состав коллегии ВЧК, руководство отделами, их число менялось в зависимости от обстановки. В 1920 году СНК утвердил коллегию ВЧК в составе: Ф. Э. Дзержинский, И. К. Ксенофонтов, М. И. Лацис, Я. Х. Петерс, В. А. Аванесов, Н. Н. Зимин, Ф. Д. Медведь, М. С. Кедров, В. С. Корнев, В. Р. Менжинский, В. Н. Манцев, С. А. Мессинг, Г. Г. Ягода. Тогда в стране функционировали 86 областных и республиканских ЧК, 16 особых отделов в армии, 508 уездных ЧК, а также транспортные ЧК (железнодорожные и водные). 77,3% чекистов были русскими, 9,1% — евреями, 3,5% — латышами, 3,1% — украинцами, 0,5% — белорусами, 0,5% — мусульманами, 0,2% — армянами, 0,1% — грузинами. «Чекистский интернационал» дополняли 315 немцев, 46 финнов, 25 чехов, 13 китайцев, 3 шведа, 2 англичанина и француз. Такой национальный состав опровергает тезис российских ультрапатриотов о том, что свирепость ЧК объясняется засильем «инородцев». Русскими были 52 из 86 председателей губернских и республиканских ЧК. В 1920 году высшее образование имели 513 чекистов (1,03%), большинство же — 28 647 (57,3%) ограничились начальным.

Военные победы и экономические неудачи побудили ВЦИК 17 января 1920 года принять постановление об отмене расстрелов по приговорам ВЧК и местных ЧК. По официальной версии запрет на чекистские расстрелы действовал до 28 мая 1920 года, когда в связи с Советско-польской войной право расстрела получили 16 губернских ЧК, еще восьми они разрешались, но только с санкции ВЧК. 4 ноября 1920 года ВЦИК подтвердил, что в местностях, объявленных на военном по-

«Расстрелы применяются ко всем, кто замешан в заговоре против Советской власти и республики, если это будет доказано. Приговоры тройки должны быть единоголосны». К тому времени ВЧК широко использовала агентурные методы, наружное наблюдение, систему секретных сотрудников (сексотов), вербуя их среди арестованных и членов «контрреволюционных» организаций, перлюстрацию писем, международной корреспонденции и т. д. Тогда же появилась первая детальная инструкция о том, кто подлежит расстрелу: бывшие жандармы и полицейские офицеры, носящие оружие без разрешения или проживавшие по фальшивым документам, активные члены партий кадетов, октябристов, эсеров (правых и центра). Такого рода дела должны были обсуждать «обязательно в присутствии представителя РКП(б)». (На местах — губкома или укома РКП(б)). Разъяснялось, кого можно считать активным членом «контрреволюционных партий»: членом комитета — от центрального до местных, боевых дружинников. Расстрельную практику поощрял СНК. Ссылаясь на выступление Чехословацкого корпуса, СНК 10 июня 1918 года призвал беспощадно истреблять «офицеров-заговорщиков, предателей, сообщников Скоропадского, Краснова, сибирского полковника Иванова» (имелся в виду П. П. Иванов-Ринов).

1-я Всероссийская конференция чекистов (Москва, 11–14 июня 1918 года; 86 делегатов от 43 ЧК) провозгласила ВЧК «оплотом охраны советской власти», требовала расстрелять «видных и явно уличенных контрреволюционеров» и наблюдать за командным составом Красной Армии. Чекисты предлагали ужесточить карательную практику и обеспечить неконтролируемые условия для ее реализации. Функции ВЧК с февраля 1918 года непрерывно ширились наряду с увеличением числа сотрудников. Летом 1918 года в Москве ВЧК расположилась в гостинице «Селект» на Лубянке, а затем заняла соседнее здание страхового общества «Россия», в этих зданиях разместились 12 отделов ВЧК. Всю советскую территорию покрыла сеть ЧК и приданных ей войск.

6 июля 1918 года сотрудники ВЧК Я. Г. Блюмкин и Н. Андреев убили в Москве германского посла графа В. Мирбаха, отряд ВЧК под начальством левого эсера Д. Попова стал опорой вооруженного сопротивления большевикам, которые в борьбе за власть стремились покончить с политическими оппонентами и установить однопартийную систему в стране. Большевики подавили противодействие левых эсеров, расстреляли 13 чекистов, включая В. А. Александровича, упразднили прежнюю коллегия ВЧК и заявили об усилении внимания к подбору чекистских кадров. 21 августа 1918 года была сформирована новая коллегия ВЧК из 11 коммунистов (В. Э. Дзержинский, Я. Х. Петерс, В. В. Фомин, М. И. Лацис, И. К. Ксенофонтов, В. Н. Яковлева, М. С. Кедров, В. В. Каменщиков, Н. А. Скрыпник, И. Н. Полукаров, В. П. Янушевский).

К осени в советской России осуществлялся экономический, нравственный и политический террор. Июльские декреты СНК и Конституция РСФСР 1918 года свидетельствовали об этом. Происходило и физическое унижение противников властей. К тому времени ВЧК была организационно и сознательно подготовлена к проведению тотального террора. 5 сентября 1918 года СНК распространил Постановление о проведении «Красного террора», подписанное наркомом юстиции, внутренних дел и управляющим делами СНК (Д. И. Курский, Г. И. Петровский, В. Д. Бонч-Бруевич). Ленин, Свердлов, Дзержинский не подписали его, видимо исходя из будничной повседневности проводимой карательной акции. Провозглашение «красного террора» государственной политикой вызвало к жизни требова-

ние чекистов о «массовой ликвидации буржуазии», применение пыток и т. п. Вводимая с лета 1918 года политика военного коммунизма означала регламентацию всей общественной жизни страны, где грани, разделяющей революционный порядок и беззаконие, практически не существовало. Дворянство и казачество подлежали ликвидации. Крестьянам угрожало постановление СНК от 15 февраля 1919 года «взять заложников из крестьян с тем, что если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны». Дзержинский предупреждал: всех недовольных властью рабочих следует считать «нерабочими», «не чистыми» пролетариями, зараженными мелкобуржуазной психологией, концлагеря — это «школа труда». Руководство ВЧК разработало подробные инструкции об арестах, производстве расстрелов, взятии заложников. Предлагалось: «Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам самостоятельно расстреливать... Взять заложников (крупных фабрикантов) от буржуазии и союзников. Объявить, что никакие ходатайства за арестованных... не принимаются. Район определяет, кого брать в заложники... Устроить в районах мелкие концентрационные лагеря... Явных контрреволюционеров расстреливать... Принять меры, чтобы трупы не попали в нежелательные руки».

Разгул «красного террора» принес не менее 10 тыс. жертв и дискуссии об ограничении полномочий ВЧК. Однако права ВЧК, исполнителя воли элиты правящей партии, были не ограничены, а пытки арестованных — скорее правилом, чем исключением. Более того, решение ЦК РКП(б) от 12 декабря 1918 года запретило критику ВЧК как органа, «работа которого протекает в особо тяжелых условиях». Для успокоения общественного мнения ЦК РКП(б) в марте 1919 года поручил И. В. Сталину контролировать действия ВЧК, а вскоре в коллегию ВЧК с «правом вето» был направлен Н. И. Бухарин. Признанием своего официального участия в работе ВЧК большевистское руководство освящало творящийся разгул террора: расстрелы, концлагеря, заложничество, пытки, издевательства над правами личности и др.

Состав коллегии ВЧК, руководство отделами, их число менялось в зависимости от обстановки. В 1920 году СНК утвердил коллегию ВЧК в составе: Ф. Э. Дзержинский, И. К. Ксенофонов, М. И. Лацис, Я. Х. Петерс, В. А. Аванесов, Н. Н. Зимин, Ф. Д. Медведь, М. С. Кедров, В. С. Корнев, В. Р. Менжинский, В. Н. Манцев, С. А. Мессинг, Г. Г. Ягода. Тогда в стране функционировали 86 областных и республиканских ЧК, 16 особых отделов в армии, 508 уездных ЧК, а также транспортные ЧК (железнодорожные и водные). 77,3% чекистов были русскими, 9,1% — евреями, 3,5% — латышами, 3,1% — украинцами, 0,5% — белорусами, 0,5% — мусульманами, 0,2% — армянами, 0,1% — грузинами. «Чекистский интернационал» дополняли 315 немцев, 46 финнов, 25 чехов, 13 китайцев, 3 шведа, 2 англичанина и француз. Такой национальный состав опровергает тезис российских ультрарпатриотов о том, что свирепость ЧК объясняется засильем «инородцев». Русскими были 52 из 86 председателей губернских и республиканских ЧК. В 1920 году высшее образование имели 513 чекистов (1,03%), большинство же — 28 647 (57,3%) ограничились начальным.

Военные победы и экономические неудачи побудили ВЦИК 17 января 1920 года принять постановление об отмене расстрелов по приговорам ВЧК и местных ЧК. По официальной версии запрет на чекистские расстрелы действовал до 28 мая 1920 года, когда в связи с Советско-польской войной право расстрела получили 16 губернских ЧК, еще восьми они разрешались, но только с санкции ВЧК. 4 ноября 1920 года ВЦИК подтвердил, что в местностях, объявленных на военном по-

ложении, ЧК имеет право на расстрел. Анализ протоколов заседаний судебной тройки ВЧК и президиумов отдельных губернских ЧК свидетельствует, что в течение 1920 года внесудебные расстрелы не прекращались, хотя их количество в первой половине года значительно меньше, чем во второй.

Одной из самых варварских акций 1920 года стала крымская трагедия, разгравшаяся после эвакуации войск Врангеля. По разным данным, чекисты организовали расстрел от 25 тыс. до 125 тыс. человек. Уточнить цифры невозможно из-за отсутствия чекистских документов, но и сохранившиеся подтверждают беспрецедентность экзекуции. 28 ноября 1920 года «Известия Временного Севастопольского ревкома» сообщали о расстреле 1 634 человек, включая 278 женщин. Два дня спустя та же газета информировала о расстреле 1 202 человек, включая 88 женщин. В наградном листе начальника Особого отдела Южного фронта Е. Г. Евдокимова подчеркивалось, что под его руководством сотрудники отдела расстреляли около 12 тыс. человек, в том числе 30 губернаторов, 50 генералов, более 300 полковников. 2 января 1921 года Крымский обком РКП(б) согласился с предложением чекистов, чтобы Особый отдел, вынося приговор о расстреле, одновременно высылал семьи расстрелянных. К лету из Крыма выслали не менее 100 тыс. человек.

Победоносное завершение военного противостояния не снизило роли карательных органов. Отчет о деятельности ВЧК сообщал, что ее финансирование в 1918–1920 годы составило около 7 млрд. рублей (не считая расходов «секретного характера»), и что в 1921 году крестьянские восстания, выступление матросов Кронштадта, рабочие забастовки и оживление деятельности оппозиции показали: «Работа ВЧК нужна сейчас больше, чем когда бы то ни было».

В 1921 году председателем ВЧК, как и ранее, считался Ф. Э. Дзержинский, но практической работой руководил его заместитель И. С. Уншлихт. В январе 1921 года было создано Секретно-оперативное управление ВЧК, с отделами, которые вели контрразведывательную работу в армии, боролись с оппозиционными партиями, духовенством, ведали сексотами и информацией, готовили политические судебные процессы. В разные месяцы года, с учетом обстоятельств, в ведение ВЧК передавалось до 200 тыс. красноармейцев. Введение НЭПа ставило вопрос о сужении полномочий ВЧК, лишении ее сотрудников права на внесудебный расстрел, подчинении Наркомату юстиции. Однако аресты и расстрелы продолжались.

Организационная перестройка ВЧК в 1921 году носила косметический характер. Чекисты возражали против ограничения своих полномочий, а уволенные со службы оказывались в резерве и зачислялись по месту жительства в ЧОНЫ и другие связанные с ВЧК военизированные отряды и учреждения. Главным направлением деятельности ВЧК оставался политический сыск с внедрением агентуры.

Причины реорганизации ВЧК в конце 1921 — начале 1922 годов советская историография объясняла изменением обстановки в стране после окончания Гражданской войны и введения НЭПа. Но были и иные мотивы. ВЧК оказалась не способна предотвратить крестьянские вооруженные выступления, восстания воинских частей, открытое недовольство большей части населения страны, эффективно защищать систему власти, доведшую людей до ее неприятия, а экономику до катастрофы. Необходимой стала и замена названия ВЧК на ГПУ, поскольку первая аббревиатура была слишком связана в сознании людей с ужасами «чрезвычайки».

После довольно длительной дискуссии в ноябре 1921 — январе 1922 года в Политбюро ЦК РКП(б) и коллегии ВЧК, решением ВЦИК от 6 февраля 1922 года ВЧК упразднена. Дела арестованных перешли в ревтрибуналы и суды. В составе НКВД создава-

лось Государственное политическое управление (ГПУ). В функции ГПУ входили борьба со шпионажем и бандитизмом, охрана границ, железнодорожных и водных путей. ГПУ получило чекистские кадры и войска, а также право обыска, ареста, добывания тайной информации. Изначально действия ГПУ ограничились разведывательными и контрразведывательными задачами, но на протяжении 1922 года наблюдалось расширение функций. В октябре передали ГПУ пограничные войска. Военно-политическая цензура стала Отделом политического контроля Секретно-оперативного управления. Увеличились штаты осведомителей. Вернулись внесудебные полномочия: право административной ссылки в отдаленные районы страны и выдворения за границу, право вести следствие и выносить коллегией ГПУ внесудебные приговоры по должностным преступлениям сотрудников (16 октября) и др.

В апреле 1922 года в стране функционировали 99 управлений ГПУ. Согласно штатному расписанию управления ГПУ, в зависимости от политической важности и количества, подразделялись на категории: особая — (Московское, Петроградское, Украинское и Госполитуправление); первая — 20 (Крымское, Всетатарское, Иркутское и др.); вторая — 36 (Брянское, Воронежское и др.); третья — 39 (Владимирское, Марийское, Чувашское и др.). Категориям соответствовали штаты и оклады. Численность сотрудников ГПУ первой категории устанавливалась в 236 (в том числе 21 в секретном отделении, 35 агентов); второй категории — 136 (7 в секретном, 10 агентов); третьей категории — 87 (5 и 2 соответственно). Оклады в ГПУ составляли от 3 731 руб. до 18 657 руб. Были созданы школы ГПУ. В них обучали курсантов вести внутреннее и наружное наблюдение, вербовать сексотов, осуществлять связь, составлять протоколы, проводить допросы и т. д.

Вплоть до 6 февраля 1922 года, дня своего упразднения, ВЧК продолжала расстрелы. Судебная тройка И. С. Уншлихт, В. Р. Менжинский, Г. И. Благонравов в январе рассмотрела дела 100 арестованных, из них 42 приговорила к расстрелу; 6 февраля рассмотрела 28 дел и 18 человек приговорила к расстрелу. В протоколах заседаний ГПУ не отмечено внесудебных расстрелов до осени. Затем все «права» чекистов восстановили.

ВЧК была вооруженной спецслужбой элиты большевистской партии. Дзержинский подчинялся только председателю СНК Ленину. Наряду с РКП(б) и армией, ВЧК составляла основу советской государственности. Это была охранка большевистской модели тоталитаризма. Опыт выполнения преступных приказов, организации фальсифицированных процессов, провокаций и произвола, сочетался в ее деятельности с успешными разведывательными и контрразведывательными операциями. Упразднение ВЧК и ее реорганизация в ГПУ и в ноябре 1923 года в ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР) мало что меняло в направленности действий по борьбе с инакомыслием для сохранения и укрепления режима. Это чрезвычайное и совсем не временное учреждение активно функционировало в стране, где «чрезвычайщина» была обычным, а не исключительным явлением.

Литература

Архив ВЧК: Сб. документов. М., 2007.

В. И. Ленин и ВЧК: Сб. документов (1917–1922 гг.). М., 1975.

- ВЧК — ГПУ. Документы и материалы. М., 1995.
- ВЧК уполномочена сообщить... 1918 г. М., 2004.
- Высылка вместо расстрела: депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. М., 2005.
- Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар государственной безопасности: Сб. документов. Казань, 1997.
- Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004.
- ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960: Документы. М., 2000.
- Гуль Р. Дзержинский (Начало террора). Нью-Йорк, 1974.
- Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина?: Сб. документов. М., 2003.
- Зданович А. А. Отечественная контрразведка. 1913–1920. Организационное строительство. М., 2004.
- Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917–1921. М., 1958.
- Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1–2.
- Левые эсеры и ВЧК: Сб. документов. Казань, 1996.
- Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М., 1997.
- Литвин А. Л.: ВЧК в советской исторической литературе // Вопросы истории. 1986. № 5. С. 96–103; ВЧК в современной исторической литературе // Архив ВЧК. С. 51–70; За кулисами «Красной книги»: ВЧК в современной исторической литературе // Родина. 2007. № 12. С. 25–31; Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004; Современная историография ВЧК // Леонид Михайлович Спирин: Памяти историка, друга, коллеги. Казань, 2007. С. 57–76.
- Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999.
- Лубянка. Органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ. 1917–1991: Справочник. М., 2003.
- Образование и деятельность местных чрезвычайных комиссий. 1917–1921. М., 1961.
- Организационный отчет ВЧК за 4 года ее деятельности. М., 1921.
- «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 — начало 1923 г.: Документы. М., 2008.
- Петров М. Н. ВЧК–ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России). Новгород, 1995.
- Портнов В. П. ВЧК. 1917–1922. М., 1987.
- Приказы ВЧК за 1918–1922 гг. М., 1918–1922.
- «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. документов. М., 2001. Т. 1.
- ЧЕКА. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922.

- Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992.
- Andrew C., Mitrokhin V.* The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West. London, 2000.
- Dziak J. J.* Chekisty: A History of the KGB. Lexington, 1988.
- Gerson L. D.* The Secret Police In Lenin's Russia. Philadelphia, 1976.
- Knight A. W.* The KGB: Police and Politics in the Soviet Union. London, 1988.
- Leggett G.* The Cheka: Lenin's Political Police. Oxford, 1981.
- Rabinowitch A.* Moisei Uritskii: the Robespierre of Revolutionary Petrograd? // Историк среди историков: Сб. воспоминаний и статей. Казань, 2001. С. 260–278.

Город и городское управление

НИКОЛАЙ СМИРНОВ

Накануне Февральской революции города Российской империи подразделялись на пять категорий: столичные; города II разряда — губернские с населением более 100 тыс.; города III разряда — прочие губернские и уездные, приравненные к ним по цензу; города IV разряда — прочие уездные и безуездные; города V разряда — с упрощенным управлением.

Города и органы их управления формировались и действовали на основе Городового положения 1892 года. Оно регулировало выборы в органы городского общественного управления, определяло их организационную структуру и функции, устанавливало пределы самостоятельности и подчиненности административным властям.

Распорядительным органом общественного управления города являлась Дума, избираемая раз в четыре года. Количество депутатов (гласных) Думы колебалось от 30 до 72 в зависимости от численности населения города. Москве полагалось 180 гласных, Петербургу — 250. Гласные избирали исполнительный орган — Управу и ее председателя — городского голову.

Сфера деятельности общественного управления ограничивалась территориально границами города и отведенных ему земель. Городские органы самоуправления ведали исключительно хозяйственными вопросами: городским хозяйством и благоустройством (водоснабжение, канализация, уличное освещение, транспорт, градостроительство и др.), обеспечением населения продовольствием (организация рынков и базаров), предотвращением пожаров и иных стихийных бедствий, здравоохранением и призрением нуждающихся (учреждение и содержание благотворительных заведений, больниц, санитарно-гигиенические мероприятия), развитием народного образования и культуры (открытие и развитие школьной сети, библиотек, музеев, театров и пр.), а также местной торговлей и промышленностью, устройством бирж, кредитных учреждений и т. д.

По Городовому положению городское общественное самоуправление в пределах предоставленной ему власти могло действовать самостоятельно. Однако закон четко фиксировал ограничение самостоятельности в вопросах выборности, бюджетного права, распорядительных функций Дум. Городской голова считался приступившим к исполнению обязанностей лишь после утверждения его губернатором в уездном городе, министром внутренних дел — в губернском, царем — в столичном.

В нарушение основополагающего принципа всякого самоуправления — выборности общественных учреждений — Закон предоставлял право местной администрации при определенных обстоятельствах назначать как руководящих долж-

ностных лиц, так и гласных Думы. Кроме избранных гласных в состав Городской думы входили с правом голоса председатель уездной земской Управы и представитель духовного ведомства.

Если министр внутренних дел или губернатор не считали возможным утвердить избранных Думой лиц или выборы не состоялись, проводились новые выборы. При их негативном исходе вакантные должности замещались лицами, назначенными в столицах, губернских и областных городах министром внутренних дел, в прочих — губернатором.

Городской голова, его помощники и замещающие их лица, все остальные члены Управы являлись государственными служащими, назначались и увольнялись с должности правительственной властью и допускались к исполнению обязанностей лишь с разрешения губернского начальства. Любой чиновник городской Управы мог подвергнуться административным и взысканиям по суду. Должностным лицам городского общественного управления присваивались классы государственной службы. Согласно разъяснению министра внутренних дел от 1893 года городские Управы являлись правительственными учреждениями, подчиненными административной власти. Для правового надзора за деятельностью Городских дум и Управ в каждой губернии создавалось губернское по земским и городским делам присутствие. В небольших городских поселениях коллегиальные учреждения могли заменяться единоличными должностями городских голов (городских старост).

Самостоятельность действий Городских дум была предельно узкой, каждый их шаг контролировала администрация. Городской голова представлял губернатору список вопросов, вносимых на обсуждение в очередном заседании Думы, и копии всех ее постановлений. В свою очередь, губернатор в любой момент мог приостановить действие любого решения Думы. Основанием для отмены решения Думы служило не только заключение администрации о его «незаконности», но и признание его «неправильным» («несоответствующим общим государственным пользам и нуждам», «явно нарушающим интересы местного населения» и пр.). Закон позволял администрации широко вмешиваться в дела городских учреждений. Постановления Городской думы вступали в силу лишь через две недели, если губернатор не останавливал их исполнения.

Закон о выборах органов местного самоуправления своим высоким имущественным цензом обеспечивал избирателей, которые могли выделить из своей среды общественных деятелей, способных наладить эффективную работу Городских дум и остававшихся лояльными самодержавию.

Имущественный ценз был неодинаков для городов разных разрядов: для столичных — не менее 3 тыс. рублей, для губернских с населением более 100 тыс. человек и в Одессе — 1500 руб., для остальных губернских, областных и наиболее значительных уездных — 1000 руб., для прочих — не менее 300 рублей. В городских поселениях с упрощенной формой управления имущественный ценз снижался до 100 руб.

Избирательное право предоставлялось правительственным, благотворительным, учебным, научным учреждениям, а также лицам, обществам, товариществам и компаниям, владевшим торгово-промышленными предприятиями. В столицах правом избирать наделялись купцы 1-й гильдии, в прочих городах — 1-й и 2-й гильдии.

Городскую думу избирали одним избирательным собранием, либо, при многочисленности избирателей, по участкам. Выборы считались состоявшимися, если

количество проголосовавших избирателей превышало число избираемых гласных и их кандидатов. Пассивным избирательным правом наделялись все имеющие право голоса. Баллотироваться мог каждый, выразивший такое желание либо предложенный не менее чем пятью избирателями. Закон не предусматривал никаких особых избирательных собраний для выдвижения кандидатов в гласные. Выборы проводились тайным голосованием путем баллотировки шарами. Для избрания в гласные требовалось получение абсолютного большинства голосов. Ответственность за организацию и проведение выборов нес губернатор.

Жалобы и предложения Городских дум вышестоящие инстанции (Сенат, Государственный совет, Комитет министров, Государственная дума и пр.) рассматривали не более 3 месяцев. Признавалось верховенство распорядительного органа над исполнительным. Если городская Управа большинством голосов признавала определение Думы «противозаконным» и достичь согласия не удавалось, Управа передавала дело губернатору.

Городовое положение вводило целый ряд ограничений возможности для должностных лиц общественного управления злоупотреблять служебным положением в личных целях: воспрещалось выступать подрядчиком и поставщиком в городском хозяйстве, приобретать имущество, продажей которого они в силу занимаемой должности ведали.

Основными отрицательными чертами Городских дум являлись совмещение в одном лице обязанностей председателя исполнительного и распорядительного органов, ненаделение Дум принудительной властью, непредставление избирательного права квартиранимателям, запрещение сношений между Думами отдельных городов (впрочем, с созданием в Первую мировую войну Всероссийского Союза городов эту ограничительную норму довольно часто преодолевали).

Городовое положение 11 июня 1892 года распространялось на все городские поселения империи, кроме Царства Польского и Великого княжества Финляндского, Туркестанского края, Закаспийской области и ряда городов Кавказского края, где существовал особый порядок управления подведомственными территориями.

В соответствии с Городовым положением в Российской империи были две формы городского общественного управления: в полном объеме и упрощенном виде. Определялись они исходя из численности населения, состояния городских средств, преимущественного характера занятий горожан, уровня развития торговли и промышленности.

Упрощенная форма управления не распространялась на города губернские и приравненные к ним по избирательному цензу. Согласно Правилам об упрощенном общественном управлении взамен Думы учреждалось Собрание городских уполномоченных (от 12 до 15 человек), избираемых сходом местных домохозяев из числа лиц, владеющих недвижимым имуществом. Собрание избирало городского старосту с одним или двумя помощниками, по усмотрению губернатора.

Наряду с некоторыми позитивными моментами (увеличение количества избирателей, сокращение расходов на содержание должностных лиц и т. д.) города с упрощенной формой общественного управления лишались права участвовать в издании «обязательных постановлений», составлять и изменять планы своего города, контролировать питейную и иную торговлю и т. п. Это не могло не сказываться на формировании как доходной, так и расходной части городского бюджета.

Городские доходы складывались из доходов «обыкновенных» (с недвижимых имуществ и оброчных статей, с городских и прочих предприятий), различных налогов (оценочный с недвижимых имуществ; с торговли и промыслов; специальных сборов с домовладельцев, с лошадей и экипажей частных лиц, с собак, больших сборов, разных пошлин и др.), доходов «чрезвычайных» (поступлений из казны и земских сборов; прибыли от городских банков, городских займов и т. д.).

Расходная часть бюджета распределялась между затратами на городское благоустройство (участие в содержании правительственных учреждений; содержание органов общественного управления и сиротского суда; воинская и квартирная повинность; содержание полиции, пожарной команды, мостовых, тротуаров, набережных и т. д.; освещение; новые объекты благоустройства и т. п.), на городские предприятия (водопровод, канализация, трамваи, скотобойни и др.), иных расходов (народное просвещение; общественное призрение; медицинская, ветеринарная и санитарная службы; общественные здания, памятники и др. городские имущества; уплата по займам и обязательствам; отчисление в фонд городских капиталов; прочие расходы на городские нужды).

Источники для получения кредитов были весьма ограничены, поэтому основная задолженность городов из года в год приходилась на облигационные займы. Количество городов, имевших право пользования кредитами из средств государственного казначейства и городских общественных банков, было крайне невелико. Чаще всего органы городского управления прибегали к кредитам частных учреждений и лиц на весьма невыгодных условиях. Не имели широкого распространения как источник кредитования и облигационные займы.

Как следствие — сравнительно низкая обеспеченность российских городов финансами определяла соответствующий уровень развития муниципального хозяйства. Грязные, плохо освещенные, не имеющие надежной системы водоснабжения и канализации, развитого общественного транспорта — такими были подавляющее большинство провинциальных городов Российской империи. В столичных городах, как и в ряде крупнейших промышленных и торговых центров даже при ускоренном росте доходов, сравнительно больших возможностях пополнения денежных ресурсов за счет кредитов и займов органы управления оказывались не в силах решить многие проблемы, жизненно важные для населения.

На общем фоне казались более благоприятными условия муниципальной деятельности в столице империи. Здесь согласно Положению общественного управления С.-Петербурга 1903 года избирательное право предоставлялось квартирантам. Обязанности по председательствованию в Думе и Управе были разделены. Значительно сокращалось число дел, подлежащих утверждению министром. Для ответа на запросы и ходатайства Думы устанавливался месячный срок. За городским общественным управлением закреплялись функции контроля над постройками в городе. Городской думе предоставлялось право рассмотрения предположений об изменениях в плане Петербурга в том случае, если появлялась необходимость в перепланировке какой-либо части города. Однако и в столице Городская дума довольно часто оставалась беспомощной в решении острых проблем городского хозяйства, поскольку не имела соответствующих законодательных прав.

Свержение самодержавия создало основу для трансформации органов городского управления. Временное правительство упразднило должности генерал-губернаторов и губернаторов, градоначальников, полицеймейстеров, исправников

и др. с их канцеляриями, ликвидировало полицейские управления, комитеты по делам печати, жандармские управления, охранные отделения. Обязанности упраздненных должностей на местах исполняли губернские, городские и уездные комиссары Временного правительства и их аппарат (канцелярии). Временно, до принятия соответствующих законодательных актов, обязанности этих комиссаров возлагались на председателей губернских и уездных земских Управ и городских голов.

В выборные временные комитеты общественных организаций и избираемые при них исполнительные комитеты вошли гласные городских органов самоуправления, представители различных общественных организаций, либеральные чиновники и т. д. Эти комитеты объявили себя органами власти на местах вместо губернаторов, других должностных лиц старого режима, создавали новые милицейские органы, рекомендовали или избирали областных, губернских, уездных комиссаров Временного правительства.

Уже в первые месяцы революции произошло расширение объема полномочий и компетенции городских органов самоуправления. Их территория значительно расширилась за счет окраинных регионов (Сибирь, Семиреченская, Акмолинская, Архангельская, Астраханская и др. губернии). Законом 15 апреля 1917 года в городах с населением более 150 тыс. человек учреждались районные органы самоуправления: Районные думы и Управы. Их деятельность в городе объединялась Советом Дум.

Закон 17 апреля вместо полиции учредил милицию. Ее содержание и управление ею возложили на органы городского самоуправления. Города подразделялись на районы, а районы — на милицейские участки. Городские органы самоуправления выбирали начальников городской, районной и участковой милиции и их помощников. При начальниках милиции учреждались канцелярии с помещениями для арестованных.

При Временном правительстве несколько сузились функции судебных палат. Был упразднен суд с сословными представителями и широко применялся суд с присяжными заседателями. Значительно расширилась юрисдикция окружных судов. Постановлением Временного правительства от 4 мая 1917 года был преобразован местный суд, существенно расширивший полномочия мирового суда. Закон 30 мая впервые в России ввел суд по административным делам. В соответствии с Законом в губернских и областных городах при окружных судах были созданы особые административные отделения для рассмотрения конфликтов между государственными органами, комиссарами Временного правительства и городским самоуправлением.

Стихийно возникшие в марте губернские, уездные и городские продовольственные комитеты были включены Законом 2 апреля в состав Министерства земледелия. В их задачу входила борьба со спекуляцией, монополией хлебной торговли, принудительным отчуждением хлеба и т. п., то есть со всем тем, что «вносило смуту» в голодающие массы.

9 июня Временное правительство приняло Постановление «Об изменении действующего Положения об общественном управлении городов». Компетенцией городских самоуправлений объявлялись «дела местного управления и хозяйства, а также и другие дела, особыми законами на него возложенными». Расширились полномочия Городских дум. Они самостоятельно избирали и утверждали должностных лиц (городской голова и его товарищи, члены городской Управы, пред-

седатель Думы). Дума наделялась правом издания обязательных постановлений по 33 предметам ведомства городского управления: правилам застройки города, поддержанию чистоты и порядка на вверенной территории, управлению городской милицией, оказанию населению медицинской и юридической помощи, заведению учебными заведениями, обеспечению снабжения населения продовольственными товарами и предметами первой необходимости и т. д.

В своей деятельности Городские думы были самостоятельны, но их обязательные постановления должны были сообщаться правительственному комиссару, который в двухнедельный срок извещал орган местного самоуправления о своем согласии или несогласии с представленным документом. Эту 73-ю статью Положения критиковали за превращение самостоятельности Дум в фикцию. Демократическая общественность справедливо критиковала новую власть, предпочитавшую взаимодействовать с органами городского самоуправления, используя старые методы.

Модернизация органов городского самоуправления не обошла стороной и столицу. Петроградской городской думе за год полагалось провести не менее 12 заседаний. Ее председатель избирался гласными на один год. Гласные Думы не могли состоять на службе по городскому управлению на должностях, замещаемых по найму. По решению Думы гласным выплачивалось из городских средств определенное вознаграждение за каждое посещение ее заседаний. Жалованье городскому голове, членам Управы и товарищам городского головы определялось постановлением Думы. Гласный Думы имел право сложить с себя звание, и его место занимал кандидат из избирательного списка.

Для ведения текущих дел и связи с правительственными и иными учреждениями Дума избирала городскую Управу во главе с городским головой. Для заведования различными отраслями городского управления и хозяйства Дума избирала по представлению Управы особые комиссии или отдельных лиц. Избранными могли быть как гласные Думы, так и все лица, имевшие право по Положению о выборах стать гласными Городской думы.

Временное правительство и поддерживавшие его политические партии считали, что полная реформа местного самоуправления возможна только после Учредительного собрания. До его созыва решено было ограничиться полумерами. Одна из них — безотлагательное переизбрание органов местного самоуправления на основе нового положения о выборах.

15 апреля Временное правительство приняло Постановление «О производстве выборов гласных Городских дум и об участковых городских управлениях». Его составной частью стали предложенные Министерством внутренних дел «Временные правила о производстве выборов гласных Городских дум». Думы стали избираться по пропорциональной системе на основе равного, прямого и тайного голосования граждан (включая военнослужащих), достигших 20 лет. Правительство намеревалось провести городские выборы по новым правилам в конце мая — начале июня. Развитие политических событий в стране, усилившийся экономический кризис отодвинули сроки выборов на конец лета. В большинстве городов выборы прошли 30 июля — 20 августа. Большинство голосов на них получили либералы и умеренные социалисты. По 50 губернским городам большевики получили 7,5% голосов, по уездным городам — 2,2%. В Москве большевики заняли в Городской думе 23 места, тогда как эсеры — 116, кадеты — 34, меньшевики — 24, «народные социалисты» — 3. На выборах в Петроградскую городскую думу 20 августа 33,5% избирателей голосовали за большевиков, около 20% — за кадетов.

К осени местный государственный аппарат представлял собой пеструю мозаику из новых должностных лиц и учреждений и старых органов суда, финансового, административно-хозяйственного и военного аппарата. Однако значение органов городского управления росло, они превращались в настоящие органы самоуправления. Большую роль в местном управлении наряду с Думами играли комитеты общественных организаций, военно-промышленные комитеты. Интересна судьба исполнительных общественных комитетов. Созданные по инициативе народных масс, прежде всего в сельской местности, они реально готовы были оказать поддержку Временному правительству в случае их моральной и материальной поддержки. Временное правительство, однако, проигнорировало эти органы самоуправления. В итоге уже к концу лета почти 90% из примерно 1,5 тыс. исполнительных общественных комитетов исчезли. В центре и на местах после Корниловского мятежа Советы рабочих и солдатских депутатов через своих представителей в Думах и других общественных организациях все чаще вторгались в городскую экономику и хозяйство. Большевизация Советов обострила конфликты с органами местного самоуправления, мешая им успешно выполнять возложенные на них обязанности.

Политическая позиция и практические действия большинства органов местного самоуправления в дни Октябрьского восстания превращали их в оплот антибольшевистских сил. Городские думы практически повсеместно примкнули к местным отделениям Комитета спасения родины и революции, участвуя в организации сопротивления большевикам, добиваясь их отстранения от власти, отвергая саму возможность совместной работы с большевизированными Советами. Поэтому Совет Народных Комиссаров распускал не признающие его Думы. Уже в ноябре была распущена Петроградская городская дума и в ходе перевыборов большевики заняли большинство мест. В Москве после ожесточенной вооруженной борьбы ВРК распустил Думу и городскую Управу. Общее собрание гласных Районных дум Москвы, признавших декреты советской власти, избрало для налаживания городского хозяйства Совет Районных дум. Аналогично развивались события в провинции.

С декабря 1917 года Комиссариат по местному самоуправлению готовил передачу основных административно-хозяйственных функций Городских дум и Управ Советам. 4 января 1918 гда были упразднены главные комитеты Всероссийского Союза городов, а их имущество передано ВСНХ. 24 января НКВД опубликовал положение «О замене земских и городских самоуправлений Советами», которое предписало распустить органы местного самоуправления, выступавшие против советской власти и слить с Советами те, что с нею сотрудничали. Ликвидация самоуправлений проходила постепенно, на протяжении всего 1918-го, по мере овладения Советами работой, которую выполняли Городские думы и Управы. Функции Городских дум перешли к депутатам Советов, функции городских Управ — к их исполнительным комитетам. Аналогичная работа была проведена и в сельской местности.

К сожалению, проблемы города и городского самоуправления до сих пор не нашли достаточного освещения в отечественной и зарубежной историографии. Вместе с тем очевидно, что организация жизни и быта городских жителей, формирование городских бюджетов и их реализация, взаимоотношение органов местного самоуправления с центральными политическими и финансово-экономическими структурами существенно расширят наши представления о сложной и противосто-

речивой революционной эпохе. В центральных и местных российских архивах все еще нетронутым остается огромный пласт источников, все еще ждущих своих исследователей.

Определенный прорыв в изучении проблемы был совершен на международном научном colloquium «Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков», работавшем в Санкт-Петербурге 14–17 июня 2004 года, сборник материалов которого издан в 2009 году.

Литература

Вестник городского самоуправления. Пг., 1917.

Вопросы самоуправления. Пг., 1917.

Герасименко Г. А. Первый акт народовластия в России: Общественные исполнительные комитеты 1917 г. М., 1992.

Городецкий Е. Н. Октябрьская революция и старые органы самоуправления // Вестник МГУ. 1947. № 11.

Городское вече. Пг., 1917.

Городское положение 1892 года. СПб., 1892.

Городской вестник Всероссийского союза городов. Пг., 1917.

Грунт А. Я. Муниципальная кампания в Москве летом 1917 г. // История СССР. 1973. № 5.

Известия Петроградской городской думы. Пг., 1917.

Кручковская В. М. Центральная городская Дума Петрограда в 1917 г. Л., 1986.

Культуры городов Российской империи на рубеже XIX — XX веков. СПб., 2009.

Мильчик И. И. Петроградская Центральная Городская Дума в феврале–октябре 1917 г. // Красная летопись. 1927. № 2 (23).

Нардова В. А. Самодержавие и Городские думы в России в конце XIX — начале XX века. СПб., 1994.

Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.

Петербургская городская дума, 1846–1918. СПб., 2005.

Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб., 1992.

Самоуправление. Пг., 1917.

Сборник журналов Петроградской городской думы за первую половину 1917 г. Пг., 1917.

Brower D. The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkeley, 1990.

Wartenweiler D. Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914. Oxford, 1999.

Красная Армия

ФРАНЧЕСКО БЕНВЕНУТИ

Первые военные опыты большевиков

Роспуск старой армии и Красная гвардия

В ноябре и декабре 1917 года функции охраны революционного порядка выполняли небольшие добровольные вооруженные отряды Красной гвардии, по большей части организованные ранее в городских и промышленных центрах. Эти отряды, набираемые в ограниченных пределах (на отдельных предприятиях и в промышленных районах крупных городов) и зависевшие от власти местных Советов, в основном состояли из большевиков и ближайших к ним представителей населения. Хотя их военная подготовка была слабой, они горели энтузиазмом, у них был силен боевой дух. Что касается миллионов солдат старой армии, их боеспособность снизилась до низшего предела к моменту подписания советским правительством перемирия с Центральными державами. Антивоенные настроения простых солдат в значительной мере обеспечили успех большевистского переворота 25 октября.

9 ноября прапорщик Н. В. Крыленко был назначен первым большевистским Верховным главнокомандующим. Его предшественник, генерал-лейтенант Н. Н. Духонин, пал жертвой разъяренной толпы солдат. На следующий день большевистские правители попытались воплотить в жизнь свои антивоенные лозунги, приступив к общей демобилизации русской армии. В ноябре и начале декабря они декретировали процесс «демократизации» внутри старой армии. Выборные солдатские комитеты, образование которых санкционировал Петроградский Совет 1 марта 1917 года (Приказ № 1), получили неограниченные полномочия в решении вопросов жизни подразделения. Офицеры начали избираться солдатами или солдатскими комитетами в более крупных подразделениях. Звания, титулы и знаки различия были упразднены. Демобилизация и формальная демократизация нанесли последний удар старой Императорской Армии; это явилось одним из самых важных воздействий Октябрьской революции, которое придало новому правительству сильное ощущение народной легитимности.

Альтернативные военные модели

Тем не менее, во второй половине декабря большевики, обеспокоенные возможностью возобновления Германией военных действий, попытались выяснить, нельзя ли сохранить хотя бы часть старой армии для защиты нового режима. Ле-

нин пришел к заключению: это невозможно. К тому же, существовала опасность, что попытки возродить Императорскую Армию могут вдохновить царских генералов на контрреволюционные действия. Так или иначе, большевики политически были связаны радикальной программой русской революции, выдвинутой Лениным. Одним из пунктов его «Апрельских тезисов» была замена «постоянной армии» традиционного типа «всеобщим вооружением народа». Здесь присутствовала довоенная социалистическая идея народной, демократической и в значительной степени миролюбивой «милиции», которая должна проходить кратковременную военную подготовку и чередовать работу на производстве с военной службой. Командиры должны избираться своими войсками, или, по крайней мере, назначаться и контролироваться гражданскими органами. В то же время постоянная, или регулярная, армия, с кастой профессиональных офицеров, имевшей классовый характер, с длительным пребыванием в казармах в отрыве от нормальной социальной среды и от политической жизни страны, рассматривалась большинством европейских социалистов как символ и источник агрессивного национализма за рубежом и социального подавления внутри страны.

Милиционный сфинкс

Идея милиционной армии в первые годы революции в России оставалась не вполне проясненной. Сторонники милиционной организации среди большевиков вдохновлялись примерами из истории, которые зачастую трудно сопоставимы: партизанские отряды, сражавшиеся против армии Наполеона в Испании и Тироле; корпус «краснорубашечников» Гарибальди; швейцарская милиционная система; армия буров во время войны в Трансваале. В типично романтическом ключе большевистский военный руководитель Н. И. Подвойский даже сравнивал будущую Красную Армию с ордами гуннов. На практике, в глазах большевиков, сама Красная гвардия в известной мере воплощала многие черты истинной социалистической милиции.

Зарождение Красной Армии

Добровольная Красная Армия

Лишь в первой половине января 1918 года высший политический орган революционной России принял решение о строительстве новой «социалистической» армии: Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), как она названа в декрете Совета Народных Комиссаров (СНК) от 15 января. Новорожденную армию первоначально задумывали как отборный корпус добровольцев, возглавляемый выборными командирами. Зачисление производили только после проверки политической лояльности и социального происхождения кандидатов. На тот момент более реалистично настроенные большевики были удовлетворены таким подходом. Они опасались, что попытка вновь взвалить на плечи России бремя военной обязанности, хотя бы и в новой форме, вызовет волну народного недовольства. Добровольная армия также отвечала вкусам наибольших приверженцев идеологии большевиков. Их идеалом была свободная от иерархичности, высоко сознательная и

чисто «пролетарская» военная сила ограниченной численности, состоящая из небольших и автономных отрядов, связанных с определенной местностью. Эта группа революционеров (в которую входили и некоторые левые эсеры, партнеры большевиков по правительственной коалиции) отстаивала партизанские методы организации и ведения войны. В этом они видели сочетание необходимой тактической гибкости с исходно активной «наступательной» ориентацией, которая соответствовала духу революции, в отличие от склонности «буржуазных» армий к статичной и «оборонительной» стратегии.

В январе и феврале 1918 года добровольная Красная Армия выростала из разнородного и нестабильного слияния батальонов Красной гвардии с некоторыми уцелевшими на Северо-Западе частями старой армии. Возглавляли ее партийцы, имевшие некоторый военный опыт (такие, как Подвойский, главный сторонник чисто милиционной системы, и Е. М. Склянский, чья роль в строительстве советской военной системы усилилась при руководстве Троцкого) и ряд бывших высших офицеров (генералы М. Д. Бонч-Бруевич, П. П. Лебедев, контр-адмирал В. М. Альтфатер, полковник А. И. Егоров), решение которых идти на службу новому режиму вызвано непреходящей австро-германской угрозой.

На пути к миру

Вскоре этим силам пришлось пройти проверку. 28 января Троцкий, первый нарком иностранных дел и глава советской делегации на мирных переговорах с Центральными державами в Брест-Литовске, отклонил жесткий германский ультиматум. 18 февраля 700 тыс. вражеских войск возобновили военные действия по всей линии фронта, на которой с советской стороны можно было насчитать лишь 50–60 тысяч бойцов, способных оказать сопротивление. Отдельные акты героизма не могли остановить германское наступление. В боях под Нарвой плохо подготовленные и слабо дисциплинированные красные части были рассеяны и беспорядочно отступали. Петроград оказался под непосредственной угрозой.

Перед лицом крайне тяжелых условий мира, выдвинутых Германией, большевистский ЦК несколько дней колебался, взвешивая альтернативную возможность объявления «революционной войны». К глубокому недовольству Ленина (он даже угрожал выходом из ЦК, если условия Германии не будут приняты), Н. И. Бухарин предложил возобновить войну в виде партизанских операций в тылу врага. Предложение Бухарина, явно игнорируя уступку государственной территории, которая необходима для ведения такой войны, основывалось на ожидании немедленной революции во всей Европе. В конце концов, ленинская точка зрения победила. Мирный договор подписали в Брест-Литовске 3 марта 1918 года. Большевистским наследникам Российской империи пришлось уступить Прибалтику, значительную часть Белоруссии и всю Украину.

Уроки поражения

Советы, однако, извлекли уроки из немецкого наступления и несбыточности ожиданий мировой революции. Как и во времена императоров Петра I и Алексан-

дра II, военное поражение ускорило проведение радикальной военной реформы, повлиявшей и на гражданскую администрацию.

Реорганизация Красной Армии после подписания Брестского договора началась, когда Троцкий получил полную власть, став наркомом по военным и морским делам. В тот же день военное командование РСФСР преобразовали в Высший военный совет. Вдоль линии Западного фронта разместили «завесы» для противодействия каким-либо нарушениям мирного договора со стороны Центральных держав. Ленин заявил, что ближайшей целью советской власти является создание армии численностью в миллион человек. Звучал призыв «учиться у немцев, как надо воевать». В апреле в основных районах страны были образованы военные комиссариаты (военкоматы), на которые вскоре возложили военное обучение мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет. Организовали курсы по подготовке нового поколения офицеров из рабочих и крестьян, вновь открыли старые военные училища. Правительство уделило также внимание состоянию военно-морского флота и авиации. Меры по формированию флотилий из мелких военных кораблей для контроля над внутренними водоемами страны оказались особенно полезны во время Гражданской войны. Позднее в Красную Армию включили также различные «национальные» формирования, набранные среди коренного населения республик и автономных областей будущего СССР. Однако в тот момент большевики опасались, что образование таких соединений может поощрить рост «контрреволюционного национализма».

Выбор в пользу регулярной армии

Привлечение бывших царских офицеров

19 марта СНК принял решение широко привлечь в новую армию бывших офицеров старой армии, чтобы использовать их знания и опыт. Это решение вызвало немало споров в партии. 26 марта Высший военный совет издал приказ об отмене в Красной Армии выборного начала. Крыленко еще до конца марта покинул пост Верховного главнокомандующего, не согласный с изменением военной политики партии. С мая по июль, с началом Гражданской войны на Урале, этот пост последовательно занимали трое, хотя их задачи ограничились вновь созданным Восточным фронтом: левый эсер подполковник М. А. Муравьев (за решение начать войну с Германией 11 июля объявлен декретом СНК вне закона и убит местными большевиками), старый большевик прапорщик А. Ф. Мясников, имевший некоторый военный опыт, и полковник царской армии И. В. Вацетис, вставший в октябре 1917 года со своим 5-м латышским Земгальским стрелковым полком под знамена советской власти.

Ленин в опубликованной 28 апреля 1918 года статье «Очередные задачи Советской власти» разъяснял, что привлечение бывших царских офицеров — это часть общей стратегии. Для повышения рабочей дисциплины и экономической эффективности необходимо восстановить полномочия управляющих и оставшегося на предприятиях технико-административного персонала за счет сокращения полномочий революционных коллективов. Ленин призвал сочетать традиционный принцип единоначалия с «революционным энтузиазмом масс».

Сначала милиционные методы обучения широко использовали в тылу в сочетании со службой на постоянной основе. Хаос первых месяцев Гражданской войны зачастую просто не позволял красноармейским отрядам использовать иной способ ведения войны, кроме разрозненных партизанских акций. И всё же тип военной организации, принятый в мероприятиях центральных властей с весны 1918 года, склонялся к регулярной армии. «Постановление о принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Армию», принятое на заседании ВЦИК 29 мая 1918 года, завершило первый этап преобразования добровольной Красной Армии. Был восстановлен принцип всеобщей и обязательной военной службы (срок службы поначалу ограничились шестью месяцами). В июне во многих районах Центральной России объявили мобилизацию, ограниченную социальным происхождением призывников. Первый призыв в армию ускорили известия о восстании в Поволжье бывших чехословацких военнопленных против советской власти. Вокруг них быстро сплотились значительные антибольшевистские силы всевозможных оттенков. В те же дни генерал А. И. Деникин объявил принудительную мобилизацию донских казаков.

Военные комиссары

При германском наступлении в конце февраля 1918 года в Красную Армию вступили тысячи бывших офицеров, поставленные на командные должности. Для большевиков проблема состояла в том, как выходцы из старого офицерского корпуса поведут себя в случае войны с внутренним врагом, то есть в условиях Гражданской войны. Чтобы обеспечивать политическую лояльность «военных специалистов» (так называли бывших царских офицеров), пресечь измену и дезертирство и установить необходимую степень доверия офицеров с их войсками, к каждому командиру, от уровня полка и выше, прикрепили «военно-политических комиссаров» (одного или более), подготовленных и назначенных Особым управлением Военного комиссариата. Вначале военные комиссары не обязательно являлись членами РКП(б) (только с 1919 года поголовно коммунисты). Любой приказ по войскам для вступления в силу должен был иметь подпись не только командира, но и военного комиссара.

Контроль комиссаров над командирами подрывал принцип единоначалия и ввел некую смешанную форму «двуначалия». Но это противоречие тогда считалось неизбежным. Если военачальник «красный командир» (партиец или испытанный сторонник советской власти, с военным опытом, или заводской рабочий — недавний выпускник военного училища), то комиссар, в основном, узаконивал и укреплял военную власть командира. Комиссар служил гарантом верности воинской части советской власти и символической компенсацией за отмену выборности командиров.

Первая оппозиция

Волна критики обрушилась на поворот в военной политике весной 1918 года. Меньшевики и левые эсеры яростно возражали против отказа от идеалов социалистической милиции. Они выступили против социального принципа подбора

личного состава Красной Армии (большевики полагались в основном на фабрично-заводских рабочих и беднейших крестьян), противопоставляя якобинско-социалистический лозунг «вооруженного народа». Во взаимном согласии бывших царских офицеров и советских военных властей они усматривали и опасность «бонапартизма», и угрозу «красного милитаризма».

В рядах большевиков решительно осудили поворот к регулярной армии главным образом «левые коммунисты». Область их критики вскоре расширилась: они выступили против использования «буржуазных специалистов» и в военной, и в экономической сферах. Рассуждения «левых коммунистов» отражали характерный вариант революционного мышления того времени: они утверждали, что в «классовых войнах» будущего «на первом месте будет политика, а техника сыграет вспомогательную роль... Лучше слабая классовая армия, чем сильная неклассовая». Бывшие царские офицеры терпимы только как военные инструкторы и советники.

Гражданская война

Первые сражения

В конце весны 1918 года началась широкомасштабная Гражданская война, поставив РСФСР в сложное положение. На бумаге Красная Армия насчитывала более 300 тыс. бойцов, но лишь небольшая её часть была боеспособна. В начале августа 1918 года Казань захватили антибольшевистские силы, включавшие чехословацких легионеров, белых царских офицеров с новобранными войсками и группу бывших социалистов и либералов депутатов Всероссийского Учредительного собрания.

Битва за Казань августа — сентября 1918 года была «Вальми Большевистской революции» (сравнима с победой революционных французских войск в 1792 году у села Вальми над коалиционными войсками французских роялистов, Австрии и Пруссии — *ред.*). Троцкий сам организовал контрнаступление. Казанская победа стала возможна благодаря использованию традиционных и беспощадных методов укрепления дисциплины. Чтобы удержать красноармейцев от бегства, позади войск установили пулеметы. Части, оставившие позиции, наказывали массовым расстрелом и децимацией, без различия партийной принадлежности: «сначала комиссар, затем командир», гласил один из приказов Троцкого. В то же время в войсках вели интенсивную пропаганду. К колеблющимся подразделениям прикрепили небольшие, сплочённые группы убежденных партийцев. Позднее красное командование превратило опробованные под Казанью жесткие репрессивные методы, в сочетании с героическим и эпическим воодушевлением, в действенный дисциплинарный механизм.

Сражение под Казанью по времени совпало с мерами властей по созданию четкой и последовательной командной цепи, охватывающей всё военное управление, от самого верха до каждой армии. 6 сентября (на основе постановления ВЦИК от 2 сентября 1918 года) создали Революционный военный совет Республики (РВСР) для общего руководства военными операциями. Его председателем стал Троцкий. Главнокомандующим Вооруженными Силами Республики 6 сентября назначили Вацетиса. Полномочия его определили к концу сентября, как и командиров армий

и фронтов. Каждая дивизия, армия и фронт находились под командованием соответствующего РВС в составе: командир и двое или более комиссаров.

Уроки победы

Новый принцип военной организации быстро распространился в других областях, прежде всего в самой РКП(б). Появился новый тип партийца и партийной организации. В ноябре 1918 года РСФСР объявили «единым военным лагерем», созданный Совет рабочей и крестьянской обороны наделили чрезвычайными полномочиями. Наркоматы по военным делам, путей сообщения и продовольствия, возглавляемые группой высших должностных лиц, монополизировали управление людскими и товарными ресурсами страны, и каждый подчинили военным целям. Управленческие структуры на предприятиях и гражданской службе были милитаризованы и подчинены «железной дисциплине» (в них также стали выдавать фронтовой паек). Начался суровый период, позднее названный «военным коммунизмом».

Сталин против Троцкого

Вскоре после победы под Казанью в рядах Красной Армии появилась активная и не просто словесная оппозиция. В Царицыне партийные и военные руководители Южного фронта отклонили назначение Вацетисом бывшего царского генерала П. Д. Сытина новым командующим фронтом. «Бунтовщиками» были Сталин, К. Е. Ворошилов и председатель Царицынского Совета С. К. Минин. Царицынская группа объявила себя единственным компетентным военным руководством на месте, выступив против проводимой Троцким (и Лениным) практики назначения бывших царских офицеров на командные должности в Красной Армии. Вскоре, однако, ей пришлось уступить. 5 октября 1918 года царицынская группа отстранена от командования Южным фронтом, Сталин отозван в Москву. Царицынское дело способствовало установлению длительного личного и политического соперничества Сталина с Троцким, но этим значение не исчерпывалось. Впоследствии мифологизировали и сделали составным элементом сталинской идеологии оборону в 1918 году Царицына («красного Вердена»), в которой лично участвовал Сталин. (В длительной, с февраля по декабрь 1916 года, ожесточенной военной операции в районе французского города-крепости Верден Германия так и не смогла прорвать фронт — ред.).

Партия и армия

Реорганизация партийных органов

Осенью центральные военные власти завершили реорганизацию Красной Армии начали коренную реформу армейской парторганизации. С марта 1918 года выборные солдатские комитеты, унаследованные от старой армии, повсеместно заменяли комитетами, избираемыми членами РКП(б). Троцкий окрестил такую

систему «военным синдикализмом». В октябре 1918 года ЦК упразднил армейские комитеты, позволив лишь назначение менее крупных партбюро. В то же время ЦК ввёл в армии новую политическую иерархию. Согласно инструкции ЦК от 10 января 1919 года, разработанной Сталиным, Свердловым, К. К. Юревым и И. Н. Смирновым (два последних — близкие единомышленники Троцкого в Наркомате по военным делам), партячейки лишились самостоятельности и были подчинены политотделам при штабах подразделений и комиссарам. Наконец, в конце 1918 года Всероссийский Главный штаб (Всеглавштаб) издал правила военной службы и дисциплинарный устав. Восстановили знаки различия для военных должностей (новую иерархическую систему командования создадут только в сентябре 1935 года).

VIII съезд РКП(б)

В конце декабря 1918 года, после взятия Перми войсками Колчака, Троцкий и Вацетис попали под огонь критики. Особо злобную (хотя не во всем несправедливую) критику содержали совместные отчеты в ЦК Сталина и председателя ВЧК Дзержинского. В феврале Троцкому и РВСР пришлось признать самостоятельность органов ВЧК и её специальных боевых подразделений в Красной Армии.

К началу работы VIII съезда РКП(б) в Москве 18–23 марта 1919 года новая «военная оппозиция» набрала заметную силу. Троцкий, погруженный в дела на Восточном фронте, не смог присутствовать. Его участие в дискуссии ограничилось присылкой документа, в котором он обрисовал «регулярную» РККА как чисто временное, вызванное необходимостью явление, которое в свое время уступит место милиционной системе с выборным командованием. В его отсутствие его точку зрения защищал Г. Я. Сокольников, представ официальный отчет по военным делам.

На закрытом заседании особой «военной комиссии», составленной из делегатов армии, «военная оппозиция» сумела получить поддержку большинства по многим внесённым ею вопросам преобразований в армии и добилась принятия постановления, осудившего военную деятельность Троцкого. В этот момент на помощь Троцкому пришёл сам Ленин. Он критиковал Ворошилова и главного оратора «военной оппозиции», бывшего «левого коммуниста» В. М. Смирнова (не путать с упомянутым И. Н. Смирновым). Конфликт был улажен благодаря готовности Сокольникова к компромиссу и разногласиям в самой оппозиции.

Зарождение военно-политического аппарата

Основной пункт, по которому В. М. Смирнову и «военной оппозиции» пришлось уступить, это требование, чтобы военспецы поделались военной властью с комиссарами (принцип коллективного командования). С другой стороны, съезд решил расширить административные и политические полномочия армейских комиссаров и укрепить в целом партийную организацию в армии (за это особенно рьяно выступил Сталин). Партийные ячейки, комиссары и политотделы объединили в единое Политическое управление РВСР (ПУР). Оппозиция, таким образом,

в обмен на укрепление статуса армейской партийной организации сняла свои первоначальные требования демократизации партийной структуры в армии. К счастью для Троцкого, первым председателем ПУРа стал И. Т. Смилга, убежденный сторонник единоначалия. Он даже в большей степени, чем Троцкий и верховное командование, был убежден, что усиление политической благонадежности советского офицерского корпуса вскоре изживет необходимость контроля со стороны комиссаров.

Красная Армия заходит слишком далеко

Перемены в верховном командовании

Некоторые последствия компромисса, достигнутого на VIII съезде РКП(б), проявились в мае–июне 1919 года в Петрограде, которому угрожала Северо-Западная армия генерала Н. Н. Юденича. Сталин, пользуясь подозрительностью, царившей среди местных красноармейцев, при поддержке председателя Петроградского Совета Г. Е. Зиновьева, возобновил свои выступления против военспецов. Вместе с Зиновьевым они убедили ЦК РКП(б) убрать с театра военных действий назначенцев Троцкого и пытались самого Главнокомандующего уличить в связях с изменниками. В этих обстоятельствах ЦК РКП(б) заблокировал предложенный Вацетисом план наступления на Южном фронте и принял стратегию, разработанную талантливыми красными командирами Восточного фронта. Одного из них, бывшего царского полковника С. С. Каменева, командующего фронтом, ЦК назначил 3–4 июля на пост Главнокомандующего (вместо Вацетиса). В знак протеста Троцкий подал в отставку с поста наркома по военным делам, но, получив формальное выражение доверия со стороны ЦК, передумал.

Трудовые армии

Через несколько месяцев после победы над Колчаком, Деникиным и Юденичем у Красной Армии более не осталось сильных военных противников. Однако демобилизацию не объявили. Вожди большевиков пришли к выводу, что военные методы руководства и организации доказали свою эффективность на фронте и их можно использовать и для восстановления разрушенной экономики страны.

В начале января 1920 года Ленин и Троцкий с энтузиазмом приветствовали местные эксперименты по превращению воинских частей, уже не участвующих в военных действиях, в «трудовые армии», занятые ремонтом дорог, восстановлением угольных шахт, поиском топлива. Советское руководство все более соблазнял образ «слияния» армии и экономики в единую всеохватную военно-экономическую структуру, возглавляемую иерархией офицеров-управленцев, работающих по принципу полной взаимозаменяемости (этот принцип отстаивал, в частности, Троцкий). На IX съезде РКП(б) в марте 1920 года Наркомат по военным делам возродил идею неизбежного перехода к милиционной системе. Однако красные ко-

мандиры, среди которых все более проявлялись профессиональные настроения, определенно охладели к этой идее, опасаясь, возможно, что её воплощение принизит их собственные военные функции.

Расширение, победа и поражение

В 1920 году Красная Армия насчитывала более 2 млн. человек; добровольцем являлся один из шести или семи бойцов. Командный состав насчитывал более 230 тыс. человек. Из них более трети были военспецами, служившими ещё при старом режиме. С марта 1918 года по март 1920 года число членов РКП(б) в армии выросло с 45 тыс. до 300 тыс. человек (без учета потерь), число партячеек — с 3 тыс. в конце 1918 года до 7 тыс. в середине 1920 года. В Гражданскую войну около 2 млн. солдат уклонились от призыва или дезертировали из армии (главным образом во время сельскохозяйственных работ). Многие вскоре вернулись в свои части, и в этом случае не наказывались. Дезертирство особенно распространилось на ранней стадии Гражданской войны и во время Советско-польской войны (апрель–август 1920 года). Война с Польшей привлекла в Красную Армию многих бывших царских офицеров, но многие рядовые бойцы были недовольны этой попыткой верховного командования превратить «оборонительную» войну в революционную «наступательную» кампанию с целью взять Варшаву и нести революцию в Центральную Европу.

Поражение в войне с Польшей способствовало отмене плана создания интегрированного военно-промышленного комплекса. Более того, военная неудача, за которой последовал разгром последнего белого генерала П. Н. Врангеля в конце 1920 года, оказалась отправной точкой быстрого распада системы военного коммунизма, которая внезапно лишилась своего оправдательного аргумента — обеспечение военной эффективности в период войны. Зимой 1920–1921 годов в ряде важных сельскохозяйственных и промышленных районов Центральной России произошли восстания, подавленные специальными частями Красной Армии.

Мир

Контрнаступление штатских

В середине января 1921 года началась демобилизация; на несколько лет Красная Армия стала и несколько лет оставалась Золушкой советского государства. Ресурсы направляли в гражданский сектор, куда перешла значительная часть военного, технического и политического персонала. Перемены затронули и жизнь оставшихся под ружьем регулярных армейских частей. Условия их существования попали во многом в зависимость от доброй воли гражданских властей в районах их расквартирования. Трудные условия способствовали «демократизации» внутренней жизни армии и ослаблению дисциплины. Этот процесс, набравший силу со времени IX съезда РКП(б) в сентябре 1920 года, не останавливался из опасений, что чрезмерная суровость службы в мирное время вызовет недовольство солдат.

Политическому аппарату РККА приходилось считаться с требованиями и рядового состава, и территориальных партийных организаций, обычно плохо относившихся к политической самостоятельности армии.

Снова дилемма: милиция или регулярная армия?

В этих условиях сторонникам «регулярной» армейской модели осталось только перейти в оборону, тогда как поборники милиционной системы пытались воспользоваться случаем и протолкнуть свои давние планы. Бурные споры по военным вопросам шли в между X и XI съездами РКП(б) (март 1921 — апрель 1922). В конце концов, сторонники «регулярной» армии (в их числе талантливый полководец М. Н. Тухачевский, командующий Западным фронтом в войну с Польшей) одержали уверенную, в значительной мере предсказуемую победу по принципиальным вопросам. Вопрос, какую форму окончательно примет Красная Армия, не был, однако, полностью разрешен. Пока приняли «смешанную» модель. Небольшое, но способное увеличиться «постоянное» армейское ядро должно было встать под ружье в случае необходимости, в то же время более значительное число граждан проходили подготовку и периодически призывались на сборы по территориальной милиционной системе. Открыто признавалось, что преобладание милиционной подготовки связано с тем, что она проще, а не с принципиальными соображениями. Иначе говоря, советское государство не могло позволить себе нести финансовое бремя по содержанию под ружьем крупных сил. Отношение Троцкого к вновь возникшей дилемме — милиция или регулярная армия — на этот раз было беспристрастнее. После окончания Гражданской войны Наркомат по военным делам потерял интерес к военным делам и всё более погружался в проблемы восстановления экономики и международной политики.

Литература

- Какурин Н. Е. Как сражалась революция: В 2 т. М., 1990.
- Кляцкин С. М. На защите Октября: Организация регулярной армии и милицейское строительство в Советской республике. 1917–1920. М., 1965.
- Колычев В. Г. Партийно-политическая работа в Красной Армии в годы Гражданской войны, 1918–1920. М., 1979.
- Кораблев Ю. И. В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. М., 1979.
- Красная Армия. 1918–1946. М., 2007.
- Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1918–1919 гг. М., 1997.
- Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920–1923 гг. М., 2000.
- Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г.). М., 1991.
- Benvenuti F. The Bolsheviks and the Red Army, 1918–1922. Cambridge, 1988.

-
- Erickson J.*: The Soviet High Command: A Military Political History, 1918–1944. London, 1961; Some Military and Political Aspects of the «Militia Army» Controversy, 1919–1920 // Ed. by C. Abramsky. Essays in Honour of E. H. Carr. London, 1974.
- Hagen M. von.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930. Ithaca and London, 1990.
- Nation R. C.* War on War: Lenin, the Zimmerwald Left, and the Origins of Communist Internationalism. Ithaca and London, 1989.
- Procacci G.* Il partito nell'Unione Sovietica, 1917–1945. Bari, 1974.
- The Trotsky Papers, 1917–1922: 2 vols. The Hague and Paris, 1971.

Крестьянская община и сельское управление

ОРЛАНДО ФАЙДЖЕС

Введение: община и проблема сельского управления

Основной слабостью Российского государства в период с 1900 по 1930 год была неэффективность управления на селе. И царский, и советский режимы зависели от выкачивания ресурсов из сельскохозяйственного сектора; оба стремились модернизировать крестьянскую экономику, просветить крестьян и интегрировать их в национальную культуру; однако ни у того, ни у другого не оказалось средств, чтобы распространить свое влияние на отдаленные деревни, в которых проживало 80% населения.

Неэффективность управления в значительной мере связана с огромной территорией России и ее общей отсталостью. Отсюда — её слабая налоговая база и плохое сообщение. Государству недоставало человеческих ресурсов и финансовых средств для назначения должностных лиц в сельскую местность. Сыграло свою роль и наследие крепостничества. До 1861 года крепостные находились под юрисдикцией своих владельцев, и, при условии, что они выплачивают подати, государство не вмешивалось в отношения между ними. Только после отмены крепостного права, и то очень медленно, правительство стало задумываться над проблемой, как распространить своё влияние на своих новых подданных, на крестьян. Основной причиной неудачи попыток государства проникнуть в деревню была сила и гибкость мира — сельской общины. Она заключала крестьян в их особый мир, с собственным моральным кодексом и своими нормами обычного права, находящийся в оппозиции государству.

Возглавляло мир собрание крестьянских старейшин (сход). Наряду с общиной сход регулировал практически все аспекты сельской жизни и землепользования. В большинстве случаев мир и община охватывали одну и ту же деревню, хотя там, где деревни были небольшими, община контролировала земли нескольких деревень. Власть общины значительно расширилась после отмены крепостного права, когда она взяла на себя наибольшую часть административных, полицейских и судебных функций, принадлежавших ранее помещику, и стала базовым подразделением сельской администрации (общество), которое подчинялось рудиментарным органам государственного управления на волостном уровне. Она контролировала землю, переданную крестьянам помещиками после освобождения, и несла коллективную ответственность за выплату выкупных платежей за неё. На большей части российской территории пахотная земля находилась в коллективном владении — наследственное держание встречалось в основном на Западной Украине, в польских и прибалтийских губерниях, — и периодически, через несколько лет, мир

перераспределял земельные наделы среди крестьянских хозяйств в зависимости от числа работающих или едоков в каждом из них. Община также устанавливала общие нормы обработки земли, распоряжалась лесами и пастбищами, нанимала деревенских сторожей и пастухов, собирала подати, осуществляла набор на военную службу, наблюдала за ремонтом дорог, мостов и общинных строений, организовывала общественные праздники, разбирала тяжбы, вершила правосудие в соответствии с местными обычаями.

Мир порождал среди крестьян, связанных общими нитями с деревней и ее землей, сильное чувство общинной солидарности. Это отражено во многих поговорках: «Что одному не под силу, осилит мир», «Никто не больше мира» и т. д. Такая солидарность свидетельствует не столько о «естественном коллективизме» русского народа, которую так идеализировали славянофилы и народники, сколько о потребности крестьян в самоорганизации в их борьбе за выживание с суровым климатом и давлением внешних врагов в лице землевладельцев и государства. Действительно, как показывает множасьщееся число исследований в западной историографии социальной жизни крестьянства, в деревне нередко имели место проявления мстительности, жадности, нечестности и порой жестокого насилия соседей друг над другом; сельская жизнь далека от той общинной гармонии, какую иногда представляли себе городские интеллектуалы. Однако трудности мелкого крестьянского земледелия, когда в огромном большинстве хозяйств приходилось довольствоваться одной лошадью и небольшим набором примитивных орудий, приводили к тому, что простейшие формы соседской кооперации, такие как совместная расчистка лесов и строительство плотин, часто лучше всего отвечали насущным интересам отдельных крестьян.

Такая солидарность насаждалась старейшинами общин. Голосование на сходе всегда было открытым, выражалось криком или расстановкой по группам, решения должны были приниматься единодушно. Существовало строгое соответствие между материальной жизнью и нравами деревни, поведение, выходящее за рамки, нередко влекло за собой суровое наказание нарушителя. Ядром коллективизма был общий набор ценностей и убеждений, которые объединяли деревню (а во время революции — всё крестьянство) против остального социального порядка. Община отстаивала коренные крестьянские принципы семейного пользования собственностью крестьянского хозяйства и исключительного права на землю тех, кто её обрабатывает. Она враждебно отнеслась к попыткам царского режима распространить на крестьянство принцип частной наследуемой собственности и к попыткам советского режима обобществить крестьянскую собственность путём сведения орудий труда и скота в колхозах и совхозах.

Сельское управление и старый режим

Слабость официальных структур на селе

Вопреки мифическим представлениям революционеров о всеильном «старом режиме», царское государство в действительности было крайне слабым в сельских районах. На тысячу жителей Российской империи на рубеже XIX–XX веков приходилось лишь четыре государственных служащих (тогда как в Англии и Уэльсе — 7,3, в Германии — 12,6, во Франции — 17,6). Фактическая власть правитель-

ства доходила до 89 губернских центров, где располагалась администрация губернатора. Сколько-нибудь заслуживающей внимания государственной администрации на более низком уровне не существовало. Ни в уездных городах, ни в волостных центрах не было постоянных правительственных должностных лиц. Имелись лишь несколько гражданских и полицейских чинов. Время от времени они наезжали для выполнения того или иного дела, чаще для сбора податей или улаживания конфликтов, и снова уезжали.

Основными представителями царского режима вплоть до 1917 года оставались назначенные главным образом из числа дворян 2 тыс. земских начальников, институт которых был введен в период «контрреформ» Александра III в 1889 году. До начала 1900-х годов их власть была несколько ограничена, они обладали почти полной исполнительной и судебной властью над крестьянами, включая право отклонять резолюции сельских сходов, отменять назначение их выборных должностных лиц и подвергать их телесным наказаниям за мелкие проступки. Земские начальники, известные среди крестьян как «царьки», подкрепляли страх перед властью и ненависть к ней, накопившиеся в деревне за столетия крепостничества.

Регулярная полиция по европейским стандартам также была совсем невелика. Средний сельский полицейский пристав, которого часто даже не имел лошади или повозки, отвечал за охрану порядка в нескольких десятках поселений с общим населением до 50 тыс. человек. Правительство использовало полицию как своего рода всеобъемлющий исполнительный орган на селе. Кроме поддержания порядка полиция отвечала за сбор податей, осуществление правительственных распоряжений, надзор за состоянием здравоохранения, инспектирование общественных строений, составление статистических отчетов, общее наблюдение за «общественными нравами» (например, следить, чтобы крестьяне мыли свои бороды).

Столыпинские реформы

Во время освобождения крестьян царское правительство предполагало, что община под руководством старейшин продолжит поддерживать общественный порядок. Однако на деле община оказалась основной организующей силой крестьянской революции и в 1905-м, и в 1917-м. Крестьянская война против крупных имений была особенно ожесточённой в районах общинного земельного держания. 1905 год убедил землевладельцев и правительственных должностных лиц, что подобное насилие вытекало из общинного опыта: переделы земли между членами хозяйства в зависимости от размеров их семей не давали крестьянам благоприятной возможности улучшить свои наделы или производить что-либо ещё кроме детей (уровень рождаемости в России почти вдвое превышал среднеевропейский), они приводили к нехватке и истощению земли и уменьшению поголовья скота, так как крестьянам пришлось все больше пастбищ отводить под пашню.

В 1906 году премьер-министр П. А. Столыпин предложил ряд реформ с целью нейтрализовать революционные тенденции среди общин. В области земельных и имущественных отношений эти реформы давали отдельным крестьянам, равно и всей деревне, если за это проголосуют две трети хозяев, право выделить общинные наделы в частную собственность в виде хутора (обособленный участок вне деревни) или свести в одно место внутри неё (отруб). Дальнейшие мероприятия

были направлены на ускорение процесса земельной реорганизации и помощи желающим выделиться из общины приобрести дополнительную землю у дворян или государства; учредили Крестьянский поземельный банк, дававший ссуду под низкий процент. Столыпин стремился подорвать общину посредством создания нового класса крестьян-собственников, которые будут уважать дворянскую собственность и поддерживать порядок. Его политика была тесно связана (историки зачастую не замечают этого) с рядом политических и судебных реформ, которые уравнивали в правах крестьян собственников земли с дворянами. Созданием волостного земства, избираемого на основе низкого имущественного ценза, они приобрели бы реальный вес в местном самоуправлении; а в результате упразднения крестьянских судов, действовавших на основе местных обычаев, они, наконец, были бы интегрированы как равноправные граждане в систему гражданского права.

В прошлом либеральные западные историки склонялись к мнению (чаще на основании собственных идеологических предрассудков, чем фактических свидетельств), что только Первая мировая война помешала конечному успеху столыпинских реформ. Крестьянская Россия, заявляли они, находилась на пути к стабилизации по западному образцу, и если бы не война, социальную революцию можно было бы предотвратить. Однако недавние исследования показали, что реформы буксовали еще до 1914 года, так что новая революция на селе была лишь вопросом времени.

Поначалу земельные реформы достигли некоторого успеха. Наиболее предприимчивые крестьяне, а также те, кто стремился как можно скорее продать свою землю и перебраться в город, принялись переводить свои общинные наделы в частную собственность. Они нашли союзника в лице местного дворянства, приветствовавшего реформы как единственную реальную альтернативу революционной конфискации своей земли. Однако к 1910 году, когда непосредственная угроза революции была устранена, большинство помещиков стало рассматривать создание нового класса крестьян-собственников, обладавших полным набором политических и имущественных прав, как угрозу своей власти в деревне. Объединенное дворянство, члены которого преобладали в Государственном совете, блокировало введение волостного земства; а через земских начальников помещики добились прекращения выделения земли. В то же время общины всё сильнее сопротивлялись земельным реформам. Они с недоверием воспринимали перемены, им не нравилось нашествие землемеров, которые должны перемеривать общинные границы. Наконец, крестьяне опасались, что если одним из них разрешат владеть частью общинной земли, другие навечно потеряют право доступа к ней. Это опасение особенно характерно для младших сыновей и дочерей в крестьянских семьях, так как раз хозяйство закрепляло свою землю в частную собственность, обычай семейного владения утратил силу и земля становилась собственностью старшего в семье, который мог завещать ее своему старшему сыну.

Революция 1917 года в деревне

Новости о Февральской революции неравномерно распространялись по сельской местности. В некоторых более отдаленных деревнях об этом не знали до конца марта, а в ряде мест, например, в Казанской и Могилевской губерниях, где со-

хранялось преобладание монархистов, даже до апреля. Многие крестьяне поначалу смутило низложение царя, который всегда воспринимался наравне с Богом, о революции говорили приглушенно. Но с течением времени крестьяне держались увереннее, заявили о неприятии старого порядка и взяли в руки сельское управление.

Демократизация сельского управления началась в марте с устранения ненавистных земских начальников и их подручных, полицейских. Многие из них бежали, некоторые во время Гражданской войны оказались в рядах белых, но другие оставались и иногда даже оказывались избранными (наряду с помещиками и духовенством) во временные волостные комитеты, учрежденные 20 марта Временным правительством. Комитеты, отвечавшие за поддержание существующего порядка, предполагалось, будут состоять из «всех интеллектуальных сил» деревни. Однако вскоре они превратились в крестьянские органы и начали принимать собственные «законы», оправдывающие захват помещичьей земли, хотя в их состав могли входить и другие жители деревни (безземельные батраки, ремесленники, учителя, духовенство), если разделяли революционные цели крестьян. То же случилось с волостными земельными комитетами, учрежденными в марте. Правительство предполагало, что они будут охранять владельческие права дворянства и регулировать все земельные отношения до созыва Учредительного собрания. Однако местное крестьянство взяло комитеты в свои руки и превратило в революционные органы, которые помогали устанавливать фиксированный налог на дворянскую землю, отчитываться за него и, в конечном счете, перераспределить среди крестьян. Пытаясь воспрепятствовать этому преобразованию земельных комитетов Временное правительство прекратило их финансировать. Тогда крестьянские общины взяли это на себя, финансируя комитеты посредством самообложения, и комитеты продолжали распространяться.

Главной движущей силой крестьянской революции стала сельская община, в 1917 году вновь набравшая силу. Дела большинства владельцев хуторов и отрубов шли неважно, и, надеясь урвать кусок в общинной войне против крупного землевладения, они добровольно отказывались от частной собственности. Лишь немногие хутора пришлось силой возвращать в общину. В то же время сама община демократизировалась. Основные черты этого процесса заключались в следующем. Во-первых, голос молодых крестьян приобретал на сходах больший вес, так как разделения хозяйств в предыдущие годы увеличили число молодых хозяев, и престиж молодых крестьян вырос благодаря службе в армии и росту потребности села в грамотных руководителях после краха царского режима и бегства интеллигенции из деревни. Во-вторых, на сходах впервые появились женщины как главы хозяйств в отсутствие мужей-фронтовиков. Наконец, по всем признакам главным органом управления на селе стали общие сельские и волостные собрания, в которых участвовали не только крестьяне, а всё взрослое население местности. Эти собрания, после уничтожения старой волостной администрации, брали на себя многие из основных функций общины.

Сельская община была организующей силой революции в деревне. Она служила звеном (как отголосок крепостничества), связующим крестьян с владением их бывшего господина. Именно на этом основании крестьяне оправдывали своё моральное и историческое право на конфискацию его собственности: «Господин был наш, и земля наша». Во время захватов поместий члены общины проявляли образцовую солидарность и организованность. Привычным стало принятие на сель-

ском сходе резолюций, обязывающих всех членов общины, под страхом изгнания из неё, принять участие в походе на поместье или в других формах крестьянского сопротивления, таких как податные стачки и бойкоты. Вопреки старому советскому мифу, случаи конфликтов между богатыми и бедными крестьянами в деревнях были крайне редки. В то же время часты были случаи столкновений между соседними общинами, порою доходя до войн между деревнями за контроль над крупными имениями.

Революция 1917 года в деревне привела к формированию крестьянства как автономной и доминирующей силы в собственной политической среде. Она дала крестьянам «волю» — непосредственное самоуправление сёл и деревень, свободное от вмешательства со стороны дворянства или государства, — о которой они мечтали многие века. Все основные политические органы революции в деревне — различные сельские комитеты, крестьянские союзы и сельские Советы — представляли собой фактически ни что иное, как более революционную форму общины. Собрание Совета трудно было отличить от сельского или общинного схода; крестьяне часто путали их в своих протоколах — записывалось, например, что резолюции Совета были приняты «общим собранием деревни А.» или «сельским сходом общин Б. и В.». Любой орган, насаждаемый сверху или составленный в значительной мере из некрестьянских элементов, крестьяне бойкотировали либо брали в свои руки. Так произошло с волостными земствами, с созданием которых либералы связывали столько надежд. Начавшиеся в августе выборы в эти новые органы встречали пассивное или активное сопротивление крестьян, которые к тому времени уже образовали собственные волостные комитеты, а иногда и Советы.

Крестьянские Советы и установление большевицкой диктатуры

Первые Советы крестьянских депутатов были общекрестьянскими органами, выбранными непосредственно сельскими или общинными собраниями, и состояли в основном из местных крестьян-земледельцев, некоторые из которых носили военную форму. Советы, образованные осенью и зимой 1917 года, вскоре взяли в свои руки всю власть на селе, силой устраняя волостные земства или, чаще, просто заменяя их после голосования на общем собрании волости. Свою задачу Советы видели в защите интересов местного крестьянства. Они помогали общинам распределять помещичью землю и собственность, регулировали торговлю в интересах крестьян и, в связи с продовольственным кризисом, поразившим многие районы страны, препятствовали вывозу зерна из волости, а, в случае необходимости, отправляли делегатов закупать запасы муки на плодородном Юге и в Сибири. Местные Советы часто вели себя как автономные республики (даже порой называли себя так), не особо реагируя на указания верховных властей. Многие создавали собственные полицейские силы и суды, у некоторых были даже свои флаги и эмблемы. Почти всех имели собственные добровольные вооруженные отряды типа красногвардейских, организованные вернувшимися из армии молодыми крестьянами для охраны революционного села и его границ.

Большевики на протяжении первых шести месяцев своей власти не тревожили село. У них не хватало средств для контроля над сельскими Советами, большин-

ство которых беспартийные или руководятся эсерами; локальная ориентация Советов отвечала их интересам, так как нейтрализовала крестьянство при борьбе за власть в городах. Завершив собственные локальные революции через Советы, большинство крестьян равнодушно отнеслись к разгону Учредительного собрания, хотя на выборах в него значительное большинство голосовали за эсеров. Как заметил один из эсеров, крестьяне воспринимали Учредительное собрание как далекий парламент, ассоциируя его с Государственной думой, тогда как Советы «были близки и дороги им, напоминая собственные сельские сходы».

Однако к маю 1918 года большевики не собирались более терпеть местнические поползновения Советов. В городах наблюдался хронический дефицит продовольствия, тысячи рабочих бастовали, Гражданская война вступала в новую фазу. Большевикам для спасения своего хрупкого режима пришлось установить контроль над деревней, добыть у крестьян продовольствие и живую силу для службы в армии. Теперь большевики приписывали вину за кризис в городах преобладанию в крестьянских Советах «кулаков», которые удерживают зерно и, в заговоре с эсерами, хотят уморить революцию голодом; как часть своей «битвы за зерно» они призвали объединиться против них крестьян бедняков с рабочими.

Начать классовую войну в деревне были призваны «комитеты бедноты» (комбеды). Их образование, решение о котором принято 11 июня, Ленин объявил началом социалистической революции в деревне. Это должно было стать крестьянским Октябрем, «сельский пролетариат» должен был объединиться в «классовой борьбе» против «сельской буржуазии». На деле это оказался момент, когда марксистская догма рухнула под тяжестью крестьянской действительности. Многие деревни воспринимали себя земледельческим сообществом равных членов, объединенных родственными связями — зачастую именовали себя «крестьянской семьей», — и враждебно воспринимали идею отдельного органа для бедняков. Они не принимали участия в образовании комбеда, предоставляя заниматься этим агитаторам извне, либо образовывали комбед с участием всех жителей деревни на том основании, что все они бедняки. Тогда комбед был неотличим от Совета. Так, жители Киселево-Чемизовки в Аткарском уезде решили, что комбед не нужен, «ведь, все крестьяне почти равны, а бедняки уже входят в Совет. Организация отдельного комбеда привела бы только к ненужным распрям между гражданами одного общества». Большевистским агитаторам не удалось расколоть крестьянство по классовым линиям. Крестьяне-бедняки просто не осознавали себя «пролетариями» и не думали о своих более богатых соседях как о «буржуазии». Все они считали себя односельчанами и с подозрением и враждебностью относились к попыткам большевиков внести раскол.

В результате большинство комбедов было образовано чуждыми общине элементами. Это были не бедные крестьяне-земледельцы, а пришлые горожане и солдаты, безземельные ремесленники, работники, исключенные из земельной общины. Исследование 800 комбедов в Тамбовской губернии выявило, что на волостном уровне менее половины их членов когда-либо работало на земле; 30% были солдатами, вернувшимися с фронта. В полупромышленных северных деревнях эти социальные типы могли быть и «своими»; но на земледельческом юге это были в основном «чужаки» для деревни. Не имея связей с крестьянской общиной, от которой зависело всё сельское управление, они не могли выполнять свои задачи, не прибегая к насилию. Они реквизировали частную собственность, проводили незаконные аресты, совершали акты вандализма в церквях и установили в деревне

атмосферу террора. Это более походило на местную мафию, чем на орган советской власти. В одной из волостей Саратовской губернии, например, возглавляли комбед братья Дружаевы вместе с начальником местной милиции Владимиром Варламовым. Они обходили деревни, вымогая деньги, оружие, водку у запуганных крестьян. Запасы также конфисковывали и передавали подручным из «деревенской бедноты». На глазах у одного из крестьян, который не смог заплатить, изнасиловали его жену. Это состояние террора продолжалось полгода. Крестьяне слали прошения «товарищу Ленину» в надежде, что он прекратит это. В одном из них говорилось: «Люди начинают говорить, что при царе жизнь была лучше».

В ноябре 1918 года, после ряда крестьянских восстаний, советский режим упразднил комбеды. Хотя эти восстания в прессе заклеямили как «кулацкие мятежи», в частном порядке большевики признали, что это всеобщий крестьянский протест. Отныне усилия режима устроить государственный порядок в деревне сконцентрировались на волостных Советах, которые пытались заполнить новыми членами РКП(б), во множестве набранными из деревни.

К концу 1918-го крестьянская революция в основном завершилась, волостные Советы стали органами взимания налогов. Следствием был рост равнодушия крестьян к собраниям в Советах. Лишь 30% избирателей участвовали в выборах в волостные Советы в 1919 году, что практически обеспечило на выборах большевикам победу. Как единственная легальная партийная фракция внутри Советов, они одни могли собираться для координации своей выборной тактики; опираясь на ЧК и Красную Армию, они без труда запугивали голосующих крестьян. В Поволжье, согласно исследованиям, к осени 1919 года в состав 71% исполкомов волостных Советов входил хотя бы один большевик (и почти повсеместно он был председателем), тогда как весной предыдущего года это было лишь в 38% исполкомов. Две трети всех членов исполкомов зарегистрированы как большевики. Это давало РКП(б) твердую бюрократическую опору в волостном центре, которой никогда не имел царский режим. В условиях доминирования одной партии волостные исполкомы вскоре превратились из демократических органов крестьянской революции в бюрократические органы партии-государства. Советы в полном составе созывались редко. В их отсутствие исполкомы вели дела через свои постоянные отделы, создаваемые для каждого направления деятельности. Если в 1917–1918 годах исполкомы Советов состояли из крестьян держателей наделов, теперь в них преобладали профессиональные бюрократы, получавшие зарплату от партии-государства и редко переизбираемые. Пахари уступили дорогу работникам пера.

Ключевым моментом в этом процессе большевистского государственного строительства на селе была опора на молодой и грамотный слой крестьян, которые побывали на войне. В Поволжье лица в возрасте от 18 до 31 года составляли 60% членов исполкомов волостных Советов, 66% умели читать и писать (среди всего электората — соответственно 31% и 41%). Именно это поколение выиграло от школьного бума в деревне на рубеже веков и попало под мобилизацию во время войны. В 1918 году эти люди вернулись в свои деревни, приобретя военный опыт и городские знания о социалистической и атеистической идеологии. Во время земельной революции крестьяне часто воспринимали их как своих естественных вожаков. Без руководства со стороны дворянства и сельской интеллигенции старые крестьяне-хозяева зачастую не обладали достаточной грамотностью, чтобы братья за сложные задачи управления. Для многих бывших солдат работа в Совете представлялась шансом достичь определенных высот. После бурного армейского

опыта перспектива возвращения к рутине крестьянского земледелия, в «темный» мир деревни, выглядела малопривлекательной. Работая в Совете и вступая в партию, они могли повысить собственный престиж и увеличить свою власть. Они могли получить чистую работу в учреждении, со всеми её благами и привилегиями, и пропуск в новую урбанизированную цивилизацию советского режима. Стремление молодых грамотных крестьян попасть в управленческие структуры стало главной опорой коммунистического режима в деревне.

Неразрешенная проблема сельского управления

Утратив контроль над волостными Советами, крестьяне держатели наделов отвернулись от них и вновь обратились к своим общинам. Нараставший конфликт крестьянства с партией-государством, который в 1920–1921 годах вылился в ряд широкомасштабных крестьянских войн, шел по тем же линиям — деревня на одной стороне, волостной центр на другой — что и прежний конфликт крестьянства с дворянским государством.

В 1920-е годы во многом повторились прежние взаимоотношения между государством и крестьянством. За пределами волостных центров новое государство, как и старое, не располагало на селе реальной властью. Мир деревни остался неподвластен и в значительной мере неизвестен государству. Совсем немногие большевики жили в деревнях или были непосредственно связаны с крестьянством. Только 15% членов партии в деревне занимались земледельческим трудом; менее 10% были коренными жителями областей, в которых управляли. Сельские Советы, технически подчиненные волостным, крайне редко отваживались идти против общин, от которых материально зависели. Большевики, стремясь к централизации управления, ликвидировали многие сельские Советы, однако это только усиливало их изоляцию. К 1929 году лишь в каждой десятой деревне имелся Совет. Не удавалось должным образом собирать налоги, следить за выполнением советских законов.

По мере развития НЭПа все очевиднее становилось несоответствие амбиций советского режима с его бюрократическим бессилием в деревне. Воинствующие большевики всё сильнее опасались разложения революции, ее засасывания «кулацкой» трясиной, требовали нового похода на деревню и общину, чтобы подчинить городу. Здесь коренилась сталинская война против деревни, гражданская война за коллективизацию. Не имея средств управлять деревней, а тем более преобразовать ее социалистически, большевики предприняли попытку искоренить традиционный деревенский мир.

Литература

- Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914 гг. М., 1992.
- Кабанов В. В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. Т. 111. М., 1984.
- Кондрашин Э. В. Крестьянство России в Гражданской войне. М., 2009.

- Atkinson D.* The End of the Russian Land Commune, 1905–1930. Stanford, 1983.
- Bartlett R. P.* Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society. Basingstoke, 1990
- Danilov V.* The Commune in the Life of the Soviet Countryside before Collectivization // Ed. by R. Bartlett. Land Commune and Peasant Community in Peasant Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society. Basingstoke, 1990.
- Figes O.:* The Village and Volost' Soviet Elections of 1919 // Soviet Studies. 1988. 40. № 1; Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution (1917–1921). Oxford, 1989; The Russian Peasant Community in the Agrarian Revolution, 1917–1918 // Ed. by R. Barlett. Land Commune and Peasant Community in Peasant Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society. Basingstoke, 1990.
- Mironov B.* The Russian Peasant Commune after the Reforms of the 1860s // Slavic Review. 1985. 44.
- Weissman N.:* Reform in Tsarist Russia: The State Bureaucracy and Local Government 1900–1909. New Brunswick, 1981; Policing the NEP Countryside // Ed. by S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch and R. Stites. Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. Bloomington, 1991.

Крестьянские армии

ОРЛАНДО ФАЙДЖЕС

До недавнего времени историю Гражданской войны изображали как конфликт красных с белыми. С открытием советских архивов обнаружилось, что за линиями основных фронтов велось несколько скрытых гражданских войн между крестьянскими армиями и обеими главными враждебными сторонами. Крупнейшие крестьянские войны полыхали в Западной Сибири, на юго-востоке Украины, Дону, Северном Кавказе, Средней Волге и в Тамбовской губернии. По всей стране наблюдались более мелкие мятежи, когда крестьяне брались за оружие, защищаясь от наборов в армию и реквизиций продовольствия красными и белыми.

Советская пропаганда скрывала правду о крестьянских восстаниях. Местные крестьянские армии, сражавшиеся против белых, неизменно именовали «красными партизанами», хотя в большинстве случаев у них были собственные цели и самостоятельная организация. Крестьянские армии, воевавшие против красных, объявляли «кулацкими бандами», руководимыми эсерами и агентами белых. Документы о крестьянском движении были скрыты в архивах, доступ к ним имели лишь наиболее проверенные историки-коммунисты. Русским эмигрантам и западным историкам, пытавшимся объективно писать о крестьянских восстаниях, приходилось ограничиваться крупными фрагментами информации, зачастую недостоверной, из прессы первых лет советской власти.

Потребовалась еще одна революция, чтобы вскрыть реальный размах крестьянских войн. Теперь, когда архивы почти полностью открыты, историки постоянно находят важные документы о ранее неизвестных крестьянских выступлениях. Первый сборник этих документов (о крестьянском восстании в Тамбовской губернии) опубликован в 1994 году, появляются новые сборники. Со временем историки смогут сравнить все разнообразные выступления и на их основании сделать заключения о положении крестьянства — о его надеждах, опасениях, психологических ограничениях — в период революции и Гражданской войны.

Крестьянские армии против белых

Крестьянские мятежи полыхали в тылах всех Белых армий. Вызваны они попытками набора в армию и реквизициями продовольствия у крестьян, среди которых редко встречалось сочувствие Белому делу. На противодействие белые отвечали усилением репрессий, что лишь усиливало крестьянское сопротивление. Крестьяне создавали импровизированные отряды, вооруженные вилами и охотничьими ружьями, для обороны деревень от белых.

Некоторые из этих отрядов сражались бок о бок с Красной Армией и затем вливались в её состав как регулярные подразделения. Классический пример —

сельская армия в Домашках (Новоузенский уезд Самарской губернии), сформированная в 1918 году для борьбы с казаками атамана Дутова. Она стала ядром 219-й Домашкинской стрелковой дивизии, регулярного подразделения 4-й армии. Подобным образом сформированы Пугачевский, Новоузенский, Краснокутский и Куриловский полки. Все бойцы были родственниками или соседями. В Куриловском полку служили отец с шестью сыновьями. Из всех воинских частей Гражданской войны схожий принцип формирования был только в казачьих отрядах, формируемых станицами.

Однако большинство крестьянских армий сражалось против белых независимо от большевиков. Это касается двух основных районов крестьянской войны: в Сибири против Колчака и на Украине против Деникина.

Армии Колчака с самого начала своего наступления пришлось подавлять крестьянские восстания в тылу, в частности, в Славгороде к юго-востоку от Омска и в Минусинске на Енисее. Это было не столько движением красных партизан, как изображали его советские историки (хотя большевистские активисты совместно с анархистами и левыми эсерами часто играли важную роль в организации движения), сколько широкая крестьянская война в защиту революции в деревне против «омского режима». Наглядным примером этой идеологии служит 1-й съезд крестьянских повстанцев Канского, Красноярского и Ачинского уездов в апреле 1919 года. Съезд выдвинул целую «конституцию крестьянской власти» с «крестьянским правительством», общественными налогами и «распределением земельных богатств среди трудовых крестьян». Он даже принял «крестьянский кодекс», установив наказания в виде общественных работ за пьяный дебош, азартные игры, ловлю нерестовой рыбы, изнасилование.

Партизанское движение было наиболее сильным в тех районах, где были недавно сконцентрированы русские переселенцы — в Томской и Енисейской губерниях в Центральной Сибири, Алтайской и Семипалатинской — на Западе и в Амурской долине на Востоке. Это, как правило, крестьяне-бедняки, многим из которых приходилось подрабатывать на железных дорогах и в шахтах. По мере усиления репрессий омского правительства движение распространялось и на богатые земледельческие районы. Ведущую роль в партизанских отрядах играли дезертиры из армии Колчака. Они знали немного больше об окружающем мире, что для крестьянской общины достаточно выдвигания такого молодого человека в вожаки. Крестьянские отряды применяли партизанские методы войны, пригодные для диких и отдаленных лесных районов. Иногда они соединялись с отрядами красных, которые скрывались в тайге после того, как большевиков летом 1918 года вытеснили из Сибири. Порчей участков железной дороги и нападениями на поезда партизаны практически парализовали перевозку припасов для армии Колчака по Транссибирской магистрали, что не могло не сказаться на её наступательных действиях. Тысячи солдат переводили с антибольшевистского фронта и на борьбу с партизанами, используя беспощадный террор, сотнями расстреливали заложников, уничтожали десятки деревень в Канском и Ачинском уездах, главных оплотах партизан, где в лесной холмистой местности легко останавливать поезда. Повстанцев удалось отогнать от железной дороги, но поскольку террор распространялся и на деревни, не связанные с партизанами, он ещё сильнее раздул пламя партизанской войны. Отступая на восток, колчаковская армия всё больше оказывалась в окружении враждебно настроенных партизан. В её рядах учащались бунты и акты дезертирства, когда солдаты, набранные из сибирских крестьян, приближались к

своим деревням и селам. Будущие исследования покажут, были ли белые разбиты красными, или их крах был следствием трудностей, возникших из-за взаимоотношений с крестьянством в тылу.

Юго-Восточная Украина, значительную часть которой на протяжении всей Гражданской войны контролировала партизанская армия Нестора Махно, большая заноза в боку армии Деникина. Нестор Махно был Панчо Вильей русской революции. Он родился в 1889 году в Гуляй-Поле, позднее центре его движения. В 1905-м он примкнул к анархистам; проведя семь лет в Бутырской тюрьме, в 1917 году вернулся в Гуляй-Поле, организовал Крестьянский союз, позднее преобразованный в Совет, и сформировал бригаду, занявшуюся захватом имений местных дворян. В Гражданскую войну партизаны Махно воевали против всех: войск Центральной Рады, донских казаков, немцев и гетмановцев, украинских националистов Петлюры, соперничавших банд Григорьева и других бесчисленных атаманов, против белых и красных. Сила партизанской армии Махно была в качестве и быстрой его конницы, в поддержке крестьян, в отличном знании местности и в преданности его людей. Мифические подвиги Махно, к числу которых принадлежали невиданные пьяные оргии, сделали его легендарной фигурой среди местных крестьян, называвших его «батько». Легенды о нём напоминали крестьянские мифы XVII века о Стеньке Разине, борце за правду и справедливость, со сверхъестественными способностями. Под черным анархистским флагом Махно выступал за крестьянскую революцию без государства, на базе местного самоуправления свободных и автономных Советов, которые возникли в деревне в 1917 году. Когда на Украину продвинулись белые, Махно с 15 тыс. человек выступил на стороне красных. В обмен на поставку оружия его войска вошли в состав 3-й дивизии П. Е. Дыбенко, сохраняя свою внутреннюю партизанскую организацию. Троцкий в отсутствии дисциплины в отрядах махновцев нашел объяснение неудачам красных. В июне он приказал арестовать Махно по обвинению в «контрреволюции» — его анархистская концепция местной крестьянской революции была враждебна пролетарской диктатуре — и расстрелял нескольких махновцев. Махновцы бежали в леса и обратили оружие против красных. Большинство крестьян юго-востока Украины поддержало их восстание.

Крестьянские армии против красных

В 1918–1919 годах в тылу красных произошло несколько сот крестьянских мятежей. За одним или двумя исключениями («война чапанов» на Волге весной 1919 года) это были локальные выступления против злоупотреблений красных, они не приводили к организации больших крестьянских армий, сравнимых с теми, которые воевали против белых. Полномасштабная крестьянская война против большевиков началась лишь летом 1920 года, когда поражение белых стало очевидным. Как бы крестьяне ни недолюбливали красных, контрреволюции они боялись еще больше.

Распространение крестьянских восстаний в 1920 году связано не только с поражением белых. Три года большевистских реквизиций поставили деревню на грань голода. Жестокость продотрядовцев, повсеместная коррупция и деспотизм местных советских и партийных функционеров привели к тому, что многие крестьяне возненавидели большевистский режим.

К осени 1920 года крестьянские восстания пылали по всей стране. Крестьянская армия Махно, насчитывавшая 15 тыс. человек после поражения Врангеля, бродила по украинской степи и, вместе с многочисленными местными бандами до лета 1921 года с успехом парализовала работу советской инфраструктуры. В Тамбовской губернии Антоновский мятеж поддержало практически всё крестьянское население: с осени 1920 по лето 1921 года советской власти в губернии не существовало. В Воронежской, Саратовской, Самарской, Симбирской и Пензенской губерниях действовали менее крупные, но не менее активные крестьянские повстанческие армии. Они вызывали смятение среди большевиков, чья власть ограничилась территориями городов. Сотни мелких отрядов контролировали пространства степей между Уфой и Каспийским морем. На Дону и Кубани казаки и крестьяне сплотились, наконец, в общей ненависти к большевикам. Повстанческие армии в кавказских горах насчитывали более 30 тыс. бойцов. В Белоруссии крестьяне во главе с местными националистами заняли большую часть сельской местности и вынудили бежать Минский и Смоленский Советы. Самое крупное (и менее всего изученное) крестьянское восстание разразилось в Западной Сибири: целые области вокруг Тюмени, Омска, Челябинска, Тобольска, Екатеринбургa и Томска вместе с крупными городами оказались в руках восставших крестьян, отряды которых насчитывали в общей сложности до 60 тыс. человек; вся советская инфраструктура была парализована в течение первого полугодия 1921 года. По всей России такие же события происходили в более мелких масштабах: обозленные крестьяне брались за оружие и изгоняли большевиков из деревень. Даже в пределах 50 миль от Кремля имелись деревни, где большевикам опасно появляться.

У этих крестьянских восстаний немало общих черт, несмотря на то, что они происходили на огромных расстояниях друг от друга и в различных контекстах. Большинство крупных восстаний начались в 1920 году как мелкие крестьянские мятежи против продовольственных реквизиций; в результате некомпетентности и грубости местных коммунистов эти выступления разгорались и превращались в полномасштабные крестьянские войны. Типично Тамбовское восстание, оно началось в августе 1920 года в деревне Каменка, куда прибыл за зерном продотряд. От губернии требовали сдать по разверстке 11 млн. пудов зерна, норма явно завышенная. Урожай 1920 года был крайне низким, и если бы крестьяне полностью выполнили разверстку, остались бы с одним пудом зерна на душу, что едва составляет лишь 10% от нормальной потребности в пище, корме и посевном материале. Уже в октябре замечались голодные бунты. К январю, по словам В. А. Антонова-Овсенко, которого направили помочь в подавлении мятежа, «половина крестьян голодала». Жители Каменки были относительно зажиточными, что означало, что голод настиг их не так быстро, как других, и на них возложили дополнительную подать. Они отказались выплатить, убили нескольких продотрядовцев и вооружились ружьями и вилами для обороны от советских частей, посланных на подавление из Тамбова. Соседние деревни присоединились к восстанию, и вскоре была организована импровизированная крестьянская армия. Она сражалась под красным флагом (привлечение символов революции важный аспект этих народных восстаний), возглавил её эсер Григорий Плужников, местный крестьянин-герой, организатор нападений на дворянские имения в 1905 и 1917 годах. Одновременно в деревнях возникали Союзы трудового крестьянства (СТК), их организацией нередко занимались местные эсеры. СТК заменяли собой Советы и помогали со

снабжением повстанческой армии. Более 50 коммунистов расстреляли. Скорость, с которой разгоралось восстание, застала тамбовских большевиков врасплох. Совет и партипарат губернии были крайне слабыми. Ряды партии таяли — промышленные забастовки и скандалы, связанные с коррупцией, делали пребывание в ней источником опасности и дискомфорта. Многие вышедшие из партии были бывшими эсерами и вскоре примкнули к мятежникам. Вследствие войны с Польшей в губернии находилось всего лишь 3 тыс. красноармейцев, в большинстве совсем ненадежных, всего с одним пулеметом на весь мятежный Кирсановский уезд. Восставшие воспользовались их слабостью и двинулись на губернский центр. Тысячи крестьян присоединились на подходе к Тамбову. Большевики были в панике. С прибытием подкреплений они сумели отбросить бунтарей и развязали кампанию террора в деревнях. Несколько баз повстанцев сожгли дотла, целые стада конфисковали, сотни крестьян расстреляли. Это ещё сильнее раздуло пламя крестьянской войны. «Все население в страхе бежало в леса и присоединилось к мятежникам, — докладывал местный коммунист. — Даже крестьяне, некогда лояльные по отношению к нам, ушли с ними». Из Кирсановского уезда восстание распространилось на южную часть Тамбовской губернии и частично охватило соседние Саратовскую, Воронежскую и Пензенскую губернии. Именно в этот момент левый эсер Александр Антонов возглавил восстание, к концу 1920 года разросшееся до таких размеров, что Ленин позднее признал его величайшей угрозой, с которой пришлось столкнуться его режиму.

Советская пропаганда изображала крестьянских повстанцев «кулаками». Однако восстания были общекрестьянскими. Повстанческие армии состояли из простых крестьян, что видно по их оружию: вилы, топоры, пики и косы, хотя в их ряды вливались и армейские дезертиры, часто игравшие руководящую роль. В Тамбовской губернии накануне восстания насчитывали 110 тыс. дезертиров, из них 60 тыс. скрывались в лесистых районах вокруг Кирсанова. Многие мятежники были бедняками моложе 25 лет. Крестьянская армия Ф. Попова в Саратове была «одета в лохмотья», хотя на некоторых ворованные костюмы. По словам парторга Бутурусланского уезда, банды Оренбургской степи состояли из «людей, совершенно измученных нищетой и голодом. Кулаки материально помогают бандитам, но сами крайне редко берутся за оружие. Бандам очень просто найти себе сторонников. Лозунг “Смерть коммунистам! Долой колхозы!” был очень популярен среди самых отсталых и забитых слоев крестьянства».

В условиях хаоса к крестьянским армиям неизбежно присоединялись преступники, которые грабили, насиловали женщин, устраивали еврейские погромы. Современные историки, склонные идеализировать крестьянские армии, нередко игнорируют эту тёмную сторону.

Силу повстанческих армий питала тесная связь с деревней: она позволяла проводить партизанские операции, которые сбивали с толку красноармейских командиров. То, о чём позднее американцы узнали во Вьетнаме — регулярным армиям, даже хорошо вооруженным, трудно бороться с крестьянской армией, имеющей поддержку населения — русские обнаружили в 1921 году (и через 60 лет вновь столкнулись с этим в Афганистане). Повстанческие армии организовывались на партизанской основе: каждая деревня отвечала за мобилизацию, питание и экипировку своих бойцов. В Тамбове и в ряде районов Западной Сибири эти функции выполняли СТК, тесно связанные с сельскими общинами. В других местах этим занимались сами общины. В некоторых местах в организа-

ции мятежей участвовали также церковь и местные эсеры, особенно левые, хотя точная роль эсеров пока неясна.

При поддержке местного населения повстанческие армии, по словам Антонова-Овсеенко, были «трудно уязвимы, совершенно невидимы и, так сказать, вездесущи». Крестьяне моментально оборачивались в бойцов, а бойцы — в крестьян. Сельчане были глазами и ушами мятежных армий, женщины, дети, даже нищие занимались разведкой. Красные повсюду могли напороться на засаду. Мятежники, преследуемые красными, могли внезапно исчезнуть, или растворившись среди местных жителей или с легкостью уходили от преследователей на свежих лошадях, полученных у крестьян. Если красные могли проходить 30 миль в день, мятежники проходили до 100 миль. Отличное знание местности позволяло передвигаться и нападать по ночам. Их отменная мобильность компенсировала недостаток артиллерии. Они буквально кружили вокруг красных, командиры которых жаловались, что враги грозят «отовсюду». Избегая открытых столкновений, мятежники держались у отдаленных лесов и холмов (отсюда широко распространенное прозвище крестьянских отрядов — «зелёные»), выжидая удобный момент для внезапной атаки, после которой они быстро исчезали. Их стратегия была чисто оборонительной: они не собирались идти на Москву, в большинстве случаев, даже на местные города, стремясь только отгородиться от них. Они взрывали мосты, валили телеграфные столбы, разрушали железнодорожные пути, парализуя коммуникации красных. С такой тактикой трудно было бороться, особенно, раз никто из красных командиров не сталкивался ни с чем подобным. Первые небольшие соединения, посланные на борьбу с мятежниками, почти все были разбиты. Как отметил М. Н. Тухачевский, они послужили лишь тому, чтобы вооружить мятежников. Многие красноармейцы даже присоединились к восставшим.

Цели и идеология восстаний были на удивление однородны, что отражает общность устремлений крестьянской революции по всей России и Украине. Участники восстаний стремились восстановить крестьянское самоуправление 1917–1918 годов. Большинство выразило эту идею лозунгом «Советы без коммунистов!» или тому подобным. Та же идея подчас выражалась в несколько необычных лозунгах: «Да здравствует Ленин! Долой Троцкого!» или «Да здравствуют большевики! Смерть коммунистам!» Многие крестьяне пребывали в иллюзии, что большевики и коммунисты это две разные партии: об изменении названия партии в феврале 1918 года не сразу узнали в далеких деревнях. Крестьяне считали, что Ленин и большевики дали мир, разрешили захватывать помещичью землю, свободно продавать на рынке свою продукцию и устраивать внутреннее самоуправление посредством собственных выборных Советов, а Троцкий и коммунисты принесли войну, отняли помещичью землю, использовали её для колхозов, уничтожили свободу торговли, ввели продразверстку и узурпировали местные Советы.

Лозунг власти Советов мятежные крестьяне, несомненно, использовали отчасти для того, чтобы придать своему протесту законную форму. Иногда они называли свои повстанческие органы Советами, порою их приверженность демократическим идеалам революции вполне искренна. Все крестьянские движения были враждебны к белым. Многие из руководителей мятежников (например, Махно, А. П. Сапожков, Ф. Миронов, И. Серов, К. Т. Вакулин, Г. С. Маслаков, С. И. Колесов) вместе с красными сражались, и часто с отличием, против белых. Другие были на советской службе. Антонов возглавлял в Кирсанове уездную милицию до лета 1918 года, когда он, как и другие левые эсеры, порвал с большевиками и превратил

эту местность в базу мятежа. Сапожков, возглавлявший летом 1920 года повстанческую крестьянскую армию в Новоузенском уезде Самарской губернии, ранее был председателем Новоузенского Совета, героем обороны против казаков, руководителем большевистского подполья в Самаре против правительства Комуча. Г. Пятаков, вождь восставших крестьян в соседней Саратовской губернии, ранее продкомиссар Совета. Н. В. Воронович, один из мятежных командиров на Кавказе, в 1917 году был председателем Лужского Совета и даже участником обороны Петрограда от генерала Корнилова.

Свои выступления крестьяне часто называли революцией — и именно к ней стремились. Как и в 1917 году, государственную инфраструктуру на селе смела волна крестьянского недовольства. Это была жестокая война возмездия против коммунистического режима. Тысячи большевиков зверски убиты, многие стали жертвами изуверских (и символических) пыток: отрезали уши, языки, выкалывали глаза, отрубали конечности, головы, половые органы, животы вспарывали и набивали пшеницей, на лбу и теле выжигали кресты, приколачивали к деревьям, сжигали заживо, топили подо льдом, закапывали по шею в землю, оставляя на съедение собакам и крысам, и это с радостными выкриками наблюдали толпы крестьян. Партийные и советские учреждения переворачивали вверх дном, отделения милиции, сельские суды сжигали дотла, акты вандализма совершали в советских школах и центрах пропаганды. Большинство колхозов ликвидировали, имущество, скот перераспределили среди местных крестьян. Та же участь постигла сборные пункты зерна, мельницы, пасеки, хлебные магазины. Толпы крестьян следовали за мятежниками, разбирая реквизированное зерно и возвращая в свои деревни. Это возвращение «народной собственности», поистине новый «грабеж награбленного», помогало повстанческим отрядам заручиться поддержкой местного населения. Однако не все повстанцы были такими «робин гудами», имел место и обычный бандитизм. Большинство повстанческих армий нападали на поезда. В Донбассе такие нападения весной 1921 года были, как сообщалось, «почти повседневным явлением». Другим источником средств были рейды на местные города, порой на деревни. Вид отрядов с огромными стадами похищенного скота, длинными обозами военной добычи, бочками вина и мешками зерна был весьма колоритен. Партизаны Антонова отбыли из Князевой в Сербодском уезде, прихватив весь реквизит местного театра.

К марту 1921 года советская власть в значительной части сельской местности практически перестала существовать. Губернские большевистские организации слали отчаянные телеграммы в Москву, заявляя, что бессильны бороться с мятежниками, и требуя немедленных подкреплений. Поставка зерна в города в районах, захваченных мятежниками, почти полностью прекратилась. По мере того как в городах обострялся продовольственный кризис и все больше рабочих бастовало, становилось яснее, что большевики оказались перед лицом революционной ситуации. Ленин был в панике: ежедневно забрасывал местных красных командиров требованием как можно быстрее, любыми средствами подавить мятежи. «Мы едва держимся», — признал он в марте. На X съезде РКП(б) 8 марта в «Отчете о политической деятельности ЦК РКП(б)» Ленин заявил: «Эта мелкобуржуазная контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство, мы имеем дело со страной, в которой разорение обнаружилось на крестьянской собственности, а кроме того, мы имеем ещё такую вещь, как демобили-

зация армии, давшая повстанческий элемент в невероятном количестве». Наряду с забастовками и Кронштадтским восстанием в марте, крестьянские восстания, в конечном счете, заставили X съезд РКП(б) отказаться от ненавидимой всеми политики военного коммунизма и ввести НЭП.

Кроме этой уступки, подавление основных крестьянских восстаний достигли военной силой и беспощадным террором, хотя в некоторых местах, как в пораженном голодом Поволжье, работу выполнили голод и истощение. Перелом наступил в начале лета, когда большевики изменили стратегию ведения войны: вместо отправки небольших отрядов для борьбы с мятежниками наводнили мятежные районы войсками и развязали кампанию массового террора против деревень, поддерживавших восставших, в то же время стараясь отвлечь от них другие деревни посредством пропаганды. Новую стратегию применили прежде всего в Тамбовской губернии, куда Тухачевский, только что добившийся победы в Кронштадте, был послан в апреле подавлять Антоновский мятеж. В разгар операции в июне восставшие районы оккупировала армия численностью более 100 тыс. человек. Большинство составляли войска элитных подразделений сил безопасности и комсомольцы, с несколькими сотнями тяжелых орудий и броневиков. Для наблюдения за перемещениями отрядов повстанцев применяли аэропланы, сбрасывавшие бомбы и пропагандистскую литературу. Для «выкуривания банд из лесов» использовали отравляющий газ. Через платных осведомителей выявляли мятежников и их семьи отправляли как заложников в специальные концлагеря. К концу июня в Тамбовских лагерях содержали 50 тыс. крестьян, включая более тысячи детей. Нередко интернировали всех жителей деревни и затем расстреливали или депортировали в Заполярье, если повстанцы отказывались сдаться. Иногда восставшие деревни просто сжигали дотла. В одной лишь волости Тамбовского уезда, которая даже не считалась базой мятежников, расстреляли 154 крестьянина, 227 семей взяли в заложники, 17 домов сожгли, 46 — разобрали или отдали доносчикам. По некоторым оценкам, во время подавления восстания было арестовано 100 тыс. и расстреляно 15 тыс. крестьян.

Чтобы отвлечь крестьян от поддержки повстанцев, кроме большого кнута использовали маленький пряник. Деревни, принявшие резолюции с осуждением «бандитов», награждали из особого фонда солью и промтоварами. Большевики рассчитывали, что повстанцы, узнав об этих резолюциях, захотят отомстить сельчанам-предателям, и, таким образом, будет вбит клин между повстанцами и населением и подорвана социальная база мятежей. Добровольно сдавшимся мятежникам объявили амнистию, хотя почти всех имевших глупость в нее поверить (около 6 тыс. крестьян), сажали в тюрьму или расстреливали. Наконец, пропаганда усиленно твердила о преимуществах НЭПа, хотя вопрос, действительно ли эта политика так эффективна, как об этом позднее заявляли большевики, остается открытым. Многие крестьяне, даже в Московской губернии, никогда не слышали о продналоге, а большинство узнавших, по признанию Тухачевского, «определенно не склонны были верить в искренность этого декрета».

К концу лета 1921 года, когда значительную часть сельской местности поразил голод, большинство крестьянских восстаний было подавлено. Армию Антонова уничтожили в июне, сам он сумел бежать, и небольшие партизанские отряды продолжали создавать проблемы большевистскому режиму на Тамбовщине вплоть до лета следующего года, когда чекисты выследили и убили Антонова. В Западной Сибири, на Дону и Кубани все крестьянские отряды, кроме мелких, были ликвидированы.

рованы к концу июля, хотя сопротивление советскому режиму продолжалось в меньшем масштабе и пассивнее до 1923 года. Махно в августе 1921 года с остатками своих сил бежал в Румынию, но его база на юго-востоке Украины еще несколько лет оставалась мятежным районом. Для многих украинцев Махно оставался народным героем (песни о нем распевали на свадьбах еще в конце 1950-х годов), для других — пугалом. Советские мамы страшали непослушных детей: «Не будешь спать, придёт батько Махно и тебя заберёт».

Литература

- Антоновщина: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.: Документы и материалы. Тамбов, 1994.
- Антоновщина: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007
- Есиков С., Протасов Л. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6–7.
- За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921 г.: Сб. документов. Новосибирск, 2000.
- Кондрашин Э. В. Крестьянство России в Гражданской войне. М., 2009.
- Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.: В 7 т. М., 1995–1999.
- Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994.
- Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922: Документы и материалы. М., 2002.
- Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы. М., 2003.
- Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: В 2 т. М., 2000.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. М., 1998. Т. 1. 1918–1922.
- Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим, 1987.
- Brovkin V. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922. Princeton, 1994.
- Figes O.: Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution (1917–1921). Oxford, 1989; The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War // Past and Present. 1990. № 129.
- Landis E. Bandits and Partisans: The Antonov Movement in the Russian Civil War. Pittsburg, 2008.
- Malet M. Nestor Makhno in the Russian Civil War. London, 1982.
- Radkey O. H. The Unknown Civil War in Soviet Russia. Stanford, 1976.

Образование. Школа. Студенческая жизнь

АЛЕКСЕЙ МАРКОВ

За последние десятилетия в США, Великобритании, Германии и Франции написаны несколько книг и множество статей и диссертаций о «культурной политике» большевиков. Точкой отсчета стала изданная в 1970 году книга Ш. Фицпатрик «Комиссариат просвещения. Советская организация образования и искусства при Луначарском, 1917–1921». Всплеск интереса к этой проблеме за рубежом отчасти взаимосвязан со стремительным ростом в СССР в конце 1950-х–1980-е годов числа исследований о первых годах истории советской культуры. При этом западные историки неизменно констатировали второстепенность, если не третьестепенность «культурного фронта» для вождей большевиков.

Увлеченное социологией поколение 1960-х годов, создавая «новую социальную историю» русской революции, наибольшее внимание уделяло структурам, институтам, моделям управления и регионализму. Тематика научных работ, дискуссий на Западе имела много общего с советской литературой: различные аспекты структуры, функционирование и место в системе органов управления Наркомата просвещения исследовали Ш. Фицпатрик, А. И. Фомин и М. Б. Кейрим-Маркус, Т. Е. О'Коннор в своей книге о Луначарском; вопросы формирования советской интеллигенции и пролетаризации высшей школы изучали К. Е. Бейлис, Дж. К. Мак-Келланд, Дж. Варшовский-Лapidус, Д. Лэйн, Н. М. Катунцева, В. Л. Соскин, В. А. Ульяновская, С. А. Федюкин; большевистский «проект» образования изучали Ф. Ф. Королев, Ш. Фицпатрик, Дж. Варшовский-Лapidус, Р. Хайяшида, Ф. Лилже.

До недавнего времени и западные и российские историки уделяли мало внимания учителям, студенчеству, профессуре с точки зрения возможного анализа их субкультур, менталитета дискурсов. Лишь не так давно появились статья Дж. К. Мак-Келланда, П. Конечного, монография Л. Холмса, отчасти решенные в этом ключе. Причины кажущегося запаздывания с исследованиями «духовного мира» субъектов и объектов советской образовательной политики — в сравнительно позднем выделении «новой культурной истории» в рамках истории социальной. Тем не менее, именно под таким углом будет писаться история советского образования в ближайшем будущем: уверенность этому прогнозу придается фундаментальным сдвигом во всей современной славистике.

Так или иначе, даже советская историография, идеологизированная в смысле формального, в 1960–1980-е годы официального марксизма, обсуждала те же дискуссионные сюжеты, что и западная, хотя и на свой манер: степень реалистичности наркомпросовских проектов преобразования школы, незначительность практических эффектов конструктивной деятельности Наркомата, региональные

противоречия (Москва, Петроград, Украина), немецкие теоретические источники многих педагогических новаций, цели и реалии политики пролетаризации высшей школы, причины, масштабы и последствия конфликта педагогов и студенчества с государством.

Пожалуй, единственную попытку написать целостную историю образования в 1917–1921 годах предпринял во второй половине 1950-х годов Ф. Ф. Королев в монографиях «Очерки по истории советской школы и педагогики 1917–1920 гг.» и «Из истории народного образования в Советской России (Низшие и средние профессиональные школы и высшее образование в 1917–1920 гг.)». Типичная для того времени форма мышления автора о своем предмете: в совокупности нужно было представить позитивную картину беспрецедентных революционных изменений в системе образования, давая в деталях весьма осторожные и критичные оценки. Так, по Королеву, попытки Наркомпроса заложить основы политехнического образования не увенчались сколько-нибудь значительным успехом, а в начале 1920-х годов очевидный реванш брали сторонники профессионализации школьного обучения; школы второй ступени во многом напоминали бывшие гимназии; преподавание велось по дореволюционным программам и учебникам; потерпели крах утопические попытки отмены оценок и экзаменов; принципиально отличались в своей политике петроградский и московский отделы народного образования друг от друга и от программных установок А. В. Луначарского и Н. К. Крупской — причем петроградцы были весьма консервативны на словах и на деле, а москвичи с их «трудовыми процессами» ультрареволюционны в проектах, но на практике весьма компромиссны по отношению к учительству. Эксперименты в постреволюционной школе подготавливались дореволюционным педагогическим опытом, например С. Т. Шацкого, и основаны на более менее современных, преимущественно немецких педагогических теориях, вроде иллюстративной школы. Централизаторские устремления Наркомата просвещения с целью собрать все виды учебных заведений под одной крышей постоянно наталкивались на сопротивление экономических ведомств. При этом конфликт Наркомпроса с учителями, профессурой и студенчеством по-прежнему трактовался как политический в узком смысле этого слова — в контексте противостояния большевиков с кадетами и умеренными социалистами.

Большинство вышеприведенных оценок переключалось в советскую историческую литературу 1960-х–1980-х годов практически без изменений. Только в изданной в 1994 году монографии Н. Н. Смирнова «На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 года» читаем прямо противоположное: конфликт учительской общественности с Советами вызван сугубо профессиональными причинами. Со многими оценками советских историков солидаризировались западные исследователи, в частности Ш. Фицпатрик. Разногласие прежде всего отмечалось в оценках идеологической основы педагогических построений А. В. Луначарского и Н. К. Крупской, ибо ритуальной обязанностью советских исследователей было утверждение их сугубо марксистских или, в крайнем случае, российских революционно-демократических истоков. Западные историки акцентировали внимание преимущественно на покушении большевиков на автономию образования, являвшейся фундаментальной ценностью для интеллигенции, и на экономический (финансовый) фон умиротворения. При этом практически не ставили вопрос о корпоративных субкультурах студенчества, профессуры и препо-

давателей средних школ (хотя с последними дело обстоит весьма сложно, поскольку различие между учителем народной школы и преподавателем гимназии почти такое же, как между разночинцем и аристократом), посягательство на которые провоцировало углубление кризиса между большевистским правительством и социальными группами системы образования. Историография 1950-х–1980-х годов, в конечном счете, вращалась вокруг проблемы преемственности и разрыва традиции в структурах и функциях институтов просвещения. При этом очевидно педагогизация советскими исследователями масштабов и глубины разрыва, хотя по конкретным, частным аспектам картины их выводы были прямо противоположны. Англо-американская и французская историография, не будучи связаны границами официальной идеологии, подчеркивали преемственность и на уровне обобщения.

После Февральской революции важнейшими событиями в истории образовательной политики и ее институтов стали воссоздание Всероссийского Учительского союза (ВУС) в апреле и формирование Государственного комитета народного образования (ГКНО) в мае. Первое было особенно значимым, поскольку восстановило не просто запрещенный после Первой русской революции профсоюз, но профессионально-политическое объединение российского учительства. Это отразилось и на послеоктябрьской истории ВУС. Работа ГКНО обстоятельно проанализирована в монографии Н. Н. Смирнова и характерна как пример разработки школьной реформы силами главным образом заинтересованных корпораций, прежде всего представителями ВУС. Впоследствии многие идеи ГКНО использовал Наркомпрос, переосмыслив их в рамках проекта советской цивилизации.

29 октября 1917 года нарком просвещения А. В. Луначарский в обращении «К учащимся» писал: «Пролетариат и крестьянство, победившие в недавней борьбе, зовут учителей ваших как можно скорее начать работу по обновлению все еще заскорузлой нашей школы, вашей школы...» Таким образом, проект обновления школы на началах рационализации (через политехнизацию) и глубокой демократизации («пролетаризации») предопределил политику большевиков в области просвещения. Руководители Наркомпроса не имели определенной программы преобразований до лета — осени 1918 года. Однако известное в партийных кругах увлечение Н. К. Крупской современными педагогическими идеями позволяет говорить о направлении теоретических поисков: это проекты трудовой школы и социальной педагогики в немецкой педагогической мысли рубежа XIX и XX веков, пересмотренные под углом зрения марксизма. Немецкие теоретики (некоторые одновременно учителя) продолжили и развили в проект Просвещения, идеи И. Песталоцци и Ж. Ж. Руссо. В этом смысле большевики выступили наследниками просветительской традиции, и их политехническая школа должна была дать России массовую новоевропейскую личность.

Разделяя общепринятое среди российской либеральной интеллигенции остро-критическое отношение к системе образования царского режима, неприятие свойственной дореволюционной школе элитарности, авторитарной организации и «отрыва от жизни», лидеры Наркомпроса рассматривали институты просвещения как фабрики для производства нового советского человека, самостоятельного, социально активного и в то же время целенаправленно проникнутого коммунистической идеологией. Противоречивость этой двуеди-

ной задачи новой школы предопределила колебания послеоктябрьской образовательной политики. В условиях жестокой централизации эпохи военного коммунизма, ведущие деятели школьной реформы Л. Шапиро и В. Н. Шульгин пропагандировали ненужность общеобязательных программ для средней школы (собственно, так оно и было до 1921 года). Уже 31 мая 1918 года Наркомпрос упразднил балльную систему учета успеваемости, а в октябре того же года утвержденное ВЦИК «Положение о единой трудовой школе» запретило экзамены (ст. 19). Тем самым школу освободили от дифференцированной отчетности по учебному процессу. В то же время Комиссариат просвещения Союза Коммун Северной области циркуляром обязал учителей проводить занятия по изучению основ советской Конституции РСФСР 1918 года. Правда, и в этой части не стоит преувеличивать единообразия и централизации: «компросовские» указания допускали «творческий подход» к преподаванию идеологических предметов. Поэтому целесообразнее говорить о попытке создать школьную советскую общественность.

Государственная идеологическая обработка в условиях России выступала временным суррогатом гражданского общества на советский манер. Школа как «микрокосм социального универсума» (Г. Варшофский-Лapidус), также должна была пройти этот этап. Попытки быстрого формирования новой ученической и учительской общественности в 1917–1920 годах проявлялись по-разному, то как идеал разрушения классно-предметной системы и перехода на систему трудовых процессов и трудовых заданий (московская перспектива, закреплённая в решениях Первого Всероссийского съезда по просвещению и в Декларации Госкомиссии по просвещению «Основные принципы единой трудовой школы»), в итоге которого учителя и ученики составили бы нечто вроде трудового коллектива; то через введение внешкольной общественности в руководящие органы школы (выдвинутый Луначарским в январе 1918 года проект Советов народного образования, где две трети займут «трудящиеся»; выборы представителей партийных коллективов, фабрик, заводов и других учреждений в школьные советы в Петрограде и губернии в 1920 году и т. п.); то через широкое развитие ученического самоуправления (так называемое «хоровое начало», зафиксированное в «Основных принципах...» и реализованное в форме ученических комитетов), введения учащихся в школьные советы, формирования «ученических губисполкомов» (Кострома), создания ученических политических организаций, вроде «Детской коммунистической партии» в 1919–1920 годах и организаций юных коммунистов (юков). Пиком их движения стал Первый Всероссийский съезд учащихся-коммунистов с участием 200 делегатов от 8 тыс. учащихся школ второй ступени из 37 губерний и выступлением В. И. Ленина на одном из заседаний съезда в апреле 1919 года.

Наиболее драматичные последствия имел эксперимент по «изготовлению» новой учительской общественности в рамках Союза Учителей-Интернационалистов (СУИ). Конфликт Наркомпроса с ВУС, ГКНО и региональными учительскими организациями был вызван рядом причин: идеологических (российская либеральная общественность, к которой относились наиболее профессионально и политически активные группы учительства, не приняла Октябрьский переворот), профессионально-корпоративных (указанные группы практически самостоятельно, через ГКНО, готовили школьную реформу и едва ли были готовы уступить кому-либо свою лидирующую роль: будь то в Министерстве на-

родного просвещения Временного правительства или большевистской Госкомиссии по просвещению) и психологических (восприятие большевиков как опасных политических маргиналов, а того же А. В. Луначарского — как раскольника, еще недавно участвовавшего в деятельности ГКНО). Этот конфликт углублялся и разрастался.

Подобно любой новой секте, руководство СУИ проявляло крайний экстремизм по отношению к «материнскому» союзу. В этом смысле лидеров интернационалистов нельзя отождествлять с верхушкой Наркомпроса, особенно с А. В. Луначарским, Н. К. Крупской и их политикой. СУИ искал опору среди наиболее многочисленной и в то же время маргинальной группировки педагогов — учителей народных школ. Наркомпрос, оказывая союзу постоянную поддержку, учитывал и сектантскую узость этой организации и стремился создать более массовый и лояльный большевикам профцентр. Этому, начиная с лета 1918 года, немало примеров: Первый Всероссийский съезд по народному просвещению в августе 1918 года и организация в конце сентября — середине декабря петроградского Союза работников учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений, затем Учредительный съезд Союза работников просвещения и социалистической культуры в июле 1919 года. Роспуск ВУС в декабре 1918 года и компромисс с лидерами СУИ, достигнутый в январе 1919 года, позволил склонить многих учителей, даже бывших активистов ВУС, к сотрудничеству с Наркомпросом и участию в новом профцентре.

В документах двух учительских профсоюзов 1917–1918 годов зафиксировано противостояние «групповых верований». Подчеркнутая аполитичность и сугубо «профессиональный» характер программных задач ВУС, их ярко выраженный «либеральный» пафос резко контрастировали с идеологически заостренными декларациями пробольшевистского тред-юниона, стоявшего «на почве международного движения за социализм».

Ограниченность и связанный с нею реформизм — суть характеристики дискурса либеральных вусовцев. Их проект сохранял организационное, юридическое, педагогическое и идеологическое многообразие дореволюционной школы и даже усиливал его через эмансипацию. Автономия среднего образования мыслилась в контексте возвращения, передачи школы обществу, как ее развод с государством. Вера в автономию тем важнее, что совпадала с реальными социальными интересами учительской корпорации. В дискурсе СУИ центральное положение занимает логика разрыва, его идеологи вещают от имени новой цивилизации. «Скачок в завтра» требует, в том числе, и идеологического насилия. Последнее выразилось в программируемой идеологической обработке школьника, начало чему положило изгнание из числа школьных предметов Закона Божьего. Однако проект СУИ не отвергал плюрализма в рамках этого «завтра» и пропагандировал революционное педагогическое экспериментирование. Утопия лидеров интернационалистов отчасти напоминает пролеткультовскую, что неудивительно, если учесть идейную эволюцию самого А. В. Луначарского. В известном смысле речь шла о новом Просвещении, с учетом критики буржуазного общества (причем еще вопрос, какой критики — традиционной марксистской или модернистской).

В важной историографической дискуссии о регионализме интерпретация этого явления ограничилась констатацией противоречий между региональными элитами. В сфере образовательной политики выделились, по крайней мере, три крупных автономных центра: Москва, Петроград, Украина.

Коротко их региональная специфика можно определить так: Петроград — консерваторы, Москва — ультрарадикалы в программе, прагматики в реальной политике, Украина — хозяйственники. Однако при такой классификации теряется, например, украинская национальная специфика, как, впрочем, и собственно региональный аспект жизни школы в Петрограде и Москве.

Анализируя московский радикализм, необходимо помнить о самой продолжительной антибольшевистской забастовке учителей и о переезде в новую столицу экстремистского крыла Наркомпроса и СУИ весной 1918 года. В Петрограде поиски компромисса начались еще в мае 1918 г. на конференции представителей ассоциации учителей, рабочих и родителей с депутатами Василеостровского районного Совета. Синтез социалистической утопии «единой трудовой школы» с органическими структурами дореволюционной системы образования по-разному совершался в разных районах страны, значительно трансформируя саму утопию. Если в российских столицах эта «химическая реакция» протекала в рамках сохранившихся структур, то на Украине Гражданская война нанесла дореволюционному зданию сокрушительный удар, и только само учительство выступало наследником традиции. Огромное количество детей-сирот в республике благоприятствовало экспериментам с обобществлением воспитания ребенка, с другой стороны вынуждая к ранней профессионализации образования. «Воинственность» украинского Наркомпроса в период дискуссии о политехнической и ранней профессиональной школе во многом объяснялась и наличием мощного ведомственного лобби в Москве. Наконец, важно учитывать и весьма самостоятельную политику украинского правительства Х. Раковского.

Схожи и по существу специфичны темы и проблемы историографической дискуссии о развитии высшей школы в 1917–1921 годах. В центре внимания историков оказались разные аспекты столкновения большевистской политики с автономным университетом. Последнее понятно в свете исследований истории университета дореволюционного: вера в автономию занимала центральное положение в структуре групповых верований профессуры и студенчества, что связано с немецкой ориентацией российской высшей школы. В работах Ш. Х. Чанбарисова, Н. Н. Смирнова, Дж. К. Мак-Клелланда обстоятельно освещены представления большевиков о месте, внутреннем устройстве и функционировании университета в новом обществе и попытки Наркомпроса практически реализовать эти установки. Гораздо менее исследованы последствия этой политики для студенчества и профессуры как особых субкультур.

Идея университета в наркомпросовских проектах весны — лета 1918 года может успешно интерпретироваться лишь сквозь призму проекта «новой цивилизации». По замыслу красных профессоров М. А. Рейснера и М. Н. Покровского, университет как автономное корпоративное учреждение должен был уступить место демократическому «народному» институту, состоящему из двух-трех ассоциаций: научной, учебной и просветительской. Высшим университетским органом управления планировался «народный совет», по сути представлявший некий совокупный общественный интерес как на местном, так и на центральном уровне через представителей от местного Совета и центральных ведомств, а также, что особенно важно, от депутатов общественных организаций. Таким образом, «островок свободной науки» времен старого режима терял смысловую и функциональную нагрузку в условиях пролетарской диктатуры — ступеньки к коммунистической цивилизации.

Враждебность элитарности и корпоративизму, питавшая эту утопию, имела корни как в опыте российских интеллектуалов, так и в духе новоевропейской демократии в целом. Еще К. Маннхейм отмечал, что «демократический идеал знания характеризуется неограниченной доступностью и коммуникабельностью». Этот идеал во многом противоречил установкам, выработанным немецкой классической философией и отчасти повлиявшим на формирование российской «мистики науки» (см. исследование Дж. К. Мак-Клелланда об автократах и академиках). Характерно, что один из профессоров биолог К. А. Тимирязев, настаивавший на сугубо позитивистской интерпретации «научного», вслед за Н. Н. Пироговым весьма подозрительно относился к идее корпоративного профессорского «хозяйничанья» в университете и, будучи глубоким стариком, горячо поддержал большевистские новации.

Однако для большинства профессоров и студентов автономия стала идефиксом в период дискуссий и борьбы с Наркомпросом в 1918–1921 годах. Причем, как показал в свое время Ш. Х. Чанбарисов, политика Луначарского–Покровского сначала также учитывала эту «историческую ценность»: только вмешательство В. И. Ленина привело к изгнанию лозунга автономии из наркомпросовского проекта университетской реформы. Автономия по Покровскому имела мало общего с автономией профессуры и студенчества, скорее, речь шла о чем-то вроде местного самоуправления. Последнее же, по Дж. К. Мак-Клелланду являлось базовым принципом начального периода большевистской политики в сфере образования 1917–1919 годов. Этот курс, в итоге, укладывается в контуры правительственного мышления первых послереволюционных месяцев — с акцентом на рабочий контроль и децентрализацию (что теоретически сформулировал В. И. Ленин в книге «Государство и революция»).

Для понимания природы конфликта между профессурой и студенчеством с одной стороны и большевиками — с другой важно учитывать не только — и, может быть, не столько — идеологические и политические разногласия по вопросу об университетских свободах, но и несовпадения в дискурсах об обществе: в некотором смысле, вопреки мнению Ф. Лилже, позиция В. И. Ленина не порывала с просветительским проектом, а развивала имплицитно заложенный в нем порядок. Л. Энгельштейн пришла к выводу, что сословно-элитарные предпочтения университетских корпораций обнаруживают противоречивость либеральных поисков «современности» в России. Дискурсивная война связана с социальным конфликтом. Старые элиты не были заинтересованы в сдаче власти над высшей школой и отказывались добровольно покинуть сцену.

Не найдя общего языка с профессурой, большевики после провала второго по счету совещания по реформе университета в сентябре 1918 года попытались опереться на студенчество. Советское правительство, как указывает Дж. К. Мак-Клелланд, рассчитывало на радикальную демократизацию социальной структуры студенчества в результате реализации декрета СНК РСФСР от 2 августа 1918 года (написан В. И. Лениным) и вытекающих из него решений Наркомпроса, создававших режим наибольшего благоприятствования рабочей и крестьянской молодежи при поступлении в университет. С другой стороны необходимо учитывать российский миф о студенчестве — «враге внутреннем» старого порядка, о чем напоминал Г. Е. Зиновьеву в 1919 году некий «студент-пролетарий». Решительным шагом большевиков навстречу студентам явилось предоставление в октябре 1918 году публично-правовых функций Советам старост: студенчество приобрело ре-

шающий голос во внутриуниверситетских делах и широкое корпоративное самоуправление. До февраля 1919 года Советы старост распределяли по собственному усмотрению государственные средства, выделенные для удовлетворения нужд универсантов.

Очень скоро выяснилось: Наркомпрос просчитался по обеим позициям. Приток в 1918 году выходцев из низших классов в 1918 году большей частью самоликвидировался из-за отсутствия достаточной подготовки к восприятию университетских курсов и крайне тяжелого материального положения. Что же касается предания о «враге внутреннем», то оно оказалось ближе к истине, чем требовалось для успеха новых властей.

Студенческая субкультура (или субкультуры) как показал П. Конечный, проявила неожиданную гибкость и приспособляемость к различным экспериментам на протяжении куда более длительного промежутка времени, чем три-четыре года. Она оставалась замкнутой на маргинальность, что связано с социально-экономическими условиями существования студенчества, и одновременно на элитарность. Жестокая нужда, пропитавшая атмосферу студенческих будней задолго до революции, стала даже суровее: аудитории и библиотеки часто не отапливались, паек не удовлетворял потребностей организма, нищета и антисанитария отличали быт общежития. Попытки найти выход в коммунальных формах существования, также имевших богатую историческую традицию, как правило, оканчивались провалом. Не претерпел изменений и институт лидерства: так называемые «вечные студенты», которые проводили в университете значительно больше лет, нередко «кочуя» с факультета на факультет и используя академические отпуска, не имели конкурентов в общественных и политических организациях высшей школы. Более того, с наделением Советов старост правом распределять государственные пайки и в целом регулировать экономическую жизнь универсантов, власть их лидеров возросла.

Согласно заведенным порядкам, внутри студенческой элиты функционировали несколько политических фракций: прежде всего кадетской и социалистической (эсеровской и меньшевистской) ориентаций, хотя имелись и относительно немногочисленные большевистские группы — в Петрограде и Москве объединенные в городском масштабе. Однако необходима большая осторожность в партийно-политической оценке той или иной акции студентов. Многие наблюдатели университетской жизни до 1917 года отмечали рост политической апатии, по крайней мере по отношению к деятельности партий.

Необходимо учитывать особенности корпоративной психологии. Напряженность в отношениях студентов первых рабочих факультетов (появились в 1919 году) и учащихся старых факультетов («основников») в немалой степени объясняется конфликтом субкультур. Рабфаковцы на первых порах составили, по сути, в университете третью корпорацию. Рабфак задуман как ответ на неудачу «флирта» большевиков со студенчеством. Те немногие выходцы из низших классов, кто смог остаться в высшей школе после свободного приема 1918 года, быстро абсорбировались доминирующей студенческой субкультурой. Чтобы «новое студенчество» стало фактом, нужно было культивировать и поддерживать групповое самосознание у отдельно взятых его представителей. Так, прагматичное решение Замоскворецкого райкома РКП(б) Москвы в конце 1918 года зачислить в Московское Коммерческое училище группу молодых рабочих местных предприятий для поддержки коммунистической фракции на выборах старостатов института превратилось в

юридически обязательное постановление Наркомпроса от 11 сентября 1919 года об открытии при университетах «автономных учебно-воспитательных учреждений, имеющих целью подготовку в кратчайший срок рабочих и крестьян в высшую школу».

Формирование советской интеллигенции приобрело характер управляемого процесса, подобно тому как советизация промышленности уже в 1918 году получила форму жесткого государственного администрирования, заменившего рабочий контроль. Появление немногочисленных рабфаковцев в 1919–1921 годах мало что изменило в традиционных практиках общественной жизни студенчества, которая продолжалась в привычных формах сходок, старостатов (даже после их формального роспуска решением Наркомпроса от 10 июля 1919 года), землячеств.

Выделение Дж. К. Мак-Клелландом 1920 года как особого этапа политики Наркомпроса и Главного комитета профессионально-технического образования во многом обоснованно. Попытка милитаризации высшей школы вышла тогда на передний план, затронув главным образом медицинские и инженерные специальности. Однако, как признает этот американский историк, поставленные цели не были достигнуты. Позже о провале говорили и руководители Наркомата, например А. В. Луначарский. Новый курс еще меньше сказался на образе жизни студенчества и профессуры. Именно в 1920 году руководитель Петрограда Г. Е. Зиновьев пытался достичь компромисса со студенчеством на антипольской платформе, пользуясь Советско-польской войной. На июньской конференции петроградских студентов он сделал особый акцент на патриотических настроениях и дал несколько политически соблазнительных авансов вроде расширения свободы слова в советских рамках. Одновременно в очередной раз он напомнил о революционных традициях студенчества. Да и сама милитаризация высшей школы (ускоренные выпуски, статус мобилизованных у студентов-медиков и инженеров, военные пайки для тех же категорий учащихся) сначала воспринималась как сугубо временная и вынужденная мера, о чем свидетельствует и отмеченная в статье Дж. К. Мак-Клелланда «деидеологизация» образовательных программ.

Серьезный и глубокий поворот в политике Наркомпроса и в функционировании университетского социума обещали перемены в 1921 году, программа которых была заложена в первом советском уставе университета, принятом СНК РСФСР 2 сентября 1921 года. Этот устав вводил жесткую централизацию управления высшей школой и полное подчинение назначенных сверху правлений институтов Главному управлению профессионально-технических школ и высших учебных заведений (самостоятельной структуре в рамках Наркомпроса с 20 января 1920 года; до 11 февраля 1920 года — Главный комитет по профессионально-техническому образованию). При этом в рамках Совета университета, частично избираемого совещательного органа, власти сохранили канал для обмена мнениями с профессурой и студенчеством. По жесткости государственного контроля «Положение» от 2 сентября 1921 года превосходило даже «реакционный» университетский устав 1884 года. В то же время Правлению принадлежала вся полнота власти внутри высшего учебного заведения. С передачей в 1922 году поста ректора профессуре власти вернули ей административное единоначалие, ранее сильно ограниченное студенческим представительством, под своим верховным надзором. Эти рамки представлялись В. И. Ленину, лично участвовавшему

в определении образовательной политики при переходе к НЭПу, оптимальными для привлечения научной элиты к восстановлению страны и советизации университета. Внутри высшей школы новая линия привела на первых порах к обострению уже назревшего конфликта конкурирующих субкультур (так называемых «старого» и «нового» студенчества) и кратковременной — на рубеже 1921 и 1922 годов — «войне» профессуры с Главпрофобротом за более выгодные условия «контракта».

Характеризуя ситуацию в системе высшего и среднего образования в 1917–1921 годах в целом, отметим стратегическое изменение большевистской политики от утопии спонтанного появления советской общественности учащихся и преподавателей к курсу на централизованное государственное управление, выращивание советской школы и университета. Наряду с этим властям пришлось признать существовавшие и до них стабильные субкультуры институтов просвещения, пойдя в начале НЭПа или даже ранее, как это случилось с учительством, на поиски разумного компромисса, по крайней мере, с «учащими». Проблема всестороннего изучения данных субкультур наиболее актуальна для современной историографии, хотя нельзя считать достаточно разработанным и вопрос о коммунистической дискуссии об образовании.

Литература

- Балашов Е. М.* Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: становление «нового человека». СПб., 2003.
- Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов: Материалы международного научного colloquium. СПб., 2003.
- Иванов А. Е.*: Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917 г. М., 1994; Студенчество России конца XIX — начала XX в.: социально-историческая судьба. М., 1999; Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004.
- Королев Ф. Ф.* Очерки по истории советской школы и педагогики 1917–1920 гг. М., 1958.
- Красовицкая Т. Ю.* Российское образование между реформаторством и революционаризмом: Февраль 1917–1920 г. М., 2002.
- Смирнов Н. Н.* На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. СПб., 1994.
- Чанбарисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы. М., 1988.
- Anweiler O.* Geschichte der Schule und Pädagogik in Russland vom Ende des Zarenreiches bis zum Beginn der Stalin-Ära. Berlin, 1978.
- Bérélowitch W.* La soviétisation de l'école russe (1917–1931). Paris, 1990.
- Fitzpatrick S.* The Commissariat Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, October 1917–1921. Cambridge, 1970.
- Holmes L.* The Kremlin and the Schoolhouse: Reforming Education in Soviet Russia 1917–1931. Bloomington, 1991.

Kelly C. Children's World. Growing up in Russia, 1890–1991. New Haven; London, 2007.

Konecny P. Builders and Deserts: Students, State and Community in Leningrad. Montreal; Kingston, 1999.

McClelland J. Bolsheviks, Professors and the Reform of Higher Education in Soviet Russia, 1917–1921. New Jersey, 1970.

Weiner D.R. Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia . Bloomington, 1988.

Печать и революция

БОРИС КОЛОНИЦКИЙ

Российскую революцию 1917 года совершенно невозможно представить без массовых изданий — газет, листовок, брошюр. Пожалуй, именно в эту эпоху печать играла особую роль в политической борьбе: радио еще не стало средством массовой информации, но телеграф и ротационные машины способствовали быстрому распространению новостей.

Правда, в отдаленные войсковые части и захолустные деревни газеты попадали с большим опозданием. Большая часть населения страны была неграмотной. Однако судьбы революции решались в городах, а уровень грамотности среди военнослужащих и горожан-мужчин (наиболее политизированных групп населения) был значительно выше, чем в среднем по стране.

Важнейшими центрами полиграфической промышленности были Петроград, в котором имелось свыше 300 типографий, и Москва — 250 типографий. Печатники были одной из наиболее организованных групп рабочих: в их профсоюзе, воссозданном после Февральской революции, насчитывалась 81 тыс. членов, в том числе в Петрограде 26 тыс., в Москве — более 16 тыс.

Ко времени революции в России существовало множество изданий самого различного типа. Наиболее популярной ежедневной газетой было московское «Русское слово», либеральное издание И. Д. Сытина. В 1917 году тираж этой газеты колебался от 670 тыс. до 910 тыс. экземпляров. Широко распространены были и массовые издания для простонародья типа петроградской «Газеты-копейки». В 1916 году ее тираж составил от 100 тыс. до 160 тыс. экземпляров, в 1917 году — от 55 тыс. до 120 тыс. экземпляров. Однако в России одна газета приходилась на 64 500 человек, тогда как во Франции — на 5 900, в США — на 4 100 человек.

В дни Февральской революции в Петрограде печатники присоединились к забастовке и отказались возобновлять выход газет без санкции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Реальный контроль над печатью со стороны Совета был важной предпосылкой установления двоевластия. С 27 февраля 1917 года с санкции Совета выходили только информационные «Известия» комитета журналистов, освещавших ранее деятельность Государственной думы. На следующий день в типографии «Копейки», занятой «по праву революции», начали выпускать и «Известия» Петроградского Совета. При этом Совет же не разрешал выпуск «буржуазных» газет впредь до выхода изданий социалистических партий. Представители последних были направлены в различные государственные типографии, где они и наладили выпуск своих газет, используя имевшиеся там запасы бумаги. После этого и прочие газеты получили разрешение на возобновление выпуска. 5 марта стало днем выхода «большой прессы» Петрограда. В тот день вышла и большевистская «Правда», которая печаталась в типографии правительственной газеты «Сельский вестник», тираж газеты колебался от 42 тыс. до 100 тыс. экзем-

пляров. В этой же типографии 7 марта начала печататься и меньшевистская «Рабочая газета», тираж которой составил 25 тыс. — 96 тыс. экземпляров. Социалисты-революционеры печатали свои издания в типографиях Министерства внутренних дел, Сената, Синода и градоначальства Петрограда. Тираж центрального органа партии, газеты «Дело народа», вышедшей с 15 марта, составил 58 тыс. — 78 тыс. экземпляров. 10 марта Исполком Петроградского Совета заявил, что все издания могут выходить без его санкции. Московский же Совет рабочих депутатов подобной «разрешительной» системы не вводил вовсе. И в столицах, и в провинции некоторые правые издания прекратили свое существование. Как правило, это было следствием действий новых властей: 5 марта Исполком Петроградского Совета воспретил выход фактически уже закрытых черносотенных газет «Земщина», «Голос Руси», «Русское знамя». Был прекращен выход и провинциальных правых изданий «Голос Самары», «Русское слово» (Макеевка), «Ростовский листок», «Двуглавый орел» (Киев) и др.

Несмотря на бумажный и типографский кризисы, общую сложную экономическую ситуацию, после Февральской революции появляется множество новых издательств и периодических изданий. Этому способствовало несколько причин.

Уже в своей декларации, опубликованной 3 марта, Временное правительство провозгласило полную свободу печати, затем были разработаны и приняты соответствующие юридические акты. 8 марта была создана особая комиссия по ликвидации цензурного ведомства — Главного управления по делам печати. 15 марта Временное правительство постановило, что ряд материалов подлежал предварительному просмотру военной цензуры. Теоретически это создавало возможность для контроля над печатью, однако на деле это постановление часто не применялось. 27 апреля было принято правительственное постановление «Об учреждениях по делам печати», в нем заявлялось, что печать и торговля произведениями печати свободны, применение к ним административного воздействия не допускается.

Многие Советы и войсковые комитеты, подобно Петроградскому Совету, установили контроль над типографиями ведомств, самоуправлений, монастырей, правых изданий, а также над принадлежащими им запасами бумаги. Это способствовало быстрому развитию социалистической прессы.

Наконец, в условиях массовой политизации населения возник колоссальный спрос на политические издания любого рода. Так, старые брошюры, хранившиеся со времен Первой российской революции, мгновенно разошлись. В этой обстановке и коммерческие издательства, и пропагандистские отделы политических партий стремились расширить свою деятельность.

Среди новых издательств выделяются прежде всего издательства социалистических партий, Советов и комитетов. Так, некоторые Советы создали сравнительно крупные издательства (в Гельсингфорсе, Казани, Москве, Одессе). Больше всего пропагандистской литературы (книги и брошюры) выпустила партия социалистов-революционеров, лишь Центральная издательская комиссия этой партии напечатала 87 названий, их суммарный тираж составил примерно 8,3 млн. экземпляров. Меньшевистская «Рабочая библиотека», соответственно, 33 названия (1,8 млн. экземпляров). Всего в 1917 году только в Петрограде умеренные социалисты издали не менее 500 названий брошюр общим тиражом не менее 27 млн. экземпляров (здесь и далее учитывались при подсчетах только издания на русском языке). Суммарный тираж их столичной прессы в июне составлял почти 700 тыс. экземпляров, осенью 550 тыс. — 580 тыс. экземпляров.

«Прибой», центральное издательство большевиков, выпустил примерно 50 названий (суммарный тираж около 1 млн. экземпляров). В июне большевики располагали в Петрограде двумя газетами, их тираж колебался от 90 тыс. до 175 тыс. экземпляров в день. В октябре у большевиков в Петрограде было четыре газеты, их суммарный тираж не превышал 200 тыс. экземпляров в день.

В то же время расширяется и издательская деятельность либералов, пытавшихся наладить выпуск изданий для массового читателя. Так, в Петрограде конституционные демократы создают новые газеты — «Свободный народ», «Земля». В столице и в провинции кадеты приобретают типографии. Главное издательство кадетов выпустило 54 брошюры, их суммарный тираж составил 3,2 млн. экземпляров. Временный комитет Государственной думы создает крупное издательство «Освобожденная Россия» (28 брошюр, суммарный тираж 5,2 млн. экземпляров). В нем сотрудничали либералы и умеренные социалисты-оборонцы. Меньшее издательство аналогичной политической ориентации было создано Центральным военно-промышленным комитетом. Комитет военно-технической помощи выпускал листовки, позднее на основе этой организации был создан Центральный комитет социально-политического просвещения. Первоначально «буржуазные» (либеральные и консервативные) издательства выпускали значительно больше книг и брошюр, чем издательства социалистов. Однако к осени 1917 года они стали сокращать их выпуск. Тому были политические причины: стало ясно, что этот вид пропаганды не был особенно эффективным. Тем не менее, за этот год «буржуазные» издательства выпустили только в Петрограде более 250 брошюр общим тиражом 11 млн. экземпляров. «Буржуазная» печать вплоть до Октября продолжала доминировать в столице: в июне ее общий тираж составил 1,6 млн. экземпляров, а в октябре — 1,4 млн. экземпляров.

После Февраля партии правее кадетов практически потеряли свое влияние, в этой ситуации некоторые газеты выполняли роль центров политической организации сил в этой части политического спектра. При участии газеты «Русская воля» был создан «Республиканский союз». «Маленькая газета» А. А. Суворина пользовалась огромной популярностью у городских низов Петрограда. Политическая линия газеты определялась сочетанием шовинизма и социальной демагогии — она именовала себя органом «беспартийных социалистов». Правая Военная лига установила связи с этим изданием. И «Республиканский центр», и Военная лига были связаны с окружением генерала Л. Г. Корнилова. Газета В. В. Шульгина «Киевлянин» продолжала действовать как центр сплочения русских националистов на Украине.

Россия стала полем грандиозных пропагандистских баталий эпохи Первой мировой войны. Германия и ее союзники наводняли окопы русской армии своими листовками, пытаясь способствовать развалу вооруженных сил противника. Они использовали и газеты, которые еще раньше выпускались для российских военнопленных: берлинский «Русский вестник» и венскую «Неделю». Затем они приступили и к выпуску газет, специально предназначенных для русских солдат-фронтовиков, таких как газета «Товарищ», выходившая в Вильно. Газеты и листовки разбрасывали с самолетов, распространяли с помощью воздушных шаров и специальных мин и снарядов. Потом их передавали из рук в руки во время братания.

Русское командование и комитеты разного уровня пытались вести контрпропаганду. Свои действия предприняли и союзники России. Они слали пропаган-

дистскую литературу, создавали новые пропагандистские структуры и поддерживали дружественные российские организации. Так, с помощью английских и французских миссий было создано петроградское издательство «Демократическая Россия», крупнейший в то время издательский центр по выпуску листовок. Осенью 1917 года американский Красный Крест предоставил крупные субсидии правым эсерам, сторонникам А. Ф. Керенского, группировавшимся вокруг газеты «Воля народа».

Разумеется, свобода печати не была полной. Почтовые чиновники и армейское командование затрудняли распространение социалистической печати. Но уже и на этом этапе угроза свободе печати исходила и слева. Во время политических кризисов обострялся вопрос о контроле над полиграфическими предприятиями. В Петрограде в июне и июле анархисты пытались захватить прекрасные типографии «Русской воли» и «Нового времени». А Советы и комитеты подвергали цензуре печать своих политических противников. Собрание редакторов ежедневных газет жаловалось, что с первых дней революции Советы оказались не в состоянии понять значение свободы печати. Такого рода деятельность беспокоила Временное правительство, и уже 28 марта оно резко осудило их. Однако в марте, апреле и, особенно, в мае попытки затруднить публикацию и распространение консервативных и либеральных газет предпринимались Советами Казани, Одессы, Николаева, Рыбинска, Нижнего Новгорода, Харькова, Могилева, Сухуми, Кунгура.

Всплеск активности такого рода был связан с обострением политической ситуации. Апрельскому кризису предшествовала кампания правой, консервативной и либеральной прессы, направленная против большевиков, затем против промышленных рабочих и, наконец, против Советов, в которых тогда доминировали меньшевики и эсеры. В ответ на собраниях и митингах принималось множество резолюций, осуждающих «буржуазную» печать, а порой и призывающих к ее бойкоту. Чаще всего это были резолюции коллективов рабочих, но радикальные резолюции принимали некоторые Советы и комитеты, порой же они переходили и к делу. Однако издания, закрытые в то время Советами, как правило, возобновляли вскоре свой выход.

В то же время некоторые Советы применяли репрессии и в отношении большевистской печати. Военная секция Екатеринодарского гарнизона 10 мая постановила закрыть «Прикубанскую правду» и арестовать издателей (газета затем возобновила выход). Некоторые Советы ограничивали распространение большевистской литературы.

Июльский кризис привел к ограничению свободы печати на правительственном уровне. Отряд правительственных войск 5 июля занял редакцию большевистской «Правды», а на следующий день была разгромлена большевистская типография и контора партийного издательства «Прибой». Выпуск «Правды» и «Солдатской правды» был прекращен властями, закрыты были и некоторые провинциальные большевистские издания. Сами большевики в сентябре подсчитали, что было закрыто 17 изданий партии. Однако большинство газет возобновило выход под другими названиями.

Законы, регулирующие выход печати, были также изменены. 7 июля военный министр запретил распространение «Правды», «Солдатской правды» и «Окопной правды» среди военнослужащих. Временное правительство 13 июля предоставило военному министру и министру внутренних дел право закрывать газеты и журналы, привлекать к суду их редакторов. Было предложено ужесточить военную цен-

зуру, Б. В. Савинков, заместитель военного министра, подписал соответствующее распоряжение. В этих условиях власти порой пытались закрыть не только большевистские газеты, но и некоторые издания меньшевиков и эсеров. Но и эти «закрытые» издания быстро возобновляли свой выход. Закрытая 2 сентября газета социал-демократов-интернационалистов «Новая жизнь» спустя несколько дней вышла под заголовком «Свободная жизнь», а еще через несколько дней и запрет был снят.

Контроль Советов над печатью был одним из ярчайших проявлений двоевластия. Но и после Июльских событий ряд Советов наносил удары по враждебной печати. В Петрограде под давлением Советов закрыли правозэкстремистскую «Маленькую газету» (через некоторое время возобновилась под названием «Народная газета»). Совет Кронштадта закрыл газету «Кронштадт» (орган местного самоуправления). В Царицыне была закрыта газета «Республиканец», которую лидеры местного Совета сочли «явно контрреволюционной». Эти факты свидетельствуют о том, что и в это время на местах многие Советы продолжали действовать как органы власти.

Конфликт генерала Л. Г. Корнилова с Временным правительством привел к усилению и ужесточению контроля Советов над печатью. Всплеск политической активности в дни мятежа проявился и в появлении множества резолюций, требующих закрытия контрреволюционной («корниловской») прессы. Призывы осуществить подобную меру часто адресовались Советам различного уровня. Подобные резолюции принимали и Советы Гельсингфорса, Иваново-Вознесенска, Владимира, Кинешмы, Саратова, Тулы, других городов и поселков. Во многих населенных пунктах Советами (либо при активном их участии) были созданы чрезвычайные органы власти (революционные комитеты, комитеты защиты революции, революционные штабы и др.). Подчас им специально предписывали следить за печатью, предоставляли право закрывать и конфисковывать «буржуазные» газеты. В Петрограде Комитет народной борьбы с контрреволюцией предложил печатникам внимательно относиться к набираемым текстам и при появлении подозрений немедленно информировать Комитет. На заседании Петроградского Совета 31 августа указывали, что Комитет закрыл четыре газеты. Одновременно и Политическое управление Военного министерства сообщило, что закрытие газет «Слово», «Новое время» и «Новая Русь» было произведено распоряжением военного генерал-губернатора, а не Комитета народной борьбы с контрреволюцией. Когда 6 сентября вместо закрытой газеты «Живое слово» вышло «Новое слово», Комитет обратился к союзу печатников, и наборщики отказались выпускать второй номер. Контрреволюционные (по мнению Советов и ревкомов) газеты закрывали и в Бежецке, Борисоглебске, Владивостоке, Жиздре, Киеве, Коврове, Козлове, Нижнем Новгороде, Одессе, Острогжске, Сызрани, других городах. В некоторых городах (Ростов-на-Дону, Ялта) конфисковывали отдельные номера местных газет, в других (Гомель, Одесса) — определенные выпуски газет иногородних. Цензура газет вводилась Советами и Комитетами в Витебске, Гомеле, Екатеринославе, Житомире, Казани, Киеве, Моршанске, Одессе, Полтаве, Ростове, Рыбинске, Тамбове, Царицыне, в других городах и поселках. В ряде случаев устанавливался полный контроль над типографиями, то есть цензуре подвергалась вся печатная продукция. Иногда в это время цензура распространялась и на заведомо антикорниловскую печать. Нередки случаи, когда контроль устанавливали на телеграфе — цензуре подвергали газетные телеграммы. Протесты против цензуры

телеграмм Петроградского телеграфного агентства на местах поступали из Екатеринослава, Новочеркасска, Полоцка, Тамбова, Харькова, других городов.

Иногда подавление враждебной печати перерастало рамки борьбы с мятежом. Постановлением Совета Выборгской стороны (Петроград) от 1 сентября предписывалось не допускать торговли несоциалистическими газетами на территории этого района. У газетчиков, нарушивших данное постановление, издания конфисковывались милицией и рабочими, купить их было практически невозможно. Аналогичные меры проводились и в других рабочих районах Петрограда. Однако Междурайонное совещание Советов признало постановление Выборгского Совета незаконным и предложило отменить его. С 6 сентября продажа всех газет возобновилась в рабочих кварталах столицы. Подобные удары по враждебной печати с помощью чрезвычайных органов власти представляли собой репетицию тех мероприятий, которые последовали после Октября.

После подавления выступления Корнилова контроль Советов над печатью ослаб, многие Советы и Комитеты официально объявляли об отмене цензуры. Но ослабление контроля не означало простого возвращения к ситуации кануна мятежа: многие Советы продолжали существенно ограничивать свободу печати. Газеты политических противников закрывались Советами Бугуруслана и Самары. Кое-где вновь вводилась и предварительная цензура. В то же время значительно усиливается контроль полиграфистов над содержанием выпускаемых газет, порой печатники отказывались печатать материалы, в которых содержалась критика социалистов. Но наиболее ярким проявлением контроля Советов над печатью в эти дни было ограничение продажи газет и доставки их подписчикам. После подавления мятежа Корнилова Советы Воронежа, Екатеринодара, Кинешмы, Коврова, Кыштыма, других городов и районов принимали резолюции, требующие закрытия «контрреволюционной», а то и всей «буржуазной» печати. И подобные требования, и перечисленные выше акции были проявлением большевизации Советов. Однако подавления враждебной печати требовали в это время и некоторые Советы, контролировавшиеся меньшевиками и эсерами. Это было следствием той поляризации общества, той конфронтации, которая была вызвана мятежом Корнилова. В атмосфере тех дней противник заведомо объявлялся «вне закона», принцип свободы печати не распространялся на враждебную печать. Некоторые коллективы, только что требовавшие восстановления свободы печати (речь шла о прекращении репрессий против левой прессы), призывали немедленно запретить контрреволюционную печать. Иногда эти требования встречаются в одной резолюции.

Временное правительство и его представители также выступали против правых изданий, критиковавших А. Ф. Керенского. С августа по октябрь в Петрограде закрывались сменявшие друг друга газеты А. А. Суворина («Народная газета», «Русь», «Новая Русь»), «Живое слово» («Слово»), «Новое время», «Общее дело» («Всеобщее дело»). Подобно левым изданиям они возобновляли выход под другими названиями.

К осени 1917 года былой интерес к политическим брошюрам уступил место безразличию. Многие книжные магазины и склады были переполнены изданиями, которые никто не хотел покупать, и даже брошюры, распространявшиеся бесплатно, не были востребованы. Это было проявлением нарастания общей апатии, которая была важным аспектом политической ситуации кануна Октября.

Готовясь к своему выступлению, большевики много внимания уделяли контролю над информацией. Соответственно, во время захвата власти и Петроградское

телеграфное агентство, и некоторые редакции и типографии были заняты вооруженными отрядами. Некоторые полиграфические предприятия с запасами бумаги были переданы организациям большевиков и их союзников. 26 октября Петроградский Военно-революционный комитет принял резолюцию о закрытии ряда газет. В Москве были закрыты «Русское слово», «Русские ведомости» и «Утро России». Захват власти в других городах сопровождался аналогичными мерами. В октябрь-ноябре большевики и их союзники закрыли ряд изданий в Бугуруслане, Гельсингфорсе, Екатеринбурге, Кунгуре, Нижнем Новгороде, Ревеле, Самаре, Сызрани и др. Вводилась и предварительная цензура, кое-где конфисковывались типографии и запасы бумаги. К концу 1917 года реквизировали 30 типографий, к июлю 1918 года их число достигло 70, а к концу года — 90. Закрытие оппозиционных изданий и конфискацию типографий проводила и Украинская Центральная Рада.

Декрет СНК о печати от 27 октября 1917 года создал новые условия для борьбы с оппозиционной печатью. 4 ноября декрет обсуждался на заседании ВЦИК. Декрет был одобрен, но его принятие усугубило кризис в большевистском руководстве. Ряд видных большевиков в знак протеста оставили свои посты, против декрета выступили и левые эсеры, союзники большевиков.

Однако давление на оппозиционную печать усиливалось. 7 декабря вводилась государственная монополия на публикацию рекламных объявлений, это должно было подорвать финансовую независимость оппозиционной печати. Для обеспечения правительственного контроля над прессой создавались специальные комиссариаты, а в конце 1917 года создали особый Революционный трибунал печати, его первая сессия состоялась в январе 1918 года. В мае его слили с общей системой революционных трибуналов. В борьбу с оппозиционной печатью включались и другие органы — Советы, ревкомы, ВЧК. По подсчетам А. З. Огорокова, с октября по декабрь 1917 года большевики закрыли 122 газеты, с января по март 1918 года — 216, с апреля по июль — 234.

Репрессивная политика большевиков в отношении печати их оппонентов находилась в центре политической борьбы. Многие видные деятели русской культуры выразили протест. Протестовало и немало печатников, где большим влиянием пользовались меньшевики. Они получили большинство на Всероссийской конференции печатников в декабре 1917 года. У типографских рабочих были и экономические причины протестовать против закрытия газет и журналов — потеря заработка, порой и работы.

Репрессивная политика большевиков отличалась в разных местах. В некоторых случаях она считалась краткосрочной и временной мерой. В Москве, например, она значительно ужесточилась после того, как туда было переведено правительство.

Первоначально репрессивные меры большевиков были не эффективнее действий Временного правительства. Газеты, закрытые «навечно», выходили под другим названием. Но конфискации типографий в сочетании с ужесточением общей репрессивной политики привели к действительному закрытию многих газет. А после выступления левых эсеров в июле 1918 года оппозиционная пресса на территориях, контролируемых большевиками, фактически прекратила свое существование, хотя время от времени предпринимались попытки возобновить отдельные издания.

С октября 1917 года начала оформляться система партийно-государственной пропаганды, которая стала играть важную роль в новой системе власти. Захват

больших, современных полиграфических предприятий привел к расширению партийной пропаганды. Большевизация Советов повлекла за собой и большевизацию их пропагандистских структур. Издательство ВЦИК стало крупнейшим производителем политической литературы, в 1918 году оно выпустило 168 книг общим тиражом 18 млн. экз. Показательно, что первой опубликовали биографию Ленина.

Литература

- Журавлев В. А.* Без веры, царя и отечества: Российская периодическая печать и армия в марте–октябре 1917 года. СПб., 1999.
- Кельнер В. Е.* Из истории общественно-политической книги в России в 1917 г. // В. И. Ленин и проблемы изучения книжного дела в России второй половины XIX — начала XX в.: Сб. научных трудов. Л., 1979.
- Колоницкий Б. И.* Советы и контроль над печатью (март–октябрь 1917 г.) // Рабочие и российское общество (вторая половина XIX–начало XX века). СПб., 1994.
- Окороков А. З.* Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970.
- Периодическая печать в России в 1917 году: Библиографический указатель: В 3-х ч. Л., 1987.
- Посадсков А. Л.* Сибирская книга и революция, 1917–1918. Новосибирск, 1977.
- Brooks J.* Thank you, Comrade Stalin!: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2000
- Kenez P.* The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge, 1985.
- Pethybridge R. W.* The Spread of the Russian Revolution: Essays on 1917. New York., 1972.

Православная Российская Церковь

МИХАИЛ ШКАРОВСКИЙ

Революционные потрясения 1917 года Православная Российская Церковь (официальное название до начала 1940-х годов) встретила в состоянии глубокого внутреннего кризиса. Внешне она представляла внушительную силу: 115–125 млн. православных верующих (около 70% населения), около 120 тыс. священников, дьяконов и церковнослужителей, 130 архиереев, 78 тыс. храмов, 1 253 монастыря и скита, 57 духовных семинарий и духовные академии. Однако авторитет и влияние этой мощной организации оказались значительно подорваны.

Кризис Православной Российской Церкви нарастал постепенно на протяжении двух столетий. Отмена в начале XVIII веке Патриаршества, введение синодальной системы с подчинением государственному аппарату лишили Православную Российскую Церковь самостоятельного голоса в обществе, уподобили приходского священника полицейскому чиновнику, который присягал служить властям и доносил о политических настроениях своей паствы. Государство открыто вмешивалось даже в вероучительные, богословские дискуссии. Бюрократизация духовенства роняла его авторитет. Являясь господствующей, Православная Российская Церковь разделяла с самодержавием ответственность за его политику и социальные несправедливости, творимые государственным аппаратом. В результате, с конца XIX века российское общество заметно охладело к ценностям православной веры и пала значимость церковной организации среди других общественных институтов. От интеллигенции антиклерикальные настроения проникали в народ. В Революцию 1905–1907 годов совершались изгнания и даже убийства священников, погромы их домов.

С 1905 года основная часть духовенства, включая епископат, проявляла недовольство политикой Святейшего Синода и синодальной системой, появились признаки обновления, стремления к церковным реформам, возникли приходские братства, религиозно-нравственные кружки и общества, выходили православные журналы, возрождалось проповедничество и т. д. Из-за противодействия самодержавия Православной Российской Церкви не удавалось обрести желаемую самостоятельность, созвать Поместный Собор. Засилье в годы Первой мировой войны в Святейшем Синоде ставленников Распутина, определявших церковную политику, вызывало нарастание антиклерикальных настроений. Кризис Церкви, ее зависимость от государства, падение духовного авторитета мешали ей стать нравственным барьером на пути экстремистских методов политической борьбы.

Февральская революция сопровождалась рядом антицерковных акций вплоть до арестов архиереев по указанию местных Советов. В то же время она стала и «религиозной революцией», уникальной в истории Православия. В марте-апреле 1917 года по инициативе чрезвычайных епархиальных съездов духовенства и мирян Святейший Синод сместил с кафедр более 10 скомпрометированных архиереев. Из-

бранные епархиальные советы значительно ограничились епископскую власть. Вводился выборный порядок замещения всех духовных должностей, коллегиально-представительное начало церковного управления, демократизировалась приходская жизнь. Все эти изменения стихийно шли в направлении, намеченном еще проектами церковных реформ 1905–1907 годов.

Кризис самодержавия пробудил у епископата надежды на изменение отношений Православной Российской Церкви и государства. Члены Святейшего Синода отказались 26 февраля 1917 года обратиться с воззванием к народу о поддержке монархии, 6 марта Святейший Синод опубликовал послание с призывом поддержать Временное правительство. Оно назначило новым обер-прокурором активного борца с распутинщиной в Государственной думе, давнего сторонника церковных реформ В. Н. Львова. На фоне развертывавшихся преобразований старый состав Святейшего Синода выглядел анахронизмом. Он отказывался санкционировать перемены в епархиальной и приходской деятельности. В середине апреля по инициативе В. Н. Львова правительство обновило состав Святейшего Синода. Были назначены новые иерархи, в основном либеральные.

К июлю Святейший Синод утвердил право епархиальных съездов выбирать епископов, наделил приход статусом самоуправляющейся основной демократической единицы Церкви с широкой активизацией мирян, учредил Предсоборный совет по подготовке Поместного Собора. В ряде епархий впервые в истории Русского Православия прошли свободные выборы архиереев, включая митрополитов Московского и Петроградского.

К 1917 года православное духовенство отличалось значительным социальным расслоением и разнообразием политических симпатий. В ряде храмов продолжали почитать императора Николая II. С другой стороны, некоторые священники состояли в социалистических партиях. 7 марта 1917 года в Петрограде был основан Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян, наиболее активная из левых группировок. При содействии В. Н. Львова этот Союз начал контролировать главный печатный орган Святейшего Синода «Всероссийский Церковно-общественный вестник». Союз требовал широких внутрицерковных реформ и, выставив лозунг «Христианство на стороне труда, а не на стороне насилия и эксплуатации», сблизился с социалистами. Такие радикальные группировки являлись лишь небольшим крайним течением. Основная масса духовенства оставалась аполитичной и, выступая за демократические преобразования в церковной структуре, не разделяла программных требований социалистических партий об отделении Церкви от государства.

На Всероссийском съезде духовенства и мирян 1–10 июня 1917 года в Москве были сформулированы требования и предложения по основным пунктам реформы для будущего Собора. Съезд в социальной декларации приветствовал революцию, но высказал пожелание, чтобы Церковь по-прежнему получала правовую и материальную поддержку государства, Закон Божий оставался обязательным для изучения, и Православная Церковь продолжала руководить народными школами.

В результате вскоре произошел конфликт с правительством. Святейший Синод выразил протест по поводу постановления от 20 июня о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения. Аналогичное столкновение произошло из-за подготовки к исключению Закона Божия из числа обязательных предметов. Временное правительство своими постановлениями «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (20 марта) и «О свободе

совести» (14 июля) много сделало для утверждения подлинной свободы вероисповеданий, признало за религией колоссальную роль в духовно-нравственной сфере жизни людей. В то же время, Православная Российская Церковь обрела определенную фактическую самостоятельность, но без юридической свободы, и ее верховной властью осталось Временное правительство. В его состав входил обер-прокурор Святейшего Синода. 5 августа его сменил министр исповеданий А. В. Карташев с прежними правами и обязанностями. Перед самым открытием Всероссийского Поместного Собора было принято постановление о том, что выработанный на нем законопроект о новом порядке самоуправления Православной Российской Церкви подлежит обязательному утверждению правительством.

15 августа в Москве открылся Всероссийский Поместный Собор. Ряд его решений и постановка самих вопросов во многом опережали весь христианский мир. Выборы членов Поместного Собора были свободными и тайными. Впервые на уровне приходов в них участвовали женщины. Из 564 депутатов более половины — 299 составили миряне. На ходе первых заседаний сказались разногласия их участников, особенно серьезные в вопросе возрождения патриаршества. Еще в Предсоборном совете большинство во главе с архиепископом Сергием (Страгородским) отвергло эту идею, а левое крыло Поместного Собора предлагало вместо Патриаршества ввести демократически-коллегияльную систему управления с равенством голоса для приходского духовенства и архиереев. Настроение менялось с октября 1917 года. Все более ощущалось, что разгулу антирелигиозных сил подавляющим большинством голосов Собор решил восстановить должность перво-святытеля. 5 ноября Патриархом Православной Российской Церкви избрали митрополита Московского Тихона (Беллавина). Согласно уставу при Патриархе учреждались Святейший Синод из архиереев и Высший Церковный Совет с выборным представительством белого духовенства и мирян. Учитывая политическое положение в стране, Поместный Собор 25 января 1918 года принял беспрецедентное постановление: предложил Патриарху на случай своей болезни, смерти и т. п. назначить нескольких блюстителей патриаршего престола. Их имена держались в тайне.

Всего с 15 (28) августа 1917 года по 7 (20) сентября 1918 года состоялись три сессии Всероссийского Поместного Собора. Противодействие большевистских властей вынудило Собор, не завершив работу, её прекратить. Поместный Собор принял определения об активизации женщин в церковной жизни, о братствах ученых монахов, о проповедничестве, уставы новой соборной структуры Церкви, основанные на началах широкой инициативы и выборности — от Патриарха до самоуправляющихся приходов, окончательно узаконив большую часть преобразований церковной революции 1917 года. Без этого обновления русскому Православию было бы значительно сложнее пережить агрессию атеистического государства. Продлись Поместный Собор в 1919 году, Православная Российская Церковь несомненно продвинулась бы дальше по пути реформ и обрела больше черт живого, динамичного организма.

Трагический конфликт Православной Российской Церкви с властью большевиков завязался с первых дней Октябрьской революции. Патриарха избирали в дни, когда храмы Московского Кремля серьезно пострадали в ходе ожесточенных боев с применением артиллерии при штурме большевиками Кремля. Основная вина за ухудшение отношений с Патриархией лежала на ленинском Совете Народных Ко-

миссаров, чьи мероприятия основывались на двух предпосылках: мировоззренческой несовместимости учения марксизма с религиозной верой и отношением к Церкви как союзнице царизма и эксплуататорского строя. Поэтому религиозные организации усиленно вытесняли из политической, экономической, культурной жизни России. Антиклерикальная направленность деятельности СНК имела и объективную основу. Народное движение после Октябрьской революции отчасти было реакцией на казенные национализм и религию и поэтому принимало универсалистский и антинациональный характер. В это русло укладывались гонения на Православие, национальную культуру, отказ от старого быта и уклада.

С другой стороны, большинство иерархов и клира неприязненно или враждебно встретили приход большевиков вооруженным путем к руководству страны. Однако Православная Церковь не встала на сторону какой-либо из противоборствующих сил и выступала за прекращение партийных и социальных раздоров, разгоравшейся братоубийственной войны. В дни боев в Москве Поместный Собор 2 ноября призвал сражающиеся стороны остановить кровопролитие и не допустить расправы с побежденными. 11 ноября он принял решение об отпевании всех погибших и обращении к победителям, призывая не осквернять себя пролитием братской крови. Этой линии Православная Российская Церковь придерживалась и в последующие годы.

Уже первые постановления советской власти непосредственно затронули большинство сфер жизнедеятельности Православной Российской Церкви. Так, Декрет о земле II Всероссийского съезда Советов и основанный на нем Декрет о земельных комитетах от 4 декабря 1917 года касались наделов земли храмов и монастырей. Национализация частных банков повлекла утрату хранившихся там вкладов духовенства. В декабре были приняты декреты о передаче всего дела образования, включая богословские учебные заведения, в ведение Наркомпроса, а регистрации актов рождения, брака и смерти в исключительное ведение государственных организаций.

2 декабря 1917 года Поместный Собор, не теряя надежды на урегулирование церковно-государственных отношений, принял «Определение о правовом положении Православной Российской Церкви». В нем констатировалась «независимость Церкви от государственной власти», но за Православием сохранялось «первенствующее среди других исповеданий» положение, перечислялись многие прежние права и привилегии. В создавшихся условиях это «Определение» было невыполнимо.

В конце декабря 1917 года — январе 1918 года по России прокатилась волна антирелигиозных акций, предвосхищая готовящийся закон об отделении Церкви от государства. Были закрыты дворцовые и некоторые домовые храмы, реквизирована Синодальная типография. Власти Петрограда попытались силой отнять жилые помещения Александро-Невской лавры. 19 января 1918 года в лавре произошло столкновение красногвардейцев с верующими. Несмотря на жертвы, верующие лавру отстояли. По распоряжению митрополита Петроградского Вениамина 21 января состоялся общегородской крестный ход в защиту Церкви с участием полумиллиона верующих. В воззвании от 19 января Патриарх Тихон предал анафеме врагов истины Христовой, которые кровопролитием, братской междоусобицей по всей стране выполняют «дело сатаны». Большевики восприняли это воззвание как контрреволюционное.

20 января принят и 23 января опубликован Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который заложил основы бесправия Церкви.

Декрет содержал ряд демократических положений, например, о свободном исповедании любой религии, однако запретил религиозным обществам владеть собственностью, лишил их прав юридического лица и объявил национализацию всего церковного имущества. У духовенства и верующих это вызвало болезненную реакцию. 27 января Собор утвердил воззвание «К православному народу», призывая мирян объединиться под церковными знаменами для защиты святынь. В городах прошли многолюдные крестные ходы. Некоторые крестные ходы были расстреляны. В общественных местах устраивали богослужения в поддержку Патриархии, в адрес СНК отправляли коллективные петиции.

Начался массовый религиозный подъем. В 1918 году к Православной Российской Церкви, гонимой, а не господствующей, пришли тысячи новообращенных, включая видных представителей интеллигенции. Распространению религиозности способствовали и бедствия Гражданской войны. В церковной ограде вспыхнула подлинная духовность, усилилась забота о нравственности. В Петрограде, а затем по всей России создаются массовые организации — союзы, братства, мирянские комитеты и т. д. Возник Всероссийский союз объединенных приходов Православной Церкви.

Быстро и относительно безболезненно осуществить декрет СНК мешало, прежде всего, недовольство многомиллионного крестьянства. Оно поддержало экспроприацию церковно-монастырской собственности, но выступило как против введения гражданской метрикации, лишения приходов имущественных прав, устранения из школ преподавания Закона Божия, так и против «обмирщения» традиционного уклада жизни, ломки «незыблемых устоев» жизни по вере в российской деревне. Проведению декрета мешали различное понимание и толкование его норм, отсутствие подготовленных работников, непоследовательность местных властей.

18 марта 1918 года Патриарх Тихон написал единственное воззвание открыто политического характера осудившее Брестский мир. Примерно тогда же Патриарх Тихон отказался благословить Белое движение. 27 марта в СНК пришла соборная делегация выразить несогласие с январским декретом и ей дали понять, что этот декрет может быть дополнен новым, более либеральным. Возникла основа для компромисса. Управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич обещал привлечь священнослужителей к работе над законом о культах, но свое обещание не выполнил.

После срыва переговоров, с мая — июня 1918 года антицерковные мероприятия резко активизировались. 8 мая в Наркомате юстиции (Наркомюсте) создали VIII (позднее V) отдел по проведению в жизнь декрета «Об отделении Церкви от государства» во главе с П. А. Красиковым. Вскоре возникла система его местных органов при губисполкомах. 10 июля V Всероссийский съезд Советов принял Конституцию РСФСР, которая ограничила политические права служителей культа. В ответ на определение Поместного Собора «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь», наметившее некоторые защитные действия, СНК 30 июля принял постановление «О набатном звоне»: виновники созыва населения набатом подлежали суду трибунала. 24 августа, наконец, появилась инструкция Наркомата юстиции о порядке проведения в жизнь прежнего декрета, разяснявшая многие спорные аспекты положения Православной Российской Церкви. Она ужесточила позицию властей. На реализацию отвели двухмесячный срок, явно недостаточный. Осуществление декрета затянулось на несколько лет, во многих губерниях до 1921 года.

В ходе «красного террора» власти расстреляли сотни священников, монахов, архиереев, в сентябре 1918 года разогнали братства приходских советов, закрыли большинство церковных органов печати. Октябрьский переворот прекратил процесс возрождения Православной Российской Церкви и постепенно ликвидировал демократические преобразования в ее жизни, дискредитировал саму идею реформаторства путем внедрения в 1920-е годы «обновленчества», став, по сути, своеобразной религиозной контрреволюцией. Основной идеолог церковных преобразований, либеральная церковная интеллигенция, переходила на все более консервативные позиции. Ярво выраженная антирелигиозная деятельность СНК, тяжелейшие удары по Православной Российской Церкви уже в первый год советской власти обрекали на неудачу миротворческую миссию Патриархии. Антицерковные акции сильнейшим образом отразились на сознании всех основных социальных слоев России и способствовали ужесточению Гражданской войны.

В ответ на гонения, в своем самом резком послании СНК от 26 октября 1918 года Патриарх Тихон писал: «Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы, ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. <...> И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции». Через месяц, 24 ноября, Патриарха Тихона впервые подвергли домашнему аресту.

Разрастание Гражданской войны сопровождалось ужесточением антирелигиозной политики РКП(б). Расчет строился на полное и скорое отмирание веры и Церкви. Считалось, что их поможет достаточно быстро преодолеть система «целенаправленного воспитания» и «революционного воздействия», в том числе насильственного. Позднее в советской атеистической литературе этот этап борьбы с Церковью получил название «период бури и натиска». Принятая на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года Программа партии ставила задачу тотального наступления на религию, говорила о грядущем «полном отмирании религиозных предрассудков».

Для достижения этой цели власти вводили новые ограничения. 3 апреля 1919 года Наркомюст установил, что добровольные денежные сборы верующих допустимы «лишь на нужды определенного храма» (в то время требование явно неосуществимое). Тяжелым ударом по Православной Российской Церкви стало полное запрещение в начале 1919 года преподавания всех вероисповеданий для детей до 18 лет. Существование монастырей допускалось лишь при условии их преобразования в трудовые артели и коммуны. В конце 1918 года началось закрытие обителей. К 1921 году власти национализировали 722 монастырских комплекса, т. е. более их половины. С лета 1918 года власти вели оскорбительную для верующих широкомасштабную кампанию ликвидации «святых мощей». Она являлась грубым вмешательством в дела Церкви, попыткой регулировать каноны ее жизни и богослужебную практику. С весны 1919 года эти акции приобрели массовый характер и считались действенным средством антирелигиозной пропаганды. 14 марта Наркомат юстиции дал указание их приветствовать. Церковь рассматривали как источник пополнения государственной казны. В 1919 году власти начали внешнеторговые операции со спекуляцией ценностями, включая изъятые из храмов.

В руководстве РКП(б) группа «непримиримых» считала, что все духовенство реакционно, и необходима неослабная борьба с Православной Российской Церковью до полного уничтожения, а «государственники» предпочитали вызвать раскол

Патриархии: выделить «прогрессивную» часть духовенства, дав ей определенные льготы, и использовать ее в своих целях. Собственное видение содержания и способов «церковной политики» имели НКВД и ВЧК, с 1918 года пытавшиеся развалить Патриархию изнутри. Несколько таких попыток — создание Исполнительного комитета духовенства в Москве, деятельность «Народной церкви» в Пензе, «илиодоровщина» в Царицыне — закончились неудачей. Большинство духовенства и верующих остались верны Патриарху Тихону.

В 1919–1920 годах, по мере превращения РКП(б) в мощную силу, правившую страной, Патриарх Тихон и его окружение начали сочетать тактику признания новой власти с отстаиванием самостоятельности Православной Российской Церкви, опираясь на провозглашенный принцип отделения ее от государства. В послании от 8 октября 1919 года Патриарх призвал духовенство «уклоняться от участия в политических партиях и выступлениях», но подчиняться «велениям» советской власти. В Гражданскую войну, несмотря на все препятствия, Православная Российская Церковь сумела сохранить свою структуру. Действовали тысячи «приговоренных к закрытию» домовых храмов, богословские учебные заведения, осуществлялась религиозная благотворительность, устраивались общегородские крестные ходы — в Петрограде до осени 1921 года.

Некоторые священники стали бойцами Красной Армии. Правая часть духовенства активно проявила себя на стороне Белой Армии. Епархии, отторгнутые в ходе войны от Патриархата, переходили на самоуправление, организуя местные центры. С ноября 1918 года действовало Временное высшее духовное управление Сибири и Приуралья. Такой же орган возник в мае 1919 года на Юге России. Нередко священнослужители оказывались втянуты в политическую борьбу. В Белой Армии служило военное духовенство (у Колчака около 2 тыс., у Деникина — более 1 тыс., у Врангеля — более 500). Значительная часть его эмигрировала.

В 1920 года государственные органы большевиков продолжали вытеснять религию из всех сторон жизни. Циркуляр Наркомюста от 18 мая в РСФСР ликвидировал почти все епархиальные советы. К лету произвели еще 58 вскрытий святых мощей. 29 июля СНК утвердил предложение Наркомюста «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе». Однако авторитет Церкви помешал его полному осуществлению. Секретный циркуляр Наркомюста от 1 апреля 1921 года фактически признал поражение в этом вопросе. К осени 1920 года завершилась национализация церковного имущества. Согласно отчету VIII отдела Наркомюста, к этому времени изъято 7 150 млн. руб., 828 тыс. десятин монастырской земли, 1 112 доходных домов и т. д.

Первый период антирелигиозного наступления не принес тех результатов, на которые рассчитывали некоторые идеологи большевизма (например, Н. И. Бухарин). Большинство населения осталось верующим, несмотря на все варварские методы отлучения большевистской властью от Православной Российской Церкви. Патриархия вышла из Гражданской войны несокрушенной. Постепенно руководство РКП(б) поняло необходимость изменения тактики борьбы с Церковью путем активизации пропаганды. Для ее централизации в августе 1920 года был организован Отдел пропаганды и агитации ЦК РКП(б). 12 ноября СНК принял декрет о создании Главполитпросвета во главе с Н. К. Крупской. При губкомах РКП(б) появились антирелигиозные семинары для подготовки квалифицированных пропагандистов и т. д. Весной 1921 года В. И. Ленин предписал «избегать, безусловно, всякого оскорбления религии». Первая «кавалерийская атака» на Православную

Церковь прекратилась. Однако впереди ожидали новые, более тяжелые испытания.

Советская историография отличалась крайней тенденциозностью и несла сильный идеологический отпечаток официального негативного отношения к религии. Церковь в ней представлена как реакционный, антинародный институт, а советские органы государственной власти показаны исключительно положительно. К этой литературе с оговорками можно отнести и исторические работы идеологов «обновленчества» 1920-х годов А. Введенского, Б. Титлинова, Д. Адамова. Они не жалели «черной краски» для описания Патриаршей Церкви. На труды священнослужителей и мирян Московской Патриархии (в большинстве неопубликованные рукописи, хранящиеся в библиотеках духовных академий России) сильно влияла принадлежность их авторов к определенной ветви Русского Православия. Они резко отрицательно оценивали левые, реформаторские течения, не одобряли деятельность основателей Зарубежной Русской Православной Церкви, выступали с апологией церковной позиции руководства Патриархии, идеализировали его отношение к советской власти.

Наибольший вклад в изучение темы внесла иностранная (англоязычная, германская) и русская эмигрантская, диссидентская литература, в ряде монографий, реалистично освещая церковную политику советского государства, жестокие антирелигиозные акции властей. В то же время в иностранной и эмигрантской историографии встречаются серьезные различия в оценке позиции Церкви, заметно влияние групповых пристрастий, несколько ограничена источниковая база, мало использованы материалы российских архивов.

С конца 1980-х годов новая отечественная историография темы по ряду спорных моментов занимает промежуточную позицию. Сначала историки В. А. Алексеев, М. И. Одинцов, Ю. А. Бабинов сохраняли приверженность концепциям, обелявшим церковную политику РКП(б), но по мере знакомства с рассекреченными документами их взгляды становились объективнее. В последние годы появились принципиально новые работы нового поколения исследователей (О. Ю. Васильева, А. Н. Кашеваров, П. Г. Рогозный, С. Л. Фирсов).

Хронологически первой из основных спорных проблем является определение состояния Православной Российской Церкви накануне 1917 года. Вплоть до 1980-х годов в зарубежной (Р. Пайпс, Г. Солсбери, А. И. Солженицын) и, естественно, советской историографии господствовала точка зрения, что Церковь — изолированный от общественной деятельности, несамостоятельный, умирающий институт, верная союзница царизма. Важной вехой стала монография Д. Каннингема, убедительно показавшего, что в начале XX века Православная Российская Церковь не была замкнутой в себе, нетерпимой к другим конфессиям и угасающей. Исследование подлинного возрождения Русского Православия, обладавшего уникальной потенциальной силой в 1917–1918 годах, проведено в работах Д. В. Поспеловского и Гюнтера Шульца. Тем не менее, проблема так называемой «религиозной революции» весны — лета 1917 года остается мало изучена.

Горячую полемику вызывает история обновленческого раскола в 1922 году и его корней. Идеологи обновленцев утверждали, что продолжают дело церковной революции, якобы прерванное Собором 1917–1918 годов, а раскол назревал давно. Многие утверждения А. Введенского и Б. Титлинова разделяли диссиденты-историки 1960-х годов А. Левитин и В. Шавров. Они полагали, что Февральская революция застала Церковь врасплох и лишь будущие обновленцы не растеря-

лись и чуть ли не спасли ее от анархии, и напрямую связывали реформаторство 1905 и 1917 годов с «обновленчеством» 1920-х. Порю у советских исследователей (А. А. Шишкин) преобладал вульгарно-социологический подход: обновленцы — это выразители взглядов мелкобуржуазных слоев, пытавшихся приспособиться к советской действительности. Священнослужители Московской Патриархии (А. Митрофанов), напротив, видели в обновленцах прежде всего реформаторов протестантского образца, пытавшихся разрушить изнутри Православную Церковь. После рассекречивания документов ЦК РКП(б) и ЧК стало очевидно, что обновленческий раскол организовали органы государственной власти. Причем первые попытки раскола относятся к 1919–1920 годам. В то же время нельзя согласиться и с утверждениями ряда зарубежных историков (И. Хризостомус, У. Флетчер), сводивших истоки «обновленчества» к действиям властей и моральной нечистоплотности его лидеров. Был и такой объективный фактор, как социальное расслоение духовенства.

Поместный Собор 1917–1918 годов не только не прервал «церковную революцию», но во многом узаконил ее завоевания, продолжил развитие в новых условиях ее идей. По мнению германского ученого Г. Шульца этим Собором, а не формальной датой 1988 годом Русская Церковь вступила в свое второе тысячелетие и, возможно, заняла первое место в христианском мире. Рассекреченные в РГИА и ГАРФ фонды Собора дают яркое представление о его выдающемся значении и подлинном оживлении приходской, проповеднической, миссионерской деятельности в конце 1917 — первой половине 1918 года. Советский историк Р. Ю. Пласин утверждал, что основной целью Собора являлась борьба с революцией. Подобной точки зрения придерживались епископ Григорий (Габбе) и некоторые другие представители Русской Православной Церкви за границей. Идеологи обновленцев и некоторые иностранные ученые (Джон Куртис) условно делят работу этого Собора на две части: первоначально созданный для решения религиозных проблем, он принял затем преобладающе политический характер. Основная группа зарубежных историков (И. Хризостомус, Н. А. Струве, А. А. Боголепов) справедливо представляют деятельность Собора, как направленную в первую очередь на рассмотрение церковных вопросов, хотя ему часто приходилось реагировать на возникавшие политические проблемы.

С данным вопросом тесно связана дискуссия о политической позиции Русской Церкви в целом в Гражданскую войну. В советской историографии Церковь выступала самостоятельной антисоветской силой, стремившейся возглавить остальные силы контрреволюции. Антисоветскую направленность позиции Патриархии преувеличивали и иностранные ученые. У. Флетчер писал, что советский строй восстановил против себя выжидавшую Церковь, вызвал ее активное политическое противодействие. Нейтральную, миротворческую позицию Патриархии аргументировано показал Л. Регельсон.

Расходятся также оценки проблемы эволюции отношения руководства Церкви к советской власти. Многие авторы, от антирелигиозников до критиков Патриарха Тихона из правого лагеря, подчеркивают его оппортунизм и приспособленчество. Но, как справедливо отметил Д. В. Поспеловский, послание Патриарха от 8 октября 1919 года появилось во время успешного поначалу наступления войск Деникина на Москву. Ни о каком «приспособленчестве» в тех обстоятельствах речи быть не могло. Первосвятитель прозрел неизбежность большевизма и видел спасение в духовности, а не кровавой войне. Ныне доступные документы Святейшего

Синода и канцелярии Патриарха Тихона свидетельствуют, что прочность советской власти вовсе не казалась безусловной. Например, в начале марта 1918 года предпринимали попытки сохранить Петроградскую синодальную контору, т. к. Высшему церковному управлению полагало «несомненным», что немцы оккупируют столицу. Но уже 6 декабря 1918 года Патриарх Тихон писал в СНК, что никаких действий против советской власти не предпринимал и предпринимать не собирается, хотя многим мероприятиям не сочувствует («не наше дело судить земные власти»). Эволюция отношения к советской власти началась раньше и последовательнее, чем считалось. Рассекреченные материалы показывают надуманность утверждений М. И. Одинцова, будто Патриарх Тихон «изменил политический курс Церкви», чтобы не остаться без многомиллионной паствы.

Д. В. Поспеловский доказывал преемственность взглядов первосвятителя Тихона и последующих первоиерархов Церкви. В его работах подчеркнута, что идея максимального компромисса с властями в гражданской области при сохранении полной богословско-литургической неприкосновенности проводилась с 1919 года. Не обосновано противоположное утверждение антисергиан (протопресвитер М. Польский, Л. Регельсон, В. Степанов (Русак) и др.), что будущий Патриарх Сергей (Страгородский) изменил делу Патриарха Тихона. Определенная преемственность политики несомненна, хотя Владыка Сергей значительно больше уступал властям.

Одним из самых дискуссионных остается вопрос о религиозной политике советского государства и РКП(б). Советские историки объявляли все работы о гонениях на Церковь «ложью реакции», оправдывали аресты священнослужителей их контрреволюционной деятельностью. Позднее В. Алексеев объяснял беззакония недостатками нового аппарата управления и засильем левацких настроений в советской и партийной среде. С другой стороны, П. Андерсон и многие зарубежные ученые писали, будто антирелигиозная пропаганда сразу приняла «физический характер мстительной и жестокой атаки воинствующего атеизма на верующих». Н. А. Струве полагает, что Декрет СНК 1918 года имел целью уничтожить возможность отправления культа и служб. Однако религиозная политика СНК, при всей антицерковной направленности, не была изначально жестко детерминирована. В руководстве РКП(б) были разные точки зрения на место Православной Церкви в новом государстве, происходили колебания общей линии. Многие антирелигиозные акции являлись следствием конкретно-исторической обстановки. В апреле 1918 года планировали создать межконфессиональную комиссию по доработке декрета об отделении Церкви от государства. В мае в Наркомюсте шла дискуссия об обоснованности лишения религиозных организаций прав юридического лица, эта мера расценивалась почти всеми как временная. Планируемая некоторыми советскими деятелями «демократизация» норм декрета не состоялась. Интересы Церкви глубоко задел ряд общих законов, не направленных специально против нее. Играло роль и стремление большевистских властей пополнить за церковный счет опустевшую казну государства.

Недостаточно внимания уделила зарубежная историография объективной основе гонений на религиозные организации — антиклерикализму значительных слоев населения, без которого широкомасштабные гонения вряд ли бы стали возможны. Выдающийся богослов протоиерей Иоанн Мейендорф полагал, что в России существовали расцерковленные верхи и интеллигенция, а народ был предан Церкви. Об отсутствии напряженного антиклерикального состояния в русском народе писал и А. И. Солженицын. Однако антицерковные настроения распро-

странились в народе к октябрю 1917 года достаточно широко, постепенно поднимались социальные слои с глубоко архаичного достаточно широко, постепенно поднимались социальные слои с глубоко архаичным сознанием, которые могли воспринимать новую революционную идеологию лишь в квазирелигиозной и догматической форме. Сознание миллионов новообращенных «марксистов» не могло допустить деятельности Церкви, которая пропагандировала бы «реакционную идеологию», требовало скорого и полного единообразия.

Большинство ранее секретных документов российских архивов ныне доступно и частично опубликовано. Однако материалы ЧК в ведомственных архивах Федеральной службы безопасности Российской Федерации и высших партийных органов в Президентском архиве недостижимы для исследователей.

Литература

Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы в преемстве высшей церковной власти 1917–1943: Сб. в 2-х ч. М., 1994.

Введенский А. И. Церковь и государство (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России. 1918–1922 гг.). М., 1923.

Власть и Церковь: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997.

Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Т. 1–5; М., 1999. Т. 7–11.

Карташев А. В. Революция и собор. 1917–1918 гг. Наброски для истории Русской Церкви наших дней // Богословская мысль. Труды Православного богословского института в Париже. Париж, 1942. Вып. IV.

Кашеваров А. Н. Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999.

Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты: В 3-х т. Кюнахт, 1978; М., 1996.

Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно): В 6 т. Эрланген, 1979–1989.

Политбюро и Церковь 1922–1925: Сб. в 2-х т. М.; Новосибирск, 1997–1998.

Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.

Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. Париж, 1977; М., 1996.

Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 года. СПб., 2008.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 г.: Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви. М., 2008.

Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью: В 2-х кн. М., 1995.

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996.

- Священный Синод Православной Российской Церкви. 1917–1918 гг. Обзор деяний. М., 2000. Т. 1–3.
- Следственное дело Патриарха Тихона. М., 2000.
- Титлинов Б. В. Церковь во время революции. Пг., 1924.
- Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х–1918 гг.). М., 2002.
- Шкаровский М. В.: Обновленческое движение в Русской Православной Церкви в XX веке. СПб., 1997; Петербургская епархия в годы гонений и утрат: 1917–1945. СПб., 1995.
- Bogolepov A. A. Church Reforms in Russia, 1905–1918. Bridgeport, 1966.
- Chrysostomus J. Kirchengeschichte Russlands der neuesten Zeit. Bd. I — Patriarch Tichon, 1917–1925. München — Salzburg, 1965.
- Hedda J. His Kingdom Come. Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia. DeKalb, 2008
- Husband W.B. Godless Communists: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–32. DeKalb, 2000.
- Manchester L. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. Dekalb, 2008.
- Schulz G. Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917–1918 ein unbekanntes Reformpotential. Göttingen, 1995.

Профессиональные союзы

ДАЙАНА П. КОЕНКЕР

Профессиональные союзы как легальная форма рабочей организации появились в России только после Революции 1905 года. Революционные условия их происхождения и репрессивный политический климат вскоре заставили профсоюзы уйти в подполье и более явно связали с политикой, чем аналогичные организации в Западной Европе. Эта тесная связь профсоюзов с революционной социал-демократической политикой, в свою очередь, предопределила ту роль, которую российские профессиональные союзы сыграют при проведении революционных преобразований в 1917–1921 годов.

Профсоюзные традиции

Крайнее ограничение прав рабочих профессиональных организаций до 1905 года и социал-демократический опыт, заимствованный в Западной Европе, обеспечили условия для первого расцвета российских профсоюзов после Революции 1905 года. Рабочие профессиональные союзы, легализованные Законом от 4 марта 1906 года, быстро сформировались и распространились в основных экономических центрах России. В эти первые союзы вступали молодые квалифицированные рабочие мелких отраслей промышленности; их членство не стало массовым, но в некоторых отраслях до половины занятых в них рабочих стали членами этих организаций. Профсоюзное движение находилось еще на стадии становления, когда его развитие резко остановил период политической реакции, начавшийся с Переворота 3 июня 1907 года, организованного премьер-министром П. А. Столыпиным. Союзы и другие формы рабочей организации были запрещены, лица, проявлявшие организационную активность при проведении стачек и других форм коллективного действия, подлежали аресту и тюремному заключению. Число членов профсоюзов значительно снизилось, хотя усилия возродить и поддержать на плаву рудиментарные профсоюзные структуры, не прекращались. В январе 1907 года, в момент расцвета профсоюзного движения, в составе союзов числилось 250 тыс. человек, а к 1910 году число рабочих, членов легальных союзов, не превышало 60 тыс. человек. Деятельность отдельных союзов проявлялась в эпизодических публикациях и разных организационных собраниях, подпольных или за границей.

В периоды реакции 1907–1912 годов и нового подъема рабочего движения в 1912–1914 годах руководители профсоюзов строго придерживались марксистского социал-демократического мировоззрения. Вопрос отношения к профсоюзному движению вызывал многочисленные споры лидеров социал-демократических фракций, большевистской и меньшевистской, по вопросам о допустимом и необходимом уровне самостоятельности или подчиненности этого движения по отно-

шению к партиям. Хотя в годы, предшествовавшие Революции 1917 года, все больше активистов и рядовых членов профсоюзов отдавало предпочтение большевистской политике революционного активизма перед меньшевистской теорией постепенности, даже большевики члены профсоюзов часто не соглашались с партийным руководством в вопросе о том, насколько надо подчинять задачи профсоюзного движения политическим задачам РСДРП.

Состояние профсоюзного движения накануне Февральской революции отражало идеологию и черты, которые станут характерны для профсоюзной организации до и после Октябрьской революции. Задача профсоюзов — организовать и мобилизовать массы российского рабочего класса — требовала единства всех рабочих независимо от различия политических взглядов. В то же время, тесные исторические связи между профсоюзами и социал-демократическими партиями означали, что партийные взгляды и споры о политике будут крайне важны. Это противоречие приводило к возникновению в профсоюзном движении перманентного конфликта тех, кто отдавал предпочтение подчинению профсоюзов революционным задачам, с теми, кто верил в автономию профсоюзов в революционном государстве. Относительная слабость российских профсоюзов до 1917 года, их узкий, политизированный характер, преобладание в них квалифицированных рабочих, готовых подвергнуться риску репрессий царизма, означали, что в 1917 году профсоюзы предстанут новой организационной формой для большинства российских рабочих и составят конкуренцию другим видам их организации в борьбе за влияние и власть среди них.

Профсоюзы в 1917 году

После падения в феврале царского режима не было принято закона, санкционирующего образование профсоюзов. Просто вернувшиеся из ссылки активисты и ветераны профсоюзного движения занялись организацией профсоюзов и принятием в них. Во многих местностях Советы рабочих депутатов оказывали поддержку профсоюзам, в каждом городе профсоюзные советы или бюро также прилагали энергичные организационные усилия. К середине июня 1917 года в 1 733 союзах участвовали 1,8 млн. рабочих 30 отраслей промышленности, от текстильной (38 союзов с 346 тыс. членов) до металлургической (200 союзов с 285 тыс. членов), медицинского обслуживания (100 союзов с 66 тыс. членов) и горной (2 союза с 32 тыс. членов).

В то же время профсоюзные активисты, особенно меньшевики, начали подготовку I Всероссийского съезда профессиональных союзов, который должен выработать стратегию независимого профсоюзного движения. Провести такой съезд впервые предложили в 1906 году, но воцарившаяся вскоре политическая реакция воспрепятствовала осуществить план проведения учредительного съезда всероссийской профсоюзной организации. Нестабильные условия 1917 года также затрудняли организационную работу, и активисты договорились провести 21–28 июня профсоюзную конференцию.

Конференция по своему определению менее авторитетна, чем съезд, но на этой III Всероссийской конференции профессиональных союзов удалось обсудить ряд ключевых вопросов профсоюзной деятельности. Лозунгом конференции стало слово «единство»: широкие, основанные на классовом принципе рабочие органи-

зации были важны для защиты интересов и политических целей рабочих в освобожденной России. Однако за фасадом единства скрывались глубокие противоречия внутри движения тех, кто отстаивал самостоятельность профсоюзов (большинство меньшевиков и некоторые большевики), с теми, кто хотел подчинить профсоюзное движение выполнению очередных задач революции. Меньшевики активисты профсоюзов полагали, что профсоюзная деятельность развернется внутри демократической капиталистической системы, и их задача как можно лучше готовить профсоюзы к этой деятельности. Большевики активисты (на конференции меньшинство) уже взяли курс на проведение более радикальной социалистической революции, в которой социалистические профсоюзы должны стать партнерами социалистического государства. Конференция обсудила и приняла ряд резолюций по некоторым ключевым принципам практической работы профсоюзов. В вопросе их независимости на конференции победило мнение, что союзы должны иметь «классовую основу», то есть придерживаться марксистских взглядов, но быть независимы от тех или иных политических партий. Конференция уделила внимание застарелому структурному конфликту между секционным, узкоотраслевым организационным принципом и широкомасштабной индустриальной организацией и большинством голосов высказалась за организации в масштабе целых отраслей, связанные в региональные и общенациональные союзные структуры. Среди задач профсоюзов самым спорным был вопрос о руководстве стачками. На конференции был принят принцип, поддержанный и меньшевиками и большевиками, согласно которому стачка — «крайняя мера», вместо нее для борьбы за осуществление требований рабочих через политические и судебные структуры должна использоваться «пролетарская дисциплина». В заключение работы конференция избрала Временный центральный совет профессиональных союзов России (ВЦСПС). Его задачей было продолжить консолидацию профсоюзного движения и в ближайшем будущем созвать I Всероссийский съезд профессиональных союзов.

Отдельные профсоюзы в ходе работы конференции также начали организовывать национальные центральные комитеты, и централизованная структурная модель российского трейд-юнионизма получила здесь свое подтверждение: ВЦСПС служил в качестве организационного и политического центра профсоюзной деятельности. В отдельных городах аналогичную роль в местном масштабе выполняли центральные бюро профсоюзов. Организованные по отраслям профсоюзы горизонтально были связаны через эти центральные бюро и вертикально — от губернских до центрального комитета в каждом отраслевом союзе. Официальная структура, таким образом, в теории была централизованной и иерархической, хотя на практике централизм насаждался с трудом.

Руководители профсоюзов обычно вполне ясно представляли роль своих организаций в новом обществе, но рядовые члены союзов гораздо меньше имели опыта и меньше соприкасались с профсоюзной практикой и планами на будущее. Революция 1917 года породила другие органы, представлявшие интересы рабочего класса, конкурентов в борьбе за влияние на рабочих. Советы рабочих депутатов создавались как политические органы, но выполняли ряд функций, аналогичных с профсоюзами, включая посредничество при забастовках и организацию по профессии. Фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы) возникали для организации рабочих внутри предприятия. Однако, поскольку профсоюзы не смогли достаточно быстро организовать для решения вопросов оплаты труда, продолжитель-

ности рабочего дня, контроля и регулирования, фабзавкомы начали объединяться на конференциях в масштабах города для решения многих проблем, которые должны входить в компетенцию профсоюзов.

Отношение профсоюзов к забастовочному движению иллюстрирует некоторые из этих проблем, связанных с разделением руководства рабочей революцией. Профсоюзное движение официально осуждало забастовки, считая стачки на отдельных предприятиях или в отдельных отраслях наносящими ущерб пролетарской солидарности. Тем не менее, рабочие настаивали на стачках как средстве борьбы за выполнение своих требований, и профсоюзы на практике часто брали на себя руководство ими, формулируя требования и ведя переговоры. Союзы проявляли особую активность при координации забастовочных акций в течение первых четырех месяцев революции, периода активного роста союзов: победоносные стачки определенно помогали поднять престиж профсоюзных лидеров, руководивших ими. В конце лета и осенью профсоюзы чаще начали выступать против забастовочного движения как экономически и политически непродуктивного, и в этот период многие стачки прошли без одобрения профсоюзов.

Коренное противоречие роли профсоюзов как защитников интересов рабочих в рамках статус-кво с их ролью проводника революции наносило немалый вред профсоюзному движению. Политические разногласия меньшевиков с большевиками группировались вокруг этих двух позиций, и ВЦСПС и другие центральные профсоюзные органы стали ареной политической борьбы партий. Когда Московское Центральное бюро профсоюзов, где до этого преобладали умеренные меньшевики, положительно отозвалось на призыв большевиков 9 августа объявить общую забастовку в знак протеста против назначенного созыва в Москве Государственного совещания, большевики расценили это как свою решительную политическую победу. Когда участники Государственного совещания, которых Керенский призвал поддержать Временное правительство против социалистической угрозы, прибыли в Москву, то обнаружили, что в городе транспорт парализован. Некоторые с вокзала ушли пешком в центр города в свои гостиницы. В то же время, все больше российских рабочих проявляли желание вступить в профсоюзы. Хотя наибольший приток новых членов в 1917 году пришелся на период с марта по июнь, к декабрю в профсоюзы вступили еще 900 тыс. рабочих, всего к этому времени в более чем 2 тыс. союзов насчитывалось около 2,75 млн. членов.

В работах историков о 1917 году профсоюзы рассматривались прежде всего как участники политической революционной борьбы за государственную власть. Советская историография относилась к профсоюзам как индикатору завоевания большевиками влияния в рабочих массах, не уделяя достаточного внимания разногласиям и противоречиям внутри организованного рабочего движения. Например, большинство советских работ о 1917 году рассматривало профсоюзы и фабзавкомы как неразрывные части единого целого. Такой вывод основан на решениях I Всероссийского съезда профсоюзов в 1918 г., на котором фабзавкомы объявили местными подразделениями профсоюзов. Но в 1917 г. так не было: фабзавкомы и профсоюзы выступали чаще конкурентами, чем партнерами, независимо от совпадения политических симпатий. Однако упор на структуре и политике характерен не только советской историографии, и такой подход оставляет без ответа ряд вопросов о природе и масштабе роли профсоюзов в повседневной жизни 2,7 млн. их членов. Ответ дать сможет только продолжение изучения местных союзов в отдельных отраслях. Как профсоюзы в 1917 году расширились со своей небольшой основы, опиравшейся

до 1917 года на квалифицированных городских рабочих-мужчин? Как повлияло на собственную организационную культуру рабочих их относительно слабое знакомство с профсоюзной практикой? Была ли для них «естественной» профсоюзная идея или, возможно, иные организационные формы были ближе их потребностям, опыту и интересам? Хотя работницы играли крайне ограниченную роль в профсоюзном руководстве, среди рядовых членов союзов их было немало. Участие российских работниц в профсоюзах и других формах рабочей организации в 1917 году остается белым пятном в истории революции.

Профсоюзы при власти коммунистов

Положение профессиональных союзов в российском обществе драматически изменилось с провозглашением 25 октября 1917 года советской власти. В социалистическом государстве от правительства ожидали обеспечения и гарантии благ, за которые профсоюзы должны были бороться в капиталистических обществах. Наступление социализма в России определило новые задачи для пребывавшего еще на начальной стадии профсоюзного движения. Эти задачи были кодифицированы на I Всероссийском съезде профессиональных союзов в январе 1918 года и расширены на последующих съездах в январе 1919 года и апреле 1920 года. Как официальные органы государственной власти, профсоюзы в России должны были организовывать промышленных рабочих для выполнения государственных задач. В экономическом хаосе революции и Гражданской войны основной задачей было возрождение и поддержание производства на плаву. Поэтому профсоюзы должны были работать бок о бок с государственными экономическими учреждениями (во главе с ВСНХ) и с Народным комиссариатом труда. Среди коммунистов еще не было полного согласия по вопросу о том, означает ли «огосударствление» профсоюзов то, что рабочие организации должны быть подчинены органам управления экономикой, или что само управление должно осуществляться рабочими организациями. Большинство коммунистов отказывалось признать наличие конфликта между двумя этими подходами. На этих съездах одобрялось формирование строго централизованной и иерархической структуры профсоюзов, которая должна облегчить координацию между ними и государственными органами. Ежегодные съезды избирали Всероссийский центральный совет профсоюзов (ВЦСПС), решения которого для профсоюзов являлись законом. Местными его представителями были губернские советы профсоюзов. Отдельные профсоюзы также подлежали организации в губернском и национальном масштабе; в своей деятельности они подчинялись центральному совету. Фабзавкомы должны были действовать как местные и подчиненные подразделения профсоюзов; решение, принятое на этот счет, имело целью обуздать движение фабзавкомов, развивавшееся с 1917 года в анархическом и независимом ключе. Первым председателем постоянного ВЦСПС в январе 1918 года избрали Г. Е. Зиновьева. Поскольку его обременяли другие партийные обязанности, уже в марте его сменил М. П. Томский, возглавлявший профсоюзное движение в советском государстве до своего политического поражения в 1929 году. Другими видными фигурами в руководстве профсоюзами были С. А. Лозовский, личность политически неразборчивая (вышел из рядов большевиков сразу после Октябрьской революции и вновь примкнул к ним в 1920 году) и коммунисты Г. Н. Мельничанский, Н. И. Дербышев и Я. Е. Рудзутак.

Иной взгляд на роль профсоюзов отстаивали руководители меньшевиков Ю. О. Мартов и И. М. Майский и меньшевики — члены профсоюзов. Они утверждали, что социализм в России еще не созрел, и рабочим все еще нужны профсоюзные организации, независимые от государства, основные задачи которых заключаются в защите интересов рабочих от государства и его экономических руководителей. На профсоюзном съезде в январе 1918 года из 416 делегатов 66 поддержали меньшевистскую позицию. Через год на Втором съезде только 30 делегатов поддержали принцип независимости, а к 1920 году «независимая» оппозиция по отношению к позиции большинства была совершенно незначительной.

Распределение голосов на этих контролируемых сверху съездах не может считаться выражением настроений рядовых рабочих, политические настроения и пристрастия которых были переменчивыми. Определенно, к концу 1917 года большинство рабочих приветствовало предложенные большевиками способы разрешения кризиса экономики и власти. Союзы печатников и работников химической отрасли пытались сопротивляться давлению правительства; раскольническое поведение и сопротивление в этих союзах были подавлены посредством применения централизованного принципа профсоюзной структуры, манипуляции демократическими мерами, оказанием экономического давления на рядовых «независимцев» и открытыми репрессиями — арестами профсоюзных лидеров и членов, выступавших против генеральной линии партии. В каждом органе руководства профсоюзами, от местного заводского комитета до ВЦСПС, имелся «теневой» исполнительный комитет, состоявший из членов партии, входивших в эти органы: эти партийные группы собирались перед проведением собраний целых коллективов, передавали политические директивы, исходившие от центральных партийных организаций, и отправляли информацию на более высокий уровень не через профсоюзные, а не партийные каналы. Чтобы понять положение профсоюзов в послеоктябрьский период, надо знакомиться не только с профсоюзными газетными и архивными материалами, но и с параллельными партийными документами.

Коммунистические лидеры хвастались, что, несмотря на падение промышленного производства в годы Гражданской войны, численность членов профсоюзов продолжала увеличиваться: от 1,5 млн. в середине 1917 года до 2,6 млн. в начале 1918 года и 3,5 млн. к январю 1919 года. ВЦСПС собирался регулярно, издавал газету «Профессиональное движение», где обсуждались профсоюзные проблемы. Отдельные профсоюзные лидеры совмещали свои функции с управленческой деятельностью. Труднее определить, чем эти союзы были для своих рядовых членов: исследование на локальном уровне подтверждает стирание граней между профсоюзным и управленческим персоналом. Меньше известно о том, как рабочие на уровне цеха относились к определенным из центра задачам профсоюзов, и о том, насколько профсоюзы как орган имели авторитет в их глазах. Фабзавкомы в этот период сохраняли значительное влияние и самостоятельность, равно как и местное заводское управление.

Стремление профсоюзов к независимости и автономии от государственной опеки потерпело поражение в 1918–1920 годы: эти устремления были заклеены как «меньшевистские» и «контрреволюционные». Этот процесс хорошо иллюстрирует судьба профсоюза печатников, в котором меньшевистские взгляды держались дольше всего. Самый крупный местный союз печатников, его московское отделение, упорствовал в своей поддержке меньшевиков, отстаивая независимое положение профсоюзов, но коммунистические активисты сумели установить кон-

троль над центральным комитетом профсоюза, расколов союз и созвав в мае 1919 года свой собственный съезд, который ВЦСПС признал полномочным. Независимое московское отделение оказалось с тех пор «вне закона», так как не подчинилось диктату профсоюзного центра. Митинги протеста против этой профсоюзной политики были в контексте Гражданской войны интерпретированы как угроза самому государству, последовавшие за ними аресты лидеров независимых печатников оправдывались целями борьбы за дело революции.

Однако сохранялось коренное противоречие между ролью профсоюзов как представителей интересов рабочих и как представителей интересов государства. Коммунистические лидеры придерживались точки зрения, которую разделял историк Эдвард Карр, что не может быть реальных противоречий между подлинными рабочими и рабочим государством и что в сопротивлении государственной политике среди рабочих повинен крестьянский элемент. Дальнейшие исследования самоидентификации рабочих могут проверить эти предположения; «крестьянскость» русских рабочих нередко используется для объяснения антикоммунистического поведения, как проявления «ложного сознания» (оппозиция урбанизированных печатников по отношению к коммунистической политике объясняется «аристократическим» характером печатного дела). Среди коммунистов также не было единодушия по вопросу об истинной роли профсоюзов. Троцкий предложил полностью подчинить профсоюзы интересам обеспечения производства и начал претворять свое предложение в жизнь посредством политики милитаризации труда, примененной прежде всего к союзу железнодорожников. Предпринятая им замена независимо настроенного Центрального комитета железнодорожников продуктивистским руководством, Цектраном, стала ответом на падение промышленного производства и трудовой дисциплины и, в особенности, на расстройство транспортной системы, столь критическое и для производства, и для интересов ведения войны. Наличие параллельных структур (профсоюзов и экономических органов) считалось неэффективным. Профсоюзы, с точки зрения Троцкого, превращались в гнезда бюрократизма вместо того, чтобы стать исполнительными центрами производства. Однако проблемы, которые было призвано разрешить огосударствление, проистекали из общей социальной и экономической разрухи России того периода, и институциональная, централизованная реорганизация, которую представлял собой Цектран, в разрешении их достигла отнюдь не большего успеха, чем до него относительно децентрализованный союз железнодорожников. Жесткие методы Цектрана и очевидное предпочтение, оказываемое интересам управления перед интересами рабочих, вызвали яростные споры и волну критики внутри партии, просочившиеся в период с января по март 1921 года в печать. Споры вокруг профсоюзов снова поставили на повестку дня знакомые и неразрешимые дилеммы профсоюзной организации в социалистическом государстве: что должно быть основным занятием профсоюзов — стимулирование производства или защита повседневных и отдельных интересов своих членов? Должен ли труд быть добровольным или принудительным? Должны ли профсоюзы получать приказания от государства или быть независимыми? Троцкий встал на крайне этатистскую точку зрения, его поддержал Н. И. Бухарин. Томский защищал независимость профсоюзов, старую меньшевистскую позицию. Так называемая «Рабочая оппозиция» также отвергла формулировки Троцкого. Дискуссии достигли пика на X съезде РКП(б) в марте 1921 года, в разгар оппозиционных выступлений против коммунистического режима, среди которых выделялся матросский

мятеж в Кронштадте. В конце концов, Ленин и группа центристов добились компромисса, признав, что огусударственные профсоюзы плохо отвечают интересам рабочих, но компромисс не смог найти ответ на коренной вопрос о роли профсоюзов в социалистическом государстве, вопрос, который перейдет в практическую плоскость после введения НЭПа.

Профсоюзы за пределами коммунистического правления

В судьбах профсоюзов на российской территории, не находившейся под коммунистическим контролем, также отразилась историческая слабость российских профсоюзных традиций и сила этактической традиции трудовой политики. Отношение к профсоюзам при белых варьировалось от ограниченной терпимости до откровенного подавления. На Украине в 1918 году германские власти допускали существование профсоюзов во время оккупации. На I Всеукраинской конференции профсоюзов в Киеве в мае 1918 года преобладали меньшевики, которые затем руководили профсоюзами на большей части территорий, находившихся под контролем белых. Меншевицкий подход исходил из неопределенности результата революции и Гражданской войны; их целью было, прежде всего, сохранить профсоюзные структуры и защитить интересы рабочих, а затем уж работа в интересах социалистической политики.

Профсоюзная свобода в Сибири допускалась при правлении эсеров, но в конце 1918 года пала жертвой сдвига сибирского правительства вправо. Профсоюзный съезд и другие рабочие организации были запрещены, а после колчаковского переворота в ноябре 1918 года профсоюзные лидеры были арестованы и заключены в тюрьму без предъявления каких бы то ни было обвинений. Военные власти предупредили бастовавших в Томске печатников, что их пикеты будут расстреляны. К началу 1919 года социалистическая пресса сообщала, что профсоюзы Сибири — на грани исчезновения.

На Юге России даже после эвакуации немецких войск с Украины профсоюзная деятельность оставалась легально разрешенной, белые правительства порой относились к ней терпимо. Наиболее крупный профсоюзный орган, Совет Южных профсоюзов (Югпроф), поначалу сотрудничал с белыми правительствами и белыми армиями; эта руководимая меньшевиками организация, центр которой находился в Харькове, сосредоточила свое внимание на защите непосредственно интересов рабочих. В Киеве в 1919 году развивалось антисемитское националистическое профсоюзное движение во главе с К. Ф. Кирста, которое боролось как против руководимых меньшевиками союзов, так и против предпринимателей. Особое совещание при Главнокомандующем генерале А. И. Деникине в ноябре 1919 года одобрило принятие правил, разрешавших рабочим организовывать профсоюзы для защиты своих профессиональных интересов. Как и при царском режиме, руководители союзов должны были регистрироваться у местных властей, право на проведение стачки не было предоставлено. Белые никогда не пытались полностью подавить профсоюзы, но всячески стесняли их деятельность: беспричинные аресты рабочих лидеров, закрытие газет, обыски в помещениях профсоюзов, разгоны митингов, запугивание были обычным явлением. Например, генерал П. Н. Краснов 10 ноября 1918 года захватил промышленный город Юзовку и приказал публично

повесить всех рабочих, известных своим революционным настроением. Такой разгул репрессий делал эффективную организацию профсоюзов не менее трудной, чем при царизме. В Донбассе, как и в Центральной России, несмотря на существование профсоюзных структур среди шахтеров и металлистов, рабочие стремились отстаивать свои интересы в одиночку, подавая заявления своим управляющим, а не через рабочие организации. Российские профсоюзы в институциональном отношении оказались маргинализованы, по разным причинам, и в красном и в белом тылу Гражданской войны.

Выводы

Хотя формирование промышленных рабочих классов почти повсеместно сопровождается созданием структур профсоюзного типа, судьба российских профсоюзов показывает невозможность применения какого-либо универсального закона к процессу формирования рабочего класса. Из-за царских репрессий и приоритета политики над экономикой в глазах российских революционных вождей профсоюзы в России не смогли пустить глубокие институциональные корни в рабочей среде ко времени социалистической революции в октябре 1917 года. Они в такой же степени были творением социалистических лидеров, которые во многом исходили из германского опыта при решении вопроса о том, чем должны быть профсоюзы, как и плодом рабочей самоорганизации или борьбы между рабочими и работодателями. Структурно и функционально профсоюзы соперничали с небольшим числом других органов, претендовавших на представительство интересов рабочих — от Советов и фабрично-заводских комитетов в 1917 году до государственных экономических органов при советской власти.

Более того, коммунистический дискурс поставил под сомнение полномочия профсоюзов как подлинных рабочих организаций. Ленин осудил «трейд-юнионистское сознание» как второстепенное и даже вредное для выполнения основных революционных задач в своей программной работе 1902 года «Что делать?». Для многих коммунистов (особенно для тех, кто не был непосредственно вовлечен в профсоюзные организации) профсоюзы были просто орудием проникновения, дисциплины и руководства рабочими. В 1920-е профсоюзы стали «школой коммунизма», учебным полем для организационной практики, вместо того чтобы быть подлинными представителями рабочих интересов.

Мнения о профсоюзах и политика по отношению к ним больше привлекали внимание историков, чем реальная их деятельность. С документами партийных дискуссий и дебатов о профсоюзах — стенографическими отчетами всероссийских съездов — гораздо легче было ознакомиться, чем со свидетельствами о том, как эти дебаты воспринимались и интерпретировались активистами на цеховом уровне. Вопрос о связях между руководителями и рядовыми членами лежит не только в организационной, но и в лингвистической плоскости. Исследования по истории отдельных профсоюзов в период революции помогут выявить способы, посредством которых политика формулировалась и проводилась в жизнь, понять, как профсоюзные структуры, практическая деятельность и язык помогали рабочим составить собственное представление о значении революции, роли наемных рабочих в этой революции, значении класса и самого понятия «рабочий». Конкретная история российских профессиональных союзов — их зарождение в виде

небольших, нелегальных организаций квалифицированных работников, их подчинение политическим задачам, неудача их попытки добиться гегемонии внутри рабочего движения в 1917 году — должна обусловить поставленные вопросы. Историки должны иметь в виду, что какими бы «искусственными» не выглядели профсоюзы в плане их места в сознании рабочих, они стали главным источником информации о жизни рабочих в СССР, и этот источник дает богатые возможности для изучения целого ряда вопросов, касающихся трудовых взаимоотношений и судеб рабочего класса в русской революции.

Литература

- Егорова А. Г.* Партия и профсоюзы в Октябрьской революции. М., 1970.
- Колесников Б.* Профессиональное движение и контрреволюция. Харьков, 1923.
- Лобок Д. В.* Профсоюзы и советское государство 1917–1934: эволюция принципов взаимоотношения. СПб., 2007.
- Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов, 1918. М., 1918.
- Профессиональное движение в Петрограде в 1917 г. / Под ред. А. Анского. Л., 1927.
- Третья Всероссийская конференция профессиональных союзов, 1917. Стенографический отчет. / Под ред. Д. П. Коенкер. Лондон, 1982 (репринт с издания 1927 г.).
- Bonnell V. E.* Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organizations in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914. Berkeley, 1983.
- Brovkin V. N.* Behind the Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922. Princeton, 1994.
- Friedgut T. H.* Iuzovka and Revolution: Politics and Revolution in Russia's Donbass, 1869–1924. Princeton, 1994.
- Hogan H.* Forging Revolution. Bloomington, 1993.
- Koenker D.*: Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, 1981; Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism 1918–1930. Ithaca, 2005.
- Koenker D. P., Rosenberg W. G.* Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 1989.
- Rosenberg W. G.* The Social Background to Tsekran // Ed. by D. P. Koenker, W. G. Rosenberg, R. G. Suny. Party, State, and Society in the Russian Civil War. Bloomington, 1989.
- Smith S. A.* Red Petrograd: Revolution in the Factories, 1917–1918. Cambridge, 1983.
- Sorenson J. B.* The Life and Death of Soviet Trade Unions. New York, 1969.
- Swain G.* Russian Social Democracy and the Legal Labor Movement, 1906–1914. London, 1983.

Семья, брак и отношения между полами

ЭЛИЗАБЕТ УОТЕРС

И сторонники, и противники режима в дореволюционной России рассматривали семью как государство в микромире. Царь был отцом народа, и отношения подчинения и обязанностей в домашней жизни отражали отношения в обществе. Если в официальной идеологии эти отношения, считалось, предопределены небесными силами, для радикальной интеллигенции патриархальный принцип воплощал неравенство и угнетение, и освобождение от семейных оков должно было произойти параллельно с освобождением от политического неравенства и угнетения.

Критики царизма ещё с 1840-х годов уделяли существенное внимание неравному положению женщины в семье. Героиня романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) пытается добиться эмоциональной и психологической самостоятельности и строит планы создать кооперативную швейную мастерскую. Феноменальный успех этого романа говорил о том, какое значение придавало поколение нигилистов и народников частной жизни и соотношению между стилем жизни и политическими взглядами. К началу XX века отношение к этим вопросам стало менее единодушным. Неудача 1905 года положила начало культурным и философским течениям, в которых борьба за благо народа ушла на задний план, формировалось иное самовосприятие, не столь строго утилитарное. Революционеры, со своей стороны, сохраняли верность прежним традициям интеллигенции и нападали на буржуазную культуру за декадентство и уход в себя, но свои надежды связывали с пролетариатом как массовой силой и не относились более к семье как к мерилу всего и приоритетному понятию в политике. Хотя классические труды Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и А. Бебеля «Женщина и социализм» выдержали в России до революции несколько изданий, ни одна из них не оказала большого воздействия на взгляды революционных активистов, рассматривавших завод и классовую борьбу как место и средство своей деятельности.

Большевистская теория и политика в семейном вопросе

С приходом к власти большевиков голос социалистических критиков семьи звучал громче. Победа пролетариата выдвинула на первый план проблемы, ранее считавшиеся второстепенными или зависящими от изменений экономического базиса. Более того, экономические трудности военных лет, переживаемые семья-

ми, неизбежно вели к увеличению их политического значения. К весне 1917 года мобилизовали более 14 млн. мужчин, что составляло примерно 36% мужского населения трудоспособного возраста. Жены мобилизованных, «солдатки», в сложных условиях в одиночку боролись за сохранение семьи. Нередко эти усилия терпели неудачу, свидетельствуя чему множество беспризорных.

Большевики в общих словах утверждали, что после свержения старого режима жизнь станет лучше; упоминали о новой форме семьи, основанной на взаимном согласии, при котором женщины свободны, а внебрачные дети имеют права. Учитывая сохранение у рабочих и крестьян сильных семейных традиций, официальная пропаганда редко заходила дальше этого. В более узкой аудитории партийцев марксистский анализ излагался в форме более или менее упрощенной. Демонстрировалась связь между семьей и частной собственностью; делался упор на взаимосвязи между реформами этих институтов и женской эмансипацией. Отменой частной собственности и введением равенства полов революция обещала создать условия для существования нового типа семьи, обеспечить мужчинам и женщинам возможность устроить личную жизнь так, как сочтут нужным — не ограниченную материальными соображениями и не стесненную психологическими стереотипами. Подчинение институтов государственных семейным нередко изображали делом ближайшего будущего. Все это следствие отчасти педагогической направленности и доктринального стиля большевистской публицистики того времени, отчасти убеждения, вызванного успехом Октябрьского переворота, что, пока революционная воля не ослабла, возможна коренная перестройка общественного строя. Распад семей и разрыв родственных уз способствовал появлению взгляда, что события сами ускоряют ход общественного прогресса и неотвратимо толкают семейные и личные отношения в эпоху коммунизма.

Советское правительство отреагировало на острый недостаток продовольствия в период Гражданской войны введением продовольственных норм и устройством общественных столовых, где к 1920 году питалось более 300 тыс. городских семей. Ряд декретов установил свободное питание и другие льготы детям, чье здоровье и благополучие не могли быть гарантированы их семьями и родителями. Дальнейший рост числа беспризорных вызвал расширение системы государственных детских домов: к 1920–1921 годам в них содержались 260 637 детей, в десять раз больше, чем в 1917 году. Предсказания классиков социализма относительно ведения домашнего хозяйства (оно будет «преобразовано в социальную индустрию») и воспитания детей (оно станет «общественным делом») со всей очевидностью подтверждались на практике.

Именно к такому выводу пришел Женотдел РКП(б), который изначально ставил во главу угла своей деятельности преобразование семьи. Документы I Всероссийской конференции работниц и крестьянок 1918 года выразили уверенность в возможности общественного решения частных проблем ведения домашнего хозяйства и ухода за детьми. Коммунальное обслуживание позволит отделить кухню от брака и облегчит женщинам «крест материнства». Н. И. Бухарин и Е. А. Преображенский в «Азбуке коммунизма» (1919) рисовали похожую картину неузнаваемой революционной перестройки домашнего хозяйства и с удовлетворением рассматривали перспективу его исчезновения наряду с рядом общественных институтов сходных происхождений и функций. Будущим поколениям будут служить дома-коммуны, централизованные прачечные и общественное воспитание.

Нетрудно определить те слои социальной пирамиды, от политически сознательной элиты до широких масс, у которых эти проекты не имели успеха. Марксистская теория неглубоко проникла даже в среду самых верных партийцев, массовые движения, связанные с подрывом традиционной семьи, не стали составной частью русской революции. Гораздо труднее определить удельный вес мыслей и чувств за и против семейного статус-кво и влияние этих мыслей и чувств на людей и события. Активистки Женотдела и радикальные теоретики не выступали от имени всех коммунистов, хотя и неверно было бы утверждать, что их идеи не влияли на политику партии. Программа РКП(б) 1919 года, предусматривала создание сети дошкольных учреждений, яслей, детских садов, очагов и т. д., с целью улучшить общественное воспитание и эмансипацию женщин. Готовность к реформам варьировалась между отделами и комиссариатами в зависимости от профессиональной этики личного состава и типа работы. Вера в превосходство общественных институтов была сильна в Наркоматах просвещения и социального обеспечения, чьи руководители исходили из западных либеральных теорий детского развития и общественной безопасности, а также из социалистической доктрины. Делегаты I Всероссийского съезда по охране детства говорили о вреде буржуазных традиций и необходимости освободить детей от власти родителей. Нарком просвещения А. В. Луначарский считал справедливым и полезным «вывести детей из семейных уз и их мелкобуржуазной структуры». Отдел охраны материнства и младенчества (Охматмлад), образованный в 1918 году как структура, ответственная за ясли, детские сады и родильные дома, был склонен предпочесть медицинские императивы общественным. «Открытые» учреждения, дополнявшие семейный уход, должны были улучшить детям шанс на выживание, и поэтому пользовались большей благосклонностью, даже если не очень хорошо вписывались в социалистическую теорию. Впрочем, приверженность отдела к типу семьи, где женщины равны и могут сочетать работу с уходом за детьми, никогда не ставили под сомнение. Ответственные за продразверстку и распределение продовольствия были менее идеологизированы и на свою работу смотрели через призму борьбы с кризисом, а не революционной трансформации домашнего хозяйства.

Практическое осуществление семейной реформы неизменно отставало от высказанных намерений. Женотдел усматривал в этом элемент предрассудков, нежелание пойти на необходимые жертвы или понять значение семьи в обществе. Расхождения между теорией и практикой обычно объясняли бедностью и всеобщей нуждой. А. Д. Калинина, комиссар Московского губернского отдела социального обеспечения, веря в замену семьи «общественным воспитанием», с грустью констатировала несоответствие поставленным задачам строений, используемых для детских садов, обеспеченности материалами и подготовленности обслуживающего персонала. Другие жаловались, что резкий рост числа детей, нуждающихся в уходе, делает невозможным «осуществление задач коммунистического воспитания».

По мере угасания в Гражданскую войну надежды на немедленное построение коммунистического общества, исчезла необходимость говорить обо всех его радостях. Обобщественное питание и воспитание не выглядели столь привлекательно при неаппетитной еде, грязных столовых и высоком уровне смертности в переполненных детских домах. Невосприимчивость масс к социализации повседневной жизни, элементы которой они готовы были принять лишь как средство борьбы за выживание, ослабила уверенность максималистов, хотя и не погасила надежды достичь социальной справедливости путем социального проектирования.

Брак и развод

Реформа бракоразводных отношений хорошо иллюстрирует разрыв между либеральными идеями и реальностью социальной жизни. Царизм узаконил зависимое положение женщины в семье: жена носила фамилию мужа, жила в его доме и обязана была всецело подчиняться. Большевистская программа преобразований в этой области, по крайней мере в общих чертах, следовала за традиционной социал-демократической критикой этого законодательства. Два декрета советской власти ввели принцип гражданской регистрации и личной свободы в завязывании и прекращении брачных отношений. За Декретом ВЦИК и СНК от 18 декабря 1917 года о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния последовал в октябре 1918-го Семейный кодекс, где говорилось о том же подробнее: брак заключается по взаимному согласию и возможен между любыми гражданами, кроме близких родственников; религиозные различия, принадлежность к духовному званию не могут стать препятствием к его заключению; пары, вступающие в брак, не обязаны венчаться в церкви, законную силу имеет только гражданская регистрация. Изменения в законодательстве о расторжении брака шли еще дальше. Ранее право развода принадлежало Святейшему Синоду, и добиться его было почти невозможно. Декрет ВЦИК и СНК от 18 декабря 1917 года о расторжении брака делал его свободно достижимым по заявлению обеих сторон, либо одной стороны в гражданском суде. Семейный кодекс 1918 года установил процедуру ведения процесса в местных судах в случае разногласий между супругами и дал право обжаловать принятое решение. Творцы закона исходили из того, что брак, заключенный по ошибке, можно расторгнуть, и роль суда ограничилась посредничеством в разрешении имущественных конфликтов супругов и охране прав и благосостояния детей.

Эти реформы в советской России не только догнали, но даже опередили западное семейное законодательство. Юрист А. Г. Гойхбарг, бывший меньшевик, сыгравший ключевую роль в составлении новых законов, оценил их как «почти полностью свободные от мужского эгоизма» и предположил, что они обеспечат равенство и независимость в браке. Облегчение развода и явно выраженный отказ от усыновления, а также от общности собственности в браке были беспрецедентны и демонстрировали желание подорвать устои традиционной семьи. В то же время, закон подробно перечислял взаимные права и обязанности членов семьи. Не только родители обязаны заботиться о своих детях, законных и незаконных, и давать им образование, но и дети должны обеспечивать нуждающихся родителей и родственников, не получающих государственной помощи. Согласно Декрету о расторжении брака судья при расторжении брака определял «кто из супругов и в какой мере должен нести издержки по содержанию и воспитанию детей, равно как и о том, обязан ли муж и в каком размере доставлять пропитание и содержание своей бракоразведенной жене», а Кодекс 1918 года сделал обоих супругов равно ответственными за поддержку своего бывшего партнера по браку в случае его недееспособности. По мысли большевиков государство должно обеспечить безопасность личности в обществе будущего, но пока социальные блага скудны и неадекватны брак сохраняет характер социального контракта.

Одно дело принять закон, другое — добиться применения. Препятствия, вызванные скверными средствами связи и низкой грамотностью населения, усиливались хаосом Гражданской войны, хотя призыв в армию стал неплохим способом

просвещения. Молодой, симпатичный и политически грамотный боец Красной Армии, который добился руки девушки-крестьянки и повел ее не к алтарю, а в загс, стал пропагандистским клише, используемым еще в середине 1920-х годов в таких публикациях, как рассказ «Две свадьбы», где традиционная свадьба и тяжелая женская доля матери сравниваются с замужеством ее дочери после революции с комиссаром: брак заключен в загсе и влюбленных ждет счастливая семейная жизнь. О том, что даже деревня узнала о большей свободе брака и развода, свидетельствуют сообщения о широком распространении разочарования в традиционной семье, подрывавшем устои крестьянского домашнего хозяйства. В 1922 году пришлось внести в законодательство поправку, запретив делить земельные наделы в иных целях, чем образование новых земледельческих коммун. При разводе предусмотрели денежную компенсацию для одной из сторон.

Сведения о заключении и расторжении браков в годы, непосредственно следовавшие за новым законодательством, отрывочны и ненадежны. Число заключенных браков, низкое начиная с 1914 года, резко выросло в 1921 году в связи с окончанием военных действий; в 1925 году — достигло 9,8 на тысячу душ населения, в 1926 году — 10,6 (в 1913 г. эта цифра составляла 8,5). Число замужних среди женщин в возрасте 16 — 19 лет выросло с 18,7% в 1914–1918 годах до 22,1% в 1919–1923 годах; эти показатели для групп населения от 20 до 24 лет также выросли с 58 до 62,8% и от 25 до 29 лет — с 78 до 82%. Число разводов в Европейской России в 1924 году (первый год, по которому публиковались официальные данные) равнялось 85 тыс. 547, а в 1926 году достигло 122 тыс. 760, увеличилось с 106,6 до 144,6 на тысячу браков.

На протяжении 1920-х годов шли оживленные споры о допустимости использовать закон как орудие преобразования семьи. В росте числа разводов многие усмотрели развал, а не рождение новой семьи и утверждали, что женская нищета, бездомные дети, «эпидемия аборт» — слишком высокая плата за современное законодательство. Другие интерпретировали очевидную нестабильность личных взаимоотношений как положительный отклик на появление свободы выбора в частной жизни и, особенно, на эмансипацию женщин. Третий подход состоял в признании, что результаты нового законодательства получают и положительный и отрицательный характер, но при этом формы существования семьи в конечном итоге связывали с коренными изменениями социальных условий.

В конце XIX — начале XX века земельные реформы, распространение грамотности и городского образа жизни сопровождались в Европейской России ростом числа крестьянских хозяйств. В городах несоответствие численности мужского и женского населения, характерное для раннего периода индустриализации, заметно выравнивалось к 1914 году и продолжало выравниваться в послереволюционное время, когда рабочая семья стала обычным явлением. В Москве к 1926 году замужними были 51% женщин (в 1897 году — 44%), процент вдов снизился с 22% в конце XIX века до 16,7%. Соотношение мужского и женского населения изменилось со 132 к 100 в 1897 году до 95 к 100 в 1926 году. Семья и хозяйство в Европейской России неуклонно становились синонимом по мере того как уровень рождаемости, резко возросший накануне Гражданской войны, вновь упал и продолжал снижаться.

В Азиатской России не наблюдалось такой тенденции мелких семей, и послереволюционная реформа шла по иному пути. В этих районах царский режим оставил неприкосновенными местные обычаи, признавая в тесном переплетении ре-

лигии и патриархальных порядков элементы системы, которые соотносились или даже точно повторяли его собственную. Большевики объявили мусульманские традиции выкупа невесты (калым) и многоженства символами подчиненного положения женщины в браке и в семье, и партия, установив свою власть на нерусских территориях, распространила на них действие брачного законодательства РСФСР. В 1920 году в Киргизии закон запретил калым и многоженство, в 1921 году такой же закон ввела Туркмения и I Всеказахский съезд Советов высказал намерение последовать этому примеру. Увлечение национальных большевистских кадров проведением семейной реформы было, однако, невелико, кампанию серьезно начали лишь в середине 1920-х годов, когда режим сумел закрепить свою власть в Средней Азии. Запрещение калыма и полигамии бросило вызов религиозной доктрине и культурным традициям и вызывало яростное противодействие мужского населения, оно сочло себя и свои семьи обесчещенными.

Отношения между полами

Социалисты обычно не придавали большого значения половому антагонизму, считая его надуманным или, по крайней мере, второстепенным в сравнении с классовой борьбой. Классики марксизма изображали женщин как пролетариев семьи, и это придавало некоторую законность женскому протесту внутри семьи. Одна из делегаток женской конференции 1918 года заявила, что, идя против воли своего мужа, она «сбросила с себя его ярмо». В Иваново-Вознесенской губернии выпустили листовку к Международному Женскому дню 8 марта 1919 года, в которой орудиями угнетения наряду с капиталом названы семья и муж. Ф. В. Гладков в романе «Цемент» проследил политическое преобразование женщины-работницы на фоне революции и переоценку ею своей супружеской и материнской роли в семье. Другие романисты подошли осторожнее к способности женщин дать оценку социальным переменам или приобрести общественное уважение. В рассказах И. Э. Бабеля обществу небезызвестно понятие женской чести, и, от случая к случаю, оно готово защитить ее, но чаще встречаются грубость и жестокость. Б. А. Пильняк писал о сексе по принуждению, явлении слишком частом, чтобы его искусственно изобретать.

Мнения большевиков о непосредственном воздействии революции на отношения между полами разделились. В 1920-е годы на вопрос, усилила или ослабила революция власть сексуальных чувств, треть опрошенных предпочла ответить: ослабила. В 1927 году комсомольская газета высказала убеждение, что революция уничтожила интерес к порнографии. В сборнике рассказов, опубликованном в середине 1920-х, вспоминалось, как упало значение личной жизни в Гражданскую войну. С другой стороны, медик Л. М. Василевский считал сексуальную распущенность «спутником армий на постое и барачной системы». Женщины в Гражданскую войну якобы вели себя «неестественно», то есть имели связи со многими партнерами (промискуитет). В рассказе А. М. Коллонтай «Три поколения», опубликованном в 1923 году, молодая коммунистка Женя предавалась «свободной любви» на фронте, затем вступила в связь с отчимом, который возможно был отцом ее детей. Е. М. Ярославский рассказал историю женщины, которую исключили из партии за половую связь с двумя мужчинами, но затем восстановили, узнав, что в Гражданскую войну она была на фронте. Революци-

онное поведение, каким бы ни изображалось, целомудренным или распущенным, понимали не как социалистический прототип, а как временную реакцию на социальный стресс. Для революции половых взаимоотношений требовалось время, и в 1920-е годы о ней говорили, как правило, в будущем времени.

В 1917 году «половой вопрос» не включали в повестку дня собраний и конференций. О нем высказались немногие вожди большевиков. Клара Цеткин в воспоминаниях описала разговор в 1920 году с Лениным, когда, он неслучайно отозвался о современной морали и критиковал «теорию стакана воды», гласившую, что секс — такой же естественный инстинкт, как жажда. Однако следует помнить, что написаны воспоминания Цеткин после смерти Ленина, когда уже начали мифологизировать его образ; некоторые взгляды, которые она приписала ему — о сексуальности как отклонении от классовой борьбы и о разложении буржуазной морали — явно заимствованы из других источников, а записанные ею яростные нападки на «гипертрофию половых отношений» и нравы молодежи связаны скорее с ее собственной озабоченностью в 1924 году, чем с мыслями и заботами Ленина времен Гражданской войны. Коллонтай была единственной в большевистской партии, кто до 1917 года писал о любви и сексе. Ее эссе переиздали вскоре после революции. Ее целью являлось, во-первых, лишить этот предмет тривиальности включив его в контекст марксистского анализа общества и социальной трансформации и, во-вторых, показать трудноразличимое, но далеко проникающее влияние понятий власти и обладания на эмоции и взаимоотношения. К началу 1920-х годов идеи Коллонтай ошибочно, но твердо отождествлялись с «теорией стакана воды», ей приписали экстремизм и отклонение от ленинизма. Это, однако, не должно заслонить тот факт, что множество ее идей было воспринято в революцию: многие разделяли веру в способность человеческой природы совершенствоваться, а классовая природа морали стала общепризнанной.

Опубликованный в 1920 году провинциальный памфлет, например, объяснял, что проституция, основанная на эксплуатации, исчезнет вместе с угнетением, а у рабочих не может быть склонности пользоваться продажной любовью, поскольку пролетариат лишён декадентских черт правящего класса. Авторы считали, что в новом советском государстве проституция не найдет широкого распространения. Еще к началу Первой мировой войны современники отмечали сокращение организованной проституции. Уход мужчин на фронт сократил спрос на интимные услуги, закрылись многие публичные дома. Участницы митинга проституток в Саратове 5 апреля 1917 года, вероятно, под влиянием революционных событий, голосовали за прекращение своей «работы» и переход к честному труду, хотя, очевидно, вскоре многие из них, не сумев найти иных средств существования, сожалели о своем решении. В хаосе натурального обмена и Гражданской войны организованная проституция не могла возродиться, хотя многим женщинам пришлось расплачиваться телом за продовольствие, жилье и прочую помощь. Следствием этого стало распространение венерических заболеваний, что заставило большевиков признать, что проблема есть, и в конце 1919 года создать при Наркомате здравоохранения межведомственную комиссию по борьбе с проституцией.

Февральская революция отменила правила, обязывавшие проституток регулярно проходить медицинское освидетельствование и менять паспорт на «желтый билет». Комиссия, запрошенная советским правительством о возможных юридических перспективах, выступила против уголовного преследования проституток (многие поддерживали его как средство борьбы с распространением венерических

заболеваний) на том основании, что несправедливо преследовать только проституток, а не их клиентов, и что подчинение полового влечения экономическим интересам — это принцип, лежащий в основе традиционного брака. Такая позиция в значительной степени отражала взгляды европейских социалистов по вопросу пола. В том же духе «борьба с проституцией» толковалась очень широко, комиссия организовывала лекции по половому воспитанию, вопросам семьи и морали. Член комиссии И. Гельман высказал надежду на «освобождение человеческой души от порочных оков прошлого». Несмотря на столь благодушный либерализм, комиссия сделала вывод, что женщин, для которых проституция единственное занятие, надо причислить, наряду с нищими и бродягами, к дезертирам трудового фронта и отправить в лагеря принудительного труда: характерный пример того, как правоверный социализм уступал дисциплинарной идеологии периода Гражданской войны.

Такое вмешательство в частную жизнь было все же скорее исключением, чем правилом. Обсуждали меры по регулированию браков и рождаемости; предлагали, в частности, ввести обязательный медицинский осмотр вступающих в брак, запретить аборт, но ничего не претворили в жизнь. Медицинский осмотр перед заключением брака признали бесполезным, поскольку пары могли его избежать, вступив в семейные отношения без формальной регистрации брака. В. П. Лебедева, глава Охматмлад, использовала схожий аргумент в споре с профессором Н. К. Кольцовым, видным ученым радикальных взглядов, который на Первой конференции по вопросам защиты материнства и детства утверждал, что аборт нежелателен с точки зрения евгеники, и государство должно бороться с «эгоизмом», побуждающим женщин прерывать беременность. Репрессивный закон, говорила Лебедева, не будет работать.

Царские законы, запретившие аборт, стали до революции предметом дискуссии среди либерально и радикально настроенных врачей и юристов. Социалисты, включая Ленина, были известными сторонниками контроля рождаемости, но не предлагали никаких средств осуществления. Закон о запрете абортотв разделит судьбу прочих законов старого режима в октябре 1917 года, и вскоре в Наркоматах юстиции и здравоохранения начались дискуссии о том, что должно прийти ему на смену. В частном порядке врачи высказывали опасения перед легализацией абортотв. Вопрос вынесли на общественное обсуждение, когда врач-большевик Н. А. Семашко на страницах «Известий» предложил легализацию абортотв, но при этом отверг принцип свободы выбора: вопрос, утверждал он, надо рассматривать не с точки зрения прав женщин, «а с точки зрения интересов всего общества, для которого аборт, безусловно, вреден». Хотя это не было выражением партийной позиции (никакой официальной теории или политики по данному вопросу не существовало), этот взгляд пользовался куда большим влиянием, чем контрдовод, что интересы женщин и марксизм совместимы, и право на аборт можно применять даже вопреки интересам государства. Принятый в ноябре 1920 года Декрет СНК о разрешении абортотв в больничных условиях объявлял, что государство не может обеспечить всех детей, поэтому должно помочь женщинам. Целью было спокойное материнство, а не неограниченный секс. Государство и народ согласились, что женщине естественно рожать и только в крайне неблагоприятных обстоятельствах захочется прервать беременность.

Материнство, главный предмет почитания в царской России, подверглось краткой революционной метаморфозе. М. Горький писал о материнском отношении

женщин к мужьям, любовникам и даже к мужчинам в целом; он изобразил время, когда женщины будут «улыбаться улыбкой Мадонны» и прижимать к своим грудям «новорожденного мужчину России». «Свадьба народа и революции» стала популярным мотивом политической культуры в 1917 году; другим таким мотивом была революция как дитя России. Метафоры из частной жизни не выстояли в условиях Гражданской войны, вызывавшей ассоциации с исключительно мужскими и не связанными с семьей образами.

Степень готовности большевиков использовать семью как орудие строительства общества стала предметом обсуждения для антикоммунистов, социалистов, феминисток и историков, хотя своё внимание они фокусировали на 1920-х и 1930-х годах, а не периоде революции. Западные историки очистили советскую власть от глупых обвинений в национализации женщин или проповеди «общности жен» и подчеркнули модернизаторские намерения революции, хотя сомнительно, что этот аспект повсеместно все примут, и очевидно, что переоценка большевистской теории и практики будет по-прежнему вызывать споры и разногласия.

Большинство исследований по истории брака и семьи при советской власти написано недавно, под влиянием роста интереса к социальной истории, женским и гендерным проблемам. Идеология, законодательство, партийная политика большевиков в этой области были предметом первых исследований, поскольку источники о них доступнее. Открытие доступа к более разнообразным материалам — архивным, региональным и статистическим — ставит эту новаторскую работу в более широкий контекст. Ныне постановка вопросов о взаимосвязях долгосрочных социальных процессов и непосредственного воздействия войны и революции может стать продуктивнее.

Литература

Быстрянский В. Коммунизм, брак и семья. Пг., 1921.

Ваксберг А. Валькирия революции. М., 1997.

Денисова Л. Н. Судьба русской крестьянки в XX в.: брак, семья, быт. М., 2007.

Коллонтай А.: Новая мораль и рабочий класс. М., 1918; Семья и коммунистическое государство. М., 1920.

Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004.

Хилли Д. Гомосексуальное влечение в революционной России: Регулирование сексуально-гендерного диссидентства. М., 2008.

Энегл Б. Из бабы в даму? // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX — XX веков. СПб., 2009.

Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX вв. М., 1996.

Bernstein F. The Dictatorship of Sex. Lifestyle Advice for the Soviet Masses. De Kalb, 2007.

Carleton G. Sexual Revolution in Bolshevik Russia. Pittsburgh, 2005.

- Hoffmann D.L.* Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917-1941. Ithaca, 2003.
- Husband W.B.* Godless Communists: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917-32. DeKalb, 2000.
- Kollontai A.* Love of Worker Bees. London, 1977.
- Lapidus G.* Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change. Berkeley, 1978.
- Schlesinger R.* Changing Attitudes in Soviet Russia: The Family. London, 1949.
- Women and Society in Russia and Soviet Union. Cambridge, 1982.
- Wood E.* The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington, 1997.

Советское государство

РОБЕРТ СЕРВИС

С самого начала советское государство представляло собой экстраординарный политический строй, и лишь наше ретроспективное знание порой мешает нам признать этот факт. Его основные черты определились уже в течение двух лет после Октябрьской революции. Попытки выделить отдельные периоды в истории СССР обречены на неудачу: единственный разумный путь к пониманию этой истории лежит в признании факта, что режим, установленный в 1917–1919 годы, оставался неизменен до конца 1980-х годов.

В формальном плане это государство претерпело значительные территориальные и институционные изменения. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР) провозглашена в январе, а ее Конституция принята в июне 1918 года. Территория, находившаяся под ее контролем, сокращалась и вновь увеличивалась в ходе Гражданской войны. После Октябрьской революции республике принадлежала большая часть территории Центральной и Северной России, Киев был занят через несколько месяцев; однако Брестский мир вырвал все нерусские территории из-под контроля Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР, а существование в Самаре Комуча (Комитета членов Учредительного собрания) означало вооруженную борьбу и в самой России. Однако к концу 1919 года Красная Армия овладела почти всей территорией России и продвинулась на Украину и в Белоруссию. Возник вопрос, каковы будут отношения РСФСР с вновь занятыми территориями бывшей Российской империи. Поначалу политика Политбюро состояла в заключении двусторонних договоров с новыми советскими республиками. Хотя многие большевистские руководители, не входившие в Политбюро, сочли это излишней уступкой националистическим настроениям, существование нескольких советских республик, несомненно, способствовало появлению у представителей нерусских национальностей ощущения, что при красных они скорее добьются процветания, чем при белых. Окончательное определение национально-государственного устройства было отложено до конца Гражданской войны; когда же она закончилась, Сталин и прочие начали настаивать на включении остальных советских республик в состав РСФСР.

Против этого предложения энергично выступил Ленин. В середине 1922 года он убедил высшее руководство партии в необходимости создать Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Союз будет иметь формально федеративную структуру, а РСФСР станет просто самой большой советской республикой, обладающей равными правами и равным статусом с остальными частями Союза.

Реальность была такова, что эта структура неизбежно оказалась проникнутой централистскими тенденциями. СССР был однопартийным государством, фактически с окончательного разрыва большевиков с левыми Эсерами в июле 1918 года. Другим партиям, в частности, меньшевикам, в период Гражданской войны позво-

лили легально действовать в ограниченных рамках. Однако Ленин с ближайшими единомышленниками всегда стремились укрепить контроль своей партии над государственным аппаратом и изолировать от власти другие политические течения. Формально утверждение однопартийного государства не было объявлено. Однако начавшиеся после Октябрьской революции аресты ведущих членов партий, считавшихся врагами социализма, не прекращались. Преследования против групп и организаций меньшевиков, эсеров и левых эсеров продолжались всю Гражданскую войну. В 1922 году устроили показательный судебный процесс против видных членов Партии социалистов-революционеров. К тому времени другие партии подвергли преследованиям и на тех нерусских территориях, где установилось советское правление. Во главе СССР стояла единственная партия РКП(б), не терпевшая соперничества своему господству.

Эта партия реально правила в своем однопартийном государстве. В первые месяцы после Октябрьской революции ещё не было решено, как всё будет устроено. Большевистский ЦК действовал, руководствуясь соображением, что он может способствовать интересам развития революции, главным образом намечая общую политическую линию и посылая лучших партийцев руководить различными государственными учреждениями. С ноября 1917 года, когда левые эсеры согласились войти в СНК членами правительственной коалиции, ситуация усложнилась. После оживленных дискуссий обе партии пришли к согласию по выработке общей политической линии. Новые трения были неизбежны, но в большинстве вопросов удавалось достичь компромисса, например, в феврале 1918 года приняли решения по аграрной проблеме.

Вопрос о мире с Германией вызвал сильнейшие внутренние разногласия среди большевиков. Перед тем как перейти к обсуждению проблемы с левыми эсерами, они пытались сформулировать собственную разумную политику в вопросе войны и мира. Так партия сформировалась в институт, способный наиболее эффективно и четко руководить в условиях хаоса и раздоров. Разумеется, большевики задолго до 1917 года привыкли к самоорганизации в изоляции от других политических группировок даже внутри РСДРП. Более того, их общие доктрины вели к пониманию партии — их отдельной партии! — как руководящей силы победоносной социалистической революции. Большинство виднейших руководителей партии сформировались как политики в среде с жесткой групповой лояльностью по отношению к большевизму. Уже весной 1918 года раздавались голоса, что партия должна сохраняться как автономный институт, если революция хочет уцелеть.

В таком развитии событий имелся и организационный, и политический аспект. СНК унаследовал в высшей степени расстроенный государственный механизм. Большевики до своего прихода к власти сами сделали всё возможное, чтобы его расшатать. Когда они взяли власть, центральные органы с трудом могли рассчитывать на выполнение своих указаний на местах. Руководящая вертикаль фактически исчезла из реальной жизни. На горизонтальном уровне также всё пришло в расстройство. Различные государственные органы на каждой ступени территориально основанной иерархии действовали, не обращая особого внимания на желания друг друга. Несогласованность действий была скорее правилом, чем исключением.

Октябрьская революция усугубила трудности. Министерства переименовали в Народные комиссариаты (наркоматы) и поручили продолжать бесперебойное государственное управление. Однако большевики учредили и совершенно новые

органы для отправления общественных функций. Они не только преобразовали Советы в правительственные институты, но также побуждали фабрично-заводские комитеты, профсоюзы, солдатские комитеты и земельные коммуны проводить антикапиталистическую революцию таким способом, каким они сами находили нужным. Следствием была полная неразбериха среди конкурировавших, конфликтовавших между собой властных органов. Более того, наряду с «массовыми организациями» в форме Советов, большевики образовали несколько новых организаций. Каждый раз, когда они видели, что наркомат не может должным образом справиться с той или иной задачей, они создавали дополнительный орган. Наиболее яркими примерами могут служить Наркомат по делам национальностей и ВЧК. Оба этих органа созданы как средства придания приоритета мерам, которые иначе не могли быть приняты с быстротой, требуемой в данных условиях; оба делили полномочиями, которых не имели другие наркоматы. Неудивительно, что административный разброд наблюдался не только в столице, но и в губерниях. Этим перечень унаследованных и новых проблем не исчерпывался. Большевики ещё больше способствовали неразберихе, в связи с крайней необходимостью учредили ряд временных органов для решения некоторых частных вопросов. Так, в январе 1918 года СНК назначил уполномоченных лиц под руководством Александра Шляпникова и наделить их диктаторской властью над железнодорожной системой страны.

Это был первый из уполномоченных органов, которые должны были срочно заняться предметами забот официальных творцов политики за счет других проблем. Хаос усиливался. Советским государством управлял сонм конкурирующих учреждений, члены которых из документов, подтверждающих их полномочия, зачастую имели на руках только спешно, кое-как составленные мандаты, выданные в Петрограде. Очень часто одного мандата оказывалось недостаточно, и должностные лица в ожидании осложнений брали с собой пистолет. Оружие брали с собой также из соображений личной безопасности. Ленин сам никуда не ходил без браунинга, хотя это не помогло, когда в 1919 году на московской улице его машину остановили грабители.

В центре хаос был не меньше, чем где-либо. СНК формально был правительством. Однако он был наделен властью II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, который открылся в Петрограде 25 октября 1917 года, и на этом же съезде был избран Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) в свою очередь, избравший Президиум ВЦИК, который возглавлял Яков Свердлов до кончины в марте 1919-го. Четкого разграничения функций никогда даже не пытались всерьёз сделать. В течение нескольких месяцев оставалась теоретическая возможность того, что конституционная основа государства будет переопределена Учредительным собранием. Ленин не хотел проводить выборы в Учредительное Собрание, предвидя, что большевики их проиграют. Однако ему пришлось уступить другим членам ЦК большевиков. Выборы состоялись, как и обещано, в середине ноября. Большевики проиграли, получив лишь четвертую часть голосов. В конце концов, Ленин своего добился, большевики и левые эсеры силой 6 января 1918 года разогнали Всероссийское Учредительное собрание. III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 10–13 января утвердил образование СНК как правительства революционного государства.

Однако и роспуск Учредительного собрания не сделал ничего для прояснения отношений между СНК и ВЦИК. Это не имело большого значения для практиче-

ской политики. Ленин и Свердлов работали дружно и сплоченно, передавали друг другу важные документы на подпись. Свердлов одновременно был секретарем ЦК РКП(б), что служило дополнительной смазкой для колес государственной машины. Многие другие большевистские лидеры во второй половине 1918 года были назначены на руководящие посты в Красной Армии, так что эти два человека сконцентрировали в своих руках почти все текущее управление.

Однако у них имелись критики. Многие большевики на местах чувствовали, что нужен более определенно выраженный государственный строй; они стояли за централистские, авторитарные принципы и настаивали на проведении решительных организационных преобразований. Нет нужды объяснять, что Ленин и Свердлов находили немало разумного в этих идеях. Они тоже хотели централизованного государства и обладали умением и непреклонностью для его насаждения. Так, центральные и местные большевистские руководители пришли к согласию на предмет кардинального приоритета институциональной трансформации. После споров и дискуссий во второй половине 1918 года и первой четверти 1919-го они склонились к консолидации РКП(б) как высшего института советского государства во всём, кроме названия. Их мышление было в высшей степени практичным. Они считали, что только партия обладает видением, идеологией, достижениями в революционной борьбе и кадрами для обуздания хаоса и формирования элементов порядка. У партии была и оперативная организация. Итак, на втором году после Октябрьской революции возникло однопартийное государство, реальная и концентрированная власть над которым принадлежала большевикам.

Для центра это означало, что важнейшие решения принимает теперь не СНК и не ВЦИК, а ЦК РКП(б), мозговой центр государства. Точнее сказать, не весь ЦК, а его Политбюро, определявшее основные направления государственной политики. В Гражданскую войну в Москве могли оставаться лишь несколько членов ЦК, большинство руководили государственными органами на местах или выполняли функции главных политических комиссаров в Красной Армии и не могли заниматься повседневной работой в столице. Политбюро ЦК РКП(б) редко собиралось в полном составе. После смерти Свердлова в марте 1919 года от «испанки» в него входили В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Л. Б. Каменев и Н. Н. Крестинский. Троцкий и Сталин часто отсутствовали и обычно выражали мнение в телеграммах. Таким неожиданным способом Политбюро ЦК утверждало свою роль господствующего института в партии сразу же после своего создания в январе 1919 года.

Отсутствующие руководители всецело доверяли Политбюро ЦК, сами же обладали автономной властью в различных учреждениях, ими возглавляемых. Можно привести немало примеров: Троцкий был председателем Реввоенсовета Республики, Каменев возглавил Московский Совет, Ф. Э. Дзержинский возглавлял ВЧК, Г. Е. Зиновьев — Петроградский Совет и Исполком III (Коммунистического) Интернационала, Бухарин был редактором «Правды». Решением многих других важных задач занимался Сталин, часто бравшийся за всякие срочные проблемы. В середине 1918 года, оставаясь наркомом по делам национальностей, он был главным политическим комиссаром Южного фронта; в 1919-м назначен членом Политбюро и Оргбюро ЦК, в 1920-м — первым председателем Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрина), а затем — членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта, войска которого в середине 1920 года изгнали поляков с Украины. Все эти руководители имели возможность проявить на своих постах максимум инициативы при достижении общих целей, поставленных Политбюро ЦК РКП(б).

Власть давалась им легко, и им, как правило, удавалось умирить свои амбиции в интересах общего дела. Отношения с Троцким у многих были сложные; сражаться с ним Сталину, Зиновьеву и Каменеву удавалось с трудом. Но у членов большевистского руководства не было иного выбора, как уступить требованию Ленина работать одной командой, иначе из-за внутренних противоречий партия лишится будущего.

Разногласия смягчались благодаря самостоятельности, дававшейся политическим руководителям при выполнении своей работы. Так или иначе, никто из большевиков не был связан путами конституционной процедуры. Централизм, иерархия и дисциплина были целью, но эти цели были проникнуты неуклонным стремлением к действию. Свердлов в одну из первых недель после Октябрьской революции так выразил свое отношение: «Вы понимаете, товарищи, что трудно дать вам более конкретные инструкции, чем “*Вся власть Советам!*” Это, очевидно, все, что можно сказать, разве что добавить, что крайне важно установить контроль над почтой, телеграфом и железными дорогами». Эти слова частично исходили из желания, чтобы революция шла «снизу» и одновременно насаждалась «сверху». В них также отразилось признание неспособности центра обеспечить места человеческими и материальными ресурсами. Но в этом особенно отразилось упорное, идущее из самой глубины неприятие ограничений, установленных правилами и законами. Большевики рассчитывали применять действие своего драконовского законодательства к другим, в первую очередь к врагам, сами же они не собирались им руководствоваться.

Итак, на самом глубинном уровне советское государство было воплощением конституционного и правового нигилизма. Первые декреты СНК, как откровенно заявил Ленин, не были задуманы как формулировки, удовлетворительные для профессоров юриспруденции, должны воодушевлять, волновать и побуждать. Для процесса революционного преобразования требовалось народное участие. Отнюдь не расстраиваясь из-за «эксцессов», совершаемых рабочими и крестьянами, некоторые вожди большевиков, в частности, Ленин и Сталин, одобряли их рвение. Если декреты порой претворялись в жизнь несколько иным способом, чем предполагал СНК, это оказывалось ценой, которую большевики были готовы платить ради политической мобилизации.

Такой подход не исчез полностью в Гражданскую войну. Центральные учреждения режима пытались уменьшить открытый институционный беспорядок. Действительно, переход перестроенной на принципе централизма партии на положение высшей государственной силы определенно вел к отходу от утопизма 1917 года. Кампания по укреплению административной иерархии была неумолимой; даже различные внутренние оппозиции в партии выступали под лозунгом централизованного контроля. Более того, наряду с благосклонностью по отношению к рабочим, крестьянам и солдатам всё сильнее проявлялись существенные ограничения, налагаемые на их самостоятельные коллективные действия. Партия и правительство осуществляли строгий контроль над профсоюзами. Солдатские комитеты были просто упразднены. Уездные и сельские Советы были организованы в пику крестьянским земельным коммунам; городские власти с середины 1918 года назначали квоты на поставку зерна, сена, новобранцев для армии и рабочей силы из деревни.

Тем не менее, несмотря на все эти перемены, у местных административных органов оставалось достаточно простора для инициативы в рамках политической

линии, выработанной центральной властью. Веберовская модель упорядоченного, регулируемого правилами администрирования не была принята большевистской партией. Ближе всех к такому образу мышления был Троцкий, но и он отдавал предпочтение действию, а не правилам и процедурам. Марксистско-ленинская теория враждебно относилась к процедурным принципам, а Гражданская война из практических соображений выдвинула на передний план необходимость для властей на местах импровизировать и принимать меры, годные для преодоления трудностей военного времени.

Губерниям приходилось самим, по мере своих сил, справляться с проблемами. Местные большевистские руководители превратились в маленьких лениных. Они возглавляли и руководили не только партийными комитетами, но и разными местными советскими органами. Например, Лазарь Каганович в Нижнем Новгороде в 1917 году был председателем губернского партийного комитета и исполкома губернского Совета. Местные руководители издавали собственные декреты и сочиняли свои законы. Процесс установления правовых норм, наметившийся в последние десятилетия царского режима, канул в Лету. До весны 1918 года Наркомату юстиции удавалось еще кое-как ограничивать нарушения конституционного строя, но главным образом в результате действий левых эсеров, входивших в СНК. После раскола между большевиками и левыми эсерами этот наркомат фактически прекратил существование до конца Гражданской войны. Защита советских граждан перед законом была бесполезна. Административный произвол стал нормой.

Это не было случайным явлением. Как марксисты, большевики всегда утверждали, что разговоры о разделении законодательной, исполнительной и судебной властей — это «буржуазный обманый трюк». На самом деле, говорили они, средние классы всегда создают лишь видимость такого разграничения. После Октябрьской революции большевики не собирались распылять захваченную власть средствами какого-либо серьезного функционального распределения. Они принимали решения, которые сами выполняли, по которым сами выступали в роли судей. Для центра это означало, что, например, Политбюро ЦК РКП(б) в 1922 году не только решало, как организовать гонения против Православной Церкви, но также рассылало свои административные инструкции по структурам партии, Советов и политической полиции, даже оговаривало точные меры наказаний, которым следовало подвергать арестованных иерархов. В том же ключе действовали руководящие партфункционеры в каждом губернском городе.

Урегулирование внутренних разногласий неизбежно проходило эффективнее в Москве и Петрограде, чем в других местах. Перемещение фронтов Гражданской войны приводило к тому, что ни одному местному руководителю не удавалось вести дела непрерывно. Несколько обстоятельств мешали ему. Во-первых, он не мог сохранять неизменным находившийся под его началом персонал: призыв в армию проводили неоднократно. Во-вторых, местность могла быть занята воинскими соединениями, причем не только красноармейскими, но и отрядами ЧК или Наркомата продовольствия. В такой обстановке вновь и вновь происходили нарушения созданного порядка.

Упорядоченности препятствовали также политические и социальные составляющие советского режима на низших уровнях. В центре было достаточно легко обеспечить, чтобы ведущие посты в государстве занимали только испытанные, пользующиеся доверием большевики. Можно насчитать лишь несколько исключений. Например, Г. В. Чичерин, преемник Троцкого на посту наркома по иностран-

ным делам, бывший меньшевик, примкнул к большевикам только после Октябрьской революции. Однако на низших ступенях иерархической лестницы насчитывалось множество не большевиков. Вряд ли могло быть иначе. В большевистской партии было всего несколько тысяч членов в момент падения монархии в феврале 1917 года, и хотя на протяжении года партия быстро росла, ей пришлось прибегнуть к услугам чиновников царского режима. Эти лица составляли основную часть сотрудников наркоматов. Проходилось проводить чистки; из Наркомата иностранных дел, например, устранили всех прежних руководителей. Шаги в этом направлении предпринимало и Временное правительство; однако, для большевиков, обращавших открытые угрозы к противникам режима и их сторонникам, это стало делом первостепенной важности. Партия должна была избежать свержения своей власти внутренним мятежом.

Одновременно партия стимулировала выдвижение рабочих и других выходцев из «низов» на административную работу. Это проводилось в особо крупных размерах в государственных экономических учреждениях. Рабочие становились директорами и заведующими, некоторые прошли специальную подготовку, что позволило занять политические посты в 1920-е и особенно 1930-е годы.

Выражение «диктатура пролетариата» далеко не соответствует реально сложившейся системе государственного управления. Высшее руководство хорошо знало, благодаря секретным статистическим сведениям, что значительная часть государственных служащих скрывает своё социальное происхождение. Среди рабочих грамотные и имевшие управленческий опыт люди были редкостью; зато таких было много в других социальных слоях. И служащие стоявших без дела крупных фабрик и заводов, и бывшие владельцы магазинов и мелких предприятий были готовы идти на государственную службу ради хлеба насущного. Это было одним мотивом, другим же — личные амбиции. Создавалось впечатление, что при большевиках, как и при Временном правительстве, способный человек имеет шанс сделать карьеру. Поэтому несколько тысяч молодых управленцев и армейских офицеров пошли на службу режиму. В разгар Гражданской войны около 60 тыс. бывших офицеров Императорской Армии служило в Красной Армии. Тысячи опытных профессионалов, не сумевших проявить себя в прежних царских министерствах, работали в наркоматах. В результате горстка большевиков оседлала огромную государственную структуру, включавшую административный корпус, ничего не знавший о большевизме.

Это, в свою очередь, делало государственные институты менее отзывчивыми, чем могли быть, к текущей политике партии. Попытки большевиков внедрить в них свои доктрины оказались безрезультатны, имея успех главным образом лишь среди партийцев; такое положение особенно характерно для периода военного конфликта. Многие считали, что политический, социальный и культурный состав советских государственных служащих рано или поздно повлияет на природу государственной политики. В Харбине группа эмигрантов под руководством Николая Устрялова выразила такие идеи в сборнике статей 1921 года «Смена вех». Сменовеховцы высказали предположение, что советское руководство будет неуклонно избавляться от большевизма и эволюционировать в направлении политики российского империализма и экономической и культурной модернизации страны. Таким образом, по Устрялову, интернационалистический, классовый утопизм, в конечном счете, уступит место более реалистичной оценке долгосрочных интересов и повседневных нужд страны.

Для рассмотрения большевизма в такой перспективе определенно имелись некоторые основания. То, что многие управленцы низшего уровня вели себя в соответствии со сменовеховскими постулатами, подтверждает, что действительно существовала возможность постепенной трансформации режима. Однако вожди большевиков знали этот прогноз и готовы были приложить все усилия, чтобы он не сбылся. Перед их глазами был исторический прецедент: перерождение Французской революции в бонапартистскую диктатуру. Многие из них видели в Троцком потенциального советского Бонапарта. Троцкий энергично продвигал тех, кто не был большевиками, на командные должности в Красной Армии и Реввоенсовете Республики. Он и сам до июля 1917 года не был большевиком. В России, как и в революционной Франции, имелись острые противоречия внутри государства и между государством и различными социальными группами, противоречия, которые не были ликвидированы большевистским однопартийным государством. Многие большевистские руководители в центре и на местах высказывали опасения, что какая-нибудь харизматическая личность с непомерными амбициями может предпринять попытку военного переворота.

Имелось, однако, несколько аргументов в пользу того, что события не пойдут автоматически по французскому сценарию. Прежде всего, о подобных прецедентах было хорошо известно, они широко обсуждались. Более того, Троцкий не выказывал намерения пойти по стопам Наполеона Бонапарта. После 1920 года он не выделялся среди тех немногих большевиков, которые стремились разнести по миру Октябрьскую революцию на остриях штыков.

Устрялов и его единомышленники-националисты сильно недооценили значение интернационализма для внутренней и внешней политики режима. Интернационализм был порождением социалистической идеологии в целом и марксизма в частности. Он также был связан с личным происхождением большевистских вождей. Из членов Политбюро ЦК РКП(б), избранного после марта 1919 года, в анкетной графе «национальность» лишь Ленин мог написать «русский», хотя имел нерусские корни. Сила этого нерусского происхождения не ограничивалась Политбюро ЦК или даже ЦК и СНК. Она просматривалась не только в советских республиках за пределами РСФСР. В 1919 году были предприняты попытки основать автономные республики на национальной основе внутри РСФСР, и в 1920-е годы такие республики действительно образовали. В каждой из этих республик местные нерусские получали приоритет при выдвижении на руководящие должности. Повышенное уважение оказывалось религиозным верованиям и культурным традициям украинцев, грузин и других народов. СССР, отказывая народам в праве на отделение или проведение плебисцита, сделал беспрецедентные уступки пожеланиям людей, не говоривших по-русски и не желавших иметь ничего общего с русской культурой. Большинство должностных лиц не имело склонности ни к русскому, ни к любому другому национализму.

Нельзя отрицать, что имелись иные способы, которыми в советском государстве, во всех его формах, проявлялись традиционные черты Российской империи. В наследство от неё остались худшие черты царской бюрократии. Процветало взяточничество, чиновники были ленивы, самодовольны, враждебно встречали законные требования граждан. Управленческая технология была слабой и с 1917 года стала ещё слабее. Чиновников местных отделений наркоматов редко наказывали за нарушения полученных свыше инструкций и указаний.

Пресловутое самодовольство царских министров не исчезло, но, наоборот, укрепилось. В то же время пространство для автономной гражданской активности резко сократилось. Промышленность к середине Гражданской войны была почти полностью национализирована. Торговля подвергалась строгой регламентации, земледелие постоянно страдало от государственного давления. Введение НЭПа в 1921 году уменьшило, но не устранило преобладания государства в экономике. Государство активно вмешивалось и в культуру, в 1922 году ввело цензуру в форме Главлита. Обеспечение отдельных граждан работой, жильем, продовольствием и врачебной помощью зависело от партийных и государственных структур. Административная машина по-прежнему была расшатанной, и всё же проникновение государства в жизнь общества было всё глубже и глубже. Неизбежным следствием было формирование поведенческой культуры, основанной на постоянной потребности граждан выстаивать в очередях, упрашивать или подкупать чиновников для получения того, что теоретически должно было предоставляться по закону.

Встает вопрос, было ли всё это неизбежным. Некоторые полагают, что менее авторитарному подходу помешали обстоятельства, независимые от воли партии большевиков, такие как экономическая отсталость страны или иностранная интервенция. Другие считают, что если бы ленинские принципы претворили в жизнь, бюрократический Левиафан никогда бы не был сотворен. Оба апологетических подхода неубедительны, хотя и следует допустить, что партия столкнулась с огромными объективными трудностями и реально пыталась улучшить условия жизни и работы большинства людей. Бюрократический Левиафан коренится именно в способе захвата власти в октябре 1917 года. Авторитаризм не был случайным побочным продуктом ленинизма. Он составлял его сердцевину, он культивировался и укреплялся в ряду беспощадных акций в ответ на возникавшие в 1917–1920 года обстоятельства. К ним относятся не только походы Белых армий, но и крестьянские восстания, рабочие забастовки и бунты в частях Красной Армии. Установление однопартийной системы завершило процесс.

Логика этого исторического развития была несокрушима до тех пор, пока руководство КПСС не подвергло сомнению основу Октябрьской революции. Это случилось лишь в конце 1980-х годов, но и тогда Горбачев предпринял лишь первые робкие шаги. Этому предшествовал 70-летний период существования ужасной разновидности государства, экономики и общества.

Литература

Декреты Советской власти (1917–1921). М., 1957–2006. Т. 1–17.

Первое советское правительство: октябрь 1917 — июль 1918 г. М., 1991.

Письма во власть. 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998.

Поляков Ю. А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1987.

Carr E. H. The Bolshevik Revolution. Vol. 2. London, 1952.

Figs O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution (1917–1921). Oxford, 1989.

-
- Party, State and Society in the Russian Civil War / Ed. by D. Koenker, W. G. Rosenberg, R. G. Suny. Bloomington, 1989.
- Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. New York, 1968.
- Sakwa R.* Soviet Communists in Power: A Study of Moscow during the Civil War, 1918–1921. London, 1988.
- Service R.* Lenin: A Political Life. Vol. 3: The Iron Ring. London, 1995.

НИКОЛАЙ СМИРНОВ

В революционные месяцы 1917 года Советы, выборные политические организации, стремительно эволюционировали из органов революционной демократии в органы государственной власти и местного самоуправления. Уже 27 февраля 1917 года меньшевики и эсеры создали в Таврическом дворце собрание полномочных представителей промышленных предприятий Петрограда, создавшее Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Исторический опыт Первой российской революции способствовал необычайно быстрому структурированию Совета, определению его ближайших и перспективных задач. Участники первого заседания Совета из числа наиболее известных и авторитетных руководителей рабочего и политического движения первыми получили статус депутатов и сформировали руководящий орган — Исполнительный комитет. Преобладание в нем эсеров и меньшевиков отражало степень их влияния на рабочих и солдат. Сообщение о начале работ Петроградского Совета и призыв его Исполкома к созданию Советов на местах разослало Петроградское телеграфное агентство (ПТА).

Вряд ли простым совпадением следует считать факт одновременного оформления Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. И в том и в другом случае свою роль сыграл прекративший работу парламент (Государственная дума). Но если вокруг Временного правительства концентрировался политический правый лагерь (кадеты, октябристы, так называемые ценовые элементы и др.), Советы создавали леворадикальные партии и группы (прежде всего, эсеры и меньшевики). Советы мыслились естественным противовесом правительству и с момента своего возрождения были нацелены на исполнение контрольных функций. Самим фактом организации Советов были призваны восполнить отчасти лагуну, образовавшуюся с отказом Временного правительства возобновить работу парламента, одной из важнейших задач которого был контроль за работой министерств и ведомств. Не наделенный функциями законодательными, Петроградский Совет с первых же часов своей деятельности начал издавать приказы, постановления и распоряжения, имевшие для подавляющей части населения страны силу конституционную, силу закона. Создание Советов стало вторым путем складывания новой российской государственности после событий 23–27 февраля. И этот тип государственности — советский — развивался стремительно.

Уже в марте в стране действовало более 600 Советов депутатов рабочих, солдат, матросов, крестьян, казаков. Советизация России активно продолжалась и в последующие месяцы. Наибольшее распространение получили следующие типы Советов: рабочих депутатов, рабочих и солдатских депутатов, крестьянских депутатов (создавались по примеру Советов рабочих депутатов наряду с крестьянскими комитетами и другими организациями), матросских депутатов (на военно-морских базах в Севастополе, Гельсингфорсе и др.), мусульманских рабочих депутатов в Средней Азии; а также объединенные Советы рабочих, солдатских и крестьянских

депутатов. Быстрота создания новых органов революционной демократии объяснялась как использованием опыта Революции 1905–1907 годов, так и стремлением повторить опыт Петрограда. Поэтому не случайны единообразие структуры, методов и форм практической работы Советов.

От первоначально заявленной цели (защита интересов трудящихся и эксплуатируемых масс, ограждение их от посягательств заводчиков, фабрикантов, помещиков) руководство Советов в считанные дни перешло к осуществлению функций государственного и политического руководства. С активизацией деятельности большевиков противостояние двух властных структур, правительства и Советов, обострялось. Вступление меньшевиков и эсеров в состав Временного правительства не только не ликвидировало «двоевластия», но, под усиленной критикой со стороны большевиков, вело к «вымыванию» умеренных социалистов из депутатского корпуса Советов. Призыв VII (Апрельской) конференции ЦК РСДРП (б) к созданию Республики Советов в массовом сознании ассоциировался с завершением борьбы угнетенных против своих угнетателей.

Уже в марте 1917 года, согласившись с предложенной формой «постольку, поскольку» (Советы признали Временное правительство постольку, поскольку оно признает Советы), правительство утратило возможность принятия «непопулярных» мер. Его попытки оздоровить промышленное производство за счет ограничения заработной платы и введения прямой милитаризации труда, равно как сведения о возможном расширении военных действий, заканчивались волнами политических кризисов в апреле, июне, июле и сменой состава правительства. Лозунг «Вся власть Советам!» постепенно вытеснял на митингах и демонстрациях идею скорейшего созыва «хозяина земли русской» — Учредительного собрания.

Выборы депутатов в Совет проводились по демократическому принципу: коллектив, насчитывающий от 10–50 до 100 и более рабочих, крестьян, солдат избирал из своей среды путем прямого голосования собственного депутата вне зависимости от его имущественного ценза, оседлости, национальности, партийности и вероисповедания; депутат был подотчетен своим избирателям, поддерживал с ними постоянную связь и требовал исполнения данных ему наказов; он в любой момент мог быть отозван из Совета; при выборах депутатов главную роль играли такие ценностные ориентиры, как честность и порядочность, отсутствие политических амбиций и т. д. Однако общественные и политические деятели, имеющие навыки работы с массами, захватывали в Советах руководящие посты. У руля Петроградского Совета оказались меньшевики Ф. И. Дан и И. Г. Церетели. Большинство рядовых депутатов выступали в роли политических статистов, «болота». Это во многом напоминало Конвент времен Великой Французской революции. Большевики и их политические оппоненты боролись за влияние в «болоте», которое определяло принятие тех или иных решений.

До июня Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов исполнял функции центрального органа местных Советов. На него ориентировались и за ним следовали Советы на местах. I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов создал Центральный Исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов (ЦИК СРиСД) и I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов создал Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов (ИК СКД). Эти высшие руководящие органы Советов до ноября 1917 года работали раздельно. Оформление центральных советских органов на деле означало создание государственного аппарата нового типа, чьи претензии на всю

полноту власти в России неизбежно вели к столкновению с Временным правительством и ликвидации двоевластия.

Делегировав своих представителей в коалиционное Временное правительство, руководство Советов в определенной степени получило моральное право диктовать министрам собственные правила игры. С другой стороны, коалиционный министерский состав обязывал Советы нести известную ответственность за работу Временного правительства. В этой ситуации к Советам переходило естественное право, присущее любому парламенту, контролировать деятельность правительства. На практике ЦИК Советов в любой момент мог создать прецедент правительственного кризиса (путем отзыва своих представителей) и смены Кабинета министров, что и происходило в последующем. Государственные функции Советов укреплялись также благодаря практически полному контролю над армией и так называемой Красной гвардией. Попытки Временного правительства изменить ситуацию были безрезультатны в силу падения его авторитета среди подавляющей части населения.

Местные Советы в своей практической деятельности руководствовались рекомендациями ЦИК СРиСД и ИК СКД. Экономическая разруха, неудачи на военном театре действий, обнищание большей части городского и сельского населения, характерные для лета–осени 1917 года, побуждали местные Советы брать на себя функции органов местного самоуправления — земств и Городских дум. Менялась структура Советов. Их исполнительные комитеты создавали комиссии, отделы и комитеты по вопросам хозяйственной деятельности, организации народного просвещения и здравоохранения, экономическим и финансовым. Представители органов местного самоуправления, кооперативов, различного рода союзов и организаций активно включались в будничную жизнь Советов. На высшем уровне министры и их заместители, губернаторы, руководители Городских дум и земств всё чаще выступали с отчетами на пленарных заседаниях съездов Советов, участвовали в их работе. В армейских частях распоряжения Советов солдатских депутатов и воинских комитетов воспринимались как руководство к действию больше, чем приказы военного командования. Укрепление и рост Советов как органов власти неизбежно ограничивали действия органов Временного правительства.

С февраля по октябрь 1917 года Советы в своем развитии прошли три этапа.

Первый этап (февраль–июль) — двоевластие и возможность мирного перехода всей власти к Советам. Однако эсеро-меньшевистское руководство Советов считало, что революция в России не может выйти за рамки буржуазной, и рассматривало Советы как временные организации, необходимые только до созыва Учредительного собрания. Большевики, напротив, стремились путем установления собственного контроля над Советами превратить их в постоянные единовластные органы, несущие всю полноту ответственности за революционные преобразования в обществе.

Второй этап (июль–август) — от Июльских событий до Корниловщины — временный отход от принципов двоевластия. Умеренное социалистическое руководство Советов предоставило Временному правительству известную свободу действий в разгроме большевиков, что привело к падению авторитета эсеров и меньшевиков. Советы практически превратились в безвластные органы. Лишь там, где позиции большевиков были сильны, Советы и после Июльских дней вели себя как органы власти. Решение VI съезда РСДРП(б) временно снять лозунг «Вся власть Советам!» было обращено не столько к рабочим и крестьянам России,

сколько к депутатам большевикам и партийным агитаторам. Фактически оно объявляло о начале борьбы за изгнание из Советов эсеров и меньшевиков. Не случайно даже в руководстве РСДРП(б) оно не получило безоговорочного признания. Большинство Советов по-прежнему возглавляли политические противники большевиков и, в целом, поддерживались аполитичным народом. Идея Советов захватила даже российскую интеллигенцию. Если до Июльских событий Советы депутатов трудовой интеллигенции были единичны, то в июле–сентябре их уже насчитывались десятки.

Третий этап (август–октябрь) — от революционного подъема в дни Корниловщины до Октябрьского вооруженного восстания и перехода всей полноты власти в руки Советов. Характерные черты этапа — усиление процесса большевизации Советов и все более настойчивые требования перехода власти к Советам через их всероссийский съезд. С осени местные Советы опирались на вооруженную силу Красной гвардии и революционных солдат, но еще были ограничены в своих действиях Временным правительством и местными органами буржуазной власти. Уже в сентябре 126 местных Советов требовали перехода всей полноты власти в стране к Советам рабочих и солдатских депутатов. Требование поддержало большинство областных и губернских съездов Советов, состоявшихся в октябре. Бурная большевизация Советов осени 1917 года создала новые возможности для возвращения Советам роли органов революционной власти.

К октябрю 1917 года в России, по неполным данным, действовало 1429 Советов. Из них 706 объединяли рабочих и солдат, 235 — рабочих, солдат и крестьян, 455 — крестьян, 33 — солдат. Подавляющая часть Советов крупных промышленных районов страны фактически осуществляла лозунг «Вся власть Советам!» Советы непромышленных районов страны поддерживали «власть демократии» и «власть коалиции».

С победой Октябрьского вооруженного восстания власть свергнутого Временного правительства сменилась властью Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Законодательно процесс перехода всей власти к Советам закрепил II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (Петроград, 25–27 октября). Высшим органом государственной власти был объявлен Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), высшим исполнительным органом власти (правительством, ответственным перед ВЦИК) — созданный съездом Совет Народных Комиссаров (СНК).

Рабочие и солдатские Советы стали инициаторами объединения с крестьянскими Советами. Слияние происходило, как правило, путем избрания крестьянскими съездами своих представителей в исполкомы Советов рабочих и солдатских депутатов и создания единых органов власти рабочих и крестьян. Процесс сопровождался изгнанием из Советов правых эсеров и меньшевиков, усилением влияния большевиков. Наиболее стремительно процесс слияния проходил в районах, прилежавших к крупным промышленным центрам. Росло число объединенных Советов и в непромышленных губерниях, где после победы Октябрьского восстания заметно возросло влияние большевиков.

Слияние Советов заметно ускорилось после принятия на Чрезвычайном Всероссийском съезде крестьянских депутатов 11–25 ноября 1917 года решения об объединении ЦИК Советов крестьянских депутатов с ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. Затем это решение подтвердил II Всероссийский крестьян-

ский съезд Советов 26 ноября — 10 декабря и, по мнению В. И. Ленина, «дал победу Советской власти». Процесс объединения Советов завершился в основном к марту 1918 года.

В ноябре–декабре 1917 года эсеры и меньшевики безуспешно пытались перехватить инициативу у большевиков. К III Всероссийскому съезду Советов 13 января 1918 года установилось качественное изменение партийного состава депутатов.

Большинство действовавших к январю 1918 года Советов избрано в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания и вскоре после его победы и являлось объединенными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В первые месяцы Советской власти сформировалась система государственных органов диктатуры пролетариата. Принятая III Всероссийским съездом Советов 15 января 1918 года резолюция «О федеральных учреждениях Российской Республики» определяла ее так: 1) Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; 2) избираемый им ВЦИК, являющийся верховным органом власти в периоды между съездами; 3) избираемое ВЦИК правительство федерации — СНК РСФСР. Все местные дела вверялись местным Советам. За верховной властью признавалось право регулировать отношения между Советами и разрешать их разногласия; к ее ведению относились и общегосударственные дела, не затрагивающие прав национальных республик, вступивших в федерацию. Декрет 18 января 1918 года «Об устранении в декретах и законах всяких ссылок на Учредительное собрание» устранил «временный» характер большевистской власти как действующей «до созыва Учредительного собрания» и покончил с тем, что большевики называли «парламентскими иллюзиями».

V Всероссийский съезд Советов 4–10 июля 1918 года принял Конституцию РСФСР, которая окончательно узаконила сложившуюся систему Советов. С образованием автономных республик и областей в РСФСР их местные Советы объединялись съездами Советов автономий. В суверенных советских республиках (Украинской, Белорусской и др.) высшим звеном системы Советов стали республиканские съезды Советов, избиравшие ЦИК республик. Система Советов обеспечивала прямое и широкое участие трудящегося населения всех национальностей в государственном управлении.

Менялись нормы представительства в Советах: в селениях численностью до 10 тыс. человек — 1 депутат на 100 жителей (но не менее 3 и не более 50 депутатов на каждое); в городах — 1 депутат на 1 тыс. человек (не менее 50 и не более 1000 депутатов). В сельских и городских Советах проводились прямые выборы депутатов. Рабочие получили преимущество, избирая депутатов в городские Советы от меньшего числа избирателей, чем другие слои населения (служащие, учащиеся, домашние хозяйки). Правом избирать и быть избранными пользовались независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и образования граждане РСФСР обоего пола, достигшие 18 лет, занимающиеся общественно полезным трудом, солдаты и матросы, а также лица, потерявшие трудоспособность. Лишались избирательного права граждане, имевшие нетрудовой доход (частные торговцы, служители культа и т. п.), бывшие служащие и агенты полиции, жандармерии, охранных отделений, а также душевнобольные и осужденные за различные преступления. Выборы делегатов съездов Советов не были прямыми: на них делегировались представители депутатов соответствующих Советов.

Для текущей работы съезды Советов разных уровней, а также городские и сельские Советы избирали исполкомы Советов. После ликвидации к лету 1918 года старых органов местного самоуправления (управы, земства, думы) их функции перешли к соответствующим исполкомам местных Советов.

14 июня 1918 года ВЦИК Советов исключил из Советов меньшевиков и эсеров (правых и центра), объявив их деятельность антисоветской. Лезоэсеровский мятеж 6 июля 1918 года привел к изгнанию из Советов представителей и этой партии. Позднее, учитывая отказ руководства меньшевиков и эсеров от вооруженной борьбы с большевистской властью и от поддержки белого движения, ВЦИК 30 ноября 1918 года отменил собственное решение об исключении из Советов меньшевиков, а 26 февраля 1919 года — правых эсеров. Однако их легализация оказалась недолгой. Советы эволюционировали в однопартийный орган.

В 1919 году партийный состав Советов выглядел так: сельские Советы — примерно 5,2% коммунистов и им сочувствующих, 94,8% беспартийных, менее 0,1% представителей мелкобуржуазных партий; Советы губернских городов — 76% коммунистов и им сочувствующих, 12,2% беспартийных, 2,2% представителей мелкобуржуазных партий, партийность 9,6% неизвестна. По 29 губерниям центральной России в конце 1918 года из 874 членов губисполкомов 724 были коммунистами. Из 4 тыс. 46 членов уездных исполкомов в РКП(б) состояли 2 тыс. 625 человек.

В Гражданскую войну большевики нарушали конституционные нормы системы Советов. В зоне военных действий Советы заменялись ревкомками, были ликвидированы многие городские Советы, произошла крайняя централизация управления. В 1918–1921 годах Советы отвечали за проведение военных мобилизаций и строительство Красной Армии, заботу о раненых красноармейцах и семьях погибших бойцов, борьбу с контрреволюцией и эпидемиями, заготовку продовольствия, организацию народного хозяйства, развитие культуры. Органы революционного творчества масс, Советы, правящая партия большевиков бюрократизировала и превратила в строго централизованные органы. В этом виде они просуществовали более семи десятилетий.

Библиографические справочники документальных изданий по истории Советов зарегистрировали более четырех тысяч названий различных публикаций (См.: Великая Октябрьская социалистическая революция: Библиографический указатель документальных публикаций. М., 1961, 1967, 1977, и др.). Тем не менее, современное состояние российской и зарубежной историографии диктует настоятельную необходимость переосмысления ряда положений, связанных с анализом становления и эволюции Советов как органов государственной власти и управления. Прежде всего, следует отказаться от односторонности освещения проблемы, субъективистского подхода, свойственного некоторым работам по истории российских революций и становления советского государства. Необходимо последовательное выяснение трудностей создания Советов как в центре, так и на местах, преодоления ошибок, допущенных в ходе советского строительства в первые годы существования рабоче-крестьянского государства, выявление противоречий живого исторического процесса, роли в нем народных масс и политических партий.

В распоряжении исследователей имеется большое количество печатных и архивных источников по истории Советов. Опубликованы декреты советской власти, материалы о становлении власти Советов на местах в период триумфального шествия советской власти и др. Комплекс первичных материалов Государственно-

го архива Российской Федерации (анкеты делегатов съездов Советов, анкеты представленных на съездах Советов и др.), РЦХИДНИ, а также местных архивов позволяют глубже исследовать внутренние закономерности развития Советов, процессы превращения их в органы власти и соединения в них законодательных и исполнительных функций.

Литература

- Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967.
- Быховский Н. Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов. М., 1929.
- Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996.
- Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Сб. документов. М.; Л. 1928.
- Гимпельсон Е. Г. Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 г. — июль 1918 г.). М., 1958.
- Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства: 1917–1918. М., 1987.
- Ионкина Т. Д. Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1974.
- Лавров В. М. «Крестьянский парламент» России: Всероссийские съезды крестьянских депутатов в 1917–1918 гг. М., 1996.
- Организация и строительство Советов рабочих депутатов в 1917 г.: Сб. документов. М., 1928.
- Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Сб. документов. М.; Л., 1931.
- Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов РСКр и Каз. депутатов II созыва. М., 1918.
- Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. М., 1920.
- Разгон А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977.
- Смирнов Н. Н. Третий Всероссийский съезд Советов: история созыва, состав, работа. Л., 1988.
- Токарев Ю. С.: Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март–октябрь 1917 г.). М.; Л., 1965; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976.
- Третий Всероссийский съезд Советов. М., 1918.
- Anweiler O. The Soviets: The Russian Workers', Peasants' and Soldiers' Councils 1905–1921. New York, 1974.

Старообрядцы и христианские секты

ХЭЗЕР КОЛЬМАН

Христиане нецерковных вероисповеданий восторженно встретили падение самодержавия. Старообрядцы, баптисты, молокане и другие гонимые за веру царскими властями благодарили Бога за свободу и телеграммами в Государственную думу высказали готовность помогать развитию нового демократического строя.

Раскол Православной Церкви в XVII веке породил старообрядчество. И с тех пор отношения царских властей и господствующей Церкви с отделившимися от нее группами верующих складывались враждебно. В начале XX века список преследуемых религиозных течений был длинным: старообрядцы разных согласий; старые русские секты — христоверы (хлысты), духоборцы, молокане; секты западного происхождения, возникшие в России в 1860-е годы — баптисты, евангельские христиане (штундисты, пашковцы), адвентисты; новые секты — трезвенники (чуриковцы, колосковцы), толстовцы и др. Законы Российской империи запрещали переход из Православной Церкви в иное исповедание, и она пользовалась монополией религиозной проповеди.

Революция 1905 года существенно изменила положение. Указ Николая II от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» позволил совершеннолетним переходить в иную христианскую веру (кроме изуверских сект скопцов и хлыстов), а его указ 17 октября 1906 года определил порядок образования старообрядческих и сектантских общин. Однако, запрещение пропаганды веры затрагивало обряды (например, религиозные процессии или баптистское речное водное крещение), и отношения государства с этими группами оставались напряженными.

Определить точную численность старообрядцев и сектантов к февралю 1917 года почти невозможно. На официальной статистике отрицательно сказывались полуполегалность и трудности регистрации общин и верующих, покинувших Православную Церковь. По сведениям Министерства внутренних дел к январю 1912 года в Российской империи было 393 565 сектантов, в том числе 66 788 баптистов, 29 988 евангельских христиан, 133 520 молокан, 12 383 духоборца и 2 206 621 старообрядцев всех согласий. Большинство исследователей считают эти цифры значительно заниженными, некоторые насчитывают до 20 млн. старообрядцев и 5 млн. сектантов, что явное преувеличение. Их настоящая численность превышала цифру переписи в 1,5–2 раза или более.

1917 год для русских религиозных инакомыслящих стал временем великого рассвета. Временное правительство предоставило свободу собраний и объединений и отменило все ограничения по религиозному признаку. 14 июля оно опубликовало Закон «О свободе совести». Из ссылки вернулись отказники от военной службы и пропагандисты неправославных вероучений. Духоборцам, эмигрировавшим в Канаду в 1898–1899 годах, предложили вернуться в Россию. Старооб-

рядческие и сектантские организации процветали, возрождались общины и журналы, закрытые после 1914 года, особенно баптистов, адвентистов, евангельских христиан, обвиненных в сочувствии к немцам. Свободно собирались съезды. Наибольшее внимание привлек Всероссийский съезд старообрядцев всех согласий в Москве в конце августа 1917 года. Он высказался за демократическую республику и радикальную программу решения земельного вопроса. Бывшие религиозные диссиденты участвовали в политической деятельности. Председатель Всероссийского союза евангельских христиан И. С. Проханов основал Христианскую социалистическую партию, был кандидатом на выборах в Учредительное собрание.

Октябрьскую революцию старообрядцы и сектанты встретили с тревогой. Это было естественное отношение религиозных групп к антирелигиозной революции. Декрет СНК от 20 января 1918 г. о свободе совести, церковных и религиозных обществах (известный как Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви) явился сильным ударом и по Православной Церкви, и по бывшим ее противникам. Запрещение владеть имуществом и пользоваться состоянием юридического лица одинаково затронуло все религиозные группы. Глава старообрядцев Белокриницкого согласия заявил, что «более тяжкого для Церкви Христовой закона не могли придумать даже самые жестокие враги религии и христианства». Но несколько обстоятельств влияло на исполнение новых законов о религиозных группах. Важнейшими были назначение управляющим делами СНК видного знатока сектантства В. Д. Бонч-Бруевича и превращение большевиками Православной Церкви в главную мишень для преследований.

Бонч-Бруевич интересовался сектантством с 1890-х годов. Противодействуя стремлению толстовцев вести за собою сектантские массы, он сам попытался их использовать для социал-демократической пропаганды. В 1899 году он сопровождал духоборцев переселявшихся в Канаду. С 1901 г. он издавал многотомную серию книг «Материалы к истории и изучению русского сектантства» (затем именовалась «Материалы к истории и изучению современного сектантства и старообрядчества»). На II съезде РСДРП в 1903 году Бонч-Бруевич в докладе «Раскол и сектантство в России» предложил сотрудничать с религиозными инакомыслящими. Съезд в резолюциях отметил, что «сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений, направленных против существующего порядка вещей», что членам РСДРП надо вести «работу среди сектантов в целях привлечения их к социал-демократии». С этой целью Бонч-Бруевич издавал в 1904 году в Женеве листок для сектантов «Рассвет». Позднее РСДРП отвернулась от сектантов, но Бонч-Бруевич сохранил связи с ними. Поэтому после октября 1917 года они считали его своим человеком в высших сферах власти. Он защищал сектантов, считая, что среди них есть естественные союзники большевиков в деле преобразования общества на коммунистических началах и необходимо использовать их опыт коммунальной жизни и взаимопомощи.

Разрушение старых основ жизни вдохнуло жизнь в давние проекты объединения сходных религиозных групп. Ярчайшим примером этого процесса были переговоры баптистов и евангельских христиан. Оба течения состояли во Всемирном союзе баптистов. В конце 1919 — начале 1920 года баптисты и евангельские христиане договорились образовать «Временный Всероссийский общий совет евангельских христиан и баптистов». Под его руководством выходил журнал «Братский союз», обсуждавший проблемы объединения. Переговоры 1920 года оказались

неудачны, но обе группы увидели в революционном времени новые перспективы и возможности его осуществления. Примером попыток объединения на основе религиозной принадлежности для борьбы за политические цели стал I съезд старообрядцев Белокрыницкого согласия (Барнаул, сентябрь 1918 года). Сибирские старообрядцы активно выступали против власти большевиков.

Выдающимся примером сотрудничества сектантских течений и групп в годы Гражданской войны являлся Объединенный совет религиозных общин и групп, основанный в Москве в октябре 1918 года (инициатор создания и председатель — глава толстовцев В. Г. Чертков). Объединенный совет играл решающую роль в обсуждении и исполнении большевистской политики по вопросам отказа сектантов от воинской службы и участия их в коллективном народном хозяйстве. Устав Объединенного совета ставил две цели: защиту свободы совести и содействие сближению свободно-религиозных течений. В него входили представители толстовцев, баптистов, евангельских христиан, меннонитов, адвентистов, московских трезвенников. Объединенный совет защищал также и другие религиозные течения, например молокан и малеванцев.

Случаев отказа религиозных сектантов от военной службы было сравнительно много. Духоборцы и толстовцы имели давние традиции анархизма и пацифизма. Вероучение баптистов и евангельских христиан не содержало запрещения военной службы, но и у них Первая мировая война вызвала антимилиитаризм и наибольшее число отказов от воинской повинности по религиозным причинам. Уже с первых месяцев мобилизации Объединенный совет выдавал справки об искренности отказа по религиозным убеждениям. Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах объявил, что «никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей», но предусмотрел «изъятия из этого положения, под условием замены одной гражданской обязанности другою» по решению народного суда в каждом отдельном случае. Согласно приказу Реввоенсовета Республики № 130 от 22 октября 1918 года отказников по религиозным убеждениям начали призывать в санитарные части. Многие сектанты отказывались и от этого, а некоторые отвергали сам принцип удостоверения как посягательство на свободу совести.

18 ноября 1918 года Объединенный совет религиозных общин и групп подал в СНК заявление о проблемах, вызванных осуществлением приказа Реввоенсовета. Объединенный совет указал на «значительные стеснения свободы совести» в приказе, требовал полного освобождения от участия в войне для тех, кому это необходимо по религиозным убеждениям, и объявил себя наиболее подходящим органом для решения вопроса о религиозности отказа, предложив также образовать подобные комитеты в провинции. Бонч-Бруевич поддержал это заявление в СНК. Московский окружной военный комиссар Е. М. Ярославский (позднее председатель Союза воинствующих безбожников) предложил СНК создать комиссию из коммунистов и сектантов для решения этой проблемы. В конце ноября начала работу особая комиссия в составе: нарком юстиции Д. И. Курский, член коллегии его наркомата П. А. Красиков, Бонч-Бруевич, Чертков. Под наблюдением Ленина комиссия выработала Декрет СНК от 4 января 1919 года об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям, который подтвердил право замены по религиозным убеждениям воинской повинности общепользуемой работой. Освобождение происходило по решению народного суда. Удостоверение искренности и добросовестности отказника поручалось Объединенному совету, как и

возбуждение особых ходатайств перед Президиумом ВЦИК об освобождении от военной службы без замены иной обязанностью, если недопустимость замены доказана также сектантской литературой и личной жизнью отказника. Так независимая общественная организация стала арбитром в применении декрета СНК.

Побуждения государства в издании этого декрета были идеалистичны и практичны, в русле борьбы с религией, а не верующими. Власть искала союзников среди религиозных групп и хотела доказать, что обеспечивает свободу совести. С другой стороны, предварительное обсуждение декрета выявило представления власти о том, что он недолговечен, отказников мало, их возражения относятся к царской армии, а Красная Армия — армия трудящихся и поэтому для них приемлема. Другой целью декрета было воспрепятствовать проникновению в армию религиозного пафизма.

К 1920 году Объединенный совет назначил 117 местных уполномоченных. Они собирали информацию об арестованных отказниках, направляли к ним экспертов. За 1919–1920 годы проведены десятки тысяч экспертиз. Большое число дел обеспокоило СНК, обвинивший Объединенный совет в использовании льгот, предоставленных декретом, для увеличения своих общин. Даже у населения возникли подозрения в злоупотреблении льготами. 14 декабря 1920 года Ленин подписал Декрет СНК, заменивший Декрет от 4 января 1919 г. Подтвердив прежние принципы, новый декрет ввел более строгие критерии применения льгот для освобождения от призыва в армию: исповедуемое вероучение должно исключать несение воинских обязанностей, а образ жизни отказника — доказывать преданность вере. Предусматривалась система судебной экспертизы, независимой от религиозных групп. Объединенный совет не был даже упомянут. Так началось ограничение прав на отказ от воинской повинности, а завершилось в 1926 году их фактической отменой.

Объединенный совет религиозных общин и групп сыграл также значительную роль в обсуждении другого важного вопроса отношений между советской властью и внецерковными религиозными течениями — вопроса о религиозной кооперации. Сразу после октября 1917 года сектанты начали просить Бонч-Бруевича разрешить им создание сельскохозяйственных коммун, трудовых артелей и кооперативов. В 1918 году СНК рассмотрел несколько таких просьб и помог группам молокан, евангельских христиан, трезвенников и других в организации коммун. Это движение ставило вопрос о совместимости большевистского и религиозного социализма. Началась полемика. 20 июля 1919 года в «Правде» защитник сектантов толстовец И. М. Трегубов в статье «Сектанты-коммунисты» писал, что в стране есть «громчайшая коммунистическая сила, самим народом созданная, но почему-то до сих пор не использованная советскими коммунистами». Не разделяя его мнения о пути в коммунизм, редакция «Правды» все же призвала коммунистов и сектантов сотрудничать в устройстве новой жизни, «делать одно общее для нас дорогое дело». 26 июля в «Известиях» Н. Беляков-Горский предостерег, что религиозный коммунизм сектантов пассивен, идеалистичен и сотрудничество с ним вредит пропаганде научного революционного социализма. «Правда» поместила на это ответ бывшего старообрядца В. Сенатова: хотя сектантам не подходит классовая борьба, их опыт полезен коммунистическому строительству. Редакция «Правды» отметила, что нельзя игнорировать сторонников коммунизма, хотя и не научного. Эта дискуссия показала некоторую поддержку властей сектантским коммунам. Трегубов отметил это в декабре 1919 года на VII Всероссийском съезде Советов.

Утратив роль официального эксперта, Объединенный совет религиозных общин и групп занялся в основном вопросами не связанными с пацифизмом. Образованный им зимой 1920–1921 года Отдел сектантских сельскохозяйственных и производительных коллективов провел в Москве 19–26 марта 1921 года при содействии Наркомзема I Всероссийский съезд сектантских сельскохозяйственных и производительных объединений. В нем участвовали 173 делегата разных религиозных течений из 34 губерний. Они обсудили нужды сектантского земледелия, планы товарообмена с западными сектами, доклады с мест, проект нормального устава сектантских объединений, планы Отдела и выбрали совет. Представительница Наркомзема А. А. Биценко предложила интегрировать сектантские коммуны в общую сеть советских коллективных хозяйств, что делегаты почти единодушно отвергли. Много говорилось об арестах и преследованиях со стороны властей. Съезд принял обращение к народам мира о прекращении насилия и войн.

Этот съезд совпал по времени с Кронштадтским и крестьянским восстаниями, и Ленин воспринял его как проявление контрреволюции, лично просмотрел его материалы и распорядился провести следствие. В мае 1921 года СНК обсудил доклад об этом съезде и выразил беспокойство в связи с требованиями особых прав для сектантов и возможностью формирования в стране параллельного несоветского строя. 30 июля «Известия» поместили извлечения из статьи Бонч-Бруевича (уже вышедшего из СНК) «Кривое зеркало сектантства». В ней организаторов съезда обвинили в манипуляции делегатами в антисоветских целях и отказе выдать приглашения коммунистически настроенным группам сектантов. Утверждалось, что Объединенный совет не представляет большинства сектантов и внутри сектантства идет классовая борьба между контрреволюционным руководством и прогрессивными рядовыми членами сект. Эта статья Бонч-Бруевича завершила революционный период отношений русских религиозных инакомыслящих с советским государством. Этот новый анализ сектантства сопровождался политикой его внутреннего разложения.

Политика товарищества между сектантскими объединениями и большевистскими властями, иллюзии властей, что религиозный протест выражает политически прогрессивные стремления, закончились одновременно с Гражданской войной. В годы НЭПа вопрос сотрудничества с сектантскими группами в создании земледельческих коммун и заселении свободных земель встал вновь, и сектантские эксперименты пользовались некоторым успехом, хотя период идеализации сектантов большевиками уже истек.

Наиболее богатые архивные материалы для изучения старообрядчества и сектантства времен Революции 1917 года и Гражданской войны хранят Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Фонд 435 — В. Г. Чертков, фонд 369 — В. Д. Бонч-Бруевич), Музей истории религии в Санкт-Петербурге и Государственный архив Российской Федерации (Фонд 120 — СНК, фонд 353 — Наркомат юстиции).

Литература

Воспоминания крестьян-толстовцев 1910–1930 гг. М., 1989.

Калиничева З. В. Социальная сущность баптизма 1917–1929 гг. Л., 1972.

- Клибанов А. И. Религиозное сектантство и современность. М., 1969.
- Коппитерс Б. Пацифистские секты, большевики и право на отказ от воинской службы // Родник (Рига). 1990. № 9–10 (45–46).
- Крапивин М. Ю., Макаров Ю. Н. Религиозное сектантство в условиях советской действительности (октябрь 1917 — конец 1930-х гг.) // Исторические записки. М., 2005. Кн. 8 (126).
- Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). М., 1999.
- Марцинковский В. Записки верующего. СПб., 1995.
- Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли в России. М., 1997.
- Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917). СПб., 1999.
- Религия и демократия: На пути к свободе совести. М., 1993. Вып. II.
- Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969.
- Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю. История Евангелическо-Лютеранской Церкви на Северо-Западе России (1917–1945). СПб., 2004.
- Этический коммунизм эпохи Гражданской войны: ранее неизвестные материалы из архива В. А. Поссе / Публ. В. Ю. Черняева // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX — начало XX века. СПб., 1994. С. 233–271.
- Эткинд А.: Русские секты и советский коммунизм // Минувшее. М.; СПб., 1996. Т. 19; Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998.
- Coleman H. Russian Baptists and Spiritual Revolution. 1905–1929. Bloomington, 2005.
- Husband, W.B. Godless Communists: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–32. DeKalb, 2000.

Фабрично-заводские комитеты

СТИВ СМИТ

Происхождение фабрично-заводских комитетов

Свержение династии Романовых в феврале 1917 года рабочие восприняли как сигнал к ликвидации самодержавного режима на предприятиях и замене его «конституционным» порядком. Они начали с изгнания наиболее ненавистных мастеров и управленцев и упразднения прежних фабричных правил и принялись организовывать комитеты для защиты своих интересов перед администрацией. Скорость и спонтанность создания фабричных и заводских комитетов отчасти можно объяснить их предысторией.

Еще в 1820 году рабочие Фряновской текстильной мануфактуры обращались с просьбой разрешить их старостам наблюдать за соблюдением фабричных правил и выплатой зарплаты. С 1870-х годов среди требований забастовщиков появился пункт о разрешении деятельности постоянных выборных представителей. В 1903 году в развитие «полицейских союзов», насаждаемых полковником Зубатовым, начальником Московского Охранного отделения, правительство разрешило рабочим выдвигать кандидатов, из их числа администрация выбирала старост. Этот закон, вызванный желанием приостановить развитие независимых организаций, был непопулярен у рабочих, не в последнюю очередь из-за того, что старосты не обладали какой-либо легальной неприкосновенностью и не могли посещать все рабочие собрания предприятия; не нравился он и предпринимателям, не желавшим идти на уступки принципу постоянного представительства.

С началом Революции 1905 года движение за создание выборных органов постоянных представителей начало набирать силу. Петиция, которую рабочие несли к Зимнему дворцу 9 января, в «Кровавое воскресенье», содержала соответствующее требование. Правительство назначило специальную комиссию под руководством сенатора Н. В. Шидловского для расследования причин недовольства рабочих. 1 февраля Шидловский предложил рабочим избрать своих представителей, 50 из которых отберут для участия в комиссии; несмотря на противодействие наиболее воинственно настроенных заводов Петербурга, 145 тыс. 259 рабочих 209 государственных и частных предприятий избрали 372 представителя. После роспуска комиссии многие из этих представителей составили ядро заводских комиссий или советов старост. Последние были так названы в соответствии с законом 1903 года, но их деятельность часто выходила за рамки закона. Число комитетов особенно быстро росло на больших металлургических заводах, где они добились признания де-факто со стороны администрации. В ряде случаев они оправдывали свое существование, используя модную парламентскую фразеологию. На Патронном заводе заводская комиссия носила название «рабочей думы», а на текстиль-

ной фабрике «Воронин, Лютш и Чешер» комиссия сочинила «рабочую конституцию», которая кодифицировала ее право рассматривать жалобы, переписывать правила внутреннего распорядка и участвовать в принятии решения об увольнении. Посягательства на «управленческие права» предпринимателей зашли дальше всего в печатной промышленности, где ко второй половине 1906 года Союз печатников убедил предпринимателей принять «автономные правила», санкционировавшие участие комиссий в решении вопросов о найме и увольнении, изменении расценок оплаты труда и норм выработки. В целом, однако, промышленники сопротивлялись вмешательству со стороны комитетов в управление предприятиями; с ростом безработицы в 1906 году и установлением политической реакции в 1907-м комитеты оказались дезорганизованы. Некоторые из них, в частности, на Сестрорецком оружейном заводе и на Невской судостроительном и механическом заводе, существовали еще несколько лет, но, в отличие от профсоюзов, не возродились на волне стачечного подъема в 1912–1914 годов. В Первую мировую войну Рабочие группы Военно-промышленных комитетов безуспешно пытались возродить институт заводских старост. После того как намеченное на 12 января 1917 года открытие Государственной думы было отложено, революционно настроенная Центральная рабочая группа призвала рабочих избрать заводские комитеты, и её призыву последовали месяц спустя, когда массовые забастовки ускорили падение самодержавия.

Первый период деятельности фабрично-заводских комитетов

Комитеты с наибольшей быстротой восстановили на десяти предприятиях Главного артиллерийского управления и на пяти предприятиях Морского ведомства, на которых было занято около трети рабочей силы столицы. Сила комитетов в государственном секторе промышленности, возможно, была связана с попытками правительства в 1905 и 1906 годах распространить закон о старостах на государственные заводы, но, вероятнее, она обусловлена тем, что многие армейские и флотские офицеры, дирекция этих заводов, бежали в дни Февральской революции. Оставшись без заводского управления, заводские комитеты, возглавляемые в основном эсерами и меньшевиками, пытались сохранить выпуск военной продукции, но связывали эту заботу с образом демократической системы отношений в производстве. Уже 13 марта первое совещание представителей заводов Артиллерийского ведомства Петрограда призвало к «полной демократии и коллегиальности» в управлении производством и провозгласило следующие свои права: надзор за снабжением, приказами и выполнением заданий; требовать доступа к записям и документации компании; возражать против назначений административного и технического персонала; устанавливать внутренние правила на предприятии. На 2-й конференции представителей рабочих государственных предприятий Петрограда и его окрестностей 15 апреля предложили резолюцию, автор которой, вероятно, член Петроградского Совета эсеров рабочих П. А. Воронков. В ней защищался принцип «предварительного» контроля над производством, при котором комитеты имеют совещательный голос во всех административных органах и доступ ко всем бумагам и документации, однако отвергалась идея принятия комитетами ответственности за производство. Это различие между «ответственным» и «пред-

варительным» контролем стало центральным пунктом в движении рабочего контроля над производством и распределением, в котором под «контролем» имели в виду надзор и проверку, а не принятие на себя ответственности.

В частном секторе заводские комитеты сначала действовали как суррогаты профсоюзов, поскольку на восстановление профсоюзов потребовалось несколько месяцев. Комитеты требовали ввести 8-часовой рабочий день, значительно увеличить заработную плату с учётом инфляции военного времени, установить допустимый минимум оплаты труда, компенсировать сверхурочные работы и запретить сдельщину. Здесь в понятие «контроля» также вошли обеспечение предприятия топливом и сырьем и, прежде всего, право вмешательства в вопросы найма и увольнения рабочей силы. Деятельность комитетов выходила за рамки чисто производственных отношений, распространяясь на вопросы продовольственного снабжения, поддержания порядка, образования.

До революции «Петроградское общество фабрикантов и заводчиков» (ПОФЗ) было одной из самых политически неповоротливых организаций столицы, так как полагалось на государственные устои. Однако сразу после падения самодержавия оно приняло программу, схожую с той, которую защищали московские промышленники-прогрессисты. 10 марта оно подписало соглашение с Исполнительным Комитетом Петроградского Совета, признав нормой 8-часовой рабочий день; оно согласилось для урегулирования споров создать на каждом предприятии примирительные камеры с равным представительством рабочих и администрации; оно поддержало постановление Временного правительства от 23 апреля «О рабочих комитетах в промышленных предприятиях», которое легализовало заводские комитеты как представительные органы рабочих. В других городах предприниматели не выказывали убежденности в том, что будущее принадлежит такой «западной модели» производственных отношений, держались на расстоянии от заводских комитетов и не спешили ввести 8-часовой рабочий день.

Правительственное постановление о фабрично-заводских комитетах вызвало волну их образования по всей бывшей империи. Металлисты, особенно крупных предприятий, отличались особой энергией, от них не отставали железнодорожники и горняки, создававшие соответственно линейные и шахтные комитеты. Комитеты брали на себя множество функций. В Петрограде на Невском судостроительном заводе в комитет входили милицейская комиссия, продовольственная комиссия, комиссия по культуре и образованию, технико-экономическая комиссия, отвечающая за зарплату, безопасность, первую помощь и внутренний порядок, приемная комиссия, ответственная за найм и увольнение рабочей силы, и комиссия по переписке. На Металлическом заводе существовало не менее 28 комиссий, в состав которых входило около 200 рабочих, не считая 60 старост, избранных в цехах. Вскоре были предприняты усилия по координации деятельности фабрично-заводских комитетов на территориальной основе. В Невском районе Петрограда в мае был образован совет, представлявший 34 фабрично-заводских комитета. Всего было образовано лишь четыре таких районных совета. Гораздо более влиятельным был Центральный Совет фабрично-заводских комитетов Петрограда (ЦСФЗК), образованный на I Петроградской конференции фабзавкомов 30 мая — 5 июня; он вскоре приобрел национальное значение. После I Всероссийской конференции фабзавкомов 17–22 октября ЦСФЗК был реорганизован во Всероссийский Совет фабзавкомов. Первоначально этот Всероссийский Совет фабзавкомов улаживал споры вокруг оплаты труда и пытался предотвращать закрытие

предприятий. Однако вскоре он был вовлечен в организацию топливного, сырьевого и продовольственного снабжения и в дело координации рабочего контроля над производством в городском и национальном масштабе. К октябрю в разных его отделах было на полное время занято 80 человек.

Принимая постановление о заводских комитетах, Временное правительство благоразумно воздерживалось от формализации права рабочего контроля, так как предприниматели были крайне чувствительны к любым посягательствам на их власть. Не следует спешить с выводом, что рабочий контроль автоматически обрекал на смерть дело консолидации буржуазно-демократического строя.

По мнению Владимира Черняева, в период двоевластия еще имелась возможность установить «социальное партнерство» заводских комитетов и администрации; в случае интеграции в буржуазно-демократическую систему рабочий контроль, не устраняя классовых противоречий, мог служить «социальным амортизатором» производственного конфликта и помочь упрочению буржуазно-демократического строя. Однако, считает Черняев, в рабочем контроле было и такое, из-за чего буржуазная система его отторгала.

Действительно, есть документальные свидетельства о выполнении заводскими комитетами именно таких функций и об их попытках добиться повышения производительности труда, что высоко ценили предприниматели. Еще 9 августа Петрограде заводские комитеты Адмиралтейского судостроительного завода и Охтинского завода взрывчатых веществ встречались с директорами, техниками, мастерами и давали согласие на введение сдельной оплаты для повышения производительности труда. Однако к этому времени экономические и политические условия были не слишком благоприятны для «социального партнерства», если они вообще когда-либо были таковыми. По мере нарастания экономического кризиса рабочие всё острее критиковали предпринимателей за то, что свою выгоду ставят выше обеспечения людей работой, а предприниматели, по словам директора Обуховского сталелитейного завода, осуждали заводские комитеты за «введение артельного принципа по отношению к чужому капиталу».

Радикализация рабочего контроля над производством

С начала лета стало очевидным углубление экономического кризиса, основными симптомами которого были резкие перебои с поставками топлива, сырья и продовольствия. Добыча угля в Донбассе с января по май упала с 157 млн. до 131 млн. пудов, а добытый уголь в результате прогрессирующего паралича железнодорожного транспорта не удавалось доставить до промышленных центров страны. Дефицит, рост цен, падение производительности труда и усиление брожения среди рабочих заставляли промышленников увольнять тех, кто убеждал рабочих, что предприниматели намеренно создают трудности. Столкнувшись с перспективой массовой безработицы, заводские комитеты начали расширять масштабы рабочего контроля с целью сохранить рабочие места и вести борьбу против «саботажа» капиталистов. «Толкачи» посылались на поиск нефти и угля; запасы сырья брались на учет; выдвигали требования доступа к приходно-расходным книгам и счетам компаний. Предприниматели не противились всей этой деятельности. В мае в Выборгском районе отделение ПОФЗ было согласно с тем, что заводские комитеты

займутся изысканием сырья, но отказалось предоставить помещения или оплачивать работу членов их контрольных комиссий. Они особенно возражали против призыва I Петроградской конференции фабзавкомов к нарушению коммерческой тайны. На чугунно-литейном и механическом заводе «Р. Л. Лангензипен и Ко» в Петрограде комитет пытался остановить выплату дивидендов акционерам в ожидании расследования, но в целом для комитетов оказалось непросто распространить свой контроль на финансовую сферу. Даже на Урале, где контроль зашел очень далеко, только несколько комитетов, в частности, на Каслинском металлургическом заводе в Кыштынском уезде и на Надеждинском заводе в Богословском уезде, сумели получить доступ к счетам и приходно-расходным книгам.

Агрессивные посягательства на «право управлять» делали предпринимателей еще упрямее. ПОФЗ требовало от министра труда меньшевика М. И. Скобелева принять меры по свертыванию активности комитетов. 23 августа Скобелев издал циркуляр, подтвердив исключительное право владельцев предприятий решать вопрос найма и увольнения рабочей силы, а через пять дней издал второй циркуляр, запретив комитетам заседать в рабочее время. Циркуляры по времени совпали с попыткой переворота генерала Корнилова и вызвали новый подъем рабочего движения. Отныне обе стороны в промышленности находились в состоянии открытой войны. В сентябре и октябре бастовали более 1 млн. 200 тыс. рабочих, в том числе 700 тыс. железнодорожников и 300 тыс. текстильщиков в Иваново, Кинешме и прилегающих районах. Наибольшей остроты конфликт достиг в Донбассе, где к началу сентября закрылись почти 200 шахт и около 100 тыс. человек оказались без работы. Комитеты шахт, возглавляемые большевиками, ответили на массовые увольнения захватами шахт. В ряде случаев (на Ясиновской шахте и в Южнорусской горной компании) комитеты арестовывали владельцев и управляющих шахтами, имелись случаи избиений, даже убийств. В конце сентября правительство направило казаков с целью прекратить занятие шахт.

В некоторых случаях фабзавкомы пытались предотвратить закрытие предприятий, устанавливая на них рабочее управление. Некоторые историки, например, Пол Эврич, усматривали в этих фактах свидетельство широкого распространения анархо-синдикализма в движении фабрично-заводских комитетов. В действительности такие случаи были редки. Имеются сведения, что из 2 094 зарегистрированных фактов действия рабочего контроля с июля по октябрь только 4,3% составляли случаи, где фабзавкомы брали на себя управление предприятиями. Хотя популярность анархо-синдикализма действительно выросла после Октября, такие захваты в основном мотивировались не утопическим желанием организовать коммуны производителей, а надеждой заставить правительство принять на себя финансовую ответственность за предприятие, назначив должностное лицо или бюро для руководства им (так называемая «секвестризация»). Можно насчитать несколько примеров рабочего управления на предприятиях Москвы (Машиностроительный завод «Динамо», Пуговичная фабрика «Бенно-Ронталлер» и Деревообрабатывающий завод «Ганцен»). Только на Украине острота классового конфликта в сочетании с массовой волной закрытия предприятий привела к значительному числу захватов их рабочими. В Харькове комитеты взяли на себя руководство заводом сельскохозяйственных машин «Гельферих-Саде», заводом паровых двигателей и Электрическим заводом. В целом, однако, фабзавкомы ясно осознали трудность управления предприятиями в условиях отсутствия приказов, оперативного капитала и технической и финансовой экспертизы.

На фоне таких «эксцессов» меньшевики и эсеры выступили с критикой рабочего контроля над производством, утверждая, что несогласованные действия разрозненных групп рабочих могут лишь усугубить кризис. Они настаивали, что только плановый, централизованный и всеобъемлющий контроль государства может восстановить порядок в экономике; что это предпочтительно и с политической точки зрения, поскольку позволит не только рабочему классу, а всей «революционной демократии» (в терминах меньшевиков) или «трудящемуся народу» (в терминах эсеров) участвовать в общем деле контроля. Некоторые умеренные социалисты доходили до обвинения большевиков в намеренном разрушении экономики ради достижения политических целей, и эти обвинения отразились в работах некоторых историков. Меньшевик Соломон Шварц, например, обвинил в этом ЦСФЗК, но масштабы и активность деятельности последнего вряд подтверждают справедливость обвинения. Конечно, руководители Совета стремились сломить власть капитала в сфере производства, но отнюдь не придерживались взгляда, что чем сильнее кризис, тем ближе наступление социализма (надо, впрочем, признать, что в пору военного коммунизма некоторые, вроде, Бухарина, действительно высказывали такую точку зрения). Вопрос о том, усугублялся ли на практике кризис рабочим контролем, не представляется бесспорным и заслуживает дальнейшего изучения. Если некоторые фабзавкомы и допускали такие «эксцессы», как физическое насилие против технического и административного персонала или разбазаривание скудных припасов, преобладающее большинство боролось за устранение перебоев и поддержание производства на плаву.

Рабочий контроль и политика

Опубликованные протоколы фабзавкомов свидетельствуют о том, что они занимались решением практических вопросов и редко обсуждали политические проблемы. Тем не менее, члены комитетов подходили к своей работе политически и изначально отдавали предпочтение выборам по партийным спискам (это показывает, насколько рабочее движение в 1917 году сильнее, чем в 1905-м, зависело от партийных различий). Весной и в начале лета в фабзавкомов в основном преобладали меньшевики и эсеры, особенно в металлургической промышленности. Однако, являясь институтами, теснее всего связанными с «низами», они вскоре начали реагировать на радикализацию политических взглядов масс. На I Петроградской конференции фабзавкомов большинство делегатов поддержало большевистские резолюции, хотя сомнительно, чтобы большевики на этом этапе могли преобладать в большинстве фабзавкомов. Даже в Петрограде об этом можно говорить только применительно ко времени после мятежа генерала Корнилова. На заводе «Лесснер» на новых выборах членов комитета в сентябре большевики получили 471 голос, беспартийные кандидаты — 186, эсеры — 155 и меньшевики — 23. На Трубочном заводе большевики получили на июньских выборах 36% голосов, в октябре — 62%. В Москве большевистское влияние было гораздо меньше, чем в столице. В резолюции I Московской конференции фабзавкомов, открывшейся 23 июля, ничего не говорилось о рабочем контроле. Однако на II Московской конференции фабзавкомов 12–17 октября три четверти делегатов были уже большевиками.

За I Петроградской конференции фабзавкомов последовали еще три конференции, проходившие с августа до начала октября, и I Всероссийская конферен-

ция фабзавкомов, открывшаяся 17 октября. Все эти конференции поддержали большевистские положения об экономическом кризисе и рабочем контроле. «Резолюцию об экономических мерах борьбы с разрухой», принятую на I Петроградской конференции фабзавкомов, написал сам Ленин. В резолюции заявлялось: «Путь к спасению от катастрофы лежит только в установлении действительно рабочего контроля над производством и распределением продуктов», при том «чтобы во всех решающих учреждениях было обеспечено большинство за рабочими двух третей голосов при обязательном привлечении к участию как не отошедших от дела предпринимателей, так и технически научно-образованного персонала». Эту «официальную» деятельность должен был дополнить рабочий контроль в сфере производства, особенно над финансовыми и банковскими операциями предприятий. Ленин тогда верил в действенность рабочего учёта и контроля как средства борьбы с бюрократизмом в государственном руководстве экономикой. Однако в его резолюции мало что сказано о функциях фабзавкомов. Лишь мимоходом делалась ссылка на их роль в утверждении реального контроля, задачи, решение которой они должны были достичь совместно с профсоюзами и Советами. Интересно, что это — единственное упоминание о фабзавкомах в сочинениях Ленина февраля — октября, и это молчание удивительно, учитывая их важное значение. Руководители ЦСФЗК поддерживали ленинский план государственного рабочего контроля, хотя они придавали рабочему контролю большее значение, видя в нем не только профилактику капиталистического саботажа, но и подготовку к конечному рабочему самоуправлению. Ленин не разделял этот взгляд на демократию на производстве. С его точки зрения, изменение капиталистических отношений должны достигаться на государственном уровне, а не уровне предприятия; движение к социализму должно гарантироваться пролетарским характером государства, а не широтой властных полномочий, которыми рабочие обладали на уровне цеха. Однако этому расхождению во взглядах не придали принципиального значения: в глазах рядовых рабочих большевики единственная партия, готовая поддержать рабочий контроль, и именно это имеет значение.

Отношения между фабзавкомами и профсоюзами

Образование профсоюзов шло медленнее образования фабзавкомов, но ко времени III Всероссийской конференции профсоюзов 21–28 июня 1917 года насчитывалось 976 союзов, в них состояли 1 млн. 400 тыс. человек; к октябрю число профсоюзов выросло до 2 тыс., а количество их членов превысило 2 млн. человек. Сосуществование профсоюзов и фабзавкомов приводило к конфликтам по вопросам разграничения сферы их компетенции. На I Петроградской конференции фабзавкомов большинство голосовало за отделение комитетов от профсоюзов, на основании того, что их работа — контроль за производством — по своему характеру отличается от деятельности профсоюзов. Меньшинство представителей профсоюзов считало, однако, что на предприятии нет места для двух организаций, и фабзавкомы должны стать ячейками профсоюзов. Образование ЦСФЗК параллельно Петроградскому Совету профессиональных союзов еще более взволновало профсоюзы, и 11 июня Центральное бюро Союза рабочих-металлистов потребо-

вало строгой субординации комитетов перед профсоюзами. II Петроградская конференция фабзавкомов подтвердила, что задачей профсоюзов является забота о заработной плате и условиях работы и обеспечение соблюдения рабочего законодательства, а к компетенции комитетов относится регулирование производства. На I Всероссийской конференции фабзавкомов в октябре профсоюзные представители обвинили комитеты в том, что они являются местными организациями, не подходят для выполнения обширных задач перестройки национальной экономики. Тем не менее, несмотря на продолжающееся соперничество, комитеты начали постепенно склоняться к слиянию с профсоюзами, в долгосрочной перспективе. За пределами столицы и металлургической промышленности отношения были гораздо ровнее. В текстильной промышленности комитеты фактически стали ячейками профсоюзов даже до октября, предвосхищая тот тип отношений, который будет реализован в январе 1918 года на I Всероссийском съезде профессиональных союзов.

Рабочая милиция и Красная гвардия

С самого начала фабзавкомы занялись созданием рабочих милиций для охраны заводских помещений и поддержания порядка в районах расселения рабочих. После организации в Петрограде новыми муниципальными властями городской милиции Исполком Петроградского Совета призвал распустить рабочую милицию, но она с недоверием относилась к городской милиции, охранявшей «буржуазную» власть. После Апрельского кризиса, непопулярность Временного правительства росла, начали создаваться вооруженные отряды рабочих, получившие наименование Красной гвардии. Они имели более политический характер, чем милиция, им надлежало защищать революцию от угрозы правых сил. Красная гвардия опиралась на фабзавкомы и более радикально настроенные Советы, а также на большевиков. Получив сильный удар в период реакции, последовавший за Июльскими днями, она вновь начала набирать силу в период мятежа Корнилова. В Москве фабзавкомы отправили 209 посланников в Московский Совет с требованием сформировать и вооружить объединенную Красную гвардию. К октябрю по всей России насчитывалось не менее 200 тыс. красногвардейцев. Большинство из них были ревностными последователями большевистской партии, но в их рядах встречались левые эсеры и анархисты. Попытки большевиков придать Красной гвардии централизованную структуру не имели особого успеха, и это в сочетании с низким уровнем её военной подготовки и небольшим опытом означало, что партии при осуществлении переворота надо рассчитывать в первую очередь на солдат Петроградского гарнизона. Однако не менее 20 тыс. красногвардейцев, из них 18 тыс. вооруженные, участвовали в вооруженном восстании в Петрограде под руководством Петроградского Военно-Революционного Комитета. 24 октября они участвовали в захвате мостов и других ключевых пунктов и 25 октября сыграли вспомогательную роль при захвате Зимнего дворца. Отряды красногвардейцев храбро сражались с противниками большевистского режима, в частности, на Украине в феврале 1918 года. Образование вражеской Добровольческой армии, однако, подтвердило справедливость мнения Троцкого, что децентрализованные отряды партизанского характера должны уступить место регулярной армии.

Большевики у власти

Положение ВЦИК и СНК о рабочем контроле, изданное 14 ноября, было одним из первых декретов большевистского правительства. Положение подтвердило право рабочих всех предприятий организовывать контрольные комиссии для учета всех сторон производства, иметь доступ ко всем сферам управления и, что особенно важно, установило обязательность выполнения их решений со стороны владельцев предприятий. Положение также установило иерархию контрольных органов, на вершине которой стоял Всероссийский Совет рабочего контроля, где были представлены профсоюзы, Советы, технический персонал и фабзавкомы. При составлении декрета возникли споры между такими умеренными большевиками, как В. П. Милютин и Ю. А. Ларин, в принципе не одобрявшими рабочий контроль и предпочитавшими всеобъемлющее государственное регулирование экономики, и членами ЦСФЗК, стремившимися к быстрому продвижению к национализации промышленности под управлением рабочих.

Открытие бывших советских архивов позволит, наконец, определить, насколько Положение ВЦИК и СНК о рабочем контроле отражало взгляды Ленина, и выяснить, почему на этом этапе он поддержал фабзавкомы против профсоюзов. Декрет детально не прояснял характер рабочего контроля, который и стал предметом разногласий ЦСФЗК с Всероссийским Советом рабочего контроля, вскоре приказавшим долго жить. ЦСФЗК полагал, что рабочий контроль теперь означает активное вмешательство в производство, тогда как профсоюзы и умеренные большевики определяли его как учет и контроль и настаивали на подчинении контрольных комиссий на предприятиях контрольно-распределительным комиссиям соответствующих профсоюзов и центральным органам в целом.

Уже 26 октября ЦСФЗК обсуждал с Лениным и профсоюзными представителями свои планы создания временного Всероссийского Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) для осуществления государственного регулирования промышленности. Ленин поддержал это предложение, и комиссия, составившая 15 ноября соответствующий декрет, в значительной степени использовала идеи ЦСФЗК. 2 декабря был издан Декрет ВЦИК и СНК об учреждении ВСНХ. В задачу ВСНХ входили: организация народного хозяйства и государственных финансов; выработка плана регулирования экономической жизни и координации различных органов управления экономикой; конфискация, реквизиция и насильственное объединение в синдикаты, в случае необходимости, промышленных предприятий. Руководители ЦСФЗК широко были представлены на первом собрании 5 декабря, на котором председательствовал Н. А. Скрыпник, а Н. К. Антипов был одним из двух секретарей. В дальнейшем, когда структура ВСНХ стала более регулярной, представительство ЦСФЗК стало не столь очевидным. ЦСФЗК также приложил руку к организации Совета Народного Хозяйства Северной области. Его первое заседание состоялось 19 января, и ему также принадлежала важная роль. Поскольку ЦСФЗК принял столь активное участие в создании централизованного аппарата управления экономикой, некоторые историки, например, Геннадий Шкляревский, считали, что руководителями фабзавкомов были не рядовые рабочие, а главным образом аппаратчики. Действительно, такие руководители ЦСФЗК, как В. Я. Чубарь, Н. И. Дербышев, М. А. Кактынь, впоследствии занимали высокие посты в советском руководстве, но это нельзя сказать об огромном большинстве активистов фабзавкомов.

Быстрое ухудшение экономической ситуации в сочетании с острыми конфликтами рабочих с хозяевами предприятий побуждало фабзавкомы усилить рабочий контроль. Там, где владельцы бежали с предприятий или пытались закрыть их, контрольные органы не колеблясь брали предприятия под свое управление. Анархо-синдикалистские настроения в этот период усилились, и у комитетов могло появиться желание вести дела независимо от центральной власти, особенно на шахтах и железных дорогах. На фабриках, принадлежавших бывшему министру А. И. Коновалову, в Бонячке и Каменке в Иваново-Вознесенской губернии, рабочие поддержали предложение анархо-коммуниста Романова взять фабрики «в свои руки» (широко распространенное выражение, указывающее на влияние анархистов). Местные большевики направили губернского комиссара по труду А. Н. Асаткина, чтобы разубедить их, и 12 января рабочие согласились, чтобы «вся собственность Коновалова была конфискована в пользу государства». Несмотря на рост влияния анархистов, захваты предприятий в большинстве случаев мотивировались желанием сохранить рабочие места. В Петроградской губернии с ноября 1917 по март 1918 года было захвачено только 27 фабрик и заводов, и почти во всех случаях это рассматривали как временную меру до передачи предприятия в собственность государства.

Профсоюзные руководители неодобрительно взирали на «синдикалистские» перегибы, столь же критично они относились и к местничеству — тенденции некоторых фабзавкомов договариваться с хозяевами об охране запасов топлива и сырья и срыве попыток местных распределительных органов наладить равномерное распределение скудных ресурсов. Это один из ключевых аргументов, заставивших партийное руководство поддержать профсоюзы против фабзавкомов, хотя большевистское влияние в профсоюзах было слабее, чем в фабзавкомах. Партийное руководство пришло к выводу, что только профсоюзы, как организации, охватывающие все отрасли промышленности, располагают организационными и идеологическими возможностями решения необъятных проблем экономического регулирования. На I Всероссийском съезде профсоюзов 7–14 января 1918 года большевик Давид Рязанов призвал фабзавкомы «выбрать ту форму самоуправления, которая будет наиболее полезной для рабочего движения в целом». В предложенной Рязановым резолюции утверждалось, что параллельное существование двух форм экономической организации рабочего класса, с неограниченными полномочиями, только усложнит процесс концентрации сил пролетариата.

Проиграв профсоюзам на институциональном уровне, фабзавкомам оставалось утешаться мыслью, что одно из их основных устремлений реализовано гораздо быстрее, чем можно было надеяться. С октября ЦСФЗК подталкивал правительство принять скорейшие меры по осуществлению полной национализации промышленности и государственного регулирования экономики, но Ленин не проявлял в этом особого энтузиазма, предпочитая удерживать частный сектор под надзором правительства и рабочим контролем. В ответ на развал промышленности фабзавкомы, местные Советы и областные Советы народного хозяйства (СНХ) сами взялись «национализировать» предприятия, которым угрожало закрытие, и побуждали ВСНХ переводить их в государственную собственность. В результате партия быстрее, чем предполагали, решила на перевод промышленности в собственность государства. Фабзавкомы, однако, надеялись, что национализация означает рабочее управление, но правительство в меньшей степени проникнуто было таким желанием. I съезд Совнархозов 25 мая — 4 июня 1918 года постановил, что только третья часть, а не две

трети, как предлагалось, членов управленческих бюро национализированных предприятий будет избираться рабочими, остальных назначат ВСНХ или его областные СНХ. Даже это было неприемлемо для Ленина, который под впечатлением резкого падения производительности труда призывал восстановить единоличное руководство. Хотя кризис железнодорожных перевозок вынудил поддержать это предложение, сопротивление фабзавкомов и профсоюзов мешало добиться значительного продвижения в этом направлении ранее 1920 года.

К концу Гражданской войны вся промышленность была национализирована, хотя некоторыми мелкими заводами продолжали руководить бывшие владельцы. На предприятиях установилось единоличное управление. Фабзавкомы, хотя ещё и проявляли определенную самостоятельность, были интегрированы в профсоюзный аппарат. Постановление ВЦСПС о фабзавкомах, принятое в 1920 году, установило, что в их функции входят поддержание рабочей дисциплины и повышение производительности труда, но категорически запретило им вмешиваться в вопросы управления. Идея рабочего контроля продолжала существовать в более слабой форме, но теперь он стал делом рабочих инспекций, профсоюзных органов, ответственных за учет в критических областях, таких как железнодорожный транспорт и продовольственное снабжение, и государственных контрольных органов, проводивших аудиторские проверки. Идеалы рабочего управления предали забвению. В 1919 году лишь 10,8% предприятий, о которых имеются сведения, руководились одним директором, но к осени 1920 года их стало уже 82%. Остается спорным вопрос, насколько этот исход был предопределен тяжелейшими проблемами, вызванными экономическим кризисом, и насколько — глубоко укорененным пристрастием большевиков к централизации.

Литература

- Иткин М. Л. Рабочий контроль накануне Октября. М., 1984.
- Михайлов Н. В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX века // Рабочие и интеллигенция в России в конце 19-го и в начале 20-го века. СПб., 1996.
- Октябрьская революция и фабзавкомы: В 2-х т. / Под ред. и аннот. С. А. Смита. New York, 1983.
- Питерские рабочие и Великий Октябрь. Л., 1987.
- Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест: Сб. документов. СПб., 2000.
- Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917 — апрель 1918 г.). М., 1965.
- Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году: Протоколы. М., 1979; М., 1981.
- Черняев В. Ю. Рабочий контроль и альтернативы его развития в 1917 г. // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX — начало XX века. СПб., 1994.
- Avrich P. H. The Bolshevik Revolution and Workers' Control in Russian Industry // Slavic Review. 1963. 22. № 1.

Shkliarevsky G. Labor in the Russian Revolution: Factory Committees and Trade Unions, 1917–1918. NY., 1993.

Smith S. A. Red Petrograd: Revolution in the Factories, 1917–1918. Cambridge, 1983.

Wade R. A. Red Guards and Workers' Militias in the Russian Revolution. Stanford, 1984.

Ч А С Т Ь

VI

СОЦИАЛЬНЫЕ
ГРУППЫ И ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННОГО
СОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Аристократия и дворянство

ДОМИНИК ЛИВЕН

Согласно переписи населения 1897 года к потомственному дворянству принадлежали немногим более 1,2 млн. подданных российского императора. Приблизительно один представитель этого сословия приходился на 100 российских подданных: эта цифра заметно выше, чем в большинстве германских государств, несколько ниже, чем в дореволюционной Франции (1,5%), и намного ниже, чем в Венгрии XIX в. (4% в 1820 году) и в Польше до её разделов (8%). В России значение дворянства росло вследствие относительной слабости среднего класса. Вплоть до царствования в 1825–1855 годах Николая I стремление добиться успеха почти всегда было связано с приобщением к аристократии: либо через возведение в дворянское достоинство, либо через брак с представителем аристократии. В дворянство вливалась элита профессионального среднего класса, значительная часть которого состояла на государственной службе. Даже в 1897 году потомственные дворяне составляли две трети от численности членов недворянских сословий — не дворян профессионалов (адвокаты, учителя и т. д.), духовного и купеческого вместе взятых.

Слой наследственного дворянства был крайне разнороден. К 1905 году только 30% дворянских семей владели землей. 92% имений насчитывали менее 1 тыс. десятин, хотя в ряде случаев некоторые имели более одного поместья. Большинство русских дворян-землевладельцев в 1900 году не могли, как европейская знать, жить лишь на доход от своих земель и лесов. Еще со времен правления Петра I (1682–1725) приобрести дворянство на военной и государственной службе было, по европейским стандартам, легко. Хотя военный и гражданский ранги, получение которых требовало предварительного возведения в дворянство, в XIX веке значительно подняли, число возведенных в дворянство за службу в армии или в бюрократии было очень велико. Так, в 1875–1895 годах в наследственное дворянство возвели 37 тыс. человек — почти вдвое больше, чем в 1825–1845 годах.

Одним из обычных источников сил для Российской империи было охотное вступление русской знати в брак с элитами нерусских провинций и массовое принятие этих элит в правящий класс империи. Характерным примером служит включение в состав русской знати в XVIII веке шляхетства украинских губерний. Оно способствовало русификации большей части украинской земельной элиты и относительно безболезненной интеграции Украины в начале XIX века в славянское ядро империи. Другие элиты проявляли тенденцию сохранения своей этнической идентичности, что ни в коем случае не препятствовало верной службе их представителей российскому императору. Немецкая знать прибалтийских губерний, численно небольшая, играла важную роль в российских правительственных структурах, особенно до последней четверти XIX века. В 1897 году насчитывали 70 тыс. 972 дворянина с Кавказа, среди них большинство, но отнюдь не все, грузины. По-

ляки, наибольшая и наименее лояльная группа нерусской знати, в 1897 году составляли 28,6% потомственного дворянства империи. Польские дворяне не выделялись на имперской службе так, как прибалтийские (остзейские) немцы, но даже в XX веке играли важную роль в технической неполитической работе российской провинциальной бюрократии.

Ядро имперской знати составляли потомки допетровской аристократии и дворянства и политических и военных деятелей XVIII века. Некоторым из них были дарованы обширные имения. Кое-кто из фаворитов царствующих особ в XVIII веке имел весьма скромное происхождение, но большинство являлись дворянами и лишь поэтому могли снискать императорское благоволение. Богатство, культура и служба вместе с заключением политических союзов и браков внутри правящих семей создали в XVIII веке относительно однородную аристократическую элиту, сохранившуюся вплоть до падения в 1917 году монархии. Как и везде в Европе, русские аристократические магнаты были лучше вооружены против давления капиталистической экономики, чем основная часть дворян-землевладельцев. Так, в 1900–1914 годы 155 лиц, владевшие более 50 тыс. десятин каждый, продали только 3% своей земли, а дворянство в целом — 20%. Примерно половина этих лиц имела аристократический титул, большинство принадлежало к старым знатым родам. Хотя магнаты более не преобладали в правительственном механизме так, как в XVIII веке, их влияние на семью Романовых и верхние эшелоны управления оставалось значительным. Более того, многие не столь богатые члены старых дворянских фамилий достигали высоких постов в правительстве. Например, из 215 членов Государственного совета в 1894–1914 годах, большинство которых ранее занимали руководящие посты в бюрократии и армии, треть принадлежала к допетровской русской знати и большинство были крупными землевладельцами. Преобладающее большинство министров иностранных и внутренних дел при Николае II происходило из старых дворянских фамилий; П. А. Столыпин сумел выделиться благодаря способностям и отсутствию предыдущего опыта в Петербурге, а не принадлежностью к высшему классу или земельными богатствами. Подробное изучение происхождения и крупных землевладельцев, и ключевых фигур правительства в царствование Николая II подводит к выводу, что старая русская знать сохранила гораздо большее значение, чем привыкли считать многие историки, начиная с А. Романовича-Славянского.

Слой потомственного дворянства в целом был слишком велик и разнороден, чтобы быть связанным общим самосознанием или интересом. У него даже не было предлога перед фамилиями, эквивалентного французскому «де» или немецкому «фон», который отличал бы его представителей от остальных слоев общества. До 1861 года самая главная привилегия дворянства заключалась в монопольном праве владеть крепостными. С отменой крепостного права дворянские привилегии и статус практически превратились в пустой звук. Жалованная грамота дворянству Екатерины II 1785 года гарантировала дворянам ряд гражданских и политических прав, которые, однако, не всегда уважали её преемники, и дворянам было далеко до корпоративных привилегий, унаследованных от феодальной эры знатью многих европейских стран. В позднеимперской России дворянский статус не ограждал от случайного ареста или административной ссылки за политическую деятельность. Тайная полиция позволяла себе вскрывать переписку не только аристократов, но даже членов Дома Романовых. Хотя уездные и губернские дворянские собрания и предводители дворянства обеспечивали определенные институционные сред-

ства, используя которые, земельная элита могла выбрать руководителей и выразить свое мнение губернатору, правительство, как правило, заботилось, чтобы сфера деятельности этих собраний осталась крайне узкой. Вплоть до окончания Революции 1905 года дворяне не имели возможности создать общеимперскую самостоятельную организацию, не говоря уже о каком-либо представительном органе, через который участвовать в правительстве и законодательстве. В местном самоуправлении, впрочем, выборные предводители дворянства и земские органы и собрания, где дворяне преобладали, действительно играли важную роль. Хотя их самостоятельность была ограничена, она обеспечивала институционную базу для класса землевладельцев, без поддержки которого правительство не смогло бы эффективно управлять и модернизировать российскую провинцию. Земства были основной базой дворянской оппозиции правительству накануне Революции 1905 года. Позднее правительство приложило немало сил, чтобы найти общий язык с провинциальным дворянством.

До середины XIX века дворяне преобладали в большинстве областей экономической деятельности в России. Это характерно не только для ориентированного на рынок сельского хозяйства и промышленной переработки сельскохозяйственной продукции, но и для текстильной и металлургической промышленности. После 1861 года начался процесс неумолимого экономического упадка дворянства. К 1890-м годам в российской металлургии преобладали предприниматели не дворяне с Южной Украины. Исчезли дворянские текстильные фабрики. Дворянство удержалось лишь в отраслях, связанных с сельским, лесным хозяйством и горным делом. Лишь около 10% лесопильных и писчебумажных фабрик в 1900 году принадлежало дворянам. Даже в мукомольном деле и в производстве сахара, где некоторые аристократы все еще играли важную роль, их предприятия, как правило, были менее крупны по сравнению с предприятиями основных конкурентов не дворян.

В сельском хозяйстве упадок также был очевиден. Реформа 1861 года разделила дворянские имения между помещиками и крестьянами, во многом следуя программе, выдвинутой радикальным крылом движения декабристов в 1820-е годы. Дворяне владели в 1862 году 87 млн., а к 1905 году лишь 51 млн. десятин. В 1905–1914 годах продана, в основном крестьянам, еще пятая часть дворянской земли. К огорчению русских дворян, лучше всего землевладельцы управляли там, где среди них было меньше всего русских. Немецкая знать прибалтийских губерний в 1905 году все еще удерживала в своих руках 44% общего земельного фонда, дворянство в Белоруссии и Литве, в основном поляки, — соответственно 40,4 и 36,5%. В то же время, даже в таких главных цитаделях русского дворянского землевладения, как Центральный сельскохозяйственный район и Южная степь, аристократия и дворянство удерживали чуть более пятой части земель. На Средней Волге и в Центральном промышленном районе эти цифры составляли соответственно 15,9% и 13,7%. Русские помещики, подобно сходным сословиям континентальной Европы, после отмены крепостного права нередко находили, что леса — ценнейшее имущество из оставшегося в их руках. Взлет цен на лес дал дворянам, владельцам более половины лесов в 28 из 49 русских, белорусских и украинских губерний, прекрасную возможность получать прибыль. Однако даже в 1914 году русские дворяне заметно отставали от немецких юнкеров в плодотворности использования и охраны лесов. Следствием стало неоправданное опустошение больших лесных массивов и утрата дворянами вероятно весьма ценного источника доходов.

Причины очевидного экономического упадка русского дворянства после 1861 года многообразны. Рядовой русский дворянин-помещик не был предпринимателем, не имел склонности скрупулезно подсчитывать доходы и расходы. При крепостном праве помещики свободно использовали труд крестьян, их скот и орудия труда. Немногие развивали технику управления и отчетность, подходящую свободному рынку. После отмены крепостного права требовалось много средств для ограждения дворянского поместья от окружающих крестьянских наделов, не говоря уж о приобретении скота, машин, найме персонала для эксплуатации поместий в капиталистическом духе. Капитал был скуден, не соответствовал огромным размерам владений знати. Хотя дворянству возместили потерю в 1861 году земли, а также, неофициально и в меньшем размере, и потерю крепостного труда, большая часть возмещения или затребована назад государством на покрытие прошлых долгов, или потеряна из-за вынужденной продажи выкупных обязательств ниже номинальной стоимости, пока они не превратились в долг. Что касается дворянских промышленных предприятий, то неожиданная и невозместимая потеря крепостного труда, в сочетании с малым размером этих предприятий, их удаленности и отсталой технологии производства, сделали после 1861 года большинство дворянских фабрик неконкурентоспособными.

Говоря об упадке русского дворянства, надо также учесть общую экономическую ситуацию в России и схожие тенденции в прочей части Европы. Два десятилетия сельскохозяйственной депрессии, начавшейся в конце 1870-х годов, нанесли сильный удар по европейскому дворянству. В Восточной Англии, например, где в крупных имениях традиционно применялась передовая сельскохозяйственная техника, дворянство так и не смогло восстановить свои позиции после падения цен на зерно. Русская знать, чьи доходы в значительной мере основывались на экспорте, не могла пойти по пути прусских юнкеров к спасению путем протекционизма. Потеря русским дворянством контроля над промышленностью страны была проявлением общеевропейской тенденции. Аристократия к 1914 году все еще преобладала в промышленности только в Силезии, одном из важнейших экономических регионов Европы. Аристократы-промышленники Урала к 1900 году переживали тяжелые времена, их долгосрочные перспективы казались весьма радужны. На Урале залежи железной руды гораздо богаче, чем на Украине, уголь в избытке имелся в Западной Сибири. К 1914 году новые железные дороги должны были связать залежи угля и железной руды и покончить с изоляцией Урала: начался приток петербургского капитала в финансирование промышленной реконструкции региона. В то же время, с учетом издержек и риска при непосредственном руководстве современной индустрией, характерная для многих русских дворян тенденция вкладывать капитал в ценные бумаги выглядела вполне разумно и соответствовала поведению европейской аристократии. В 1910 году из 137 825 дворян, проживавших в Петербурге, 49% жили на доход от этих вложений. На протяжении столетия до 1914 года доходы русских магнатов не поспевали за доходами их британских и германских собратьев по классу, что неудивительно, если учесть общую экономическую отсталость России. Тем не менее, даже в 1914 году богатейшие русские аристократы имели годовой доход 100–200 тыс. фунтов — сумма тогда огромная даже по английским и немецким стандартам. В целом баланс доходов и расходов русских магнатов в 1914 году был гораздо благоприятнее, чем столетие назад. Некоторые аристократы извлекали значительную прибыль из городской недвижимости, и есть все основания полагать, что быстрое развитие российской

экономики в долгосрочном плане могло иметь такой же эффект для русской аристократии, как и для её британского и немецкого аналогов. Магнаты, владея городской недвижимостью, большими пакетами акций и различными видами собственности, могли резко увеличить свои доходы и стать ядром новой plutократии. Образовался бы большой разрыв между этими фамилиями и менее удачливыми аристократами, сильнее зависевшими от сельского хозяйства — группой, к которой принадлежало почти всё дворянско-помещичье сословие.

Даже ситуация дворянского землевладения России была не столь плачевна, как принято считать. Климат, почва, сообщение, расходы едва позволяли крупным имениям большинства регионов России конкурировать на международном рынке зерна с производителями из Нового Света. В конкуренции на внутреннем рынке крестьяне нередко побеждали крупные имения с их большими затратами на управление, оплату труда и приобретение техники. Цена, которую пришлось платить за попытки управлять имениями в капиталистическом духе, не была чисто экономической. 1905 год показал, что помещики, перешедшие к непосредственной обработке земли, за которую ранее взымали ренту, и при эксплуатации своих полей и лесов насаждавшие жесткие принципы капитализма, стали крайне непопулярны у окружающих крестьян. Имелись и политические, и экономические причины для передачи или продажи земли крестьянам и более безопасной и комфортной жизни городского рантье на гарантированный и в значительной мере невидимый доход. Этой тенденции способствовал взлет цен на землю в 1862–1912 года: за те полвека дворянская земля в цене поднялась на 443%, а в размере сократилась наполовину. Разумеется, такой политики российская знать подрывала свое положение правящего класса, основанного на аграрном обществе. Но поскольку в современном капиталистическом мире нет более места такому земельному потомственному правящему классу, готовность значительной части знати влиться в более широкий городской мир профессионалов и рантье стала явлением в общем положительным. Основная проблема, скорее политическая, чем экономическая, в 1914 году заключалась в том, что эта тенденция не успела развиться полностью и в ряде регионов острый конфликт крестьян с ослабленным, но пока ещё сильным классом землевладельцев создавал угрозу политической стабильности и общественному порядку.

Политические традиции российского дворянства заметно отличались от европейских. Аристократический режим давал дворянам лишь небольшие гражданские и корпоративные права. С другой стороны, русская аристократия обеспечивала действенный механизм военной мощи и территориальной экспансии, источников и гордости, и дохода дворянства, главной политической силы. После смерти Петра I в России установилась полуаристократическая система, в которой придворные группы аристократов заметно ограничили власть монарха и администрации, и государство зависело от земельной знати при взимании податей, поддержании общественного порядка и осуществлении военного призыва. В XIX веке развитие бюрократии изменило этот баланс и создало систему, которая меньше, чем ранее, коренилась в социальной элите. Происходило развитие всё более крупной, самостоятельной и всепроникающей администрации, над которой, в отличие от ситуации почти во всех других европейских обществах, российские элиты не имели какого-либо парламентского надзора или контроля. С другой стороны, это усилило способность государства проводить такую политику, как отмена крепостного права в 1861 году или быстрая индустриализация 1880-х–1890-х годов, вопреки воле и интересам большей части социальной элиты. В то же время частич-

ное отчуждение государства даже от его традиционных союзников из числа аристократии и дворянства усилило изоляцию и уязвимость режима.

За десятилетие до 1905 года эта изоляция достигла небывалого уровня, и управляемое дворянами земство сыграло решающую роль в зарождении Революции 1905 г. и вынужденных уступках режима в установлении полуконституционной системы. События 1905–1906 годов вскрыли необходимость выбора для российской земельной знати. Как европейцы XX века, многие из них питали отвращение к анахроничному династическому полицейскому государству. Однако поведение крестьян в 1905–1906 годы показало, что только это государство давало шанс выжить. Крестьяне, не остановив их царский режим, могли разрушить дворянские поместья или забаллотировать дворян на демократических выборах, как пытались сделать в I и II Государственных думах.

Зимой 1905–1906 годов некоторые землевладельцы и сам режим носились с идеей попробовать откупиться от крестьянской оппозиции путем частичной экспроприации имений. Такая политика могла, однако, лишь ещё больше возбудить аппетит крестьян, вместо его утоления. Очень часто интенсивно эксплуатируемые и самые продуктивные капиталистические имения были предметом наибольшей неприязни местных крестьян. Поскольку в Европе начала XX века была немыслима экспроприация частной (не говоря уж дворянской) земли без полной компенсации, казне, почти опустошенной Русско-японской войной, приходилось нести бремя новых, крупных и экономически непродуктивных затрат. Европейский опыт показывал, что по мере превращения процесса раскрепощения и вызванных им конфликтов в достояние истории и развития благосостояния крестьян росло их уважение к собственности, общественный порядок в деревне становился стабильнее: так произошло, например, во Франции и в Южной и Западной Германии после Революций 1789 и 1848 годов.

Революция 1905 года привела к восстановлению тесного союза режима с землевладельческой знатью и заметному усилению политической силы дворянства. Впервые губернские дворянские собрания получили возможность создать центральную организацию, известную под неофициальным названием Объединенное дворянство. Её активная лоббистская деятельность при Императорском Дворе, в министерствах и Государственной думе стала важным фактором политической жизни России. Влияние Объединенного дворянства было значительным отчасти потому, что многих его лидеров избрали во вновь образованный Совет по делам местного хозяйства, в Государственную думу и Государственный Совет. Как и в Пруссии, после Революции 1848 года, создание умеренного конституционного строя вело к усилению влияния в парламентских структурах дворян-землевладельцев, которые впервые смогли составить программы, объединиться для защиты своих общих интересов и выбрать собственных лидеров. Со временем прусские аграрии стали грозной консервативной силой, занозой в боку берлинского правительства. Их российские братья по классу также оказались сильной помехой для реформистской стратегии Столыпина.

В целом правительство и парламент могли прийти к соглашению при формировании политического курса, направленного на восстановление военной мощи и международного авторитета России. Существовал также консенсус по вопросу защиты частной собственности и значительный уровень согласия по основным пунктам Столыпинской аграрной реформы. Но в попытке реформировать архаичную и неэффективную систему губернского и уездного управления премьер-министр

натолкнулся на мощную дворянскую оппозицию и вынужден был дать задний ход. Земельная знать не любила бюрократию лишь чуть меньше, чем демократию, и с резким недовольством встретила попытки Столыпина снизить имущественный ценз на выборах земств при одновременном укреплении бюрократической власти и межведомственной координации на уездном уровне. Влияние помещичьей знати в обеих палатах парламента позволило заблокировать реформаторские законопроекты, что усилило разочарование других слоев общества в новом полуконституционном строе. С другой стороны, некоторые более либеральные дворяне-депутаты Думы из Партии октябристов все громче высказывались против консерватизма верхней палаты и чрезвычайных полномочий, полученных правительством для свертывания гражданских прав, обещанных Манифестом 17 октября 1905 года и Основными законами апреля 1906 года.

Слабость партийной дисциплины, особенно у октябристов, в сочетании с постоянными столкновениями между Государственной думой и Государственным Советом и усилением конфликта между министерствами после гибели Столыпина в 1911 году — всё это способствовало росту разочарования и апатии политически активных слоев дворянства к 1914 году. В землевладельческом классе и земствах антиправительственное настроение было, впрочем, гораздо слабее, чем накануне 1905 года: слишком свежие воспоминания о 1905-м не позволяли рассчитывать на поддержку дворянством обновленного освободительного движения. К тому же в 1914 году ничто не гарантировало от возобновления крестьянских беспорядков в ближайшем будущем. Оптимистичное заявление Столыпина, что 20 лет развития в условиях мира преобразят Россию, выдавало осознание того, что государство и его социальные элиты остались уязвимы.

Сравнения с европейскими странами показывают, что в 1914 года землевладельческая знать России была одновременно и недостаточно могущественна, и слишком могущественна. В Англии XIX века 7 тыс. человек, из которых почти все происходили из аристократии и дворянства, владели 80% земли. Прусское землевладение никогда не было столь аристократично, но в ряде провинций большие имения покрывали более половины всей земли. Оба высших класса контролировали сельское общество без больших затруднений. Знать имела сильных союзников в лице и английского фермера-арендатора, и прусского «большого» крестьянина в защите собственности и порядка и в противостоянии радикализму сельской бедноты. В 1848–1849 годах прусские дворяне сумели справиться с крестьянами и безземельными батраками тем способом, который невозможен для русских землевладельцев, столкнувшихся с гораздо более однородным, организованным в общины крестьянством. С другой стороны, русское дворянство как социальный слой все ещё не было настолько размыто, как дворяне в Западной и Южной Германии. Последние к 1914 году очень редко владели более чем 5% земли в любой провинции, и поэтому вряд ли могли заслуживать внимания как объект экспроприации. Усиление мощи городского и промышленного лобби создавало тенденцию к образованию общего аграрного фронта, в западных областях мощно поддерживаемого Католической Церковью.

После 1905 года появились предпосылки возможного движения русского дворянства в западногерманском духе по здоровому пути потери исключительности, но размеры оставшихся в его руках земельных владений во многих губерниях означали достаточную длительность этого процесса. Менее благоприятная параллель просматривалась в судьбе аристократии Южной Испании, где классовые противо-

речия между землевладельцами и сельским пролетариатом в 1930-х были столь же остры, что и в русской деревне 1917 года. Франко спас от уничтожения магнатов Андалузии ценой Гражданской войны и почти четырех десятилетий авторитарного правления. В более поздний период модернизация экономики и общества Испании привела к окончанию классовой войны в Андалузии посредством механизации латифундий и миграции основной части сельского населения региона на предприятия Мадрида и Каталонии. В этих изменившихся обстоятельствах даже испанская аристократия без особого беспокойства смогла принять демократию.

Когда в 1917 году монархия пала, российская землевладельческая знать не успела прожить даже столыпинских «20 лет мира», не говоря уже о 40 годах, которые предоставил Франко их испанским братьям по классу. Союз землевладельцев, фактически образованный в конце 1916 года, стал основным институтом, посредством которого дворяне (и другие крупные землевладельцы) пытались сохранить свою собственность. Отчаянные и не всегда безуспешные попытки предпринимались для получения поддержки Союза среди столыпинских «отходников» (крестьян, которые выделились из общин) и других крестьян, владевших частной землей. Отделения Союза существовали в большинстве губерний и в трети всех уездов Европейской России. Однако давление со стороны общинного крестьянства, временами усиливаемое мятежными солдатами местных гарнизонов, очень трудно было сдерживать. К июлю 1917 года руководство Союза единодушно встало на сторону контрреволюции, определенно поддержало бы военный режим, если бы его установили путем государственного переворота. Только такой режим являлся шансом на спасение дворянских имений, которые могли изъять без всякой компенсации решением демократически избранного Всероссийского Учредительного собрания. Это и произошло, но только в результате большевистских декретов и крестьянских «жакерий». В России не появилось фигуры, подобной генералу Франко или адмиралу Хорти, которая спасла бы от исчезновения аристократию и дворянство.

Литература

- Баранова Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008.
- Веремченко В. А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX — начало XX в.). СПб., 2007.
- Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993. Т. 1; СПб., 1995. Т. 2; М., 1996. Т. 3; М., 1998. Т. 4.
- Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1914. М., 1979.
- Ливен Д.: Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000; Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М., 2007.
- Объединенное дворянство: съезды уполномоченных губернских дворянских обществ: 1906–1916. В 3-х т. М., 2001–2002.
- Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома: Сб. трудов международной научной конференции. СПб., 2005.

Юсупов Ф., князь. Мемуары: До изгнания. 1887–1919. В изгнании. М., 2000.

Becker S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. DeKalb, IL, 1985.

Manning R. The Crisis of the Old Regime in Russia: Gentry and Government. Princeton, 1982.

Rendel M. Defenders of the Motherland: the Tsarist Elite in Revolutionary Russia. N. Y., 2010.

Roosevelt P. Life of the Russian Country Estate: A Social and Cultural History. New Haven, 1995.

Беженцы в Российской империи, 1914–1917 годы

(Перемещение населения и социальная идентичность)

ПИТЕР ГЭТРЕЛЛ

Социальная история Русской революции была сосредоточена на организованных общественных силах, чьи лидеры оставили объемные свидетельства о политической борьбе и действия которых непосредственно повлияли на существующие формы государственной власти. В исторических сочинениях оставалось немного места для социальных групп или действий, которые нелегко вписать в рамки обычных форм политической организации. Пренебрежение социальными группами, не подпадавшими под привычные категории исторического исследования, нигде не проявляется с такой очевидностью, как в отношении беженцев в истерзанной войной Российской империи. К концу 1915 года количество беженцев достигло 2,6 млн. человек и продолжало расти в дальнейшем, дойдя в январе 1917 г. до 4,9 млн. человек (что примерно вдвое больше числа советских граждан, перемещенных в результате германского вторжения в 1941 году). По всей видимости, эту цифру следует увеличить еще по меньшей мере на 10%, включив сюда незарегистрированных беженцев. Результаты перемещения населения в таком масштабе были значительны, и не только потому, что огромное количество беженцев сводило на нет попытки властей создать видимость социального единства в военное время. В первую очередь оно создало социальную категорию, нарушившую привычные типологии социальной стратификации в царской России. Установленная схема социальной расстановки подверглась перекройке и переопределению. Появление того, что можно определить термином «беженство», помогло не только подорвать установленные понятия социального статуса и контроля, но также придать новое значение гражданским импульсам, которые начали появляться накануне 1914 года и кристаллизировались в военный период вокруг новых «общественных организаций».

Проблемы перемещения населения в военное время выходят за рамки вопросов классификации, политического представительства и статистики. Они включают и самоощущение беженцев: кем считали они себя — маргиналами, жертвами войны, лицами, попавшими во временное состояние и ожидающими восстановления своего довоенного положения? Я считаю, что беженцы не только осознавали свои бедствия и гуманитарные импульсы, которые превращали их в объект жалости и благотворительности, они также начали узнавать свои права. Надо поэтому идти дальше анализа процесса перемещения и переселения, вскрыть причины того, что беженцы пытались выйти из категорий, в которые их хотели включить, другими словами, понять, как беженцы пытались

самоорганизоваться, освободиться от того, что им было уготовано, и улучшить свое положение.

В России военного времени беженцы были и оставались подданными царя. Они не переходили государственную границу, их статус не подлежал сомнению. Беженцы были вынуждены покинуть свои дома под угрозой насилия. По официальному определению «беженцами являются лица, покинувшие местности, находящиеся под угрозой вражеской оккупации или уже оккупированные врагом, или эвакуированные по приказу военных или гражданских властей из зоны военных операций; также уроженцы государств, враждебных России». Официальное определение позволяет включить в эту категорию поляков, евреев, латышей, литовцев и русских, бежавших из зоны военных действий; сюда входят также беженцы подданные других государств, в частности, русины из австрийской Галиции и относительно небольшое число армян, бежавших от турецкого геноцида в 1915 году. Так на официальном уровне было признано существование новой категории подданных, которым надо было еще приспособиться к ожидавшим их концептуальным и административным сложностям.

В имперской России существовала давняя традиция административного вмешательства в движение населения, включая насильственное перемещение целых категорий людей в отдаленные части империи. Государство также утверждало свое право административного надзора и включения подданных царя в определенные сословия. Даже после Революции 1905 года административная власть над расселением населения была мало затронута. Особые правила распространялись на целые группы населения империи. «Инородцы», категория, в которую включались все евреи, коренное население Сибири, Средней Азии и Кавказа, не имели внутренних паспортов. Без этого документа даже поездка на короткое расстояние была крайне затруднена. До 1906 года земельная община отвечала за передвижение крестьян. Эти правила не могли воспрепятствовать миграции, но напоминали населению, что передвижение в пространстве — скорее привилегия, чем право. Самая поразительная административная попытка определить зону расселения касалась евреев Российской империи. В законах 1906 года сделана уступка принципу, что царские подданные могут жить там, где пожелают, но одновременно объявлено, что эти права ограничиваются особыми законами. Черта оседлости сохранялась, что оправдывали тем, что евреи, если им позволить свободно селиться на территории империи, «экспроприируют» русских крестьян и подорвут общественный строй. В таком подходе проявилось отличие правительственной политики в отношении евреев от политики в отношении других меньшинств. Не зря Александр Керенский говорил о черте оседлости как «географическом выражении другой пограничной черты, круга моральной неприкасаемости», окружавшего всякого еврея в Российской империи.

Война и перемещение населения

Первая мировая война дала начало новым движениям, новым формам общественного действия и новым страхам относительно потери контроля над размещением населения. В ходе начальной фазы войны, с августа по декабрь 1914 года, немецкие войска отбросили русские армии, вторгшиеся в Восточную Пруссию, и приготовились к движению на Варшаву. Когда русские войска вошли в Галицию,

десятки тысяч евреев, русских, поляков, латышей, украинцев и других были вынуждены или наступающей германской армией, или действиями царского Генерального штаба покинуть свои дома. Ситуация ещё более осложнилась весной и летом 1915 года, когда немецкие войска продвинулись на северо-восток, оккупировав всю Польшу, Литву и часть Белоруссии. Австрийские войска снова заняли Галицию и соединились с немцами на российском юго-западе. Многие крестьяне-русины последовали за отступающими русскими войсками. К концу 1915 года около 400 тыс. беженцев прошло через одну только пограничную Волынскую губернию. Нередко решения об очищении целых деревень принимали не сами сельчане, а русская армия. Негативное отношение к евреям как возможной угрозе пограничной безопасности глубоко засело в сознании военных, хотя ещё Николай I запретил евреям селиться в пределах 50 километров от западной границы. Местные армейские командиры обвиняли евреев в шпионаже в пользу врага; даже беспристрастные сторонние наблюдатели разделяли тот предрассудок, что евреи так бедны, что ради денег ни перед чем не остановятся, даже перед предательством. Такие предположения подталкивали к нападениям на евреев и их имущество, способствовали появлению того, что Министерство внутренних дел охарактеризовало как «погромное настроение» в армии. Не все беженцы покидали свои дома безропотно. Волынский губернатор докладывал, что многие беженцы «обозлены и недовольны тем, что их вынуждали уходить. Они устраивали панику во время отступления из Галиции, захватывали и уничтожали чужое имущество, нанеся большие потери местному населению». Местная полиция и сельские власти не могли остановить грабежи и бесчинства беженцев.

Жесткие и отчаянные меры, примененные русской армией, не ограничивались еврейским и польским населением Российской империи. Простые фермеры-немцы в юго-западных губерниях России принуждались бросить свои хозяйства. Генерал Янушкевич, начальник штаба, видел в экспроприации собственности немецких поселенцев отличную возможность вознаграждения отличившихся в боях русских солдат, а также показательный урок для тех, кто вздумал бы сдать. Схожая картина наблюдалась и на Кавказском фронте. Через театр военных действий пробивались беженцы-армяне, спасаясь от насилий турецких военных и правительственных чиновников. К концу 1916 года в одном Ереване насчитывали не менее 300 тыс. армян, бежавших из Османской империи.

Многое из описанного выше подчёркивает спешку, с которой давно установившиеся людские сообщества разрывались на части, рассеивались и — как в турецкой части Армении — частично уничтожались. Министры правительства в частном порядке осуждали грубое и неупорядоченное перемещение гражданских лиц и выражали опасения по поводу политических последствий этого. Министр земледелия А. В. Кривошеин говорил коллегам: «Сомнительно, что беженцы могут испытывать добрые чувства по отношению к власти, допускающей действия, которые непостижимы, и не только для простого народа». Он утверждал, в апокалипсическом духе, что «бедствия, болезни, нищета распространяются по всей России». Такая риторика была вполне обычной. Однако, по крайней мере, помимо случая с Арменией, дальнейшие размышления заставляют нас внести некоторые поправки в катастрофическую версию событий. Во-первых, хотя физическое и психологическое состояние многих беженцев оставляло желать лучшего, не следует пренебрегать тем, что создавшиеся условия вызвали стремление к самопомощи, которое противодействовало естественной тенденции к отчаянию. Некоторые беженцы были сломле-

ны переживаниями насильственных перемещений; для других война создавала возможность образования новых сообществ в новых местах расселения. Во-вторых, резкое физическое перемещение оказывало неравномерное воздействие. Война стала своего рода освобождением для российских евреев, вынудив царское правительство признать, что не возможно более соблюдать черту оседлости. В-третьих, война дала возможность критикам старого режима использовать перемещение населения как мощное оружие в борьбе против самодержавия. В частности, представители «образованного общества» могли эксплуатировать «беженскую проблему», чтобы осудить царское правительство и армейское руководство за некомпетентность, жестокость и недалекость. Установление связей Союзом земств, когда он принимал активное участие в помощи раненым солдатам, с командованием Юго-Западного фронта, способствовали созданию благоприятной атмосферы сотрудничества, когда в повестку дня встала проблема беженцев. Однако бюрократическая реакция на претензии Союзов земств и городов не заставила ждать. В августе 1915 года царь одобрил образование под председательством министра внутренних дел Особого совещания по устройству беженцев. Новый орган заведовал отпуском средств в помощь беженцам, надзирал за их регистрацией и размещением, планировал их «возвращение на места их постоянного проживания, восстановление их хозяйства и принятие мер для их будущего благополучия».

Расселение беженцев и оказание им помощи

Беженцы, сумевшие выдержать долгий путь из прифронтовых зон, столкнулись со разными трудностями, которые местные власти старались по мере сил облегчить. Земства снабжали беженцев одеждой, обувью и другими вещами. Временные приюты создавались на вокзалах, пустующих предприятиях, в гостиницах, банях, монастырях. Рядовые обыватели, в противоположность местным профессиональным и некоторым городским руководителям, иначе глядели на появление в своей среде чужаков. Многие города уже переполнили раненые солдаты. Первоначальная симпатия и гостеприимство быстро улетучились, когда местные жители поняли, что беженцев не имеют денег платить за постой или еду. В реакции местного населения на появление беженцев просматривался и классовый элемент. Хорошо одетые пришельцы вызывали зависть. В Ярославле, как сообщалось, «интеллигентные и зажиточного вида беженцы терпят немалые трудности, так как местные домовладельцы отказываются сдавать им свои помещения или требуют драконовскую квартирную плату». Прямые свидетельства об отношении к беженцам крестьян нелегко обнаружить. Как странники, беженцы получали приют. К ним относились лучше, чем к своим же отходникам (сельчанам, которые вышли из общины, выделив свой надел в частную собственность во время реформы Столыпина). Крестьяне проявляли больше терпимости к чужакам, оказавшимся в деревне не по своей воле, особенно если они способны оказать посильную помощь хозяйству крестьянской семьи.

Беженцы и «гуманитарный фактор»

Задачи оказания срочной помощи беженцам и их размещение взял на себя целый ряд учреждений общественного сектора. Однако начать надо было с матери-

альной помощи, обеспечив пищей, одеждой, крышей над головой и топливом. Как это можно было сделать, если первые благотворительные импульсы были рассеяны? Что русские скажут друг другу в оправдание существующих форм помощи, которые неизбежно ведут к усилению материального бремени или расширению добровольных начал? Как отметил очевидец, «только те, кто действительно видел бегство русского населения, могут понять те ужасы, которые его сопровождали». Было важно выразить опыт очевидцев событий в той форме, которую легко бы поняли те, кто не был непосредственным наблюдателем. Газетные статьи с описанием условий, в которых оказались беженцы (особенно сироты) сыграли главную роль в формировании общественного мнения. Фотографии беженцев подкрепляли атмосферу человечности.

Самым распространенным образом, равно и самым драматичным, был образ больного беженца. Он быстро породил образ несчастной, но стойкой, жертвы войны. Тема болезни вызвала и заботу об их психическом состоянии. Киевский комитет помощи беженцам выразил беспокойство, что «ужасы, пережитые беженцами, вызвали эпидемию психиатрических аномалий». Рассказывались жуткие истории о сумасшедших женщинах, которые копали могилы для погибших мужей и бросали в них и своих живых детей.

Ядром гуманитарной инициативы было желание сохранить и, по возможности, восстановить семью, разрушение которой многие образованные русские считали преступлением. Однако желание утвердить целостность семьи нередко шло вразрез с настоятельными требованиями общественного здравоохранения. Явное противоречие возникало, когда семьи пытались остаться вместе, но медицинские власти хотели изолировать инфицированных членов семьи.

Беженцы и половой вопрос

Возникновение института беженства поставило также на повестку дня половой вопрос. Во-первых, образованные женщины готовы были брать на себя особую ответственность по уходу за беженцами-женщинами и детьми. Это повышало гражданский статус русской женщины, который уже поднятый благодаря их вовлечению в дело ухода за ранеными. Во-вторых, образ страдающего и нуждающегося беженца принимал половой аспект. Английская медсестра Виолетта Тёрстан старательно описала эти различия: «Стариков можно убагатворить небольшой порцией табака и компанией их старых приятелей; возможно, они привычнее к путешествиям и к смешению с внешним миром, чем женщины, которые ужасно скучают по своему привычному месту возле печи среди своей привычной домашней утвари». Важно было пробудить у беженки ощущение цели, поручив им что-то по хозяйству. Им выдавали небольшие суммы, чтобы смогли купить еду для близких; значение имели не величина суммы или то, что пищу можно лучше готовить на коммунальных кухнях, а скорее сохранение женского достоинства.

Беженки также требовали особой заботы в силу того, что они, как предполагалось, подвергались особому риску. Тёрстан приветствовала поведение петроградских курсисток, которые «совершали удивительные дела, охраняя молодых девушек и оберегая их от искушения». Основной задачей блюстительниц безопасности молодых замужних женщин было улучшить их материнские способности. Беженство создавало возможности для обращения к непростому вопросу детской смер-

ности, долгое время остававшемуся прерогативой земских врачей. Беременным женщинам предлагали места в школах для матерей, где их обучали уходу за детьми; предполагалось, что полученные ими знания по уходу за новорожденными помогут выживанию следующего российского поколения. В данном случае помощь беженцам была связана с вопросами самосовершенствования и евгеники.

«Права беженцев»: парии или свои?

За исключением редких случаев, беженцев воспринимали не как сограждан, а как несчастны жертв войны. Помеченные особым несчастьем, они имели мало шансов на ассимиляцию, хотя ассимиляция могла стать последствием их размещения среди постоянного населения. Донесение из Ставрополя содержит вывод, что благодаря организованной помощи «все беженцы живут в тех же условиях, что и местное население». Однако беженцы легко могли стать объектом презрения, так как нарушали привычный уклад жизни. Более того, среди беженцев могли быть распространены инфекции, и их часто помещали в отдельные бараки или госпитали, изолируя от местного населения. Приданием статуса беженцев добровольные организации и официальные учреждения делали упор на их бедственное положение и беспомощность и, таким образом, на необходимость выделить их из других групп.

Утверждение прав давало доступ к юридической помощи по целому ряду вопросов, особенно по вопросам захвата частной собственности. Либеральные юристы, привлеченные общественными организациями, могли не только добиться подтверждения оскорбительного поведения армейских командиров и бесчисленных чиновников, но и подчеркнуть необходимость относиться к беженцу как к полноправной личности, чье личное достоинство оскорблено, а право собственности нарушено.

В официальных рапортах, однако, нельзя найти свидетельств о том, как беженцы добивались подтверждения своего права на достойное обращение. Иногда это выражалось в форме отказов от принятия условий, которыми правительство или другие учреждения оговаривали получение помощи. Одна группа из Витебска категорически отвергла предложение переехать в дальнюю деревню. Беженцы также проявляли способность организовываться в поддержку требований улучшения условий своего существования. Отдельные беженцы не теряли поддержки, когда их личные обстоятельства становились трудными или даже опасными. Для защиты своих прав они обращались к либеральному общественному мнению. В этом отношении важную роль сыграли провинциальные газеты. В Ярославле, например, авторитетная газета «Голос» развернула энергичную и успешную кампанию протеста, когда местная полиция избила беженца.

Непредвиденное бегство из своих домов, которое беженцам пришлось претерпеть, отразилось в их отказе подчиниться чиновничьим требованиям остаться на местах нового проживания в течение всей войны. В 1916 году наблюдалось немало примеров, когда беженцы пытались вернуться в свои дома в западном приграничье, хотя военное командование утверждало, что такое массовое переселение внесёт сумятицу в перевозку войск и военных припасов и может вызвать распространение эпидемий в прифронтовых районах. На позднем этапе войны немногие беженцы готовы были еще раз подчиниться воле военных.

Беженцы и конструирование национальной идентичности

Насильственное перемещение населения в Первую мировую войну из мест, угрожаемых противником, было также, как сказал Альфред Нокс, «национальной миграцией». Многие из перемещенных лиц этнически были не русскими, а «разноплеменной пестротой», по словам губернатора Акмолинской губернии. Война сделала их более видимыми и показала необходимость действий со стороны государства, чтобы пойти навстречу требованиям жителей имперской периферии. Заставляя людей переселяться, война вызывала проявления беспокойства среди русских о благосостоянии нерусских национальностей. Добровольные организации помощи беженцам, вскоре приобрели национальный оттенок. В войну национальные организации набрали силу или были созданы впервые. Организации помощи польским беженцам возникли в разных городах в мгновение ока. Когда правительство учредило Особый Совет по делам беженцев, оно назначило семь отдельных комитетов (польский, армянский, еврейский, мусульманский, латышский, литовский, грузинский), из них следовало избирать по одному представителю. Немало соответствующих учреждений имели губернские города.

На местном уровне беженцы не всегда образовывали изолированные группы. Иногда, как в Вологде, беженцев размещали в соответствии с национальностью, особые школы были образованы для латышскоязычных. Однако многие этнические общности более полно интегрировались в местные сообщества. В Рязани польские беженцы пользовались местными медицинскими услугами, учили русский язык в местных школах, молились в местном католическом костеле. Многие беженцы квартировали в русской среде. Чиновники, обследовавшие губернские города, жаловались, что нелегко войти в соприкосновение с национальными меньшинствами. Среди всеобщего переплетения евреи старались вести более обособленное существование.

Хотя нет никаких прямых свидетельств о том, что польские, латышские или литовские беженцы активнее других выступали за большую национальную автономию, тем не менее, их присутствие в российской глубинке имело значение в нескольких отношениях. Во-первых, сам факт их перемещения привлекал внимание русских крестьян и горожан, никогда не задумывавшихся о многонациональном характере империи, к существованию национальных меньшинств. Нельзя было обойти вопрос о том, какие права они могут иметь и как относиться к отдельным национальным культурам. Во-вторых, национальные комитеты помощи старались придавать легитимность движениям в поддержку большей культурной свободы и политической автономии. Однако спектр политических воззрений беженцев был крайне широк. Национальность была не единственным определителем беженской активности, но в ключевые моменты становилась важным атрибутом.

Беженцы после революции

Ко времени революции 1917 году многие беженцы находились в относительно безопасных районах. Некоторые начали возвращаться в свои дома, брошенные в 1915 году. Те, кто остался на месте, с приходом большевиков к власти неизбежно оказались затронуты драматичными социальными переменами. Их число увели-

чивалось благодаря сотням тысяч демобилизованных солдат, возвращавшихся в деревни для участия в дележе земли. Новое аграрное законодательство давало беженцам и другим переселенцам право на владение ресурсами, находившимися в руках крестьянства, однако крестьяне, как правило, делили частновладельческую землю между собой. Беженцам, занятым полезной деятельностью, разрешали остаться; других побуждали уезжать. Те, кто остался, оказывался в отчаянном положении. Сельчане не нуждались больше в их труде. То, что частновладельческую землю можно законным путем получить и присоединить к своему наделу, заставляло сельские общины замкнуться в себе. Между крестьянином и беженцем пролегла четкая разделительная черта.

Заключительные замечания

Царские чиновники настаивали на существовании сословий и продолжали причислять людей к определенным категориям. С точки зрения государства, это формальное распределение напоминало царским подданным об их правах и обязанностях. Сословия могли отказаться от приема в свой состав новых социальных групп, таких как рабочие, предприниматели, творческая интеллигенция и образованные профессионалы. Тем не менее, они могли мобилизовать отдельные группы — земельное дворянство, духовенство и некоторых купцов, ощущавших угрозу со стороны экономической модернизации. С другой стороны, многое из того, что известно о политическом поведении организованных групп рабочих, указывает на то, что они формировали альтернативное самосознание и начинали мыслить классовыми категориями. Революция 1917 года усилила это ощущение классовой поляризации. Однако острота классового конфликта быстро притупилась в ходе Гражданской войны, когда промышленное производство терпело крах, и произошёл массовый распад городского хозяйства, оставив после себя разрозненные группы мелких торговцев, ремесленников и поденщиков, боровшихся за выживание. Многие вожаки рабочей Революции 1917 года выдвинулись на руководящие посты в партийных и государственных структурах. Российское общество в 1920 году включало в себя миллионы крестьянских хозяйств, равно как и пеструю группу горожан, охарактеризованных Виктором Сержем как «серая толпа тысяч людей, которые не являются ни рабочими, ни богатыми, ни бедными, ни революционерами, ни совершенно безграмотными, ни подлинно образованными». Большевики, ощущая потребность отделения врагов от своих сторонников, воспользовались классовыми ярлыками, оказавшимися грубым и неподходящим орудием распределения по социальным категориям.

Беженцы военного времени подвергли проверке действенность официально санкционированных сословных категорий. Особый статус беженцев также был вызовом для более современной групповой стратификации, связанной с занятиями и классовой принадлежностью. Быть беженцем означало стоять за пределами установленных границ общества, ожидать на периферии общественной жизни в надежде, что твой статус будет определен, и приспособиться к новой организации пространства. С этой точки зрения беженцы в такой же степени шли вразрез с революционной современностью, как и с царскими социальными стереотипами.

Недавние работы по социальной теории предлагают поставить под сомнение сущностные подходы к социальной идентичности и подумать о способах, посредством которых строится субъект. С этого угла зрения нельзя воспринимать чем-то

само собой разумеющимся состояние беженства, как будто это некая застывшая характеристика, подчеркивавшая статус беженца. Нельзя не заметить попыток, которые делались или делаются с целью обобщить понятие беженца, но это наводит на предположение, что беженство скрывает ряд различий в плане этнической, половой, возрастной, профессиональной и социальной принадлежности. Эти различия имели немалое значение. Беженская интеллигенция находила лучшее жилище. Молодые беженки, если они не попадали в объятия порока, пользовались особой протекцией. Нельзя утверждать, что сам факт перемещения автоматически порождал ощущение общности или, тем более, побуждал к совместным действиям. Общие эмоциональные переживания и побуждения к коллективному действию более очевидны на этническом уровне.

В то же время надо принять во внимание восприимчивость отдельных личностей к организационным, надзорным способностям внешних властей, к их умению собирать информацию, будь то государственные, местные или профессиональные учреждения. Беженцев считали, описывали, организовывали, ограничивали (для «безопасности» их самих и местных жителей). Если категория беженца более проблематична, чем часто представляется, возникает вопрос: какую роль может иметь изучение воздействия формальных политических структур на статус и организацию беженцев? Мишель Фуко утверждал, что надо отличать власть от явлений государственного преобладания. С его точки зрения, власть надо соотносить с процессом накопления и классификации знания. В этом пункте историки сталкиваются со сложной задачей. В российском обществе существовали идентифицируемые интересы, выразившиеся в претензиях на особые формы знания или определение социальных проблем особыми политическими способами. В России военного времени профессиональные группы, городские правления, национальные комитеты и крестьянские общины были вовлечены в процесс конструирования субъектов, и они открыто делали это с политическими целями. Возможно, это совместимо с проектом Фуко, целью которого ставить под сомнение господствующие понятия о первенстве класса, экономического интереса и государственной власти. Однако попытки вывести на первый план деполитизированный дискурс должны заставить исследователя перемещения населения в России времен Первой мировой войны сделать паузу перед лицом всепроницающей политической борьбы. Социальные общности были поставлены на карту, но то же произошло и с политическим будущим России.

Литература

- Гетрелл П. Беженцы и проблема пола во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.
- Курцев А. Н.: Беженство // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999; Военные беженцы в городах России // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX — XX веков. СПб., 2009.
- Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999.
- Fitzpatrick S. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. № 65.

- Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during the First World War. Bloomington, 1999.
- Homelands. War, Population, Displacement and State-building in Eastern Europe and Russia, 1918–1924 / Ed. by *N. Baron, P. Gatrell*. London, 2004.
- Kulischer E. M.* Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947. New York, 1948.
- Neuberger J.* Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley, 1993.
- Polner T.* Russian Local Government during the War. New Haven, 1930.
- Social Theory and the Politics of Identity / Ed. by *C. Calhoun*. Oxford, 1994.
- Thurstan V.* The People Who Run: Being the Tragedy of the Refugees in Russia. London; New York, 1916.
- Escape from Violence: Conflict and the Refugee Crisis in the Developing World. Oxford, 1989.

Женщины и гендерный вопрос

БАРБАРА ЭВАНС КЛЕМЕНТС

Определение предмета

Женщины и Русская революция — обширная тема, ведь женщины — это более половины взрослого населения Российской империи в 1917 году. Конечно, несколько абсурдно обобщать переживания столь огромной совокупности людей. Никто бы не взялся исследовать, как мужчины переживали Русскую революцию, однако ныне историки обращаются с понятием «женщины» как с наполненной смыслом исторической категорией. Она действительно такова, как показывают изыскания последних лет, но лишь в том случае, если термину «женщины» дано осторожное определение и сложность его в полной мере осознана.

При написании истории женщин историки должны, прежде всего, установить общие черты в положении женщин Российской империи, которые можно плодотворно исследовать. Как и мужчины, женщины различались этнически, конфессионально, социально и по месту проживания. Говорили они на разных языках и поклонялись разным богам. Даже у этнически русских пропасть разделяла изысканно одетую аристократку от босоногой крестьянки. Однако все эти женщины, несмотря на все различия, создавали одну трансцендентальную реальность, которая влияла на их существование столь же сильно, как этническая принадлежность или религия. Этой реальностью был патриархат, система социальной организации, распределявшей власть и статус через иерархии мужчин, ранжированных по возрасту и социальному положению. Патриархат оправдывал власть мужчин тем, что она предопределена Богом и природой. В патриархальной системе женщины размещены согласно родству с мужчинами; они получают власть и статус благодаря старшинству в своей семье и ее положению в обществе. В крупных империях патриархат господствовал, как и в Российской империи начала XX века. От древних городов Кавказа до рыбацких деревень на Белом море женщины жили в патриархальном обществе, предопределявшем их подчиненность мужчинам. В результате в переживаниях времен революции они обладали общностью судьбы, которую историки могут исследовать.

Есть еще одно основание изучать историю женщин, связанное с влиянием патриархата, но это влияние относится скорее к настоящему, чем к прошлому. Патриархат так же действовал на историков, как и на тех, кого они исследуют. До недавней поры большинство историков безоговорочно принимали положение, навязанное патриархальными ценностями, что исторически женщины незначительны. Женщины не возглавляли правительства и не свергали их (за исключением нескольких королей и императриц), поэтому не осуществляли перемен. Это положение могло длиться до тех пор, пока историки не сосредоточили внимание на политических лидерах, к чему склонны российские историки. Когда женщины по-

являлись в документах прошлого, представление о том, что они не имели значения, вело к упрощению или полному игнорированию их действий историками. Следствием этого стала «частичная» история, из которой исключена половина участников. Необходимо создавать исследования о женщинах, поскольку женщин не включали в прежние исследования.

Наконец, история женщин положила начало связанному с ней, но несколько иному научному жанру — изучению гендера. Слово «гендер», первоначально грамматический термин (лат. *gender* — «род»), ныне используют для обозначения того, как люди определяют мужское и женское и как используют эти определения для объяснения многого иного в своём мире. Антропологи, социологи, экономисты, литературоведы и историки пришли к выводу, что гендер, одна из самых важных таксономий человеческого сознания, присутствует в космологии всех религий, во всех социальных системах, во всех задокументированных определениях человеческого. В европейской культуре мужское начало долго ассоциировалось с понятиями рационального, сильного, господствующего и трансцендентного, а женское — с понятиями иррационального, природного, слабого. Эти ассоциации воздействовали на ход событий Русской революции, однако изучение гендера как исторической категории включает нечто большее, чем просто обнаружение влияния патриархата. Анализ многообразия понимания гендера усложняет и расширяет понимание многих исторических явлений, включая Русскую революцию. Недавние изыскания в области истории женщин подвергнутся анализу в данной статье. Исследования по гендерной истории слишком фрагментарны, чтобы можно было рассмотреть их, однако в заключение я выскажу несколько предположений о том, как можно было бы изучать гендер.

Положение женщин накануне революции

Крестьянки

До 1917 года преобладающее большинство женщин всех этнических групп Российской империи были крестьянками, жившими в крайней бедности. Крестьянки настолько были обременены всевозможными заботами, что для интеллигенции XIX века стали символами страданий России при царе. Они не только бóльшую часть жизни гнули спину на работе, как и мужья-крестьяне, но и рожали много детей, из которых многие умирали, и терпели злоупотребления от мужчин в своем сообществе и от знати. Доступ крестьянок к образованию был крайне затруднен, политических и юридических прав они имели еще меньше, чем мужчины их круга. Однако была и красота посреди всех этих испытаний. Колыбельные и причитания, певшиеся крестьянками, истории о духах, скрывавшихся в лесу, символические узоры, вышивавшиеся на платах, предназначенных для икон, — все это свидетельствует о богатой культуре верований, в развитии которой участвовали крестьянки. Если крестьянки доживали до среднего возраста, то могли достичь высокого положения в своей деревне, обрести заметную власть над сыновьями, дочерьми и невестками в своих разросшихся семьях.

В начале XX века жизнь и быт крестьянок всё ещё связаны с циклами времен года и традициями, усвоенными в детстве, несмотря на перемены, охватившие села и города империи. Крестьянские парни уезжали из деревни на заводы и фабрики бы-

стро разраставшихся городов. В деревню устремлялись врачи, учителя, агрономы и много других образованных людей, намеренных модернизировать сельскую Россию. Крестьяне и крестьянки старшего возраста охотно покупали промтовары — одежду, иголки, кухонную утварь, лампы, ярко раскрашенные картины, но прохладно относились к предложениям изменить деревенские обычаи, особенно регулировавшие положение женщин в семье и в общине. Некоторые родители разрешали дочерям посещать начальную школу, некоторые женщины, которых не могли обеспечить семьи, в поиске работы перебирались в город, но до самой революции большинство крестьянок вело тот же образ жизни, как и их бабушки.

Горожанки

В то же время в городах положение женщин стремительно менялось, созвучно схожим процессам во всей Европе. Дворянки и женщины из средних городских слоев получали образование, поступали на оплачиваемую работу, участвовали в реформаторских движениях. В последнее время исследователи рассматривали эти процессы, изучая женскую миграцию в города и положение женщин-служащих и фабричных работниц. Они также анализировали роль женщин в интеллигенции и «крестовые походы» русских феминисток. Эта работа показала, что в конце XIX — начале XX веков положение горожанок России и других стран Европы имело немало общих черт. Она вскрыла также и существенные отличия, которые влияли на жизнь горожанок, особенно на их попытки улучшить свое положение.

Эти отличия в основном связаны с привычным для России могуществом правительства и слабостью гражданского общества. До 1917 года реакционный царский режим сдерживал (когда не мог запретить) социальную активность. Феминистки и другие реформаторы конца XIX — начала XX веков в Великобритании, США и Скандинавии, получали поддержку от обретавший все больший вес коммерческой и профессиональной элиты. В России из-за слабого развития промышленной экономики деловой класс был невелик. Интеллигенция хотя и выступала за женскую эмансипацию, но не имела такого же авторитета, как ее аналоги в буржуазных демократиях. Многие из интеллигентов — преподаватели, врачи, юристы и в особенности инженеры — служили тому самому правительству, которое сопротивлялось реформам. К тому же интеллигенция была расколота на социалистов и либералов, и этот раскол так же проходил по рядам политически активных женщин, как и мужчин. Следствием были более слабое феминистское движение, чем в Англии и США, и гораздо более значительная доля женщин среди революционеров. В первом десятилетии XX века от 10 до 15 % членов РСДРП и Партии социалистов-революционеров составляли женщины — больше, чем во всех других европейских социалистических организациях.

Участие женщин в Революции и Гражданской войне

Женщины активно участвовали в революционных событиях. Февральская революция началась с массовой демонстрации фабричных работниц в Международный Женский день 23 февраля (8 марта н. ст.). В последующие дни в толпах демон-

странтов было немало женщин. Современники указывали на политическую активность женщин как на признак полного банкротства режима, подразумевая, что поднялся, наконец, даже самый пассивный элемент российского общества. Другие приветствовали участие женщин в революции как знак того, что они порывают пути нищеты и патриархата и утверждают свое право быть полноправными членами политического сообщества. Некоторые высказывали опасения, что вид женщин, шествующих по улице, предвещал бунт, беспорядок и анархию. Одной из насущных задач историков ныне является выяснение того, что вся эта деятельность действительно означала.

Активность женщин реально свидетельствует о глубине недовольства российского общества царским правлением и указывает на ослабление механизмов политического контроля. С февраля 1917 года и до конца Гражданской войны женщины всех слоев общества были вовлечены в политику в такой степени, какая была невозможна при старом режиме. Революционерки действовали в своих организациях, равно как и женщины — члены партии кадетов (хотя они численно гораздо меньше). Работницы и женщины-служащие вступали в политические партии, организовывали чисто женские профсоюзы и профессиональные ассоциации, участвовали в демонстрациях, митингах и голосованиях. Крестьянки участвовали в изъятии помещичьей земли и в деревенских сходах, которые перераспределяли землю. Они также утверждали себя в своих семьях, требуя у мужей выделиться из родительского хозяйства и завести собственное. В Гражданскую войну женщины по обе стороны фронта работали в госпиталях, шпионками и курьерами, большевики использовали их также и в армии и на комиссарской работе. Осенью 1920 года в Красной Армии служило 66 тыс. женщин, что составляло 2% от ее общей численности. В 1917–1921 годах в РКП(б) вступили 30 тыс. женщин. По всей бывшей империи, радуясь новообретенной свободе, женщины утверждали, что революция раз и навсегда покончила с патриархатом.

Последствия революции

Анализ проблемы

Участие женщин в водовороте событий 1917–1921 годов не привело к такой резкой перемене в гендерных соотношениях, на которую надеялись ее сторонники и которой боялись ее противники. Чтобы понять, почему это так, историки должны рассматривать революцию не как линейную последовательность действий и их последствий, а как беспорядочную смесь распадов и воссозданий. Люди по-разному реагировали на падение старого строя. Одни хватались за новое, другие оберегали старое, многие пытались найти средний путь между радикальной переменой и слепой реакцией. Простые люди, как и революционеры, нападали на патриархат, но они не ликвидировали его полностью, отбросив некоторые из его ключевых положений, например, обязанность крестьян подчиняться дворянам, но сохранив другие, в частности обязанность жены подчиняться мужу.

Сложность анализа увеличивается, когда исследователь считает, что составные части общества изменяются с разной скоростью. За последние 200 лет люди очень быстро изменили политические и экономические структуры, чего нельзя сказать о системах ценностей, таких как патриархат. На протяжении столетий патриархат

претерпевал изменения, но это протекало медленным темпом. Одни патриархальные ценности (например, права монархов) потеряли силу задолго до других (например, право отцов контролировать своих молодых сыновей); ослабление одних (например, главенство отцов над взрослыми сыновьями) в ряде случаев вело к укреплению других (например, право мужа внутри семьи). В России процесс приспособления традиционного патриархата к более эгалитарной этике XIX века начался задолго до прихода большевиков к власти; царское правительство иногда содействовало, но чаще препятствовало этому. Большевики декларировали свое намерение вообще упразднить патриархат, но натолкнулись на общественное противодействие, поскольку оказались радикальнее огромного большинства населения, даже в городах. У самих них также не было единства, вожди более рьяно выступали за изменение положения женщин, чем рядовые партийцы. Следствием был сложный процесс взаимодействия, умножающий аналитические проблемы для историков.

Первым шагом на пути преодоления этих трудностей является деление категории «женщины» на несколько более удобных субкатегорий. Женщины, более склонные к участию в выборах, вступлению в политические партии и занятию постов, жили в крупных городах, где еще до 1917 года патриархату был брошен вызов понятиями личной свободы и императивами индустриализированной экономики. Политические активистки происходили из европейских этнических групп, а внутри этих групп — из дворян, средних слоев общества и, в меньшей степени, из рабочего класса. 57% женщин, вступивших в РКП(б) в 1917–1921 годах, происходили из высших и средних слоев российского общества, 37% — из пролетариев, 5% — из крестьян. Большевички стали самыми влиятельными из всех революционных активисток, так как, вступив в партию-победительницу, они продолжали играть важную роль в советской системе в целом и в программах женской эмансипации в частности. По происхождению они были, однако, типичны для десятков тысяч тех, кто стремился воспользоваться новыми свободами, предоставленными революцией.

Последствия для крестьянок

Крестьянки оставались вдалеке от своих городских сестер. Кавказские, азиатские и сибирские народы были значительно дальше других от революционного процесса, поэтому у их сохранялись патриархальные институты на протяжении значительной части советского периода. Жившие ближе к революционным центрам сосредотачивали усилия на ослаблении патриархальной власти внутри семьи и укреплении самой деревни. Крестьянки радовались изъятию помещичьей собственности в 1917 году, дававшей возможность обзавестись собственным хозяйством вне влияния родственников мужа, однако они были склонны видеть в Революции 1917 года и Гражданской войне угрозу своей хрупкой безопасности. С продовольствием становилось всё хуже, свирепствовали эпидемии, мужчин забирали в армию. Чтобы защититься от еще больших страданий, крестьянки боролись против внешних влияний, угрожавших крестьянскому сообществу, в том числе и против большевистских призывов к раскрепощению женщин. Они распространяли слухи, что большевики хотят отобрать детей или «национализировать» женщин, и нападали на молодых агитаторов, посланных Женотделом. Кре-

стьянок сопротивлявшихся их призывам большевики несправедливо обвиняли в невежестве и отсталости. Крестьянки скорее были консервативны в прямом понимании этого слова. Они хотели уберечь своё сообщество от дальнейшего распада, даже если это означает консервацию семейных ценностей, позволявших мужчинам господствовать над женщинами теми способами, которые женщинам часто были неприемлемы.

Власть традиционного общества над крестьянками ослабла только в 1920-е года, когда большевики, закрепив свою власть в центре бывшей империи, принялись устанавливать более прочный контроль над пространствами страны и начали борьбу с традиционной крестьянской культурой. Большевики привнесли в деревню новые идеи о положении женщины в обществе, бросили вызов структуре сельского общества и затем, с коллективизацией сельского хозяйства в конце 1920-х годов, объявили этой структуре беспощадную войну. И вновь крестьянки оказали сопротивление, десятки тысяч поднялись против коллективизаторов, но на сей раз терпели поражение. Правительство, беспощадно выступая против неорганизованных крестьянских старейшин и облекая властью сеть правительственных чиновников и крестьян, работавших под их руководством, уничтожило патриархальные начала, связующие лиц старшего возраста и молодежь. Отношения подчинения и господства пришли на смену родству и старшинству как средств распределения власти в деревне. Элементы патриархата, управлявшие гендерными отношениями, однако, удержались, так как в семье мужчины продолжали в значительной мере господствовать над женами, тогда как на полях мужчины управляли техникой, а на долю женщин выпадал ручной труд.

Последствия для женщин в городах

Большевики, чья власть в городе была прочнее, более непосредственно воздействовали на положение горожанок. В течение года после захвата власти правительство приняло новую конституцию, предоставлявшую политические права независимо от половой принадлежности, и новый семейный кодекс, легализовавший развод. Также строились проекты организации общественных фондов для помощи матерям и регулирования условий найма женщин на работу, чтобы способствовать их доступу к оплачиваемой работе при одновременной заботе об их воспроизводительных функциях. Весь 1918-й и частично в 1919 году группа большевичек во главе с Инессой Арманд, Александрой Коллонтай и Конкордией Самойловой добивалась большего внимания к женским проблемам. Утверждая, что революция добьется успеха лишь в том случае, если большевики предпримут усилия, чтобы завоевать поддержку женщин, они получили право организовать в 1919 году Женотделы при комитетах РКП(б), в задачу которых входило проведение партийной политики среди работниц и крестьянок.

Программа РКП(б) по эмансипации женщин, сформулированная на протяжении Гражданской войны, привела к значительным изменениям в жизни народов СССР и, позднее, во всех коммунистических странах. Это стало одним из важнейших результатов революции. Центральными частями программы были устранение дискриминации женщин в общественных учреждениях, обеспечение средствами социальных служб, направленных на облегчение домашней работы (детские сады, столовые, прачечные), и пропаганда принципов женского равенства. Правительство

всячески старалось привлечь женщин к профессиональному труду, создало курсы профессиональной подготовки и установило в начале 1930-х годов квоты на прием женщин на работу. Советский народ с энтузиазмом ухватился за эти новые возможности. К 1940 году более 90% горожанок в возрасте до 50 лет были грамотны, женщины составляли до 38% несельскохозяйственной рабочей силы. В 1930-е годы 82% впервые поступивших на работу — женщины. Их зарплата от 50% уровня зарплаты мужчин до 1917 года также увеличилась в среднем до двух третей в 1930-е. Чтобы содействовать переменам, компартия через журналы, газеты, романы, поэмы, радиопередачи, фильмы проводила мысль, что женщины — равноправные члены общества и заслуживают уважения и заботы.

Ведущую роль при формулировке и осуществлении партийной политики играл критический анализ патриархата, лежавший в основе этой политики. Согласно марксистской теории, мужчины благодаря тому, что собственность в их руках, получили власть над женщинами. Следовательно, полная эмансипация женщин произойдет лишь тогда, когда рабочая революция упразднит частную собственность. В дальнейшем социализация домашнего труда и ухода за детьми даст возможность женщинам на равных с мужчинами участвовать в общественной жизни. Многие критики этой теории указывали, что такая экономически детерминистская интерпретация сводит патриархат к заимствованному набору ценностей и, вследствие этого, марксистские теоретики недооценивали силу патриархата и игнорировали его влияние, от которого даже сами не были свободны. Марксисты, кроме небольшого числа марксисток-феминисток, всегда считали, что главными действующими лицами в политике станут мужчины. Мужчины возглавят политические партии, мужчины-рабочие совершат революцию, мужчины-руководители предпримут шаги, необходимые для освобождения женщин. Повсюду членами марксистских партий, как и правительств, созданных ими после своей победы, были в основном мужчины. В дореволюционный период российские социал-демократы рельефнее, чем социал-демократы других стран, проявляли приверженность женской эмансипации, и большевики во власти придерживались той же линии. Они провели важные реформы, но никогда не пытались критически взглянуть на свои утверждения по поводу того, что мужчины должны руководить. В своих институтах они сохраняли основную черту патриархата, даже тогда, когда объявляли ему войну. Раз женщины в СССР получили доступ к образованию и профессиональной деятельности, раз созданы службы помощи в домашней работе, то, заявляли партийные пропагандисты, равенство полов достигнуто. Недостатки они приписывали упрямству людей с отсталыми взглядами, а не системным проблемам, которые отчасти проистекали из собственного неадекватного понимания патриархата.

Ограниченность советской программы женской эмансипации ныне известна так же хорошо, как и ее достижения. Женщины получили права и добились значительных успехов в сфере образования и занятости, но они остались обремененными домашними заботами. Когда правительство решило тратить свои скудные средства на танки, а не на детские сады или столовые, женщины стали сами смотреть за детьми и готовить пищу. Советские женщины играли двойную роль в индустриализации: работали на фабриках и выполняли домашнюю работу, благодаря которой работники на предприятиях были накормлены, одеты и способны трудиться. Они также оспаривали широко распространенное мнение, что мужчины должны контролировать общественную жизнь, а женщины — заботиться о семьях. К середине 1930-х годов партия поддержала эти идеи и отвергла эгалита-

ристские проекты таких большевичек-феминисток, как Коллонтай, приняв гендерные идеи, господствовавшие во всем индустриальном европейском мире.

Сложность процесса трансформации

Сходство советских ценностей с принятыми в других странах предполагает, что ограниченные последствия революции для женщин вытекают не только из того, что компартия не исполнила обещаний. Готовностью партии жертвовать устремлениями собственных основателей объясняется нехватка детских садов и отсутствие противозачаточных средств; это лишь две существенные трудности среди тех, с которыми сталкивались советские женщины. Сохранение в измененной форме многих черт патриархата было также следствием поведения миллионов простых людей, которые приспособливали старые ценности к изменяющимся условиям. Убежденность в том, что женщина должна вести домашнее хозяйство и смотреть за детьми, поддерживая семью на плаву посреди городских джунглей, возникала везде, где на протяжении последних двух столетий происходила индустриализация. Условия жизни в городах в ранний период советской истории были особенно неблагоприятны, здесь отсутствовали все удобства обычной городской жизни. Советские люди, вынужденные жить в таких условиях, поступали так же, как жители Манчестера столетием ранее: они идеализировали домашний порядок, при котором женщина ведет хозяйство, а мужчина — глава семьи. Это был не старый русский патриархат, а измененная его форма, основанная не на большой семье, а на семье-ячейке. Власть мужа и свекра сократилась по сравнению с той, что прежде. Женщины могли стать образованными членами общественной жизни. Писатель Ф. И. Панферов обобщил новый идеал в своем романе «Бруски», вышедшем в 1936 году: «Женщина должна... быть счастливой матерью и создавать в семье спокойную атмосферу, не оставляя, однако, работу на общее благо. Она должна уметь сочетать все это и быть на работе под стать своему мужу».

Процесс адаптации традиционных идеалов в отношении женщин к обстоятельствам городской жизни не был инициирован партией. Он начался еще в XIX веке, явив собой российскую струю в потоке социальных перемен во всей Европе. Партия могла ускорить изменения в представлениях о женщинах, несколько перенаправить их или даже замедлить, но всегда шла за ними, а не создавала. Силами, давшими начало потоку, были те, что начиная с XVIII века трансформировали общества по всему миру — индустриализация, урбанизация и международный обмен ценностями. Эти силы создали ситуацию, в которой партия вела работу среди женщин, и воссоздавали ее даже тогда, когда партия обращалась к своим делам, в результате чего она всегда и действовала, и подвергалась воздействию. «Счастливая мать», которая «на работе под стать своему мужу» — творение этого сложного процесса. То, что этот образ появился как идеал женщины в либеральных демократических обществах — еще одно свидетельство того, что это не просто результат махинаций эксплуататорского режима.

Историю последствий революции для женщин отнюдь не следует, поэтому, ограничивать рамками 1917–1921 годов и политикой руководства, хотя партия и революционная эпоха сыграли важнейшую роль в дальнейшем развитии советского общества. Историки должны также принять во внимание действия и реакцию миллионов женщин, всех вместе и по отдельности, и во всех своих индивиду-

альных проявлениях. Они должны интегрировать эти изыскания в анализ коренных социальных перемен, ассоциирующихся с переходом от аграрного общества к обществу городскому и индустриальному. Только такая комплексная концептуализация женской истории сможет придать смысл переживаниям миллионов отдельных личностей.

Будущие исследования

Для будущего исследования в этой области открываются широчайшие перспективы, поскольку все еще не исследованы богатые архивные источники, еще не затронуты важные темы. Историки начали изучение политики партии и деятельности в ней феминисток с 1917 года до сталинского периода, но необходимо гораздо большее. Не изучены работа Женотдела, комсомола и профсоюзов на национальном и местном уровнях и процесс принятия партийных решений по проблемам женщин. Не рассмотрено достаточно подробно и воздействие партийных программ. Важными темами являются работа школ, системы здравоохранения, профессиональная подготовка.

Широкую категорию «женщины» надо разбить на группы, рассмотрев положение и поведение этих групп в революционный период. Среди активисток, известно о которых очень мало, были профсоюзницы, солдатки, феминистки из числа эсеров и кадетов. Надо рассмотреть такие группы, как медсестры, канцелярские служащие и другие, красных и белых участниц Гражданской войны, как и те группы, которые пытались остаться в стороне от бури, не примыкая ни к одной из сторон (учителя, монахини). В 1920-е годы существовали чисто женские кооперативы и колхозы, а также студенческие клубы и другие политические, социальные и культурные организации. Ни одна из них пока не нашла своего историка.

Имеется также насущная необходимость документировать поведение женщин, не входивших в какие-либо формальные организации. В архивах обнаружены свидетельства о необычайной степени упорства женского сопротивления коллективизации в конце 1920-х годов. О том, что подобное было и в Гражданскую войну, говорят многочисленные упоминания о борьбе крестьянок с чужаками. Надо изучать и другие типы коллективного поведения, в частности, демонстрации, бунты и массовые миграции. Пролить новый свет на то, как женщины воспринимали революцию, поможет анализ их отношений к мероприятиям социальной политики в 1920-е годы; например, можно немало извлечь из молодежных споров о свободной любви.

Историки должны исследовать, как зависело поведение женщин от этнической принадлежности, социального статуса и места жительства. Обобщения, которые могут быть сделаны относительно народов, сильно отдаленных друг от друга, таких как сибирские народности, грузины, русские и узбеки, можно поддержать более детальным изучением их истории в революционную эпоху. Вполне возможно, что широких обобщений сделать не удастся, если обнаружится, что женщины находились под сильным влиянием своих культур и тех способов, с помощью которых вызов традиционному обществу входил в их миры.

Гендер лишь недавно стал считаться продуктивным способом анализа российской истории. Было уделено некоторое внимание базовому восприятию обществом мужского и женского начала накануне революции, но нет еще крупных ра-

бот, посвященных сдвигу гендерных ценностей после 1917 года. В начале 1920-х годов существовало беспокойство по поводу того, что революция освободила мужчин от социального контроля, и шли споры о том, как определить мужскую ответственность в социалистическом обществе. Споры о том, что означала мужественность, надо проанализировать и сопоставить со спорами вокруг женственности. Есть работы о появившейся в 1930-е годы новой концепции женственности, но сделать надо гораздо больше, в частности, в изучении массовых понятий в их противопоставлении официально насаждаемым идеям. Наложение этих исследований на схожую работу по изучению других обществ может дать интересные межкультурные сопоставления.

Изучение гендера включает в себя нечто большее, чем рассмотрение понятий мужского и женского; это также способ использования этих понятий для исследования других ценностей, идей и нравов. Например, коллективное самосознание большевиков с самого начала существования их фракции было в высшей мере маскулинизировано. Большевики объявили себя твердыми, решительными, прагматичными, рациональными и эмоционально сдержанными. Усилилась ли эта маскулинизация в Гражданскую войну? Есть ли связь между маскулинизированными ценностями и автократическим поведением? Более общую, но не менее перспективную тему исследования даст изучение того, как гендерные понятия накладывались на революционный опыт, как разные группы использовали их в разных целях, как они изменялись во времени.

Наличие такого обилия неисследованных тем подкрепляет предположение в начале этой статьи о том, что женщины и гендер должны стать центральными, а не периферийными аналитическими категориями. Историки, продвигаясь вперед в исследовании и истории женщин, и влияния гендерных идей на русское прошлое, покажут перспективность этой темы и подорвут патриархальные утверждения о мужском превосходстве, так долго влиявшие на само написание истории.

Литература

- Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998.
- Барретт Т. «Не годится казаку жить одному»: женщины и гендер в казацкой истории // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. СПб., 2007. № 11.
- Ваксберг А. И. Валькирия Революции. Смоленск, 1997.
- Денисова Л. Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М., 2007.
- Женская повседневность в России в XVIII–XX вв.: Материалы международной научной конференции 25 сентября 2003 г. Тамбов, 2003.
- Петров-Эннкер Б. «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005.
- Пушкарева Н. Л.: Русская женщина: история и современность: История изучения «Женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы к библиографии. М., 2002; Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М., 1997.

- Сальникова А. А.*: Немного о «красном революционном козле», или Девочки-современницы о символах и образах Революции 1917 г. // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. М., 2003. № 3; Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007.
- Социальная история: Ежегодник 2003: Женская и гендерная история. М., 2003.
- Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004.
- Хасбулатова О. А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново, 1994.
- Энгельштейн Л.* Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX вв. М., 1996.
- Юкина И. И.*: История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е гг. Материалы к библиографии. СПб., 2003; Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.
- Attwood L.* Creating the New Soviet Woman: Women's Magazines as Engineers of Female Identity, 1922–1953. Basingstoke, 1999.
- Chatterjee C.* Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910–1939. Pittsburgh, 2003.
- Clements B. E.*: Bolshevik Feminist: The Life of Aleksandra Kollontai. Bloomington, 1979; Daughters of Revolution: a History of Women in the USSR. Arlington Heights, IL, 1994; Bolshevik Women. Cambridge, 1997.
- Elwood R. C.* Inessa Armand, Revolutionary and Feminist. Cambridge, 1992.
- Engel B. A.* Women in Russia, 1700–2000. Cambridge, 2004.
- Farnsworth B.* Alexandra Kollontai: Socialism, Feminism and the Bolshevik Revolution. Stanford, 1980.
- Goldman W.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge, 1993.
- Hutton M.* Russian and West European Women, 1860–1939: Dreams, Struggles and Nightmares. Lanham, 2007.
- Lapidus G. W.* Women in Soviet Society. Berkeley, 1978.
- Promissory Notes: Women in the Transition to Socialism / Ed. by S. Kruks, R. Rapp and M. B. Young. NY., 1989.
- Russian Peasant Woman / Eds. by B. Farnsworth, L. Viola. Oxford, 1992.
- Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation / Ed. by B. E. Clements, B. A. Engel and C. D. Worobec. Berkeley, 1991.
- Stoff L.S.* They Fought for the Motherland: Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution. Lawrence, 2006.
- Women in Russia and Ukraine. Cambridge, 1996.
- Wood E.* The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington, 1997.

| Интеллигенция |

ДЖЕЙН БУРБАНК

Если бы не Русская революция, термин «интеллигенция» мог и не войти в словарь международной социальной науки и политики. Это понятие не укоренилось в европейском академическом дискурсе XIX века, а в России интеллигенция как единая группа в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, оказалась под угрозой исчезновения. Революция 1917 года придала особое значение понятию социальной группы, определяемой своими антигосударственными, прогрессивными ценностями; к тому же, захват власти большевиками заложил основу для перегруппировки интеллигенции в СССР вокруг оппозиционных принципов. Обе эти интеллигенции — одна, связанная с проведением большевистской революции, другая, отличавшаяся своей оппозицией к советской власти — стали обычными понятиями мировой политики. В России, впрочем, интеллигенция никогда не была определенной или однородной категорией. В данной статье показаны разногласия вокруг определения интеллигенции, сложное отношение интеллигенции к Революции 1917 года и изменениям направленности интеллигентского самосознания в новейшей истории России.

Разногласия вокруг определений

Трудно найти ярче пример конструирования природы социальной идентичности, чем длительная борьба за определение интеллигенции в течение двух десятилетий предшествовавших революции в России. Писатели тогда принимали некоторые черты интеллигенции как нечто само собой разумеющееся: во-первых, интеллигенция является коллективной единицей; во-вторых, эта группа имеется в России; в-третьих, у интеллигенции есть история; и, в-четвертых, эта история связана с отстаиванием дела свободы и справедливости. Но как определить, кого можно отнести к интеллигенции, а кого нет? В чем состоит роль интеллигенции? Это были критические вопросы для людей, пытавшихся изменить ход русской истории.

Вызов буржуазного общества

Два обстоятельства стимулировали исследование природы интеллигенции в десятилетие до 1917 года. Первым из них были расширение и разностороннее развитие общества; на рубеже веков стало очевидно, что образованные люди в сферах профессиональной деятельности, искусства и гражданской жизни не едины в своем понимании политических перемен. Столкнувшись с разнообразием мнений, люди, претендовавшие на сохранение интеллигентских традиций, старались выделиться из общества.

Это упражнение в самоопределении выразилось в составлении истории интеллигентского движения, таких как книги «Из истории русской интеллигенции»

П. Н. Милюкова (1902), «Общественные и умственные течения в России. 1870–1905» Ю. О. Мартова (1910) и «История русской общественной мысли» Р. В. Иванова-Разумника (1906). В каждое из этих исследований отразило особое видение прогресса, но общее в них это тезис о том, что у интеллигенции вполне определенное прошлое и истинные интеллигенты должны ориентироваться на эти традиции.

В сочинении Иванова-Разумника проявилось опасение перед угрозой, которую несет интеллигенции преобразование общества в России. Основной аргумент его «Истории»: не каждая образованная личность может считаться интеллигентом. «Другим», чему интеллигенция может себя противопоставить, является «мещанство»: социальная группа, характеризующаяся погружением в мелочный материализм обыденной жизни. Мещанство определяется по ряду недостатков: «по отсутствию... яркой индивидуальности, по узости и плоскости... мировоззрения» «отсутствием творчества, отсутствием активности». Иванов-Разумник считал, что между интеллигенция и мещанство абсолютно различаются: «это... две непримиримо враждебные силы».

Этот антагонизм усиливало изображение интеллигенцией самой себя как высоко духовной и идущей на самопожертвование силой. По определению Иванова-Разумника, интеллигенция это «этически — антимещанская, социологически — внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к умственному и общественному и личному освобождению личности». Тезис о том, что история интеллигенции соотносится с историей российской общественной мысли, основывался на этом ценностном, а не классовом, принципе дифференциации.

Несмотря на попытки выделить интеллигенцию из остального общества, мыслители начала XX века продолжали воспринимать российское государственное устройство как органичное целое: мыслящая интеллигенция — «голова» русского общественного организма. Определяя, что такое прогресс и как его достичь, интеллигенция претендовала на то, чтобы представлять «весь народ». Марксистский вариант функции интеллигенции предложил Ленин в работе «Что делать?» (1902): интеллектуалы вырабатывают теорию социализма, которая затем должна быть привита пролетариату.

Притязания интеллигенции на моральное руководство нацией явно противоречили другой органичной идеологии — идее самодержавия, согласно которой за благосостояние народа ответственен царь. Претензии интеллигенции на мантию народного суверенитета остались в значительной мере незамечены в самодержавной России, но имели чрезвычайно важные последствия для будущего.

Революция 1905 года и «Вехи»

Вопросы о том, что такое интеллигенция, каково её предназначение, приобрели особую остроту после Революции 1905 года. Это общественное потрясение усилило приверженность интеллигенции делу революции и, в то же время, ставило под вопрос эту стратегию. Споры вокруг интеллигенции развернулись в 1909 году с выходом сборника «Вехи». В этом широко известном манифесте Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, С. Н. Булгаков и четыре других видных мыслителя атаковали интеллигенцию, нанеся удар по самому уязвимому месту — самовосприятию. Веховцы критиковали

интеллигенцию за невежество, слепой материализм, отсутствие уважения к государству, закону и религии, эгоизм, намеренный отказ от практических, постепенных реформ. Этот характерный максимализм привел к бедствиям 1905 года.

Многие левые и либеральные мыслители опубликовали возражения «Вехам». Такой массивный отклик свидетельствовал, что книга достигла цели, но также и о том, что интеллигенция как категория, определяемая в обсуждении, быстро не исчезнет. Вскоре Революция 1917 года поставила перед интеллигенцией задачу критического осмысления и формулировки национальных целей, которые вновь стали актуальны в условиях правления большевиков.

Интеллигенция и Революция 1917 года

Превращение большевиков в руководителей государства вызвало новое разделение внутри послереволюционной интеллигенции — на тех, кто управляет, и тех, кем управляют. Большевики интеллектуалы могли утвердить свою версию руководства, установив контроль над государственными институтами и общественными обсуждениями. Интеллигенты, оставшиеся вне государства, не передали новым правителям свою моральную миссию, но возродили привычку выступать от имени нации.

Возрождению интеллигенции непреднамеренно способствовало устранение большевиками одной из угроз интеллигентской идентичности, существовавшей до революции. Уничтожение буржуазии, буржуазного общества, буржуазной прессы и рыночной экономики обеспечило переход интеллигентской оппозиции в тайные, но хорошо знакомые формы. В условиях преследования и подполья интеллигенты формулировали широкий спектр идей о большевизме, происхождении революции и последствиях её для России.

Марксисты-интеллигенты против большевицкой революции

Революция опрокинула большую часть социалистических концепций о траектории российской истории. Российские социал-демократы не предполагали, что к социализму можно прийти до того, как капиталистическое производство и буржуазные политические структуры расчистят путь для построения общества равенства и всеобщего благосостояния. Поэтому многих мыслителей меньшевиков в 1917 году шокировал максимализм большевицких обещаний «немедленного социализма».

МАРТОВ ПРОТЕСТУЕТ ПРОТИВ КОМИССАРОДЕРЖАВИЯ

Очевидный успех большевицких притязаний на руководство пролетариатом в борьбе против буржуазии после октября 1917 года парализовал вождей меньшевиков. Мартову казался невозможен переход его партии в активную оппозицию большевицкому правительству, который означал бы потворство «контрреволю-

ции». Однако Мартов и думать не мог о союзе с большевистским правительством. чьи насилия, бесчеловечность, диктаторская политика и «казарменное» поведение были чужды его пониманию социализма. Мартов выбрал позицию лояльной, но критической оппозиции в форме утонченной, ироничной и всё более горькой характеристики «комиссародержцев» и предательства ими социализма.

Сочинения Мартова и других меньшевистских мыслителей указывали на то, что с момента захвата власти большевиками их связь с социализмом оспаривали прочие социалисты. Ключевым элементом критики умеренных социалистов была диктатура; с их точки зрения, большевистское однопартийное государство, руководимое лично Лениным и Троцким, являлось возрождением царского самодержавия и радикальным искажением теории марксизма. Вину за это предательство и за ту тень, которую оно бросает на перспективы «реального» социализма в будущем, Мартов возлагал на пренебрежение Лениным историческими условиями и его попытку строить социализм посредством лишь воли и власти.

Другим аспектом интерпретации Мартовым революции был его анализ большевистской экономической политики, особенно идеи интеграции профсоюзов в государственный аппарат. Только высоко развитая индустриальная экономика, основанная на труде квалифицированного, многочисленного и сознательного пролетариата, может создать условия для изобилия, при котором «ни один трудящийся... не будет иметь соблазна улучшить свое положение за счет коллектива или за счет других отдельных лиц». Социалистическое государство в бедной стране, в условиях дефицита продукции, приведет к превращению пролетариев в «винтики» новой государственной машины. Предостережение Мартова о том, к чему может привести преждевременный социализм, определили дилемму, которая будет мучить советское общество на всем протяжении его существования.

ОСНОВАТЕЛИ РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ОТВЕРГАЮТ БОЛЬШЕВИЗМ

Основатели русской социал-демократии Г. В. Плеханов, А. Н. Потресов, В. И. Засулич и П. Б. Аксельрод с резкой критикой восприняли большевистскую революцию. Плеханов в последней из опубликованных статей января 1918 года писал, что диктатура большевиков не имеет «ничего общего с социализмом или марксизмом». Засулич отказалась оправдать политику большевиков, особенно уничтожение демократических политических институтов, в которых страна так нуждалась. Это было новое самодержавие, разрушавшее индустриальную базу, необходимую для будущего России и пролетариата.

Потресов в подпольной газете «День» осуждал и большевистское предательство, и крестьянскую анархию. Подобно Мартову он считал, что бедность России имеет решающее значение для исхода революции, но, в отличие от Мартова, доводил свои заключения до логического конца, призывая к союзу пролетариата и буржуазии, чтобы «бедную, нищую, отсталую Россию сделать богатой». Он вступил в либеральный Союз Возрождения России, одновременно продолжая работу с питерской «рабочей интеллигенцией». Эти действия были недопустимыми с точки зрения и большевиков, и послеоктябрьских меньшевиков.

Последние годы своей жизни Аксельрод посвятил разрушению западных иллюзий насчет Русской революции и организации международного социалистического

вмешательства в России. В 1919 году он опубликовал большое эссе о революции, озаглавленное «Кто изменил социализму? Большевизм и социал-демократия в России». Ответ на поставленный вопрос был: Ленин и примитивные традиции раннего русского революционного движения. Учение Бакунина — прославление разрушения как средства освобождения — и террористическая тактика революционной интеллигенции служили образцом Ленину, который после 1917 года построил «диктатуру над пролетариатом».

Несмотря на глубокие различия в реакции на большевизм, интеллигенты социал-демократы разделяли некоторые взгляды на революцию. Во-первых, они хорошо осознавали угрозу социализму, которую таит в себе диктатура. Во-вторых, как марксисты, они понимали невозможность построения справедливого общества на неадекватной экономической основе в стране, где пролетариат меньшинство. В-третьих, они четко видели различия России и Европы и критиковали Ленина за отказ от европейского пути к социализму. В-четвертых, мыслители марксисты чувствовали, что Русская революция с ее опорой на заговор, террор, диктатуру и нищету отбрасывает назад возможность достижения «настоящего» социализма.

Защитники общества в революционной России

Марксисты не были единственными социалистами в России. Самой популярной партией в стране, согласно результатам выборов во Всероссийское Учредительное собрание, была Партия социалистов-революционеров (ПСР). Эсеровская концепция рабочего класса включала в себя и крестьян, и промышленных рабочих и признавала роль интеллигенции как «сознательных борцов за истину и справедливость».

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В КОНФЛИКТЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ

Несмотря на победу на выборах в Учредительное собрание, эсеры добились не больше меньшевиков в попытке изменить курс революционной политики. Политика эсеров была одобрена Учредительным собранием, но осуществлению её помешал разгон Учредительного собрания 6 января 1918 года. Вместе с меньшевиками эсеры изгнали из Советов 14 июня 1918 года. Эсеры участвовали в акциях против большевистской власти: в восстании в Москве в июле 1918-го, в Комуче (Комитет членов Учредительного собрания), подпольных изданиях, агитации. В 1922 году над руководителями ПСР устроили показательный процесс и отправили их в тюрьмы и ссылку.

Внимание эсеров к нуждам крестьянства предопределило их негативное отношение к антикрестьянской политике большевиков и осуждение большевизма как «диктатуры города над деревней». Большевизм означал «новую советскую барщину», «крепостничество» для крестьян. Как и социал-демократы, эсеры ввели тему российской отсталости в контекст своего анализа революции: в России нет «материальных или социально-психологических предпосылок» для построения социализма; страна остается «обнищавшей и некультурной». Вождь ПСР Виктор Чернов

осуждал большевизм за замену демократизации «плебейзацией». «Чудовищная универсальная бюрократизация всего и государственного, и общественного, и народного хозяйства» опередила реальную демократизацию правительства.

ВИШНЯК ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ДЕМОКРАТИИ

Другой эсер, Марк Вишняк, ответил на революционные события острой критикой и большевизма, и собственных традиций интеллигенции. Было ясно, что Ленин хочет уничтожить Учредительное собрание, но Вишняк считал, что вина лежит и на всей интеллигенции. Интеллигенты во многих случаях проявляли стремление самопожертвования ради народа, но никогда не заботились о праве народа назначить своё собственное правительство. Учредительное собрание было всего лишь «идолом» для «свободолюбивой, но беспочвенной и доктринерской русской интеллигенции».

В работе «Советский режим» (1920) Вишняк анализировал теорию и практику большевистского правления. Он отметил, что основополагающие большевистские декларации порывали с европейским правом; большевистская конституция отвергала парламентскую демократию, разделение властей, понятие о всеобщих правах и обязанностях. Он опровергал заявление Ленина, что большевистский подход представлял собой новый и «более высокий» тип демократии. Новое в «советской демократии» на самом деле старое: большевистские принципы это откат к абсолютизму, основанному на разделении общества на сословия. В поддержку этого утверждения Вишняк показал, что советская Конституция неравномерно распределяет привилегии по классовому принципу: рабочему классу — свободу совести, слова и собраний, доступ к образованию, а бывшим «эксплуататорам» — только обязанности. На деле же некоторых прав лишили всех, например, права на забастовку, а некоторые права были в высшей степени дифференцированы. Карточная система делила хлебные пайки на четыре категории, в зависимости от полезности получателя пайка для советской власти. На выборах один голос городского рабочего приравнивали к пяти голосам в деревне, а те, кто не занят «производственным и общественно полезным трудом», лишены избирательных прав.

В работе «Советский режим» изображалось централизованное снизу доверху ломающее законы поведение большевистских вождей: выборы не проводили в намеченный срок; членов небольшевистских партий исключили из Советов; тайное голосование ликвидировали как «буржуазный предрассудок». Несмотря на отмену смертной казни, ею широко пользовалась ЧК. Обычная практика самодержавного правления — секретная полиция, бюрократизация, кумовство, казнокрадство — всё вернулось в большевистском обличье. Реальная власть представляла собой личную диктатуру Ленина и его окружения в ЦК РКП(б).

Среди российских интеллигентов Вишняк выделялся как защитник формальной демократии. Демократию, считал он, надо строить демократическими средствами, то есть посредством выборов советоваться с «народом», чего он хочет. Регулярные и гласные избирательные процедуры, равный голос для всех граждан были сущностью реального разрыва с самодержавным правлением. Большинство интеллектуалов не разделяли эту заботу о структурах представительного правления; они, подметил Вишняк, оценивали государственную политику по результатам, а не способу осуществления.

КРОПОТКИН ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОММУНИЗМА

Всемирно известный анархист П. А. Кропоткин последние годы жизни провел в большевистской России, изгнанный большевиками из обеих столиц. В своем памфлете 1917 года «Коммунизм и анархия» Кропоткин противопоставил «государственный», или «начальнический», коммунизм анархическому коммунизму. Государство со своей властью принуждать отнимает у личности свободу, а без свободы невозможно сотрудничество. С этого угла зрения большевистское государство это пример того, «как не надо вводить коммунизм». Большевистское правление «вдесятеро» увеличило «естественные пороки государственного коммунизма», — писал Кропоткин в 1920 году. Искоренение свободы прессы и свободных выборов, в сочетании с непомерной бюрократизацией всех черт жизни, уничтожило возможность конструктивной работы.

Кропоткин осудил большевиков за возвращение в прошлое — за управление посредством старых уродств неограниченной и всепожирающей власти; он опасался, что в результате революции «само слово “социализм” станет бранным». Он ощущал, что Русской революции, в отличие от Английской или Французской, недостает «высокого, вдохновляющего идеала». На смену освободительным традициям французского коммунизма пришла революция, основанная на экономическом материализме и «неограниченных личных желаниях». Этим суждением Кропоткин явно взывал к идеалам гуманизма, тогда как большевики грубо нарушали права других социалистов.

Русские либералы

На следующий день после захвата власти большевики либеральную прессу закрыли; это стало началом долгой войны между либеральными мыслителями, которые считали, что власть дана им свержением царизма, и большевистскими вождями, заступившими на их место во главе государства. Интеллигентно-либералы помогали Добровольческой армии, пытались убедить европейские державы помогать противникам большевизма и, в то же время, провели несколько значительных анализов революции.

МИЛЮКОВ И СТРУВЕ ИНТЕРПРЕТИРУЮТ УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ

850-страничная «История второй русской революции» Милюкова (1918) объясняет успех большевиков в октябре как следствие политической несостоятельности либералов и социалистов во Временном правительстве. Революционный кризис порожден несколькими долгосрочными факторами — это враждебность общества к государству, отсутствие буржуазии, «утопизм» интеллигенции, анархизм масс, нежелание самодержавия проводить реальные реформы. Главными действующими лицами в 1917 году были, однако, армия, умеренные интеллектуалы и большевики. Последние привлекли армию и массы на свою сторону благодаря эффективному использованию привлекательных лозунгов.

Струве также отметил популярность большевистских лозунгов и определил долгосрочные причины революционного кризиса. В сборнике «Из глубины» в статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи» (1918) Струве писал: «Явление Русской революции объясняется совпадением того извращенного идейного воспитания русской интеллигенции <...> с воздействием великой мировой войны на народные массы: война поставила народ в условия, сделавшие его особенно восприимчивым к деморализующей проповеди интеллигентских идей». Струве возлагал на интеллигенцию ответственность за её «отщепенство», но создал эту бунтарскую ментальность отказ самодержавия включить в государственную политику дворянство и интеллигенцию.

Струве усматривал в социализме врожденное противоречие: социализм пытается реализовать два несовместимых принципа — эгалитаризм и национальную организацию производства. Передача собственности государству была легальным выражением уравнительного идеала социализма — единственного идеала, обращенного к массам, но государство, поставив экономический механизм под свой контроль, неспособно производить товары для распределения. Струве утверждал: «Российский опыт с полной ясностью, ценой ужасных страданий, раскрыл <...> живую трагедию социализма».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ

В 1920 году Милюков в Лондоне опубликовал антибольшевистскую пропагандистскую книгу «Большевизм: Международная опасность». Книга, призванная повлиять на европейские державы, изобразила большевизм прагматичной революционной идеологией, которая выбросила социализм. Милюков жаловался, что европейские социалисты оказались в плену большевистской революционной мистики. В европейском социализме, предостерегал Милюков, «большевики завоевывают сторонников не столько собственной силой, сколько слабостью и непоследовательностью своих антагонистов». Он предупреждал, что цель большевиков — мировая революция, и они будут добиваться её любыми средствами — переговорами, использованием любого союзника, организацией революции на Востоке, где благоприятнее условия для успеха коммунистов.

Струве заметил, что революция служила «практическим опровержением социализма», но не был уверен, что этот урок усвоят. Опыт революции доказал ему ошибки позитивизма, полагавшего прогресс в мировой истории. Он надеялся, что русская эмиграция сыграет роль в возрождении русского патриотизма. «Значение русской эмиграции», писал он в 1922 году, является «почти исключительно духовное, и, как таковое, оно скажется в России в будущем».

Переопределение нации

В 1918 году несколько мыслителей-идеалистов приняли участие в сборнике статей по проблемам революции. В этот сборник, названный «Из глубины», вошли статьи веховцев и других, разделявших взгляд Струве на революцию как нацио-

нальную и духовную трагедию. Из авторов самую провокационную психологическую интерпретацию революции предложил Бердяев.

ТЕОРИЯ МОРАЛЬНОЙ БОЛЕЗНИ ПО БЕРДЯЕВУ

Большевизм, с точки зрения Бердяева, лишь симптом общего кризиса русского национального характера. Уродливая анархия 1917 года стала выражением «моральных болезней» России. Культура, христианство и личная свобода ничего не значили для русского народа. Бердяев подкреплял этот суровый диагноз ссылками на Гоголя, Достоевского и Толстого. Гоголь, у которого было «совершенно исключительное по силе чувство зла», уловил естественные пороки русского народа — жадность, тщеславие, нечестность, зависть, деспотизм во всех их мелких, нетрагических формах. В «Ревизоре» изображена глубоко укоренившаяся боязнь русских попасться в своих прегрешениях перед более высокой, но не обязательно лучшей, властью, и предсказан страх контрреволюции. Достоевский, согласно Бердяеву, был знатоком русской интеллигенции. Если русский народ невысокого мнения о себе и других, интеллигенция излишне готова верить в человеческое совершенство. Революция вызвала к жизни народ Гоголя и «мальчиков» Достоевского — русскую интеллигенцию. Что касается Толстого, Бердяев считал, что этот писатель, особо почитаемый интеллигенцией, сам стал жертвой «болезни русского нравственного сознания», которая «прежде всего в отрицании личной нравственной ответственности и личной нравственной дисциплины». Толстовская теория искусства и его отрицание ценности институтов Православной Церкви, государства и нации выражали собой российскую враждебность культурным достижениям.

В «Философии неравенства» (1918) Бердяев возложил вину за потери в войне и революции на российский «восточный» образ мышления: «Тайна души России и русского народа, разгадка всех наших болезней и страданий — в недолжном, в ложном соотношении мужественного и женственного начала». Согласно ницшеанским ценностям Бердяева, нацией должна руководить достойная элита. Он возражал против «принудительного братства» социалистической теории, потому что христианская любовь должна быть свободной. Позднее, изгнанный в Европу, Бердяев связал свою интерпретацию революции с пессимизмом «Упадка Европы» О. Шпенглера. Он пришел к видению революции как кульминации европейского нового времени, разрушившего созидательный христианский дух Возрождения. Пересмотренная бердяевская версия революции придавала русским интеллектуалам созидательную роль; они должны были выступить посредниками между Востоком и Западом и нести в мир духовную культуру.

ЕВРАЗИЙСТВО

Роль «Востока» в русской культуре была центральной идеей евразийства — социальной философии, выработанной русскими эмигрантами в начале 1920-х годов. Лингвист князь Н. С. Трубецкой в своей книге «Европа и человечество» (София, 1920) разместил революцию в релятивистском обрамлении. «Европа и человечество» представляла собой полномасштабную атаку на европейскую «цивилизацию».

Трубецкой отверг универалистские претензии «романо-германцев». Насаждение ценностей, присущих Европе, оказалось пагубным для «человечества», то есть для не европейцев. Заимствования из Европы вели к упадку патриотизма, национальной раздробленности, бесполезным попыткам преодолеть «отсталость». Трубецкой предположил, что настоящее человечество — славяне, китайцы, индусы, арабы, негры и все прочие, находящиеся под ярмом европейской эксплуатации, имеют общего врага. Книга заканчивалась призывом к интеллектуалам освободить своё сознание от европейского преобладания.

В сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921), первом манифесте евразийского движения, к Трубецкому присоединились другие интеллигенты. У Трубецкого славяне представлены культурными посредниками между индоевропейцами и индоиранцами, но русская элита эту функцию отринула, приняв при Петре I западную ориентацию. Во втором евразийском сборнике «На путях: Утверждение евразийцев» (Берлин, 1922) Трубецкой предсказал, что разрушение российской экономики в течение революции ведёт к новому порабощению европейцами, но большевики «в тоже время подготовили Россию и к ее новой исторической роли вождя за освобождение колониального мира от романо-германского ига». Колонии будут приветствовать большевизм как выражение «идей национального освобождения».

Трубецкой временами делал упор на православное благочестие России, в других случаях — на её азиатскую сущность, или на её смелое бунтарство, или на её посредничество между Востоком и Западом. Последовательны в его сочинениях — и это в штыки воспринимали и левая, и либеральная интеллигенция — нападки на европейскую культуру. Универализм, прогресс, разум — все отвергались как европейский эгоизм. Евразийцы вновь вытащили на свет старый вопрос об отношении России к Европе; на сей раз платой за разрыв с романогерманцами было лидерство среди антиколониальных наций.

УСТРЯЛОВ И СМЕНОВЕХОВСТВО

Члены движения «Смена вех» видели в революции потенциал для восстановления России как великой державы. Выдающимся мыслителем сменовеховства был Н. В. Устрялов, член партии кадетов во время революции, позднее — директор пресс-бюро отдела печати Колчака и председатель Восточного бюро партии кадетов. После поражения Колчака Устрялов сменил ориентацию. «Воля истории» выразилась в победе большевиков, считал он, и интеллигенты должны поддержать большевиков в интересах «объединения, возрождения родины, ее мощи в области международной».

Цели, которые Устрялов определяет для России, — империя и мировое могущество. Его радует способность большевиков испугать Европу угрозами классовой войны, и он уверен, что советское правительство вскоре вернет под свою руку «карликовые государства» на российских границах. Размеры являются самым существенным компонентом государственного могущества; великая национальная культура может быть построена только на физически больших масштабах. Отвергая социализм как экономическую систему, Устрялов поддерживал большевистское руководство в готовности использовать жесткие меры для воссоздания государства.

В 1921 году Устрялов и его единомышленники опубликовали в Праге свой манифест, «Смена вех». Заголовок — умышленный вызов авторам «Вех». Сменовеховцы нападали на эмигрантскую интеллигенцию за недостаток патриотизма: интеллигенция должна присоединиться к большевикам ради восстановления государства. Устрялов включил революцию в контекст русского национального выражения: революция началась с анархичного насилия, типичного для русских масс; её вдохновил «революционный романтизм», типичный для русской интеллигенции; и она под контролем большевиков, понимающих тягу народа к сильному начальству. Так революция «выводит Россию на мировую авансцену», и конечным результатом станет новый «культурно-государственный тип, авторитетный для Запада».

Последовательность и непоследовательность в интеллигентской традиции

С точки зрения Устрялова, революция положила конец былой оппозиционности к государству, на которой интеллигенция ранее строила свою идентичность. В интересах Российской державы интеллигенты должны отказаться от своей враждебности большевизму и воссоединиться с нацией. Ее функцией должна стать служба — практические предприятия, а не критические мысли. Некоторые сменовеховцы попытались принять этот курс, но для большинства лидеров интеллигенции соединение с послереволюционным государством было невозможно. По мере завершения Гражданской войны большевики разворачивали жестокие репрессии против бывших соперников.

«Смена вех» действительно знаменовала сдвиг границ в истории русской интеллигенции. Советское государство попыталось переопределить интеллигенцию в соответствии с её функциями: в новом обществе интеллигенты — это работники умственного труда. Большинство образованных людей, оставшихся в России после Гражданской войны, выполняли эту роль: стали учителями, администраторами, инженерами, учеными, деятелями искусства — профессионалами советского развития. Они, таким образом, реализовали одно из устремлений дореволюционной интеллигенции: они достигли положения наставников нации.

Интеллектуалы в эмиграции сохранили приверженность традиционной интеллигентской функции критического мышления, а со временем моральная оппозиция выросла и внутри СССР. Эти новые оппозиционные интеллигенты также были преемниками предшественников революционного и дореволюционного периодов. Во-первых, они считали себя носителями исторической традиции и закрепляли преемственность в качестве критерия самосознания интеллигенции. Во-вторых, они делили с «внутренними» функционерами нового государства культуру охранения и представления нации. В-третьих, авторитарное мышление продолжало питать сильно индивидуализированную созидательность и сдерживать политические формации, основанные на компромиссе и единстве.

В определенном отношении интеллигенция советских времён постепенно меняла свое видение общества. Большинство вождей дореволюционной интеллигенции остались убеждены в достоинствах народа (даже Бердяев медленно склонялся к этому взгляду); предполагалось, что народ положительно относится к идеалам

интеллектуалов. Со временем это популистское доверие поколебалось. Утрата советской интеллигенцией веры в народ означала разрыв с демократическими иллюзиями прошлого.

Интеллигенцию и хвалили и ругали за то, что она произвела на свет новую форму государства в России после 1917 года. Многие интеллектуалы в дни революции утверждали, что интеллигентские привычки — глубокая враждебность по отношению к государственной власти, готовность терпеть и даже одобрять разрушительное насилие, непочтение к демократии, узкий догматизм, утопизм и непрактичность — обусловили, во всяком случае, отчасти, катастрофические последствия падения старого режима и появление ценностей, характерных для новой диктатуры. Но как показали споры вокруг «Вех», можно было принадлежать к интеллигенции и, в то же время, её критиковать. Великим достижением русской интеллигенции в дни революции было продолжение миссии свободного мышления. Этот мужественный активизм позволил интеллигенции пережить революцию.

Литература

- Аксельрод П. Б.* Кто изменил социализму? Большевизм и социальная демократия в России. Нью-Йорк, 1919.
- Бердяев Н. А.*: Духовные основы русской революции. СПб., 1998; Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991.
- В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы: Сб. документов и материалов. М., 2008.
- Вехи; Интеллигенция в России: Сб. статей 1909–1910. М., 1991.
- Вехи. Из глубины. М., 1991.
- Вишняк М. В.*: Большевизм и демократия. Нью-Йорк, 1919; Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954; Годы эмиграции 1919–1969. СПб., 2005.
- Иванов-Разумник Р. В.*: История русской общественной мысли: В 2-х т. СПб., 1911; Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000.
- Кропоткин П. А.* Этика. М., 1991.
- Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001.
- На путях. Утверждение евразийцев. М.; Берлин, 1922. Кн. 2.
- Плеханов Г. В.* Год на родине. Париж, 1921.
- Потресов А. Н.* Посмертный сборник произведений. Париж, 1937.
- Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992.
- Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.
- Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М., 1997.
- Смена вех: Сб. статей. Прага, 1921.
- Трубецкой Н. С.* Европа и человечество. София, 1920.

- Устрялов Н. В.*: Былое — Революция 1917 г. (1890-е – 1919 г.). Воспоминания и дневниковые записи. М., 2000; В борьбе за Россию. Харбин, 1920; Под знаком революции: Сб. статей. Харбин, 1925.
- Burbank J.* *Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1921.* Oxford, 1986.
- Chemberlain L.* *The Philosophy Steamer: Lenin and the Intelligentsia.* London, 2006.
- Finkel S.* *On the Ideological Front: The Russian Intelligentsia and the Making of the Soviet Public Sphere.* New Haven; London, 2007.
- Konrad G., Szelenyi I.* *The Intellectuals on the Road to Class Power: A Sociological Study of the Role of the Intelligentsia in Socialism.* Brighton, 1979.
- Miliukov P. N.* *Bolshevism: An International Danger.* London, 1920.
- The Russian Intelligentsia* / Ed. by R. Pipes. NY., 1969.
- Read C.* *Religion, Revolution, and the Russian Intelligentsia: The «Vekhi» Debate and Its Intellectual Background, 1900–1912.* London, 1979.
- Stites R.* *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution.* N. Y., 1989.
- Struve P. B.* *Collected Works* / Ed. by R. Pipes. 15 vols. Ann Arbor, 1970.

| Казаки |

ШЕЙН О'РУРК

С начала стачек в Петрограде в феврале 1917 года до эвакуации войск противников большевиков из Крыма в ноябре 1920 года казаки играли весьма важную роль в Русской революции и Гражданской войне. Роль была сложной и не терпит упрощенной классификации. Казаки сражались на всех сторонах конфликта: за независимость родных мест; как часть более широкой борьбы против большевиков; и на стороне большевиков. Часто одни и те же казаки в разное время участвовали во всех этих трех видах борьбы. Попытки характеризовать это упрощенно, деля на красных и белых, или чуть более усложненным тройственным разделением казачьего общества на кулаков, середняков и бедняков быстро утратили если не всю, то почти всю способность объяснять произошедшее тогда в казачьих районах. Объяснение поведения казаков следует искать в особенностях их традиций, в долгосрочных структурных противоречиях на казачьих территориях, и в непосредственном опыте Первой мировой войны, Революции и Гражданской войны.

Казачьи традиции

Казаки были военным сословием, созданным беглыми от крепостничества. Возникнув в начале XVI века, они селились на границах Московского царства по берегам Дона и Днепра. В XVII и XVIII веках казачьи земли постепенно вошли в состав Московского царства, а затем империи. В ходе этого процесса казаки утратили прежний статус носителей народной свободы и превратились в самых рьяных защитников самодержавия. Этот процесс, однако, до конца не завершился, и казаки сохраняли многие давние особенности вплоть до падения царского режима. Их военные традиции, местная демократия и система общинного землевладения остались не затронуты. Это придавало казакам высокоразвитое чувство собственной индивидуальности и средства выражения этого самосознания после падения империи.

Казачьи войска в 1914 году

К 1914 году насчитывалось 11 казачьих войск (Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское). Земли их тянулись от Дона на западе до Амура на востоке. В 1917 году к ним добавились Енисейское и Иркутское казачьи войска и Якутский казачий полк. Самыми крупными и важными были Донское и Кубанское казачьи войска, и именно они сыграли важнейшую роль в революции.

Уже к 1914 году было очевидно, что ход Гражданской войны на казачьих территориях не будет определяться единичным фактором. За несколько десятилетий казаки на территориях своих войск превратились из абсолютного большинства населения в меньшинство, значение которого имело тенденцию к снижению. Остальное насе-

ление составляли главным образом крестьяне. В нескольких крупнейших городах, в частности, в Ростове-на-Дону, Таганроге, Екатеринодаре, был небольшой, но активный пролетариат.

Кастовые перегородки между казачеством и крестьянством являлись источником напряженности, но особенно отравлял отношения вопрос перераспределения земли. Казачье меньшинство владело большей частью земли, тогда как крестьянам пришлось довольствоваться гораздо более мелкими и бедными наделами. Казаки с неудовольствием узнавали о земельном голоде крестьян, чье относительное преобладание в составе населения продолжало расти. Крестьяне взирали на казачьи земли почти как на земли дворян и церкви. Стремление казаков удержать свою землю во что бы то ни стало и стремление крестьян ее перераспределить стали главным источником конфликта на землях казачьих войск.

Конфликт в казачьих областях не исчерпывался, однако, расколом на казаков и не казаков. Противоречия между рядовыми казаками и казачьей элитой были чуть менее остры, чем между крестьянством и дворянством. В то же время казачьи общины на основе отдельных станиц оставались гораздо сплоченнее. Несмотря на некоторое расслоение, нет оснований утверждать, что эти общины распались на кулаков, середняков и бедняков. Расслоение в казачьем обществе шло по иным линиям, чем в концепции Ленина.

Отношение казаков к внешнему миру в начале XX века менялось. Несмотря на упорные попытки правительства насадить идею неразрывной связи казаков с престолом, в казачестве росло недовольство. Основной причиной этого было усиление бремени военной службы, ставшей невыносимой для многих казаков. К тому же казакам всё менее хотелось выступать в стране в роли карателей. Это вполне определенно проявилось в Революцию 1905 года, хотя казаки и стали главным орудием подавления.

Казаки-фронтовики

Как особая группа фронтовики появились в Первую мировую войну. Тысячи казаков участвовали в предыдущих войнах, но никто не выделялся так, как казаки-фронтовики мировой войны. Представления и убеждения, с которыми они вернулись домой в начале 1918-го, существенно отличались от тех, с которыми уходили в 1914-м.

Казаки были наиболее интенсивно мобилизованной группой населения. Их призывали на службу раньше и в большем числе, чем другие общественные группы. Военный опыт сплачивал казаков-фронтовиков с солдатами других полков, бок о бок с которыми сражались. У тех, кто пережил общие фронтовые невзгоды, кастовые предрассудки, отделявшие казаков от крестьян, были заметно расшатаны. Одновременно казаки-фронтовики, как и миллионы других солдат, все сильнее отчуждались от оставленных в тылу сообществ. Изнуренные почти тремя годами войны, казачьи полки послали в феврале 1917 года подавлять беспорядки в Петрограде.

В Петрограде размещались два донских полка, 1-й и 4-й, недавно отозванные с фронта. Еще один полк, 14-й, находился в Финляндии. Именно в 1-м и 4-м полках ощутили первые толчки приближающегося политического землетрясения. Эти полки проявили сочувствие к бастующим рабочим, отказываясь разгонять их и

нападая на полицейских, готовых стрелять по толпам. Нежелание казаков помогать полиции усугубило кризис царской власти.

С Февраля по Октябрь ни сторонники, ни противники революции не знали, насколько надёжны казачьи полки. Несмотря на установившиеся в первые дни революции взаимопонимания казаков с революционными массами, «революционная демократия» относилась к казакам с подозрением. В первую очередь это было следствием слишком долгой связи их с карателями, но также и потому, что казачьи полки, в отличие от большинства других частей армии, весь этот период оставались организованной силой. Казачьи традиции и сохранение военной дисциплины расценивались как признак готовности казачьих полков играть прежнюю роль оплота государственной власти. Правые пришли к такому же выводу, но восприняли это скорее с удовлетворением, чем страхом. Использование казаков для подавления беспорядков дней Июльского кризиса ясно подтверждало мнение обеих сторон о казаках.

И левые, и правые не сумели оценить перемен, происходивших среди казаков-фронтовиков. Революция повлияла на них так же, как и на другие соединения, хотя в их среде очевидность этого проявилась не так быстро. Отсутствие дезертирства, сохранение офицеров, поддержание дисциплины не означали, что казаки по-прежнему готовы выполнять обязанности карателей; это скорее свидетельствовало об исключительно тесных связях внутри казачьих полков. Казачьи полки не развалились, но стали постепенно переходить на сторону революции. В июле на Всеказачьей конференции Юго-Западного фронта в Киеве однозначно отразилось влияние на фронтовиков не только Советов в целом, но и большевиков в частности.

Решение донского Войскового атамана генерала А. М. Каледина сформировать избирательный блок с кадетами еще сильнее оттолкнуло фронтовиков. Остатки лояльности, которую они могли еще испытывать в отношении казачьих властей в родных местах, окончательно уничтожил мятеж Корнилова в конце августа. Попытка использовать казаков против Петроградского Совета и роль Каледина в заговоре подтвердили в глазах фронтовиков, что Каледин и казачьи власти — против народа.

Когда фронтовики в начале 1918 года вернулись домой, рассеялись все иллюзии, даже если у кого и оставались, на чьей стороне их политические симпатии. Большинство поддерживало доброжелательный нейтралитет к советскому режиму, тогда как довольно значительное меньшинство готово было бороться за установление советской власти на землях казачьих войск. Совместно с другими просоветскими силами они низложили там старые казачьи власти и провозгласили советскую власть.

Опыт правления большевиков и ожесточенная война за землю с крестьянами вынудили многих фронтовиков, но не всех, пересмотреть отношение к советской власти. Фронтовики сыграли заметную роль в антибольшевистских восстаниях начала весны 1918 года, участвовали в боях за вытеснение большевиков с казацких территорий. На Дону казаки сражались в собственной Донской армии, тогда как на Кубани — главным образом в рядах Добровольческой армии. Однако, по горькому признанию генерала Деникина, с гораздо меньшим энтузиазмом воевали они за пределами земель своей Области войска Донского. Многие фронтовики сохраняли симпатии к советской власти, даже не стремясь уже стать ее частью.

Борьба за казачью автономию

Падение монархии не нашло отклика в казачьих областях. Никто не призывал восстановить ее. Революция, однако, ставила вопрос, самый острый со времен великих восстаний казаков XVII и XVIII веков, об отношении казачьих войск к центральной власти. Царский режим так и не смог полностью стереть память о независимых казачьих республиках. Эта историческая память нашла конкретное выражение в дни Февральской революции. На землях важнейших казачьих войск создали независимые государственные институты, хотя сами войска могли и не сразу претендовать на этот статус. Эти элементарные формы государственного устройства и их широкая поддержка казаками делали казачьи земли самым грозным противником режима большевиков, поскольку большинство казаков отвергло советскую власть в областях своих войск.

Боязнь притязаний крестьян на казачьи земли дала стимул казацкой организации. Собрания, на которых казачий суверенитет осуществлялся — Донской войсковой Круг, Рады Кубани и Терека — возродились два века спустя после ликвидации. Донской Круг выбрал Войсковым атаманом генерала Каледина, вплоть до самоубийства в январе 1918 года самого влиятельного казачьего руководителя.

Ни один казачий орган не преуспел в создании стабильной системы управления. Избираемые только казаками, они не признавались крестьянами, рабочим классом и неказачьими гарнизонами крупных городов. Последние образовывали альтернативные органы в форме Советов солдатских депутатов. Попытки казачьих властей расширить свою опору терпели неудачу, так как ни одна сторона не желала пойти на компромисс в главном вопросе, который их разделял: в вопросе о земле. Казаки готовы были допустить перераспределение дворянской и церковной собственности, но категорически отказывались включить в процесс перераспределения собственную землю. Неудача попыток достичь взаимопонимания между обеими группами населения накануне Октябрьской революции заметно повысила шансы силового решения земельного вопроса.

Сначала ни одно казачье войско не проявляло стремления к независимости. Под руководством генерала Каледина они признали единственной законной властью Временное правительство и твердо поддержали его политику войны до победного конца. Однако неспособность Временного правительства остановить распад государства и армии испортила его отношения с казачьими властями до такой степени, что Каледин оказался замешан в заговор с целью свергнуть правительство и заменить военной диктатурой генерала Корнилова.

Ухудшение отношений казачьих войск с Временным правительством усилило центробежные тенденции казачества. Шаги по созданию Союза казачьих войск до Октября ничего существенного не достигли. Большевистский переворот развеял сомнения. Дон, Кубань и Терек — объявили об отделении от России.

В последующие три месяца явно проявилась слабость казачьих самостийников. Идею независимости фронтовики встретили с открытой враждебностью, тогда как даже более консервативные группы казачьего сообщества предпочли выждать в отношении нового правительства. Казачьи правительства остались без какой-либо существенной вооруженной поддержки. Под давлением изнутри и извне все казачьи войска в начале 1918 года распались и их сменили республики Советов. Но не прошло и нескольких недель, и казачьи государства, проникнутые новой силой,

поднялись снова, и большевикам потребовалось два года упорной борьбы для их уничтожения.

Новые государства, образование которых стало следствием роста антибольшевистских настроений, открыто проявляли преданность идее независимости. В отличие от первой попытки, казачьи правительства могли положиться на твердую поддержку значительной части казачества. Была объявлена общая мобилизация, и на нее казаки откликнулись с энтузиазмом. Тогда как большинство казаков стремилось изгнать большевиков со своей территории, лишь немногие питали интерес к борьбе против большевизма в целом. Политика нового донского атамана генерала Краснова и Кубанской Рады делала очевидным, что, кто бы в Москве ни правил, казачьи государства хотят независимости. Это мешало казачьим государствам установить тесное сотрудничество с Добровольческой армией.

Сохранялись и две другие фундаментальные проблемы: непризнание новых казачьих властей неказачьим населением, то есть с большинством населения, и восприимчивость части казаков к пропаганде большевиков. Постоянное военное давление, которому эти государства подверглись, обострило все эти трудности и привело к гибели казачьих войск в 1920 году.

Казачи и большевистский режим

Кроме фронтовиков, большинство казаков сначала заняли сдержанную позицию в отношении режима большевиков. Новый режим, сознавая потенциальную казачью угрозу, всячески пытался заверить, что не проявляет никакого интереса к землям простых «трудящихся» казаков. Однако одновременно большевики говорили крестьянам, что те единственные полноправные хозяева земли, и подталкивали к ее немедленному захвату.

Вскоре реалии большевистской власти вынудили казаков понять, что нет им места в новом строе. На территориях казачьих войск образовались советские республики, война с крестьянством за землю вступила в новую, крайне жестокую фазу. Крестьяне начали захват казачьих земель и грабеж казачьей собственности. Все это сопровождал разнузданный террор новых властей. Без суда и следствия расстреляны сотни казаков.

Это вызвало новое усиление антибольшевистского сопротивления, которое столь плачевно развалилось всего несколькими неделями ранее. Восстание начали казаки южных донских станиц. Затем последовали восстания на Кубани и Тереке, большевиков изгнали с территорий всех казачьих войск. Военный опыт казаков и наличие государственной структуры говорили о том, что большевикам нечего рассчитывать на легкие победы в казачьих областях, пока казаки готовы сражаться.

Именно эту готовность большевики попытались подорвать средствами пропаганды. Снова они сыграли на скрытом предубеждении рядовых казаков против собственной элиты, заявляя, что большевики выступают против казачьей элиты, а не всего казачества. Казаки оказывались гораздо чувствительнее к такой пропаганде, когда воевали вне территории своего войска. К концу осени 1918 года казаки, сражавшиеся в верховьях Дона и под Царицыном, начали возвращаться домой, вновь открыв большевикам путь в сердце своих земель. В начале 1919 года казачьи войска вторично оказались на грани развала.

То, чего искусно добилась большевистская пропаганда, было сразу утрачено руководством большевиков. ЦК РКП(б) решил раз и навсегда покончить с казачьей угрозой. Все верхние слои казачьего общества подлежали уничтожению, как и все казаки, когда-либо сражавшиеся против большевиков. Террор, носивший в начале 1918 года случайный характер, стал системой. Вместо усмирения казаков он вызвал новое восстание, которое вновь изгнало большевиков и во второй половине 1919 года создало основу для решающей попытки свергнуть большевистский режим.

Провал похода генерала Деникина на Москву в октябре 1919 года обозначил начало конца антибольшевистской борьбы. У казаков почти не осталось иллюзий насчет того, что означает для них советское правление, и потребовалось несколько месяцев ожесточенных сражений для окончательного установления советской власти на землях казачьих войск. На сей раз большевики отнеслись к казакам с большей осторожностью, не желая вызвать третьего казачьего восстания.

Заключение

С победой большевиков в Гражданской войне пришел конец казачьим традициям. В ходе этого конфликта большевики узнали, сколь грозным противником могут стать казаки. Ни одна другая социальная группа не сражалась так упорно в защиту своего образа жизни. Притом поведение казаков не однозначно, в нем отразились противоречия в казачестве и обществе в целом. Кастовая лояльность поддерживала казачье самосознание, но опыт Первой мировой войны вызвал временную утрату этого самосознания значительной и влиятельной частью казацкого общества. Война за землю с крестьянством вызвала единство интересов рядовых казаков и казацкой элиты, но не искоренила их взаимную неприязнь. Большевистская пропаганда эксплуатировала различия внутри казацкого общества, но реалии правления большевиков способствовали восстановлению его единства. Стремление изгнать большевиков из пределов своих войск сочеталось со столь же упорным нежеланием воевать за их пределами. Эти противоречивые тенденции определили сложный ход событий на землях казачьих войск на всём протяжении революции.

Литература

- Белое дело: Избр. произв. в 16 кн.: Кн. 8. Кубань и Добровольческая армия. М., 1992; Кн. 9. Донская вандея. М., 2004.
- Ганин А. В.: Атаман А. И. Дутов. М., 2006; Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008.
- Гибель Сибирского казачьего войска: 1917–1920: Документы. М., 2004.
- Джигитовка казаков по Белу Свету: Воспоминания. М., 2006.
- Донская летопись: Сб. материалов по новейшей истории донского казачества со времени русской революции 1917 г.: В 3-х т. Белград, 1923.
- Елисеев Ф. И. Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006.

- Ермолин А. П.* Революция и казачество. М., 1982.
- Казачество: Энциклопедия. М., 2003.
- Канищев В. В.* Анатомия одного мятежа. Тамбовское востание 17–19 июня 1918 г. Тамбов, 1995.
- Кириенко Ю. К.* Революция и донское казачество, февраль–октябрь 1917 г. Ростов-на-Дону, 1988.
- Краснов П. Н.*: Атаман: Воспоминания. М., 2006; Воспоминания о Русской Императорской Армии. М., 2006.
- Марковчин В. В.* Три атамана. М., 2003.
- Семёнов Г. М., атаман.* О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002.
- Смирнов А. А.* Атаман Краснов. М.; СПб., 2003.
- Трут В.* Дорогой славы и утрат: Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007.
- Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1922 гг. М., 1997.
- Щербина Ф. А., Фелицын Е. Д.* Кубанское казачество и его атаманы. М., 2007.
- Longworth P.* The Cossacks. London, 1969.
- McNeal R.* Tsar and Cossacks. London, 1987.
- O'Rourke S.*: Warriors and Peasants: The Don Cossacks in Late Imperial Russia. London, 1999; The Cossacks. Manchester, 2007.

| Крестьянство |

ОРЛАНДО ФАЙДЖЕС

На рубеже веков Россия всё ещё была крестьянской страной: 80% населения — крестьяне, а у многих остальных — крестьянские корни. Города оставались в значительной мере крестьянскими по своему характеру и социальному составу населения. Большинство рабочих были или выходцами из деревни, или детьми таких выходцев; многие все еще возвращались в свои хозяйства в страдную пору или посылали деньги в свои деревни. Всего в нескольких милях от любого городского центра была уже отдаленная сельская местность.

Когда русские революционеры XIX века говорили о «народе», подразумевали крестьянство. Социальная революция, в соответствии с традициями русских мыслителей, подразумевала освобождение крестьян. «Крестьянский вопрос» — как преодолеть нищету и невежество большинства сельского населения — был отправной точкой для всех основных теорий социальной революции.

Удивляет, как мало изучали и как плохо поняли историки революции крестьянство. По сравнению с рабочими, изучение крестьянства остается еще в зачаточном состоянии. Старая советская историография находилась в плену жесткой ленинской догмы, которая пыталась делить крестьянство на два враждебных класса — сельский пролетариат и буржуазию («кулаков»), но в действительности это разделение выглядит искусственным. Начиная с 1930-х годов, времён насильственной коллективизации крестьянских хозяйств, для трудов историков характерна глубокая враждебность к старому крестьянскому образу жизни, неизменно изображаемому как «тёмный» и антисоциалистический. Западные историки, в то же время, также ответственны за создание определенных стереотипов в отношении крестьян. Они заявляли, что «крестьяне» хотели того-то и того-то, будто 140 млн. крестьян, населявших три четверти из миллиона поселений, разбросанных по шестой части поверхности мировой суши, можно рассматривать как однородную группу.

Только с 1960-х годов в трудах историков появился более сложный подход к крестьянству. В СССР его впервые высказали в своих работах такие ученые, как В. П. Данилов и А. М. Анфимов, которые, насколько было дозволено, подходили к крестьянскому хозяйству и обществу не столько с классовой точки зрения, установленной Марксом и Лениным, сколько с точки зрения их собственной внутренней организации. На Западе новый подход являлся результатом трех связанных между собой течений — развитие социальной истории, усиление влияния социальной антропологии и новое открытие А. В. Чаянова и его теории крестьянской экономики. Историки начали подчёркивать влияние региональных, этнических, демографических и культурных факторов, в добавок к экономическим, идентичность крестьянства.

С открытием советских архивов можно рассчитывать на подробное, на местном уровне изучение революции в деревне. Первое такое исследование появилось в 1989 году. Только после изучения отдельных регионов, реально сделать

какие-либо осмысленные заключения о крестьянстве в целом. Необходимо также изучить особые подгруппы — крестьянских старейшин и сельскую молодежь, солдат и их жен, ремесленников, торговцев, безземельных батраков и чиновников, работавших с неполной занятостью — внутри сельского сообщества. Все они были «крестьянами», но не все считали себя таковыми. Революция в деревне определялась в такой же степени стремлением определенных представителей крестьян порвать со старой крестьянской жизнью, как и усилиями других её отстоять.

Крестьянство накануне революции

Социальные и культурные перемены

К началу XX века в деревне наметились разнообразные социальные тенденции. Многие из них можно назвать побочным последствием «модернизации». Революция для крестьянства отчасти была результатом этих тенденций, отчасти — противодействием им.

В центральных сельскохозяйственных районах России, почти во всей Украине и Сибири деревня всё ещё сохраняла многие из черт, которые антропологи называют характерными для «традиционного общества». Это была в значительной мере устная культура, в которой обычаи прошлого служат образцом для коллективного поведения и нравов деревни и в которой ведущее место занимали старейшины как хранители этих традиций. Это была в общем и целом консервативная культура. Существовало врожденное недоверие крестьян любым идеям из внешнего мира, который чужд их личному опыту, строгому соответствию их домашнему хозяйству, внутреннему убранству дома, их одежде, личным привычкам и морали сельчан и их пристрастию к прошлому. «Старый образ жизни» естественно считался лучше нового.

В то же самое время более широкие силы вели этот патриархальный мир к упадку. Денежная система хозяйства медленно проникала в сельскую местность и вовлекала крестьянских сыновей в сезонные работы за определенную заработную плату, давая им растущее чувство личного достоинства. Многие, насытившись домашней тиранией старших домочадцев, порывали со старыми большими семьями и устраивали собственные крестьянские хозяйства. Это постоянное внутреннее деление крестьянских хозяйств, хотя и приводившее к экономическим потерям, влекло за собой перемещение власти от старших крестьян к более молодым на сельских сходах. Этому содействовало и распространение сельской грамотности. Молодой и грамотный крестьянин гораздо лучше отца готов был использовать новые сельскохозяйственные технологии, работу денежной системы, письменные соглашения, земельные акты, договоры о ссудах, новые приемы управления — от простой записи времени и дат до чтения официальных документов и составления резолюций сходов и петиций высшим властям, — которые начали вводиться после отмены крепостного права в 1861 году. Статус молодых и грамотных крестьян рос по мере того, как рынок и бюрократия просачивались в деревню и крестьянское общество все больше полагалось на руководителей со знаниями и умениями, в которых нуждалось это новое общество. Неудивительно, что лидеры аграрного движения в 1917 году происходили в основном из среды молодых и грамотных.

Крестьянская экономика

Экономическое положение крестьянства накануне 1917 года давно являлось предметом интенсивных дискуссий. Одни историки рисуют картину обнищания вследствие перенаселения, истощения почвы и роста государственного налогообложения. Другие указывают на повышение урожайности и увеличение затрат крестьян на потребительские товары. Ситуация была действительно очень сложной, существовали различия в уровне жизни не только между крупными регионами, но и между соседними деревнями и даже хозяйствами.

Самый высокий уровень жизни наблюдался в регионах, расположенных на периферии Центральной России, где коммерческое земледелие уходило своими корнями еще в XIX век (часть Прибалтики, Западная Украина, плодородные области Южной России, Кубань, Западная Сибирь). В этих областях недостаток земли встречался редко, так как земля обрабатывалась интенсивно и не подлежала общинным разделам. В Центральной России, напротив, отсталые методы хозяйствования крестьян-общинников и преобладание помещиков едва позволяли многим крестьянским хозяйствам сводить концы с концами на наделах в среднем по семь акров (менее трёх гектаров). Неудивительно, что именно эти районы стали главной ареной аграрных беспорядков в 1905–1907 и 1917–1918 годах. Многие крестьяне залезали в долги или отправляли сыновей и дочерей на заработки в города. Другие пытались расширить площадь пашни, арендуя ее у землевладельцев за все более высокую цену или сокращая площадь пастбищ и сенокосов, что вело к снижению поголовья скота и истощению земли. В этой ситуации любое несчастье вроде пожара или внезапной смерти взрослого работника, могло поставить крестьянское хозяйство на грань разорения. Однако встречались предприимчивые крестьяне, которые благодаря упорному труду и трезвости или какому-нибудь техническому нововведению достигали высокого, по местным меркам, уровня жизни: пол в доме у них был деревянный, а не глиняный, в стойле — не одна, а две коровы, у детей — башмаки, чтобы ходить в школу.

Крестьянская революционная идеология

Ошибочным выглядит предположение, что у русского крестьянства не было морального порядка или идеологии при подчинении царскому государству. Многие историки изображают крестьян примитивными и невежественными людьми, которые могли сыграть в революции лишь деструктивную роль и представляли собой готовый материал для большевистского манипулирования. В 1917–1918 годах крестьяне быстро перестроили все сельское общество, от системы земельных отношений и местной торговли до образования, правосудия и социального обеспечения, проявив этим политическую зрелость, которой не могло возникнуть в моральном вакууме. Идеалы крестьянской революции коренились в давних традициях крестьянских мечтаний и утопической философии. В крестьянских пословицах, мифах, сказках, песнях и обычном праве проявляется определенная идеология, выражавшаяся в действиях крестьян на протяжении всего революционного периода.

В крестьянской революции было два центральных понятия: земля и воля. Повсюду в России право на использование земли определялось трудовым принци-

пом. Крестьяне часто говорили, что земля принадлежит Богу, но каждая семья имеет право кормиться собственным трудом. Это был основополагающий принцип крестьянской земельной общины, которая в большинстве регионов перераспределяла землю между хозяйствами в соответствии с числом едоков; именно община провела земельную революцию. Крестьяне свято верили, что, если земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, то помещики владеют ею не по праву, и голодные крестьяне имеют моральное право её отобрать. Общины в 1917 году отобрали землю и у тех крестьян, которые выделили свои наделы из общины и перевели в частную собственность в ходе Столыпинских реформ 1906–1911 годов.

Крестьянское понимание «воли» означало свободу деревни от всех внешних властей — от царского государства, дворянства и церкви, и право крестьян управлять самим в соответствии с собственными моральными нормами. Именно этого крестьяне добились с крахом государства в 1917 году. Крестьянские общины быстро заполнили вакуум власти своими собственными институтами, что иллюстрирует то, насколько община всегда была неофициальным правительством «в ожидании», равно как и то, насколько укоренились в деревне крестьянские организации 1905 года, крестьянские союзы и кооперативы, а также первичные эсеровские организации.

Крестьянская революция, 1917–1918 годов

Революция на земле

Крестьянская «война против поместий» была важным моментом в развитии событий 1917 года. Основные формы борьбы весной этого года не дошли еще до конфискации помещичьих земель. Крестьяне требовали понижения арендной платы за землю, принудительной продажи общинам зерна, сельскохозяйственных орудий и скота по ценам, приемлемым для крестьян, устранения пленных от работы в дворянских имениях. Лишь позднее, с начала летней страды, крестьяне приступили к конфискации земли, начав с сенокосов в мае и закончив в сентябре-октябре пахотными землями.

Первоначальную осторожность можно объяснить тем, что крестьяне боялись нападать на дворянские имения, пока не стало ясно, что старый режим не будет восстановлен, как это было в 1905 году, затем последовали массовые репрессии против крестьян. В марте и апреле в деревне оставалось еще немало элементов старого режима (земские начальники, попы и полицейские приставы), нашедшие себе место в новоизбранных волостных комитетах. Более того, Временное правительство запретило какое-либо изменение отношений собственности; какое-то время крестьяне терпеливо ждали принятия нового земельного закона, подобно тому, как ранее ждали от царя «золотой манифест» о передаче всей частной земли в руки крестьянства.

В мае, однако, ситуация изменялась вследствие трех обстоятельств. Во-первых, эсер Виктор Чернов стал министром земледелия в первом коалиционном правительстве. Крестьяне восприняли это как зеленый свет для самовольной конфискации помещичьих земель — особенно после появления Чернова на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, где он не предостерег местные крестьян-

ские земельные комитеты от взятия земли в свои руки. Во-вторых, революция на земле получила псевдолегитимное оправдание ряда губернских крестьянских съездов. На них призывы активистов партии эсеров к осторожности тонули в озлобленных голосах делегатов. Резолюции в пользу конфискации земли, принимаемые на этих съездах, крестьяне на местах воспринимали как «законы». Наконец, после Пасхи огромное большинство крестьян-солдат вернулось из армии, в отпуск или в самоволку, что заметно влияло на усиление воинственности крестьян. Бывшие солдаты часто устраивали набеги на поместья. Вооруженные и обладающие знанием военного дела, они становились естественными вождями сельских отрядов, формировавшихся для захвата дворянской земли и собственности и для самообороны от других деревень. Они также нередко вдохновляли акты насилия и вандализма против помещиков и их имений; со временем таких актов становилось все больше. Крестьяне сжигали имения, чтобы выкурить помещиков, разбивали сельскохозяйственные машины (которые в предшествующие годы заметно снизили потребность в найме батраков), увозили на телегах содержимое закров и уничтожали все говорившее о богатстве — книги, картины, скульптуру.

Уровень крестьянского насилия заметно разнился по регионам. Наиболее сильно дворянские имения пострадали (как и в 1905–1906 годах) в ряде губерний по южной границе Центрального сельскохозяйственного района (от Самарской и Саратовской на юго-востоке до Киевской и Подольской на юго-западе, включая Тамбовскую, Воронежскую, Курскую, Харьковскую, Черниговскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Полтавскую). Для этих районов характерны аграрное перенаселение и высокий уровень концентрации дворянской земельной собственности; земельная аренда была высока, зарплата — низка. В некоторых регионах плодородная земля и длительный вегетационный период стимулировали дворянство к коммерческой обработке земли или сдаче ее в аренду крестьянам на крайне тяжелых для них условиях; здесь крестьянская революция также выразилась в борьбе за землю не на жизнь, а на смерть.

Крестьянская политика

Временное правительство было правительством убеждения: ему недоставало воли, не говоря уж о власти, для проведения своей политики путем принуждения. В ответ на национальный кризис оно бесконечно обращалось к народу с призывами выполнять свой патриотический долг свободных граждан. Этот призыв касался в первую очередь крестьян, от которых оно зависело как от поставщика продовольствия и источника живой силы для армии. Но крестьяне остались глухи к этим призывам.

Все было против правительства. Урбанизированный политический язык, которым пользовалось оно, чужд был крестьянам: они неправильно понимали и интерпретировали такие слова, как «демократия», «государство», «республика». Крестьянские делегаты губернских съездов часто сетовали, что не понимают, о чём говорят их партийные вожди. Сложнейшей проблемой для правительства был вопрос о том, как объяснить понятие «государство». Многие крестьяне связывали это слово с понятием «государь». Так что проблема состояла в том, чтобы вызвать чувство гражданского долга без того, чтобы подкрепить старую монархическую психологию, страх и почтение перед личной властью, которые сильны ещё среди

крестьян. Судьба демократии зависела от этой миссии. Хотя для огромного большинства крестьян царь был политическим трупом, многих смутил поворот событий, и они предлагали выбрать нового царя, как главу республики, или даже говорили о «демократическом самодержавии», имея в виду власть во главе с сильной личностью. Городские пропагандисты начали говорить о государстве в выражениях, понятных крестьянам (например, как о хозяйстве или семье). Однако, насколько можно судить по предварительным исследованиям, они не сумели донести до крестьян то, что хотели, поскольку крестьяне не понимали, что могут иметь какие-то обязательства за пределами своей общины.

В политическом плане крестьянская революция выразилась в виде войны против городов. На Украине, в Прибалтике и на Кавказе, где над местным крестьянством стояла иноземная городская элита, это также была война за национальное освобождение. Столетия царизма внушили крестьянам недоверие к государственной власти, выразившееся в их стремлении к «воле». В 1917 году центральная власть в губерниях подверглась всеобщему разрушению. Крестьянские собрания принимали собственные революционные «законы» в пику Временному правительству и его комиссарам. Села и волости провозглашали себя «автономными республиками» — зонами, свободными от высшей власти. Почти в каждой деревне в бумагу с напечатанными на ней правительственными декретами заворачивали махорку. Ленин проявил дальновидность, велел разослать октябрьский Декрет о земле вместе со старыми календарями, надеясь, что сначала на самокрутки пустят эти календари.

С точки зрения положения правительства опаснейшей стороной крестьянского «местничества» был отказ от поставок продовольствия в города. Дефицит промышленных товаров и рост цен на них не давали крестьянам стимула продавать зерно по низким ценам, установленным Временным правительством в марте. Крестьяне уводили зерно из товарного оборота, предпочитая хранить его в амбарах или гнать из него самогон, или продавали его на черном рынке. Это способствовало перебоям в снабжении городов, где поведение крестьян назвали «зерновой забастовкой»; у горожан, особенно беднейших рабочих, это подкрепило застарелое недоверие и ненависть к крестьянам, которое большевики обратили в свою пользу. Сами крестьяне считали, что ведут справедливую войну против городов, в течение многих лет источников экономической эксплуатации и угнетения.

Первые шесть месяцев советской власти стали пиком крестьянского мятежа против воздействия центра. Первые Советы крестьянских депутатов были, по большей части, демократическими органами, избранными непосредственно сельскими общинами и осуществлявшими свои революции на местах согласно крестьянскому пониманию социальной справедливости. Они учреждали свои органы самоуправления, организовывали милицию, выбирали судей, регулировали местную торговлю, на основании Декрета о земле перераспределяли землю, конфискованную у помещиков и крестьян-собственников. Перераспределение земли проводилось обычно по старому трудовому крестьянскому принципу: каждому хозяйству, в том числе самому помещику, давалось столько земли, сколько оно хотело — и сколько могло, по мнению остальных крестьян, — обработать. Размер земельного надела, полученного каждым хозяйством, обычно зависел от числа едоков, хотя самым бедным и тем, кто впервые получал землю, нередко приходилось довольствоваться самым отдаленным от деревни куском земли, которому в случае победы контрреволюции утрата земли угрожала бы в первую очередь.

Завершив свою локальную революцию, крестьяне не ощущали особой потребности в демократических институтах центральной власти. Да, при выборах в Учредительное собрание, они активно голосовали в основном за эсеров. Однако из этого неверно заключать, что крестьяне разделяли отношение своей партии к Учредительному собранию. Большинство крестьян голосовали по рекомендации своих старейшин (у которых зачастую имелись тесные связи с эсеровским аппаратом) или на основании сельских резолюций голосовать за одну партию и соблюдать единство. Для большинства крестьян, особенно крестьянок, впервые голосовавших на выборах в национальном масштабе, это в значительной степени символический акт. Немногие готовы были участвовать в борьбе эсеров за восстановление Учредительного собрания после его разгона большевиками, как показала печальная судьба Комуча. Для широких крестьянских масс, чей политический кругозор ограничен собственной деревней и ее полями, Учредительное собрание было отдаленным парламентом, где бал правили вожди городских партий. Они ассоциировали его с Государственной думой и не видели нужды в его санкции для своей революции на земле.

Крестьянство в Гражданской войне

Война против деревни

Когда большевики пришли к власти, немногие верили, что те долго продержатся. Промышленные города и армии северных фронтов, на которые большевики в основном опирались, страдали от голода; без поддержки в деревне большевики, казалось, не смогут предотвратить рост недовольства и оппозиции. В течение первого полугодия своего правления большевикам пришлось, из-за собственного бессилия, оставить деревню в покое, позволив крестьянам свободно торговать с городами. Однако к весне 1918 года они обнаружили, что это создает хаос: тысячи рабочих ежедневно покидали свои предприятия и занимались обменом с крестьянами, производство практически остановилось, максимально затруднилось железнодорожное движение. Если большевики собирались справиться с военным кризисом, вызванным мятежом Чехословацкого легиона, и если хотели спасти свою городскую основу от поглощения крестьянской мелкобуржуазной стихией, нужно было брать контроль за продовольственным снабжением в свои руки.

В мае Ленин инициировал «битву за хлеб», послав в деревни отряды вооруженных рабочих скупать его по фиксированным ценам или насильственно реквизируя хлебные излишки, которые, по его словам, «кулаки» придерживают, чтобы спекулировать на голоде в городах. В нескольких крайне воинственных выступлениях и статьях он призвал рабочих убивать «кулаков», которых вместе с эсерами и другими «мелкобуржуазными партиями» обвинил в заговоре, направленном с целью голодом уморить советскую власть. Продотрядам должны были помочь «комитеты бедноты» (комбеды), в задачу которых входило выявление деревенских кулаков. Однако комбеды оказались неэффективны, и продотрядовцы, не имея данных об излишках урожая, обычно считали, что любой пустой амбар, даже если его хозяин голодает, свидетельствует о том, что его владелец — «кулак, утаивающий зерно». Кампания превратилась в насильственную, без разбора, реквизицию крестьянской собствен-

ности, в гражданскую войну с деревней, которая в последующие два года стала ещё ожесточённое.

После ряда крестьянских восстаний, заклеянных в прессе как «кулацкие мятежи», хотя в частном порядке большевистские лидеры признали, что это протест всего крестьянства, советское правительство в ноябре 1918 года упразднило комбеды. Ленин объявил о новом соглашении с середняком, составлявшим большинство сельского населения, в котором ленинский режим нуждался как в источнике живой силы для Красной Армии. Однако «битва за хлеб» не прекратилась. В январе 1919 г. установили нормы продрозверстки, согласно которым продовольственные отряды должны были реквизировать в деревнях определенное количество продовольствия, независимо от того, является ли оно излишком для крестьянских хозяйств. Продотряды и комиссары принялись выполнять свое дело с беспощадной жестокостью, копируя худшие репрессивные методы царского режима и избрав новые, что позволяет сделать вывод о том, что многие рядовые большевики, особенно выходцы из крестьянской бедноты, руководствовались ненавистью к крестьянству.

Крестьяне отвечали на этот натиск традиционным «оружием слабых»: свои запасы закапывали в землю, продавали «мешочникам», которые, несмотря на запрет пассажирских перевозок, всё ещё приезжали из городов для скупки продовольствия, сокращали производство зерна до минимума или переводили его на технические культуры (к примеру, лен). Хотя до полномасштабной крестьянской войны дело не дошло, советские органы снабжения часто подвергались нападению. Лишь позднее, в 1920 году, когда белые потерпели окончательное поражение и большевики стали завладевать последними запасами зерна для сева, крестьяне поднялись на борьбу в национальном масштабе. Но было слишком поздно: после реквизиций 1920 года крестьяне оказались слишком слабы, чтобы выдержать недород 1921 года, который вызвал голод по всему Юго-Востоку, и слишком слабы, чтобы сопротивляться большевикам.

Война против белых

Как бы крестьяне ни ненавидели большевиков с их надменными комиссарами и реквизициями, но белых боялись ещё больше. Победа белых повернула бы крестьянскую революцию на земле вспять. Действительно, это была основная цель белых офицеров, большинство которых дети дворян, сражавшиеся за возвращение своего наследства. Белые вожди делали все возможное, чтобы выглядеть демократичнее, но их руки были связаны земельным вопросом. Самое большее, что мог дать Деникин крестьянам, это туманное обещание когда-нибудь в будущем разрешения им купить часть помещичьей земли (по ценам, установленным комитетами, в которых преобладало дворянство); но в то же время они должны были вернуть землю, захваченную ими в 1917 году. Только в 1920 году, когда белые оказались на грани полного поражения, Врангель принял закон, способный отдаленно претендовать на приемлемость для крестьянских масс. Как он сам признавал, этот закон имел чисто пропагандистское значение.

Крестьяне, пока советский режим стоял между белыми и их революцией на земле, были готовы защищать его, если от белых исходила непосредственная угроза. В октябре 1919 году, когда войска Деникина дошли до Орла, менее чем на 200

милль приблизившись к Москве, четверть миллиона крестьянских дезертиров добровольно вернулось в Красную Армию в двух военных округах — Московском и Орловском. В этих регионах крестьяне во время революции сделали существенные земельные приобретения. Но даже там, где крестьяне не приобрели никакой земли, как в свободной от помещиков Сибири, поведение чиновников Колчака, реквизировавших продовольствие и устраивающих мобилизации даже с еще большим ожесточением, чем большевики, толкало деревню на борьбу против белых.

Крестьянский Брест-Литовск

К марту 1921 года когда крестьянские восстания полыхали по всей стране и призраком голода явственно маячил на горизонте, Ленин наконец уступил аргументам в пользу замены реквизиций натуральным продовольственным налогом. Как он сказал на X съезде РКП(б), если диктатура пролетариата хочет уцелеть, надо упрочить взаимоотношения с крестьянством, и эта временная уступка крестьянам, позволившая им продавать продовольственные излишки на свободном рынке, стала ценой, которую следовало заплатить. Это был «Брест-Литовский мир» с крестьянством. Ленин и его ближайшие сподвижники пришли к заключению, что Новая экономическая политика (НЭП) не отступление, а единственный способ движения вперед, к социализму, в такой крестьянской стране, как Россия, без поддержки развитой индустриальной экономики. Опыт военного коммунизма показал, что рынок невозможно уничтожить; но пока государство держит в своих руках «командные высоты» экономики, оно может осуществлять переход к социализму, облагая налогами и социализируя крестьянский сектор.

Рядовым большевикам было, однако, трудно усвоить это, и на протяжении всего недолгого периода НЭПа советский аппарат питал к нему глубокую враждебность. Многие рядовые партийцы были выходцами из крестьян, которым пришлось уехать из деревни в город или которые отвергли старый деревенский образ жизни, презиравая его как «тёмный» и «отсталый», часто после того, как их кругозор расширился благодаря службе в армии. Они отождествляли себя с большевиками как с партией рабочих, обещавшей стереть с лица земли старую деревенскую Россию. Но в 1920-е годы им приходилось терпеть и наблюдать за крестьянским процветанием. Продовольственные магазины в городах заполнились товаром, но с ценою не по карману для многих рабочих и растущей армии безработных. НЭП казался им предательством уравнилельных революционных принципов, нарушением обещаний разрушить несправедливый капиталистический мир, и в возобновлённой Сталиным войне против крестьянства они увидели новый путь вперед.

Литература

Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и её последствия (1918–1922). М., 2010.

Голоса крестьян. Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996.

Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России, 1917–1921. СПб., 2007.

Зажиточное крестьянство России в исторической перспективе. Вологда, 2001.

- Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.
- Куреньшев А. А. Крестьянство и его организации в первой трети XX в. М., 2000.
- Лавров В. М. «Крестьянский парламент» России. (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 гг.). М., 1996.
- Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918–1930: Сб. документов в 2-х кн. СПб., 2006. Кн. 1.
- Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001.
- Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начала XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.
- Тан-Богораз В. Г. Собр. соч. М.; Л., 1928–1929. Т. 1–4.
- Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 — 1917–1922 г. М., 1997.
- Figes O.*: Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution (1917–1921). Oxford, 1989; The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War // Past and Present, 129 (1990); The Russian Revolution of 1917 and its Language in the Village // Russian Review. 1997, № 56.
- Gill G. J.* Peasants and Government in the Russian Revolution. New York, 1979.
- Heinzen J.* Inventing a Soviet Countryside: State Power and the Transformation of Rural Russia, 1917–1929. Pittsburgh, 2004.
- Lewin M.* Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization. London, 1968.
- Peasant Economy, Culture, and Politics in European Russia, 1800–1921. / Ed. by E. Kingston-Mann, T. Mixter. Princeton, 1991.
- Retish A.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914–1922. N. Y., 2008.

Культурная политика большевиков

КРИСТОФЕР РИД

Марксизм, основанный на приземленном эмпиризме «Капитала», всё же имел характер отчасти утопический. В отличие от многих более ранних революционных движений марксизм ставил целью не только изменить баланс власти и собственности в обществе, но и преобразить природу человека, сдвинуться с того, что Маркс называл «предысторией человеческого общества», или совершить, по словам Энгельса, скачок «из царства необходимости в царство свободы». Русские революционеры не в последнюю очередь с особым вниманием относились к этим более широким целям, поскольку знакомы были с идеей культурного преобразования еще до распространения учения Маркса. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» с подзаголовком «Истории новых людей» нарисовал модели новых человеческих типов, влияние которых испытало на себе несколько поколений революционеров. Хотя в 1917 году внимание в первую очередь уделяли насущнейшим практическим проблемам, уже со всё растущей силой о себе заявляли долгосрочные цели революции. При определении целей никогда не пренебрегали огромной важностью культурной революции. В конечном счете, успех или провал большевистского предприятия, по крайней мере, зависел от способности создавать и пропагандировать свои новые ценности, не в меньшей степени, чем от более практических вопросов подъема жизненного уровня рабочего класса и беднейшего крестьянства. С этой точки зрения революция была борьбой между утопичными (в конечном итоге) революционными ценностями большевиков и реальными ценностями российской интеллигенции, крестьянства и рабочего класса. Крах коммунизма надо не в малой степени приписать тому обстоятельству, что он не сумел внедрить свои основополагающие ценности в сознание населения.

С этим связан второй слой более практических культурных устремлений. Вполне естественно, учитывая, что средства информации начали развиваться в виде прессы и кинематографа, вопросы пропаганды имели большое значение в революции и Гражданской войне. Из этого также следовало, что грамотность и новая форма обучения неотъемлемые части революционной программы. Однако у большевиков имелись свои специфические основания уделять внимание культуре, связанные с вопросами «сознания» и «продуктивности».

Вопрос о сознании — важная тема в ленинской мысли, начиная с рубежа веков. Исходя из положения Маркса, что восприятие собственной роли в обществе ведет личность к осознанию своего социального и экономического положения в целом и своего классового положения в частности, Ленин разработал теорию значения сознания в революции. То, что революция, которую ожидали марксисты, не состоялась, он в значительной степени приписал неумению рабочих выработать собственное чисто классовое сознание. Предоставленные себе рабочие, утверждал он, могут прийти только к «тред-юнионистскому сознанию», под которым имелось в

виду осознание задач улучшения таких сиюминутных обстоятельств, как заработная плата и условия труда, но дойти не могут (а Маркс утверждал — могут) до осознания, что лишь революционная трансформация отношений собственности обеспечит окончательное решение проблем рабочего класса. Фундаментальная задача формирования «революционного сознания» среди рабочих имела в себе очевидный культурный компонент — прежде всего это касалось образования и пропаганды. Ленин внёс значительный вклад в марксистскую теорию своим выводом о необходимости создать партию, состоящую из членов, обладающих необходимым «более высоким» уровнем сознания. С этой точки зрения вся ленинская концепция партии и сущность партийной программы — укоренить революционное сознание в российском и, в конечном итоге, в мировом пролетариате — в значительной мере основана на понятиях культуры. К тому же предполагалось, что подавление, присущее эксплуататорской капиталистической экономической системе, препятствовало народным массам реализовать свой человеческий потенциал. Революция должна освободить огромные созидательные возможности ранее угнетаемых классов. В ходе Октябрьской революции Ленин сам заявил, что пришло время дать массам «полную созидательную свободу».

«Продуктивность» была гораздо менее абстрактным, но, тем не менее, важным элементом большевизма, который появился, когда большевики искали решения практических проблем управления подорванной российской экономикой. Продуктивность означала приложение всяческих усилий для роста экономики, особенно промышленности, и подчинение этой задаче других вопросов; экономический рост, таким образом, стал основной задачей партии и государства. Сосредоточение внимания на продуктивности в культуре коренилось в идеологическом посыле укрепления рабочего класса, что особенно важно с точки зрения преодоления «отсталости» России, вследствие которой имеет совсем небольшой городской рабочий класс преимущественно сельского происхождения. Продуктивность имела и культурное значение — потребность повысить уровень квалификации рабочих, равно как и привлечь их к идеям большевизма.

Конечный элемент, усиливавший важность культурной политики, также надо принять во внимание — культурный компонент царской идеологии. Царизм обладал культурными притязаниями, связанными, прежде всего, с Православной Российской Церковью. В начале XX века даже интеллектуалы не из числа революционеров понимали, что борьба с царизмом идёт не только в политической, но и в духовной сфере, то есть имеет культурное измерение. Почти как аксиома, левое связывали с атеизмом, научностью и рационализмом, а царизм — с религией, обскурантизмом и иррациональным.

Хотя ведущие большевики, включая Ленина, на протяжении примерно десятилетия перед 1917 годом проявляли немалый интерес к культурным проблемам, сразу после Октября их внимание поглотили практические проблемы. Культура оказалась на заднем плане, но определенные вопросы проявляли себя. В частности, предпринимали меры в области системы образования. С октября 1917 года до конца академического года летом 1918 года школы и университеты, как и большинство культурных учреждений, работали нормально, насколько это возможно в изменившихся условиях. Похоже, лишь летом 1918 года партийное и государственное руководство в лице А. В. Луначарского, историка М. Н. Покровского и других деятелей Наркомпроса осознало: если не действовать быстро, царская система образования ещё целый год сохранится почти в неизменном виде. На об-

суждение поставили вопрос, что необходимо сделать в школах и университетах, чтобы помешать этому. Весьма острые споры внутри элиты вскоре выявили раскол в руководстве по вопросам подхода к культуре на «прагматиков» и «утопистов». Последние призывали к радикальным реформам в соответствии с различными революционными планами, а первые понимали: в данный момент в повестку дня можно ставить лишь частичные преобразования. Не в последнюю очередь из-за того, что большинство школьного и вузовского персонала не симпатизировало большевизму и для революционных перемен в сфере образования не хватало человеческих и материальных ресурсов.

Не существовало прецедентов создания национальной образовательной системы, основанной на социалистических принципах. Наркомпрос взялся построить такую систему за несколько месяцев, используя скудные ресурсы разваливавшейся царской системы образования. Некоторые аспекты не вызывали противоречий — безусловно, необходимо было порвать с «буржуазными» принципами прошлого, включая религию, дать приоритет рабочему классу и уделить внимание крестьянству. Среди учебных предметов центральное место должны были занять теория и практика трудовой деятельности (за это говорило и название — Единая трудовая школа). Однако начавшиеся вскоре споры вокруг вопроса, как приложить эти принципы, наглядно иллюстрируют эволюцию общей большевистской политики. Догматики выступали за более радикальные перемены в распорядке учебного дня, учебной недели (довести ее до семи дней) и учебного года (отменить каникулы). Классное обучение по всем предметам должны вестись, исходя из принципов марксизма. Общественные науки и история, например, должны объяснять, как контроль над трудовым процессом вел к классовым различиям, и показывать, что марксизм это освободительная философия, которая поможет ликвидировать классовое общество и строить коммунизм. Их оппоненты не столько выступали против этих принципов, сколько пытались прояснить: как приложить их без подготовленных в соответствующем духе учителей, подходящих учебников, финансовых ресурсов и посреди общей атмосферы хаоса, депролетаризации и упадка производства во всех отраслях. Они предлагали менее радикальную модификацию существующего академического курса и постепенное введение программ, которые привязали бы старших учеников к рабочим местам для осуществления более насущных практических задач. Эти предложения были тесно связаны с идеями продуктивности.

Если партии удалось, по крайней мере, в теории, начать осуществление своей политики в школьном деле, хотя маловероятно, что большинство школ было достаточно знакомы с новыми программами, система высшего образования решительно встала на защиту традиционных либеральных ценностей университетской автономии, академических стандартов и академической свободы. Первая попытка государства в 1918 году взять в свои руки вузовскую систему провалилась. Даже те реформы, которые университеты действительно приняли, вроде выборов ректоров и некоторых преподавателей, не сработали, поскольку избиратели почти всегда отклоняли кандидатуры партийных ставленников, предпочитая более авторитетных ученых. Университеты даже добились права иметь собственную прессу. Победы 1918 года оказались, однако, недолговечны. В Наркомпросе лица ответственные за университетскую политику, вроде Отто Шмидта, поняли, что прямая конфронтация не ведет к успеху, нужно перейти к тактике постепенных реформ. Университетскую автономию, в конце концов, свернули в 1922 году и приняли но-

вый устав, явно отражавший принципы продуктивности, предпочтительное отношение к пролетариату и его союзникам и вопрос о повышении самосознания. Это сопровождалось чисткой университетского преподавательского состава, особенно в таких предметах, как философия и теология. Более 200 человек летом 1922 года выслали из России, включая таких видных ученых, как философ Николай Бердяев и историк Сергей Мельгунов. Многие ученые и инженеры избежали этой участи благодаря тому, что знания по их специальности пользовались практическим спросом. Академия наук была затронута сравнительно слабо и до конца 1920-х гг. продолжала обычную деятельность, включая изучение таких совсем не-большевистских предметов, как богословие, древние восточные языки.

Новую культурную политику проводили в жизнь не только в системе образования. Появились новые, специфически большевистские направления деятельности. В сентябре 1920 года ЦК РКП(б) образовал Отдел агитации и пропаганды (Агитпроп). В его задачу входило распространение «евангелия» большевизма. До этого существовали пропагандистские организации, подчиненные Наркомпросу, профсоюзам или Советам. Под их эгидой развёртывалась широкомасштабная деятельность. От скромных читален до больших уличных театров, письменным словом и через экран кинематографа большевистские идеи разносились по всей стране. В этом процессе участвовали некоторые крупнейшие русские художники, писатели, кинематографисты, начался бум художественного и культурного экспериментаторства, которое и теперь впечатляет. Деятели искусства готовили плакаты, украшали к праздникам улицы, снимали кинохронику, ставили пьесы, возводили памятники и планировали архитектурные трансформации домов, заводов и мест отдыха. Марк Шагал был комиссаром по делам искусств в своем родном Витебске. Поэт и художник Владимир Маяковский писал пропагандистские плакаты со стихами в Российском телеграфном агентстве (РОСТА). Даже такие «буржуазные» писатели, как Андрей Белый и Владислав Ходасевич, читали лекции группам рабочих, желавших стать писателями. На специальных поездах и пароходах в губернии выезжали группы агитаторов читать лекции, ставить пьесы и показывать фильмы — для многих губернских жителей это было первое знакомство с кино. Так населению в доходчивой форме внушали идеи борьбы с контрреволюцией и построения более справедливого общества.

Партия двойственно относилась к этой деятельности, и не в последнюю очередь потому, что в неё вступило много не большевиков. Эти люди находились под влиянием старой народнической идеи: интеллектуалы обязаны служить народу. Они работали на благо революции в широком смысле, не только для большевиков. На тот момент допускался до определенных пределов плюрализм, так как без помощи многих талантливых людей, позднее клейменых как еретики и контрреволюционеры, новые власти не располагали средствами для запуска такой кампании.

Новыми идеями должна была проникнуться не только страна. Сама РКП(б) должна была превратиться в более надежное орудие культуры. Мрачное время Гражданской войны оказалось свидетелем крайне смелой попытки партийного руководства определить себя с помощью новой партийной программы, принятой в марте 1919 года. В учебнике «Азбука коммунизма» его авторы, лидеры левого крыла партии Евгений Преображенский и Николай Бухарин предприняли попытку популяризации этих вопросов. На передний план выдвигались особая роль рабочего класса в свержении капитализма, грядущая мировая революция и превосходство научного и рационали-

стического мировоззрения над укоренившейся религией. Авторы изобразили мир будущего, свободный от эксплуатации и денег, где культурно преобразованное человечество трудится в гармонии. Социальные различия, эгоизм и преступность, утверждали они, канут в Лету. На предприятиях и в учреждениях устраивали читку учебника, чтобы партийцев и остальных ознакомить с новыми идеями.

В то же время в Красной Армии ввели институт политкомиссаров, которым полагалось, во-первых, осуществлять политический контроль, особенно над служащими в ней 15–20 тыс. бывших царских офицеров, во-вторых, распространять идеи коммунизма среди солдат, многие из которых — крестьяне, и ожидали, что они, в свою очередь, разнесут новые идеи по бесчисленным и иначе недостижимым российским деревням. Деятельность в этом направлении явно являлась продолжением дореволюционной борьбы Ленина за подъем самосознания.

Имелось, однако, немало проблем. Продолжались споры вокруг деталей партийной политики. В частности, организация Пролеткульт (Пролетарская культура) выступила против позиции партийного руководства. Споры разгорелись по двум проблемам: природа пролетарской культуры и стремление Пролеткульта к автономии. Оба вопроса были связаны с теориями главного идеолога Пролеткульта А. А. Богданова.

Еще задолго до революции Богданов искал решение того, что считал основной проблемой революции — как должна формироваться пролетарская культура. Маркс, подчеркивал он, считал, что новые исторические эпохи (феодалная, буржуазная и т. д.) зарождались в недрах обществ, на смену которым шли. Это особенно касается культурной эволюции. Богданов, например, указывал на роль Возрождения в развитии чувства индивидуализма, существенного для появления буржуазного, капиталистического общества и связанных с ним ценностей буржуазного индивидуализма. Иначе говоря, буржуазная культура находилась в процессе формирования за несколько столетий до того, как восторжествовала. Можно ли то же сказать о пролетарской культуре? Богданов утверждал, что революционный пролетариат до победы его революции нуждается в развитии собственных ценностей. Однако реальность оказалась такова, что политическая революция свершилась ранее того, как выкристаллизовалась подлинно пролетарская культура. В этих обстоятельствах Богданов видел свою задачу двоякой: помочь определить ценности пролетарской культуры и помочь привить их в пролетарской среде.

Пролеткульт начал создаваться весной и организационно оформился в октябре 1917 года как центральный институт, связующий между собой различные местные культурные организации, основанные на базе Советов. Первый период его деятельности был бурным и неопределенным, но, насколько это представляли себе Богданов и его сподвижники, с целями вполне ясными. Группы Пролеткульта должны были стать, по терминологии того времени, «лабораториями пролетарской культуры», определяя и распространяя пролетарские ценности. Определить их было совсем несложно. Вместо буржуазных ценностей индивидуализма, конкуренции, денег, достижения личного успеха, философского идеализма, авторитаризма и манипуляции религией для обеспечения спокойствия в обществе Богданов и его сподвижники предложили пролетарские ценности коллективизма, сотрудничества, производства не ради прибыли, философского материализма, науки, рационализма и демократии. «Эксперименты» в их «лабораториях» подчас были весьма причудливы (например, спорт без соревнования, без подсчета очков или голов, коллективное написание поэм и рассказов, использование промышленных орудий труда как му-

зыкальных инструментов), но некоторые восприняты радикально настроенными интеллектуалами в 1920-х годах и даже стали составной частью «социалистического реализма», культурной ортодоксии, установившейся в 1930-е годы.

В партийных верхах отторжение вызывали не столько организация Пролеткульта и состав его членов, сколько претензии на независимость. Для Богданова было императивом дать рабочим, насколько реально, возможность самим развивать свою культуру. Вмешательство интеллектуалов, таких, как сам он, и, особенно, партии, следовало свести к минимуму; в идеале должно происходить лишь по просьбам самих трудящихся. Растущее стремление Пролеткульта к независимости от партии угрожало его существованию. До 1920 года Пролеткульт в известной мере пользовался поддержкой зятя Богданова Луначарского, но когда Ленин счел нужным вмешаться, Луначарский ничего не смог сделать. Основное обвинение Пролеткульту, заключалось в том, что, якобы, подобно футуристам хочет уничтожить сокровища искусства и культурные ценности. Однако Ленин в первую очередь подверг нападкам стремление к независимости от партии. Автономию Пролеткульта в декабре 1920 года резко ограничили, но в рудиментарном виде он действовал до 1932 года.

Постановление о Пролеткульте было и признаком начала партийным руководством более активной культурной политики. По мере приближения к концу Гражданской войны начали уделять больше внимания проблемам второстепенным. Это относится и к культуре. Основным направлением политики партии в этой области стали контроль над широкими областями культуры, ограничение широких спекулятивных подходов, свойственных, в частности, богдановцам, и переключение внимания на насущные вопросы грамотности и партийной пропаганды, на перевод системы образования в подчинение идеям продуктивности.

Другие вехи в эволюции партийного контроля над культурой отмечены запрещением оппозиционных газет. Оно началось с первых дней революции и к лету 1918 года привело к монополизации прессы партией. За этим последовала национализация типографий и издательств и расширение полномочий Государственного издательства (Госиздат), основанного в декабре 1917 года. К 1919 году в издательском деле фактически установилась государственная монополия, в которой не последнюю роль играл Цензурный комитет Госиздата. Он контролировал продукцию издательств. В 1922 году образовали отдельный цензурный аппарат (Главлит). С 1923 года театральную и музыкальную цензуру свели воедино в Главрепертком. Создание в 1922 году постоянной секретной полиции — ГПУ, прямого наследника «временной» ВЧК, отразилось и на состоянии культуры. ГПУ непосредственно вовлеклось в надзор за прессой, арестовывало оппозиционных режиму интеллектуалов, а в 1922-м организовало массовую высылку из страны интеллигенции.

Еще один фактор почти неизбежно способствовал усилению вмешательства властей в вопросы культуры. Культурный мир претерпел радикальную трансформацию вследствие социальных и экономических перемен 1917–1922 годов. Бегство элиты, дезинтеграция единой экономики распавшейся империи и крах рыночных отношений и денежной экономики разорили культурное производство. Интеллектуалы-созидатели почти лишились постоянного источника доходов. Некоторые перебивались лекциями, преподавательской работой, некоторые в Гражданскую войну получали официальные пайки, но, в целом, экономические отношения, от которых зависела высокая культура, были расстроены. Не было журналов, непартийных газет, рынка искусства, богатых меценатов, независимых школ. Единственным меце-

натом стало государство, и это существенно добавило ему могущества. Какое-то время конкурировавшие друг с другом группы интеллектуалов полагали, что смогут заполнить государственные институты и контролировать их в интересах собственных групп, но государственные чиновники неуклонно усиливали свою власть, не в последнюю очередь путем стравливания их между собой.

К концу Гражданской войны культурный контроль стал свершившимся фактом. Было ясно видно, что предложенная Лениным 26 октября 1917 года «полная созидательная свобода масс» не дала ожидаемых результатов: не произошло взрыва революционного сознания в виде, приемлемом большевистскому руководству. В этих условиях оставалось лишь идти вперёд по каменной тропе повышения сознания под руководством партии. Хотя 1920-е годы и стали «золотым веком» для приемлемых течений революционной культуры и отмечены большими достижениями в области литературы, кинематографии и изобразительного искусства, но множество отвергнутых течений извели с помощью цензуры (не давая публиковаться или участвовать в выставках), заключения в тюрьму и изгнания многих неортодоксальных писателей, мыслителей и художников.

Кульминация этого процесса была, впрочем, ещё была делом будущего. В 1921 году в области культуры, как и в других сферах, советское государство представляло собой причудливую смесь силы (там, где больше не испытывало внутреннего сопротивления) и слабости (его ценности были чужды большинству не только крестьян, но и интеллектуалов и рабочих). В области народной культуры новые власти, продвинулись недалеко, кроме похода против религии и упразднения «желтой» прессы. Рабфаки (рабочие факультеты) в высшем образовании только лишь нащупывали почву, а большевистские инициативы, вроде монументов, уличных демонстраций в дни новых революционных праздников, рабочих клубов (читален и прототипов дворцов культуры) наталкивались на мощное сопротивление благодаря водке и силе традиций.

В 1923 году Троцкий апокалипсично утверждал: революция высвободит такую мощную созидательную энергию, что средний человек сможет достичь высот Шекспира или Гёте. Однако на деле советская культура уже втягивалась в процесс, наглядным проявлением которого стал переход к сохранению «консервативных» культурных ценностей (реалистическая живопись, традиционные симфонические оркестры, балет, шахматы, спортивные соревнования и т. д.) за счет революционного экспериментаторства. В 1921 году результат ещё не был окончательно предопределен. Хотя спонтанная культурная жизнь начала втекать в приемлемое русло, окончательные решения о его размере оставались делом будущего. Тем не менее, неуклонное расширение культурного аппарата находилось в процессе, принципы продуктивности и повышения самосознания, на которых будут покоиться будущие решения, уже давали о себе знать. К 1921–1922 годам баланс власти в сфере культуры начал склоняться от созидания к порядку, насаждаемому партийными чиновниками.

Литература

Блум А. В.: За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры 1917–1929. СПб., 1994; Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003.

- Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов: 1917–1956: Документы. М., 2005.
- Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х гг. СПб., 2003.
- Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) –ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике 1917–1953. М., 1999.
- Институты управления культурой в период становления. 1917–1930-е гг. Партийное руководство, государственные органы управления. Схемы. М., 2004.
- История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997.
- Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. М., 1983.
- Лебедева В. Г.* Судьбы массовой культуры в России. Вторая половина XIX — первая треть XX в. СПб., 2007.
- Ленин В. И.* О литературе и искусстве. 7-е изд. М., 1986.
- Советское общество в воспоминаниях и дневниках. Культура. Наука. Просвещение. Аннотированный библиографический указатель книг, публикаций в сборниках и журналах. М., 2006.
- Судьбы русской интеллигенции: Материалы дискуссий 1923–1925 гг. Новосибирск, 1991.
- Цензура в СССР. Документы. 1917–1921. Бохум, 1999.
- Bolshevik Culture / Ed. by A. Gleason, P. Kenez and R. Stites. Bloomington, 1985.
- Bolshevik Visions: First Phase of the Cultural Revolution in Soviet Russia / Ed. by W. G. Rosenberg. Second edn., 2 vols. Ann Arbor, 1990.
- Chamberlain L.* The Philosophy Steamer: Lenin and the Exile of the Intelligentsia. London, 2006.
- Claudin-Urondo C.* Lenin and the Cultural Revolution. Hassocks, Sussex, 1977.
- Finkel S.* On the Ideological Front: The Russian Intelligentsia and the Making of the Soviet Public Sphere. New Haven, 2007.
- Fitzpatrick S.* The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky (1917–1921). Cambridge, 1970.
- Gorzka G.* Bogdanov und der russische Proletkult. Theorie und Praxis einer sozialistischen Kulturrevolution. Frankfurt; New York, 1980.
- Kenez P.* The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge, 1985.
- Mally L.* Culture of the Future: The Proletkul't Movement in Revolutionary Russia. Berkeley, 1990.
- Neumann M.* The Communist Youth League and the Transformation of the Soviet Union, 1917–1932. London, 2011.
- Read C.* Culture and Power in Revolutionary Russia: The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism. London, 1990.
- Stites R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, 1989.

| Офицеры |

ПИТЕР КЕНЕЗ

История революции лучше всего понимается как кризис власти. К октябрю 1917 года стало ясно, что либералы и умеренные социалисты, как до них и царский режим, не сумели обеспечить страну действенным правительством. Демократы могли бы получить поддержку на выборах, но не были способны перевести эту поддержку в вооруженную силу и администрацию. Перед народами Российской империи встала альтернатива: большевизм или военная контрреволюция.

Возглавить контрреволюцию суждено было офицерам. Они знали, как организовать армию и воевать; их военная карьера показала значение организации; их корпоративный дух и совместный опыт придавали необходимое взаимное доверие. Не зная, кем были эти офицеры и как видели свою задачу, не понять природу революции и Гражданской войны. К сожалению, мышление и мотивации офицерства историки исследовали гораздо меньше, чем ментальность большевиков. Причины понять легко. Генералы не занимались регулярным обобщением своих целей и устремлений.

Социальный фон царского офицерского корпуса был пестрым. Если во второй половине XIX века в армиях Германии и Франции немало недворян получили офицерские посты, то в России этот процесс усиления социальной разнородности пошёл ещё дальше. К началу Первой мировой войны примерно половина офицеров происходили из не дворянских семей. Такой заметный приток изменил характер офицерского корпуса. Если в Германии и Франции офицерская среда быстро поглощала недворян и молодые люди из средних слоев растворялись в военном обществе среди сослуживцев-аристократов, то российский офицерский корпус расслаивался. Отпрыски старых знатных фамилий служили в гвардейских полках, где пользовались множеством привилегий: быстро продвигались по службе и наслаждались общественной жизнью в столице. В отличие от них, средний офицер незнатного происхождения обычно служил в пехотном полку, в глуши, и получал столь скудное жалование, что с трудом мог содержать семью. Как показывают многочисленные примеры из русской литературы XIX века, такой человек имел невысокий социальный статус. Однако для многих амбициозных молодых выходцев из крестьян, которые не могли позволить себе получение университетского образования, военное училище было способом продвижения по социальной лестнице. Большинство их не достигали высокого положения в военной иерархии, но талантливые и амбициозные имели шанс.

Тот, кто выдержал вступительные экзамены в Академию Генерального штаба и хорошо учился, мог достичь высших командных постов в армии. В Первую мировую войну дети и внуки крепостных нередко командовали армиями. Позднее некоторые из этих генералов играли ведущую роль в Белом движении. Отцы генералов М. В. Алексеева и А. И. Деникина родились крепостными, отец генерала Л. Г. Корнилова был бедным казаком. Социальное происхождение вождей Белого движения могло иметь политическое значение, если эти вожди попробовали сы-

грать на нем. Указав на свое происхождение, они могли защититься от обвинений в том, что борются лишь за классовые интересы. Белым недоставало политического чутья. Во всяком случае, ясно, что вульгарно марксистская точка зрения, согласно которой политические взгляды белых генералов объясняются узкоклассовым эгоизмом, не выдерживает критики.

До революции в офицерском корпусе наблюдалось большое разнообразие социального происхождения, личной карьеры, образа жизни, но спланировали определенные идеи и политические взгляды. Русские офицеры, как и западноевропейские коллеги, были консервативны, не были мыслителями, не доверяли технике и «порыв» считали главным в достижении победы. В 1911 году военный журналист Д. Н. Гарлинский, пытаясь выявить причины поражения в войне с Японией, возложил вину на интеллигенцию, отмену крепостного права и распространение образования. По его мнению, образование подорвало волю народа. Он рекомендовал усилить цензуру, чтобы воспрепятствовать распространению идей равенства и социальной справедливости, фатально ослабивших армию. В русских военных кругах, как и повсюду в Европе, широко распространилась вульгаризированная форма нищезанятия. Статьи в военных журналах восхваляли облагораживающие аспекты войны, выражали сожаление по поводу «мирного характера русского народа» и утверждали, что всё ценное — государственное умение, технология и даже искусство — рождено в войне. Эти же публицисты предостерегали против опасности вечного мира, который, в конечном счете, разрушит «духовную сторону» человека. Они противопоставляли «разложившиеся народы, которые хотят избежать борьбы и копить деньги», воинственным молодым нациям, за которыми будущее.

Конечно, российская политическая, социальная и интеллектуальная среда заметно влияла на мышление офицеров. Прежде всего, образовательная система в целом и военное образование в частности были отсталыми. Кадетам в военных училищах не прививали любовь к учению. В результате офицеры читали мало и почти не имели интеллектуальных интересов. Антиинтеллектуальность часто связывали с консерватизмом. Действительно, офицеры были глубоко консервативны. Это в значительной степени явилось результатом самоотбора: избравшие военную карьеру, желали сражаться за Российское государство в том виде, в каком существует. Офицерский консерватизм был инстинктивным и иррациональным. В военных училищах не изучали современные формы правления, идеологическая обработка редко шла далее ритуального повторения девиза «За Веру, Царя и Отечество». Учителя будущих офицеров ограничивались предохранительными мерами и старались уберечь молодых людей от подрывных влияний. В военных училищах не преподавали современную русскую литературу и только произведения, написанные до XIX века, могли считаться вполне «безопасными». Без вопросов принимая политический и социальный статус-кво, офицеры не считали себя консерваторами и пребывали в убеждении, что армия вне политики. Они не колеблясь по приказу, подавляли революционное движение, крестьянские волнения и рабочие забастовки, но защита царя от внутренних врагов не казалась им политическим действием. В российской политической среде консерватизм означал принятие самодержавия и отторжение «политики». Офицеры очень узко представляли себе политику. По их понятиям она не выходит за рамки участия в партийной деятельности, выборах и произнесения речей в Думе. Избравших партийную карьеру они считали нарушителями общественного спокойствия и врагами царя.

Интеллигенция не проявляла особого интереса к военным ценностям. В отличие от европейских мыслителей, которые уже глубоко прониклись националистическими настроениями, большинство российских интересовалось либо проблемами своей среды, либо спасением души. При этих обстоятельствах легко понять, что офицеры видели в современной литературе лишь карикатуру на себя, а в сочинениях ведущих интеллектуалов находили лишь нападки на те ценности, в которые свято верят, считали себя неверно понятыми и отвечали глубокой враждебностью.

Антисемитизм широко распространенный во всех слоях русского общества, отнюдь не был чужд и офицерскому корпусу. Тем не менее, ещё на рубеже веков крещеный еврей мог стать офицером. Однако к началу Первой мировой войны антисемитизм принял более современные формы, превратился из религиозного в расовый. В войну у учащихся кадетских училищ порой требовали доказательств, что не имеют среди предков евреев. Однако в армию евреев призывали. Когда обижали солдат-евреев, офицеры редко вмешивались, чтобы прекратить безобразие. Они считали, что еврей никогда не станет хорошим солдатом, что он природный нарушитель спокойствия, ответственный за распространение различных подрывных идеологий.

Основы «белого» мировоззрения заложены еще в Императорской Армии конца XIX века, но личный опыт офицеров драматичного периода 1904–1917 годов сильно повлиял на их мировосприятие. Тогда офицеры терпели унижение за унижением. В бесславную войну с Японией они впервые столкнулись с мощной революционной волной и должны были найти объяснение причин поражения в войне с внешним врагом и глубокого недовольства в стране. Военные извлекли определенный урок из поражения, и после войны в армии провели некоторые реформы, хотя и весьма ограниченные. Политические уроки, извлеченные из революции, были гораздо менее однозначны. Царский режим сделал важный поворот: если ранее правительство старалось держать офицеров вне политики, во время Революции 1905 года Военное министерство приказало офицерам разъяснять солдатам «заблуждения в требованиях экстремистов» и Манифест 17 октября. Офицеры не готовы были выполнять эту задачу и игнорировали приказ, либо выполняли так плохо, что лишь немногих солдат смогли привлечь на сторону правительства. Революция была подавлена, и царский режим сумел укрепиться. Это означало, что офицерам не нужна самостоятельная политическая позиция и вновь сплотиться можно вокруг престола. В следующий раз им везло меньше.

Военные не были поджигателями войны: в 1914 году им еще больше, чем другим русским не хотелось войны с Германией. Более того, ведущие генералы, зная слабость страны, предостерегали правительство о том, к чему может привести война. Когда война началась, патриотический энтузиазм охватил общество, но быстро рассеялся, не угас лишь в рядах офицеров. Рабочие и крестьяне вскоре охладели к войне. Офицеры, напротив, верили в решающее значение великой борьбы для будущего нации. Многие, например генерал Деникин, прониклись ненавистью к немцам, которую сохранили и позднее. Легко понять, что война была им очень важна: пришлось убедиться в необходимости принести в жертву себя и миллионы соотечественников. Однако они не могли не осознавать, что русский народ не разделяет их видение патриотизма. Это осознание имело далеко идущие последствия. Недоверие офицеров к простому народу всё более усиливалось.

В 1914 и 1915 годах офицерский корпус нёс тяжелые потери. С началом войны Военное министерство мобилизовало офицеров запаса, но их было недостаточно.

Пришлось готовить офицеров на ускоренных курсах за 4–8 месяцев. В большинстве своем это бывшие унтер-офицеры из крестьян или офицеры запаса из интеллигенции, и по своим взглядам резко отличались от профессиональных офицеров. Офицерский корпус, и без того социально разнородный, утратил политическое единство. Стало ещё менее вероятным, что в революционном 1917 году офицерство займет единую позицию. Немногие офицеры запаса вступили в антибольшевистские армии, ни один из них не достиг важных командных постов. Естественно, что в войну высшее командование было полностью в руках профессиональных офицеров, и они же задавали тон и формировали идеологию контрреволюционных армий.

С точки зрения офицеров, Февральская революция была более важным поворотным пунктом, чем большевистский переворот. Огромное большинство офицеров взирало на события с чувством подавленности. Они присягали царю и не собирались менять форму правления. Они не ждали многого от либеральных руководителей Временного правительства, еще меньше от социалистов в Советах. Однако они ничего не предпринимали. Они видели, что сопротивление революции подорвет способность страны сражаться с внешним врагом, и восприняли устранение царя как неизбежную плату за успешное продолжение войны. Их совесть заметно успокоил Манифест об отречении Николая II, в котором низложенный правитель велел исполнять приказы нового правительства.

От активных действий в феврале 1917 года офицеров удерживало и то, что участие в политике, как действию, противоположном простому выполнению приказов, чуждо их взглядам и традициям. Они не знали, как успешно добиться своего влияния. Вскоре стало ясно, что свержение монархии не только не увеличит шансы России на победу, как надеялись некоторые политики-оптимисты, исходя из ошибочных аналогий с Французской революцией, но и вызвало развал и гибельный коллапс всякой власти. Никто не мог заставить солдата выполнять приказы и удержать от дезертирства.

Офицеры вновь ощутили себя обманутыми и преданными. Неудивительно, что вину они возлагали на политиков, не знавших, как пользоваться обретенной властью. Осуждение перешло в ненависть, совсем затуманившую суждения офицеров. Они более не могли понять, что общего может быть у них с политиками-либералами. Как и офицеры, члены Временного правительства не стремились к социальной революции и хотели продолжать войну. Новый премьер-министр Керенский назначил Верховным главнокомандующим генерала Л. Г. Корнилова именно потому, что тот предложил драконовские меры для восстановления армейской дисциплины. Однако Корнилов и его единомышленники ответили организацией мятежа, направленного якобы против Советов, но фактически против Временного правительства. Эта безответственная акция способствовала усилению анархии и захвату власти большевиками.

Ближайшим последствием неприязни офицеров к либералам и социалистам стала их пассивность в дни Октябрьского восстания большевиков. Это определенно явилось одной из упущенных возможностей. Если вспомнить мужество и убежденность, с какими многие офицеры сражались против большевиков в длительной и кровопролитной Гражданской войне, можно поразиться, что в октябре 1917 года те же офицеры ничего не сделали. Для этого вроде бы парадокса немало причин. Те, кто командовал солдатами, понимали, что немногие выполняют приказ; офицеры, возможно, не знали, кто такие большевики и какой режим они установят; они

могли надеяться, что режим, основанный на заимствованных извне доктринах, вскоре сам собой падет; наконец, они не хотели оголять антигерманский фронт. Все эти объяснения перевешивают, однако, тот факт, что большинство офицеров просто не могли заставить себя сражаться за Керенского.

Другое последствие офицерского озлобления против политиков стало очевидным в Гражданскую войну. Белые армии не научились пользоваться услугой гражданских лиц. Когда возникала необходимость организовать управление занятой территорией, генералы обращались к дискредитировавшим себя бюрократам царского режима или, что ещё хуже, для управления городами, лесами и губерниями использовали офицеров, не имевших соответствующего опыта. Неспособность белых создать действенный административный механизм и наладить свое управление на завоеванной территории была одной из основных причин их конечного поражения.

Положение большевиков после прихода к власти оставалось шатким, и их противники, несмотря на слабость, могли организовываться почти безнаказанно. Социалистические и несоциалистические политики составляли проект за проектом, и ни один из них не увенчался успехом. В конечном счете, среди внутренних противников большевиков реальную угрозу представляли только бывшие офицеры Императорской Армии. Добровольческая армия, первая, наилучшим образом организованная и самая стойкая, начала действовать на юге на казачьих территориях. У истоков её организации стояли в 1918 году наиболее известные фигуры распавшейся армии генералы Алексеев и Корнилов. После гибели Корнилова в апреле 1918 года армию возглавил генерал Деникин, остававшийся во главе ее в ходе решающих кампаний 1918 и 1919 годов. Последний руководитель белых генерал Врангель возглавлял неравную борьбу в 1920 году.

На востоке умеренные социалисты и либералы организовали слабое антибольшевистское правительство, которое долго не продержалось. В ноябре 1918 года правые совершили переворот, и власть взяли в свои руки военные во главе с адмиралом Колчаком. Сибирская контрреволюция достигла впечатляющих побед, но затем Белые армии были отброшены и движение развалилось.

Офицерство Белых армий не было слепком со старого офицерского корпуса. Решившиеся выступить на борьбу с новым режимом в самых неблагоприятных обстоятельствах были меньшинством. Это люди, в основном молодые, многие не закончили военного училища, были наиболее консервативны, наиболее озлоблены страданиями, которые принесла революция. Умеренные по взглядам и отцы семейств, как правило, предпочитали отсидеться дома. Большинство бывших офицеров, к неудовольствию антибольшевистских вождей, хотело остаться в стороне от борьбы.

Немало офицеров служили в Красной Армии. Историки по-разному объясняли это интересное явление. Некоторые утверждали, что к большевикам офицеров вёл патриотизм. В конце концов, Ленин возглавлял правительство страны, когда, несмотря на все усилия, война всё еще продолжалась. Другие, объясняя поведение офицеров, подчёркивали их профессионализм. Они понимали, что новые руководители, какой бы ни была их политическая и социальная философия, люди идейные, не станут колебаться, как Временное правительство, и, в конечном счете, лучше поймут военные нужды. Более вероятно, однако, что огромное большинство офицеров согласилось служить, понимая, какие последствия иначе грозят им и их семьям. Некоторые в решительные моменты дезертировали или изменяли, нанося

немалый ущерб большевистскому делу, которому служили подневольно. И всё же, хотя и не в полной мере, именно Белое движение олицетворяло ментальность и интересы старого русского офицерства.

Один из способов определить политический профиль офицерства дает взгляд на воззвания Белых армий. Поражают не политические взгляды, выраженные в публичных заявлениях генералов, но их очевидная политическая несостоятельность. Вместо разработки привлекательной политической и социальной программы генералы напирали на вопросы легитимности и народного суверенитета. Что касается легитимности, неясность того, где заканчивается ее преемственность, стала источником головной боли для белых. Было очевидно, что большевики — узурпаторы, но Белое движение расколото по вопросу признавать ли законодательство Временного правительства. Правые, как гетман Скоропадский на Украине и атаман донских казаков Краснов, считали, что легитимность Российского государства прервана в феврале 1917 года. Добровольческая армия, напротив, в своей конституции в октябре 1918 года признала, за некоторыми исключениями, законодательство Временного правительства. Этот параграф конституции явственнее любой другой прокламации Добровольческой армии показывает, что невозможно утверждать, будто она выступала лишь за возврат к прошлому.

Несомненно, преобладающее большинство офицеров предпочло бы восстановление монархии Романовых. Вожди движения Деникин, Врангель и Колчак, однако, сопротивлялись давлению монархистов, понимая, что явная связь с Домом Романовых станет политическим самоубийством. Вожди колебались и не могли решить, какую форму примет в будущем государство, что означает «народный суверенитет». Временами, когда на фронте дела развивались успешно, заявления белых становились менее демократичными, чем в тех случаях, когда их дело оказывалось под угрозой.

В действительности русский народ получал представление об армии на основании не столько воззваний, сколько того, кого белые привлекли на службу. Ставка соблюдала верность догме, что армия должна стоять вне политики. В контексте Гражданской войны это означало, что Деникин не взял в число своих советников, как ни одного социалиста, так и никого из скомпрометированных слишком высоким положением при царском режиме или бывшим сотрудничеством с немцами. Деникин с подозрением относился к политикам, политическим партиям, партийным платформам и неизменно держался на расстоянии от любой политической группировки.

Ближайшими гражданскими советниками Деникина стали в основном деятели Партии конституционных демократов. Многие из них, как К. Н. Соколов и В. А. Степанов, пережив революцию, утратили былой либерализм. Гораздо хуже складывалась ситуация в провинции, где реакционно настроенные офицеры ставили своих людей. Армия остро нуждалась в администраторах, а военные явно не годились для таких обязанностей. Как правило, белые обращались за помощью к бывшим царским чиновникам. В этих обстоятельствах крестьяне с недоверием относились к успокоительному тону деникинских воззваний. Они видели, что вернулись с помощью Добровольческой армии изгнанные революцией на свои места и продолжали действовать в том же духе, как и до отречения царя.

Руководители Белого движения упорно внушали, что армия вне политики, над классами, не борется за узкоклассовые интересы. Первое утверждение абсурдно, само участие в Гражданской войне было политическим действием. Настолько же

абсурдно было и второе. Заявленный нейтралитет армии на деле склонялся на сторону богатых и могущественных, даже если некоторые, руководители, как Деникин, не осознавали этого. Крестьян более всего волновала земельная реформа. Не требовалось большого политического чутья понять, что позиция крестьян во внутреннем конфликте в значительной мере определит решение этого вопроса. Белые, ожидая скорого падения большевистского правительства, надеялись, что смогут выждать и избежать разногласий. По мере продолжения борьбы, Деникин начал понимать необходимость определиться в этом вопросе. Отношение к земельному вопросу нагляднее всего показывает политическую несостоятельность генералов. Месяцы тратились на бесплодные заседания комитетов. Генерал Врангель утвердил первый и крайне консервативный закон о земельной реформе лишь летом 1920 года, но это было уже слишком поздно.

Рабочие получили от белых еще меньше крестьян. Добровольческая армия преследовала автономные рабочие организации и проводила экономическую политику, от которой городская беднота сильно страдала. Комиссия по составлению трудового законодательства составила проект, неприемлемый для рабочих, который не нес особых изменений в жизнь предприятий.

На вопрос, за что они сражаются, белые вожди отвечали: за Россию. Все их публичные заявления полны обесцененными чувствами патриотизма и национализма. То, что национализм стал краеугольным камнем белой программы, не удивляет. Военные гордились своим патриотизмом, а годы сражений с опасным внешним врагом еще более возвысили эти эмоции. Однако важнее то, что они инстинктивно склонялись к национализму, поскольку не имели иного объединяющего момента. Логически не было особого смысла говорить, что они сражаются «за Россию», так как и большевики, с их точки зрения, тоже сражались за нее. Белые полагали, что Россия может существовать только на основе определенных социальных и политических принципов, согласующихся с её историей. Следовательно, те, кто хочет радикально изменить социальный и политический строй, были против России. Так национализм и консерватизм подкрепляли друг друга. То, что большевики гордо представляли себя интернационалистами, облегчало белым задачу выставить себя единственными подлинными националистами.

Национализм, однако, оказался идеологией мешавшей победе в Гражданской войне. Крестьяне остались глухи к патриотическим призывам. Генералы с неудовольствием видели, что большая часть народа думала больше о достижимых целях, таких как земля, чем о будущих государственных границах. Немногих интересовал вопрос, останутся ли бывшие национальные меньшинства империи в составе русского государства. Только сторонники Белого дела, воодушевлялись националистическими лозунгами, и иные заявления пропускали мимо ушей.

Литература

Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2002.

Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М., 2009.

Кенез П. Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918. М., 2007.

Jones D. R. The Officers and the October Revolution // Soviet Studies, 1976. № 2. 28.

Kenez P.: Civil War in South Russia, 1918: The First Year of the Volunteer Army. Washington, 2004; Civil War in South Russia, 1919–1920: The Defeat of the Whites. Berkeley and London, 1977.

Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987.

Mayzel M. Generals and Revolutionaries: The Russian General Staff During the Revolution. Osnabruck, 1979.

Wildman A. The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March-April, 1917). Princeton, 1980.

(Статья основана на опубликованном исследовании: *Soviet Studies*, 1980. № 1 (32). © 1980, University of Glasgow Press. Все права сохраняются).

Промышленники и революция

ПИТЕР ГЭТРЕЛЛ

О деловой элите в революционной России известно гораздо меньше, чем об организованном рабочем классе. Этот дисбаланс нельзя устранить, обращаясь только к настроениям, действиям и организациям деловых людей. Хотя важно получить больше информации по этим вопросам, их надо соотнести с изменяющимся экономическим и политическим контекстом, в котором промышленники действовали¹. Необходимо детальное изучение отдельных отраслей промышленности, вполне обычное для германской, французской, британской и американской историографии, которое позволит историкам сравнить экономическое могущество, политическое влияние и социальный статус российских предпринимателей и их братьев по классу в других странах.

Довоенные десятилетия

В последней четверти XIX века промышленность во всей Европе терпела трудности из-за зарубежного торгового соперничества и, позднее, из-за ограничений на доступность кредита. В Германии ответом на экономические затруднения стала промышленная реорганизация (слияние и картелизация) при поддержке могущественных акционерных банков и с благословения правительства. Некоторые из наиболее динамично развивавшихся национальных экономик — и здесь Германия вновь в числе лидеров — преуспели в использовании новаторских технологий для создания новых секторов индустрии, таких как химическая промышленность и электроинженерия. Покровительственные тарифы во Франции и Германии защищали традиционное производство железа и стали от худших последствий иностранной конкуренции. В России быстрый промышленный рост после 1885 года был связан с макроэкономической политикой, которая должна была содействовать непосредственному вложению зарубежного капитала в основные отрасли промышленности, включая металлургическую, угольную и нефтяную. Росло число акционерных обществ. Восстановление коммерческого доверия в Европе после 1900 года стимулировалось новым появлением внутреннего и внешнего спроса на промышленные изделия. Развитие российской тяжелой промышленности шло медленнее, чем в Западной Европе. Оно сильно зависело от традиционных орудий царской индустриализации: правительственных контрактов, протекционных та-

¹ Численно деловая элита была очень невелика. В 1910–1912 годах, по данным историка И. Ф. Гиндина, — не более 200 тыс. человек, включая членов семьи. Они возглавляли 3,5 тыс. крупных промышленных предприятий, где на каждом трудились более 200 рабочих, и 10 тыс. больших оптовых фирм. Через общий директорский корпус промышленники были тесно связаны с ведущими российскими финансистами. Более 22 тыс. предприятий имели от 16 до 20 рабочих. (Примеч. автора).

рифов и финансирования из-за рубежа, хотя возрастала и роль отечественных банков. Компании реорганизовывались и укрепляли свое положение, образуя синдикаты; новые конгломераты в стальной промышленности и инженерии занимали на рынке такие же позиции, как и их эквиваленты в Германии.

Эти экономические преобразования вызывали в стране отчаянные протесты тех, кто чувствовал угрозу себе со стороны большого бизнеса и финансовых структур. В Германии средние производители пытались, не без некоторого успеха, мобилизовать потребителей, лавочников и «белых воротничков». В России протест против монополии маскировался социальной и политической борьбой, но и здесь железные и стальные синдикаты обвиняли в экономической эксплуатации потребителей. Эти процессы вскрывали разногласия среди европейских предпринимателей: между поставщиками сырья и производителями полуфабрикатов или готовой продукции, между компаниями, ориентированными на экспорт и работавшими в первую очередь на внутренний рынок, равно как между крупными и более мелкими фирмами. Внутрипромышленное расслоение сохранялось в течение всего периода. В Германии, где, по словам Джеффа Эли и Дэвида Блэкборна, «буржуазия действовала на более широкой, национальной политической сцене, вполне реальные отраслевые, региональные и религиозные противоречия стали очевидны и все более усиливались». То, что Тим Макдэниелс характеризовал как «врожденная слабость» делового сообщества, в Российской империи усложнялось внутренней раздробленностью. Отчасти это связано с её необъятными просторами и разнородностью составных частей. Как показали Альфред Рибер и Томас Оуэн, старшее поколение московской купеческой элиты чувствовало себя как рыба в воде в иерархическом сословном мире, тогда как новые люди, руководившие в Петербурге развитием тяжелой промышленности, держались более космополитических и современных взглядов на социальную организацию и экономические амбиции. Этот раскол усложнялся отказом более молодых московских предпринимателей как от политической скованности старших, так и от связи с правительством, которую поддерживала растущая в столице олигархия. Совет съездов представителей промышленности и торговли, образованный в 1906 году и представлявший к 1914 году 251 фирму, 34 банка и страховые компании, 11 транспортных компаний и 19 торговых домов, так и не смог преодолеть эти противоречия.

Региональные и этнические различия существовали не только в России: сходство с контрастом между семейными фирмами Москвы и корпоративными предприятиями, базировавшимися в Петербурге, можно усмотреть во Франции и Германии. В Великобритании историки также много писали о различиях между городскими «джентльменами» и «игроками» бизнеса, не говоря уже об особом мире, в котором жили еврейские и квакерские финансисты и промышленники. Однако общие интересы и устремления позволяли промышленникам преодолеть различия статуса, этнической принадлежности и отраслевой деятельности. Иначе обстояло дело в России, где эти различия препятствовали формированию общей буржуазно-индустриальной культуры. Мы ещё вернемся к вопросу, могло ли это недоверие и соперничество иметь значение в долгосрочном плане для жизнеспособности частного предприятия в России или подорвать его способность к объединению перед лицом вызова её легитимности. Однако нельзя объяснить конечный крах корпоративного предпринимательства в России только фактом раздробленности бизнеса.

К 1900 году широкая культурная и идеологическая гегемония европейской буржуазии казалась обеспечена. И снова случай с Россией представлял исключение, так как процесс индустриализации шёл рука об руку с государственным надзором и вмешательством, препятствуя установлению буржуазной этики. Макдэниелс утверждает, что при «самодержавной модернизации» появлялись противоречия, присущие процессу развития капиталистической индустриализации при нероформированном государственном устройстве. Корпоративному капитализму царской России недоставало легитимности. Промышленники-«выскочки» подвергались нападкам со стороны знати, культурной интеллигенции и профессионалов. Индустриализация, поддерживаемая государством, сопровождалась бюрократическими подозрениями, что правительственные контрагенты и финансисты лишь набивают свои карманы народными деньгами. Олигархия постоянно утверждала, что заслуживает долгосрочной финансовой поддержки и общественного доверия. Российские промышленные тузы не могли похвалиться тесными связями, подобно тем, какие поддерживал «Центральфербанд дочер Индустриэллен» с германской бюрократией, или «Комитэ де Форж» — с правительством Франции. Обе ассоциации помогали складыванию социального и коммерческого законодательства. Хотя отдельные фирмы в России пользовались правительственной поддержкой (некоторые директора ведущих компаний сами занимали правительственные посты), царское государство было способно подорвать частный сектор, угрожая передать контракты правительственным предприятиям, урезая субсидии и тарифы, ограничивая деятельность национальных меньшинств (особенно евреев) или просто распространяя слухи о жадности частников, об их пренебрежении интересами рабочих. Наибольшее, на что могли надеяться русские промышленники, так это на готовность государства обуздать рабочее движение. Российские предприниматели и финансисты не установили существенных связей и с аристократией, в отличие от ситуации в Западной Европе, где обе группы (особенно во Франции и Великобритании) посещали одни и те же клубы, жили поблизости друг от друга и заключали браки между членами своих семей (это опять же больше касается финансовой, чем производственной элиты). Для семьи представителя русской помещичьей знати тесные связи с промышленником или банкиром считались постыдными или даже скандальными.

Однако не только русские промышленники не ощущали небезопасности своего политического влияния и социального положения. В начале XX века для европейские промышленники еще не привыкли занимать правительственные посты. С 1870 по 1914 годы представительство предпринимателей в парламентах Великобритании, Франции и Германии убывало. Растущее значение производства и финансов не проявлялось в усилении представительства их интересов в парламенте. Оно ограничивалось осторожным политическим лоббированием. Более тревожным симптомом изменения политических условий был рост рабочего движения в форме организованных профсоюзов и социалистических политических партий. В Германии большой бизнес полагался на то, что несоциалистические партии смогут ограничить воздействие парламентского социализма, а правительственные социальные реформы — уменьшить роль тред-юнионизма. Ведущие фирмы поддерживали «желтые» или несоциалистические профсоюзы. Но даже в таких условиях немецкому большому бизнесу не всегда легко дышалось. Крупные корпорации, наряду с рабочим движением, подвергались нападкам со стороны «среднего сословия» (*Mittelstand*) и со стороны все более недовольной ими земельной элиты.

В России политический паралич промышленной элиты был в значительной мере обусловлен внутренне, антипредпринимательская культура, о которой говорилось выше, не имела к тому прямого отношения. Крупнейшие предприниматели (как и дворянство и профессиональный средний класс) расходились между собой в плане отношения к самодержавию. Попытки образования предпринимательских партий провалились, и промышленники, многие из которых в 1905 году заняли либеральные позиции, отвергли парламентаризм, когда стало ясно, что имеют весьма ограниченную поддержку избирателей. Вместо этого промышленники связали надежды с продолжением прошлой практики, то есть с лоббированием в царском правительстве по отдельным вопросам, таким как покровительственные тарифы или реформа законодательства по компаниям (Совет съездов представителей промышленности и торговли образовали именно для проведения этой стратегии). Однако, в отличие от предпринимателей и банкиров Рейнской области, которые стались политически пассивны после Революции 1848 года, получив гарантии экономической и юридической свободы, русские промышленники отошли от либеральной политики без каких-либо посулов или уступок со стороны царского режима. Остался лишь глубокий страх перед новой революцией, которая может выпустить на свободу более могущественные антикапиталистические силы российского общества.

Либерально настроенные промышленники реагировали на Революцию 1905–1906 годов несколько иначе, чем глупой верой в способность царского правительства подавить рабочий класс. Однако они были в меньшинстве, отстаивая реформы в области труда и благосостояния, которым сопротивлялось большинство работодателей. В самых динамичных отраслях промышленности, в частности, в инженерии, промышленники вводили более передовые технологии организации труда, надеясь, что рабочие оценят связь между ростом производительности труда и увеличением личного вознаграждения. Однако эта стратегия в общем нетипична для российской промышленности, где старая доктрина «хозяина в доме» пока имела значительное влияние.

Промышленники и война

В России, как и в Германии и Франции, большой бизнес в Первую мировую войну приобрел немалые политические дивиденды, получив, в частности, доступ в правительственные учреждения, ответственные за регулирование военной экономики. Государство брало на себя риск строительства новых заводов для производства военной продукции и создания совершенно новых отраслей, позволяя при этом частному сектору получить значительную прибыль. Вступая в финансируемые правительством комитеты или общества, предприниматели получали контракты, вложения и информацию. Во Франции могущественный «Комитэ де Форж» единолично организовал поставку военных материалов и фактически имел карт-бланш на установление цены на конечный продукт. В Германии, как показал Юрген Кока, «переговоры и компромиссы между директорами различных предприятий, с одной стороны, и между ними и государственными представителями с другой, заменили собой регулирующие функции капиталистического рынка в невиданной ранее степени». Однако отношения между бизнесом и государством складывались непросто, особенно когда правительственные и военные чиновники пытались проводить планы более обширного государственного контроля.

Начало войны открыло новые возможности для русской тяжелой промышленности. Ведущие правительственные контрагенты поспешно заключали новые контракты на поставки военных припасов. Другие частные фирмы, ранее занятые в гражданском секторе, также занялись производством военной продукции. Основная ответственность лежала на металлургических и машиностроительных компаниях Петрограда и Северо-Западного региона. Однако критическая ситуация с поставкой военных припасов заставила правительство приступить к расширению производственной базы, а также увеличить свой аппарат контроля над производством и распределением. В связи с притоком заказов в 1915 году некоторые правительственные чиновники высказывали опасения, что многие крупные фирмы, поглотив большие суммы денег, не предприняли заметных усилий для улучшения производительности. Крупные предприниматели жаловались на новые планы расширения государственной собственности, на проекты принудительного укрупнения, на непомерный налог на прибыль. Страницы промышленной прессы были полны душещипательных передовиц и прочувствованных обличений министерских махинаций. Трудно сказать, насколько редакторские статьи отражали подлинные заботы предпринимателей, не были ли просто дымовой завесой, за которой скрывалась доходность большого бизнеса в военное время. Ответ на вопрос можно дать лишь, рассмотрев поведение и политику предпринимателей в различных отраслях экономики. Представители инженерной отрасли, например, критиковали предложения государственным предприятиям наладить производство новых товаров (таких, как механические инструменты) для послевоенного рынка. Общество инженеров-предпринимателей, основанное в 1916 году, в ответ на план конфискации гигантского Путиловского завода в течение 1916 года вело кампанию против повышения налога на прибыль, утверждая, что прибыль возвращается на предприятие для финансирования приобретения нового капитала. Эти усилия имели лишь ограниченный успех. В то же время регулирование жизненно важной железоделательной и сталелитейной отрасли позволило ведущему синдикату «Продамет» влиять на размещение заказов и играть ведущую роль в переговорах о ценах на продукт. Производители стали также могли позволить себе спокойнее думать о будущем, так как их производство легко можно было перевести на мирные рельсы.

В конце лета 1915 года правительство учредило Особое совещание по обороне государства. Крупные русские промышленники потеряли право участвовать в его заседаниях. Они жаловались, что, хотя в новый орган входят многие достойные лица, очень немногие из них промышленники, ещё меньше из них представляют крупнейшие предприятия, работающие на оборону. Критические стрелы были нацелены на членов новых военно-промышленных комитетов (ВПК), среди которых было много средних и мелких производителей, добивавшихся своей доли выгодных правительственных контрактов. Однако гнев был излишним. Крупнейших предпринимателей в 1916 году регулярно приглашали участвовать в заседаниях. Недостаток формального представительства для большого бизнеса не заглушал его голос и не лишал экономического могущества, равно как и права, предоставленные ВПК, не давали привилегий в промышленном производстве, где их роль была маргинальной.

Однако перемены в экономическом управлении обнаружили другие язвы. ВПК утверждали, что ни государство, ни большой бизнес не имеют достаточного по-

нения о масштабе и типе промышленной мобилизации, необходимость которой вызвана войной. Раздавались жалобы, что директора крупнейших инженерных и металлургических обществ слишком сблизились с правительственными чиновниками. ВПК надеялись взломать эти тёплые взаимоотношения. Они быстро образовались в провинциальных городах и не просто посвятили себя производству амуниции и боеприпасов для армии, но стали также отстаивать принцип морально более высокой формы предприятия, которая не исчезнет после войны. Политическое значение такой конфигурации промышленной мобилизации было огромно, так как ВПК отвергли аполитичную позицию Совет съездов представителей промышленности и торговли и, подобно партии прогрессистов, с которой были связаны, поставили под вопрос форму регулирования военной экономики правительством, которой не хватало отчетности перед обществом. Как подметил Рибер, ВПК также открыли простор великорусскому шовинизму, характерному для московского купечества. Ни один русский патриот не мог не ощутить необходимости политических перемен.

Другим значительным следствием европейской войны была необходимость национальным правительствам переосмыслить своё отношение к организованному труду. «Тотальная война» требовала, чтобы серьезное внимание было уделено вознаграждению, которое можно предложить труду в обмен на сотрудничество в работе эффективной военной экономики. Этой переоценке способствовала готовность большинства рабочих лидеров занять в начале войны патриотические позиции и говорить о капитале в менее враждебных тонах, чем ранее. Во Франции, Великобритании и Германии предприниматели пошли на значительные уступки. Французское правительство содействовало выработке новой политики в производственных отношениях, ввело для предпринимателей и рабочих принудительный арбитраж (в январе 1917 года) и оговорило минимум заработной платы во французской промышленности. В Германии с самого начала советовались с профсоюзами, они участвовали в принятии ключевых решений по вопросам трудовой политики. Соглашение между рабочими и предпринимателями оформили в соответствии с «Вспомогательным законом о службе». Биржи труда и рабочие комитеты легализовали в обмен на согласие рабочих на ограничение профессиональной мобильности. В ноябре 1918 года немецкие предприниматели согласились, наконец, на заключение коллективных договоров и введение 8-часового рабочего дня. Война, таким образом, заставила поставить в повестку дня легитимность рабочих организаций.

Вопрос о рабочем представительстве оказался особенно взрывоопасным в России. Александр Гучков, председатель Центрального Военно-промышленного комитета, промышленник, который всё больше разочаровывался в парламентской политике, выдвинул доктрину «социального мира» и выступил за сближение, в английском духе, между трудом и капиталом. В схожем ключе его заместитель Александр Коновалов утверждал, что организованный рабочий класс «представляет собой элемент, от которого зависит конечная победа над врагом». Согласно этой точке зрения, капитал должен сотрудничать с трудом в современной экономической жизни. Неудивительно, что правительство отвергло такой радикальный взгляд на производственные отношения, официальной линии придерживались и ведущие промышленники. Общество инженеров-предпринимателей было основным источником оппозиции против «рабочих групп» и примирительных начал. Его члены отстаивали более технократический взгляд на

рабочий класс как на производителя, а не участника динамичного партнерства в промышленности. Однако многие либеральные предприниматели благожелательно воспринимали радикальный взгляд Коновалова на отношения в промышленности.

Промышленники и революция

Падение царского режима в феврале 1917 года вывало мощное движение рабочего класса за улучшение условий и повышение оплаты труда и право контролировать решения, принимаемые предпринимателями. По словам Рибера, революция «смела их оборонительные позиции против рабочего класса, и они не были способны отстроить их в одиночку». Большинство обществ промышленников слабо влияло на их членов, не говоря о правительстве. «Владельцы фабрик организованы слабо, — жаловался встревоженный предприниматель, — по сравнению с отменно организованными рабочими». Новая расстановка политических сил побудила прогрессивных членов петроградской олигархии выдвинуть идею классового сотрудничества. Петроградское общество заводчиков и фабрикантов (ПОЗФ) заявило, что «свободные граждане-предприниматели и свободные граждане-рабочие могут найти общий язык». Под давлением Коновалова, занявшего пост министра торговли и промышленности, ПОЗФ отошло от прежней бескомпромиссной позиции и сделало уступки по вопросам повышения заработной платы и сокращения рабочего дня, оговорив при этом, что новые требования повышения зарплаты могут рассматриваться только в случае, если правительство окажет финансовую поддержку. Коновалов смог также добиться согласия промышленников на участие в арбитражных и примирительных процедурах. Однако эти договоренности не могли удержаться в условиях углубляющегося экономического кризиса: «общий язык» гражданства быстро уступил место риторике классового конфликта.

Уступки, сделанные в Петрограде (этому же примеру последовали производители железа и стали на Юге России), не помогли преодолеть раскол среди русских промышленников. Те, кто стояли за образованием Всероссийского союза торговли и промышленности, оспаривали руководство деловым сообществом у Совета съездов представителей промышленности и торговли, где тон задавали петроградцы и которую видный московский промышленник и банкир П. П. Рябушинский называл «промышленной бюрократией». В новый орган вошли многочисленные биржевые комитеты и купеческие ассоциации, которые предполагалось организовать в общенациональный союз, аналогичный всероссийским союзам, образованным другими профессиональными группами и рабочими. Рябушинский осуждал зависимость России от иностранного капитала и призывал к созданию сильного правительства, свободного от влияния «советов и комитетов». Однако Рябушинский дистанцировался от заговора генерала Корнилова, тогда как члены петроградской олигархии финансировали Корнилова в надежде, что он сможет воссоздать блок деловых кругов с правительством на твердой антисоциалистической основе.

Вопрос о стратегии промышленных кругов и о будущей форме промышленной организации также вызвал ожесточенное соперничество между различны-

ми фирмами внутри одной и той же отрасли промышленности. Общество инженеров предпринимателей всеми силами старалось хоть как-то сохранить единство среди своих членов, но навалившиеся проблемы финансовой неплательеспособности, упадка производства, перебоев в снабжении и усиления рабочего движения породили ментальность в духе «спасайся, кто может». Руководство этого Общества выступало за рационализацию производства; учитывая нехватку сырья и топлива, работу надо было организовать так, чтобы обеспечить полную занятость меньшего числа фирм. Однако оно настаивало, чтобы любое слияние предприятий выполнялось под его контролем. Оно решительно возражало против предложений принудительного слияния, которое, как и контроль над ценами, воспринималось как «государственно-социалистический» проект ограничения коммерческой свободы в послевоенный период; такая тенденция в экономической политике правительства казалась настораживающей.

Нарастание рабочего движения заставило предпринимателей потребовать у правительства как «моральной», так и финансовой поддержки. Министров просили указать рабочим, что если они не откажутся от чрезмерных требований, производство будет дезорганизовано. Промышленники осуждали вожakov рабочих за то, что ставят под угрозу саму основу частного предпринимательства, выставляя неприемлемые требования доступа к документации компаний; такие требования, утверждали они, не обоснованы законом, они приведут к полному расстройству жизни предприятий. На кон поставили сам принцип частного предпринимательства. Особый Совет выступил в их поддержку, требуя «исключительных мер» против рабочих, присутствие которых вредит делу оборонного производства. Однако Временное правительство не поддавалось давлению — мало ли оно уже сделало, попытавшись в августе свернуть фабрично-заводские комитеты? — и переложило ответственность за поддержание производства на предпринимателей.

К концу сентября Общество инженеров предпринимателей заняло более примирительную позицию, решив «всеми возможными средствами способствовать созданию благоприятных взаимоотношений между предпринимателями, рабочими и служащими» и предпринять шаги для «устранения любых недоразумений, которые возникают вокруг соглашения между предпринимателями и рабочими». Такие фразы могли вызвать доверие полугодием ранее, но теперь предложения, сопровождавшие их, выглядели жалкими: участие в арбитражных судах, образование фондов для помощи рабочим, страдающим заболеваниями, создание биржи труда в инженерной промышленности. Повторение осенью 1917 года идей, распространенных среди либеральных предпринимателей с начала столетия, и надежда, что их благоприятно воспримут воинственно настроенные рабочие, показывает, как глубоко предприниматели до этого прятали свои головы в песок. Отдельные предприниматели предлагали драконовские меры для борьбы с финансовым и политическим кризисом, в ряде случаев предполагая уволить от трети до половины рабочих, занятых на предприятии. На Николаевской верфи рабочие арестовали управляющих; на многих других предприятиях управляющие подверглись физическому насилию. Временное правительство закончило существование среди развала законности и порядка на отдельных предприятиях и на фоне разобщенности предпринимателей.

Промышленники и советское государство

Способность промышленников хоть что-то спасти от полного разорения отчасти зависела от создания некоего *modus vivendi* (латин. – способ существования) с новым советским государством. Предприниматели вновь оказались разделены. Некоторые чувствовали, что новый режим, хотя и недружественно настроенный к капиталистам-собственникам, может, тем не менее, установить дисциплину на предприятиях. Некоторые прагматично мыслящие предприниматели согласились работать вместе с новым Высшим Советом Народного Хозяйства (ВСНХ); другие были настроены скептически. В январе 1918 года Общество инженеров предпринимателей выдвинуло мысль, что идея рабочего контроля приемлема, но, разумеется, лишь при условии, что контроль не дойдёт до вмешательства в организацию производства. Однако действия рабочих свели на нет эту стратегию.

Некоторые крупные промышленники высказывали намерение сотрудничать с новым государством. Предостерегая, что революция вызовет бегство капитала, А. П. Мещерский вступил в переговоры с ВСНХ; так же поступили руководители влиятельного Концерна И. Стахеева. Член президиума ВСНХ Ю. Ларин сначала пытался ободрить предпринимателей, поддержав призывы к гарантированным долгосрочным правительственным заказам и проводя взгляд, что «рабочий контроль» должен иметь лишь «информационные» функции: «организация предпринимателей и организация рабочих», говорил он, «это — две стороны одной монеты, они обе находятся под общим контролем государства». Возможно, в этом был ключ к разрешению предпринимательской дилеммы: сильная центральная власть могла обеспечить финансовую стабильность, трудовую дисциплину, безопасность прибыли, другими словами, создать условия, которых предприниматели добивались от Временного правительства. Однако Мещерский не смог поладить с сильным профсоюзом рабочих-металлистов и влиятельными кругами партии большевиков, и его прежние коллеги из числа предпринимательской элиты отступились от него.

Частные предприятия тяжелой промышленности перешли в руки государства в первой половине 1918 года; акционерные банки национализированы еще в октябре 1917 года. Слухи о всеобщей национализации дошли до главных штабов предпринимательских ассоциаций. Немногие деловые люди оказались равны в упорстве Мещерскому, пытаясь сохранить долю контроля над рычагами экономической власти. Некоторые остались на русской земле и оказывали поддержку антибольшевистским группам-однодневкам, которые существовали до конца 1918 года. Большая часть промышленной и финансовой элиты эмигрировала. Эмигранты создавали организации, целью которых было «экономическое возрождение России», но без своих потерянных капиталов и без достаточных связей в зарубежных правительственных структурах они не могли добиться в своей деятельности успеха.

Заключение

Некоторые черты российской промышленности и российских промышленников имели сходства в Германии и Франции. Горстка крупных фирм контролирова-

ла производство стратегически важных продуктов и находилась в тесной деловой связи с правительством. Однако большинство отраслей промышленности в мирное время не было непосредственно связано с государством. Во всех этих странах среди промышленников существовал широкий спектр мнений и настроений, отражавший культурные и географические вариации, равно как и отраслевые различия. В России эти различия, возможно, были глубже, хотя Хейко Хауман полагает, что традиционный контраст между экономической активностью московских и петроградских предпринимателей сгладился, когда текстильные магнаты начали вовлекаться в другие виды промышленной деятельности. Существенные различия между Россией и Западной Европой были следствием более глубокого государственного вмешательства в процесс индустриализации и стойкость бюрократической и общественной культуры, с подозрением относившейся к корпоративному частному предпринимательству. Из-за этого большой бизнес лишался контроля за руководством экономической мобилизацией, как это было во Франции. Крупные фирмы, в отличие от средних производителей, существенно влияли на оборонное производство. Однако политические претензии последних, выраженные в форме ВПК, подкрепляли общественную антипатию к большому бизнесу, которая ни в какой другой стране не доходила до такой степени. ВПК представляли собой также вызов правительственному руководству ведением войны. В конце 1916 года Рябушинский и его последователи призывали к свержению старого режима. Народная враждебность к большому бизнесу и царской власти усугублялась вследствие провала попыток выработать такую стратегию промышленной мобилизации, в которую было бы органично включено организованное рабочее движение. Такая стратегия в Германии и Франции была выработана. В России правительственные бюрократы и промышленная олигархия оказались недостаточно дальновидны.

После Февральской революции большой бизнес предпринял попытку достичь соглашения с рабочим движением, но оно было сорвано углубляющимся экономическим кризисом. Предприниматели стали жертвами гнева рабочих. Некоторые предприниматели попытались договориться с правительством, однако Временное правительство выступало за усиление государственного регулирования, а не отказ от него, как в Германии. Большой бизнес воспротивился этой линии. В конечном счете, отношения между промышленниками и рабочими обострились до крайности, первые хотели сохранить экономическую власть капитала и достичь идеологической гегемонии, последние стремились экспроприировать частные капиталы и другие формы собственности на том основании, что частное предпринимательство лишилось всякой легитимности. К осени этот конфликт разросся до государственного уровня.

Некоторые важные проблемы истории российских промышленников в 1917 году остаются непроясненными. Можно выделить две. Всё ещё очень мало известно о личных судьбах крупнейших деловых людей России. К началу XX века западноевропейские финансисты и (в меньшей степени) промышленники владели огромными состояниями, превзойдя крупных землевладельцев. Как складывалась в этом плане ситуация в России и как русская деловая элита распоряжалась своим состоянием?

Второе: историки особое внимание уделяли конфликту труда с капиталом. При этом в тени оставалось взаимодействие между промышленниками, финансистами и техническими специалистами. Предпринимателю в сфере промышленности приходилось иметь дело с управляющими, учеными и инженерами, бухгалтерами

компаний и юристами, у которых имелась профессиональная подготовка и которые заявляли права на участие в предпринимательской стратегии. Как относилась к этому деловая элита? Осознавали ли предприниматели свою потенциальную уязвимость перед этими конкурирующими силами?

Литература

- Ананьин Б. В. Банкирские дома в России 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991.
- Берлин П. А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922.
- Боханов А. Н.: Крупная буржуазия России. Конец XIX–1914 г. М., 1992; Деловая элита России 1914 г. М., 1994.
- Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964.
- Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1961. № 2–3.
- Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны, 1914–1917. Л., 1967.
- Лаврычев В. Я.: Государство и монополии в дореволюционной России. М., 1982; По ту сторону баррикад: из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967; Крупная буржуазия в пореформенной России М., 1987.
- Российские предприниматели в начале XX в. По материалам Торгово-промышленного и финансового союза в Париже: Публикация документов. М., 2004.
- Шепелёв Л. Е.: Акционерные компании в России. Л., 1973; Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.
- Eley G., Blackbourn D. The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and Politics in Nineteenth Century Germany. Oxford, 1984.
- Feldman G. D. Army, Industry and Labor in Germany, 1914–1918. Princeton, 1966.
- The French Home Front, 1914–1918 / Ed. by P. Fridenson. Providence, 1992.
- Galili Z. Commercial-Industrial Circles in Revolution: The Failure of “Industrial Progressivism” // Ed. by E. R. Frankel et al. Revolution in Russia: Reassessment of 1917. Cambridge, 1992.
- Haumann H. Kapitalismus im zaristischen Staat, 1900–1917. Königstein, 1980.
- Kocka J. Facing Total War: German Society, 1914–1918. Leamington Spa, 1984.
- McDaniel T. Autocracy, Capitalism and Revolution in Russia. Berkeley, 1988.
- Owen T. C. Impediments to a Bourgeois Consciousness in Russia, 1880–1905: Estate Structure, Ethnic Diversity, and Economic Regionalism // Ed. by Clowes et al. Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, 1991.
- Rieber A. J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982.

- Roosa R. A.* Russian Industrialists during World War I // Ed. by G. Guroff and F. V. Carstensen. Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union. Princeton, 1983.
- Rosenberg W. G.* Social Mediation and State Constructions in Revolutionary Russia // Social History, 1994, № 19.
- Siegelbaum L. H.* The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–1917: A Study of the War-Industries Committees. London, 1983.

| Рабочие |

СЕРГЕЙ ЯРОВ

Рабочие стали одним из политических символов Русской революции. Многие историки признают их главной силой обоих переворотов 1917 года — антимонархического и большевистского, но не могут игнорировать политические разногласия в среде рабочих, слабость их профессиональных связей, аморфность рядов, безразличие значительной массы пролетариев к революционным новшествам.

Данные о численности и составе рабочих в 1917–1921 годах недостаточно полны. Нужно принять во внимание неизбежную фрагментарность статистических исследований в эпоху российской междоусобицы 1918–1920-х годов, неточность подсчетов и их несопоставимость. Переписи (особенно профессиональная 1918 г. и промышленная 1920 г.) основаны на различных методиках и часто не затрагивают тех сюжетов, которые интересовали статистиков в предшествующие и последующие годы. Историки считают дискуссионными (и в силу этого условными) едва ли не все «итоговые» цифры, отмечающие динамику и профессиональное расслоение российских рабочих первых послереволюционных лет. Споры, которые вели по этому поводу Б. А. Гухман, Е. Г. Гимпельсон, Л. С. Гапоненко, П. В. Волобуев, А. Г. Рашин, В. З. Дробижев, А. К. Соколов и др., не закончены.

В 1917 году численность рабочих России составляла 4,2–4,4 млн. человек. В 1918 году она снизилась до 2,5 млн. и в 1919-м — до 1,4 млн. человек. Столь резкое сокращение объясняется действием ряда факторов: среди них военно-промышленная конверсия, сырьевой и топливный кризис, призыв рабочих на фронт, их бегство из голодающих городов в деревню. В 1920 году численность рабочих чуть возросла — до 1,5 млн. человек, но едва ли этот феномен можно считать зеркалом экономической стабилизации, поскольку преимущественно сказались принудительные трудовые мобилизации крестьян и солдат и прикрепление рабочих к предприятиям. В 1921 году милитаризация труда постепенно устранялась, и отказ от нее, совпав по времени с «концентрацией» (сокращением) промышленности, обусловил снижение численности рабочих до 1,3 млн. человек.

В различных регионах процесс «вымывания» рабочих из промышленности протекал неодинаково. Для России было характерно сосредоточение основной массы пролетариев в центре страны и в крупнейших городах — Москве и Петрограде. Из учтенных переписью 1918 года 1 252 468 рабочих 34 губерний свыше 900 тыс. человек насчитывалось во Владимирской, Иваново-Вознесенской, Московской, Тверской, Ярославской, Тульской губерниях и в обеих столицах.

Здесь, собственно, и обозначились довольно ярко черты промышленной разрухи эпохи военного коммунизма. Но проявились они своеобразно, и производственный коллапс тех лет едва ли можно представить однозначным и последовательным в своем развитии. В центре страны, наряду с массовым закрытием текстильных фабрик, в металлообрабатывающей промышленности число занятых почти не изменилось, а на военных заводах даже возросло. В промышленных гу-

берниях России в 1918–1920 годах численность рабочих уменьшилась, но в непромышленных — выросла.

Изменения в составе рабочих во многом зависели от особенностей их профессиональной стратификации. Металлисты и текстильщики — те, кто быстрее прочих лишился работы, — заметно преобладали численно над представителями других специальностей. К наиболее крупным производственным группам можно отнести также рабочих пищевой, химической и полиграфической промышленности. Большинство сельскохозяйственных рабочих в 1917–1922 годах превратились в крестьян, но многие продолжали трудиться в советских хозяйствах (совхозах): в 1920 году — 145 тыс. человек. К полукрестьянам относилась и значительная часть железнодорожников, прежде всего рабочих службы пути — самой многочисленной группы занятых на железных дорогах.

Анализ крестьянского и некрестьянского в рабочей среде уже давно является источником дискуссий о сущностных чертах российского пролетария XIX — начала XX века. Эта проблема зачастую рассматривалась не без политической пристрастности: постулат об отсталости рабочего класса мало согласовывался с признанием его «ведущей роли» в революциях. Оценка российского пролетария как «крестьянина-рабочего», если пользоваться термином американского историка Т. фон Лауэ, все же нуждается в многочисленных оговорках, сумма которых способна не столько поколебать чашу весов в пользу той или иной точки зрения, сколько еще раз отметить сложность этой проблемы. Мнение о незавершенности процесса формирования класса российских рабочих (об этом в разное время писали Н. Суханов, С. Тюрин, Д. Кларксон, Г. Шукман, К.-Г. Руффман и др.) подтверждается разработками как земских, так и советских статистиков. Однако объективный разбор методик их подсчетов предпринимался редко. «Нельзя смешивать два понятия: связь рабочих с деревней и связь рабочих с крестьянским хозяйством», — подчеркивали В. З. Дробижев и А. К. Соколов, но перепись 1918 года все же различает эти два явления. Если «свою землю» или «землю своей семьи» (по формулировке вопросника) имели 317 226 рабочих из 1 142 264 опрошенных, то хозяйство в деревне вели сами или с помощью своих семей 225 834. Представить динамику этого процесса за годы войны трудно — соответствующие данные отсутствуют в переписи 1920 года. Но и приведенные цифры не получили однозначного толкования. Некоторые историки отчасти справедливо считали их завышенными, другие полагали, что и в этом виде они свидетельствовали о «кадровой», по выражению Е. Г. Гимпельсона, промышленной основе российских рабочих.

В целом число рабочих, связанных с деревней, нельзя не признать довольно значительным, но само по себе это мало что объясняет. Среди них нет отчетливого противостояния «рабочего» и «крестьянского» — ни в их политических действиях, ни в их профессиональных акциях, ни даже в их массовой психологии. Приток пополнений из деревни не мог сколько-нибудь ощутимо изменить в 1910-е гг. качество рабочей среды, ее стереотипы, привычки, коды поведения. Происходила скорее ассимиляция новых рабочих, ведшая к утрате ими «крестьянских» черт. «Разбавление» среды потомственных рабочих чуждыми элементами, разумеется, нельзя игнорировать, но оно приобрело значимость (особенно в советской историографии) отчасти и по причинам идеологическим: необходимо было объяснить непривычные для «рабочей власти» эксцессы на предприятиях в 1918–1922 годах — от локаутов и забастовок и до восстаний. Еще одним важным признаком отличия крестьянской и рабочей сред и, соответственно, их субкультуры, являлся

ценз грамотности. В 1918 году грамотными считались 79,1 % рабочих-мужчин и 63,1 % работниц-женщин. Довольно высоким был уровень квалификации рабочих, особенно металлостов. Однако значительное число отраслей российской промышленности тогда еще не требовало квалифицированного труда. Это в какой-то степени предопределяло низкий уровень профессиональной подготовки многих рабочих, например, текстильщиков.

Вопрос о «крестьянине-рабочем» в целом можно считать одной из граней более сложной и запутанной проблемы — деклассирования рабочих в годы войны. Сам этот термин нельзя признать удачным: в строгом смысле слова, он должен отмечать такое явление, как потеря профессиональных навыков или характерных «классовых» черт рабочих. Но им преимущественно обозначают лишь две тенденции: сокращение числа рабочих и ухудшение их состава. Критерии последнего расплывчаты. Одним из них считается «распыление» рабочих, переход их из крупных предприятий в более мелкие, но однозначно негативная оценка этого явления сомнительна. Это — элемент в чем-то стихийной, но в чем-то и целенаправленной рационализации промышленного производства, приспособления его к военным условиям, специфической военно-промышленной структурной перестройки. Нельзя не принимать во внимание цифровые данные об оттоке рабочих в деревню, но необходимо помнить и о системе бронирования квалифицированных работников, избавлявшей их от отправки на фронт и сделавшей фабрики и заводы значительно более «пролетарскими», чем ранее. Д. А. Баевский (с ним согласны многие историки) склонен видеть в числе признаков деклассирования пролетариата и «изменение в его социальном облике — понижение его классовой сознательности и организованности». Но обозначенные им критерии — это, очевидно, идеологические понятия, их в равной степени применяли при оценке рабочего движения и большевики и меньшевики, правда, вкладывая в них разный смысл.

Концепция «диктатуры без пролетариата» получила распространение преимущественно среди западных историков (Э. Карр, И. Дойчер, М. Левин, Д. Коул, А. Бродерсен, Т. Андерсен, Р. Кэмбелл). Ссылаясь на малочисленность, распыленность, слабую профессиональную мобильность рабочих, их тесные связи с деревней и даже упоминая об их дискриминации, многие из перечисленных авторов рассматривают тезис о «диктатуре пролетариата» лишь как ширму, маскировавшую политическое господство большевиков. Большевики, несомненно, учитывали устремления пролетарских низов, правда, переводя их бытовой отклик на политические наречия, нередко корректировали свои программные постулаты в зависимости от перепадов общественных настроений. Разумеется, это далеко еще не диктатура пролетариата — но нельзя не видеть в таком порядке своеобразную, опосредованную форму приобщения рабочих к политическому управлению.

Более сложной является другая сторона проблемы: насколько рабочие, даже не будучи «деклассированными», даже обладая набором «образцовых» классовых признаков, присущих пролетариату развитых стран, вообще были способны осуществлять свою диктатуру в 1917–1920-х годах. Понятие «классового господства» требует весьма осторожного подхода, оно едва ли способно объяснить сложный механизм группового и индивидуального распределения власти. Полемика о «диктатуре пролетариата» — это, скорее, опровержение искусственной идеологической конструкции, чем попытка представить позитивную историографическую концепцию.

Любые процессы в фабрично-заводской среде малопонятны, если не принять во внимание весь комплекс вопросов, связанных с материальным обеспечением

рабочих. В годы войны наблюдалось увеличение номинальной заработной платы рабочих — на 29 % в 1915-м, на 203 % в 1916-м и на 492,5 % в 1917-м. Ряд исследователей (К. А. Пажитнов, Б. А. Гухман) полагали, что рост зарплаты опережал рост цен — и тем самым делали вывод не только о номинальном, но и о фактическом повышении оплаты труда. Эту точку зрения опроверг С. Г. Струмилин, установивший, что реальная плата в 1917 году упала почти вдвое по сравнению с 1913 годом. Индекс цен каждый определял по собственным методикам и это осложняло дискуссию. Падение реальной заработной платы в годы войны до 1917 года не было столь заметно, как позднее. С оговорками можно принять цифры переписи фабрично-заводской промышленности за 1913–1918 года, которая на основе данных по более чем 2300 промышленным предприятиям определила, что заработок рабочих в 1917 году составлял менее четверти довоенной оплаты труда.

В середине 1917 год уже были видны признаки приближения инфляционного взрыва. В какой-то мере он был подготовлен начавшимся тогда изменением минимума гарантированной заработной платы — его повышения в первую очередь добились крупнейшие профсоюзные объединения Москвы и Петрограда. Сказался и заметно увеличившийся с августа 1917 года выпуск кредитных билетов без золотого обеспечения. Последствия не замедлили проявиться. В центральных губерниях России за два месяца (сентябрь–октябрь 1917) цены выросли на 340%. Новые тарифы расценок оплаты труда лишь отчасти смягчили этот удар. Политическая анархия и экономический хаос в конце 1917 года резко подхлестнули гонку цен и зарплаты. Стремительно увеличивавшийся разрыв между ними только частично компенсировался «карточной» продажей ограниченного количества продуктов по государственным, не завышенным ценам.

Попытки введения «карточной» системы предпринимались еще до Февральской революции. С весны 1917 года в Москве и Петрограде по карточкам продавали хлеб и сахар, а с лета — крупу и жиры. На первых порах различие между «карточной» и рыночной стоимостью важнейших продуктов не было велико, но зазор между ними расширялся с каждым месяцем. В первой половине 1918-го в заработной плате еще преобладала денежная часть, но с конца года процесс ее натурализации ускорился. К началу 1921 года «натуральная» часть заработка рабочих превысила 90%. Деньги теряли значение. В фабрично-заводской среде уже выдвигался лозунг уравнивания пайков, а не тарифных расценок. Только после перехода к НЭПу начали отмирать «карточная» система распределения продуктов и расти денежная доля заработной платы.

Нередки были случаи, когда пайки не выдавались несколько недель. Спасти от голода в таких условиях могла только продажа и перепродажа самим рабочим личных вещей, предметов, производимых им нелегально или во внерабочее время, и, наконец, что было особенно распространено среди текстильщиков, обувщиков и табачников — промышленных товаров, изготовленных рабочим и выданных ему в счет заработной платы. На языке той эпохи любая товарообменная операция — спекуляция, а провоз товаров — мешочничество; оба эти «преступления» влекли за собой суровую кару. Частичное ослабление запретов на торговлю наблюдалось лишь во время жесточайших продовольственных кризисов: не имея возможности накормить рабочих, власти позволяли им делать это самим. В сентябре 1918 года «мешочники» ввезли в голодающие столицы почти четверо больше продовольствия, чем государственные органы. Но и это не всегда помогало, и в январе

1920 года правительство начало создавать бесплатные столовые для рабочих, отказавшись от них только в следующем году.

Документом, регулировавшим заработную плату рабочих с 1917 года, были трудовые договоры. Их рассматривали, прежде всего, как инструмент ограничения прав предпринимателя. Поэтому к концу 1918 года, по мере национализации промышленности, трудовой договор утратил свое значение. Зарботную плату стало определять тарифное соглашение, которое подготавливали профсоюзы в купе с государственными структурами. При установлении тарифов они старались учитывать сложность, качество и количество затраченного рабочим труда. Поэтому система тарификации оказалась необычайно громоздкой — действовало свыше 30 разрядов тарифа, к каждому из них была причислена определенная часть рабочих, получавших гарантированную ставку. Значимость тарифы стали утрачивать по мере натурализации зарплат. Профсоюзы, приложившие немало усилий для постоянной корректировки тарифов и получения отраслевых льгот, отвергали вплоть до 1919 года натурализацию оплаты труда и предпочитали ей автоматическое повышение тарифных ставок соответственно уровню цен. Тарифную практику, в свою очередь, заметно скопировала пайковая система. К 1920 году существовали десятки видов пайков — от «королевских» до «академических», — вызывая то же раздражение рабочих, что и прежнее разделение на разряды.

Первые годы революции не принесли рабочим обещанных материальных благ, а, напротив, отняли большинство из тех, которыми они обладали. Единственным реальным вкладом революции в пользу рабочих стало установление 8-часового рабочего дня. Он вводился преимущественно явочным порядком с весны 1917 года. Временное правительство не возражало. При распространенности «оборонческих» настроений среди рабочих их отношение к 8-часовому рабочему дню было двойственным. Этим, а не только бюрократической волокитой в недрах Министерства труда и сопротивлением предпринимателей, следует объяснять отсутствие 8-часового рабочего дня на тысячах российских предприятий до октября 1917 года. Едва получив власть, большевики тотчас декретировали его введение во всех отраслях промышленности, но и им пришлось отступить из-за экономической разрухи в стране. Сверхурочные работы сохранялись. Их продолжительность согласно постановлению Совета обороны от 23 октября 1919 года не должна была превышать 4-х часов в день. Действие этого закона ограничивалось предприятиями, выполнявшими экстренные оборонные заказы, но, как показала экономическая практика, данную норму легко можно было обойти, особенно если учесть ее расплывчатые формулировки. Контроль профсоюзов за соблюдением трудовых законов (без их разрешения рабочий день не мог быть увеличен на невоенных предприятиях) в значительной мере являлся эфемерным. Нереальным оказалось и прекращение сверхурочных работ для женщин, поскольку в 1918 году они составляли 43,5 % общего числа рабочих и лишь к 1920-му этот показатель снизился до 27,8 %. Более успешно проводилось ограничение труда малолетних и подростков до 17–18 лет. В 1918, 1919 и 1920 годах доля последних среди рабочих составляла соответственно 14, 13,2 и 8,4 %.

В Гражданскую войну практически отсутствовала безработица. Весной 1917 года о безработице никто всерьез не говорил, не было даже сколько-нибудь надежной статистики по этому вопросу. Размеры безработицы в то время историки пытаются оценить, используя отрывочные данные о закрытии предприятий и увольнении занятых на них лиц. Безоговорочное причисление последних к безра-

ботным едва ли правомерно, хотя, конечно, какая-то их часть действительно ими стала. С конца лета 1917 года число закрывавшихся из-за убыточности фабрик и заводов быстро росло. Обеспокоенное этим Временное правительство разработало обширный план организации бирж труда во многих городах России. Осуществить его Керенский не успел, но и большевики на первых порах достигли немалого. В январе 1918 года Наркомат труда представил данные о безработных — их насчитывалось 100 тыс. человек; к апрелю биржи труда зарегистрировали уже 324 тыс. безработных. Сильное сокращение занятости было присуще лишь нескольким отраслям промышленности и вызывалось прекращением военных заказов и нехваткой сырья. Почти половина ищущих работу приходилась на Московскую и Петроградскую губернии.

Со второй половины 1918 года безработица начала резко сокращаться, хотя ни о каком экономическом подъеме в то время говорить не приходится. Основными причинами этого были отток рабочих из голодающих городов в деревни, тотальные мобилизации, опустошившие еще действовавшие предприятия, и уменьшение производительности труда в промышленности. Осенью безработным запретили отказываться от предложений бирж труда. Вводились трудовые книжки — первоначально для «буржуазии», затем, к декабрю 1918 года, для всех работающих. Биржа труда стала орудием принуждения к труду, малооплачиваемому и тяжелому, и все меньше было желающих пользоваться ее услугами. Это, в свою очередь, ужесточило трудоустроительные меры властей и способствовало созданию той «крепостнической» системы в промышленности и транспорте, с которой было покончено только в 1921 году.

3 мая 1919 г. была декретирована принудительная трудовая повинность. Со второй половины 1919 г. набрала силу волна трудовых мобилизаций, достигшая апогея в 1920-м. Число «прикрепленных» к производству росло с каждым месяцем. Шахтеры, нефтяники, железнодорожники, речники, судовые ремонтники, химики — вот далеко не полный перечень специальностей «военномобилизованных» трудового фронта. Но и это не помогало, и в 1919–1920 годах спрос на рабочую силу значительно превысил ее предложение. «Закрепощение», не исчезнувшее и после окончания войны, вызывало озлобление рабочих. Оно и прорвалось наружу в ходе забастовок в Петрограде весной и зимой 1921 года, требование «свободы труда» повсеместно выдвигалось на фабриках и заводах. Отмена трудовых ограничений произошла, однако, не только из-за волнений рабочих, но и явилась результатом «нэповских» тенденций в экономике. Курс на концентрацию промышленности, взятый в мае 1921 года, лишил государственной поддержки сотни предприятий. Это предопределило нарастание нового витка безработицы. Первые ее признаки обнаружались к осени 1921 года.

Столь же двусмысленным, как попытка обеспечить занятость, было и осуществление идеи управления рабочими предприятием. «Фабрики — рабочим» — таков был лозунг большевиков, но уже в 1918 году он подвергся ряду уточнений, значительно изменивших его первоначальный полуанархический характер.

В советской историографии 1920-х годов была распространена точка зрения на рабочий контроль как скорее карательный по своему характеру, зачастую стихийный и в чем-то даже утопический эксперимент. Его необходимость, правда, почти никем не отрицалась (Н. Осинский, С. Лозовский). К 1940 — началу 1950-х годов рабочий контроль уже представлялся как тщательно обдуманная, едва ли не плановая акция, причем чрезмерно преувеличивались его масштабы в период

февраля–октября 1917 г. Позднейшая советская историография заняла более умеренные позиции. Смене исторической парадигмы способствовали, прежде всего, работы А. А. Венедиктова, В. И. Селицкого, В. П. Насырина, Д. А. Коваленко. Они одними из первых в 1950–1960-х годах признали и ограниченность рабочего контроля в дооктябрьское время, и его противоречивость в условиях частнопредпринимательской деятельности.

В западной историографии диапазон различных точек зрения по вопросу о рабочем контроле значительно шире. В частности, контроль оценивается как тактическая уступка большевиков, от которой они отказались, когда их положение упрочилось. А. Улам особо подчеркивает его пропагандистскую значимость, А. Бродерсен склонен объяснять отказ от рабочего контроля прагматизмом властей, озабоченных в первую очередь спасением экономики от хаоса и потому преувеличивших «героический эксперимент» рабочих. По мнению западных авторов, период «медового месяца» (как обозначил его А. Мейер) большевиков с рабочими не был долгим; даже менее осторожные из них оканчивают его переходом к НЭПу.

С весны 1917 года явочным порядком вводился рабочий контроль. Сначала в нем не было ни систематичности, ни продуманности — где-то изгоняли неудобного хозяина, где-то пытались охранять заводские склады и помещения, опасаясь «саботажа». Это были действия преимущественно рабочих-радикалов в фабзавкоммах, которые, хотя и ссылались на фабричные массы и, разумеется, учитывали их мнение, но зачастую по-своему «углубляли» противоречия между управляющими и управляемыми. В целом, однако, говорить о какой-то исключительно антипредпринимательской направленности первых мер рабочего контроля едва ли правомерно. Наоборот, в 1917 году отчетливо виден своеобразный симбиоз рабочих и предпринимателей, не столько споривших с друг другом, сколько решавших вместе частные проблемы своего предприятия. Сырье, кредиты, авансы — все это владелец предприятия часто мог получить, опираясь на поддержку именно фабрично-заводского комитета. Даже в тех областях, где интересы работодателей и ФЗК могли сталкиваться, они тоже нередко находили общий язык. На петроградском заводе «Треугольник» в конце 1917 года заводоуправление совместно с рабочими добилось отмены циркуляра о недопущении женщин к ночным работам — он был невыгоден обеим сторонам. На I Всероссийском съезде профсоюзов (январь 1918) откровенно было заявлено о том, что «заводские комитеты на местах превратились в толкачей, в органы, помогающие администрации».

Экономический радикализм рабочих оформился в основном позднее к середине 1918 году. В просьбах рабочих о национализации, однако, сказывались, прежде всего, их патерналистские настроения. Государственная поддержка виделась им как нечто более прочное и солидное, нежели «рыночное» лавирование предпринимателей.

Положение ВЦИК и СНК от 14 ноября 1917 года о рабочем контроле с подробной росписью его прав и обязанностей не придавало ни систематичности его структуре, ни четкой продуманности его действиям. Последние, в условиях правового произвола, стали более вызывающими, но не более компетентными. Кое-где контрольные комиссии приступили к обыску буфетов предпринимателей. Популярность обрело слово «саботаж» — именно им значительная часть рабочих не без влияния правительственных газет объясняла остановку работ и закрытие предприятий. С. Лозовский считал рабочий контроль утопической идеей: «В действительности, ни капиталист не соглашался функционировать в целях обучения про-

летариев искусству управления предприятием, ни органы рабочего контроля не могли в условиях режима пролетарской диктатуры ограничиться контролем». Но все же рабочий контроль образца 1917 — начала 1918 года являлся более пролетарским и «низовым» по своей сути, чем сменившие его органы ВСНХ, которые были ответвлением государственных бюрократических структур. В целом процесс отчуждения рабочих от управления предприятиями представляется сложным и противоречивым. О лозунге рабочего контроля начали быстро забывать после тотальной национализации фабрик и заводов в 1918 года. Предполагалось, что рабочие будут сами формировать администрацию. «Будучи революционным лозунгом в период до Октябрьской революции, рабочий контроль, провозглашаемый и проводимый в своем первоначальном виде теперь, в период диктатуры пролетариата, является безусловно реакционным, так как отвлекает сознание рабочих масс от задач управления» — такая эпитафия рабочему контролю была дана в январе 1919 года съездом наиболее влиятельного российского профсоюза — металлистов. Попытки установить безраздельную власть «красных директоров» в первое время после революции далеко не всегда увенчивались успехом. Заметным было противодействие единоначалию в промышленности со стороны профсоюзов. Рабочий, как правило, не чувствовал себя хозяином завода: такие обычные для 1917–1921 годов явления, как забастовки и падение трудовой дисциплины — одно из следствий этого.

Политизированное стачечное движение, антимонархическое в феврале 1917 года, неизбежно должно было в последующие недели пойти на убыль. Но число экономических стачек, хотя и медленно, но росло. Остановки работ были краткими и кончались обычно удовлетворением просьб рабочих. Споры касались вопросов заработной платы, увольнений рабочих, устранения неугодных им администраторов и мастеров. Политический оттенок забастовки обрели с осени. Вплоть до октября 1917 года политизация стачек достигалась путем присоединений к блоку экономических требований и ряда политических. Разумеется, и такую стачку можно считать политической, хотя для ее окончания вполне хватало решения только экономических вопросов.

Забастовки не были редкостью и после Октябрьского переворота, несмотря на «пролетарскую» риторику новых властей. На первых порах власти к ним относились терпимо: они ограничивались частными предприятиями (иных почти и не было), и государственные структуры, хотя и стремились к быстрейшему окончанию стачек, все же не рассматривали их как враждебные — за исключением забастовок печатников, протестовавших против закрытия оппозиционных газет. Правда, выдвинутый печатниками лозунг «свободы печати» в какой-то мере лишь маскировал экономическую подоплеку конфликта: рабочие типографий были недовольны уменьшением заработков и потерей работы. После обобществления промышленности в 1918 году уже любые забастовки воспринимались властями как вызывающая «антисоветская» демонстрация, даже в том случае, когда их участники не выдвигали политических лозунгов.

Разумеется, длительные стачечные движения (не ограниченные, как это бывало часто, 1–2 днями) приобретали и политический характер. Отчасти это происходило и не без участия социалистов, хотя значимость эсеро-меньшевистского влияния на бастующих, как правило, преувеличивалась правительственной прессой. Пример тому — стачки в Петрограде в марте 1919-го и, особенно, в феврале-марте 1921 года. В целом, эффект политизации забастовок, как и до октября

1917 года, достигался путем объединения экономических и политических требований: отдельные политические резолюции мы также почти не видим. Забастовки обычно возникали на наиболее крупных предприятиях и лишь затем охватывали и ряд других, мелких заводов и фабрик. В 1918–1921 годах забастовка имела полулегальный характер, хотя официального запрета ее и не было. И особо подчеркнем ее половинчатость: практикуется неполный рабочий день, люди, хотя и не работают, не покидают предприятие, стачка охватывает лишь отдельные цеха.

Падение трудовой дисциплины и производительности труда после революции тоже являлись специфической формой экономического протеста. Послеоктябрьская анархия на предприятиях была кратковременной. Д. А. Баевский даже полагает, что «к весне 1918 года обозначился перелом отношения рабочих масс к труду и производству». Однако невыходы на работу, скрытые и явные прогулы в 1918–1921 годах неуклонно увеличивались. Если в 1917 году неявки на работу составили 22,7 дня на 1 рабочего, то в 1920-м — 71 день. На металлических заводах невыход на работу в 1918–1920-х годах достигал 50 %, а производительность труда составляла 26% довоенной.

Эффективных средств для борьбы с прогулами во время Гражданской войны так и не появилось. Штрафы боялись применять, они напоминали о старых порядках. На резкие предупреждения профсоюзных комитетов и угрозу увольнений рабочие обращали мало внимания: милитаризация труда делала все эти угрозы мало осуществимыми, а репрессивные меры применяли редко, опасаясь волнений. Зачастую администрация предприятия вынуждена была снисходительно относиться к прогулам, поскольку не могла обеспечить необходимый прожиточный минимум. Не способствовали укреплению дисциплины и многочисленные простои предприятий из-за нехватки транспорта, сырья и оборудования. Во время простоев рабочие получали 2/3 тарифного заработка, и многие удовлетворялись этим, предпочитая не идти на такие работы, как расчистка снега или пилка дров. Добровольность так называемых «субботников» (дней бесплатного труда) в 1919–1920-х годах не может быть признана безусловной. Эта проблема еще требует детального, глубокого исследования.

Несмотря на то, что послеоктябрьский политический режим был оценен большевиками как «гегемония пролетариата», сами пролетарии по-разному оценивали действия выступавших от их имени властей. При анализе политических настроений рабочих, как правило, учитывается не только их «слово», но и «дело»; вступление рабочих в Красную гвардию, например, многими историками рассматривается как знак просоветских симпатий. Политико-психологический смысл «слова» и «дела» рабочих трудноуловим, их поступки не могут поддаваться однозначной трактовке. Желание рабочих вступить в военизированные большевистские отряды нередко диктовалось отнюдь не политическими обстоятельствами: и лучшим материальным обеспечением, и возможностью повышения социального статуса. При этом рабочий мог оставаться политически индифферентным либо плохо понимать политический смысл происходящего. Необходима осторожность и в оценке коллективных фабрично-заводских резолюций, по которым зачастую изучают настроения рабочих. Механика составления и одобрения этих документов не всегда учитывается должным образом.

Массовым политическим настроениям рабочих свойственна особая переменчивость, они имеют множество различных оттенков — национальных, региональных, профессиональных, возрастных. Можно согласиться с Д. Коенкер в том, что

рабочие, поддерживая часть большевистских лозунгов, не всегда были сторонниками большевистских доктрин. Д. Кармайкл отмечает и совпадение политических требований независимого рабочего движения и большевиков во время и после корниловского мятежа. Нужно, однако, подчеркнуть, что политические импровизации рабочих возникали как раз не без влияния большевиков, чей авторитет в профсоюзах усиливался с каждым месяцем 1917 года.

Рабочие не оказали ощутимой поддержки большевистскому перевороту, хотя, как свидетельствовал Н. Н. Суханов, восстанию в Петрограде не требовалось помощи больше той, которую они предоставили. Они не мешали восстанию, да и в последующие дни в массе своей не склонны были отзываться на антибольшевистские призывы. По преимуществу равнодушно отнеслись они и к лозунгу однородного социалистического правительства. Красногвардейские отряды, состоявшие в основном из рабочих (хотя и не только из них), сыграли определенную роль в октябрьских событиях. Но мы не должны игнорировать ни их малочисленность, ни анархический характер многих из них, использовавших идеологическую риторику как ширму для удовлетворения групповых или личных интересов, далеких от политики.

Однако нейтральность рабочих едва ли стоит преувеличивать. Их оппозиционные выступления наблюдались на всем протяжении 1917–1921 годов. Наиболее крупные из них: создание Чрезвычайного Собрания уполномоченных фабрик и заводов в Петрограде в 1918 году, забастовка московских железнодорожников летом 1918 года, участие рабочих в Астраханском восстании, волнения на Путиловском и Тульском оружейных заводах и главных мастерских Александровской железной дороги весной 1919 года, выступления рабочих Петрограда и Москвы в феврале и марте 1921 года. Тем не менее, в первые послереволюционные годы происходило медленное, зачастую неотчетливо осознанное приспособление рабочих к новому режиму. Они все чаще использовали большевистскую политическую терминологию, с ее помощью объясняя себе и другим окружающие их явления. Это был и язык, необходимый в быту, язык прошений и жалоб, язык почти обыденный, использование которого было не столько лингвистической игрой, сколько расчетливой меркантильной операцией. Люди вовлекались в стихию этого языка и поглощались ею, они мыслили и понимали мир его терминами. И этот язык, оформив общественное мышление, уже намечал массовый психологический перелом.

Политический протест по мере упрочения правящего режима вырождался и мельчал, он ограничивался выкриками на собраниях и трудноуловимым шепотом несогласных. Важное условие обозначившейся с 1920 года идеологической унификации рабочих — и «бытовизация» политических конфликтов, ограничение их лишь спорами о привилегиях и пайках властей. Политический спор изначально сужается, становится непринципиальным — он не покушается на самые основы государства. И этому не противоречит то обстоятельство, что агония военного коммунизма ознаменовалась резким всплеском оппозиционной рабочей активности. Пример тому — волнения рабочих Петрограда в феврале-марте 1921 года. Мощный социальный взрыв, оказавшийся политически бессильным, — яркое свидетельство новой духовной ситуации в российском обществе. Самоограничение массового протеста, его своеобразное затухание, умеренность действий, очевидная привнесенность политических лозунгов извне — все то, что отрывочно и бессвязно проявлялось в рабочих акциях предыдущих лет, обнаружило здесь себя во всей полноте.

Литература

- Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти (1917–1921). М., 1974.
- Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия в России в 1917 г. М., 1964.
- Гимпельсон Е. Г.* Советский рабочий класс 1918–1920 г.: Социально-политические изменения. М., 1974.
- Питерские рабочие и Великий Октябрь.* Л., 1987.
- Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест: Сб. документов.* СПб., 2000.
- Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917.* СПб., 1997.
- Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX — начало XX в.: Сб. статей и материалов, посвященный памяти О. Н. Знаменского.* СПб., 1994.
- Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 г.: Сб. научных трудов.* Л., 1989.
- Собрание уполномоченных и питерские рабочие в 1918 г.: Документы и материалы / Сост. проф. Е. Цудзи.* СПб., 2006.
- Трудовые конфликты в советской России 1918–1929.* М., 1998.
- Чураков Д. О.* Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917–1918 гг. М., 2004.
- Яров С. В.:* Горожанин как политик. Революция, Военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999; Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999; Конформизм в советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб., 2006.
- Koenker D. P.:* *Moscow Workers and the 1917 Revolution.* Princeton, 1981; *Republic of Labour. Russian Printers and Soviet Socialism 1918–1930.* Ithaca, 2005.
- Koenker D. P., Rosenberg W. G.* *Strikes and Revolution in Russia, 1917.* Princeton, 1989.
- Mandel D.* *The Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power from the July Days 1917 to July 1918.* NY., 1984.
- McKean R.* *St. Petersburg Between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907 –February 1917.* New Haven, London, 1990.
- Party, State and Society in the Russian Civil War Explorations in Social History / Ed. by D. P. Koenker, W. G. Rosenberg and R. G. Suny.* Bloomington, 1989.
- Remington T. F.* *Building Socialism in Bolshevik Russia: Ideology and Industrial Organization 1917–1921.* Pittsburg, 1984.
- Smith S. A.* *Red Petrograd: Revolution in the Factories 1917–1918.* Cambridge, 1983.
- Steinberg M. D.* *Proletarian Imagination.* Ithaca, 2002.

Роль ритуалов и символов

РИЧАРД СТАЙТС

До революции

Крупные социально-политические сдвиги — войны, революции, религиозное возрождение, социальные движения и культурное пробуждение, как правило, порождали символы: визуальные, слуховые и даже осязательные, призванные вызывать коллективные эмоции. Знаки, наполненные содержанием, легко воспринимаемые, как христианский крест, или закодированные, как граффити современной городской молодежи, формируют параязык. Символы, задействованные в публичных действиях, таких как фестиваль, парад или представление, в сочетании с жестами и словами выражают социальную драму. Обычно несложно выявить происхождение отдельных элементов представления, восходящих к языческим, классическим, народным или различным местным традициям. Революционные ритуалы нового времени были, конечно, «изобретенными традициями», построенными, в свою очередь, на более ранних традициях, также изобретенных. Однако историческая генеалогия знаков и движений с элементами хореографии (массовые песни, марши) сама по себе не может много сказать о значениях, задуманных и полученных в момент изобретения или представления. Ритуальные «тексты» необходимо анализировать в более широких политических рамках.

Подобно всем революциям, Русская революция 1917 года и её продолжение в период Гражданской войны 1917–1921 годов заимствовали свой символический язык в значительной степени из унаследованных форм, которые адаптировались к требованиям момента. Самый глубокий слой заимствований представлял собой дохристианские русские циклические и сезонные праздники и их ритуалы, включавшие магическое воспевание, вызывавшее катарсис, уничтожение чертей, песни, пляски и пиры. Всё это вошло в русскую Православную Церковь, кристаллизовавшись в уличных процессиях и религиозных праздниках в церквях, сочетавших иерархический порядок, священные образы, музыку, моление и демонстрации церковных облачений и орнамента. Церковное влияние этой традиции отчасти сохраняло Временное правительство в 1917 году и полностью отбросил сменивший его большевистский режим. На городских улицах и ярмарках, где люди обычно собирались на зрелища, проводились народные фестивали с множеством игр, развлечений и карнавальных представлений; они оказали заметное влияние на возникшие позднее революционные праздничные церемонии.

Петербургский, или имперский, период русской истории (1703–1917) отмечен появлением европейских ритуальных форм: парадов, придворных церемоний и балов. Военный смотр, учрежденный в XVIII веке, не имел ни религиозно-

го, ни народного характера: это был признак государственного могущества, символизировавший не столько готовность сражаться, сколько порядок, установленный сверху. Примерно с середины XVIII века до середины XIX века парад являлся основным видом зрелища почти в каждом российском городе. Великолепная униформа должна была символизировать силу власти и поражать зрителей; видимая командная структура — подкреплять чувство иерархии и подчинения; геометрические и механические формы были связаны с городским распорядком дня. По процедурам смены караула можно было сверить часы точнее, чем по звону церковных колоколов. Революционеры обходились без придворных церемоний, коронационных торжеств и дворянских балов, но не могли упразднить парады, поскольку солдаты сыграли такую важную роль в революционном представлении на улицах Петрограда. «Пролетаризировать» военные парады было относительно легко даже ещё до прихода большевиков к власти, так как военная униформа во второй половине XIX века постепенно упрощалась, и изыскано одетых офицеров было уже не встретить. Элементы нового парадного «этикета» 1917 года — похороны казаков, убитых в уличных стычках дней Июльского кризиса, и публичные появления генерала Корнилова — смотрелись как раздражающие обращения к дореволюционным ритуальным формам и интерпретировались враждебно настроенными наблюдателями как контрреволюционные.

В обиход публичной церемониальной жизни позднимперского периода вошли патриотические торжества. Начало им положили панславистские энтузиасты в 1860-е и 1870-е годы, задумавшими их как празднование «народных» войн, таких как Русско-турецкая 1877–1878 годов и Первая мировая. Панславянские мероприятия выражались в массовых публичных благотворительных собраниях под открытым небом, характерных речах, песнях и музыкальных представлениях, церковных службах в солидарность с южными славянами и в создании геральдических знамен, отправлявшихся на фронт. В Первую мировую войну патриоты возродили этот жанр. М. И. Долина, убежденная монархистка и реакционная пропагандистка, дала сотни патриотических благотворительных концертов, на которых исполнялись народные песни, песни на слова знаменитого бессарабского антисемита публициста Павла Крушевана, играли ансамбли балалаечников, военные духовые оркестры, пели полковые хоры, зачитывались официальные указы. Интересным, хотя и неоригинальным приемом, использованным Долиной, были патриотические живые картины — актеры, одетые как Суворов, Кутузов и другие полководцы прошлого, застыли рядом с простым народом. Сочетание жанров и сценическое смешивание социальных слоев должно было способствовать созданию картины всероссийской солидарности и лояльности.

Наиболее подходящая для новых условий форма дореволюционного ритуала радикальная субкультура в царские времена существовала подпольно. Она развивалась на тайных сходках в лесу или на демонстрациях протеста — слово «демонстрация» в революцию и советские времена стало синонимом парадов и маршей. С 1890-х годов начали праздновать новый международный праздник Первое Мая; митинги, на которых звучали речи, начинало и заканчивало пение «Интернационала», гимна II (Социалистического) Интернационала, основанного в 1889 году. Марши протеста и похороны павших товарищей получили распространение в Революцию 1905 года. Красные знамена, песни, включая революционные погребальные песнопения, были единственным сопровождением этих процессий, одна-

ко их визуальную простоту с лихвой компенсировали эмоциональный подтекст и псевдорелигиозная аура.

Февральская революция

Первые дни после падения монархии в 1917 году отмечены скорее спонтанностью, чем ритуалом, предполагающим правила, текстуальную преемственность и репетицию. Параллельные акции в других городах были слишком близки к нему по времени, чтобы быть социальной мимикрией. Огромные толпы людей всех классов собирались на главных площадях или бульварах перед общественными зданиями, где размещались новые власти — самоназначенные муниципальные руководители или Советы. Толпы кричали: «Свободная Россия» — в порыве общей радости и социальной солидарности; они чувствовали недавно освобожденных политических заключенных или ветеранов-радикалов. В Петрограде кульминацией праздничных торжеств стал первый публичный коллективный жест: похороны убитых в ходе Февральской революции. Почти в каждом из его компонентов сквозили социальная гармония и мир. Мероприятие организовали совместно Временное правительство и Петроградский Совет; первое в значительной степени состояло из представителей верхней части средних слоев, последним руководили также выходцы из среднего класса, но опирались на низшие слои. Толпы были социально разнородны; темой дня была гармония на рассвете новой эры. Основными элементами стали шествие колонн через Марсово поле, знамена и лозунги, здания, задрапированные кумачом, простая одежда и революционные погребальные гимны. В свидетельствах очевидцев не без труда можно подметить отсутствие церковного участия — совершенно новый элемент в публичных торжествах.

Следующее массовое зрелище имело иные визуальные и кинетические формы. Это были похороны семи казаков, погибших при защите Временного правительства во время Июльских событий. Церковная процессия и военный смотр напоминали былые времена; отпевали в Исаакиевском соборе, история которого тесно связана с монархией. Эти похороны стали признаком времени, семиотической контрреволюцией, отразившей устремления более консервативных элементов Временного правительства и тех, кто еще правее. В период между похоронами первой и второй группы мучеников публичные ритуалы и представления все еще говорили об относительной социальной и национальной солидарности — это политические вечера и «революционные концерты», на которых представляли историю в лицах, старые революционеры восседали в роскошных креслах императорских театров. Однако политический раскол города и страны в целом неумолимо усиливался. Разногласия между Временным правительством и Петроградским Советом по вопросам войны, армейской жизни, социальных реформ и революционных перемен проявлялись в самом стиле ведения заседаний этих двух органов, работавших в одном и том же Таврическом дворце.

Трудно представить два собрания более отличающихся внешним видом и манерами. Застегнутые на все пуговицы юристы, профессора и промышленники Временного правительства в одном крыле дворца пытались вести дела в обычной

манере, восходящей к старым думским правилам. В другом крыле дворца, в Петроградском Совете небрежно одетые рабочие и солдаты беспорядочно кричали и выражали свои эмоции в цветистых и грубых речах. Внешний беспорядок заседаний Совета, напоминавших крестьянский мир, был обманчив: назначения проводились, голосование шло, меры принимались. Очкастые интеллектуалы-социалисты спотыкались о дремлющих охранников с винтовками и задыхались от запаха махорки. Некоторые испытывали отвращение, но большинство всячески демонстрировало единение с «народом». Это необычное сосуществование двух органов, их внешний вид и язык жестов в такой же степени были ключом к пропасти, разделявшей российское общество, как и их политические установки. Эти символические и политические миры продолжали расходиться вплоть до Октябрьского переворота большевиков 1917 года.

Советские СИМВОЛЫ

Временное правительство сохранило на своем гербе и монетах двуглавого орла в несколько модифицированном виде — со сложенными крыльями, без державы и скипетра. Неофициальным гимном стала французская республиканская «Марсельеза» с русским текстом. Когда большевики пришли к власти, их режим начал создавать новое символическое облачение, призванное охарактеризовать свою социальную базу и свое стремление построить новый мир. Старые герб, флаг и гимн были заменены. Вопрос о национальном гербе вызвал немало споров. Ленин и Луначарский организовали конкурс среди художников, в проектах которых встречались шокирующие и даже забавные футуристические мотивы. Проект, избранный как самый подходящий, включал три элемента, символизировавшие классы, которые совершили революцию и ради которых она совершена: серп — символ крестьянства, молот — символ пролетариата и короткий меч — символ армии. Ленин энергично возразил против меча, вызывающего милитаристские ассоциации. Дело было зимой-весной 1918 года, когда шли Брестские переговоры о мире с Германией. Всячески желая представить РСФСР мирной державой, Ленин добился исключения военного символа из герба.

Оставшиеся в гербе серп и молот (эти элементы часто использовала прежняя провинциальная геральдика) были обрамлены венком, украшенным классическими элементами, включая римские фации (пучки прутьев с топором в середине, связанные ремнем — *ред.*). Позднее фации убрали, вероятно, поскольку их принял фашистский режим в Италии. Впервые новая советская эмблема официально появилась на обложке первой Конституции РСФСР летом 1918 года. Затем серп и молот поместили в углу нового красного флага. Впоследствии в названиях заводов, коммун, школ и других учреждений часто использовали сочетание слов «серп и молот».

Размещение серпа и молота на флаге и гербе не дает ощущения отношений превосходства-подчиненности между двумя знаками и не говорит, что они означают. Но когда художники начали использовать эти символы в плакатах, то почти неизменно изображали мужчину с молотом и женщину с серпом. В более позднем прочтении ассоциировались мужчина с промышленностью, механизмами, городом, властью и будущим; женщина — с земледелием, сельской отсталостью, ухо-

дом за детьми и плодородием. При пересечении истории искусства и политической истории, так часто обособленных друг от друга, важно провести различие между намерением, функцией и восприятием. Нечасто удается узнать о намерении художника в момент творения, и нельзя понять, что имели в виду создатели символов и художники плакатов, когда наделяли своих персонажей теми или иными половыми признаками. Можно предположить, что они просто копировали сцены жизни, которые сами наблюдали, особенно в недавние военные годы, мужчин на заводах и женщин в полях. Также невозможно разгадать мысли и чувства тех, кто разглядывал эти плакаты. У историков нет доказательств того, что мужчине намеренно отождествляли с промышленностью, а женщину — с сельским хозяйством, что это была идеологическая позиция или культурное заявление. Реальная функция материала представляет собой не столько «знак» мышления режима, сколько сигнал историку начать поиск подлинного свидетельства половых признаков города и деревни, а для такого поиска требуется пристальное изучение иконографии времени. Выход за рамки этого выльется в антиисторичное теоретизирование.

Реконструкция нового публичного образа революции требовала также переименования и перемещения публичных знаков старого режима. В Первую мировую войну студенты ходили по улицам, заменяя на уличных вывесках немецкие названия русскими. Столицу Санкт-Петербург переименовали в Петроград. В дни немецких погромов в Москве российские подданные немецкого, латышского, еврейского или скандинавского происхождения меняли свои фамилии с целью самосохранения на патриотично звучащие славянские, например Романов или Сербский. Хаммер стал Молотовым, Берг — Горским, Таубе — Голубевым, Шварц — Черновым, Шмидт — Кузнецовым, Эйхе — Дубновым. В 1918 году началось большевистское переименование улиц и площадей, а затем и городов; после смерти Ленина в 1924 году Петроград переименовали в Ленинград. Царские эмблемы и монументы были свергнуты. Луначарский добился сохранения некоторых памятников, представляющих художественную ценность, но большинство памятников царям и царским героям торжественно свергли с пьедесталов. Для их замены Ленин составил план «монументальной пропаганды» — возведения памятников новым героям и их торжественного открытия.

В первые послереволюционные годы этот план выполнялся с большим энтузиазмом. Предполагали запечатлеть в камне деятели культуры, героев революционного и освободительного движения русской и европейской истории, отобранных политическим руководством. Культурный ряд должен был связать революцию с канонизированной традицией, политический ряд — установить революционную генеалогию от Спартака, через Французскую революцию, социалистов-утопистов, европейских марксистов и, параллельно — через русскую радикальную традицию от Радищева и декабристов — до 1917 года. Ленин, убежденный во врожденной пассивности массовой аудитории, предписал сопровождать открытие памятников чтением лекций, поясняющих их точное значение. Монументы открывали в дни особых праздников в основных местах города, при этом выступали выдающиеся политические ораторы Ленин, Зиновьев, Луначарский. Массивные конные напоминания о монархической России заменяли ликами великих социалистов, писателей и бывших государственных преступников.

Советские праздники

Празднества и церемонии, вращающиеся вокруг открытия памятников, не были столь же спонтанны, как в Февральскую революцию; вскоре они окончательно превратились в высшей степени организованные и ритуализированные представления. С 1918 года до конца Гражданской войны Петроград, Москва и другие города на контролируемой большевиками территории оживали в праздники Первого Мая, Октябрьской революции (7 ноября) и во время съездов, когда проводили шествия, парады, украшали стены домов, устраивали салюты, иллюминации, театрализованные представления. Некоторые самые талантливые художники участвовали в праздничном украшении городов. На этих праздниках традицию пытались приспособить к современности. В праздничной атмосфере высмеивали врагов революции, сжигали соломенные чучела белых вождей и руководителей интервенции. В больших театрализованных представлениях под открытым небом были задействованы тысячи участников и обслуживающего персонала, ставили сцены сражений, живые картины, мистические пьесы и историко-революционный эпос. К концу Гражданской войны советский праздничный стиль в значительной степени сформировался — в окружении стилизованных лозунгов и символов, восходящих к революционным годам.

Литература

- Вилинбахов Г. А. Государственный герб России. 500 лет. СПб., 1997.
- Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М., 1998.
- Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 г. СПб., 2001.
- Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. М., 1978.
- Мальшиева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: Пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005.
- Стайтс Р. Революционная культура и ее место в истории культурных революций // Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть. СПб., 1994.
- Тумаркин Н. Ленин жив. Культ Ленина в советской России. СПб., 1997.
- Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии российской монархии: В 2-х т. М., 2004.
- von Geldern J. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley, 1993.
- Chatterjee C. Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910–1939. Pittsburgh, 2003.
- Figs O. and Kolonitskii B.I. Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917. New Haven, 1999
- Guerman M. Art of the October Revolution. New York, 1980.

- Kenez P.* The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge, 1985.
- Lane C.* Rites of Rulers. Cambridge, 1981.
- Mally L.* Culture of the Future: The Proletkult Movement in Revolutionary Russia. Berkeley, 1990.
- Stites R.*: Adorning the Russian Revolution: The Primary Symbols of Bolshevism, 1917–1918 // Sbornik (Leeds, England). 1984. № 10; Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, 1989.
- Verner A.* «What's in a Name?» of Dog-Killers, Jews, and Rasputin // Slavic Review. 1994. № 4.

Солдаты и матросы

ИВЭН МОДСЛИ

Мировая война и революция

«Без преувеличения можно сказать, что в мировой истории не было другой революции или гражданской войны, в которой “военный фактор” сыграл бы такую же решающую роль, как в России в 1917–1922 годах». Действительно, трудно не согласиться с этим утверждением российского историка Л. М. Гаврилова на «круглом столе» 1993 года. Русская революция, сама по себе исключительное событие, происходила в столь же исключительном контексте. Началась она на тридцать первом месяце Первой мировой войны, во время которой царское правительство мобилизовало не менее 15 млн. 500 тыс. человек.

Накануне 1914 года на русскую армию, в мирное время насчитывавшую 1 млн. 400 тыс. человек, можно было положиться как на защитницу самодержавия от внешних и внутренних угроз. Армия спасла самодержавие в 1905–1906 годах. В 1917 году этой регулярной армии более не существовало, а судьба самодержавия и даже Временного правительства была предрешена в 1914–1915 годах на полях сражений в Восточной Пруссии и Галиции. В течение 17 месяцев до декабря 1915 года армия потеряла 320 тыс. убитыми и смертельно ранеными и еще 1 млн. 550 тыс. пленными или пропавшими без вести. Лучшие офицеры оказались выбиты, равно как и возрастные группы, наиболее удачно социализированные в армейскую службу. Тяжелые потери понесли и элитные гвардейские и казачьи подразделения. После 1915 года армия ещё существовала, стала даже численно крупнее, но эффективность и надежность были обратно пропорциональны численности.

К ноябрю 1916 года действующая армия — четыре фронта на Западе и Кавказский фронт — достигла беспрецедентной численности в 6 млн. 960 тыс. человек. Еще 2 млн. 265 тыс. человек находились в тылу, в сотнях гарнизонов 12-ти военных округов. Эта численность достигнута отчасти благодаря призыву более юных возрастов, но основу составили старшие возрасты. Даже обученные резервисты, призванные в 1914–1915 годах, прошли действительную трехлетнюю службу более десяти лет назад (время пребывания в запасе составлял 15 лет). Качественно хуже выглядели ратники 2-го разряда, до войны не прошедшие службу или имевшие отсрочку. Наихудшим контингентом являлись ратники 2-го разряда — ранее не служившие по семейным обстоятельствам. К осени 1916 года призвали даже старшее поколение этой категории, в возрасте от 32 лет до 41 года — 1 млн. 70 тыс. человек, которых нельзя считать хорошими бойцами. Такое разбавление довоенной армии характерно не только для России. В Германии процент мобилизованных в армию от общей численности населения был выше в 2 раза, во Франции — в 3 раза. Россия политически и экономически оказалась менее готова нести бремя войны.

Февральская революция 1917 года не была вызвана армией или антивоенными настроениями солдат, но неспособность Петроградского гарнизона сдержать уличные беспорядки имела решающее значение. Гарнизон, раздувшийся до 180 тыс. человек, не проявлял желания действовать, и в нём не было ни одной перво-классной воинской части. Уникальными для военного времени были также отсутствие императора (он находился в 400 милях от столицы, в Ставке Верховного главнокомандования в Могилеве) и поддержка верховным командованием плана сменить монарха. Однако гораздо важнее самого участия солдат в революции стало воздействие первой, локальной революции на армию. Падение самодержавия стало основным событием скорее потому, что подрывало власть в целом, а не из-за каких-либо специфических действий преемников царя. Приказ № 1 Петроградского Совета, например, вводил контроль комитетов, но перемены происходили спонтанно на уровне полка. Сдвиг не был результатом агитации среди войск со стороны большевиков и других радикальных групп. С тем же успехом основным фактором могли бы назвать подрывную деятельность немцев.

Предлагались разные объяснения развития событий в армии. Отправной точкой для понимания того, что же случилось с солдатами, является двухтомная работа Аллана Уайлдмана «Конец русской Императорской Армии». Он выделил почти «стихийный», спонтанный характер развития кризиса, раскол внутри российского общества и отчуждение массы крестьян-призывников не столько от самодержавия, как от «культурной» России в целом. Наиболее оригинально в работе Уайлдмана изображение тех представителей интеллигенции и крестьян, которые нашли идентичность в войне и составили «комитетский класс», заполнивший верхние эшелоны новоизбранных комитетов. Михаил Френкин, в отличие от Уайлдмана, в своих работах напирал на манипуляции большевиков. Несомненно одно: и по всему фронту, и глубоко в тылу происходила спонтанная дезинтеграция как результат разбавления армии в военное время. Полезно провести различие между *демократизацией* (организацией подразделений по неиерархическому принципу) и *политизацией* (более широким ростом интереса к вопросам политики, с проникновением в солдатскую среду штатских политических активистов — обычно социалистов или националистов). Одно следовало за другим. Армейское командование и, до определенной степени, Временное правительство возлагали надежды, что наступление поможет восстановить боеспособность армии. Однако Июньское наступление 1917 года провалилось и в военном, и в политическом отношении. Тем временем тыловые гарнизоны всё более выходили из-под контроля. Июльские дни в Петрограде стали лишь самым драматичным проявлением в ряду внутренних конфликтов. Неудача попытки генерала Корнилова в августе 1917 года двинуть верные войска на Петроград, чтобы лишить Советы влияния, имела далеко идущие последствия: окончательно подорвала власть Ставки, выявила отсутствие поддержки Временного правительства среди солдат и ещё более способствовала их отчуждению.

Весьма видную роль сыграли моряки, но флот отличался от армии. На флоте радикализация объяснялась иными причинами. Армия изменилась, разбавилась и потенциально революционизировалась вследствие больших потерь и численного роста в военное время. Потери флота в войну незначительны. Военно-морской флот Кронштадта деморализовало бездействие. Важно и то, что матросы имели, как правило, пролетарское происхождение. Относительно небольшое количество матросов сыграло такую важную роль потому, что российская столица являлась

морским портом; матросы были политически менее нейтральны, чем солдаты, мобильнее и целеустремленнее.

К октябрю 1917 года неспособность вооруженных сил России к широкомасштабным боевым операциям стала очевидна; нельзя было воспользоваться ими и для выполнения воли правительства. Спорным остается вопрос: насколько революционны были солдаты, хотя на выборах в Учредительное собрание они голосовали за радикальные партии. Большевики получили более всего голосов на Северном фронте (470 тыс. из 840 тыс.) и Западном фронте (650 тыс. из 980 тыс. голосов). На Балтийском флоте большевики получили 43 тыс. из 69 тыс. голосов. В тылу результаты также ошеломляли. На голосовании в губернских городах поддерживать большевиков местные гарнизоны склонялись более, чем гражданское население, не говоря уж о сельском. Однако армия вполне определенно не являлась полицейской силой. Правительству требовалось преодолеть трудности политическими средствами, иначе было не удержать власть, как и случилось с Керенским.

Гражданская война

Свержение Временного правительства не означало, что русские солдаты перестали быть важной политической силой. Действительно, в течение трех лет после Октября, Красная Армия являлась крупнейшим и успешнейшим институтом в советской России; это любимое дитя правительства служило образцом.

Императорская Армия мирного времени прекратила существование в 1914–1915 годах. Сменившая её раздувшаяся орда военного времени ликвидирована зимой 1917–1918 годов. Её демобилизация стала одним из условий Брестского мира. Значение возвращения радикально настроенных солдат в родные общины было огромно; с другой стороны, ослабление армии, особенно в тыловых гарнизонах, сократило основу военной поддержки большевиков, чем объясняются те неимоверные сложности, с которыми они столкнулись весной 1918 года.

События конца 1917 и начала 1918 годов до основания разрушили структуру старой армии; за исключением полков латышских стрелков, ни одно подразделение старой армии не перешло под начало советского правительства. Этот процесс, нуждающийся в более детальном изучении, затруднил образование новых армий в 1918 году. Военная традиция была подорвана в армии в 1914–1915 годах и добыта демонстрациями 1917-го. С другой стороны, милитаризация времен Первой мировой войны облегчила мобилизацию сил в новых условиях. В Красной Армии, даже на ранней стадии весной-летом 1918 года, когда она формировалась на «добровольных» началах, было немало ветеранов войны. Всеобщий призыв, начатый в конце 1918 года, касался шести призывных возрастов (1893–1898 годов рождения), призывавшихся с октября 1914-го по февраль 1917-го. За счет снаряжения и обмундирования военного времени можно было обеспечить эту сравнительно немногочисленную силу, командирами, имевшими некоторую подготовку, были кадровые офицеры и офицеры военного времени.

Красная Армия была меньше, чем Императорская Армия военного времени, но по численности превышала довоенную регулярную армию и армии большинства других государств. Часто высказывается мнение, что рост численности Красной Армии последовал за падением Казани в августе 1918 года, однако он в значительной степени связан с международной обстановкой, сложившейся после пораже-

ния Центральных держав. Красная Армия, как и предшественница, была крестьянской. Изначальные расчеты сформировать армию на классовой основе рухнули, когда в конце 1918 года начался численный рост. Орlando Файджес указал на «экстенсивный» характер набора в армию: старались призвать как можно больше сельских жителей для восполнения потерь, вызванных дезертирством. Кроме того, красные командиры разделяли мнение царского командования, что победу можно достичь числом. Так или иначе, армия увеличилась с 370 тыс. в июле 1918-го до 2 млн. 32 тыс. в июле 1919-го и до 4 млн. 400 тыс. красноармейцев в июле 1920-го. Из этого числа лишь от трети до половины можно отнести к «боевым силам», то есть 1,31 млн. в июле 1919-го и 1 млн. 540 тыс. в июне 1920-го. Для сравнения, в государственном секторе промышленности было занято лишь около 1 млн. 250 тыс. рабочих. Численность самой РКП(б) составляла 600–700 тыс. членов, при чём не менее половины их — в рядах Красной Армии.

Красная Армия снабжалась плохо, среди бойцов были распространены болезни. По расчетам Орlando Файджеса, в 1918–1920 гг. около 3 млн. 710 тыс. бойцов дезертировали. Хотя 90 % из них отсутствовали в своих частях лишь по несколько недель, всё равно огромная цифра. Болезни в Гражданскую войну являлись проблемой более серьёзной, чем в Первую мировую войну: 6 млн. 240 тыс. солдат перенесли заболевания, «от ран и болезней» умерли 620 тыс. человек. В 1918–1920 годах только от тифа умерли 280 тыс. бойцов Красной Армии. В Первую мировую войну из гораздо большего числа солдат от болезней умерли лишь 160 тыс. человек. Владимир Бровкин обратил внимание на число бунтов в армии в годы Гражданской войны, особенно в тылу. Однако до всеобщего мятежа дело не доходило, даже при всеобщем хаосе в армии в месяцы власти Временного правительства. Там, где Временное правительство терпело неудачу советское правительство преуспело: сумело создать боеспособную армию.

Кронштадтское восстание марта 1921 года стало исключением лишь подтвердившим правило. Это вооруженное восстание произошло на главной морской базе вблизи Петрограда и было последним и крупнейшим антикоммунистическим восстанием в вооруженных силах красных. В него был вовлечен крупный гарнизон — 26 тыс. человек, и, по крайней мере, отчасти, оно носило политический характер (мятежники приняли антикоммунистическую резолюцию). Его возникновение, видимо, спонтанно, толчок дала волна февральских забастовок в Петрограде, но есть некоторые указания на его антисоветский фон. После подавления восстания в результате штурма мятежной морской крепости по льду Финского залива приговорили к расстрелу более 2 тыс. 100 человек; потери Красной Армии оцениваются одним из источников в 1 тыс. 990 убитых и пропавших без вести и 1 тыс. 200 раненых и больных. 10 января 1994 года Указом Президента Российской Федерации кронштадтских повстанцев реабилитировали.

Важно то, что даже после Кронштадта на солдат красноармейцев, наряду с другими военизированными соединениями, всё еще можно было положиться при подавлении крестьянских волнений 1921–1922 годов. Красную Армию заметно сократили. В январе 1922-го её численность снизилась до 1 млн. 200 тыс. красноармейцев. В этот период боевых действий велось меньше, чем в 1918–1920 годах, но в боях погибли ещё 10 тыс. и ранены 12 тыс. красноармейцев. В 1921 году в Красной Армии насчитывали 230 тыс. дезертиров, из них 30 тыс. — из частей, подавлявших антисоветские восстания; в общей сложности в 1922 году дезертировало 110 тыс. красноармейцев.

Заключение

Среди социальных групп в Русской революции и Гражданской войне солдаты и матросы пока не пользуются достаточным вниманием историков. Это отчасти объясняется природой источников. Отчасти это вызвано тем, что такие «деклассированные» элементы не попадают в чётко очерченные социальные категории; советские историки удобнее ощущали себя при обращении с промышленными рабочими, и, в несколько меньшей степени, с крестьянами. Сборник «Партия, государство и общество во время Гражданской войны в России: Исследования по социальной истории» (вышел в 1989 году под редакцией Д. Коенкер и др.) содержит 16 статей, и ни одна из них не посвящена людям, находившимся под ружьем. Опыт периода 1914–1922 годов показывает, что солдаты и матросы отнюдь не были серой массой отчужденных крестьян. Нужны новые исследования для понимания их политических настроений и мотивов, вынуждавших принять ту или иную сторону в вооруженной борьбе.

Почему солдаты и матросы вели себя по-разному в разное время? Здесь важно учесть народную психологию. Джон Бушнел при объяснении «бунтов» в армии и «репрессий» со стороны армии в 1905–1906 годах обратил внимание на значение царского мифа, коренившегося в крестьянской психологии. Восприятие власти явно имело большое значение десятилетие спустя; отречение Николая II стало критическим моментом в 1917 году, и его убийство — для белых — во время Гражданской войны. Временное правительство, по определению, не могло представить собой такую власть, белые диктатуры оказались плохой заменой. Советское правительство, при всех своих недостатках и слабостях, претендовало на постоянство и находилось в исторической столице страны Москве.

Мотивация борьбы и поддержка правительства облегчаются, когда есть за что бороться. Большинство русских солдат были патриотами, однако цели России в Первой мировой войне не были ясны. Центральные державы, хотя и оккупировали Польшу, не угрожали существованию России и ее населения (как державы Оси 25 лет спустя). В 1917 году принятая противником хитрая тактика воздержания от наступательных операций отнюдь не облегчала положения властей. Солдат трудно было сплотить вокруг политики «родина в опасности», тем более что некоторые члены Временного правительства надеялись на достижение мира демократическо-дипломатическими средствами. С другой стороны, ощущения внешней опасности оказалось недостаточно, как показала неудачная попытка советского правительства организовать сопротивление германскому наступлению в феврале 1918 года. В Гражданскую войну коммунистическая пропаганда много говорила о внешней угрозе, но более осязались проблемы восстановления крупного землевладения и отвоевания «русской» территории. Файджес говорит о том, что белая угроза это ключевой фактор, заставивший крестьян Центральной части России подняться за власть Советов. Точнее, враги «советского дела» были не так сильны, как противники царского предшественника: не очень хорошо вооруженные армии белых насчитывали максимум 100 тыс. человек, численность же австро-германских войск на фронте в 1916 году достигла 1 млн. 600 человек. Конечно, можно было искусственно поощрять силу власти и общность с делом. О патриотической пропаганде в 1914–1916 годах пока известно слишком мало, но речей Керенского на фронте в 1917 года оказалось недостаточно. Коммунисты, со своей стороны, приложили гораздо больше усилий с целью влиять на настроение своих солдат.

Боеспособные армии — это не просто вооруженные орды. Успешно сражающиеся (и лояльные) армии имеют элитное ядро. Старая элита была выбита на первой стадии войны. Царское и Временное правительства имели определенную поддержку офицеров военного времени (прапорщиков), но их недостаточно, чтобы составить костяк; то же самое можно сказать о «батальонах смерти». С точки зрения Временного правительства, доверять элитным подразделениям не стоило, и Корниловское выступление оправдало эти подозрения. Добившаяся наибольших успехов Белая армия генерала Деникина и, позднее, Русская армия генерала Врангеля опирались на элитные офицерские части и более крупные формирования, созданные вокруг ветеранов начального периода Гражданской войны. Костяк Красной Армии на той стадии Гражданской войны составили латышские стрелки, а позднее — 1-я Конная армия.

Важное значение имели дисциплинарные структуры и демократизация. Строгая дисциплина Императорской Армии была эффективной. Авторитет командиров был сильно подорван в 1915–1916 годах, но армия ещё действовала. Контроль выборных комитетов после 1917 года имел разрушительные последствия и для боеспособности, и для политической благонадежности войск. «Сознательная дисциплина» на патриотической или классовой основе была неэффективна. В 1917-м преобладали сторонники сознательной дисциплины. К счастью для коммунистов, они потерпели поражение в 1919-м во внутрипартийных спорах Троцкого с «военной оппозицией». Советы пока прилагали немалые усилия дистанцироваться от ментальности старого режима. Армия была Рабоче-Крестьянской Красной Армией (РККА). Слово «солдат», которое тогда стало одиозным, заменили на «красноармеец». Однако дисциплине уделяли серьезнейшее внимание. Ленин, в конце концов, поддержал Троцкого: «Если вы говорите, что это — самодержавная феодальная система и протестуете против отдания чести, вы не получите армию, в которой крестьянин-середняк будет сражаться». Коммунисты создали двойную или тройную структуру в виде бывших офицеров (военспецов), комиссаров и «особого контроля» (особых отделов). Создали то, что Марк фон Хаген назвал «военизированным социализмом», позднее заметно влиявшим на советское государство. Белые более полагались на традиционную дисциплину и военную элиту. И красные, и белые способны были удержать соединения от распада, хотя это не могло преотвратить проявления недисциплинированности.

Русская революция была в большей степени не преторианской, а пролетарской, но без солдат и матросов события 1917 года приняли бы иной оборот. Более того, мотивация и организация вооруженных людей имела важнейшее значение для исхода борьбы, продолжавшейся пять лет.

Литература

Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. документов. М.; Л., 1957; Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 – декабрь 1919): Сб. документов. Л., 1968.

Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.

- VIII съезд РКП(б). Стенограмма заседаний военной секции съезда 20 и 21 марта 1919 г. и закрытого заседания съезда 21 марта 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9.
- Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы в 2-х кн. М., 1999.
- Кузнецов М. Н. За что был расстрелян Кронштадт. СПб., 2001.
- Разложение армии в 1917 г.: Сб. документов. М., 1927.
- Революционное движение в русской армии (27 февраля — 24 октября 1917 года): Сб. документов. М., 1968; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 — март 1918 г.: Сб. документов. М., 1973.
- Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1981.
- Черняев В. Ю. Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда // Нансеновские чтения. 2008. СПб., 2009.
- Френкин М. С. Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978.
- Эврич П. Восстание в Кронштадте. 1921 г. М., 2007.
- Brovkin V. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922. Princeton, 1994.
- Bushnell J. Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905. Bloomington, 1985.
- Ferro M. The Russian Soldier in 1917: Undisciplined, Patriotic, and Revolutionary // Slavic Review. 1971. № 30.
- Figes O. The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War, 1918–1920 // Past and Present. 1990. № 129.
- Hagen M. von. Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930. Ithaca, 1990.
- Haimson L. The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia // Slavic Review. 1988. № 1. 47.
- Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History / Ed. by D. P. Koenker, W. G. Rosenberg and R. G. Suny. Bloomington, 1989.
- Mawdsley E.: The Russian Revolution and the Baltic Fleet. London, 1978; Soldiers and Sailors // Society and Politics in the Russian Revolution / Ed. by R. Service. Basingstoke, 1992.
- Saul N. Sailors in Revolt: The Russian Baltic Fleet in 1917. Lawrence, 1978.
- White H. 1917 in the Rear Garrisons // Economy and Society in Russia and the Soviet Union, 1860–1930: Essays for Olga Crisp / Ed. by L. Edmondson and P. Waldron. Basingstoke, 1992.
- Wildman A. The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980, 1987. Vol. 1, 2.

Средние слои в 1917 году

ДЭНИЕЛ ОРЛОВСКИЙ

Революции 1917 года и первые годы советской власти были отмечены мощными социальными сдвигами, повлиявшими на политику, политика же, в свою очередь, влияла на них. Ни исторические сочинения, ни дискурс современный 1917 году не исключают такие категории, как рабочие, крестьяне, буржуазия, солдаты, матросы и национальности. Исследования по 1917 году написаны о них и в их понятиях. Однако в годы, предшествовавшие 1917-му, и во время самой революции имелось и значительное движение служащих — технического, управленческого и профессионального персонала, но оно в известной мере скрыто от взгляда господствовавшими дискурсами и темами исследований. Эти группы были динамичным продуктом экономического и социального развития позднеимперской России, они сформировали часть того, что можно назвать слоеным обществом, организованным по профессиональным линиям. Если взглянуть на общественный пейзаж 1917 года, то именно эти группы со своими профессиональными ассоциациями и съездами обеспечивали инфраструктуру так называемых общественных и государственных институтов — земств и городских дум, комитетов общественных организаций, кооперативов, военно-промышленных комитетов, все способы земельного и продовольственного снабжения и волостные комитеты в деревне, организованные движения за национальную, этническую, религиозную или региональную автономию и даже сами Советы. Везде «белые воротнички» представлены в значительном числе; вместе взятые, они глубоко влияли на курс революционного государственного строительства в 1917 году и при советской власти.

Накануне Первой мировой войны расслоение общества в Российской империи и маскировка занятий под официальными категориями сословий продвинулись уже достаточно далеко. Сравнительные цензовые данные по Петербургу и Москве в 1910 и 1912 годах обнаруживают растущее число «белых воротничков», «прото-профессионалов», клерков и служебного персонала разного рода. В Петербурге, например, насчитывалось более 100 тыс. таких служащих, не считая перешедших в категорию «рабочие», или различные другие категории государственного, профессионального на низком уровне и прочего служебного персонала. В Москве было не менее 200 тыс. служащих — эта цифра не уступала, а может и превышала число подлинных фабрично-заводских рабочих. В губерниях росла армия «третьего элемента» земских и думских служащих, увеличивалось число таких работников, как учителя, агрономы, статистики, врачи и фельдшеры, судебные администраторы и разного рода техники.

Многие из этих профессий также стратифицировались, такие занятия более высокого ранга, как врачебная деятельность, имели более высокий статус перед менее почетными и привилегированными видами деятельности — в данном случае фельдшерской. Более низкий в целом уровень зарплаты, усугубленный в годы

мировой войны галопирующей инфляцией и удорожанием жизни, в сочетании с поиском нового статуса (как внутри, так и за пределами занятий/профессий) и идеологической приверженностью к проектам государственного строительства побуждали средние слои более низкого уровня организовываться и спланировать накануне и особенно в 1917 году с целью «демократизации». Чаще, особенно для всех слоев, лежащих ниже, скажем, адвокатов и профессоров, это означало радикальную форму демократизации в отличие от более умеренного «гражданского общества» и ориентированной на исполнение законов версии демократии у кадетов и других либералов. Иногда это означало активное участие в политике левых и сотрудничество или членство в рядах эсеровской, меньшевистской и даже большевистской партий.

Средние слои были также активно представлены в промежуточных левых партиях, таких как трудовики и народные социалисты (энесы), равно как и в правых и центристских фракциях других левых партий. Исходная база их влияния оставалась связана с их занятиями и профессиями, что придавало странную и, возможно, неожиданную форму молодой российской демократии в 1917 году. Средние слои чаще преследовали собственные цели и добивались их, черпая силу из своего количества, из знаний и своего положения в огромной инфраструктуре империи посредством профессиональных съездов и организаций, союзов, кооперативов и санкционированных государством общественных комитетов; их интересы часто брали верх над интересами партий или даже над задуманным и в значительной мере мифологизированным Учредительным собранием. Работники кооперативов, например, последовательно утверждали на своих съездах антипартийную линию и до самого конца пытались выбрать собственных делегатов на Демократическое совещание в сентябре и позднее в Учредительное собрание. Подобным же образом интеллигенты среднего уровня создали в Москве Совет депутатов трудовой интеллигенции, пытавшийся обеспечить для этой группы то, что делали для своего электората Советы рабочих и солдатских депутатов, а именно действенную защиту своих интересов и политическое влияние.

Роль средних слоев в 1917 году со всей ясностью вскрывает их глубокое отчуждение как от «буржуазии» и её партий, так и от самого Временного правительства. Союзы, профессиональные организации и Советы — все начали рассматривать Временное правительство (которое своей политикой и целым рядом своих постановлений действительно существенно поддержало движение средних слоев) как всё более бюрократизированное и не отвечающее их потребностям и интересам. Так было в случае с мощным Всероссийским Союзом железнодорожных рабочих и служащих и Союзом почтовых и телеграфных служащих. Демократизация, к которой сначала побуждало государство, приведенная в действие устремлением рядовых служащих, вскоре застыла перед лицом бюрократических рогаток и неспособности государства выполнить обещанное повышение заработной платы и провести радикальную реорганизацию управления на рабочих местах.

Можно привести еще один пример. 25 марта Временное правительство объявило хлебную монополию с твердыми ценами на зерно. В то же время оно образовало Главный продовольственный комитет, которому подчинялись комитеты губернские, уездные и волостные. Весь аппарат составляли эксперты из средних слоев и политические активисты. Однако ещё важнее было заявленное намерение правительства исключить из хлебной торговли и заменить кооперативами коммерческие слои (оптовиков, поставщиков и т. п.). Положение никого не удовлетво-

рило, поскольку правительству не удалось дать последовательные директивы своему новому аппарату, а органы низшего уровня брали дело в свои руки, придавая ему свой привкус революционной законности.

Коммерческие и промышленные служащие также стали быстро организовываться в союзы. В июле они провели всероссийский съезд. В резолюциях съезда выражалась солидарность с пролетариатом (они и сами считали себя частью пролетариата) и с Советами рабочих и солдатских депутатов. Целями союзов было улучшить экономический и юридический статус служащих, а также «уделить пристальное внимание распространению социалистических идей среди своих членов». Это было особенно важно, учитывая, что «особая среда коммерческих и промышленных служащих делает их более восприимчивыми к мещанской идеологии». Съезд призвал также к вмешательству правительства в экономику и обязательной синдикализации распределения промышленных товаров. Такие настроения привели к росту числа стачек и неразрешенных трудовых споров. Было ясно, что Временное правительство не сможет рассчитывать на поддержку организованных служащих. Организовывались и другие группы по профессиональному принципу, связанные с банковским делом, промышленностью и другими капиталистическими предприятиями, также нередко видевшие в революции средство заявить о собственных притязаниях на государственное строительство и создание «нового строя».

Временное правительство и средние слои упустили свой шанс объединиться и взять власть в виде «однородного социалистического правительства» на Демократическом совещании в сентябре 1917 года. Меньшевик-интернационалист Ю. О. Мартов в августе заявлял о необходимости для левых отвлечь от большевиков «мелкую буржуазию», являвшуюся основной частью социальной базы демократии. Ленин, со своей стороны, усматривал ценность радикализма служащих для своего дела. Несмотря на растущую активность большевиков и левых эсеров, набиравших силу после провала попытки переворота генерала Корнилова, и углублявшийся экономический, социальный и политический кризис, организованные средние слои могли еще взять верх и заставить Керенского сформировать новое правительство без участия в нём представителей «имущих классов». Но голосование было спутано, делегаты голосовали сперва за коалицию, но без кадетов (единственного возможного партнера по коалиции), затем за ещё одну коалицию, только способствовавшую распылению их политического влияния. Керенский воспользовался мандатом конференции и сформировал своё последнее, фатально ослабленное коалиционное правительство, поддержанное слабым Советом Республики (Предпарламентом).

Ирония в том, что средние слои надолго пережили правительство Керенского. Установление советской власти принесло новые испытания и дало новые возможности этим профессиональным группам. Ленин одобрял использование «буржуазных специалистов» — профессионалов и экспертов с высшим образованием. Многим из них советское государственное строительство и советские проекты с их утопизмом и исключительным рационализмом дали простор и государственную поддержку для реализации собственных профессиональных планов и возможностей. Это особенно касается таких областей, как инженерное дело, здравоохранение и медицина, академическая жизнь, экономика, управление и т. п. Низшие слои служащих и технического персонала также нашли место в советском государстве и обществе. Они составили то, что я называю «скрытым классом» — слой «белых

воротничков» и других, кто мог использовать знания существующей инфраструктуры в помощь созданию структур и бюрократии для нового социалистического государства. Они были «скрытыми» в том смысле, что являлись посредниками, которых нельзя назвать рабочими или крестьянами первого в мире государства и общества рабочих и крестьян. Их не легко было уложить в официальный дискурс или мифологию нового строя, но, в то же время, они требовались для его повседневного существования и реализации его проекта; как показали 1920-е годы, они были повсюду и в растущем числе.

Много сил тратила партия, желая прекратить их рост, пролетаризировать аппарат, восстановить и утвердить классовую чистоту. Но действия РКП(б) оказались безрезультатны. Если мы спросим, как новый советский режим сумел закрепить и усилить свою мощь на протяжении бурных лет Гражданской войны (1917–1921), одним из ответов станет присутствие и активное участие средних слоев более низкого уровня. Их динамизм, умение и способность приспособиться повлияли на события и процессы 1917 г. и затем продолжали формировать советские государство и общество далеко за пределами принятых хронологических границ революции. Это наследие оставалось неотъемлемой частью советской системы до самого ее крушения.

Литература

Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

Борьба за массы в трех революциях. Пролетариат и средние городские слои. М., 1981.

Городские средние слои в Октябрьской революции и Гражданской войне. М., 1984.

Изменения в социальной структуре Советского общества, октябрь 1917–1920 гг. М., 1976.

Канищев В. В. Октябрьская революция и средние городские слои. Тамбов, 1988.

Шаццлло М. К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции, 1917 — начало 1920-х годов. М., 2008.

Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History / Ed. by D. P. Koenker, W. G. Rosenberg and R. G. Suny. Bloomington, 1989.

Raleigh D. J.: Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Ithaca, 1986; Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton, 2002.

Remington T. F. Building Socialism in Bolshevik Russia. Pittsburgh, 1984.

| Эмиграция |

РОБЕРТ УИЛЬЯМС

Под терминами «русская эмиграция», «русская диаспора», «русское зарубежье», «Зарубежная Россия» обычно имеют в виду несколько миллионов человек, вынужденных бежать из Российской империи после ее распада в Революцию и Гражданскую войну между 1917 и 1921 годами. В действительности, эмиграция это явление русской жизни на протяжении веков. Исход после революции был массовой и особой формой традиционного явления русской истории, как и одним из результатов Первой мировой войны. Российская эмиграция являлась также продолжением европейских политических эмиграций после Революций 1688, 1789, 1830, 1848 и 1905 годов.

Важно разграничить термины «изгнанник», «эмигрант» и «беженец», хотя их часто используют как синонимы. Временное убежище для продолжения политической и культурной деятельности, запрещенной на родине, русские по привычке искали в Западной Европе. Во всех крупных европейских городах в XIX веке были русские колонии художников, студентов, писателей, журналистов, революционеров. К этим политическим изгнанникам в 1880-е годы добавилась многочисленная группа эмигрантов, в основном евреев, спасавшихся от преследований, службы в армии и нищеты. В 1881–1914 годах несколько миллионов человек эмигрировали из России, большинство в США, и Россия стала страной массовой эмиграции, а не иммиграции. Наконец, российские беженцы являлись вынужденно перемещенными лицами, изгнанными с родины событиями Первой мировой войны, Революции 1917 года и Гражданской войны.

Русская эмиграция, вызванная Революцией 1917 года и последующей Гражданской войной, содержала все эти три элемента, хотя беженцы численно намного превышали более привычных изгнанников и эмигрантов, насколько их можно различить. По разным данным в 1920-е годы за границей насчитывалось 2 или 3 млн. беженцев из бывшей Российской империи, в основном молодых воинов Белой Армии, сражавшихся против красных в Гражданскую войну. Эти беженцы скопились в Германии, Чехословакии, на Балканах, в Польше, в государствах Прибалтики, в Китае, и, особенно, в крупных городах — Берлин, Прага, Париж, София, Варшава, Рига, Харбин. К концу 1919 года около 70 тыс. беженцев насчитывалось в Берлине, а к 1923 году до полумиллиона — во всей Германии. Часто она становилась перевалочным пунктом в другие направления. По национальности большинство были не русские, а поляки, евреи, немцы. Многие беженцы из Российской империи считали себя армянами, грузинами, украинцами, финнами и прочими инородцами. До 1923 года крупнейшим средоточием российских эмигрантов был Берлин, затем поочередно Париж и Нью-Йорк, но в период между мировыми войнами каждая столица имела русскую колонию.

Исход

Послереволюционная эмиграция возникла как массовый исход из зон военных действий Гражданской войны России, начиная с вывода германских войск из При-

балтики и Украины зимой 1918–1919 годов после заключения перемирия. Русские войска Белых армий генералов Н. Н. Юденича, А. И. Деникина и барона П. Н. Врангеля были эвакуированы из портов Прибалтики, Новороссийска, Грузии, Крыма. В ноябре 1920 года более 100 судов доставили из Крыма в Константинополь войска Врангеля, которые разместили во временные лагеря в Турции и, затем, на Балканы и в Западную Европу. Из Прибалтики и Северной России белые воины с семьями чаще перебирались через Польшу в Германию, а с Дальнего Востока — через Харбин вглубь Китая, Японию и США, хотя Харбин, главный город на КВЖД, оставался крупным центром российской эмиграции к 1930-м годам.

Обустройство бездомных

Когда сотни тысяч беженцев хлынули в Европу, зарубежные города обрели новое качество. Париж в 1919 году стал политическим центром русской эмиграции, отчасти благодаря проведению там мирной конференции. В Берлине сосредоточилось книгоиздание. Варшава, Рига и Стамбул стали перевалочными пунктами, София — местом сбора военных ветеранов, Прага — научным и литературным центром и т. д.

Быстро возникали новые учреждения помощи огромному числу бездомных и перемещенных лиц. Созданный еще в Первую мировую войну Союз земств и городов (Земгор) управлял из Парижа делами беженцев. Для защиты прав беженцев и снабжения их паспортами Совещание послов во главе с М. Н. Гирсом использовало старую сеть русских зарубежных посольств и консульств. Российский Красный Крест (старая организация), американский «Христианский союз молодых людей» — ИМКА (YMCA), Американская администрация помощи (АРА) поставляли продовольствие, одежду и книги. Русская военная миссия в Берлине занималась делами бывших военнопленных, Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) помогал бывшим военнослужащим, Православная Церковь — верующим. Получить образование помогали такие организации, как «Союз русских студентов в Чехословацкой республике» (Прага, 1921), Русский народный университет и ИМКА.

Норвежец Фритъоф Нансен, знаменитый исследователь Арктики, в 1921–1930 годах верховный комиссар Лиги Наций по делам беженцев, ввел в 1922 году новую систему паспортов, для лиц без гражданства, чтобы беженцы военного времени получили международное удостоверение личности. Эти «нансеновские паспорта» имели большое, значение после 1921 года, когда СНК РСФСР лишил гражданства многих россиян, покинувших родину. Легальный статус эмигрантов стал проблематичнее и туманнее, когда Германия согласно подписанному 16 апреля 1922 года Рапалльскому договору дипломатически признала РСФСР.

Жизнь на чужбине

Наибольшее внимание всегда привлекала культурная жизнь русской эмиграции, но жизнь простых русских людей на чужбине была гораздо прозаичнее и трагичнее. Раздобыть визу было совсем непросто. После заключения договора между Германией и РСФСР 6 мая 1921 года советские представители начали выдавать в Берлине визы и паспорта. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1921 года ли-

шал гражданства всех покинувших страну без визы после Октября 1917 года и живущих за рубежом без советского паспорта более 5 лет. Многие, став лицом без гражданства, жили и перемещались по свету с «нансеновским паспортом».

Немногие эмигранты легко смогли найти работу или получить образование. Их российские аттестаты и дипломы ничего не значили в новом обществе. Обычным явлением стали нищета и сходжение вниз по социальной лестнице. Ценное недвижимое имущество некоторых российских подданных советское правительство продало с молотка в Европе и США. Работали таксистами, официантами, швейцарами в гостиницах, рестораторами. Многие богатые россияне и даже члены царской фамилии открыли магазины одежды. Другие распродавали привезенное с собой.

Подавляющее большинство российской эмиграции составляли безработные мужчины возраста 18–40 лет. В первые несколько лет рождаемость была низка, а смертность — высока. Общий образовательный уровень эмиграции был выше среднего русского, она состояла в значительной степени из горожан образованных, профессионально подготовленных, православных. Крестьян было не так немного. Гражданство стран проживания приняли лишь немногие.

Писатель Владимир Набоков в своих многочисленных романах и повестях отобразил печальную историю борьбы эмигрантов с иностранным языком, иностранными домовладельцами, грязной работой, паспортными проблемами, болезнями, бедными школами, нищетой и неприкаянностью. Русские фестивали, вроде ежегодного празднования Дня русской культуры (6 июня — в день рождения Пушкина) или Конкурса красоты «Мисс Россия», лишь маскировали тяжелую реальность эмигрантской жизни.

Политика

Политика в русской эмиграции, в общем и целом, продолжала старые споры в новой форме. Привычный политический спектр дореволюционной России — от «Союза русского народа» справа, через октябристов и кадетов в центре до эсеров, меньшевиков и анархистов на левом крыле — сохранился и в эмиграции. К тому же, здесь оказались бывшие чиновники царского и Временного правительств, последователи различных военно-политических группировок и генералы Гражданской войны, делегаты нерусских национальностей и монархисты сторонники претендентов на престол из Дома Романовых, великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича. Вера в то, что на счетах в зарубежных банках лежат немалые «романовские богатства», вызвала появление нескольких лжеАнастасий и прочих претендентов на наследство Романовых. Советское правительство вскоре умело воспользовалось ситуацией: вербовало агентов, побуждало эмигрантов к репатриации и даже сумело создать лжемонархическую организацию «Трест».

Русские монархисты сначала стекались в Баварию, где в мае–июне 1921 года в Бад-Рейхенгалле провели свой Общемонархический российский съезд. Реакционеры, немцы из бывших прибалтийских губерний России, такие как Макс Эрвин фон Шёйбнер-Рихтер и Альфред Розенберг, популяризировали среди германских единомышленников, включая нацистов, антисемитизм и пресловутые «Протоколы сионских мудрецов». Русскую революцию они изображали азиатско-еврейским заговором против западной цивилизации. Петр Струве перевел свой журнал ка-

детской ориентации «Русская мысль» в Софию (1921), затем в Прагу и Берлин (1922–1924) и, наконец, в Париж (1927). Эсеры обосновались в Праге, где основали журнал «Воля России». Меншевики во главе с Ю. О. Мартовым поселились в Берлине, где с 1921 года издавали «Социалистический вестник», который в 1933 году переместился в Париж и в 1940–1963 годах выходил в Нью-Йорке.

Некоторые группы и отдельные лица наладили связи с политическими партиями в странах проживания (меньшевики — с немецкими независимыми социалистами), но большинство групп держались особняком, вели деятельность на русском языке и были в непримиримой оппозиции советскому режиму. Условия эмиграции нередко усугубляли старые политические разногласия и создавали новые. Трагический пример — убийство 28 марта 1922 года кадета Владимира Набокова, отца писателя, двумя русскими фашистами, покушавшимися на его соратника по партии П. Н. Милюкова.

Интеллектуальная и культурная жизнь

Даже в условиях бедности и неприкаянности в русской эмиграции процветала богатая интеллектуальная и культурная жизнь. Большинство считали эмиграцию подлинным носителем русской культуры, истории и литературы; советская Россия, по их мнению, не могла претендовать на это. Русская литература и культура стали для эмигрантов, по словам Дмитрия Мережковского, «нашей последней родиной».

В искусстве, музыке и литературе, как и в политике, зачастую отражено влияние Серебряного века (1890–1914) в России. Русские эмигрантские издательства публиковали множество книг, журналов и газет. Среди ежедневных газет особо следует упомянуть кадетский «Руль» (Берлин), «Дни» Александра Керенского (Берлин, с 1926 г. Париж), «Сегодня» (Рига), «Новое время» (Белград) и издаваемые Милюковым в 1920–1940 гг. «Последние новости» (Париж). Издательства З. И. Гржебина (1869–1929) и Ивана Ладыжникова в начале 1920-х годов выпустили книг больше, чем тогда же издательства Москвы и Петрограда. На всем протяжении межвоенных лет на русском рынке преобладали берлинские издательства «Петрополис», «Эпоха», «Скифы».

В Париже в толстом литературном журнале «Современные записки» (1920–1940) публиковались многие авторы эмигранты: Владимир Набоков (псевдоним Сирин), нобелевский лауреат Иван Бунин, Зинаида Гиппиус, Алексей Ремизов, Марина Цветаева, Марк Алданов, Константин Бальмонт, Вячеслав Иванов и Дмитрий Мережковский и др. Многих публиковало знаменитое издательство «ИМКА-Пресс» («УМСА-Press»), основанное в чешском городе Пшерове в 1920 году и переехавшее в 1923-м в Берлин и в 1925-м в Париж.

Кроме того, эмиграция являлась хранителем истории. Историки Милюков, Михаил Карпович и Георгий Вернадский стали широко известны на Западе, как и социологи Питирим Сорокин и Жорж (Георгий) Гурвич. В Белграде Югославская Академия наук издавала «Русскую библиотеку» эмигрантских дарителей. В Праге хранилищем эмигрантских документов и переписки стали Русский заграничный исторический архив и Русская (позднее Славянская) библиотека, основанные при содействии Министерства иностранных дел Чехословакии. В Париже русских читателей притягивала Тургеневская библиотека.

Интеллектуалы-эмигранты развивали идеи о катаклизмах как природе истории, об общем упадке Запада, отыскивали незападные элементы в русской культуре. Религиозный философ Н. А. Бердяев в ряде трудов отстаивал эсхатологическую природу «русской идеи» и призывал к христианскому обновлению «нового средневековья» современности. Евразийцы издали сборник «Исход к Востоку» (София, 1921), где писали об иранских, монгольских и тюркских корнях современной русской культуры. Члены группы «Смена веков», образованной в Праге в 1921 году, в ответ на довоенную критику русской радикальной интеллигенции в «Веках» (1909), писали для берлинского журнала «Накануне», призывая смириться с советским режимом как логическим продолжателем русских национальных традиций в борьбе против армий Польши и прочих западных интервентов. Группа поэтов, делавших упор на восточные корни России, основала совместно с левыми эсерами в Берлине журнал «Скифы».

Новый импульс культурной жизни придавала насильственная высылка из РСФСР в конце 1922 года нескольких сот хорошо известных российских интеллектуалов, включая философов Н. А. Бердяева, С. Г. Франка, Н. О. Лосского и Ф. А. Степуна, экономиста С. Н. Прокоповича, историка А. А. Кизеветтера, юриста П. И. Новгородцева. В сентябре 1922 года философ В. В. Зеньковский организовал в Берлине Русское Философское общество, а два месяца спустя Бердяев на средства ИМКА открыл Религиозно-философскую академию и привлек к преподаванию и чтению лекций видных ученых.

Многие художники-эмигранты познакомились с Европой еще во время довоенных путешествий и обучения. Василий Кандинский до 1914 года жил в Мюнхене и быстро выдвинулся в первые ряды немецких художников-абстракционистов. Марк Шагал уехал из родного Витебска в хорошо знакомые ему мастерские Парижа. Художники-лучисты Михаил Ларионов и Наталья Гончарова тоже вернулись в Париж. В Берлине художник Эль Лисицкий и его журнал «Вещь» дали возможность эмигрантским и советским художникам встречаться с европейскими коллегами-модернистами. Иным местом встречи была художественная выставка 1922 года в галерее «Ван Димен» в Берлине. Другие художники искали признания в США, например футурист Давид Бурлюк, Сергей Судейкин, Борис Анисфельд и Борис Григорьев. Художник «Мира искусства» Николай Рерих переехал в 1920 году в США, где благодаря своим мистическим пейзажам Гималаев стал центральной фигурой религиозного культа. Русские иконы, ювелирные изделия и живописные полотна хлынули на западный рынок: их закладывали нуждавшиеся эмигранты или продавало советское правительство, нуждаясь в валюте.

Другой статьёй эмигрантского экспорта была русская музыка. Игорь Стравинский и Сергей Рахманинов стали композиторами-изгнанниками, бас Федор Шаляпин продолжал петь перед парижской публикой, дирижер Сергей Кусевицкий завоевал новую славу вместе с Бостонским симфоническим оркестром. По всему миру выступал перед восторженными слушателями Донской казачий хор Сергея Жарова. Исполнял потрясающие балетные постановки Сергея Дягилева с Вацлавом Нижинским и Анной Павловой Русский балет в Монте-Карло. В США писал музыку Сергей Прокофьев, вернувшийся на родину в 1932 году.

Важным объединяющей силой эмиграции являлась православная вера. Русские церковные иерархи за границей, обычно группировавшиеся вокруг прежних приходских церквей при царских посольствах, разделились на последователей Архиепископского Синода в Сремских-Карловцах (Сербия) и сторонников митрополита

Евлогия. Обе группы были в натянутых отношениях с Московской Патриархией. Этот раскол усугубила просоветская «Живая Церковь», пытаясь добиться поддержки нового режима. Желавшие усилить интеллектуальную жизнь Церкви группировались вокруг русского православного Свято-Сергиевского Богословского института в Париже (1925) (Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Георгий Флоровский, Георгий Федотов) и журнала «Путь» (1925–1940). При поддержке ИМКА активно действовало Русское студенческое христианское движение (РСХД). Экуменические связи с Англиканской Церковью поддерживало Содружество Святого Албания и Святого Сергия, где особую активность проявляли священники Сергей Булгаков и Георгий Флоровский. Многие из богатого наследия русского Православия отображено в «Пути русского богословия» Флоровского (Белград, 1938).

Интеллектуальная жизнь в эмиграции разнопланова. Трудно дать ей характеристику, однако, в общем, эмигрантские мыслители и писатели склонялись к противостоянию советскому режиму и восприятию Русской революции как некоего апокалипсиса, катастрофы или возвращения к более примитивным бедственным временам. Некоторые в своих сочинениях отказывались принять новые правила орфографии, введенные советской властью в 1918 году. Многие ассоциировали Россию скорее с Востоком, чем с Западом. В общем, эмигрантская мысль была скорее продолжением дореволюционных споров и дискуссий, чем распаиванием целины.

Возвращенчество

С годами перед эмигрантами встал ряд непростых вопросов: как относиться к признанию Западом советского правительства? Добиваться ли натурализации в новой стране? Надо ли ассимилироваться? Надо ли всю жизнь скитаться по чужбине без гражданства? После Гражданской войны вернуться на родину, в конце концов, решились немногие русские эмигранты. Движение «возвращенчества», возникшее в 1920-е годы и поддерживаемое советским правительством, стремилось, но без особого успеха, развить эту тенденцию. Наиболее известными возвращенцами тогда стали Борис Пастернак и Алексей Толстой, за ними последовали Сергей Прокофьев (1932), Максим Горький (1933), Александр Куприн (1937), Марина Цветаева (1939).

Вернулись, однако, сравнительно немногие. Большинство колебались между родной культурой и новой родиной. Некоторые ассимилировались в Европе, другие перебрались в США. К 1930-м годам новые поколения детей изгнанников находили свой путь, на который влияли как наследие их родителей, так и Великая депрессия, рост фашизма. Русская эмиграция жила своей культурой, а не политической.

Русская эмиграция явилась следствием социального, политического и культурного сдвига, вызванного Первой мировой войной и Русской революцией 1917 года. У неё нет четкого хронологического начала и конца. Изгнание и эмиграция были частью русской истории. В конечном итоге эмиграция после 1917 года утратила свою социальную и географическую идентичность в результате ассимиляции, смерти, принятия иного гражданства или возвращения на родину. 1917–1921 года стали временем великих потрясений, увидевшим массовый исход миллионов

жертв Первой мировой войны, Революции 1917 года и Гражданской войны с территории Российской империи. Однако история эмиграции началась до 1917 года и продолжалась в течение всего XX века. 1920-е годы явились лишь одной из глав долгого повествования.

Русская эмиграция также была большой социальной группой, созданной Русской революцией и размещенной за границей. Большинство эмигрантов старались сохранить свою русскую идентичность, осознавали свою роль хранителя русской истории, культуры и языка.

Русская эмиграция сложна для изучения, поскольку не имеет пока точного определения. Её непросто очертить, как социальное явление, хронологически и географически. Большинство эмигрантов знали лишь свой узкий круг и не воспринимали эмиграцию как целое. Источники по истории эмиграции весьма богаты, но разбросаны по всему миру. Советской историографической традиции практически не было, тема политически не укладывалась в советские рамки. Эмигранты предпочитали сосредоточиться на темах иных, чем собственное положение: русская история и культура, политическое прошлое или текущие события. Доступ в Государственном архиве Российской Федерации к «Пражскому архиву» и другим материалам в России открывает новое видение истории русской эмиграции, написание которой пока еще дело будущего.

Литература

- Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2004.
- Берега. Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2002–2010. Вып. 1–10. (Продолжающееся издание).
- Бочарова З. С. «...Не принявший иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920-е–1930-е гг. СПб., 2005.
- Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956.
- Голдин В. И.: Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск, 2006; Русское военное зарубежье в XX веке. Архангельск, 2007.
- Гуль Р. Б. Я унес Россию: В 3-х т. М., 2001.
- Граф Г. К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941: Воспоминания. СПб., 2004.
- Диаспора: новые материалы. СПб., 2001–2009. Вып. 1–9. (Продолжающееся издание).
- Емельянов Ю. Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции 1920–1940-е годы. М., 2008.
- Зарубежная Россия. 1917–1939. СПб., 2000, 2003. Кн. 1, 2; Зарубежная Россия. 1917–1945. СПб., 2004. Кн. 3.
- Литературная энциклопедия Русского зарубежья: В 2-х т. М., 1997, 2000.
- Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. М., 1994. Т. 1.

- Нансеновские чтения 2007. СПб., 2008; Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009 (Продолжающееся издание).
- Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009.
- Окороков А. В.: Русская эмиграция: политические, военно-политические и военные организации. М., 2003; Фашизм и русская эмиграция (1920–1945). М., 2002.
- Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999.
- Раев М. И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994.
- Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг, журналов и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: В 4-х т. М., 2003–2006.
- Русская военная эмиграция 20-х–40-х гг.: Документы и материалы. М., 1998–2001. Т. 1–2. (Продолжающееся издание).
- Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М., 2005.
- Русская эмиграция до 1917 г. — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997.
- Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: В 4-х т. М.; Париж, 1993–1997.
- Стефан Д. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М., 1992.
- Факты и версии. Историко-культурологический альманах. СПб., 2002. Кн. III. Русское зарубежье: политика, экономика, культура.
- Шаццлло М. К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции, 1917 — начало 1920-х годов. М., 2008
- Andreyev C., Savicky I. Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven; London, 2004.
- Glad J. Russia Abroad. Tenaflly, 1999.
- Hardeman H. Coming to Terms with the Soviet Regime: The 'Changing Signposts' Movement among Russian Émigrés in the early 1920s. De Kalb, Illinois, 1994.
- Johnston R. H. New Mecca, New Babylon: Paris and Russian Exiles, 1920–1945. Kingston, 1988.
- Kellogg M. The Russian Roots of Nazism: White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945. Cambridge, 2005.
- Volkman H. E. Die russische Emigration in Deutschland, 1919–1929. Würzburg, 1966.
- Williams R. C. Culture in Exile: Russian Émigrés in Germany, 1881–1941. Ithaca, 1972.

Ч А С Т Ь

VII

ЭКОНОМИКА
И ПРОБЛЕМЫ
ПОВСЕДНЕВНОЙ
ЖИЗНИ

Военный коммунизм

СИЛЬВАНА МАЛЛИ

Термин «военный коммунизм» обычно используют для обозначения периода с лета 1918 до весны 1921 года, когда РКП(б) вела Гражданскую войну и оформлялась как единственная политическая сила в стране. Эта периодизация использована в работах Э. Х. Карра, Мориса Добба и Е. Г. Гимпельсона и остаётся в силе, когда внимание направлено на основные конкретные особенности военного коммунизма: национализация промышленности и перераспределение земли, централизация власти, обязательные нормы сдачи продовольствия государству (продразверстке) и натурализация экономики. Если же внимание сосредоточить на происхождении новой системы, на ценностях и проектах, на политической стратегии и конкретных делах, эта периодизация представляется неудовлетворительной и вводящей в заблуждение. Она неудовлетворительна, поскольку не идентифицирует эндогенные причины преобразований, и вводит в заблуждение, поскольку Гражданская война неизбежно становится экзогенным и определяющим фактором институционального процесса. Понимание происхождения военного коммунизма помогает понять его наследие — развитие и крах советской системы. Происхождение военного коммунизма искать надо, прежде всего, в проектах и целях его действующих лиц.

Идеология

Идеологический контекст очень важен: это действительно был «коммунизм», как его теоретически представляли многие влиятельные большевики до и сразу после захвата власти и как его понимали современники. Военная необходимость, возможно, являлась необходимым условием военного коммунизма, но её было недостаточно. Отличительная особенность коммунизма как альтернативы рынку и индивидуализму состояла в разделении производства и распределения: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Социалисты в целом разделяли эту цель. «Манифест Коммунистической партии» усматривал отмену частной собственности в банковском деле и на средства производства как предпосылку социализма. Маркс набросал лишь эскиз системы, которая придет на смену капитализму, предлагая принимать решения по обесцениванию капитала, капиталовложениям и распределению в рамках государства, из социальных фондов потребления. Большинство большевиков, подобно многим европейским радикальным социалистам, полагало, что к рубежу веков капитализм созрел для своего краха, что признак этого краха мировая война и социализм должен готовиться прийти на смену капитализму. Ленин под влиянием Каутского в работах «Государство и революция» и «Удержат ли большевики государственную власть?» развивал мысли о роли государственной

власти, добавив собственные идеи: теорию партии как авангарда общества и использование насилия против сопротивления буржуазии. Рабочие организации под руководством партии должны были контролировать работу специалистов, поддержку революции со стороны которых не воспринимали как саму собой разумеющуюся, но необходимость использовать которых большевики так или иначе осознали. Ленин задумал некий тип полицейского государства, где партия мобилизует рабочих и вместе с ними использует принуждение, если продолжение существования капиталистических идей делает это необходимым. Ленин, по словам его биографа Д. А. Волкогонова, подкрепил «генеральную линию» марксизма всем тем, что делало это учение бескомпромиссным, резким и радикальным.

Маркс и Энгельс отвергали модели «казарменного коммунизма», основанные на дешёвизне и уравниловке, совместном использовании столовых и спален и управлении комитетов, при которых «презрение к простой жизни приобретает самое высокое значение». Однако для многих большевиков, включая Ленина с Троцким, коммунизм был именно «военным коммунизмом», как метко назвал его их современник Александр Богданов. Это включало в себя сочетание управления сверху и строгого подчинения снизу, распределение товаров посредством ратирования и решительное противодействие любой форме частного предпринимательства. Возник этот *simulacrum* (лат.- подобие, видимость) коммунизма в Первую мировую войну. Богданов ясно осознал, что институализация принуждения неизбежно присуща большевистскому подходу к любой задаче, как вопросу шока, а не организации.

Антирыночный подход

Принуждение, действительно, воплощалось в любом социалистическом идеале постольку, поскольку не принималось рыночное распределение. Это объясняет первоначальную поддержку, которую большевики получили от социалистов в России и за рубежом. Желание контролировать рынок широко разделялось в социалистическом лагере в течение весьма длительного времени, хотя не каждый осознавал, что принуждения не избежать, если стимулы, заложенные в индивидуальных правах собственности, не получают замены в обществе в целом в лице высоких индивидуальных моральных стандартов и самопожертвования. Вот почему многие были склонны винить личности, а не идеалы и методы использования принуждения.

Опыт военного коммунизма после октября 1917 года можно считать неудачным, но длительным усилием, направленным на контроль рынка путём декретирования, начиная с товарного и кончая рынком труда, и на принуждение общества принять возрастающий государственный контроль над всем — от распределения до производства — независимо от эффективности. По мере усиления правительственного контроля над распределением промышленное обеспечение сокращалось, нелегальные рынки росли, как грибы, коррупция обрела вселенский размах. Это, в свою очередь, требовало ещё более твёрдого контроля над торговлей и производством более широкого ассортимента товаров и конфискации любых излишков, особенно продовольствия.

Шесть основных постановлений 1918 года показывают решимость большевиков бороться с рынком: приказ Троцкого от 17 февраля всем местным Советам,

железнодорожным комитетам и патрулям бороться с мешочничеством всеми средствами, от конфискации до расстрела на месте; Декрет СНК от 23 марта о железных дорогах, об «обуздании анархии на рынке и создании широкой основы для регулирования его государством»; Декрет от 19 января об обязательном членстве граждан в коммунах потребителей, как первом шаге к распределению под контролем государства; Декрет от 2 апреля «о товарной бирже для улучшения продовольственного снабжения», предоставивший Комиссариату продовольствия (Наркомпроду) монопольное право торговли рядом товаров широкого потребления, обменивавшихся на продовольствие, и поставивший эти товары под контроль сельской бедноты на местах; Декрет от 14 мая о продовольственной диктатуре, разрешивший использовать вооруженную силу при сборе продовольствия; Декрет СНК от 21 ноября «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства», распространивший снабженческую монополию Наркомпрода на немонопольные товары, дав ему право национализировать, реквизировать и конфисковывать торговые предприятия. К осени 1918 года в 60 % российских губерний прекратилась частная оптовая торговля и в одной трети — даже розничная торговля. Закрытие частной торговли сопровождалось политикой контроля над натуральным распределением и насаждения крайне бюрократизированной сети потребительских кооперативов.

Основные шаги к натурализации товарного обмена, предпринятые в 1918 году, подтолкнули почву для политики вооруженных реквизиций продовольствия и фуража в 1919-м и 1920-м. Это имеет решающее значение для понимания того, как правящая партия, имея не слишком большую поддержку населения, уцелела в Гражданской войне, а также — природы и интенсивности восстаний, ставших в 1921 году препятствием для дальнейших антирыночных скачков.

Социальная база коммунистической партии

Большевистская партия ответственна за важнейшие решения, принятые после революции, хотя ограниченная социальная основа означала, что по ряду пунктов сначала требовался компромисс с партиями левых эсеров и меньшевиков. В начале 1918 года из почти 400 тыс. членов РКП(б) большинство были рабочие и служащие (соответственно 56,9 и 22,4 %), крестьяне составляли лишь 14,5 %. В сентябре 1917 года большевики получили на выборах в 455 из 643 городских дум в России 7 % голосов, а на уездном уровне — 2,2 %. Социалисты (меньшевики и эсеры) и кадеты завоевали голосов гораздо больше. Местные беспартийные группы, имевшие 50,3 % голосов избирателей и широкое представительство, которые, как полагал Ленин, можно привлечь на сторону коммунизма, на ранней стадии демократии трудно было распределить по категориям.

Таким образом, взяв власть, большевики не могли распространить влияние на всю страну; но неверно было бы возлагать на них ответственность за все основные экономические и институционные процессы после революции. Некоторое время практиковалось коллективное принятие решений на каждом уровне Советов. Местные власти конфисковали фабрики и предприятия, а их продукцию реквизировали еще до одобрения в центре решения о национализации, и даже против воли центра. Большевики до марта 1918 года пользовались поддержкой левых эсеров. Даже в период между осуждением в марте другими социалистическими пар-

тиями Брестского мира и изгнанием этих партий из местных Советов в июне-июле, от 20 до 35 % членов многих Советов составляли левые эсеры. Они поддержали практику уравнительного раздела земли, которую не одобряли вожди большевиков, полагая повысить производительность труда с помощью крупных форм хозяйствования. Левые эсеры, в общем и целом, поддерживали натурализацию экономики и программу коллективного товарообмена.

Коммунисты берут государство в свои руки

Несмотря на слабость своей электоральной базы, правительство большевиков способно было создать центральные органы власти и обеспечить их работу: Совет Народных Комиссаров (СНК) руководил работой 13 министерств, преобразованных в народные комиссариаты (наркоматы). 2 декабря 1917 года был основан Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ) с целью планирования и координации экономической политики. ВСНХ имел полномочия конфисковывать, реквизировать и объявлять секвестр, выдавать мандаты в любой отрасли промышленности и давать распоряжения любому местному правительственному экономическому подразделению. В июне 1918 года. ВСНХ подготовил и провёл национализацию всех акционерных компаний, в августе получил статус наркомата. После принятия Конституции РСФСР в июле 1918 года в СНК появились другие наркоматы, включая Наркомат государственного контроля. С осени 1918 года небольшой совет, ставший затем Советом Труда и Оборона (СТО), принял на себя многие функции СНК в деле стратегического планирования. Централизация правительственных функций проходила наряду с укреплением коммунистического контроля над всеми государственными органами.

Их заполнили коммунисты. Уже в марте 1918 года в административных органах было занято около 200 тыс. членов РКП(б), а за время с весны до августа 1918 года в их руках оказались практически все государственные учреждения. Наивысшей их концентрация была в Наркомате внутренних дел, Наркомате иностранных дел и в ВЧК. В Наркомате юстиции коммунисты составляли 23,1 % всего штата, в ВСНХ — 22,3 %. Не будучи в большинстве, коммунисты занимали самые высокие посты. В 1920 году коммунисты были пропорционально лучше представлены на губернских съездах Советов, чем на уездном уровне (76 % против 42 %); 30 % членов РКП(б) среди военнослужащих Красной Армии были еще одним дополнением к военной большевизации власти.

Управление промышленностью

После революции большевики нуждались в фабрично-заводских комитетах, где были лучше представлены, чем в профессиональных союзах. Органы рабочего контроля и их съезды были учреждены 14 ноября 1917 года, им предоставили право издавать обязательные постановления по управлению. Инициатором принятия этого спорного решения выступил Ленин, предпочтя иметь «длинную руку» большевистской власти в частной промышленности тому хаосу, который эти органы могли принести в производство. Не поддержанные ни профсоюзами, ни технократами из ВСНХ, фабзавкомы не оказали серьезного влияния на экономические

процессы, если не считать разрозненных частных инициатив при конфискации заводов и реквизиции запасов в начале 1918 года. При национализации крупной промышленности в июне 1918 года бывшие управляющие обязаны были остаться на своих постах, под политическим контролем, правилом стало единоличное управление. С 1918 по 1920 года издали три декрета, касающиеся управления предприятий. Участие рабочих свели к наблюдению *ex post* (лат. - после свершившегося), которое брали на себя профсоюзы, ставшие к 1920 г. «передаточными ремнями» политических распоряжений. Назначение политических комиссаров на большинство фабрик помогло руководству установить контроль над промышленностью. Эта система оказалась эффективнее коллегиального управления и пережила военный коммунизм.

Наследие: структуры и планы

Организационное наследие царизма и недолгого, но активного Временного правительства приобрело значение ввиду недостатка у коммунистов умения и опыта в вопросах экономики. Главный Экономический комитет, созданный при царизме, сменил ВСНХ и взял под свое начало отраслевые комитеты (главки), координировавшиеся последним, которые контролировали цены и распределение продукции по военным заказам. Главки стали основой индустриальной организации ВСНХ, его производственными секциями и позднее — его центральными отраслевыми учреждениями. Именно они на практике собирали и координировали оценки предприятий и принимали решение о финансировании, закрытии заводов, перераспределении оборудования. Таким образом, индустриальные конгломераты, созданные при царизме, обеспечили структуру (и ведомственный подход) военно-коммунистической системы.

Вожди коммунистов также унаследовали теоретические предпосылки планирования экономики и труда, разработанного экономистами с богатым воображением. Среди них радикализмом выделялся В. Г. Громан, с марта 1917 года председатель Продовольственной комиссии Петроградского Совета. План предполагал, что, устанавливая государственные монопольные цены в промышленности и сельском хозяйстве, можно будет разработать нерыночные товарные ценовые отношения и извлечь сельскохозяйственный излишек по ценам ниже рыночных. На основе местных бюджетных расчетов выработали нормы потребления для крестьянских хозяйств, после чего на основе обрабатываемых площадей вычислили сельскохозяйственный излишек. Этот план, выработанный в 1917 году, заложил экономические принципы коммунистической стратегии коллективного товарообмена и сбора продовольствия — эксперимента, который пытались воплотить в жизнь в марте 1918 года. Эта политика терпела неудачу не только потому, что ценовые коэффициенты были оторваны от действительности, но также поскольку большевики настаивали на коллективном обмене, имея в виду, что местное сообщество также ответственно за поставку запасов зерна. Промышленные товары полагалось распределять под контролем деревенской бедноты пропорционально численности населения, а не вкладу каждого хозяйства. Макроэкономический план обмена и распределения, над которым высококвалифицированные экономисты продолжали работать на протяжении периода военного коммунизма, стал также основой единого экономического плана в 1921 году.

К середине 1918 года коммунисты уже контролировали существовавшие потребительские кооперативы, бывшие цитадели меньшевиков, обслуживавшие три четверти населения. К концу 1919 года Центральная Секция общего распределения возглавляла то, что в принципе составляло общенациональную сеть контролируемых государством кооперативов. Местные органы секции оценивали спрос на местах, принимая во внимание население и промышленность, сообщали в центр и перераспределяли партии товаров и продуктов. Основным ответственным органом был Наркомпрод. В целях распределения население разделили на шесть категорий по классовому принципу, с разными нормами выдачи. Распределительный план на 1920–1921 годов охватывал 37 млн. 520 тыс. 300 человек, из них около 8 млн. 400 тыс. — промышленные рабочие и их семьи.

Параллельно с планами распределения наметили планы утилизации. Весной 1919 года Комиссия по утилизации, созданная ВСНХ в ноябре 1918 года, начала работу по материальной оценке запасов продукции и объемов текущего производства. В 1920 году планы утилизации регулировали распределение приблизительно 325 единиц продукции среди населения и в промышленности в виде физических единиц. Эти планы также включали в себя резервы и остановившиеся заводы, оптовые и розничные цены. Промышленный спрос вычислили с учетом эффективности использования промышленных мощностей и технических коэффициентов продукции. Для товаров потребления использовали таблицы эквивалентов, чтобы обеспечить определенную гибкость при натуральной оплате. Эти планы совсем не реалистичны, процент их выполнения не позволяет полагать, что промышленность работала в соответствии с планом. Однако работу в этой области выполняли убеждая: раз война закончена, экономику, включая сельскохозяйственное производство, можно планировать сверху.

В декабре 1920 году приняли закон о формировании посевных комитетов, с целью заменить самостоятельные решения частных хозяев спускаемыми из центра до уездного уровня распоряжениями с плановыми заданиями. Этого предполагали достичь перераспределением средств и производственных материалов среди частнохозяйственных единиц. В то же время Наркомат финансов и СНК одобрили решение разработать новую систему учета, основанную на труде, как мере ценности, которую разработали в первой половине 1921 года.

Во все более и более бескомпромиссной политической атмосфере 1920 года победоносное коммунистическое правительство всерьез рассматривало выполнение единого плана производства и распределения, но восстания крестьян и волнения рабочих, кульминация которых Кронштадтское восстание в марте 1921 года, остановили скачок к полному коммунизму. Восстания невозможно было далее объяснять саботажем оппозиции. Многие коммунисты поняли, что единый план не осуществим без принуждения. Для готовых идти вперед следующим необходимым шагом должна была стать коллективизация земли, идея, которую большевики никогда не сбрасывали со счета.

Принуждение

Н. Д. Кондратьев, участник группы экономических советников Временного правительства, подчеркивал, что коммунисты не изменили план заготовки продовольствия, подготовленный при Временном правительстве. Они лишь ввели каче-

ственно новый элемент, оправданный логикой классово́й борьбы: принуждение, одобрить которое не были готовы ни меньшевики, ни левые эсеры. Использование силы против имущих классов, обозначенное в декретах декабря 1917 года о национализации банков и об отмене выплаты дивидендов, могло объясняться как составная часть революции — изъятие собственности у одного класса другим. С другой стороны, принуждение при заготовках продовольствия, объявленное в Декрете ВЦИК и СНК от 27 мая 1918 года о продовольственной диктатуре, следовало понимать как организационную меру, характеризующую как подход к решению экономических проблем, так и его методы в условиях военного коммунизма. Это станет долгосрочным наследием советской системы. Решено было централизовать снабжение горожан пищевыми продуктами в руках Наркомата продовольствия (Наркомпрод) и сохранить монопольные закупочные цены на уровне августа 1917 года, несмотря на неудержимую инфляцию (рыночная цена была приблизительно в 8–10 раз выше фиксированной), хотя многие большевики знали, что повышение цен может помочь делу снабжения. Это решение фактически пересмотрели некоторые местные Советы, убрав потолок закупочных цен. Пока частные каналы оставались открыты, люди находили способ увеличить свой скудный паек. Война с мешочничеством, которое большевики считали причиной, а не следствием дефицита, не помогала, особенно в конце 1919 года, когда в борьбу с нелегальной торговлей включилась ВЧК. Не раз после рабочих волнений допускали ограниченную частную торговлю. Только зимой 1920–1921 годов для подготовки фонда потребления, достаточного чтобы выполнить отдельно взятый экономический план, право закупок на частном рынке имели только советские учреждения и кооперативы, работавшие для Накромпрод. Когда СНК решил запретить использование агентов и посредников в государственном снабжении и закрыть в Москве знаменитый Сухаревский рынок, голод охватил всю страну.

При заготовке продовольствия большевики использовали сельскую бедноту против остальной части крестьянства. В каком-то смысле создание Комитетов деревенской бедноты (комбедов) в начале июня 1918 года помогло большевикам, поскольку дало местные организации, на которые можно возложить ответственность за поиск продовольствия и извлечение его из деревень с помощью Красной гвардии, вооруженных продотрядов и частей ЧК. Но «деревенские бедняки» зачастую даже не были местными жителями. Попытки их использовать фактически укрепили социальную сплоченность крестьянства в целом. После распределения земли деревенские бедняки оказались связаны общими интересами с остальными крестьянами. Власти наталкивались на серьезное сопротивление и до, и после введения комбедов. Даже после их упразднения и амнистии в 1919 году середняков, участников протестов, восстания не прекратились. На территориях, контролируемых контрреволюционными правительствами, крестьяне также восставали против властей. Вопрос, на чьей стороне были крестьяне в Гражданскую войну, обсуждается достаточно долго. Правильный ответ, вероятно, такой: крестьянам просто хотелось, чтобы их оставили в покое. С окончанием Гражданской войны это настроение усилилось. Во второй половине 1920 года произошли 64 антисоветских восстания с участием множества крестьян. Самым известным было Антоновское восстание в Тамбовской губернии, особенно опустошенной реквизиция продовольствия.

СНК преуспел в реквизиции больших объемов продовольствия. Значительная часть его шла на нужды Красной Армии. Но даже используя принуждение СНК не

добился успеха большего, чем предшествующие правительства, и не смог обеспечить достаточное и справедливое распределение в городах. Часть продовольственных запасов сгнила на государственных складах, часть была потеряна или расхищена. К концу 1920 года крупномасштабное хищение широко распространилось в государственных учреждениях. При военном коммунизме от 65 до 70 % продовольствия, необходимого для выживания, по-прежнему обеспечивал черный рынок. В то же время крестьяне несли драматичные потери. Взимаемые с них в 1920–1921 годах прямые и косвенные платежи, включая реквизицию рогатого скота и прочие подобные налоги, в целом превышали, по крайней мере, вдвое, довоенный уровень.

Экономическая организация

Еще ранее весны 1918 года наряду с национализацией банков и земли правительство объявило об отмене внутреннего и внешнего государственного долга, о национализации торгового флота, учреждении местных и губернских бирж труда, через которые стал обязателен найм на работу, а также о подчинении потребительских кооперативов государственному контролю. С национализацией нефтедобывающей промышленности и акционерных компаний в июне 1918-го СНК взял под контроль основную часть промышленных материальных ресурсов и конечного продукта и мог распоряжаться огромными запасами оружия. На контролируемой им территории проживала наибольшая часть населения. Все это обеспечило ему превосходство в Гражданской войне.

К концу 1920 года, на пике военного коммунизма, государство контролировало все сектора экономики и большую часть производства. Немногие частные розничные торговцы сумели сохраниться, хотя некоторые частные торговые и промышленные предприятия, особенно в областях, позднее перешедших под советский контроль, продолжали работать. Экономика была натурализована значительно, но не полностью. Шаги к натурализации экономики, в общем и целом, не зависели от валютной политики и галопирующей инфляции. Деньги продолжали печатать для финансирования государственного бюджета. Предприятия государственного сектора вели дела между собой не используя денег, но всё регистрировали в счетах по ценам, установленным ВСНХ. Наличные деньги еще имели хождение и использовались в текущих операциях вне государственного сектора. Нелегальная оптовая и розничная рыночная торговля продолжала существовать, как и хищения, взяточничество, коррупция.

Организация экономики с осени 1918 года подчинялась военным целям. Однако организация военного производства действовала внутри общей экономической организации. Для содействия военной промышленности создавали особые связующие органы между военной и гражданской промышленностью. Эти органы непосредственно подчинялись СТО. Они направляли средства на предприятия, выполнявшие военные заказы, долги этих предприятий списывали, когда выпущенная продукция поступала по назначению. Политические комиссары использовали неформальные связи для обеспечения поставки топлива, продовольствия и сырья. С созданием в августе 1919 года Промышленного Военного Совета с широкими полномочиями по открытию и закрытию военных заводов и ассигнованию внебюджетных средств на выполнение военных заказов, организация снабжения завер-

шилась. Наряду с централизованной военной организацией, на армию работали многие частные ремесленники. Они сыграли важную роль в обеспечении бойцов обмундированием.

Трудовая повинность, обозначенная в Конституции РСФСР 1918 года и советском Кодексе о труде, проводилась в жизнь скорее согласно потребностям, чем планам, и сопровождалась дифференциацией заработной платы и натурального вознаграждения. Однако к концу Гражданской войны милитаризация труда стала основной программы восстановления экономики. Составлялись призывные списки всех здоровых рабочих, промышленные рабочие обязаны были регистрироваться в специальном военном бюро. Отказ от регистрации считался дезертирством. Красную Армию обеспечили, но население голодало. В 1918 году не менее трети правительственных расходов шло на военные нужды. В 1919-м на Красную Армию ушло 40 % хлеба, выращенного на советской территории, а в 1920-м армия стала главным потребителем национального продукта. В 1915–1923 годах войны, голод и эпидемии унесли 30 млн. жизней. Примерно две трети из них пришлось на 1918–1923 гг. Ужасающие условия жизни и опустошительные эпидемии вызвали в 1920-м самые тяжелые потери.

Военный коммунизм и командная экономика

Нередко говорят, что, не вмешайся Гражданская война в процесс строительства коммунистических институтов, Новую экономическую политику (НЭП), принятую на X съезде РКП(б) в марте 1921 года и означавшую конец военного коммунизма, ввели бы ещё в 1918-м. Произведения Ленина апреля 1921 года о необходимости использовать буржуазных специалистов, повысить производительность и эффективность труда, партийные дискуссии по этим вопросам, как считается, могли стать поворотным моментом в подходе к построению социализма. Однако из тех же трудов Ленина видно, что он не понимал, как лучше стимулировать производство, и не сбрасывал со счёта принуждение. Когда встал вопрос о повышении производительности труда, Ленин утверждал, что трудовую повинность, фактически уже действовавшую и для рабочих, можно распространить на буржуазию. Для укрепления трудовой дисциплины среди рабочих, подчеркивал он, потребуются особые инспектора, выбранные из рядов профсоюзов, и применение наказаний за преступления.

Этапы развития коммунистической организации экономики были отмечены и идеологическими посылами, и целесообразностью. Средствами, используемыми для трансформации рыночной системы, являлись принуждение против врагов и потенциальных противников и мобилизация в партийцев. Стимулы заменяли командами, государственная бюрократия сменяла владельцев и специалистов. Принуждение и мобилизация не смогли бы эффективно использоваться без высокой степени политической централизации. Эффективной административной централизации так и не достигли, но политическая централизация дала некий суррогат, действовавший во время и после военного коммунизма. Основы командной экономики были заложены в первые годы советской власти, являясь средством её выживания. Использование специалистов в правительстве и в промышленности и царских офицеров в армии имело решающее значение для обеспечения уровня эффективности, необходимого, чтобы выстоять и победить в Гражданской войне. И

в гражданских и в военных учреждениях бдительные партийцы и политкомиссары обеспечивали пассивное принятие лишений и террора — логика коллективного действия. 1 млн. 761 тыс. 105 дезертиров из Красной Армии в 1919 году — это свидетельствовало, насколько сознательной была поддержка на всех уровнях.

Самое всестороннее западное исследование о Гражданской войне, работа Ричарда Пайпса, содержит вывод, что выживание коммунистической власти было обеспечено безудержной жестокостью большевиков, не позволявших Красной Армии отступать, отсутствием единства у контрреволюционеров и их неспособность найти приемлемые политические альтернативы. Потери Красной Армии были очень высоки (гораздо больше, чем у царской армии в Первую мировую войну), как и среди гражданского населения, на которое пришелся 91 % потерь. На контролируемых большевиками территориях убыль населения была больше, чем на занятых Белой Армией.

Военный коммунизм оставил страну разоренной и опустошенной. Нет точных данных о падении производства, но имеющиеся сведения показывают, сколь драматично это падение, особенно в центральных областях, находившихся под советским правлением. Выпуск полуфабрикатов в 1920 году составлял менее 20 % от уровня 1912 года. Общая площадь запашки сократилась примерно на 25 %, отчасти в результате перераспределения земли среди мелких хозяйств и нехватки средств и орудий для ее обработки, отчасти благодаря продразверстке. Площадь обрабатываемой земли в Нижнем Поволжье, остававшемся всю Гражданскую войну под советским контролем, сократилась намного больше, чем в Среднем Поволжье, переходившем из рук в руки.

НЭП был отмечен заменой продразверстки натуральным налогом (продналогом). Тот же X съезд РКП(б) запретил в партии фракции. Продналог, общая сумма которого устанавливалась прогрессивным способом, должен был основываться на выработке частных хозяйств и поддерживался работой, в ограниченных пределах, местных рынков. Рынок помог в 1920-е годы восстановить экономику. Однако в спорах, предшествовавших принятию Первого пятилетнего плана, приводились многие аргументы времен военного коммунизма в пользу единого экономического плана. Действующие лица остались прежние, большинство их не меняло убеждений, вера в партию как авангард общества не была поколеблена и компартия была как никогда сильна.

Литература

Астрахан Х. М. Партийность населения России накануне Октября (по материалам выборов в Городские думы в мае — октябре 1917) // История СССР. 1987. № 6.

Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1990.

Гимпельсон Е. Г.: Военный коммунизм: политика, практика, идеология. М., 1973; Начальный этап складывания административно-командной политической системы (1918–1920) // Формирование административно-командной системы. М., 1992.

Давыдов А. Ю. Мешочники и диктатура в России, 1917–1921. СПб., 2007.

Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986.

- Дробижев В. З., Пивовар Е. И.* Коммунисты в центральных органах управления РСФСР // Вопросы истории КПСС. 1985. № 4.
- Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.
- Медведев А. В.* Неонародничество и большевизм в России в годы Гражданской войны. Нижний Новгород, 1993.
- Морозов С. К.* Некоторые вопросы партийного руководства Советами в 1918–1920 гг. // Вопросы истории КПСС. 1989. № 9.
- Павлюченков С. А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.
- Ходяков М. В.* Децентрализм в промышленной политике регионов России: 1917–1920 гг. СПб., 2001.
- Carr E. H.* The Bolshevik Revolution, 1917–1923: 3 vols. London, 1950–1953.
- Dobb M.* Soviet Economic Development since 1917. New York, 1948.
- Lih L.* Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley, 1990; The Bolshevik Sowing Committees of 1920: Apotheosis of War Communism. Carl Beck Papers No 803, Pittsburgh, 1990.
- Malle S.* The Economic Organization of War Communism, 1918–1921. Cambridge, 1985.
- McAuley M.* Bread and Justice: State and Society in Petrograd, 1917–1922. Oxford, 1991.
- Pipes R.* Russia under the Bolshevik Regime, 1919–1924. Hammersmith, 1994.
- Remington T. F.* Building Socialism in Bolshevik Russia: Ideology and Industrial Organization, 1917–1921. Pittsburg, 1984.
- Sakwa R.* Soviet Communists in Power: A Study of Moscow during the Civil War 1918–1921. London, 1988.
- Stanziani A.* L'Économie en revolution. 1870–1930. Paris, 1998.
- War Communism / Ed. by Bradley J. // Russian Studies in History. 1994. № 33.

Голод 1921 года

ДЭВИД Ч. ЭНГЕРМАН

Нехватка продовольствия сыграла важную роль в Революции 1917 года, а большевистские методы сбора продовольствия стали главными вехами первого десятилетия советской власти, особенно при переходе от военного коммунизма к НЭПу. Для России голод был не нов, поскольку поражал ее по крайней мере раз в 6–7 лет. Большой голод 1891–1892 годов содействовал повороту политики русских революционеров от народничества к марксизму. Петр Струве вспоминал, что его «марксистом гораздо больше сделал голод 1891–1892 годов, чем чтение “Капитала” Маркса». И в этом он не одинок. Отношение к вопросу об оказании помощи голодающим стало одним из главных расхождений марксистов с народниками. Многие марксисты считали, что делать надо революцию, а не благотворительностью заниматься.

Большевики понимали, чтобы удержать власть, надо контролировать запасы продовольствия, и уже через день после её захвата создали Наркомат продовольствия. Борьба за хлеб велась ими всю Гражданскую войну, а их методы становились все более жестокими. Система продразверстки объявила «излишки» зерна собственностью государства. Вооруженные продотряды, угрожая оружием, отбирали даже семенное и кормовое зерно, и крестьяне все меньше понимали, что такое «излишки». Это стало одной из причин хаоса в системе снабжения населения и Красной Армии продовольствием. В ходе Гражданской войны продовольственную проблему усугубляли массовые перемещения населения, мобилизации в армию, разруха на транспорте. Оценки вызванных в связи с этим людских потерь в 1917–1920 годов колеблются от 2 млн. умерших от голода (Р. В. Дэвис и С. Г. Уиткрофт) до 8 млн. умерших от голода и сопутствующих болезней (В. П. Данилов).

В конце 1920 года боевые действия Гражданской войны почти завершились, но это не облегчило ситуации с продовольствием. Продразверстка полностью забирала «излишки», поэтому крестьяне засевали все меньше земли. Это, а также Кронштадтское восстание и крестьянская война против большевиков в Тамбовской губернии под предводительством эсера А. С. Антонова («антоновщина») вынудили Ленина изменить политику. НЭП заменил продразверстку фиксированным продовольственным налогом и возродил продовольственную торговлю. Поворот к НЭПу, однако, еще не сказался на урожае 1921 года. К лету высшие должностные лица видели, что голод неминуем, особенно в Поволжье.

Экономист-аграрник А. В. Чайнов писал: «Голод — это нарушение организационной гармонии между различными отраслями хозяйства...» Действительно, причины голода 1921 года отражают это отсутствие «организационной гармонии», а также совпадение различных факторов: естественных — ранние заморозки, а затем летняя засуха в Поволжье и других главных житницах России; политических — продразверстка и продовольственная диктатура лишали крестьян стимула и вели к

сокращению площади посевов более чем вдвое и уменьшению поголовья скота; военных — в Гражданскую войну разрушены ключевые транспортные связи, погибли миллионы работоспособных мужчин, пали миллионы лошадей, фронтовики вместо деревни отправились в города. Многие в Советской России винили также Запад в экономической блокаде.

В июле 1921 года для борьбы с голодом были созданы два органа: ЦК Помгол (Центральная комиссия помощи голодающим ВЦИК), возглавившая деятельность наркоматов и всех учреждений (председатель М. И. Калинин, заместители председателя Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, П. Г. Смидович), и ВСЕРПОМГОЛ (Всероссийский комитет помощи голодающим), общественный орган, прозванный коммунистами «Прокукиш» и «Кукиш» по первым буквам фамилий инициаторов его создания С. Н. Прокоповича, Е. Д. Кусковой, Н. М. Кишкина (председатель Л. Б. Каменев, почетный председатель В. Г. Короленко, заместитель председателя А. И. Рыков, члены В. Ф. Булгаков, Н. А. Кондратьев, А. В. Чайнов, М. А. Осоргин, В. Н. Фигнер, графиня А. Л. Толстая и др.). М. Горький от имени ВСЕРПОМГОЛ написал обращение «Ко всем честным людям» с просьбой к Европе и Америке помочь голодающим в России.

Западные правительства и частные организации быстро откликнулись. Первым был министр торговли США Герберт Гувер. Уже 23 июля в телеграмме М. Горькому он изложил условия, на которых благотворительная Американская администрация помощи (АРА) согласна помогать России. Основанная в Первую мировую войну государственным ведомством, АРА через несколько лет была преобразована в частную организацию во главе с Г. Гувером, противником большевизма и признания РСФСР. Ранее он оказывал помощь не только населению Европы, пострадавшему от войны, но и правительству генерала А. И. Деникина и Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. Поэтому большевики не вполне понимали, почему Гувер предпринял этот шаг. И все же 31 июля АРА получила официальное согласие советских властей, а 2 августа по радио была объявлена нота советского правительства о готовности принять помощь. 20 августа в Риге, после переговоров, представитель Гувера, директор АРА в Европе Вальтер Лаймон Браун и заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов подписали договор: Совнарком РСФСР гарантировал сотрудникам АРА полную свободу и защиту, а они могли свободно передвигаться по стране и выбирать помощников, но обязались распределять продукты нуждающимся независимо от национальности, вероисповедания, социального положения, политических взглядов и не заниматься политической и коммерческой деятельностью. Расходы по перевозке, хранению и распределению грузов в РСФСР взяла на себя советская сторона. Совнарком РСФСР опасался вмешательства США во внутренние дела, но уже через неделю после подписания договора первая группа сотрудников АРА начала работу в России.

После договора с АРА помощь РСФСР согласились оказывать разные общественные и религиозные еврейские, католические, меннонитские, квакерские благотворительные организации США. Свою помощь предложил Международный Красный Крест. Уже в августе заключено также соглашение с Международным комитетом помощи России, финансируемым европейскими правительствами. Его глава норвежский полярник, верховный комиссар Лиги наций по делам беженцев Фритъоф Нансен был потрясен увиденным в Поволжье. За свою деятельность, в частности за помощь голодающим в России, Нансен удостоился в декабре 1922 года Нобелевской премии мира. Большую часть ее он пожертвовал голодающим в России.

Заручаясь поддержкой Запада, Ленин распорядился разогнать ВСЕРПОМГОЛ, питая к нему опасливые подозрения из-за участия деятелей либеральной оппозиции. 27 августа 1921 года прямо с заседания членов ВСЕРПОМГОЛ отправили в тюрьму, а затем в ссылку, и многих выслали за рубеж. Организацию помощи голодающим сосредоточили в ЦК Помгол. Голодающими районами Помгол определил губернии Астраханскую, Вятскую, Пермскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую, Уфимскую, Челябинскую, Царицынскую, автономные области Калмыцкую, Марийскую, Чувашскую, республики Башкирскую, Киргизскую, Крымскую, Татарскую, Украинскую. Сотрудничество с зарубежными организациями велось через Полномочное представительство правительств РСФСР и Украинской ССР.

Сельское хозяйство США тогда находилось в депрессии, и для вывода его из кризиса Гувер использовал любую возможность. Отправка в РСФСР излишков продукции сельского хозяйства могла способствовать повышению цен на неё в США и благотворно сказаться на экономике. Поэтому оказание помощи РСФСР имело как гуманитарную, так и экономическую значимость. В США противники помощи РСФСР указывали на огромные долги России, на тяжкую нужду американских ветеранов и на безработицу. Несмотря на это, Конгресс принял билль, позволивший за счет его средств увеличить объем помощи АРА России. По инициативе Гувера 30 декабря в Лондоне Л. Б. Красин подписал договор, по которому РСФСР тоже выделил золото на 10 млн. долларов для покупки АРА продовольствия. Гувер полагал, пусть лучше русское золото идет на спасение жизни голодающих, чем на мировую революцию. Правительство США отступило в связи с этим от эмбарго на ввоз советского золота, и оно явилось добавкой к общим средствам АРА.

Уполномоченным АРА в РСФСР стал Уильям Хаскелл. В Россию прибыло около 200 американских служащих АРА. Они формировали местный персонал из грамотных россиян, с опытом социальной работы, в основном интеллигентов. Многие опасались обвинений в связях с иностранным капиталом и, помня судьбу членов Всерпомгола, отказывались от работы в АРА. К тому же, власти упрекали АРА в найме сотрудников из непролетариев. Но аппарат был сформирован, и АРА организовала сеть бесплатных столовых для голодающих детей, раздачу продовольствия, медицинскую помощь, присылку за счет сочувствующих на Западе продовольственных и вещевых посылок. Другие, не американские организации помощи, включая Нансеновскую, ограничивались созданием столовых.

СНК РСФСР осуществлял прямые ассигнования на помощь голодающим, а также ввело в стране специальный дополнительный налог, проводил лотереи и в марте 1922 года начал изъятие ценностей у Православной Церкви, подавляя сопротивление арестом в мае Патриарха Тихона, бессудными расправами над духовенством и прихожанами. ВЧК и затем ГПУ следили за деятельностью АРА, внедряли в нее своих сотрудников, вербовали осведомителей. Собственного хлеба было катастрофически мало. Его урожай 1921 года составил в центральных районах 53%, а в среднем по стране — 50% от уровня не самого лучшего 1917 года.

Весной 1922 года международная помощь расширилась. Новый урожай лишь на 35% превысил урожай 1921 года, но советские власти уже в августе оптимистично объявили, что с голодом покончено. Помгол реорганизовали в Последгол

(Всероссийская комиссия по борьбе с последствиями голода), главной задачей которой было восстановление экономики, а не помощь голодающим. К началу осени начали вывоз зерна за рубеж, что вызвало реакцию в США, откуда продолжали доставку продовольствия в РСФСР: прося о помощи, Россия продает зерно. Целью вывоза являлось желание закупить за рубежом промтовары. Миссия Нансена и американский Еврейский комитет «Джойнт» предложили правительству РСФСР найти иностранную благотворительную организацию, которая покупала бы российское зерно и распределяла среди голодающих в России. Однако Совнарком упустил эту возможность, о чем затем сожалел.

Ольга Каменева, в чью обязанность входило налаживать отношения с зарубежными организациями, резко критиковала АРА за самостоятельность в распределении продовольствия и огромные затраты на аппарат вместо производственной помощи России. Положение обострилось, когда сотрудников АРА уличили в попытке контрабанды драгоценностей, мехов и произведений искусства. 16 декабря 1922 года «Известия» в статье «Как они помогают» сообщали, что контрабанда — типичный пример поведения «цивилизованной» Америки в «варварской» России.

В марте 1923 года АРА решила покинуть Россию после сбора урожая и в конце мая официально известила об этом СНК. Необходимость в помощи голодающим еще не отпала, но к середине лета АРА вернула своих сотрудников в США. Однако с советскими властями продолжали сотрудничать все двадцатые годы квакеры из США и Великобритании, меннониты снабжали американскими тракторами и запчастями, до середины 1930-х годов. Жителям западных областей помогал «Джойнт». По масштабам эта помощь была несравнимо меньше, чем ранее от АРА, и без санкции правительства США. До установления в ноябре 1933 года дипломатических отношений США с Россией правительства обеих стран более не имели столь высокого уровня сотрудничества, как в период голода 1921–1923 годов.

Иностранная помощь спасла миллионы жизней и смягчила демографические и социальные последствия голода. В России народ сохранил теплые воспоминания об американской помощи. Это отличалось от официальной точки зрения властей, что США преследовали прежде всего собственные интересы, под видом помощи занимались шпионажем, собирали экономическую информацию, поддерживали антибольшевистские силы и крали русское национальное наследие.

Советская историография преувеличивала результаты деятельности Помгола и Последгола, международной рабочей помощи и сводила международную помощь, особенно помощь АРА, к действиям саботажников и шпионов, подчеркивала «антигуманность», «корыстность» внешней политики США.

Западные исследования на эту тему малочисленнее и различны по качеству. Это дало основание американскому дипломату и историку дипломатии Джорджу Кеннану опубликовать в 1959 году в «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» статью «Наша помощь России: забытая глава». На документах АРА основаны две монографии: книга Гарольда Фишера «Голод в советской России, 1919–1923: операции Американской администрации помощи» (Станфорд, 1927) и книга Бенжамена Вейсмана «Герберт Гувер и американская помощь голоду в советской России 1921–1923» (Станфорд, 1974). Документы АРА хранятся в США в Гуверовском институте войны, революции и мира (Станфорд, Калифорния) и Архиве русской истории и культуры (Бахметьевском архиве) Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Если в прошлом советский и американский подходы историков к проблеме отражали интересы и трактовки времен «холодной войны», то ныне, с открытием для иностранных исследователей широкой возможности работы в архивах России, возвращение к исследованию этой проблемы может стать гораздо плодотворнее. Документы главных организаций помощи голодающим хранит Государственный архив Российской Федерации в Москве (Фонды 1058 — Помгод, 1064 — Последгол, 1065 — Полномочное представительство правительств РСФСР и Украинской ССР). Ценны также документы главных экономических органов, особенно Наркомата земледелия. Наиболее перспективной может стать серия региональных исследований с использованием документов центральных и местных архивов для воссоздания детальной картины соотношения центральной политики, сельскохозяйственной структуры, природных условий в причинах голода в отдельных регионах. В более глубоком анализе нуждается также роль в помощи голодающим советских и зарубежных организаций. Необходимо глубже исследовать социальные и демографические последствия голода, его влияние на социальную и экономическую структуру Поволжья и других регионов, взаимосвязь между голодом и НЭПом, голодом и коррупцией, между Генуэзской и Гагской международными конференциями 1922 года и помощью голодающим, между иностранной помощью и обсуждением роли РСФСР в европейской политической и экономической системах.

Литература

- Белокопытов В. И.* Лихолетье: из истории борьбы с голодом в Поволжье 1921–1922 гг. Казань, 1976.
- Вернер М.* Голод 1921–1922 гг. в Самарской губернии и реакция советского правительства // *Cahiers du monde Russe*. 1997. № 38. P. 223–242.
- Каменева О. Д.* Два года работ заграничных организаций помощи // *Итоги Последгола* (с 15/X 1922 г. — 1/VIII 1923 г.). М., 1923.
- Латыпов Р. А.* Американская помощь советской России в период голода 1921–1923 гг. // *Вестник Института Кеннана в России*. М., 2005. Вып. 8.
- Поссе В. А.* НЭП и голод: воспоминания // *Русское прошлое. Историко-документальный альманах*. СПб., 1993. Кн. 4.
- Усманов Н. В.* Миссия полковника Белла. О деятельности Уфимско-Уральского отделения Американской администрации помощи (1921–1923 гг.). Бирск, 2007.
- Цихелашвили Н., Энгерман Д.* Американская помощь России в 1921–1923 годах: конфликты и сотрудничество // *Американский ежегодник*. 1995. С. 191–213.
- The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / Ed. by R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft.* Cambridge, 1994.
- Engerman D.* *Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development*. 2003.
- Fisher H. H.* *The Famine in Soviet Russia, 1919–1923*. Stanford, 1974.
- Golder F. A., Hutchinson L.* *On the Trail of the Russian Famine*. Stanford, 1927.

Patenaude B. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford, 2002.

Weissman B. M. Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia, 1921–1923. Stanford, 1974.

Проблемы повседневной жизни и быта

УИЛЬЯМ Г. РОЗЕНБЕРГ

Проблемы социального обеспечения и повседневной жизни, комплекс явлений, вмещаемых в русском языке в одно слово «быт», представляют собою широкий спектр страданий и бедствий времени с 1914 года до конца Гражданской войны, человеческое испытание, существенно повлиявшее на формирование советского государства на его ранней стадии. Проблемы повседневной жизни и быта изучены гораздо менее идеологии и политических действий их истолковывавших, их создававших и затем старавшихся сдерживать, однако радикальные перемены в повседневных социальных отношениях и бытовые процессы были революцией для миллионов будущих советских граждан всех категорий и положений. Они влияли гораздо сильнее революционной политики, и это куда лучше уловила пастернаковская поэзия «Доктора Живаго», чем экономическая и социальная статистика. Выявление демографических изменений и уровня смертности или анализ динамики изменения зарплаты, снижения уровня жизни, проблемы поддержания элементарного уровня существования лишь слегка очерчивают глубину пережитого тогда эмоционального и психологического опустошения.

Для начала определим место проблемы быта в общем контексте демографических изменений и движения населения, вызванных семью годами почти непрерывных военных действий. Наиболее полное исследование этих изменений в 1914–1923 годах указывает на цифру потерь населения в общей сложности примерно 30 млн. человек, включая жертвы страшного голода после окончания в 1921 году Гражданской войны. По данным авторитетного американского демографа Фрэнка Лоримера, потери в войну 1914–1917 годов составили приблизительно 11 млн. человек; остальные — понесены в Гражданскую войну и последующие годы, причем тяжелейшим моментом стал не голод 1922 году, как можно предположить, а опустошительные эпидемии и голод, сопутствовавшие ожесточенным сражениям 1920 года. Особенно резко сократилось население Москвы и Петрограда. Население Петрограда в Февральскую революцию 1917 года превышавшее 2 млн. человек уменьшилось к 1920-му до 740 тыс. человек; в Москве — соответственно с 1 млн. 850 тыс. до 1 млн. 100 тыс. человек. Рождаемость в обоих городах упала наполовину, а смертность почти удвоилась. Эти изменения лишь иллюстрируют всеобщую демографическую катастрофу, по размерам превысившую ту, что вызвала Вторая мировая война. Резкая убыль характерна для всех регионов и групп населения, особенно для промышленной рабочей силы, которую большевики считали своей основной социальной основой.

Массовые перемещения населения начались задолго до прихода большевиков к власти. В июле 1914 года в царской армии, крупнейшей в Европе, было 1 млн. 423 тыс. человек. В последующие три с половиной года мобилизовали еще 14 млн. 375 тыс. человек: огромная цифра в любом абсолютном или сравнительном исчис-

лении. Согласно некоторым расчетам, эта цифра составляла почти половину общей численности трудоспособных мужчин и 22% мужского крестьянского населения. Относительно всего населения, без разбора пола и возраста, примерно 112 из тысячи человек некоторое время служили в армии до выхода России из войны в 1918 г. По официальным данным, более трети (775 тыс. 400 человек) погибли, 348 тыс. — покалечены, около 5 млн. — ранены, 3 млн. 343 тыс. 900 человек — взяты в плен.

Эти цифры дают представление о бедственных социальных последствиях мировой войны независимо от её отношения к революции: любое правительство, ответственное за политическое восстановление после войны, также столкнулось бы с серьезнейшими проблемами социальной и культурной перестройки. Гражданская война — лишь продолжение драмы. Новые мобилизации затронули тех, кто ранее оставался в стороне, новые потери понесены в боях с разными враждебными армиями, жестокость намного превзошла проявленную немцами. Дезертирство, мародерство и расстройство трудовой деятельности повсеместно создавали хаос. Свирепствовали эпидемии. Продовольствия не хватало. Согласно одному из расчетов 1 млн. 200 тыс. мужчин и женщин погибли в боях только со стороны красных; 3 млн. 300 тыс. умерли от болезней.

Политические события 1914–1921 годов сопровождал всепроницающий и опустошительный «кризис повседневной жизни», так же сохранившийся в памяти современников, как и многие злодеи и герои революции. Для не участвовавших непосредственно в борьбе кризис выразился в первую очередь в сложностях производства и распределения основных товаров, вызывавших ощущения хронического беспокойства и социальной незащищенности. Все без исключения отрасли промышленности несли огромные потери, особенно в период с конца 1916 по 1921 год. Согласно собранным Международной рабочей группой Р. У. Дэвиса данным (относящимся к территории будущего СССР в границах 1939 г.) в 1913 — 1920 годах добыча угля с 29 млн. 100 тыс. снизилась до 8 млн. 600 тыс. тонн; производство железа с 4 млн. 200 тыс. — до 100 тыс. тонн, цемента с 1 млн. 500 тыс. — до 36 тыс. тонн, меди с 31 тыс. 100 — до 1 тыс. 170 тонн. Так же или еще резче снизилось производство изделий из хлопка и шерсти, сельскохозяйственных продуктов и пришел в упадок транспорт. Производство тканей из хлопка упало с 2 млрд. 582 млн. погонных метров в 1913 году до 120 млн. в 1920 году; если в 1913 году российские железные дороги перевезли товаров около 132 млн. тонн, в 1923–1924 годах — лишь половину этого тоннажа. Из 15 тыс. паровозов, исправных к моменту взятия власти большевиками в октябре 1917 года, к 1920-му остались исправны лишь 6,1 тыс. Еще ошеломительнее сокращение вагонного парка. Последствия хронической нехватки всего и вся проявлялись во всем повседневном существовании и до, и после Октября: от необходимости пополнить доходы до прогулов, обострения трудовых конфликтов и постоянной борьбы за выживание. Средний реальный заработок промышленных рабочих с 1913 года к 1921–1922 годам упал с 30–49 до 12–15 золотых рублей; покупательная способность рубля в октябре 1920 года не превышала 1% от уровня октября 1917 года. Есть все основания полагать, что антиправительственные протесты на протяжении всего периода вызваны в значительной мере пустым желудком, сколь ни сильны бы не были политические мотивы.

Как показала Барбара Клементс, вся тяжесть бремени этого «времени бедствий» легла на женщин. На селе женщины часто в одиночку обрабатывали

свои наделы; в городах заработок работниц всегда был ниже, чем у мужчин, и часто слишком мал для содержания семьи в одиночку. Повсюду домашние трудности усугублялись неопределенностью и переутомлением на работе. По мнению Клементс, в долгосрочной перспективе Гражданская война способствовала эволюции советской России к созданию атомарных семейных отношений вследствие разрушения многих больших семей как органов коллективного труда и взаимоподдержки. К 1920 году женщины составляли примерно 55% городского населения страны, тогда как до 1913 года обстановка была противоположной; в добавок к бедствиям, вызванным военными действиями, женщины больших городов, особенно ранее обеспеченные, оказались в условиях жуткого беззакония, когда запасы семьи, значительные или скудные, могли отнять в любой момент.

Это не означало, однако, что городская жизнь в годы революции и Гражданской войны была совершенно парализована; Дэниел Броуэр упрекал историков за подобные выводы. Подчеркивая суровость кризиса на транспорте для городских регионов и признавая весьма тяжелые последствия для горожан эпидемий тифа и других заболеваний, Броуэр полагает, что горожане проявили замечательную легкость приспособления. Однако драматичные перемены в быту, резкое сокращение ресурсов в те годы не могло не влиять на все аспекты жизни в русских городах на всей территории бывшей империи. В Нижнем Новгороде, Пскове и некоторых других крупных городах масштаб убыли населения сопоставим с Петроградом и Москвой; Тифлис, Киев, Баку, Ташкент и прочие нерусские города пережили такой же упадок производства и торговли; в сущности, каждый город с более 50 тыс. жителей утратил не менее четверти населения.

Эти демографические изменения сопровождались радикальными переменами социального статуса и утратой привилегий, когда интеллигенты становились рабочими, президенты крупных компаний — мелкими торговцами. Поскольку те, кого принято отождествлять с «буржуа», искали «чистую» работу, в советских учреждениях непомерно раздувалось число служащих. В то же время стремление распределять продовольственные пайки по классовому принципу вело к искусственному увеличению числа значившихся «рабочими». В этих условиях, желая избежать трудностей и лишений заводской жизни, многие фабрично-заводские рабочие объединялись с представителями других городских слоев, поддерживая себя мелкой торговлей или основывая собственные мелкие мастерские. По мнению Броуэра, мелкая капиталистическая экономика даже могла скорее укрепиться, чем погибнуть среди этого хаоса, и вместе с этим возникнуть относительная однородность социального положения и мышления. Броуэр полагает, что предпринимательский подход к проблеме выживания мог даже повлиять на конечное решение большевиков легализовать с введением НЭПа частную торговлю и мелкое ремесленное производство.

Эти важные перемены едва ли были предсказуемы на протяжении того, что принято называть первой фазой этого длительного кризиса повседневной жизни — периода с июля 1914 года до падения старого режима, хотя некоторые признаки грядущих бедствий уже налицо. Тогда обнаружили первые трудности, вызванные мобилизацией, упадком транспортной системы, реквизициями зерна, перемещением центра тяжести промышленного производства. Сразу оказались затронуты основные отрасли экономики. Быстро снижался импорт оборудования и сырья; отрасли производства потребительских товаров, такие как текстильная и

кожевенная, пришлось приспособить к нуждам армии, при этом их собственные источники ресурсов не были обеспечены.

Для семей промышленных рабочих серьезные последствия войны, кроме мобилизации, связаны с воздействием нужд военного производства на разные отрасли промышленности. Начался сложный процесс, отделявший необходимые государству отрасли и предприятия от брошенных им на произвол судьбы. Значительно росло производство в металлургии и химической промышленности, но все прочие отрасли производства приходили в упадок. В некоторых отраслях (производство стекла, керамики, цемента, изделий из дерева) падение производства составило от 40% до более 50%. Осенью 1914 года правительство заключило контракты на поставку больших объемов вооружения и снаряжения лишь с горстью крупных заводов; мелких и средних производителей почти вовсе игнорировали. Даже в металлургии к концу 1915 года закрылись почти 20 % предприятий, работавших в 1914 году.

Если некоторые рабочие находили работу и неплохо зарабатывали, если их специальность пользовалась спросом, то большинство страдало от инфляции и ухудшения условий труда. Многим трудно было найти работу. С октября 1915 по июнь 1916 года, в первые месяцы работы Московской биржи труда, через нее прошли более 300 тыс. рабочих, в основном неквалифицированные, а по всей России к февралю 1917 года работы лишилось не менее трети промышленных рабочих, занятых в январе 1914 года. Начал падать номинальный и реальный заработок, особенно с притоком на предприятия множества женщин и молодых рабочих вместо призванных в армию. Снижение зарплаты к 1916 году составило в целом 15%, а в некоторых отраслях — до 20–25%. По некоторым данным, в Москве к 1916 году тратили на пищу и одежду рабочие-металлисты до 74% заработка, текстильщики — до 105%, то есть больше реального заработка.

Эти условия создавали определенные возможности для квалифицированных рабочих, способных избежать мобилизации в армию, и для молодых и незамужних женщин. Они также способствовали усилению социальной дифференциации и содействовали тому, что доступ ко всё более сокращавшейся массе товаров был связан с ролью человека в производстве, источником доходов или, нередко, случайной волей нанимателя. Хотя сила социальной идентичности в этот период остается поводом для дискуссий, вряд ли вызывает сомнение, что социальный конфликт в царской России все более выражался в этих рамках. Большевицкая риторика становилась все более воспринимаемой именно в связи с опытом повседневной жизни.

Вторая фаза социального кризиса, по всем признакам, началась с Февральской революции, непосредственные причины которой недовольство и озлобление петерских рабочих и работниц, вызванные перебоями в торговле продовольствием, низкой зарплатой, неудовлетворительными условиями труда, хотя все это связано с более глубокими и долгосрочными проблемами социальных изменений. Обращение к проблемам быта и их связи с продолжением участия России в войне являлось далеко не последней задачей нового режима, оно было не менее важно для будущего политической демократии, чем создание жизнеспособных демократических институтов.

Почти сразу наступило небольшое облегчение. В изменившихся условиях некоторые работодатели не возражали против улучшения условий труда и переговоров о зарплате, особенно когда Петроградское общество заводчиков и фабрикан-

тов в начале марта 1917 года признали фабзавкомы. На ряде предприятий изменился распорядок труда, изгнали самых ненавистных мастеров. Была отменена суровая система штрафов и наказаний, которая отнимала до трети заработка рабочих, из-за чего они нередко попадали за решетку. Кратковременный всплеск оптимизма и энергии помог временно смягчить транспортный кризис.

И всё же, положительные сдвиги оказались недолги, а порожденные ими надежды лишь усугубили народное разочарование, когда продолжились падение уровня жизни и ухудшение экономической ситуации. Не получая новой прибыли и пытаясь сохранить свои предприятия на плаву, предприниматели выступали против повышения зарплаты, хотя цены быстро росли (набор основных продуктов для среднего рабочего в июне 1917 года стоил на 28 % дороже, чем в мае, — беспрецедентно высокий уровень инфляции). Волна забастовок, поднявшаяся вскоре после образования в мае первого коалиционного правительства, отчасти вызванная ожиданиями, что оно даст некоторое облегчение, была связана в первую очередь с экономическими проблемами.

Лето принесло новые лишения. Поскольку группы предпринимателей настаивали на принятии властями «решительных мер» восстановления порядка в промышленности, некоторые компании вновь обратились к дореволюционной практике увольнения неблагонадежных рабочих. Рабочий протест нарастал, что, в свою очередь, еще более ухудшало экономическую ситуацию. С 1 марта по 1 августа 1917 года закрылись 568 фабрик и заводов, работу потеряли более 100 тыс. человек. К концу лета даже на более благополучных оборонных заводах производство упало на 60 % от уровня февраля. Практически прекратилась поставка легкой промышленности хлопка и другого сырья. Число вагонов на железных дорогах сократилось более чем на 240 тыс. по сравнению с 1916 годом. В Москве цены на продовольствие с августа по сентябрь поднялись на 20 %, а по сравнению с маем — на 62 %. Сокращение нормы хлеба до полфунта на душу в день стало в августе и сентябре одной из причин новых уличных демонстраций в Москве. Демонстрантки осыпали проклятиями и угрозами местных чиновников Министерства продовольствия.

К сентябрю, когда большевики быстро завоевывали влияние и организационную поддержку, перед Россией маячил призрак массовой безработицы и краха экономики. По мере того, как на селе привычнее становился захват земли, многие рабочие, потеряв работу или недовольные заработком, ринулись «получить свою долю» в родные деревни, где их встречали без особой радости. В то же время многие вернувшиеся фронтовики обнаружили, что их прежнее место работы занято и его не желают освободить. В сентябре разграбили и разорили имение бывшего министра земледелия кадета А. И. Шингарева. Жена его вскоре скончалась. Еще до прихода большевиков к власти повседневная жизнь всех слоев российского общества была напряжена до предела. «Ментальность гражданской войны» сформировалась еще до начала Гражданской войны.

Суть одного из важнейших аспектов самой Октябрьской революции заключалась в отсутствии перемен к лучшему даже для тех российских пролетариев, которые были самыми стойкими приверженцами Ленина. Если говорить точнее, в первые недели ноября 1917 года, когда управляющие исчезли с предприятий и рабочие и служащие получили доступ к остаткам средств и ресурсов, кое-где возникла иллюзия улучшения положения, подкреплявшая восторженные надежды на «землю, мир и хлеб». Однако это временное улучшение достигалось за счет дальнейшего

разрушения инфраструктуры производства. Предприятия практически всех отраслей промышленности вскоре оказались без кредитов, капиталовложений, материалы не поставлялись в достаточном количестве, отсутствовала соответствующая рыночная система, необходимая для реализации продукции. Когда фонды и запасы товаров в декабре и начале января 1918 года начали иссякать, Петроград и другие крупные города перестали действовать как торговые центры. В Петрограде объем товарных поставок с января по апрель 1918 года упал катастрофически: мясо и мясопродукты — более 85 %, яйца — на 90 %, сахар и соль — более 70 %, уголь и прочее топливо — на три четверти от уровня предыдущего года. Быстро росла безработица, особенно на крупных частных заводах, ранее самых стабильных и продуктивных в России. Тяжелейший упадок наблюдался к апрелю 1918 года в химической промышленности, включая резиновую, и металлургии — соответственно на 79 и 74 % по сравнению с январем 1917 года. Всего за декабрь 1917 — июнь 1918 годов правительство большевиков эвакуировало более 100 тыс. рабочих и членов их семей отсюда, где производство полностью остановилось. В январе-сентябре 1918 года 833 616 человек искали работу на 153 биржах труда РСФСР.

Трудно объективно и субъективно переоценить размеры этого кризиса и его воздействие на качество повседневной жизни и на надежды, которые простые мужчины и женщины связывали с будущим. В городах по всей территории советской России фабрики и заводы пытались держаться на плаву, несмотря на нехватку официальных заказов, и срочно обращались за помощью к большевикам. Сырье и материалы быстро расходовались. Фондов не было. Воровство стало обычным явлением. Исходящими из центра Декретами об управлении на предприятиях нередко пренебрегали, особенно теми, что пытались возродить централизованное управление. Производство продолжало падать, и чем более механизирован был завод, тем серьезнее проблема поддержать производство при нехватке топлива и запасных частей. Рабочие вскоре начали распродавать заводское оборудование, и не из-за непонимания долгосрочных последствий, а из потребности кормить и содержать свои семьи. Когда в мае 1918 года в окрестностях Петрограда Красная гвардия стреляла в рабочих, протестующих против нехватки продовольствия и работы, всеобщее недовольство и озлобление охватило Москву, Тулу, Нижний Новгород, Тверь и другие промышленные центры. В Петрограде тысячи людей собирались на митинги. 21 завод послал делегатов на похороны жертв расстрела.

Весна 1918 года стала также временем массового исхода населения из Петрограда и, в меньших масштабах, из других городов. Исследование Дайаны Коенкер о Москве дает некоторые указания на социальные последствия этой миграции и на то, как она способствовала общей «деурбанизации» в Гражданскую войну. Из 700 тыс. человек, покинувших Москву в 1918–1920 годах 70 % — дети и неработающие женщины возраста 20–59 лет; из уехавших рабочих — более 90 тыс. мужчин и лишь 9 600 женщин. По мнению Коенкер, это вело к изменению личных и местных отношений и самоотождествлений, и предполагало, что в условиях стресса и лишений среда обитания вполне могла заменить завод или фабрику как сосредоточие общности рабочего класса. Возможно, при этом семейные узы крепили, а не ослабевали, как часто изображено в литературе, хотя свидетельства на этот счет разноречивы. В Москве, во всяком случае, общее число зарегистрированных браков в 1919 году удвоилось по сравнению с 1918 годом, а относительное — возросло с 54 тыс. на 10 тыс. в 1917 году до 75 тыс. в 1918 году и 174 тыс. в 1919 году. Однако,

по данным Барбары Клементс, к 1920 году более половины браков завершились разводом.

К лету 1918 года занятые рабочие часто отсутствовали на рабочем месте из-за болезни, семейных проблем или отнимавшего много времени поиска продовольствия. Им часто приходилось добывать пищу за пределами своего города, «реквизировать» топливо и сырье, самостоятельно и анархически выполнять чужие задачи. Примерно 25 % случаев отсутствия на работе вызваны болезнью, но более половины потерянных рабочих дней — тем, что рабочим приходилось добывать продукты себе и своим семьям, а нередко и для своих заводов. Даже рабочие, называвшие себя «сознательными» и «терпеливо переносящими голод революционерами», в телеграмме, отправленной в Москву из Иваново-Вознесенска в конце 1918 года писали: «Мы должны выступить против политики центра. У нас отняли всё. Ничего не поставляют... У нас ни фунта не осталось в запасе... Мы не можем взять на себя ответственность за то, что произойдет, если наши требования не удовлетворят». По официальным данным, более 5 тыс. подобных жалоб получили партийные власти в 1919 году даже от таких верных сторонников большевиков, как ЦК Союза металлистов. Жесткие ограничения карточной системы «поставили рабочих, занятых тяжелым физическим трудом, в худшее положение по сравнению с другими социальными категориями».

Как известно, зима 1918–1919 годов стала бедствием почти для всей России: и на контролируемых белыми территориях Сибири, юга России Украины, и в центрах большевистской власти. По мнению Мэри Маколи, период декабря 1918 — марта 1919 годов стал худшим в истории Петрограда. В «бесхлебный» декабрь порою хлеб заменяли овсом. Болезни и голод косили людей. Смертность выросла до 80 случаев на тысячу. Питание не достигало 1 500 калорий в день, на 800 менее допустимого минимума. К концу года опустели более полумиллиона квартир. На ещё работавших предприятиях работа стала своего рода сдельщиной, официальную зарплату определяли централизованные нормы и выдавали натурой. Когда товары было не достать, зарплату задерживали, рабочие с семьями голодали. Даже цена на чай в 4 раза превысила цену начала 1916 года, на хлеб — в 6 раз, на мясо — почти в 20 раз. Летом 1918 года из-за нехватки овощей цены на них выросли по сравнению с летом 1916 года в среднем в 50 раз.

Усредненная статистика не позволяет полностью понять все переносимые страдания. Если учесть, что в 1919 году в 48 губерниях Советской России более 1 млн. 250 тыс. рабочих зарегистрировались безработными и в 1920-м эта цифра в 46 губерниях выросла до 1 млн. 703 тыс., то становится ясно, что означает это для простых людей и их семей. Проголулы даже среди занятых рабочих в 1919 году достигали 65%, а в первой трети 1920-го было потеряно более 40% рабочего времени. За весь год эта цифра составила 30%. В металлургической промышленности, ранее бастионе большевиков, в 1920-м уволили ещё четверть рабочей силы с целью сократить производственные расходы и обязательства работодателей; в 1918 году потеряли работу более половины занятых в текстильной промышленности. Работники нередко получали красноармейский паек, что считалось большой привилегией.

Лишь в 1920 году проявилась тенденция стабилизации повседневной городской жизни в советской России. Это связано отчасти с военными успехами большевиков на фронтах Гражданской войны, отчасти с тем, что население научилось приспособливаться к переменам. Ухудшение продовольственного

снабжения и снижение производства остановились. Кое-где даже возник спрос на рабочие руки. Эти слабые признаки стабилизации не могли, однако, заметно улучшить условия повседневного существования и смягчить недовольство даже среди питерских рабочих, имевших репутацию ярых сторонников большевиков. В начале 1921 года, накануне Кронштадтского восстания, стачки и трудовые протесты приобрели самый угрожающий размах за все время Гражданской войны.

В те же последние месяцы Гражданской войны российская деревня пришла в состояние почти полного хаоса. Производство продовольствия во многих местностях на деле прекратилось; в городах и селах орудовали банды дезертиров и мародеров. В 1921–1922 годах, по горячим следам Гражданской войны, годы революции и войн собрали свой последний урожай смерти. В 1921–1922 годах голод охватил 33 губернии и непосредственно затронул 40 млн. человек: огромная цифра для страны, совсем недавно одной из главных мировых производителей продуктов сельского хозяйства. С 1 июля 1921 к 30 июня 1922 года голод изгнал из деревень примерно 850 тыс. человек; это движение приобрело особо крупные размеры в Симбирской и Самарской губерниях и районе Казани. Около 800 тыс. человек умерло от тифа, тифоида, дизентерии и холеры, в добавление к миллиону погибших от этих болезней в 1920 году. В то же время в городах уровень безработицы в 1921–1922 годах, особенно среди женщин, вновь достиг критической отметки, по мере свертывания военного производства и новой волны увольнений. В июле 1922 года он дошел до 43%, причем женщины составляли 70% безработных. В Москве лишь примерно пятая часть безработных получала пособия; в Петрограде — только около 5 %.

Можно привести дополнительные цифры об этой последней стадии кризиса повседневной жизни в России: детализируя статистику нового подъема уровня смертности; описывая новые лишения, которые обрушились на женщин, а особенно детей, 7 млн. которых стали беспризорниками и сиротами; пытаясь в какой-либо разумной форме измерить ту степень потрясения, которая в ряде мест довела крестьян до людоедства и позволила бандам мятежников пытаться и калечить тех, кого сочли «виновными», с жестокостью, не поддающейся описанию. Гораздо важнее для понимания повседневной жизни в то «время бедствий» и его долгосрочных последствий уловить, хотя бы поверхностно, субъективные моменты, превратившие перемены, вызванные войной и революцией, в период глубоких человеческих потрясений и потерь.

Литература

- Балабанов М. Рабочий класс накануне революции // Профессиональное движение в Петрограде в 1917 г. / Под ред. А. Анского. Л., 1928.
- Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.
- Бухман К. Н. Голод 1921 г. и деятельность иностранных организаций // Вестник статистики. 1923. № 4–6.
- Волков Е. З. Динамика населения СССР за восемьдесят лет. М., 1930.

- Голополосов А. И. Обзор железнодорожного транспорта (по данным чрезвычайной ревизии 1919 г.). М., 1920.
- Исаев А. Безработица в СССР и борьба с нею (за период 1917–1924 гг.). М., 1924.
- Квиткин О. Население городов Европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920, 1923 гг. // Бюллетень ЦСУ. М., 1923.
- Китанина Т. М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России 1914 — октябрь 1917). Л., 1985.
- Клейнборт Л. Н. История безработицы в России, 1857–1919 гг. М., 1925.
- Клеменчик В. Итоги работы железных дорог за 3 года (1917–1920). М., 1920.
- Кохн М. П. Русские индексы цен. М., 1926.
- Лубный-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926.
- Материалы по статистике путей сообщения. М., 1927.
- Нарский И. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
- Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест: Сб. документов. СПб., 2000.
- Прокопович С. Н. Динамика населения СССР // Бюллетень экономического кабинета проф. С. Н. Прокоповича. Прага, 1930. № 7 (80).
- Рабинович А. И. Труд и быт рабочего. М., 1923.
- Рашин А.: Перспективы безработицы в России // Вестник труда. 1922. Т. 4. № 22; Динамика рабочего состава в промышленности за 1913–1922 гг. // Вопросы заработной платы. М., 1923.
- Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.
- Сидоров К. Ф. Рабочее движение в России в годы империалистической войны // Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927. Т. 1.
- Статистический ежегодник города Москвы и Московской губернии. М., 1927. Вып. 2.
- Фролов К. И. Прогулы, работа и заработная плата рабочих за 1920 год // Известия Иваново-Вознесенского губернского экономического совещания. 1920. Декабрь. № 1.
- ЦСУ: Сб. статистических сведений по Союзу ССР // Труды. М., 1924.
- ЦСУ: Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). М., 1925.
- ЦСУ: Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 годов // Труды. М., 1926. Т. 26. Вып. 2.
- Ball A. M. And Now My Soul is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley, 1994.
- Brower D. R. «The City in Danger»: The Civil War and the Russian Urban Population / Party, State and Society in the Russian Civil War / Ed. by D. Koenker et al. Bloomington, 1989.

- Clements B. E.* The Effects of Civil War on Women and Family Relations // Party, State and Society in the Russian Civil War. Bloomington, 1989.
- Dobb M.* Soviet Economic Development since 1917. New York, 1948.
- Everyday Life in early Soviet Russia. Taking the Revolution Inside / Ed. By C. Kiaer, E. Naiman. Bloomington, 2006.
- Figes O.* Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution (1917–1921). Oxford, 1989.
- From Tsarism to the New Economic Policy / Ed. by R. W. Davies. Ithaca; NY., 1990.
- Koenker D. P.* Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War // Party, State and Society in the Russian Civil War. Bloomington, 1989.
- Koenker D. P., Rosenberg W. G.* Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 1989.
- Lorimer F.* The Population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, 1946.
- McAulay M.* Bread and Justice: State and Society in Petrograd, 1917–1922. Oxford, 1991.
- Nove A.* An Economic History of the USSR. London, 1982.
- The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia / Haimson L., Rosenberg W. G., Rieber A., discussants // Slavic Review. 1988. № 1.
- Raleigh D.J.*: Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Ithaca, 1986; Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton, 2002.
- Rosenberg W. G.* The Democratization of Russia's Railroads // American Historical Review. 1981. December. № 5.

Хлебная монополия и трансформация сельского хозяйства

ЛАРС Т. ЛИ

Драма любой революции отчасти состоит в столкновении между долгосрочными преобразовательскими идеалами и насущными проблемами, вызванными задачей сохранения власти. Для большевиков, партии пролетарских революционеров, пришедшей к власти в стране, подавляющее большинство населения которой крестьяне, это столкновение связано в первую очередь с отношениями между городом и деревней.

По мнению большинства западных ученых, в период сразу после большевистского переворота в октябре 1917 года, этот конфликт имел форму насаждения военным путем пролетарских идеалов в деревне. Только после Гражданской войны в 1921 году, как утверждается, большевики поняли необходимость более постепенного подхода.

Существует парадоксальный контраст между этим представлением и той критикой, которой большевиков подвергали тогда социалисты. Карл Каутский, авторитетнейший западный критик большевизма из числа социалистов, в работе 1918 года «Диктатура пролетариата» утверждал, что для большевиков опасно было бы даже незначительное вмешательство в крестьянскую частную собственность. Ввиду невозможности социалистической революции в отсталой России уступки большевиков неизбежно приведут к диктатуре крестьянства, а не пролетариата. Схожие обвинения выдвигали внутри большевистского лагеря леворадикальная «Рабочая оппозиция». Александра Коллонтай в работе «Рабочая оппозиция» писала: рабочих, желавших «спешного марша к коммунизму», сдерживали уступки партии «мелкобуржуазным тенденциям» крестьянина.

Как объяснить критику большевистской политики, выглядящую сегодня столь парадоксально? Можно ли представления об уступках крестьянству совместить с фактами, подкрепляющими наше нынешнее представление о том, что некоторые называют большевистской войной с крестьянством?

Большевистские аксиомы

Наиболее подробное изложение большевистских целей в первые послереволюционные годы дали в 1919 году Николай Бухарин и Евгений Преображенский в «Азбуке коммунизма». Преображенский, автор главы о сельскохозяйственной и распределительной политике, обосновал свои аргументы тем, что можно назвать аксиомами политики большевиков:

- Крупномасштабные централизованные экономические единицы гораздо продуктивнее мелких.

- Только непосредственное осознание материального интереса, а не сила, могут заставить людей принять более совершенные экономические формы.
- Менее развитые экономические формы не следует уничтожать, пока более прогрессивные формы не будут готовы заменить их.
- Даже при самых благоприятных обстоятельствах подготовка более совершенных форм займет время, а жертвы, вызванные Гражданской войной, сделали эту подготовительную работу еще труднее и длительнее.
- Поэтому в обозримом будущем необходимо полагаться на такие менее развитые формы, как частное крестьянское хозяйство и рыночное распределение продукции.

Благодаря экономической отсталости России, усугубленной захватом крестьянами крупных имений, партия столкнется с «невероятными трудностями», попытаюсь убедить крестьян в материальном превосходстве социалистического коллективизма. Следовательно, в ближайшем будущем она должна уделить пристальное внимание улучшению ведения мелкого крестьянского хозяйства.

Замечания Преображенского о мелкой торговле заслуживает цитирования: «Советской власти нет никакого смысла просто запрещать мелкую торговлю, раз она сама не в состоянии всецело заменить эту торговлю деятельностью своих органов распределения... Мелкая торговля будет существовать, пока не восстановится крупное производство в городах и снабжение населения основными продуктами потребления не сделается на деле государственной монополией».

Суммируя сказанное: в «Азбуке коммунизма» присутствуют и глубокая уверенность в превосходстве «более совершенных» экономических форм, и (вопреки репутации этой книги) крайняя осторожность по поводу темпов ликвидации старых форм. Так, на программном уровне большевики обладали четким пониманием того, куда идут, но на пути к цели проявляли готовность к компромиссу и импровизации.

Хлебная монополия

Действие «медленной и постоянной» стратегии Преображенского не распространялось на хлебную торговлю, важнейший стратегический сектор торгового обмена между городом и деревней; Преображенский поместил его в категорию крупномасштабной торговли, которую можно быстро национализировать. История хлебной монополии отчасти представляет собой историю того, как это машинное предположение, в конце концов, начали считать ошибкой.

Прежде чем рассмотреть политику в этой области, определимся с терминологией. Основное значение термина «хлебная монополия» заключается в устранении частных торговцев и замене их государственным аппаратом. Хотя хлебную монополию уже учреждали «буржуазные» правительства, например в Германии, государственную монополию можно считать шагом в направлении полного упразднения частного рынка. Однако сам лишь факт национализации не дает ответа на ряд вопросов: как устанавливали цены? насколько были гибки? вынуждали ли производителя продавать хлеб?

Под «реквизицией» понимается принудительная продажа, с упором на первую часть этого словосочетания. Владелец обязан продавать по цене, установленной государством. Открытым остается вопрос, можно ли распространить термин

«реквизиция» с частных случаев принудительной продажи на более масштабную политику наложения повинности на широкие слои населения. При таком расширении термина делается упор на грубое и насильственное принуждение, которого требует эта политика. Многое, однако, теряется, если стирается различие между всеобщим принуждением и бременем *ad hoc* (лат. — специально для этого случая) налагавшимся на случайных личностей: вы должны счищать снег с железнодорожного пути, потому что снег вдруг выпал, а вы живете рядом. Частные реквизиции нередко расценивали как в высшей степени несправедливые, как злоупотребление властью. Одним из поводов наложения общих повинностей было стремление избежать произвола, характерного для частных реквизиций.

Если государство принимает решение наложить всеобщую повинность, оно может выбирать из нескольких способов осуществления. Один способ — это «налог», устанавливаемый по определенным ставкам. В отличие от реквизиции, при которой всё бремя ложится на несчастного владельца нужного товара, налог распределяет бремя более менее равномерно. К несчастью, при установлении налога необходимо много информации: для приемлемого уровня справедливости и умеренности, требуется полное знание о достатке каждого индивида.

Чтобы сократить расходы на добычу информации, можно ввести «разверстку». В случае продразверстки общая цель устанавливается путем учета нужд государства и статистики общей урожайности. Всеобщая повинность распределяется между губерниями; губернии распределяют полученные задания по уездам и так далее, вплоть до индивидуального хозяйства. Этот грубый и быстрый метод распределения бремени неизбежно вел к несправедливости, но более совершенные методы были недоступны большевикам.

Политика разверстки в Гражданскую войну основывалась также на такой логике: обмен должен быть эквивалентным, если это возможно, и неэквивалентным, если необходимо. Разверстку можно определить как нечто среднее между монополией с одной стороны (обещание компенсации) и налогом с другой (без компенсации). По мере углубления экономического кризиса и сокращения товаров в распоряжении большевиков для обмена на хлеб, разверстка становилась всё менее похожа на хлебную монополию и всё более — на налог.

Поскольку реквизиция, налог и разверстка являются способами наложения повинностей на население — способы, которые могут быть использованы любым типом правительства, — у них нет каких-либо внутренне присущих связей с социализмом или даже с хлебной монополией. Если, имея это в виду, рассмотреть курс большевистской политики, то видно противоречие между идеалом хлебной монополии и методами, вызванными насущной необходимостью собрать хлеба достаточно для удержания власти и предотвращения полного экономического краха.

Законодательство, установившее хлебную монополию, большевики унаследовали от Временного правительства, которое, в свою очередь, просто завершило эволюцию царской политики в области хлебных поставок в сторону перехода хлебной торговли в руки государства. Монопольное законодательство, принятое в марте 1917 года, устанавливало твердые цены на хлеб, создавало сеть продовольственных комитетов и налагало на производителей обязанность продавать весь свой хлеб кроме установленной для личных нужд нормы. Временное правительство также признало свое обязательство предоставить в распоряжение производителей хлеба промышленные товары. Было образовано Министерство продо-

вольствия (при большевиках стало Наркомпродом). Законодательство, таким образом, предусматривало идеальную монополию, от которой выигрывали и производитель, и потребитель. Эта мечта вдохновляла и большевиков, хотя они оказались не более удачливы, чем Временное правительство, пытаясь воплотить его в жизнь.

Большевикам достались в наследство и репрессивные последствия монополии: война против мешочников. Так как хозяйство страны продолжало разваливаться и правительство не смогло исполнить своего обещания насытить товарами население, толпы мешочников отправлялись в дальние путешествия в хлебные губернии, чтобы привести мешок или пару мешков продовольствия. Уже к концу лета 1917 года мешочничество достигло крупных размеров. В сложное явление мешочничества были вовлечены голодающие жители городов, крестьяне не хлебных губерний и бывшие солдаты, перекавалифицировавшиеся в «спекулянтов».

После Октябрьского переворота большевики занялись установлением полного контроля над государственным аппаратом продовольственного снабжения. Первый крупный шаг сделан весной 1918 года: установление «продовольственной диктатуры», которая попыталась насадить монополию средствами классовой войны. Термин «продовольственная диктатура» заимствован из Германии и отражал большевистскую концепцию монополии как части предсоциалистического «государственного капитализма». Принудительная стратегия большевиков имела две стороны: привлечь голодных рабочих и крестьян из не хлебных губерний в продовольственные отряды и начать «классовую войну в деревне» посредством организации комитетов бедноты. Оправданием для стратегии классовой войны служила демонизация «кулака» как саботажника, виновного в неудаче хлебной монополии.

Результаты этой стратегии были незначительны, а затраты — излишне высоки. Большевикам пришлось идти на компромисс и по вопросу идеала монополии, и в методах насаждения классовой войны. Поиск более действенной стратегии начался летом 1918 года: в центре пытались обуздать эксцессы, вызванные весной риторикой классовой войны, а на местах продовольственники экспериментировали с более эффективными способами сбора хлеба. Результатом явилась система продразвёрстки. Оформилась она к началу 1919 года и действовала всю Гражданскую войну.

Метод развёрстки также был наследием прошлого: впервые его использовал царский министр земледелия А. А. Риттих в конце 1916 года (происхождение термина «развёрстка» из царской бюрократической практики исключает возможность того, что большевики как-то могли ассоциировать ее с социализмом). Подлинная монополия требовала подробного учета хлеба в каждом хозяйстве. Развёрстка была признанием недоступности этой информации и необходимостью использовать более грубые методы. При подлинной монополии предполагается также наличие полного экономического эквивалента хлебу, тогда как развёрстка может обещать в лучшем случае распределение имеющихся товаров. Развёрстка представляла собой также компромисс со стороны политики насаждения классовой войны: комитеты бедноты были распущены, предпринимались попытки тверже контролировать продовольственные отряды, сельские сходы могли активнее участвовать в принятии решений. Хотя большевики и делали уступки и в монополии, но в классовой войне полностью от них не отказались.

С начала 1919 года судьбу системы развёрстки можно проследить по двум кривым, восходящей и нисходящей. На восходящей кривой шло постепенное улучшение

ние организации продовольственного снабжения, от совершенно неприемлемого до более-менее терпимого. Эта кривая продолжилась и после Гражданской войны, так как продовольственный налог в начале 1920-х годов собирал всё тот же аппарат. Нисходящая кривая шла вслед за развалом экономики. Он вызвал увеличение бремени хлебной повинности и сокращение объема материальной компенсации, которую могли предложить большевики. Нарком продовольствия Александр Цюрупа на X съезде РКП(б) в марте 1921 года сказал, что в деревне гвоздей получают меньше, чем до войны касторки. Сельское хозяйство так ослабили наложенным на него бременем, что засуха в Поволжье в 1921 года вызвала страшный голод.

Ещё с конца Гражданской войны предпринималась попытка статистически рассчитать бремя, которое должны нести крестьяне. Эта попытка делать твердые заключения на основе скудной и мало достоверной статистики того периода не должна заслонять две важные, но противоречивые реальности. Одна состояла в том, что относительное бремя, вызванное развёрсткой, увеличивалось по мере общего расстройтва экономики, и это вызывало яростное сопротивление крестьян. Другая реальность заключалась в поступлении примерно половины продовольствия, получаемого городом, через черный рынок и мешочников, что означает, что большевикам удавалось собрать отнюдь не все излишки.

Очевидные недостатки организации продовольственного обеспечения не отрицали даже сами большевики. Для сбора хлеба и прекращения частной торговли требовалось и широко применялось насилие против производителей хлеба и мешочников. Огромные потери при хранении, транспортировке и розничном распределении делали Наркомпрод почти одинаково непопулярным среди потребителей и производителей. Недостаток достоверной информации имел следствием несправедливость при наложении индивидуальной хлебной повинности, которая озлобляла и крестьян, и государственных чиновников. Повальным явлением стали злоупотребления местных продовольственников властью.

То, как мы расценим эти факты, зависит от нашего взгляда на проблемы, с которыми столкнулись большевики (как и их противники в Гражданской войне). Если сочтем, что большевики имели возможность положиться на подготовленную профессиональную бюрократию, достоверную информацию или на действительно равноценный обмен, то придется осудить их за выбор худшего способа. Такое мнение, кажется, широко бытует среди западных исследователей. Если же мы решим, что система развёрстки не являлась причиной выше указанных реальностей, а только приспособлением к ним, то судить столь сурово ее не надо.

Конец системы разверстки

Системе развёрстки пришел конец, когда весной 1921 года большевики разрешили частную торговлю хлебом. Пока нет адекватного объяснения поводов и значения этого судьбоносного решения. Препятствием остается ряд общепринятых заблуждений. Например, часто утверждают, что большевики считали, что достигли в 1920 году своего идеала монополии, суть которого в изъятии хлеба у крестьян без использования экономических стимулов. Читателям обычно также сообщают, что в 1920 году большевики жили в мире фантазий, не ведая об огромной экономической и политической опасности, вызванной их постоянным давлением на производителя хлеба.

Упрочению западного тезиса о слепоте большевиков, как порою случается, способствовали советские историки, движимые иными побуждениями. Основная цель советских монографий, посвященных концу системы развёрстки, заключена, похоже, в доказательстве дальновидности великого Ленина. Советские историки подчеркивали близорукость всех прочих, особенно непопулярных продовольственников.

Эти ложные концепции держались отчасти из-за двойственности, присущей системе развёрстки, которая в 1920 году раздражала даже продовольственников, работавших с ней. Споры тогда между продовольственниками могут суммироваться вопросом: чем считать систему развёрстки, монополией на костылях или налогом на костылях? Монополии нужны костыли, если не достаточно запаса промышленных товаров для обмена; налогу нужны костыли, если нет информации об отдельных хозяйствах. Систему развёрстки задумали для сбора хлеба при отсутствии обоих требований. По мере того, как экономика начала выбираться из ямы, создавая возможности для реальных улучшений методов сбора, насущным становился вопрос о сути системы развёрстки, поскольку ответ мог бы определить направление реформ.

Весной 1921 года было, наконец, решили улучшить развёрстку, превратив в налог и изыскав иные способы движения к эффективной хлебной монополии. Историки обыкновенно сурово судили о своевременности этого решения, считая, что принято оно слишком поздно. Утверждалось, что по мере затухания Гражданской войны в начале 1920 года, огромный вред развёрстки и выгоды от её прекращения должны быть очевидны всякому разумному человеку. Поскольку большевики ждали ещё целый год для принятия решения, они, должно быть, оказались ослеплены своей иррациональной идеологией.

Чтобы оценить этот аргумент, необходимо внимательнее исследовать трудности, которые приходилось преодолевать большевикам (по крайней мере, по их понятиям). Партийному руководству надо было ответить на три вопроса. Надо ли собирать значительное количество хлеба для централизованного распределения? Если так, можно ли позволить себе риск смены методов? Если можно ослабить давление и заметно снизить объемы сбора хлеба, то какие изменения необходимы?

Ответ на первый вопрос: государству необходимо было иметь достаточно хлеба под своим центральным контролем для распределения среди промышленных рабочих и красноармейцев. Большевики считали, что при отсутствии равновесия между промышленностью и сельским хозяйством губительно оставлять промышленность на милость рынка. Помощь промышленности, которую развёрстка, а позднее продовольственный налог финансировали, имели большое значение для предотвращения краха.

Мотив безопасности, стоявший за настойчивостью большевиков в их стремлении сохранить обременительный сбор хлеба, в меньшей степени учитывался, чем экономический мотив, отчасти оттого, что вожди большевиков не хотели раскрыть собственную уязвимость. Сохранение вооруженной силы считалось крайне важным даже после окончания войны с Польшей весной 1920 года. Только после определенного прорыва Ленина на дипломатическом фронте в начале 1921 года появилась возможность рассмотреть вопрос сокращения Красной Армии.

Можно ли было отказаться от системы развёрстки, когда объемы сбора хлеба оставались относительно высокими? Когда руководители партии обратились в

1920 году с этим вопросом к своим продовольственным экспертам, ответом было решительное «нет». Эксперты основывали свое мнение на собственной слабости: у государства недостаточно промышленных товаров для финансируемого им обмена, бюрократия не вполне способна сделать удовлетворительные индивидуальные расчеты, усилия государства по сбору хлеба сметёт чёрный рынок (неважно, легализованный или нет), если производителям хлеба позволить свободно распоряжаться значительной частью излишка. Аргументы продовольственников были гораздо обоснованнее, чем принято считать: опыт 1921 года показал, что, действительно, свободный рынок невозможно удержать в определенных рамках, и обмен под контролем государства даёт жалкие результаты.

Лишь после решения руководства партии в начале 1921 года снизить план хлебных заготовок, реально стало рассмотреть возможность ликвидации системы продразвёрстки. При меньших плановых заданиях продовольственные органы могли приспособиться, хотя без особой радости, к предложенным изменениям. Громче всех протестовал сотрудник Наркомпрода Моисей Фрумкин, принявший все реформы, кроме легализации рынка. Зачем отказываться от идеала монополии, спрашивал он, тогда как возрождающаяся промышленность реально сможет производить обмен под контролем государства? Однако экономические эксперты большевиков пришли к заключению: пока частная торговля все еще запрещена, бессмысленно принимать налоговую систему.

Фрумкину не стоило беспокоиться: от идеала монополии не отказались. Большевики лишь пересмотрели стратегию его достижения. Обобщая ситуацию военного времени, они ранее утверждали, что создать истинную монополию реально в том случае, если она будет защищена от конкуренции частного рынка путём открытого подавления. Когда Ленин позднее упоминал главную «ошибку» политики большевиков, он, вероятно, имел в виду эту стратегию (а не, как принято считать, несостоятельность системы развёрстки как вынужденной меры в условиях войны). После 1921 года большевики вернулись к логике «медленной и постоянной» альтернативы Преображенского, допустив существование свободного рынка до тех пор, пока он не будет «вытеснен» и заменен. В 1927 году Бухарин заметил: «Хлебная монополия была отменена с введением НЭПа. А теперь, на базе роста наших хозяйственных организаций, на основе соревнования их с частниками, мы вытеснили частный капитал из области хлебозаготовок, и мы, так сказать, с другого конца, на новой базе подошли к государственной монополии в области хлебозаготовок».

Сельскохозяйственная политика

Ход большевистской сельскохозяйственной политики также показывает расхождение между идеалами структурной трансформации и насущными политическими и экономическими нуждами. В отличие от хлебной монополии большевистское переосмысление крестьянского сельского хозяйства происходило открыто и с большой помпой.

Трудно представить, как большевики смогли бы взять и удержать власть в 1917 году, не удовлетворив земельный голод крестьян. С ортодоксальной социалистической точки зрения, это опасная уступка, поскольку влекла за собой распад боль-

ших имений и даже более крупных крестьянских хозяйств. Большевики признавали, что такая политика в экономическом плане отбрасывает назад, но считали это оправданным, поскольку при этом помещиков ликвидируют как класс, и это устраняет основное препятствие на пути к прогрессу.

В 1918 году большевики были уверены, что условия для быстрого прогресса на пути к социализации сельского хозяйства созданы. Экономический кризис послужит побуждением, а живые примеры социалистического земледелия — привлекательными моделями. Несколько крупных имений сохранили в неприкосновенности и превратили в совхозы, призванные показать преимущество крупномасштабного производства. Большевики полагали, что крестьяне-бедняки станут передовым отрядом движения за создание коллективных хозяйств, и, следовательно, большие надежды возлагали на комитеты бедноты, образованные весной 1918 года. К организации этих комитетов побудил в основном продовольственный кризис, но они также вписывались в долговременный большевистский сценарий политической эволюции крестьянства. По этому сценарию (весьма детально разработанному самим Лениным) крестьянство в целом действует монолитно для того, чтобы разрушить «феодалные отношения» в деревне. Когда же общий враг будет побежден, экономическая эволюция усилит противоречия между крестьянами, которые на пути превращения в пролетариев, и крестьянами, которые на пути превращения в буржуа. Задача партии поддержать крестьянство в целом во время «буржуазной» революции против помещиков, но так же, как можно скорее, создать особые организации для бедняков.

На этой логике основаны комбеды 1918 г., но они вызвали огромное разочарование и чуть не привели к катастрофе: им скорее удалось сплотить деревню против большевиков, чем расколоть её к их выгоде. В конце 1918 года комбеды распустили. Позднее фраза «комбедовский период» звучала ещё зловещее, чем «военный коммунизм».

Распуск комбедов стал частью более существенного сдвига, который можно назвать «открытие середняка». Термин «середняк» отсутствовал в большевистской революционной риторике до начала лета 1918 года, но после этого приобретал всё более важное значение и запечатлен в новой Программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии в 1919 году. Речь Ленина на этом съезде стала основным источником прокрестьянской риторики на всем протяжении 1920-х годов.

Западная историография не проявляла особого интереса ни к причинам, ни к результатам этого поворота к середняку, возможно потому, что он противоречит общепринятому образу пролетарской воинственности периода Гражданской войны. Однако это, возможно, один из самых существенных сдвигов во взглядах большевиков после прихода к власти. Сдвиг произошел не только в оценке крестьянства, которое марксисты издавна рассматривали как расколотое на тружеников и собственников. До этого сдвига 1918–1919 годов большевики полагали, что будут работать со всем крестьянством, либо с теми крестьянами, в которых преобладает начало труженика. Колеблющийся середняк был менее интересен как таковой, чем кем он должен был стать. Только после взятия власти большевики осознали (как писал Преображенский в «Правде» 7 ноября 1920 года), что их судьба зависит от того, какой выбор сделает середняк; они поняли необходимость выработать долговременный *modus vivendi* (лат. — способа сосуществования) с середняком и его колебаниями.

Новая широкая внутрипартийная дискуссия о взаимоотношениях с крестьянством началась в конце 1920 года с образования посевных комитетов (посевкомов). Посевкомы стали ответом на насущную необходимость поддержать продуктивности, несмотря на недостаток стимулов и сохранение запасов зерна перед лицом надвигающейся засухи. Дискуссия в связи с образованием новых комитетов, показывает, что большевики извлекли выводы из прошлых неудач. Партийный экономист Юрий Ларин изобрел слово «крехозы» для обозначения частного крестьянского хозяйства и настаивал на необходимости в обозримом будущем ставить в центр внимания крехозы (Правда.1920, 12 декабря). Упор на крехозы сопровождался восхвалением «старательного хозяина» и осуждением «лодырей». Критики внутри и вне партии полагали, будто большевики отказались от прежнего взгляда на кулака и бедняка.

Совхозы и крестьянские коллективные эксперименты перестали быть центром большевистской ортодоксии. Привлекательность социализма должна была проявляться теперь не через коллективные эксперименты в сельском хозяйстве, а через мощь и благотворность государственной индустрии. В краткосрочном плане, большевики рассматривали государственную помощь как первый шаг для погашения принудительного займа, взятого у крестьянства (заемная метафора широко использовалась в большевистской риторике о крестьянстве в 1920 году). В долгосрочной перспективе, социализм должен был привлечь крестьянство с помощью тракторов и электрификации.

В период создания посевкомов в конце 1920 года большевики еще не собирались легализовать хлебный рынок; привлечение на свою сторону старательного частника рассматривали как процесс в рамках государственного принуждения. Бедность государства в 1920 году означала также, что оно могло предложить только организацию, основанную на принуждении, хотя большевики полагали, что существующие рамки в ходе возрождения промышленности постепенно наполнятся материальным содержанием.

Этот сценарий пересмотрен в 1921 году с введением НЭПа и появлением частного хлебного рынка и наживавшихся на нем «нэпманов». Государство тогда предоставило частному рынку более значительную роль в создании стимулов для увеличения производства. Переработанный сценарий НЭПа имел все-таки ту же основу, что и сценарий 1920 года: привлечь крестьян на сторону социализма посредством мощи социалистической промышленности. Однако теперь битва за влияние на крестьянство шла не с буржуазией, загнанной в подполье, а с легально допущенной буржуазией.

Теперь мы можем определить три основных изменения в большевистской концепции трансформации российской деревни: середняк заменил бедняка в качестве основного союзника партии на этом пути; задача демонстрации преимуществ социализма была переложена с совхозов и крестьянских коллективов на индустрию; буржуазным «искусителям» колеблющегося середняка дали выйти из подполья, чтобы эффективнее «вытеснить» их. Ни один из этих сдвигов не ставил под сомнение большевистскую аксиому перехода к более совершенным экономическим формам исключительно посредством демонстрации материального превосходства — аксиому, существенно не нарушенную вплоть до сталинской насильственной коллективизации, но и тогда это делалось стыдливо и лицемерно. Переоценка переворота, допущенного в 1921-м, означала бы недооценку более существенного переворота, случившегося в 1930 году.

Заключение

Теперь вновь вернуться к двум интерпретациям большевистской политики, о которых сказано выше: изображение большевистской политики, с одной стороны, как агрессивного наступления на крестьянство и, с другой стороны, как ряда уступок. Мы не можем сделать выбор в пользу одного из них лишь на основе собственной оценки жестокости и материальных бедствий, вызванных Гражданской войной, так как разные очевидцы по-разному истолковывают эти бедствия.

Согласно Каутскому, бедствия вызваны большевистским предательством социал-демократического учения об условиях, необходимых для социалистической революции. Хотя большевистские лидеры и приняли большую часть марксистских положений Каутского о сельском хозяйстве, они соткали из них историю классового руководства: экономически регрессивная политика оправдывалась, если она давала политическую поддержку со стороны крестьянства. С точки зрения большевиков даже за бедствия, непосредственно вызванные их действиями ответственна, в конечном счете, контрреволюция, навязавшая войну и блокаду.

Интерпретации социалистических участников событий создают образ большевистских уступок крестьянству. Ныне мы знаем то, чего не знали современники событий: о катастрофе, надвигавшейся на советское крестьянство и бывшей уже не за горами, о провале попыток советского сельского хозяйства оправдать свои претензии на «более совершенные» экономические формы и о конечном крахе всего советского эксперимента. Поскольку мы рассматриваем страдания периода Гражданской войны как предвестие грядущих ужасов, вряд ли сможем не увидеть в крестьянской политике большевиков историю национальной трагедии.

Нам лучше известно о результате, чем участникам событий, но мы не должны забывать о том, что знали они: о взглядах и всеми признанных аксиомах революционеров-марксистов. Чем лучше мы поймем эти аксиомы, тем меньше будем считать политические изменения 1921 года коренным поворотом: в большевистском воззрении содержалась такая же смесь идеализма и жестокости, прагматизма и иллюзий, как и прежде. Пытаясь рассказать историю национальной трагедии во всей человеческой сложности, мы должны не отбрасывать старые истории, а включать в свои собственные.

Литература

- Давыдов А. Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб., 2007.
- Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.
- Кондратьев Н. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
- Першин П. Н. Аграрная революция в России: В 2-х т. М., 1966.
- Поляков Ю. А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967.
- Юрков И. А. Экономическая политика партии в деревне 1917–1920. М., 1980.

- Debo R.* Survival and Consolidation: The Foreign Policy of Soviet Russia 1918–1921. Montreal, 1992.
- Figes O.* Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution (1917–1921). Oxford, 1989.
- Kingston-Mann E.* Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution. Oxford, 1983.
- Lih L. T.*: Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley, 1990; The Bolshevik Sowing Committees of 1920: Apotheosis of War Communism? // Carl Beck Paper № 803, University of Pittsburgh Center for Russian and East European Studies, 1990.
- McAuley M.* Bread and Justice: State and Society in Petrograd, 1917–1922. Oxford, 1991.
- Patenaude B.* Peasants into Russians: The Utopian Essence of War Communism // Russian Review, 54 (October 1995).
- Wesson R.* Soviet Communes. New Brunswick, NJ, 1963.
- Yaney G.* The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia 1861–1930. Urbana, 1982.

Ч А С Т Ь

VIII

НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ДВИЖЕНИЯ
И ОБЛАСТНИЧЕСТВО

Национальная политика

РОНАЛЬД Г. СУНИ

Не позднее взятия Иоанном IV Грозным Казани в 1552 году возникла особая взаимосвязь форм государственной власти в России с «национальным вопросом», зачастую пренебрегаемым. Когда в середине XVI века Россия из этнически сравнительно однородной стала многонациональной, отношения правящей элиты, главным образом русских и русифицированных нерусских, с подчиненными нерусскими народами, именуемыми «иностранцами» или «иноземцами», оставались неравными. При отношениях командования и подчинения приобщение к русской культуре давало преимущество в доступе к власти и влиянию. Нерусским доступ в элиту никогда не закрывали совсем, но подъем по социальной лестнице для других народов различался по сложности. Если остзейские немцы сравнительно легко входили в правящие круги, другим народам, особенно евреям, мусульманам Средней Азии и после 1885 года армянам, путь был закрыт. Царскую политику, различавшую господствующую этнорелигиозную общность русских и «других», и в то же время державшую этих периферийных «других» в подчинении у господствующей нации, можно определить как имперскую.

Хотя прототип самодержавия существовал в Московском государстве и до Иоанна IV, сама долговечность самодержавия и сопровождающие его идеологические обоснования связаны с политической потребностью поддержки государственного единства и иерархической социальной и этнической структуры в условиях этнической разнородности Российской империи. До тех пор, пока народы подразделялись на этнически или культурно более и менее развитые, многонациональность в контексте неравноправных и эксплуататорских отношений между народами являлась ключевым структурным препятствием на пути развития альтернативных политических форм. Консервативная поддержка неравноправных в своей основе, «имперских» отношений между народами затрудняла переход к более либеральным конституционным формам и превращала либеральные реформы в утопию. Некоторые руководители российской политики признавали, хотя неохотно, что сохранение империи мешает подающей надежды представительной политической системе, но другие, от либералов до большевиков, пытались ускорить тесное единение унитарного государства, созданного царизмом, и некоторых форм демократической политики.

Разнообразие политических образований внутри Российской империи от Великого княжества Финляндского и Кавказского наместничества до Бухарского эмирата и Хивинского ханства было неизгладимым напоминанием о стадиях ее расширения, продолжавшегося до последних дней правления Романовых. Империя, удерживаемая военной силой и идеей верноподданчества царю, мыслилась не этнически (русская империя), а как космополитичное объединение народов и государств (Российская империя) под властью одного монарха. Правящая элита

также была космополитична: конечно, русскоязычная, но состояла из представителей многих национальностей — поляков, немцев, ассимилированных грузин и татар и прочих, которые, став верными слугами императора, в значительной мере почти утратили свою общность с собственными народами. Национальные элиты принимали на службу империи, и на протяжении почти всего XVIII и XIX веков российская политика весьма успешно искореняла тех, кто мог бы стать вождями сопротивления центральной государственной власти.

Нерусскими народами управляли используя противоречивую систему, в которую входили в одних местах косвенное управление, в других непосредственное военное правление через местные элиты, ассимилированные в российскую администрацию и различные формы конституционализма (Великое княжество Финляндское и до 1863 года Царство Польское). В наследии царизма было насаждение нового государственного порядка в обществах, которые мало соприкасались с сильными государственными структурами, новых правил и законов, распространение крепостничества в некоторых районах страны, как например Грузия, и введение нового налогообложения. Эту административную «русификацию», распространение бюрократического абсолютизма на нерусских подданных сопровождала добровольная саморусификация, которую многие нерусские находили выгодной в первые две трети XIX века. Однако после 1881 г., когда правительство избрало резче антинациональную и антисемитскую политику, угрожавшую насильственной культурной однородностью, даже русофильски настроенные народы, вроде армян, стали враждебны к царскому режиму.

Февральская революция обладала необычайной верой в способность юридическим путем уладить глубокие социальные и национальные конфликты. Вину за пороки, ведущие к классовой и национальной вражде, приписывали царизму, считалось, что подходящее законодательство в западном либеральном духе устранил препятствия на пути к гармонии. Одним из первых указов Временного правительства был Акт 7 марта «Об утверждении конституции Великого княжества Финляндского и о применении ее в полном объеме». В нем подчеркнута необходимость изменения всех царских узаконений, противоречащих финляндским законам. Четыре дня спустя газеты объявили о намерении правительства отменить все законодательные вероисповедные, национальные и «классовые» ограничения (говорили прежде всего о сословиях и чинах). 20 марта премьер-министр Львов подписал постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». Тогда консервативная газета «Новое время» в передовице высказала одновременно опасение, что «развитие центробежных сил и сепаратистские надежды народов, составляющих Россию» представляет «реальную угрозу постепенного распада государства на его составные части», а также надежду, что «теперь в лучах восходящей над страной свободы исчезли все препятствия на пути к взаимопониманию между народами России». Оптимистичный взгляд, что «свобода объединит народы», служил доказательством веры в юридические решения, а также готовил почву для горького разочарования, когда стало ясно, что проблемы, связанные с национальными, оказались куда неподатливее, чем казались.

К концу марта, когда правительство выработало постановления о местном самоуправлении, национальный принцип учли двумя способами. Северная часть Лифляндской губернии перешла в состав Эстляндской губернии, демаркационная линия должна была стать этнической (эстонцы/латыши). Распространяя земства на Сибирь и Архангельскую губернию, правительство исключило райо-

ны, населенные кочевниками-самоедами, другими инородцами и казаками, для которых предусмотрели особые правила и органы управления. Особые законы издали для Туркестана (где местной власти предстояло решить, подходит ли земство для разных уездов и народов), Калмыцкой степи и земель «Киргизской» (казахской) Внутренней орды. Планы распространить земства на Закавказье и казачьи области юга России еще разрабатывались, когда Временное правительство свергли.

Национальные черты, конечно, учитывали при разработке политического курса, но Временное правительство и основные партии, влиявшие в нем и на него, гораздо более заботило сохранение единства государства в пору серьезной опасности. Радикальному принципу национального самоопределения либеральные и консервативные политики охотнее предпочитали патерналистское отношение к большинству нерусских народов. Умеренные социалисты поддерживали правительство в желании оттянуть принятие трудных решений до созыва Учредительного собрания.

Ведущая либеральная партия, кадеты, выступала против национально-территориальной автономии, федеративной структуры для новой России и любой формы сепаратизма. Представительство должно быть скорее географическим, чем основанным на национальности. Заявляя себя сторонниками «единой и неделимой России», кадеты видели в проявлениях национализма признаки прогерманской нелояльности. Павел Милюков сказал в мае своим товарищам кадетам, что Партия народной свободы постарается найти решение, которое, позволив различным областям России создать их автономию на основе местного законодательства, в то же время не разрушит единство Российского государства. Сохранение единства Российского государства — это ограничительный фактор, обуславливающий решения партии. Разделение страны на самостоятельные, независимые части партия считает совершенно недопустимым.

Кадеты видели себя борцами за равноправие скорее личностей, чем народов. Милюков поддерживал русскую гегемонию в многонациональном государстве, хотя хотел устранить национальные ограничения, вроде тех, что ввел царизм, поскольку они тормозили процесс естественной ассимиляции меньшинств. Даже более консервативные, чем Временное правительство, обещавшее Польше независимость, кадеты соглашались лишь на автономию для Польши, но не для Украины. П. Н. Милюков и Ф. Ф. Кокошкин на встрече с делегацией Украинского национального конгресса в конце апреля заявили, что территориальная автономия опасна для единства России и украинцы не готовы к независимости.

В большей степени, чем их столичные вожди, провинциальные кадеты рассматривали Февральскую революцию как «средство “освобождения” нерусских национальностей; несмотря на приверженность партийной программы не федеративной, централизованной системе управления, некоторые кадеты на местах высказывались в пользу новой республиканской федерации». «До некоторой степени, — пишет Уильям Г. Розенберг, — права украинцев, грузин и других национальных меньшинств были в кадетской практике подчинены правам великороссов — позиция внутреннего империализма, которая долгое время была характерна для царского режима и из-за которой кадетские лидеры не смогли преодолеть разногласия даже в рядах собственной партии». Неудивительно, что к осени 1917 года ведущие кадеты стали политическими союзниками казаков, традиционных защитников российской государственности.

Как в вопросах войны и мира, политического и социального законодательства, так и в вопросе о национальных меньшинствах, ведущий орган демократии Петроградский Совет редко соглашался с правительством. Даже в период коалиции представители умеренно социалистических партий выработали свою особую политику в отношении национальных меньшинств, которая отражала как дореволюционные взгляды их партий, так и большую восприимчивость устремлений национальных меньшинств. I съезд Партии социалистов-революционеров в Иматре (Финляндия) в 1906 году провозгласил «неотъемлемое право» наций на самоопределение вплоть до отделения от России. Отдельные голоса призывали подчинить право наций интересам социалистической революции, но оказались заглушены подавляющим большинством. Хотя «национальный вопрос» не был основным для неонародников, партия определенно высказалась в пользу федерализма — в отличие от социал-демократов, отстаивавших унитарное государство — и противилась принудительному сохранению империи. Однако, как пишет Оливер Рэдкли, «в 1906 году эсеры были партией без формальной ответственности; в 1917 году они эту ответственность обрели; и, рассматривая национальный вопрос с высоты государственного учреждения, стали рассматривать его менее великодушно, чем в годы, предшествовавшие триумфу революции».

В 1917 году партия эсеров продолжала поддерживать федерализм, но теперь противилась отделению. В мае на III съезде эсеров в докладе о государственном устройстве правый эсер М. В. Вишняк рассматривал Россию как огромную Швейцарию — федеральное, с коллективной исполнительной властью, однако единое государство скорее *Bundesstaat* (союзное государство), чем *Staatenbund* (государственный союз). Внутри федерации будет предоставлена максимальная национальная автономия (даже свои денежные и почтовые системы, но без таможенных барьеров), но отделение недопустимо. Независимость надо предоставить только Польше, а Финляндию — скрепить с Россией по стратегическим соображениям. На вопрос о таком ненормальном отношении к Финляндии Вишняк ответил, что ее независимость создаст опасный прецедент и поощрит сепаратистские притязания других народов. В национальном вопросе партия в целом следовала за правыми и отвергла поддержанное левыми право на отделение. Даже центрист Виктор Чернов согласился, что именно Всероссийское Учредительное собрание должно определить рамки, в пределах которых национальные собрания смогут тщательно разработать собственные заявки на автономию.

Социал-демократия связала себя с национальным самоопределением, и Ленин истолковывал этот лозунг весьма широко — до отделения от империи. В отличие от еврейского Бунда и армянского Дашнакцутюна, отстаивавших австро-марксистское положение об экстерриториальной национально-культурной автономии этнических общностей (каждая национальность представлена в парламенте независимо от того, где живут ее члены), большевики отвергали идею культурной автономии в пользу неэтнической региональной автономии. Ленин также был тверд в своем сопротивлении федерализму. В год революции позиция большевиков предоставляла народам решающий выбор: полная независимость и отделение от России, либо превращение в часть унитарного социалистического государства с гарантией всех культурных и гражданских прав для трудящихся. Ленин полагал, что национальный сепаратизм будет ослаблен русской терпимостью и поддержкой полного национального самоопределения вплоть до отделения. Лишь в 1918 году большевики изменили позицию

и начали склоняться к признанию федеративного государства, где разные народы должны иметь собственные национально-территориальные единицы.

И Временное правительство, и Петроградский Совет признали официальную и полную независимость Польши. Поскольку к началу 1917 года Германия управляла большей частью Польши, политическая поддержка независимости Польши не несла вреда военным усилиям. Однако уступка Польше лишь возбудила аппетит финнов и украинцев, и изначальный конфликт между принципом национального самоопределения и приверженностью ведущих политиков к сохранению единства Российского государства вылился в открытую политическую борьбу в первые недели революции.

Временное правительство в акте «Об утверждении конституции Великого Княжества Финляндского и о применении ее в полном объеме» признало полную «внутреннюю самостоятельность» финляндского народа, но объявляло себя «облеченным всей полнотой власти». Социал-демократическое руководство финляндского парламента вскоре провозгласило, что с падением монархии верховная власть в Финляндии должна перейти к финляндскому правительству, допуская, что Временное правительство некоторое время продолжит определять ее внешнюю и военную политику. Будущий большевик Отто Куусинен заключил, что этот проект конституции дает Финляндии «все, что можно желать, и лучше, чем независимость». Реакция в Петрограде на финский шаг была быстрой, острой и отрицательной. Политика, изначально сформулированная Керенским, отвергала сколько-нибудь четкое решение окончательного статуса Финляндии до созыва Всероссийского Учредительного собрания.

Позицию правительства, в конце концов, поддержали умеренные социалисты в Советах. Когда в начале апреля финские социал-демократы встретились с руководителями меньшевиков, те признали право Финляндии на самоопределение с оговоркой, что только Учредительное собрание полномочно окончательно решить этот вопрос. Из крупных партий право Финляндии на полную независимость поддерживали только большевики. Еще 11 марта Ленин в Цюрихе писал: «Российский пролетариат обеспечит Финляндской республике полную свободу, вплоть до свободы отделения». На VII конференции РСДРП(б) в апреле Ленин сказал: «Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет... Мы за то, чтобы Финляндии была дана полная свобода, тогда доверие к русской демократии усилится, именно тогда они не отделятся...»

Отношение петроградских властей еще больше стимулировало поддержку финляндской независимости, и на протяжении мая-июня финские социал-демократы пробивали закон (*valtalaki*), наделявший финляндский сейм (парламент) верховной властью. Русские социалисты надеялись, однако, оттянуть окончательное решение финляндского вопроса до Учредительного собрания. В июне Первый Всероссийский съезд Советов принял обширную резолюцию по национальному вопросу, объявив о необходимости «децентрализации управления» и «широкой политической автономии для областей, отличающихся этнографическими или социально-экономическими особенностями». Съезд предложил Временному правительству издать декларацию «о признании за всеми народами права самоопределения вплоть до отделения, осуществляемого путем соглашения во всенародном Учредительном собрании». Временное правительство до последнего дня отказывалось предоставить Финляндии полную незави-

симось и намеревалось использовать вооруженную силу, чтобы навязать ей свою политику.

Временное правительство подчинило принципы самоопределения и демократического выбора сохранению единства территории прежней империи. Умеренные социалисты в Советах соглашались с правительственной стратегией. Большинство народов Российской империи в 1917 году не проявляло желания отделяться от нового демократического государства. Они связывали надежды с конституционным решением внутри обновленного многонационального государства, казавшегося предпочтительнее рискованного выбора идти в одиночку в условиях войны. В Киеве, однако, Центральная Рада выпустила 1-й Универсал, которым провозгласила автономию Украины, а себя — высшей политической властью. Позднее, в июне делегаты Временного правительства встретились в Киеве с представителями Центральной Рады и после горячей дискуссии неохотно согласились признать ее компетенцию на проведение реформ на Украине и на управление этим регионом до созыва Всероссийского Учредительного собрания. Эта попытка компромисса усугубила Июльский кризис в Петрограде, когда несколько министров-кадетов вышли из состава правительства в знак протеста против уступок украинской автономии.

Национализм в первый год революции был относительно слаб, пока еще имел хождение в основном среди национальной интеллигенции, студентов и средних городских слоев. У белорусов, литовцев и азербайджанцев была распространена идентификация не по национальному ощущению, а, преимущественно, по месту жительства, социальному статусу и религиозной общности. У этих народов ни национализм, ни социализм не могли мобилизовать большие массы людей на политическую борьбу, которая должна была определить их будущее. У некоторых народов, включая латышей и грузин, социалистическое движение на классовой основе было гораздо сильнее политического национализма. У других народов, таких как украинцы и эстонцы, национальное и классовое сознание вели борьбу в умах рабочих и крестьян, но ни то ни другое не брало верх. У армян преобладала социалистическо-националистическая партия Дашнакцутюн; перед угрозой уничтожения со стороны османских турок армяне сплывались вокруг всеобъемлющего, внеклассового национализма.

Перед революционной Россией в 1917 году стоял выбор: сохранить империю или создать новое демократическое государство, в котором позволено тем народам, которые решили отделиться, сделать это. Со времен Французской революции дискурс нации включал в себя понятия национального суверенитета и равенства перед законом. Национализм отвергает неравенство прав, присущее империи, и выступает за полное равенство и представительство подчиненных народов. И либералы, и социалисты верили в национальное самоопределение на уровне политической теории, но когда нерусские народы выбрали отделение, интересы государства взяли верх над принципом.

Литература

Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). СПб., 1998.

- Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов. М., 1970.
- Каррер д'Анкос Э. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М., 2007.
- Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления. М., 1997.
- Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности 1917–1923 гг.: Документы и материалы. М., 2007.
- Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004.
- Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005.
- A State of Nations. Empire and Nation-Building in the Age of Lenin and Stalin/ Ed. by R. G. Suny, T. Martin. New York, 2001.
- Carrière d'Encausse H. The Great Challenge: Nationalities and the Bolshevik State, 1917–1930. New York, 1991.
- Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, 2005.
- Kazemzadeh F. The Struggle for Transcaucasia (1917–1921). New York, 1951.
- Ketola E. Kansalliseen kansanvaltaan. Helsinki, 1987.
- Pipes R. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, MA, 1954.
- Radkey O. The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February–October 1917. New York, 1958.
- Raëff M. Patterns of Russian Imperial Policy toward the Nationalities // Ed. by E. Allworth. Soviet Nationality Problems. New York, 1971.
- Rosenberg W. G. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974.
- Suny R. G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.
- Upton A. F. The Finnish Revolution 1917–1918. Minneapolis, 1980.

| Евреи |

ДЖОН Д. КЛИЕР

Одним из первых дел Временного правительства 9 марта 1917 года стало предписание министру юстиции Александру Керенскому подготовить постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений. Уже 20 марта это постановление издано. В нем упомянуты 140 различных законов и правил, в большинстве ограничительных, изданных относительно евреев на закате царской империи. Это решало еврейский вопрос де-юре, но едва ли де-факто, поскольку революции досталось наследство столетия экономических и социальных перемен, затронувших еврейское сообщество.

Социальный состав

Согласно первой всероссийской переписи населения 1897 года 97% евреев империи назвали родным языком идиш. Эта часто приводимая статистика крайне обманчива, поскольку перепись не дала выбора указать двуязычие или многоязычие. Несомненно, что многие евреи говорили не на еврейском. Бесспорно, это скорее был язык «имперский», например русский или польский, чем какой-либо формирующейся национальности, вроде украинского или белорусского. Это непосредственно отражало баланс политической власти в империи, но не мешало случайному знакомству с «крестьянским» языком для целей торговли.

Под влиянием *Хаскалы* (движения еврейского Просвещения) некоторая часть евреев добивалась аккультурации. После 1847 года её достижение упрощала субсидируемая государством не приверженная традициям еврейская школьная система. Служба в пореформенной армии после 1875 года также помогла распространению русского языка среди евреев. Молодое поколение евреев стремилось получить образование в государственных учебных учреждениях и, в ограниченных пределах, начало профессиональную деятельность. Ортодоксальное религиозное руководство реагировало на угрозу аккультурации изысканием способов оживить традиционное обучение, особенно посредством движения *Мусар*, реформы *йешивота*, высшей школы изучения Талмуда.

Политические течения

Вопреки претензиям русских реакционеров огромное большинство евреев России оставалось пассивно и политически лояльно российскому имперскому государству. Студенчество, подвергаясь тем же влияниям, что и их нееврейские одноклассники, и испытывая на себе, к тому же, действие ограничительного законодательства, с конца 1870-х годов двинулось в политический активизм. К концу XIX века евреев можно было найти во всех российских политических движениях и те-

чениях, кроме крайне правых, чья антисемитская идеология не допускала их участия. Евреи создавали также собственные отличительные политические движения. Программы всех еврейских политических партий были по существу изменением определенных очертаний идеологических дихотомий: либеральный/социалистический; сионистский/антисионистский; автономистский/неавтономистский; интернационалистский/националистический. Социалисты подразделялись на марксистов и немарксистов, а сионизм раскололся на палестинофилизм и территориализм. Еврейские политические активисты распались на следующие четыре основные категории.

Либералы

Многие евреи специалисты, такие как М. М. Винавер и Г. Б. Слиозберг, сыграли видную роль в либеральном освободительном движении до Революции 1905 года. Параллельно они отстаивали интересы еврейской общины, образовав в марте 1905-го Союз для достижения полноправия еврейского народа в России. Он распался после Манифеста 17 октября 1905 года. Еврейская национальная группа во главе с Винавером, Слиозбергом и др. была тесно связана с Конституционно-демократической партией. Она являлась последовательно антисионистской и отстаивала еврейские «национальные интересы», лишь выдвигая требования полных гражданских прав, законодательного признания еврейских общинных структур, основанных на демократических принципах, поддержки еврейских языка и культуры и экономического развития обнищавшего еврейского населения. Её соперница, Еврейская демократическая группа во главе с Л. М. Брамсоном, А. И. Браудо и др. была связана с фракцией трудовиков Государственной думы. Группа придерживалась крайних демократических принципов, которые хотела ввести в жизнь еврейской общины, где до того господствовали богачи. Еврейская народная партия Фолкспартей (Volkspartei), по сути, была не выборной организацией, а группой, посвятившей себя пропаганде теорий историка и активиста С. М. Дубнова, известных как автономизм. Автономизм требовал гарантий национально-культурной жизни национальных меньшинств Российской империи, примером чего служило бы создание на национальном и местном уровне системы автономного самоуправления. После Февральской революции либералы евреи создали Еврейскую народную группу, умеренные требования которой включали школьную систему, способную сохранять религию, язык и культуру евреев, и некоторое использование еврейских языков в общественной жизни. Позицию евреев либералов выразил призыв Винавера: «Что необходимо, так это не только любовь к свободе, но также самоконтроль». По мере полевения революции евреи либералы быстро стали политически неуместны.

Социалисты

Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) был одним из соучредителей РСДРП в 1898 году. Наряду с общим обязательством классово-борьбы, Бунд претендовал на дополнительные, особые полномочия вести работу среди еврейского пролетариата, где бы ни находились рабочие-евреи в

Российской империи. Бундовцы утверждали, что этого требуют особые потребности еврейского пролетариата (пропаганда на языке идиш) и обстоятельства (положение евреев как меньшинства, особо притесняемого в империи). Бунд был жестко организованным, конспиративным и централизованным движением, гордившимся наибольшим числом сторонников в социал-демократических фракциях. Эти характерные социал-демократические черты дополнялись нетипично сильной демократической традицией. В условиях подъема сионизма и разных видов зарубежного и местного антисемитизма Бунд разработал особую программу работы с евреями, не желая откладывать решение еврейского вопроса до начала социалистической революции. В 1901 году партия приняла принцип полной национальной автономии для национальных меньшинств независимо от территории проживания. Бунд особо требовал статуса национальности для евреев. Позднее теоретики Бунда сформулировали требования национально-культурной автономии, основанной на светской еврейской культуре на языке идиш, в федеративном Российском государстве. Бунд организовал группы самообороны евреев для воспрепятствования погромам и настаивал, что социал-демократия должна особо бороться против ограничительного законодательства в отношении евреев. Бунд противился расколу партии и пытался играть роль посредника соперничающих в ней фракций. Идеологическая неуступчивость «искровцев» привела к временному выходу в 1903 году Бунда из РСДРП. После возвращения в 1906 году Бунд ближе склонялся к меньшевикам, чем большевикам. Превозносимая (либо вызывающая отвращение) способность бундовцев к компромиссу проявлялась на протяжении 1917 года и, в конце концов, утрачена после Октября.

Сионисты-социалисты

Бунд столкнулся с растущим соперничеством других левацких еврейских партий, особенно включавших в программы некоторую форму сионизма или территориализма. Еврейская социалистическая рабочая партия (СЕРП, сеймовцы, сеймисты), основанная в 1906 году, изначально была партией, сочетавшей немарксистский социализм и автономизм. Механизмом автономии должен был стать Еврейский Национальный совет, или Сейм, избираемый местными единицами. Сейм предназначался служить «высшим органом самоуправления евреев и представителем объединенного российского еврейства». Сеймовцы не желали сотрудничать с еврейскими буржуазными автономистами.

Сионистско-социалистическая рабочая партия (ССРП, СС), основанная в 1905 году, прокладывала путь участию сионистов в российской политической борьбе в противоположность «нейтральности» основного сионистского движения. Она поначалу отстаивала культурную автономию, но отклоняла национальную автономию как буржуазную утопию. Это движение было представлено на Всемирном конгрессе сионистов в Базеле в 1905 году, расколовшемся по вопросу создания временного прибежища для евреев в Уганде. Движение развилось в марксистскую территориальную партию, понимавшую свою цель как охрану интересов еврейского пролетариата внутри сионистского движения, где властвует буржуазия.

В мае и июне 1917 года СЕРП и СС объединились для создания новой Объединенной еврейской социалистической рабочей партии, известной как *Farainigte* (Объединенная). Партия настаивала на создании федеративной Российской ре-

спублики с трехступенчатой системой центрального парламента, выполняющего функции правительства государства, национальных сеймов, ведающих образованием и социальным обеспечением, и региональных ассамблей, отвечающих за местные экономические вопросы. Еврейский национальный Сейм предполагалось избирать на основе всеобщего, равного, тайного, пропорционального и прямого голосования. Местная общинная структура (*кехилла*) должна была создаваться там, где имелось 300 евреев. Классовая борьба должна была продолжаться внутри различных национальных органов.

Еврейская социал-демократическая рабочая партия Поалей-Цион (ЕСДРП — Трудящиеся Сиона), созданная в 1906 году, основывалась на идеях Берла Борохова создать партию одновременно строго сионистскую и марксистскую. Евреи должны устранить экономические и социальные уродства диаспоры, отправляясь в Палестину, отсталую слабо развитую страну, и участвуя в ее развитии и классовой борьбе, которая приведет к «нормализации» еврейской жизни. Поалей-Цион была привержена целям достижения широкой национальной и культурной автономии для еврейской общины.

Сионисты

В России политический сионизм (движение Теодора Герцля и его Всемирной сионистской организации) рос медленно, по мере колебания правительства между терпимостью и подавлением. Россия действительно превратилась в центр ортодоксальной поддержки сионизма после основания раввином Ицхаком Рейнесом в Вильне в 1902 году религиозно-националистической партии Мизрахи. Партия была тесно связана с Всемирной сионистской организацией и пыталась противостоять тенденциям секуляризации в поддерживаемых сионистами образовательных программах. Традиционный политический нейтралитет сионистского движения был поколеблен сдвигом 1904–1906 годов, ставшим свидетелем и еврейских погромов, и еврейских политических инициатив. III конференция сионистов России (Гельсингфорс, ноябрь 1906 года) приняла программу, сочетавшую вовлечение в политическую жизнь империи и работу по переселению в Палестину. Гельсингфорсская программа требовала создания демократического российского государства, основанного на выборном парламенте, с региональной автономией и защитой прав национальных меньшинств. Программа требовала признать в России евреев единым народом с правом на самоуправление в национальных делах и на использование еврейского языка в школе, суде и общественной жизни. Евреи требовали права соблюдать субботу как выходной день. Конференция призвала созвать в России Еврейское Национальное собрание для создания основы национальных организаций. Это оставалось сионистской программой в России до Февральской революции. Политическая реакция после 1906 года заставила, однако, большую часть деятельности этого движения перенести в подполье.

Экономическая ситуация

Евреи были неотъемлемой частью почти феодальной экономической системы на присоединенной к России польско-литовской территории. Они являлись важ-

ным торговым элементом и в деревнях, и в отдаленных городах (*штетлах*) Царства Польского. На Украине евреи, пользуясь свободой передвижения и небольшим капиталом, стали неотъемлемой частью экономики дворянских поместий, служа управляющими имений, представителями и порученцами господ. Евреи брали лицензии на феодальные привилегии, особенно на *пропинацию* (производство и продажу алкогольных напитков). Еврейский кабатчик был типичной фигурой в Восточной Европе. Евреи, поселившиеся в отдаленных городах, преобладали также среди ремесленников.

В конце XVIII века российские власти ограничили доступ евреев вглубь России, создав зону проживания, известную как «черта оседлости». Драматичный рост еврейского населения в течение XIX века от почти 1 млн. до более 5 млн. вызвал в «черте оседлости» перенаселение и избыток рабочей силы и в результате усиление обнищания евреев. Постоянная эмиграция за рубеж не смогла остановить эту тенденцию.

Развитие экономики пореформенного периода вызывало у евреев радость и опасения. Хотя некоторые евреи-предприниматели, такие как банкир Евзель Гинцбург и железнодорожный магнат С. С. Поляков, скопили большие состояния, в России евреи никогда не достигали такого же экономического влияния, как в Австро-Венгерской или Германской империях. Хотя некоторые евреи влились в российский средний класс и занялись профессиональной деятельностью, но большинство пребывало в бедности и без работы. Железнодорожное строительство уничтожило традиционную транспортную инфраструктуру, в которой были заняты многие евреи. Во входившем в состав Российской империи Царстве Польском, с другой стороны, и в некоторых городах «черты оседлости» евреи действительно находили работу на фабриках и заводах, рост еврейского рабочего класса сделал возможным развитие Бунда.

Официальная политика

Русское правительство не доверяло евреям якобы из-за их «религиозного фанатизма», отделявшего от остального населения, и воспринимало их как «плохих» подданных, не стесняющихся наживаться за счет «экономической эксплуатации» наивного крестьянства. Еврейский вопрос считался, однако, поправимым и был целью реформаторской политики до последних десятилетий XIX века. По мере усиления в России консервативной идеологии всё более демонизировали евреев и начали рассматривать как враждебный элемент, стремящийся уничтожить русскую цивилизацию. Евреи стали удобным козлом отпущения за все тяготы и противоречия модернизации. Предрассудки и ограничительное законодательство усиливались перед лицом как еврейской политической активности, так и беспокойства об общественном порядке, вызванными вспышкой погромов в 1881–1882 годов. В Революцию 1905 года евреи стали удобной мишенью для политической деятельности реакционеров, наглядное проявление которой эксцессы так называемой «черной сотни» (экстремистских крайне правых военизированных групп). После 1905 года евреев, вопреки обещанию Манифеста 17 октября, систематически лишали конституционных прав, обещанных всем россиянам.

Влияние Первой мировой войны

Начало войны еще сильнее обострило еврейский вопрос. Театр военных действий охватил большую часть черты оседлости, и евреев делали козлами отпущения за военные неудачи, часто обвиняя в шпионаже и нелояльности. В 1915 году военные приняли донкихотское решение эвакуировать еврейское население из прифронтовой полосы вглубь России; переселено было более 600 тыс. человек. Столкнувшись с этим свершившимся фактом, Совет министров официально расширил черту оседлости, хотя правовое положение беженцев оставалось двусмысленным. Германская оккупация большей части Царства Польского и губерний Прибалтики означала, что польское еврейство утрачено для русского контроля. Хаотическое перемещение еврейского населения из фронтовой полосы позволило еврейским политическим лидерам организовывать помощь, аналогично роли земств в поддержании военной экономики.

В революционном 1917 году еврейские партии обсуждали вопросы войны и мира, природу революции и природу еврейской жизни в новой России. После Октября еврейские партии вынуждены были выбирать между поддержкой и сопротивлением захвату власти большевиками. Еще большее замешательство среди многочисленного еврейского населения Украины вызвала необходимость решать вопросы о статусе еврейской жизни по мере продвижения украинских националистов от требования автономии к сепаратизму и затем к независимости.

Реакция евреев на Февральскую революцию

Скрытая энергия российской еврейской общины (сократившейся с 5,5 до 3,5 млн. человек вследствие военных потерь территории и населения) прорвалась наружу стремительным потоком политической, социальной и культурной деятельности в период после Февраля. Возникшие в войну еврейские общества помощи во главе с либералами выступили инициаторами созыва всероссийского съезда евреев с целью официального создания автономных институтов для евреев и подготовки пакета требований в ожидании созыва Учредительного собрания. Предварительная Всероссийская Еврейская конференция собралась 3 июля 1917 года для выработки плана Национального собрания народов России. Само Национальное собрание, депутатов которого избрали после большевистской революции, не состоялось.

Еврейские политические партии имели немало возможностей анализа настроений своего электората: при выборах делегатов на Еврейский съезд и во Всероссийское Учредительное собрание, на региональные съезды на Украине и при местных выборах в недавно демократизированные бюро местных общинных структур (*кехиллот*).

Ортодоксальная политика

Огромное большинство еврейского населения империи было номинально ортодоксально и политически инертно. Накануне мировой войны прилагали не-

которые усилия мобилизовать ортодоксальные массы. В мае 1912 года представители российского, австрийского и германского еврейства встретились в Катовице для организации ортодоксального политического движения Агудас Исраэль. После Февральской революции ортодоксальные представители, включая членов ортодоксальной сионистской партии Мизрахи, собрались 3 апреля 1917 года в Москве и основали движение Месорет ве-Херут (Традиция и Свобода). Оно призвало к еврейской национальной автономии, основанной на демократических принципах, гарантии субботнего отдыха и оказания правительственной финансовой поддержки *кехиллотам*. Летом 1917 года ортодоксы избрали комитет из семи раввинов, включая глав двух династий хасидов, Любавичской и Бобруйской, для подготовки к Национальному собранию народов России.

Даже ортодоксальная община, несмотря на врожденный консерватизм, оказалась сдвинута влево. Собрание местных религиозных политических групп в Москве в июле 1917 года не только запросило государственного финансирования религиозного образования, но выдвинуло требования 8-часового рабочего дня, права на забастовку, свободы совести и радикальной программы перераспределения земли. Ортодоксы были активны и на региональном уровне: на Украине религиозные партии в 1918 году объединились в организацию Ахдус (Единство), тогда как Агудас Исраэль добился политических успехов в Белоруссии.

Ортодоксы не преуспели в создании сильного политического движения. Это, возможно, произошло из-за внутренних разногласий и дезорганизации, региональных и религиозных различий (особенно между движением хасидов и их нехасидскими ортодоксальными оппонентами) и отсутствием каких-либо действительно национальных институтов на всем протяжении русского правления. Более того, на их собственной территории, в местной общине, ортодоксам бросили вызов светские партии, видя в контроле над *кехиллотами* вернейший путь к политической власти «на еврейской улице». Поэтому ни на одних выборах ортодоксальные партии не смогли набрать более 15% голосов еврейских избирателей. У еврейских либералов, для которых борьба за равноправие всегда была правом на существование, дела шли еще хуже. По мере сдвига революции влево они, как и их нееврейские двойники, утратили политический вес.

Сионизм

По всем признакам — формальное членство, местные отделения, процент голосов на всех выборах — сионизм являлся наиболее влиятельной идеологией среди евреев империи после Февраля 1917 года. К концу 1917 года движение заявляло об участии 300 тыс. держателей *шекелей* (сделавших небольшие символические пожертвования в пользу движения). На VII съезд сионистов России (Петроград, 11–18 мая 1917 года) съехались 522 делегата, представлявших 140 тыс. членов из 340 городов и *штетлов*. Сионистские партии получили самую значительную поддержку на муниципальных выборах на Украине, на выборах на Украинский Временный национальный съезд в августе 1918 года и в еврейское Национальное собрание в 1917–1918 годах. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание дали сионистам 417 215 голосов из 498 198, полученных еврейскими партиями. Однако практические результаты этих усилий удивительно незначительны и наводят на мысль, что достижения сионистов были большей частью символические: провозглашение формирую-

щегося еврейского национализма среди глубоко консервативного и религиозно настроенного населения. Отчасти успех сионистов вызван их способностью составлять общие избирательные списки с религиозными партиями на Украине. Сионизм никогда не играл вполне последовательной роли в русской революции, что отражало потребность движения преследовать две цели, в конце концов существенно противоречивые. Например, на VII съезде сионистов их вождь Ехиель Членов призывал солдата-еврея последовать призыву революционной демократии защитить Россию от врагов. В то же время съезд согласился, что откажется участвовать в предполагаемом Национальном собрании евреев России, если в повестку дня не вставят вопрос об *Эрец-Исраэль* (Земли Израиля — Палестина). Бунд, напротив, клеймил эти опасения как контрреволюционную фантазию. Компромисс между обоими лагерями был достигнут в июле на Всероссийской еврейской конференции.

Политическое влияние сионизма, возможно, уменьшилось из-за направления энергии активистов в русло «органической» работы по созданию культурных и социальных предпосылок еврейской колонизации Палестины. Наиболее впечатляющим достижением стало культурное движение *Тарбут*, создавшее сеть из более 250 школ с обучением на иврите и образовательных организаций. Театр «Хабима», выступавший на иврите, имел успех у зрителей и критики. Движение поддерживали более 50 газет на идише, иврите и русском языке и деятельность Хе-Халуц, где будущих эмигрантов обучали сельскохозяйственной технике. В ноябре 1917 года Великобритания опубликовала декларацию министра иностранных дел Бальфура об установлении в Палестине национального очага для еврейского народа. Ее с бешеным энтузиазмом встретили в России, состоялись уличные демонстрации и празднества. В Одессе декларацию приветствовала более чем сотысячная толпа. Чего не удалось сионистскому движению, так это массового переселения в Палестину: общее число переселенцев в период так называемой Третьей *Алии* (1917–1921), составило лишь 35 тыс. человек.

Еврейский отклик на Октябрьскую революцию

Ни одна из еврейских социалистических партий не была близка к большевикам, бундовцам уютнее всего было на левом крыле меньшевиков. Все еврейские партии изначально противостояли Октябрьской революции. Большевики и их еврейские соперники одинаково вынуждены были изменить свои идеологические позиции. Ассимиляционной риторике большевистской национальной политики, согласно которой евреев, как этнический материал, необходимо быстрее ассимилировать в более крупном сообществе, пришлось столкнуться с фактом существования миллионов евреев с обостренным, а не ослабленным, национально-культурным самосознанием. Еврейским политическим партиям, со своей стороны, предстояло выработать реалистичную реакцию на Октябрь. В первую очередь это означало выбрать между большевиками и их оппонентами, опирающимися на Советы. Поскольку партии расходились по этому вопросу, обсуждались иные формы организации. Евреи левой ориентации рассматривали возможность слияния с компартией и вопрос об автономных формах членства и деятельности в партии. На Украине евреям приходилось реагировать на определенные украинские политические события.

Многие полностью ассимилированные евреи (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Свердлов) играли ведущую роль среди большевиков. Аккультурированные евреи также оказали важную поддержку после Октября, помогая сломить бойкот русской интеллигенцией нового режима. Евреи, не имея при царизме доступа к общественным постам, хлынули в государственный аппарат. По выражению Ленина, «они саботировали саботажников». Как ранее гонимое меньшинство, евреев и латышей особо приветствовали в ЧК, и многие евреи делали успешную карьеру до чистки 1930-х годов.

По иронии судьбы, режим потерпел полный провал в поиске союзников в области чисто еврейской работы, где социалисты (кроме небольшой левой фракции Поалей-Цион), сионисты и ортодоксы одинаково с презрением отвергали большевиков. Попытки пропагандировать еврейское население сначала предоставили эмигрантам из отдела пропаганды Наркомата иностранных дел. Это решение было явно неудачным, и в январе 1918 года Совнарком учредил в составе Наркомата по делам национальностей Еврейский комиссариат (Евком) под руководством старого большевика Семёна (Шимона) Диманштейна. Затем в августе 1918 года создали Евсекцию (Еврейскую секцию) РКП(б), возглавил ее также С. М. Диманштейн. Сначала Евсекция испытывала большие трудности с набором кадров и с борьбой против еврейских партий. Но в 1920-е годы Евсекция сыграла главную роль в мобилизации советского еврейства посредством воинствующей антирелигиозной кампании, в попытках индустриализации и сельскохозяйственной колонизации, советизации существующих еврейских общинных учреждений и создания советской еврейской культуры, на языке идиш по форме и социалистической по содержанию.

Евреи на Украине

Большинство евреев Российской империи жили в малороссийских губерниях, где они составляли 9% всего и 29% городского населения. Отношения украинцев и евреев были весьма противоречивы: евреи являлись неотъемлемой частью сельской экономики, со всеми вытекающими элементами повседневного взаимодействия. Во времена национального кризиса Украина стала центром еврейских погромов. Отношения украинских интеллектуалов и евреев были крайне проблематичны, поскольку значительно русифицированная еврейская интеллигенция мало симпатизировала украинской культуре. Угроза украинского «сепаратизма» таила особую опасность для евреев: грозила расколоть общеимперскую еврейскую общину, уменьшая как ее политическое влияние, так и культурные возможности; воспрепятствовать свободному обмену товаров между Россией и Украиной (особо беспокоя коммерсантов евреев); сделать возможным приход к власти антисемитов. У евреев Украины не было единодушия по поводу того, как лучше противостоять этим угрозам. Массы были политически апатичны, уровень их участия в политике остался низок. Любая согласованная политическая деятельность осложнялась острыми разногласиями между сионистами и националистами диаспоры. Сравнительно небольшие еврейские социалистические группы добились более высокого уровня политической организации и влияния, что вызвало их претензии выступать представителями всего украинского еврейства. Сионисты оспаривали эти претензии,

верно предсказывая, что демократические выборы покажут, что именно они обладают поддержкой большинства.

Украинское национальное движение не спешило требовать полную независимость, предпочтя заявлять о широкой политической и культурной автономии в демократическом федеративном российском союзе. Украинское революционное правительство Центральная Рада искала поддержки национальных меньшинств, реально предоставляя им территориальную автономию. Генеральный секретариат Рады учредил в генеральном секретариате (министерстве) по национальным делам три вице-секретариата (еврейский, польский и русский). Каждый из них действовал через Национальный совет. Первый глава Еврейского вице-секретариата Моисей Зильберфарб предложил равное представительство для всех основных еврейских партий, что давало заметное преобладание социалистам (и никому из плохо организованных ортодоксов). Сионисты, колеблясь войти в правящую коалицию, бойкотировали Национальный совет до лета 1918 года, когда приняли участие в выборах во Временную Еврейскую ассамблею, руководимую через демократизированные *кехиллоты* Украины. В результате на ассамблее 3–11 ноября 1918 года преобладали сионисты. Решение ассамблеи послать на Парижскую мирную конференцию делегацию, выступающую от имени восточноевропейских евреев как национального меньшинства, вызвало бойкот еврейских учреждений правительства не сионистскими партиями.

В ответ на Октябрьскую революцию Рада провозгласила 7(20) ноября Украинскую народную республику (все еще в составе мнимой Всероссийской федерации). В начале января Рада приняла универсал о национально-персональной автономии, предусмотревший щедрые уступки национальным меньшинствам Украины, и ожидала соответствующей реакции. Однако, когда Центральная Рада, в ответ на наступление большевистских сил 11 (24) января 1918 года, поставила на голосование вопрос об объявлении Украины независимым, свободным, суверенным государством, поведение еврейских партий крайне разочаровало националистов. Бунд голосовал против независимости, большинство других партий воздержалось. Украинские националисты расценили это как предательство евреями национального дела.

В следующие четыре года Украина в разное время была ареной вооруженной борьбы большевиков с разными украинскими националистами, германских оккупационных войск с антигерманскими партизанскими отрядами, Гражданской войны большевиков с Белой Армией, военной интервенции Антанты, войны украинцев с поляками и в 1920 году коммунистов с поляками. Еврейское население стало особой мишенью для грабежей и погромов. Антисемитизм был главным мобилизующим принципом Белой Армии, вторгшейся в июне 1919 года на Украину. Многие поляки рассматривали своих врагов как «еврейских коммунистов». Некоторые украинские националисты считали евреев предателями. Беспорядочные вооруженные отряды всякой идеологической окраски видели в евреях удобный объект для насильственных реквизиций и зверств.

В историографии продолжают бушевать энергичные споры о масштабах и ответственности за примерно тысячу погромов, разорвавших Украину в 1918–1921 гг. Вероятно, убито было не менее 40 тыс. евреев, пострадало более 100 тыс. человек. Белые особенно были склонны к погромной деятельности. Беспорядочные и партизанские отряды Директории во главе с местными предводителями, так называе-

мыми «атаманами», приобрели дурную славу погромами. Хотя Верховный главнокомандующий вооруженными силами Директории Симон Петлюра осудил погромы, многие евреи считали его морально ответственным. До сих пор вызывает споры личность Петлюры, убитого в 1926 году в Париже противником евреем. Красная Армия, тоже не безгрешна в отношении насилия над евреями, но ее репутация была лучше, и многие евреи видели в ней свою главную защиту. Разочарование политическими неудачами различных еврейских партий в сочетании с воздействием погромов привело многих украинских евреев на сторону Красной Армии и, таким образом, в лагерь коммунистов.

Культурная жизнь евреев

Революционный период сопровождали не только погромы и страдания евреев. Тогда же происходил взрыв еврейской культурной и художественной активности. Кроме инициатив образовательного на языке иврит движения *Тарбут*, революционная эра стала свидетелем возрождения на идише прессы и литературы, испытавшей влияние новейших литературных течений, например «Киевской группы» с участием Давида Бергельсона, дер Нистера (Пинхоса Кагановича), Переца Маркиша и Давида Гофштейна. Возрождался театр на идише, например Московский государственный еврейский театр (ГОСЕТ), основанный Александром Грановским, с актером Соломоном Михоэлсом в главных ролях и с художественным оформлением Марка Шагала. Шагал участвовал в 1918–1920 годах в Академии народного искусства в Витебске, где также возник кружок вокруг художника Егуди Пэна.

Итог

Отзывчивость и приспособляемость евреев к многообразному воздействию революции на их жизнь опровергают легенду о политической пассивности еврейской диаспоры. Наличие кадров евреев-активистов — центристов и левых — участников революционных событий показывает воздействие модернизации на традиционное еврейское общество Восточной Европы на рубеже веков. Даже религиозным ортодоксам пришлось совершенствовать технические приёмы политической мобилизации для противостояния своим светским оппонентам.

Это явление еврейского политического участия обещало энергичную политическую борьбу за коллективную душу и ум еврейской улицы послереволюционной России, подобной той, что и в межвоенной Польше. Однако политические реалии нового советского государства быстро развеяли надежды и страхи и ортодоксов, и радикалов евреев. Коммунизм у власти вскоре оказался хорош для еврея, но плох для евреев.

Литература

Архивные документы по истории евреев в России в XIX — начале XX в.: Путеводитель. М., 1994.

- Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2006.
- Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. Л., 1925, 1927. Т. 1, 2.
- Гительман Ц. Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней. М., 2008.
- Дубнов С. М. Книга жизни. Материалы для истории моего времени: Воспоминания и размышления. Иерусалим; М., 2004.
- Евреи и русская революция: Материалы и исследования. М.; Иерусалим, 1999.
- Еврейская эмиграция из России 1881–2005. М., 2008.
- Еврейские погромы в Российской империи. 1900–1916. М., 1998; Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. документов. М., 2008.
- Иванов А. Е. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX в. Каким оно было: Опыт социокультурного портретирования. М., 2007.
- История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы. М., 2004.
- Кельнер В. Е. Миссионер истории: жизнь и труды С. М. Дубнова. СПб., 2008.
- Клиер Дж.: Круг Гинцбурггов и политика штатдлонута в имперской России // Вестник еврейского университета в Москве. 1995. № 3(10); О русско-еврейской интеллигенции // Труды по иудаике Петербургского еврейского университета. СПб., 1995. Вып. 3; Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М., 2000.
- Маор И. Сионистское движение в России. Тель-Авив, 1977.
- Мировой кризис 1914–1920 гг. и судьбы восточноевропейского еврейства. М., 2005.
- Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются с позднеимперской Россией. М., 2007.
- Рафес М.: Очерки истории еврейского рабочего движения. М.; Л., 1929; Очерки по истории Бунда. М., 1923.
- Abramson H. A Prayer for the Government: Ukrainians and Jews in Revolutionary Times, 1917–1920. Cambridge, MA, 1999.
- Aronson G., Frumkin J. et al. Russian Jewry, 1917–1967. New York, 1969.
- Frankel J. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862–1917. Cambridge, 1981.
- Gassenschmidt C. Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia, 1900–1914. London, 1995.
- Gitelman Z. Jewish Nationality and Soviet Politics: The Jewish Sections of the CPSU, 1917–1930. Princeton, 1972.
- Kornblatt J. D. Doubly Chosen: Jewish Identity, the Soviet Intelligentsia, and the Russian Orthodox Church. Madison, 2004.
- Levin N. The Jews in the Soviet Union: 2 vols. New York; London, 1988.

Pinkus B. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge, 1988.

Pogroms: Anti-Jewish violence in Modern Russian History / Ed. by J. D. Klier, Sh. Lambroza. Cambridge; New York, 1992, 2004.

Silberfarb M. The Jewish Ministry and Jewish National Autonomy in Ukraine. New York, 1993.

| Закавказье |

РОНАЛЬД Г. СУНИ

Русская революция была одновременно политической, социальной и «национальной», конфликтом политических элит, социальных классов и национальностей. Все эти три проявления революции присутствовали на гористом перешейке южнее Кавказских гор. Годы революции и Гражданской войны стали временем, когда местные народы и общественные группы четче выковывали свою индивидуальность и представления о своем политическом будущем. Когда возникло новое политическое руководство с целью выразить устремления общественных и этнических групп, те самые избиратели, которых они представляли, были четче очерчены, у них появлялись собственные индивидуальность, политические контуры и цели. Отчетливее стали контуры противоречий между рабочими и предпринимателями в Баку, армянами и грузинами в Тифлисе, мусульманами и немусульманами в Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской губерниях. Социальные различия, особенно сильные в 1917 году, на время растворились в национализме последующих лет гражданской и межгосударственной войны.

Этот регион, многонациональный перешеек между Черным и Каспийским морями, часто изображался в русских поэмах и рассказах страной темперамента и страсти, мести и великодушия, благородных горцев и коварных туземцев. Три основные национальности — грузины на севере и западе, азербайджанцы (до революции обычно именуемые «татарами») на востоке и армяне на юге — уживались сравнительно мирно на протяжении ста лет царской власти, изредка конфликтуя, как в 1905 году. За столетие после присоединения Закавказья русская аристократия интегрировала грузинскую и мусульманскую знать в феодальный политический и экономический строй империи и развила экономические связи с местными промышленниками и торговцами, но не сумела утолить земельный голод крестьян или должно отнестись к материальным и политическим требованиям недавно возникшего рабочего класса в городах Баку, Батум и Тифлис (Тбилиси). По показателям индустриализации, урбанизации и грамотности Закавказье было регионом менее развитым, чем собственно Россия, и общественное недовольство усугубляли этнические различия, стереотипы и предрассудки.

Разделенные один от другого языком, культурой и религией, народы Закавказья были также наслоены социально и экономически. Этническая и классовая принадлежность усиливали друг друга, подчеркивая различия между основными национальностями. Мусульмане, крупнейшая группа (1 млн. 791 тыс. человек, или 24% населения, по переписи 1897 года), главным образом были крестьянами, мало затронутыми городской культурой или светским национализмом. Их групповое сознание и публичное выражение были под сильным влиянием шиитского духовенства. Русские и армяне считали мусульман «тёмными», непросвещёнными, законодательные ограничения закрывали мусульманскому большинству доступ к политическому влиянию в производящем нефть городе Баку. На рубеже века в Баку появились немногочисленные мусульмане предприниматели и интеллектуалы-

лы, образовавшие европеизированный по самосознанию и «современный» общественный слой, который пытался поддержать культурные и политические требования местных мусульман.

Грузины (1 млн. 741 тыс. человек, или 23%) были народом быстро общественно развивающимся. Их двухтысячелетнюю монархию упразднили русские в начале XIX века и, после полувека приспособления взаимоотношений знати и крестьянства к российскому крепостничеству, упразднили крепостное право в своих грузинских губерниях. В результате во второй половине XIX века грузинская дворянская элита как политическая и экономическая сила пришла в упадок и как политический вождь нации была заменена новым поколением интеллектуалов-марксистов, так называемым «месаме даси» («третьим поколением»). Грузинские социал-демократы во главе с Ноем Жордания вошли в меньшевистское крыло РСДРП и расширили свою опору организацией крестьянских повстанцев в Западной Грузии. Грузинские социал-демократы стали первой в мире значительной марксистской партией, которая возглавила массовое национальное, опирающееся на крестьян и рабочих общественное движение.

Армяне Закавказья (1 млн. 685 тыс., или 22%) были народом в рассеянии и разделении. Большинство были крестьянами бедняками, едва выживавшими в Эриванской губернии, тогда как небольшой, но сильный средний класс стал в начале XX века господствующей экономической силой в нескольких городах Закавказья. Армяне считались самой предприимчивой, самой «буржуазной» народностью региона, и в этнической мозаике Баку и Тифлиса социальные конфликты между рабочими и владельцами собственности быстро приняли национальные формы. Рабочие грузины и мусульмане противостояли работодателям армянам и русским, тогда как крестьяне армяне открыто неповиновались землевладельцам мусульманам. В то же время армяне жили по обе стороны российско-турецкой границы, преобладающее большинство в Османской империи. Значительная часть армянской политической энергии под руководством Армянского революционного союза Дашнакцутюн перетекала из Закавказья в исторически армянские провинции Восточной Анатолии в попытке «освободить» турецких армян от османского депотизма.

Накануне Первой мировой войны проницательный наблюдатель заметил бы, что грузины в значительной степени объединены вокруг своего меньшевистского руководства; армяне разделены на большинство, поддерживающее националистов, и меньшинство, связанное с русскими социалистическими партиями; и мусульмане все еще в значительной степени равнодушны к национальной политике. Если интеллектуалы меньшевики упрочились как признанные лидеры большинства грузинского народа, активисты большевиков и эсеров ограничились Баку, нефтедобывающим центром с самой высокой концентрацией промышленных рабочих. Там за два года перед Первой мировой войной социалисты организовали и возглавили две всеобщие стачки рабочих-нефтяников, влияние которых далеко ощущалось, даже в Петербурге. Хотя этническая общность долго была частью лояльности для многих в Закавказье, политический национализм рос медленно и довольно поздно и лишь ко второму десятилетию XX века дорос, чтобы стать политическим соперником социалистов-интернационалистов. Небольшая партия грузинских федералистов выступала за национальную автономию для грузин, армянские националисты говорили о «свободной Армении» внутри каждой из двух великих империй, где жили армяне. Все еще ограниченный небольшой группой

националистов интеллектуалов и политиков, национализм представлял собой взгляд альтернативный классовой идеологии социалистов, которая могущественно формировала политические дискурсы дореволюционного периода. Лишь армяне имели один дискурс — социалистически-националистического Дашнакцутюна — сумевший монополизировать политическое выражение оппозиционных элементов.

1 марта 1917 года загадочное сообщение послали по телеграфу меньшевики Государственной думы своим товарищам в Тифлис: «Мтаврбадзе умер». Кавказские социалисты поняли, правительство («мтаврба» по-грузински) пало, и через несколько часов царский наместник на Кавказе великий князь Николай Николаевич пригласил градоначальника Тифлиса Александра Хатисова и сообщил о конце власти Романовых. Через два дня социалисты Тифлиса и Баку провели выборы в Советы рабочих депутатов. В то же время в обоих городах вместо смещенных царских чиновников назначили Исполнительные комитеты, официально представлявшие все классы. Как и в Петрограде, в главных городах Закавказья в первые недели революции действовали две соперничающие системы власти. Советы являлись выборными органами рабочих и солдат; Исполнительные комитеты, претендовали на власть от имени Временного правительства и номинально представляли все городские слои. Однако двоевластие в Закавказье, как и в Петрограде, лишь временно маскировало тот факт, что действительное принятие решений происходило в Советах. Только эти органы, выбранные рабочими и солдатами, располагали властью вызывать людей на улицу или издавать имеющие силу приказы гарнизону. Та официальная власть, которую весной 1917 года имели Исполнительные комитеты и Особый Закавказский комитет (Озаком), назначенный Временным правительством, приобретена с одобрения Советов, контролируемых умеренными эсерами и меньшевиками, желавшими сохранить социальное единство и поддержать военные усилия. Большинство меньшевиков воспринимали революцию как «буржуазно-демократическую», и этот взгляд разделяли эсеры. Хотя Временное правительство вызывало недоверие, они готовы были поддерживать его как легитимную власть и удерживать рабочих от захвата власти от имени их Советов.

Единственной крупной местной группой, противостоявшей сначала двоевластию, а с мая по октябрь — коалиционному правительству, было большевистское крыло социал-демократии. Сосредоточенные в Баку большевики во главе со Степаном Шаумяном воспринимали революцию как развивающуюся в социалистическую под влиянием событий в Европе. Они отвергли политику «революционного оборончества» умеренных социалистов, сторонников продолжения войны до заключения «демократического мира», и требовали правительства всей «демократии» (низших слоев). По настоянию центрального руководства большевиков России местные большевики рвали официальные связи с меньшевиками, что в Закавказье произошло довольно поздно (6 июня в Тифлисе, 24 июня в Баку). Оставаясь мощной политической силой в Баку, большевики в результате раскола партии стали незначительной сектой в Грузии, где меньшевики во главе с Жорданием крепко держали в руках парторганизации и Советы.

Когда в Петрограде в дни Апрельского кризиса сформировали коалиционное правительство, грузинские меньшевики в вопросе о власти выступили против своих товарищей в России. По настоянию меньшевиков Тифлисский Совет рабочих депутатов 29 апреля подавляющим большинством голосов высказался против

вступления социалистов в коалиционное правительство. Жордания предпочитал чисто «буржуазное» правительство, хотя и без вождя кадетов Павла Милюкова и других сторонников захватнических целей войны. Однако Совет рабочих депутатов не был поддержан Советом солдатских депутатов, возглавляемым эсерами, который 16 мая голосовал в поддержку коалиционного правительства. Конфликт в Тифлисе рабочих, преимущественно грузинами и меньшевиками, с солдатами, преимущественно русскими и сторонниками эсеров и даже большевиков, достиг высшей точки на большевистской демонстрации 25 июня. Около 10 тыс. солдат вынуждали замолчать меньшевистских ораторов и приняли большевистскую резолюцию с осуждением начатого Керенским наступления на фронте и призывом создать правительство на основе Советов. Меньшевики Тифлиса, опасаясь, что военные попытаются захватить власть в городе, запретили митинги солдат в Александровском саду, предостерегли население об опасности контрреволюции и помирились с Петроградом, одобрили коалиционное правительство.

Как в самой России, так и в Закавказье поступь революции ускорила к концу лета, когда настроение и рабочих, и солдат стало враждебнее к сотрудничеству с имущими классами (цензовым обществом). 2 сентября Тифлиский Совет вновь высказался против коалиции с буржуазией и выступил за «демократическое социалистическое правительство» из представителей всех социалистических партий. Но именно большевики главным образом выиграли от ухудшения экономической ситуации, продолжения войны и роста подозрительности к высшему и среднему классам. После нескольких месяцев бесплодных переговоров промышленники в Баку в сентябре спровоцировали всеобщую стачку рабочих-нефтяников, и всего за шесть дней хорошо организованные, руководимые большевиками забастовщики заставили хозяев капитулировать. После провала попытки генерала Корнилова установить в Петрограде военную диктатуру большевистские резолюции встретили новую поддержку в Советах Закавказья. Ленинцы, как активные противники войны, постепенно завоевали поддержку солдат, сменив эсеров осенью 1917 году в гарнизонах Баку и Тифлиса и на Кавказском фронте. Большевики, самые красноречивые критики слабого коалиционного правительства и местных исполнительных комитетов и дум, завоевывали все большее доверие по мере обострения социальных антагонизмов между верхами и низами общества. В начале октября Шаумян восклицал: «Волнение растет повсюду, и земля захватывается и т. д.; наша задача возглавить революцию и взять власть в свои руки».

Когда вести об Октябрьской революции достигли Тифлиса, поползли слухи, что большевики попытаются взять власть в Баку. Но в Закавказье меньшевики оказались гораздо решительнее местных большевиков. Шаумян опасался, что поощрение гражданской войны в Баку вызовет межэтническое кровопролитие, но в Тифлисе вооруженные силы Жордания в конце ноября захватили арсенал, тем самым разоружив большевизированный гарнизон. С помощью своей Красной гвардии меньшевики сопротивлялись попыткам большевиков распропагандировать солдат. Равновесие социальных сил в Центральном Закавказье сместился в декабре, когда Кавказский фронт распался и русские солдаты «голосовали ногами» за прекращение войны и возвращение домой. С уходом русских солдат большевики потеряли мощнейших сторонников за пределами Баку и один из важнейших элементов, поддерживавших сохранение связей с послеоктябрьской Россией. Армяне, опасавшиеся турецкой угрозы, оставались самым пророссийским элементом Закавказья. Возглавляемые дашнаками армяне Баку голосовали в местном Совете за

сохранение лояльности советской России, но армяне Тифлиса, под влиянием также дашнаков, блокировались с другими местными партиями и работали в автономных, а позднее независимых политических институтах.

В начале 1918 года советская Россия вышла из Первой мировой войны, и турецкие войска развернули наступление в Закавказье в направлении Баку. В феврале начал работу Закавказский Сейм (парламент), но вскоре стало ясно, что взаимоотношения трех крупнейших национальностей становятся всё более натянутыми. Под давлением турок Закавказье постепенно порвало связи с Россией. Турки оккупировали Батум, а неделю спустя, 22 апреля, закавказские лидеры провозгласили независимую Закавказскую демократическую федеративную республику и отправили делегацию на переговоры с турками. Однако турецкое наступление продолжалось, 15 мая взят Александрополь. Армяне организовали собственное сопротивление в Караклисе и Сардарабаде, и турки в обход владений Еревана направились в Баку.

При турецком наступлении в Закавказье федеративная республика с центром в Тифлисе оказалась неспособной к обороне. Армяне активно сражались с турками, тогда как азербайджанцы были их союзниками. Грузины тяготели к немцам, тогда как армяне предпочитали страны Антанты. В конце мая 1918 года Закавказская республика распалась на три независимых государства. Острые социально-политические конфликты первого года революции привели не к объединению Закавказья с демократической Россией, а к конфликту между социалистами и националистами, разрыву по этническим границам и появлению маленьких республик, дрейфующих между агрессивной Османской империей и отступающей Россией.

Форпостом советской России остался Баку под властью большевистского правительства, именовавшегося Бакинской Коммуной. Возглавляемый Шаумяном, «Алешей» Джапаридзе, Иваном Фиолетовым и Мешади Азизбековым большевизированный Бакинский Совет взял власть, подавив в марте мусульманский мятеж и вступив в союз с армянскими войсками под командованием дашнаков. Бакинская Коммуна, относительно мягкое правительство, попыталась распространить революцию на запад, однако её отбросили мусульманские националисты из Гянджи (Елисаветполя) и их турецкие союзники. Правительство Шаумяна отказалось пригласить для обороны Баку британские войска из Ирана. Новое небольшевистское правительство согласилось на их приглашение. Однако, в конце концов, 14–15 сентября 1918 года городом овладела турецкая армия. Тысячи армян вырезали, Шаумян и его ближайшие товарищи, легендарные «26 комиссаров», безвременно погибли в пустыне Туркмении, став жертвой сепаратистов — противников большевиков.

Период независимости длился для Азербайджана, Армении и Грузии лишь до тех пор, пока Гражданская война и иностранная интервенция мешали большевистской России навязать свою власть Закавказью. Азербайджан стремился перейти из положения сателлита Турции под британскую опеку, пока не достался большевикам в апреле 1920 года. С азербайджанскими националистами, провозгласившими независимость нового государства, пантюркистское турецкое правительство обращалось, как с сатрапами, британцы — как с весьма подозрительными коллаборационистами Центральных держав, а Советы — как с агентами турецкого и британского империализма. И всё же британцы, вернувшиеся в Баку осенью 1918 года, поддержали азербайджанское правительство Фатали Хан-Хойского, даже приняли его сторону в территориальном споре с армянами за

Нагорный Карабах, Зангезур и Нахичевань. Но после ухода британцев из большей части Закавказья в августе 1919 года слабость социальной базы азербайджанского правительства стала очевидна. Оно не сумело восстановить экономику; на границах полыхали конфликты с армянами; Баку с его большим армянским и русским пролетарским населением никогда не примирился с отторжением от России и с азербайджанским господством. В апреле 1920 года, под незначительным предлогом внутренней местной революции, отряды Красной Армии перешли границу и провозгласили Азербайджанскую Социалистическую Советскую республику.

Из трех государств наименее жизнеспособна была Армения. Сформированное в Тифлисе правительство Армении провозгласило независимость, через несколько месяцев прибыло в Эривань и обнаружило, что страна наводнена беженцами из Турции, охвачена эпидемиями, голодом и ей угрожает оживившееся в Анатолии движение кемалистов. Границы нового государства оспаривали Турция, Грузия и Азербайджан и с каждым из них Армения оказалась в состоянии войны. Армению спасала симпатия западных союзников, особенно Президента Вильсона, и выживание армян в первые зимы объясняется американской помощью. Правительство дашнаков провело демократические выборы и создало зачаточный государственный аппарат, одновременно пытаясь получить международное признание независимости и территориальных притязаний Армении. В 1920 году армяне вступили в конфликт с кемалистами и вскоре были вынуждены отступить. Чтобы спасти оставшееся от республики, лидеры дашнаков начали переговоры с советскими властями и согласились создать вместе с коммунистами коалиционное правительство. 2 декабря 1920 года Красная Армия вошла в Армению и вскоре дашнаков исключили из правительства. Воинственная политика коммунистов вызвала в начале 1921 года восстание под руководством дашнаков. Быстро подавленное, оно отрезвило советский режим, который, по указаниям Ленина, улучшил политику в отношении своих подданных армян.

Грузия, управляемая меньшевиками два с половиной года (с мая 1918 по февраль 1921), сумела создать демократическую конституционную политическую систему, хотя так и не обеспечила полной экономической стабильности и безопасности. Республика не смогла добиться лояльности абхазов и осетин на западе и на севере, однако грузинские войска кроваво подавляли движения сепаратистов. В то же время грузины противостояли белым силам генерала Деникина на северо-западе и вели короткую войну с Арменией за пограничные районы. Несмотря на экономический упадок и общественные волнения в стране, социал-демократы сохраняли популярность среди этнических грузин, им удавалось сочетать демократичную политику с мягкими социальными реформами. Были проведены выборы в Грузинское Учредительное собрание, где были представлены не только грузины, правительство распределило землю между крестьянами. Большевизм имел мало поддержки в стране. Меньшевики заключили соглашение с РСФСР, которым признавалась независимость Грузии. Однако в начале 1921 года грузины коммунисты Сталин и Серго Орджоникидзе подтолкнули к свержению меньшевиков. Ленин выступил против этого, но, в конце концов, признал свершившийся факт, осуществленный вторжением Красной Армии. К апрелю 1921 года все Закавказье оказалось под властью местных большевиков.

Период революции, Гражданской войны и иностранной интервенции в Закавказье был временем физического разрушения и социального опустошения. Обе-

щения многонациональной демократии и социалистического освобождения пали жертвой острой военной необходимости и ограничений недоразвитости. Несмотря на все усилия меньшевиков и большевиков социальный стресс содействовал развитию этнического конфликта. Недолгий опыт независимой государственности имел, однако, далеко шедшее воздействие. Новые советские республики были основаны на независимых республиках, которые, в свою очередь, через 70 лет служат образцом для второго эксперимента суверенной государственности.

Литература

- Авалов З. Д.*, кн. *Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг.* Париж, 1924 (репринт New York, 1982).
- Дворянские роды Российской империи.* М., 1996. Т. 3 (раздел «Грузинский Царский Дом»); М., 1998. Т. 4. Князя Царства Грузинского.
- Жордания Н. Н.* *Моя жизнь.* Станфорд, 1968.
- Суни Р. Г.* *Социал-демократы у власти: меньшевистская Грузия и русская Гражданская война // Гражданская война в России: перекресток мнений.* М., 1994.
- Hovannisian R. G.* *Armenia on the Road to Independence, 1918.* Berkeley; Los Angeles, 1967.
- Jones S. F.* *Socialism in Georgian Colors. The European Road to Social Democracy, 1883–1917.* Cambridge, MA, 2005.
- Kazemzadeh F.* *The Struggle for Transcaucasia (1917–1921).* New York, 1951.
- Suny R. G.*: *The Baku Commune, 1917–1918: Class and Nationality in the Russian Revolution.* Princeton, 1972; *Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History.* Bloomington, IN, 1993; *The Making of the Georgian Nation.* Bloomington, IN, 1995.
- Swietochowski T.*: *Russian Azerbaijan, 1905–1920: The Shaping of National Identity in a Muslim Country.* New York, 1985; *Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition.* New York, 1995.

Прибалтика: Эстония и Латвия

ОЛАВИ АРЕНС, ЭНДРЮ ЭЗЕРГАЙЛИС

Эта глава посвящена Революции 1917 года в Эстонии и Латвии. Литва, оккупированная германскими войсками в 1915 года, не была вовлечена в революцию.

Восточная Прибалтика исторически была приграничной территорией на краях Священной Римской империи, Польши и Литвы, Швеции и Российской империи. Хотя после 1881 года Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую губернии сильно русифицировали, значительно сузив политическую автономию, основанную на правах остзейского (балтийско-немецкого) дворянства, к 1917 году все же сохранились некоторое культурное и административное наследие прошлого в образовании, религии (лютеранство) и в наличии большого немецкоязычного и ориентированного на немецкую культуру населения. Три губернских ландтага технически остались высшими органами самоуправления губерний. Даже среди крестьян уровень грамотности превысил 90 %.

По иронии судьбы именно в годы русификации реальностью стали эстонская и латышская культура и гражданское общество. Эстонская и латышская политическая, интеллектуальная и культурная жизнь — пресса, искусство, литература и музыка — расцвели. В городах появились эстонские и латышские средний класс и интеллигенция, бросившие вызов политической позиции немецкой буржуазии в городском самоуправлении. Как и везде, интеллигенция делилась на тех, кто видел будущее развитие губерний в категориях либеральных ценностей и развивал идеи политических и экономических реформ, и тех, кто воспринял марксистский или крестьянско-социалистический образ мышления и искал решение в революционном социализме. Марксизм был особенно силен в Латвии. Латышская социал-демократическая партия (СДРП) возникла в 1904 году из объединения двух групп латышских социал-демократов. В 1906 году партия стала филиалом РСДРП. Усилиями Ленина в 1914 году в Латышской СДРП возобладала фракция большевиков. Отдельной Эстонской СДРП не существовало, исключая краткий период 1905–1906 годов; ее создали в 1917 году на основе соединения позиций каутскианцев и меньшевиков.

Освобождение крестьян в прибалтийских губерниях произошло иначе, создав экономический строй и общество на селе, отличные от русских. Прибалтика не имела двух основных русских социально-политических институтов: сельской общины (мира) и земства. За неудачным вариантом освобождения без земли в 1816–1819 годов последовали законы 1858–1860 годов, позволившие некоторым крестьянам стать владельцами хуторов. К рубежу веков сформировалась экономически жизнеспособная сельская экономика, основанная на крупных имениях остзейских дворян и владеющих землей эстонских и латышских крестьянах, однако на селе не были изжиты основные социальные проблемы. В губерниях до 50% земли осталось у остзейских баронов, появилось множество безземельных крестьян и арен-

даторов. Индустриализация конца XIX — начала XX века вызвала урбанизацию и рост численности фабрично-заводских рабочих.

В Революцию 1905 года среди эстонской интеллигенции произошел раскол в вопросе, участвовать ли в революции; в то же время латышская интеллигенция попала в руки большевиков и крестьянских социалистов, что зачастую вело к противостоянию с властями. В городских центрах Прибалтики эта революция началась с убийства 73 и ранения 200 демонстрантов в Риге, а закончилась в октябре убийством 90 и ранением более 200 демонстрантов в Ревеле (Таллине). Самой заметной чертой Революции 1905 г. в Латвии и Эстонии стали, однако, поджоги помещичьих домов баронов. Царскому правительству пришлось ввести там военное положение и направить карательные экспедиции. Подсчитано, что к 1908 г., концу карательных экспедиций, было казнено примерно 300 эстонцев и более 2 тыс. латышей. До 8 тыс. латышей были сосланы в Сибирь или бежали за рубеж.

Первая мировая война превратила восточную Прибалтику в поле боя и угрожала России утратой контроля над регионом. Русская армия использовала Лифляндию и Курляндию как плацдарм наступления на Восточную Пруссию. Германское контрнаступление вызвало оккупацию Литвы и Курляндии и ставило под вопрос политическое будущее этих территорий.

Отступая, русская армия применяла тактику выжженной земли. В Курляндии поля были сожжены, тысячам латышских крестьян и евреев приказали покинуть родные места. Когда германская армия подошла к Риге, из нее эвакуировали предприятия с рабочими. Одним из последствий эвакуации стало то, что латышские рабочие и революционеры оказались рассеяны по многим русским городам, от Пскова до Омска. Латыши, жившие на российской территории, участвовали в Русской революции 1917 года, но этого не могли сделать латыши, оказавшиеся в оккупации и подчинении германским военным властям во главе с генералом Людендорфом.

Политические перемены в будущих Латвии и Эстонии быстро следовали по пятам Февральской революции в Петрограде. В первые же недели ход событий в них принял разный оборот. Эстонский путь к государственности и либеральной демократии, в отличие от латышского, был прямее. Линия фронта, поделившая пополам будущую Латвию, благоприятствовала радикализации латышской политики.

Эстонские либералы и умеренные социалисты добились первого успеха, убедив Временное правительство издать 30 марта 1917 года «Постановление о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии». Согласно ему Лифляндию разделили по этнической эстонско-латышской границе и объединили населенную эстонцами Северную Лифляндию с Эстляндской губернией (Нарва, как и ранее, осталась в Петроградской губернии), а также избрали Губернский земский совет (*эст. Маардеу*, от нем. *Landtag*), унаследовавший собственность и функции эстляндского и лифляндского (в северной части) ландтагов. Поскольку выработать совместный эстонско-латышский подход к Лифляндии не удалось, Губернский земский совет добился лишь сносного соглашения с корпорацией остзейского дворянства Эстляндии — *Ritterschaft* (нем. — рыцарство).

Губернский земский совет сделал рабочим языком эстонский и с июля разрабатывал административную систему контроля над образованием, сбором местных налогов и институтами самоуправления низшей ступени. Губернский земский совет ставил своей целью контроль над всей административной деятельностью в

Эстонии и достижение полной политической автономии. Вскоре у Губернского земского совета возникли разногласия с Временным правительством, поддерживаемым остатками русской бюрократии Эстляндской губернии, маргинализированной революцией.

Конец весны и начало лета 1917 года в Эстляндии стали периодом выборов. Сначала прошли двухступенчатые выборы в Губернский земский совет. Они вызвали почти раскол между блоками либеральных демократов и умеренных социалистов (выбрали также 5 большевиков). Выборы на основе всеобщего избирательного права прошли и на других уровнях самоуправления: в уездные земские советы и городские думы. Вся эта деятельность способствовала созданию политических партий, но ни одна из них не получила преобладания.

Как и в других местах, в Ревеле и прочих эстонских городах создавались Советы. Кроме активных социалистов в них представлены были солдаты русских гарнизонов и русские фабрично-заводские рабочие. Поскольку русские солдаты имели существенное представительство в Советах, рабочим языком в них стал русский. В Ревельском Совете, важнейшем в Эстляндии, до августа преобладал блок русских эсеров и меньшевиков. Большевистскую политику в Эстляндии проводила небольшая группа эстонских интеллектуалов, принявшая большевизм после 1905 года. Их радикальная мечта привлекала некоторых эстонских рабочих, а осенью 1917-го имела некоторый успех у сельской бедноты. Фактически большевики противостояли политике Губернского земского совета и всем попыткам национального самоутверждения. Так, большевики выступали против выборов в Губернский земский совет, назначения эстонского либерала Яана Поски эстляндским губернским комиссаром Временного правительства и формирования эстонских воинских частей. Однако до осени 1917 г. большевики были слишком слабы, чтобы препятствовать этому.

В отличие от Эстляндии будущая Латвия с первых дней революции шла по большевистскому пути. Хотя война вызвала эвакуацию в Россию и либерального, и большевистского довоенного руководства, именно большевики первыми воспрянули и лучше показали организационное и ораторское мастерство. Большевики вошли в политическую жизнь будущей Латвии двумя путями: через разные Советы, возникшие в первые часы революции в неоккупированной части, и через всевозможные временные и выборные органы. Сначала большевики опирались на Советы, образованные в первые недели революции в городах, среди безземельных крестьян и стрелков. Отсюда большевики начали распространять контроль над другими учреждениями, буржуазными согласно ленинской теории.

В Риге в первые недели революции появились три альтернативных органа власти: Рижский Совет, где изначально преобладали большевики, Совет общественных организаций, сначала без большевиков, но с социалистами различных оттенков, и Рижская городская дума. В Рижском Совете большевики предложили до проведения городских выборов организовать Временную Рижскую городскую думу. С этой целью они составили для кооптации список депутатов, преимущественно не большевиков. Из 60 мест большевики заняли лишь 10, и даже эта десятка стала лишь наблюдателями. Из-за этого управление в Риге осталось в подвешенном состоянии до выборов 13 августа. В Риге управляли номинально либералы, а на деле — через Рижский Совет большевики.

Схожа судьба администрации провинции Видземе (южные уезды Лифляндской губернии). Комиссар Временного правительства А. Красткалн считался консерва-

тором. Большевики начали против него кампанию, и 19 апреля 1917 года его сменил А. Предкальн, социал-демократ, депутат III Государственной думы. Временный Видземский Совет, призванный выполнять функции самоуправления, равнозначные губернскому земству, был образован 12–13 марта в Вольмаре (Валмиере) на земском съезде в основном представителей небольшевистских организаций и партий. Из 48 мест в Совете по 12 мест отвели выборным от безземельных и малоземельных крестьян, по 4 — от крупных землевладельцев и лиц свободных профессий, по 8 — от горожан и кооперативов. Постоянный Исполнительный комитет состоял из 8 человек.

Желая взять под свой контроль Временный Видземский Совет, большевики 16 марта предложили созвать «сейм безземельных крестьян всей Латвии». В конце концов, Совет безземельных крестьян добился паритета с Временным Видземским губернским Советом через проект объединения двух Советов. На выборах в Видземский губернский Совет 20 августа большевики завоевали большинство мест. В октябре, после ухода либеральной фракции, в нем господствовали большевики.

Важнейшим органом, над которым большевики установили контроль в 1917 году, был Исколастрел (Исполнительный комитет объединенного Совета латышских стрелковых полков). Царское правительство традиционно выступало против создания в армии отдельных национальных формирований, но в 1915 году согласилось организовать латышские стрелковые батальоны. В Первую мировую войну солдаты латыши прекрасно сражались в первых боях на фронте в Восточной Пруссии. В 1915 году военные действия перешли на латышскую территорию, и русское командование разрешило организовать два латышских батальона. Его убедили, что латыши на родной земле лучше русских сражаются со своим историческим врагом. Аргумент балтийских немцев, помнивших Революцию 1905 года, что создавать латышские военные формирования опасно, не приняли во внимание. К 1917 году общая численность стрелков достигла 30 тыс. человек, они были организованы в 9 полков, носили латвийские значки и ими командовали офицеры латыши.

Исколастрел большевики взяли в руки быстрее, чем невоенные учреждения. При его образовании большевики не играли исключительной роли, как в Рижском Совете, хотя на собрании депутатов стрелков 13 марта преобладали радикально марксистские настроения. До 17 мая Исколастрел не был придатком партии, как Рижский Совет и Видземский Совет безземельных крестьян. Господство большевиков установилось на II съезде депутатов стрелков (Рига, 12–17 мая). Съезд принял большевистскую резолюцию, осудившую Временное правительство и продолжение войны. Это стало первой из подобных резолюций, принятых фронтовиками. Большевизация Исколастрела была важна ввиду значения стрелков в латышском сознании того времени.

Без преувеличения можно сказать, что к июню, еще до выборов, большевики контролировали правительственные учреждения на неоккупированной латышской территории. Свой контроль они закрепили победой в четырех основных выборах кампаниях: в Рижскую городскую думу, в Видземский губернский Совет, в уездные земельные Советы и во Всероссийское Учредительное собрание.

Самая упорная борьба развернулась на выборах в Рижскую городскую думу. В них участвовали 23 партии, организованные по 13 спискам. Список большевиков набрал 41% голосов, получив 49 депутатских мест из 120. Большевики, однако, не сумели воспользоваться своей победой, поскольку немцы 17 августа начали наступление на Рижском фронте и 20 августа взяли Ригу.

Выборы в Видземский губернский Совет были назначены на 20 августа и в видземские уездные Советы — на 27 августа. Избирательная кампания в Видземе, в отличие от Риги, вылилась в борьбу двух партий — РСДРП(б) и Крестьянской лиги. Большевики победили 60% голосов против 40%, получив полный контроль над Видземским губернным Советом, заняв 24 из 40 мест. На уездных выборах превосходство большевиков не столь заметно, как на губернских и в Риге, но и здесь большевики имели даже больший перевес.

Заключительные выборы 1917 года в ноябре во Всероссийское Учредительное собрание не имели особого значения для управления самой Латвией, но стали характерным признаком роста влияния большевиков. Они победили, имея 71,85% голосов (против 23%, полученных Крестьянской лигой). Латышские меньшевики получили менее 2%. Большевики отправили на собрание трех своих представителей: Петра Стучку, Фрица Розиньша и Яниса Берзиньша. Представителем Крестьянской лиги стал Янис Голдманис.

К концу выборов большевики занимали главенствующие позиции в неоккупированной части Латвии и в Советах, и в других выборных институтах. Либеральные политики, вынужденные осенью 1917 года покинуть Латвию, действовали из Петрограда, где образовали Временный Национальный Совет; после оккупации немцами Риги они также действовали подпольно и в Риге, где был организован так называемый Блок двенадцати. Если до октября латышские либералы видели будущую Латвию в составе федеративной России, то с этого момента их альтернативой стала независимость, почву для которой начали готовить и внутри страны, и на международном уровне. Международное положение после Брестского мирного договора 3 марта 1918 года благоприятствовало этой альтернативе.

Исколат (Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии) организовали в июле 1917 года на V съезде Латышской СДРП. 8 ноября Исколат объявил себя высшей властью на неоккупированной части Латвии. Выбирая средство распространения своей власти между выборными органами и сетью Советов, большевики выбрали Советы. Республика Исколата была уникальным образованием в пределах бывшей Российской империи. Исколат стал де-факто первым социалистическим правительством Латвии до исчезновения в феврале 1918 года, когда Германия оккупировала остатки Латвии. Тысячи латышских большевиков нашли убежище в России. Важно отметить, что Республика Исколата была независимым латышским большевистским образованием, состоявшим из этнических латышей, независимым от Петрограда или Совет Народных Комиссаров (СНК). Исколат не получал помощи из России. Если кто и помог, так сами латыши, послав значительные военные силы в Петроград поддержать шаткий ленинский СНК.

Латышским большевикам, таким образом, пришлось сыграть важную роль в русской революции за пределами Латвии. Первый контингент стрелков, 6-й полк, численностью 2 500 человек, прибыл в Петроград 25 ноября. Его разместили в казармах на Малой Охте. Через 30 дней, когда большевики готовились к противостоянию с Учредительным собранием, полк перевели в более аристократичный квартал, на Галерную улицу, недалеко от Зимнего дворца. Он нес охрану, и в Таврическом дворце.

26 ноября в Петроград прибыл второй отряд из 320 стрелков. Его разместили в Смольном и называли Смольный батальон. Он состоял из добровольцев и избранных большевиков. Его назначили охранять большевистский СНК в Смольном и

выполнять особые задания в городе. Позднее батальон увеличили до 500 человек. С образованием ВЧК батальон наряду с охраной резиденции СНК выполнял задания организации Дзержинского. Именно этот батальон охранял ленинскую свиту при переезде СНК в Москву в марте 1918 года. В Москве батальон переименовали в 1-й Латышский стрелковый коммунистический батальон и до мая 1918-го он продолжал охранять СНК Ленина–Троцкого в Кремле. Когда осложнилось положение на разных фронтах Гражданской войны, кремлевский коммунистический батальон реорганизовали в 9-й Латышский стрелковый полк, и в мае вывели из Москвы. Всю Гражданскую войну 9-й Латышский полк был известен как одна из самых свирепых воинских частей на службе Кремля. Это не единственный отличившийся в боях латышский полк. Важную роль в разгроме 1 февраля 1918 года в районе Могилева 1-го Польского корпуса легионеров генерала Довбор-Мусницкого сыграл 1-й Латышский стрелковый полк. 3-й стрелковый полк в начале февраля послали из Петрограда на Ростовский фронт.

Латышские стрелки составили первую большевистскую боевую силу еще до образования Красной Армии. Другие «помощники» большевиков в октябре 1917 года, матросы и Красная гвардия, со временем сошли со сцены. Остались лишь стрелки. Они играли особенно примечательную роль с октября 1917 по август 1918 года, в младенческие месяцы власти большевиков. Когда германские войска после срыва переговоров в Брест-Литовске начали наступать на Северном фронте, все стрелковые полки отступили в Россию. Там перед ними встал вопрос, подчиниться ли приказу СНК о демобилизации. Латышское политическое руководство Исколатстрела, состоявшее из стойких большевиков, противилось демобилизации.

Тем временем, летом и осенью 1917 года эстонские политики продолжали идти по пути, отличному от латвийского. К августу изменение международного и российского политического пейзажа привело эстонских политических лидеров к более насущному обсуждению национальных целей Эстонии. Во-первых, в августе (после падения Риги) возобновилась угроза германской оккупации всей Прибалтики. Провалившийся переворот Корнилова был еще одним предзнаменованием возможного распада Российского государства. К сентябрю эстонские политики все более и более отчуждались от российских, поскольку Временное правительство и вожди российских партий не проявляли интереса к развитию эстонской автономии и федерализации Российской республики. В результате эстонские политики все более дистанцировались от русских политических партий и образовывали отдельные эстонские, представлявшие идеологии аграриев, национального либерализма, социал-демократии и различных вариаций трудового и социалистического популизма. Исключением из этой тенденции сепаратизма были эстонские большевики.

После Октябрьской революции в Петрограде большевики в Эстонии попытались взять власть, используя свой контроль над Советами (завоеванный в августе) и организовав Военно-революционный комитет. Эту попытку отвергли другие политические силы, лишь небольшая группа эстонских левых эсеров содействовала большевикам. 15 ноября 1917 года Губернский земский совет объявил себя «единственным носителем высшей власти в Эстонии», вручая эту власть на время перерыва между сессиями своему Совету старейшин.

Заметим, что большевистская программа в Эстонии, как и Латвии, в ряде пунктов отличалась от проводимой в России. Большевики в 1917 году считали, что прибалтийские губернии достигли более высокой стадии капиталистического раз-

вития, чем Россия, и поэтому более подготовлены перейти к социалистической системе. Этот взгляд особенно преобладал в аграрной политике большевиков. Они считали, что эстонское и латвийское сельское хозяйство находится на капиталистической стадии производства, с эффективно управляемыми крупными имениями дворянства и с крестьянством, уже делившимся на хозяев и батраков (или земельное и безземельное). С этой точки зрения, значительно основанной на анализе состояния сельского хозяйства в Германии Карлом Каутским, в Прибалтике считалось шагом назад применение Декрета СНК о земле от 26 октября 1917 года. Большевицкая аграрная программа для Эстонии и Латвии предусматривала отмену собственности балтийских немцев на крупные имения как первый шаг к построению коммунизма. Имелись также существенные различия в подходах Ленина и прибалтийских большевиков к национальному вопросу. Если программа российской партии подчеркивала право национальностей на отделение от России, большевицкая программа в Эстонии и Латвии подчеркивала необходимость вступления в российский революционный союз.

В Эстонии, как и Латвии, период с октября 1917 по февраль 1918 года полон противоречивых изменений. Эстонские большевики пытались копировать ход событий в Петрограде, используя свой контроль над Советами и добиваясь поддержки среди фабрично-заводских рабочих, батраков, солдат и матросов. Они распустили многие выборные институты самоуправления, функции которых предполагалось должны перейти к большевизированным Советам. В более оригинальном духе большевики в декабре 1917 и январе 1918 года посылали группы активистов в деревни брать под контроль имения балтийских немцев и учреждать Советы безземельных крестьян. Они объявляли, что эти имения станут крупными аграрными коммунальными фермами.

Насколько большевики располагали властью в Эстонии в этот период? Определенно в большей степени, чем прочие политические группы или институты. С октября 1917 по январь 1918 года наблюдалось неуклонное усиление власти большевиков и постоянная борьба против личностей и институтов, не признававших большевицкий контроль. С другой стороны, большевики так и не установили контроль над районом Хаапсалу, где размещался 1-й Эстонский полк, и меньшевицкая политическая деятельность продолжалась в Эстонии весь этот период, отчасти нелегально.

В Эстонии на ноябрьских выборах во Всероссийское Учредительное собрание большевики получили 40% голосов, что выявило глубокий раскол эстонского общества. Несмотря на революционную активность и успех на выборах, положение большевиков было весьма уязвимо. Выступая против эстонских национальных устремлений и защищая политический террор, большевизм не мог привлечь на свою сторону эстонских интеллектуалов. Фатальной для движения была его неспособность понять реалии международных отношений: неверно истолковывая переговоры в Брест-Литовске, игнорируя угрозу германской оккупации.

Политика балтийских немцев, в частности, политика эстляндского и лифляндского «рыцарства», была особым, но в конечном итоге связующим фактором в эстонско-латвийском уравнивании. Балтийское дворянство имело представителей в Берлине, лоббировавших германскую оккупацию балтийских провинций и их аннексию Германией. 15 января 1918 года представитель эстляндского и лифляндского «рыцарства» передал в посольство РСФСР в Стокгольме декларации о независимости двух губерний как предварительный шаг ожидаемой германской

оккупации. Устремления балтийских немцев поддержали генерал Людендорф и кайзер Вильгельм II. Однако против был секретарь по иностранным делам Рихард фон Кюльман. Он хотел, чтобы Германия и Россия поделили балтийские провинции по линии реки Даугавы (Двины). Из-за разногласий германского генералитета со своим Министерством иностранных дел на переговорах в Брест-Литовске не были непосредственно предъявлены притязания Германии на Эстонию и оставшуюся часть Латвии. Дипломатическая несостоятельность большевиков в Бресте и решительная политика Людендорфа, направленная на достижение максимального контроля Германии над всей восточной Балтикой, увенчали лоббистские усилия балтийских немцев временным успехом. В феврале 1918 года немецкие войска оккупировали Эстонию и оставшуюся часть Латвии. Для спасения революции и упрочения власти большевиков в России Ленин готов был отдать весь Балтийский регион.

В конце концов, большевики в Эстонии утратили легитимность. Победа на запланированных выборах в Учредительное собрание в начале февраля 1918 года могла позволить большевикам претендовать на легитимность, которой им не дал контроль над Советами. В январе 1918 года все политические партии Эстонии (Демократический блок, Трудовая партия, эстонские социал-демократы, эстонские эсеры и большевики) вступили в выборную кампанию. Её основным вопросом оказалась независимость Эстонии. Основания требовать независимости были следующие: желание уберечь Эстонию от надвигающегося хаоса и Гражданской войны, вызванных распадом государственной власти в России; непризнание большевизма и захвата власти в Петрограде; неудача попытки большевиков на переговорах в Брест-Литовске выйти из войны и устранить угрозу германской оккупации. Не большевики хотели провозгласить Эстонию независимым государством, нейтральным, буферным между Германией и Россией. Небольшевистский блок сторонников независимости Эстонии собрал более 60% голосов. Число голосов, поданных за большевиков, сократилось с 40% на выборах во Всероссийское Учредительное собрание до 37%.

Нечто вроде «эндшпиля» в эстонской политике разыграли в феврале 1918 года. Поскольку большевики препятствовали созыву Эстонского Учредительного собрания, Комитет Общественной Безопасности, образованный Комитетом старейшин Губернского земского совета, основывая свою легитимность на выборном Губернском земском совете, 24 февраля 1918 года издал декларацию о независимости. Комитет старейшин, составленный из представителей небольшевистских эстонских политических партий, ещё 1 января решил добиться признания государственной независимости Эстонии. Обратились к Германии, Великобритании и Франции. Большевики на провозглашение независимости Эстонии и угрозу германской оккупации ответили террором, массовыми арестами немецких дворян и политических оппонентов. После срыва 28 января 1918 года переговоров в Брест-Литовске правительство Германии двинуло войска в Эстонию. Советская власть пала, большевики бежали в Россию. Германская оккупация Эстонии помогла эстонским дипломатам уже в марте добиться признания де-факто независимости Великобританией и Францией. Западные державы не желали господства Германии в восточной Прибалтике, на главном морском пути в Россию.

События 1917–1918 годов в Прибалтике представляли собой сочетание влияний международных и внутренних процессов. Как и в другие исторические эпохи, когда баланс власти в Северной Европе сдвигался, Прибалтика стала полем битвы враж-

дующих армий. Даже без революции мировая война и военный натиск Германии на север создавали определенную возможность утраты Россией Балтийского побережья. Революция 1917 года в Прибалтике имела сходные черты с событиями внутри России, но выявила также культурные, национальные и социальные особенности Эстонии и Латвии. Ленинская программа имела в Прибалтике ограниченную применимость. В Эстонии большевизм так и не смог полностью оправиться от неудачной политики, проводимой в 1917–1918 годах. В Латвии, где в 1917-м власть большевиков предвещала тоже, что и в России, оказалась недолговечным явлением. Хотя на ранней стадии революции между Эстонией и Латвией имелись различия, в конечном итоге культурное сходство, схожие социальные политические условия и схожая международная ситуация привели к схожему решению в 1919–1920 годах: становлению независимых, либеральных национальных государств.

В конечном итоге судьба Эстонии, Латвии и Литвы была, вероятно, решена на Западном фронте в ноябре 1918 года и последующей международной политикой. Эстонцы, латыши и литовцы сумели образовать эффективно действующие правительства и вооруженные силы, достаточно крупные для отпора попыток большевиков в 1919 году включить их в советско-российскую империю.

Литература

- Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя. 1915 –1938: Сб. документов и материалов. М., 2009.
- Кайминьш Й. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции 1917–1918. Рига, 1961.
- Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов / Составитель М. Йокипии. Ювяскюля, 1995.
- Томан Б. А. За свободную Россию, за свободную Латвию: Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год Советской власти. М., 1975.
- Arens O.: The Estonian Question at Brest-Litovsk // Journal of Baltic Studies. 1974. № 4; The Estonian Maapäev during 1917 // Ed. by V. S. Vardys, R. J. Misiunas. The Baltic States in Peace and War, 1917–1945. University Park, Pennsylvania, 1978.
- Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten / Ed. by von J. Hehm, H. Rimscha, H. Weiss. Marburg; Lahn, 1971. B. 1.
- Berzinš V. Latviešu strelnieki: drama un tragedija. Riga, 1995.
- Estonia. Identity and Independence/ Ed. By J.-J. Subrenat. New York, 2004.
- Ezergailis A.: The 1917 Revolution in Latvia. New York, 1973; The Latvian Impact on the Bolshevik Revolution: The First Phase, September 1917 to April 1918. New York, 1983.
- Germanis U. Oberst Vacietis und die lettischen Schützen im Weltkrieg und in der Oktoberrevolution. Stockholm, 1974.
- Page S. The Formation of the Baltic States. Cambridge, MA, 1959.
- Rauch G. von. The Baltic States: The Years of Independence. London, 1974.

| Сибирь |

ЭЛАН ВУД

Февраль и Октябрь по сути были делом метрополии. Однако вести о происходящем на улицах Петрограда в 1917 году быстро разносились по империи, достигая самых отдаленных мест страны. Среди самых дальних была огромная североазиатская территория Сибири, огромной континентальной территории, которая простирается от Уральских гор до Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до северных границ Китая. Исторически Сибирь включает Сахалин и Дальний Восток. Ее общая площадь составляет примерно 5 млн. квадратных миль, то есть примерно одну двенадцатую часть поверхности суши земного шара. Несмотря на свои размеры и решающую роль в историческом развитии российского государства и общества, не в последнюю очередь как важный театр боевых действий Гражданской войны, Сибирь до недавнего времени привлекала сравнительно мало внимания западных историков. В массовом сознании даже России она представляется бескрайним морозным пространством, далёким, негостеприимным, с жуткой репутацией огромной колонии осужденных преступников и ссыльных. Реальная картина, однако, довольно отличается от этого представления, и чтобы понять воздействие революции и Гражданской войны на Сибирь, необходимо вкратце обрисовать её дореволюционную историю и административную, социальную и экономическую структуру накануне 1917 года.

Сибирь: от покорения до Революции 1917 года

Начало покорения и заселения Сибири Москвой принято датировать 1581–1582 годами, когда атаман Ермак Тимофеевич повел своих казаков за Урал завоевывать крошечное Сибирское ханство на реке Иртыш. Немногим более, чем за столетие, русские служилые люди, охотники, торговцы, беглые крепостные, ссыльные, преступники и авантюристы проложили путь через континент, воздвигнув цепь укрепленных поселений (острогов) от Тюмени на западе до Охотска на Дальнем Востоке. На их месте выросли крупнейшие сибирские города и административные центры. Экономическим побуждением этому «Drang nach Osten» («Натиску на Восток») стала доходная сибирская пушная торговля — мех был самым ценным товаром на внутреннем и внешнем рынке России. Наместники, военные начальники и их подчиненные управляли новой территорией Московского царства как представители царя, но были типичны для пограничных обществ своим деспотизмом, взяточничеством и нахрапистостью, низведением покоренных коренных народов Сибири до положения вассалов, платящих дань. Открытие в XVIII веке богатых залежей серебра, свинца, меди, золота и т. д. вело к разработке месторождений огромных природных богатств территории в пользу государственной казны. Про-

ще говоря, обращались с Сибирью, прежде всего, как с «пограничьем естественных богатств» российской метрополии, объектом для всех классических злоупотреблений колониальным статусом.

В XVIII и XIX веках сельское население Сибири значительно увеличилось благодаря добровольному наплыву волн крестьянских беженцев от крепостного гнета и нищеты Европейской России. Для многих дурную славу Сибири как края каторжных работ компенсировала перспектива её неограниченных возможностей, плодородной земли и личной свободы. Волны беженцев поднялись в мощный прилив миграции на восток в начале XX века, когда завершение строительства Транссибирской магистрали (Транссиба) и перемены в аграрной политике правительства после беспорядков 1905 года содействовали этому массивному демографическому сдвигу. Миллионы новых иммигрантов (новоселов) часто обижены старыми поселенцами (старожилами), но это лишь одна грань, в которой различалось крестьянское общество в Сибири и в Европейской России. Сибирское крестьянство было зажиточнее, больше возделывало земли более высоко механизированным инвентарем и гораздо ближе знакомое с капиталистическим ведением хозяйства и системой торговли. Более того, Сибирь была относительно свободна от исторического наследия крепостничества и крупного частного землевладения, и система перераспределения общинной земли была редкостью. Среди самых успешных и зажиточных слоев сельского населения были казахи сообщества, многие из которых владели гораздо более крупными наделами, чем даже зажиточные кулаки, и сыграли драматичную роль в Гражданской войне. Конечно, недисциплинированные казахи атаманы оказались среди самых кровавых врагов большевиков. В начале XX века Сибирь стала одним из самых производительных аграрных регионов империи. Ее крестьянство оказалось более находчивым, уверенным и свободомыслящим и поэтому менее подверженным революционной деятельности и пропаганде, чем в Европейской России. Ни подавляющая поддержка крестьянами Партии социалистов-революционеров (ПСР) на выборах во Всероссийское Учредительное собрание в ноябре-декабре 1917 года, ни сила движения производственных и потребительских кооперативов в регионе не могут считаться показателем политического радикализма, еще менее — страстного желания социализма.

Сибирское общество в целом не столь резко делилось на классы, как в Европейской России. Совсем небольшой промышленный рабочий класс Сибири и ее слабо развитая производительная индустрия, не говоря уж о крестьянстве и консервативных средних городских классах, означали весьма слабую социально-экономическую базу для устройства марксистской «пролетарской социалистической революции». Поэтому тем примечательнее довольно быстрое распространение советской власти в Сибири после большевистской революции.

Сибирские «областники» были самыми бойкими из сибиряков группировавшихся по географическим, историческим, экономическим и этническим особенностям Сибири. «Областничество» зародилось в кругах интеллектуалов-сибиряков в С.-Петербурге в 1860-х годах, там же развилось в конце XIX века в особую школу мышления, разработавшую нечто вроде программы развития благосостояния, гражданского общества и местной автономии для народов Сибири. Ее основными целями стали:

- упразднение системы ссылки, которую считали вредной для безопасности свободных сибиряков, которых постоянно терроризировали шайки беглых преступников;

- отмена дискриминационных внутренних таможенных барьеров, действовавших вопреки экономическим интересам сибирского купечества;
- более целенаправленная программа распределения земли и сельского обустройства;
- развитие инфраструктуры образования и культуры;
- более гуманная политика для улучшения материальных условий жизни и гражданских прав коренных народов Сибири.

Призывы к полной политической независимости Сибири были редки, случайные проявления «сепаратизма» быстро подавлялись. Хотя сибирское общество едва ли было однородным — конечно, революция и Гражданская война открыли ящик Пандоры глубоких разногласий и вражды, — и, несмотря на новую вспышку рабочего движения после расстрела забастовщиков в 1912 году на Ленских золотых приисках, за Уралом в начале 1917-го было немного предвестников революционного катаклизма, в который вскоре погрузилась страна.

Сибирь: февраль 1917 — май 1918 года

Отречение Николая II 2 марта застигло врасплох всю страну, включая Сибирь, и создало вакуум власти, который заполнили в столице Временное правительство и Петроградский Совет, а в глубине страны, особенно в приграничных областях, калейдоскоп различных политических групп, учреждений, комитетов, собраний, местных Советов и самочинных региональных органов власти. В какой-то момент на территории от Челябинска до Владивостока действовало не менее 19 различных «органов власти». В последующие четыре года единственным общим качеством этих органов была их недолговечность. Падение династии Романовых и крушение власти ее представителей означало, что впервые с XVI века Сибирь оказалась независима от управления непосредственно из Москвы или Петрограда. Таким образом, появилась возможность для публичного объявления ряда политических и региональных планов. Кроме правых и монархистов основными политическими соперниками стали кадеты, областники, эсеры и социал-демократы (и меньшевики, и большевики).

Поддержка крайне правым была изначально незначительна, став сильнее с весны 1918 года во время так называемой «демократической контрреволюции». Их единственной поддержкой стали престарелые должностные лица царских учреждений, богатые предприниматели и офицеры Императорской Армии. Даже на пике своего влияния (май 1918 — ноябрь 1919) они не имели ни ясной политической программы, ни эффективной социальной и экономической стратегии, привлекательной большинству населения — главная причина окончательного поражения белых.

Ограниченная поддержка кадетам исходила от средних городских слоев, хотя многие служащие и интеллигенция также поддерживали программу областников, увы, аморфную. Кадеты страдали, в этом отношении, из-за своего подозрения областников в популистском увлечении местными проблемами, тогда как более «опытные» кадеты отвергали то, что считали мелкой ограниченностью интересов, в пользу борьбы за централизованное великое русское государство. Что касается кадетов, то они также запятнаны неудачей Временного правительства в попытке разделаться с двумя самыми насущными про-

блемами — перераспределение земли и участие России в войне. В Гражданскую войну кадеты сдвинулись ещё правее в политическом спектре, даже одобрили идею единоличной диктатуры.

Областники, что не удивительно, настаивали на требовании большей автономии для Сибири, с региональным правительством, действующим самостоятельно в составе федеративной России, защищая интересы Сибири в противовес интересам центрального правительства. Были слухи о полном сепаратизме, но состоялось много восторженных митингов, собраний и съездов, которые принимали лозунги областников, звучал призыв к большей самостоятельности Сибири, поднимался зелено-белый флаг областников и предлагались выборы в Сибирскую областную думу. Впрочем, несмотря на прогрессивное общее ее содержание, риторика областников имела слабый отклик в народе. И о деятельности областников знал главным образом незначительный круг интеллектуалов из Томска.

Наиболее значительную поддержку от сибирских крестьян (более 90% населения) имела ПСР. На выборах в Учредительное собрание эсеры получили 50% голосов избирателей Сибири (тогда как большевики — 10%). Однако эсеры, далекие от создания единого сплоченного блока, представляли собою пеструю мешанину соперничающих групп, фракций и отколовшихся групп, без единого руководства и согласованной программы действий. В конце концов, произошел раскол партии де-факто на правых эсеров, склонявшихся к кадетам или областникам, и левых эсеров, некоторые из которых даже сотрудничали с большевиками. Марксисты комментаторы утверждали, что ПСР в основном представляет интересы «мелкой буржуазии», не имея корней в рабочем классе или среди крестьян не кулаков.

В Сибири раскол в РСДРП был не столь четким, как в прочих частях страны, большевики и меньшевики регулярно сотрудничали, как рядовые члены партии, так и на местном руководящем уровне. Многие видные большевики к Февральской революции были политическими ссыльными в Сибири, но воспользовались возможностью вернуться в центр событий, в Европейскую часть России. Партийные дисциплина и организация в Сибири были весьма слабы, хотя их сила колебалась от города к городу и от города к деревне. На селе основным источником поддержки большевиков стали солдаты, вернувшиеся с фронта. Это была в основном закаленная в боях, проникнутая радикальными настроениями молодежь. Большевики привлекли её лозунгами мира и земли. Сочетание фронтовиков с новоселами несло основную ответственность за волну спонтанных крестьянских восстаний и нелегальных переделов земли, прокатившуюся по сельской местности летом и в начале осени 1917 года. В самом воинственном и большевистском из сибирских городов Красноярске («Красный Красноярск») в августе собрались 5 тыс. большевиков-активистов и на областной конференции создали Среднесибирское областное бюро РСДРП(б) — РКП(б) для руководства партийной работой в Сибири и взятия под контроль местных Советов.

После Октябрьской революции большевики сумели с удивительной скоростью, учитывая численную слабость городского рабочего класса и немощность парторганизации, установить «советскую власть» в большинстве крупных городов. Первый успех большевиков облегчили два фактора — вовлечение вооруженных большевизированных фронтовиков и удобство использования Транссиба как проводника для быстрого распространения революционной деятельности по городам и станциям на его пути. В «Красном Красноярске» Советскую власть про-

возгласили к концу октября, затем вскоре последовали Томск, Иркутск, Омск, Чита, Хабаровск и Владивосток. Случались, конечно, случайные проявления оппозиции в виде организованных протестов и мятежей, но недостаток согласованности и политической последовательности противников большевизма значительно способствовал продвижению советской власти. На Дальнем Востоке наиболее свирепым проявлением антибольшевизма была «атаманщина» — чудовищная кампания жестокого зверства, направляемая дикими казачьими атаманами Григорием Семёновым, Иваном Калмыковым и бароном Романом Унгерн фон Штернбергом. Худшие примеры ничем не вызванной резни на протяжении всей Гражданской войны совершали эти беспощадные военачальники в своих попытках истребить «большевиков» — то есть почти любого противника их уголовных грабежей.

В ночь на 26 января 1918 года Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (*Центросибирь*) распорядился распустить Сибирскую областную думу, созданную в декабре в Томске. Однако грандиозная задача укрепления советской власти в регионе усложнялась удаленностью от политического центра в Москве, нехваткой незаурядного руководства на местах, столкновениями интересов различных парторганизаций, ростом доверия к оппозиции большевикам и непопулярности правительственной политики продразверстки, воспринимаемой как возрождение царской алчности и надменности. К концу весны 1918 года власть большевиков в Сибири начала ослабевать; однако падение ее вызвали два непредвиденных события — высадка японских войск во Владивостоке в апреле и восстание Чехословацкого корпуса в мае.

«Демократическая контрреволюция»: май–ноябрь 1918 года

Слабостью центрального правительства на Дальнем Востоке воспользовались японцы для удовлетворения своих территориальных амбиций в регионе. 5 апреля японские экспедиционные войска в ответ на убийство трех японцев высадились во Владивостоке. За ними последовал гораздо меньший британский контингент. Это был первый шаг к интервенции; в последующие несколько месяцев тысячи военных из многих государств — Японии, Китая, США, Великобритании, Франции, Канады и др. — хлынули на российский Дальний Восток под предлогом поддержки чехословацких легионеров и защиты собственных государственных интересов и имущества, но без какого-то общего целесообразного политического плана. Американским войскам, например, приказали не участвовать в борьбе внутри России, хотя на деле всю свою большую материальную помощь они оказывали белым. Эта мощная иностранная поддержка стала одним из импульсов оживления различных сил против красных по всей Сибири.

Другим обстоятельством был мятеж бывших чехословацких военнопленных, двигавшихся по Транссибу во Владивосток для возвращения в Европу и присоединения к Антанте в войне с Германией. Люди эти не были сбродом: хорошо дисциплинированные, с хорошим образованием и хорошо вооруженные. Троцкий в телеграмме местным Советам Сибири приказал разоружить их и каждого, кто останется вооружен, расстреливать. Тогда чехословаки, опасаясь предательства, восстали и начали захват всех крупных городов вдоль железной дороги: Новони-

колаевск, Челябинск, Томск, Омск и все станции восточнее до Владивостока. В июне они захватили Самару на Волге. Контроль чехословаков над железной дорогой от Урала до Тихого океана должен был стать решающим фактором на следующем этапе борьбы в Сибири, крупнейшем и, возможно, важнейшем театре Гражданской войны.

Легкие победы чехословаков склонили Антанту усилить поддержку антибольшевистских сил, которые, с увеличением иностранной помощи, воспользовались крахом Советов в Сибири для создания новых правительственных органов и учреждений. На западе двумя важнейшими из них стали Комитет членов Учредительного собрания (*Комуч*) в Самаре, где преобладали эсеры, и Временное Сибирское правительство (ВСП) в Омске, который должен был стать виртуальным штабом «демократической контрреволюции». Эти органы, возможно, и были «контрреволюционны» (то есть, антибольшевистскими), но их полномочия и политика почти не позволяли назвать их «демократическими». Если Комуч встал в умеренно социалистическую позу (с красным флагом и т. д.) и сформировал небольшую «Народную армию», то ВСП политически значительно более правое, поддерживалось кадетами и офицерским корпусом, принимало меры против профсоюзов и возвращало частным землевладельцам экспроприированную собственность. Многие всё более неугомонные и влиятельные армейские офицеры, сторонники ВСП, едва отличали эсеров от большевиков. Ни широкомасштабное крестьянское сопротивление ненавистной московской продрозверстке, ни проявления оппозиции рабочих большевикам не смогли сплотить на общей платформе Комуч и ВСП.

Отсутствие единства в лагере белых не ограничилось соперничеством Самары и Омска. В Забайкалье, Приамурье и Приморье, с благословения японцев, «атаманщина» продолжала свой кровавый курс. Царство террора Семёнова, Калмыкова и компании, во всяком случае, рушило претензии ВСП представлять лучшие надежды на спасение России от безбожных большевиков.

Тем временем большевики, терпя дальнейшие неудачи, вынуждены были в июле и августе оставить Симбирск (родину Ленина) и Казань, где хранился золотой запас империи — примерно 750 млн. золотых рублей. Белые перевезли его в Омск. Жертвой отступления красных стали бывший царь Николай II и его семья, расстрелянные большевистской охраной 16 июля в Екатеринбурге, когда войска чехословаков и белых угрожали взять город. Осознав серьезность положения, Москва начала энергичную кампанию военного пополнения и усилила свои армии на Восточном фронте под руководством нового командующего И. И. Вацетиса.

По мере поворота хода войны вновь в пользу Красной Армии, Антанта, включая чехословаков, усилила давление на расколотившихся междуусобицей белых, побуждая их уладить разногласия и установить единый, согласованный военный и политический фронт, чтобы остановить наступление красных. Некоторую настоятельность их призыву придали красные, отбив в сентябре Казань. Тогда различные белые фракции собрались в Уфе, пытаясь согласовать свои действия. В результате 23 сентября сформировали Временное Всероссийское правительство (ВВП) с Директорией из пяти человек, включая двух самарских эсеров, возглавленной Н. Д. Авксентьевым, министром внутренних дел в последнем кабинете Временного правительства Керенского. В октябре новое правительство переехало в Омск и сформировало Совет министров. военным и

морским министром в нём стал адмирал А. В. Колчак. Через шесть недель Колчак был катапультирован со своего нового поста в должность военного диктатора с напыщенным титулом Верховного правителя России. Началась новая фаза Гражданской войны.

Режим Колчака: ноябрь 1918 — февраль 1920 года

Несмотря на свое демократическое облачение, ВВП и Директория не были популярны и не обладали действительной властью. Более того, по мере наступления красных бесплодность Директории становилась всё очевиднее, идея назначить сильного военного вождя — диктатора, который установит закон и порядок, разобьёт красных и возродит единое Российское государство — казалась всё более и более привлекательной омскому реакционному чиновничеству, ведущим кадетам, казакам и армейским офицерам-шовинистам. В ночь с 17 на 18 ноября казачьи офицеры арестовали эсеров членов Директории, а на следующее утро Совет министров избрал Верховным правителем России Колчака — против был подан лишь один голос. Колчак согласился и сразу объявил своими главными задачами организацию сильной армии и победу над большевизмом. Эта была нелегкая задача, и могла привести к одному концу, его собственному поражению и гибели.

Колчаковский титул Верховного правителя России являлся, конечно же, преувеличением: Центральная Россия была под советским контролем, Забайкалье фактически оставалось вотчиной жестоких независимых атаманов, на которых еще делали ставку японцы, стремившиеся к своим экспансионистским целям на материке. Реакция на переворот была ожидаемой: у правых (включая кадетов) — восторженная, у левых — испуг, у союзников — настороженная (нет прямого свидетельства об участии в нем англичан), у крестьян — безразличная, как и у коренных народов (о них часто забывают). Правление Колчака, несмотря на первоначальный военный успех, когда войска оказались в пределах досягаемости Симбирска, Самары и Казани, было чревато трудностями и препятствиями к военной победе, необходимой для политического триумфа. Сотни миль отделяли его от армий других белых генералов (например, от Деникина). После перемирия 11 ноября в Европе исчезло военное оправдание для интервенции Антанты, и поддержка постепенно сокращалась, что ещё более усилило уязвимость Колчака. Партии военных материалов, поставляемых на Дальний Восток, атаманы систематически расхищали для собственных нужд. Чехословаки хотели выйти из войны и вернуться домой, в новую независимую Чехословацкую Республику. Более того, из 4 тыс. миль Транссиба восточнее Омска Колчак контролировал примерно лишь 500 миль. Поэтому он был все более изолирован.

И по характеру Колчак не годился для роли Верховного правителя. Выдающийся адмирал не имел знаний и опыта в войне на суше, ещё менее — в политике, планировании экономики, в международных делах. Несгибаемый патриот, хотя и не обязательно монархист, он был вспыльчив, обидчив, нервный и, видимо, привержен к алкоголю и наркотикам. Его администрация также была некомпетентна и корыстна; даже его военные распоряжения порой игнорировали. Ещё серьезнее то, что он не располагал массовой поддержкой или преданностью народа. Экономика была раз-

рушена, несмотря на обладание золотым запасом империи, а с потерей Урала не осталось промышленной основы. Набранные Колчаком войска были ненадежны на фронте, а в тылу жалом во плоти стала ожесточённая партизанская война сотен крестьянских отрядов, сражавшихся за собственные интересы вопреки противоречивой колчаковской земельной политике. Эти крестьяне-партизаны («зеленые») не верили и обещаниям большевиков, но в целом симпатизировали больше красным, чем белым. Белых отождествляли с возвращением дореволюционных порядков из-за использования властью Колчака методов террора, включая порку, погромы и массовые расстрелы.

К ноябрю 1919 года сочетание всех этих проблем и неудач, усугубленное неумолимым наступлением Красной Армии через Урал, заставили Колчака с его министрами покинуть свою резиденцию в Омске и спастись бегством по Транссибу в Иркутск. Враждебно настроенные железнодорожники, недовольные чехословаки, нападения отрядов партизан и тяжесть золотого запаса империи мешали движению поезда Колчака.

Тем временем Красная Армия под новым умелым командованием Михаила Фрунзе наступала на восток, быстро догоняя Колчака. Последний окончательно остановился в Нижнеудинске, близ Иркутска, который тогда был в руках нового левого правительства — Иркутского политического центра (ИПЦ). Конец Колчака был близок. 15 января чешские легионеры передали его ИПЦ, вскоре передавшему и власть, и Колчака большевикам. Несколько дней следственная комиссия допрашивала бывшего Верховного Правителя и, наконец, 7 февраля, когда белые войска предприняли последнюю отчаянную попытку его спасти, адмирал Колчака и его последнего премьер-министра В. Н. Пепеляева расстреляли, а их тела сбросили в прорубь реки Ушаковки, притока Ангары.

Большевики и Красная Армия теперь контролировали всю Сибирь от Урала до озера Байкал. Понадобилось еще два с половиной года, чтобы достичь Тихого океана.

Дальневосточный финал: февраль 1920 — октябрь 1922 года

Избавясь от Колчака, большевики столкнулись с задачей умиротворения и советизации одной из самых изменчивых арен борьбы в Гражданской войне. Вся территория от Байкала до Владивостока хаотично управлялась постоянно меняющимся разнообразием политических и военных клик, полем битвы взаимовраждебных местных красных, белых, эсеров, колчаковцев, крестьян-партизан, чехословаков, японцев, американцев и мародеров-казаков, возглавляемых жестокими атаманами. На какой-то срок Ленин решил оставить Дальний Восток в покое, желая выиграть время для разрешения более насущных проблем, и части Красной Армии перевели на европейские фронты. Однако, не желая жертвовать дальневосточные губернии России белым и японцам, Москва санкционировала образование в Забайкалье номинально независимой Дальневосточной республики (ДВР), которая должна была послужить своего рода буферной властью между советской Сибирью и Японией. Основали ее ровно через два месяца после казни Колчака. Столицей сначала стал Верхнеудинск, затем Чита, когда Семёнов вынужден был покинуть Ставку своей Бурят-Монгольской республики. После кратковременного

пребывания в Даурии ему вновь пришлось отступить, на сей раз в Маньчжурию. «Атаманщине», вызвавшей столько сумятицы и кровопролития на Дальнем Востоке, вскоре пришел конец.

Не все были довольны новой умеренно социалистической ДВР, и лишь к концу 1920 года большинство крупных городских центров неохотно признало ее власть, но ожесточенные бои, нередко с ужасающими зверствами, еще 18 месяцев гремели на территории региона. Так, в январе 1920-го красные партизаны вырезали почти весь японский гарнизон в Николаевске-на-Амуре, в ответ на убийство в других дальневосточных городах примерно 3 тыс. подозреваемых в симпатии большевикам. Затем партизаны перебили еще 4 тыс. русских в Николаевске, когда японские войска атаковали город. Злодеяния совершать все стороны. Казалось, это — кровавый тупик. Разрушен он был только, когда международное давление вынудило Токио объявить о выводе своих войск с материка к концу октября 1922 года. Лишенные поддержки извне остатки антибольшевистских сил начали разваливаться.

Последнюю отчаянную попытку отразить усилившийся натиск большевиков предприняли двое предпринимателей из Владивостока, братья Спиридон и Николай Меркуловы. Успешно сместив агентов ДВР во Владивостоке, они со своими сторонниками в мае 1921 года провозгласили создание нового Приамурского временного правительства. В связи с выводом японских войск, ему пришлось в июне 1922 года передать власть бывшему начальнику штаба Чехословацкого корпуса генерал-лейтенанту Михаилу Дитерихсу, который ввёл военное положение. Однако и режим Дитерихса пал, 25 октября 1922 года войска ДВР и Красной Армии под командованием Иеронима Уборевича парадным строем маршировали по Владивостоку, когда последние японские корабли покидали бухту Золотой Рог. Тысячи русских бежали за рубеж, оставшихся противников вычищали органы безопасности ДВР. Независимость ДВР изначально была обманом. 15 ноября ДВР уступила тот небольшой суверенитет, которым обладала, и официально вошла в состав РСФСР. Несмотря на единичные очаги сопротивления на Крайнем Севере и продолжение до 1925 года японской оккупации северного Сахалина, на самом деле, революция, контрреволюция и Гражданская война в Сибири, как и везде, завершились.

Заключение

После образования 30 декабря 1922 года СССР важную роль в его экономическом развитии уготовили играть Сибири и Дальнему Востоку. Местное недовольство своей ролью по-прежнему сырьевой окраины и устойчивый сибирский сепаратизм пережили распад СССР. Трения Москвы с сибирскими регионами, доведенные в 1917–1922 годах до трагического конца, всё ещё остаются серьезной политической проблемой постсоветского мира.

Несмотря на рост на Западе научного интереса к Сибири, многие проблемы всё ещё требуют дальнейшего изучения на основе новой методологии и свежих знаний. Многие традиционные объяснения западными и советскими историками победы коммунистов нуждаются в пересмотре. Среди факторов, которые надо считать объективными: географическая удаленность Сибири от центра и суровость ее климата и почвы; превосходящий военный опыт офицеров Белых Армий; при-

вычная подозрительность и враждебность большинства сибиряков к российской метрополии; воздействие и масштабы иностранной интервенции в поддержку тех, кто пытался свергнуть правительство Ленина. В условиях всех этих противоречивых обстоятельств и препятствий кажется удивительным, что цвета «белый» врагов большевиков и «зеленый» крестьян-партизан — традиционные цвета сибирских снегов и лесов — в конечном итоге уступили место кумачу советского коммунизма.

Литература

- Великий Сибирский Ледяной поход. (Воспоминания). М., 2004.
- Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006.
- Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920: Впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007.
- Гражданская война в России: Катастрофа Белого движения в Сибири. М., 2005.
- Дальневосточная политика советской России (1912–1922 гг.): Сб. документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск, 1996.
- Законодательная деятельность белых правительств Сибири. Томск, 1998. Т. 1–3.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 4-х т. Л., 1968.
- Перейра Н. Сибирь: Политика и общество в Гражданской войне. М., 1996.
- Петров С. П. Упущенные возможности. Гражданская война в восточно-европейской части России в Сибири 1918–1920. М., 2006.
- Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: В 2-х т. М., 2000.
- Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.
- С Колчаком — против Колчака. Краткий биографический словарь. Указатель учреждений, организаций. Краткий указатель литературы по истории Гражданской войны в Сибири. М., 2007.
- Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007.
- Хроника Гражданской войны в Сибири (1917–1918). М., 1925.
- Шишкин В. И. Сибирская Вандея: Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 г. Новосибирск, 1997.
- The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution / Ed. by A. Wood. London; New York, 1991.
- Lincoln W. B. Red Victory: A History of the Russian Civil War. New York, 1989.
- Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987.
- Smele J. D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996.

Snow R. E. The Bolsheviks in Siberia, 1917–1918. Rutherford, 1977.

Stephan J. J. The Russian Far East: A History. Stanford, 1994.

White J. A. The Siberian Intervention. Princeton, 1950.

Средняя Азия

МАРТА БРИЛЛ ОЛКОТТ

Обширные среднеазиатские территории Российской империи простирались от Каспийского моря на восток до Китая и включали два генерал-губернаторства — Степное (казахское) и к югу от него Туркестанское — и два протектората — Хивинское ханство и Бухарский эмират. Согласно переписи 1897 года примерно 11% населения империи (13 млн. человек) составляли тюркоязычные мусульмане, из них более половины жители Средней Азии. Они испытывали усиление напора русских переселенцев, которые к 1911 году составили 40% населения Степного генерал-губернаторства. Правительство П. А. Столыпина открыло путь широкомасштабному переселению русских в Туркестанское генерал-губернаторство. Возмущение переселенцами вызвало крупное восстание против царя летом 1916 года, непосредственным поводом стало решение правительства отменить освобождение от призыва на военную службу и мобилизовать на трудовую повинность полмиллиона среднеазиатов. Царские власти успешно подавили восстание, и падение через несколько месяцев царя вызвало в регионе шок. В результате сравнительно малочисленные политические активисты Средней Азии прозевали возможность воспользоваться удобным случаем, который дала революция.

Временное правительство, приведенное к власти Февральской революцией, создала Государственная дума, где среднеазиаты (и мусульмане в целом) имели минимальное представительство. Мусульманская фракция Думы пыталась, но не особо успешно, представлять интересы мусульман империи. Фракция провела в марте 1917 года подготовительное совещание и в мае Всероссийский мусульманский съезд, где достигла единодушия, но не большого, поскольку распалась на панисламистов и пантюркистов, и на тех, кто защищал сохранение единого государства, и тех, кто продвигал дело территориальной автономии для своих народов. Последнюю позицию на съезде заняла маленькая группа среднеазиатов; одним из её виднейших борцов за автономию был казах Халел Досмухамедов, позднее вождь независимого казахского правительства *Алаш-Орда*.

Будь даже сплоченнее и решительнее мусульманская фракция Думы, то вряд ли бы сильнее влияла на направление Русской революции, поскольку ведущие российские политики почти не были склонны всерьез учитывать мнение политиков-мусульман. Несколько видных кадетов-мусульман состояли в штате служащих Временного правительства в Туркестанском крае и казахских областях, но когда мусульманская фракция выдвинула кандидатуру туркестанского казаха Мухамеджана Тынышпаева на пост министра земледелия Временного правительства, то её не удостоили серьёзного рассмотрения.

Сменявшиеся кабинеты Временного правительства признавали необходимость решения постимперского «национального вопроса», но самоуправление мусуль-

манских территорий никогда не считали проблемой столь же насущной, как для европейских регионов империи. В результате, когда эсеры и большевистски настроенные социал-демократы попытались организовать местные русские Советы рабочих депутатов в Южной Сибири (включая казахские области) и Средней Азии, Временное правительство довольствовалось управлять этими территориями через местные временные комитеты, слегка лишь обновив персонал прежней местной колониальной администрации.

Революция в казахских областях

Новые власти мало интересовали среднеазиаты, а они, особенно казахи, начали развивать определенные взгляды на то, как следует ими управлять. В отличие от националистов Финляндии, Прибалтики, Польши и Украины, националисты Средней Азии выступали не за полную независимость своих областей, а скорее отстаивали создание автономных территориальных образований для туркестанцев и казахов. Казахи сильнее туркестанцев вовлеклись в политические дискуссии периода Временного правительства. Единой казахской позиции не существовало, как и революционера или национального вождя, которого можно считать выразителем казахского национального идеала. Досмухамедов и Алихан Букейханов, как и Тынышпаев, лоббировали в Москве и Петрограде казахскую территориальную автономию. Эта троица, тесно связанная с кадетами, в апреле 1917 года совместно с Ахмедом Байтурсуновым и Мир Якупом Дулатовым основала партию Алаш, которая провела свой первый Общеказахский съезд в июле и создала в ноябре 1917 года правительство Алаш-Орда.

Не все казахи интеллектуалы поддержали эту попытку самоуправления. Группа казахов, включая Сакена Сейфуллина и первого президента советского Казахстана (председателя ЦИК Киргизской АССР) Сейтгали Мендешева, была настроена социалистически. Сначала они симпатизировали эсерам, позднее стали большевиками. Хотя вначале менее многочисленная, именно эта группа со временем непредвиденно победила и тогда обратила против членов партии Алаш всю мощь советской власти (которую несколько лет спустя Москва, в свою очередь, повернула против них самих).

При всей взаимной враждебности ни одна из групп не сумела добиться особого успеха в разработке казахской идеи. Казахские интеллектуалы соглашались, что их народ вымирает, вытесненный русскими с лучших пастбищных земель, однако расходились в вопросе, сколь важно для выживания казахов сохранять традиционные властные структуры. Большинство вождей партии Алаш происходили из племенной знати и полагали, что казахский народ не должен позволить отмереть своей традиционной руководящей структуре. Лидеры, склонявшиеся к социалистам, рассуждали иначе, поскольку прельщали их, прежде всего, эгалитаризм доктрины социализма. Однако обе группы понимали, что казахам необходим доступ к политической власти, в идеале в форме самоуправления, когда происходит быстрое обнищание своего народа.

Казахские лидеры принимали близко к сердцу, что русским даже не желательно сохранение казахской нации; русские так мало интересовались казахами, что по-прежнему неверно называли «киргизами». Однако казахских интеллектуалов обоих лагерей символические вопросы, вроде терминологии, волновали меньше, чем

более существенные, способные помочь некоторому экономическому оздоровлению казахских областей. Им хватило прагматизма осознать, что борьба с жившими среди них русскими ничего не даст; поэтому русским предоставили треть мест в Алаш-Орде.

Несмотря на участие русских, Алаш-Орда задумана как казахское правительство, с целью организовать обучение на казахском языке, казахскую милицию, структуру социального обеспечения, основная единица которого казахский аул. Её партийная и правительственная программа предполагала остановить переселение русских и перераспределить в пользу бедных казахов земли, захваченные, но ещё не распределённые русскими властями.

Поношение Алаш-Орды в советскую эпоху крайне затрудняло беспристрастную оценку его народной поддержки и потенциальной жизнеспособности, но исторические источники ясно показывают, что в 1918 и начале 1919 годов Алаш-Орда имела немало сторонников среди местных казахов. Даже советские источники подтверждают, что власть правительства Алаш-Орды признавали не только все четыре области степной территории, но и две казахские области Северного Туркестана и казахские поселения Самаркандской и Ферганской областей. В то же время комитеты Алаш-Орды в Уральске и Семипалатинске получали народную поддержку в форме казахских налоговых платежей достаточную для формирования армии, когда в 1918 году в регион пришла Гражданская война.

Однако не все казахи признали власть Алаш-Орды. Слабейшей была поддержка в западной части степной территории, где в региональных комитетах преобладали члены знатных семей племенных федераций, Малой Орды и Внутренней Орды. Это побуждало многих, но отнюдь не большинство, казахов бедняков связаться с эсерами, а затем с большевиками и принять точку зрения, что национальные интересы казахов лучше защитит государственный строй, ставящий целью уничтожение деления на богатых и бедных. В отличие от Туркестана первые советские организации этого региона не были настроены против коренного населения. Местные русские рабочие, сторонники власти Советов, соглашались, что она лучше сможет защитить национальные и классовые интересы местных бедняков. В Гражданскую войну члены этих групп под руководством Амангельды Иманова и Алиби Джангельдина сражались на стороне Красной Армии.

Русские хуторяне и служащие колониальной администрации, напротив, поддерживали белых, которыми руководили командиры казачьих частей, размещённых в степных областях. Штаб-квартирой казачьей оппозиции был Оренбург, вторым центром — Уральск. Белоказаки не выступали против Алаш-Орды, а после подписания соглашения в мае 1918 года казачьим атаманом Александром Дутовым и представителем казахов Алиханом Букейхановым действовали порою совместно с казахами.

Несмотря на острый экономический кризис и периодические конфликты между безземельными казахами и русскими хуторянами, отношения между руководителями казаков и казахов были вполне добросердечные, что не давало особых оснований полагать, что, победив, белые выступят против Алаш-Орды. Казаки, не признавая власть Алаш-Орды над европейским населением, вполне могли бы стерпеть самоуправление казахов при условии ненавязчивого контроля русских и позволить им жить почти также, как сами жили в царское время.

Революция в Туркестане

При всей значительной напряженности между двумя национальными группами в казахской степи, Гражданская война и установление советской власти не вылились в обычное столкновение русских с казаками. Битва за Туркестан, наоборот, была именно классической, но безуспешной борьбой за то, чтобы вырвать регион из-под колониального контроля. Если казахи, в конечном счете, уступили своей суверенитет, поверив ложным обещаниям большевиков, Туркестан вновь силой покоряли, причем процесс завоевания завершился лишь к 1924 году, а отдельные очаги сопротивления сохранялись даже после коллективизации в середине 1930-х годов.

После падения монархии многие официальные лица в Москве и Петрограде признавали необходимость изменить форму управления мусульманами с учетом усиления национальных чувств. Однако даже самые прогрессивные не готовы были согласиться с переходом местных русских под управление «туземцев», тогда как большинство туркестанских чиновников было категорически против предоставления местному населению даже ограниченного самоуправления.

Такое отношение отчасти отражало пренебрежение колонизаторов к населению колонии, о котором мало что знали. Немногие официальные лица, такие как Владимир Наливкин, исследователь культуры Туркестана недолго возглавлявший Туркестанский комитет Временного правительства, поддерживали идею ограниченного местного самоуправления. Однако и те немногие, кто понимал национальные амбиции туркестанцев и им симпатизировал, также соглашались, что не договориться среднеазиатам между собой о том, как надо ими управлять. Туркестанская национальная идея была куда менее определена, чем хрупкая идея казахской национальности, не говоря уж о возможности формирования особых национальных идей у различных народов Туркестана — узбеков, таджиков, туркмен и киргизов.

Не имея общего видения и своей идентичности, и способа организации управления, народы Туркестана по-прежнему путались в своей идентичности из-за сохранения в регионе двух почти автономных городов-государств — Хивы и Бухары; и ещё свежи были воспоминания о третьем — Коканде. Одни группировки выступали за единый Туркестан, управляемый, возможно, из Самарканда, древней столицы Тимура (Тамерлана), другие настаивали сохранить позднейшее деление на три части. Разногласия вызывало так же, как распределить власть между оседлым населением и кочевниками.

И всё же, все эти вопросы не столь значимы, как проблема, по которой все согласны: туркестанцы более не желают управляться русскими во имя своекорыстных интересов России.

Туркестанцы и русские вступили в борьбу еще до разрушения российских политических институтов, но нарастание конфликта началось с падением монархии. Десятки тысяч киргизов, укрывшихся в лагерях беженцев в туркестанских районах Китая после подавления восстания 1916 года, возвращались полные решимости вернуть свои земли, но их встретили вооруженные русские переселенцы. Стороны столкнулись, тысячи киргизов погибли, в регионе объявили военное положение.

Местные русские всё крепче убеждались, что им управлять коренным населением; в результате в Туркестане ослабла власть Временного правительства, уво-

лившего генерала А. Н. Куропаткина (за кровавое подавление восстания 1916 года) и, в духе кадетской идеологии, назначившего комитет управления, где в равной доле представлены коренные жители и европейцы. Это, в свою очередь, усилило власть Ташкентского Совета, первоначально проэсеровского, с чисто русско-европейским составом.

Туркестанцы организовывались медленнее русских и свой I Всетуркестанский мусульманский съезд провели лишь в апреле 1917 года; более крупный, с участием почти 200 делегатов со всего Туркестана, намечали на ноябрь. Однако после большевистской революции *Турксовнарком* (Совет народных комиссаров Туркестанского края) в Ташкенте, составленный только из европейцев, запретил IV чрезвычайный общемусульманский съезд, поэтому он открылся в Коканде 26 ноября 1917 года.

На съезде присутствовали и мусульманские реформаторы, такие как Махмуд Ходжа Бехбуди, сторонники которого группировались вокруг «*Шура-и Ислам*» (Мусульманского совета), и клерикалы-консерваторы, имевшие организацию «*Шура-и Улема*» (Совет знатоков Ислама) Съезд провозгласил создание Временного правительства Туркестанской (Кокандской) автономии. Как и казахи, туркестанцы не искали полной независимости, не объявляли её, а вместо этого провозгласили Туркестанскую автономию, управляемую Туркестанским временным советом. Две трети мест в нем отвели туркестанцам, одну треть — русским, каждую группу избирала соответствующая община. В основе государственного права был шариат, но европейской общине позволялось жить по собственным законам. На практике немногие из постановлений, принятых в Коканде, воплотились в жизнь, поскольку Кокандское автономное правительство существовало только шесть недель.

Большевистская революция создала в Туркестане новый политический климат, с враждой между русскими и туркестанцами. 14 ноября 1917 года был создан *Турксовнарком*, пробольшевистское правительство, составленное из местных большевиков и левых эсеров. Интеллектуалов в нём было больше чем рабочих. Это правительство не только было совсем европейским, но его члены не знали планов Москвы в отношении мусульман Туркестана и препятствовали им. 20 ноября (3 декабря) 1917 года Ленин и Сталин выпустили обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», где обещали: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными». Однако через 10 дней Ташкентский Совет объявил праздничное шествие Мавлюд (день рождения Мухаммеда) антиправительственной демонстрацией, и стрельбой разогнал толпу. Хотя затем отношение Ленина и Сталина к лидерам Ислама, школам и собственности позволяло усомниться в искренности их первого воззвания, ясно, что оба большевистских вождя искали поддержки у мусульман. И в мирные времена Туркестан был дальним аванпостом, а в военное время ещё более отдалился. Готовясь к взятию власти в России, Ленин не уделял внимания подбору кадров для своего руководства в Туркестане. В результате, после Октября малочисленные большевики региона сразу стали авангардом и толкователями революционной доктрины Слова Ленина, давшего гарантии именно «трудящимся мусульманам» Туркестана, они поняли буквально. И поскольку «трудящихся мусульман» в регионе по-сути не было, им всюду мерещились «буржуазные националисты-мусульмане». Главным доказательством этого в глазах новых властей стало Туркестанское автономное правительство,

созданное после претензий Турксовнаркома быть единственным легитимным правительством региона.

Утверждение советского контроля над Казахской степью и новое завоевание Туркестана

Ташкентский Турксовнарком, уже успешно контролируя местные русские гарнизоны, атаковал в феврале 1918 года резиденцию своего соперника, город-крепость Коканд. Существенно уступая русским в артиллерии, туркестанцы продержались более недели. Эта атака обозначила начало Гражданской войны в Средней Азии. Уже не склонные принять восстановление русского правления, среднеазиаты увидели стремление большевиков еще большее, чем у царских предшественников, рушить традиционную жизнь региона. Это превратило битву за регион в длительную и кровавую.

Взбодренные победой при Коканде большевики в конце февраля 1918 года поручили младобухарцам, исламским реформаторам, свергнуть эмира их почти автономного города-государства; однако бежать пришлось реформаторам, а не эмиру. Учитывая британские войска в Красноводске, северо-западнее Бухары, большевики предпочли смириться на время с властью эмира, а не рисковать, что тот предоставит англичанам Бухару как плацдарм для нападения на Туркестан.

Хотя большевикам в Москве пришлось формально признать независимость Бухары в апреле 1918 года, они решили закрепить свой контроль над остальной частью бывшей колониальной провинции Туркестан, провозгласив создание автономной Туркестанской Советской Федеративной Республики в составе РСФСР. Совсем русское по составу правительство этой новой республики стремилось управлять, строго следуя принципам компартии.

Спешно развернулась национализация земель. Туркестанцы, начавшие сеять зерно вместо выращивания хлопка, поскольку российская текстильная промышленность потерпела крах во время войны, оказались теперь не в состоянии прокормить свои семьи. К марту 1919 года правительство Туркестана признало «голодающей» седьмую часть населения, три четверти которой составляли казахи и киргизы. Ввели новые ограничения частного землевладения, в первую очередь затронувшие мечети и медресе; закрыли религиозные школы и суды. Ташкентскому правительству не хватало власти для повсеместного осуществления своей политики в Туркестане, но начало захват собственности духовенства в крупнейших городах региона и закрыло базары, где шла свободная торговля вопреки политике военного коммунизма. Не достаточно сильные, чтобы подчинить население своей воле, большевики смогли подорвать основные экономические и социальные институты Туркестана.

Туркестанцы сопротивлялись, используя милицию, спешно организованную правительством Коканда, как ядро своих сил. Главу милиции звали Иргаш, и к лету 1918 года под его командованием было уже до 4 тыс. человек. Этих сил Иргашу хватило для вытеснения большевиков из городов Ферганской долины. По мере успехов росли и силы Иргаша, к середине 1919 года насчитывали более 20 тыс. вооруженных бойцов.

Советы называли их *басмачами* (грабителями), а туркестанцы — борцами за веру или просто *курбаши* (борцы). Большевики не желали утратить контроль над

Туркестаном, и Ферганское восстание было интермедией в сравнении с происходящим во многих частях бывшей Российской империи, где к началу 1919 года Красная Армия столкнулась с хорошо организованной и вооруженной оппозицией, часто получавшей поддержку Антанты оружием и людьми. Курбаши почти не имели поддержки от белых, а британцы оказывали лишь минимальную военную помощь через Красноводск, удерживаемый до лета 1918 года белыми войсками верными атаману оренбургских казаков Александру Дутову, и практически ничего не поставляли через афганскую границу.

Москва не нацеливалась на Туркестан до середины 1919 года, когда 4-ю Красную Армию под командованием Михаила Фрунзе направили для отвоевания Западной Сибири и Казахской степи (с весны и лета 1918 года часть их находилась под властью белых), а затем и самого Туркестана. К тому времени местная экономика полностью разрушилась. Это, как и общая усталость населения от войны, работало в пользу большевиков. После занятия Оренбурга в середине февраля 1919 года 4-й армией ее преемница, новая Туркестанская армия, встретила убывающее сопротивление продвигаясь в северной части Казахской степи. Там Москва пыталась действовать убеждением как и силой; например, в марте 1919 года Ленин предложил членам *Алаш-Орды* «амнистию», если добровольно признают власть большевиков. Некоторые так и поступили, но большинство отказывалось до декабря, когда предложение повторил Кирревком (Киргизский Революционный комитет). Кирревком взял под управление территорию в июне 1919 года; почти сразу он рассорился с просоветским Киргизским автономным правительством, отчасти из-за включения в состав Кирревкома лидеров Алаш-Орды Байтурсунова и Букейханова. К январю 1920 года Казахская степь полностью была под контролем большевиков, и уже в августе Ленин одобрил образование в составе РСФСР Киргизской Автономной Социалистической Советской Республики во главе с Сейтгали Мендешевым. Это решение оспорили русские большевики по обе стороны сибирско-киргизской (то есть казахской) границы, считая, что северные районы нынешнего Казахстана должны быть частью Сибири.

Ситуация в Казахской степи достаточно улучшилась к сентябрю 1919 года, чтобы позволить Фрунзе переброску войск на юг, чтобы начать приручение Туркестана. Была опробована двухступенчатая стратегия: часть сил направили в Ферганскую долину, юг которой контролировал Иргаш, а север (Ош и Джелалабад) — крестьянская армия, возглавляемая совместно русским полковником Монстровым и Мадамин-беком (покинувшим пост руководителя милиции Маргелана, когда Советы приказали разрушить местные мечети и святые места). Остатки сил Фрунзе отправились в Хиву на борьбу с отрядами вождя туркменского племени йомуд Джунаид-хана, поддерживавшими номинального правителя Сеид Абдулла-хана.

Фрунзе недооценил силы плохо вооруженных, но численно превосходящих басмачей, и не слишком преуспел в занятии самой густонаселенной туркестанской долины. Его дела шли лучше в Хиве, хотя Красной Армии понадобилось четыре месяца, чтобы взять город в феврале 1920 года. Через два месяца была образована Хорезмская Народная Советская Республика. Её правительство состояло в основном из младохивинцев, ставших в июле 1919 года в Хивинской секцией Коммунистической партии Туркестана.

Отказываясь признать новое правительство, Джунаид-хан с 7 тыс. вооруженных сторонников бежал в пустыню. Его армия до конца 1924 года успешно мешала

советским войскам закрепиться на территории Хивы и даже в январе 1924 года на краткое время овладела Хивой. В конце концов Джунаид-хан бежал в Иран, но продолжал набеги до 1927 года и позднее вернулся в Туркмению возглавить оппозицию сталинской политике коллективизации.

Остальную часть Туркестана поставили под непосредственное управление Туркестанской комиссии, которой Москва поставила задачу военного и политического разгрома басмачей. Фрунзе быстро сообразил, что большевистские власти должны пойти на существенные политические уступки туркестанцам, если хотят подавить движение сопротивления. С этой целью туркестанское правительство в июле 1920 года реорганизовали, возглавил его Турар Рыскулов, казах, большевик с сентября 1917-го.

Крупную военную кампанию предприняли против Иргаша и крестьянской армии, сдавшимся обещали полную амнистию. Мадамин и Монстров погибли в первые месяцы 1920 года, войска Иргаша терпели крупные поражения. С изменением политики большевиков росла терпимость населения к новой власти. НЭП разрешил свободную торговлю и ограниченное частное предпринимательство во всей стране, в то же время правительство Туркестана сделало ряд особых уступок мусульманскому духовенству, вернув часть вакуфных (пожертвованных, не облагаемых налогом) земель, позволив вновь открыть некоторые религиозные школы и предоставив ограниченные права духовным судам. Торговля Туркестана с центром медленно восстанавливалась, росли поставки зерна, местные элиты вернули частичный контроль над ирригационными каналами, на котором в большей мере основывалось их традиционное влияние.

Эти перемены принесли относительный мир, вновь нарушенный в том же году, когда большевики захватили Бухару. Красная Армия вторглась «по приглашению» младобухарцев, которых финансировали с 1918 года большевики, и большинство которых вслед за своим вождем Файзуллою Ходжаевым вступили в новообразованную Бухарскую Коммунистическую партию. После пятидневных интенсивных боев, неся большие потери, Фрунзе 2 сентября 1920 года вошел в Бухару и принял парад победы. Эмир бежал в Афганистан, оставив вместо себя вождя племени локай Ибрагим-бека, пытавшегося вернуть город. Хотя новая Бухарская Народная Республика оставалась в советских руках, антибольшевистское сопротивление в Туркестане в 1921–1922 годах усилилось, им лучше руководили, оно было сплоченнее, чем где-либо в регионе. К середине 1921 года хорошо вооруженные силы сопротивления контролировали большинство территории западнее и южнее Самарканда и севернее Коканда, оставив под контролем большевиков лишь крупные города и 100 миль вокруг Ташкента.

Даже те туркестанцы, которые помогли изгнать эмира, вскоре начали жалеть об этом, как только поняли, что Москва намерена установить полный контроль над новыми государствами, несмотря на формальное признание Кремлем мнимой независимости Хорезма и Бухары. Каналами этого контроля стали местные компартии. Бухарская компартия изначально подчинялась Москве, тогда как Хорезмская до 1922 года сохраняла независимость, но в обеих республиках младобухарцев и младохивинцев, не желавших отречься от своей идеологии *джадидизма* (мусульманского реформизма), быстро сняли с видных постов. К середине 1921 года социальная и экономическая политика этих предположительно независимых государств была отражением проводимой в Туркестане, включая гораздо более значительные ограничения частной собственности и религии, чем те, которые

считали приемлемыми дореволюционные *джадиды* реформаторы и даже многие светские националисты.

Хотя многие местные коммунисты остались и продолжали работать с Файзуллой Ходжаевым в Бухаре и А. Акчуриным в Хорезме, несколько членов соответствующих исполнительных комитетов примкнули к оппозиции, особенно с появлением в регионе в ноябре 1921 года Энвер-паши, главы изгнанного правительства младотурок. Ленин пригласил Энвер-пашу в Туркестан помогать уладить ситуацию, но тот возглавил там оппозицию большевикам.

Присутствие Энвера придало антибольшевистским силам новую легитимность. Обновленные и более боеспособные группы сопротивления распространились по всему региону, включая новую Армию Ислама, численностью более 20 тыс. бойцов, в Ферганской долине. Там сопротивление большевикам приняло определенно религиозный характер, когда суфийские лидеры начали организовывать и финансировать несколько крупных боевых отрядов. Хотя оппозиция большевикам совсем не была единой, появились линии связи и поставок между Хивой, Бухарой и Ферганской долиной.

К январю 1922 года Ленин и Сталин признали полную утрату контроля над ситуацией в Туркестане. Резолюция Политбюро предписала местным гражданским властям и милиции сделать всё для разгрома *басмачей* (этим собирательным термином Москва стала обозначать все эти движения сопротивления). Силы Красной Армии в регионе увеличили, в то же время Фрунзе и Туркестанской комиссии предписали пойти на новые уступки туркестанцам. Были уничтожены запасы продовольствия и склады оружия «Армии Ислама», вели охоту на ее командиров, вынудив большинство бойцов вновь раствориться в населении. К концу 1923 года основных курбаши Ферганы разгромили, но стычки периодически продолжались почти весь 1924 год.

Бухара стала главным театром военных действий, сначала на западных равнинах, затем в восточной гористой местности, где в августе 1922 года выследили и убили Энвера. Это оказалось поворотным пунктом борьбы за Туркестан, хотя даже после прибытия подкреплений в 1923 году Красной Армии понадобилось еще два года для разгрома и изгнания оппозиции из гор нынешнего Южного Таджикистана.

Национальное размежевание и советское правление

Большевикам, начиная завоевание Средней Азии, предстояло решить, как организовать управление этой территорией. Хотя наркомом по делам национальностей в 1917–1922 годах был Сталин, ключевые решения принимал сам Ленин, пока позволяло здоровье. Интернационалист Ленин искренне хотел заручиться поддержкой всех народов империи, хотя понимал, что, совершая революцию, русские останутся ее авангардом. Каждый народ вести к социализму в идеале должны были собственные вожди, но по одному и тому же пути, лишь с небольшими вариациями, и под руководством РКП(б) в Москве. Этот взгляд отражен в Конституции СССР 1924 года.

Решить эту задачу оказалось трудно. Почти все нерусские коммунисты полагали, что только сами знают как строить социализм для своих народов; позднее из-за

мстительности Ленина и особенно Сталина пререкания стоили жизни некоторым способнейшим политическим деятелям Средней Азии. Главным оппонентом Ленина был Турар Рыскулов, член бюро Компартии Туркестана с 1919 года, а затем глава её мусульманского бюро и в феврале-июле 1920 года председатель ЦИК Туркестанской советской республики, фактически глава государства. На этом посту он вскоре вступил в конфликт с Фрунзе, а затем с самим Лениным, призвав организовать самостоятельную Тюркскую компартию для руководства независимой Тюркской республикой. Рыскулов доказывал, что среднеазиаты лучше воспримут социализм, если собрать их в единое независимое государство. Рыскулов не считал себя пантюркистом, поскольку правящая Тюркская компартия будет интернациональной, не паннационалистичной, и предотвратит развитие разных этнических общностей в нации европейского типа.

Предложение Рыскулова Фрунзе отверг сходу, а в мае 1920 года — и Ленин, видя в нём подтверждение глубокого укоренения «буржуазно-националистического» мышления среднеазиатов. Рыскулова отозвали в Москву, но осенью 1922 года в ходе кампании против басмачей назначили председателем СНК Туркестанской АССР. Однако Рыскулов отказался публично порвать с другом и коллегой, председателем Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б) Мирсаидом Султан-Галиевым, исключённым как национал-уклонист из РКП(б) в 1923 году за предложение объединить Башкирию, Татарстан, Среднюю Азию и части Афганистана, Персии в Туранскую республику, будущий авангард коммунизма на Востоке.

План Рыскулова создать независимую Тюркскую республику, требование Султан-Галиева большевикам смотреть больше на Восток, чем на Запад, и разрыв с большевиками председателя Башкирского революционного комитета Ахмета-Заки Валидова (бежал за рубеж после короткого флирта с басмачами Туркестана) — всё это крепило убеждение местных большевиков-европейцев, вроде Ф. И. Голощекина (член Кирревкома, будущий партийный босс Казахстана), что лишь извне реально принести революцию в Туркестан и Казахскую степь.

Когда Ленина сменил Сталин, жизнь мусульманских революционеров стала еще тяжелее. К 1922 году младобухарцам и младохивинцам пришлось либо принять генеральную линию, либо покинуть свои республиканские компартии, а национальных лидеров, таких как А. Фитрат или Байтурсунов, сместили с видных правительственных постов. Всё это были люди, ставшие на сторону большевиков в надежде, что те, как враги их врагов монархистов, помогут их народам добиться свободы и суверенитета, в которых отказал царь.

Даже после 1920 года какое-то время казалось, что Москва может дать республикам нечто вроде местной автономии. Однако, после составления проекта новой Конституции (принятой в декабре 1922 года, но не действовавшей до января 1924-го), стало ясно: власть сосредоточится в Москве. Туркестану и Казахстану, как составным частям РСФСР, даже не пришлось подписывать союзный договор 1922 года.

Весной 1924 года, после XII съезда РКП(б), Среднеазиатское бюро РКП(б) поставило вопрос об устройстве Средней Азии, обратясь за предложениями к трем ее компартиям. Переделанная административная карта, появившаяся в октябре 1924 года, хотя некоторые исследователи ныне утверждают, что её согласовали лишь к февралю 1925-го, делила регион на пять республик, советских предшественниц нынешних суверенных государств. Киргизскую республику, все еще ав-

тономную в составе России, переименовали в Казахскую, и добавили две исторически казахские области — Сырдарья и Семиречье, до этого входившие в Туркестан. Туркмения, созданная из западной части Хивы и Туркменского автономного района Туркестана, и Узбекистан стали союзными республиками. В Узбекистан включили Таджикскую автономную республику, получившую в 1929 году статус союзной республики. Столицу Узбекистана в 1930 году перенесли из Самарканда в Ташкент. Наконец, из прежней автономной области Туркестана выделили Кара-Киргизский автономный округ. В 1926 году он получила статус Киргизской автономной, с 1936-го — союзной республики.

Литература

- Аманжолова Д. А.: Казахский автономизм и Россия: История движения Алаш. М., 1994; Партия Алаш: История и историография. Семипалатинск, 1993.
- Басмачество. М., 2005.
- Буттино М. Революция наоборот: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007.
- Генис В. «С Бухарой надо кончать...»: К истории бутафорских революций. М., 2001.
- Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004.
- Пылев А. И. Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917–1920 гг. Выбор путей развития. СПб., 2005.
- Тоган З. В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997.
- Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре. Ташкент, 1926.
- Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.
- Чокай-оглы М. Туркестан под властью Советов. (К характеристике диктатуры пролетариата): Статьи, воспоминания. Алма-Ата, 1993.
- Allworth E. Central Asia: A Century of Russian Rule. New York, 1967.
- Bacon E. Central Asians under Soviet Rule. Ithaca, 1966.
- Olcott M. B. The Kazakhs. New York, 1987.
- Park A. G. Bolshevism in Turkestan, 1917–1927. New York, 1957.
- Sokol E. D. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, 1954.
- Wheeler G. The Modern History of Soviet Central Asia. New York, 1964.
- Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, MA, 1960.

| Украина |

МАРК ФОН ХАГЕН

Революционные события на Украине проясняют ограниченность обычного понимания и «Русской революции и Гражданской войны», и собственно «Украинской революции». Современное понимание Украины как геополитического, культурного и национального целого само оказалось продуктом спорных и часто очень противоречивых перспектив за кулисами постоянной международной и Гражданской войны. Сами обстоятельства, позволявшие разным претендентам на власть вообразить о достижимости своих политических грёз (ставили ли цель национального государства или социалистической революции), были те же, что сделали почти невозможным осуществление их честолюбивых проектов. Даже знакомые хронологические границы 1917–1921 годов упускают некоторые важнейшие процессы формирования политики в изменчивом регионе.

Историку необходимо обдумать хотя бы следующие перспективы (рискуя при этом прийти к выводу о гораздо бóльших последовательности и единодушии, чем позволяли реальные обстоятельства), чтобы начать осмысление драматичных сдвигов в политической власти, предопределивших судьбу сообществ, о которых идет речь.

1. Вообще говоря, власти Российской империи, руководство большинства российских политических партий (с небольшими вариациями слева направо) и их союзники, господствующие большевики и антибольшевистское Белое движение, действовавшие на территории бывшей Российской империи, все они рассматривали земли, на которые претендовало украинское движение, как неотъемлемую составную часть Российской империи, ее юго-западные губернии, а украинское население — как ветвь славянской семьи вместе с великороссами и белорусами. Эти партии в целом отдавали предпочтение сохранению Российского государства или социальным достижениям, а не каким-либо националистическим притязаниям.
2. Украинское движение, напротив, рассматривало эти земли и население как особые в пределах Восточной Европы; хотя внутри движения имелись глубокие разногласия о политическом будущем, от более широкой автономии в пределах федеративной Российской демократической республики (украинские социалисты-революционеры поддерживали эту позицию) до независимости, как правило, на началах отношений протектората с Австро-Венгрией, Германией (это решение отстаивал Союз Освобождения Украины) и Польшей — самыми популярными кандидатами. Украинские партии достигли высокой степени консенсуса в предъявлении прав на 9 губерний: Киевскую, Подольскую, Волынскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую. Кроме того, Холмская, Курская, Воронежская и другие губернии имели большое украинское население. В Австрийской империи украинское движение притязало на Восточную Галицию, Буковину и Закарпатье.

3. Власти Австро-Венгерской империи, их германские военные союзники, польское национальное движение и затем польское государство представляли собой третью сторону в украинских делах, надеясь использовать Украину как бастион против опасности со стороны России, каким бы ни был ее политический режим.

Важным обстоятельством тех лет, влиявшим на революционную ситуацию в землях между Российской и Габсбургской империями было растущее одобрение принципа национального самоопределения, как он изложен в 14 пунктах Вильсона или Лениным. Конечно, этот принцип продолжал встречать противодействие со стороны традиционных элит Западной и Центральной Европы, которые противились преобразованию великодержавной политики. С этой точки зрения революцию на Украине надо рассматривать и как часть истории Российской (скорее в широком имперском значении слова, чем узком этническом — русская) революции, истории Украины и в целом Восточной Европы 1914–1923 годов.

Важно вновь подчеркнуть, что Украина в первые два десятилетия XX века являлась политическим, территориальным, этническим и культурным символом, который оспаривался и поэтому неоднократно изменялся. Иначе говоря, не было такой Украины, в вопросе о которой все заинтересованные стороны в какое-то время пришли к согласию, даже отдельные партии часто имели в лучшем случае зародыш политической платформы. Само украинское движение разветвлялось на организации и учреждения с весьма утонченным и давним политическим опытом в габсбургских землях Восточной Галиции, и более зыбким в российских губерниях Киевского генерал-губернаторства, где легальные политические партии возникли только после Революции 1905 года, и Государственная дума была в лучшем случае почти парламентом с крайне ограниченным избирательным правом.

Русская оккупация Галиции в 1914 году впервые объединила обе эти части, но только до вытеснения в 1915 году русской армии на восток соединенными австро-германскими войсками. В контексте оккупационной политики, зачастую стравливавшей этнические сообщества, и соперничества воюющих держав за лояльность подвластных народов многонациональных династических империй, национальность как организационный принцип ежедневной борьбы за выживание приобрела новый смысл для социальных групп вне традиционных интеллигентских элит довоенных времён. Украинцы обоих воюющих лагерей, сохраняя лояльность собственным имперским суверенам, были среди тех сообществ, чья идентичность задела, и которые начали мечтать о послевоенной единой нации.

Все же к 1917 году весьма различающиеся традиции украинского движения в обеих империях, создали ряд противоречий, которые никогда не будут преодолены. Судьбы украинского движения (движений) далее усложнились присутствием на территориях, на которые оно претендовало, глубоко укорененных и значительных неукраинских меньшинств, главным образом русских, поляков, евреев и немцев. Эти группы также затронул подъем национальной политики. В то же время, национализм являлся лишь одним из нескольких полюсов, откуда сообщества озвучивали свои революционные устремления. На другом крайне важном полюсе был общественный класс. Партии и движения, основанные на классовом принципе, часто развивались поперек этнических и национальных границ.

Февральская революция и Центральная Рада

С отречением Николая II и приходом к власти Временного правительства началась радикальная перестройка имперской политики, которая вскоре вышла из-под контроля либералов и умеренных социалистов, возглавивших соглашение о двоевластии, а затем и коалиционный кабинет в Петрограде. Эта начальная коалиция призывала «общество» осуществить собственные революции и затем бередить хрупкие революционные инициативы. В Киеве несколько группировок конкурировали за право действовать от имени революции: либералы и некоторые умеренные социалисты организовали Исполнительный комитет Совета объединенных общественных организаций (ИКССО); другие социалисты пытались направить устремления рабочих, солдат и крестьян на Советы; украинские партии разного типа, главным образом либералы и умеренные социалисты (социалисты-революционеры, социал-демократы и социалисты-федералисты) 4 марта создали Центральную Раду из видных профессионалов и интеллектуалов, группировавшихся вокруг Общества украинских прогрессистов (Товариство українських поступовців, ТУП). К национальному движению, изначально опиравшемуся на интеллигенцию, вскоре присоединились солдаты и крестьяне. Все эти организации старались расширить свои первоначальные привилегии, особенно после быстрого развала власти во всей империи. В апреле Украинский национальный конгресс уполномочил Центральную Раду начать организацию союза всех народов империи, требовавших национальной и территориальной автономии. Рада оставалась в центре движения за реформирование империи по демократическому и федеративному пути; в сентябре она созвала в Киеве съезд автономистов, достижения которого, однако, вскоре быстро затмил большевистский переворот в Петрограде.

Рада постепенно стала важнейшим сосредоточием общеукраинского движения и все более претендовала на руководство процессами в 9 губерниях юго-западного генерал-губернаторства. Среди виднейших политиков Рады были историк Михаил Грушевский, писатель Владимир Винниченко, публицист и специалист по военным делам Симон Петлюра. Ее программа включала большинство требований дореволюционного украинского движения, сосредотачивая внимание на расширение автономии местного управления, на использовании украинского языка в преподавании, местном самоуправлении и суде, на особом решении земельного вопроса для украинских крестьян. В 1917 году добавились новые требования: признание украинских представителей на будущих мирных переговорах для решения вопроса о Галиции, формирование национальных украинских воинских подразделений, использование украинского языка в воинских частях и их отправка на «украинские» Юго-Западный и Румынский фронты.

Петроградский Совет и Временное правительство пытались ограничить эти местные инициативы и назначили своих комиссаров. Более того, в противовес Раде они поддерживали конкурирующий коалиционный орган ИКССО, предпочитая именно его контроль за происходившими переменами. Очень скоро вопросы о мире, социальной справедливости и национальной автономии вызвали столкновение петроградской власти и ее местных представителей с многими из противостоящих киевских властей. Однако благодаря неустойчивым коалициям и

политическим самоотождествлениям, особенно характерным для окраин Российской империи, петроградским политикам постоянно удавалось найти местную поддержку своей политике приспособления ко времени и обстоятельствам. Несколько «конституционных» кризисов 1917 года еще глубже вбили клин между Киевом и Петроградом. Когда Центральная Рада предприняла дальнейшие шаги по установлению своей власти расширением своего членства и включением в свой состав представителей русской, польской и еврейской общин, петроградские власти ответили изданием инструкции, ограничившей компетенцию киевского протоправительства. Летом и в начале осени Рада и слабеющее Временное правительство боролись по вопросам украинского суверенитета.

Эволюцию украинского движения можно проследить по ряду так называемых «универсалов» Центральной Рады 1917–1918 годов. I Универсал от 10 июня 1917 года установил подотчетную Раде зачаточную правительственную структуру во главе с Генеральным секретариатом, с ответственностью за военные и национальные дела, но без права налогообложения и без местных чиновников. II Универсал издан 3 июля сразу после переговоров Рады с делегацией Временного правительства, пообещавшей уступки в вопросе украинской автономии. Однако их соглашение, вызвало в Петрограде Июльский кризис, с уходом министров-кадетов из коалиционного правительства. Новое коалиционное правительство заняло более жёсткую позицию в отношении требований Рады. В Киеве украинизированные воинские части обвинили умеренных членов Рады в капитулянтстве. 2-й украинский полк имени гетмана Полуботка попытался свергнуть Раду, ей пришлось для восстановления порядка вызвать украинский полк имени Богдана Хмельницкого. Солдаты стали играть всё более важную роль во всех протоправительствах, претендовавших на власть на украинской земле.

Октябрьская революция и провозглашение независимости

Тем временем консервативная оппозиция слабющему коалиционному правительству Керенского в Петрограде связала с генералом Корниловым надежды на предотвращение политической радикализации и развала империи. Корниловский инцидент подкрепил усиливавшееся убеждение Центральной Рады, что русский либерализм ненадежный союзник. Отношения с правительством Керенского были столь враждебны, что после переворота большевиков в Петрограде Рада и ее воинские части на краткое время объединились (несмотря на горячую оппозицию русских кадетов, эсеров, меньшевиков, и Бунда) с большевиками Киева в территориальном Комитете охраны революции на Украине и боролись против местных войск, верных Временному правительству. Вскоре большевики получили приказ выйти из этого комитета, но Рада и её Генеральный секретариат вынудили «контрреволюционные» вооруженные силы Временного правительства покинуть Киев. 7 ноября Рада издала III Универсал, который провозгласил Украинскую Народную Республику (УНР) и потребовал созвать Украинское Учредительное собрание, провести принцип национально-персональной автономии и разные социальные реформы. Однако вместо объявления полной независимости в нём говорилось о сохранении связи с демократической федеративной Россией. Рада согласилась с большевистским Декретом о земле, заимствованным из программы партии эсе-

ров, но эта запоздалая реакция на требования земельной реформы не помогла добиться большей поддержки крестьян. Петлюра также пытался укрепить власть Рады на Юго-Западном и Румынском фронтах и добиться согласия генерала Духонина объединить их в Украинский фронт.

На ноябрьских выборах во Всероссийское Учредительное собрание украинские эсеры и Украинский Крестьянский союз получили значительное большинство голосов в 9 губерниях, на которые Рада пыталась распространить свою власть (53% голосов поданных на Украине и 71% голосов сельских избирателей), что Рада восприняла доказательством своей легитимности. Голосующих за украинские партии привлекали лозунги мира, отдельного украинского земельного фонда для обещанных аграрных реформ и украинской автономии внутри реформированной Российской Федерации. Однако Рада не смогла перевести эту поддержку в более прочную и всеобъемлющую власть. Она практически не предприняла попыток установить контакт с губерниями за пределами Киевской и аграрного Правобережья. Её ослабили разногласия среди трех ведущих украинских партий и многочисленных русских, еврейских и польских партий, а также личное соперничество социал-демократических вождей Рады Винниченко и Петлюры.

Более серьезным испытанием для Рады стала ее конфронтация с Советом народных комиссаров в Петрограде. 4 декабря СНК предъявил Раде ультиматум с требованием не допускать возможность прохода вражеских сил через украинскую территорию. Одновременно в Киеве большевики созвали Всеукраинский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, однако подавляющее большинство участников съезда выступило против ультиматума и призвало русских товарищей создать социалистическую федерацию. После провала попытки низложить Раду в Киеве, большевики перешли в Харьков, где созвали Всеукраинский съезд Советов, который объявил Раду вне закона и организовал первое украинское советское правительство — Народный Секретариат Украинской Народной республики. Большевики на Украине, как и члены других партий, делились на более лояльных к Москве (организация Донбасса–Кривого Рога с центром в Харькове) и более украинофильское крыло (юго-западная организация с центром в Киеве). Эти противоречия осложнили отношения между местными организациями и ленинского СНК. Для усиления позиции СНК в Харькове полковник М. А. Муравьев в середине декабря привёл на Украину 30-тысячную русскую советскую армию, к которой присоединились отряды Красной гвардии Харькова и Донбасса.

Вторжение проходило на фоне мирных переговоров между Совнаркомом и Центральными державами в Брест-Литовске. Рада добивалась заключения сепаратного мира, который был подписан в то время, когда Красная гвардия захватывала основные украинские города. 9 января 1918 года Рада в IV Универсале провозгласила независимость Украинской Народной Республики (УНР), но всё ещё надеялась на будущие федеративные связи с демократической Россией. Украинские большевики и левые эсеры протестовали против тяжелых условий мира и попытались свергнуть украинское правительство, но командующий украинской армией арестовал главных заговорщиков и сорвал их планы. Предусмотренные договором уступки немцам и австрийцам вызвали правительственный кризис, на смену преимущественно социал-демократическому правительству Винниченко пришел новый эсеровский кабинет Володимира Голубовича. Большевики после 12-дневного обстрела захватили Киев и удерживали три недели. После победы красных серьезные разногласия вызвали раскол советского украинского прави-

тельства, переехавшего из Харькова в Киев; несколько его членов-украинцев ушли в отставку и перешли в оппозицию русским большевикам. Бежав в Житомир, Рада вернулась с немецкой армией и сечевыми стрельцами. Большевиков изгнали, установлен был оккупационный режим Центральных держав. По Брестскому миру большевики согласились признать независимость Украины, вывести из неё красные войска и прекратить формирование советского украинского правительства. В конце апреля большевики бежали с Украины. Их более украинофильское крыло созвало учредительный съезд Украинской коммунистической партии.

Гетманщина

Вскоре Центральная Рада своим социалистическим аграрным законодательством вызвала недовольство и германских оккупационных властей, и крупных землевладельцев, начавших карательные экспедиции против крестьян. В апреле главнокомандующий германскими войсками на Украине фельдмаршал фон Эйхгорн и германский комендант генерал Вильгельм Грёнер, с ведома Лиги Землевладельцев, составили заговор против Центральной Рады и провозгласили гетманом Украины Павло Скоропадского, бывшего адъютанта Николая II и командира 1-го Украинского армейского корпуса в 1917 году. Сечевые стрельцы оказали слабое сопротивление. И вместо УНР появилась Украинская Держава Скоропадского. Выполнение фундаментального проекта создания украинской нации-государства взяло на себя Временное правительство Украины, сформированное из представителей либеральной и консервативной землевладельческой и деловой элиты, включая кадетов и октябристов. Украинские социалистические партии отказались сотрудничать с гетманщиной и сгруппировались вокруг Украинского национального союза с целью защиты своей националистической программы и независимости Украинского государства.

Режим Скоропадского гораздо более, чем Рада, преуспел в государственном строительстве и даже в деле украинизации, но за своё недолгое существование вызвал отчуждение у движения националистов, настроил против себя большинство крестьян своей политикой восстановления частной собственности, многих бывших землевладельцев — своей неспособностью защитить их собственность, а своим запретом стачек он утратил поддержку рабочего движения. С бегством русской элиты с большевистского севера в Киеве, в нём усилилось русское влияние. «Русский союз» и офицерские организации содействовали Белому движению и питали очаги русской национальной оппозиции. Гетманская концепция Украины была основана на принципах гражданства и территории, но не была строго ограничена этническими украинцами. Многие члены кабинета Временного правительства Украины были твердо убеждены, что Украина должна служить базой антибольшевистского движения для восстановления единой России. Неудивительно, что украинские партии бойкотировали попытки Скоропадского наладить сотрудничество.

Летом атаман Юрий Тютюник возглавил крестьянское восстание против режима Скоропадского и Центральных держав. Отношения с оккупационными властями также становились напряженными. Немцы отказались разрешить украинцам сформировать украинскую армию, а австрийцы отвергли украинские притязания на Восточную Галицию. Ещё до признания Центральными державами своего по-

ражения в мировой войне, Скоропадский сумел привлечь нескольких членов Национального союза в коалиционное правительство. Однако вскоре заигрывания гетмана с белыми спровоцировали оппозиционные силы Национального союза к восстанию против него, и ему пришлось бежать вместе с отступающими немецкими войсками. Петлюра провозгласил образование Директории и издал собственный универсал верховного командующего; он повел сечевых стрельцов и крестьян-добровольцев на Киев, который защищали только русские офицеры. Директория прибыла в Киев 19 декабря и от имени трудящихся провозгласила новую Украинскую Народную республику (УНР), объявив себя союзницей мировой революции. Поскольку оба ведущих социал-демократа в Директории, Винниченко и Петлюра, не смогли достичь согласия по политическим вопросам, значительной властью в Киеве пользовался командир сечевых стрельцов Евгений Коновалец.

Директория и крах единой Украины

Вывод армий Центральных держав открыл путь для объединения обеих Украин, что не могло не вызвать враждебности польских националистов. 16 октября 1918 года, ещё до капитуляции Австрии и Германии, новый австрийский император Карл I Габсбург объявил о преобразовании своей империи в федеративный союз самостоятельных государств. Лидеры украинских парламентариев в австрийском Имперском совете в ответ создали во Львове Украинскую Национальную Раду. Она объявила себя учредительным органом и возглавила командование всеми солдатами-украинцами. Когда австрийские власти Львова отказались передать власть украинцам, Украинский Центральный военный комитет захватил все основные правительственные здания, и вскоре руководство украинских политических партий провозгласило Западно-Украинскую Народную Республику (ЗУНР). В ответ польские подпольные военные организации подняли восстание и выбили украинцев из Львова. Началась Украинско-польская война.

Гетман отказался помочь галицийским украинцам, но Директория в Киеве оказалась отзывчивее на просьбы о помощи. 22 января 1919 года, посреди хаоса, вызванного новым большевистским вторжением на Украину, был согласован Акт о союзе, согласно которому ЗУНР, сохраняя значительную автономию, присоединилась к УНР. Существование «единой Украины» оказалось совсем недолгим. Судьбу западно-украинского эксперимента решили союзные представители на мирных переговорах и притязания новой независимой Польши не только на Галицию, но и более обширную часть Западной Украины. В начале 1919 года поляки начали общее наступление. Западно-Украинское правительство в ответ наделило Евгения Петрушевича полномочиями диктатора и для отражения наступления назначило нового командующего армией. Несмотря на протест союзников, польские войска летом 1919 года оттеснили галицийцев в Восточную Украину, где 40 тыс. отступавших солдат пополнили расстроенные войска Петлюры.

Вскоре после своего провозглашения и весь 1919 год новая УНР противостояла двум грозным соперникам в борьбе за власть: большевистскому Временному рабоче-крестьянскому правительству Украины и Добровольческой армии на юге. Украинские большевики во времена гетманщины находились в Москве. После большевистского вторжения на Украину в декабре 1918 года мирные переговоры

провалились, и 16 января 1919 года Директория объявила войну РСФСР. Через две недели большевики изгнали Директорию из Киева и поставили у власти Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. Второе советское украинское правительство возглавил Георгий Пятаков. Его правление отмечено усилиями по централизации, новой русификации и подавлению «буржуазного» украинского национального движения. Продолжение разногласий в большевистском движении на Украине привели к реорганизации правительства Украинской Социалистической Советской Республики (УССР), его председателем стал Христиан Раковский. Давление Москвы с целью подчинить украинское правительство продолжало расти. Был предпринят коалиционный эксперимент с партией «боротьбистов». Это отколовшееся от украинских эсеров левое крыло выступало за крестьянский социализм, советский федерализм, защиту и развитие украинской культуры. Коалиция продержалась лишь до конца лета 1919 года, когда украинское советское правительство бежало от наступавших белых и украинских войск.

Директория обосновалась в своей временной столице Виннице, где протоправительству Петлюры не оставалось иного выбора, как просить помощи у союзников. Однако всё более сильной критике его подвергали лидеры украинских эсеров и социал-демократических партий, требовавшие заключить мир с РСФСР и образовать УССР. Винниченко предложил создать союз советских республик с участием Украины от Венгрии до России, направленный против держав Антанты, Польши и Румынии. Надежды на поддержку Директории Антантой были весьма слабы. Антанта помогала Белому движению, руководимому Добровольческой армией, командование которой не выказывало намерения отказаться от своего лозунга «единой и неделимой России». После падения режима Керенского консервативная оппозиция в бывшей Российской империи считала украинское движение угрозой своим мечтам восстановить единую «Великую Россию» и отвергало все предложения создать объединенную антибольшевистскую коалицию с последовательно сменяющимися украинскими правительствами, пока все эти силы не разбила Красная Армия. Французские войска быстро оккупировали Одессу, но союзники не шибко разбирались в местной политической обстановке, не имели ясных дипломатических и военных целей. На Парижской мирной конференции ни одна великая держава не согласилась признать Украину, а попытки Польши настоять на расширительном понимании размеров «исторически польских земель» содействовали провалу попыток украинской делегации добиться от победителей в Версале признания своей государственности.

Генерал Антон Деникин, главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (ВСЮР), весной 1919 года начал генеральное наступление на Москву через украинскую территорию. Галицийские командиры, бежавшие на восток от польского наступления, образовали непрочный союз с Петлюрой и совместно двинулись на Киев как раз в тот момент, когда армия Деникина вступала в разоренную столицу. Эта «совместная» оккупация вызвала новый конфликт, так как белые соглашались иметь дело с галицийцами, но не желали переговоров с представителями Директории, считая их предателями; договор, подписанный галицийскими командирами с русскими о переходе галицийских войск в подчинение командования ВСЮР для совместной борьбы против большевиков, был отвергнут, как предательство, их несостоявшимися восточно-украинскими соотечественниками. Деникин тем временем попытался свернуть украинскую революцию; он назначил новое правительство, в котором все ключевые посты занимали русские, подавил

аграрное кооперативное движение, запретил использовать украинский язык и отказался признать существование украинской нации, отдавая предпочтение теории, что украинцы на самом деле малороссийская ветвь русского народа.

В то время как Украина стала главным объектом борьбы между основными враждующими силами в послевоенной Восточной Европе и в Киеве сменилось несколько слабых протоправительств, 1919 год был отмечен триумфом «атаманщины» — украинской версии местного милитаризма и партизанского повстанчества. В конце весны крестьяне поднялись против аграрной политики Украинского советского правительства, напоминая ту, от которой в самой России отказались несколькими месяцами ранее. Вооруженные группы крестьян, в которых нередко участвовали эсеры интеллектуалы и которыми руководили люди с профессиональной военной подготовкой, выступали от имени крестьянской революции против всех внешних сил. Среди колоритных вожakov были Нестор Махно, Данило Зелёный и Микола (Николай) Григорьев; некоторые атаманы организовали штабы для ведения дел в районах, которые временно занимали. Ни один из претендентов на власть в регионе не мог долго рассчитывать на лояльность атаманов. В зависимости от собственного ощущения стратегической выгоды и от степени преданности своими недавним союзникам, они вставали на сторону то большевиков, то Петлюры, то белых, а затем сражались против всех них. Хотя многие крестьянские армии выступали под лозунгами независимой Украины или социалистической революции, борьба их была направлена в первую очередь на собственное выживание и самозащиту. Отсутствие сильного центрального правительства также способствовало установлению царства беззакония и насилия, проявлением которого стала волна еврейских погромов в селах и городах бывшей черты оседлости.

Заключение

Опыт 1919 года позволяет полагать, что идея объединенной Украины не смогла глубоко укорениться или получить какой-либо широкий консенсус даже среди политических и военных элит её частей. Основная линия раскола между Западной и Восточной Украиной демонстрировалась различными ориентациями их руководств на протяжении короткого периода первичного объединения; Петлюра, придерживавшийся резко антирусской версии украинской политики, готов был иметь дело с поляками ради собственного выживания, тогда как его галицийский коллега Петрушевич видел большее зло в Польше и проявлял готовность к союзу с Белым движением. В эмиграции галицийские активисты образовали Украинский Национальный комитет, тщетно выступавший за «полное восстановление Украины в пределах ее этнографических границ, объединенной на федеративных началах с сильной Россией». Петлюра же стремился объединиться с Польшей в борьбе против большевиков весной 1920 года, несмотря на явно экспансионистские цели поляков и арест ими лояльных сечевых стрельцов. К этому времени значительная часть сил Петлюры перешла к красным или к какому-либо атаману. Более того, среди восточных украинцев непримиримые политические разногласия по коренным проблемам внутренней и внешней политики также препятствовали единству действий в ключевые моменты. Во время Советско-польской войны военные действия происходили, прежде всего, на землях, которые украинское движение счи-

тало своими. Петлюра снова вступил в Киев, чтобы сформировать свой последний кабинет, но в июне большевики вновь заняли город. Эта война ещё больше обострила противоречия среди уцелевших украинских партий и сделала бесплодными все попытки государственного и национального строительства со стороны любой из них.

При подготовке третьего вторжения советских армий на Украину Григорий Петровский в декабре 1919 года был назначен главой временного правительства — Всеукраинского Революционного комитета. К марту 1920 года советские силы установили контроль над большинством губерний Восточной Украины. Третье украинское советское правительство, казалось, извлекло уроки из первых двух провальных экспериментов. По крайней мере, часть руководства большевиков считала политически необходимым соглашение с националистическим движением во имя борьбы против исторического русского «великодержавного шовинизма». Они создали нечто вроде правительственной коалиции с «боротьбистами», партии которых, тем не менее, пришлось самораспуститься, в то же время большевистская партия очищалась от украинских федералистов. Видное место бывших «боротьбистов» в украинском советском правительстве в значительной степени объясняет успех политики украинизации (местный вариант «укоренения») в 1920-е годы. Эта политика включала официальную поддержку украинского языка и культуры, выдвижение этнических украинцев на общественные должности и другие меры по развитию украинской идентичности. По иронии судьбы именно эти меры отстаивало украинское движение почти с самого зарождения и именно их с той или иной степенью успеха преследовали все украинские правительства в 1917–1920 годы. В этом смысле ещё долго после окончания революций наследие украинского движения определяло форму советского правления на Украине.

Литература

- Антонов-Овсеенко В. Записки о Гражданской войне: В 4-х т. М., 1924–1932.
- Верстюк В., Осташко Т. Діячі Української Центральної Ради. Біографічний довідник. Київ, 1998.
- Винниченко В. К. Відродження нації: В 3-х т. Київ, 1920.
- Дорошенко Д. История Украины 1917–1923 гг. Ужгород, 1930–1932.
- Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). М., 1936.
- Петлюра С. Главный атаман. В плену несбыточных надежд. М.; СПб., 2008.
- Рафес М.: Два года революции на Украине. М., 1920; Накануне падения гетманщины. Из переживаний 1918 года. Киев, 1919.
- Савченко В. А. Симон Петлюра. Харьков, 2004.
- 1918 год на Украине. М., 2001.
- «Украинский вопрос» и революционные события в России 1917 года. СПб., 2006.
- Федюшин О. Украинская революция. 1917–1918. М., 2007.
- Хаген М., фон История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005.

- Христюк П.* Замітки і матеріали до історії Української революції 1917–1920 рр. Нью-Йорк, 1969.
- Adams A.* Bolsheviks in the Ukraine: The Second Campaign, 1918–1919. New Haven, 1963.
- Borys J.* The Sovietization of Ukraine 1917–1923: The Communist Doctrine and Practice of National Self-Determination. Edmonton, 1980.
- Davies N.* White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War, 1919–1920. New York, 1972.
- Eley G.* Remapping the Nation: War, Revolutionary Upheaval and State Formation in Eastern Europe, 1914–1932 // Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective / ed. by Potichny P. J. and Aster H. Edmonton, 1988.
- Himka J. P.* The National and the Social in the Ukrainian Revolution of 1917–1920 // Archiv für Sozialgeschichte. 1994. 34.
- Procyk A.* Russian Nationalism and Ukraine: The Nationality Policy of the Volunteer Army during the Civil War. Edmonton; Toronto, 1995.
- Reshetar J.* The Ukrainian Revolution, 1917–1920: A Study in Nationalism. Princeton, 1952.
- The Ukraine, 1917–1921: A Study in Revolution / Ed. by T. Hunczak. Cambridge, MA, 1977.
- Voline [Eikhenbaum V.M]* The Unknown Revolution. Detroit, 1994.

Предметный указатель

- Аборт 410, 413
Абхазы 642
Августовский блок 1912 173
Августовский путч 1991 282
Австро-Венгрия 17, 52–55, 57, 82, 101, 162,
173–174, 200, 628, 675–676
 Революция 1918 57
Автономизм 565, 625–626
Автономия:
 национальная 214, 565, 620, 622, 626,
 638, 677
 национально-культурная 620, 625–627
 национально-религиозная 563, 630
 образования 366, 369–371, 514
 политическая 467, 621, 644, 646
 пролетарской культуры 516–517
 профсоюзов 397, 401
 среднего образования 366, 369–373
 территориальная 217, 226, 311, 430, 565,
 619–620, 625, 627, 633, 649, 677
 казачья Дона, Кубани и Терека 106,
 204, 286, 498–499
 казахская 668–669, 673–674
 Польши 214, 619
 Сибири 654–655
 Туркестана 664, 668, 673
 Украины 215, 266, 619, 622, 629, 675,
 678–679, 681
 Финляндии 214
Агитпроп 515
Агрономы 473, 565
Агудас Исраэль, объединение партий 630
Адвентисты 433, 435
Адвокаты 129, 139, 212–213, 452, 566
 «Азбука коммунизма», книга
 Н. И. Бухарина,
 Е. А. Преображенского 407, 515,
 605–606
Азербайджан 641–642
Азербайджанцы 622, 637, 641–642
Академические свободы 514
Академия Генштаба России 198, 199,
206, 290
Академия наук 18, 125, 181, 183, 199, 515,
520, 572
Академия народного искусства
(1918–1920, Витебск) 634
Академия художеств СССР 181
Алаш, партия 665
Алаш-Орда, правительство 664–666,
670, 674
Александрополь 641
Александро-Невская лавра 387
Алексеевская организация 200, 286
Америка Северная (см. также:
 Канада, США) 143
Америка Южная (Латинская) 181, 203,
205, 293
Американский Красный Крест 112–113,
175, 379
Амур, река 111, 495
Амурское казачье войско 495
Анархисты 274–284, 357–358, 446, 448, 571
 ассоционные 275
 безмотивники 274
 индивидуалисты 274
 коммунисты 273–282, 379, 488
 махновцы 274, 278–279, 283
 мистики 281
 подполья 279–280
 синдикалисты 274, 276–277, 280–282, 443
 «советские» 278, 279
 современные 281–282
 универсалисты 280
 федералисты 278, 280
 «чёрнознаменцы» 274
 экспроприаторы 274
Анархистская конференция
(1917, Харьков) 276
Анархо-максималистское восстание
(17–19 марта 1918, Самара) 278
Анархо-синдикалистов съезд
(1917, Москва) 277
Англиканская Церковь 574
Английская революция XVII в. 271, 488
Англия, англичане см.: Великобритания

- Анналов школа 26
- Антанта (франко-русско-британский союз; союзники; см. также: Великобритания, США. Франция, Япония) 18, 56–59, 67, 72, 81–82, 100–102, 104, 106, 108–109, 111, 113, 115, 134, 157, 194, 201–202, 229, 286, 289, 291–292, 296, 302, 378, 633, 641–642, 657–659, 670, 681–682
- Антивоенные агитация, пропаганда и настроения 58, 81, 193, 223, 231, 254, 269, 282, 334, 559
- Антиинтеллигентские настроения (см. также: Высылка 1922) 133, 176–177, 269
- Антикоммунизм, антикоммунисты 58, 99, 105–106, 275, 286, 294, 414, 561
- Антисемитизм, антисемиты (см. также: Еврейские погромы) 29, 219, 279, 403, 522, 552, 571, 618, 625–626, 632–634
- Антоновична см.: Крестьянские армии, армия Антонова
- «Апрельские тезисы» В. И. Ленина 45, 80, 139, 142, 242, 244, 335
- Апрельский политический кризис 36, 71–77, 80–81, 156–157, 159, 193, 199, 215, 225, 242, 245, 300, 379, 427, 446, 639
- АРА (Американская организация помощи) 112, 590–593
- Арабы 491
- Аргентина 205
- Аристократия 11, 52, 164, 185, 289, 367, 452–459, 471, 520, 530
- Арктика 199, 570
- Армия Ислама 672
- Армения 463, 638, 641–642
- Армяне 227, 321, 462–463, 467, 569, 617–618, 620, 622, 637–642
- Архангельск и губерния 103, 108, 111, 292, 330, 618
- «Архангельское», имение 177
- Архивы:
- Бахметевский архив Отдела редких рукописей Библиотеки Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) 207, 209, 592
 - Библиотека Конгресса США (Вашингтон) 209
 - Библиотека Лили Индианского университета (США) 183
 - Государственного департамента США (Вашингтон) 174
 - Государственный архив Российской Федерации (Москва) 183, 209, 229, 238, 294, 295, 316, 431–432, 437, 575, 593
 - Гуверовский институт войны, мира и революции (Стэнфорд, США) 106, 183, 209, 592
 - Международный институт социальной истории (Амстердам, Голландия) 182
 - Музей истории религии (Петербург) 437
 - Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Петербург) 437
 - Президента Российской Федерации (Москва) 183, 394
 - Российский государственный архив социально-политической истории (Москва) 12, 183
 - Российский государственный архив экономики (Москва) 238
 - Российский государственный военно-исторический архив (Москва) 209
 - Российский государственный военный архив (Москва) 209
 - Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (Москва) 229, 238, 432
 - «Русское зарубежье», библиотека-фонд (Москва) 209
 - Свято-Троицкого монастыря (Джорданвилл, США) 209
 - Службы внешней разведки России (Москва) 183
 - Толстовского фонда (штат Нью-Джерси, США) 209
 - Федеральной службы безопасности (Москва) 183, 394
 - Хогтонская библиотека Гарвардского университета (США) 180, 182
 - Центр хранения историко-документальных коллекций (Москва) 209
 - Центральный государственный архив Санкт-Петербурга 15
 - Астраханское казачье войско 495
 - Астрахань и губерния 330, 281, 549, 591
 - «Атаманщина» 657–658, 683
 - Афганистан 176, 360, 671, 673
 - Ахдус, еврейская объединенная партия 630
 - Бакинская коммуна и ее комиссары 278, 641
 - Баку и губерния 28, 597, 637–642
 - Балканские войны 55
 - Балканы 54–56, 154, 173, 311, 569–570
 - Балтийский флот 90, 199, 311
 - Банки дореволюционные 42, 329, 529, 534, 538
 - Крестьянский поземельный банк 349
 - национализация 314, 387, 536, 578, 584–585
 - Банки иностранные 571
 - Франко-китайский банк 205
 - Банки советские:
 - Госбанк 170

- Сельскохозяйственный банк 170
- Банкиры, финансисты:
 российские 174, 528, 530, 537, 628
 иностранные 109, 174, 529, 537
- Басмачи (курбаши) 669–674
- Батум 637, 641
- Башкирия 170, 591, 673
- Башкирский корпус 290
- Безработица 440, 510, 544–545, 571, 591,
 599–603, 628
- Беженцы Первой мировой войны 36,
 461–469, 569–570
- Бежецк 380
- Белград 55, 206, 572, 574
- Белое движение 49, 100–104, 157, 198–209,
 218–220, 228, 286–295, 356, 431, 463, 520, 522,
 525–526, 569, 587, 633, 675, 680, 682
- Белоруссия 99, 100–101, 336, 359, 388, 416,
 430, 454, 630, 635
- Белорусы 200, 238, 321, 621, 624, 675
- Белосток 274
- Белые армии 25, 111–112, 152, 198, 205,
 217–218, 223, 259, 279, 286–295, 305, 356–357,
 390, 403, 424, 474, 523–526, 560–563, 569–570,
 587, 633, 658, 661
 Армия Колчака 101–103, 111, 201–202,
 219, 289–293, 357, 659–660
 Добровольческая армия 100, 102, 110,
 157, 200, 203, 207–210, 218–219, 286–293,
 403, 446, 488, 497, 499–500, 524–526,
 681–682
- Кубанские походы:
 1-й (Ледяной) 287, 293
 2-й 287
- Вооруженные силы Юга России
 101–102, 201–203, 210, 219, 286–287, 358,
 563, 590, 682–683
- Кавказская армия 102, 203, 288
- Русская армия Врангеля 104, 113, 157,
 203–204, 289, 563
- Северная армия 202, 292, 508
- Северо-Западная армия 103, 112,
 201–202, 291–292, 590
- Западная добровольческая армия 207
- Берлин 53–56, 58, 158, 207, 220,
 569–573, 650
- Болгария 154, 206, 274
- Болезни, эпидемии 105, 131, 185, 204, 288,
 431, 463, 465–466, 475, 490, 561, 571, 586, 589,
 595–597, 601–602, 642
- Боливия 205
- Большевики, см. РСДРП(б)
- Бонапартизм 129, 134, 153, 423
- Борисоглебск 167, 380
- Босфор и Дарданеллы 55, 72, 199, 214, 286
- Браки и разводы 409–413, 453, 476, 601
- Братание на фронте 80–81, 86, 276, 378
- Брест-Литовские переговоры 86, 175, 264,
 336, 554, 649–651, 679
- Брестский (Брест-Литовский) мирный
 договор 57–58, 110, 144, 167–168, 175, 218,
 235–237, 256–257, 264–268, 270, 277, 336–337,
 388, 416, 560, 581, 648, 680
- Брюссель 206, 252
- Брянск 323
- Бугуруслан 382
- Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз
 в Литве, Польше и России), бундовцы
 151, 620, 625–626, 628, 631, 633, 635, 678
- Буржуазия:
 мировая 179, 180, 281
 Германии 529, 644
 России (см. также: Промышленники):
 до 1917 61, 140, 185–186, 192, 529, 626
 в 1917 24, 65–66, 71, 84, 88, 90, 150, 152,
 154, 156, 186–187, 232, 240–241, 488,
 565, 566, 640
 после октября 1917 314, 321, 484, 545,
 579, 586
 при НЭПе 117, 613
 «буржуазия мелкая» 567, 656
- Бухара (Бухарский эмират) 617, 664–667,
 669, 671–672, 674
 младобухарцы 669, 671, 673
- Бухарская компартия 671
- Бухарская народная республика 671
- Бюрократия, чиновники:
 до 1917 69, 163–165, 423, 452–453, 456,
 458, 464, 487, 503, 524, 530, 537, 608, 618
 в 1917 445, 534, 544, 566, 646
 советская 116–119, 174, 178–179, 261, 265,
 267–270, 353–354, 402, 423–424, 431,
 487–488, 547, 568, 580, 586, 608–609, 611
- Варшава 104, 113, 279, 343, 462, 569–570
- Великобритания (Англия, Ирландия, Уэльс;
 британцы, англичане) 8–14, 19, 23, 52–53,
 56–60, 101–102, 106, 109–114, 174, 201–202,
 204, 280, 288–292, 297, 321, 347, 365, 379,
 455–456, 458, 465, 473, 529–530, 533, 592, 631,
 641–642, 651, 657, 659, 669–670
- Великое княжество Финляндское
 см.: Финляндия
- Венгрия (см. также: Австро-Венгрия)
 452, 682
- Веротерпимость 433
- «Вехи», сб. статей 483–484, 492–493, 573
- ВИКЖЕЛ (Всероссийский исполнительный
 комитет союза железнодорожных рабочих
 и служащих) 85, 96, 227, 234, 238,
 248, 566
- Вильно 378
- Витебск 380, 466, 573, 634
- Владивосток 99–100, 108, 111, 203, 293, 380,

- 655, 657–661
Владимирская губерния 540
Водка (см. также: Пьянство) 178, 353, 359, 518
Военная лига 378
Военно-промышленные комитеты 64, 165, 186, 332, 378, 532–533, 565
Рабочие группы 64, 440, 533
Военно-революционные комитеты (ВРК) 87
Анархистский 276
Иркутский 291
Московский 332
Петроградский 94, 97, 139, 276, 382, 446
Эстонии 649
Военно-революционные суды 82, 199
«Военный коммунизм» 18, 26, 28, 44, 122–124, 126, 176, 264, 267–268, 270–271, 321, 343, 363, 368, 444, 488, 510–511, 540, 549–550, 578–589, 612, 614, 669
Воинская повинность 78, 175, 435–436, 664
Войсковые комитеты 27, 40, 46, 73–89, 129, 133, 135–136, 199, 223, 256, 299, 301, 305, 334, 340–341, 377, 418, 420, 428, 559, 563
Волга (см. также: Поволжье) 99–102, 229, 257, 290, 356, 358, 454, 658
Волжский фронт 100
Вологда 467
Волостные комитеты 350–351, 505, 565
Волынская губерния 463, 675
Воронеж и губерния 227, 323, 359–360, 675
8-часовой рабочий день 192, 201, 212, 298, 441, 533, 544, 630
8 марта, международный женский день 170, 411, 473
Врачи, медики, фельдшеры 79, 212, 216, 373, 411, 413, 424, 466, 473, 565
 медицинское обслуживание 329, 331, 397, 413, 465, 467, 567, 591
Временное Всероссийское правительство (Уфимская директория) 99, 101, 196, 201, 219, 289, 403 658–659
Временное правительство России (1917) 25–28, 33, 37, 40–42, 47, 58, 64–75, 78–84, 86, 88, 90, 92–95, 98, 109, 112–113, 128, 137, 139, 142, 148–149, 156–157, 174, 184, 186–191, 193–195, 199, 201, 213–217, 220, 225–229, 232, 234, 237, 241–249, 254–256, 271, 275–276, 296–311, 316, 329–332, 350, 369, 377, 379–382, 385–386, 399, 422, 426–429, 433, 441–442, 446, 488, 498, 505–507, 523–525, 535–536, 544–545, 551, 553–554, 558–563, 566–567, 571, 582–583, 607–608, 618–619, 621–622, 624, 639, 645–649, 655, 658, 664–668, 677–678
 Директория 303
 Министерства:
 внутренних дел 67, 300–302, 310, 330–331, 377, 379, 433, 658
 военное и морское 131–134, 302, 380, 522
 земледелия 174, 194, 225, 287, 301, 330, 505, 599, 644
 исповеданий 386
 иностранных дел 67, 71–72, 156–157, 193–194, 215
 продовольствия 607–608
 просвещения 368–369, 385
 торговли и промышленности 301, 534
 труда 43, 194, 246, 301, 443
 финансов 42–43
 юстиции 128
 Главный продовольственный комитет 566
 Государственный комитет народного образования 367–369
Постановления:
 «Временные правила о производстве выборов гласных Городских дум» 331
 «О рабочих комитетах в промышленных предприятиях» 441
 «О свободе совести» 385–386
 «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» 386
 «Об утверждении Конституции Великого княжества Финляндского» 618, 621
 «Об учреждениях по делам печати» 377
Временное правительство Северной области 292
Временное рабоче-крестьянское правительство Украины 681–682
Временное Сибирское правительство 499, 658
Временный совет Российской республики (Предпарламент) 190, 242, 247–249, 303–304, 567
Всероссийская Еврейская конференция 1917 629
Всероссийский Главный штаб 341
Всероссийский союз городов 186, 328, 332–333
Всероссийский союз торговли и промышленности 534
Всероссийский союз евангельских христиан 434
Всероссийский съезд старообрядцев всех согласий (1917) 434
Всероссийский учительский союз 367–369
ВСНХ (Высший совет народного хозяйства) 205, 332, 400, 447–449, 536, 547, 581–583, 585
 областные СНХ 448–449
 I съезд советов народного хозяйства 448
Вторая мировая война 58, 180, 208, 461, 595
ВЧК см.: Чрезвычайные комиссии

- Выборгская сторона Петрограда 62–63, 73,
 275–276, 381, 442
 Выборгское воззвание (1906) 155–156
 Высшая школа 370–374
 Высшие военно-научные курсы
 проф. Н. Н. Головина 206
 Высылка 1922 из РСФСР:
 анархистов 280
 интеллигенции («философские
 пароходы») 177, 515, 573
 Вьетнамская война 360
 Вятская губерния 591
- Газеты:
- «Буревестник» 277
 - «Всероссийский Церковно-общественный
 вестник» 385
 - «Воля России» (Прага) 220
 - «Воля народа» 379
 - «Всеобщее дело» 381
 - «Газета-Копейка» 376
 - «Голос» 466
 - «Голос Руси» 377
 - «Голос Самары» 377
 - «Двуглавый орел» 377
 - «Дело народа» 377
 - «Жизнь» 193
 - «Живое слово» 380–381
 - «Земля» 378
 - «Земля и воля» 232
 - «Земщина» 377
 - «Знамя труда» 235
 - «Известия Временного Севастопольского
 ревкома» 322
 - «Известия Всероссийской по делам о
 выборах в Учредительное собрание
 комиссии» (Петроград) 310
 - «Известия ВЦИК» (Москва) 413, 436–437
 - «Известия» Комитета журналистов
 (Петроград) 376
 - «Известия Петербургского Совета»
 (1905) 173
 - «Известия Петроградского Совета» 376
 - «Искра» 139, 172, 252, 626
 - «Киевлянин» 378
 - «Клич» 248
 - «Коммунист» (1918) 265
 - «Кронштадт» 380
 - «Маленькая газета» 378, 380
 - «Мысль» 193
 - «Народная газета» 380–381
 - «Наш век» 217
 - «Наше дело» 172
 - «Наше слово» (Париж) 174
 - «Начало» 173
 - «Неделя» (Вена) 378
 - «Новая Русь» 380–381
 - «Новая жизнь» 152, 380
 - «Новое время» 379–381
 - «Новое слово» 380
 - «Новый мир» (Нью-Йорк) 174
 - «Общее дело» (Париж) 173, 381
 - «Окопная правда» 82, 379
 - «Последние новости» (Париж) 158, 220
 - «Правда» (Вена) 173
 - «Правда» (Петербург, 1912–1914) 173
 - «Правда» (Петроград, Москва, с
 1917) 81–82, 124, 180–181, 379, 436
 - «Прикубанская правда» 379
 - «Путь к свободе» 279
 - «Рабочая газета» 377
 - «Республиканец» 380
 - «Речь» 155
 - «Ростовский листок» 377
 - «Руль» (Берлин) 220
 - «Русская воля» 276, 378
 - «Русская газета» 173
 - «Русские ведомости» 219, 382
 - «Русский вестник» (Берлин) 378
 - «Русское знамя» 377
 - «Русское слово» (Макеевка) 377
 - «Русское слово» (Москва) 376, 382
 - «Русь» 381
 - «Свободная жизнь» 380
 - «Свободный народ» 217, 378
 - «Сельский вестник» 376
 - «Слово» 380–381
 - «Солдатская правда» 46, 81–82, 379,
 - «Товарищ» (Вильно) 378
 - «Утро России» 382
- Галиция 82, 462–463, 558, 675–677, 680–681
 Гатчина (Троцк) 137, 177
 Гельсингфорс (Хельсинки) 232, 377, 380,
 382, 426, 627
 Германия 16, 17, 38, 52–58, 60, 80, 82, 85,
 100–101, 104 108–113, 139, 142, 149, 157–158,
 164, 168, 174–175, 193, 199–202, 207–208,
 217–218, 236, 265–266, 269, 274, 280, 292, 334,
 336–337, 340, 347, 365, 378, 417, 457–458,
 461–462, 520, 522, 528–531, 533, 536–537, 554,
 558, 569–571, 606, 621, 628, 629, 644–645,
 648–652, 657, 675, 681
 Революция 1848 457–458, 531, 569
 Революция 1918 57
 Гимназии, гимназисты 139, 314–315,
 366–367
 Главлит (см. также: Цензура советская)
 424, 517
 Главполитпросвет 116, 390
 Главрепертком 517
 Голод 18–19, 27, 78, 179, 278, 330, 352,
 358–360, 363, 496, 505, 508–510, 540, 543, 546,
 584, 586, 589–595, 601–602, 608–608, 611, 637,
 640, 642, 669

- ВСЕРПОМГОЛ (Всероссийский комитет помощи голодающим) 590
- ЦК Помгол (Центральная комиссия помощи голодающим) 590–591, 593
- Гомель 380
- Городские думы (см. также Районные думы) 190, 223, 248, 310, 326–333, 428, 431, 565, 580, 587, 640, 646
- Московская 216, 326, 332
- Петербургская (Петроградская) 96, 326, 329, 332–333, 378
- Рижская 646–647
- Симферопольская 219
- ГОСЕТ (Московский государственный еврейский театр) 634
- Государственная дума:
- I (27 апреля — 8 июля 1906) 140, 155, 162, 164, 213, 221, 253, 274, 457, 625, 676
- II (20 февраля — 2 июня 1907) 155, 162, 185, 187, 191, 221, 254, 269, 457, 647
- III (1 ноября 1907 — 9 июня 1912) 155, 163, 199, 458
- IV (15 ноября 1912 — 25 февраля 1917) 39, 61, 65–66, 69, 129, 155–156, 158–159, 164–165, 173, 254, 296–298, 308, 376, 385, 426, 433, 440, 639, 664
- Временный комитет (27 февраля — 6 октября 1917) 64–68, 72, 129, 156, 308, 378
- Юбилейное совещание 1917 75
- Государственное регулирование экономики 42–43, 140, 301–302, 447–448, 531, 533, 537, 580
- Государственное совещание (12–15 августа 1917, Москва) 131, 150, 183, 189, 242, 247, 303, 399
- Государственный совет 163, 328, 349, 453, 457
- «Государство и революция», книга В. И. Ленина 41, 145, 258, 265, 278, 371, 578
- ГПУ–ОГПУ 177, 205–207, 281, 322–324, 364, 394, 517, 519, 591, 662
- Гражданская война в России 17–18, 22, 25–26, 28, 36–42, 44, 48–49, 57, 96, 98–115, 124, 130, 144, 146, 148, 152, 169, 175–177, 191, 196, 200–206, 214–219, 228, 235–237, 248, 257–261, 264, 266–267, 271, 278, 283, 287, 292, 294, 322, 337–339, 343, 344, 350, 352, 356–364, 370, 388–392, 400–404, 407–422, 424, 431, 435, 437, 438, 449, 468, 473–476, 479, 480, 492, 495, 500, 508–510, 512, 515–518, 520, 523–526, 544, 548, 551, 556, 560–563, 568–571, 574, 575, 578, 580, 584–590, 595–602, 605–610, 612, 614, 633, 635, 637, 639–643, 649, 651–662, 666–669, 675–684
- Гражданская война в Испании 180, 206, 458–459
- Гражданские права 27, 145, 162, 212, 219, 234, 299, 458, 625, 655
- Гражданские свободы 142, 145, 212–215
- Гражданское общество 21, 368, 473, 566, 654, 644
- Грамотные; грамотность, ее уровень и отсутствие (см. также: Образование) 24, 28, 79, 136, 310, 350, 352–354, 376, 409–410, 422, 468, 477, 503, 512, 517, 542, 591, 637, 644
- Греки 112, 279
- Грузинские социал-демократы 149, 185, 187, 190, 638–639
- Грузинское Учредительное собрание 642
- Грузины 178, 191, 321, 423, 452, 467, 479, 569, 618–619, 622, 637–642
- Грузия 190, 239, 570, 618, 638–643
- ГУЛаг (см. также: Концлагеря) 281, 324
- Гуляй-Поле 274, 276, 279, 283, 358
- Дальневосточная республика 278, 660–661
- Дашнакцутюн, армянская революционная партия; дашнаки 227, 620, 622, 638–642
- Двоевластие 41–42, 69, 74–76, 79, 128, 187, 199, 242, 244, 298, 300, 376, 427–428, 442, 639
- Дворяне, дворянство (см. также: Аристократия, Помещики) 36, 38–40, 52, 95, 155, 167, 198–199, 205, 273, 293, 312, 321, 348–354, 358, 390, 452, 460, 468, 473–475, 489, 496, 505–506, 509, 531, 552, 638, 643–651
- Дворянское (помещичье) землевладение 40, 201, 212, 290, 293, 350–351, 361, 359, 452, 454–459, 474–475, 498, 505–509, 628, 645
- Дезертирство 82, 83, 103, 279, 338, 343, 357, 360, 510, 523–524, 561, 586–587, 596, 602
- Декларация прав солдата 301
- Декреты советской власти 95, 311, 320, 332, 337, 363, 371, 387, 390, 407, 420–421, 430–431, 436, 447, 459, 507, 544–545, 570, 579–580, 582, 584, 600
- о земле 235, 314, 387, 507, 650, 678
- о земельных комитетах 387
- о гражданском браке, о детях 409
- о набатном звоне 388
- о национализации банков 314
- о печати 382
- о принудительной трудовой повинности
- о продовольственной диктатуре 580, 584
- о рабочем контроле 314
- о разрешении аборта 413
- о расторжении брака 409
- об аресте вождей Гражданской войны против революции 312–313
- об организации ВЧК 318–319
- об организации Красной Армии 335

- об отделении церкви от государства и школы от церкви 387–388, 393, 434–435
 об Учредительном собрании 315, 430
 Демократия 47, 55, 72, 75, 132–133, 175, 186, 215, 253, 270, 440, 458–459, 493, 507, 566
 буржуазная 473
 западная 231, 278, 371
 и А. А. Богданов 516
 и В. И. Ленин 140, 145, 175, 269, 445, 449, 487, 621
 и левые эсеры 233–234
 и земельная знать 458
 и Николай II 161–162
 и Л. Д. Троцкий 175, 178
 конституционная см.: Конституционно-демократическая партия
 либеральная 214
 несоветская 247, 249
 несоциалистическая 246
 парламентская 297, 487
 партийная 117, 119, 178, 258, 268
 по М. В. Вишняку 487
 по Ю. Мартову 150, 153
 по И. Г. Церетели 186–188, 249
 по В. М. Чернову 136, 196
 политическая 49, 145, 250, 598, 631
 рабочая (пролетарская) 119, 266, 268, 271
 революционная 191, 246–247, 276, 426–427, 444, 497
 советская 25
 социальная 35, 250
 Демократическое совещание (14–22 сентября 1917, Петроград) 90–91, 190, 248
 Денационализация промышленности 200
 Департамент полиции
 (см. также: Охранка) 173, 204
 Дети 20, 161–162, 165, 172, 348, 361, 363–364, 370, 389, 407–411, 413, 465, 472, 475, 481, 504, 509, 520, 574, 591, 600, 602
 беспорядочники 282, 602
 освобождение от власти родителей 408
 I Всероссийский съезд по охране детства 408
 Детская коммунистическая партия 368
 Децисты (демократические централисты) 266–270
 Джадидизм 671
 Диктатура во имя демократии 201
 Диктатура пролетариата 44, 98, 140, 145, 174, 176, 248, 250, 253, 270, 273, 280, 286, 430, 432, 449, 510, 542, 547, 550, 603
 «Диктатура пролетариата», работа К. Каутского 605
 «Диктатура сифилиса» 279
 «Динамитная война» 279
 Дома-коммуны 407
 Дон 85–86, 97–98, 100–104, 203–204, 286, 288, 290, 356, 359, 363, 495, 497–499
 Дона, Кубани и Терека Верховный Круг 203
 Донбасс 287, 362, 404, 442–443, 679
 Донецкий бассейн 102
 Донская армия 102, 287, 497
 Донское казачье войско 98, 100–103, 200, 286–288, 290, 338, 358, 495–501, 525
 Донской казачий хор С. Жарова 573
 Дошкольные учреждения 408
 Дунайская флотилия 199
 Дурново дача 275–276
 Духовные академии 384, 391
 Евразийство, евразийцы 490–491, 493, 573
 Евреи 10, 19–20, 139, 151, 175, 177, 178, 203, 208, 238–239, 274, 279, 321, 360, 462–464, 467, 522, 529–530, 550, 555, 569, 590, 592, 617, 620, 624–636, 645, 676, 678–679, 683
 Еврейская демократическая группа 625
 Еврейская национальная группа 625
 Еврейская народная партия Фолкспартей (автономисты) 625
 Еврейская секция РКП(б) 632
 Еврейская социал-демократическая партия «Поалей-Цион» 151
 Еврейская социалистическая партия СЕРП (сеймовцы) 626
 Еврейские погромы 203, 274, 360, 463, 628, 632–634, 683
 Еврейский комиссариат (Евком) 632
 Еврейский комитет «Джойнт» 592
 Екатеринбург 165, 277, 290, 359, 382, 658
 Екатеринбург 200, 203, 219, 287, 379, 381, 496
 Екатеринослав и губерния 274, 278–279, 380–381, 506, 675
 Елисаветполь (Гянджа) 641
 Елисаветпольская губерния 637
 Енисейская губерния 357
 Енисейское казачье войско 495
 Ереван, см. Эривань
 Жалованная грамота дворянству (1785) 453
 Жандармерия 164, 167, 173, 274, 320, 330, 430
 Железнодорожники 84–85, 227, 248, 441, 443, 541, 545, 549, 580, 660
 Всероссийский съезд железнодорожников 234
 комитеты железнодорожников (см. также: ВИКЖЕЛ) 580, 402
 Железные дороги 53, 56, 67, 99–100, 103, 176, 291, 321, 323, 356–357, 361, 418, 420, 442, 448–449, 455, 541, 596, 599, 607, 628
 Александровская 549
 Мурманская 292

- Транссибирская (Трансиб) 103, 111, 161, 290, 357, 654, 656–660
- Женщины (см. также Крестьянки, Солдатки) 31, 33, 38, 40, 63, 238, 322, 350, 360–361, 386, 406–414, 465–466, 471–481, 542, 544, 546, 554–558, 600, 602
- Женотделы РКП(б) 407–408, 475–476, 479
- Женский съезд, международный 170
- Житомир 380, 680
- Журналы:
- «Братский союз» 439
 - «Бюллетень оппозиции большевиков (ленинцев)» 179
 - «Восточное обозрение» 172
 - «Дело труда» (Чикаго) 281
 - «Дело труда. Пробуждение» (Нью-Йорк) 281
 - «Коммуна» 275–276
 - «Накануне» (Берлин) 573
 - «Общественные дисциплины» 181
 - «Освобождение» (Штутгарт) 154
 - «Почин» 280
 - «Пробуждение» (Детройт) 281
 - «Путь» (Париж) 574
 - «Русская мысль» (София, Прага, Берлин) 572
 - «Скифы» (Берлин) 573
 - «Сahiers Leon Trotsky» (Гренобль) 181
- Забайкалье 658–660
- Забайкальское казачье войско 292, 495
- Закавказская демократическая федеративная республика 641
- Закавказье 99–100, 110, 112, 204, 619, 637–643
- Закон Божий 369, 385
- Заложники и их расстрелы 176, 279, 321, 357
- Западно-Украинская Народная Республика 681
- «Записки о революции», книга Н. Н. Суханова 243
- Заработная плата 38, 192, 257, 427, 441, 446, 503–504, 513, 533, 543–544, 547–548, 566, 586, 596–599, 603
- Зарубежные высшие военно-научные курсы профессора Н. Н. Головина (Париж, Белград, Буэнос-Айрес) 206
- Западно-Украинская Народная Республика 681
- «Зеленые» 279, 361, 660, 662
- Земледелие 424, 554
- коммерческое 504
 - крестьянское 260, 347, 354
 - сектантское 437
 - социалистическое 612
- Земледельцы 123–125, 351–532
- Земледельческие коммуны 410, 437
- Земельные комитеты 194–195, 214–215, 301–303, 350, 387, 506
- Земельный закон Врангеля 204, 526
- Земгор (Союз земств и городов) 464, 570
- Земские начальники 348–350, 505
- Земские врачи 466
- Земские статистики 541
- Земства 38, 154–155, 163, 165, 190, 204, 212–214, 219, 246–248, 290, 310, 327, 329, 330, 332, 349, 351, 428, 431, 454, 457–458, 464–465, 618–619, 629, 646–651
- Зимнего двора штурм 94, 134, 277, 446, 648
- Золотой запас 201, 660
- Иваново-Вознесенск и губерния 380, 411, 443, 448, 540, 601, 603
- Издательства:
- «Голос труда» 281
 - Госиздат 517
 - «Демократическая Россия» 378
 - Издательство ВЦИК 383
 - «Международные отношения» 181
 - «Освобожденная Россия» 378
 - «Прибой» 378
- Илиодоровщина 390
- ИМКА (УМСА — «Христианский союз молодых людей») 570
- Императорская Армия:
- до 1917 40, 42, 54, 56, 58, 61, 78, 100, 105, 155, 162, 164, 208, 334–335, 422, 436, 452, 462–463, 520–522, 524, 533, 558–563, 569, 587, 595–596, 598, 624;
 - в 1917 47, 49, 75, 78–87, 133–135, 157, 187, 190, 198–200, 216, 226, 242, 249, 266–267, 296, 311, 334, 350–351, 378, 428, 488, 497–498, 506, 523, 559–560, 563, 640
- Индустриализация 478
- до 1917 163, 410, 530, 456, 528, 530, 537, 637, 645
 - советская 26, 176, 178, 477, 632
- Инженеры 172, 180, 199, 205, 246, 373, 473, 492, 515, 532, 537, 567
- Институты:
- Горный институт (С.-Петербург) 203
 - Гуверовский институт войны, мира и революции (Станфорд) 183, 209, 592
 - Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (Москва) 183
 - Институт российской истории РАН (Москва) 105
 - Институт Троцкого (Гренобль, Франция) 181
 - Институт этнографии РАН (Москва) 181
 - Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена 282

- Международный институт социальной истории (Амстердам) 182
- Санкт-Петербургский институт истории РАН 10, 13, 15–16, 18, 19
- Свято-Сергиевский Богословский институт (Париж) 574
- Интеллигенция 38, 73, 75, 131–133, 138, 154, 159, 176–177, 185, 192, 196, 301, 205, 222–224, 232–233, 244, 269, 274–275, 312, 319, 324, 353, 366, 384, 388, 393, 429, 464, 468–469, 472–473, 482–494, 512–519, 521–522, 530, 559, 632, 644–645, 655, 676–677
- либеральная 61, 198, 367, 389, 484, 488, 491, 632
- демократическая 129, 188, 191, 281, 307, 310, 473, 486, 491
- революционная 26–27, 33, 45, 133, 135, 186, 192, 233, 238, 240–241, 406, 473, 484–487, 491, 573
- рабочая 485
- советская 365, 373, 492–493,
- эмигрантская 492, 517, 572–575
- Интервенция иностранная 26, 41, 100, 106, 108–115, 152, 192, 294, 556, 573, 633, 641–642, 657, 69, 662
- Интернационал:
- I-й 273
- II-й 173, 552
- III-й см. Коминтерн
- IV-й 180
- Социалистический 194, 241
- Социалистический рабочий 153
- Интернационалисты 242, 275, 368–369
- анархисты 275
- левые эсеры 193, 231–232, 235, 242
- меньшевики 62, 89, 90–96, 148–151, 184–186, 191, 223, 241, 243, 248, 380, 567
- Инфляция 49, 441, 543, 566, 584–585, 598–599
- Иран 641, 671
- Иркутск 103, 185–186, 202, 208, 275, 291, 323, 657, 660
- Иркутское казачье войско 495
- Иркутский политический центр 1920
- Исколат (Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии) 648–649
- Исколата республика 648
- Исколастрел (Исполнительный комитет объединенного Совета латышских стрелковых полков) 647
- Ирландия 57
- Испания 180, 206–207, 459
- «История второй русской революции», книга П. Н. Милюкова 488
- «История русской революции», книга Л. Д. Троцкого 179
- Истпарт 116
- Италия 23, 57, 139, 176, 202, 554
- Июльский политический кризис 36, 74, 77, 82, 89–90, 134, 143, 150, 152, 174, 187–188, 194–195, 215, 226, 233, 242, 245, 276, 301–302, 379–380, 427–429, 446, 497, 552–553, 559, 622, 678
- Июньская всероссийская демонстрация 1917 276
- Июньский политический кризис 276, 310, 379, 427
- Кавказ 102, 201, 328, 359, 452, 462, 471, 475, 507
- северный 86, 98, 102–103, 287, 356
- Кавказское наместничество 617–618, 639
- Кадеты, см. Конституционно-демократическая партия
- Казаки 84–85, 98–103, 106, 110, 199–200, 203, 278, 286–292, 305, 312, 338, 357–359, 362, 426, 443, 480, 495–501, 520, 525, 552–553, 573, 619, 653, 659–660, 665, 670
- Казань и губерния 99, 139, 225, 232–233, 301, 339–340, 349, 377, 379–380, 560, 602, 617, 658–659
- Казахи 664–671
- Казахстан 663–665, 669–670, 673
- I Всеказахский съезд Советов 411, 665
- Калмыки 139
- Калмыцкая губерния 591
- Калмыцкая степь 619
- Калуга 170, 304
- Канада 10, 19, 23, 174, 433, 657
- Капитализм 24, 28, 29, 37–38, 38, 45–46, 114, 124, 140, 142–145, 147, 162, 174, 179, 223, 229, 231–232, 239, 253, 265, 268, 270, 275, 281, 398, 400, 453, 455–456, 484, 510, 513–516, 530–531, 567, 578–579, 597, 649–650, 654
- Капитализм государственный 265, 268, 277, 608
- Капитализм государственно-олигархический 281
- Капиталисты:
- России 75, 140, 442, 445, 536, 546
- иностранные 25, 113, 114
- Карелия 202, 278
- Католическая Церковь, католики 181, 200, 210, 438, 458, 467, 590, 689
- Кемалисты 642
- «Керенки» 303
- Кехиллоты 630, 633
- Киев 98, 104, 157, 215, 218–219, 316, 377, 380, 403, 416, 465, 497, 597, 622, 634, 677–681, 684
- Киевская губерния 506, 675–676, 679
- Кинтальская конференция см.:
- Циммервальдская 2-я
- Киргизы 667, 669, 674

- Киргизская (с 1925 — Казахская) АССР 591, 665, 670, 674–675
- Киргизская (Казахская) орда 619
- Киргизское автономное правительство 670
- «Кирилловцы», см. монархисты-легитимисты
- Кирревком (Киргизский Революционный комитет) 670, 673
- Китайская империя 53
- Китайская Народная Республика 271
- Китайцы 271, 321, 491
- Кладбища:
- Донское (Москва) 207, 209
 - Кунцевское (Москва) 181
 - Новодевичье (Москва) 279
 - Пер-Лашез (Париж) 180, 281
- Коканд 667–669, 671
- Колхозы 123, 347, 360–362, 479
- Комбеды (комитеты бедноты) 236, 352–353, 508, 584, 608, 612
- Коминтерн (III Коммунистический Интернационал) 116, 144, 153, 176, 179–180, 183, 261, 268, 280, 419
- Комитет Государственной Безопасности (КГБ) 182–183, 324–325
- Комитет гражданского просвещения в свободной России 109
- Комитет московских общественных организаций 75
- Комитет народной борьбы с контрреволюцией (Петроград) 380
- Комитет освобождения народов России 208
- Комитет спасения Родины и Революции 96, 217, 332
- «Комитетский класс» 305, 559
- Коммунизм:
- безналичный см.: анархисты-коммунисты
 - государственный 18, 23, 26, 28–29, 44, 101, 104, 122–124, 126, 145, 176, 208, 264, 266–268, 270–271, 273, 275, 321, 343, 363, 368, 407, 444, 488, 510–512, 514, 516, 540, 549–550, 578–589, 605, 612, 614, 634, 650, 662, 673, 669
 - интегральный революционный 282
 - казарменный (см. также: Военный коммунизм) 579
 - религиозный 275, 436
 - этический 275
- Коммунистическая партия Украины 266
- Коммуны:
- анархистов 279–280
 - религиозные 389, 437
 - трудовые 389, 418
- Комсомол Российский 479
- Комсомол Германии 177
- Комуч (Комитет членов Учредительного собрания) 99, 152, 196, 201, 257, 278, 286, 316, 362, 416, 486, 508, 658
- Конные армии:
- 1-я 103–104, 279, 563;
 - 2-я 279
- Константинополь (Стамбул) 54–55, 72, 204–205, 214, 220, 570
- Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы, кадеты) 18, 20, 26, 37, 72–73, 75, 83, 150–151, 155–160, 172, 185, 188–189, 191, 201, 212–222, 229, 288, 290, 298–299, 301–304, 307–313, 315, 320, 331, 366, 372, 426, 474, 479, 491, 497, 521, 525, 567, 571–572, 599, 619, 622, 625, 640, 655–656, 658–659, 664–665, 668, 678, 680
- ЦК 73, 155, 213, 216–221, 309, 312
- Съезды:
- I (октябрь 1905) 155, 213, 307,
 - VII (25–28 марта 1917, Петроград) 75, 214
 - VIII (9–12 мая 1917, Петроград) 214
 - IX (23–28 июля 1917, Москва) 216
 - X (14–16 октября 1917, Москва) 216
- Подпольная конференция (27–29 мая 1918, Москва) 217
- Конституция РСФСР (1918) 320, 368, 388, 413, 430, 476, 487, 554, 581, 586
- Конституция СССР (1924) 673
- Концлагеря:
- нацистские 208, 281
 - советские (см. также: ГУЛаг) 176, 180, 281, 321, 363, 413
- Кооперация, кооперативы 116, 151, 190, 201, 222, 240, 246–248, 273, 428, 505, 565
- потребительская 125, 275, 566, 580, 583–585, 654
- производственная 275, 347, 406, 436, 479, 654, 683
- рабочая 240
- религиозная 436
- Корниловский переворот, «корниловщина» 83–84, 90, 93, 135, 189, 216, 227, 233, 242, 247, 276, 286, 303–305, 311, 332, 332, 381, 428, 443, 444, 446, 497, 534, 549, 559, 563, 567, 640, 649, 678
- Корпус Императорской Армии и Флота 206, 208
- Красная Армия (Рабоче-Крестьянская Красная Армия, РККА) 25, 41, 58, 99, 100–105, 111–112, 175–178, 202, 205, 208, 259, 266, 286–295, 320–323, 334–345, 352–353, 356, 390, 409–412, 416, 419–424, 428, 431, 436, 474–475, 508–510, 516, 560–561, 563, 581, 584, 586–587, 589, 610, 634, 642, 658, 660–661, 666, 670–672, 682, 684
- бунты 424
- децимации 175
- заградотряды 175
- Красный Воздушный флот 278

- Красная гвардия (рабочая) 20, 85, 98, 286, 334, 336, 387, 428–429, 446, 449, 548–549, 658, 679
- Красноводск 669–670
- Красного Знамени орден 177, 278
- Красноярск 291, 302, 656
- «Красные директора» 547
- Крепостное право 346, 453–455, 503, 521, 638
- Крестьяне, крестьянство 25–28, 30, 36, 38–39, 43–44, 46, 48–49, 61, 81, 85–91, 100–103, 105, 114, 116, 122–126, 134, 140, 143, 146, 149, 157, 161, 163, 167–170, 176, 185–186, 191–192, 195–197, 201, 203–204, 212–213, 215, 220, 222–223, 225–229, 231–236, 238, 248, 253, 255–256, 259, 266, 270, 273–274, 276, 300, 309, 312–314, 319, 321, 337, 339, 346–364, 367, 371, 373, 388–389, 402, 407, 420, 424, 426–428, 437, 454–458, 462–464, 467–468, 472–474, 485–486, 496–511, 514, 516, 518, 520, 522–526, 540–542, 554, 559, 562–563, 565, 568, 571, 580–585, 589, 596, 602, 605–614, 622, 624, 628, 637–638, 642–648, 650, 654, 656, 659–660, 662, 677, 679–681, 683
- крестьянки 353, 407, 410, 414, 471–476, 480, 508
- батраки 350, 458, 503, 506, 650
- кулаки (сельская буржуазия) 176, 352, 502
- Крестьянская община 346–348, 350–352
- Крестьянские армии 49, 356–364, 670, 683
- Антонова 44, 356, 359–360, 363–364, 501, 584, 589
- имени Батько Махно 274, 278–279, 281, 283, 358–359, 683
- Крестьянские восстания 18, 167, 170, 192, 196, 222, 236, 260, 284, 322, 346–364, 424, 437, 457, 459, 504–507, 509–521, 561, 583, 656, 658, 670–671, 680, 683
- Крестьянские комитеты 223, 225, 351, 426
- Крестьянский сход 346–348, 350–352
- Кризис власти:
- самодержавия 61, 156, 163–165, 385, 488, 497, 520
- в 1917 (см. также: Апрельский, Июньский, Июльский кризисы) 80, 136–137, 151, 189, 225, 241, 302, 311, 506, 520, 535, 567, 678
- в 1921 см.: Кронштадтское восстание 1921; НЭП
- в 1993 282
- Кронштадт 226, 232, 284, 380
- большевики 225
- военно-морская база 268, 301, 559
- левые эсеры 232
- магросы 132, 322
- Кронштадтское восстание 1921 15, 44, 120, 124, 170, 177, 220, 236, 268, 280, 322, 363, 403, 437, 561, 564, 583, 589, 602
- Кропоткинские комитеты 280
- Кропоткинцы 274, 280
- Крым 103, 104, 202–204, 219, 279, 289, 295, 321–323, 495, 570, 591
- Крымская война 52–53
- Крымские татары 204, 219
- Кубанская Рада 203, 499
- Кубанское казачье войско 203, 286, 290, 495, 501
- Кубань 100, 102–103, 110, 202–204, 218, 286–289, 291, 359, 363, 497–500, 504
- Кубинская революция 271
- Культурная революция:
- сталинская 1928–1932 269
- китайская 1966–1976 271
- Кунгур 379, 382
- Курляндия 645
- Курск и губерния 103, 288, 506, 675
- Кшесинской особняк (Петроград), штаб большевиков 276
- Латвия (см. также Лифляндия) 28, 99, 101, 202, 644–652
- Латыши 199, 321, 462–463, 467, 555, 618, 622, 644–648, 652
- Латышская СДРП 644, 648
- V съезд 648
- Латышские красные стрелки 81, 99, 110, 337, 560, 563, 647, 649, 652
- Левые эсеры см.: Партия левых социалистов-революционеров
- Левых эсеров восстание 99, 168–169, 236, 382, 431
- «Ледяной» поход см.: 1-й Кубанский поход «Ледяной» Сибирский поход (1920) 291
- Ленина орден 181
- Ленинская премия мира 181
- Ленский расстрел (1912) 302, 655
- Либерализм, либералы (см. также: Кадеты, Октябристы, Прогрессисты) 25, 27, 29, 37, 155, 158–159, 170, 198, 212–214, 367, 413, 458, 473, 484, 617, 678
- в освободительном движении 54, 154, 625
- в Революцию 1905–1907 155–156, 531, 625
- в Первую мировую войну 35, 38, 42, 61, 198, 466
- в Революцию 1917 47, 60, 64–76, 88, 129–130, 142, 156, 194, 215, 225, 246, 299–301, 303–304, 310, 313, 331, 351, 378, 520, 523, 619, 625, 629–630, 645–649, 677

- в Гражданскую войну 49, 111, 113, 152, 158, 218–220, 228, 339, 368–369, 389, 488, 524–535, 566, 591, 680
- Либерализм западный 24, 62, 154, 158, 349, 408
- Лифляндия (Лифляндская губерния) 618, 644–646
- Лондон 18–19, 58, 155, 176, 181, 220, 252, 274, 489, 591
- Лужский гарнизон 84
- Львов 681
- Лютеранская Церковь 16, 438, 644
- Мавзолей Ленина 147, 177
- «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса 578
- Манифест 17 октября 1905 458, 522, 625, 628
- Марксизм 24–25, 64, 140–141, 145, 180, 181, 185, 192, 196, 252, 253, 255, 274, 365, 367, 387, 396, 398, 411, 413, 423, 477, 485, 512, 513–514, 579, 589, 614, 644
- Марксизм-ленинизм 24–25, 29, 147, 183, 261, 261, 412, 421, 424, 502, 512–513, 624
- Марксисты 47, 139, 141, 239, 253, 273, 275, 394, 421, 477, 484–486, 512, 521, 555, 589, 612, 625, 656
- «Мартовские эсеры» 224
- Масонство русское политическое 60–61, 68, 128
- «Материализм и эмпириокритицизм», книга В. И. Ленина 141
- Махновцы см.: Крестьянские армии, армия имени Батько Махно
- Межрайонцы см.: РСДРП, Междурайонная организация
- Мексика 179–181
- Меннониты 435, 502
- Меньшевики см.: РСДРП (меньшевиков)
- Местничество 448, 507
- Мешочничество, мешочники (см. также Чёрный рынок) 42–43, 503, 510, 543, 580, 584, 587, 608–609, 614
- Мизрахи, ортодоксальная сионистская партия 630
- Милиция, милиционная система 65–66, 223, 226, 299, 330–331, 335–336, 338, 341–342, 344, 353, 361–362, 381, 446, 507, 666, 669–670, 672
- Милитаризация 560
- большевизма 41, 118
- высшей школы 373
- профсоюзов 267
- труда (см. также Трудармии) 402, 427, 540, 548, 586
- Милова нога 71–74, 80, 156–157, 193, 215, 217, 225, 244, 300
- «Министерство доверия» 61, 156, 297
- Минск 79, 359
- Младобухарцы 669, 671, 673
- Младотурки 672
- Младохивинцы 670, 671, 673
- Могилёв 86, 195–196, 225, 369, 379, 559, 649
- Могилёвская губерния 349
- Молодёжь 63, 206, 274, 371–373, 412, 476, 503, 514, 544, 551, 656
- Монархисты 101, 112–113, 198, 200, 350, 525, 552, 655, 659, 673
- легитимисты («кирилловцы») 158, 206, 208, 571
- «николаевцы» 206, 571
- Общемонархический съезд (1921) 571
- Монументальная пропаганда большевиков 277
- Моршанск 380
- Моряки 559
- балтийские 85–86, 539
- черноморские 233–234, 301
- Москва 28, 33, 69, 89, 91, 96, 98–103, 116, 144, 149, 167–168, 170, 177, 181–183, 196, 202, 205, 207, 209, 213, 216–217, 224, 230, 233, 238, 242, 247, 253, 266–268, 270, 274–275, 277–280, 282, 288, 292, 294, 298, 303, 311–312, 316, 319–320, 323, 326, 331–333, 340–341, 361–362, 366, 369–370, 372, 382, 385–387, 390, 392, 399, 410, 419, 421, 434–435, 437, 443–444, 446, 486, 499–500, 510, 519, 529, 540, 543, 549, 555–556, 562, 565–566, 572, 584, 593, 595, 597–603, 649, 653, 655, 657–658, 660–661, 665, 667–673, 679, 681–682
- Московский Кремль 177, 178, 278, 386
- «Моя жизнь», книга Л. Д. Троцкого 172, 179
- Музеи 176, 326
- Кропоткина 280–282
- Троцкого 181
- Мусар 624
- Мусульмане 321, 637–638, 641, 664–674
- Мусульманская фракция Гос. думы 664
- Мусульманские реформаторы 667–668
- Мусульманские съезды:
- Всероссийский (1917) 664
- I Всетуркестанский (1917) 668
- IV чрезвычайный (1917) 668
- Мюнхен 140, 173, 207, 573
- «Набат», конфедерация анархистов Украины 279
- Нагорный Карабах 642
- Налог на дворянскую землю (1917) 350
- Налогообложение 329, 346, 353–354, 504, 510, 532, 591, 607, 611, 618, 645, 666, 671, 678
- Нансена миссия 590–592
- «Нансеновский паспорт» 570–571
- Нарва 336, 645
- «Народная церковь» (Пенза) 390
- Народники 140, 145, 347, 406, 589, 620

- Наркоматы см.: Совет Народных Комиссаров
 Народные социалисты см.: Трудовая народно-социалистическая партия
 Народных коммунистов партия 236
 Научная организация труда (НОТ) 278
 Нахичевань 642
 Национал-социализм (нацисты):
 Германии 158, 207–208, 571
 в русском зарубежье 207–208
 Национализация:
 акционерных обществ 581
 банков 314, 585
 земли 235, 255, 585, 669
 промышленности 25, 257, 266, 424, 447–449, 536, 544, 546–547, 578, 580, 582, 585
 торгового флота 585
 церковного имущества 388
 Немецкие погромы 555
 Немцы России 109, 279, 321, 453, 569, 644, 647, 650–651, 676
 Нижний Новгород 228, 258, 379–380, 382, 597, 600
 Николаев 379, 535
 Николаевская верфь 535
 Николаевск-на-Амуре 661
 Новгород 316
 Новороссийск 103, 288, 289, 570
 Новочеркасск 98, 200, 286, 381
 Норвегия 179
 Нью-Йорк 19, 174, 209, 281, 569, 572, 592
 НЭП (Новая экономическая политика)
 17–18, 26, 116–126, 144–145, 176, 178, 248, 261–262, 271, 280, 322, 354, 363, 374, 403, 424, 437, 510, 543, 545–546, 550, 586–589, 593, 597, 611, 613–614, 671
 Нэпманы 178, 613
 Оборонцы 61, 82, 150, 184, 224, 242, 244, 275, 378
 анархисты 275
 большевики 80
 меньшевики 184, 242
 эсеры 193, 224
 Оборонцы революционные 76, 152, 194, 241–242, 245, 250
 Образование, образованные 61, 152, 161–162, 185, 232, 282, 293, 305, 321, 326, 345, 365–375, 409, 430, 441, 464–465, 468, 472–473, 477–478, 482–483, 487, 492, 504, 513–514, 517–518, 520–521, 567, 570–571, 624, 630, 645, 655, 657
 Общественных организаций комитеты 223, 229, 299, 330, 565–566
 Общество сближения с Англией 278
 Общины:
 вольные 273
 крестьянские 37, 39–40, 140, 192, 346–355, 357, 360, 459, 462, 464, 468–469, 473, 495–496, 504–507, 560, 644, 654
 национально-религиозные 625, 627, 629–630, 632, 668, 678
 старообрядческие и сектантские 433–436
 Объединенная еврейская социалистическая партия 626–627
 Объединенный совет религиозных общин и групп 435–437
 Одесса 101, 112, 172, 274–275, 327, 377, 379–380, 631, 682
 Октябрьская революция (переворот)
 17, 23–24, 26–29, 31, 35–36, 41, 43–48, 60, 71, 78, 81, 85, 88–98, 110, 129, 139, 143–146, 151, 157, 167, 175, 180, 196, 217–218, 227, 234, 242, 248, 252, 255–256, 259–260, 264, 276–277, 280, 286, 296–297, 304, 314, 332, 334, 337, 368, 378, 382–383, 386–387, 389, 397, 400, 404, 407, 416–424, 429–431, 434, 443, 446–447, 488, 498, 513, 518, 523, 547–549, 554, 556, 579, 596, 599, 605, 608, 626, 629, 631–633, 640, 647–650, 653, 656–657, 668, 677–678
 Октябристы (партия «Союз 17 октября») 26, 165, 221, 320, 426, 458, 571, 680
 Олонек 202
 Омск 48, 101–102, 113, 202, 217, 289–292, 301, 316, 357, 359, 645, 657–660, 660
 Орел 103, 170, 288, 509
 Оренбург 666, 670
 Оренбургская степь 360
 Оренбургское казачье войско 98, 290, 495, 500, 670
 Осетины 642
 Основные законы Российской империи 458
 Османская империя (см. также Турция)
 52–54, 56, 463, 622, 638, 641
 Особый Закавказский комитет (Озаком) 639
 Офицерский съезд (май 1917, Петроград) 199
 Офицеры:
 царские 27, 61, 161–162, 198, 422, 520–523, 558, 560, 647
 в 1917 25, 63–65, 75, 78–81, 83–84, 176, 199, 298, 301, 305, 334–335, 440, 497, 523–524, 552
 белые 101, 110, 112, 176, 200–209, 286, 290–294, 305, 320, 497, 509, 524–525, 563, 655, 658–661, 680–681
 красные 100, 175, 259, 336–343, 422, 516, 524, 563, 586
 союзные (Антанты) 109–110
 Охматмлад (Отдел охраны материнства и детства) 408
 Охранка 274, 330, 430

- «Очередные задачи Советской власти», работа В. И. Ленина 337
- Палестина 627, 631
- Парагвай 205
- Париж 58, 157, 172, 174, 176, 179–180, 205–207, 220, 281, 316, 569–570, 572–574, 634
- Парижская коммуна 275, 281
- Парижская мирная конференция 633, 682
- Партизаны
Крыма («зеленые») 279
Сибири 278
- Партия большевиков см.: РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС
- Партия меньшевиков см.: РСДРП (меньшевиков)
- Партия левых социалистов-революционеров, левые эсеры 27, 37, 62, 90–96, 99, 143–144, 151, 167–171, 180, 194–195, 224–228, 231–238, 248, 257, 264–265, 313–315, 318–320, 324, 336, 338, 357, 361, 382, 416–418, 421, 446, 567, 573, 580–581, 584, 649, 656, 668, 679
ЦК 167–168, 235–237
I съезд (19–28 ноября 1917, Петроград) 235, 313
- Партия народной свободы, см.: Конституционно-демократическая партия
- Партия народных коммунистов 236
- Партия прогрессистов, прогрессисты 75, 188, 244, 308, 441, 533
- Партия революционных коммунистов 236
- Партия социалистов-революционеров (эсеры) 24–25, 27, 37, 48, 62, 80–81, 86, 89–90, 94–95, 99, 101, 113, 142–144, 151, 157, 167–177, 184, 186–187, 192–197, 201–203, 217, 219–231, 243, 246, 254–257, 286, 290–292, 294, 300, 302, 307–309, 311–315, 320, 331, 352, 356, 359–361, 372, 379–381, 403, 417, 426–431, 440, 444, 486–487, 505–506, 508, 547, 566, 571–572, 580, 589, 620, 638–640, 646, 651, 654–656, 658–660, 665–666, 668, 678–680
ЦК 95, 167, 194–196, 224–228, 232–235
Северный комитет 226, 232
Тамбовский комитет 167
- Съезды:
I (29 декабря 1905 — 4 января 1906, Иматра) 620
III (25 мая — 4 июня 1917, Москва) 130, 167, 194, 225, 230, 233, 620
IV (26 ноября — 5 декабря 1917, Петроград) 195, 228–229, 313
- Пацифисты, пацифизм 58, 275, 435–438
- Пенза 225–226, 390
- Пензенская губерния 359–360
- Первая мировая война 17, 22, 25, 28, 35, 38, 42, 47, 52–73, 78–87, 108, 139, 142–143, 155–157, 174, 185, 193–194, 198–199, 222–229, 231–235, 237, 241, 249, 254, 264–265, 275–276, 286, 290, 296–305, 334–336, 349, 378–381, 412, 435, 461–470, 482, 489–490, 495–497, 500, 520, 522–523, 531–538, 541–543, 552, 555, 558–560, 562, 565–566, 569–570, 574–575, 579, 590, 595–596–599, 639–640, 645–647, 652
- Русские фронты:
Западный 311
Кавказский 311, 463, 558, 640
Румынский 79, 81–82, 84–86, 311, 677, 679
Северный 311
Северо-Западный
Юго-Западный 311, 679
- Брусиловский прорыв (1916) 56–57, 82
Июньское наступление (1917) 47, 82–83, 90, 134, 149, 194, 199, 215, 226, 559
- I Всероссийский съезд по просвещению 368–369
- I Всероссийский съезд учащихся-коммунистов 368
- I съезд крестьянских повстанцев (1919) 357
- Перестройка горбачевская 264, 281–282
- Пермская губерния 591
- «Пермская катастрофа» красных 101
- Пермь 101, 341
- Персия (с 1935 Иран) 53, 641, 671, 673
- Петроград (до 1914 и с 1991 Санкт-Петербург, в 1924–1991 Ленинград) 22, 27–28, 33, 40, 48, 49, 61, 62, 66, 69, 71–74, 77, 79–81, 84–85, 88–91, 93–98, 100, 139, 142, 145, 149, 151, 157, 164, 174, 177, 186, 188, 191, 193, 195, 198, 201–202, 216, 223–228, 233, 238, 242, 245, 254–256, 262, 267, 268, 272, 275–277, 280, 286, 292, 298, 299, 301, 303, 310–316, 318, 323, 336, 342, 362, 366–370, 372–373, 376–381, 385–388, 390, 405, 418, 421, 426–429, 440–449, 495–496, 519, 532, 534, 540, 543, 545, 547, 549–556, 559, 561, 564, 572, 595, 597, 600–602, 621–622, 630, 639–640, 645, 648–651, 653, 655, 665, 667–679
- Петроградская городская дума 96, 331–333
- Петроградская губерния 291, 368, 448, 545, 645
- Петроградский гарнизон 63, 78, 93, 296, 298, 299, 446, 559
- Петроградский ВРК 94, 97, 139, 276, 382, 446
- Петроградский Совет см. Советы рабочих и солдатских депутатов
- Петроградское общество фабрикантов и заводчиков 441–443, 534
- Петроградское телеграфное агентство 381–382, 426
- Петропавловская крепость (Петроград) 276, 312
- «Письмо к съезду» В. И. Ленина 146, 177

- Поволжье 99, 232, 333, 338, 353, 363–364, 511, 587, 589–590, 593, 609
- Подольская губерния 506, 675
- Полиция 66, 138, 142, 173, 204, 297, 299, 329–330, 348, 421, 430, 453, 463, 466, 487, 497
- Половой вопрос 412, 465
«теория стакана воды» 412
свободная любовь 411, 479, 490
- Полоцк 381
- Полтава и губерния 380, 506, 675
- Польша (Царство Польское) 52, 100, 104, 113, 139, 176, 200–202, 204, 214, 289, 328, 343–344, 452, 463, 562, 569–570, 573, 610, 618–621, 625, 628–629, 634, 644, 665, 675, 681–683
- Поляки 53, 104, 289, 419, 454, 462–463, 569, 618, 633, 676, 681, 683
«Поля, фабрики и мастерские», книга
П. А. Кропоткина 278
- Помещики 130, 176, 201, 203, 212, 314, 346, 349–350, 454–456, 504–507, 510, 612
- Порт-Артур 199
- Посевкомы (посевные комитеты) 583, 613
- Права личности 321
- Правовой нигилизм 282, 420
- Православная Российская Церковь 15, 31, 177, 275, 277, 312, 361, 384–395, 409, 421, 433–434, 490, 496, 505, 513, 551, 570, 574, 591
Архиереи, епископат 384–386, 389
Всероссийский Поместный Собор (1917–1918) 384, 386–387, 391–392
Всероссийский союз демократического православного духовенства 385
Всероссийский союз объединенных приходов 388
Всероссийский съезд духовенства и мирян (1917) 385
духовенство, священники 162, 177, 322, 350, 384–394, 468, 574, 591, 669, 671
«Живая Церковь» 574
монашество 387, 389, 479
обновленчество 177, 391–392
Патриаршество, Патриарх 177, 384, 386–395, 574, 591
Самоуправление 386, 390
Святейший Синод 177, 377, 384–394, 409, 573
- Православная Русская Церковь
зарубежная 206, 570, 573–574
- Прага 139, 206, 254, 294, 492, 569–573, 603
- Предпарламент см.: Временный совет
Российской республики
- Предприниматели,
предпринимательство 26, 74, 188, 201, 203, 244, 268, 297, 300, 403, 439–440, 442–443, 445, 454, 468, 528–538, 544, 546, 599, 628, 637, 655, 661, 671
- Общество инженеров-предпринимателей 532–535
- Преступность 273–277, 301, 316, 516
взяточничество:
до 1917 423, 653;
после 1917 204, 585
воровство, хищения 135, 204, 585, 600
грабежи 145, 176, 202–203, 274, 277, 288, 360, 362, 418, 463, 499, 599, 633
изнасилования 167, 357
коррупция:
до 1917 42;
после 1917 204, 282, 358, 360, 579, 585, 593
мародерство 205, 596, 660
погромы см.: Еврейские, Немецкие погромы
протитуция 412–413
убийства 217, 278, 384, 443, 572, 657
- Приамурское Временное правительство 661
- Приамурье 357, 658
- Прибалтика 52, 100–101, 201, 203–204, 336, 452, 454, 504, 507, 569–570, 629, 644–652, 665
- Приказ № 1 Петроградского Совета 65–66, 78, 81, 226, 279, 334, 559
- Приморье 293, 658
- Приуралье 390
- Прогулы рабочих 548, 596, 601, 603
- Продналог 124, 363, 510, 587
- Продовольственная диктатура 257, 580, 584, 589, 608
- Продовольственные комитеты 30, 607
- Продовольственный кризис 42, 257, 351–352, 362, 543, 612
- Продовольственный налог (продналог) 116, 122–125, 176, 260, 363, 510, 587, 589, 607, 609–610
- Продовольствие:
заготовка 431, 582, 584
нехватка 42–43, 442, 475, 507, 589, 596, 598, 600
производство 214, 602
развёрстка (продразверстка) 116, 122–124, 176, 260, 359, 361, 408, 509, 578, 585, 587, 589, 607–611, 657–658
распределение 42, 214, 408, 591–592
реквизиция 42, 204, 260, 266, 288, 352, 356, 358–359, 508–510, 579–580, 582, 584–585, 597, 606–608, 633
снабжение 22, 38–39, 326, 589
удорожание 599
- Производительность труда
- Пролеткульт 269, 369, 516–517
- Промышленники 36, 75, 150, 203, 219, 441–442, 455, 528–539, 553, 637

- Промышленность 39–42, 52, 90, 122, 146,
 200, 216, 223, 256, 265, 267, 299, 396–397, 424,
 443, 448, 455, 513, 531, 533, 535–537, 540,
 543–545, 547, 554–555, 567, 581–583, 585–586,
 596, 600–601, 610–611, 613
 добывающая 42
 нефтяная 528, 585
 угольная 528
 тяжелая 42, 528–529, 536
 металлургия 397, 444, 446, 454,
 528–529, 598, 601
 металлообрабатывающая 540
 полиграфическая 376, 440
 химическая 598, 600
 легкая 599
 текстильная 397, 446
 военная 52, 56, 585, 598
 государственная 440, 561
 советизация 373
 «Протоколы сионских мудрецов» 29, 571
 Профсоюзы 27, 92–93, 116–117, 120–122,
 143, 146, 176, 192, 204, 222, 240, 246, 253–254,
 256, 259, 266–268, 274, 276–277, 309, 369, 379,
 396–405, 418, 420, 441, 445–449, 474, 479, 485,
 530, 543–544, 547–549, 581–582, 586
 ВЦСПС (Всероссийский центральный
 совет профсоюзов) 121, 398–402, 449
 Югпроф (Совет южных профсоюзов) 403
 водников (работников водного
 транспорта) 267
 железнодорожников 267, 402, 566
 металлистов 445, 536, 547, 601
 печатников 401–402, 440
 почт и телеграфов 566
 Цетран (ЦК транспортных
 рабочих) 176, 267, 402
 Всероссийские съезды:
 I 397–401, 405, 446, 448, 546–547
 II 400–401
 Всероссийские конференции
 III 397–398, 400–401, 405
 V 176
 I Всеукраинская конференция 403
 Псков 85, 232, 597, 645
 Путиловский завод 63, 532, 549
 Пьянство (см. также: Водка) 195, 203, 204,
 279, 357–358
 Пятилетки сталинские 26
 Работницы:
 до 1917 598–599
 в 1917 61–63
 после 1917 407, 411, 473–476, 542,
 597–598
 «Рабочая группа», движение 268
 «Рабочая демократия» 119, 268
 Рабочая интеллигенция 485
 Рабочая Красная гвардия 20
 Рабочая милиция 65–66, 223, 446
 «Рабочая правда», организация 269
 Рабочее движение, забастовки, стачки 542
 до 1917 78, 173, 185, 223, 252–253, 274,
 396, 410, 473, 521, 530, 638, 640
 в 1917 36, 61–63, 74, 244, 255, 398–399,
 426, 440, 473–474, 547
 после октября 1917 96, 146, 227, 236, 322,
 360, 363, 370, 403, 411, 424, 475–478, 542,
 547–549, 602, 680
 Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин,
 РКИ) 146, 419
 Рабочие 20, 22, 27, 36, 38, 46, 277, 486, 502,
 512–513, 522
 до 1917 28, 49, 57, 61, 140, 173, 186, 192,
 212, 223, 231, 239–241, 252–253, 269, 274,
 396–397, 410, 439–440, 468, 477, 502, 528,
 530–531, 540, 543, 565, 596–598, 625–628,
 637–638, 645, 654–655
 в 1917 27–28, 30, 36, 43, 65–66, 73–74, 79,
 85, 88–89, 92–93, 96, 130, 143, 150, 190,
 195, 213, 215, 223–227, 232–233, 235, 244,
 247, 250, 253–256, 259, 259, 267, 275–277,
 298, 300, 312–314, 376, 379, 381–382,
 397–400, 404–405, 407, 426–430, 439–447,
 468, 496, 512, 533–535, 537, 540, 543, 554,
 599, 622, 626, 639–640, 646, 650, 656,
 658, 677
 после 1917 25, 28, 30–31, 36, 44, 48, 98, 114,
 117–119, 123, 169, 176, 179–180, 201, 203–204,
 228–229, 236, 259, 267–270, 277, 280, 282, 319,
 337–339, 352, 362, 370–373, 389, 400–404, 412,
 420, 422, 448–449, 468, 487, 498, 507–508, 510,
 514–518, 526, 536–537, 540–550, 561, 568,
 580–596, 595, 597, 600–603, 608, 610, 666, 668
 Рабочие-металлисты 123, 267, 404, 536, 441,
 541–542, 598
 Рабочий контроль 40, 88, 90, 143, 192, 235,
 255, 265, 276, 313–314, 371, 373, 441–449, 536,
 545–547, 579, 581
 Рабфаки, рабфаковцы 372–373, 518
 Рада Кубани и Терека 498
 Разведки:
 Австро-Венгрии 173, 200
 Великобритании 109–110, 174
 Германии 80–81, 84–85, 135, 174, 200
 России 199
 РСФСР–СССР 138, 207, 278, 281, 474
 США 109–110
 Турции 174
 Франции 110
 анархистов 278, 281
 антоновцев 361
 белая 204, 474
 «Развитие капитализма в России»,
 книга В. И. Ленина 180

- Районные думы 216, 330, 332, 431
 Реввоенсовет Республики (РВС СССР)
 178, 278, 341, 435
 Ревель 232, 382, 645–646
 Революционные трибуналы
 (ревтрибуналы) 169, 312, 318, 322,
 382, 388
 Революционный трибунал печати 382
 Революционных коммунистов партия 236
 Революция 1848–1849 в Европе 273, 457, 569
 Революция 1905–1907 в России 24, 39, 54,
 139–140, 152, 155, 159, 162, 164, 172–173, 185,
 192, 213, 233, 240, 252–253, 269, 274, 307, 348,
 359, 384, 396, 406, 427, 433, 439, 444, 454,
 457–458, 462, 483–484, 496, 504–506, 522, 531,
 552, 558, 562, 569, 625, 628, 637, 644–647,
 654, 676
 Реквизиции 42, 204, 260, 266, 288, 352, 356,
 358–359, 362, 382, 387, 447, 497, 508–510,
 580–585, 597, 606–607, 633
 Религиозно-философская академия
 (Берлин) 573
 Ремесленники 274, 350, 352, 503, 586, 628
 «Республиканский центр» 378
 Рига 83, 569–570, 572, 647–649
 РОВС (Русский Обще-Воинский Союз)
 180, 205–209, 292, 570
 Рождаемость: уровень 348, 410, 571, 595;
 регулирование 413
 Российская радикально-демократическая
 партия 188, 307
 Российский Красный Крест 570
 Ростов-на-Дону 217, 380, 496
 РСДРП(б), с 1918 РКП(б), с 1925 ВКП(б),
 в 1952–1991 КПСС (большевики,
 коммунисты) 18, 24–26, 29, 31, 36–42,
 44–49, 54, 58, 62, 73, 78, 80–102, 105–114,
 116–125, 136–137, 139–146, 149–154, 157–159,
 167–176, 179–184, 188–191, 193, 195–196,
 198–201, 203–204, 208, 213, 215–219, 223–229,
 232–243, 246–250, 252–272, 274, 276–283,
 286–287, 290–291, 293–294, 296, 302, 304–305,
 307, 309, 311–316, 318–321, 323, 331–332,
 334–339, 342, 351–354, 356–363, 365–372,
 374–376, 378–379, 381–383, 386–387, 390,
 392–393, 396–414, 416–424, 427–431, 434–437,
 443–449, 459, 467–468, 473, 475–478, 480–500,
 504, 507–526, 536, 540, 542, 544–556, 559–560,
 562–563, 567, 578–584, 586–590, 592, 595–601,
 605–614, 617, 620–621, 626, 629, 631–652,
 654–662, 665–673, 675, 677–684
 ЦК 89, 91–95, 97, 116–117, 121–124, 141,
 143–144, 146, 168, 173–175, 178, 183, 234,
 238, 255–258, 262, 264–265, 268, 274,
 279–280, 313, 319, 321–322, 336, 341–342,
 362, 390, 392, 417–423, 427, 487, 500, 515,
 519, 673
 Политбюро ЦК 146, 177–179, 258, 260,
 419, 421, 423
 Оргбюро ЦК 258
 Русское бюро ЦК 62, 254
 Петроградское бюро ЦК 175
 Военная организация ЦК и ПК 89
 Женотдел ЦК 407
 Еврейская секция 632
 Московский комитет 279
 Петербургский комитет 73, 89, 97,
 262, 277
 Петроградское бюро ЦК 175
 Сибирское бюро ЦК 662
 Среднеазиатское бюро ЦК 673
 Среднесибирское бюро ЦК 656
 Съезды:
 II (17 июля–10 августа 1903,
 Брюссель–Лондон) 139–140, 172,
 239, 252, 434
 III (12–27 апреля 1905, Лондон) 253
 IV (10–25 апреля 1906, Стокгольм) 253
 VI (26 июля — 3 августа 1917,
 Петроград) 174–175, 255, 428
 VII (6–8 марта 1918, Петроград)
 257, 265, 272
 VIII (18–23 марта 1919, Москва) 175,
 259, 266, 272, 341–342, 389, 564, 612
 IX (29 марта — 5 апреля 1920,
 Москва) 272, 342–343
 X (8–16 марта 1921, Москва) 116–125,
 144, 175, 259–260, 264, 268, 344,
 362–363, 402, 510, 586–587, 609
 XI (27 марта — 2 апреля 1922,
 Москва) 344
 XII (17–25 апреля 1923, Москва)
 176, 402, 673
 XV (2–19 декабря 1927, Москва) 268
 Конференции:
 VI Пражская (5–17 января 1912,
 Прага) 173
 VII Апрельская (24–29 апреля 1917,
 Петроград) 143, 255, 427, 621
 IX (22–25 сентября 1920, Москва)
 267, 272
 X (26–28 мая 1921, Москва)
 Дискуссии:
 «Брестская» (1918) 256, 264–268,
 270, 277
 профсоюзная 116, 176
 Оппозиции:
 военная оппозиция 120, 146, 175, 259,
 266, 341–342, 563
 демократические централисты
 (децисты) 146, 259–260, 266–270
 игнатовцы (группа Е. Н.
 Игнатова) 267
 левая оппозиция 266, 268, 270–271

- левые коммунисты 120, 146, 168, 235, 257, 265–267, 271, 339, 341
национал-уклонисты 673
объединенная оппозиция 178
Рабочая группа 269
рабочая оппозиция 117–120, 122, 146, 259–260, 266–271, 402, 605
«Рабочая правда» 269
троцкисты 179–182, 267–268, 270
Программа РКП(б) 1919 408
- РСДРП, Междурайонная организация 62, 174
РСДРП (меньшевиков), меньшевики 24–25, 27, 37, 62, 71, 76, 80–81, 88–96, 139–140, 142–144, 148–153, 172–175, 184–191, 193–196, 201, 223–228, 233–234, 236, 239–267, 300, 302, 307–309, 311–315, 331, 338, 379–382, 397–403, 409, 416–417, 422, 426–444, 473, 484–486, 542, 567, 571–572, 580, 583–584, 621, 626, 631, 638–644, 646–648, 656–678
ЦК 190, 246
Организационный комитет 173, 188
Комитет Петроградской организации 246
Съезды:
Объединительный (19–26 августа 1917, Петроград) 149–150, 189, 246–247
Чрезвычайный (30 ноября — 7 декабря 1917, Петроград) 152, 313
Конференции:
Августовская (1912, Вена) 173
Майская (7–12 мая 1917) 149–150, 188
- РСДРП (объединенная) 250
ЦК 253
- Румыния 55–56, 279, 281, 364
Русская Освободительная Армия
Русские 38, 55, 109, 112–114, 136, 162, 206, 208, 273274, 29, 287, 321, 357, 360, 378, 402, 423, 433, 437, 452–455, 458, 462–463, 465, 467, 471, 479, 490, 492, 522, 533, 551, 569–572, 617, 624, 637–638, 640, 642, 644, 646–647, 653, 661, 661, 664–670, 672, 676, 681–682
Русский корпус (Югославия) 208
Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) 180
Русское студенческое христианское движение (РСХД) 574
Русско-турецкая 1877–1878 война 198, 552
Русско-японская 1904–1905 война 54–55, 155, 164, 198–199, 203, 457, 521, 522
Рыбинск 110, 379–380
- Самара и губерния 99, 172, 196, 226, 228, 233, 275, 277–279, 316, 331, 357, 359, 362, 381–382, 416, 506, 591, 593, 602, 658–659
Самарканд 170, 666–667, 671, 674
Самоорганизация 273, 276–278, 347, 374, 404, 417, 449
- Самоубийства 203, 286, 498
Самоуправление:
местное 204, 244, 246, 260, 276, 278–279, 299, 301–302, 309–311, 326–327, 330–333, 349, 351, 358, 361, 426, 428, 431, 507, 618, 644–647, 650,
национально-автономное 625–627, 664–667, 677
рабочих (см. также: Советы, Профсоюзы, Фабзавкомы) 252, 271
учащихся 368, 371
- Саратов и губерния 8, 192, 233, 275, 278, 353, 359–360, 360, 362, 380, 412, 506, 591
Свобода 17, 24, 29–30, 49, 142–143, 145, 186, 212–216, 273–277, 282, 307–308, 311, 433, 475, 482, 495, 513, 618
агитации 279
академическая и университетская 370–371, 514
личности 274, 307, 409, 475, 488, 490, 654
печати 204, 377, 379, 381, 488, 547
слова, дискуссии, критики 26, 120, 178, 267–268, 298, 373
собраний и объединений 433
совести 217, 385–386, 388, 433–436, 487, 630
труда 176, 545
- Свободная любовь см.: Половой вопрос
Севастополь 205, 322, 426
Северная область 202, 292
Сектанты, секты 433–438
I Всероссийский съезд сектантских сельскохозяйственных и производительных объединений (1921) 437
сектанты-коммунисты 436
- Семипалатинск 666
Семипалатинская губерния 357
Семиреченское казачье войско 495
Семиречье 330, 674
Семья 161, 178, 206, 349, 406–415, 431, 459, 472, 474, 480, 503, 505, 524, 570, 601
Сенат 328, 377
Сепаратисты 200, 215, 219, 618–621
кавказские 201, 641–642
кубанские 203
сибирские 655–656, 661
украинские 276, 629, 632–633
эстонские 649
- Сербия 55–56, 205, 208, 573
Серп и молот, символ 181, 534, 554
Сечевые стрельцы 680–681, 683
Сибирская областная дума 656–657
Сибирская ссылка 71, 185, 222, 224, 232, 241, 254,
«Сибирские циммервальдцы» 71, 241
Сибирское казачье войско 290, 495, 500

- Сибирское областничество 106, 655–656
- Сибирь 49, 100–103, 110–114, 175, 185, 201–202, 217–220, 228–229, 232, 234, 254, 265, 278, 288–294, 351, 356–357, 359, 363–364, 403, 435, 455, 462, 475, 479, 503, 510, 524, 601, 653–665, 670
- Сиваш 279
- Симбирск и губерния 99, 139, 359, 591, 602, 658–659
- Симферополь 219
- Сионизм, сионисты 219, 627, 630–631
- Конгресс сионистов (Базель, 1905) 626
- III съезд сионистов России (Гельсингфорс, 1906) 627
- VII съезд сионистов России (Петроград, 1917) 630–631
- Сионистско-социалистическая рабочая партия 626
- Служащие 65–66, 85, 96, 155, 246, 248, 267, 314, 319, 327, 347, 422, 430, 473–474, 535, 565–567, 597, 599, 655, 664, 666
- Всероссийский съезд коммерческих и промышленных служащих (1917) 567
- «Смена вех», сменовеховцы 462, 491–493
- Смертная казнь:
- до 1917 167, 275
- в 1917 79, 83, 199, 226, 302
- после 1917: анархистами 278–279;
- белыми 201, 203, 316, 403–404, 660;
- советская 103, 169–171, 175–176, 180, 203–207, 236, 274, 279, 281, 319–324, 357–358, 360, 389, 499, 561, 580, 657–658, 660
- Смертности уровень 408, 571, 595, 601–602
- Смольный 277, 648
- Собственная Его Императорского Величества канцелярия 164
- Совет депутатов трудовой интеллигенции (Москва) 429, 566
- Совет Министров (царское правительство) 26, 59, 61, 65, 156, 164, 222, 348, 464, 469, 475, 558, 629, 645, 647, 658–659
- Министерства:
- военное 522
- внутренних дел 165, 319, 326–327, 433, 453, 463–464
- земледелия 463, 608
- иностраннных дел 453
- продовольствия 599, 608
- путей сообщения 67
- финансов 42, 43
- Совет Народных Комиссаров (Совнарком, СНК) РСФСР, советское правительство 85–86, 90, 95, 111, 140–141, 143–144, 169, 175, 195, 227, 227, 234–238, 249, 256–258, 264, 277, 280, 311–313, 315, 318–321, 323, 332, 335, 337, 371, 373, 382, 386–390, 393, 407, 409, 412–413, 416–421, 423–424, 429–430, 434–437, 447, 491, 509, 546, 560–561, 570–574, 580–581, 583–585, 590–592, 632, 648–650, 673, 679, 682–684
- Народные комиссариаты (Наркоматы) 417–418, 422–423, 581, 590
- внутренних дел (НКВД) 138, 171, 175, 207, 238, 281, 312, 320, 322, 324, 332, 364, 390, 519, 581
- государственного контроля (с 1920 рабоче-крестьянской инспекции — РКИ) 581
- здравоохранения (Наркомздрав) 278, 413
- земледелия (Наркомзем) 238, 437, 593
- иностраннных дел (Наркоминдел) 175, 278, 336, 422, 581, 590, 632
- по военным и морским делам (Наркомвоенмор) 178, 340–341, 344
- по делам национальностей (Наркомнац) 418, 632
- продовольствия (Наркомпрод) 340, 421, 580, 583–584, 589, 608–609, 611, 664–674
- просвещения (Наркомпрос) 176, 365–373, 387, 408, 513–515
- путей сообщения (Наркомпуть) 176, 267, 340
- социального обеспечения 408
- труда (Наркомтруд) 267, 400, 545
- финансов (Наркомфин) 583
- юстиции (Наркомюст) 236, 322, 388–390, 413, 421, 435, 437, 581
- Главный комитет профессионально-технического образования 373
- Совет съездов представителей промышленности и торговли 529, 531, 533–534
- Совет Труда и Обороны (СТО) 581
- Советизация России 426
- еврейских учреждений 632
- промышленности 373
- университетов 374
- «Советский режим», книга М. В. Вишняка 487
- Советско-германский пакт 1939 153
- Советско-польская 1920 война 104, 113, 176, 204, 289, 321, 343–344, 360, 373, 573, 610, 629, 633, 683–684
- Советско-финская 1939–1940 война 207
- Советы крестьянских депутатов 167, 225–227, 234, 248, 351–354, 427, 429, 432, 505, 507, 511
- Всероссийские съезды:
- I (4–28 мая 1917, Петроград) 225, 427, 505–506
- Чрезвычайный (11–25 ноября 1917,

- Петроград) 429
II (26 ноября — 10 декабря 1917, Петроград) 429–430
ИК Совета 234, 428
Губернские съезды 506
Советы рабочих и солдатских депутатов (рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов) 199
Бакинский 641
Бугурусланский 381
Видземский 647–648
Воронежский 381
Гельсингфорский 380, 426
Гуляй-Поля 276, 358
Екатеринодарский 381
Казанский 226, 379
Кинешмы 381
Коврова 381
Кронштадтский 226, 232, 380
Кунгурский 379
Кыштыма 381
Латвии 648
Лужский 84, 362
Минский 359
Могилёвский 225, 379
Московский 256, 280, 377, 419, 446
Николаевский 379
Одесский 379
Пензенский 226, 258
Петербургский (1905) 173
Петроградский (Ленинградский) 64–67, 69, 71, 74–80, 88, 90, 93, 94, 108, 139, 148, 149, 156, 174, 175, 184, 186, 193, 215, 226, 242, 247, 254–256, 280, 296, 298–300, 304, 306, 308–309, 314, 334, 342, 376, 377, 380, 419, 426–427, 432, 440, 441, 445, 446, 497, 553, 559, 582, 621, 655, 677
Ревельский 646
Рижский 646–647
Рыбинский 379
Самарский 226, 381
Севастопольский 199
Смоленский 359
Сухумский 379
Ташкентский 668
Тифлисский 639–640
Туркестанский 226
Харьковский 225, 379
Царицынский 340
Всероссийские съезды:
I (3–24 июня 1917, Петроград) 149, 225, 245, 276, 304, 427, 621
II (25–27 октября 1917, Петроград) 85, 90–96, 139, 143, 151, 175, 227, 234, 246, 248, 296, 304, 313, 387, 418, 429, 432
III (10–13 января 1918, Петроград) 235, 313–314, 317, 418, 430, 432
V (4–10 июля 1918) 168–169, 236, 388, 430
VII (5–9 декабря 1919) 279, 436
VIII (22–29 декабря 1920) 123, 260, 268
X (23–27 декабря 1922) 280
Всероссийское совещание (1917) 79
ВЦИК–ЦИК 81, 85, 88, 90, 95–96, 125, 151, 168–169, 184, 188–189, 205, 226–228, 234, 236, 238, 246–247, 249, 279, 312, 314–315, 319, 321–322, 338–339, 368, 382–383, 409, 418–419, 427–432, 436, 447, 546, 570, 584, 590
I Всероссийская конференция 225
Губернские съезды (1921) 581
Советы трудовой интеллигенции 429, 566
Совхозы 347, 541, 612–613
Соединенные Штаты Америки 8–16, 18–19, 23, 53, 57–58, 109–114, 146, 155, 174, 180–183, 196, 199, 204, 208–209, 271, 274, 280–281, 294, 365, 376, 473, 569–574, 590–592, 648, 657
Госдепартамент 111–112, 174
Конгресс, конгрессмены 112, 209, 591
Соединенные Штаты Европы 273
Солдатки 407, 479, 503
Солдатско-офицерские комитеты см.:
Войсковые комитеты
Солдаты:
до 1917 27–28, 36, 61, 161–162, 185, 199, 223, 378, 463–468, 496, 503, 562
в 1917 26–28, 36, 49, 62–67, 73–75, 78–86, 88–93, 98, 129, 136, 149, 186, 195, 202, 213, 223–229, 232–233, 276, 312, 314, 334, 420, 426–432, 459, 506, 522–523, 552, 554, 559–560, 562, 565, 608, 631, 639–640, 646, 650, 656, 677
белые 203, 357
красные 114, 236, 268, 334–344, 353, 446, 516, 540, 561, 563
София 154, 220, 569, 572
«Социалистическое отечество в опасности!», воззвание 319
Социализация:
земли 143, 192, 255, 612
повседневной жизни 408, 477
производства 277
Союз возрождения России 152, 485
Союз защиты Родины и Свободы 110
Союз коммун Северной области 368
«Союз оборонцев» 1939 208
Союз Советских Социалистических Республик 25, 29–31, 33, 44, 58, 108, 143, 146–147, 153, 158, 170–171, 178–182, 196, 205–208, 252, 261, 281, 283, 297, 318, 323,

- 337, 365, 405, 416–417, 423, 476–477, 482, 492, 502, 596, 661, 672
- Союз работников просвещения и социалистической культуры 369
- Союз учителей-интернационалистов 368–370
- Союзы трудового крестьянства 359–360
- Спекуляция (см. также Мешочничество, Чёрный рынок):
до 1917 42–43
в 1917 330, 608
после 1917 204, 319, 389, 543
- Средняя Азия 664–674
- Средние слои населения 565–568
- Сремски-Карловцы 573
- Сталинизм 41, 44, 179, 206, 271, 281
- Стамбул см.: Константинополь
- Старообрядческая Церковь 19, 433–438
- Вероссийский съезд старообрядцев (1917) 434
- I съезд старообрядцев Белокриницкого согласия (1918) 435
- Столыпинские реформы 348–349, 457, 505
- Студенчество:
до 1917 154, 172, 185, 192, 231, 274, 555, 569, 624, 635
в 1917 233, 310, 622
1917–1991 176, 281, 314, 365–374, 479, 570
после 1991 20, 23, 281–282
- Сухуми 379
- Сырань 382
- Таврическая губерния 675
- Таврический дворец (Петроград) 62, 64, 66, 74, 195, 276, 313–316, 426
- Таджики 667
- «Тактический центр» 278
- Тамбов 167, 304, 359–360, 380–381
- Тамбовская губерния 167, 192, 352, 356, 360, 363–364, 506, 584, 589
- Тамбовское восстание см. Антоновщина
- Тарбуг 631, 634
- Татария 323, 591, 673
- Татары 219, 238, 618
- Ташкент 22, 170, 227, 233, 304, 597, 668–669, 669, 671, 674
- Терек 203–204, 498–499
- Термидор советский 178
- Терское казачье войско 495
- Типографии 235, 276, 376–380, 382, 387, 517, 547
- Тифлис (Тбилиси) 185, 190, 597, 637–642
- Тобольск 165, 359
- Толстовский фонд (США) 209
- Толстовцы 275, 433–437
- Томск и губерния 232–233, 301, 357, 359, 403, 656–658
- Топлива поставка, контроль и распределение 42–43, 441–442, 448
- Топлива нехватка и кризис 38, 49, 79, 116, 342, 535, 540, 585, 600
- Торговля 140, 275, 326, 328, 508, 597, 600, 624, 653–654, 671
внешняя 38, 55, 146, 389
мелкая 42, 274, 498, 585, 597, 606
нелегальная 584
частная 144, 430, 503, 580, 584, 606, 637
- Торговли запрещение 42, 122–125, 609, 611, 669
- монополизация 300, 330, 580, 607
разрешение 589, 609, 671
регулирование 42, 328, 351, 424, 597, 543, 566, 579
- Торгово-промышленные круги 213–214, 244, 327
- Транспортный кризис 597, 599
- «Трест», операция 571
- Троцк, см. Гатчина
- Троцк (Иващенко) 177
- Троцк, см. Юзовка
- Троцкизм 179, 182
- Троцкисты см. РСДРП(б)- РКП(б)- ВКП(б)- КПСС, оппозиции
- Труд 40, 130, 145, 267, 271, 273–274, 307, 321, 354, 385, 398–399, 412, 430, 440–442, 449, 455–456, 476–477, 485, 487, 492, 504–504, 513–514, 531, 533–537, 540–548, 567, 579, 581–583, 586, 596–603,
дисциплина 256, 402, 536, 547–548, 586
и В. И. Ленин 586
и Николай II 162–163
и Л. Д. Троцкий 176
научная организация 278
охрана 301
- Трудовые армии (см. также: Милитаризация труда) 176, 267, 342–343
- Трудовая народно-социалистическая партия (трудовики, народные социалисты) 75, 217, 224, 243, 307–314, 566, 625, 651
- Трудовая повинность 119, 545, 586, 664
- Тула и губерния 288, 540
- Туркестан 199, 328, 619, 664–674
- Туркестана компартия 673
- Туркестанская АССР 673
- Туркестанская Советская Федеративная Республика 669
- Туркестанский комитет Временного правительства 667–668
- Туркестанское автономное правительство 668
- Туркмения 411, 641, 671, 679
- Туркмены 667, 670

- Турксовнарком 668–669
- Турция (см. также Османская империя) 156, 174, 179, 198, 289, 461, 570, 641–642
- Тюмень и губерния 359, 364, 653
- Тюрьмы:
- Акатуйская (Нерчинский округ) 167
 - в Варшаве 279
 - Бутырка (Москва) 358
 - в Быхове 200
 - Кресты (Петроград) 173–175, 276
 - Лубянка (Москва) 207, 320, 324
 - в Одессе 172
 - в Орле 170, 171
- Узбеки 479, 667
- Узбекистан 674
- Украина 52–53, 86, 98–102, 104, 110, 215, 232, 257, 260, 266, 274, 278–279, 283–284, 287, 301, 323, 336, 346, 356–39, 361, 364, 366, 369–370, 378, 403, 416, 419, 438, 443, 446, 419, 438, 443, 446, 452, 452, 454–455, 503, 504, 507, 570, 601, 619, 621–622, 628–635, 665, 675–685
- Всеукраинский революционный комитет 279
 - Всеукраинский съезд Советов 679
- Украинцы 38, 109, 215, 238, 274, 279, 321, 364, 423, 463, 569, 619, 621–622, 624, 675–685
- Украинская держава 680–681
- Украинская Директория 633–634, 681–682
- Украинская коммунистическая партия 680
- Украинская Народная Республика (УНР) 633, 679–681
- ее война 1918–1919 с РСФСР 679–682, 684
- Украинская партия социалистов-революционеров 227, 312, 677, 679–680
- Украинская партия левых социалистов-революционеров 238
- Украинская социал-демократическая партия 312, 677, 680
- Украинская Социалистическая Советская республика (УССР) 591, 682
- Украинская Центральная Рада 98, 215, 302, 358, 382, 622, 633, 677–680
- Украинские автономисты 622
- Украинские националисты 629, 633
- Украинские сепаратисты 632–633
- Украинские социалисты-федералисты 677, 684
- Украинский национальный конгресс 619, 677
- Украинско-польская 1918–1919 война 633, 681
- Университеты 24, 212, 300, 370–374, 513–515, 520
- Вермонтский (США) 20
 - Восточной Англии (Великобритания) 18
- Гарвадский (США) 30, 180
- Джорджтаунский (Вашингтон, США) 20
- Казанский 139
- Колумбийский (Нью-Йорк, США) 19, 209, 592
- Индианский (Блумингтон, США) 19–20, 183
- Московский 154, 185, 192
- Мичиганский (Анн-Арбор, США) 18, 208
- Новороссийский (Одесса)
- Оксфордский (Оксфорд, Великобритания) 19
- Санкт-Петербургский (С.-Петербург) 19, 139
- Софийский (Болгария) 154
- Штата Огайо (США) 19
- Урал 98–99, 101, 201–202, 232, 290–291, 311, 337, 443, 455, 603, 653, 655, 658, 660
- Уральск 666
- Уральское казачье войско 290, 495
- Уссурийское казачье войско 495
- Уфа и губерния 170, 196, 217, 228, 232, 290, 316, 359, 591, 658
- Уфимская директория см.: Временное Всероссийское правительство
- Учащиеся 20, 367–368, 430, 372–374, 514, 522
- Ученические комитеты 368
- Ученые отечественные:
- до 1917 154, 159, 537
 - 1917–1991 24–28, 62, 177, 283, 296, 318, 356, 391–393, 413, 492, 502, 514–515, 562, 572–573
 - после 1991 18–19, 23, 29, 36–48, 98, 206, 283, 293–294, 391
- Ученые зарубежные 18–19, 30, 36–48, 60–61, 73, 108, 116, 174, 296, 349, 365–366, 392–393, 414, 542, 605
- Учителя 172, 212, 246, 300, 310, 350, 365–370, 374, 452, 473, 479, 492, 514, 521, 565
- Всероссийский учительский союз 133, 367–369
 - Союз учителей-интернационалистов 368–370
- Учредительное собрание (Всероссийское) 1918 43, 216, 277
- Комитет защиты Учредительного собрания 195, 228, 314
 - Разгон собрания и расстрел демонстрации защитников 277, 314
- Фабрично-заводские комитеты 214–215, 223, 256, 276–277, 398–401, 404, 418, 439–450, 546, 581
- 1-я Всероссийская конференция 441, 446
 - 1-я Петроградская конференция 441, 443–445, 598
 - 2-я Петроградская конференция 446

- Центральный совет (Петроград) 276, 441
- Фашизм 44, 281
 германский см. Национал-социализм
 итальянский 207, 554
 русский 44, 206–207
- Февральская революция 1917 17, 24, 35, 37–40, 42, 45, 47, 56–57, 60–70, 74, 78, 88–89, 109–110, 112, 128–130, 134, 137–139, 143, 148–149, 156–157, 179, 186, 193, 198, 213, 218, 222–224, 228, 231–232, 245, 254, 275, 296–297, 305, 308, 316, 326, 349, 376–377, 384–385, 391–392, 397, 412, 422, 426, 439–440, 473–474, 495–498, 523, 525, 534, 537, 543, 547, 553–554, 556, 559, 595, 598, 618–619, 625, 627, 629–630, 645, 653, 655–656, 677
 отречение Николая II от престола 36, 66–68, 78, 156–157, 164–165, 198, 296, 523, 525, 562, 655, 677
- Федерализм, федералисты 200, 212, 214, 280, 311, 278, 620, 677, 682, 684
 Грузинская федералистская партия 638
 Московская лига федералистов 278, 280
 украинские федералисты 684
- Феминизм 14, 414, 473, 481
- Феминистки 414, 473, 479
 большевички 267, 478
 кадетки 479
 марксистки 477
 эсерки 479
- «Философские пароходы» см.: Высылка 1922
- «Философия неравенства», книга Н. А. Бердяева 490
- Финляндия (Великое княжество Финляндское) 90–91, 143, 150, 174, 202, 207, 214, 292, 301, 328, 496, 617–618, 620–621, 665
- Финны 292, 321, 569, 621
- Франция, французы 23, 26, 52–53, 56–58, 101, 108–113, 139, 157–158, 174, 179, 181, 201, 204, 207, 273–274, 280–281, 289, 292, 294, 297, 311, 321, 339–340, 347, 365, 376, 423, 452, 457, 520, 528–531, 533, 536–537, 558, 651, 682
 Революция (1789–1794) 22, 271, 299, 427, 457, 488, 523, 555, 569, 622
 Революция (1830) 569
- Франко-русский союз 1894 54
- Фронтные и армейские комитеты см.:
 Войсковые комитеты
- Фронтные и армейские съезды 79, 80, 83, 85–86
- Хабаровск 657
 «Хабима», театр 631
- Харбин 207, 209, 422, 569–570
- Харьков и губерния 102, 203, 219, 225, 233, 272, 279–280, 288, 379, 381, 403, 443, 506, 675, 679–680
- Хаскала 624
- Хельсинки, см.: Гельсингфорс
- Херсонская губерния 172, 506, 675
- Хива (Хивинское ханство) 617, 667, 670–672, 674
 малодохивинцы 670–671, 673
- Хивинская компартия 671
- Хлебная монополия 566, 605–615
- Хлебная повинность 607–609
- Холмская губерния 675
- Холодная война 24, 26, 108, 114, 593
- Хорезм 671–672
- Хорезмская компартия 671
- Христианская социалистическая партия 434
- Хулиганство 63, 319
- Царицын и губерния 102, 202, 288, 302, 340, 380, 499, 591
- Царское Село 67, 165
- Царство Польское см.: Польша
- Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока 673
- Цектран см.: Профсоюзы
- Цензура:
 царская 330, 377, 521
 в 1917 377, 379–381
 белая 201, 204
 советская 182, 283, 323, 382, 424, 517–519
- Центральные державы (см. также: Австро-Венгрия, Германия) 56–57, 100–101, 378, 562, 676
- Центральный комитет социально-политического просвещения 378
- Центросибирь (ЦИК Советов Сибири) 657
- Циммервальдские конференции:
 1-я (1915) 142, 193
 2-я (1916) 142
- Циммервальдское движение (см. также: «сибирские циммервальдцы») 148
- Цюрих 174, 621
- Челябинск и губерния 102, 359, 591, 655, 658
- Черниговская губерния 506, 675
- Черноморский флот 199, 233–234, 301, 311
- Черта оседлости 462, 464, 628–629, 683
- Чехословакия 572, 659
- Чехословацкий легион, чехословаки-легионеры 99, 101, 111, 202–203, 257, 290–291, 320, 338–339, 508, 657–661
- Чехи 321
- «Чёрная сотня», черносотенцы 377, 628
- Чёрная гвардия 276–277
- Чёрный Крест 280–281
- Чёрный рынок (см. также: Мешочники) 579, 585, 609
- Чиновничество см.: Бюрократия
- Чита 657

- Чрезвычайное собрание уполномоченных
фабрик и заводов Петрограда 1918 48
- Чрезвычайные комиссии (ЧК), чекисты 105,
169–170, 206, 236, 278–279, 281, 363,
319–322, 353, 392, 394, 421, 487, 584, 632
- Всероссийская (ВЧК) 49, 110, 143, 169,
171, 207, 217, 228, 234–238, 318–325, 341,
382, 390, 418–419, 517, 519, 581, 584, 591,
649, 662
- Кисловодская 278
- Московская 169
- Петроградская 277
- «Что делать?», книга В. И. Ленина 122, 140,
252, 404, 483
- «Что делать?», роман
Н. Г. Чернышевского 406, 512
- Шахтинское дело (1928) 281**
- Швеция 52, 644
- Шведы 321
- Швейцария 139, 141–142, 148, 193, 254, 620
- Школы 24, 135, 176, 278, 326, 362, 365–370,
379, 385, 467, 473, 479, 504, 513–514, 517, 554,
571, 624–627, 631, 654, 668–669, 671
- Школы ГПУ 323
- Школы для матерей 466
- Штундисты 433
- Шура-и-Ислам 668
- Шура-и-Улема 668
- Экономический кризис в России:**
накануне 1917 297
в 1917 213, 301, 303, 331, 442, 444–45,
534–535, 537, 666
после октября 1917 49, 377, 401, 449, 540,
596–597, 607, 642
в 1921 124
- Экономический кризис мировой (2009) 18**
- Экспедиция заготовления государственных
бумаг 43
- Экспроприация собственности 274, 463
- Экспроприации земли 40, 162, 457–458
- Эмиграция:**
до революции 88, 193, 222, 224, 252–254,
269, 275, 569, 628, 635
после революции 23, 135, 157–158, 160,
181, 191, 198, 206–208, 210, 220, 292, 295,
315, 489, 492–493, 564, 568–576, 635
- Эривань (Ереван) и губерния 637, 641, 642
- Эсеры см.: Партия социалистов
революционеров
- Эсеры левые см.: Партия левых эсеров
- Эсеры-максималисты 192, 206, 274, 278,
- Эстония (см. также Эстляндская
губерния) 99, 101, 103, 197, 202, 292,
644–646, 649–652
- Эстонцы 109, 292, 618, 622, 644–646, 649–652
- Эстляндская губерния 618, 644–646
- «Этика», книга П. А. Кропоткина 279
- Юг России 112, 157, 220, 290**
- Югославия 181, 208, 271, 542
- Южнорусский рабочий союз 172
- Юзовка (Троцк) 177, 403–404
- Юки (организация юных коммунистов) 368
- Ялта 380**
- Ярославль и губерния 110, 464, 466
- Япония, японцы 23, 53, 60, 207, 570, 657, 660
- интервенция в Россию 111, 100, 292–293,
657–660
см. также: Русско-японская война

Именной указатель

І. Участники событий

В скобках указаны имена и фамилии, полученные при рождении, либо в кавычках псевдонимы.

Абрамов Федор Федорович (1870–1963), генерал-лейтенант, в 1917 командир 1-й конной дивизии Донской армии, участник Белого движения, в 1920 командовал 2-й армией. Эмигрант, в 1937–1938 председатель РОВС, формировал казачьи части для армии Гитлера, член власовского Комитета освобождения народов России. Задавлен автомобилем в США 207–209

Абрамович (Рейн) Рафаил Абрамович (1880–1963), член ЦК Бунда с 1904, меньшевик-интернационалист, с августа 1917 член ЦК РСДРП, член ВЦИК 1, 3 и 4 созывов, в 1918 председатель Всероссийской конференции уполномоченных фабрик и заводов в Москве. Эмигрант с 1920, член и в 1940–1951 председатель Заграничной делегации ЦК РСДРП, член ИК Социалистического рабочего Интернационала, в 1921–1962 член редакции и в 1923–1957 главный редактор «Социалистического вестника» 151, 152

Авалов Павел Михайлович, князь (до 1919 *Бермондт Павел Рафаилович*) (1884–1973), начальник контрразведки прогерманской Южной армии в 1918, командовал Западной Добровольческой армией в 1919, после своего разгрома сам себя произвел в генерал-лейтенанта. Эмигрант с 1919, монархист-легитимист, с 1933 фюрер Российского национал-социалистического движения в Германии, в 1939 арестован, по просьбе Муссолини выслан в Италию, с 1941 в США 207

Аванесов Варлам Александрович (Мартиросян Сурен Карпович) (1883–1930), член партии Дашнакцутюн в 1901–1903, затем меньшевик, с 1914 большевик, в 1917 член ИК и пре-

зидиума Моссовета, в 1918–1919 комиссар по армянским делам Наркомнаца РСФСР, и в 1918–1920 секретарь ВЦИК, в 1919–1921 член Коллегии ВЧК, в 1919, зам. заведующего Особым отделом ВЧК, затем зам. наркомов рабоче-крестьянской инспекции и внешней торговли, с 1925 член президиума и с 1929 начальник сектора снабжения ВСНХ 321

Авинов Николай Николаевич (1881–1937), кадет, профессор Московского коммерческого института, в 1917 17 марта — 2 августа зам. министра внутренних дел, главноуправляющий по делам местного хозяйства, с августа председатель Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии, 23 ноября арестован большевиками; в Москве в начале 1920-х создал подпольный кружок интеллигентов. В 1930-е экономист-статистик. Расстрелян 310

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943), вождь эсеров; в 1905 член Петербургского Совета РД; в 1917 председатель Всероссийского Совета крестьянских депутатов и Предпарламента, 24 июля — 2 сентября министр внутренних дел; депутат Учредительного собрания; в сентябре–ноябре 1918 председатель Временного Всероссийского правительства. Выслан в 1918 Колчаком за рубеж, в 1921 председатель совещания членов Учредительного собрания в Париже, со-редактор журналов «Современные записки», «Русские записки» и др. 193, 196, 224, 201, 222, 225, 231, 302, 316, 658

Адамов Дмитрий Александрович (1883–1937?), священник в Воронежской губернии, с 1922 обновленец, протопресвитер, в 1927–1935

- завхоз Синода обновленцев. Репрессирован 391
- Азеф Евгений Филиппович (Евно Фишелевич)* (1869–1918), секретный сотрудник Департамента полиции с 1893, глава Боевой организации ЦК эсеров с 1903, член ЦК с 1906, разоблачен в 1908, скрылся, в 1915–1917 в Моабитской тюрьме (Берлин), в 1918 служил в МИД Германии 192, 222
- Азизбеков Мешади Азим-бек-оглы* (1876–1918), большевик с 1917, член Бакинского Совета, в 1918 губернский комиссар и зам. комиссара внутренних дел Бакинского СНК, а также председатель ИК Совета крестьянских депутатов Бакинского уезда. Расстрелян англичанами 641
- Акашев Константин Васильевич* (1888–1931), авиатор, в 1917 секретарь клуба анархистов-коммунистов в Петрограде, затем комиссар и в 1920–1921 начальник Главного управления Воздушного флота, в 1929 арестован. Умер на допросе 276–278, 281
- Аксельрод Павел Борисович (Борух-Пинхус)* (1849–1928), член групп «Черный передел» и «Освобождение труда»; вождь меньшевиков, интернационалист, в 1917 член ИК Петроградского Совета, председатель ОК и с августа ЦК РСДРП (объединенной). Эмигрант, член бюро Социалистического рабочего Интернационала, сотрудник «Социалистического вестника» 12, 149, 172, 485
- Акчурина А.*, большевик, в 1920 председатель Комитета коммунистов Хорезма и член ЦК Бухарской КП, вожак в ней левых коммунистов, разогнанных в мае 1922 672
- Алданов (Ландау) Марк Александрович* (1886–1957), писатель; в 1918 секретарь делегации Союза возрождения России на переговорах с союзниками. Эмигрант с 1919, член Исполнительного бюро Заграничного комитета Трудовой народно-социалистической партии, с 1941 член нью-йоркской группы эсеров; соредактор газет «Дни», «Возрождение», и «Нового журнала» 178, 181, 572
- Александрович Вячеслав Александрович (Дмитриевский Петр Александрович, «Пьер Оранж»)* (1886–1918), рабочий, эсер, в 1917 левый эсер, член ВЦИК, в 1918 1-й зам. председателя ВЧК и заведующий Отделом ВЧК по борьбе с преступлениями по должности, участник восстания левых эсеров 6 июля в Москве, арестовал Держинского. Расстрелян 9 июля 235, 319, 320
- Алексеев Михаил Васильевич* (1857–1918), генерал от инфантерии; с 1914 начальник штаба Юго-Западного фронта, с 22 марта 1915 главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, 18 августа 1915 — 1 марта 1917 и 30 августа — 9 сентября 1917 начальник штаба Верховного главнокомандующего, 9 марта — 21 мая 1917 Верховный главнокомандующий; создатель и с 18 (31) августа 1918 Верховный руководитель Добровольческой армии 49, 66, 79, 157, 198–200, 208, 209, 217, 286, 287, 290, 293, 520, 524
- Альтфатер Василий Михайлович* (1883–1919), контр-адмирал; с 1915 начальник Военно-морского управления при главнокомандующем Северным фронтом, 14 февраля — 14 апреля 1918 помощник начальника Морского Генштаба, член РВС Республики, с 12 октября 1918 командовал Морскими силами Республики 336
- Андреев Николай* (ум. 1918), левый эсер, в 1918 фотограф Секретного отдела ВЧК, убийца Мирбаха, бежал на Украину и умер от тифа 168–169, 320
- Анисфельд Борис Израилевич (Бер Сруевич)* (1879–1973), живописец, скульптор, сценарист, участник группы «Мир искусства», «Русских сезонов» Дягилева. Эмигрант с 1917 573
- Антипов Николай Кириллович* (1894–1937), большевик, с августа 1918 до марта 1919 заместитель председателя и председатель Петроградской ЧК, затем партработник. Расстрелян 447
- Антонов Александр Степанович* (1889–1922), тамбовский эсер-боевик, в 1909–1917 на каюте, с 1917 левый эсер, с октября 1917 начальник уездной милиции в Кирсанове, с декабря 1918 командир боевой дружины, боювшейся с большевиками, с ноября 1920 начальник Главного оперативного штаба партизанских армий Тамбовского края. Убит при аресте 48, 360–363, 589
- Антонов-Овсеенко (Овсиенко) Владимир Александрович* (1883–1939), в РСДРП с 1903, меньшевик, с июня 1917 большевик, секретарь Петроградского ВРК, арестован Временное правительство; депутат Учредительного собрания; в командовании Красной Армии, в 1922–1924 начальник Политуправления РВС; полпред с 1924 в Чехословакии, с 1928 в Литве, с 1930 в Польше, с 1934 прокурор РСФСР, в 1936 генконсул в Барселоне, с 1937 нарком юстиции РСФСР. Расстрелян 98, 179, 279, 359, 361,
- Аргунов (Воронович) Андрей Александрович* (1867–1939), член ЦК эсеров с 1905; в 1917 соредактор «Воли народа»; депутат Учредительного собрания, в 1918 член Уфимской дирекции, выслан Колчаком за рубеж, на Юге России сотрудник «Утра России». Эмигрант с

- 1921, в 1922 вышел из партии эсеров и возглавил «Крестьянскую Россию» (с 1927 Трудовая крестьянская партия) 222, 225, 232
- Арманд Елизавета Федоровна (Стеффен Инесса (Элиза))** (1874–1920), француженка, вдова московского фабриканта, большевичка, с 1909 подруга Ленина, в 1917 с ним вернулась в Россию, член Исполнительной комиссии Московского комитета РСДРП(б), после октября председатель Московского губсовнархоза, в 1919 член советской миссии Красного Креста во Франции, содействовала возвращению в Россию солдат Русского корпуса, с 1919 заведовала Женотделом ЦК РКП(б), деятельница Коминтерна 476
- Архангельский Алексей Петрович** (1872–1959), генерал-лейтенант, в мае-декабре 1917 начальник Главного штаба, затем до сентября 1918 — управления командного состава Всероссийского Главного штаба Красной Армии, тайно содействовал уходу офицеров в Белую Армию, с февраля 1919 в Добровольческой армии. Эмигрант, в 1938–1957 председатель РОВС 207–208
- Аршинов (Марин) Петр Андреевич** (1887–1937), рабочий-металлист, большевик, с 1906 анархист-коммунист, в 1910–1917 в тюрьме, с 1917 секретарь Московской федерации анархических групп, с 1918 вожак группы «Набат» и в 1919–1921 сподвижник Махно. С 1921 эмигрант, агент ОГПУ, в 1930 выслан из Франции. Вернулся в СССР в 1932. Расстрелян 274, 279, 281
- Асаткин Александр Николаевич** (1885–1937), большевик, комиссар труда Иваново-Вознесенского района. Расстрелян 448
- Аснин Шлёма Аронович** (уб. 1917), уголовник, анархист-коммунист. Убит при штурме правительственными войсками штаба анархистов в Петрограде 276
- Астангов Михаил Федорович** (1900–1965), актер, анархист-мистик, рыцарь Ордена тамплиеров, лауреат Сталинских премий 1948, 1950, 1951, народный артист СССР 281
- Астров Николай Иванович** (1868–1934), член ЦК кадетов с 1907, муж графини С. В. Паниной; товарищ председателя Всероссийского союза городов, в марте-июне 1917 городского голова Москвы; в 1918 организатор «Правого» и «Национального» центров, в 1918–1919 член Особого совещания Деникина. Эмигрант с 1920, в Праге председатель Союза писателей и журналистов, член Совета Русского заграничного архива 213, 215, 217, 219
- Бабель (Бобель) Исаак Эммануилович** (1894–1940), писатель, в 1918 сотрудник «Новой жизни», затем фотограф Петроградской ЧК, корреспондент ЮгРосты в 1-й Конной армии, автор «Конармии», в 1939 арестован. Расстрелян 411
- Бабёф Грах (Нозль Франсуа)** (1760–1797), участник Великой Французской революции, издавал газету «Народный трибун», организовал заговор с целью введения коммунизма. Казнён 271
- Байтурсунов (Байтурсынов) Ахмет** (1873–1938), казахский поэт, создал первую казахскую грамматику; в 1917 член Тургайской областной управы, инструктор сельского хозяйства, редактор казахской газеты «Казак», гласный городской думы Оренбурга, депутат Учредительного собрания, затем член КОМУЧа и Алаш-Орды, с 1920 член РКП(б), первый казахский нарком просвещения, с 1929 в ссылке и заключении. Расстрелян 665, 670, 673
- Бакунин Михаил Александрович** (1814–1876), основоположник анархизма; вожак восстания в Дрездене 1849, затем в тюрьмах Германии, Австрии, России, приговорен к пожизненной каторге, в 1861 бежал за рубеж, глава тайного Интернационального братства, с 1864 член I Интернационала, исключен в 1872, участник восстаний в Лионе 1870 и Болонье 1874 203, 273, 277, 281, 283, 486
- Балабанова Анжелика Исааковна** (1877–1965), меньшевичка, в 1917–1924 большевичка. В 1912–1916 член ЦК Итальянской социалистической партии (ИСП) и в 1912–1914 и 1924–1935 член редакции газеты «Аванти!». Секретарь Циммервальдского движения. С 1917 в России, в 1919–1921 секретарь и член бюро ИК Коминтерна. С 1921 в Италии, глава левого крыла ИСП, в 1924 за критику Коминтерна исключена из РКП(б), антифашистка, деятельница Социтерна 178
- Бальмонт Константин Дмитриевич** (1867–1942), поэт; эмигрант с 1920, член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже 206, 572
- Бальфур Артур Джеймс, граф** (1848–1930), британский консерватор, в 1874–1922 депутат Парламента, затем в Палате лордов; в 1902–1906 премьер-министр; морской министр в 1915–1916, иностранных дел — в 1916–1919; лорд-председатель в 1919–1921 и 1925–1929 631
- Барон (Канторович) Аарон Давидович** (1891–1938), анархист, член Союза пекарей Киева, из ссылки с женой-анархисткой Фаней бежал в США, издавал газету анархистов в Чикаго, с 1917 депутат Киевского Совета, с 1918 секретарь федерации анархистов «Набат» и

- глава культпросвета махновцев, с 1920 в тюрьмах и ссылке (жена в 1921 расстреляна). Расстрелян 279–281
- Бахметев (Бахметьев) Борис Александрович* (1880–1951), инженер, меньшевик, с 1906 член ЦК, но вскоре отошел от РСДРП; 5 марта — 25 апреля 1917 зам. министра торговли и промышленности, затем до 1922 посол Временного правительства в США, с 1931 профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк), создал Архив русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметевский архив) 112, 207
- Бабель Август* (1840–1913), вождь СДП Германии и II Интернационала 406
- Беккариа Чезаре* (1738–1794), итальянский просветитель-демократ 213
- Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич)* (1880–1934), писатель, теоретик символизма; председатель Вольфилы, заведовал секцией в Театральном отделе Наркомпроса. С 1921 эмигрант, первый председатель Дома искусств в Берлине, редактор журнала «Беседа». В 1923 вернулся в СССР 131, 235, 515
- Беляев Иван Тимофеевич* (1875–1957), генерал-майор, соратник Деникина и Врангеля. Эмигрант, генерал-лейтенант армии Парагвая, исследователь индейцев 205
- Берг Эйжен Августович* (1892–1918), матрос Балтийского флота, анархист, член Центробалта и Центрофлота, в 1918 начальник связи советских войск Бакинской коммуны. Расстрелян англичанами 278
- Бергельсон Давид Рафаилович* (1884–1952), советский поэт, член Еврейского антифашистского комитета. Расстрелян 634
- Бердяев Николай Александрович* (1874–1948), философ; с 1894 участник Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, с 1902 либерал, в 1917 председатель Временного комитета Лиги русской культуры в Москве, член Предпарламента, с 1918 председатель Вольной Академии духовной культуры в Москве. Выслан в 1922 за рубеж, глава Религиозно-философской академии в Берлине, в 1925–1940 редактор философского журнала «Путь» в Париже 132, 282, 483, 490, 492, 515, 573, 574
- Берзин Ян Антонович (Берзиньш-Зиемелис Янис)* (1881–1938), большевик, в 1906–1907 секретарь Петербургского комитета, член Заграничного бюро ЦК, в 1917 член ЦК РСДРП(б), депутат Учредительного собрания, в январе-мае 1919 нарком просвещения советской Латвии, в июне 1919 — июне 1920 секретарь Коминтерна, затем дипломат в Хельсинки, Лондоне, Вене, с 1932 глава Центрального архивного управления, редактор журнала «Красный архив». Расстрелян 648
- Берия Лаврентий Павлович* (1899–1953), большевик с 1917, с 1934 член ЦК и с 1946 Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС. С 1921 в разведке и контрразведке ЧК–ОГПУ. С 1931 — 1-й секретарь ЦК КП Грузии и с 1932 — Закавказского крайкома и Тбилисского горкома ВКП(б). В 1938–1945 и марте — июне 1953 нарком (министр) внутренних дел СССР, в 1941 — 1946 также зам. председателя СНК СССР и марте — июне 1953 1-й зам. председателя Совета Министров СССР. С 1941 Генеральный комиссар госбезопасности. С 1945 маршал СССР. 26 июня 1953 арестован. Расстрелян 170
- Беркман Александр (Овсей)* (1870–1936), эмигрант в США с 1888, анархист, муж Э.Гольдман, в 1892–1914 в тюрьме, в 1919 выслан в РСФСР, с 1921 вновь эмигрант, секретарь международной организации помощи анархистам узникам в СССР. Застрелился 280
- Беседовский Григорий Зиновьевич* (1896– не ранее 1962), анархо-синдикалист, с 1917 левый эсер, с 1920 член РКП(б), с 1922 дипломат, с 1927 советник полпредства СССР в Париже. В октябре 1929 получил политическое убежище во Франции, участник Сопrotивления 178
- Бехбуди Махмуд Ходжа* (1875–1919), мулла, писатель, просветитель; с 1905 член мусульманской партии «Иттифак», лидер джадидов, близкий к кадетам, с 1913 редактор газеты «Самарканд», в 1917 автономист, член Шура-и-Ислам и ИК Самаркандского Совета, депутат Учредительного собрания, уездный комиссар просвещения, сотрудничал с большевиками, арестован агентами эмира Бухарского, после пыток казнён 668
- Бискупский Василий Васильевич* (1878–1945), генерал-майор; командир с 1916 лейб-гвардии Московского полка, в 1917–1918 3-й кавалерийской дивизии; в 1918 командовал войсками гетмана Скоропадского. В июле-сентябре 1919 глава Западнорусского правительства в Берлине, в дни Мюнхенского путча прятал Гитлера, монархист-легитимист, генерал от кавалерии КИАФ, в 1936–1944 глава нацистского Управления по делам русской эмиграции в Берлине 207
- Бисмарк фон Шёнхаузен Отто Эдуард Леопольд*, князь (1815–1898), дипломат, в 1871–1890 1-й рейхсканцлер Германской империи, создал Тройственный союз (против России и Франции) 54, 163
- Битти Бесси* (1886–1947), журналистка, феминистка, корреспондентка США в России в

- 1917–1918 и 1921, автор книги «Красное сердце России», позднее директор Центрального международного женского архива 135
- Биценко (Камеристая) Анастасия Алексеевна** (1875–1938), эсерка с 1902, с 1917 член ЦК и глава левых эсеров в Москве, организатор убийства в 1918 Мирбаха, затем член ЦК Партии революционных коммунистов. С ноября 1918 член РКП(б), на руководящих постах. Расстреляна 238, 437
- Благой Дмитрий Дмитриевич** (1893–1984), литературовед, пушкинист; анархист-мистик, рыцарь Ордена тамплиеров; лауреат Сталинской премии 1951, с 1953 член-корреспондент АН СССР 281
- Благодрагов Георгий Иванович** (1895–1938), большевик, в 1917 прапорщик, председатель полкового комитета и Егорьевского Совета, с 23 октября комиссар ВРК и в ноябре-декабре комендант Петропавловской крепости, с 1918 сотрудник ВЧК–ОГПУ–НКВД. Расстрелян 323
- Блейхман Иосиф Соломонович (Иосель-Хонон Шоломович, «Н. Солнцев»)** (1868–1921), рабочий, с 1904 анархист-коммунист, с 1914 каторжанин, в 1917–1919 секретарь Петроградской федерации анархистов-коммунистов и рабочего комитета фабрики обуви «Скорород», депутат Петроградского Совета, в 1918 наблюдатель в Чрезвычайном собрании уполномоченных фабрик и заводов Петрограда, в 1920 председатель Московского губернского отдела профсоюзов, преследовался большевиками, на принудительных работах смертельно заболел 275–277
- Блок Александр Александрович** (1880–1921), поэт-символист, в 1917 редактор Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (допрашивала царских сановников), в 1918 арестовывался, в 1920 председатель Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов 235
- Блюмкин Яков Григорьевич (Симка-Янкель Гершевич)** (1898–1929), в 1917–1919 левый эсер, с 1921 член РКП(б) и КП Ирана; заведующий «Отделом по борьбе с германским шпионажем» ВЧК, 6 июля 1918 убил Мирбаха, летом 1920 комиссар штаба Красной Армии Гилянской советской республики в Северном Иране, с 1923 в ИНО ОГПУ, разведчик-нелегал. Расстрелян 168, 169, 320
- Боговский Африкан Петрович** (1872–1934), генерал-лейтенант, в 1917 командовал дивизиями, с февраля 1918 войсковой атаман Войска Донского, председатель Донского и в 1919-январе 1920 Южно-Русского правительства. Эмигрант, почетный председатель Казачьего союза во Франции, создал Донскую историческую комиссию 287
- Богданов (Малиновский) Александр Александрович** (1873–1928), врач, философ, экономист, с 1896 член РСДРП, большевик, в 1905–1910 член ЦК РСДРП и в 1909–1911 глава группы «Вперед», идеолог Пролеткульта, в 1923 арестован ГПУ как глава группы «Рабочая правда», с 1926 директор Института переливания крови. Погиб, экспериментируя на себе с переливанием крови 141, 253, 269, 516, 517, 579
- Богданов Борис Осипович («Б. Оленич»)** (1884–1960), меньшевик, с 1916 секретарь Рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета, в 1917 секретарь ОК меньшевиков, член ИК Петроградского Совета и бюро ВЦИК, в 1918 участник создания движения уполномоченных фабрик и заводов, в 1920–1955 в заключении 189, 190, 244,
- Богров Дмитрий Григорьевич (Мордко Гершович)** (1887–1911), адвокат, анархист-коммунист, с 1906 осведомитель Охранки, застрелил П. А. Столыпина. Повешен 274
- Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич** (1873–1955), член РСДРП с 1895, большевик, издатель, исследователь сектантства, в 1917–1920 управделами СНК РСФСР и в декабре 1917 — марте 1918 председатель Комитета по борьбе с погромами, в 1918–1919 глава издательства ЦК РКП(б) «Коммунист»; затем на научной работе 314, 320, 388, 434–437
- Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич** (1870–1956), брат В.Д.Бонч-Бруевича, генерал-лейтенант; в 1917 в августе-сентябре главнокомандующий Северным фронтом, в ноябре 1917 — марте 1918 начальник штаба Верховного главнокомандующего, 18 июня—22 июля 1919 начальник Полевого штаба РСФСР Республики, в 1919–1923 начальник Высшего геодезического управления ВСНХ, в 1931 арестовывался 336
- Боровой Алексей Алексеевич** (1875–1935), анархист-индивидуалист, в 1918 член Московского союза идейной пропаганды анархизма; с 1903 приват-доцент, в 1919–1923 профессор Московского университета, затем экономист, с 1929 в ссылке 274, 278, 281
- Борохов Берл** (1881–1917), публицист, основатель социалистического сионизма (совместного с марксизмом), создатель и вождь партии «Поалей-Цион» 627
- Брамсон Леонтий Моисеевич («Я. Танин»)** (1869–1941), юрист, депутат I Гос. думы, в 1917

- член ЦК Трудовой народно-социалистической партии и ИК Петроградского Совета. Эмигрант с 1920, в 1923–1940 председатель Всемирного Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев 309, 310, 625
- Браудо Александр Исаевич* (1864–1924), еврейский общественный деятель, в 1917–1918 и с 1921 вице-директор Публичной библиотеки Петрограда, в 1919–1920 директор Публичной библиотеки Одессы 625
- Браун Уолтер Лаймон* (?–1951), горный инженер в США, в I мировую войну сотрудник благотворительных организаций Г.Увера, глава Европейского отдела АРА в Лондоне 590
- Брежнев Леонид Ильич* (1906–1982), член ВКП(б) с 1931, Политбюро (Президиума) ЦК с 1957, с 1964 I-й и с 1966 Генеральный секретарь ЦК КПСС, в 1960–1964 и с 1977 председатель Президиума Верховного Совета СССР, с 1976 маршал СССР 181–182
- Брешко-Брешковская (Вериги) Екатерина Константиновна* (1844–1934), «бабушка Русской революции», народоволка, эсерка, в 1902–1905 и в 1907 член ЦК; в 1874–1896 и 1907–1917 в тюрьмах, в 1917 в редколлегии газеты «Воля народа», депутат Учредительного собрания, в 1918 участница КОМУЧа и Уфимского совещания. Эмигрантка с 1919 193, 222, 225, 231
- Бронштейн Александр Давидович* (1870–1938), старший брат Троцкого, сахарозаводчик, после 1917 работник сахарных заводов. Расстрелян 180
- Бронштейн Анна Львовна (Животовская Либя)* (ок. 1850–1910), мать Троцкого и Ольги Каменевой 172
- Бронштейн Давид Леонтьевич (Давид-Лейба)* (1846–1922), отец Троцкого и Ольги Каменевой, землевладелец, предприниматель, в 1920-е работник подмосковного совхоза 172
- Брусилов Алексей Алексеевич* (1853–1926), генерал от кавалерии, генерал-адъютант; командовал в 1914–1915 — 8-й армией, с 1916 — Юго-Западным фронтом; 22 мая — 19 июля 1917 Верховный главнокомандующий. С 1920 в Красной Армии, председатель Особого совещания при Главнокомандующем, главный военный инспектор коннозаводства и коневодства, инспектор кавалерии, с 1924 состоял для особых поручений при РВС Республики 83, 134
- Бубликов Александр Александрович* (1875–1936), инженер путей сообщения, предприниматель, глава Транспортного отдела ЦВПК, прогрессист, депутат IV Гос. Думы, участник ареста Николая II, член Экономического совета Временного правительства. Эмигрант 67, 150
- Бубнов Андрей Сергеевич* (1884–1938), большевик с 1903, член ЦК в 1917–1918 и 1924–1937, секретарь ЦК в 1925; в 1917 член Петроградского ВРК, затем левый коммунист, дедист, в 1924–1929 начальник Политуправления РККА и член РВС Республики, в 1929–1937 нарком просвещения РСФСР. Расстрелян 266, 269
- Будённый Семен Михайлович* (1883–1973), унтер-офицер, Георгиевский кавалер, с 1919 член РКП(б), с ноября 1919 до октября 1923 командовал 1-й Конной армией, в 1924–1937 инспектор кавалерии РККА, с 1935 маршал СССР, в 1939–1941 зам. наркома обороны, в 1939–1952 член ЦК ВКП(б), в 1941–1942 командовал фронтами 103, 104, 204, 288
- Букейханов (Букей-хан) Алихан* (1870–1937), потомок ханов Золотой Орды, кадет, депутат I Гос. Думы, участник Выборгского воззвания, в 1917 член ЦК кадетов, вождь партии Алаш, комиссар Временного правительства в Тургайской области, член Туркестанского комитета; с 22 декабря 1917 председатель Временного народного совета Алаш-Орды, до 1919 союзник Колчака, с 1920 член РКП(б), на советской и хозяйственной работе. Расстрелян 665, 666, 670
- Булгаков Валентин Федорович* (1886–1966), литератор, в 1910 секретарь графа Л.Н.Толстого, затем директор Музея Толстого в Москве. В 1923 выслан за рубеж, в Чехословакии создал Русский культурно-исторический музей, в 1941–1945 в немецком концлагере. В 1948 вернулся в СССР, хранитель Ясной Поляны 590
- Булгаков Михаил Афанасьевич* (1891–1940), писатель, драматург, в 1919–1920 начальник санитарного отряда денкинцев, автор романа «Белая гвардия», пьес «Дни Турбиных», «Бег» и др., режиссер МХАТа СССР 205
- Булгаков Сергей Николаевич* (1871–1944), философ, экономист, в 1890-е марксист, затем христианский социалист, депутат II Гос. думы, с 1918 священник — о. Сергей. Выслан в 1922 за рубеж, с 1925 профессор и декан Православного Богословского института в Париже 483, 574
- Бунин Иван Алексеевич* (1870–1953), писатель, с 1909 почетный член Академии наук, в 1919 редактор белой газеты «Южное слово». Эмигрант, с 1920 председатель Союза русских литераторов и журналистов в Париже, делегат Национального съезда 1921, лауреат Нобелевской премии 1933 206, 572
- Буревой Клим (Сопляков Константин Степанович)* (1888–1934), эсер, писатель; в 1917

- председатель Воронежского Совета крестьянских депутатов; депутат Учредительного собрания; в 1918 в армии КОМУЧа, при Колчаке подпольщик, с августа 1919 лидер группы эсеров «Народ» — сторонников союза с большевиками; сотрудник Профинтерна и кооперации. Расстрелян 196
- Бурлюк Давид Давидович* (1882–1967), поэт-футурист, художник, издатель. Эмигрант с 1920, сохранял связи с СССР 573
- Бурцев Владимир Львович* (1862–1942), народоволец, затем близок к эсерам, историк, издавал журнал «Былое» и газету «Общее дело», в 1917 сторонник генерала Корнилова. Эмигрант с 1918, разоблачал агентов Охранки, ВЧК–ГПУ–НКВД, антифашист 173,
- Бухарин Николай Иванович* (1888–1938), большевик с 1906, член ЦК в 1917–1934, Политбюро ЦК в 1924–1929 (в 1934–1937 кандидат), ИК Коминтерна в 1919–1929 (и в 1926–1928 его политический руководитель); депутат Учредительного собрания; ответственный редактор в декабре 1917 — апреле 1929 «Правды» и в феврале 1934 — феврале 1937 «Известий»; в 1929–1932 член президиума ВСНХ, академик АН СССР. Расстрелян 29, 91, 119, 169, 174, 177, 257–258, 261, 264, 265, 267, 269, 270, 279, 321, 336, 390, 402, 407, 419, 444, 515, 605, 611
- Быков* (?–1917), полковник, командир 1-го лейб-гвардии стрелкового полка, убит на фронте 1 августа 1917 солдатами 83
- Быстрянский (Ватин) Вадим Александрович* (1886–1940), большевик с 1907, в 1908–1909 член Петербургского комитета, с 1920 глава Петроградского Истпарта, с 1923 заведующий кафедрой Коммуниверситета, с 1936 директор Ленинградского института истории ВКП(б), в 1940 в «Правде» заведомо пропаганды 414
- Бьюкенен Джордж Уильям, сэр* (1854–1924), британский посол: в 1903–1908 в Болгарии, в 1908–1910 в Нидерландах, с декабря 1910 до января 1918 в России, в 1919–1921 в Италии 128, 130
- Вакулин Кирилл* (?–1921), уроженец Дона, в 1919 махновец, затем в Красной Армии, командир полка в 23 дивизии, 18 декабря 1920 поднял восстание в Донецкой области и Саратовской губернии. Погиб в рукопашном бою 17 февраля 1921 361
- Валидов (Валиди) Ахмет-Заки* (1890–1970), в 1917 эсер, член «Шура-и-Исламия», зам. председателя Башкирского областного совета и член башкирского правительства; депутат Учредительного собрания, в 1918 член КОМУЧа; в 1919–1920 член РКП(б), председатель Башревкома; с 1920 идеолог басмачей Туркестана. Эмигрант с 1923 673
- Василенко Николай Прокофьевич* (1866–1935), историк права, член ЦК кадетов, 19 августа — 25 октября 1917 зам. министра просвещения Временного правительства, в 1918 глава правительства Скоропадского, в 1921–1922 президент Украинской АН, арестовывался 218
- Вацетис Иоаким Иоакимович* (1873–1938), полковник, беспартийный, в июле 1918 во главе Латышской стрелковой дивизии подавил восстание левых эсеров в Москве, командовал Восточным фронтом, с 6 сентября 1918 Главнокомандующий Красной Армией, с 8 июля до 13 октября 1919 в тюрьме по подозрению в измене, профессор Военной академии РККА. Расстрелян 99, 101, 337, 339, 340–342, 658
- Вашингтон Джордж* (1732–1799), главнокомандующий армией колонистов в Войне за независимость, в 1789–1797 1-й президент США 201
- Введенский Александр Иванович* (1888–1946), протоиерей, в 1917 глава «Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян», противник восстановления Патриаршества, с 1922 идеолог «Живой Церкви», вождь обновленческого раскола, с 1941 первоиерарх обновленцев 391
- Венгеров Семен Афанасьевич* (1855–1920), литературовед; с 1910 профессор Высших женских курсов и Психоневрологического института, председатель Литературного фонда в 1916–1919, с 1917 директор Российской Книжной палаты 133
- Вениамин (Казанский Василий Павлович)* (1874–1922), митрополит Петроградский и Гдовский с 1917. Расстрелян. Канонизирован 387
- Вердеревский Дмитрий Николаевич* (1873–1947), контр-адмирал; в 1916 командир дивизии подводных лодок Балтийского моря; в 1917 3 апреля — 23 мая начальник штаба командующего и 2 июня — 7 июля командующий Балтийским флотом, 30 августа — 11 ноября морской министр, член Директории. Эмигрант с 1918, участник Сопротивления во Франции, с 1946 гражданин СССР 303
- Вернадский Джордж (Георгий Владимирович)* (1887–1973), историк, сын академика В.И.Вернадского; в 1915–1916 служил в департаменте помощи беженцам Союза городов, в 1917 редактор газеты «Сельский вестник», затем профессор Пермского и Тав-

- рического университетов, в 1920 начальник Главного управления по делам печати правительства Врангеля. Эмигрант с 1920 572
- Верховский Александр Иванович* (1886–1938), генерал-майор; в 1917 эсер, начальник штаба отдельной Черноморской морской дивизии и зам. председателя Севастопольского Совета, с июня командовал Московским военным округом, с 30 августа последний военный министр Временного правительства, член Директории, с 1919 в Красной Армии, в 1931–1934 в тюрьме. Расстрелян 303–304
- Вильгельм II Гогенцоллерн, король Пруссии и император Германии* (1859–1941), на престоле с 1888, Верховный главнокомандующий в 1914–1918. В ходе Германской революции бежал 9 ноября 1918 в Голландию, 28 ноября отрекся от престола, в 1939 интернирован гитлеровскими оккупационными властями 161, 164, 651
- Вильсон Томас Вудро* (1856–1924), профессор государственного права и истории и с 1902 ректор Принстонского университета, с 1911 губернатор штата Нью-Джерси, в 1913–1921 28-й президент США от Демократической партии, в январе выдвинул программу мира («14 пунктов»), участник создания Версальской системы мира, сторонник расчленения России 110–112, 174, 642, 676
- Вилья Панчо (Аранго Доротео)* (1877–1923), крестьянин, затем разбойник, вождь Мексиканской революции 1910–1917, с 1916 глава партизанской армии, в 1919 разгромлен, отошел от политики. Убит 358
- Винавер Максим Моисеевич (Макс-Гиль)* (1863–1926), юрист, председатель Еврейского историко-этнографического общества, член Еврейской народной группы и с 1905 ЦК кадетов, в 1917 сенатор, в 1919 министр внешних сношений Краевого правительства Крыма. Эмигрант с 1919, участник Республиканско-демократического объединения 213, 217, 219–220, 625
- Винниченко Владимир Кириллович* (1880–1951), писатель, драматург; с 1907 член ЦК Украинской СДРП, в 1917–1918 зам. председателя и генеральный секретарь Украинской Центральной Рады, 14 декабря 1918 — 10 февраля 1919 председатель Директории Украинской Народной Республики, в сентябре 1919 вышел из УСДРП и организовал в Вене Заграничную группу украинских коммунистов. В 1920 с мая зам. председателя СНК УССР, но уже в сентябре эмигрировал 677, 679, 681, 682
- Виноградов Павлин Федорович* (1890–1918), рабочий-анархист, в 1912–1917 на каторге, в 1918 зам. председателя Архангельского Совета, затем командующий Котласским районом, организовал Северо-Двинскую военную флотилию. Погиб в бою 278
- Витте Сергей Юльевич, граф* (1849–1915), министр путей сообщения в 1892, финансов в 1892–1903; председатель с 1903 Комитета министров и 19 октября 1905 — 22 апреля 1906 Совета министров, член Гос. Совета с 1903 163–164
- Вишняк Марк (Мордух) Вениаминович* (1883–1975), правый эсер, в 1917 редактор «Дела народа», секретарь Предпарламента и Учредительного собрания. Эмигрант с 1919, в 1920–1940 соредaktor «Современных записок», в 1938–1939 секретарь «Русских записок», в 1940-е преподавал в университетах США, член Лиги борьбы за народную свободу 193, 225, 311, 487, 620
- Власов Андрей Андреевич* (1901–1946), генерал-лейтенант; с 1920 в РККА, с 1930 член ВКП(б), в 1938–1939 военный советник «Волков» в армии Чан Кай-ши; в 1941 отличился в битве за Москву; в 1942 взят в плен, перешел на сторону Гитлера, в 1944–1945 глава Комитета освобождения народов России и его Вооруженных Сил. Повешен в Москве 208
- Войтинский Владимир Савельевич* (1885–1960), большевик, в 1906–1907 председатель Совета безработных, затем в тюрьмах и ссылке, с апреля 1917 меньшевик, член ИК Петроградского Совета и ВЦИК, комиссар Северного фронта. Эмигрант с 1919, экономист, в 1929–1933 глава отдела статистики Генерального совета профсоюзов Германии, с 1935 в США, в Центральном статистическом управлении и Совете социального страхования 76, 248–249
- Волин (Эйхенбаум) Всеволод Михайлович* (1882–1945), с 1905 эсер, участник создания Петербургского Совета рабочих депутатов, с 1911 анархист, в 1917 создал в Петрограде Союз анархо-синдикалистской пропаганды, с 1918 в группе анархистов «Набат» и с августа 1919 соратник Махно. Выслан в 1922 за рубеж, литературный помощник Махно 275, 276, 279–281
- Волков Эстебан (Всеволод Платонович)* (р. 1926), сын дочери Л.Д.Троцкого, в 1932 увезен из СССР в Берлин, после самоубийства матери в 1934 к Л. Л. Седову в Париж и, когда он погиб в 1938, к Л. Д. Троцкому в Мексику; ученый-химик, глава фармацевтической фирмы, директор дома-музея Троцкого 180–182
- Вологодский Петр Васильевич* (1863–1928), юрист, кадет, в 1918 с января министр внеш-

- них сношений Временного правительства автономной Сибири в Томске, с июня глава и министр иностранных дел Временного сибирского правительства, 18 ноября 1918 — 22 ноября 1919 председатель Совета министров Колчака. Эмигрант с 1919 662
- Володарский В. (Гольдштейн Моисей Маркович (Мордухович))* (1891–1918), в «Бунде» с 1905, в 1913–1917 в США, член Американской социалистической партии и Интернационального профсоюза портных, в 1917 с мая межрайонец, с июля большевик, с октября комиссар по делам печати, пропаганды и агитации Петрограда и Северной области и редактор «Красной газеты». Убит 174
- Волошин (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович* (1877–1932), поэт, переводчик, критик, художник, с 1917 жил в Коктебеле (Крым) 205
- Вольский Владимир Казимирович* (1877–1937), эсер в 1903–1919, с 1914 пораженец, в 1917 зам. председателя Тверского Совета крестьянских депутатов, председатель губкома эсеров, в 1918 депутат Учредительного собрания, в июне — сентябре 1918 глава КОМУЧа, в 1919 создал группу «Народ»; в 1922 арестован, с 1923 на Соловках, с 1925 в ссылке. Расстрелян 196, 228
- Воронков П. А.*, рабочий, эсер, в 1917 депутат Петроградского Совета, член завкома «Арсенала», бюро заводов Артиллерийского ведомства и Центрального совета фабзавкомов Петрограда (в июне зам. председателя), член ВЦИК 440
- Воронович Николай Владимирович* (1886–1967), камер-паж императрицы Марии Федоровны, ротмистр, в 1917 эсер, председатель Лужского Совета солдатских депутатов, затем полковник штаба Народной гвардии Грузии, вожак «зеленых» на Черноморском побережье Кавказа. Эмигрант с 1920, журналист 362
- Ворошилов Климент Ефремович* (1881–1969), большевик с 1903; в 1917 председатель Луганского Совета; депутат Учредительного собрания; командовал Царицынским фронтом, в 1919–1920 член РВС 1-й Конной армии, 6 ноября 1925 — 1940 нарком обороны СССР, в 1926–1960 член Политбюро ЦК ВКП(б)–КПСС, с 1935 маршал, в 1940–1953 зам. председателя Совета министров, в 1953–1960 председатель Президиума Верховного Совета СССР 175, 340, 341
- Врангель Петр Николаевич, барон* (1878–1928), генерал-лейтенант, Георгиевский кавалер, с 1919 командовал Кавказской и Добровольческой армиями, в 1920 правитель Юга России и главнокомандующий Русской армией. Эмигрант, с 1924 председатель РОВС 49, 102, 104, 113, 157, 198, 202–206, 208–210, 220, 279, 288, 289, 292, 293, 295, 322, 343, 359, 390, 509, 524–526, 563, 570
- Выгран Владимир Николаевич* (1889–1983), генерал-майор; в Первую мировую войну Георгиевский кавалер, с 1918 в Добровольческой армии, в 1920 командир 1-й кавалерийской дивизии Врангеля. Эмигрант, член РОВС, инспектор русского состава Пограничной стражи Югославии, директор Русского кадетского корпуса в Версале, с 1949 жил в США 208
- Вырубов Василий Васильевич* (1879–1960), племянник кн. Г.Е. Львова, в 1917 с 22 марта его зам. на посту министра внутренних дел, с июня помощник по гражданской части при Верховном главнокомандующем, с 30 августа зам. военного министра. Эмигрант, управляющий делами Русского политического совещания, деятель Земгора 135
- Гайдар Егор Тимурович* (1956–2009), член редколлегии и редактор отдела журнала «Коммунист» в 1987–1990; с 1991 зам. председателя, в июне–декабре 1992 и. о. председателя, в 1993–1994 1-й зам. председателя Правительства Российской Федерации; в 1994–2001 председатель партии «Демократический выбор России», затем сопредседатель «Союза правых сил» 29
- Ганнибал Абрам Петрович (Ибрагим)* (1696–1781), сын эфиопского князя, в 1705 привезен в Россию, крестник, камердинер и секретарь Петра I, затем военный инженер, с 1759 генерал-аншеф; прадед А. С. Пушкина, предок генерала барона П. Н. Врангеля 203
- Гарви (Бронштейн) Петр Абрамович* («Юрий Чацкий») (1881–1944), экономист; меньшевик, организатор профсоюзного движения в России, специалист по рабочему страхованию, в 1917 член ВЦСПС и ОК и ЦК РСДРП (объединительной), с 1918 глава меньшевиков Одессы, с 1921 в тюрьмах и ссылке. Выслан в 1923 за рубеж, с 1943 член Заграничной делегации РСДРП 240
- Гарибальди Джузеппе* (1807–1882), вожь национально-освободительного движения в Италии, участник революций и освободительных войн против Австрии, в 1860 возглавил поход, который освободил Юг Италии и обеспечил победу революции, сторонник I Интернационала 335
- Гастев Алексей Капитонович* (1882–1939), поэт, теоретик научной организации труда; с 1908 анархист-синдикалист, в 1917–1918 се-

- кретарь ЦК Союза металлистов, в 1920–1938 директор Центрального института труда ВЦСПС, с 1931 член ВКП(б), в 1938 арестован. Расстрелян 278, 281
- Гвоздев Кузьма Антонович* (1882–1957?), рабочий, с 1905 эсер, с 1907 член РСДРП, в 1913–1919 меньшевик; первый глава Союза металлистов, в 1915–1917 председатель Рабочей группы ЦВПК. В 1917 с 27 февраля член ИК Петроградского Совета, с 11 мая зам. министра и 25 сентября–25 октября министр труда, член подпольного Временного правительства. Работал в кооперации, ВЦСПС, Госбанке, Наркомате путей сообщения, с 1921 зам. председателя правления ВСНХ. В 1930–1956 в тюрьмах и концлагерях 190, 244
- Ге (Голберг) Александр Юльевич* (1879–1919), анархист-коммунист, в 1905 член Петербургского Совета рабочих депутатов, с 1917 член Петроградской федерации коммунистов и ВЦИК, с мая 1918 председатель Кисловодской, с июля — Северо-Кавказской ЧК. Убит 275, 278
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих* (1770–1831), немецкий философ-идеалист 32
- Гендельман («Гравовский», «Якобий») Михаил Яковлевич* (1881–1938), юрист, с 1902 эсер; в 1917 член ЦК эсеров, член ИК Моссовета и президиума ВЦИК; депутат Учредительного собрания, в 1918 зам. председателя КОМУЧа; с 1922 в заключении и ссылке. Расстрелян вместе с семьёю 151, 224
- Герцль Теодор (Биньямин-Зева)* (1860–1904), доктор права, драматург, журналист, основатель и теоретик политического сионизма (дипломатической борьбы за юридические права еврейского народа на территорию Палестины), председатель первых Всемирных конгрессов сионистов 627
- Герцен Александр Иванович* (1812–1870), писатель, философ, социалист-западник. Эмигрант с 1847, создал в 1853 Вольную русскую типографию, издавал в 1855–1868 альманах «Полярная звезда», в 1857–1867 газету «Колокол» и др. 203, 212, 281
- Гессен Иосиф Владимирович* (1865–1943), юрист, с 1906 член ЦК кадетов, соредатор газеты «Речь», в 1917 глава Союза редакторов ежедневных газет. Эмигрант с 1919, редактор газеты «Руль» и альманаха «Архив Русской революции» 129, 132, 220
- Гёте Иоганн Вольфганг* (1749–1832), немецкий писатель, естествоиспытатель, с 1826 почётный член Петербургской АН 518
- Гинцбург Осип (Евзель) Габриэлович, барон* (1812–1878), предприниматель, разбогате-
- на винных откупах, в 1859 открыл банкирский дом в Петербурге, с 1875 хозяин Ленского золотопромышленного товарищества, с 1875 потомственный барон 628, 635
- Гиппиус Зинаида Николаевна* (1869–1945), писатель, жена Д.С.Мережковского. Эмигрантка с 1919 128, 133, 136, 572
- Гирс Михаил Николаевич* (1856–1932), дипломат с 1878, посол в 1911–1914 в Турции, в 1915–1917 в Италии, участник Парижской мирной конференции, представитель Врангеля при союзных державах. Эмигрант, старейшина русского дипломатического корпуса, председатель Совета русских послов 570
- Гирифельд Константин Григорьевич* (1870–1917), генерал-лейтенант, в 1917 начальник 3-й пехотной дивизии (Юго-Западный фронт), убит 1 августа солдатами 83
- Гитлер (Шикльгрубер) Адольф* (1889–1945), вождь нацистов; в Первую мировую войну ефрейтор; с 1921 глава Национал-социалистической рабочей партии Германии, с 1933 рейхсканцлер, с 1934 фюрер и Верховный главнокомандующий Рейха; военный преступник 58, 180, 207–208
- Гладков Федор Васильевич* (1883–1958), советский писатель, лауреат Сталинских премий 1950, 1951 годов 411
- Гойхбарг Александр Григорьевич* (1883–1962), юрист, в 1904–1917 меньшевик, с 1918 сотрудник Наркомата юстиции, в 1919–1924 член РКП(б), в 1920 член Сибревкома, в 1921–1923 зам. председателя Малого СНК, затем юрисконсульт, в 1948 арестован, до 1955 заключённый психбольницы 409
- Головин Николай Николаевич* (1875–1944), генерал-лейтенант, военный историк; начальник штаба 7-й армии с 1915, Румынского фронта в 1917, штаба Колчака в 1919. Эмигрант, член РОВС, в 1925 возглавил Высшие военно-научные курсы в Париже 200, 206
- Голощекин Филлипп Исаевич (Шая Исаакович)* (1876–1941), большевик с 1903, с декабря 1917 член Екатеринбургского комитета РКП(б) и военком Совета, убийца царской семьи, в 1919–1920 член Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК, в 1925–1933 секретарь Казахского крайкома ВКП(б), затем главный арбитр СНК СССР. Расстрелян 673
- Голубович Всеволод Александрович* (1885–1939), инженер-путеец, с 1917 член ЦК Украинской партии эсеров, член Центральной и Малой Рад, генеральный секретарь торговли и промышленности, в 1918 глава Рады народных министров и министр иностранных дел Украинской Народной Республики, в

- 1921 в советской тюрьме, затем служил в Совнархозе УССР. Расстрелян 679
- Гольдман Эмма* (1869–1940), эмигрантка из России в США, вождь американских анархистов, в 1919 выслана в РСФСР, сторонница Махно, в 1921 вновь эмигрировала 280
- Голдманис Янис* (*Гольдман Ян Юрьевич*) (1875–1955), деятель латышского Крестьянского союза, депутат IV Гос. думы, прогрессист; в 1917 комиссар Временного правительства в Риге, член Гос. совещания и Предпарламента; депутат в 1918 Всероссийского и в 1920–1922 Латвийского Учредительных собраний, в 1920–1921 и 1925–1926 министр обороны Латвии. Эмигрант 648
- Гончарова Наталья Сергеевна* (1881–1962), художница, футуристка, жена художника Михаила Ларионова, с 1914 эмигрантка 573
- Горбачев Михаил Сергеевич* (р. 1931), член КПСС в 1952–1991, ЦК с 1971, Политбюро ЦК с 1980, секретарь ЦК с 1978, Генеральный секретарь ЦК КПСС в марте 1985 — августе 1991, Президент СССР 15 марта 1990 — 27 декабря 1991. Лауреат Нобелевской премии мира 1990 29, 104, 182, 264, 268, 325, 424
- Горев* (*Гольдман*) *Борис Исаакович* (1874–1937), брат организатора «Бунда» М. И. Либера, в 1896–1897 член Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, затем большевик; с 1908 меньшевик, в 1917–1918 член ЦК; в 1920 порвал с меньшевиками, разоблачал их в печати, историк революционного движения. Репрессирован 240
- Горький Максим* (*Пешков Алексей Максимович*) (1868–1936), писатель, в 1905–1909 большевик, в 1906–1913 и 1921–1933 эмигрант, в 1917–1918 издатель газеты «Новая Жизнь», в 1919–1921 глава Комиссии по улучшению быта ученых, с 1934 председатель правления Союза писателей СССР, член ЦИК СССР 152, 181, 413, 574, 590
- Готье Юрий Владимирович* (1873–1943), историк; в 1905–1906 кадет; в 1930 арестован по «Академическому делу», в 1931 сослан на 5 лет; с 1939 академик АН СССР 36, 129
- Гофман Макс* (1869–1927), генерал-майор армии Германии; с октября 1914 генерал-квартирмейстер и с 30 августа 1916 начальник штаба Восточного фронта, в 1918 фактический глава переговоров в РСФСР в Брест-Литовске, с 1920 в отставке 175
- Гофштейн Давид Наумович* (1889–1952), советский еврейский поэт, член Еврейского антифашистского комитета. Расстрелян 634
- Гоц Абрам Рафаилович* (1882–1940), эсер, в 1906–1907 член Боевой организации; в 1917 с марта член ИК Петроградского Совета, с мая член ЦК эсеров, в июне–октябре зам. председателя ЦИК Советов, председатель Комитета спасения родины и революции; депутат Учредительного собрания; в 1918–1919 член Южнорусского бюро ЦК эсеров, с 1920 в тюрьмах, ссылке. Умер в концлагере 193, 224
- Гравицкий Юрий Константинович* (1883–1931), генерал-майор, командир белых полков: в 1919–1920 Сводно-стрелкового и в 1920–1921 Алексеевского, эмигрант-возвращенец. Расстрелян 205
- Грановский Алексей* (*Азарх*) *Михайлович* (1890–1937), создал и возглавлял в 1919–1928 Госет (Государственный еврейский театр) в Москве, режиссер кино. На гастролях в Германии в 1928 стал невозвращенцем 634
- Гревс Уильям Сидней* (1865–1940), генерал-майор; командовал в 1918–1920 Американским экспедиционным корпусом в Сибири и на Дальнем Востоке, затем войсками США на Панамском канале 111
- Грёнер Вильгельм* (1867–1939), генерал-лейтенант; в 1916–1917 зам. военного министра Германии, в 1918 23 марта — 27 октября начальник штаба группы армий «Киев» на Украине, затем 1-й генерал-квартирмейстер; как противник Версальского мира в 1919 ушел в отставку; в 1920–1923 министр путей сообщения, в 1928–1932 военный министр 680
- Гржебин Зиновий* (*Зелик*) *Исаевич* (1869–1929), художник, совладелец в 1906–1918 издательства «Шиповник», в 1919 создал с разрешения Ленина «Издательство З. И. Гржебина», в 1920 переехал за рубеж, разорился 572
- Григорий* (*граф Граббе Георгий Павлович*) (1902–1995), епископ; эмигрант, сотрудник журнала «Двуглавый Орел»; в Архиерейском Синоде РПЦЗ в 1931–1975 заведовал канцелярией и в 1945–1962 и 1976–1986 его секретарь; в 1979–1986 епископ Манхэттенский и викарий Восточно-Американской епархии 392
- Григорьев Борис Дмитриевич* (1886–1939), художник, участник выставок «Мира искусства», сотрудник журнала «Новый Сатирикон». Эмигрант с 1919 573
- Григорьев* (*Серветник*) *Николай Александрович* (1878–1919), штабс-капитан, Георгиевский кавалер, с 1917 в войсках Центральной Рады, Скоропадского, Петлюры; верховный атаман Таврии и Херсонщины; с февраля 1919 в Красной Армии командир бригады, с апреля — дивизии, устраивал грабежи и погромы, 7 мая восстал против большевиков, 27 июля застрелен махновцами 279, 358, 683

- Григулевич Иосиф Ромуальдович (Григулявичус, «И. Р. Лаврецкий»)* (1913–1988) в Литве член Компартии Западной Белоруссии, с 1934 коминтерновец в Аргентине, с 1937 советский разведчик-нелегал в Латинской Америке, под именем Теодоро Кастро с 1951 посол Коста-Рики в Италии, затем также в Ватикане и Югославии. В 1953 отозван в Москву, историк, с 1979 член-корреспондент АН СССР 180–181
- Гримм Роберт* (1881–1956), деятель II Интернационала, секретарь СДП Швейцарии, с 1911 депутат парламента, председатель Циммервальдской 1915 и Кинтальской 1916 конференций и Интернациональной социалистической комиссии; в 1917 содействовал проезду в Россию Ленина и других политэмигрантов, с 9 мая в России, 3 июня выслан за связь с правительством Германии; организатор 2 ½ Интернационала, в 1945–1946 председатель Национального совета Швейцарии 149
- Громан («Горн») Владимир Густавович* (1874–1940), член РСДРП в 1898–1922, меньшевик, в 1905 автор аграрной программы РСДРП; в 1917 глава Экономического отдела Петроградского Совета; затем глава конъюнктурного бюро и член президиума Госплана и коллегии ЦСУ СССР; в 1930 арестован, в 1931 осужден на 10 лет. Погиб в Суздальском концлагере 244, 582
- Гроссман-Роцин (Гроссман) Иуда Соломонович* (1883–1934), анархист в 1902–1926, организатор групп «Черное знамя», в 1919 член штаба Махно, затем литературный критик 275, 278, 280
- Грушевский Михаил Сергеевич* (1866–1934), историк; участник создания в Галиции Украинской национально-демократической партии, лидер Товарищества украинских прогрессистов (с 1917 Союз украинских автономистов-федералистов), член ЦК Украинской партии социалистов-революционеров, в 1917–1918 председатель Центральной и Малой Рады; в 1919–1924 эмигрант; академик АН УССР с 1924 и СССР с 1929, с 1924 возглавлял отделение истории АН УССР; арестовывался, близкие родственники репрессированы 677
- Гувер Герберт Кларк* (1874–1964), американский промышленник, пайщик и директор предприятий в России; глава АРА в 1919–1923, министр торговли в 1921–1928. 31-й президент США в 1929–1933 от Республиканской партии в 1929–1933 590–592
- Гуль Роман Борисович* (1896–1986), писатель; в 1917 прапорщик, в 1918 участник Ледяного похода Корнилова. Эмигрант с 1919, в 1920-е сменовец; с 1952 ответственный секретарь, с 1959 соредaktor и с 1966 главный редактор «Нового журнала» 324, 575
- Гурвич Жорж (Георгий Давидович)* (1894–1965), правовед, философ, социолог, родственник Ф. И. Дана. Эмигрант с 1920, с 1962 президент Международной ассоциации социологов франкоязычных стран 572
- Гучков Александр Иванович* (1862–1936), вождь партии октябристов, в 1902–1908 директор Московского учётного банка, депутат и в 1910–1911 председатель III Гос. думы, в 1915–1917 председатель ЦВПК, 2 марта — 30 апреля 1917 военный и морской министр, участник создания Добровольческой армии и с 1919 её представитель во Франции. Эмигрант 61, 67, 73, 75, 128, 164, 178, 198, 297–300, 304, 533
- Дан (Гурвич) Федор Ильич* (1871–1947), социал-демократ с 1894, меньшевик, зять Мартова, в 1917 член ОК и ЦК РСДРП, ИК Петроградского Совета, Президиума ЦИК Советов, в 1918 член ВЦИК, депутат Моссовета, в 1919 врач в Красной Армии, в 1921 в тюрьме, после голодовки в 1922 выслан за рубеж. С 1922 редактор «Социалистического вестника», в 1923–1940 глава Заграничной делегации РСДРП и представитель в Социалистическом рабочем Интернационале 76, 148–152, 189–191, 240, 244, 248, 249, 251, 427
- Дан (урожд. Цедербаум, в 1-м браке Канцель) Лидия Осиповна* (1878–1963), сестра С.Ежова, В.Левицкого, Ю.Мартова, жена Ф.И.Дана, меньшевичка. В 1922 эмигрировала 181
- Дантон Жорж Жак* (1759–1794), деятель Великой Французской революции, в 1792–1793 министр юстиции, депутат Конвента, противник диктатуры Робеспьера. Гильотинирован 133
- Деникин Антон Иванович* (1872–1947), генерал-лейтенант, в 1917 с 5 апреля начальник штаба верховного главнокомандующего, с 31 мая главнокомандующий Западным фронтом, со 2 августа — Юго-Западным фронтом, 29 августа арестован как соучастник Корнилова, в 1918–1920 главнокомандующий вооруженными силами Юга России. Эмигрант с 1920 45, 48–49, 84, 87, 101–103, 106, 112–113, 198–204, 206, 208–209, 217, 218, 257, 286–294, 303, 338, 342, 357–358, 362, 390, 403, 497, 500, 509, 520, 522, 524–526, 563, 570, 590, 642, 659, 682
- Дербышев Николай Иванович* (1879–1955), рабочий-печатник, в 1917 межрайонец, затем большевик, председатель Центрального Совета фабзавкомов, комиссар Петроград-

- ского ВРК по печати, в 1921–1926 председатель ЦК профсоюза печатников, затем на хозяйственных постах 400, 447
- Джангильдин (Джалбагаев) Алиби* (1884–1953), степной казах, в крещении *Степнов Иван*, помощник православного епархиального миссионера; с 1915 большевик; в 1916 вернулся в ислам, объявил себя Алибеом, участник антирусского восстания. С конца 1917 комиссар, затем председатель облисполкома Тургайской области, зам. председателя в 1925–1942 ЦИК и с 1951 Президиума Верховного Совета Казахской ССР 666
- Джанаридзе Прокопий Апраисионович* (1880–1918), большевик, в январе–июле 1918 председатель Бакинского Совета и бакинский комиссар: с апреля — внутренних дел и с июня — продовольствия. Расстрелян англичанами 641
- Джунаид-хан (Мухаммед Курбан Сердар)* (1857–1938), туркменский вождь, в 1915–1916 совершал набеги на Хиву, с января 1918 до февраля 1920 премьер-министр и диктатор Хивинского ханства, затем вожак басмачей, в 1924 сдался, в 1927 поднял восстание, в 1931 бежал в Афганистан, до 1933 совершал набеги 670–671
- Джунковский Владимир Федорович* (1865–1938), генерал-лейтенант; в 1892–1904 адъютант великого князя Сергея Александровича, с 1905 московский губернатор, в 1913–1915 зам. министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов, реформатор политического сыска, затем на фронте, в 1917 командир дивизии и корпуса, после октября 1917 арестовывался, консультант ВЧК–ГПУ–НКВД. Расстрелян 319
- Дзержинский Феликс Эдмундович* (1877–1926), член Главного правления СДП Польши и Литвы с 1903, член ЦК РСДРП(б) в 1906–1912 и с 1917, в 1914–1917 на каторге, с 7 декабря 1917 председатель ВЧК (с 1922 ГПУ, с 1923 ОГПУ), а также нарком 30 марта 1919 — 6 июля 1923 внутренних дел, 14 апреля 1921 — 6 июля 1924 путей сообщения и с 1924 председатель ВСНХ и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) 144, 205, 235, 236, 318–324, 341, 419, 649
- Дзюбинский Владимир Иванович* (1860–1927), народолюбец, депутат III–IV Гос. дум (председатель фракции трудовиков), в 1917 в марте комиссар ВКГД и Временного правительства на Северном фронте, член ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов, с июня зам. секретаря ЦК Трудовой народно-социалистической партии, затем сотрудник
- Госбанка, заведующий архивом в Москве, сотрудник Наркомфина 308
- Диманштейн Семён (Шимон) Маркович* (1886–1939), раввин, с 1904 большевик, в 1917 глава Рижской военной организации РСДРП(б) и редактор «Окопной правды», в 1918 председатель Еврейского комиссариата и организатор Евсекции РКП(б); в 1919 нарком труда Литовско-Белорусской ССР, в 1920–1922 нарком национальностей Туркестанской республики, с 1930 директор Института национальностей. Репрессирован 632
- Димитров Георгий Михайлович (Георги)* (1882–1949), член Болгарской СДРП с 1902, с 1919 коммунист, с 1921 член ИК Коминтерна. С 1930 в Германии под именем *Рудольф Медигер*, на Лейпцигском процессе 1933 обвиняемый в поджоге Рейхстага. В 1934 выпущен в СССР; в 1935–1944 генсек Коминтерна. С 1946 глава правительства и с 1948 генсек Компартии Болгарии 178
- Дитерихс Михаил Константинович* (1874–1937), генерал-лейтенант, командовал в 1916 с мая экспедиционным корпусом в Салониках, с октября Франко-Русской дивизией Сербской армии; в 1917 с сентября генерал-квартирмейстер и 3–8 ноября начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего; в 1918 начальник штаба Чехословацкого корпуса; расследовал убийство царской семьи, в июле — ноябре 1919 командовал Восточным фронтом и в августе–октябре военный министр Колчака; в июне — октябре 1922 «единоличный правитель и воевода земской рати» Приморья. Эмигрант, начальник Дальневосточного отдела РОВС 205, 291, 293, 661
- Добровольский (Доливо-Добровольский) Северин Цезаревич* (1881–1946), генерал-майор, военный юрист, в 1919 полевой военный прокурор белой Северной области. Эмигрант в Финляндии, представитель РОВС и член руководства Национальной организации русских фашистов, издавал фашистский журнал «Клич», в 1945 выдан СССР. Расстрелян 207
- Довбор-Мусницкий Юзеф (Иосиф Романович)* (1867–1937), генерал-лейтенант, с 1917 командир 1-го Польского корпуса легионеров, в январе 1918 выступил против большевиков, в 1918–1919 главнокомандующий армией Польши, противник политики Пилсудского, с 1920 в отставке 649
- Дойчер Исаак* (1906–1967), польский коммунист-троцкист, с 1939 эмигрант в Великобритании, биограф Троцкого 181, 183, 542

- Долгоруков Павел Дмитриевич*, князь (1866–1927), председатель ЦК кадетов в 1905–1907, депутат II Гос. думы, в 1917 член Гос. совещания, в 1918 зам. председателя Национального центра, в 1920 глава Объединения общественных и государственных деятелей. Эмигрант с 1920, член Русского Совета Врангеля, при нелегальном посещении СССР в 1926 арестован. Расстрелян 215, 220, 312
- Долина (Горленко) Мария Ивановна* (1868–1919), контральто, в 1886–1904 солистка Мариинского театра, затем выступала с концертами «Русская песня», «Славянская песня» 552
- Досмухамедов (Досмухамбетов) Халел* (1883–1939), врач, автор казахских учебников; с 1905 член ЦК Казахской партии кадетов; в 1917 с сентября помощник уральского областного комиссара Временного правительства, затем член Алаш-Орды и КОМУЧа. Осенью 1919 перешёл на сторону большевиков, преподавал в вузах, в 1930 арестован, сослан. Расстрелян 664, 665
- Достовалов Евгений Исаакович* (1882–1938), генерал-лейтенант, начальник штаба 1-го Добровольческого корпуса, с 1920 эмигрант. В 1922 вернулся в РСФСР. Расстрелян 205
- Достоевский Федор Михайлович* (1821–1881), писатель, журналист; с 1847 участник кружка революционных демократов М. В. Петрашевского, с 1849 в тюрьме и на каторге, в 1854–1859 рядовой в армии, до 1875 под надзором полиции, идеолог почвенничества — объединения высших слоев общества с народом («почвой») путем народного просвещения и образования 162, 490
- Драгомиров Абрам Михайлович* (1868–1956), генерал от кавалерии; с 1916 командовал 5-й армией, 29 апреля — 1 июня 1917 Главнокомандующий армиями Северного фронта, в 1918–1919 председатель Особого совещания при генерале Деникине, в 1920–1922 генерал для поручений при Врангеле. Эмигрант, с 1931 глава секретной работы РОВС против СССР и с 1939 1-й зам. начальника РОВС, член власовского Комитета освобождения народов России 200, 201
- Дроздовский Михаил Гордеевич* (1881–1919), генерал-майор; в 1917 начальник штаба 64-й пехотной дивизии, в апреле–ноябре командир 60-го пехотного полка, с 1918 командир 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии, смертельно ранен, дивизии присвоено его имя 199, 288
- Дубнов Симон Маркович (Шимон Мейерович)* (1860–1941), историк, организатор Еврейского историко-этнографического общества и в 1905 Союза для достижения равноправия евреев, в 1907–1918 вождь Еврейской народной партии, с 1919 преподавал в Еврейском народном университете Петрограда. Эмигрант с 1922. Убит нацистами в Рижском гетто 625, 635
- Дулатов Мир-Якуб (Миржакуп)* (1895–1935), казахский писатель, педагог, уездный мировой судья, в 1917 член Тургайской областной управы, редактор казахской газеты «Казак», один из вождей Алаш-Орды, в 1919–1928 член РКП(б). Репрессирован 665
- Дурново Петр Павлович* (1835–1919), генерал от инфантерии, промышленник, в 1872–1878 и в июле — ноябре 1905 московский генерал-губернатор, в 1906–1917 член Гос. Совета 275
- Дутов Александр Ильич* (1879–1921), генерал-лейтенант; с июня 1917 председатель Союза казачьих войск, в сентябре 1917 — августе 1918 атаман Оренбургского казачьего войска, с 1918 член КОМУЧа, участник Уфимского совещания, в 1918–1919 командовал Оренбургской армией. Бежал в 1920 в Китай. Убит чекистом при попытке похищения 98, 357, 500, 666, 670
- Духонин Николай Николаевич* (1876–1917), генерал-лейтенант; в 1917 с сентября начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего, 3–20 ноября Верховный главнокомандующий. Убит солдатами 85, 86, 334
- Дыбенко Павел Ефимович* (1889–1938), с 1911 балтийский матрос и с 1912 большевик, с мая 1917 председатель Центробалта; 26 октября 1917 — 18 марта 1918 нарком по военным и морским делам (за сдачу Нарвы исключен из РКП(б), восстановлен в 1922), в Гражданскую войну командовал частями, соединениями; с 1935 командарм 2-го ранга. Расстрелян 129, 133, 358
- Дьюн Джон* (1859–1952), американский философ, левый либерал, правозащитник; председатель Психологического и Философского обществ, сторонник сотрудничества с социалистами, организатор «Лиги за независимое политическое действие» 180
- Дягилев Сергей Павлович* (1872–1929), художественный критик, антрепренёр; в 1899–1901 чиновник Дирекции императорских театров Петербурга, редактор журнала «Мир искусства», за границей с 1907 организовывал оперно-балетные «Русские сезоны», в 1911 создал собственную труппу «Русский балет С. Дягилева». Эмигрант 573
- Евдокимов Ефим Георгиевич* (1891–1940), анархист-синдикалист, с лета 1918 член

- РКП(б), в руководстве Московской и Всеукраинской ЧК, ВЧК, ОГПУ. Расстрелян 281, 322
- Евлогий (Георгиевский Василий Семенович)* (1868–1946), митрополит; член II и III Гос. дум, с 1914 архиепископ Волынский и Житомирский. Эмигрант, в 1921–1930 управлял русскими приходами Московской Патриархии в Западной Европе, с 1931 экзарх русских церквей Константинопольской Патриархии, в 1945 пытался вернуться в Московскую Патриархию 574
- Егоров Александр Иванович* (1883–1939), в 1917 полковник, эсер, с 1918 член РКП(б), командовал в 1919 Южным и в 1920 Юго-Западными фронтами, с 1935 маршал СССР, в 1935–1937 начальник Генштаба, с 1937 1-й зам. наркома обороны, в 1938 арестован. Расстрелян 104, 336
- Ежов (Цедербаум) Сергей Осипович (Иосифович)* (1879–1939), брат Мартова, Л. Дан, В. Левицкого, меньшевик, в 1906–1920 член ЦК; в 1917 член ИК Моссовета и ВРК, 1917–1918 зам. председателя Всероссийского совета рабочей кооперации, в 1918–1920 зам. начальника Товарного отдела Главснабпродарма, с 1921 в тюрьме и ссылке. Расстрелян 240, 247
- Ельцин Борис Николаевич* (1931–2007), член КПСС в 1961–1990, с 1968 в партноменклатуре, член ЦК в 1981–1990, секретарь ЦК в 1985–1987, кандидат в члены Политбюро ЦК в 1986–1988. В 1990–1991 председатель Верховного Совета РСФСР, в 1991–1999 Президент России и в 1991–1992 глава правительства 29, 282
- Ермак Тимофеевич* (уб. 1585), казачий атаман; со своим отрядом по приглашению промышленников Строгановых оборонял их владения в Приуралье от набегов сибирского хана, погиб при покорении Сибирского ханства 653
- Есенин Сергей Александрович* (1895–1925), поэт, в 1917 дезертир и в октябре участник боевой дружины левых эсеров, в 1919–1923 организатор группы поэтов-имажинистов. Повесился либо убит 281
- Ефремов Иван Николаевич* (1866–1945), депутат I, III, IV Гос. дум, участник создания в 1906 Партии мирного обновления, в 1912–1914 член ЦК прогрессистов; в 1917 вождь Радикально-демократической партии, с 11 июля министр юстиции и генерал-прокурор, с 24 июля министр государственного призора и 2-й зам. председателя Временного правительства, с 25 сентября посол в Швейцарии. Эмигрант, с 1926 эксперт правительства Швейцарии по делам России 68, 188
- Жанен Пьер Морис* (1862–1946), дивизионный генерал, в 1916–1917 глава французской военной миссии в Ставке, в 1918–1920 начальник французской миссии и главнокомандующий союзными войсками в Сибири 202
- Жаров Сергей Алексеевич* (1897–1985), церковный регент, хорунжий и полковой регент Добровольческой армии. Эмигрант с 1920, в 1921–1976 руководил Донским казачьим хором «Платов» 573
- Железняков («Викторский») Анатолий Григорьевич* (1895–1919), матрос Машинной школы Балтийского флота, анархист-коммунист, в январе 1918 начальник караула Таврического дворца, затем командир Еланского полка, с конца 1918 — бронепоезда. Погиб в бою 276–278, 281, 315
- Животовский Абрам Львович* (ок. 1868–?), дядя Л. Д. Троцкого, с 1909 купец 1-й гильдии С.-Петербурга, в I мировую войну импортер и экспортер товаров и продуктов, с 1915 глава Петроградского торгово-транспортного акционерного общества, сидел в тюрьме по подозрению в торговле с Германией. Эмигрант во Франции, посредник при заключении концессий в РСФСР 174
- Жордания Ной Николаевич («Костров»)* (1869–1953), глава первых марксистов Грузии с 1893, меньшевик, в 1907–1912 член ЦК РСДРП; депутат I Гос. думы; в 1917 председатель Тифлисского Совета, 26 ноября возглавил Национальный Совет, в июне 1918 — феврале 1921 премьер-министр Грузии. Эмигрант 149, 638–640, 643
- Жук Иустин Петрович* (1887–1919), рабочий, анархист-коммунист, в 1907–1917 в Шлиссельбургской тюрьме за ограбление сахарного завода и убийство сторожа. В 1917 председатель завкома Порохового завода Шлиссельбурга, член ИК ЦСФЗК, организатор Красной гвардии Шлиссельбурга, участник штурма Зимнего дворца и Гражданской войны. Убит в бою 274–278
- Завадский Юрий Александрович* (1894–1977), актер и режиссер; анархист-мистик, в 1929–1930 в заключении; с 1940 главный режиссер театра имени Моссовета (Москва), лауреат Сталинской 1946, 1951 и Ленинской 1965 премий 281
- Завойко Василий Степанович*, предприниматель, политический помощник генерала Корнилова в 1917, в 1920 начальник канцелярии атамана Г. М. Семенова. Эмигрант 135
- Загорский (Лубоцкий) Владимир Михайлович* (1883–1919), большевик, в 1918 секретарь по-

- сольства РСФСР в Берлине, затем секретарь Московского комитета РКП(б). Убит 279
- Засулич Вера Ивановна* (1849–1919), народница с 1868, член «Земли и воли» и «Черного передела», в 1878 стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова; с 1883 в группе «Освобождение труда», с 1903 меньшевичка, с 1917 в группе «Единство» 485
- Зеленин Евгений Ильич* (1885–1931), генерал-майор, командир бригады белой 6-й пехотной дивизии, эмигрант-возвращенец, юрист. Расстрелян 205
- Зелёный (Терпило) Данило* (1883–1919), атаман крестьян восставших на Украине в 1919 против Директории, затем против Красной и Белой Армий. Убит в бою 683
- Зензинов Владимир Михайлович* (1880–1953), член ЦК эсеров, ИК Московского Совета в 1905; в 1917 председатель Петроградского комитета эсеров, член редакции «Дела народа»; депутат Учредительного собрания, в 1918 член КОМУЧа и Уфимской Директории. Выслан в 1918 Колчаком за рубеж, глава группы эсеров в Париже 128, 196, 224
- Зеньковский Василий Васильевич* (1881–1962), философ, в 1918 министр исповеданий правительства Скоропадского. Эмигрант с 1920, основал в Праге Русский педагогический институт, председатель Русского студенческого христианского движения, с 1942 священник 573
- Зильберфарб Моисей («Базин»)* (1876–1934), юрист, создатель Социалистической еврейской рабочей партии (СЕРП), в 1917–1918 зам. генерального секретаря (главы правительства) по международным делам и министр еврейских дел украинской Центральной Рады. Эмигрант с 1921 633
- Зимин Николай Николаевич* (1895–1938), большевик, в 1917 член Московского ВРК и горкома, с 1920 начальник Транспортного отдела и член Коллегии ВЧК, затем зам. начальника политуправления путей сообщения, в 1937 1-й секретарь Ярославского обкома ВКП(б). Расстрелян 321
- Зиновьев Григорий Евсеевич (Радомыльский Освей-Гершон Аронович)* (1883–1936), большевик, личный секретарь Ленина, затем в 1912–1927 член ЦК и в 1917, 1921–1926 Политбюро ЦК РСДРП(б)–ВКП(б); депутат Учредительного собрания; председатель с декабря 1917 до 1926 Петроградского (Ленинградского) Совета, а также в 1918 — ВЦСПС и в 1919–1926 — Коминтерна. Расстрелян 92, 141, 173, 175, 177, 178, 179, 255, 264, 267, 268, 281, 313, 342, 371, 373, 400, 419, 420, 555, 632
- Зинковский (Задов) Лев Николаевич* (1893–1938), анархист-экспроприатор, в 1912–1917 на каторге, затем начальник контрразведки Махно и с 1920 сексот ЧК, в 1924 вернулся в СССР, работник ОГПУ–НКВД. Расстрелян 281
- Зорин (Гомбарг) Сергей Семенович* (1890–1937), эмигрант в 1911–1917, член Американской социалистической партии; в 1917 слесарь Сестрорецкого завода, с мая большевик; в 1918 председатель Ревтрибунала и комиссар по иностранным делам Союза коммун Северной области, в 1919–1921 секретарь Петроградского комитета затем других губкомов РКП(б), с 1922 референт Зиновьева в Коминтерне; в 1930 сослан. Расстрелян 276
- Зоценко Михаил Михайлович* (1895–1958), писатель, в 1917 штабс-капитан, комендант почт и телеграфов Петрограда, адъютант архангельской дружины, с июня 1918 телеграфист погранохраны под Стельной, в ноябре 1918 — апреле 1919 на фронте, член группы писателей «Серрапионовы братья», в 1946 исключен из Союза советских писателей, в 1953 восстановлен 133
- Зубатов Сергей Васильевич* (1864–1917), жандармский полковник, начальник с 1896 Московского охранного отделения, с 1902 Особого отдела Департамента полиции, идеолог и организатор «полицейского социализма», в 1903 уволен со службы. Застрелился в Февральскую революцию
- Ибрагим-бек (Чакабай)* (1889–1932), вожак восстания 1920 в Бухарской народной республике, с сентября 1921 вождь Армии Ислама, в 1926 бежал в Афганистан, при набеге на Таджикскую ССР в 1931 пойман. Расстрелян 671
- Иван (Иоанн) IV Грозный* (1530–1584), великий князь всея Руси с 1533, первый русский царь с 1547 617
- Иванов Вячеслав Иванович* (1866–1949), поэт, философ, теоретик символизма, в 1924 командирован Наркомпросом в Италию. Не возвращенец 72
- Иванов Николай Иудович* (1851–1919), генерал от артиллерии, в 1914 — марте 1916 главнокомандующий Юго-Западным фронтом, затем состоял при Николае II. С 25 октября 1918 командовал белой Особой Южной армией 66–67
- Иванов-Разумник (Иванов Разумник Васильевич)* (1878–1946), литератор; в 1917 член редакции эсеровских газет «Дело народа», «Земля и воля», «Дело труда», в 1918 член ЦК

- левых эсеров; в 1918–1920 сотрудник Наркомпроса и в 1919–1923 зам. председателя Вольной философской ассоциации; в 1918, 1933, 1937–1939 в советских тюрьмах; с 1941 в немецкой оккупации, в 1942–1943 печатался в газете «Новое слово» в Берлине. Эмигрант 235, 483, 493
- Иванов-Ринов Павел Павлович* (1869–1933), генерал-лейтенант; с 16 июля 1918 войсковой атаман Сибирского казачества, командовал в 1918 Сибирской армией, затем войсками Приамурского военного округа, с ноября 1919 помощник главнокомандующего Восточным фронтом армии Колчака, в 1920 завербован ВЧК, в 1921 начальник штаба атамана Семёнова, с 1922 в Корее, с 1924 в Китае, в 1925 разоблачен как советский агент, бежал в СССР 320
- Игнатов Ефим Никитович* (1890–1938), повар, с 1912 большевик; в 1917 член ИК и президиума Моссовета и Московского ВРК, затем член Московского комитета РКП(б), в 1920–1921 глава «игнатовцев» соратников рабочей оппозиции, затем председатель Витебского губисполкома, с 1929 директор Высших курсов советского строительства, в 1937 арестован. Расстрелян 267
- Измайлович Александра Адольфовна* (1878–1941), эсерка, в 1917–1918 член ЦК левых эсеров и президиума ВЦИК, арестовывалась, с 1923 в ссылке и тюрьмах. Расстреляна 170, 238
- Илиодор (Труфанов Сергей Михайлович)* (1880–1952), донской казак, в 1903–1912 иеромонах, деятель «Союза русского народа», после ссоры с Распутиным заточен в монастырь, порвал с Православием, создал на Дону общину с культом солнца и разума, а после октября 1917 «мистическую комму-ну» в Царицыне. Выслан в 1922 за рубеж 390
- Ильин Иван Ильич* (1889–1970), левый эсер, с 1919 член РКП(б); с декабря 1917 по июль 1918 член Коллегии и секретарь ВЧК, затем на хозяйственной работе 319
- Иманов Амангельды* (1873–1919), вожак восстания казахов 1916, в 1917 глава ВРК Тургайского уезда, с 1918 член РКП(б). Расстрелян алашордынцами 666
- Иоффе Адольф Абрамович* (1883–1927), член РСДРП с 1902, с 1908 соратник Троцкого, в 1912–1917 в тюрьме; в 1917 межрайонец, затем большевик, член ЦИК Советов и Петроградского ВРК; депутат Учредительного собрания; полпред в апреле-декабре 1918 в Германии, с 1922 в Китае, с 1924 в Австрии, с 1925 зам. председателя Главного концесси-
- онного комитета СССР, участник левой оппозиции. Застрелился 173, 174, 178
- Иргаш (Эргаи) Ходжи Магомед Ибрагим Ходжиев* (уб. 1920), узбек, разбойник, каторжанин, ставленник улемистов, 19 февраля 1918 сверг М. Чокаева и захватил власть в Коканде, в феврале 1919 сдался красноармейцам и заявил о признании советской власти, затем объявил себя эмиром, вожак басмачей Ферганы. Убит басмачами 669, 671
- Истман (Форрестер) Макс* (1883–1969), журналист, кинодокументалист. С 1912 социалист, затем коммунист, переводчик сочинений Троцкого, создал первые в США организации троцкистов. В 1930-е порвал с марксизмом, профессор Колумбийского университета, редактор «Ридерс дайджест» 180
- Каганович Лазарь Моисеевич* (1893–1991), большевик с 1911; в 1917 председатель Полесского комитета РСДРП(б); в 1918–1919 председатель Нижегородского губкома РКП(б), в 1925–1928 генсек и в 1947 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины, в 1930–1935 1-й секретарь Московского комитета ВКП(б); нарком в 1937–1939 тяжелой, в 1939 топливной и в 1939–1940 нефтяной промышленности; в 1924–1925 и 1928–1939 секретарь ЦК ВКП(б), в 1930–1957 член Политбюро ЦК; в 1953–1957 1-й зам. председателя Совета министров СССР; в 1957 смещён, в 1961 исключен из КПСС 258, 421
- Кактынь (Кактиньи) Артур Мартынович* (1893–1937), большевик, в 1917 член Латышского РК Петрограда, инструктор ЦСФЗК, с 1919 председатель ЦСНХ Туркестанской республики, в 1920–1922 зам. председателя Украинского СНХ, затем член коллегии Наркомата торговли 447
- Какурин Николай Евгеньевич* (1883–1936), полковник армий Западно-Украинской народной республики с 1918, Петлюры с 1919, затем в Белой Армии, с марта 1920 в Красной Армии, подавлял крестьянское восстание Антонова в Тамбовской губернии 1921, командовал Бухаро-Ферганской группой войск в 1922 против басмачей, с 1923 начальник отдела истории Гражданской войны Штаба РККА, в 1930 арестован. Умер в тюрьме 105, 107, 344
- Калабухов Алексей Иванович* (1880–1919), кубанский казак, приходской священник, с 1917 член Кубанской Рады, в конце 1918 управляющий внутренних дел Кубанского краевого правительства, в 1919 делегат Рады на Парижской мирной конференции, кубан-

- ский сепаратист. Повешен 7(20) ноября 1919 203
- Каландаришвили Нестор Александрович* (1874–1922), анархист-коммунист, в 1919–1920 вожак сибирских партизан, затем командующий войсками Якутской области и Северного края, с 1921 член РКП(б), командир революционных отрядов на Дальнем Востоке. Погиб в бою 278
- Каледин Алексей Максимович* (1861–1918), генерал от кавалерии; в 1906–1910 начальник штаба Войска Донского, командовал дивизией, корпусом и в марте 1916 — апреле 1917 8-й армией, с июня 1917 атаман Войска Донского, в октябре возглавил на Дону борьбу с большевиками, 29 января 1918 сложил полномочия атамана и застрелился 98, 286, 497–498
- Калинин Михаил Иванович* (1875–1946), рабочий, в 1917 член Петербургского комитета и Русского бюро ЦК РСДРП(б), председатель районной управы, городской голова, с 1918 комиссар городского хозяйства Петрограда (затем Петроградской трудовой коммуны и Союза коммун Северной области), с марта 1919 член Политбюро ЦК, 30 марта 1919 — 19 марта 1946 председатель ВЦИК, ЦИК СССР, Президиума Верховного Совета СССР 590
- Калинина (Шапиро) Ася Давидовна* (1884–1945), большевичка, жена руководителя Пролеткульта Ф. И. Калинина, глава Московской Чрезвычайной комиссии по борьбе с беспризорностью, заместитель заведующего отдела охраны детства Наркомата просвещения 408
- Калмыков Иван Павлович* (1888–1920), есаул, в Гражданскую войну генерал-лейтенант, атаман Уссурийского казачьего войска, в феврале 1920 бежал в Манчжурию. Расстрелян китайцами 658
- Каменев (Розенфельд) Лев Борисович* (1883–1936), большевик, в 1914 глава Русского бюро ЦК, в 1917–1918, 1919–1927 член ЦК, в 1917, 1919–1925 Политбюро ЦК; председатель 27 октября — 8 ноября 1917 ВЦИК Советов, в 1918–1926 — Моссовета; депутат Учредительного собрания; зам. председателя СНК РСФСР и СССР в январе 1922 — 16 января 1926, председатель Совета труда и обороны СССР 19 января 1924 — 19 декабря 1926, нарком внешней и внутренней торговли 16 января — 14 августа 1926. Расстрелян 89, 90, 92, 96, 117, 124, 150, 173, 177–179, 248, 254, 255, 264, 313, 419, 420, 590, 632
- Каменев Сергей Сергеевич* (1881–1936), полковник, с сентября 1918 командующий Восточным фронтом, в июле 1919 — апреле 1924 Главнокомандующий Красной Армией, член ВКП(б) с 1930. Посмертно объявлен «врагом народа» 102, 342
- Каменева (Бронштейн) Ольга Давидовна* (1883–1941), младшая сестра Троцкого, первая жена Л.Б.Каменева, в 1918–1919 заведовала Отделом соцобеспечения и Театральным отделом Наркомпроса, в 1935 арестована. Расстреляна 171, 176, 180, 592, 593
- Каменский Абрам Захарович* (1885–1938), большевик, в 1918–1921 зам. наркома по делам национальностей, децист, троцкист. Расстрелян 121
- Каменищikov Василий Викторович* (1879–1959), подполковник 12-го Туркестанского полка, с 1917 большевик, с 12 ноября главком, затем начальник штаба Западного фронта и зам. начальника Революционного штаба при Ставке Верховного Главнокомандующего; с июля 1918 начальник штаба войск ВЧК, в сентябре-октябре начальник войск охраны железных дорог РСФСР, затем на фронтовых постах; в 1922–1927 в Наркомате путей сообщения, с 1928 персональный пенсионер 320
- Камков (Кац) Борис Давидович* (1885–1938), член Боевой организации эсеров; в 1917 глава левых эсеров Петрограда, председатель президиума ЦК партии; депутат Учредительного собрания; член Президиума и глава Международного отдела ВЦИК; участник восстания 6 июля 1918 в Москве, ушел в подполье; участник создания Партии левых эсеров Литвы и Белоруссии; с 1920 в тюрьмах и ссылке, в 1938 свидетель на процессе Бухарина. Расстрелян вместе с женой 193, 222, 224, 231–233, 238
- Кандинский Василий Васильевич* (1866–1944), художник-абстракционист. В 1918–1921 профессор Государственных свободных художественных мастерских, вице-президент Академии художественных наук. Эмигрант с 1921 573
- Каннегисер Леонид Акимович* (1896–1918), поэт; в 1917 председатель Союза юнкеров-социалистов, народный социалист, студент Политехнического института, прапорщик. 30 августа 1918 застрелил М.С.Урицкого, мстя за расстрелянных друзей. Расстрелян 134
- Каптель Владимир Оскарович* (1883–1920), генерал-лейтенант; 1918 командовал войсками КОМУЧа, затем 1-м Волжским корпусом, в 1919 3-й армией, с декабря Восточным фронтом Колчака, смертельно ранен в бою 209, 291

- Карденас-и-дель-Рио Ласаро* (1895–1970), участник революции 1910–1917 в Мексике, с 1928 дивизионный генерал, с 1930 глава Национал-революционной партии (с 1938 Партия Мексиканской революции, с 1946 Институционно-Революционная партия), в 1934–1940 президент Мексики, в 1942–1945 министр обороны. С 1955 вице-президент, с 1969 почетный президент Всемирного совета мира, лауреат Ленинской премии мира 1955 179, 181
- Карелин Аполлон Андреевич («Иван Темный», «А.Кочезаров»)* (1863–1926) экономист, народолюбец, эсер, с 1905 анархист, в 1918 создал Всероссийскую федерацию анархистов-коммунистов, глава анархистской фракции ВЦИК, «Черного Креста», командор «Ордена света» 281
- Карл I Габсбург* (1887–1922), внучатый племянник императора Франца-Иосифа I, с 1914 престолонаследник, командовал корпусом, армией, фронтом. С 21 ноября 1916 император Австрии и король Венгрии, 15 февраля 1917 — 3 ноября 1918 Верховный главнокомандующий. В Ноябрьскую революцию 1918, не отрекаясь от престола, бежал в Швейцарию; в 1921 дважды пытался взять власть в Венгрии. Сослан на о. Мадейра 681
- Карпович Михаил Михайлович* (1888–1959), историк, социолог; в 1917–1922 сотрудник посольства России в США. Эмигрант, в 1927–1957 профессор Гарвардского университета, с 1943 соредактор и в 1945–1959 главный редактор «Нового журнала» 572
- Картаишев Антон Владимирович* (1875–1960), историк, богослов; в 1917 член ЦК кадетов, с 20 марта зам. обер-прокурора и с 24 июля обер-прокурор Синода, 5 августа — 25 октября министр исповеданий, в 1918 в руководстве Национального центра. Эмигрант, в 1919 глава Русского комитета (Политического совещания) в Финляндии, с 1925 профессор Православного богословского института (Париж) 386, 394
- Катков Георгий Михайлович* (1903–1985), историк революции, философ, внучатый племянник журналиста М. Н. Каткова. Эмигрант с 1921, профессор Оксфордского университета и сотрудник русской службы Би-Би-Си 60, 61, 63, 68, 109, 128, 135
- Каутский Карл* (1854–1938), теоретик марксизма, вождь германский социал-демократии и II Интернационала, в 1920-е сторонник «организованного капитализма» 605, 614, 650
- Каховская Ирина Константиновна* (1888–1960), большевичка, с 1905 максималистка, с 1917 левая эсерка, в 1918 организатор убийства фон Эйхгорна на Украине, с 1920 в советских тюрьмах и ссылке, освобождена в 1954 с ограничением мест проживания 171, 238
- Кедров Михаил Сергеевич* (1878–1941), большевик с 1902, в 1905 член Боевой организации в Москве, в 1917 член Всероссийского бюро военных организаций РСДРП (б); с 1918 в ВЧК, в 1919 начальник Центрального управления лагерей принудработ, затем представитель ВЧК на фронтах; в 1926–1928 младший помощник прокурора Военной коллегии Верховного суда СССР, в 1931–1936 начальник сектора обороны Госплана СССР, с 1937 пенсионер, в 1939 арестован. Расстрелян 320, 321
- Кеннан Джордж Фрост* (1904–2005), дипломат США, историк; с 1927 вице-консул в Таллине, затем 3-й секретарь миссии в Риге; с 1933 сотрудник, в 1934–1937 секретарь, в 1944–1946 советник посольства и в 1952 посол в СССР (объявлен *persona non grata*); в 1947–1950 глава отдела политического планирования Гос. Департамента США; в 1952 организовал «Издательство им. Чехова» в Нью-Йорке; в 1961–1963 посол в Югославии 592
- Керенская (Барановская) Ольга Львовна* (1884–1975), жена А.Ф.Керенского в 1904–1917, мать его сыновей Олега и Глеба. Эмигрантка 132
- Керенский Александр Федорович* (1881–1970), эсер, депутат IV Гос. думы, в 1917 с 27 февраля член Временного комитета Гос. думы и зам. председателя Петроградского Совета, с 2 марта министр юстиции и генерал-прокурор, затем с 5 мая до 1 сентября военный и морской министр, с 8 июля до 25 октября премьер-министр и с 30 августа также Верховный главнокомандующий. Бежал за рубеж в 1918, редактор газеты «Дни» 26, 29, 40–41, 46, 67, 68, 75, 80–86, 88, 94, 96, 98, 128–139, 150–152, 156, 159, 175, 177, 180, 184, 188, 190, 195, 199, 201, 216–217, 224–227, 233, 247, 276, 297–306, 316, 379, 381, 399, 462, 524, 545, 560, 562, 567, 572, 621, 624, 640, 658, 678, 682
- Кизеветтер Александр Александрович* (1866–1933), историк, с 1906 член ЦК кадетов, депутат II Гос. думы, в 1917–1920 профессор Московского университета, заведовал Центральным архивом ВСНХ. Выслан в 1922 за рубеж, профессор Карлова университета, участник создания Русского заграничного исторического архива в Праге 160, 573
- Киров (Костриков) Сергей Миронович* (1886–1934), большевик, в 1917 член ИК Владикав-

- казского Совета, в 1919 руководил обороной Астрахани, в 1920 полпред РСФСР в Грузии, с 1921 секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, член с 1923 ЦК и с 1930 Политбюро ЦК ВКП(б), с 1926 партийный глава Ленинграда, Северо-Западного бюро ЦК и в 1934 секретарь ЦК ВКП(б). Убит 181
- Кирста Константин Федорович*, инженер, в 1905 под Харьковом возглавил «Люботинскую республику», затем 2 года провел в тюрьме. В Гражданскую войну сторонник Деникина, 3 сентября 1919 создал в Киеве организацию по унификации рабочих профсоюзов 403
- Кистяковский Игорь Александрович* (1876–1940), адвокат, кадет, в 1918 с 3 мая державный секретарь, с 3 июля до октября министр внутренних дел правительства Скоропадского. Эмигрант 218
- Кишкин Николай Михайлович* (1864–1930), врач, с 1905 член ЦК, в 1907–1914 зам. председателя ЦК кадетов, 25 сентября — 25 октября 1917 министр государственного призрения, в 1921 создал Всерпомгол, затем сотрудник Наркомата здравоохранения 215–217, 590
- Клейнборт Лев Наумович (Лейб Нахманович)* (1875–1950), меньшевик, литературовед, в 1919–1920 заведовал Литературной студией Наркомпроса 603
- Клемансо Жорж Бенжамен* (1841–1929), вождь партии радикалов с 1881, премьер-министр Франции в 1906–1909 и 16 ноября 1917 — 18 января 1920, председатель Парижской мирной конференции 1919–1920 112
- Климович Евгений Константинович* (1871–1930), генерал-лейтенант; с 1898 в Корпусе жандармов, в 1906–1907 начальник Московского охранного отделения, градоначальник с 1909 Керчи, с 1914 Ростова-на-Дону, с 1915 Москвы, 14 февраля — 15 сентября 1916 директор Департамента полиции, затем сенатор, в 1920 начальник контрразведки Врангеля. Эмигрант 204
- Клифф Тони (Глюкштейн Игал)* (1917–2000), член Социалистической рабочей партии Великобритании, участник Гражданской войны в Испании, «революционный социалист», биограф Троцкого 181
- Ключевский Василий Осипович* (1841–1911), историк, с 1900 академик; преподавал в 1871–1906 в Московской Духовной академии и с 1879 в Московском университете; член партии кадетов 154, 200
- Коган Лазарь Моисеевич* (1889–1939), анархист, с 1918 большевик, начальник в 1929–1931 ГУЛага, в 1931–1932 Белбалтлага, в 1932–1936 Дмитлага, в 1936–1937 зам. наркома лесной промышленности. Расстрелян 281
- Кокошкин Федор Федорович* (1871–1918), государствовед, член ЦК кадетов, депутат и секретарь I Гос. думы, в 1917 с мая председатель Особого совещания по изготовлению проекта Положения о выборах в Учредительное собрание и в июле-августе государственный контролер во Временном правительстве, арестован большевиками. Убит в больнице охраной 213, 214, 217, 309, 312, 619
- Коллегаев Андрей Лукич* (1887–1937), эсер с 1904, с 1917 член ЦК левых эсеров, председатель Казанского Совета крестьянских депутатов, депутат Учредительного собрания, 24 ноября 1917 — 18 марта 1918 нарком земледелия РСФСР; с ноября 1918 большевик, начальник снабжения и член РВС Южного фронта, затем на хозяйственных постах, в 1935 арестован. Расстрелян 235
- Колесов Иван Петрович* (1880–1921), донской казак, в феврале 1918 сформировал 1-й советский Иловайский казачий полк, оборонял Царицын, кавалер ордена Красного знамени, с 7 марта 1921 вожак восстания солдат против большевиков в Воронежской губернии и верховьях Дона. Убит 361
- Коллонтай (Домонтович) Александра Михайловна* (1872–1952), меньшевичка, с 1915 большевичка; жена с 1914 Шляпникова, с 1918 Дыбенко; в 1917–1918 член ЦК РСДРП(б), с 30 октября 1917 до марта 1918 нарком госпризрения РСФСР; левая коммунистка; нарком пропаганды Украины; в 1920–1921 заведовала Женотделом ЦК РКП(б), участница рабочей оппозиции, в 1921–1922 секретарь Международного женского секретариата при Коминтерне; 1-я в мире женщина-посол: с 1923 в Норвегии, с 1926 в Мексике, с 1927 вновь в Норвегии, в 1930–1945 в Швеции 117, 267, 269, 411, 412, 414, 476, 478, 605
- Колчак Александр Васильевич* (1874–1920), вице-адмирал, ученый, флотоводец, полярный исследователь. 18 ноября 1918 — 4 января 1920 Верховный правитель России. Расстрелян 45, 48, 49, 101–103, 106, 112–114, 198–203, 207–209, 219, 257, 287, 289–295, 341, 342, 357, 362, 390, 491, 510, 524, 525, 659, 660, 662
- Колчак-паша Илиас* (ум.1743), с 1711 паша, с 1736 визирь, с 1737 главнокомандующий армией Турции, с 1739 в русском плену 199
- Кольцов Николай Константинович* (1872–1940), основоположник экспериментальной

- биологии в России, член-корреспондент Академии наук, в 1917–1939 директор Института экспериментальной биологии, затем в опале 413
- Коновалец Евгений (Евгений Михайлович)* (1891–1938), поручик австрийской армии, в 1915–1917 в русском плену, в 1918–1919 полковник, командир украинских сечевых стрельцов Эмигрант, под эгидой германской разведки в 1920 создал Украинскую войсковую организацию (с 1929 Организация украинских националистов, «украинская тайная мафия»). Убит чекистом 681
- Коновалов Александр Иванович* (1875–1949), московский фабрикант, член ЦК партии прогрессистов, с июля 1917 член ЦК кадетов; депутат и в октябре 1913 — мае 1914 зам. председателя IV Гос. думы, с 1915 зам. председателя ЦВПК, в 1917 2 марта — 18 мая и 25 сентября — 25 октября министр торговли и промышленности и 25 сентября зам. премьер-министра. Эмигрант, председатель с 1925 Земгора и в 1924–1940 правления газеты «Последние новости» 68, 75, 216, 217, 297, 301, 316, 448, 533, 534
- Корнев Василий Степанович* (1883–1939), председатель Рязанского губкома РКП(б) в 1918–1919, с 1920 член Коллегии ВЧК, февраль 1921 — июнь 1922 начальник милиции НКВД, на хозяйственной работе, в 1938 арестован. Умер в тюрьме 321
- Корнилов Александр Александрович* (1862–1925), историк, в 1917 секретарь ЦК и председатель Петроградского комитета кадетов, профессор Политехнического института в Петрограде 214
- Корнилов Лавр Георгиевич* (1870–1918), генерал от инфантерии, в 1917 главнокомандующий 5 марта — 7 мая войсками Петроградского военного округа, 10–18 июля Юго-Западным фронтом, 18 июля — 29 августа Верховный главнокомандующий, арестован за попытку государственного переворота, в 1918 командовал Добровольческой армией. Погиб в бою 75, 82–84, 87, 90, 93, 109, 133, 135, 137, 157, 189, 195, 198–200, 204, 208–210, 216, 227, 233, 242, 243, 247, 248, 276, 286, 287, 293, 302–305, 311, 332, 362, 378, 380, 381, 428, 443, 444, 446, 497, 498, 520, 523, 524, 534, 549, 552, 559, 563, 567, 640, 649, 678
- Короленко Владимир Галактионович* (1853–1921), писатель-народник, в 1879–1884 в тюрьмах и ссылке, в 1893–1894 редактор журнала «Русское богатство», в 1917 симпатизировал народным социалистам, в 1921 почетный председатель Всерпомгола 590
- Косьмин Владимир Дмитриевич* (1884–1950), генерал-лейтенант; у Колчака командовал дивизией, корпусом, группой войск. Эмигрант, в 1925–1926 глава Народно-монархической партии, представитель «Братства Русской Правды» в Маньчжурии, в 1931–1932 глава Русской Фашистской партии, организатор Военно-монархического союза, сотрудничал с разведкой Японии 205, 207
- Красиков Петр Ананьевич* (1870–1939), в 1917 внефракционный социал-демократ, затем большевик, член ИК Петроградского Совета, в 1918 с марта зам. наркома юстиции и председатель Кассационного трибунала при ВЦИК, воинствующий атеист, с мая начальник отдела культов Наркомюста, с 1924 прокурор, в 1933–1938 зам. председателя Верховного суда СССР, в 1935–1938 председатель комиссии по делам религии ЦИК СССР 435
- Краснов Петр Николаевич* (1869–1947), генерал от кавалерии, писатель; в 1917 начальник 1-й Кубанской дивизии, 3-го конного корпуса, в 1918–1919 атаман Войска Донского. Эмигрант, организатор в 1923 Братства Русской Правды, в 1944–1945 начальник Главного управления Казачьих войск, формировал казачьи части для Вермахта. Повешен в Москве 96, 287, 320, 403, 499, 501, 525
- Краткалн Андрей Иванович* (1868–1939), в 1917 городской голова Риги и в марте-апреле ливляндский губернский комиссар, затем политик независимой Латвии 646
- Крестинский Николай Николаевич* (1883–1938), большевик с 1903, член в 1917–1921 ЦК, в 1919–1921 Политбюро ЦК; 16 августа 1918 — октябрь 1922 нарком финансов, затем полпред в Германии, зам. наркома с 1930 иностранных дел, в 1937 юстиции СССР. Расстрелян 117, 179, 258, 419
- Кржижановский Глеб Максимилианович* (1872–1959), инженер-электрик, организатор в 1895 Союза борьбы за освобождение рабочего класса, большевик, в 1920 глава комиссии ГОЭЛРО, в 1924–1929 член ЦК ВКП(б), с 1930 директор Энергетического института, академик АН СССР 172
- Кривошеин Александр Васильевич* (1857–1921), в 1889–1891 комиссар по крестьянским делам в Царстве Польском, 21 мая 1908 — 26 октября 1915 главноуправляющий землеустройством и земледелием, в 1917 член Главного совета Всероссийского союза земельных собственников, в 1918 руководитель Правого центра, с 1919 начальник Управления снабжения правительства Деникина, в 1920 председатель правительства Юга России. Эмигрант 42, 204, 463

- Кристи Надежда Самойловна* (1888 — начало 1920-х), пианистка, жена большевика М.П.Кристи, сотрудница Комиссии по улучшению питания детей 148, 149, 153
- Кропоткин Петр Александрович, князь* (1842–1921), основоположник анархизма-коммунизма, историк, географ, геолог, с 1876 до мая 1917 эмигрант, в 1917–1918 председатель Лиги федералистов, арестовывался ЧК 273–284, 488, 493
- Крупская Надежда Константиновна* (1869–1939), социал-демократка с 1891, жена Ленина с 1898, секретарь Заграничного бюро ЦК РСДРП(б); в 1917 член Выборгского РК и с ноября член коллегии Наркомпроса, с 1920 председатель его Главполитпросвета; с 1927 член ЦК ВКП(б) и с 1929 зам. наркома просвещения РСФСР, член ВЦИК, ЦИК, Верховного Совета СССР и с 1931 почетный член АН СССР 147, 278, 366–367, 369, 390
- Крушеван Павел Александрович* (1860–1909), журналист-монархист, депутат II Гос. думы, издатель антисемитских газет «Бессарабец», «Знамя», глава Бессарабской патриотической лиги 552
- Крыленко (до 1909 Крыленков) Николай Васильевич* (1885–1938), большевик с 1904, юрист, с 1916 в армии, прапорщик, член ЦИК и ВЦИК, депутат Учредительного собрания; 9 ноября 1917 — 4 марта 1918 Верховный главнокомандующий, председатель с мая 1918 Ревтрибунала, Верховного ревтрибунала при ВЦИК, с 1922 зам. наркома юстиции РСФСР, с 1928 прокурор РСФСР, нарком юстиции с 1931 РСФСР и в 1936 — 1938 СССР. Расстрелян 86, 334, 337
- Крылов Иван Андреевич* (1769–1844), баснописец и драматург 248
- Крым (Нейман) Соломон Самойлович* (1867–1936), член руководства Таврической организации партии кадетов, депутат I и IV Гос. дум, в 1917 комиссар Временного правительства в ведомстве уделов, 15 ноября 1918 — конец апреля 1919 премьер-министр, министр земледелия и имущества Крымского Краевого правительства. Эмигрант с 1919, председатель Караимского общества 219
- Крымов Александр Михайлович* (1871–1917), генерал-лейтенант; с декабря 1915 начальник Уссурийской конной дивизии, с апреля 1917 командир 3-го Конного корпуса, в конце апреля отказался стать военным министром, участник попытки переворота Корнилова. Застрелен 83–84
- Ксенофонтов Иван Ксенофонтович* (1884–1926), большевик с 1903, в 1912–1914 секретарь Союза водопроводчиков Москвы, в 1914–1917 в армии, в 1917 председатель с марта Несвижского и в августе–ноябре Слуцкого Совета, с декабря 1917 член президиума, помощник, секретарь, и в марте 1919 — апреле 1921 зам. председателя ВЧК, председатель в 1919–1920 Особого трибунала ВЧК и Верховного ревтрибунала ВЦИК, в 1921–1924 управделами ЦК РКП(б), с 1925 зам. наркома соцобеспечения 320–321
- Кузьменко Галина Андреевна («мать Галина»)* (1896–1978), учительница, анархистка, жена Махно, потом В.М.Волина; с 1921 эмигрантка, с 1944 в нацистских и советских концлагерях, в ссылке в Казахской ССР 279, 281
- Куйбышев Валериан Владимирович* (1888–1935), большевик с 1904, в 1917 в Самаре председатель Совета и губкома РСДРП(б); в 1919–1920 зам. председателя Турккомиссии, полпред в Бухарской республике; в 1922–1923 и с 1934 секретарь ЦК и с 1927 член Политбюро ЦК ВКП(б); 6 июля 1923 — 13 августа 1926 нарком рабоче-крестьянской инспекции; председатель в 1926–1930 ВСНХ, в 1930–1934 Госплана; в 1926 зам. и с 1934 1-й зам. председателя СНК СССР 177, 181
- Куприн Александр Иванович* (1870–1938), писатель; в 1919 в армии Юденича редактор газеты «Приневский край». Бежал за рубеж, делегат Национального съезда 1921 в Париже. В 1937 вернулся в СССР 133, 574
- Куропаткин Алексей Николаевич* (1848–1925), генерал от инфантерии, в 1898–1904 военный министр, в 1904–1905 главнокомандующий в войне с Японией, 6 февраля — 22 июля 1916 командовал Северным фронтом, 8 августа 1916 — 4 июня 1917 генерал-губернатор Туркестана, затем сельский учитель в своем бывшем имении. Убит 668
- Курский Дмитрий Иванович* (1874–1932), большевик, юрист, в 1917 прапорщик, председатель Совета 4-й армии Румынского фронта, 22 августа 1918 — январь 1928 нарком юстиции и в 1919–1921 член РВС Республики, в декабре 1919 — январе 1920 глава военной разведки, в 1927–1930 член ЦК ВКП(б), в 1928–1932 полпред в Италии 320, 435
- Кусевицкий Сергей Алексеевич* (1874–1951), контрабасист, музыковед, главный дирижер с 1909 Московского, в 1917–1920 Государственного симфонического оркестра. С 1920 эмигрант, в 1924–1949 дирижер Бостонского симфонического оркестра 573
- Кускова* (урожд. *Еситова*, в 1-м браке *Ювеналиева*, во 2-м — *Кускова*, в 3-м — жена С.Н.Прокоповича) *Екатерина Дмитриевна*

- (1869–1958), народница, в 1896–1898 примыкала к социал-демократам, в 1905–1907 член Союза освобождения, затем близка к левым кадетам и в 1917 к меньшевикам, участница Демократического совещания и Предпарламента. Затем член Политического Красного Креста, Лиги спасения детей и в 1921 Всерпомгола. Выслана в 1922 за рубеж, где возглавила Политический Красный Крест 68, 590
- Кусонский Павел Алексеевич* (1880–1941), генерал-лейтенант; и.о. генерал-квартирмейстер в апреле–ноябре 1917 Ставки, в 1918 Добровольческой и в 1919 Кавказской армий, в 1920 начальник штаба 2-й армии. Эмигрант, в 1924–1926 начальник штаба Врангеля, с 1934 начальник канцелярии РОВС, в 1941 арестован гестапо. Убит в концлагере 205, 207, 209
- Кутепов Александр Павлович* (до усыновления в 1893 *Тимофеев Александр Константинович*) (1882–1930), генерал от инфантерии; соратник Корнилова, Деникина, Врангеля. Эмигрант, с 1928 председатель РОВС. Погиб при похищении 180, 204–206, 209, 292
- Кутлер Николай Николаевич* (1859–1924), зам. министров внутренних дел и финансов в 1904–1905, главноуправляющий землеустройством и земледелием в 1905, член ЦК кадетов с 1906, депутат II–III Гос. дум, в 1917 председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли, Торгово-промышленной группы Предпарламента, арестовывался ВЧК, с 1920 в ведомстве Наркомфина, с 1922 член правления Госбанка РСФСР, организатор денежной реформы 312
- Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович*, с 1812 светлейший князь Смоленский (1747–1813), полководец, дипломат; с 1812 генерал-фельдмаршал, главнокомандующий Русской армией 552
- Куусинен Отто Вильгельмович* (1881–1964), член с 1907 и председатель в 1909–1917 СДП Финляндии, нарком просвещения Совета народных уполномоченных Финляндии в 1918, участник создания КП Финляндии, в 1919–1920 подпольщик в Финляндии, секретарь Исполкома Коминтерна в 1921–1939, председатель Верховного Совета Карело-Финской ССР в 1940–1958, с 1941 член ЦК ВКП(б), в 1952–1953 и с 1957 секретарь Президиума ЦК КПСС 621
- Киесинская*, с 1935 княгиня Романовская-Красинская, *Матильда* (с 1925 в Православии *Мария*) *Феликсовна* (1872–1971), прима-балерина Мариинского театра в 1896–1904, жена великого князя Андрея Владимировича. Эмигрировала в 1920, руководила с 1929 собственной балетной студией 276
- Кюльман Рихард фон, барон* (1873–1948), статс-секретарь МИД Германии в августе 1917 — июле 1918, содействовал возвращению Ленина, Зиновьева и др. в Россию, глава делегации Германии на мирных переговорах в Брест-Литовске 651
- Ладьяжников Иван Павлович* (1874–1945), большевик, в 1905–1913 управлял зарубежными издательствами пропагандистской литературы РСДРП, в 1921–1931 член правления общества «Международная книга» и глава издательства «Книга» в Берлине, с 1936 научный консультант Архива Горького 511, 572
- Лампе Алексей Александрович фон* (1885–1967), генерал-майор Генштаба; в 1917 и. д. генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии, с 1918 в Добровольческой армии, соратник Врангеля. Эмигрант, с 1924 начальник 2-го отдела, с 1946 заместитель начальника и с 1957 начальник РОВС, в 1945 член влассовского Комитета освобождения народов России 200, 204–205, 208, 209
- Ларин Юрий Александрович (Лурье Михаил Зальманович)* (1882–1932), экономист, меньшевик, с августа 1917 большевик, депутат Учредительного собрания, в 1918 глава Комитета хозяйственной политики ВСНХ, в 1919–1920 член президиума ВСНХ, член ВЦИК и ЦИК СССР, тесть Н. И. Бухарина 149–150, 447, 536, 613
- Ларионов Михаил Федорович* (1881–1964), муж Н.С.Гончаровой, художник объединения «Бубновый валет», основатель «лучизма», футурист, на фронте контужен. Эмигрант с 1915 573
- Лацис Мартын Иванович (Судрабс Ян Пидрикович, «Дядя»)* (1888–1938), большевик, в 1917 член ПК РСДРП(б) и Петроградского ВРК; в 1918–1921 член Коллегии ВЧК; в 1918 в мае–июле зав. Отделом по борьбе с контрреволюцией, затем председатель Казанской, в 1919 — Всеукраинской и Киевской ЧК, в 1919–1920 начальник Секретно-оперативного отдела ВЧК; в 1921–1923 зам. начальника Главного горного управления и на других хозяйственных постах, в 1932–1937 директор Института народного хозяйства им. Плеханова. Расстрелян 318–321
- Лебедев Дмитрий Антонович* (1883–1928), генерал-майор; с декабря 1918 начальник штаба Колчака и с мая 1919 также военный министр, за поражения 9 августа 1919 снят, командовал Степной, затем Уральской группой войск. Эмигрант 290

- Лебедев Николай Константинович* (1879–1934), географ, историк, анархист-федералист, душеприказчик Кропоткина, создал его музей в Москве, в 1921–1923 секретарь Кропоткинского комитета 280
- Лебедев Павел Павлович* (1872–1933), генерал-майор; с 1918 начальник Мобилизационного отдела, с июля 1919 — Полевого штаба РВС Советской Республики 336
- Лебедева Анна Павловна*, левая эсерка в Красноярске, член Предпарламента, в 1918 начальница штаба отряда С. Лазо, затем командир антибольшевистского отряда. Погибла в бою 238
- Лебедева (княжна Кропоткина) Александра Петровна* (1887–1966), дочь князя П. А. Кропоткина, в 1915–1921 жила в России, после смерти отца эмигрантка 280
- Лебедева Вера Павловна* (1881–1968), большевичка, доктор медицинских наук, организатор охраны материнства и младенчества, директор Центрального института усовершенствования врачей, жена П. И. Лебедева-Полянского (1882–1948), в 1918–1920 главы Пролеткульта, в 1922–1931 начальница Главлита (цензуры) 413
- Левицкий (Цедербаум) Владимир Осипович* (1883–1938), брат Л. Дан, С. Ежова, Л. Мартова, меньшевик, в 1917 член Московского комитета, в 1919 вышел из партии, с 1919 в тюрьмах и ссылке. Умер в тюрьме 152, 240
- Ленин (Ульянов) Владимир Ильич* (1870–1924), вождь большевиков; участник марксистских кружков с 1888, член ЦК РСДРП в 1903–1906 и с 1912, кандидат в члены ЦК в 1907–1912, член ВЦИК и ЦИК Советов, депутат Учредительного собрания; председатель СНК РСФСР с 26 октября 1917 и Совета рабочей и крестьянской обороны с 30 ноября 1918 (с апреля 1920 Совет труда и обороны), основатель III Коммунистического Интернационала; из-за болезни к концу 1922 утратил реальную власть, с марта 1923 недееспособен 25–27, 30, 36–39, 41–49, 58, 80, 86, 88–96, 98, 99, 117–118, 120–125, 128, 130, 135, 137, 139–152, 159, 165, 167–168, 172–184, 193, 195–196, 201, 203, 206, 216–217, 226–227, 234–237, 244, 252–271, 276–279, 281, 312–313, 318–320, 323–325, 334–337, 340–342, 344, 352–353, 360–362, 368, 371, 373, 383, 390, 403–404, 412–413, 416–421, 423, 430, 435–437, 445, 447–449, 483, 485–487, 496, 502, 507, 510, 512, 513, 516, 518–519, 524, 554–556, 563, 567, 579–581, 586, 589, 591, 599, 610–612, 620–621, 632, 640, 642, 644, 649–652, 658, 660, 662, 668, 670, 672–673, 676, 679
- Лехович Дмитрий Владимирович* (1901–1995), учащийся Императорского Александровско-го лицея, вольноопределяющийся Добровольческой армии. Эмигрант, биограф Деникина 203, 209
- Линде Федор Федорович* (1881–1917), математик, в 1905–1907 большевик; в 1917 прапорщик, член ИК Петроградского Совета, комиссар Особой армии и Юго-Западного фронта. Убит солдатами 83
- Лисицкий («Эль Лисицкий») Лазарь Маркович* (1890–1941), художник, архитектор. С 1921 жил в Германии и Швейцарии, в 1925 вернулся в СССР 573
- Литвинов Максим Максимович (Валлах Меер-Генох Мовшевич)* (1876–1951), большевик, участник покупки оружия и боевых групп, первый советский полпред в Лондоне, в 1918 арестован и обменен на Локкарта, член коллегии Наркоминдела, в 1921 полпред в Эстонии, в 1921–1930 и 1941–1943 зам. наркома и в 1930–1939 нарком иностранных дел, в 1934–1941 член ЦК ВКП(б) 590
- Лихтенштадт («Мазин») Владимир Осипович* (1882–1919), техник Боевой организации эсеров-максималистов, в 1906 арестован, повешенье заменено бессрочной каторгой, в 1917 близок к меньшевикам, член Союза защиты Учредительного собрания, с конца 1918 в РКП(б), секретарь издательства III Интернационала, комиссар 6-й дивизии. Погиб в бою 175
- Лозовский Александр (Дридзо Соломон Абрамович)* (1878–1952), секретарь ВЦСПС в 1917, в августе–декабре большевик, с 1918 председатель ЦК РСДРП (интернационалистов), в декабре 1919 вернулся в РКП(б), председатель Московского Совета профсоюзов, в 1921–1937 генсек Профинтена, в 1937–1939 директор Госиздата, в 1939–1946 зам. наркома иностранных дел, в 1946–1948 начальник Совинформбюро, член ЦК ВКП(б). Расстрелян 400, 545–546
- Локкарт Роберт Брюс Гамильтон* (1887–1970), британский дипломат-разведчик; с 1911 вице-консул, в 1915–1917 генконсул, в январе–августе 1918 глава миссии в Москве, арестован ВЧК, обменен на М. М. Литвинова 128, 131, 133
- Лосский Николай Онуфриевич* (1870–1965), философ, в 1905–1917 кадет, в 1916–1921 профессор Петроградского университета, уволен «как идеалист». Выслан в 1922 за рубеж 573
- Луженоский Гавриил Николаевич* (1870–1906), старший советник Тамбовского губернского правления, организатор еврейских погромов. Убит М. А. Спиридоновой 167

- Лукомский Александр Сергеевич* (1868–1939), генерал-лейтенант; в июне–августе 1917 начальник штаба Верховного главнокомандующего, участник попытки переворота Корнилова, в сентябре–декабре 1919 председатель Особого совещания (правительства генерала Деникина). Эмигрант, помощник великого князя Николая Николаевича, с 1925 начальник управления Американских и Дальневосточных воинских союзов 200–201, 209
- Луначарский Анатолий Васильевич* (1875–1933), член РСДРП с 1895, в 1903–1907 и с августа 1917 большевик; в 1908–1910 сторонник богостроительства, в 1917 межрайонец; 26 октября 1917 — 12 сентября 1929 нарком просвещения РСФСР, в 1929–1933 глава Комитета по заведыванию учёными и учебными заведениями при ЦИК СССР, с 1930 академик АН СССР 151, 153, 174, 177, 365–369, 371, 373, 408, 513, 517, 555
- Львов Владимир Николаевич* (1872–1934), председатель Комиссии по делам Православной Церкви в III и IV Гос. думах, 2 марта — 24 июля 1917 обер-прокурор Св. Синода, с 1920 эмигрант, сменовеховец, в 1922 вернулся в Москву, деятель «Живой Церкви», член Высшего церковного управления обновленцев, в 1927 сослан в Томск 84, 128, 385
- Львов Георгий Евгеньевич, князь* (1861–1925), земский деятель, депутат I Гос. думы, с 1914 глава Всероссийского земского союза, с 1915 — Земгора, 2 марта — 7 июля 1917 министр-председатель и министр внутренних дел Временного правительства. Эмигрант с 1918, организатор помощи беженцам 67, 68, 75, 76, 128, 198, 297, 299, 302, 306, 618,
- Людендорф Эрих* (1865–1937), генерал пехоты; с октября 1914 начальник штаба германского главнокомандования на Востоке, в августе 1916 — октябре 1918 1-й генерал-квартирмейстер Генштаба, затем соратник Гитлера, нацист, организатор путчей, теоретик тотальной войны, депутат Рейхстага в 1924–1928, с 1930 глава религиозной общины «Германский народ» 651
- Мадамин-бек (Мадамин Ахмедбеков Мухамед)* (уб. 1920), разбойник, в 1918 начальник Маргиланской милиции, в 1919 глава Ферганского правительства, затем вожак басмачей, ставших в марте 1920 Тюркской советской бригадой Красной Армии, 14 мая обезглавлен своими басмачами 670, 671
- Маевский Евгений (Гутовский Викентий Анисимович)* (1875–1919), меньшевик, член Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, в 1917 член Предпарламента, в 1919 редактор меньшевистских газет Сибири. Расстрелян колчаковцами 240
- Мазе Яков Исаевич* (1859–1924), юрист, публицист, с 1893 казенный и затем главный раввин Москвы, в 1913 эксперт на процессе Бейлиса, в 1917 член Совета еврейских общин России, депутат Учредительного собрания, арестовывался ВЧК 177
- Май-Маевский Владимир Зенонович* (1867–1920), генерал-майор Генштаба, командовал в 1917 1-м гвардейским корпусом, с 1918 дивизией, группой войск, с мая до ноября 1919 Добровольческой армией 102, 203, 287, 290
- Майский (Ляховецкий) Иван Михайлович* (1884–1975), меньшевик, в 1917 сотрудник Министерства труда Временного правительства. С 1921 большевик, дипломат, в 1943–1946 заместитель наркома иностранных дел, с 1946 академик АН СССР, в 1952–1955 в тюрьме 401
- Маклаков Василий Алексеевич* (1869–1957), адвокат, член ЦК кадетов с 1906, депутат II — IV Гос. дум, в марте 1917 председатель Юридического совещания при Временном правительстве, с сентября посол во Франции, затем представитель белых правительств, с 1924 глава Эмигрантского комитета (Центральный офис по делам русских беженцев) в Париже 213, 215, 216, 221
- Маклаков Николай Алексеевич* (1871–1918), брат В.А.Маклакова, с 1912 управляющий министерством и в 1912–1915 министр внутренних дел и шеф жандармов, затем член Гос. Совета, с марта 1917 в тюрьме. Расстрелян 165
- Максимов Григорий Петрович («Гр. Лапоть»)* (1893–1950), рабочий, вожак анархо-синдикалистов, член их Всероссийского секретариата, в 1917–1918 редактор газет «Голос труда», «Вольный голос труда», отказался служить в Красной Армии. Выслан в 1921 за рубеж, в 1920-е секретарь Заграничного бюро по созданию российской конфедерации анархо-синдикалистов 274, 276
- Максимовский Владимир Николаевич* (1887–1941), большевик с 1903, в 1919 — мае 1920 заведовал учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б) и в августе 1919–январе 1920 зам. наркома просвещения, член ВЦИК, дедист, затем профессор Тимирязевской академии 119
- Мамонтов Константин Константинович* (1869–1920), генерал-лейтенант, командовал в 1917 бригадой 6-й Донской казачьей дивизии, в Гражданскую войну отрядом, дивизи-

- ей, корпусом, в 1920 отрешен от командования за бездействие 203
- Мандельштам Михаил Львович (Моисей Лейбович)* (1866–1938), адвокат на политических процессах с 1890-х, с 1903 примыкал к большевикам, с 1905 член ЦК кадетов (вышел в 1907 как противник сближения с октябристами), оказывал помощь большевикам, с 1917 вновь избран в ЦК, сторонник сближения с меньшевиками, член Предпарламента. Эмигрант, в середине 1920-х вернулся в СССР и порвал с кадетами, в 1938 арестован. Умер в тюрьме 213
- Маннергейм Карл Густав Эмиль*, барон (1867–1951), генерал-лейтенант, в 1915–1917 командовал 12-й кавалерийской дивизией, в 1918 возглавил Белую армию Финляндии, в декабре 1918 — июле 1919 Регент Финляндии, в 1931–1939 председатель Совета обороны, с 1933 маршал, в 1939–1944 министр обороны и Главнокомандующий, в 1944–1946 Президент Финляндии 202
- Мансырев Серафим Петрович*, князь (1866–1928), присяжный поверенный, кадет, депутат IV Гос. думы, в августе 1915 — октябре 1916 прогрессист, в марте 1917 комиссар ВКГД в частях гарнизона Петрограда. Эмигрант, в 1919–1920 редактор газеты «Новая Россия» в Таллине, затем в Риге консультант при Министерстве юстиции Латвии, с 1926 в Таллине, евразиец 308
- Мануил (Лемшиевский Виктор Викторович)* (1884–1968), епископ с 1923, архиепископ с 1946, митрополит в 1962–1965; в 1924–1955 с перерывами в тюрьмах, концлагерях, ссылке 394
- Мануйлов Александр Аполлонович* (1861–1929), экономист, в 1905–1911 ректор Московского университета, с 1905 член ЦК кадетов, 2 марта — 2 июля 1917 министр просвещения Временного правительства, в 1919–1920 консультант наркома финансов, участник проведения денежной реформы 1922, затем член правления Госбанка 300
- Манцев Василий Николаевич* (1889–1938), большевик с 1906, в 1913–1914 и 1918 член Московского областного бюро РСДРП, в 1917 председатель Ростовского Совета (Ярославской губ.), член Московского ВРК, член ВЦИК; в 1918 секретарь ВЧК, в 1921–1923 председатель Всеукраинской ЧК–ГПУ; с 1924 в ВСНХ, в 1930–1934 зам. наркома финансов; в 1936–1937 председатель Специальной коллегии Верховного суда РСФСР. Расстрелян 321
- Мао Цзедун* (1893–1976), член ЦК в 1923–1925 и с 1928, Политбюро ЦК с 1935, Председатель ЦК КП Китая с 1943; в 1926 заведовал отделом пропаганды ЦИК Гоминдана; председатель Центрального народного правительственного совета в 1949–1954 и Председатель КНР в 1954–1959 181
- Маркиш Перец Давидович* (1895–1952), советский писатель, с 1942 член КПСС. Расстрелян 634
- Марков Сергей Леонидович* (1878–1918), генерал-лейтенант; в 1917 начальник штаба армий Западного и Юго-Западного фронтов, в Добровольческой армии командовал 1-м офицерским полком, затем бригадой, дивизией. Убит в бою 200, 208
- Марк Карл* (1818–1883), германский экономист, философ, теоретик коммунизма, участник создания I Интернационала 24, 32, 140, 141, 239, 273, 275–277, 281, 502, 512, 513, 516, 579, 589
- Мартов Лев (Цедербаум Юлий Осипович)* (1873–1923), брат Л.Дан, С.Ежова, В.Левицкого, организатор в 1895 Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, с 1903 вождь меньшевиков, затем меньшевиков-интернационалистов, член ЦИК и ВЦИК, депутат Моссовета. Эмигрант с 1920, глава Заграничной делегации РСДРП и с 1921 главный редактор «Социалистического вестника» 95, 148–153, 181, 191, 241, 401, 483–485, 567, 572
- Мартынов Александр Самойлович (Пиккер Саул Самуилович)* (1865–1935), народоволец, затем меньшевик, с 1907 член ЦК РСДРП, сотрудник Парвуса в Копенгагенском институте. В 1917–1918 член Комитета Петроградской организации и ЦК меньшевиков. С 1923 член РКП(б), с 1924 в Коминтерне, редактор журнала «Коммунистический Интернационал» 240
- Маслаков Григорий Савельевич («Маслак»)* (1877–1921), кубанский казак, в I мировую войну артиллерист, в конце 1917 организовал красный партизанский отряд, с 1919 командир 4-й дивизии 1-й Конной армии, в феврале 1921 перешел с дивизией на сторону Махно и объявлен изменником, командовал Особой Донской группой, в марте и августе разбит. Убит маслаковцами 361
- Махно (Михненко) Нестор Иванович* (1889–1934), анархист-коммунист, в 1908–1917 в тюрьме, в 1918–1920 вожак крестьянской Армии имени батьки Махно. Бежал в 1921 за рубеж 48, 204, 274, 276, 278–284, 288, 358–359, 361, 364, 683
- Махров Петр Семенович* (1876–1964), генерал-лейтенант; в 1917 начальник штаба главнокомандующего Юго-Западным фронтом,

- генерал-квартирмейстер ВСЮР, начальник штаба Врангеля, в 1920–1924 военный представитель в Польше. Эмигрант, с 1924 начальник III (Польско-Прибалтийского) отдела РОВС, исключен в 1932 за сотрудничество с младороссами 208
- Маяковский Владимир Владимирович* (1893–1930), поэт, в 1908–1909 большевик, с член групп пы футуристов, с 1919 сотрудник РОСТА, лидер групп с 1922 ЛЕФ (Левый фронт искусств), с 1929 РЕФ (Революционный фронт искусств), с 1930 член РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей). Застрелился либо застрелен 515
- Медведев Сергей Павлович* (1885–1937), токарь, в 1913–1914 член Петербургского комитета РСДРП(б), в 1918 председатель Ревтрибунала при ВЦИК, затем член РВС на фронте, председатель Красноярского Совета, в 1920–1922 председатель ЦК Союза металлистов, один из вождей рабочей оппозиции, с 1933 в концлагере и тюрьме. Расстрелян 118, 267
- Медведь Филипп Демьянович* (1889–1937), большевик с 1907, в 1917 член ВРК Сокольнического района Москвы, председатель в 1918 Тульской губЧК, в 1919 Петроградской ЧК, в 1921–1922 зам. председателя Московской губЧК, в 1922–1923 начальник Московского губ. Отдела ГПУ, в 1924–1925 председатель ГПУ Белорусской ССР, полпред ОГПУ в 1926–1929 по Дальневосточному краю, в 1930–1934 по Ленинградскому военному округу, затем в управлении Дальстроя НКВД. Расстрелян 321
- Мейендорф Иоанн Феофилович, барон* (1926–1992), протопресвитер, богослов, ученый-византист; активист РСХД, преподавал с 1951 в Православном богословском институте (Париж), с 1959 в Св.-Владимирском богословском институте (Нью-Йорк), с 1984 его декан 393
- Мельгунов Сергей Павлович* (1879–1956), историк; с 1906 кадет, с 1907 народный социалист, в 1917 член Совета депутатов трудовой интеллигенции, зам. председателя ЦК Трудовой народно-социалистической партии, участник Союза возрождения России и Тактического центра, в 1920 приговорен к расстрелу. Выслан в 1922 за рубеж. Редактор журналов в 1913–1922 «Голос минувшего», в 1923–1928 «Голос минувшего на чужой стороне», в 1949–1954 «Возрождение» и др. 69, 97, 131, 278, 515
- Мельничанский Григорий Натанович* (1886–1937), меньшевик, в 1910–1917 секретарь группы РСДРП в Нью-Йорке, с 1917 большевик, секретарь комитета металлистов Центрального промышленного района, затем председатель Московского губсовета профсоюзов, секретарь и член президиума ВЦСПС, член Исполнительного бюро Профинтерна, президиумов Моссовета, ВСНХ и Госплана СССР. Расстрелян 400
- Мендешев Сейтдали* (1882–1937), учитель, вожак восстания 1916 в Уральской области, в 1920–1925 председатель ЦИК Киргизской АССР, в 1930–1937 нарком просвещения Казахской АССР. Расстрелян 665
- Менжинский Вячеслав Рудольфович* (1874–1934), юрист, большевик с 1902, в 1917 член Петроградского ВРК, в январе-марте 1918 нарком финансов, в апреле-ноябре 1918 генконсул в Берлине, с 1919 член президиума и в 1920–1922 зам. председателя Особого отдела ВЧК, с 1923 1-й зам. председателя и с июля 1926 председатель ОГПУ при ЦИК СССР; с 1927 член ЦК ВКП(б) 321, 323
- Мережковский Дмитрий Сергеевич* (1866–1941), писатель, муж З.Н.Гиппиус; участник создания Религиозно-философского. Эмигрант с 1919 138, 572
- Меринг Франц* (1849–1919), немецкий историк, философ, литературовед, левый социал-демократ, участник создания в конце 1918 КП Германии 273
- Меркадер дель Рио Эрнандес Хайме Рамон* (в СССР *Лопес Рамон Иванович*) (1914–1978), сын испанского железнодорожного магната и анархистки, вожак комсомольцев Каталонии, майор Республиканской армии Испании, с 1938 агент НКВД, убийца Троцкого, в 1940–1960 в тюрьме, с 1960 в СССР, старший научный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС, с 1974 советник МВД Кубы 180–181
- Меркулов Николай Дионисович* (1869–1945), купец 1-й гильдии, в 1921–1922 министр военно-морских и иностранных дел Приамурского Временного правительства, в 1922 министр иностранных дел правительства генерала М. К. Дитерихса. Эмигрант, в 1923–1931 старший советник генерал-губернатора провинции Шандун, организатор первых чяекок фашистов Харбина 661
- Меркулов Спиридон Дионисович* (1870–1957), брат Н. Д. Меркулова, юрист, октябрист, деятель ЦВПК, в 1921–1922 председатель Приамурского Временного правительства. Эмигрант в США, автор работ о Дальнем Востоке 661
- Мессинг Станислав Адамович* (1890–1937), большевик с 1908; в 1918 председатель Сокольнической ЧК, с 1919 зам. председателя и в 1921 председатель Московской ЧК, в 1921–

- 1929 председатель Петроградской ЧК и Ленинградского ГПУ, в 1929–1931 2-й зам. председателя и начальник ИНО ОГПУ (внешней разведки), затем в Наркомате внешней торговли СССР. Расстрелян.
- Мещерский Алексей Павлович* (1869–1938), горный инженер, директор Сормовского и Коломенского заводов, в 1917 член «Общества экономического возрождения России». Эмигрант с 1919 536
- Миллер Евгений-Людвиг Карлович* (1867–1939), генерал-лейтенант; в 1917–1918 представитель Ставки в Италии, в 1919–1920 главный начальник Северной области. Эмигрант, в 1922–1924 начальник штаба Врангеля, с 1930 председатель РОВС, в 1937 похищен. Расстрелян 198, 202, 206–207, 209, 292
- Милюков Павел Николаевич* (1859–1943), историк, с 1905 член ЦК и с 1909 председатель ЦК партии кадетов, депутат III и IV Гос. дум. 2 марта — 1 мая 1917 министр иностранных дел Временного правительства. Эмигрант с 1918, в 1921–1940 главный редактор «Последних новостей», с 1924 глава Республиканско-демократического объединения 29, 41, 61, 66–68, 71–75, 80, 128, 131–132, 154–160, 178–179, 193–194, 201, 213–221, 225, 244, 297–305, 316, 483, 488–489, 572, 619, 640
- Милюкова (Смирнова) Анна Сергеевна* (1864–1935), жена П.Н.Милюкова, председательница правления Лекторских курсов и Общества содействия внешкольному просвещению при Лиге образования. Эмигрантка 158
- Милютин Владимир Павлович* (1884–1937), экономист, меньшевик, с 1910 большевик, 26 октября 1917 — 4 ноября 1918 нарком земледелия РСФСР, 30 ноября 1918 — 28 мая 1921 зам. председателя ВСНХ, затем в ЦСУ СССР, зам. председателя Госплана, в 1934–1937 председатель Комитета по заведыванию учёными и учебными заведениями при ЦИК СССР, член ВЦИК и ЦИК СССР. Расстрелян 447
- Минин Сергей Константинович* (1882–1962), большевик с 1905, в 1917–1918 в Царицыне председатель комитета РСДРП(б), Совета и городской голова, затем на военных и хозяйственных постах, участник военной и новой оппозиций 340
- Минор Осип (Иосиф) Соломонович* (1861–1934), народоволец, с 1903 член Заграничного комитета партии эсеров, член ЦК партии. В 1917 издавал в Москве газету «Труд», участник Демократического совещания и Предпарламента. Член Учредительного со-
брания. С 1919 эмигрант, член Областного заграничного комитета эсеров 310
- Мирбах-Гарфф Вильгельм фон, граф* (1871–1918), германский дипломат, с 1915 посланник в Греции, с 1917 представитель МИД Германии в оккупированном Бухаресте, с апреля 1918 представитель правительства Германии в ранге посланника при СНК РСФСР. Убит левыми эсерами-чекистами 6 июля в Москве 167–170, 236–237, 320
- Миронов Филипп Кузьмич* (1872–1921), в Первую мировую войну войсковой старшина, в Гражданскую войну командовал казачьим полком, бригадой, дивизией, армией, в октябре 1919 приговорен к расстрелу, помилован, заведовал земельным отделом Донисполкома, в 1920 командир 2-й Конной армии, в феврале 1921 вновь арестован. Убит в тюрьме 361, 501
- Михайловский Николай Константинович* (1842–1904), народник, социолог, публицист, с 1892 ведущий редактор журнала «Русское богатство» 192
- Михненко Елена Нестеровна* (1922–1993), дочь Н. Махно, переводчица и чертежница завода «Сименс» в Берлине в 1941–1944. Затем в СССР в тюрьме и ссылке, реабилитирована в 1989 279, 281
- Михоэлс (Вовси) Соломон Михайлович* (1890–1948), режиссер, народный артист СССР, с 1941 председатель Еврейского антифашистского комитета. Убит 634
- Мокроусов Алексей Васильевич (Савин Фома Матвеевич)* (1887–1959), вожак анархистов Севастополя в 1917, командир Повстанческой армии «зеленых» (дезертиров) в белом Крыму в 1920, член ВКП(б) с 1928, участник Гражданской войны в Испании, в 1941–1942 командир партизан Крыма, затем — полка, полковник 277, 279
- Монстров (Монастырёв) К. И.*, конторский служащий и подрядчик, землевладелец. С мая 1919 командовал Крестьянской армией Ферганы, в августе объединился с басмачами Мадамин-бека для борьбы с Красной Армией, в январе 1920 перешел на сторону большевиков и ими расстрелян 670–671
- Монтеस्कье Шарль Луи* (1689–1755), французский просветитель, философ, правовед 212
- Мозм Уильям Сомерсет* (1874–1965), английский писатель; в Первую мировую войну служил в разведке, в августе–октябре 1917 посетил Россию с секретной миссией препятствовать выходу из войны 109
- Муравьев Михаил Артемьевич* (1880–1918), подполковник, левый эсер, с 28 октября 1917

- начальник обороны Петрограда от войск Керенского–Краснова, командовал Петроградским военным округом, в 1918 в январь-марте Южным фронтом, с 13 июня Восточным фронтом, 10 июля самовольно объявил войну Германии, 11 июня объявлен вне закона и застрелен 99, 337, 679
- Муралов Николай Иванович* (1877–1937), большевик с 1903, в 1918 левый коммунист; в 1917 и 1921–1924 командовал Московским военным округом, в 1925–1927 член ЦКК ВКП(б) и начальник военно-морской инспекции, сторонник Троцкого, с 1928 в ссылке. Расстрелян 124
- Мухаммед (Мохаммед)* (ок. 570–632), пророк, основал Ислам, в 622 создал в Медине первую мусульманскую общину, с 630 глава первого мусульманского теократического государства 668
- Мясников (Мясникян) Александр Федорович* (1886–1925), большевик с 1906, в 1917 прапорщик, председатель Северо-Западного комитета РСДРП(б), в июне 1918 командовал Поволжским фронтом, в 1918–1919 председатель ЦИК и КП(б) Белоруссии, в 1919–1921 секретарь Московского Комитета РКП(б), с 1921 председатель СНК Армении, 1-й секретарь Закавказского крайкома РКП(б). Погиб в авиакатастрофе 279, 337
- Мясников Гавриил Ильич («Ганька»)* (1889–1945), большевик с 1905, левый коммунист, в 1918 организовал убийство великого князя Михаила Александровича, в 1920 председатель Пермского губкома РКП(б), создал нелегальную «Рабочую группу РКП», в 1922 исключен из РКП(б), в 1923 выслан в Берлин, самовольно вернулся, в 1928 бежал из ссылки за рубеж, в 1945 вернулся. Расстрелян 268, 269
- Набоков Владимир Владимирович («В.Сирин»)* (1899–1977), писатель, сын В.Д.Набокова. Эмигрант с 1919 571–572
- Набоков Владимир Дмитриевич* (1870–1922), правовед, с 1905 член ЦК и с 1906 глава Петербургского отделения партии кадетов, депутат I Гос. думы, редактор-издатель «Вестника партии народной свободы», соредактор «Речи». С марта до 3 июля 1917 управляющий делами Временного правительства, с 15 ноября 1918 до апреля 1919 министр юстиции Крымского краевого правительства. Эмигрант с 1919, с 1920 соредактор «Руля». Убит 131, 134, 158, 190, 213, 215, 219–221, 306, 310
- Наливкин Владимир Петрович* (1852–1918), этнограф и историк Туркестана, депутат II Гос. думы, меньшевик, в 1917 председатель Сырдарьинского облисполкома общественных организаций и 19 июля — 24 сентября Туркестанского комитета Временного правительства. Покончил с собой 667
- Нансен Фритвоф* (1861–1930), норвежский полярник, почетный член Петербургской АН, верховный комиссар Лиги наций в 1920–1921 по делам военнопленных, с 1921 по беженским делам и по борьбе с голодом в России, с 1922 почетный член Моссовета, лауреат Нобелевской премии мира 1922, инициатор введения в 1922 временных («нансеновских») паспортов беженцев 570, 590–592
- Наполеон I Бонапарт* (1769–1821), генерал, император Франции в 1804–1814 и март-июне 1815 199, 335, 423
- Натансон Марк Андреевич («Бобров»)* (1850–1919), народник, член ЦК эсеров, в 1905 ИК Петербургского Совета, в ноябре 1917 — июле 1918 ЦК левых эсеров; затем организатор Партии революционных коммунистов; в 1919 по заданию большевиков вывез золото в банки Швейцарии 193–194, 222, 224, 231, 233, 235, 238
- Некрасов Николай Виссарионович* (1879–1940), член ЦК кадетов, депутат III и IV Гос. дум; в 1917 во Временном правительстве 2 марта — 4 июля министр путей сообщения, с 8 июля заместитель премьер-министра и с 24 июля также министр финансов, в сентябре-октябре генерал-губернатор Финляндии; затем советский служащий, член правления Центросоюза и профессор Института потребкооперации, с 1930 в заключении. Расстрелян 68, 72, 75, 188, 213, 215, 246, 297, 299
- Немирович-Данченко Василий Иванович* (1844–1936), писатель, в 1922 командирован за рубеж, невозвращенец, почетный председатель пражского Союза русских писателей и журналистов 133
- Немирович-Данченко Владимир Иванович* (1858–1943), брат писателя, драматург, режиссер, основал в 1898 вместе с К. С. Станиславским Московский художественный театр и в 1919 Музыкальную студию (с 1926 Музыкальный театр имени Немировича-Данченко), лауреат Сталинских премий 1942, 1943 гг. 133
- Нижинский Вацлав Фомич* (1889–1950), танцовщик, хореограф, участник «Русских сезонов». Эмигрант, в 1919 лишился рассудка 573
- Никитин Алексей Максимович* (1876–1939), меньшевик; в 1917 1–5 марта председатель

- Московского Совета, затем глава милиции Москвы, с 24 июля министр почт и телеграфа, член Директории, 2 сентября — 25 октября министр внутренних дел Временного правительства; затем советский служащий. Расстрелян 302-303
- Николаев Иван Лукьянович* (1883–1931), генерал-майор, начальник белой 10-й Донской дивизии, с 1920 эмигрант, в 1923 вернулся в СССР. Расстрелян 205
- Николаевский Борис Иванович* (1887–1966), историк; с 1901 член РСДРП, большевик; с 1906 меньшевик, в 1918–1919 представитель ЦК в Поволжье и Сибири, с 1920 член ЦК; с 1921 в тюрьме, в 1922 выслан за рубеж, в 1932 лишен советского гражданства. В 1922–1950 член Заграничной делегации РСДРП. Собрал коллекцию документов по русской истории, с 1950 председатель Лиги борьбы за свободу народа 183, 191, 262
- дер Нистер (Казанович Пинхос Менделевич)* (1884–1949), советский писатель, с 1941 член Еврейского антифашистского комитета. Расстрелян 634
- Новгородцев Павел Иванович* (1866–1924), философ, правовед; с 1906 член ЦК кадетов, депутат I Гос. думы, в 1914–1918 зам. председателя экономического совета при Главном комитете Всероссийского союза городов и в 1917 член-учредитель Лиги русской культуры. Эмигрант с 1920, основатель и декан Русского юридического факультета в Праге 573
- Новиков Иван Алексеевич* (1877–1959), писатель; анархист-мистик, рыцарь Ордена тамплиеров; автор романов об А.С.Пушкине 281
- Новомирский Даниил Исаевич (Кирилловский Янкель Ицкович)* (1882–1936?), большевик, с 1905 анархист-синдикалист, в 1907–1915 в тюрьме, в 1915–1917 в США, в 1918–1920 сотрудник издательства «Голос Труда», с 1920 в РКП(б). Осужден в 1936 на 10 лет 278, 280–281
- Новорусский Михаил Васильевич* (1861–1925), народоволец, по делу о покушении на Александра III сидел в 1887–1905 в Шлиссельбургской крепости, с 1909 заведовал Музеем прикладных знаний в Петербурге, с 1917 директор Сельскохозяйственного музея, с 1923 председатель Кропоткинского комитета в Петрограде 280
- Ногин Виктор Павлович* (1878–1924), большевик, в 1907 и 1917 член ЦК РСДРП(б), в 1917 заместитель и 19–25 октября председатель Моссовета, 26 октября — 4 ноября нарком по делам торговли и промышленности, с апреля 1918 зам. наркома труда РСФСР, председатель Главного правления текстильных предприятий и с 1921 Центральной ревизионной комиссии РКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР 92
- Нокс Альфред Уильям Фортескью* (1870–1964), бригадный генерал, глава британской военной миссии в 1914–1917 в России, в 1918–1919 в Сибири 467
- Огановский Николай Петрович* (1874–1938), профессор сельскохозяйственной экономики и экономической географии Московского университета, с 1915 народный социалист, в 1916–1918 эсер, в 1917 член Главного земельного комитета и Лиги аграрных реформ, депутат Временного правительства, в 1918 зам. министра земледелия Уфимской Директории, в 1918–1920 зав. Экономическим отделом Сибцентросоюза, с 1921 сотрудник наркомата, Госплана СССР, с 1930 в заключении и ссылке. Расстрелян 315
- Оленин-Волгарь Петр Алексеевич* (1864–1926), журналист, драматург, астроном 133
- Ольминский (Александров) Михаил Александрович* (1863–1933), народоволец, с 1898 член РСДРП, большевик, в 1917–1920 член редакции «Правды» и коллегии Наркомфина; депутат Учредительного собрания; в 1920–1924 глава Истпарта, редактор «Пролетарской революции», в 1922–1931 председатель Всесоюзного общества старых большевиков 279
- Орджоникидзе Григорий Константинович («Серго»)* (1886–1937), большевик с 1903, член ЦК в 1912–1917, 1921–1927, ЦИК в 1927–1934, Политбюро ЦК с 1930; член Кавказского бюро ЦК с 1920, 1-й секретарь Закавказского и Северо-Кавказского крайкомов в 1922–1926; председатель ВСНХ СССР с 1930 и нарком тяжелой промышленности СССР с 1932. Застрелился или застрелен 642
- Орлов Александр Михайлович (Фельдбин Лейба Лазаревич)* (1895–1973), разведчик; в 1917 социал-демократ (интернационалист), с 1920 в РКП(б), в войну с Польшей диверсант в ее тылу, в 1921–1922 следователь Верховного трибунала ВЦИК, с 1926 резидент-нелегал во Франции и Германии, с 1930 начальник экономической разведки, с 1936 резидент в Испании. В 1938 бежал с семьей в США, под именем *Игорь Константинович Берг* преподавал в университете 180
- Осинский Н. (Оболенский Валериан Валерианович)* (1887–1938), экономист; в 1917 член Московского областного бюро РСДРП(б), в ноябре—декабре главный комиссар Госбан-

- ка, 2 декабря 1917 — 22 марта 1918 председатель ВСНХ; депутат Учредительного собрания; 24 марта 1921 — 18 января 1922 замещал наркома земледелия, с 1923 полпред в Швеции, с 1924 — в Польше, с 1926 управляющий ЦСУ СССР, с 1929 зам. председателем ВСНХ и Госплана СССР, с 1932 академик АН СССР. Расстрелян 19, 124, 259, 265, 266, 545
- Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич* (1878–1942), писатель, эсер, участник восстания 1905 в Москве, в 1921 член Всерпомгола. Выслан за рубеж в 1922, до 1937 гражданин СССР 590
- Павлова Анна Павловна (Матвеевна)* (1881–1931), балерина Мариинского театра, с 1910 солистка собственной труппы. Эмигрантка 573
- Панина Софья Владимировна, графиня* (1872–1957), падчерица И. И. Петрункевича, жена Н.И.Астрова; с мая 1917 член ЦК кадетов, зам. министра 25 мая — 12 июля народного просвещения, 14 августа — 25 октября государственного призрения, член подпольного Временного правительства, участница Белого движения. С 1920 эмигрантка, член Парижского комитета кадетов 312
- Панферов Федор Иванович* (1896–1960), писатель, член руководства Российской ассоциации пролетарских писателей, лауреат Сталинских премий 1948, 1949 гг. 478
- Парвус Александр Львович (Гельфанд Израиль Лазаревич, «Москович Александр»)* (1867–1924), эмигрант с 1887, германский социал-демократ и меньшевик, в 1905 член бюро ИК Петербургского Совета рабочих депутатов; коммерсант, миллионер, сотрудник разведки Генштаба Германии, участник Циммервальдской конференции социалистов, советник правительств Вильгельма II и Ф. Эберта 114, 173–174
- Пастернак Борис Леонидович* (1890–1960), писатель, в 1957 исключён из Союза советских писателей, лауреат Нобелевской премии 1958 г. (под давлением властей СССР не принял) 574, 595
- Пенелаяев Виктор Николаевич* (1884–1920), председатель Восточного отдела ЦК кадетов, организатор прихода к власти Колчака, председатель его правительства с 23 ноября 1919 до 15 января 1920. Расстрелян вместе с Колчаком 660
- Песталоцци Иоганн Генрих* (1746–1827), швейцарский педагог, автор идей элементарного обучения и соединения обучения с трудом на производстве 367
- Петерс Яков (Екаб) Христофорович* (1886–1938), в 1914–1917 член комитета социалистических групп в Лондоне, в 1917 член ЦК Латышской СДРП и Петроградского ВРК, в декабре 1917 — апреле 1920 зам. председателя ВЧК, в 1918 и 1920 председатель Верховного Ревтрибунала ВЦИК, в 1920–1921 представитель ВЧК в Туркестане, в 1922–1929 член Коллегии и начальник Восточного отдела ГПУ–ОГПУ (разведка); затем партработник. Расстрелян 318–321
- Петлюра Симон Васильевич* (1879–1926), вождь Украинской СДРП (вышел в феврале 1919); в 1917 с апреля председатель Украинского фронтового Совета Западного фронта и 1 ноября — 12 декабря генеральный секретарь (министр) военных дел и головной атаман войск Украинской народной республики; 11 февраля 1919 возглавил Директорию, в октябре 1920 бежал за рубеж. Убит 200, 204, 358, 634, 677, 679, 681–684
- Петровский Григорий Иванович* (1878–1958), рабочий, председатель фракции большевиков IV Гос. думы, 17 ноября 1917 — 25 марта 1919 нарком внутренних дел РСФСР, затем до 1938 председатель Всеукраинского ЦИК (ЦИК УССР), в 1926–1939 кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), в 1938–1939 зам. председателя президиума Верховного Совета СССР, с 1940 завхоз Музея Революции в Москве 320, 684
- Петрункевич Иван Ильич* (1843–1928), с 1905 член ЦК, с 1909 председатель, с 1915 почетный председатель ЦК партии кадетов, учредитель газеты «Речь», в 1918 участник Крымского краевого правительства. Эмигрант с 1919, противник «новой тактики» Миллюкова 219
- Петрушевич Евген (Евгений Емельянович)* (1863–1940), адвокат, вождь Национально-демократической партии Галичины, в 1907–1918 депутат Парламента Австро-Венгрии, с 1918 глава Национальной Рады Западно-Украинской республики, диктатор в июне-июле 1919 при польской оккупации. Эмигрант 681, 683
- Пилсудский Юзеф Клеменс* (1867–1935), глава революционной фракции Польской социалистической партии, в Первую мировую войну командовал польскими частями на стороне Австро-Венгрии, в 1919–1922 начальник государства и верховный вождь Польши, с 1920 1-й маршал, с 1926 Президент, министр обороны и в 1926–1928 и 1930 премьер-министр 202, 204
- Пильняк (Вогау) Борис Андреевич* (1894–1938), советский писатель, председатель Всерос-

- сийского союза писателей, с 1920-х преследовался цензурой, в 1937 арестован. Расстрелян 411
- Пирогов Николай Иванович* (1810–1881), анатом, хирург, член-корреспондент АН, участник обороны Севастополя в 1854–1855, войн с Пруссией 1870–1871 и с Турцией 1877–1878, сторонник автономии университетов и всеобщего начального образования 371
- Писарев Петр Константинович* (1874–1967), генерал-лейтенант; в 1918 командовал полком, бригадой, в 1919 корпусом, в 1920 командант Севастополя, командир корпуса. Эмигрант, в 1939 тайно возглавил «Союз оборонцев» 208
- Пишон Стефан* (1857–1933), соратник Ж. Клемансо, министр иностранных дел Франции в 1906–1911, 1913, 1917–1920 112
- Плевицкая* (урожд. *Винникова*) *Надежда Васильевна* (1884–1940), певица-эмигрантка, жена генерала Н.В.Скоблина, с 1931 советская агентка, в 1937 разоблачена. Умерла во французской тюрьме 207
- Плеханов Георгий Валентинович* (1856–1918), народник с 1875, член руководства «Земли и воли» и «Чёрного передела», в 1880–1917 эмигрант, в 1883 в Женеве создал первую группу русских марксистов «Освобождение труда», вождь РСДРП, меньшевик, с 1917 глава правой социал-демократической группы «Единство» 139, 140, 145, 148, 172, 174, 239, 252, 277, 485, 493
- Плужников Григорий Наумович* (1887–1921), крестьянин, предводитель разгрома помещичьих усадеб в 1905 и 1917, секретарь Тамбовского губкома левых эсеров, вожак восстаний 1920–1921 против большевиков. Убит 359
- Подвойский Николай Иванович* (1880–1948), член РСДРП с 1901, в 1917 глава Военной организации при Петербургском комитете РСДРП(б), организатор свержения Временного правительства, в 1918–1919 глава Высшей военной инспекции, в 1919–1923 начальник Всевобуча и ЧОН, председатель Спортинтерна, с 1924 член коллегии Истпарта 314, 335–336
- Покровский Виктор Леонидович* (1889–1922), генерал-лейтенант, в ноябре 1919 — феврале 1920 командовал Кавказской армией. Эмигрант, убит в Болгарии 203
- Покровский Михаил Николаевич* (1868–1932), историк, большевик, в ноябре 1917 — июне 1918 председатель Моссовета, с мая 1918 зам. наркома просвещения и председатель с 1918 президиума Социалистической (с 1924 Коммунистической) академии, с 1919 Главного
- ученого совета, с 1921 Академического центра, с 1929 академик АН СССР; член ВЦИК и ЦИК СССР; обвинитель на процессе эсеров 1922, инициатор «Академического дела» 269, 279, 370–371, 513
- Полукаров Иван Николаевич* (1895–1920), большевик, в 1917 член Петроградского ВРК, с декабря в ВЧК, ее секретарь, начальник штаба корпуса ВЧК, с 1919 на штабных должностях фронта 320
- Поляков Самуил Соломонович* (1837–1888), банкир, железнодорожный предприниматель 628
- Попов Дмитрий Иванович* (1892–1921), с 1917 левый эсер, матрос, редактор газеты «Социал-революционер-интернационалист» (Гельсингфорс), член ВЦИК; в 1918 командир отряда и член Коллегии ВЧК, в июле начальник оперативного отдела штаба ЦК ЛСР по организации восстания в Москве, скрылся, объявлен вне закона; начальник Центрального повстанческого штаба ПЛСР в Харькове; с 1919 анархист-коммунист, член РВС и секретарь «Совета революционных махновцев», в 1920 представителем Махно в Харькове, в ноябре арестован. Расстрелян 320
- Попов Павел Ильич* (1872–1950), земский статистик, в 1917 глава Отдела сельскохозяйственной переписи Министерства продовольствия, затем земледелия, организатор и в 1918–1926 первый управляющий Центрального статистического управления, организатор переписей населения, с 1924 член РКП(б) 124
- Попов Федор*, вожак восстания крестьян Тамбовской губернии в 1920–1921 320
- Поска Яан (Иван Иванович)* (1866–1920), адвокат, близок к эсерам, в 1913–1917 городской голова Ревеля, 5 марта — 27 ноября 1917 эстляндский губернский комиссар Временного правительства, в феврале 1918 — 20 сентября 1919 министр иностранных дел Эстонии, с ноября 1919 глава делегации на мирных переговорах с РСФСР, 2 февраля 1920 подписал договор 646
- Поссе Владимир Александрович* (1864–1940), журналист, учредитель книгоиздательского товарищества «Знание», издатель легальных марксистских журналов, кооператор, идеолог и практик этического коммунизма, создал в 1917 «Союз имуществаемного и трудового равенства (Коммунистическая партия)», затем «Союзы разума и совести» 275, 438, 593
- Потресов Александр Николаевич* (1869–1934), член Союза борьбы за освобождение рабо-

- чего класса, редакции «Искры», с 1903 меньшевик, ликвидатор, оборонец, в 1917 редактор газеты «День», участник Демократического совещания и Предпарламента и с 1918 Союза возрождения России, в 1918 вышел из РСДРП. Эмигрант с 1925, редактор журнала «Записки социал-демократа» 148, 152, 190, 240–241, 244, 248, 251, 485, 493
- Предкальн Андрей Иванович* (1873–1923), московский врач, депутат III Гос. думы, латышский социал-демократ, примыкал к большевикам, в 1917 лифляндский губернский комиссар. Позднее заведовал детской городской больницей Риги, ученый медик 647
- Преображенский Евгений Алексеевич* (1886–1937), большевик с 1903, экономист; участник восстания 1905 в Москве, в 1917 зам. председателя Читинского Совета, член ВЦИК, в 1918–1919 глава большевиков Урала, в 1920–1921 секретарь ЦК РКП(б), сторонник Троцкого, в 1927–1930 и с 1936 исключен из ВКП(б). Расстрелян 124, 258, 407, 515, 605, 606, 611, 612
- Прокопович Сергей Николаевич* (1871–1955), экономист, социал-демократ, в 1904 член «Союза освобождения», в 1905 член ЦК кадетов, затем «нефракционный социалист». В 1917 председатель правления Совета кооперативных съездов, министр Временного правительства с 24 июля торговли и промышленности, затем 25 сентября — 25 октября продовольствия; в 1921 член Всерпомгола. Выслан в 1922 за рубеж, организовал Экономический кабинет, один из вождей Республиканско-демократического союза 573, 590, 603
- Прокофьев Георгий Евгеньевич* (1895–1939), анархист-коммунист, с 1919 член РКП(б), начальник политпросветотдела 12-й армии, в 1920 — 1-й Конной армии, с сентября 1920 зам. начальника Закордонной части ВЧК-ОГПУ, начальник в 1924–1926 ИНФО и в 1926–1931 ЭКУ ОГПУ, в 1932–1936 зам. председателя ОГПУ и наркома внутренних дел, комиссар госбезопасности I ранга. Расстрелян 281
- Прокофьев Сергей Сергеевич* (1891–1953), композитор, пианист, дирижер; в 1918–1933 эмигрант, близок к евразийцам; профессор Московской консерватории, с 1947 народный артист РСФСР, лауреат 6 Сталинских премий (1943, 1946 — трижды, 1947, 1951) и посмертно Ленинской премии 1957 г. 573, 574
- Протопопов Александр Дмитриевич* (1866–1918), промышленник, октябрист, депутат III и в 1914–1916 зам. председателя IV Гос. дум, с 16 сентября 1916 управляющий МВД, с 20 декабря последний царский министр внутренних дел, с 28 февраля 1917 в тюрьме. Расстрелян 165
- Профрансов Николай Иванович* (1885–1934), анархист-мистик, с 1922 заведующий кабинетом истории социальных движений Института Маркса-Энгельса, технический редактор Большой советской энциклопедии. Репрессирован 281
- Проханов Иван Степанович* (1869–1935), председатель Всероссийского (Всесоюзного) Совета евангельских христиан в 1908–1928. Эмигрант с 1928 434
- Прошьян Прош Перчевич* (Тер-Аракелян Прош Ованесович) (1883–1918), эсер с 1905, с апреля 1918 зам. председателя ЦК левых эсеров, член ВЦИК, 22 декабря 1917 — 18 марта 1918 нарком почт и телеграфов, затем до 7 июля комиссар внутренних дел Северной области, участник восстания левых эсеров в Москве. Умер в подполье 314
- Прудон Пьер-Жозеф* (1809–1865), французский социалист, депутат Учредительного собрания 1848, теоретик экономического сотрудничества классов, ликвидации государства, анархии 273, 277
- Прянишников Борис Витальевич* («А.Лисовский», «Б.Серафимов») (1902–2002), воспитанник Донского кадетского корпуса, вольноопределяющийся Добровольческой армии. Эмигрант с 1920, член РОВС, в 1933–1954 — НТС, в 1944–1945 — Комитета освобождения народов России, первый редактор журнала «Посев» в 1945–1947 207
- Пуришкевич Владимир Митрофанович* (1870–1920), монархист, создатель «Союза русского народа», затем «Союза Михаила Архангела», депутат II–IV Гос. дум, в 1918, бежал на белый Юг, где создавал Всероссийскую народно-государственную партию, издавал журнал «Благовест» 129
- Путилов Алексей Иванович* (1866 — не ранее 1942), промышленник, финансист, в 1909–1917 директор Русско-Азиатского банка, в 1917 финансировал попытку переворота Корнилова, в 1918 член делового кабинета ген. Д.Л.Хорвата, с осени 1918 глава отделения Русско-Азиатского банка в Париже, финансировал Белое движение 132
- Пэн Иегуда* (Юдель Мовшевич, Юрий Моисеевич) (1854–1937), художник, ученик И. Е. Репина, глава витебской художественной школы, учитель М.Шагала. Убит 634
- Пятаков Юрий* (Георгий) Леонидович (1890–1937), анархист с 1905, с 1910 большевик, член боевой группы; в октябре 1917 предсе-

- датель Киевского Совета и ВРК, депутат Учредительного собрания; в ноябре 1917 — марте 1918 комиссар Народного банка, в октябре 1918 возглавил Временное рабоче-крестьянское правительство Украины, в 1920 глава военной разведки, с 1923 зам. председателей Госплана и ВСНХ, в 1927–1928 торгпред во Франции, с 1928 председатель правления Госбанка СССР, в 1932–1936 зам. наркома тяжелой промышленности, член ЦК ВКП(б) в 1923–1927 и 1930–1936. Расстрелян 179, 266, 274, 362, 682
- Радек (Собельсон) Карл Бернгардович* (1885–1939), социал-демократ с 1902, большевик с 1917, с ноября заведовал Отделом Центральной Европы НКВД, в 1918 член ПК РКП(б), левый коммунист, в 1918–1919 и в 1920 нелегал в Германии, в 1919–1924 член ЦК РКП(б), в 1920–1924 член Исполкома и в 1920 секретарь Коминтерна, сторонник Троцкого, в 1928–1929 в ссылке, с 1932 глава Бюро международной информации ЦК ВКП(б), в 1936 арестован. Убит в тюрьме 179, 265
- Радищев Александр Николаевич* (1749–1802), писатель, противник крепостного права и сословных привилегий, в 1790–1797 в ссылке. Покончил с собой 555
- Разин Стенька (Степан Тимофеевич)* (ок. 1630–1671), донской атаман; в 1662–1663 предводитель казачьих набегов в Персию, с 1670 вождь крестьянской войны. Казнен 358
- Ракитников Николай Иванович* (1864–1938), народоволец, с 1901 (с перерывами) член ЦК эсеров, вышел из партии в 1919; в 1917 редактор «Земли и Воли», с 6 июня зам. министра земледелия Временного правительства; депутат Учредительного собрания; в 1918 член КОМУЧа; свидетель обвинения на процессе эсеров 1922, статистик, экономист, историк, сотрудник Общества политкаторжан. Расстрелян 193, 222, 231, 232
- Раковский Христиан Георгиевич (Станчев Крстю)* (1873–1941), социал-демократ Болгарии и Румынии, с 1915 секретарь Балканской социал-демократической федерации; в 1918 возглавлял борьбу с контрреволюцией на Украине, в январе 1919 — июле 1921 председатель СНК и министр иностранных дел Украины, затем дипломат, в 1919–1927 член ЦК РКП(б) — ВКП(б), в 1928–1934 в ссылке, с 1935 в Наркомздраве, с 1938 в тюрьме. Расстрелян 171, 682
- Распутин Григорий Ефимович* (1864–1916), крестьянин-целитель из Тобольской губернии, в 1906 сменил фамилию на Новый, с 1907 друг семьи Николая II. Убит 61, 130, 164, 384
- Рассел Бертран* (1872–1970), британский философ, логик, математик, общественный деятель, как журналист посетил в 1920 РСФСР; лауреат Нобелевской премии 1950 по литературе 177
- Рафес Моисей Григорьевич («Борисов»)* (1883–1942), член ЦК Бунда в 1912–1919, председатель Главного Украинского комитета Бунда, министр петлюровского правительства, с 1919 в руководстве Еврейской секции и с 1920 Центрального бюро еврейских секций при ЦК РКП(б)–ВКП(б). Коминтерновец, теоретик Китайской революции, в 1926–1927 советник в Китае. В 1927–1928 заведовал отделом иностранной информации ТАСС, историк. В 1938 арестован. Погиб в концлагере 635
- Рахманинов Сергей Васильевич* (1873–1943), композитор, пианист, дирижёр. Эмигрант с декабря 1917, участник создания в США компании авиаконструктора И. И. Сикорского и Толстовского фонда 573
- Рейган Рональд Уилсон* (1911–2004), киноактер, в 1967–1975 губернатор Калифорнии, в 1981–1989 40-й Президент США от Республиканской партии 30
- Рейнес Ицхак Яков* (1839–1915), раввин, публицист, в 1902 основал в Вильно «Мирзахи» («Восток») — религиозную фракцию Всемирной организации сионистов, с 1904 вождь религиозного сионизма 627
- Рейснер Михаил Андреевич* (1868–1928), профессор права, социальный психолог; до 1905 народник, с 1917 большевик, сотрудник наркоматов юстиции и просвещения, отец писательницы и в 1918–1919 комиссара Генерального Морского штаба Ларисы Рейснер (1895–1926) 370
- Ремизов Алексей Михайлович* (1877–1957), писатель, участник революционного движения 1896–1905. Эмигрант с 1921 572
- Репин Илья Ефимович* (1844–1930), художник, член Товарищества передвижных художественных выставок, профессор и с 1893 действительный член Академии художеств, с 1900 жил в Финляндии 133
- Рерих Николай Константинович* (1874–1947), художник, философ, этнолог, археолог, писатель; с 1908 действительный член Академии художеств, с 1910 председатель общества «Мир искусства». Эмигрант, с 1918 в Финляндии, с 1920 в Нью-Йорке, где создал Институт объединенных искусств, глава экспедиций с участием советской разведки в Ки-

- тай, Тибет, Индию, в 1929 основал в Индии Институт гималайских исследований «Урусвати» («Утренний луч») 573
- Ривера Диего* (1886–1957), художник-монументалист; член ЦК КП Мексики, в 1929 исключен, в 1954 восстановлен; в 1927–1928, 1955–1956 посещал СССР 179, 181
- Риттих Александр Александрович* (1868–1930), с 25 марта 1912 зам. главноуправляющего землеустройством и земледелием, с 26 октября 1915 зам. министра, с 14 ноября 1916 управляющий министерством и с 12 января 1917 последний царский министр земледелия. Эмигрант с 1919, директор банка в Лондоне 608
- Ришельё дю Плесси Арман Жан* (1585–1642), кардинал с 1622, глава Королевского совета и с 1624 неофициально правил Францией 163
- Робинс Реймонд* (1873–1954), предприниматель, полковник армии США, с июля 1917 зам. начальника и в 1918 глава Американской миссии Красного Креста в России, друг СССР 175
- Родзаевский Константин Владимирович* (1907–1946), бежал в 1925 из СССР в Китай, в Харбин, в 1932 генеральный секретарь Всероссийской фашистской партии (распущена японцами в 1942–1943), состоял на службе японцев и германского абвера. В 1945 увезен в Москву. Расстрелян 207
- Родзянко Александр Павлович* (1879–1970), генерал-лейтенант, племянник М. В. Родзянко; в 1917 командовал кавалерийской бригадой, затем дивизией, в 1919 с 25 мая командир Северного корпуса, с 2 октября помощник главнокомандующего Северо-Западной армии. Эмигрант 291
- Родзянко Михаил Владимирович* (1859–1924), член ЦК октябристов, в 1906–1907 член Гос. совета, депутат и с 1911 председатель III и IV Гос. дум и в 1917 Временного комитета Гос. думы. Эмигрант с 1920 67 — 68, 129, 156,
- Родичев Федор Измайлович* (1853–1932), юрист, земский деятель, член ЦК кадетов, депутат I — IV Гос. дум, в 1917 в марте министр по делам Финляндии, член Предпарламента, в 1919 член делегации правительства Деникина в Сербии. Эмигрант 75, 214–216.
- Рожков Николай Александрович* (1868–1927), историк, с 1905 большевик, в 1911–1922 меньшевик, в 1917 член ЦК РСДРП (объединенной) и 15 мая — 1 августа зам. министра почт и телеграфов Временного правительства, в 1921–1924 в тюрьме и ссылке, с 1926 директор Исторического музея в Москве 129
- Розенберг Альфред* (1893–1946), остзеец из Ревеля, учился в Риге и Москве, архитектор; с 1918 в Германии, соратник Гитлера, главный идеолог Национал-социалистической рабочей партии Германии, в 1930–1933 депутат Рейхстага, в июле 1941–1945 имперский министр по делам восточных оккупированных территорий. Повешен 571
- Розинь Фридрих Адамович (Розиньи Фрицис)* (1870–1919), большевик, с марта 1918 комиссар по латышским делам, с апреля заместитель наркома по делам национальностей, с января 1919 нарком земледелия советской Латвии 648
- Романов Степан Михайлович («Тер-Ованесов», «Бидбей» и др.)* (1876 — не ранее 1936), анархист-коммунист, вожак группы «Безначалие» в Петербурге, активист Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев 274, 448
- Романовский Иван Павлович* (1877–1920), генерал-лейтенант; в 1917 начальник штаба 8-й армии, в июле-августе генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего Корнилова, вместе с ним арестован, начальник штаба с февраля 1918 Добровольческой армии, в декабре 1918 — марте 1920 Вооруженных сил Юга России. Застрелен монархистом в Константинополе 200
- Романовы*, Императорский Дом России 52, 137, 142, 162, 164, 166, 277, 439, 453, 525, 571, 617, 639, 655
- Александр II Освободитель* (1818–1881), сын Николая I, император с 1855, реформатор, отменил крепостное право, освободил Болгарию от турецкого ига. Убит 154, 161, 336–337
- Александр III Миротворец* (1845–1894), сын Александра II, император с 1881 161, 164, 348
- Александра Федоровна* (урожд. *принцесса Гессен-Дармштадтская Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса*) (1872–1918), дочь великого герцога Людвиг IV Гессенского и Рейнского, внучка английской королевы Виктории, с 1894 жена Николая II, с 1915 глава Особого комитета по оказанию помощи русским военнопленным. Расстреляна. Канонизирована 162, 165, 166, 199
- Алексей Николаевич*, цесаревич (1904–1918), сын Николая II. Расстрелян. Канонизирован 68
- Владимир Кириллович*, князь императорской крови, с 1924 великий князь (1917–1992), сын великого князя Кирилла Владимировича, правнук Александра II, двоюродный пле-

- мянник Николая II, с 1938 глава Императорского Дома в изгнании 207
- Георгий Александрович*, великий князь (1871–1899), сын Александра III 161
- Екатерина II Великая* (урожд. *принцесса Анхальт-Цербстская Софья Фредерика Августа*) (1729–1796), дочь князя Христиана Августа Анхальт-Цербстского, с 1745 жена Петра III, в 1762 его свергла, императрица, превратила Россию в сверхдержаву 453
- Кирилл Владимирович*, великий князь (1876–1938), внук Александра II; в марте 1915 — марте 1917 командир Гвардейского экипажа. Эмигрант с 1917, принял титулы с 8 августа 1922 — блюстителя престола, с 13 сентября 1924 — императора всероссийского, но не признан королевскими домами Европы и большинством эмигрантов 206–207, 571
- Мария Феодоровна* (урожд. *принцесса Датская Луиза Софья Фредерика Дагмара*) (1847–1928), дочь короля Дании Христиана IX, сестра королей Христиана X Датского и Георга I Греческого и английской королевы Александры (супруги Эдуарда VIII), с 1866 жена Александра III, с 1881 императрица, мать Николая II. Покинула Россию в апреле 1919 161, 166
- Михаил Александрович*, великий князь (1878–1918), сын Александра III, младший брат Николая II, в 1899–1904 наследник престола; командир с 1914 Кавказской туземной конной дивизии, в 1916 — 2-го кавалерийского корпуса, генерал-лейтенант, в январе–марте 1917 генерал-инспектор кавалерии; 3 марта отказался принять престол до согласия Учредительного собрания, в 1918 сослан в Пермь. Убит. Канонизирован 68, 156, 198, 298
- Николай I* (1796–1855), сын Павла I, брат Александра I, император с 1825 163–164, 452, 463
- Николай II* (1868–1918), сын Александра III, император с 20 октября 1894, 23 августа 1915 — 2 марта 1917 Верховный главнокомандующий. 2 марта 1917 отрекся от престола. Расстрелян. Канонизирован 26, 29, 55, 56, 64, 66 — 67, 128, 156, 161–166, 176, 198, 199, 208, 296, 298, 385, 433, 453, 523, 562, 655, 658, 677, 680
- Николай Николаевич младший*, великий князь (1856–1929), внук Николая I, двоюродный дядя Николая II; в 1905–1909 председатель Совета государственной обороны, в 1905–1914 главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, 20 июля 1914 — 23 августа 1915 и 2–11 марта 1917 Верховный главнокомандующий, в 1915–1917 наместник на Кавказе и командующий Кавказской армией. Эмигрант с 1919, верховный руководитель РОВС с 1924 198, 201, 206, 571, 639
- Петр I Великий* (1672–1725), царь с 1688, правил с 1689, первый российский император с 1721 336, 452, 456, 491
- Рославлев Александр Степанович* («Баян») (1883–1920), писатель, после Революции 1917 основал в Новороссийске Театр политической сатиры 133
- Рудзутак Ян Эрнестович* (1887–1938), большевик с 1905, в 1917–1920 председатель Московского СНХ, Центротекстиля, ЦК профсоюза рабочих транспорта, в 1923–1924 секретарь ЦК ВКП(б), в 1926–1932 член Политбюро ЦК ВКП(б), 2 февраля 1924 — 11 июня 1926 нарком путей сообщения, 16 января 1930 — май 1937 зам. председателя СНК СССР. Расстрелян 400
- Руднёв Вадим Викторович* (1879–1940), земский врач; в 1905 глава эсеров Москвы, участник восстания; с 1907 член ЦК эсеров; в 1917 зам. председателя партии эсеров и в июле–ноябре городской голова Москвы, глава фракции эсеров на Учредительном собрании. Эмигрант с 1919, генсек Земгора, редактор «Современных записок» 224
- Руссо Жан-Жак* (1712–1778), французский философ-просветитель, писатель 367
- Рыков Алексей Иванович* (1881–1938), большевик, член ЦК в 1905–1907, 1917–1918, 1920–1934, Политбюро ЦК в 1922–1930; нарком внутренних дел 26 октября– 4 ноября 1917, создатель ВСНХ и его председатель 3 апреля 1918 — 28 мая 1921 и 9 мая 1923 — 2 февраля 1924, председатель СНК СССР и РСФСР 2 февраля 1924 — 19 декабря 1930 и Совета труда и обороны СССР 19 января 1926 — 19 декабря 1930, нарком связи в 1931–1936. Расстрелян 92, 125, 177–178, 264, 313, 590
- Рыскулов Туар* (1894–1938), большевик, в 1919–1920 председатель Мусульманского бюро КП Туркестана, в 1921–1922 зам. наркома по делам национальностей, в 1922–1924 СНК Туркестанской АССР, в 1926–1937 зам. председателя СНК РСФСР. Расстрелян 671, 673
- Рэнсом Артур* (1884–1967), британский писатель, журналист, в 1916–1924 корреспондент английских газет в России, симпатизировал большевикам, встречался с Лениным, организатор помощи голодающим Поволжья, автор книг «Шесть недель в России» (1919), «Кризис в России» (1921) и др. 128
- Рябушинский Павел Павлович* (1871–1924),

- московский старообрядец, совладелец банкирского дома, глава Московского биржевого комитета, в 1907 и 1908–1917 издатель газеты «Утро России»; в 1905 член ЦК октябристов, с 1906 в Партии мирного обновления, с 1912 член ЦК и председатель Московского комитета прогрессистов, в 1915–1917 председатель Московского военно-промышленного комитета. Эмигрант с 1919, член Торгпрома 534
- Рязанов Давид Борисович (Гольдендах Давид-Симхе Зельман-Беров)* (1870–1938), народник, с 1889 марксист, с 1903 внефракционный социал-демократ, с июля 1917 в РСДРП(б) (в 1918 временно выходил); деятель профсоюзов; депутат Учредительного собрания; в 1918–1920 глава Главархива, в 1921–1931 директор Института Маркса и Энгельса, с 1929 академик АН СССР; с 1931 в ссылке и тюрьмах. Расстрелян 92, 313, 448
- Савинков Борис Викторович («В.Ропшин»)* (1879–1925), социал-демократ, с 1901 эсер, в 1903–1907 глава Боевой организации; писатель; в 1917 в апреле–июне комиссар Ставки Верховного главнокомандующего, 25 июля — 28 августа зам. военного министра, 22 — 30 августа управляющий Военным и морским министерством. С 1918 эмигрант, глава Народного союза защиты Родины и Свободы, в 1924 заманен в СССР, приговорен к 10 годам заключения. Погиб в тюрьме 110, 230, 302, 380
- Сазонов Сергей Дмитриевич* (1860–1927), дипломат, с 1909 зам. министра и в 1910–1916 министр иностранных дел, в 1913–1917 член Гос. Совета, в январе–марте 1917 посол в Лондоне, в 1918–1919 начальник управления иностранных дел в Особом совещании Деникина и в 1919 министр иностранных дел Всероссийского правительства Колчака. Эмигрант 203
- Самойлова (Громова) Конкордия Николаевна («Наташа», «Н.Симбирский»)*, (1876–1921), большевичка, в 1912 ответственный секретарь «Правды», в 1917 член Петербургского комитета и редактор журнала «Работница», с 1920 глава агитпарохода «Красная звезда» на Волге 476
- Самсонов (Бабий) Тимофей Петрович* (1888–1956), с 1906 анархист-коммунист «Фома», с 1919 член РКП(б); в 1907 вожак отряда экспроприаторов «Разрушай и созидай»; в 1917–1918 председатель биржи труда и союза железнодорожного узла Челябинска, с июля 1918 в разведке 3-й армии; с 1919 в ЧК, с сентября 1920 начальник Секретного отдела ВЧК–ГПУ, начальник Регистрационного отдела РВС Республики (военной разведки), в 1936–1937 управделами Коминтерна, затем во Всесоюзной книжной палате, цензуре, в 1949–1955 кадровик Госполитиздата
- Сандомирский Герман Борисович (Гершон Беркович)* (1882–1938), анархист-коммунист, с 1907 член Боевой интернациональной группы и вожак группы «Чёрное знамья» в Киеве, затем в тюрьме и ссылке, с 1917 выступал за союз с большевиками, с 1918 в группе анархо-кооператоров «Почин», в 1924 отрёкся от анархизма, дипломат, в 1934 арестован. Расстрелян.
- Сапожков Александр Степанович*, самарский крестьянин, подпоручик, левый эсер, командир в 1918 отряда, в 1919 — 22-й стрелковой дивизии (за оборону Уральска награждён Орденом Красного Знамени), в 1920 — 2-й Туркестанской дивизии, 14 июля возглавил восстание «Красной армии правды» против лжекоммунистов. 6 сентября 1920 убит в бою 361–362.
- Сапронов (Широков) Тимофей Владимирович* (1887–1937), рабочий-маляр, большевик с 1912; в 1912–1914 секретарь профсоюза строительных рабочих в Москве; председатель в 1917–1919 Московского губернского Совета и в 1919–1920 Харьковского губревкома, с 1918 левый коммунист, в 1919–1921 вожак «децистов», в 1920–1924 председатель Малого СНК и в 1921 зам. председателя ВСНХ, член ВЦИК, в 1927 исключен из ВКП(б); в ссылке и тюрьмах. Расстрелян.
- Сафаров (Вольдин) Георгий Иванович* (1891–1941), большевик с 1908, в 1917 с Лениным вернулся в Россию, член ПК, в 1918 член ИК Уралобкома РКП(б), соучастник убийства царской семьи, в 1921–1922 секретарь президиума и заведующий Восточным отделом Коминтерна, в 1922–1926 редактор «Петроградской правды», сторонник Зиновьева и Троцкого, в 1927 исключен из ВКП(б). Расстрелян 175, 279
- Сахаров Константин Вячеславович* (1881–1941), генерал-лейтенант; участник попытки переворота генерала Корнилова, с 1918 представитель Деникина в штабе Колчака, в 1919 командовал Восточным фронтом Колчака, снят за сдачу Омска, затем служил у атамана Семёнова. Эмигрант с 1920, в Германии монархист-легитимист и русский фашист, в 1931 вышел из РОВС 207
- Свердлов Яков Михайлович (Янкель Мовшевич)* (1885–1919), член РСДРП с 1901, большевик, в 1912–1913 член Русского бюро ЦК, с апреля 1917 секретарь ЦК РСДРП(б) и с

- 8(21) ноября председатель ВЦИК, в 1918 открыл Учредительное собрание, председатель Комиссии по выработке Конституции РСФСР, в 1919 член Оргбюро ЦК РКП(б) 144, 181, 257–258, 314–315, 320, 341, 418–420, 632
- Сверчков Дмитрий Федорович* (1882–1938), член Союза борьбы за освобождение рабочего класса с 1899, большевик, с 1905 меньшевик, в 1905 член бюро Петербургского Совета рабочих депутатов, с 1920 в РКП(б), член Верховного суда СССР, зам. директора Литературного музея. Расстрелян 138
- Святыцкий Николай Владимирович* (1887–1937), эсер, в 1917 редактор «Партийных известий», депутат Учредительного собрания, в 1918 член КОМУЧа, в 1919 — группы эсеров «Народ», экономист, свидетель на процессе эсеров 1922, сослан. Расстрелян 196, 228, 317
- Седов Лев Львович* («Н.Маркин») (1906–1938), старший сын и помощник Троцкого. Выслан в 1929 с родителями за рубеж, редактор «Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)», с 1930 член Бюро международной левой оппозиции. Огравлен 179–180
- Седов Сергей Львович* (1908–1937), младший сын Троцкого, инженер, автор научных трудов по термодинамике и теории двигателей, избегал политики, остался в СССР при высылке родителей и брата, с 1935 в ссылке, с 1936 в концлагере. Расстрелян 180
- Седова Наталья Ивановна* (1882–1962), социал-демократка, с 1902 вторая жена и помощница Троцкого, мать Льва и Сергея Седовых 172, 176, 179, 181
- Сеид Абдулла-хан* (1903–1920), последний хан Хивинский, посажен на трон в сентябре 1918 Джунаид-ханом, убившем легитимного Сеид Асфендиар-Богадур-хана. Отрекся от престола 2 февраля 1920 и 30 апреля умер в Москве 670
- Сейфуллин Сакен* (1894–1939), казахский писатель, в 1922–1925 председатель СНК Казахской АССР. Расстрелян 665
- Секретёв Александр Степанович* (1882–1931), генерал-майор, командир донских полков, дивизии, 4-го Донского корпуса. Эмигрант с 1920, участник Союза возвращения на родину, в 1923 вернулся в СССР, инструктор кавалерии ОГПУ. Расстрелян 205
- Семашко Николай Александрович* (1874–1949), врач, племянник Г. В. Плеханова, большевик, 11 июля 1918 — 25 июля 1930 нарком здравоохранения РСФСР, в 1930–1936 член президиума ЦИК СССР, председатель Детской комиссии, академик с 1944 Академии медицинских наук СССР и с 1945 Академии педагогических наук СССР 413
- Семёнов Григорий Михайлович* (1890–1946), генерал-лейтенант; в 1917 комиссар Временного правительства по формированию добровольческих отрядов Забайкалье, с 1918 атаман забайкальского, амурского и уссурийского казачества, в 1920 главнокомандующий на Дальнем Востоке. Бежал в Маньчжурию, сотрудничал с Японией, русскими фашистами. Повешен в Москве 103, 110, 202, 292–293, 501, 657, 658, 660
- Семковский (Бронштейн) Семен Юльевич* (1882–1937), меньшевик, философ-марксист. В 1912–1914 секретарь Оргкомитета РСДРП за границей, в 1917 член Комитета Петроградской организации и ЦК, в 1920 порвал с меньшевиками. С 1918 преподавал в Киевском, затем Харьковском университете. С 1929 академик АН УССР. Расстрелян 173, 240
- Сергий (Страгородский Иван Николаевич)* (1867–1944), архиепископ Финляндский и Выборгский с 1905 и член с 1911 Св. Синода, с августа 1917 архиепископ Владимирский; в 1922–1923 обновленец; с 1925 зам. патриаршего местоблюстителя, с 1934 митрополит Московский и Коломенский, с 1937 патриарший местоблюститель, с 8 сентября 1943 Патриарх Московский и всея Руси 386, 393
- Серебряков Леонид Петрович* (1888–1937), большевик с 1905, в 1919–1921 член Оргбюро и в 1920–1921 секретарь ЦК РКП(б), 30 марта 1919 — 31 декабря 1922 секретарь ВЦИК, в 1919 и 1922 начальник Политуправления РВС Республики, затем на хозяйственных постах. Расстрелян 258
- Серебрянский (Бергман) Яков Исаакович* (1891–1956), с 1907 эсер-максималист, в 1917 член Бакинского Совета, с 1920 в ВЧК, с 1927 член ВКП(б), с 1929 глава группы диверсионно-террористических операций ИНО (внешней разведки) ОГПУ–НКВД, в 1938–1941 в тюрьме, затем сотрудник НКВД–НКГБ, с 1953 в тюрьме. Умер на допросе 206
- Серж Виктор (Кибальчич Виктор Львович)* (1889–1947), французский писатель; участник анархистских групп Франции и Испании, в 1919 депортирован в РСФСР, помощник Зиновьева в Коминтерне (глава службы романских языков), сторонник Троцкого, арестовывался, сослан. В 1936 выслан с семьей из СССР 177
- Серов Василий Алексеевич* (1898–1923), старший унтер-офицер, в 1919–1920 большевик, с 1920 в дивизии Сапожкова, вожак повстан-

- ческого движения в 1920–1922, разгромлен, сдался. Расстрелян 361
- Сикейрос Давид Альфаро* (1898–1974), художник-монументалист, с 1924 член КП Мексики; в 1928 работник Профинтерна в Москве; почетный член Академии художеств СССР, лауреат Ленинской премии мира 1967 г. 180, 181
- Симонов Рубен Николаевич* (1899–1968), актер, анархист-мистик, рыцарь Ордена тамплиеров, с 1939 главный режиссер театра им. Вахтангова, народный артист СССР с 1946, лауреат Сталинских премий 1943, 1947, 1950 гг. 281
- Склянский Ефраим Маркович* (1892–1925), большевик с 1913, военврач; в 1917 председатель комитета 5-й армии, в октябре 1918–1924 зам. наркома по военным и морским делам и председателя РВС Республики, с 1924 председатель греста «Моссуко». Погиб в командировке в США 336
- Скобелев Матвей Иванович* (1885–1938), член РСДРП с 1903, меньшевик, член IV Гос. думы; в 1917 зам. председателя Петроградского Совета, 5 мая — 5 сентября министр труда Временного правительства, член Предпарламента; затем в кооперации и Наркомате внешней торговли, с 1922 член РКП(б), с 1926 председатель Концессионного комитета РСФСР, в 1936–1937 во Всесоюзном радиокомитете. Расстрелян 81, 129, 148, 173, 190, 246, 300, 302, 443
- Скоблин Николай Владимирович* (1893– не ранее 1937), генерал-майор; командовал с 1918 Корниловским полком, в 1920 — Корниловской дивизией. Эмигрант с 1920, деятель РОВС и его «Внутренней линии» (контрразведки), советский агент, участник похищения генерала Миллера. Убит 207
- Скородумов Михаил Федорович* (1890–1963), генерал-майор Корпуса Императорской Армии и Флота; протезный инвалид I мировой войны, с 1916 в плену, в 1918 в Добровольческой армии. Эмигрант с 1920, монархист-легитимист, в 1941 нацистский шеф русской эмиграции в Югославии, основал Русский корпус 208
- Скоропадский Павел Петрович* (1873–1945), генерал-лейтенант, потомок гетмана XVII в.; октябрист; с 1916 начальник 1-й гвардейской дивизии, с октября 1917 Главнокомандующий войсками Центральной Рады, упразднил Украинскую народную республику, 29 апреля — 14 декабря 1918 гетман Украинской державы. Бежал в Германию, сотрудничал с нацистами. Погиб при бомбардировке Берлина 218, 320, 525, 680–681
- Скрытник Николай Алексеевич* (1872–1933), в РСДРП с 1897, большевик, в 1911–1913 глава рабочей страховой группы и член редакции «Правды» в Петербурге, в 1917 председатель ЦСФЗК, в 1918–1919 член Коллегии ВЧК и начальник Отдела по борьбе с контрреволюцией; в Украинской ССР с 1919 нарком госконтроля и РКИ, в 1921 — внутренних дел, с 1922 — юстиции и генпрокурор, в 1927–1933 — просвещения; с 1927 член ЦК ВКП(б) и председатель Совета национальностей ЦИК СССР, в 1933 зам. председателя СНК УССР. Застрелился 320, 447
- Слащов-Крымский Яков Александрович* (1885–1929), генерал-лейтенант; в 1917 командир Московского гвардейского полка, с мая 1918 начальник штаба партизанского отряда Шкуро, затем командовал бригадой, дивизией, корпусом. Эмигрант с 1920. Вернулся в 1921. Убит 202, 205, 279
- Слиозберг Генрих Борисович* (1863–1937), юрист, кадет, вождь Еврейской народной группы, председатель правления Петербургской еврейской общины. Эмигрант, член Русского национального комитета 625
- Смидович Петр Гермогенович* (1874–1935), член РСДРП с 1898, большевик, в 1917 член Московского комитета РКП(б), председатель в марте–сентябре 1918 Моссовета, в 1919–Московского губернского СНХ, с 1923 член президиума ВЦИК, зам. председателя ЦИК СССР, председатель Федерального комитета по земельным делам и Комитета по земельному устройству труда евреев 590
- Смилга Ивар Тенисович* (1892–1937), большевик с 1907, член ЦК в 1917–1920 и 1925–1927; в 1917 председатель Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, в 1918 представитель РСФСР в Финляндии, в 1919–1921 начальник Политуправления Красной Армии и член РВС Республики до 1923, с 1921 начальник Главного топливного управления РСФСР и СССР, в 1923–1926 зам. председателя Госплана СССР. Стронник Троцкого, в 1928–1930 в ссылке, с 1935 в тюрьме. Расстрелян 342
- Смирнов Владимир Михайлович* (1887–1937), большевик с 1907, один из руководителей восстания в Москве в октябре 1917, 25 января — 18 марта 1918 нарком торговли и промышленности, левый коммунист, в 1918–1919 член РВС 5 и 16 армий, «децист», работал в ВСНХ, Госплане СССР. В 1927 исключен из ВКП(б), послан, с 1935 в тюрьме. Расстрелян 175, 266, 341
- Смирнов Иван Никитич* (1881–1936), член РСДРП с 1899, большевик, участник Де-

- кабрьского восстания 1905 в Москве, в 1917 глава большевистского издательства «Волна», в 1918–1919 член РВС Республики, в 1919–1921 председатель Сибревкома, в 1920–1921 член ЦК и в 1921–1922 секретарь Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), 6 июля 1923 — 12 ноября 1927 нарком почт и телеграфов СССР. С 1933 в тюрьме. Расстрелян 341
- Соколов Борис Фёдорович («Борис Чужой»)* (1889–1979), биолог, приват-доцент Петроградского университета; с 1907 эсер, в 1917 председатель Военной комиссии ЦК эсеров; в 1918 депутат Учредительного собрания, член КОМУЧа; в 1920 глава Отдела народного образования Всероссийского правительства Северной области. Эмигрант, деятель Земгора, директор Южного биологического исследовательского института во Флориде (США) 317
- Соколов Константин Николаевич* (1883–1927), правовед, член ЦК кадетов, в 1919–1920 глава деникинского Освага. Эмигрант с 1920 218, 219, 525
- Соколов Николай Дмитриевич* (1870–1928), юрист, внефракционный социал-демократ, в 1917 член Исполкома Петроградского Совета и ВЦИК 64, 81
- Соколовская Александра Львовна* (1872–1938), акушерка, социал-демократка, в Южно-русском рабочем союзе, жена Троцкого в 1898–1902, меньшевичка, в 1917 межрайонка и с августа большевичка, участница левой оппозиции, с 1935 в ссылке и тюрьмах. Расстреляна 172, 180
- Сокольников Григорий Яковлевич (Бриллиант Гири Янкелевич)* (1888–1939), большевик с 1905, член ЦК в 1917–1919 и 1922–1930, кандидат в члены Политбюро ЦК в 1924–1925; глава делегации РСФСР при подписании Брестского мира 1918; в 1918–1919 член РВС армий и фронта, 23 ноября 1922 — 16 января 1926 нарком финансов, в 1926–1928 зам. председателя Госплана, в 1933–1934 зам. наркома иностранных дел, с 1935 1-й зам. наркома лесной промышленности, с 1936 в тюрьме. Убит в тюрьме 179, 341
- Солонович Алексей Александрович* (1887–1937), математик, анархист-мистик, командор «Ордена Света», обвинен в связях с международным масонством. Умер в ссылке 281
- Сольц Арон Александрович* (1872–1945), член РСДРП с 1898, большевик, левый коммунист; в 1920–1934 член Центральной контрольной комиссии ВКП(б), с 1921 — Верховного суда, затем помощник Прокурора СССР (заведовал Бюро жалоб), прозван «со-
вестью партии». С 1938 в сумасшедшем доме 117
- Сорокин Пителир Александрович* (1889–1968), социолог; в 1905–1918 правый эсер, в 1917 редактор газеты «Воля народа» и в июле–октябре личный секретарь Керенского, в 1918 участник Союза возрождения России, с 1919 профессор Петроградского университета. Выслан в 1922 за рубеж, в 1929–1959 в Гарвардском университете, с 1960 президент Американской социологической ассоциации 177, 572
- Спиридович Александр Иванович* (1873–1959), генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, в 1906–1912 начальник дворцовой охраны, в 1916 градоначальник Ялты. Эмигрант с 1920 173, 262
- Спиридонова Мария Александровна* (1884–1941), эсерка с 1905, за покушение на тамбовского вице-губернатора в 1906–1917 на каторге, в 1917 член ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов, Петроградского комитета и ЦК эсеров, с ноября зам. председателя ЦК левых эсеров, в 1917–1918 член ВЦИК; депутат Учредительного собрания; участница восстания в Москве 6 июля 1918. Затем в тюрьмах и ссылке. Расстреляна 167–171, 195, 224, 233, 235, 236–238
- Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович* (1878–1953), большевик с 1903, организатор экспроприаций на Кавказе в 1906–1907, член ЦК РСДРП с 1912, Политбюро в 1917 и с 1919 и Оргбюро ЦК в 1919–1952, с 3 апреля 1922 Генеральный секретарь ЦК РКП(б)–ВКП(б); депутат Учредительного собрания; нарком 26 октября 1917 — 6 июля 1923 по делам национальностей и 3 марта 1919 — 7 февраля 1920 рабоче-крестьянской инспекции; диктатор, организатор массовых репрессий; с 1941 председатель СНК (с 1946 Совета министров) СССР и Верховный главнокомандующий, с 1943 маршал, с 1945 Генералиссимус; почетный член АН СССР с 1939 14, 16, 25, 29, 58, 104, 141, 144, 146–147, 170–171, 173, 177–183, 208, 254, 259, 261–262, 266, 268–269, 321, 324, 340–342, 416, 419–420, 510, 642, 668, 672–673
- Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич* (1863–1938), актер, режиссер, реформатор театрального искусства. В 1898 основал вместе с В. И. Немировичем-Данченко Московский художественный театр, с 1917 почетный член АН, с 1918 глава Оперной студии Большого театра, с 1936 народный артист СССР 133
- Станкевич Владимир Бенедиктович* (литовское имя *Станка Владас*) (1884–1968), пра-

- вед, в 1917–1918 член ЦК Трудовой народно-социалистической партии, в 1917 комиссар Северного фронта, затем верховный комиссар Ставки Верховного Главнокомандующего, в 1918 участник заговора офицеров против Скоропадского. Эмигрант с 1919 81, 129, 298
- Стасова Елена Дмитриевна* (1873–1966), член РСДРП с 1898, большевичка, в 1917 и 1919–1920 секретарь ЦК, с 1921 в Германии нелегал Коминтерна и председатель ЦК красной помощи Германии, в 1927–1938 зам. председателя Международной организации помощи борцам революции, в 1935–1943 член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна, в 1938–1946 редактор журнала «Интернациональная литература» 258
- Стеклов Юрий Михайлович* (*Нахамкис Овсий Моисеевич*, «Ю.Невзоров») (1873–1941), журналист, историк, в РСДРП с 1893, внефракционный социал-демократ, с 1917 член ИК Петроградского Совета и ВЦИК, большевик, в октябре 1917–1925 редактор «Известий», затем других изданий, член ЦИК СССР. Репрессирован, умер в тюрьме 64, 281, 298, 304
- Степанов Василий Александрович* (1873–1920), горный инженер, депутат III и IV Гос. Дум, с 1916 член ЦК кадетов, в 1917 с 6 марта комиссар, с 15 мая до 8 июля управляющий Министерством торговли и промышленности, в 1918–1919 государственный контролер в правительстве Деникина, зам. начальника секретной разведывательной организации «Азбука» 218–219, 525
- Степанов Николай Александрович* (1869–1949), генерал-лейтенант Генштаба; с 1914 начальник штаба 4-го конного корпуса; в 1918 командовал войсками КОМУЧа, затем военный министр Колчака. Бежал в Харбин 291
- Степун Федор Августович* (1884–1965), философ; в 1917 эсер, в июле — сентябре начальник Политического управления Военного министерства, с 1918 помощник режиссера «Показательного театра революции». Выслан в 1922 за рубеж, профессор с 1926 Дрезденского университета (отстранен в 1937 нацистами), в 1947–1960 — Мюнхенского университета 130, 131, 135, 573
- Столыпин Петр Аркадьевич* (1862–1911), саратовский губернатор с 1903, министр внутренних дел и председатель Совета министров с 1906, организатор земельной реформы, с 1907 также член Гос. Совета. Убит 29, 55, 155, 163, 166, 222, 274, 348–349, 396, 453, 457–458, 464, 664
- Стравинский Игорь Федорович* (1882–1971), композитор, дирижёр. Эмигрант с 1910, в 1910–1913 один из художественных руководителей Русского балета Дягилева 573
- Страд Иван Яковлевич* (1894–1938), анархист, участник Гражданской войны в Сибири, с 1927 член ВКП(б), военачальник. Расстрелян 278, 281
- Струве Петр Бернгардович* (1870–1944), экономист, историк, философ; легальный марксист, в 1906–1915 член ЦК кадетов, депутат II Гос. думы, в 1915–1917 председатель секретного Особого межведомственного комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля, 8 апреля — 20 мая 1917 директор Экономического отдела МИД, с 1917 академик РАН, в 1918 член Правого и Национального центров, затем — правительство Деникина и Врангеля. Эмигрант с 1920 42, 204, 483, 488–489, 571, 589
- Струмилин (Струмилло-Петрашкевич) Станислав Густавович* (1877–1974), экономист, статистик, с 1904 до весны 1921 меньшевик, с 1923 большевик, работник Госплана СССР, с 1931 академик АН СССР, лауреат Сталинской 1942 и Ленинской 1958 премий 543
- Стучка Петр Иванович (Янович)* (1865–1932), юрист, с 1904 член ЦК Латвийской СДРП, в 1917 член Петербургского комитета РСДРП(б), 18 марта — 22 августа 1918 нарком юстиции РСФСР, в декабре 1918 — январе 1920 глава советского правительства Латвии, с марта 1919 председатель ЦК и с 1920 Загранбюро ЦК КП Латвии, а также с 1923 председатель Верховного суда РСФСР и с 1924 председатель Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна 648
- Суварин (Лившиц) Борис Константинович* (1895–1984), эмигрант, с 1919 секретарь Коминтерна в Париже и участник создания в 1921 Компартии Франции, в 1924 из них исключен как сторонник Троцкого; позднее советолог, редактор газеты «Фигаро» 180
- Суворин Алексей Алексеевич («А.Порошин»)* (1862–1937), сын издателя А. С. Суворина; издатель, редактор, публицист, участник Белого движения. Эмигрант 378, 381
- Суворов Александр Васильевич* (1729–1800), полководец, с 1799 генералиссимус, награжден титулами *граф Римникский*, *князь Итальянский* 201, 552
- Судейкин Сергей Юрьевич* (1882–1946), художник объединения «Голубая роза» и кабаре «Бродячая собака». Эмигрант с 1920, театральный художник 573
- Султан-Галиев Мирсаид* (1892–1939), большевик с 1917, с 1918 председатель Центральной

- мусульманской военной коллегии при Наркомвоенморе, в 1920–1921 начальник Восточного отдела Политуправления Красной Армии, в 1919 член, затем председатель Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), в 1923 исключен из РКП(б), затем в тюрьмах и ссылке. Расстрелян 673
- Суханов (Гиммер) Николай Николаевич* (1882–1940), экономист, историк революции; с 1899 толстовец, с 1903 эсер, участник восстания 1905 в Москве, с 1907 социал-демократ вне фракций, в 1917 участник создания Петроградского Совета, в мае 1917–1920 меньшевик-интернационалист, в июне 1918 исключен из ВЦИК, автор «Записок о революции», работал в ВЦСПС, Наркомземе, МГУ, вместе с Троцким в 1920 создал 1-ю Трудармию, в 1923 отказано в приеме в РКП(б), сотрудник Наркомторга, член Комкадемии, с 1930 в тюрьме и ссылке. Расстрелян 64, 69, 71, 128–131, 152, 176, 251, 261, 298, 541, 549
- Сытин Иван Дмитриевич* (1851–1934), издатель-просветитель, в 1876–1921 глава крупнейшего в России книгоиздательского и книготоргового товарищества; затем консультант Госиздата РСФСР, персональный пенсионер 376
- Сытин Павел Дмитриевич* (1870–1938), генерал-майор, с 1918 в Красной Армии, в сентябре-ноябре командовал Южным фронтом, на руководящих постах, в 1920–1921 военный атташе в Грузии. Расстрелян 340
- Терещенко Михаил Иванович* (1886–1959), прогрессист, с июля 1915 председатель Киевского военно-промышленного комитета, в 1917 2 марта — 5 мая министр финансов, затем до 25 октября министр иностранных дел и с сентября зам. премьер-министра, член Директории, арестован большевиками. Бежал за рубеж, член Торгпрома, банкир 68, 75, 188, 297, 299, 303
- Тимирязев Климент Аркадьевич* (1843–1920), физиолог растений, популяризатор дарвинизма, член-корреспондент АН, член с 1918 Социалистической академии общественных наук, с 1919 Государственного ученого совета, в 1920 депутат Моссовета 371
- Тимур (Тамерлан)* (1336–1405), полководец, с 1370 эмир Самарканда, в 1391–1395 разгромил Золотую Орду и создал империю 667
- Титлинов Борис Васильевич* (1879– не ранее 1945), историк, профессор Петербургской Духовной академии, в 1917 редактор «Все-русского церковного вестника», противник восстановления Патриаршества, в 1920-е ректор обновленческого Высшего Богословского института, в 1930–1932 в тюрьме, в 1940-е бургомистр оккупированной Луги, ушел с немцами 391, 395
- Тито (Броз Тито) Иосип* (1892–1980), в 1915–1918 в русском плену, с 1920 член и с 1937 глава КП Югославии, верховный главнокомандующий Народно-освободительной армии, с 1943 маршал, в 1945–1963 глава правительства и с 1953 Президент Югославии 181, 208, 271
- Тихон, Патриарх (Беллавин Василий Иванович)* (1865–1925), епископ с 1898 Алеутский и Аляскинский, с 1900 Алеутский и Северо-Американский, архиепископ с 1907 Ярославский и Ростовский, с 1914 Виленский и Литовский. С 21 июня 1917 митрополит Московский, председатель Поместного собора 1917–1918. С 5 ноября 1917 Патриарх Всея России; в 1922–1923 под арестом в Донском монастыре и в 1923 — на Лубянке. В 1989 канонизирован 177, 386–395, 591
- Толль Эдуард Васильевич, барон* (1858–1902), начальник Русской полярной экспедиции Академии наук. Погиб во льдах Северного Ледовитого океана 173, 199
- Толстая Александра Львовна, графиня* (1884–1979), младшая дочь Л.Н.Толстого, в 1901–1910 его секретарь. В 1914–1917 на фронте сестра милосердия и уполномоченная Земского союза, затем хранитель Ясной Поляны и с 1925 директор Музея Толстого, в 1920–1921 в тюрьме и концлагере. В 1929 эмигрировала, учредила в США в 1939 Толстовский фонд помощи беженцам и эмигрантам 590
- Толстой Алексей Николаевич, граф* (1888–1945), писатель, в 1919–1923 эмигрант, в 1920 в Париже соредатор журнала «Грядущая Россия» и в 1922–1923 в Берлине редактор литературного приложения к газете сменовеховцев «Накануне»; с 1939 академик АН СССР, лауреат Сталинских 1941, 1943, 1946 премий 574
- Толстой Лев Николаевич, граф* (1828–1910), писатель; с 1873 член-корреспондент и с 1900 почетный член Академии наук; основоположник религиозно-этического движения морального самоусовершенствования и опрощения (толстовцы); 22 февраля 1901 объявлен Св. Синодом отпавшим от Православной Церкви как «лжеучитель» (анафема не провозглашалась) 275, 490
- Тома Альбер* (1878–1932), член руководства Французской социалистической партии, идеолог технократического социализма, с 1910 депутат Парламента, с 1914 зам. мини-

- стра и с декабря 1915 по сентябрь 1917 министр вооружений Франции, в 1916 и 1917 посещал Россию, с 1919 директор Международного бюро труда при Лиге Наций 128
- Томпсон Уильям Бойс* (1869–1930), горнопромышленник, миллионер, деятель Республиканской партии, директор Федерального банка США, затем полковник, начальник Американской миссии Красного Креста, прибывшей в Россию в июле 1917, финансировал эсеров и издание 17 газет, инициатор совещания глав союзных военных миссий 21 октября в Петрограде 109
- Томский (Ефремов) Михаил Павлович* (1880–1936), большевик с 1904, в 1919–1934 член ЦК, в 1922–1930 член Политбюро ЦК; в 1918–1921 и 1922–1929 председатель ВЦСПС и член Центрального совета Профинтерна, в 1921–1922 секретарь ВЦИК, в 1929–1930 зам. председателя ВСНХ, с 1932 заведовал Объединением государственных книжно-журнальных издательств. Застрелился 400, 402
- Трегубов Иван Михайлович* (1858–1931), сотрудник и последователь Льва Толстого, исследователь и друг сектантов, вовлекал их в строительство коммунизма. За протест против ареста брата И. Чурикова в 1929 арестован. Умер в ссылке 436
- Трен Альбер* (1889–1971), генеральный секретарь КП Франции в 1924–1925, за поддержку Зиновьева и Троцкого исключен в 1928, глава группы «Ленинское единство» 180
- Трепов Дмитрий Федорович* (1855–1906), генерал-майор свиты, в 1896–1905 московский обер-полицмейстер, в 1905 петербургский генерал-губернатор и зам. министра внутренних дел, затем дворцовый комендант 164
- Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович* (1883–1940), большевик, в 1917 секретарь Иркутского Совета, в 1918 член Сибирской ЧК, в 1920 комиссар Дальневосточной республики, с 1921 зам. начальника и в мае 1922 — октябре 1929 начальник ИНО (руководил внешней разведкой) и в 1926–1929 зам. председателя ОГПУ; в 1930–1934 зам. наркома РКИ; в 1935–1938 под псевдонимом *Москвин* секретарь и член президиума ИК Коминтерна, куратор его спецслужб. Расстрелян 281
- Трифонов Юрий Валентинович* (1925–1981), сын большевика, участника создания Красной гвардии и Красной Армии *В. А. Трифонова* (1888–1938, расстрелян), писатель, лауреат Сталинской премии 1951, автор художественных исследований революции и Гражданской войны («Отблеск костра», «Старик», «Дом на набережной» и др.) 20
- Троцкий Лев Давидович (Бронштейн Лейба)* (1879–1940), социал-демократ, в 1905 и 1917 председатель Петроградского Совета, в 1917 и 1919–1926 член Политбюро ЦК РСДРП(б)–ВКП(б), с 26 октября 1917 нарком иностранных дел, затем 8 апреля 1918 — 26 января 1925 наркомвоенмор и в 1918–1925 председатель РВС Республики, 20 марта — 10 декабря 1920 также нарком путей сообщения. Выслан в 1929 из СССР. Убит 89, 92–96, 99, 100, 105, 111, 119, 122, 132, 141, 144–146, 149, 151, 159, 170, 172–183, 203, 227, 234, 239, 256, 259–261, 265–268, 270, 278–279, 336–342, 344, 358, 361, 402, 419–421, 423, 446, 485, 518, 563, 579, 632, 649, 657
- Трубецкой Николай Сергеевич, князь* (1890–1938), лингвист, культуролог, философ. Эмигрант, с 1921 идеолог евразийства; с 1923 профессор Венского университета 490, 491, 493
- Туркул Антон Васильевич* (1892–1957), генерал-майор; с 1919 командир 1-го Дроздовского полка, в 1920– дивизии. Эмигрант, в 1936 вышел из РОВС и создал Национальный союз участников войны, с 1944 член власовского Комитета освобождения народов России и участник формирования Русской освободительной армии, позднее глава Комитета русских невозвращенцев и с 1950 Комитета объединенных власовцев 207, 208
- Тухачевский Михаил Иванович* (1893–1937), поручик, член РКП(б) с 1918, командовал в 1919 армиями, затем фронтами: с февраля 1920 Кавказским, в апреле 1920 — марте 1921 Западным, подавлял восстания 1921 в Кронштадте и Тамбовской губ., в 1925–1928 начальник штаба РККА, с 1934 1-й зам. наркома обороны СССР, с 1935 маршал СССР. Расстрелян 104, 344, 361, 363
- Тынышпаев Мухамеджан* (1879–1937), инженер, кадет, депутат II Гос. думы; в 1917 эсер, член ЦК партии Алтае, комиссар Семиреченской области, с ноября до января 1918 премьер-министр и министр внутренних дел правительства Туркестанской автономии; в 1919 перешел к большевикам, сотрудник Наркомхоза Туркестанской АССР, в 1930 сослан. Расстрелян 664, 665
- Тютюник Юрко (Юрий Иосифович)* (1891–1929), украинский эсер, в 1917 прапорщик, член Центральной рады, правая рука Петлюры, с 1919 вожак повстанцев на Украине, с 1920 генерал-хорунжий, в 1921 командир Партизанско-повстанческого штаба, с 1923 агент ГПУ, разлагал подполье в УССР, киноактер и сценарист. Расстрелян 680

- Тэтчер (Робертс) Маргарет Хильда, баронесса* (р. 1925), депутат Парламента Великобритании с 1959, министр просвещения и науки в 1970–1974, лидер Консервативной партии в 1975–1990, премьер-министр в 1979–1990, член Палаты лордов 30
- Уборевич Иероним Петрович* (1896–1937), большевик с 1917, командовал армиями в Гражданскую войну, подавлял восстания крестьян Тамбовской губернии, в 1922 военный министр и главнокомандующий Дальневосточной республики, командарм 1-го ранга. Расстрелян 661
- Ульрих Василий Васильевич* (1889–1951), большевик, с 1918 чекист, в 1919 комиссар штаба войск внутренней охраны, с 1924 член и в 1926–1948 председатель Военной коллегии Верховного суда СССР, в 1935–1948 зам. председателя Верховного суда, с 1948 начальник курсов при Военно-юридической академии 170
- Ульянов Александр Ильич* (1866–1887), старший брат В. И. Ленина, с 1883 студент физико-математического факультета Петербургского университета, народоволец, в 1887 возглавил подготовку покушения на Александра III. Повешен 139
- Унгерн фон Штернберг Роман Федорович, барон* (1886–1921), генерал-лейтенант; командир с 1917 Азиатской конной дивизии, в 1921 Азиатского корпуса в Забайкалье и диктатор в Монголии. Похищен чекистами, расстрелян 657
- Унилихт Иосиф Станиславович* (1879–1938), член СДПЛ, большевик, в 1917 член ИК Петроградского Совета и ВРК, в 1918–1919 председатель Центропланбежа, в 1919–1921 на Западном фронте; в 1921–1922 председатель Московской ЧК и в 1921–1923 1-й зам. председателя ВЧК-ГПУ, в 1925–1930 зам. председателя РВС и наркомвоенмора СССР, куратор военной разведки; в 1933–1935 начальник Главного управления Гражданского воздушного флота, в 1935–1937 секретарь Совета Союза ЦИК СССР. Расстрелян 322–323
- Урицкий Моисей Соломонович («Борецкий»)* (1873–1918), член РСДРП с 1898, меньшевик, секретарь Плеханова, с 1910 соратник Троцкого; в 1917 меньшевик, с августа член ЦК большевиков с июля, ВЦИК, комиссар в октябре–ноябре в МИД и в ноябре–декабре во Всероссийской комиссии по созыву Учредительного собрания, его депутат; левый коммунист; с декабря 1917 в ВЧК, с 15 марта 1918 председатель Петроградской ЧК, с 29 апреля — ЧК СНК Северной области. Застрелен 134, 173, 174, 277, 313–314
- Устинов Алексей Михайлович* (1879–1937), племянник П.А.Столыпина, с 1906 эсер; в 1917 член Гельсингфорсского Совета, левый эсер; с 1918 глава «революционных коммунистов», с 1920 член РКП(б) и начальник информационно-статистического отдела Регистрационного управления (разведки) Полевого штаба РВС, с 1921 дипломат, в 1934–1937 полпред в Эстонии 232
- Устрялов Николай Васильевич* (1890–1937), публицист, правовед; с 1917 кадет, в 1919 директор пресс-бюро отдела печати Колчака и председатель Восточного бюро партии кадетов. Эмигрант, с 1920 в Харбине, декан Юридического факультета, в 1921–1925 сменовеховец, идеолог национал-большевизма. С 1925 гражданин СССР, возглавил Учебный отдел и Центральную библиотеку КВЖД, с 1935 профессор экономической географии в Москве. Расстрелян 422–423, 491–494
- Федор Иоаннович* (1557–1598), сын Ивана IV Грозного, с 1584 царь, последний в Династии Рюриковичей 131
- Фигнер Вера Николаевна* (1852–1942), член ИК «Народной Воли» с 1876, организатор попытки покушения на Александра II, в 1883–1904 в тюрьме; с 1907 эсерка, в 1917, член ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов, председатель Общества помощи освобожденным политическим, депутат Учредительного собрания 280, 590
- Филатьев Дмитрий Владимирович* (1866–1932), генерал-лейтенант, экстраординарный профессор Академии Генштаба; 15 марта — 9 мая 1917 помощник военного министра, начальник канцелярии Военного министерства и председатель Военного совета; с октября 1919 помощник Колчака по хозяйству. Эмигрант 202
- Философов Дмитрий Владимирович* (1872–1940), литературный критик, публицист. Вместе со своим двоюродным братом Дягилевым организовал «Мир искусства». Эмигрант, с 1920 ближайший помощник Б. В. Савинкова, редактор газеты «Свобода» («За свободу») и др., эксперт 2-го отдела Генштаба Польши (разведки) 135, 137
- Фиолетов Иван Тимофеевич* (1884–1918), большевик, в 1917 председатель Бакинского союза нефтепромышленных рабочих, член ИК Бакинского Совета, в 1918 комиссар по делам народного хозяйства Бакинского СНК. Расстрелян англичанами 641

- Фирсов (Розенблюм) Дмитрий Самойлович** (1875–1939), член ЦК и Московского комитета эсеров, ВЦИК, депутат Учредительного собрания. В 1919 отошел от партии эсеров, но в 1922 привлекался к процессу над нею. Сотрудник Института советского права, Мособлисполкома. В 1938 арестован. Расстрелян 224
- Фитрат Абдурауф** (1886–1938), идеолог младобухарцев, в 1917 редактор самаркандской газеты «Хуррият» («Свобода»); нарком просвещения Бухарской Народной Советской Республики, в 1923 смещён. Расстрелян 673
- Флоровский Георгий Васильевич** (1893–1979), философ, историк церкви; преподавал в университете Одессы. Эмигрант с 1919, евразиец в 1921–1923, участник экуменического движения, с 1932 священник, в 1948–1961 член Генерального секретариата Всемирного Совета Церквей 574
- Фок Анатолий Владимирович** (1879–1937), генерал-майор; с 1918 в артиллерии Кавказской и в 1920 Русской армий. Эмигрант с 1920, помощник Кутепова, член РОВС (вышел в 1936); доброволец в армии Франко. Застрелился в окружении 206
- Фомин Василий Васильевич** (1884–1938), большевик с 1910, в 1917 член Минского комитета РСДРП, ИК Совета Западного фронта и Петроградского ВРК; в 1918–1920 член Коллегии ВЧК и в 1918–1920 заведовал отделами ВЧК, в 1919–1924 зам. наркома путей сообщения РСФСР и СССР, затем водного транспорта СССР, директор конторы Наркомвнуторга СССР. Расстрелян 319–320
- Франк Семен Львович** (1877–1950), философ; участник создания «Союза Освобождения», в 1917–1921 декан историко-философского факультета Саратовского университета, с 1921 в Москве преподавал в Вольной Академии духовной культуры. Выслан в 1922 за рубеж, до 1937 преподавал в Берлинском университете 573
- Франко Баамонде Франсиско** (1892–1975), генералиссимус; участник колониальных войн Испании в Африке, подавления восстания рабочих Астурии 1934, возглавил в июле 1936 военный мятеж против Испанской республики, с 1939 каудильо (глава) Испании, вождь партии Испанская фаланга и до 1973 глава правительства; в 1947 провел закон о восстановлении монархии 206, 459
- Франц Фердинанд, эрцгерцог** (1863–1914), племянник австрийского императора Франца Иосифа I, наследник престола. Убит 55
- Фрунжин Моисей Ильич («Л.Германов»)** (1878–1938), член РСДРП с 1898, большевик, участник профсоюзного и кооперативного движения, в 1918–1929 зам. наркомов продовольствия, внешней торговли, финансов, затем управлял «Главрыбой», в 1932–1935 вновь зам. наркома внешней торговли. Погиб в заключении 124, 611
- Фрунзе Михаил Васильевич** (1885–1925), большевик с 1904, в 1917 председатель Иваново-Вознесенского ИК Совета; депутат Учредительного собрания; командовал фронтами: с июля 1919 Восточным, с августа 1919 Туркестанским, в сентябре–ноябре 1920 Южным; с 26 января 1925 нарком по военным и морским делам, председатель РВС СССР, начальник Штаба РККА; с 1921 член ЦК и с 1924 кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) 104, 660, 670–673
- Фрэнсис Дэвид Роланд** (1850–1927), посол США в России в апреле 1916 — ноябре 1918 111
- Фуко Мишель Поль** (1926–1984), французский философ, социолог, историк культуры и науки 469
- Фукье-Тенвиль Антуан** (1746–1795), якобинец, член Конвента, зам. общественного обвинителя и в 1793–1794 обвинитель Революционного трибунала в Париже, многих отправил на гильотину и сам гильотинирован 319
- Хабалов Сергей Семенович** (1858–1924), генерал-лейтенант, в 1914–1916 военный губернатор, командующий войсками Уральской области и наказной атаман Уральского Казачьего войска, с 13 июня 1916 главный начальник и 6–28 февраля 1917 главнокомандующий войсками Петроградского военного округа и начальник гарнизона Петрограда. Эмигрант с 1920 63
- Хан-Хойский Фатали Искандер оглы** (1875–1920), депутат II Гос. думы, с октября 1917 глава Городской думы Баку, в ноябре 1917 — феврале 1918 комиссар народного просвещения, с апреля 1918 министр юстиции, с 26 мая глава правительства и министр внутренних дел и с декабря иностранных дел Азербайджана, с марта 1919 в отставке, с декабря вновь министр иностранных дел, 30 марта 1920 бежал в Тифлис. Убит 641
- Ханжин Михаил Васильевич** (1871–1961), генерал от артиллерии; в 1917 полевой инспектор артиллерии при штабе Верховного главнокомандующего, в 1919 командовал Западной армией, затем 1919 военный министр Колчака. Эмигрант в Китае, в 1928–1930 начальник Дальневосточного отдела РОВС, в 1945–1954 в советском концлагере 101

- Харжевский Владимир Григорьевич* (1892–1981), генерал-майор; командир в 1919 2-го Дроздовского полка, в 1920 дивизии. Эмигрант с 1920, в 1930-е зам. председателя VI отдела РОВС, в 1939–1942 начальник русской воинской группы в Праге, позднее глава Общества галиполийцев и с 1957 1-й зам. начальника и в 1967–1979 начальник РОВС 208
- Хаскел Уильям* (1878–1942), уполномоченный АРА в РСФСР в 1921–1923 и одновременно комиссар Американского Красного Креста в Греции 591
- Хатисов (Хатисян) Александр Иванович* (1874–1945), член Дашнакцутюн, в 1910–1917 городской голова Тифлиса, в 1917 глава Армянского национального бюро. В июне 1919 — мае 1920 премьер-министр Армении, затем глава Армянского комитета по делам беженцев при Лиге наций 639
- Хинчук Лев Михайлович* (1868–1939), меньшевик, в 1917–1919 член ЦК, в марте—сентябре 1917 председатель Моссовета, с 1920 член РКП(б), в 1919–1921 член коллегии Наркомата продовольствия, в 1921–1926 председатель Центросоюза, в 1927–1930 зам. наркома торговли СССР, затем дипломат, в 1934–1937 нарком внутренней торговли РСФСР, в 1938 главный арбитр Госарбитража СНК РСФСР. Расстрелян 151
- Хлебников Велимир (Виктор Владимирович)* (1885–1922), поэт-футурист 135
- Ходасевич Владимир Фелицианович* (1886–1939), поэт; в 1917 сотрудник газеты «Новая Жизнь». Эмигрант с 1922 515
- Ходжаев Файзулла* (1896–1938), младобухарец, с 1920 член РКП(б), в 1920–1924 председатель Совета народных назиров (комиссаров) и нарком военных и иностранных дел Бухарской народной советской республики, председатель в 1924–1937 СНК Узбекской ССР и в 1925–1937 ЦИК СССР. Расстрелян 671
- Хорти фон Нагибана Николай Миклош* (1868–1957), контр-адмирал; в 1918 Главнокомандующий Военным флотом Австро-Венгрии; с 1919 Главнокомандующий и с 1920 регент Венгрии, в 1944 за попытку разрыва союза с Гитлером посажен в концлагерь, с 1949 жил в Лиссабоне 459
- Хрущев Никита Сергеевич* (1894–1971), член РКП(б) с 1918, ЦК с 1934, Политбюро (Президиума) ЦК с 1939; в 1935–1938 и 1949–1953 1-й секретарь Московского комитета ВКП(б), в 1938–1949 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины, с 1953 1-й секретарь ЦК КПСС и с 1958 председатель Совета министров СССР, в 1964 смещен 182
- Цветаява Марина Николаевна* (1892–1941), поэт; в мае 1922 эмигрировала в Прагу, с 1925 в Париже; в июне 1939 вернулась в СССР, после расстрела мужа — советского разведчика и ареста дочери лишена средств существования. Повесилась 572, 574
- Церетели Ираклий Георгиевич* (1881–1959), меньшевик с 1903, председатель фракции РСДРП во II Гос. думе, в 1907–1917 в тюрьме и ссылке; в 1917 вождь Петроградского Совета, 5 мая — 23 июля министр почт и телеграфа, 16 июня — 25 октября зам. председателя ВЦИК, член ЦК РСДРП (объединенной); с 1918 член правительства Грузии, в 1919–1920 его представитель во Франции. Эмигрант, делегат грузинских социал-демократов в Международном социалистическом бюро 29, 71, 72, 76, 77, 129, 130, 132, 148–152, 184–191, 197, 217, 241, 244, 246, 248, 249, 251, 300, 302, 310, 315, 427
- Цеткин (Айснер) Клара* (1857–1933), член СДП Германии, инициатор празднования с 1910 Международного Женского дня 8 марта, с 1919 член ЦК КП Германии и с 1921 Президиума ИК Коминтерна, глава его Международного женского секретариата и МОПР (Международной организации помощи борцам революции), обвинитель на Процессе эсеров 1922 в Москве 412
- Цюрупа Александр Дмитриевич* (1870–1928), большевик, агроном, с июня 1917 председатель городской думы Уфы; нарком продовольствия 25 февраля 1918 — 6 июля 1923, рабоче-крестьянской инспекции 25 апреля 1922 — 6 июля 1923, внешней и внутренней торговли СССР 18 ноября 1925 — 16 января 1926; зам. председателя СНК РСФСР (с 1923 — СССР) с 5 декабря 1921, член ЦК ВКП(б) с 1923 124
- Чайковский Николай Васильевич* (1850–1926), с 1869 народник, с 1904 эсер, с 1910 член ЦК Трудовой группы, в 1917 — Трудовой народно-социалистической партии, член ИК Петроградского Совета и Всероссийского Совета крестьянских депутатов; в 1918–1919 глава правительства Северной области; в феврале–марте 1920 заведовал Отделом пропаганды у Деникина, заочно приговорен в Москве к смертной казни. Эмигрант в 1874–1905 и с 1920 112
- Чаянов Александр Васильевич* (1888–1937), экономист, писатель («Иван Кремнев», «Ботаник X»), в 1915 организовал Всероссийский центральный кооперативный комитет; в 1917 с марта член Совета Всероссийских кооперативных съездов, член Главного зе-

- мельного комитета, 16–25 октября зам. министра земледелия Временного правительства; с 1919 в Наркомате земледелия и в 1919–1928 директор Института сельскохозяйственной экономики, с 1930 в тюрьмах, ссылка. Расстрелян 502, 589, 590
- Че Гевара (Гевара де ла Серна) Эрнесто** (1928–1967), латиноамериканский революционер, участник Кубинской революции и партизанского движения в Боливии. Убит 271
- Череванин (Липкин) Федор Андреевич** («Надеждин», «П.Нежданов») (1869–1938), член РСДРП с 1898, в 1917 член Оргкомитета и ЦК меньшевиков, ИК Петроградского Совета, заведовал Экономическим отделом ВЦИК, служащий советских учреждений, с 1921 в тюрьмах и ссылке. Расстрелян 240, 244
- Чернов Виктор Михайлович** (1873–1952), вождь эсеров; 5 мая — 28 августа 1917 министр земледелия Временного правительства, в 1918 председатель Учредительного собрания, член КОМУЧа и Уфимского совещания, затем в подполье. Эмигрант с 1920, глава Заграничной делегации Партии эсеров до 1928; во Вторую мировую войну участник Сопротивления во Франции 29, 131, 136, 174, 176, 191–197, 222, 224–232, 300–302, 304, 315, 317, 486, 505, 555, 620
- Черный Лев (Турчанинов Павел Дмитриевич)** (1878–1921), поэт, эсер, в 1905 создал группу анархистов-ассоционеров, с 1907 в тюрьмах и ссылке, с 1917 секретарь Московской федерации анархических групп и Федерации работников умственного труда, создавал в Москве Черную гвардию, «анархист подполья», ложно обвинен в печатании фальшивых денег. Расстрелян 275, 280
- Чернышевский Николай Гаврилович** (1828–1889), писатель, философ, революционер-демократ; в 1853–1862 сотрудник журнала «Современник», идейный вдохновитель «Земли и Воли». С 1862 в тюрьме, с 1864 на каторге, с 1883 в ссылке 406, 512
- Черский Петр Васильевич** (1877–1939), генерал-майор, командир 414-го пехотного полка в 1917, бригады Донской армии в 1918 и Добровольческой армии в 1919–1920. Эмигрант в Югославию, один из руководителей Национальной организации русских фашистов 207
- Чертков Владимир Григорьевич** (1854–1936), друг и последователь Льва Толстого, с 1918 глава Объединенного совета религиозных общин и групп, в 1922 приговорен к ссылке за рубеж, но оставлен под надзор ГПУ, с 1928 редактор Полного собрания сочинений Толстого 435, 437
- Черчилль Уинстон Леонард Спенсер** (1874–1965), лидер Консервативной партии; министр в 1911–1915 морской, в 1917–1918 военного снабжения, в 1919–1921 военноморской и авиации, в 1940–1945 и 1951–1955 премьер-министр Великобритании, лауреат Нобелевской премии 1953 по литературе 160, 178
- Чичерин Борис Николаевич** (1828–1904), юрист, философ, либерал, в 1861–1868 профессор Московского университета 212
- Чичерин Георгий Васильевич** (1872–1936), дипломат; с 1905 меньшевик, с 1918 член РКП(б), с 29 января 1918 зам. наркома и 30 мая 1918 — 21 июля 1930 нарком иностранных дел РСФСР (с 1923 СССР), в 1925–1930 член ЦК ВКП(б). С 1930 персональный пенсионер 421
- Членов Ехгель** (1863–1918), московский врач-дефектолог, публицист, вождь сионистов России 631
- Чокаев (Чокай-оглы) Мустафа** (1890–1941), юрист; младотуркестанец, в 1917–1918 эсер, вождь партии Шура-и-Исламия и член ЦК Алаш; в 1917 зам. председателя Сырдарьинского обласполкома общественных организаций, глава Туркестанского краевого мусульманского совета и с 31 августа член Туркестанского комитета Временного правительства; депутат Учредительного собрания, с января 1918 глава правительства Туркестанской автономии. Эмигрант, член ЦК и с 1929 глава Туркестанского национального объединения. Отравлен 674
- Чубарь Влас Яковлевич** (1891–1939), большевик, с 1917 член Центрального совета фабзавкомов Петрограда, в октябре 1917 комиссар ВРК в Главном артиллерийском управлении; председатель в 1918–1919 правления Гос. объединения машиностроительных заводов, в 1920–1921 Президиума ВСНХ Украинской ССР, в 1923–1934 СНК Украинской ССР; в 1935–1938 член Политбюро ЦК ВКП(б); в 1937–1938 нарком финансов СССР. Расстрелян 447
- Чуковская Лидия Корнеевна** (1907–1996), дочь К.И. Чуковского, писательница, активистка анархистского «Черного Креста», в 1926–1928 в тюрьме, затем в ссылке. В 1960-е — 1980-е участница «Самиздата», правозащитница 281
- Чуковский Корней Иванович (Корнейчуков Николай Васильевич)** (1882–1969), писатель, литературовед, в 1918–1924 член редколлегии издательства «Всемирная литература», за детские стихи в конце 1920-х — 1940-е под-

- вергался травле, лауреат Ленинской премии 1962 177
- Чхеидзе Николай Семенович** (1864–1926), меньшевик, депутат III и председатель фракции РСДРП IV Гос. Дум; в 1917 председатель 25 февраля — 9 сентября Петроградского Совета и в июне–октябре — ВЦИК. В феврале–мае 1918 председатель Закавказского сейма, в 1919 — Учредительного собрания Грузии. Эмигрант с 1921. Покончил с собой 148, 173, 189, 190, 298
- Шагал Марк Захарович (Мовша Хацкелевич)** (1887–1985), художник, поэт; в 1918–1920 уполномоченный по делам искусств и заведующий секцией изобразительного искусства Витебска и губернии, затем учитель рисования в Москве. Эмигрант с 1922 515, 573, 634
- Шалютин Фёдор Иванович** (1873–1938), оперный бас, с 1910 солист Его Величества; в ноябре 1918 первым удостоен звания народного артиста (лишен в 1927), почетный председатель Совета Госоперы, художественный руководитель академических театров. Эмигрант с 1922 573
- Шапиро Александр (Израиль)** (1882–1946), рабочий-анархист, с 1900 в Лондоне, помощник Кропоткина, секретарь Комитета помощи анархистского Красного Креста. С 1917 в России анархо-синдикалист, главный редактор журнала «Голос Труда», с 1921 в ссылке. Эмигрант, организовал группу анархистов-коммунистов 278
- Шатилов Павел Николаевич** (1881–1963), генерал от кавалерии; в 1917 генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии, с 1918 в Добровольческой армии, друг Врангеля, в июне 1920–1922 начальник штаба Русской армии. Эмигрант с 1920, в 1924–1934 начальник I-го (Французского) отдела РОВС 205, 206
- Шатов Билл (Владимир Сергеевич)** (1887–1937), член РСДРП, в 1907–1917 эмигрант в США, глава русского отделения организации анархо-синдикалистов, в 1917 член президиума ЦСФЗК и Петроградского ВРК, в 1919 начальник Центральной комендатуры Петрограда, в 1920–1921 министр транспорта Дальневосточной республики, затем на хозяйственных постах, в 1921–1934 член ЦИК СССР. Расстрелян 276–278, 281
- Шаумян Степан Георгиевич** (1878–1919), большевик, в 1917 член ЦК, председатель Бакинского Совета, с декабря чрезвычайный комиссар СНК РСФСР по делам Кавказа, с апреля 1918 председатель и комиссар по внешним делам СНК Бакинской коммуны. Расстрелян англичанами 641
- Шацкий Станислав Теофилович** (1878–1934), педагог, организовал первые клубы и трудовые колонии для детей, с 1928 член ВКП(б) 366
- Шварц Алексей Владимирович** (1874–1953), генерал-лейтенант; в 1914 комендант крепости Ивангород, затем на Кавказском фронте, в 1917 начальник Главного военнотехнического управления, в ноябре 1917 — марте 1918 командовал Северным и Петроградским участками обороны, бежал к белым, в марте–апреле 1919 генерал-губернатор и командующий русскими войсками в занятой французами Одессе. Эмигрант с 1919 215
- Шварц (Монозон) Соломон Меерович** (1883–1973), с 1903 большевик, с 1907 меньшевик, в 1916 секретарь Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, в 1917 зам. министра труда. В 1919–1920 в Красной Армии. Выслан в 1922 за рубеж, член Заграничной делегации РСДРП, с 1945 редактор и в 1957–1963 главный редактор «Социалистического вестника» 444
- Шёйбнер-Рихтер Макс Федорович (Макс Эрвин)** (1884–1923), инженер в Риге, офицер царской, затем кайзеровской армии, участник Капповского путча, с 1920 нацист, создатель общества «Ауфбау», в ходе Мюнхенского путча закрыл своим телом Гитлера и застрелен полицией 571
- Шекспир Уильям** (1564–1616), английский драматург и поэт, гуманист эпохи позднего Возрождения 518
- Шидловский Николай Владимирович** (1843–1907), сенатор, в 1905 председатель правительственной комиссии о причинах недовольства рабочих 439
- Шингарев Андрей Иванович** (1869–1918), врач, член ЦК кадетов, депутат II–IV Гос. дум; в 1917 министр с 2 марта — земледелия, затем 5 мая — 2 июля — финансов, с конца июля генеральный секретарь ЦК кадетов, арестован большевиками. Убит в больнице охраной 42, 43, 75, 131, 213, 217, 312, 599
- Шинкаренко Николай Всеволодович** (1890–1968), генерал-майор; участник Белого движения на Юге России, командовал отрядом, полком, с 1919 Кабардинской конной дивизией, в 1920 конной бригадой. Эмигрант, с 1936 доброволец поручик в армии генерала Франко, затем сотрудник журнала «Военная быль». Задавлен грузовиком 206
- Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич** (1887–1947), генерал-лейтенант; в Добровольче-

- ской армии командовал бригадой, дивизией, корпусом, в 1920 — Кубанской армией. Эмигрант с 1920, не принят в РОВС, генерал-лейтенант войск СС, формировал казачьи части, повешен в Москве 203, 279
- Шляпников Александр Гаврилович** («Беленин») (1885–1937), рабочий-токарь; член РСДРП с 1901, большевик, член ЦК в 1915–1917 и 1921–1922; в 1917 член ИК Петроградского Совета и ВЦИК; нарком труда 26 октября 1917 — 8 октября 1918 и торговли и промышленности с 19 ноября 1917 до января 1918; председатель ЦК Союза металлистов и вождь рабочей оппозиции в 1920–1922; член редколлегии Госиздата в 1923–1932; в 1933 исключен из ВКП(б), в 1935 сослан, с 1936 в тюрьме. Расстрелян 62, 254, 267, 418
- Шмелёв Иван Сергеевич** (1873–1950), писатель. Эмигрант с 1922, автор романа о Гражданской войне «Солнце мёртвых», член Союза русских писателей и журналистов в Париже 206
- Шмидт Отто Юльевич** (1891–1956), член ЦК РСДРП (интернационалистов), с 1919 большевик, сотрудник Наркомпрода, Наркомфина, Наркомпроса, в 1924–1941 главный редактор Большой советской энциклопедии, в 1930-е глава полярных экспедиций, с 1937 Герой Советского Союза, с 1935 академик и в 1939–1942 вице-президент АН СССР 514
- Шолохов Михаил Александрович** (1905–1984), советский писатель, академик АН СССР с 1939, член ЦК КПСС с 1961, лауреат премий: Сталинской 1941, Ленинской 1960, Нобелевской 1965.
- Шпенлер Освальд** (1880–1936), немецкий философ, культуролог, автор книги «Закат Европы» 490
- Штейнберг Исаак-Залман Захарович** (1888–1957), эсер, с 1917 член ЦК левых эсеров, депутат Учредительного собрания; 12 декабря 1917 — 18 марта 1918 нарком юстиции РСФСР. Выехал в 1923 за рубеж, лишён гражданства, до 1933 председатель Заграничной организации Партии левых эсеров, затем деятель международного еврейского рабочего движения 231, 236, 238
- Штейфон Борис Александрович** (1881–1945), Генерального штаба генерал-майор; с 1918 командовал дивизией, полками, на штабных должностях. Эмигрант с 1920, комендант лагеря в Галлиполи, военный публицист, монархист-легитимист, в 1926 исключен из РОВС, с 1941 командир Русского корпуса в Югославии, генерал-лейтенант Вермахта 208
- Шульгин Василий Витальевич** (1878–1976), публицист; депутат II–IV Гос. дум, лидер националистов-прогрессистов. В 1917 член Временного комитета Гос. думы, принял отречение Николая II от престола, редактор газеты «Киевлянин», участник Белого движения, создатель секретной разведывательной организации «Азбука». Эмигрант, в 1925–1926 нелегально посетил СССР, в 1944–1956 в советской тюрьме 128–129, 378
- Эйленбург-Гертефельд Филипп, граф**, с 1901 князь (1847–1921), германский дипломат, композитор, поэт, с 1886 близкий друг и советник Вильгельма II, в 1894–1902 посол в Вене. В 1906 обвинен в гомосексуализме, что компрометировало Вильгельма II 164
- Эйтингон Наум Исаакович** («Котов Леонид Александрович», «Наумов», «Том», «Пьер» и др.) (1899–1981), в 1917 левый эсер, с 1920 член РКП(б); с 1919 сексот, с 1920 штатный чекист, в 1934–1953 руководил нелегальной разведкой, организатор политических убийств, похитений, диверсий, генерал-майор НКВД, в 1951–1965 в тюрьме 180, 181
- Эйхгорн Герман фон** (1848–1918), генерал-фельдмаршал Германии; в 1915–1918 командовал армиями в Прибалтике и Белоруссии, с 31 марта 1918 главнокомандующий группой армий «Киев» на Украине. Убит 30 июля в Киеве левым эсером Б.Донским 680
- Энвер-паша** (1881–1922), младотурок, идеолог панисламизма, участник свержения султана Абдул-Гамида II, с 1914 военный министр Турции, в 1915 организовал геноцид армян, в 1918 бежал в Германию, затем в Москву, участник I съезда народов Востока в Баку, с конца 1921 вожак басмачей Бухары. Убит в бою 672
- Энгельс Фридрих** (1820–1895), германский социал-демократ, идеолог коммунизма, вместе с К.Марксом руководил I Интернационалом 140–141, 255, 277, 406, 579
- Эрдели Иван Георгиевич** (1870–1939), генерал от кавалерии; в 1917 командовал 11-й и Особой армиями, с конца 1917 в Добровольческой армии, в 1919–1920 главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края. Эмигрант, в 1934–1935 начальник I отдела РОВС, в 1937–1938 глава следственной комиссии по делу Скоблина 200, 205
- Эрлих Генрих Моисеевич** (1882–1942), в 1917 член ЦК Бунда, ОК РСДРП, ИК Петроградского Совета, ВЦИК, Предпарламента, ЦК РСДРП (объединенной), с 1918 член ЦК

- меньшевиком, с 1919 в Польше, член ИК Социтерна, в сентябре 1939 бежал в СССР, арестован, в 1941 приговорен к расстрелу, освобожден, участник создания Еврейского антифашистского комитета. Повесился в тюрьме 151
- Эри Николай Францевич* (1879–1972), генерал-майор; начальник штаба Русского экспедиционного корпуса во Франции, затем в Добровольческой армии. Эмигрант, с 1925 начальник Парагвайского отдела РОВС, генерал-лейтенант и генерал-инспектор армии Парагвая 205
- Юденич Николай Николаевич* (1862–1933), генерал от инфантерии, командовал в 1915–1917 Кавказской армией, в апреле–июне 1917 Кавказским фронтом, в 1919 Северо-Западной армией и военный министр Северо-Западного правительства. Эмигрант с 1920 103, 112, 198–202, 209, 210, 257, 290–293, 342, 362, 570, 590
- Юрнев (Кротовский) Константин Константинович* (1888–1938), член РСДРП с 1905, с 1913 межрайонец, в 1917 член ИК Петроградского Совета, с июля большевик в сентябре–октябре председатель Бюро Главного штаба Красной гвардии, в 1918–1919 член РВС Республики, с 1921 дипломат, член ВЦИК и ЦИК СССР. Расстрелян 341
- Ягода Генрих Генрихович (Енох Гершелович)* (1891–1938), с 1907 анархист-коммунист, с 1913 большевик, в 1917 депутат Петроградского Совета и член Петроградской военной организации РСДРП и редколлегии «Солдатской правды», в 1917–1918 ответственный редактор газеты «Крестьянская беднота»; с 1918 в ЧК, с апреля 1921 фактически руководил ВЧК-ОГПУ-НКВД, в июле 1934 — сентябре 1936 нарком внутренних дел, генеральный комиссар госбезопасности, в 1936–1937 нарком связи. Расстрелян 281, 321, 324
- Яковлева Варвара Николаевна* (1885–1941), большевичка с 1904, в 1916–1918 секретарь Московского областного бюро РСДРП (б), депутат Учредительного собрания; в сентябре 1918 — январе 1919 председатель ЧК Северной области в Петрограде; затем член Сиббюро ЦК РКП(б), в 1920–1921 ответственный секретарь Московского комитета РКП(б), в 1922–1929 зам. наркома просвещения, в 1930–1937 нарком финансов РСФСР; член ВЦИК и ЦИК СССР, в 1937 арестована. Расстреляна 281, 321, 324
- Янушевский Владимир Павлович* (1897–1937), большевик с 1917, в 1917 секретарь президиума Московского Совета; в 1918–1919 член Коллегии ВЧК и зам. зав. Отдела по борьбе с контрреволюцией, в 1919 комиссар Главвоздухфлота, в 1919–1920 начальник отрядов особого назначения при ЦК РКП(б), в 1921–1922 зампред Всеукраинской ЧК, начальник ЧОН и член Верховного трибунала УССР; в 1923–1924 управделами Института Ленина, затем сотрудник Госплана, с 1927 в ссылке как троцкист. Расстрелян 320
- Янушкевич Николай Николаевич* (1868–1918), генерал от инфантерии, с 1914 начальник штаба верховного главнокомандующего, в 1915–1917 помощник наместника на Кавказе, с марта 1917 в отставке. Убит 463
- Янушкевич Николай Осипович* (1885– не ранее 1918), трудовик, депутат IV Гос. думы, в 1917, член Военной комиссии ВКГД, член ВЦИК от Партии социалистов-народников Литвы, затем левый эсер делегат IV съезда Советов 308
- Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич)* (1878–1943), большевик, в 1917 председатель Якутского Совета, редактор газеты «Деревенская правда», с октября комиссар Московского военного округа и член ВРК, в 1919–1920 председатель Пермского губкома, в 1921–1923 и с 1939 член ЦК, в 1921–1922 секретарь ЦК, в 1923–1934 секретарь ЦКК ВКП(б), воинствующий атеист, с 1939 академик АН СССР, основной автор книги «История ВКП(б). Краткий курс», лауреат Сталинской премии 1943 175, 279, 411, 435
- Ярчук Ефим Захарович (Захарьев Хаим)* (1882 — не ранее 1930), с 1903 участник в Белостокской группы анархистов-коммунистов «Хлеб и Воля», с 1905 в тюрьме и ссылке, в 1913–1917 в США, стал анархо-синдикалистом, в 1917 член ИК Кронштадтского Совета и Петроградского ВРК, выслан в 1922 за рубеж, в 1925 вернулся, в 1930 репрессирован 274–277, 280, 281, 284

II. Упомянутые авторы

- Авалов Зураб Давидович, кн. 643
 Адамов Дмитрий Александрович 391
 Айвазова Светлана 480
 Аксельрод Павел Борисович 493
 Актон Эдвард 8, 18, 22–34
 Александров Сергей Александрович 160
 Алексеев Валерий Аркадьевич 391, 393
 Алексеев Г. Д. 197
 Алексеева-Борель Вера Михайловна 208
 Алешкин Петр Федорович 510
 Аманжолова Дина Ахметжановна 674
 Ананьич Борис Васильевич 538
 Андерсон Пол 393
 Андреев Анатолий Михайлович 432
 Аноприева Галина Сергеевна 197
 Антонов-Овсенко Владимир 684
 Анфимов Андрей Матвеевич 502
 Аренс Олави 8, 38, 644–652
 Аршинов Пётр Андреевич 283
 Астрахан Ханан Маркович 587
- Бабинов Юрий Александрович 391
 Баевский Давид Анатольевич 542, 548, 550
 Базанов Сергей Николаевич 86
 Базанов Петр Николаевич 575
 Бакунин Михаил Александрович 283
 Балабанов Михаил Соломонович 602
 Балашов Евгений Михайлович 374
 Баринаова Екатерина Петровна 459
 Барретт Томас 480
 Баумгарт Уинфред 109
 Белокопытов Валентин Иванович 593
 Бенвенути Франческо 8, 41, 48, 334–345
 Бердяев Николай Александрович 132, 282, 490, 493
 Берлин Павел Абрамович 538
 Биллик Владимир Исаакович 182
 Блюм Арлен Викторович 518
 Богданов Александр Александрович 587
 Боголепов Андрей Александрович 392
 Бон Томас 160
 Боровой Алексей Алексеевич 283
 Бортневский Виктор Георгиевич 206
 Боханов Александр Николаевич 165, 538
 Бочарова Зоя Сергеевна 575
 Боярский Тимур 182
 Бровкин Владимир Николаевич 105, 561
 Бродерсен А. 542, 546
 Броуэр Дэниел 597
 Бруэ Пьер 181
 Будницкий Олег Витальевич 635
 Бурбанк Джейн 8, 482–494
 Бурджалов Эдуард Николаевич 25, 33, 62, 69
 Буттино Марко 674
 Бухман Константин Николаевич 602
- Бушнел Джон 562
 Быстрянский Вадим Александрович 414
 Быховский Наум Яковлевич 482
- Ваксберг Аркадий Иосифович 414, 480
 Валентинов Николай Владиславович 147
 Вандалковская Маргарита Георгиевна 160
 Варшавский Владимир Сергеевич 575
 Варшовский-Лапидус Дж. 365, 368
 Васецкий Николай Александрович 182
 Васильев Юрий Альбертович 510
 Васильева Ольга Юрьевна 391
 Введенский Александр Иванович 391, 394
 Вейсман Бенжамен 592
 Веременко Валентина Александровна 459
 Вернер Маркус 593
 Верстюк Владислав Федорович 684
 Вилинбахов Георгий Вадимович 556
 Винниченко Владимир Кириллович 684
 Вишняк Марк Вениаминович 316, 487
 Войнов В. Г. 294
 Войтинский Владимир Савельевич 76, 248–249
 Волин (Эйхенбаум) Всеволод Михайлович 284
 Волков Евгений Владимирович 294
 Волков Евгений Захарович 602
 Волков Сергей Владимирович 526
 Волкогонов Дмитрий Алексеевич 182
 Волобуев Павел Васильевич 25, 33, 305, 538, 540, 550
 Вологодский Петр Васильевич 662
 Врангель Петр Николаевич, барон 209
 Вуд Элан 8, 653–663
- Гаврилов Леонард Михайлович 558
 Гайер Дитрих 131
 Галили Зива 9, 19, 37–38, 71–77, 184–191, 239–251
 Галин Василий 106
 Ганелин Рафаил Шоломович 114
 Ганин Андрей Владиславович 500
 Гарлинский Даниил Николаевич 521
 Гапоненко Лука Степанович 540
 Гаспарян Армен Сумбатович 207
 Генкина Эсфирь Борисовна 123, 125
 Генис Владимир Леонидович 106, 674
 Герасименко Григорий Алексеевич 305, 333
 Гессен Юлий Исидорович 635
 Гетцлер Израиль 9, 20, 37, 148–153
 Гимпельсон Ефим Гильевич 98, 125, 432, 540–541, 550, 578, 587
 Гиндин Иосиф Фролович 528, 538
 Гинс Георгий Константинович 114, 662
 Гительман Цви 635

- Глебкин Владимир Владиславович 556
 Гоголь Николай Васильевич 490
 Голованов Василий Ярославович 283
 Головин Николай Николаевич 59, 87
 Голлопосов А. И. 603
 Гордиевский Олег Антонович 318, 325
 Городецкий Ефим Наумович 333, 432
 Граф Георгий (Гаральд) Карлович 15, 575
 Грунт Александр Янович 333
 Грэвс Уильям 114
 Гуль Роман Борисович 324, 575
 Гурко Василий Иосифович 87
 Гусев Кирилл Владимирович 171, 197, 229, 237–238
 Гухман Борис Адольфович 540, 543
 Гэтрелл (Петрелл) Питер 9, 36, 461–470, 528–539
- Давыдов Александр Юрьевич 510, 587, 614
 Дайнес Владимир Оттович 183
 Даниэлс Роберт 9, 20, 41, 120, 264–272
 Данилов Виктор Петрович 502, 589
 Деникин Антон Павлович 87, 209, 294
 Деникина-Грей Марина Антоновна 209
 Денисова Любовь Николаевна 414, 480
 Дмитренко Владимир Петрович 587
 Дойчер Исаак 181, 183, 542
 Долгоруков Павел Дмитриевич, кн. 220
 Дробижев Владимир Зиновьевич 540–541, 588
 Дорошенко Дмитрий Иванович 684
 Дубнов Семён Маркович 635
 Думова Наталья Георгиевна 160, 221
 Дэвис Роберт 589, 596
 Дякин Валентин Семенович 20, 538, 622
- Евдокимов Ростислав Борисович 19
 Егоров Николай Дмитриевич 294
 Егорова Анна Григорьевна 405
 Елисеев Фёдор Иванович 500
 Емельянов Юрий Николаевич 575
 Ермаков Владимир Дмитриевич 283
 Ермолин Алексей Петрович 501
 Ерофеев Николай Дмитриевич 197
 Есиков Сергей Альбертович 364
- Жордания Ной Николаевич 643
 Журавлёв Валерий Анатольевич 383
- Зайончковский Петр Андреевич 623
 Зайцов Арсений Александрович 107
 Зданович Александр Александрович 323
 Зелник Реджинальд 19–20
 Земан Збинек 109, 114
 Зимина Валентина Дмитриевна 294
 Знаменский Олег Николаевич 308, 311, 316, 550
 Зырянов Павел Николаевич 209, 354
- Иванов Анатолий Евгеньевич 374, 635
 Иванов-Разумник Разумник Васильевич 493
 Игнатъев Анатолий Венедиктович 305
 Ионкина Тамара Дмитриевна 432
 Ипполитов Георгий Михайлович 203, 209
 Исаев Андрей Алексеевич 603
 Исхаков Салават Мидхатович 674
 Иткин Михаил Лазаревич 449
- Какурин Николай Евгеньевич 107, 344
 Калинин Зоя Васильевна 437
 Каменева Ольга Давидовна 593
 Канев Серафим Никифорович 283
 Канищев Виктор Викторович
 Каннингем Джеймс 391
 Канищев Валерий Владимирович 501, 568
 Кара-Мурза Сергей Георгиевич 107
 Кармайкл Джоел 549
 Карпенко Сергей Владимирович 294, 526
 Карр Эдвард 402, 542, 578
 Каррер д'Анкос Элен (Елена Георгиевна) 165, 623
 Карташев Антон Владимирович 394
 Катков Георгий Михайлович 60, 61, 63, 68, 69, 87, 109, 114, 128, 135,
 Катунцева Нина Митрофановна 365
 Кашеваров Анатолий Николаевич 391, 394
 Квиткин О. 603
 Кейрим-Маркус Майя Борисовна 365
 Кельнер Виктор Ефимович 383, 365
 Кенез Питер 9, 36, 107, 294, 520–527
 Кеннан Джордж 592
 Керенский Александр Федорович 137, 306
 Кимитака Мацузато 61
 Кириенко Юрий Константинович 501
 Китанина Таисия Михайловна 603
 Кларксон Дж. 541
 Клейнборт Лев Максимович 603
 Клементс Барбара 9, 36, 39, 471–481, 596–597, 601
 Клеменчич В. 603
 Клибанов Александр Ильич 438
 Клиер (Клир) Джон 10, 19, 20, 38, 624–636
 Кляцкин Саул Маркович 344
 Кобылин Виктор Сергеевич 208
 Коенкер Дайана 10, 40, 396–405, 548, 562, 600
 Коваленко Дмитрий Александрович 306, 546
 Кока Юрген 531
 Колесников Б. 405
 Колоницкий Борис Иванович 10, 20, 38, 128–138, 165, 376–383, 556
 Колчак Александр Васильевич 209
 Кольчев Василий Григорьевич 344
 Кольман Хэзер 10, 19, 433–438
 Комин Владимир Васильевич 283–284
 Кондратьев Николай Дмитриевич 614

- Кондрашин Виктор Викторович 354, 364
 Коновалова О. В. 197
 Коппитерс Бруно 438
 Кораблев Юрий Ильич 344
 Корелин Авенир Павлович 459
 Королев Федор Филиппович 365–366, 374
 Кохн М. П. 603
 Крапивин Михаил Юрьевич 438
 Краснов Валерий Григорьевич 183
 Краснов Пётр Николаевич 501
 Красовицкая Тамара Юсуфовна 374
 Кривошеев Григорий Федотович 105
 Кропоткин Пётр Алексеевич, кн. 284, 493
 Крупская Надежда Константиновна 147
 Кручковская Виктория Марковна 333
 Кузнецов Марат Николаевич 564
 Купцов Иван Владимирович 294
 Куренышев Андрей Александрович 511
 Куртисс Джон 392
 Курцев Александр Николаевич 469
- Лаверычев Владимир Яковлевич 538
 Лавров Владимир Михайлович 432, 511
 Лапшин Владимир Павлович 519
 Латыпов Рашид Абдуллович 593
 Лауэ Теодор фон 541
 Лебедева Валентина Гейнриховна 519
 Левидов Михаил Юльевич 114
 Левитин-Краснов Анатолий
 Эммануилович 391, 394
 Леггет Джордж 318
 Лейберов Игорь Павлович 69
 Лемке Михаил Константинович 59
 Леонов Михаил Иванович 230
 Леонов Сергей Викторович 324
 Леонтьев Ярослав Викторович 238
 Лехович Дмитрий Владимирович 203,
 209, 294
 Ли Ларс 10, 42, 605–615
 Ливен Доминик 10–11, 36, 52–59, 161–166,
 452–460
 Литвин Алтер Львович 11, 44, 48, 238, 251,
 318–325
 Лиценбергер Ольга Андреевна 438
 Лобок Дмитрий Владимирович 405
 Лонгли Дэвид 62
 Лоример Фрэнк 595
 Лубный-Герцык Лев Иосифович 603
 Лукманов Айрат Хусаинович 87
- Мазаев Анатолий Ильич 556
 Макаров Ю. Н. 438
 Макдэниел Тим 28
 Маклаков Василий Алексеевич 221
 Маколи Мэри 601
 Макушин Александр Васильевич 160
 Макьявелли Никколо 30
 Малли Сильвана 11, 44, 578–588
- Малышева Светлана Юрьевна 306, 556
 Мануил (Лемешевский), митрополит 394
 Маныкин А. В. 197
 Маор Ицхак 635
 Маркин Вячеслав 284
 Марков Алексей Леонидович 11, 19–20, 39,
 365–375
 Марковчин Владимир 501
 Махно Нестор Иванович 284
 Медведев Александр Викторович 588
 Мейендорф И. Ф. 393
 Мелансон Майкл 11, 37, 61, 62, 192–197,
 222–238
 Мельгунов Сергей Павлович 69, 97
 Мещеряков Ю. В. 171
 Миллер Виктор Иосифович 87, 250
 Мильчик Исай Исаевич 333
 Миллюков Павел Николаевич 159, 221,
 306, 493
 Миронов Сергей Сергеевич 107
 Митрофанов Александр 392
 Михайлов Николай Васильевич 20, 449
 Млечин Леонид Михайлович 207
 Модсли Ивэн 11, 36, 41, 98–107, 286–295,
 558–564
 Морозов Станислав Константинович 588
 Мусаев Вадим Ибрагимович 19
- Набоков Владимир Дмитриевич 221, 306
 Назаров Михаил Викторович 575
 Нардова Валерия Анатольевна 333
 Нарский Игорь 603
 Ненароков Альберт Павлович 12, 37, 38,
 153, 184–191, 239–251
 Никитин Андрей Леонидович 284
 Николаев Андрей Борисович 69, 138
 Николаевский Борис Иванович 191, 262
 Ньюбергер Джоан 63
- Овруцкий Лев Миррович 238
 Одинцов Михаил Иванович 391, 393
 Озуф Мона 22
 Окороков Александр Васильевич 382–383
 Окороков Андрей Захарович 576
 Олкот Марта 12, 38, 664–674
 Ольденбург Сергей Сергеевич 166
 Оппоков Виталий 283
 Орловский Дэниел 12, 36, 565–568
 О'Коннор Тимоти 365
 О'Рурк Шейн 12, 495–501
 Осипова Таисия Васильевна 511
 Осташко Татьяна Сергеевна 684
 Оуэн Томас 529
- Павлюченков Сергей Алексеевич 126, 588
 Пажитнов Константин Алексеевич 543
 Пайпс Ричард 30, 32, 33, 60, 105–107,
 391, 587

- Перейра Норман 294, 662
Першин Павел Николаевич 614
Петлюра Симон 684
Петров Михаил Николаевич 324
Петров Сергей Павлович 662
Пивовар Ефим Иосифович 588
Пиетров-Эннкер Бианка 480
Пирсон Реймонд 12, 38, 154–160
Пирумова Наталья Михайловна 283
Плаксин Роман Юрьевич 392
Плеханов Георгий Валентинович 493
Поланьи Карл 43
Полнер Тихон Иванович 306
Польский Михаил Афанасьевич 393
Поляков Юрий Александрович 123, 126, 424, 614
Портнов Виктор Петрович 324
Посадсков Александр Леонидович 383
Поспеловский Дмитрий Владимирович 391–394
Поссе Владимир Александрович 438, 593
Поголов Сергей Иванович 20
Потресов Александр Николаевич 251, 493
Прокопович Сергей Николаевич 603
Протасов Лев Григорьевич 308, 311, 312, 315, 317, 364
Прянишников Борис Витальевич 207
Пушкарева Наталья Львовна 480
Пылев Александр Игоревич 674
- Рабинович Александр Евгеньевич 12, 73, 88–97, 167–171.
Рабинович Абрам Исаакович 603
Раев Марк Исаакович 576
Разгон Анатолий Израилевич 432
Рашин Андрей Григорьевич 540, 603
Рафес Моисей Григорьевич 635
Регельсон Лев 392–394
Рид Кристофер 12–13, 512–519
Роговин Владимир Захарович 182
Рогозный Павел Геннадьевич 391, 394
Розенберг Уильям 13, 18–20, 35–50, 136, 212–221, 245, 595–604, 619
Романович-Славатинский Александр Васильевич 453
Росс Николай 295
Ростунов Иван Иванович 59
Ротштейн Эндрю 114
Рубан Николай Васильевич 251
Рутыч (Рутченко) Николай Николаевич 210
Руффман К. Г. 541
- Савинков Борис Викторович 230
Савинский С. Н. 438
Савицкий Пётр Николаевич 493
Савченко Виктор Анатольевич 684
Сальникова Алла Аркадьевна 481
Саттон Энтони 174, 181, 183
- Сверчков Дмитрий Федорович 138
Святицкий Николай Владимирович 317
Семёнов Григорий Михайлович 501
Сервис Роберт 13, 45, 48, 139–147, 181, 252–263, 416–425
Сидоров Аркадий Лаврович 603
Сидоров К. Ф. 603
Скирда Александр 282
Смирнов Александр Александрович 501
Смирнов Николай Николаевич 13, 19, 20, 43, 48, 307–317, 326–333, 366, 367, 370, 374, 426–432
Смит Стив (Стивен) 13, 40, 439–450
Смолин Анатолий Васильевич 210
Соболев Геннадий Леонтьевич 129
Соколов Александр Константинович 540, 541
Соколов Борис Фёдорович 317
Солженицын Александр Исаевич 391, 393
Соловьев Олег Федорович 115
Солсбери Гаррисон 391
Соскин Варлен Львович 365
Сосинский Сергей 193, 197
Спенс Ричард 174, 181
Спиридович Александр Иванович 262
Спиридонова Мария Александровна 171
Спирин Леонид Михайлович 324
Стайтс Ричард 13–14, 20, 414, 481, 551–557
Старцев Виталий Иванович 25, 33, 138, 302, 306, 449
Степанов (Русак) Владимир 393
Стефан Джон 576
Струве Никита Алексеевич 392, 393
Суни Рональд 14, 38, 617–623, 637–643
Суллов Алексей Юрьевич 230
Суханов Николай Николаевич 69, 251
Сухова Ольга Александровна 511
- Тан-Богораз Владимир Германович 511
Твардовская Валентина Александровна 283
Телицын Вадим Леонидович 283
Тепляков Алексей Георгиевич 662
Тёрстан Виолетта 465
Титлинов Борис Васильевич 391, 395
Тинченко Ярослав Юрьевич 205
Токарев Юрий Сергеевич 432
Томан Бруно Арведович 652
Томпсон Э. П. 26
Тоган Зеки Валиди (Валидов Ахмед-Заки) 674
Томан Бруно Арведович 652
Тополянский Виктор Давидович 182
Трибунский Павел Александрович 160
Трифонов Юрий Валентинович 20
Троцкий Лев Давидович 183
Трубецкой Николай Сергеевич, кн. 490, 491, 493
Трут Владимир 501

- Трухановский Владимир Григорьевич 160
 Тумаркин Нина 556
 Тэтчер Иен 181
 Тюрин Сергей Петрович 541
- Уайлдман Алан 14, 19–20, 38, 40, 63, 78–87, 559
 Уайт Говард 14, 296–306
 Уилер Кристофер 20
 Уильямс Роберт 14, 569–576
 Улам Адам 120, 546
 Уорт Роберт 59
 Уортман Ричард 556
 Уотерс Элизабет 14, 39, 406–415
 Ульяновская Вера Александровна 365
 Усманов Наиль Вакилович 593
 Устрялов Николай Васильевич 494
 Уткин Анатолий Иванович 59
 Ушаков Александр Иванович 210, 295
- Файджес Орландо 14, 28, 36, 39, 103, 346–364, 502–511, 561–562
 Федюк Владимир Павлович 210
 Федюкин Сергей Алексеевич 365
 Федюшин Олег 684
 Фелицын Евгений Дмитриевич 501
 Фирсов Сергей Львович 391, 395
 Фицпатрик Шейла 365
 Фишер Гарольд 592
 Фишер Фриц 109
 Флетчер Уильям 392
 Фогльсонг Дэвид 15, 41, 108–115
 Фомин Анатолий Иванович 365
 Френкин Михаил Самойлович 87, 364, 559, 564
 Фролов К. И. 603
 Фюре Франсуа 22
- Хаген Марк фон 15, 38, 563, 675–685
 Хаймсон (Хеймсон) Леопольд Самойлович 19, 20, 60, 250
 Хайяшида Рональд 365
 Хасбулатова Ольга Анатольевна 481
 Хасегава Цуйоши 15, 39, 60–70
 Хауман Хейко 537
 Хитрина Нина Евгеньевна 306
 Ходжаев Файзулла 674
 Ходяков Михаил Викторович 588
 Хризостомус Иоханнес 392
 Христюк Павло 685
- Церетели Ираклий Георгиевич 77, 191, 197, 251
 Цихелашвили Нана Шотаевна 16, 593
 Цудзи Есимаса 550
- Чанбарисов Шайхулла Хабибулович 371, 374
- Черепенина Надежда Юрьевна 16, 438
 Черкасов-Георгиевский Владимир Георгиевич 210
 Чернов Виктор Михайлович 191, 197, 317
 Черняев Владимир Юрьевич 15, 17–20, 69, 172–183, 198–210, 273–284, 442, 449.
 Чокай-оглы (Чокаев) Мустафа 674
 Чуковский Корней Иванович 177
 Чураков Димитрий Олегович 550
- Шавров Вадим 391, 394
 Шанин Теодор 511
 Шапиро Леонард (Леонид Максимович) 120, 122, 147, 265
 Шарлау Уинфред 114
 Шацилло Михаил Корнелиевич 576
 Шепелёв Леонид Ефимович 538
 Шишкин Александр Александрович 392
 Шишкин Владимир Иванович 662
 Шкаровский Михаил Витальевич 15–16, 384–395, 438
 Шкляревский Геннадий 447
 Штейн Михаил Гиршевич 147
 Шубин Александр Владленович 283
 Шужман Г. 541
 Шульгин Виктор Николаевич 368
 Шульц Пюнтер 391, 392
- Щербина Федор Андреевич 501
- Эбрахам Ричард 137
 Эврич Пол 282, 284, 443
 Эзергайлис Эндрю 16, 38, 644–652
 Эли Джефри 529
 Энгельштейн Лора 371, 414, 481
 Энгерман Дэвид 16, 19, 589–594
 Эндрю Кристофер 318, 325
 Эткинд Александр 438
- Юкина Ирина Игоревна 481
 Юрков Иван Акимович 614
- Яров Сергей Викторович 16, 36, 41, 116–126, 540–550
 Ярчук Ефим 284
 Янсен Марк 230
- Abraham Richard 138
 Abramson Henry 635
 Acton Edward 8, 33
 Adams Arthur 685
 Allworth Edward 623, 674
 Andrew Christopher 325
 Andreyev Catherine 576
 Anweiler Oskar 272, 374, 432
 Appleby Joyce 33
 Arens Olavi 8, 652
 Aronson Gregor (Grigory) 635

- Atkinson Dorothy 355
Attwood Lynne 481
Avrich Paul 284, 450
- Bacon Elizabeth 674
Ball Allan 603
Barkey Karen 15
Bartlett Rosamund 355
Baron Nick 107, 470
Basil John 251
Baumgart Winfried 107
Becker Seymour 460
Benvenuti Francesco 8, 262, 344
Bérelowitch Wladimir 374
Berkman Alexander 280
Bernstein Frances 414
Berzinš Vladis 652
Bettleheim Charles 272
Blackbourn David 538
Bogolepov Alexander 395
Boniece Sally 171
Bonnell Victoria 405
Bortnevski Victor 295
Borys Jurij 685
Bradley Joseph 588
Brinkley George 107
Brooks Jeffrey 383
Broué Pierre 183
Brovkin Vladimir 107, 364, 405, 564
Browder Robert Paul 306
Brower Daniel 333, 603
Burbank Jane 8, 494
Bushnell John 564
- Calhoun Craig 470
Carleton Gregory 414
Carley Michael 107
Carr Edward 126, 345, 424, 588
Carrère d'Encausse Hélène 623
Chamberlain Lesley 494, 519
Chatterjee Choi 481, 556
Chrysostomus Johann 395
Claudin-Urondo Carmen 519
Clements (Newman) Barbara Evans
9, 481, 604
Cliff Tony 183
Coleman Heather 10, 438
Crisp Olga 14
Cross Truman 197
- Daniels Robert 9, 126, 147, 272
Danilov Victor 355
Davies Norman 685
Davies Robert 9, 593, 604
Debo Richard 107, 615
Deutscher Isaak
Dobb Maurice 588, 604
Dziak John 325
- Edmondson Linda 14
Eley Geoffrey 538, 685
Elwood Ralph 262, 481
Engel Barbara 9, 481
Engerman David 16, 593
Erickson John 345
Ezergailis Andrew 16, 652
- Farnsworth Beatrice 272, 481
Feldman Gerald 538
Ferro Marc 59, 564
Fiddick Thomas 107
Figes Orlando 10, 14, 33, 107, 355, 364, 424,
511, 556, 564, 604, 615
Fink Leon 8
Finkel Stuart 494, 519
Fisher Harold 593
Fitzpatrick Sheila 355, 374, 469, 519
Foglesong David 15, 107
Fontenot Michael 138
Frankel Edith Rogovin 538
Frankel Jonathan 405
French Richard 8
Friedgut Theodore 405
Fridenson P. 538
Frumkin Jacob 635
Furet Francois 33
- Galili Ziva 9, 251, 538
Gassenschmidt Christoph 635
Gatrell Peter 9, 59, 470
Geldren James von 556
Germanis Uldis 652
Gerson Lennard 325
Getzler Israel 9, 153
Geurman Mikhail 556
Gill Graeme 511
Gitelman Zvi 635
Glad John 576
Gleason Abbott 519
Golder Frank 593
Goldman Emma 280
Goldman Wendy 481
Gorzka Gabrielle 519
- Haefner Lutz 238
Hagen Mark von 15, 272, 345, 564,
Haimson Leopold 9, 34, 59, 251,
564, 604
Halfin Igal 230, 272
Hardeman Hilde 576
Harding Neil 147
Harrison Mark 9, 593
Hasegawa Tsuyoshi 15, 59, 70
Haumann Heiko 538
Hedda Jennifer 395
Hehn Jürgen von 652
Heinzen James 511

- Hildermeier Manfred 230
 Himka John-Paul 685
 Hirsch Francine 623
 Hoffmann David 415
 Hogan Heather 405
 Holmes Larry 272, 374
 Hosking Geoffrey 13
 Hovannisian Richard 643
 Hunt Lynn 33
 Hunczak Taras 685
 Husband William 395, 415, 438
 Hutchinson Lincoln 593
 Hutton Marcelline 481
- Jacob Margaret 33
 Johnston Robert 576
 Jones D. R. 59
 Jones Stephen 526, 643
- Kazemzadeh Firuz 623, 643
 Keep John 11, 262
 Kellogg Michael 576
 Kelly Catriona 375
 Kenez Peter 9, 295, 383, 519, 527, 557
 Kennan George 107
 Kerensky Aleksander 137, 306
 Ketola Eino 623
 Kiaer Christina 604
 Kimitaka Matsuzato 70
 Kingston-Mann Esther 511, 615
 Kinning Clifford 115
 Klier John 10, 636
 Knight Amy 325
 Kocka Jürgen 538
 Koenker Diane 10, 13, 405, 425, 550, 564, 568, 604
 Kollontai Aleksandra 272, 415
 Kolonitskii Boris Ivanovich 10, 14, 556
 Konecny Peter 375
 Konrad George 494
 Kornblatt Judith Deutsch 635
 Kowalsky Ronald 272
 Kruks Sonia 481
 Kulischer Eugene 470
- Lambroza Shlomo 10
 Lane Christel 557
 Landis Erik 364
 Lapidus Gail 415, 481
 Lazarski Christopher 295
 Leggett George 325
 Leonard Stephen 8
 Levin Nora Gordon 635
 Lewin Moshe 147, 511
 Lieven Dominic 10, 59, 166
 Lih Lars 10, 588, 615
 Lincoln W. Bruce 107, 295, 662
 Longley David 70
- Longworth Philip 501
 Lorimer Frank 604
 Luckett Richard 210
 Lyons Marvin 87
- Maksimov (Maximoff) Grigorii 282
 Malet Michael 364
 Malle Silvana 11, 588
 Mally Lynn 519, 557
 Manchester Laurie 395
 Mandel David 550
 Manning Roberta 460
 Martin Terry 623
 Mawdsley Evan 11, 107, 295, 527, 564, 662
 Mayzel Matitiahu 527
 McAuley Mary 588, 604, 615
 McClelland James 375
 McDaniel Tim 34, 538
 McKean Robert 263, 550
 McNeal Robert 501
 Medlin Virgil 221
 Melancon Michael 11, 70, 230, 238
 Merridale Catherine 8
 Millet Allan Reed 59
 Milukov Paul 494
 Mironov Boris 355
 Misiunas Romuald 8, 652
 Mitrokhin Vasili 325
 Mixer Timothy 511
 Morley James 115
 Morozov Boris 9
- Neuberger Joan 70, 470
 Naiman Eric 604
 Nation R. Craig 345
 Neumann Matthias 519
 North David 183
 Nove Alek 604
- O'Rourke Shane 12, 501
 Olcott Martha Brill 674
 Orlovsky Daniel 12
 Owen Thomas 538
 Ozouf (Ouzouf) Mona 33
- Page Stanley 652
 Park Alexander 674
 Parsons Steven 221
 Patenaude Bertram 183, 594, 615
 Pearson Raymond 12
 Perry Maureen 230
 Pethybridge Roger 383
 Petracci Giorgio 115
 Pinkus Benjamin 636
 Pipes Richard 34, 107, 306, 425, 494, 588, 623
 Pirani Simon 126
 Polan Anthony 147
 Polner Tikhon 470

- Procacci Giovanna 345
Procyk Anna 685
- Rabinowitch Alexander 12, 171, 325, 355
Radkey Oliver Henry 230, 317, 364, 623
Raeff Mark 623
Raleigh Donald 568, 604
Rapp Rayna 481
Rauch Georg von 652
Read Christopher 12, 494, 519
Reid Donald 8
Remington Thomas 550, 568, 588
Rendel Matthew 70, 460
Reshetar John 685
Retish Aaron 511
Rieber Alfred 34, 538, 604
Rice Christopher 230
Rigby Thomas 147, 263
Riha Thomas 160
Rimsha Hans 652
Roobol W. H. 191
Roosa Ruth Amende 539
Roosevelt Priscilla 460
Rosenberg William 10, 13, 34, 77, 221, 306, 405, 425, 519, 539, 564, 568, 604, 623
Rubenstein Joshua 183
- Sakwa Richard 263, 272, 425, 588
Sanborn Josh 59
Saul Norman 564
Savicky Ivan 576
Schapiro Leonard 126, 272, 306
Schlesinger Rudolf 415
Schulz Gunter 395
Service Robert 13, 20, 147, 183, 263, 272, 425, 480
Shkliarevsky Gennady 450
Siegelbaum Lewis 13, 539
Silberfarb Moses 635
Skirda Alexandre 284
Slonim Ilya 115
Smele Jonathan 59, 107, 138, 295, 662
Smith Stephen 13, 34, 230, 405, 450, 550
Snow Russel 663
Sokol Edward Dennis 674
Sorenson Jay 405
Sossinskii Sergei 197
Spence Richard 183
Stableford Tom 8
Stanziani Allesandro 59, 588
Steinberg Isaak 171
Steinberg Mark 550
Stephan John 663
Stewart John 8
- Stites Richard 13, 355, 494, 519, 557
Stockdale Melissa 160, 221
Stoff Laurie 481
Stone Norman 59
Strube Peter 494
Subrenat Jean-Jacques 652
Sunny Ronald Grigor 10, 13, 14, 34, 405, 550, 564, 568, 623, 643
Swain Geoffrey 107, 183, 405
Swietochowski Tadeusz 643
Szelenyi Ivan 494
- Thatcher Ian 183
Thompson John 115
Thurstan Violetta 470
- Vardys Stanley 8, 652
Verner Andrew 166, 557
Viola Lynne 481
Voline [Eikhenbaum V. M.] 685
Volkman Hans-Erich 576
- Ullman Richard 115
Unterberger Betty 115
Upton Antony 623
- Wade Rex 450
Ward Christopfer 8
Wartenweiler David 333
Waters Elizabeth 14
Weiner Douglas 375
Weiss Hellmuth 652
Weissman Benjamin 594
Weissman Neil 355
Wesson Robert 615
Wetting Gerhard 87
Wheatcroft Steven 9, 593
Wheeler Geoffrey 674
White Elizadeth 230
White Howard 14, 564
White John Albert 663
Wildman Allan 14, 20, 70, 87, 97, 527, 564
Williams Robert 14, 576
Wood Alan 8, 662
Wood Elisabeth 415, 481
Worobec Christine 9, 481
Wortman Richard 9, 251
- Yaney George 615
Young Marilyn 481
- Zeman Zdenek 115
Zenkovsky Serge 674

КРИТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
1914–1921

Издание 2-е, дополненное и исправленное

Редактор — *М. В. Голпе*

Дизайн обложки, верстка — *А. А. Зайцев*

Подписано в печать 10.06.2014. Формат 70×100 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 48. Заказ № 3290

Тираж 1000 экз.

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)622-01-23